ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ.

ТОМЪ VII.

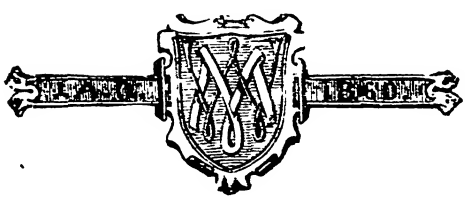
ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ТОМЪ VII.

ИСТОРІЯ НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ (1815 — 1872).

ЧАСТЬ I.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1876

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 мая 1876 г.

Типографія М. О. Вольфа (Спб., по Фонтанкѣ, № 59).

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ

НОВОМУ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ.

Возобновленіе изданія „Всемірной исторіи“ Фр. Хр. Шлоссера наложило на издателя обязанность прибавить къ этому первоначальному произведенію, заканчивающемуся 1815 годомъ, продолженіе, которое повѣствовало бы о событіяхъ до настоящаго времени или, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ нему. Спрошенный издателемъ, я выразилъ желаніе возложить эту задачу на болѣе способное и, въ особенности, менѣе занятое лицо, чѣмъ я. Но, не смотря на усердные поиски, такого лица долго не оказывалось; когда же, наконецъ, на себя принялъ эту задачу д-ръ Бернгардъ въ Боннѣ, то преждевременная смерть, постигшая его 9-го октября 1870 года, еще прежде, чѣмъ онъ приступилъ къ исполненію задачи, положила конецъ нашимъ надеждамъ. Тогда, для того, чтобы добросовѣстно удовлетворить обширный кругъ читателей, который пріобрѣла себѣ Всемірная исторія Шлоссера въ новомъ видѣ, я долженъ былъ рѣшиться, на основаніи предварительныхъ работъ, касавшихся преимущественно цѣлей преподаванія, принять на себя самого рискъ составленія подобнаго продолженія.

Описывать въ видѣ исторически-прошедшаго время, большую часть котораго мы пережили и прочувствовали, какъ бурное настоящее, всегда есть рискованное дѣло; поэтому предлагаемое продолженіе великаго произведенія, полнаго своеобразныхъ преимуществъ, я могу назвать только опытомъ изложенія новѣйшей исторіи. Не говоря уже о другихъ условіяхъ, одно только неизмѣримое обиліе матеріала, композиціи и группировки, представляетъ громадныя трудности, которыхъ не могъ побѣдить даже такой историкъ, какъ Гервинусъ, не прошедшій даже и одной трети пути, и которыхъ не преодолѣлъ удовлетворительнымъ образомъ ни одинъ изъ предпринимавшихъ этотъ трудъ, работавшихъ самостоятельно, или шедшихъ по слѣдамъ этого историка. Я буду доволенъ, если снисходительная оцѣнка въ состояніи

будетъ признать, что предлагаемое изложеніе, обнимающее въ трехъ небольшихъ томахъ время отъ 1815 по 1871 гг., по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь способствовало разрѣшенію задачи, поставляемой исторіографіи подвигающимся впередъ временемъ.

Въ одномъ только пунктѣ каждый, предпринимающій разрѣшеніе этой задачи послѣ 1870 года, встрѣчаетъ болѣе выгодныя условія, даже чѣмъ такой великій историкъ, какъ Шлоссеръ. Шлоссеръ по своему характеризовалъ время послѣ 1815 г. часто приводившимися словами: „это время обмана и лжи, упрямства власть имущихъ и слабости чиновниковъ, время конгрессовъ и протоколовъ, политическихъ преслѣдованій и заговоровъ, надеждъ и разочарованій.“ Мы же, позднѣйшіе, зрѣлый возрастъ которыхъ совпалъ съ періодомъ между 1848 и 1871 гг., съ большею справедливостію можемъ назвать эту эпоху временемъ приготовленія великихъ и спасительныхъ разрѣшеній, временемъ величественнаго преобразованія матеріяльнаго и духовнаго міра совершенно новыми силами, освободившимися въ горячей борьбѣ, и далѣе, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже временемъ исполненія и примиренія. Авторъ, подобно многимъ другимъ, отказался даже во снѣ видѣть, или, въ крайнемъ случаѣ, подобно Моисею, съ горы взирать на обѣтованную землю, въ которой германскій народъ изъ великаго культурнаго народа снова сдѣлается націею въ политическомъ смыслѣ, что вообще придало бы болѣе здоровья и надеждъ всей европейскойжизни. Никто не надѣялся, что увѣреностью, которой онъ держался въ тяжелые дни революціи и реакціи, такъ скоро сдѣлается очевидностію. Безъ сомнѣнія, не всѣ еще надежды осуществились, и теперь на-очереди еще серьезная, можетъ быть самая серьезная, борьба за обезпеченіе пріобрѣтенныхъ благъ; но въ виду того, что̀ дѣйствительно достигнуто, въ виду прочнаго и крѣпкаго положенія, котораго добилась свобода въ сердцѣ Европы, — взглядъ на то время, которое Шлоссеръ описалъ такими мрачными красками, также, можетъ быть, смягчится, потому что и оно, въ періодъ отъ Парижскаго мира до Франкфуртскаго мира, чрезвычайно ясно доказало, что ложь и обманъ, мнимое дѣло и дѣловое бездѣліе всегда недолговѣчны и призрачны, правда же и честный трудъ остаются всегда побѣдителями.

О. Іегеръ.

Кельнъ, декабря 1873.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТЪ ПАДЕНІЯ НАПОЛЕОНА

до

ІЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

1815—1830.

Введеніе.

Тридцатаго мая 1814 г. въ Парижѣ былъ подписанъ миръ, который положилъ предѣлъ великой борьбѣ союзной Европы противъ Наполеона I за независимость. Актъ этого договора былъ подписанъ 5 великими государствами: Австріей, Пруссіей, Англіей, Россіей и Франціей, и въ 32 статьѣ его было постановлено, чтобы всѣ участвовавшія въ войнѣ державы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послали въ Вѣну уполномоченныхъ, которые на общемъ конгрессѣ дополнили бы постановленія этого акта и установили бы частности. Шпага и скипетръ были исторгнуты изъ той могущественной руки, которая впродолженіи двухъ десятилѣтій разбрасывала государства Европы, раздавала и порабощала, по собственному произволу ихъ населеніе; дѣло теперь шло о томъ, чтобы снова упрочить разшатавшуюся Европу и снова соединить различнымъ образомъ сдвинутые, поврежденные и отчасти вывѣтрившіеся камни въ новое зданіе, годное для жилья.

Третьяго ноября 1814 года было открыто въ Вѣнѣ это блестящее и важное собраніе. Само собою разумѣется, что знать, собравшаяся въ веселой придунайской столицѣ, не замедлила вознаградить себя за лишенія и усилія послѣднихъ лѣтъ; балы, рауты, маскарады и фейерверки, каруселн, санная ѣзда и парады смѣняли другъ друга; на сценѣ, съ которой исчезъ Могучій, шумно и съ удобствомъ расположилась возвратившая свои права посредственность; тамъ, гдѣ столько королей создавало новый порядокъ вещей, нашло для себя накрытый столъ и жатву люди обыкновенные—пестрое общество—младшіе принцы, финансисты, евреи, портретные живописцы, всякаго рода промышленники. Недоброжелательные оцѣнщики вычислили, что эти праздничные мѣсяцы обошлись двору не менѣе 30 милліоновъ гульденовъ. Но исторія не можетъ долѣе заниматься увеселеніями и ихъ противоположностію, скуднымъ удовлетвореніемъ инвалидовъ послѣдней войны и голодомъ, который именно тогда заставлялъ тысячи людей эмигрировать изъ Трансильваніи; она останавливается только на прочныхъ фактахъ, которые совокупная государственная политика Европы, какъ она ни была велика или мала, создала на почвѣ, орошенной кровью и покрытой развалинами.

На короткое время, какъ извѣстно, серьезная работа эта была прервана побѣгомъ Наполеона изъ заточенія на островѣ Эльбѣ. Но смѣлая попытка эта быстро довершила гибель этого человѣка, котораго безвозвратно осудилъ всеобщій голосъ Европы. 13 марта 1815 г. приговоръ державъ объявилъ его врагомъ и нарушителемъ покоя міра; несогласія, которыя возникли въ средѣ конгресса и на которыхъ онъ строилъ свои надежды, прекратились въ виду новой, общей опасности, и конвенція между Австріей, Англіей, Пруссіей и Россіей (25 марта) обезпечила сохраненіе Парижскаго мира и исполненіе рѣшеній, какъ уже принятыхъ въ Вѣнѣ, такъ и имѣвшихъ еще быть принятыми. 18 іюня Ватерлооское дѣло уничтожило новое наполеоновское войско, 29 пруссаки явились передъ Парижемъ

куда 9 іюля вошелъ возстановленный вторично Людовикъ XVIII, 10 вступили союзные монархи, и гдѣ, затѣмъ, 20 ноября 1815 г., былъ заключенъ второй Парижскій миръ, дополнившій великое реставраціонное дѣло, которое впредь должно было составить основу для отторгнутой отъ революціи и ея наслѣдника Европы и существенныя постановленія котораго были помѣщены въ исполненномъ 9 іюля того же года, заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса.

Результаты конгресса были собраны въ 121 статьѣ этого важнаго акта, составляющаго исходную точку новѣйшей жизни европейскаго человѣчества. Статьи 1—107 заключали въ себѣ постановленія о раздѣленіи земель, о преобразованіи территоріальныхъ отношеній этой части свѣта, на сколько они выяснились изъ массы тысячекратно сталкивающихся интересовъ, дѣйствительныхъ, или мнимыхъ правъ, при различныхъ торговыхъ сдѣлкахъ и угнетеніяхъ, неумѣренныхъ требованіяхъ и скудныхъ предложеніяхъ, изъ совѣщаній комитетовъ и изъ часто болѣе важныхъ переговоровъ и интригъ, имѣвшихъ мѣсто за кулисами.

Побѣжденною въ послѣдней войнѣ была Франція, и, сообразно съ этимъ, слѣдовало ожидать, что новая организація территоріальныхъ отношеній прежде всего потребуетъ большихъ жертвъ отъ этой именно державы, которая, по крайней мѣрѣ, будетъ ограничена тою областью, которою она владѣла до эпохи своихъ завоеваній. Но эта эпоха началась не съ революціи, или съ Наполеона, а еще съ Ришелье и Людовика XIV. Поэтому справедливо было требованіе, чтобы, по крайней мѣрѣ, Эльзасъ и Лотарингія были отняты у французовъ и снова присоединены къ Германіи; не было также недостатка въ людяхъ съ вѣсомъ и знаніемъ дѣла, которые указывали на то, что неосуществленіе этого требованія ободряетъ и облегчаетъ всякое новое нападеніе со стороны Франціи,—что держава, которая цѣлыхъ два десятилѣтія наполняла всю Европу войною, два раза была побѣждена и все-таки не понесетъ наказанія въ видѣ дѣйствительнаго территоріальнаго ограниченія,—что эта держава будетъ очень склонна воспользоваться ближайшимъ случаемъ для новой завоевательной войны, если сама не подастъ къ этому повода. Однако, когда союзныя войска вошли во Францію, то это получило видъ, будто война ведется только противъ Наполеона, а не противъ Франціи; и, въ силу этой постыдной и гибельной фикціи, по первому парижскому миру, снова бурбонской Франціи были обезпечены границы революціонной Франціи, границы 1 января 1792 года, и, для лучшаго округленія послѣднихъ ей было даже разрѣшено расширеніе своей области; почти на 150 кв. миль. Договоръ этотъ, правда, исключилъ Францію изъ переговоровъ о раздѣленіи областей, но французскій уполномоченный на Вѣнскомъ конгрессѣ, старокоролевскій епископъ и наполеоновскій князь Таллейранъ, мастеръ на всякаго рода дипломатическія штуки, былъ именно тѣмъ человѣкомъ, а конгрессъ тѣмъ мѣстомъ, которые годны были для того, чтобы кривыми путями добиться того вліянія, котораго нельзя было получить прямо: даже вторичная война и побѣда надъ Наполеономъ и Франціей весьма мало ослабили это поразительное покровительство побѣжденной странѣ. Второй парижскій миръ постановлялъ, что границами Франціи будутъ границы 1790 года. Соотвѣтственно съ этимъ, Франція, правда, уступила нѣкоторыя части своей земли на сѣверѣ съ крѣпостями Филиппвилль и Маріенбургъ Бельгіи, на востокѣ Саарлуи, крѣпость Ландау и окрестности — Германіи, на югѣ Савойю и Ниццу—Сардиніи, маленькую область Гексъ между Женевскимъ озеромъ и Юрою, Женевскому кантону; похищенныя при республикѣ и имперіи сокровища искусства были возвращены ихъ собственникамъ; двукратно побѣжденные и совершенно обезоруженные были присуждены къ вознагражденію державъ за военныя издержки въ 700,000,000 франковъ и содержанію союзнаго войска въ 150,000 человѣкъ втеченія 5 лѣтъ: но въ общемъ, державы все-таки держались прежняго заблужденія и заставляли одну только имперію расплачиваться за все то, въ чемъ согрѣшила французская нація, за которою, такимъ образомъ, какъ бы удержали право и полную власть снова угрожать всеобщему миру. Въ глазахъ большинства европейскихъ государственныхъ людей на самомъ дѣлѣ существовалъ только одинъ побѣжденный: свергнутый императоръ Наполеонъ, который былъ въ качествѣ военно-плѣннаго Европы, 16 октября 1815 года, перевезенъ на англійскомъ военномъ кораблѣ и высаженъ на англійскій островъ св.

Елены въ Атлантическомъ океанѣ, который, по соглашенію четырехъ державъ назначенъ былъ его заточеніемъ и, слѣдовало надѣяться, его могилою.

Изъ великихъ державъ побѣдоносной коалиціи Англія не могла уже выиграть ничего болѣе на европейскомъ континентѣ, почему ей легко было придать себѣ видъ безкорыстія, съ самаго начала отказавшись отъ всякаго пріобрѣтенія. Во всякомъ случаѣ, правительство ея интересовалось Ганновером, который съ 1714 г. былъ связанъ съ Англіею родственнымъ союзомъ, общимъ княжескимъ домомъ; но это не было англійскимъ національнымъ интересомъ, и тамъ давно уже пришли къ тому сознанію, что политическое вліяніе имѣетъ часто больше значенія, чѣмъ владѣніе землею. Свое вознагражденіе за убытки держава эта старалась получить въ пріобрѣтеніи колоній и важныхъ морскихъ станцій: такъ Великобританія удержала изъ голландскихъ колоній, которыя во время продолжительной войны противъ Наполеона и его вассаловъ попали въ ея руки, въ южной Африкѣ Капскую землю, которая цѣнна сама по себѣ и еще болѣе цѣнна, какъ станція на пути въ Остъ-Индію; въ южной Америкѣ самые богатые хлопчатобумажные округи, въ Нидерландской Гвіанѣ—Демерари, Эссеквибо, Бербисъ; изъ французскихъ — вестъиндскіе острова Табаго, Св. Лючіи, африканскій Иль-де-Франсъ, вмѣстѣ съ зависящими отъ него землями; въ Средиземномъ морѣ она удержала островъ Мальту, о возвращеніи котораго напрасно старался престарѣлый Іоаннитскій орденъ, переживній всѣ бури. Кромѣ того она получила Іонническіе острова, которые рядомъ съ Гибралтаромъ и Мальтой придавали значительную прочность положенію ея на Средиземномъ морѣ.

Россія, бывшая еще за сто лѣтъ до того варварскимъ государствомъ, въ этомъ случаѣ, при общемъ созданіи мира, впервые проявила вліяніе европейской великой державы. Со времени Петра Великаго она неутомимо стремилась устранить тѣ границы, которыя отдѣляли ее отъ непосредственнаго соприкосновенія съ западно-европейскою жизнію; дальнѣйшій успѣхъ въ этомъ направленіи она сдѣлала еще до войны за освобожденіе тѣмъ, что въ 1809 г. получила отъ Швеціи Финляндію и этимъ одновременно увеличила свои скудныя береговыя владѣнія; теперь она въ окончательномъ обезпеченіи владѣнія Польшею искала награды за все то, что суровость ея зимы, самоотверженіе ея населенія и храбрость ея войскъ сдѣлали для Европы. Конечно, не было недостатка въ желаніяхъ и даже въ попыткахъ возстановить, при этомъ случаѣ, Польшу, какъ самостоятельное государство. Но эти желанія и попытки стремились къ невозможному, къ возстановленію государства, павшаго вслѣдствіе того, что не имѣло въ себѣ самомъ прочности; съ большимъ искусствомъ императоръ Александръ съумѣлъ успокоить умы тѣмъ, что даровалъ Польшѣ самостоятельное національное существованіе подъ русскимъ скипетромъ. Такимъ образомъ, Россія въ сущности достигла своей цѣли. Ст. 7 заключительныхъ актовъ конгресса отдавала ей герцогство Варшавское, за исключеніемъ великаго герцогства Познаньскаго, которое досталось Пруссіи, и маленькой полосы земли вокругъ Кракова, которая подъ именемъ Свободнаго города Краковскаго представляла остатки нѣкогда могущественнаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ статья эта опредѣляла, чтобы поляки получили національное представительство (représentation) и національныя учрежденія, регулированныя, какъ было прибавлено, мѣрою политическаго существованія, какое каждое изъ правительствъ, которому они принадлежатъ, сочтетъ для нихъ полезнымъ и соотвѣтственнымъ.

Лучше всего была вознаграждена Австрія, которая сдѣлала всего менѣе въ общей борьбѣ, болѣе препятствовала, чѣмъ способствовала побѣдѣ надъ Наполеономъ, исказила и испортила весь характеръ войны. Она отказалась отъ Бельгіи, которую уже министръ Тугутъ очень вѣрно назвалъ мельничнымъ жерновомъ на ея шеѣ, и отъ остатка своихъ владѣній въ юго-западной Германіи,—обѣ неважныя потери, а первая можетъ даже скорѣе считаться выигрышемъ. За то она получила обратно то, что потеряла въ войнахъ противъ Наполеона; отъ Баваріи она получила Иннскую область, Тироль и Зальцбургъ; въ Италіи большія и прекрасныя провинціи Ломбардію и Венецію, такъ что она вышла изъ войны съ отлично округленною связанною областью, обнимавшею

великолѣпнѣйшія и плодороднѣйшія земли; приращеніе населенія ея въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда вступилъ на престолъ Францъ II (1792), считалось въ 22 милліона душъ, и даже замѣтили, что конгрессъ, такимъ образомъ, отблагодарилъ за гостепріимство, оказанное ему въ Вѣнѣ. Къ этому присоединилось еще то, что громадное большинство населенія еще было связано единствомъ католическаго вѣроисповѣданія, которое рядомъ съ общею династіею въ тогдашнее время считалось сильнѣйшимъ связующимъ средствомъ. Большая опасность, коренившаяся въ пестрой массѣ племенъ и народовъ, изъ которыхъ была составлена эта имперія, скрывалась тогда еще подъ великолѣпными именами королевствъ, великихъ княжествъ и герцогствъ, украшавшихъ гербъ могущественной Австріи и мало безпокоившихъ такого государственнаго мужа, какъ Меттернихъ, который жилъ только минутою и обращалъ вниманіе только на внѣшній видъ дѣлъ, не понимая дѣйствующихъ въ глубинѣ народной жизни силъ.

Совершенно противоположное направленіе приняли дѣла для второй германской великой державы, Пруссіи. Это государство выставило въ великой европейской борьбѣ противъ всемірной имперіи Наполеона всю свою народную силу, начиная съ короля и кончая послѣднимъ поденщикомъ; оно вступило въ войну, довѣряя своей звѣздѣ, и движимая впередъ соединенною силою отчаянія и воодушевляющей вѣры, съ полнымъ сознаніемъ, что неудача значитъ не только уменьшеніе области, опустошеніе, разграбленіе, военныя контрибуціи, долголѣтняя нужда, но просто погибель. Въ безчисленныхъ войнахъ народъ его, почти поголовно вооруженный, спасалъ честь германскаго имени и еще въ послѣдней битвѣ при Ватерлоо его, никогда не показывавшіе страха воины вызвали рѣшеніе дѣла Заслуга была неоспорима, но при такомъ запутанномъ положеніи, въ которомъ различнѣйшіе интересы и страны соединились для одной великой цѣли, а раздѣленіе и ликвидація въ частности, должны были осуществиться только послѣ побѣды, при такомъ положеніи, дипломатическая ловкость, ясность и твердость были бы одинаково необходимы, какъ воинская храбрость и самоотверженіе. Но именно этого недоставало королю, какъ и первому совѣтнику его, государственному канцлеру князю Гарденбергу, изъ которыхъ первый былъ слишкомъ честенъ и мало ловокъ, а послѣдній слишкомъ непостояненъ и легкомысленъ для того, чтобы съ послѣдовательнымъ государственнымъ эгоизмомъ стремиться къ тому, чтобы цѣна побѣды соотвѣтствовала ея громаднымъ жертвамъ. Правда, по соглашенію съ другими державами, Пруссіи было обезпечено вознагражденіе, которое должно было привести это государство въ такое состояніе, относительно объема и числа населенія, въ какомъ оно было до Тильзитскаго мира; но съ непростительною безпечностію и неумѣлостію, Пруссія упустила обезпечить себѣ формальнымъ образомъ это вознагражденіе, въ видѣ точно опредѣленныхъ величинъ съ именами и числами. Главнымъ вознагражденіемъ для себя она считала Саксонію, король которой, по воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ первый періодъ войны за освобожденіе, запуталъ свою страну тою упорною вѣрностію, съ которою онъ держался союза съ Наполеономъ. Но присоединеніе Австріи къ коалиціи измѣнило характеръ войны, а присоединеніе Баваріи и Вюртенберга, которыхъ можно было упрекнуть въ томъ же, въ чемъ короля Саксонскаго, измѣнило и характеръ всего положенія. Такимъ образомъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ Пруссія съ своими саксонскими требованіями натолкнулась только на сопротивленіе, открытую непріязнь, или скрытыя препятствія. Гарденберга сбивали съ одной позиціи на другую; дѣло зашло даже такъ далеко, что онъ въ отчаяніи собственнымъ письмомъ отъ 3 декабря 1814 г. апеллировалъ къ великодушію Меттерниха и къ справедливости императора Франца; «дорогой князь», было написано на этомъ замѣчательномъ клочкѣ бумаги, «спасите Пруссію изъ ея настоящаго положенія»; а мѣсяцъ спустя изъ-за этого саксонскаго и польскаго вопроса, даже на случай дальнѣйшихъ недоразумѣній, былъ уже заключенъ противъ Пруссіи и Россіи военный союзъ между Англіей, Австріей и Франціей. «Король Саксонскій, сказалъ, какъ увѣряютъ, австрійскій императоръ, «долженъ снова получить свою землю, не то я буду стрѣлять». «На народы Германіи я могу разсчитывать», думалъ онъ прибавить и, можетъ быть, не безъ права. Эта угрожающая опасность была устранена еще до возобновившейся необходимости бороться съ Наполеономъ. Окончa-

тельный же результатъ былъ таковъ, что Меттернихъ могъ поздравить себя съ новымъ преобразованіемъ Пруссіи, скрывавшимъ въ себѣ опасности, изъ которыхъ одной было бы достаточно для того, чтобы въ ближайшую бурю повести къ вѣрному крушенію государственное устройство съ меньшими внутренними силами и здоровьемъ.

Пруссія получила отъ Саксоніи тюрингенскій округъ, весь нижній Лаузицъ, часть верхняго Лаузица, виттенбергскій округъ, части округовъ Мейсена и Лейпцига и др., вмѣстѣ 374 кв. м. съ 845.000 жит.; она получила обратно почти всѣ свои старыя владѣнія между Рейномъ и Эльбою; Вестфалію, большую часть курфиршества Кельнскаго; нассаускія княжества Діецъ, Зигенъ, Гадамаръ, Дилленбургъ; отъ французскихъ областей нѣсколько департаментовъ у Мозеля и Мааса; часть своихъ польскихъ владѣній; отъ Даніи, которой она за это предоставила Лауенбургъ, бывшую прежде шведскую часть Помераніи. Такимъ образомъ, она на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ относительно населенія, если не относительно пространства, снова пришла въ то положеніе, въ которомъ она была до Тильзитскаго мира. Но она отказалась отъ важной восточной Фрисландіи и вслѣдствіе этого отъ весьма важнаго положенія у Сѣвернаго моря, какъ и отъ древнихъ владѣній своего владѣтельнаго дома въ южной Германіи, отъ франкскихъ княжествъ; она получила землю, которая, будучи со всѣхъ сторонъ открытою, занимала длинную линію отъ Мемеля на крайнемъ сѣверо-востокѣ Германіи до Саарбрюкена, на крайнемъ юго-западѣ, и такимъ образомъ, кромѣ Австріи и Швеціи, должна была охранять впредь свои границы одновременно противъ Россіи и противъ Франціи, противъ гигантскаго государства, имѣвшаго тогда около 40.000,000 жит., и противъ сильно сплоченнаго государства съ 28.000,000 жит. Между ея восточными и западными границами, раздѣляя государство на двѣ части, вдвинулись среднія державы и мелкія государства: Ганноверъ, Брауншвейгъ, Гессенъ. Между тѣмъ какъ она такимъ образомъ была открыта со всѣхъ сторонъ для внѣшнихъ нападеній, въ тоже время открылся широкій просторъ и для внутреннихъ затрудненій, такъ какъ три пятыхъ ея подданныхъ были протестанты, а двѣ пятыхъ католики, а послѣдніе, принадлежавшіе преимущественно къ западной части государства и находясь въ сосѣдствѣ съ католическими государствами Франціей и Бельгіей, усиливая такимъ образомъ дѣйствіе естественнаго и историческаго различія между населеніемъ западно-германскимъ, еще значительно затрудняли внутреннее сліяніе обѣихъ половинъ государства, что и безъ того не было легкою задачею.

Менѣе затрудненій, хотя столько же труда, встрѣтило регулированіе отношеній мелкихъ государствъ.

Изъ странъ скандинавскаго сѣвера Данія, со времени событія 1807 г., извѣстнаго бомбардированія англичанами Копенгагена, держала сторону Наполеона, и попытки ея, еще довольно рано, передъ окончательнымъ великимъ разсчетомъ, заключить миръ съ союзниками, не были приняты во вниманіе. Въ Кильскомъ мирѣ (14 января 1814) она должна была принять условія побѣдителей. Норвегію, находившуюся съ 1535 г. подъ господствомъ Даніи, она уступила Швеціи, которая такимъ образомъ была вознаграждена за потерю Финляндіи — отнятую Россіей и острова Гельголанда, оставшагося въ рукахъ Англіи. Данія въ вознагражденіе получила шведскую Померанію; впослѣдствіи, какъ мы уже замѣтили, она ее уступила Пруссіи, за Лауенбургъ и милліонъ талеровъ. По языку и по нравамъ у норвежцевъ болѣе общаго съ датчанами, нежели съ шведами, отъ которыхъ они отдѣлены развитіемъ своей исторической жизни и цѣпью по большей части трудно проходимыхъ горъ, какъ бы стѣною прорѣзывающихъ Скандинавскій полуостровъ на двѣ части; эти географическія, историческія и статистическія причины вскорѣ выразились: Норвегія не подчинилась приговору; она объявила себя независимою и избрала въ короли датскаго принца Христіана Фридриха. На рейхстагѣ въ Эйдсвольдѣ, въ приходѣ Аггергуусъ, издана была конституція, чисто демократическая, вполнѣ соотвѣтствующая потребностямъ бѣднаго, простаго и суроваго народа. Когда же шведскій наслѣдный принцъ, выказавшій себя съ такой невыгодной стороны въ теченіе войны съ Наполеономъ, съ войскомъ явился въ Норвегію, датскій принцъ

отказался отъ престола и предоставилъ странѣ полную свободу дѣйствій и рѣшеній. Въ конвенціи, подписанной 14 августа 1814 года, Норвегія признала королемъ шведскаго короля, а онъ съ своей стороны обязался признать независимость страны и подтвердить эйдсвольскую конституцію. Итакъ, 4 ноября того же года, Карла XIII провозгласили норвежскимъ королемъ. Но этотъ союзъ не возлагалъ на Норвегію никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ. Швеція и Норвегія по прежнему оставались двумя отдѣльными государствами и слѣдовательно планъ не удался поставить съ этой стороны достаточное препятствіе, оплотъ отъ возрастающаго и распространяющагося могущества Россіи.

Въ отношеніи Франціи, хотя на короткое время, эта самая цѣль казалась болѣе выполнена преобразованіемъ Нидерладскихъ областей. Голландское колоніальное могущество потерпѣло сильный ударъ отъ Англіи во времена Наполеона; а между тѣмъ интересы Англіи требовали, чтобы довольно сильное и дружественное ей государство находилось на томъ мѣстѣ, гдѣ Англія и материкъ Европы ближе всего сходятся, и служило бы ей преградой отъ Франціи и ея ненасытной страсти къ завоеваніямъ. Вотъ побудительная причина, заставившая Англію на конгрессѣ такъ сильно отстаивать права и выгоды принца Оранскаго. Такимъ образомъ Голландія пріобрѣла Бельгію, герцогство Люксембургъ и епископство Лимбургъ, которыя вмѣстѣ составили великое герцогство Люксамбургское; оно должно было служить принцу вознагражденіемъ за уступленныя имъ Пруссіи нассаускія владѣнія. Принцъ принялъ тятулъ короля Соединенныхъ Нидерландовъ. Такимъ образомъ поверхностная политика соединила двѣ страны, раздѣленныя религіей, языкомъ и нравами и которыя, въ XVI вѣкѣ, только на самое короткое время могли соединиться для общей защиты отъ невыносимой тиранніи испанскаго своеволія.

Гораздо легче было возстановить и устроить дѣла южной Европы: Португалія еще до послѣдней великой борьбы освободилась отъ наполеоновскаго владычества, и здѣсь также, какъ и въ Испаніи, не было никакихъ территоріальныхъ недоразумѣній. Конгрессу тутъ нечего было дѣлать; законный государь, отъ имени котораго и вся война была ведена, спокойно возвратился къ своему народу и занялъ свое мѣсто.

Немного запутаннѣе были дѣла Италіи; но и здѣсь новые порядки не встрѣтили затрудненій. Королевство Неаполитанское опять перешло въ руки своихъ прежнихъ владѣтелей изъ Бурбонской династіи; попытки короля Мюрата утвердить за собою мѣсто посреди представителей старинныхъ европейскихъ династій ему не удались; Австрійцы въ 1815 году 21 мая заняли столицу, а въ октябрѣ того же года несчастный Мюратъ поплатился жизнію за свое недолгое царствованіе. Король Сардиніи такимъ же образомъ получилъ обратно свои континентальныя владѣнія и кромѣ того они были значительно увеличены присоединеніемъ къ нимъ Савойи, Ниццы и республики Генуи. Церковную область тоже возстановили: но Авиньонъ и Венессенъ остались за Франціей, а въ двухъ укрѣпленныхъ городахъ ея провинцій, или, какъ выражаются въ Церковной области, ея легатствъ, Команхіо и Феррара, австрійцы получили право содержать свои гарнизоны; это послужило достаточнымъ поводомъ къ протесту со стороны папы, столько же безсильному въ отношеніи къ вѣнскому конгрессу, какъ такой же протестъ противъ рѣшеній Вестфальскаго мира. Тоскана по правамъ второстепенныхъ линій, досталась брату императора, а Модена, его двоюродному брату, Фердинанду Францу IV; Піаченца, Парма и Гуасталла, императрицѣ Луизѣ, супругѣ Наполеона, имѣвшей на это владѣніе права, какъ эрцгерцогиня австрійская; послѣ смерти ея владѣнія должны были перейдти къ испанской линіи Бурбоновъ, которая тогда обязана была Луку уступить Тосканѣ. Австрійское вліяніе такимъ образомъ взяло перевѣсъ въ Италіи и опиралось преимущественно на двухъ самыхъ большихъ и многолюдныхъ провинціяхъ. Политическаго единства въ этой странѣ не существовало; всѣ ея разрозненныя части сходились только на нѣкоторыхъ первоначальныхъ пунктахъ—на единствѣ языка, литературы и воспоминаній давно прошедшихъ великихъ временъ и событій. Только въ позднѣйшія времена всѣ разрозненные народы ея соединились въ одномъ

плодотворномъ и живительномъ чувствѣ ненависти къ иноземнымъ нравамъ и къ иноземному господству.

Оставались еще двѣ страны, представлявшія для конгресса двѣ задачи: устроить ихъ территоріальныя отношенія и позаботиться о взаимномъ отношеніи этихъ территорій при новомъ устройствѣ ихъ политическихъ конституцій; мы говоримъ о Швейцаріи и Германіи.

Швейцарія по положенію своему между Австріей, Франціей, Германіей и Италіей занимаетъ немаловажное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ; внутреннему строенію ея Наполеонъ далъ порядокъ посредствомъ своей истинно спасительной и благодѣтельной государственной мѣры — посредническимъ актомъ отъ 19 февраля 1803 года; но во время вѣнскаго конгресса, занятаго дѣломъ общаго умиротворенія, отдѣльные кантоны все болѣе и болѣе запутывались въ областныхъ и конституціонныхъ спорахъ, которые, безъ вмѣшательства конгресса и безъ назначеннаго имъ швейцарскаго комитета, никогда не пришли бы къ концу. Изъ разсужденій комитета Швейцарія вышла, какъ союзное государство, состоящее изъ 19 кантоновъ, къ которымъ еще были причислены: Валлисъ, Женева и прусское княжество Невшатель. Конституція сдѣлала одинъ шагъ назадъ къ посредническому акту; она расширила кругъ дѣятельности верховной власти кантоновъ, и установила одну политическую власть между мелкими, мельчайшими и самыми мелкими общинами ихъ, но подчинила ихъ другъ другу такъ, что сдѣлала ихъ неспособными къ здоровому развитію и возрастанію, потому что вся дѣятельность ихъ ограничивалась только тѣмъ, чтобы поддерживать, укрѣплять обезпечивать конституцію областей 21 верховныхъ кантоновъ, а вовсе не стремилась создать органы, способные принять участіе въ общемъ законодательствѣ и способные быть представителями общихъ потребностей и стремленій. Само собою разумѣется, вся собравшаяся Европа не могла бы одарить Швейцарію этимъ единствомъ, если бы въ самомъ народѣ не находилось стремленія къ нему.

Подобный же ходъ приняло дѣло устройства и преобразованія Германіи. Для того, чтобы уравновѣсить обладаніе поземельное, постановили: Саксонія сохранила только двѣ пятыхъ своей первоначальной территоріи, и королевскій титулъ; Бавaрія получила великое герцогство Вюрцбургъ, княжество Ашаффенбургъ, прирейнскій Пфальцъ и часть Фульды; переговоры съ Австріей, по случаю нѣкоторыхъ статей касательно этихъ пріобрѣтеній, окончились только 14 апрѣля 1816 года. Вюртембергъ сохранилъ королевскій титулъ и то, чѣмъ пользовался, благодаря дружбѣ Наполеона; тоже надобно замѣтить и о Баденѣ. Его государь еще въ 1806 году свой титулъ курфюрста промѣнялъ на болѣе современный, великогерцогскій. Гдѣ можно было, ограничились возстановленіемъ существовавшаго, какъ напримѣръ Кургессенъ; Ганноверъ получилъ отъ Пруссіи епископство Гильдесгеймъ, городъ Госларъ, восточную Фрисландію, нижнее графство Лингенъ и нѣсколько мелкихъ областей, а курфюрстъ, король Великобританіи, и въ Ганноверѣ принялъ титулъ королевскій. Герцоги Веймарскій, Ольденбургскій и Мекленбургскій удовольствовались титуломъ Великаго герцога. Великій герцогъ Гессенскій, въ вознагражденіе заступленныя Пруссіи области, получилъ область съ 140,000 жителей, съ Майнцемъ на лѣвомъ берегу Рейна, такъ что охрана рейнской границы теперь была предоставлена Пруссіи, Баваріи, Бадену, Гессену и Нассауу. Послѣ волненія и бурь послѣдняго десятилѣтія, Германія, хотя и сильно пострадала, но все-таки осталась еще сильна; кромѣ тѣхъ германскихъ территорій, которыя въ то же время составляютъ и европейскія державы, а именно: Австрія, Пруссія, Данія и Нидерланды — Германія насчитывала 4 королевства, 1 курфюршество, 6 великихъ герцогствъ, 14 герцогствъ и княжествъ различныхъ величинъ, 4 вольныхъ имперскихъ города: Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ. Этотъ новый составъ упростилъ и исправилъ положеніе дѣлъ, особенно если припомнить, что за столѣтіе до того, не считая имперскихъ рыцарскихъ областей, она насчитывала около 300 верховныхъ (суверенныхъ) территорій, изъ которыхъ можетъ быть около 80 имѣло менѣе 12 милль пространства.

Но такое улучшеніе было не прочно. Задача найдти приличную политическую форму для этихъ мелкихъ владѣній различныхъ величинъ, отъ 3 кв. миль

до 5,000 к. м., и отъ 6,000 жит. до 10,000,000 жит., по-прежнему оставалась трудно-разрѣшимою, и тѣмъ, что дробленіе ихъ на картѣ было менѣе пестро, затрудненіе еще не устранялось. И такъ, приличную форму все-таки надобно было найдти. Хотя Германія въ послѣднее столѣтіе много потерпѣла отъ внутренняго броженія идей, отъ внутренняго процесса преобразованій, отъ внѣшнихъ сильныхъ потрясеній и уже на столько ослабѣла, что повидимому готова была распасться на свои первоначальныя составныя части, тѣмъ не менѣе все-таки она еще не низошла, подобно Италіи, къ простому географическому понятію. Славное возрожденіе духовной и литературной дѣятельности столько же, сколько съобща выстраданный позоръ рабства и съобща употребленное усиліе сбросить его, пробудили угасавшій уже духъ народности и воспламенили его. Великія событія послѣдняго времени дали могучій полетъ этому вновь пробужденному патріотическому чувству; многіе благородные люди, склонные къ фантазіямъ, погружались въ созерцаніе протекшаго величія своего отечества, возгарали къ нему пламенной любовью, украшали идеальное будущее блестящими картинами величія, смѣло устраняли всѣ препятствія и затрудненія, какія имъ ставила прозаическая дѣйствительность, и смѣло требовали возстановленія императора и имперіи. Но по шестому пункту парижскаго мирнаго договора находился для нихъ уже готовый дѣловой отвѣтъ: «Германскія государства будутъ независимы и между ними существовать должна только федеративная связь». На конгрессѣ еще сильно и энергически поддерживалась мысль о возстановленіи государства—имперіи. За это возстановленіе стояла могущественная партія: многіе князья, большая часть дворянства и даже самъ папа, но только съ своей точки зрѣнія и съ своими ограниченіями. Но противниками явились прежде всего князья Рейнскаго союза, преимущественно Бавар ія и Вюртембергъ, которые съ циническою откровенностію отъ 20 октября 1814 г. высказали несообразность идеи: «Изъ такихъ различныхъ народностей, каковы Пруссія и Баварія, создать какъ бы одну націю»; противниками единства Германіи были иностранныя державы, которымъ по многимъ причинамъ одна сильная, соединенная въ одно цѣлое Германія была не совсѣмъ пріятна, но самое главное—исполненію этого плана противилась всемогущая сила обстоятельствъ дѣйствительности, обстоятельства эти не были нагромождены рукою произвольныхъ, или злобныхъ людей, но они сами собою выросли изъ ея историческаго быта въ теченіи многихъ столѣтій. Начиная съ императора Франца, на котораго съ самаго перваго мгновенія взоръ обратился, затрудненія громоздились: онъ не хотѣлъ и слышать о коронѣ, такой легкой съ перваго взгляда и такой давящей въ самомъ дѣлѣ; въ немъ еще было живо то самое чувство, которымъ онъ руководился, когда въ 1806 г. самъ снялъ съ себя эту корону, какъ непосильную по своей тяжести. Съ другой стороны Гумбольдтъ, въ своей памятной запискѣ, прямо объявилъ, что Пруссія ни въ какомъ случаѣ не подчинится вліянію императора дѣйствительнаго, а не номинальнаго. Меттернихъ, подобно своему государю, не увлекался идеальными стремленіями и считалъ ихъ непримѣнимыми въ дѣлахъ государственныхъ и отечественныхъ, полагая, что «обширная система договоровъ и союзовъ между германскими князьями для внѣшней и внутренней защиты, нисколько не касаясь до внутренняго устройства союзныхъ державъ», вполнѣ могла бы удовлетворить всѣмъ потребностямъ страны. Между тѣмъ въ печати появлялись записки, разсужденія, брошюры и протоколы, въ которыхъ разсматривали и оспаривали вопросъ; отъ единодержавной конституціонной формы перешли къ дуалистической, утверждая первенство за Австріей и Пруссіей; далѣе перешли къ союзу съ пятью руководящими главами; думали даже о возстановленіи древняго областнаго раздѣла; потомъ предлагали «полную самостоятельность и свободу» членовъ союза, подъ одною верховною главою; наконецъ послѣ всѣхъ толковъ осталось однакожь дробленіе безъ главы и вообще безъ всякаго единства формы. Время проходило въ напрасныхъ усиліяхъ отыскать государственное единство для націи, раздѣленной не только на множество членовъ, но еще раздвоенной роковымъ различіемъ интересовъ Австріи и Пруссіи, хотя на время позабытою, но тѣмъ не менѣе существующею противоположностью стремленій католицизма и протестантизма; сколько ни бились, но квадратуры этого круга отыскать не могли. Чтобы дѣло какъ нибудь привести къ концу, кончилось тѣмъ, что па-скоро набросали «Германскій

союзный актъ»; 8 іюня 1815 года онъ вошелъ въ составъ актовъ вѣнскаго конгресса даже не въ видѣ отдѣльной германской конституціи, а просто, какъ одинъ изъ пунктовъ. Мы познакомимся съ нимъ поближе. Вторая статья считаетъ цѣлью вновь созданнаго германскаго союза «сохраненіе внѣшней и внутренней безопасности Германіи и независимость и неприкосновенность отдѣльныхъ германскихъ государствъ». Германская имперія болѣе не существовала, она уничтожилась вмѣстѣ съ своею короной; и если ей суждено было вновь возникнуть, или, правильнѣе, вновь быть созданной, то это могло случиться не сегодня и не завтра, и ни въ какомъ случаѣ не въ Вѣнѣ.

Въ этомъ заключались существенныя черты, созданныя вѣнскимъ конгрессомъ. Блестящія надежды, съ какими всѣ взялись за оружіе противъ притѣснителя Европы, не сбылись. Сильная борьба народовъ мало-по-малу перешла въ кабинетную и на конгрессѣ болѣе обсуживали интересы личные, или монархическіе, или династическіе, а не интересы народные. При разграниченіи областей вовсе не обращали вниманія на желанія и потребности жителей, а если и обсуживали этотъ вопросъ, то очень поверхностно и только мимоходомъ; преимущественно брали въ разсчетъ династическіи отношенія, или какъ Талейранъ многозначительно и остроумно выразился, взвѣшивали законность (Legitimität) и смотрѣли на опредѣленіе областей съ финансовой и статистической точки зрѣнія: брали въ разсчетъ число квадратныхъ миль, число жителей и податную силу, какъ она значилась по статистическимъ таблицамъ. «Ваше величество, сказалъ кто-то датскому королю, «пріобрѣли себѣ всѣ сердца народа». — «Всѣ сердца, возразилъ онъ, но къ сожалѣнію ни одной души». Теперь также, какъ въ былыя времена, народы раздѣляли и обмѣнивали, какъ безсмысленныя стада животныхъ; въ договорахъ говорилось о половинахъ и третяхъ души; послѣднее далеко нелестное названіе давали подданнымъ медіатизированныхъ владѣній; съ тѣхъ поръ, какъ народы побывали въ наполеоновской школѣ, такой размѣнъ и обмѣнъ производился еще съ меньшими затрудненіями.

При регулированіи областей на непосредственный интересъ народовъ мало обращали вниманія, но совсѣмъ выпустить ихъ изъ вида нельзя было. Такъ, напримѣръ, въ одной статьѣ заключительнаго акта объявлено уничтоженіе торговли неграми, въ двухъ-трехъ другихъ говорится о свободномъ плаваніи по рѣкамъ, протекающимъ различныя страны. Также въ нѣкоторыхъ изъ 20 статей германскаго союзнаго акта упоминается кое-что въ пользу народовъ, правители которыхъ такъ много пріобрѣтали. Сами правители, казалось, чувствовали, что холодныя опредѣленія о возстановленіи троновъ, или о вымѣнѣ областей и государствъ не взвѣшиваютъ принесенныхъ народами жертвъ и что контрастъ между одушевленнымъ патріотическимъ чувствомъ, съ какимъ всѣ спѣшили на войну, и между прозаическимъ разочарованіемъ, какое всякій выносилъ изъ постановленій вѣнскаго конгресса, слишкомъ рѣзокъ. Всѣмъ казалось, что идеальное одушевленіе, еще наполнявшее всѣ сердца, слѣдуетъ удовлетворить, если не сообразными дѣлами, то по крайней мѣрѣ ласковыми словами и обѣщаніями на будущіе, лучшіе дни. Такого рода сознаніе и настроеніе вызвало политическо-религіозный союзъ, заключенный непосредственно тремя монархами: русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ, безъ вмѣшательства и содѣйствія министровъ, и извѣстный подъ названіемъ священнаго союза (St. alliance). Въ введеніи къ этому акту говорится, что три монарха торжественно обѣщаются строго исполнять, какъ во внутреннемъ управленіи своихъ государствъ, такъ и въ политическомъ отношеніи къ внѣшнимъ, правила строгой христіанской справедливости, кротости и мира. Далѣе, въ трехъ слѣдующихъ статьяхъ договора говорилось, что эти три государя будутъ смотрѣть другъ на друга, какъ братья и поддерживать другъ друга братски; на ввѣренные же имъ народы и арміи смотрѣть въ томъ же духѣ и управлять ими такъ, какъ отецъ управляетъ дѣтьми. Своимъ подданнымъ они совѣтуютъ ежедневно упражняться и укрѣпляться въ духѣ христіанскихъ обязанностей, сообразуясь съ правилами той христіанской религіи, которую они, какъ представители трехъ различныхъ вѣроисповѣданій, находятъ единой истинной. Затѣмъ они приглашали всѣхъ остальныхъ единомыслящихъ съ ними государей приступить къ священному союзу: изъ него исключали султана, какъ магоме-

танина и папу, какъ государя неспособнаго войдти въ союзъ съ схизматиками и неспособнаго, по своему политически-религіозному положенію, войдти въ соглашенія и уступки, несовмѣстныя съ его значеніемъ, какъ непогрѣшимаго представителя единой истинно христіанской церкви. Къ священному союзу приступили почти всѣ европейскіе государи; англійское правительство охотно признало благородныя и безкорыстныя цѣли его, въ которыхъ нельзя было найдти погрѣшности, если строго имъ слѣдовать; но не смотря на полное одобреніе, имъ данное, англійское правительство все-таки формально не вступило въ союзъ.

Впослѣдствіи, во время общаго недовольства существующимъ порядкомъ, во времена броженія умовъ и разочарованія, на этотъ священный союзъ смотрѣли, какъ на скрытый заговоръ самодержавныхъ государей противъ всѣхъ конституціонныхъ началъ, на какія народы могли бы предъявить свои требованія. Такой взглядъ на этотъ союзъ совершенно несправедливъ и вызванъ только озлобленными умами; онъ несправедливъ въ отношеніи императора Александра, перваго основателя союза, человѣка благороднаго, съ возвышеннымъ образомъ мыслей и тонкимъ чувствомъ; человѣка, способнаго принимать религіозныя впечатлѣнія и предаваться имъ; столько же несправедливо это подозрѣніе и въ отношеніи прусскаго короля: перенесенныя несчастія и чувствительныя потери, вынесенныя имъ въ этой войнѣ еще съ большею силою развили въ немъ глубоко-религіозное чувство, составлявшее основу его характера; что же касается до императора Франца, то ему не большаго труда стоило высказать мнѣнія на столько общія, что могли одинаково быть приноровлены ко всякаго рода политическому воззрѣнію, подобно тому, какъ революціонныя правила—*свободы, равенства и братства*,—также легко укладываются во всякаго рода политическую форму.

Тотъ же самый укоръ, которымъ заклеймили этотъ краеугольный камень конгресса, поразилъ и всѣ постановленія его. Правда, нѣкоторые члены его забывали иногда дѣло изъ-за удовольствій, такъ, напримѣръ, вюртембергскій уполномоченный, г. фонъ-Люнденъ, очень часто въ изящно написанныхъ французскихъ записочкахъ извинялся въ томъ, что не можетъ присутствовать при важныхъ засѣданіяхъ по причинѣ назначенной и неотмѣнимой охоты и т. п.; допустимъ, что легкомысліе, узкіе взгляды, бѣдное пониманіе и т. п. убожества были причиной многихъ упущеній и недостатковъ акта, но тѣмъ не менѣе задача представляла такія неисчислимыя трудности, что даже при самомъ ревностномъ стараніи умовъ исключительныхъ глубокихъ и серьезныхъ, какихъ въ конгрессѣ тоже было не мало, едва ли могло быть выполнено болѣе того, что сдѣлалъ конгрессъ, а именно дать Европѣ новый *внѣшній* видъ порядка и новую форму ея политическихъ отношеній. Это выполнилъ конгрессъ, дальше этого—ничего; но если съ одной стороны, онъ изъ великихъ событій предшествовавшаго времени ничего болѣе создать не могъ, то и съ другой, не могъ ни остановить, ни отвратить дальнѣйшаго развитія европейской жизни, необходимо долженствовавшей возникнуть изъ предшествовавшихъ событій.

Прежде всего нельзя было отрицать существованія двухъ великихъ фактовъ, которые составляютъ исходный и заключительный пунктъ только-что прожитой эпохи—французской революціи съ 1789 до возрожденія патріотическаго духа народовъ въ 1812—1814 годахъ. Тутъ въ народной жизни является новое начало, обозначимъ его словомъ, очень часто употребляемымъ,—*демократическимъ принципомъ*, т. е. принципомъ политическаго самоопредѣленія народа; повинуясь непреложной силѣ Провидѣнія, въ силу этого самаго начала европейскія державы—Англія, Испанія, Россія и Германія—соединились и возстали противъ новаго деспотизма, возникшаго изъ отчаяннаго положенія Франціи, истерзанной злоупотребленіемъ необузданной свободы. Движенія 1789 года придали характеръ *сознательныхъ* требованій искони полусознательнымъ, или безсознательнымъ стремленіямъ къ политической независимости, существовавшимъ во всѣхъ характерахъ людей благородныхъ и возвышенныхъ и тѣмъ удесятерили ихъ силу и значеніе. Движеніе 1813 г., и тѣ, которыя способствовали къ его обнаруженію, вызвали патріотическое національное начало, посредствомъ котораго рушилась попытка универсальной монархіи, къ которой Франція стремилась, въ силу собственнаго славолюбія народа и вслѣдствіе ненасытнаго честолюбія Наполеона.

Изъ общаго возстанія и совокупныхъ усилій, народы Европы вынесли живительное и укрѣпляющее сознаніе общности интересовъ и чувство европейскаго единства, какого никогда до тѣхъ поръ въ такой силѣ не выказывалось. Общимъ соединеннымъ усиліямъ европейскаго возстанія удалось выполнить одну часть задачи — возстановленіе незасивимости народовъ Европы — и этотъ успѣхъ, хотя не безъ недостатковъ и не вполнѣ, былъ все-таки освященъ и подтвержденъ вѣнскимъ конгрессомъ. Второй задачи, кромѣ независимости народовъ, основать ихъ свободу, какъ того желали и надѣялись пылкіе мечтатели, конгрессъ не выполнилъ; да и самое требованіе, чтобы задачу эту разрѣшилъ одинъ могущественный, и одинъ мудрый, или многіе могущественные и многіе мудрые, само по себѣ есть заблужденіе. Потому что свобода, сдѣлавшаяся милліоны разъ повтореннымъ изреченіемъ текущаго столѣтія, не есть простое благо, которое неминуемо соединено съ извѣстнымъ государственнымъ устройствомъ и которое придетъ само собою съ введеніемъ извѣстнаго написаннаго законодательства, съ распространеннымъ избирательнымъ правомъ, правомъ голоса и другими внѣшними учрежденіями: напротивъ обширное понятіе свободы обнимаетъ прежде всего цѣлый рядъ общественныхъ и нравственныхъ учрежденій и силъ, развитію которыхъ хотя и могутъ способствовать политическія права, извѣстные законы, или примѣры выдающихся личностей, или замедлять ихъ, но во всякомъ случаѣ, оно подобно всякой силѣ и всякой добродѣтели есть исключительная особенность, какъ одного человѣка, такъ и цѣлаго народа и можетъ быть пріобрѣтена долгимъ и тяжкимъ трудомъ, прежде всего честною работой.

Для такого-то труда, заключающаго въ себѣ цѣлый рядъ нравственныхъ задачъ, арена была открыта.

Насъ занимаютъ успѣхи и удачи, неуспѣхи и неудачи различныхъ народовъ въ борьбѣ изъ-за этого единаго блага—свободы, которая по истинѣ есть вѣнецъ всѣхъ государственныхъ благъ, и преобладающій интересъ всѣхъ историческихъ воззрѣній, средоточіе такъ далеко расходящихся многосторонникъ, несовмѣстимыхъ въ одномъ понятіи стремленій времени, за ходомъ котораго мы слѣдимъ и стремимся подвести его къ одному общему закону, хотя мы сами еще находимся въ потокѣ его и вокругъ насъ волны его плещутъ и бушуютъ.

Принимаясь за изложеніе послѣднихъ историческихъ событій, постараемся сперва опредѣлить отношеніе этого періода времени къ цѣлому составу всемірной исторіи.

Начальная и конечная форма историческаго хода событій лежатъ внѣ области наблюдателя и нѣтъ возможности уловить ихъ въ опредѣленныхъ фактахъ, или числахъ. Какъ далеко бы мы, при помощи науки, ни восходили въ прошедшее, потокъ человѣческой исторіи все-таки дойдетъ до точки, съ которой мы ничего дальше не можемъ видѣть, въ неисходной пустынѣ мрака и невѣдѣнія. Наблюдателю потокъ всемірной исторіи дѣлается доступнымъ только съ того мгновенія, когда онъ выбивается изъ этой дикой, покрытой туманомъ древности; далѣе можно слѣдить за всѣми его изгибами и изворотами, можно опредѣлять и извѣдывать его теченіе, и его можно довести до самаго конца. Но гдѣ и когда конецъ его?

Какъ исходной точки того, что мы называемъ всемірной исторіей, отыскать и опредѣлить нельзя, точно также неизвѣстенъ конецъ ея, который придвигается, отодвигается и измѣняется съ каждымъ днемъ, часомъ и минутой. Если историческій ходъ можно сравнивать съ потокомъ, истокъ котораго неизслѣдованъ, недоступенъ и теряется въ заоблачныхъ высотахъ неприступныхъ горъ, такъ и устье его можно сравнивать съ такимъ потокомъ, который ежедневно и ежечасно измѣняетъ свое тлченіе, воды котораго то осаждаютъ новыя земли, то разрушаютъ и уносятъ издревле существовавшія и что день, то являютъ новое русло, или новые берега. Окончательная точка исторіи есть настоящее мгновеніе, которое тоже измѣняется съ ходомъ времени и изъ настоящаго съ слѣдующимъ моментомъ становится прошедшимъ; съ каждымъ новымъ мгновеніемъ въ жизни человѣчества происходятъ событія, достаточно важныя, которыя будущему изыскателю представятъ достаточно матеріаловъ для дальнѣйшихъ всемірныхъ историческихъ соображеній и выводовъ.

Извѣстно, что принято обыкновеніе исторію человѣчества раздѣлять на древ-

нюю, среднюю и новую. Не смотря на все свое несовершенство, это раздѣленіе все-таки пользуется правомъ давности; у него есть великое преимущество, каждому раздѣленіе свойственное и оно служитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ историческихъ знаній. Исторію новыхъ временъ, самымъ новѣйшимъ отдѣломъ которой мы будемъ заниматься, нѣкоторые очень неудачно начинаютъ далеко не господствующимъ, а второстепеннымъ событіемъ, взятіемъ Константинополя въ 1453 году османскими турками; гораздо правильнѣе иные начинаютъ ее открытіемъ Америки Христофоромъ Колумбомъ, въ 1492 году; но большинство гораздо основательнѣе начинаетъ ее съ не столько замѣтнаго, но гораздо важнѣйшаго происшествія, которое хотя не вызвало къ жизни, но впервые обнаружило тѣ противоположности, которыя съ тѣхъ поръ господствовали и сдѣлались такимъ образомъ средоточіемъ и началомъ новаго образа жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Это событіе—обнародованіе тезисовъ Лютера противъ силы отпущенія грѣховъ (31 октября 1517 г.). Новое время, начавшееся этимъ по своимъ формамъ такимъ простымъ, а по своимъ послѣдствіямъ такимъ важнымъ событіемъ, само собою раздѣляется на три большихъ періода: отъ 1517 — 1648, отъ 1648—1789 и отъ 1789 до настоящаго мгновенія. Первый изъ этихъ большихъ періодовъ, отъ 1517 до 1648, заключаетъ въ себѣ время религіозныхъ волненій. Противоположный другъ другу католицизмъ и протестантизмъ ведутъ между собою борьбу на жизнь и на смерть; до тѣхъ поръ, пока партіи не истощили своихъ силъ и пока не догадались, что онѣ должны выносить существованіе другъ друга и пока не помирились, или правильнѣе не подписали перемирія въ вестфальскомъ мирномъ договорѣ 1648 года. Въ слѣдующемъ затѣмъ періодѣ, отъ 1648 — 1789, религіозныя иден и споры уступаютъ мѣсто государственной идеѣ, наступаетъ время княжескаго абсолютизма: государство съеживается и втѣсняется въ лицѣ князя-правителя и онъ, не обращая вниманія ни на что, энергически и безпощадно поддерживаетъ свое верховное право въ отношеніи покорныхъ и непокорныхъ элементовъ своихъ областей. Но и этому стремленію Провидѣніе поставило предѣлъ и мѣру; въ обаяніи гордости, думая созидать себѣ и своему потомству вѣчное, незыблемое зданіе, правители сами работаютъ надъ своимъ паденіемъ. Здѣсь самъ деспотизмъ, въ невѣдѣніи, пролагаетъ свѣту пути въ сердце народовъ; тамъ чрезмѣрное давленіе изощряетъ взоръ притѣсненныхъ и открываетъ имъ недостатки въ общественномъ бытѣ; на ту же сторону направлены произведенія людей передовыхъ, просвѣщенныхъ, недоступныхъ для чувства внѣшняго и побѣдоносно идущихъ своимъ путемъ; такимъ образомъ въ странѣ, гдѣ гнетъ внѣшнихъ притѣсненій и безпокойная подвижность умовъ сильнѣе всего выказывалась, а именно во Франціи, потокъ новыхъ идей и убѣжденій пробилъ себѣ путь съ новою силою и принесъ съ собою новую эпоху, отъ прилива и отлива которой зависитъ наше собственное существованіе, принесъ періодъ глубокихъ движеній цѣлыхъ народовъ, періодъ революцій (1789).

Но съ 1815 годомъ оканчивается первый отдѣлъ этого періода революцій. Онъ призвалъ къ борьбѣ съ остатками феодальной системы и деспотизма, установившагося на его развалинахъ, сначала народъ французскій, а вслѣдъ за нимъ и другіе народы; но необузданные ужасы своеволія, совершенные во имя свободы, ввергли этотъ народъ, первый поднявшій знамя свободы, въ узы новаго, но нисколько не облегченнаго деспотизма Наполеона, который подчинилъ своей власти не одну Францію, но князей и народы почти цѣлой Европы. Однакожъ, внутренняя сила народовъ, призванная къ дѣятельности собственными правителями, въ исполинской и отчаянной борьбѣ освободила и Европу, и Францію отъ гнета геніальнаго, воинственнаго деспота, возвратила самобытность народамъ и государствамъ Европы и тѣмъ послужила началомъ новаго отдѣла новѣйшей исторіи человѣчества. Мы изображаемъ этотъ новѣйшій отдѣлъ исторіи на его трехъ ступеняхъ развитія и само повѣствованіе наше оправдаетъ естественное раздѣленіе ихъ на три отдѣла, ограниченные 1815, 1830, 1848, 1863 и 1871 годами.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

РЕСТАВРАЦІЯ.

1815 — 1820.

РЕСТАВРАЦІЯ.

1815 — 1820.

Въ борьбѣ съ универсальной монархіей Наполеона, угнетавшаго своею неотразимою военною силою всѣ покоренныя народности; какъ мы уже говорили, съ большимъ единствомъ, нежели когда бы то ни было, онѣ сознали свое сродство и выказались, какъ члены одного большаго семейства; с в я щ е н н ы й с о ю з ъ выразилъ это чувство, къ радости многихъ сочувствующихъ ему лицъ. Но когда напряженіе борьбы и общая опасность миновали и замѣнились новымъ порядкомъ,—и народы, какъ бы послѣ изгнанія, возвратились въ свою вновь пріобрѣтенную родину, въ границы хорошо, или худо начертанныя здѣсь мудростію, тамъ недальновидностью, или компромиссомъ между тою и другою державою, или наконецъ крайнею, неизбѣжною необходимостью.

Европа во многихъ отношеніяхъ возобновилась; но противоположности, брошенныя на ся почву природой и историческимъ развитіемъ, остались тѣ же. Три большія группы народовъ, перемѣшанныя съ постороннимъ началами, перемѣшанныя между собою и заходящія одна въ область другой, составляютъ европейскую народную семью, и вмѣстѣ съ климатическими, религіозными и политическими особенностями даютъ каждому государству отдѣльно свою отличительную печать. Обширныя равнины на востокѣ заселены с л а в я н с к и м ъ п л е м е н е м ъ, главное могущество котораго сосредоточено въ обширныхъ предѣлахъ Россіи; но при крушеніи польскаго королевства большіе обломки отъ славянскаго племени достались сосѣднимъ государствамъ и въ многолюдной Австріи и Турціи насчитываются милліоны тѣхъ же одноплеменниковъ. Югъ нашей части свѣта, оба большіе западные полуострова Средиземнаго моря и западная часть материка, отъ Вогезовъ до Атлантическаго океана, были заняты р о м а н с к и м и п л е м е н а м и, сѣверная же и центральная часть материка достались различнымъ н а р о д а м ъ г е р м а н с к а г о п л е м е н и. Но ни одно изъ государствъ не населено исключительно однимъ изъ этихъ племенъ; въ нѣкоторыхъ, какъ въ Бельгіи и Швейцаріи, они поселились другъ подлѣ друга безъ смѣшенія, но вездѣ мы находимъ отличительные признаки, которыми ихъ обозначила природа и историческое развитіе; вездѣ мы видимъ ясныя особенности славянскаго, романскаго и германскаго племеннаго, государственнаго и религіознаго ихъ быта; по всѣмъ этимъ особенностямъ, какъ по путеводной нити, мы можемъ слѣдить за ихъ развитіемъ по запутаннымъ ходамъ историческаго лабиринта этой эпохи. Рядомъ съ этими, въ эмфатическомъ смыслѣ, европейскими государствами на юговосточной

окраинѣ европейскаго материка, угнѣздилось чужеземное азіатское государство, имперія османскихъ турокъ, которая сама собою, хотя мимоходомъ, привлекаетъ взоръ нашъ къ азіатскимъ странамъ. Хотя исторія человѣчества до сихъ поръ почти исключительно была исторіею Европы, но въ новѣйшее время она теряетъ эту исключительность: въ нее все болѣе и болѣе входятъ событія народовъ остальныхъ частей свѣта, преимущественно же могучее возрастаніе американскаго населенія. Такимъ образомъ кругозоръ исторіи все болѣе и болѣе расширяется, какъ по своему внѣшнему, такъ и внутренему объему, и если повѣствованіе не должно расплыться въ безконечность, то оно по-неволѣ должно ограничиваться только легкими указаніями на многія происшествія и проявленія силъ народныхъ, иногда же должно ограничиться только общимъ историческимъ выводомъ историческихъ отношеній и обстоятельствъ народнаго быта.

А. ГЕРМАНСКІЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА.

1. Скандинавія.

Скандинавія менѣе всѣхъ государствъ германскихъ народовъ принимаетъ участія въ ходѣ всемірной исторіи. Планъ о соединеніи трехъ скандинавскихъ государствъ сѣвера въ одну союзную державу, какъ это довольно ясно и довольно близко къ исполненію было выражено въ Кальмарской уніи въ 1397 году, теперь даже никому не приходитъ на умъ, въ это время, такъ богатое политическими проектами и насильственными преобразованіями. Швеція, Норвегія и Данія остались тремя совершенно отдѣльными и самобытными государствами, не смотря даже на то, что у первыхъ двухъ съ 1814 года былъ общій король Карлъ XIII; ему въ февралѣ 1818 года наслѣдовалъ Карлъ XIV, бывшій маршалъ Франціи, сынъ гасконскаго адвоката; за нимъ слѣдовалъ Іоаннъ. Норвегія согласилась присоединиться къ Швеціи только цѣною конституціи, самой либеральной изъ всѣхъ монархическихъ конституцій, какими такъ богатъ нашъ вѣкъ. Такъ какъ эта конституція послужила идеаломъ и образцомъ для послѣдующихъ конституцій и такъ какъ начало разсматриваемой нами эпохи преимущественно состоитъ изъ борьбы между конституціоннымъ началомъ и абсолютизмомъ, то мы считаемъ себя вынужденными упомянуть объ основныхъ положеніяхъ этой конституціи. Король обязанъ исповѣдовать лютеранскую, какъ господствующую въ государствѣ, религію; онъ долженъ однажды въ годъ пріѣзжать въ Норвегію; ему принадлежитъ исполнительная власть; самъ онъ не несетъ отвѣтственности, но управляетъ вмѣстѣ съ отвѣтственнымъ государственнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ семи членовъ, норвежцевъ по происхожденію, подъ предсѣдательствомъ государственнаго министра. Государственный министръ и два государственныхъ совѣтника сопровождаютъ короля въ Швецію и составляютъ тамъ его норвежскій совѣтъ. Преимущества и выгоды короля состоятъ: изъ очень умѣреннаго бюджета (цивиллистъ), права помилованія, права назначенія должностныхъ лицъ въ войскѣ, въ юстиціи и управленіи, права раздачи орденовъ, главнаго начальства надъ войскомъ и флотомъ, права объявлять войну и заключать миръ. Законодательная власть предоставляется ему сообща съ стортингомъ, народнымъ представительствомъ. Въ народные представители можетъ быть избираемъ каждый норвежецъ, послѣ 30 лѣтъ, и послѣ десятилѣтняго, по крайней мѣрѣ, пребыванія въ избирательной мѣстности; право избирать представителя предоставлено каждому норвежцу, достигшему 25-ти-лѣтняго возраста, у котораго есть поземельная собственность и который владѣетъ ею и живетъ на ней по крайней мѣрѣ пять лѣтъ. Каждые 50 избирателей въ городахъ и 100 въ селахъ и деревняхъ выбираютъ одного избирателя; избиратели черезъ недѣлю сходятся и избираютъ четвертую долю изъ своей среды въ депутаты; они избираются на трехгодичный срокъ, получаютъ столовыя и прогонныя деньги изъ государственной казны и въ теченіе всего стортинга не подлежатъ арестованію. Стортингъ распадается на двѣ палаты: четверть членовъ стортинга, по общему

выбору членовъ, составляютъ лагтингъ, остальныя три четверти — одельстингъ. Проектъ закона, предложенный правительствомъ или однимъ изъ членовъ стортинга, сперва обсуживается одельстингомъ, потомъ лагтингомъ и принятый обоими, послѣ королевскаго утвержденія получаетъ силу закона. Два раза король можетъ отказаться утверждать какой-либо законъ, но ежели его въ третій разъ обсудятъ въ обѣихъ палатахъ стортинга и если онъ будетъ утвержденъ обѣими, то и, безъ королевскаго утвержденія, онъ пользуется всею силою и правами закона. Сборъ податей и государственные расходы взвѣшиваетъ и разрѣшаетъ стортингъ.

Отдаленность и ничтожное значеніе рѣдко населенной страны охраняли эту демократическую конституцію, которая не имѣла ни малѣйшаго вліянія внѣ предѣловъ Норвегіи.

Швеція по своей исторіи и по географическому положенію страны, лишившаяся своихъ остзейскихъ провинцій и южныхъ прибалтійскихъ областей, не входила въ политическій потокъ европейскихъ стремленій. Она коснѣла въ неподвижности своихъ однажды принятыхъ формъ: дворянство и духовенство преобладали; силы государства распадались на четыре, рѣзко разграниченныя сословія: дворянство, духовенство, мѣщанъ и крестьянъ; отношенія ихъ другъ къ другу были натянуты и обставлены ненужною формалистикой; вслѣдствіе этого неестественнаго отношенія между сословіями, народъ мало пріобрѣталъ матеріальныхъ выгодъ, не двигался впередъ, еще менѣе развивался политически, и вполнѣ подчинившись лютеранству, и религіозно оставался безъ прогресса.

Совсѣмъ иначе сложились жизненныя отношенія Даніи. Посредствомъ герцогствъ Голштиніи и Лауенбурга, она приняла участіе въ политическомъ развитіи Германіи и вмѣстѣ съ нею была увлечена въ потокъ европейской жизни. Но далѣе, при Фридрихѣ VI (1808—1839 г.) положеніе Даніи осталось неизмѣненнымъ и зародыши будущихъ запутанныхъ отношеній еще не начали развиваться, но они таились въ своеобразномъ характерѣ отношеній герцогства Шлезвига къ Датскому королевству съ одной стороны, и къ сосѣдственному германскому герцогству, Голштиніи, съ другой.

2. Англія.

Въ Англіи упорная борьба между королевскою властью и правами народа давно уже кончилась соглашеніемъ, выгоднымъ для общаго благосостоянія государства, которое поэтому въ эту эпоху революцій находилось въ особенно благопріятномъ положеніи, и партія торіевъ уже довольно долгое время стояла во главѣ правленія. Во главѣ министерства съ 1812 года стоялъ лордъ Ливерпуль; изъ его товарищей по службѣ, лордъ Кастри, былъ самый замѣчательный, а канцлеръ лордъ Элдонъ самый ограниченный; королевская власть была въ рукахъ принца Валлійскаго, управлявшаго, какъ регентъ, вмѣсто Георга III, который находился на престолѣ съ 1760 года, но почти все время былъ боленъ, а съ 1811 страдалъ душевною болѣзнію и потому былъ неспособенъ заниматься дѣлами. Продолжительная война противъ революціи и Наполеона, въ которой, съ незначительными перерывами, Англія, въ теченіе 20 лѣтъ принимала самое дѣятельное участіе, оттѣснила на задній планъ вопросы внутренняго устройства, и вся система правленія болѣе занималась отношеніями континентальныхъ государствъ, что было непріятно для народа, ревниво стоящаго на стражѣ своихъ личныхъ правъ; само собою понятно, что подобная война во всякомъ государствѣ требуетъ напряженія всѣхъ силъ страны, что при этомъ правительство пріобрѣтаетъ большую силу, а законодательный и совѣщательный корпусъ въ нѣкоторомъ смыслѣ теряютъ свое значеніе. Въ 1816 году съ неудовольствіемъ начали высчитывать, что составъ войска въ Англіи дошелъ до неслыханной дотолѣ цифры 176,000 и его не уменьшаютъ, не смотря на то, что государственный долгъ съ 1792 года учетверился. Изъ двухъ преобладающихъ партій болѣе либеральная,

виги, была устранена отъ управленія; въ то время въ ней не было достаточно выдающихся государственныхъ мужей и въ верхней и нижней палатахъ у нея въ распоряженіи было сравнительно незначительное число голосовъ.

Между тѣмъ великія потрясенія послѣднихъ десятилѣтій, и именно—провозглашеніе независимости и быстрое возрастаніе бывшихъ британскихъ колоній въ Америкѣ и французская революція,—не прошли безслѣдно для Англіи, хотя она вообще была мало доступна для чужеземнаго вліянія, по своему положенію на островѣ, по своей исторіи, по своей своеобразной конституціи, составленной изъ аристократическихъ, демократическихъ и монархическихъ элементовъ, и по вытекающей изъ нея и прочно утвержденной личной независимости и значительнаго богатства ея гражданъ. Рядомъ со старыми партіями образовалась новая, *демократическая партія*, которая не сочувствовала консервативнымъ началамъ государственнаго строя и умѣренному либерализму виговъ, которые въ сущности тоже принадлежали къ аристократической партіи. Для своихъ началъ партія эта нашла дѣятельнаго защитника въ лицѣ философа Іереміи Бентама (1756—1832); у него былъ умъ такой же острый и наблюдательный, какъ у Руссо, но несравненно практичнѣе и гораздо болѣе проникнутый духомъ и потребностями своего народа; въ своихъ сочиненіяхъ онъ смѣло и глубоко изслѣдовалъ вопросы о государственномъ и общественномъ строѣ; онъ ко всѣмъ существующимъ постановленіямъ о правахъ и законахъ государства старался примѣнить мѣрило *общей пользы* и постоянно имѣлъ въ виду вопросъ, который постоянно выражалъ во всѣхъ правительственныхъ и государственныхъ разсужденіяхъ и всегда сводилъ къ одному взгляду: «что приноситъ возможно большему числу возможно большую пользу?»

Этотъ вопросъ въ этой странѣ политической свободы былъ вовсе не лишній. Въ континентальныхъ государствахъ, гдѣ правительственная власть, твердо сосредоточенная въ лицѣ государя, при сознаніи потребности распространять образованіе и цивилизацію во всѣхъ сословіяхъ подчиненныхъ имъ народовъ, правители, во второй половинѣ XVIII столѣтія, энергически истребляли соръ средневѣковыхъ злоупотребленій въ юстиціи, въ администраціи и въ народномъ образованіи; въ Англіи же никогда не существовало такого просвѣщеннаго деспотизма. Власть короля была ограничена, и настоящимъ правительствомъ страны были обѣ палаты парламента, но онѣ никогда не имѣли ни достаточно силы, ни довольно интереса, чтобы попытаться произвести основательную реформу въ администраціи, гдѣ слишкомъ значительныя доходныя статьи, огромныя жалованья за малую работу, дороговизна юстиціи, устарѣлыя формы, проволочки всевозможныхъ родовъ—еще существовали во всей своей силѣ.

Въ тюремномъ дѣлѣ, въ правосудіи, почти во всѣхъ отрасляхъ администраціи накопилось такое значительное количество старыхъ и новыхъ злоупотребленій, что они невольно привлекли на себя общее вниманіе, съ той минуты, какъ внѣшній миръ былъ возстановленъ. Если же улучшенія здѣсь были возможны, то они могли исходить только отъ парламента, который въ сущности навязывалъ королю министровъ и въ послѣдней инстанціи рѣшалъ всѣ государственные и законодательные вопросы. Но самъ парламентъ и преимущественно нижняя палата, которая по своему назначенію должна была заботиться о выгодахъ народа, сама больше всего была органомъ этихъ злоупотребленій, и далеко не выполняла своего назначенія, не была дѣйствительнымъ, честнымъ, прямымъ и очищеннымъ представителемъ народной воли. Было высчитано, что изъ членовъ нижней палаты не менѣе 306, слѣдовательно около половины, были обязаны своимъ избраніемъ вліянію правительства, 71 перамъ, 91 членамъ нижней палаты, 28 членовъ избраны посредствомъ компромисса вліятельныхъ членовъ различныхъ партій, а остальные 21 избраны 17 маленькими мѣстечками, въ которыхъ ни въ одномъ не насчитывалось больше 150 избирателей, между тѣмъ какъ большіе города, возросшіе—Манчестеръ да 165,000 жит., Бирмингамъ до 115,000, Лидъ до 90,000—не имѣли своихъ представителей въ парламентѣ; кромѣ того тѣ общественные слои, отъ которыхъ преимущественно зависѣла сила и жизнь цѣлаго народа, имѣли очень недостаточное число представителей. Вслѣдствіе этихъ потребностей, на первомъ планѣ явилась задача прежде всего исправить главное орудіе политическаго прогресса, нижнюю палату, и *парламентская реформа* стала зна-

менемъ, подъ которымъ собралась демократическая партія и всѣ мыслящіе люди, способные сочувствовать потребностямъ времени и народа. Одинъ изъ демократическихъ вождей, Вилліамъ Коббетъ, воспитанный въ Америкѣ, написалъ очень радикальную программу по этому вопросу; онъ потребовалъ всеобщаго избирательнаго права, тайной подачи голосовъ и годичныхъ выборовъ.

Надлежащее значеніе и силу получило это волненіе однакожь только отъ неожиданно наступившей, вслѣдствіе заключеннаго мира, матеріальной нужды; ей-то обыкновенно и обязаны люди, что чувство политическихъ неудобствъ и потребность политической реформы становятся болѣе общими и сознательными для массы. Отъ заключенія мира ожидали золотыхъ горъ; въ ожиданіи необычайнаго развитія торговли, фабрики наготовили огромное количество товаровъ; ихъ массы хлынули на твердую землю съ того мгновенія, когда, вслѣдствіе мирнаго договора, всѣ преграды были сняты. Но ожиданія купцовъ не сбылись: долгія войны истощили всѣ денежныя средства Европы и покупать было нечѣмъ; большихъ заказовъ и требованій не являлось; вывозъ вдругъ остановился и такъ какъ предложеніе было больше спроса, то и цѣны быстро понизились; огонь въ доменныхъ печахъ погасъ, машины въ безчисленныхъ фабрикахъ перестали работать, и ненужные больше рабочіе остались безъ занятій; ихъ число увеличило и безъ того значительную массу распущенныхъ, ненужныхъ болѣе солдатъ и матросовъ. Къ этому, съ другой стороны, присоединилось значительное возрастаніе цѣнъ на первыя жизненныя потребности, что частію было вызвано сильнѣйшимъ неурожаемъ 1816 года, самымъ значительнымъ въ Европѣ, начиная съ 1799 года; но главнымъ образомъ все-таки зло зависѣло отъ несообразныхъ постановленій, отъ недостатка сознательнаго пониманія условій общежитія и потребностей различныхъ сословій и разноплеменности народной. Свобода торговли—лучшая защита отъ голода, справедливо выразился Адамъ Смитъ, но его правило, какъ всякая истина, еще не получило права аксіомы для людей руководящихъ и составляющихъ высшій кругъ правительственной дѣятельности. До этого времени привозъ хлѣба былъ мало ограниченъ, и притомъ нѣсколько лѣтъ сряду бывали хорошіе урожаи, поэтому цѣны на хлѣбъ стояли низкія; сельскіе хозяева, которые, какъ извѣстно, особенно громко умѣютъ плакаться, своими жалобами оглашали всю страну, а такъ какъ поземельная собственность имѣетъ самое сильное вліяніе на законодательные органы, то въ 1815 г. возобновили, съ нѣкоторыми измѣненіями, старинный хлѣбный законъ, существовавшій съ 1670 года; по этому закону ввозъ хлѣба или вовсе запрещался, или на него налагалась такая огромная пошлина, что онъ самъ собою становился невозможенъ, пока цѣны на туземный хлѣбъ будутъ стоять ниже 80 шиллинговъ за квартеръ (четверть). Этотъ необдуманный законъ, имѣвшій въ виду минутную пользу одной только части народонаселенія, довелъ голодъ до высшей степени; частныя благотворительныя общества старались отвратить бѣдствіе раздачею хлѣба и разными благотворительными даровыми столовыми; но все это было недостаточно и не могло исправить источника голода, потому что никто не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, откуда бѣда проистекаетъ.

Но, какъ бы то ни было, а многообразныя бѣдствія массы заставили людей мыслящихъ зоркимъ, критическимъ взглядомъ вникнуть въ существующія постановленія. Самые проницательные изъ вождей демократической партіи, какъ напр. Коббетъ, старались дѣйствовать на необузданную и волнующуюся массу, которая безполезно поднималась то здѣсь, то тамъ, въ Суффолькѣ, Норвичѣ, Бирмингамѣ и др. мѣстахъ, и съ дикими воплями «хлѣба или крови!» грабила мельницы, булочныя, молотильни и т. д.; эти-то массы недовольныхъ надобно было направить такъ, чтобы онѣ служили орудіемъ для достиженія болѣе прочныхъ перемѣнъ; имъ растолковали, что улучшеніе ихъ состоянія зависитъ отъ коренной реформы національнаго представительства, отъ продолжительной, твердой, но спокойной оппозиціи съ ихъ стороны, которая не заходила бы за границы, начертанныя закономъ. Это проповѣдовалось въ «Еженедѣльномъ обозрѣніи» (Weekly-register), расходившемся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ; тутъ обращались исключительно къ рабочимъ классамъ народа, языкомъ имъ доступнымъ; цѣль выражалась очень ясно, но однакожь такъ, что карательные законы

не могли бы найдти чего-либо такого, за что издателя можно бы подвергнуть отвѣтственности. Повсюду, особенно въ большихъ фабричныхъ городахъ, которые не имѣли своихъ представителей въ нижней палатѣ, потому что ихъ развитіе и населеніе усилилось позже, нежели установились избирательные законы старой Англіи,—въ нихъ производились большія народныя собранія, на которыхъ толковали о парламентскихъ реформахъ, и такимъ образомъ демократическимъ вождямъ удалось отвлечь толпу отъ безсмысленнаго и безцѣльнаго волненія. Однакожь вполнѣ отвратить безпорядковъ, при существованіи общей нужды, было невозможно. Такъ 2 декабря 1816 года въ Спафильдѣ, составляющемъ нынѣ часть Лондона, при одномъ изъ такихъ народныхъ собраній по случаю парламентской реформы, дѣло дошло до явнаго возстанія, до безумныхъ нападеній на зданіе биржи и Тоуеръ, и до арестовъ. Когда принцъ-регентъ, 28 января 1817 года, послѣ открытія парламента, ѣхалъ домой, его карету окружила недовольная, волнующаяся толпа; съ дикими криками: «долой министерство, долой принца-регента!» карету закидали камнями и грязью и выстрѣломъ изъ духоваго ружья разбили одно изъ стеколъ. Достаточно было бы одной сильной мѣры для того, чтобы прекратить эти волненія и дать законамъ силу. Но министры, которые при требованіи парламентской реформы гораздо больше задумывались, чѣмъ при волненіяхъ изъ-за хлѣба, въ которыхъ они сами, безъ всякаго сомнѣнія, были тайными участниками, воспользовались случаемъ и выхлопотали себѣ у парламента особенныя права и привиллегіи для поддержанія общественнаго порядка и спокойствія. Они потребовали временной отмѣны закона H a b e a s-c o r p u s, посадили въ Тоуеръ за государственную измѣну арестованныхъ во время Спафильдскаго волненія; а 27 марта 1817 года статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ, лордъ Сидмутъ, издалъ циркулярное предписаніе всѣмъ лордамъ-лейтенантамъ графствъ, по которому каждый мировой судья получалъ право арестовать всякаго, кого можно было клятвенно обвинить въ распространеніи богохульнаго, или возмутительнаго сочиненія, не дожидаясь, какъ того требовалъ законъ, обвинительнаго приговора большаго жюри. Парламентъ значительнымъ большинствомъ голосовъ принялъ предложенные законы.

Съ открытіемъ с е с с і и 1818 года опять отмѣненъ былъ законъ арестацій и право H a b e a s-c o r p u s опять получило свою прежнюю силу. Люди съ вѣсомъ, какъ Ромилли, Броугамъ и друг., старались обратить вниманіе палаты на важныя погрѣшности въ разныхъ частяхъ законодательства, напримѣръ на уголовный законъ, по которому мелкое воровство все еще наказывалось повѣшеніемъ; также и на ходъ народнаго обученія и т. п. Матеріальная нужда мало-по-малу исчезала и на мѣсто ея являлось благосостояніе, выражавшееся въ большихъ общественныхъ предпріятіяхъ, въ постройкахъ и т. д.; не смотря на это, вопросъ о парламентской реформѣ не былъ забытъ и нѣкоторыя уступки правительства повели только къ тому, чтобы придать болѣе силы этому вопросу и провести его въ самый парламентъ. Большіе города засыпали парламентъ своими просьбами, а Франсисъ Б е р д е т ъ въ 1819 году внесъ въ парламентъ впервые формальное предложеніе о реформѣ и выразилъ его въ обширно изложенныхъ предположеніяхъ; это подало вигамъ поводъ опять возвыситься и усилить свое вліяніе. Одинъ изъ митинговъ, собравшійся для обсужденія этого важнаго вопроса въ Манчестерѣ, 16 августа 1819 года, подалъ поводъ къ очень смѣшной сценѣ: магистратъ послалъ около 46 человѣкъ конной милиціи, или іоменовъ, чтобы разогнать сходку, но эта горсть затерялась въ массѣ народа и послужила поводомъ къ насмѣшкамъ надъ іоменами и оскорбленіямъ толпы. Но вслѣдъ затѣмъ на толпу наскакало нѣсколько эскадроновъ гусаръ, которые бросились на толпу и саблями нанесли многимъ болѣе или менѣе значительныя раны; было два-три убитыхъ, много опасно раненыхъ, но фантазія народа и духъ партій преувеличили все это происшествіе, раздули его и дали ему прозвище «Кровавой бани въ Манчестерѣ». Одинъ изъ министровъ, лордъ Эльдонъ, утверждалъ, что тутъ кроется государственная измѣна, тогда какъ въ сущности не было никакой надобности употреблять не только военной силы, но и полицейской; другой, лордъ Сидмутъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вытребовать отъ парламента, когда онъ въ ноябрѣ опять собрался, законы, по которымъ общественныя собранія, сходбища и свободное право гово-

рить на нихъ, впредь на 5 лѣтъ подчинялись полицейскому позволенію; дозволялся полицейскій осмотръ, не скрыто-ли оружіе въ частныхъ жилищахъ, и тѣмъ нанесено было глубокое оскорбленіе народу, который говоритъ: «мой домъ—моя крѣпость»; газеты обложены были пошлиною; изгнаніе и ссылка въ колоніи угрожали писателямъ, которые вторично будутъ обвинены въ обнародованіи возмутительныхъ, или анти-религіозныхъ статей или сочиненій. Неудивительно, что вслѣдствіе волненія, вызваннаго этими стѣснительными мѣрами, помимо воображаемыхъ заговоровъ, явились и дѣйствительные.

Такъ, между прочимъ мясникъ Тистельвудъ съ своими четырьмя сообщниками составилъ заговоръ противъ жизни министровъ; въ глазахъ этихъ заговорщиковъ демагоги Гунтъ и Коббетъ казались только нерѣшительными, трусливыми болтунами; своею отважностью они добились только казни, которая была совершена 4 мая 1820 года.

Въ такомъ печальномъ положеніи находились дѣла въ Англіи при кончинѣ восьмидесятидвухлѣтняго, слѣпаго и полуумнаго короля Георга III, окончившаго свое шестидесятилѣтнее царствованіе 29 января 1820 года, и бывшій регентъ Георгъ IV вступилъ на престолъ.

3. Германія.

а. Общее состояніе.

8 іюня 1815 года былъ подписанъ и обнародованъ союзный актъ, который долженъ былъ окончательно опредѣлить отношенія всѣхъ германскихъ государствъ. Въ немъ было постановлено, что полноправные государи и вольные города, со включеніемъ императора австрійскаго, въ отношеніи его нѣмецкихъ областей, короля прусскаго, въ отношеніи всѣхъ его областей, исключая Пруссіи и Познани, короля датскаго, изъ-за Голштиніи, и соединенныхъ Нидерландовъ, изъ-за герцогства Люксембургскаго—соединяются въ постоянный союзъ подъ названіемъ Германскаго союза. Цѣль этого союза—охранять внѣшнюю и внутреннюю независимость Германіи, независимость и цѣлость отдѣльныхъ государствъ, вошедшихъ въ составъ союза. Отдѣльные члены союза должны были пользоваться одинаковыми правами и обязывались общими силами заботиться о сохраненіи и ненарушимости союзнаго акта. Постановлено было постоянное союзное собраніе въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, составленное изъ полномочныхъ представителей отдѣльныхъ членовъ союза, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго уполномоченнаго. Ограниченный совѣтъ союзнаго собранія составленъ былъ изъ семнадцати голосовъ; изъ нихъ одиннадцать предоставлялись крупнымъ государствамъ: Австріи, Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Ганноверу, Вюртембергу, Бадену, курфиршеству Гессенскому и великому герцогству Гессенскому, Даніи и Нидерландамъ; одинъ голосъ великогерцогскому и герцогскому домамъ Саксонскимъ, одинъ Брауншвейгу и Нассау, одинъ обоимъ Мекленбургамъ, одинъ Ольденбургу, Шварцбургу и Ангальту, одинъ обоимъ Гогенцоллернамъ, Лихтенштейну, Рейсу, Шаумбургъ-Липпе, Липпе-Детмольдъ и Вальдеку, одинъ четыремъ вольнымъ городамъ: Любеку, Франкфурту, Бремену и Гамбургу; рѣшеніе дѣлъ предоставлялось рѣшительному большинству голосовъ. Но когда дѣло касалося измѣненія, или постановленія новыхъ законовъ союза, важныхъ органическихъ перемѣнъ въ союзѣ, войны и мира, увеличенія членовъ союза, тогда требовалось полное присутствіе всѣхъ 69 голосовъ и дѣло могло быть рѣшаемо только большинствомъ двухъ третей голосовъ. При этомъ полномъ составѣ (plenum) на долю Австріи, Пруссіи и

остальныхъ королевствъ приходилось по четыре голоса, на долю Бадена, обоихъ Гессеновъ, Голштиніи и Люксембурга по три голоса, на долю Брауншвейга, Мекленбургъ-Шверина, Нассау по два голоса, а остальныя государства (штаты) пользовались по одному голосу. Отдѣльные члены союза гарантировали другъ передъ другомъ союзныя владѣнія и когда объявлялась союзная война, ни одинъ изъ союзниковъ не имѣлъ права отдѣльно начинать мирныхъ переговоровъ; въ частностяхъ же каждое изъ союзныхъ государствъ имѣло право, съ своей стороны, заключать союзы, какъ это было нѣкогда предоставлено въ Вестфальскомъ мирномъ договорѣ всѣмъ государственнымъ чинамъ, но съ такимъ же ограниченіемъ, какъ и тогда, чтобы эти отдѣльные союзные трактаты не были направлены противъ безопасности цѣлаго союза и его членовъ въ отдѣльности.

Несогласія и споры между членами союза не могутъ быть разрѣшаемы силою; но ихъ должно вносить въ союзное собраніе, которое назначаетъ коммиссію для разбора претензій; коммиссію эту на варварскомъ канцелярскомъ языкѣ назвали Austrägalinstanz (посредническою). Учрежденіе верховнаго союзнаго суда, въ которомъ выразился бы остатокъ національнаго единства, не состоялось по причинѣ сильнаго противорѣчія князей Рейнскаго союза. Медіатизированные дома (т. е. утратившіе независимость своихъ владѣній и присоединенные къ другимъ государствамъ) хотя и признали равными по рожденію съ другими верховными государями, но не предоставили имъ голоса въ сеймѣ, какъ они этого надѣялись. Представители, главы этихъ домовъ, составлявшіе высшій слой дворянства въ Германіи, заняли мѣсто перваго высшаго класса того государства, къ которому ихъ владѣнія были присоединены; положено было, что они въ своихъ владѣніяхъ независимо пользуются всѣми правами и преимуществами, которыя прямо не касаются такъ называемыхъ высшихъ правительственныхъ правъ. Права остальныхъ германскихъ подданныхъ въ союзномъ актѣ также не были обойдены полнымъ молчаніемъ. Но статья, въ которой слѣдовало говорить о земскихъ чинахъ германскихъ государствъ и которую Пруссія и мелкіе германскіе государи намѣревались особенно развить, отъ австрійскаго и баварскаго вліянія съежилась въ незначительный 13 параграфъ, ограничивавшійся выраженіемъ: «во всѣхъ германскихъ государствахъ будутъ установлены учрежденія земскихъ чиновъ»; но въ дальнѣйшихъ параграфахъ есть нѣкоторыя хорошія постановленія; въ 18 говорится, что гражданамъ каждаго союзнаго государства предоставляется: 1) право пріобрѣтать поземельную собственность въ другихъ государствахъ, не подвергаясь обязанности платить больше повинностей, чѣмъ коренные подданные тѣхъ государствъ; 2) свободно переѣзжать на жительство изъ одного государства въ другое и свободно вступать въ гражданскую, или военную службу чужаго государства. По 16 параграфу различныя христіанскія вѣроисповѣданія одинаково могутъ пользоваться всѣми гражданскими и политическими правами государствъ; это было очень благодѣтельное постановленіе, но къ сожалѣнію, оно еще не распространялось на евреевъ. Разсмотрѣніе вопросовъ о свободѣ печати, о перепечатываніи, о торговлѣ, объ одинаковой мѣрѣ и вѣсѣ, о союзныхъ войскахъ и многіе другіе, возбужденные безчисленнымъ множествомъ просьбъ, наводнившихъ Вѣнскій конгресъ, было предоставлено дѣйствіямъ дальнѣйшихъ постоянныхъ союзныхъ собраній, потому что у конгресса не было ни времени, ни средствъ разсматривать ихъ; на засѣданія представителей союзныхъ державъ смотрѣли съ надеждою, отъ нихъ ждали много пользы для общественной жизни и для народнаго прогресса, тѣмъ болѣе, что и Пруссія въ томъ же смыслѣ говорила въ своей присоединительной декларации.

Приходилось многаго ждать отъ будущаго, потому что настоящее устройство не удовлетворяло даже самымъ скромнымъ желаніямъ и требованіямъ. Было ясно, что единства Германіи нѣтъ; отъ него уже много-много лѣтъ оставалось одно только имя, но теперь и оно исчезло; легко было понять, что въ союзномъ совѣтѣ не будетъ высказываться воля народа, а только воля отдѣльныхъ государствъ, или правильнѣе отдѣльныхъ правительствъ, слѣдовательно рѣшенія будутъ зависѣть отъ большаго или меньшаго вліянія, или отъ большей или меньшей способности къ интригамъ представителей того или другаго государства: коренные недостатки,

послужившіе гибелью для Германіи, теперь продолжали существовать въ полной силѣ и получили законную санкцію, а именно: раздѣленіе на множество государствъ и дуализмъ силы и вліянія двухъ сильнѣйшихъ государствъ союза. Не смотря на всѣ эти недостатки, учрежденіе это все-таки имѣло одно достоинство, которое можно назвать главнымъ преимуществомъ, или главнымъ недостаткомъ его, а именно: оно соотвѣтствовало фактическимъ отношеніямъ и потребностямъ страны. Если при этомъ устройствѣ въ разсчетъ не входила національная воля, то это происходило отъ того, что такой національной воли въ дѣйствительности еще не существовало. Старинное національное единство Германіи, на сколько оно когда либо существовало, утратилось; новое единство должно было возникнуть изъ народа, послѣ долголѣтняго труда и работы, безъ сомнѣнія, труда, исключительно этому народу предоставленнаго: но духа единства, ни германскій и никакой иной народъ не можетъ получить отъ своего правительства, будь оно даже твердо, какъ камень или желѣзо: онъ долженъ самъ трудомъ и лишеніями дойти до него и тогда ничто не можетъ удержать его стремленія, или отклонить его.

Для того, чтобы возродить это новое національное единство Германіи, уже много подготовительныхъ работъ было окончено, хотя и не на политической почвѣ. Съ той именно поры, какъ обломки старой германской имперіи утопули въ волнахъ революціи, народная жизнь, начавшаяся еще съ Лютера, возрастала и укрѣплялась въ высшихъ областяхъ человѣческаго духа, въ поэзіи и въ наукѣ; въ XVI столѣтіи начинается это возрожденіе, а въ XVIII оно уже совершилось. Выше всѣхъ противорѣчій германской жизни, выше различія вѣроисповѣданій, племенъ, государственныхъ и общественныхъ слоевъ, въ Германіи господствуетъ жизнь умственная; при всемъ разнообразіи произведеній Лессинга, Гердера, Гете и Шиллера, въ нихъ проявляется одно общее воззрѣніе на вещи и одна общая манера чувствовать; это единство сообщается ихъ современникамъ, вліяніе на умы ихъ возрастаетъ, глубоко проникаетъ во всѣ стороны и никакая внѣшняя сила его остановить не можетъ. Явилась нѣмецкая національная литература; вслѣдъ за нею должно было явиться нѣмецкое національное государство. Самый юный и гордый поэтъ въ ряду великихъ поэтовъ, Шиллеръ, своими геніальными произведеніями освѣщалъ всѣ стороны жизненной дѣятельности; содержаніе всѣхъ его драматическихъ сочиненій взято изъ политической жизни; въ нихъ проявляется вся энергія ея стремленій и по этому они болѣе всего сдѣлались популярными.

Органами движенія преимущественно явились три человѣка; духъ свободы, заставившій германскій народъ взяться за оружіе въ войнѣ за независимость оставался внихъ въ полной силѣ и проявлялся въ оригинальныхъ воззрѣніяхъ; энтузіасты эти были Эрнестъ Арндтъ, Іосифъ Герресъ и Людвигъ-Янъ. Изъ этихъ трехъ дѣятелей народный духъ и любовь къ отечеству неприкосновеннѣе и чище всего сохранился въ Арндтѣ, и сильнѣе всего высказывался въ его энергическомъ и своеобразномъ языкѣ, въ его грубой, но могучей личности, такъ легко и пылко способной одушевляться всѣмъ, что есть благороднаго и здравомыслящаго въ нѣмецкой натурѣ. Герресъ, какъ прирейнскій житель и католикъ, является намъ совершеннѣйшею противоположностью сѣверо-германскаго протестантскаго Арндта; онъ въ своемъ Рейнскомъ Меркуріѣ безъ стѣсненія выражалъ свое пылкое негодованіе на узкій мелочной духъ нѣмцевъ, неспособный ни къ какимъ порывамъ, на апатію, которая послѣ такого недавняго одушевленія, овладѣла германскою политикою; онъ громилъ своихъ одноземцевъ съ такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, какого со времени Лютера и Гуттена никто не употреблялъ на защиту общественныхъ интересовъ. Янъ съ своей стороны, подчиняясь здравому ходу идей, полагалъ, что противупоставить застарѣлымъ укоренившимся формамъ жизни, образу мыслей и, что скорѣе всего всколыхнуть эту затишь можно, если воспитать молодое, сильное и полное жизненной дѣятельности поколѣніе; слѣдуя своимъ идеямъ, онъ черезъ гимнастическія упражненія надѣялся создать новую Германію; но въ своемъ, до безобразія преувеличенномъ патріотизмѣ, отыскивалъ для себя идеалы во-временахъ херусковъ; онъ пытался посредствомъ тщательнаго ухода, воспитанія и упражненій физическихъ силъ создать юношество: «добродѣтельное и сильное, цѣломудренное и смѣлое, чистое и готовое къ борьбѣ, воинственное

и правдивое и т. д.»—всѣхъ сторонъ его сравненій, не перечислить; но какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ гимнастика пріобрѣла въ Германіи право гражданства и сдѣлалась полезнымъ общественнымъ учрежденіемъ, девизомъ котораго осталось: «свѣжій, добродѣтельный, веселый и свободный!» Политическія воззрѣнія этихъ и другихъ подобныхъ имъ людей однакожъ ограничивались очень недальнимъ идеаломъ и очень тѣснымъ взглядомъ на свободу; къ ихъ понятіямъ о ней, у Яна примѣшивалась сильная ненависть къ французамъ; но ни у одного изъ нихъ, изъ хаоса предположеній не въ состояніи была выработаться ясная политическая цѣль. Такая-то туманность преимущественно и увлекала молодежь нѣмецкихъ университетовъ. Еще въ 1815 г., одновременно съ другими обществами, въ Іенѣ образовалось общество нѣмецкихъ студентовъ б у р ш е й — свободное общество, какъ говорится въ уставѣ—«учрежденіе всеобщаго германскаго студенчества», 18 октября 1818 года; союзъ основанъ для всѣхъ «учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и нѣмецкихъ университетахъ съ цѣлью соединить ихъ въ одно цѣлое, основанное на отношеніяхъ нѣмецкаго юношества къ б у д у щ е м у е д и н с т в у н ѣ м е ц к а г о н а р о д а».—Члены этого союза распространились по всѣмъ германскимъ университетамъ и ихъ легко можно было узнавать по обычаямъ, бородамъ, стрижкѣ и прическѣ волосъ, по одеждѣ и другимъ примѣтамъ; у нихъ была очень неопредѣленная мечта объ учрежденіи идеальнаго христіански-германскаго государства; подобно всякой молодежи, они были заносчивы, грубы, но при этомъ у нихъ обнаруживались стремленія ко всему благородному, сильному и мужественному; но увлеченные романтизмомъ и поэзіей, они были въ явной оппозиціи ко всякимъ притѣсненіямъ, насиліямъ, ко всякимъ властямъ, полиціи, наемникамъ и чиновникамъ. Въ этой благородной, но буйной молодежи, видна была живая сила, которая перебродивши вошла бы въ свои границы и которой можно было позволить ратовать «за первобытныя, святыя права народа на аренѣ свободы». Но для правительства такое бушеваніе было неудобно и тѣсные умы, для которыхъ и въ военное время энтузіазмъ народа, готоваго жертвовать собою за свободу, казался неумѣстнымъ, теперь со страхомъ ожидали своего послѣдняго часа. Еще въ 1815 году явилась брошюра прусскаго статскаго совѣтника Шмальца, о политическихъ обществахъ; онъ нападалъ на Т у г е н д б у н д ъ и утверждалъ, что при общей опасности нѣтъ никакой надобности, чтобы народъ жертвовалъ собою изъ патріотизма, а гораздо лучше, если онъ только, повинуясь призыву своего государя, изъ одного чувства повиновенія возьмется за оружіе, какъ это и было въ послѣднюю войну, въ которой народъ «спѣшилъ къ оружію точно также, какъ онъ по чувству обыкновеннаго гражданскаго долга спѣшитъ на пожаръ, когда услышитъ набатъ». Вслѣдствіе этого мнѣнія загорѣлась журнальная война, въ которой живое участіе принимали такіе люди, какъ теологъ Шлейермахеръ и историкъ Нибуръ. Въ награду за свое сочиненіе Шмальцъ получилъ орденъ отъ короля Фридриха Вюртембергскаго. Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ не любилъ споровъ и волненій, поэтому онъ въ своемъ тайномъ предписаніи запретилъ продолженіе этого спора, а Шмальцу однакожъ далъ тоже орденъ; 3 января 1816 года «Рейнскій Меркурій» былъ запрещенъ, а 9 января самый Тугендбундъ уничтоженъ. Но такіе предвѣстники съ большою силою разожгли пламя, волновавшее юношество; у нихъ страннымъ образомъ перемѣшались средневѣковыя религіозныя понятія съ новѣйшими революціонными идеями. Наступалъ въ 1817 году трехсотлѣтній юбилей реформаціи въ Германіи; всѣ мысли были обращены на это великое событіе, освободившее умы отъ римскаго гнета; въ это время отъ Іенскаго университета ко всѣмъ германскимъ университетамъ было разослано приглашеніе явиться въ Вартбургъ, чтобы праздновать день освобожденія; назначено было 18 октября, день Лейпцигской битвы, въ которой рушилось наполеоновское могущество. Со всѣхъ германскихъ университетовъ, исключая кенигсбергскаго и австрійскихъ — явились представители числомъ до 500 человѣкъ, но больше всего студентовъ іенскаго и эйзенахскаго университетовъ; всѣ собрались въ городѣ, лежащемъ у подножія горы Вартбурга. При колокольномъ звонѣ, парами пошли всѣ присутствующіе на гору; послѣ прибытія въ рыцарскій залъ торжество началось воинственною пѣснью временъ реформаціи: «Господь Богъ, нашъ оплотъ и

наша крѣпость!» До сихъ поръ все носило на себѣ характеръ религіознаго достоинства. Нѣсколько рѣчей было произнесено, былъ общій обѣдъ, затѣмъ все собраніе возвратилось въ городъ, чтобы присутствовать при богослуженіи въ церкви; вечеромъ были зажжены костры на верхушкѣ горы. Въ тоже время русскій статскій совѣтникъ Коцебу, очень посредственный писатель, жаловался на появленіе и на распространеніе въ Іенѣ и Веймарѣ либеральныхъ критическихъ листковъ, очень для него обидныхъ; стѣсненный со всѣхъ сторонъ великій герцогъ принужденъ былъ ввести цензуру для всѣхъ сочиненій, превышающихъ объемъ 18 печатныхъ листовъ; это постановленіе было принято чинами.

Въ сентябрѣ 1818 года собрался конгрессъ монарховъ въ Аахенѣ; валахскій боярнъ Стурдза, статскій совѣтникъ русской службы, подалъ конгрессу меморандумъ «о настоящемъ положеніи Германіи», въ немъ онъ говоритъ о революціонномъ духѣ, господствующемъ въ германскихъ университетахъ и предлагаетъ подавить его.

Можно себѣ вообразить, какое волненіе произвела эта вѣсть, что для обсужденія конгресса, иностранцемъ внесено дѣло, касающееся исключительно нѣмецкихъ внутреннихъ распоряженій. Особенно заволновалась молодежь; она сильнѣе членовъ конгресса чувствовала обиду, нанесенную національной гордости. Это настроеніе, къ несчастію, привело къ плачевному поступку, вызвавшему дальнѣйшія мѣры строгости. Молодой теологъ, Карлъ Людовикъ Зандъ, родомъ изъ Фихтельгебирге, вбилъ себѣ въ голову, что дерево свободы должно быть удобрено кровью, безумное изреченіе, которымъ студенты въ своемъ обществѣ играли. Онъ выбралъ себѣ жертву; Коцебу, чтобы избѣжать непріятностей, оскорбленій и презрѣнія, которыя встрѣчали его въ Веймарѣ, переселился въ Мангеймъ. 23 марта явился къ нему Зандъ и со словами: «вотъ тебѣ, измѣнникъ отечества!» трижды вонзилъ ему въ грудь кинжалъ. Выбѣжавъ на улицу, онъ бросился на колѣни, благодарилъ Бога за одержанную побѣду и съ восклицаніемъ: «да здравствуетъ мое германское отечество!» пытался убить себя, но это ему не удалось; его раны залечили и онъ взошелъ на эшафотъ 20 мая 1820 года. Онъ однакожъ нашелъ подражателя. Въ іюлѣ 1820 года въ Швальбахѣ, аптекарь Лёнингъ пытался умертвить нассаускаго статскаго совѣтника Ибеля, но замыселъ не удался. Виновный избѣжалъ осужденія и смертной казни тѣмъ, что самъ умертвилъ себя въ темницѣ.

Эти отдѣльные поступки людей экзальтированныхъ, или по крайней мѣрѣ съ фантазіей, безобразно развитой и направленной, подали поводъ къ введенію стѣснительныхъ мѣръ, вовсе не оправдываемыхъ общимъ положеніемъ Германіи и настроеніемъ ея миролюбиваго населенія.

Безъ сомнѣнія, между людьми, истинно преданными преобразованію Германіи, сочувствующими ея нуждамъ, было глубокое недовольство на ежедневно болѣе и болѣе обнаруживающуюся ничтожность союзнаго собранія. Оно было открыто 5 ноября 1816 года. Австрійскій посланникъ—президентъ собранія, графъ Буль-Шауенштейнъ, глубоко изучилъ науку, подъ видомъ честной прямоты, откровенности и патріотическаго чувства, проводить людей прямодушныхъ и отдѣлываться отъ нихъ обѣщаніями. Надѣялись, что собраніе покажетъ благотворную дѣятельность по крайней мѣрѣ для улучшенія матеріальнаго состоянія народъ, что оно пересмотритъ и исправитъ постановленія, напримѣръ насчетъ торговли и пошлинъ, особенно по случаю неурожайнаго 1816 года и наступившаго вслѣдствіе того голода: но ожиданія эти не сбылись. Всѣ мечты о народномъ представительствѣ на собраніи, сократились въ скромное желаніе установить постоянную коммиссію изъ знающихъ людей, которая бы постоянно находилась при союзномъ собраніи, или періодически собиралась при немъ и заботилась о народныхъ нуждахъ; но и этотъ проектъ оказался невыполнимымъ, вслѣдствіе плачевной дѣйствительности, зависѣвшей отъ безсилія и недѣятельности состава союзнаго собранія. Когда изрѣдка возникалъ важный вопросъ, какъ напримѣръ, объ организаціи военныхъ силъ союза, опять обнадеживали союзниковъ и рѣшеніе его откладывалось на будущее время, или вопросъ обѣгали указаніями и ссылками на отдѣльныя государства. Иногда назначалась даже коммиссія; положено было сперва собрать отдѣльныя мнѣнія

всѣхъ союзныхъ правительствъ, и на основаніи которыхъ коммиссія должна составить сужденіе «какъ приготовительную работу, для дальнѣйшаго обсужденія дѣла». Но инструкціи являлись не своевременно, не были достаточно полны и ясны или вовсе не являлись; засѣданія собирались рѣже, каникулы продолжались долѣе и наконецъ все уснуло.

Нельзя сказать, чтобы и въ народѣ обнаруживалось о б щ е е с т р е м л е н і е, придать жизнь и движеніе застою дѣлъ союза. Медіатизированные дома—высшій классъ дворянства—съ очень незначительными исключеніями, далеко не походили на англійскую аристократію, которая смотритъ, какъ на свой прирожденный долгъ чести, руководить народомъ во всѣхъ его трудныхъ обстоятельствахъ жизни и заботиться о его нуждахъ, какъ о своихъ собственныхъ, со всею свойственной ей энергіей и политическою прозорливостью. Низшее дворянство, столько же безпечное, какъ и высшее, лишенное его большихъ матеріальныхъ средствъ, въ отдѣльныхъ государствахъ довольствовалось тѣмъ, что извлекало возможныя выгоды изъ своего общественнаго положенія и съ жадностью захватывало мѣста въ военной и гражданской службѣ.—Крестьянинъ пахалъ, сѣялъ и собиралъ, не разсуждая, какъ всегда, и вездѣ и былъ доволенъ, что нѣтъ войны, отъ которой гибнетъ его благосостояніе. Мѣщанство, издавна погруженное въ лѣнивую неподвижность удобствъ жизни, только разглагольствовало о недостаткахъ чиновниковъ, но вполнѣ предоставило имъ исключительную заботу объ управленіи; оно бранило ихъ, переливало изъ пустаго въ порожнее, плакалось, но не было способно пальцемъ шевельнуть, чтобы двинуть политическое состояніе своего отечества на шагъ къ лучшему: если составлялся адресъ, съ чисто патріотическою и полезною цѣлью, то стоило непомѣрныхъ трудовъ, чтобы собрать самое ничтожное количество подписей. Къ тому же, пути сообщенія между отдѣльными государствами были въ самомъ дурномъ состояніи и затрудняли путешествіе; печать, самый могущественный двигатель общественной и политической жизни, была еще въ младенческомъ возрастѣ также, какъ и книжная торговля. Въ такихъ городахъ, какъ Боннъ и Кобленцъ еще въ 1816 году не было ни одной книжной лавки, много-много, если какой нибудь промышленный переплетчикъ въ тоже время промышлялъ и мелкою, дробною продажей книгъ. По истинѣ надобно сознаться: политическая жизнь почти исключительно сосредоточилась въ тѣсномъ кругѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ ивъ нихъ опять-ограничивалась сравнительно малымъ кругомъ дѣятелей.

b. О т д ѣ л ь н ы я г е р м а н с к і я г о с у д а р с т в а.

По 13 параграфу союзнаго акта во всѣхъ германскихъ государствахъ предполагалось, или какъ первоначально было выражено, должны быть учреждены земскіе чины; но постановленіе это оказалось очень эластично и различныя государства по своему понимали его: въ одномъ оно выполнялось скоро, въ другомъ медленно и перѣшительно; здѣсь въ смыслѣ первой ступени къ новому политическому развитію, тамъ просто довольствовались возстановленіемъ прежнихъ государственныхъ сословій. Руководящимъ, но къ сожалѣнію совершенно исключительнымъ примѣромъ можетъ служить Карлъ Августъ, великій герцогъ Веймарскій, другъ Гете. Онъ созвалъ конституціонное собраніе, въ маѣ 1816 года, выразилъ ему свое желаніе, осуществить въ своихъ владѣніяхъ надежды, зароненныя въ Германіи, основать счастіе своего государства на новыхъ началахъ единодушія, равенства передъ закономъ, равномѣрнаго участія въ отношеніяхъ, въ выгодахъ и тягостяхъ государства. Гдѣ съ такою довѣренностію были готовы на уступки, тамъ цѣль могла быть легко достигнута, ко всеобщему удовольствію; уже 5 мая 1816 года сословное совѣщательное собраніе депутатовъ набросало конституцію, и она была принята, какъ основной законъ для маленькаго государства и обнародована. Основныя постановленія ея слѣдующія: три сословія дворянъ-землевладѣльцевъ, среднее сословіе мѣщане (Bürger) и крестьяне избирали

своихъ 31 депутата; дворяне 11, мѣщане и крестьяне каждые по 10; эти народные представители назначали подати и опредѣляли употребленіе этихъ денегъ; правительство не имѣло права собирать какіе бы то ни было налоги безъ предварительнаго разрѣшенія сейма. Народные депутаты имѣли право приносить жалобы и представленія правительству; чтобы законъ получилъ силу, необходимо было согласіе представителей; новые законы могло предлагать собраніе наравнѣ съ великимъ герцогомъ. Въ случаѣ несогласія съ какимъ либо закономъ, сеймъ долженъ былъ представить достаточныя причины, по которымъ отвергаетъ его; что же касалось великаго герцога, его согласія или несогласія было достаточно для утвержденія, или отверженія закона. Ему представлено было право отложить, или совсѣмъ распустить сеймъ; въ послѣднемъ случаѣ было обязательно въ трехмѣсячный срокъ выборами составить новый сеймъ, для котораго однакожь позволялось выбирать и членовъ распущеннаго сейма.

Въ этой конституціи проявляется духъ новаго времени; она безъ недовѣрчивости и безъ постороннихъ соображеній давала то, что обѣщала. Но не вездѣ дѣйствовали такъ благоразумно и такъ великодушно. Въ Ольденбургѣ введеніе новой конституціи обѣщанной союзнымъ актомъ, отсрочили, подъ наивнымъ предлогомъ, посмотрѣть, какъ примется и выполнится эта конституція въ другихъ германскихъ государствахъ; въ обоихъ Мекленбургахъ, въ Ганноверѣ, въ герцогствѣ Брауншвейгѣ и Кургессенѣ и другихъ просто возстановили прежнія государственныя сословія; также и въ Саксоніи все осталось по старому, потому что не хотѣли понуждать стараго добраго, честнаго короля, который въ теченіе 50 лѣтъ съ своими подданными раздѣлялъ радость и горе и потому что онъ управлялъ справедливо, установилъ либеральное торговое законодательство, и потому что народъ при своемъ возрастающемъ благосостояніи мало заботился о недостаткахъ и несовершенствахъ государственнаго устройства. Вслѣдствіе этого въ 1817 былъ опять созванъ старый отжившій сеймъ и единственное усовершенствованіе въ немъ состояло въ томъ, что разрозненныя прежде сословія отдѣльныхъ частей государства соединили теперь въ одно общее собраніе, которое совѣщалось однакожь отдѣльными частями.

Въ Ганноверѣ народный контроль былъ крайне необходимъ; при постоянномъ отсутствіи короля, министры были всемогущи и, какъ водится, всѣ принадлежали къ высшему дворянскому сословію; они всѣ почести, мѣста и награды разсыпали своимъ родственникамъ и только самая незначительная доля перепадала на долю ихъ приверженцевъ кліентовъ. Съ 1814 года существовалъ временный сеймъ, состоявшій изъ 44 дворянъ, 10 духовныхъ, 29 городскихъ и 3 крестьянскихъ представителей; собирался онъ каждую зиму. Какъ медленно здѣсь дѣлались усовершенствованія видно изъ того, что только на пятый годъ сейма прошли проекты законовъ о гласности засѣданій, объ уничтоженіи наказанія шпицрутенами, объ отмѣнѣ пытки, очистительной присяги и о введеніи новаго гражданскаго кодекса: но законы эти только въ 1819 году были окончательно утверждены и страна получила конституцію, при которой коренное дворянство на свою часть получило львиную долю.

Реставрація старыхъ постановленій часто соединялась съ преувеличенною злобною ненавистью противъ всего французскаго, что по необходимости вкралось во время долголѣтняго иноземнаго владычества, и что очень часто было скорѣе хорошо нежели дурно: но о жестокостяхъ, какими реставрація сопровождалась во многихъ государствахъ романскаго племени, не было помину; одно только курфиршество Гессенъ составляетъ исключеніе изъ этого правила. Старый семидесятилѣтній курфирстъ Вильгельмъ I, изгнанный около 1806 года, теперь возвратился. Народъ встрѣтилъ его съ неподдѣльнымъ восторгомъ, въ пылу энтузіазма выпрягли лошадей изъ его экипажа и впряглись сами и съ торжествомъ везли по улицамъ столицы своего законнаго, прирожденнаго государя: они не знали, что съ возвращеніемъ его наступала новая эпоха страданій, долголѣтнее несогласіе между народомъ и государемъ одно изъ самыхъ значительныхъ о какихъ упоминаютъ. Для курфирста время какъ бы остановилось, онъ не хотѣлъ ничего знать о послѣднихъ событіяхъ: въ войско ко всеобщему посмѣшищу и неудовольствію были

вновь введены старинные мундиры, капральская трость, напудренные парики, косы— въ два дюйма длиною, какъ значилось въ приказахъ; офицеры и чиновники потеряли свои чины и должности, полученные въ отсутствіе короля, и должны были довольствоваться тѣми, какіе занимали въ 1806 году; всѣ купчіе и запродажные акты на недвижмую собственность, составленные во время вестфальскаго владычества, были объявлены недѣйствительными. Еще менѣе взыскателенъ къ средствамъ выказался этотъ владѣтель, который въ Вѣнѣ не постыдился предложить 200 талеровъ вознагражденія полковнику Дернбергу, который во время возстанія въ 1809 году за него готовъ былъ пожертвовать жизнію,— теперь же когда дѣло шло о налогахъ и пошлинахъ, обременявшихъ народъ во время французскаго владычества. Онъ по временамъ казался либеральнымъ: такъ въ верхнемъ и нижнемъ Гессенѣ онъ далъ права гражданства евреямъ но за это они ему выплатили 100,000 талеровъ. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было ожидать согласія между нимъ и сословіями, и дыйствительно, вскорѣ началась борьба изъ-за податныхъ и государственныхъ вопросовъ; конституціонная борьба эта вяло тянулась съ 1819 года, до самой кончины курфирста, и ничѣмъ не разрѣшалась.

Смуты и конституціонные споры въ южныхъ государствахъ велись съ большею энергіей и съ большимъ оживленіемъ.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, хотя не скоро, но безъ большой борьбы установилась конституція; но за то во главѣ правленія стоялъ Людовикъ, человѣкъ твердый, знающій, съ большимъ умомъ и прозорливостью. Созванныя въ 1820 году сословія разсмотрѣли проектъ конституціи, составленный правительствомъ, и отвергли его; но тѣмъ дѣло не кончилось: въ совѣщаніяхъ между депутатами и герцогомъ выработался новый проектъ конституціоннаго положенія, и въ теченіе того же года онъ былъ принятъ и утвержденъ. Маленькая сосѣдняя земелька Нассау уже съ 1814 года ввела у себя конституціонное управленіе, съ двумя палатами.

Въ Баденѣ, по случаю спорнаго вопроса о наслѣдствѣ престола, и конституціонные вопросы приведены были въ ясность. Царствующій съ 1811 года великій герцогъ Карлъ Людовикъ лишился своихъ сыновей. Ближайшій претендентъ на престолъ былъ его дядя, Людовикъ Августъ Вильгельмъ, но онъ былъ не женатъ: слѣдовательно, со смертью его, старинный Церингенскій домъ могъ угаснуть; если же бы это случилось, то бывшая часть Пфальца съ городами Мангеймомъ и Гейдельбергомъ отошла бы къ Баваріи. Но существовала побочная линія графовъ Гохберговъ, которая вела свое происхожденіе отъ маркграфа Карла Фридриха, вступившаго въ бракъ съ особою, неравной ему по рожденію. Но царствующій герцогъ и народъ хотѣли сохранить цѣлость государства и не соглашались на то, чтобы малѣйшая часть территоріи была отторгнута; они признали полноправнымъ наслѣдникомъ графа Леопольда Гохберга, главу этой побочной линіи, и Карлъ Людовикъ въ октябрѣ 1817 года издалъ прокламацію въ этомъ смыслѣ. Но баварское правительство, недовольное предстоящею ей территоріальною потерей, подало протестъ противъ этой наслѣдственной декларації; чтобы найти достаточную опору противъ этого протеста въ собственномъ своемъ народѣ, баденское правительство дало ему либеральную конституцію. Ее обнародовали 22 августа 1818 года, во главѣ ея, какъ неотъемлемая часть ея, стоитъ фамильный законъ о наслѣдствѣ царствующаго дома. Всякія привиллегіи были отмѣнены; каждый гражданинъ, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія, имѣлъ право на всѣ высшія должности и отличія въ государствѣ; не допускались отчужденіе и продажа государственныхъ владѣній, не допускалось государственнаго займа и увеличенія, или измѣненія налоговъ безъ согласія народныхъ представителей; для засѣданія депутатовъ и здѣсь, какъ въ другихъ новѣйшихъ конституціонныхъ германскихъ государствахъ была принята система двухъ палатъ. Въ первой палатѣ засѣдали принцы велико-герцогскаго дома, главы медіатизированныхъ домовъ, римско-католическій епископъ и евангелическій прелатъ, восемь уполномоченныхъ отъ высшаго дворянства, два отъ университетовъ, кромѣ того не болѣе восьми членовъ, назначенныхъ великимъ герцогомъ; во второй палатѣ, совѣщанія которой

происходили публично, засѣдали депутаты городовъ и должностей, числомъ 63 человѣка, которые выбирались на 8 лѣтъ.

Въ апрѣлѣ 1819 года собрался первый сеймъ (ландтагъ) на основаніяхъ новой конституціи, но Карлъ Людовикъ не дожилъ до этого; въ народной палатѣ тотчасъ же обнаружился смѣлый и свободный духъ; ученый юристъ и профессоръ Карлъ Роттекъ и другіе выработали ученіе нѣмецкаго либерализма съ его оппозиціей противъ системы двухкамернаго совѣщательнаго правленія, противъ посредственныхъ выборовъ, постояннаго войска, съ его заблужденіями и достоинствами. Коснулись также идеи одного всеобщаго германскаго законодательства, до осуществленія котораго еще было неизмѣримо далеко; но какъ бы то ни было, его затронули посреди этого смѣлаго дѣятельнаго народа, въ этой отовсюду угрожаемой незначительной, пограничной странѣ. Въ спорѣ за престолонаслѣдіе съ Баваріей, великому герцогу Людовику Августу Вильгельму, вступившему на престолъ, съ декабря 1818 года, пришлось очень кстати, что русская императрица была урожденная баденская принцесса и благодаря ея вліянію великія державы и германскія средней величины государства не соглашались на увеличеніе могущества Баваріи, которая съ такими большими претензіями явилась на Вѣнскомъ конгрессѣ. Дѣло это было такого рода, что его надобно было подвергнуть разсмотрѣнію Аахенскаго конгресса, и его рѣшили такъ: Баденъ уступилъ Баваріи округъ Штейнфельсъ въ Пфальцѣ и обязался выплатить два милліона гульденовъ, но въ вознагражденіе получилъ отъ Австріи графство Герольдсэкъ въ баварскомъ среднерейнскомъ округѣ; затѣмъ территоріальныя владѣнія Бадена были признаны и утверждены Австріей, Россіей, Пруссіей и Англіей 10 іюня 1819 года.

Въ Баваріи семнадцатилѣтнее управленіе министерства Монжела произвело большія реформы; вслѣдствіе ревниваго противодѣйствія Пруссіи, здѣсь поторопились ввести конституцію. Какъ реактивныя стремленія брали перевѣсъ въ Пруссіи, такъ въ Баваріи напротивъ конституціонное начало перевѣшивало. Желаніе обогнать одну изъ великихъ державъ и тѣмъ заслужить похвалу общественнаго мнѣнія было любимой идеей, съ которой носились, но которой серьезно выполнить все-таки не хотѣли. И такъ, король Максимиліанъ Іосифъ распустилъ свое абсолютистическое министерство, бывшее подъ предсѣдательствомъ графа Монжела, и 26 мая 1818 года далъ своему народу довольно либеральную конституцію, въ которой оченьясно и опредѣленно Бавaрія утверждалась на вѣчныя времена какъ самостоятельное, неизмѣняемое королевство; такимъ образомъ и всѣ прочія германскія государства средней величины, при всякомъ обстоятельствѣ старались упрочить свое политическое существованіе. При этой конституціи всѣ граждане государства должны были нести также и всѣ тягости государства, наравнѣ, но за то имъ обезпечивалась ихъ личная свобода; допускалась свобода совѣсти и, съ нѣкоторыми законно-признанными ограниченіями, свобода печати; равенство передъ закономъ, со всѣхъ равномѣрное взиманіе податей, равная для всѣхъ воинская повинность. Законодательная власть предоставлена была королю и двумъ палатамъ, которыя регулярно собирались черезъ каждые три года, на два мѣсяца. Палата государственныхъ совѣтниковъ была составлена по образцу баденской, и въ ней только одна треть членовъ могла быть назначаема королемъ; и здѣсь главную роль играли представители медіатизированныхъ домовъ. Палата депутатовъ избиралась на шесть лѣтъ, самое избраніе происходило съ очень запутанными формальностями и подлежало очень значительному цензу; она состояла изъ 135 членовъ, въ ней были представители низшаго дворянскаго класса, католическаго и протестантскаго духовенства и университетовъ. Законоположенія палатъ получали полную силу законовъ только послѣ королевской конфирмаціи: право предлагать законы исключительно принадлежало королю. Въ числѣ эдиктовъ, обнародованныхъ вмѣстѣ съ конституціей и какъ бы составляющихъ приложеніе къ ней были и объяснительные законы; въ числѣ ихъ находилось также принятое королемъ уже 30 октября 1817 года соглашеніе съ Римомъ—конкордатъ. Конкордатъ этотъ былъ написанъ въ интересахъ іерархіи и являлъ полную оппозицію къ системѣ графа Монжела, который безпощадно истреблялъ плевелы вмѣстѣ съ пшеницей и вполнѣ уничтожилъ вліяніе католическаго духовенства въ Баваріи. Конкордатъ признавалъ полную самостоятельность католической церкви, предоставлялъ

епископамъ свободно сноситься съ Римомъ, давалъ очень широкое право надзора за народнымъ обученіемъ и даже надъ печатью въ отношеніи того, что называется вреднымъ въ іерархическомъ смыслѣ. Но духовенство все-таки было недовольно; папскій нунцій въ Мюнхенѣ протестовалъ противъ нѣкоторыхъ параграфовъ конституціи, которые, какъ ему казалось, противорѣчили конкордату, и запретилъ духовенству клятвенно признать постановленія конституціи. Съ 1819 года замѣтно возрастало вліяніе ультрамонтанское (партіи изъ-за той стороны горъ).

Самымъ оживленнымъ и своеобразнымъ образомъ развилась конституціонная борьба въ Виртембергѣ. Здѣсь съ 1797 царствовалъ король Фридрихъ I, человѣкъ энергическій, умный, но недобрый, настоящій типъ прирейнскаго султана, какъ его назвалъ одинъ историкъ и какъ называлъ баронъ Ф. Штейнъ этого наполеоновскаго вассала. Народъ съ какою-то трепетною гордостью смотрѣлъ на этого сильнаго волею, непреклоннаго человѣка, который, даже въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, сохранилъ какой-то призракъ самостоятельности. «Наши короли, сказалъ одинъ изъ жителей столицы переплетчику Перту, всегда бывали злые, своенравные люди и они заслуживали бы того, чтобы сидѣть на тронѣ покрупнѣе нашего.» Но у Фридриха I былъ правительственный умъ; онъ сознавалъ, что наступаютъ иныя времена, поспѣшилъ навстрѣчу ихъ требованіямъ и старался предупредить ихъ. Онъ приказалъ своимъ совѣтникамъ составить проектъ конституціи и созвалъ въ свою резиденцію, Людвигсбургъ, представителей медіатизированныхъ домовъ, дворянъ и народныхъ представителей королевства. Мая 15 1815 г. предложилъ онъ собранію на обсужденіе совершенно готовый проектъ конституціи, очень тщательно переплетенный въ красный сафьянъ, и былъ увѣренъ, что проектъ этотъ будетъ принятъ безъ всякихъ замѣчаній и возраженій. Но онъ ошибся. Собраніе спокойно отложило въ сторону королевскую конституцію и объявило единственно законной *старую вюртембергскую конституцію*, которую король во время своего наполеоновскаго самодержавія въ 1806 году отмѣнилъ. Но это была конституція, наполненная старинныхъ злоупотребленій и несообразныхъ основаній, уже давно отжившихъ; кромѣ того во времена наполеоновскихъ переворотовъ къ старинному Виртембергу присоединился новый, для котораго постановленія старой виртембергской конституціи вовсе не годились; то, что король давалъ народу въ своей конституцію было несравненно благоразумнѣе, современнѣе и либеральнѣе:—законодательство и сборъ податей должны были зависѣть отъ согласія *одной* палаты, составленной изъ представителей всѣхъ сословій, совѣщанія этихъ представителей совершенно свободныя; время начала засѣданій и совѣщаній палаты независимо отъ правительства; не смотря на всѣ эти выгоды и преимущества новой, руководящіе мужи съ невыразимымъ упрямствомъ и жаромъ защищали старую конституцію; и даже такой писатель, какъ Людвигъ Уландъ въ своихъ безсмертныхъ стихотвореніяхъ воспѣвалъ *старое доброе право*; оно, правда, было *старо*, можетъ быть могло назваться *правомъ*, но ужь вовсе не *добрымъ*, хорошимъ. Началась продолжительная борьба, съ обычною каждому народу и характеристическою упрямою стойкостью, между старинными дворянскими семействами и главами значительныхъ сословныхъ представителей и великимъ герцогомъ; при этой борьбѣ обнаружились большіе недостатки въ общественномъ устройствѣ и состояніи управленія вообще, но замѣчательнѣе всего то, что въ дѣлѣ этомъ король, злой, отсталый человѣкъ, защищалъ прогрессъ и ему во всемъ сильно содѣйствовалъ и помогалъ баронъ Ф. Вангенгеймъ, человѣкъ благородный, умный и глубоко либеральный.

Король скончался 30 октября 1816 года, но смуты и путаница еще продолжались. Сынъ его, Вильгельмъ I, наслѣдовалъ ему; своею твердостью, прямодушіемъ и желаніемъ блага своимъ подданнымъ онъ успѣлъ пріобрѣсти ихъ довѣріе, къ тому же въ послѣднюю войну ему удалось выказать свои воинскія способности и заслужить почетное имя неустрашимаго воина. Онъ съ истинно-королевскимъ великодушіемъ и благородствомъ хотѣлъ предупредить желанія своего народа; онъ поручилъ министру Вангенгейму написать проектъ конституціи и предложилъ его сословіямъ для разсмотрѣнія; король и министръ его надѣялись что проектъ будетъ одобренъ, что его хорошія стороны помогутъ ему пройти: предлагая кон-

ституцію сословіямъ, король объявилъ, что онъ безъ принужденія, а самъ по своей волѣ охотно даетъ и еслибы даже сословія отвергли ее, онъ спокойно будетъ выжидать, но что въ тоже время онъ предоставляетъ гражданамъ всѣ установленныя въ проектѣ права и не смотря на собраніе представителей приведетъ ихъ въ исполненіе. Но сословія по своему старо-виртембергскому упрямству и по недовѣрчивости къ иностранцу Вангенгейму,—какъ уроженецъ Кобурга, онъ въ ихъ глазахъ былъ иностранцемъ,—отвергли проектъ конституціи. Еще два года послѣ этого продолжались совѣщанія. Въ теченіе этого промежутка времени, дѣятельный король доказалъ свой благородный и либеральный образъ мыслей: онъ съ твердостью выполнилъ нѣсколько реформъ въ управленіи государствомъ, онъ уничтожилъ злоупотребленія, въ которыхъ блаженствовала господствующая каста писарей, и своею либеральною, сознательною политикою умѣлъ себя хорошо поставить въ отношеніи великихъ державъ. Наконецъ въ 1819 году былъ рѣшенъ вопросъ о конституціи въ сословной и королевской коммиссіи. Сентября 24 сословія подписали новую конституцію, а 26 король утвердилъ ее. Подъ вліяніемъ духавсеобщей европейской реакціи, она была менѣе либеральна, чѣмъ та, которой сословія не хотѣли принять, а именно составъ второй палаты въ новой былъ не вполнѣ удовлетворителенъ. Она состояла изъ депутатовъ отъ семи, добрыхъ городовъ и 64 оберамтовъ (округовъ), которые избирались по очень нераціональной системѣ выборовъ, 13 депутатовъ отъ дворянства (Ritterschaft), отъ 6 евангелическихъ генералъ-суперинтендентовъ, называемыхъ здѣсь прелатами, отъ канцлера университета, отъ католическаго епископа, отъ стараго католическаго декана и одного члена соборнаго капитула епископскаго города Роттердама; депутаты второй палаты избирались на шестилѣтній срокъ; первая палата состояла изъ королевскихъ принцевъ, изъ главъ нѣкогда медіатизированныхъ домовъ и членовъ назначаемыхъ королемъ, число которыхъ, однакожь, не должно было превышать одной трети всего числа. Право предлагать законы предоставлено было исключительно правительству; засѣданія второй палаты происходили публично, открыто, требованія о разрѣшеніи налоговъ зависѣли прежде всего отъ нея. Король созывалъ и отсрочивалъ засѣданія палаты депутатовъ, если онъ распускалъ вторую, то въ шестимѣсячный срокъ она выборами должна быть вновь составлена.

Тѣже самыя идеи и начала служили основаніемъ конституцій, у прочихъ болѣе мелкихъ владѣній, которыхъ по одиночкѣ даже и перечислить нельзя; вездѣ одно и тоже начало государственныхъ, гражданскихъ сословныхъ правъ взамѣнъ феодальныхъ, вездѣ одна и таже равноправность для всѣхъ сословій безъ различія, участіе народа въ законодательствѣ и въ назначеніи податей и т. д. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что конституціи четырехъ, такъ называемыхъ, вольныхъ городовъ, вовсе не отличались особеннымъ либерализмомъ; это служитъ доказательствомъ, что либеральныя учрежденія и ученіе о свободѣ не всегда бывали стѣсняемы только своекорыстіемъ и династическимъ высокомѣріемъ государей. Народное представительство вездѣ было что-то среднее между сословными и парламентскими корпораціями, въ одно и тоже время оно страдало хроническими недостатками старости и нѣкоторыми дѣтскими болѣзнями новыхъ учрежденій; въ немъ сильно отразилось парламентское вліяніе Франціи, краснорѣчивые представители которой увлекательно дѣйствовали на южно-германское народонаселеніе, въ средѣ котораго находилось много родственныхъ имъ умовъ.

с. Обѣ великія державы и побѣда реакціи.

Между тѣмъ положеніе вещей вообще приняло такой оборотъ, отъ котораго молодому, еще неокрѣпшему конституціонному духу нельзя было ожидать свободнаго развитія. Ясно было, что все зависитъ отъ того, какъ обѣ великія державы Германіи, Австрія и Пруссія, будутъ смотрѣть на конституціонно-ограниченный образъ правленія, предложенный въ 13 параграфѣ союзнаго акта вѣнскаго конгресса.

Въ Австріи, искони вѣковъ, въ этомъ отношеніи существовалъ, со стороны правительства, духъ нетерпимости, и эта нетерпимость при безпечности и лѣности всего народа, всегда могла исполнять свою волю. Императоръ Францъ II, царствовавшій съ 1792 года, выказывалъ въ своемъ характерѣ странную смѣсь добродушія и жестокосердія, честности и коварства; при здравомысліи въ отдѣльныхъ вопросахъ, онъ выказывалъ совершенное отсутствіе обширныхъ и возвышенныхъ воззрѣній; хлопотливый и трудолюбивый въ мелочахъ, любопытный, жаждущій знать все раньше другихъ, чтобы рѣшать дѣла, смотря по обстоятельствамъ, скоро и рѣзко, въ иныхъ случаяхъ онъ былъ лѣнивъ и проволачивалъ дѣло безъ цѣли, боялся всякаго серьезнаго, глубокаго труда, былъ человѣкъ незнающій, равнодушный и хуже всего глубокоэгоистичный. У него и въ умѣ не было соглашаться на какія бы то ни было уступки въ пользу народа, съ которымъ онъ однакожь въ отдѣльныхъ случаяхъ былъ ласковъ, довѣрчивъ и очень часто благосклонно принималъ въ аудіенціяхъ и выслушивалъ его жалобы и нужды; народъ любилъ его, потому что въ образѣ жизни, въ манерѣ смотрѣть на вещи, въ разговорѣ онъ былъ истиннымъ жителемъ Вѣны и все-таки при этомъ оставался австрійскимъ императоромъ. Этотъ государь не имѣлъ понятія объ исторической необходимости, о существенныхъ потребностяхъ государства, о законахъ прогресса рода человѣческаго; онъ довольствовался тѣснымъ религіознымъ взглядомъ и устарѣлыми формами религіи, прирожденной габсбургскому дому. Всякая конституція была бы для него новизною, которая отъ него потребовала бы разрѣшенія новыхъ задачъ, и этого одного было бы достаточно, чтобы оттолкнуть его отъ уступокъ, неизбѣжныхъ при этомъ новомъ началѣ. Онъ придерживался вѣнской поговорки: «пусть все идетъ по старому!» Ему вторилъ его первый министръ, князь Клементій Лотарь Меттернихъ, но только прикрывалъ свои бѣдныя правила пышной одеждой глубокомысленнаго политика. Этотъ злосчастный человѣкъ подготовилъ своею тридцатилѣтнею, коснѣющею въ отжившей старинѣ, неразумной политикой, всѣ тѣ потрясенія, отъ которыхъ Австрія страдаетъ, начиная съ 1848 года; онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго прирейнскаго дома и родился въ 1773 году 15 мая; вся его жизнь служила доказательствомъ правдивости изреченія одного шведскаго государственнаго человѣка, говорившаго о событіяхъ 1815—1830 годовъ, что міръ управляется минимумомъ мудрости. Меттернихъ поступилъ въ австрійскую службу очень молодымъ человѣкомъ, — «очень милый молодой человѣкъ и совершенный кавалеръ», какъ его аттестовалъ Кауницъ; очень скоро свыкся онъ съ потребностями и интригами двора и въ самое короткое время по посредствующимъ ступенямъ, дошелъ до должности государственнаго канцлера (1812), очень ловко воспользовался 1813 годомъ, чтобы вывести Австрію изъ угнетеннаго положенія во время наполеоновской эпохи и доставить ей выгодное положеніе въ числѣ европейскихъ державъ, а для себя славу и вліяніе великаго государственнаго человѣка и политика, а главное необходимыя средства для своихъ безграничныхъ тратъ. Наступило время новыхъ порядковъ вещей для Европы, въ которыхъ онъ принималъ не малое участіе, для чего онъ безъ оглядки выбиралъ путь интриги, посредничества и подавленія того, или другаго начала средствами, на которыя человѣкъ съ болѣе щекотливымъ чувствомъ чести не рѣшился бы. Поверхность потока европейской жизни сгладилась, наступила пора покоя, которымъ министръ Меттернихъ умѣлъ воспользоваться, чтобы насладиться жизнію: чтобы это видимое поверхностное спокойствіе сдѣлалось задачею жизни этого человѣка, у него, также какъ у императора не было благородной гордости создать что нибудь прочное и постоянное для величія и счастія народа. Вѣроятно, онъ понималъ, какія волненія кроются подъ этимъ видимымъ спокойствіемъ, понималъ съ какими опасностями сопряженъ каждый шагъ къ независимости для государства, составленнаго подобно австрійскому изъ такихъ противорѣчащихъ другъ другу элементовъ. Онъ оставался твердъ своему правилу: «поддерживать все существующее всѣми полицейскими и судебными мѣрами, безъ всякаго снисхожденія и ограниченія, не взирая на то, хорошо, или дурно старое.»

Эта система, если можно назвать системой то, что въ дѣйствительности было проявленіемъ лѣни, или неспособности, нашла очень большое примѣненіе особенно въ итальянскихъ провинціяхъ; здѣсь эта система полицейская была дове-

дена до полнаго и къ несчастію художественнаго совершенства, имѣвшаго самое гибельное вліяніе на всю государственную администрацію. Народонаселеніе германскихъ областей Австріи, а преимущественно, столичное съ легкомыслiемъ предавалось удовольствіямъ и гонялось за ними; недаромъ орудіе Меттерниха Фридрихъ Генцъ самъ говоритъ, что охота, скачки и гулянья въ Пратерѣ составляютъ высшее благо австрійцевъ и предаваясь имъ они охотно погружаются въ политическій сонъ. Бури революцiи западныхъ державъ прошли для австрійскаго народа безслѣдно; благородныя, возвышающія душу стремленія классической литературы Германіи мало шевельнули застой Австріи. Короткое пробужденіе народа въ 1809 году, составившее самую славную страницу Австріи въ ея исторіи XIX столѣтія, не произвело однакожъ глубокаго и продолжительнаго впечатлѣнія на народъ; духъ послѣдней борьбы для народа не былъ духомъ свободы, война прошла безслѣдно для него, какъ всякая война, затѣянная кабинетомъ. Вотъ почему 13 параграфъ союзнаго акта никого не заставилъ задуматься. Старыя сословныя представительства «п о с т у л а т н ы х ъ л а н д т а г о в ъ» частію сохранились въ прежнемъ видѣ, частію сдѣлались очень удобными союзниками бездѣйствія; такъ было въ Тиролѣ и Форалбергѣ 1817, въ Галиціи 1817, въ Крайнѣ 1818 г.; но сословія эти не имѣли ни малѣйшаго значенія и никакого вліянія, и ихъ старались оставить въ такомъ положеніи. Венгерскаго сейма не созывали 14 лѣтъ, а трансильванскаго въ теченіе 23 лѣтъ. Администрація повсюду была въ рукахъ безсмысленныхъ, лѣнивыхъ и подкупныхъ чиновниковъ, слабый механизмъ управленія зависѣлъ отъ вѣнскихъ канцелярій. Этому чиновничеству все было подчинено, даже дворянство и духовенство, хотя съ другой стороны заботились о томъ, чтобы возвысить вліяніе послѣдняго въ народѣ, и поддержать уваженіе къ нему; съ этой цѣлью распространяли монастыри и устанавливали новыя мѣста для пилигримствъ и поклоненій, а между прочимъ и тѣмъ, что протестантовъ притѣсняли въ видахъ усиленія католицизма; въ одномъ Тиролѣ насчитывалось 170 мѣстъ, куда ходили на поклоненіе. Гдѣ бы ни замѣчалось усиленное и либеральное умственное движеніе, его тотчасъ подавляли; только тогда, когда подъ руководствомъ Штейна, начали собирать историческіе памятники Германіи—M o n u m e n t a G e r m a n i a e, и въ Вѣнѣ, чтобы сохранить приличіе, нѣкоторымъ опытнымъ риторамъ, какъ Фр. Шлегелю и Фр. Генцу дали задачу собирать источники для исторіи; Фридрихъ Генцъ, жалкій, трусливый, погибшій въ излишествахъ софистъ, какъ Штейнъ его называетъ, написалъ: «если дѣло это будетъ какъ слѣдуетъ о р г а н и з о в а н о, въ Австріи на него будутъ смотрѣть подозрительно, гдѣ, несмотря на то, какъ бы желательно ни было возсозданіе историческихъ событій, но все-таки неминуемо спросятъ, какое у п о т р е б л е н і е можно сдѣлать изъ исторіи?» Если что и сдѣлано было для народныхъ училищъ и для образованія вообще, то это не только не развивало ума, а скорѣе подавляло его. Матеріальное положеніе сельскихъ учителей было самое плачевное; по учебникамъ строго распредѣлено было, что и сколько должно быть выучено въ данное время и въ извѣстный урокъ; надзоръ за народнымъ и общественнымъ обученіемъ порученъ былъ духовенству. Церковное свидѣтельство, котораго нельзя было добиться только строгимъ исполненіемъ обрядовъ, но которое по большей части покупалось тѣмъ, или другимъ способомъ, было необходимо для каждаго повышенія и успѣшнаго предпріятія. Обученіе въ иностранныхъ университетахъ было въ Италіи съ 1817, и въ остальныхъ провинціяхъ съ 1819 года строго запрещено, подъ опасеніемъ строгой денежной пени. Изъ искусствъ нѣкоторымъ покровительствомъ пользовались музыка и театръ, но изъ представленій сценическихъ строго изгонялось все, что могло пробудить высшія стремленія ума. Одна изъ сторонъ этой угнетательной системы заключалась въ томъ, что матеріальными выгодами старались замѣнить недостатокъ духовнаго развитія; это самая роковая ошибка правительственныхъ мѣръ. Въ этотъ періодъ, правда, много сдѣлано въ отношеніи путей сообщенія, исправленія и уравненія рѣчныхъ теченій, соединительныхъ каналовъ; налагая большія пошлины на ввозъ иностранныхъ товаровъ, пытались больше содѣйствовать распространенію туземныхъ произведеній и возвысить ихъ качества. Но жалкое положеніе финансовъ, характеристическою чертою которыхъ былъ среднимъ числомъ ежегодный дефицитъ въ 50 милліоновъ гульденовъ, пытались отвра-

тить, покрывая одни долги другими долгами и прибѣгая къ очень двусмысленнымъ финансовымъ мѣрамъ, открывавшимъ обширное поприще спекуляціямъ и корыстолюбію отдѣльныхъ лицъ, но вообще парализовавшихъ здоровое развитіе цѣлаго общества. Сельское хозяйство страдало подъ гнетомъ дурно распредѣленныхъ прямыхъ повинностей; реформа ихъ, хотя и была окончена, но какъ всякая другая изъ лѣности не приведена въ исполненіе; кромѣ того были еще косвенные налоги, которые являлись подъ разными благовидными предлогами, и еще болѣе косвенными налогами, какъ выражается одинъ остроумный писатель, какіе приноситъ съ собою нищенство, роскошь церквей и монастырей, лѣнтяйничанье народа въ безчисленные праздничные дни, многочисленныя мѣста поклоненій и частыя пилигримства къ нимъ. Все это зло не могло быть вознаграждено тѣмъ, что свѣтъ, такъ тщательно гасимый въ государствѣ, все-таки проникалъ въ него черезъ безчисленныя щели; стало даже особенною модою читать все запрещенное и по возможности имѣть у себя все запрещенное свѣтскою и духовною полиціей; но изъ этого проистекло новое зло: австрійскіе подданные привыкли толковать обо всѣхъ злоупотребленіяхъ, разсуждать о нихъ, но никто руки не поднималъ, чтобы исправить или устранить существующее зло.

Провести эту систему въ Европу и упрочить ея существованіе въ ней, сдѣлалось одною изъ главныхъ цѣлей австрійской политики, потому что правительство Австріи только всеобщимъ распространеніемъ этой системы могло обезпечить отъ революціонныхъ началъ существованіе своего государства, составленнаго изъ обломковъ различныхъ націй. Меттерниху дѣйствительно удалось эту жалкую ретроградную политику выдать монархамъ, заключившимъ священный союзъ, какъ истинный смыслъ и содержаніе этого страннаго договора, договора до сихъ поръ слывшаго у Меттерниха пустословнымъ (verbiage), и тогда только сталъ онъ относиться къ нему иначе, когда нашелъ возможнымъ придать ему другое толкованіе. Для удобнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей, онъ нашелъ сильную поддержку въ ребяческомъ страхѣ революцій съ одной и въ преувеличенномъ представленіи о божественности правъ государей съ другой стороны; прежде всего Меттерниху надобно было, для достиженія своей цѣли, чтобы Германія раздѣляла его образъ мыслей, но на Германію можно было только тогда дѣйствовать, когда Пруссія, эта вторая великая германская держава, съ его точки зрѣнія будетъ смотрѣть на толкованіе смысла акта священнаго союза.

Для Пруссіи 13 параграфъ союзнаго акта, или вопросъ о конституціи, имѣлъ весьма глубокое значеніе. Пруссія, по окончаніи войны, явилась государствомъ, почти съ исключительно нѣмецкимъ народонаселеніемъ; но эти германскія области, которыя для Пруссіи имѣли неисчерпаемое благо племеннаго единства, къ сожалѣнію были растянуты отъ границъ Россіи, до границъ Франціи съ крайне невыгоднымъ развитіемъ пограничной линіи: но еще неблагопріятнѣе для государственнаго единства было то, что народонаселеніе вновь пріобрѣтенныхъ, чисто нѣмецкихъ областей, было чуждо прусскимъ интересамъ, съ неудовольствіемъ смотрѣло на присоединеніе къ ней и вовсе не сочувствовало политическому единству, какое она имъ предлагала. Болѣе ста мелкихъ старинно-германскихъ территорій, равно какъ и часть Саксоніи, присоединенныя къ Пруссіи, далеко не спокойно и не дружелюбно смотрѣли на этотъ насильственный союзъ. Въ сущности Австрія осталась просто тѣмъ, чѣмъ она прежде была; Пруссіи же досталась гораздо труднѣйшая задача; ей надобно было свое государственное устройство такъ придумать, чтобы $4^1/_2$ милліона вновь пріобрѣтенныхъ подданныхъ чувствовали себя хорошо подъ новымъ управленіемъ; надобно было, чтобы $4^1/_2$ чисто германскаго племени, принадлежавшихъ къ различнѣйшимъ территоріямъ и лохмотьямъ территорій Германіи, сдѣлались пруссаками.

Эта задача мало-по-малу была выполнена, но не такъ быстро, какъ бы того хотѣли либералы, и не безъ предварительныхъ ошибокъ и несоотвѣтствующихъ мѣръ. Одни, къ числу которыхъ также принадлежалъ знаменитый правовѣдъ Савиньи, несмотря на ученость котораго, его мнѣніе все-таки осталось поверхностнымъ, говорилъ, что «Пруссія, какъ государство, находящееся въ исключительно опасномъ положеніи, по необходимости должна быть военнымъ государствомъ; она должна сосредоточивать свои силы въ войскѣ; единство и энергія ея правитель-

ства не должны подвергаться случайностямъ отъ вмѣшательства и краснорѣчія сословныхъ представителей; къ тому же по мнѣнію ихъ, и въ этомъ отношеніи справедливому, составныя части ея слишкомъ разнородны, еще слишкомъ мало знаютъ другъ друга, чтобы сообща составить представительное правительство; къ тому же, справедливо замѣчали они, вновь пріобрѣтенныя провинціи, да частію и старинныя болѣе заботятся о томъ, чтобы сохранить свои исключительныя старинныя льготы и права, или злоупотребленія, нежели стремятся къ новымъ уравнивающимъ правамъ и законамъ. Противное этому мнѣнію утверждали ученые, Гнейзенау, военный министръ Бойенъ, генералъ Бейме, Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ, Штегеманъ, Эйхгорнъ, истинные свѣтила и руководители духовной жизни своего времени,—что съ той поры, какъ народъ вооружился, прусская армія сдѣлалась народною арміей и Пруссію нельзя уже называть военнымъ государствомъ, въ прежнемъ смыслѣ слова; что самое вѣрное и безошибочное средство соединить всѣ отдѣльныя провинціи въ одно цѣлое, слить и сплавить народы въ одинъ, это—дать ему одну конституцію съ правомъ общаго представительства; это единственный способъ, по словамъ Штейна, при отсутствіи географическаго, народнаго и религіознаго единства, дать разрозненнымъ частямъ Пруссіи неизреченное благо политическаго единства. Кромѣ того, говорили они, король связанъ обѣщаніемъ; эдиктомъ отъ 22 мая 1815 года онъ обязался дать народу конституцію и представительство страны, что обѣщаніе это подтверждено, уже много разъ упомянутымъ 13 параграфомъ союзнаго акта; еслибы у нихъ тогда же достало мужества сознаться въ суровой дѣйствительности, они могли бы прибавить, что введеніе либеральной представительной конституціи для Пруссіи лучше всего пригодно ужь по одному тому, что Австрія всѣми силами отбивалась отъ нея. Король, несмотря на свое благородство, совѣстливость, справедливость, лишенный высокомѣрнаго деспотизма, въ тоже время былъ лишенъ и стремленія идти впередъ; у него были недостаточно твердыя убѣжденія, онъ былъ недовѣрчивъ къ себѣ, склоненъ принимать посторонніе убѣжденія и при этой шаткости характера оставался перѣшительнымъ и не приставалъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Онъ не препятствовалъ новому, либеральному законодательству, которымъ Штейнъ, а послѣ него Гарденбергъ, хотѣли положить основаніе новому государственному устройству, и охотно соглашался съ причинами требующими представительнаго образа правленія; но по своей природѣ онъ жаждалъ спокойствія; для него были противны всѣ проявленія парламентской дѣятельности—адресы, тронныя рѣчи, пренія и т. д., кромѣ того существовала ретроградная партія, во главѣ которой стоялъ князь Витгенштейнъ; она всѣми силами удерживала стремленія людей передовыхъ; она была могущественна, потому что къ ней принадлежало значительное число дворянства и чиновничества, видѣвшее свои личныя выгоды въ томъ, чтобы правленіе было сосредоточено въ одномъ лицѣ и не зависѣло отъ вмѣшательства и стремленій сторонниковъ реформы.

При такихъ обстоятельствахъ, королю казалось лучше всего склониться на третье, среднее воззрѣніе, представителемъ котораго былъ легаціонный совѣтникъ Ансильонъ. По этому мнѣнію конституцію во всякомъ случаѣ слѣдовало дать; но съ нею нечего спѣшить, надобно ей дать время созрѣть, ее надобно подготовить; пока же для Пруссіи достаточны блага справедливаго и разумнаго правленія и вкоренившагося, ничѣмъ неистребимаго въ народѣ духа, хотя медленнаго, но постояннаго прогресса. Надобно сознаться, что задача гораздо болѣе важная и безотлагательная состояла въ томъ, чтобы для этого, на половину новаго, государства, создать единство управленія прежде, чѣмъ приступить къ осуществленію животворящей представительно-конституціонной формы правленія. Въ смыслѣ выжиданія, подъ видомъ необходимости строго и совѣстливо все обдумать и взвѣсить, нисколько не отказываясь отъ конституціи, отвѣчалъ король Фридрихъ Вильгельмъ въ 1817 году на адресы, которые по этому поводу посыпались на него, когда онъ пріѣхалъ осматривать свои рейнскія провинціи. Не малое участіе въ этомъ конституціонномъ вопросѣ и волненіи умовъ принималъ пламенный Герресъ. «Я опредѣлю, говорилось въ декларацiи отъ 21 мая 1818, когда можно будетъ приступить къ составленію сословно-представительной конституціи, и несвоевременными представленіями и адресами меня нельзя подвинуть къ скорѣйшему исполненію дѣла,

которое должно в и къ своей цѣли спокойнымъ, неторопливымъ шагомъ». Дѣйствительно, шаги дѣлались, потому что у короля не было и тѣни помысла—не выполнить даннаг обѣщанія; вопросъ этотъ безпрерывно разсматривался и взвѣшивался, даже с никомъ основательно и слишкомъ глубоко; въ мартѣ 1817 года былъ возобновле государственный совѣтъ, учрежденный еще въ 1808 году, и изъ среды его на ачена коммиссія для составленія конституціоннаго акта. До сихъ поръ обѣ партіи равновѣшивали другъ друга, и прогрессивная партія еще имѣла перевѣсъ посред вомъ своего естественнаго разумнаго начала; но въ теченіе 1818 года король, испуганный волненіемъ учащейся молодежи и свободнымъ ихъ языкомъ, который ему пришлось слушать на берегахъ Рейна, видимо сталъ склоняться на сторону защитниковъ затишья и ретроградовъ: во время конгресса въ Аахенѣ, продолжавшагося отъ сентября до ноября 1818 года, три монарха, подтвердили, въ новомъ смыслѣ, договорный актъ священнаго союза и отозвавъ наблюдательныя войска, занимавшія Францію, все свое вниманіе обратили на внутренняго врага, обнаружившагося въ университетскихъ безпорядкахъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла; но тутъ весною 1819 года произошло сумасбродное убійство, совершенное Зандомъ; Меттернихъ и его прусскіе союзники выиграли свое дѣло: «Теперь нечего и думать о конституціи, въ Пруссіи она невозможна», воскликнулъ Гарденбергъ, когда до него дошла вѣсть о происшествіи.

Поступокъ Занда и слѣдовавшее за нимъ покушеніе Ленинга, казалось, вполнѣ оправдывали донесеніе Стурдзы. У Фридриха Вильгельма не было достаточно характера, чтобы противиться этому впечатлѣнію. Началось гоненіе на демагоговъ. Императоръ Францъ предложилъ собрать совѣщательный съѣздъ министровъ въ Карлсбадѣ; Меттернихъ предварительно обо всемъ условился съ королемъ и съ слабохарактернымъ, хотя и знающимъ и умнымъ княземъ Гарденбергомъ; въ августѣ съѣхались министры и уполномоченные разныхъ германскихъ владѣній: начались тайныя совѣщанія. Австрійскій дипломатъ предложилъ для предмета совѣщаній—опасность, какая угрожаетъ всему германскому союзу вообще и всѣмъ союзникамъ въ отдѣльности, отъ революціонныхъ предпріятій общества демагоговъ; въ цѣломъ ряду тайныхъ совѣщаній разбирались мѣры, какія необходимо предпринять для того, чтобы отстранить опасность, какую ожидать можно. То, что было рѣшено въ этой коммиссіи единодушно, за исключеніемъ одного изъ ея членовъ, вюртембергскаго уполномоченнаго графа Винцингероде, австрійскій уполномоченный, президентъ союзнаго собранія Буоль-Шауенштейнъ, предложилъ собранію въ видѣ опредѣленно выраженныхъ представленій, и на этотъ разъ, къ всеобщему удивленію, это обыкновенно сонное и вялое учрежденіе, выказало необыкновенную энергію и дѣятельность при утвержденіи мѣръ политическаго угнетенія. До сихъ поръ союзное собраніе во многихъ случаяхъ выказывало свое бездѣйствіе: во времена вестфальскаго владычества нѣкоторые изъ подданныхъ Кургессена купили себѣ земли; когда же курфирстъ, послѣ реставраціи, не хотѣлъ признать законности купчихъ актовъ, обиженные этой вопіющей несправедливостію обратились къ союзному собранію съ жалобами на притѣсненія; но курфирстъ въ дерзкомъ и высокомѣрномъ письмѣ къ собранію, грубо запретилъ ему вмѣшиваться во внутреннія дѣла своего государства; также союзное собраніе ничего не сдѣлало, когда въ голодный 1816 г. отдѣльныя государства германскаго союза налагали безумныя запрещенія на вывозъ хлѣба, или посредствомъ непомѣрно высокихъ пошлинъ доводили другъ друга до крайняго голода, союзному совѣту предложено было снять пошлину съ съѣстныхъ припасовъ, тогда собраніе пальцемъ не пошевельнуло и предоставило природѣ помочь горю и новому урожаю поправить несчастія отъ голода. Точно также союзный совѣтъ ничего не сдѣлалъ, чтобы защитить нѣмецкія купеческія суда, на которыя въ виду нѣмецкихъ береговъ нападали тунисскіе корсары, грабили ихъ и уводили въ неволю; и въ этомъ случаѣ союзный совѣтъ оставался въ бездѣйствіи и довольствовался тѣмъ, что выразилъ скромное желаніе, чтобы сильныя морскія державы смотрѣли внѣ Средиземнаго моря на варварскія суда, какъ на разбойничьи, и преслѣдовали ихъ, какъ таковыя. Но когда дѣло коснулось до рѣшеній тайныхъ совѣщаній **карлсбадской конференціи**, тогда въ союзномъ совѣтѣ выказалась небывалая энергія: достаточно было одного совѣщанія, чтобы утвердить цѣлый рядъ мѣръ которыя противорѣчили

основнымъ началамъ устава германскаго союза нарушали самымъ глубокимъ образомъ всѣ права отдѣльныхъ государствъ союза.

Эти рѣшенія вели за собою строгія полицейскія исполнительныя мѣры, которыя по необходимости должны были слѣдовать за строго предписанными союзнымъ собраніемъ правилами для охраненія внутренней безопасности и общественнаго порядка и собственности. При университетахъ положено было учредить особыхъ правительственныхъ комиссаровъ, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы наблюдать за профессорами и студентами; профессора, отставленные за неблагонадежное вліяніе на студентовъ, не могли быть приняты потомъ ни въ одинъ изъ германскихъ университетовъ; студенты, по тѣмъ же причинамъ исключенные изъ какого либо университета, не могли поступать ни въ какой другой; правительства другъ передъ другомъ обязались не допускать въ печати ничего такого, что могло бы повредить спокойствію, безопасности, или значенію другой союзной державы. Они предоставили союзному собранію право запрещать сочиненія, которыя могли быть вредны или для спокойствія, или для безопасности, или для достоинства цѣлаго союза, или его отдѣльныхъ государствъ, предварительно же на пятилѣтній срокъ завели строгую цензуру для всѣхъ періодическихъ изданій и для сочиненій по объему не меньше 20 печатныхъ листовъ; наконецъ для того, чтобы уничтожить предполагаемыя вліянія и намѣренія демагогической партіи, учредили **центральную слѣдственную комиссію** изъ семи членовъ и назначили ей засѣдать въ Майнцѣ.

Позднею осенью того же года продолжались конференціи нѣмецкихъ министровъ въ Вѣнѣ: посредствомъ ихъ, австрійскій государственный канцлеръ старался довести до конца дѣло, начатое въ Карлсбадѣ. Но онъ встрѣтилъ оппозицію со стороны представителей нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствъ, какъ напримѣръ: баварскаго министра ф. Центнера, вюртембергскаго — ф. Манделслое, кургессенскаго — ф. Тротта; они подали свой протестъ противъ такого расширенія правъ союзнаго собранія. Въ Штутгартѣ и Мюнхенѣ гораздо болѣе опасались властолюбія крупныхъ державъ, нежели ребяческихъ глупостей демагоговъ; въ сущности же выработанный въ Вѣнѣ—**заключительный**, отъ 15 мая 1820 года, дополнительный и объяснительный **союзный актъ** вполнѣ соотвѣтствовалъ только видамъ и цѣлямъ Австріи. Въ этомъ актѣ союзъ опредѣлялся, какъ **союзъ основанный на народномъ правѣ** и нерасторжимый; этотъ актъ опредѣлялъ организацію союзнаго собранія и его дѣятельность относительно представленныхъ на разсмотрѣніе вопросовъ: внѣшнія отношенія, войско, союзныя войны, общія финансовыя дѣла, вмѣшательство во внутреннее управленіе отдѣльныхъ частей союза; въ 54 параграфѣ этого вѣнскаго трактата, состоящаго изъ 65 параграфовъ, говорится, что союзное собраніе обязано заботиться о томъ, чтобы 13 параграфъ союзнаго акта, касательно конституціи съ народными представителями, непремѣнно ни въ одномъ отдѣльномъ союзномъ государствѣ не остался не выполненнымъ и (въ 56 §) что конституція, признанная, принятая и введенная, можетъ быть уничтожена и отмѣнена только тѣмъ же конституціоннымъ путемъ; но слѣдующіе за тѣмъ параграфы 57, 58 и 59 ясно показывали, какъ въ самомъ дѣлѣ понималась эта назначающая и охраняющая конституціи статья. Въ первомъ изъ нихъ (57) говорится: «такъ какъ союзъ составленъ изъ царствующихъ государей, то вслѣдствіе этого основнаго понятія и вся такъ называемая правительственная сила должна быть соединена въ лицѣ одного верховнаго главы государства и что только въ исполненіи извѣстныхъ правъ, глава правительства (государь) связанъ совѣщательной силой сословныхъ представителей; во второмъ говорится, что никакая конституція не въ состояніи ни помѣшать, ни ограничить государя въ исполненіи его обязанностей, какъ члена германскаго союза; наконецъ въ третьемъ изъ этихъ параграфовъ, въ 59 говорится, что тамъ, гдѣ въ конституціонныхъ государствахъ представители совѣщаются публично, или гдѣ ихъ споры и мнѣнія публикуются, они обязаны дать гарантію въ томъ, что не будутъ употреблять свободу рѣчи во зло.

Меттернихъ могъ полагать, что онъ достигнулъ своей цѣли, особенно касательно германскихъ дѣлъ. Когда онъ совершенно окончилъ карлсбадскія рѣшенія, то онъ могъ полагать, что все въ порядкѣ, больше желать нечего и каждый, удо-

вольствовавшійся настоящимъ успѣхомъ, можетъ спокойно сидѣть дома, сложивъ руки и ждать, что дальше будетъ. Очень походило на то, что такъ и будетъ, потому что хитрому политику удалось свой образъ мыслей вполнѣ навязать сильнѣйшимъ державамъ и увлечь ихъ за собою. Пруссія, казалось, отреклась отъ всѣхъ своихъ правъ и не имѣла болѣе своего взгляда на нѣмецкую политику, въ которой уже потеряли силу люди, подобные Гумбольдту, Гролману, Бейме; имъ дали отставку въ декабрѣ 1819 года, но зато усилились Витгенштейнъ, графъ Бернсторфъ и. измѣнившій своему первоначальному направленію, вполнѣ вошедшій въ австрійскій образъ дѣйствія и способъ пониманія—слабодушный Гарденбергъ. Покрой студенческаго платья и воротниковъ занималъ большую часть времени засѣданій этого министерства. Іанъ сидѣлъ подъ арестомъ, Арндтъ былъ отставленъ и его мучили слѣдствіями и допросами на счетъ помѣтокъ, сдѣланныхъ собственноручно королемъ на поляхъ бумагъ, еще со времени войны за независимость, какъ напримѣръ: «еще нѣсколько экзекуцій и дѣлу конецъ», на это смотрѣли, какъ на выраженіе революціоннаго образа мыслей профессора; профессоръ де-Ветте въ Берлинѣ былъ отставленъ за письмо, написанное имъ несчастной матери Занда—оно само по себѣ не заключало въ себѣ ничего предосудительнаго и было написано съ цѣлью утѣшить несчастную мать, и становилось предосудительнымъ только отъ того, что она была мать Занда; Гересъ, только что издавшій въ 1819 году свою книгу «Германія и революція» и излившій свое сердце въ пламенныхъ посланіяхъ, принужденъ былъ бѣжать въ Швейцарію. Но серьезной оппозиціи нигдѣ и слѣда не было. Ничего не выходило изъ того, когда по временамъ то тутъ, то тамъ раздавался протестъ въ словахъ, или въ дѣлѣ, какъ напримѣръ благородный Дальманъ вышелъ изъ редакціи начатаго Штейномъ изданія Германскихъ историческихъ источниковъ только потому, что не хотѣлъ работать вмѣстѣ съ четырьмя, находившимися съ нимъ, посланниками союзнаго сейма, которые противъ профессоровъ явились съ ложными свидѣтельствами; или когда Гумбольдтъ въ прусскомъ государственномъ совѣтѣ протестовалъ противъ оскорбленія прусской чести, въ то время когда министръ иностранныхъ дѣлъ защищалъ право суда надъ прусскими подданными, предоставленное иностраннымъ судамъ, а именно майнцской коммиссіи. Въ нѣкоторыхъ государствахъ средней величины тоже проявлялась оппозиція; какъ напримѣръ, въ Вюртембергѣ и Баденѣ, гдѣ даже не публиковали вѣнскаго заключительнаго акта; но все это не имѣло значенія. Австрія и Пруссія были согласны и дѣйствовали за одно, чтобы подавить всякую попытку къ независимости; нѣмецкій народъ, выдаваемый за революціонный, безмолвно смотрѣлъ на теченіе дѣлъ и большинство благонамѣренныхъ гражданъ были довольны, что безопасность ихъ вполнѣ охраняема; хотя революціонныхъ попытокъ и волненій не было, но было много людей, которые съ жаромъ выслѣживали мнимые заговоры и замыслы и доносили объ нихъ. Отношенія съ Россіей, какъ съ союзницей, были самыя хорошія, въ отношеніи романскихъ государствъ тоже нечего было опасаться; все, казалось, уладилось къ лучшему.

В. РОМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

I. Франція.

На тронѣ, также быстро возстановленномъ, какъ низвергнутомъ, вторично сѣлъ Людовикъ XVIII. Бурбоны во второй разъ вернулись во Францію, благодаря силѣ чужеземнаго оружія; во второй разъ побѣда надъ французами открыла ворота столицы для французскаго короля. Такое насильственное возвращеніе не могло нравиться воспріимчивому и раздражительному народу, и въ немъ естественно явилась ненависть къ виновнику униженія. Къ тому же, чѣмъ сильнѣе въ народѣ былъ возбужденъ воинственный энтузіазмъ, тѣмъ чувствительнѣе для него было пораженіе, постигшее его, такое осязательное и очевидное, что его даже самые хвастливые люди не могли преобразить въ побѣду; и что еще досаднѣе, не было даже возможности потребовать за него къ отвѣту какое либо отдѣльное лицо, или семейство, или даже партію, какъ это обыкновенно водится во Франціи.

Между тѣмъ въ этомъ-то и заключалось для реставрированной королевской власти одно изъ множества затрудненій, хотя и не главное; а это состояло въ томъ, что на почвѣ Франціи столпилось множество партій, изъ которыхъ каждая по своему понимала Францію и судила о ней; возвратившійся король не былъ королемъ цѣлой Франціи, но только главою партіи, хотя въ данную минуту и самой сильной. Партія роялистовъ, возвратившаяся вслѣдъ за королемъ изъ изгнанія, или вынырнувшая подъ его покровительствомъ изъ какихъ либо захолустьевъ въ которыхъ она пряталась, хотѣла возсоздать древнюю Францію, съ ея духовенствомъ и дворянствомъ; пыталась опять развернуть знамя о трехъ лиліяхъ, такъ видимо покровительствуемое во время оно Пресвятою Дѣвою, однимъ словомъ возвратить Францію, какая она была до 1789 года: но древнюю Францію отъ новѣйшей отдѣляла пропасть, море крови, годы изгнанія, нужды, горькихъ сожалѣній и утратъ съ одной стороны, съ другой гордая Франція, отуманенная побѣдами, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ облетѣвшая міръ; могло ли быть что нибудь общаго между республиканскою и роялистскою партіею? Здѣсь, на почвѣ общаго отечества не сошлись люди съ различными убѣжденіями, которые могли бы составить одинъ народъ, не смотря на свои различные взгляды: изъ ихъ споровъ и столкновеній, какъ это часто бываетъ при здоровомъ состояніи общества, могла бы выйти истина, способная принести пользу для государства; но здѣсь было совсѣмъ не то: здѣсь сошлись люди, принадлежащіе къ враждебнымъ лагерямъ; для нихъ одни и тѣ же слова имѣли различное значеніе. Что въ одной партіи называлось честнымъ и славнымъ, въ глазахъ другой было постыднымъ; что для одной служило символомъ высочайшаго и божественнаго, возбуждало въ другой только досаду, или насмѣшку; что для одной было возвращеніемъ на прародительскій престолъ, законнымъ пріобрѣтеніемъ старинныхъ правъ, въ другой называлось похищеніемъ, грабежемъ и осквернениемъ и наоборотъ; между тѣмъ среди этихъ партій волновалась и кипѣла масса людей безъ всякаго убѣжденія; они съ 1789 года служили

всякому правительству, и теперь тѣснились къ новому: но на нихъ ни разсчитывать, ни опираться нельзя было.

Время, благоразумныя мѣры и желаніе добра могли бы и здѣсь, мало-помалу, успокоить страсти; Людовикъ XVIII даже сдѣлалъ шагъ къ этому примиренію, обнародовавъ хартію 4 іюня 1814 года. По ней королю, милостію котораго она была дана народу, предоставлялись большія права: король имѣлъ право предводительствовать войскомъ и флотомъ; объявлять войну и заключать миръ, составлять союзы и торговые договоры, опредѣлять на всѣ общественныя должности; ему предоставлялось исключительное право предлагать законы; но при всемъ этомъ неприкосновенными остались права народа, пріобрѣтенныя революціей, и его прогрессу не были поставлены стѣснительныя препятствія. Ежегодно собирались палаты: палата перовъ въ тоже время была верховнымъ судилищемъ, члены назначались самимъ королемъ, или на всю жизнь, или наслѣдственно по прямой линіи; палата депутатовъ составлена была изъ 262 членовъ, въ ней могли быть французы, достигшіе 40 лѣтняго возраста и платящіе 1000 франковъ прямыхъ налоговъ; ихъ положено было выбирать на пять лѣтъ; избирателями имѣли право быть всѣ граждане, достигшіе 30 лѣтняго возраста которые платили не менѣе 300 франковъ прямыхъ повинностей. Палаты опредѣляли налоги на одинъ годъ и сообща съ королемъ издавали законы; министры были отвѣтственные. Римско-католическая религія признана господствующею, но предоставлялась свобода исповѣдывать и другія; судьи назначаемы были самимъ королемъ, и ихъ нельзя было отъ должности отрѣшать; признавалось равенство передъ закономъ, личная свобода, свобода печати, неприкосновенность собственности судъ, присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ; предполагалось установить здоровую политическую жизнь государства, обезопасить его отъ переворотовъ тѣмъ, что палата депутатовъ ежегодно получала бы новыхъ членовъ: предположено было увольнять пятую часть изъ нихъ и замѣнять выбывшихъ вновь избраоными.

Реставрированный король былъ призванъ къ великому дѣлу умиротворенія и исцѣленія народа; задача его, можетъ быть, была еще труднѣе той, какую провидѣніе прежде наложило на Генриха IV, и въ королѣ были свойства, какихъ обстоятельства требовали. У Людовика XVIII былъ умъ и опытность, какую даетъ долгая жизнь и несчастія, умѣренность и духъ примиренія, свойственный характеру безъ сильныхъ страстей, и къ тому же искреннее желаніе спокойно отдохнуть, послѣ двадцатилѣтней скитальческой жизни. Умѣренность совѣтовали ему и побѣдители, передъ которыми ужасы 100 дней обнаружили всю шаткость и всю опасность его положенія. Но къ несчастію, рядомъ съ этимъ вліяніемъ дало себя почувствовать и другое, гораздо сильнѣйшее. У Людовика не было дѣтей; всѣ надежды династіи лежали на его младшемъ братѣ Карлѣ Филиппѣ, графѣ д'Артуа; этотъ принцъ былъ вполнѣ дворяниномъ и принцемъ стараго покроя; молодость онъ провелъ во всевозможныхъ излишествахъ, а теперь вполнѣ поддался внушеніямъ духовенства; это былъ человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ; онъ смотрѣлъ на себя, какъ на естественную главу возвратившихся эмигрантовъ; онъ раздѣлялъ ихъ недальновидное желаніе, какъ можно скорѣе и какъ можно совершеннѣе и полнѣе возсоздать дореволюціонную Францію. Для этихъ кружковъ историческія событія, измѣнившія цѣлый составъ Европы, прошли незамѣтно, они ничему не научились отъ революціи, не хотѣли отказаться ни отъ одного изъ своихъ преимуществъ, ни отъ одной изъ своихъ претензій; они помнили всѣ мелочи старины. Супруга герцога Ангулемскаго, старшаго сына Карла Филиппа, дочь Людовика XVI, еще не перестала носить траура по своимъ погибшимъ родителямъ; ей было пріятно изображать изъ себя ангела мести, и она исполняла свое назначеніе; такимъ образомъ вокругъ Monsieur—такой титулъ принялъ графъ Артуа по старинному королевскому этикету дома Бурбоновъ—составился свой дворъ и свое правленіе, которое по той части тюльерійскаго дворца, въ которой онъ жилъ, прозвали партіей павильона Марсанъ. Здѣсь составляли списки лицъ, которыхъ королю и его министрамъ предлагалось принять на службу, или подвинуть въ ней впередъ, и такіе списки, по которымъ означались лица для отставки, или изгнанія; здѣсь выбирались королевскія коммиссіи, назначеніе которыхъ было руководить выборами въ департаментахъ и провинціяхъ. Здѣсь было средоточіе всѣхъ ненавидящихъ революцію, всѣ ея порожденія, всѣхъ лицъ ей сочувствующихъ и всѣ

учрежденія, изъ нея возникшія; всему этому здѣсь была объявлена борьба на жизнь и на смерть.

При своемъ возвращеніи, Людовикъ оставилъ при себѣ двухъ наполеоновскихъ министровъ Талейрана и Фуше; первый изъ нихъ служилъ при различныхъ правительствахъ и за хорошее жалованье готовъ былъ и далѣе служить каждому; второй также, но къ несчастію онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые подали голосъ за казнь Людовика XVI. Роялисты неистово требовали наказать тѣхъ, которые въ роковые 100 дней не остались вѣрны своей недавней присягѣ; вслѣдствіе этого изъ палаты перовъ исключили 30 членовъ, и составленъ былъ списокъ для изгнанія 57 лицъ, оказавшихся виновными въ томъ же; реакція особенно сильно начала дѣйствовать тогда, когда новые выборы депутатовъ окончились 7 октября 1815 года, и составилась палата изъ самыхъ яростныхъ роялистовъ и приверженцевъ павильона Марсанъ; эту палату здѣсь съ похвалой называли палатой, составленной изъ самыхъ чистыхъ элементовъ, а король въ насмѣшку прозвалъ ее палатой еще нигдѣ и никогда небывалой — la chambre introuvable. — При такой палатѣ министры не могли удержаться. Министерство распустили и король составилъ новое, которое образовалось частію изъ любимцевъ графа д'Артуа; самые замѣчательные изъ нихъ были: президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Ришелье, и министръ полиціи, графъ Деказъ (Decases); они на короля имѣли довольно сильное вліяніе. Герцога Ришелье Людовикъ выпросилъ себѣ у русскаго императора Александра; герцогъ въ революціонное время оставилъ Францію и какъ эмигрантъ поступилъ на русскую службу; здѣсь образовался въ служебномъ и административномъ отношеніи; это былъ человѣкъ умный, безкорыстный, честный и въ высшей степени скромный; когда министерство распустили, онъ уже готовъ былъ вернуться въ Одессу, чтобъ занять свое прежнее генералъ-губернаторское мѣсто, и при новомъ составѣ министерства принесъ королю жертву, оставшись въ немъ. Деказъ былъ молодой человѣкъ, красивый, съ увлекательными манерами истиннаго придворнаго; онъ образовался въ школѣ Фуше, умѣлъ очень ловко приблизиться къ королю и вполнѣ примѣниться къ его желаніямъ, успокоивалъ и развлекалъ его занимательнымъ разговоромъ всегда такимъ, какой могъ нравиться, и наконецъ такъ ловко повелъ дѣла свои, что для короля сдѣлался лицомъ необходимымъ.

Короткое время длилось согласіе между министерствомъ и палатой депутатовъ, которая въ слѣпомъ рвеніи торопливо шла къ своей цѣли; она не столько искала защиты отъ возможнаго возврата революціоннаго времени, но преимущественно требовала мести за прошедшее, что лучше всего было бы предать забвенію. Октября 16 министръ юстиціи графъ Барбе-Марбуа предложилъ законъ противъ агитацій, а 18 министръ полиціи законъ объ отмѣнѣ закона личной неприкосновенности, по этому закону правительство на одинъ годъ получало право арестовать всякаго, кого бы ни обвинялъ въ преступленіи, или даже въ проступкѣ противъ престола и государства и, главное, право приводить постановленіе это въ исполненіе предоставлялось каждому, даже самому незначительному чиновнику. Законъ этотъ былъ принятъ и утвержденъ. Пламеннымъ поборникамъ ультра-роялизма, роялистамъ яростнѣе самого роялистическаго короля никакая карательная мѣра не казалась слишкомъ сильною: были даже такіе изувѣры, которые требовали смертной казни за то только, если кто водрузилъ бы трехцвѣтное знамя. При этомъ они даже не обращали особеннаго вниманія на королевскія права (прерогативы), какъ напримѣръ: при введеніи постановленія, предложеннаго военнымъ министромъ, полувоенныхъ исключительныхъ судовъ, для обсуживанія политическихъ преступленій, этихъ такъ называемыхъ превотальныхъ судовъ, положено было что рѣшенія ихъ ограничивали королевское право помилованія, особенно необходимое при существующихъ притѣсненіяхъ. И все это оттого, что у этой партіи былъ одинъ только помыселъ—удовлетворить чувство мести, а не справедливости и милосердія. Обвиненія противъ виновныхъ въ участіи, какое они принимали въ 100 дняхъ и процессы ихъ начались. Самый виновный изъ всѣхъ былъ маршалъ Ней, который, не смотря на самыя сильныя обѣщанія, какія давалъ королю, всетаки во главѣ своего войска передался Наполеону; по совѣту Талейрана онъ сначала было бѣжалъ въ Швейцарію, но, по непонятной неосмотрительности, возвра-

тился во Францію. Его арестовали, вина его была очевидна; его надобно было наказать; его предали военному суду, составленному подъ предсѣдательствомъ маршала Журдана: но онъ считалъ себя счастливымъ, что могъ найти предлогъ, по которому избавлялся отъ печальной необходимости обвинить своего знаменитаго товарища по оружію: Нея, какъ пера Франціи, могла судить только палата перовъ. Но палата, не затрудняясь приговорила его къ смерти; приговоръ былъ исполнено 7 декабря 1815 года въ саду Люксамбургскаго дворца. Таже участь постигла полковника Лабедаойра, который передалъ свой полкъ Наполеону въ Гренобле; король не могъ помиловать его, изъ опасенія раздражить своихъ приближенныхъ. Гораздо счастливѣе былъ графъ Лавалеттъ; онъ, по возвращеніи Наполеона, принялъ отъ него должность главнаго управляющаго почтами и должность эту исправлялъ въ видахъ интересовъ наполеоновской партіи. Парижскій судъ ассизовъ присудилъ его къ смерти; но женѣ его удалось проникнуть къ нему въ темницу; она тамъ перемѣнилась съ нимъ платьемъ и такимъ образомъ вырвала одну жертву изъ когтей мстительныхъ роялистовъ: но они, не затрудняясь, нашли себѣ вознагражденіе. Въ нѣкоторыхъ южныхъ департаментахъ фанатическая чернь, во имя короля, предавалась всевозможнымъ неистовствамъ въ отношеніи многочисленныхъ протестантовъ, тамъ находящихся, такъ что австрійскимъ войскамъ, занимавшимъ Нимъ, пришлось защищать его отъ безчинствующихъ и грабящихъ разбойничьихъ роялистскихъ шаекъ; въ Авиньонѣ, въ слѣпой ярости, они умертвили маршала Брюна, котораго ровно ни въ чемъ нельзя было упрекнуть. Новое законодательство позаботилось о томъ, чтобы найти еще новыя жертвы. Было положено 21 января, день казни Людовика XVI, ознаменовать, какъ день всеобщей народной печали; при этомъ случаѣ были различныя сцены преувеличеннаго театральнаго выраженія горя; достойнѣе ознаменовало правительство свое печальное поминаніе этого несчастнаго происшествія: королю пришлось, въ угоду палатѣ депутатовъ, придать болѣе строгости законамъ, касательно виновныхъ въ убійствѣ короля (régicides); къ закону, который въ обширномъ смыслѣ давалъ амнистію (всепрощеніе) всѣмъ приверженцамъ у з у р п а т о р а, Наполеона, прибавлена была оговорка, что в о з в р а т н ы е у б і й ц ы короля, т. е. тѣ, которые нѣкогда въ конвентѣ подавали мнѣніе за смерть Людовика XVI и которые въ 100 дней опять пристали къ Наполеону, навсегда изгоняются изъ Франціи.

Фанатизмъ палаты депутатовъ вызвалъ печальныя послѣдствія для страны. Каждое низкое чувство мести находило пищу и удовлетвореніе, тѣмъ болѣе, что само правительство, или раздѣляло этотъ фанатизмъ, или допускало увлекать себя имъ. Министръ полиціи Деказъ издалъ циркулярное постановленіе, отъ 28 мая 1816 года, въ которомъ в р а г а м и г о с у д а р с т в а назывались всѣ тѣ, которые р а д о в а л и с ь з а т р у д н и т е л ь н о м у п о л о ж е н і ю п р а в и т е л ь с т в а, или которые в ъ м н і я х ъ и с л о в а х ъ в ы р а ж а л и н е н а в и с т ь и п р е з р ѣ н і е къ вѣрнымъ и мирнымъ гражданамъ; чиновники, пользуясь этими ужасными словами, толковали ихъ, какъ хотѣли, или потому, что сами принадлежали къ преобладающей партіи, или потому что хотѣли подслужиться къ ней, а частію изъ чувства самосохраненія, потому что недостатокъ рвенія въ отысканіи и преслѣдованіи в р а г о в ъ г о с у д а р с т в а могъ быть принятъ за признакъ сочувствія къ нимъ и сдѣлать ихъ самихъ подозрительными. Безъ сомнѣнія, въ королевствѣ было много недовольныхъ, или, по крайней мѣрѣ, можно было предполагать, что недовольныхъ много: иначе и быть не могло; послѣ переворотовъ, бывшихъ съ 1789 года, много было людей незанятыхъ; хоть для примѣра возьмемъ: наполеоновская армія была частію распущена, частію переформирована; при этомъ 40,000 офицеровъ и разныхъ другихъ должностныхъ лицъ, состоявшихъ при арміи считались безъ мѣста, безъ дѣла и многіе безъ средствъ къ жизни; они не могли быть довольны своимъ положеніемъ, а если бы, сверхъ чаянія, были довольны, то этому никто не повѣрилъ бы; вотъ, противъ такихъ то всемогущая бюрократія торжествующей партіи вела борьбу всѣми средствами, какія у нея были подъ руками. Провинціальное чиновничество, привыкшее слѣдовать малѣйшему указанію центральнаго парижскаго управленія, соединилось съ религіознымъ фанатизмомъ, такъ долго подавленнымъ и теперь возставшимъ съ обновленною силою. Чтобы въ отчужденной отъ церкви странѣ возстановить то, что фанатики называли рели-

гіей, въ Парижѣ образовалась, такъ называемая, к о н г р е г а ц і я, вѣтви которой распространились по всѣмъ провинціямъ; члены ея на мѣсто дерева свободы повсюду ставили кресты; подъ сѣнью этихъ символовъ кротости и мира собирались изувѣры съ тѣми же неудержимыми страстями, съ какими, они нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ, окружали дерево свободы. Великій жрецъ и оракулъ этой конгрегаціи былъ маркизъ Бональдъ; основаніемъ своихъ дѣлъ онъ выдавалъ мистически-устарѣлую государственную теорію подбитую мнимою ученостью: въ знаменіяхъ и чудесахъ тоже не было недостатка, а именно: были чудесныя обращенія; такъ напримѣръ, маршалъ Сультъ, съ зажженною свѣчкою въ рукахъ, смиренно шелъ за процессіей по улицамъ Парижа. — Были также вымышленныя и дѣйствительныя возстанія; они подали поводъ къ судебнымъ преслѣдованіямъ, шумнымъ убійствамъ, неистовствамъ и кровопролитіямъ.

Но дѣйствительность не была такъ ужасна, правительство должно было понять, что пора было одобрать поводья и укоротить пылъ духа партій. Чувство долга и отвѣтственности должно непремѣнно быть развито въ лицахъ занимающихъ самыя высшія должности; если это такъ, то они даже въ людяхъ преданныхъ страстямъ могутъ пробудить и поддерживать умѣренность. Здѣсь же, въ палатѣ депутатовъ большинство состояло изъ ультрароялистовъ, они чувствовали свою силу и дѣйствовали неограниченно; они на министровъ смотрѣли только, какъ на исполнителей непреложной воли своей партіи и даже были склонны, несмотря на свои вѣрноподданническія чувства, и самаго короля подчинить этой волѣ, еслибы его желанія, его система правленія противорѣчили имъ. Первый раздоръ палаты съ министерствомъ произошелъ по поводу новаго избирательнаго закона, который былъ предложенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Вобланомъ, впрочемъ считавшимся приверженцемъ господствовавшей партіи. По начертанному министромъ плану закона, сильное вліяніе на избранія предоставлено было должностнымъ лицамъ и въ немъ подтверждалось ежегодное возобновленіе членовъ палаты депутатовъ, именно пятая: часть ихъ ежегодно увольнялась бы и вновь замѣнена была новыми членами; но партіи роялистовъ это было не по сердцу; главы ихъ съ своей стороны предложили возобновлять палату депутатовъ каждыя пять лѣтъ посредствомъ общихъ выборовъ; они чувствовали свою силу, знали, что черезъ пять лѣтъ могутъ опять по произволу составить палату изъ своихъ сторонниковъ, а до тѣхъ поръ для нихъ удобно было оставить палату въ томъ составѣ, въ какомъ она существовала, и тѣмъ обезпечить для себя ходъ дѣлъ. Въ этотъ промежутокъ времени они надѣялись выполнить большую часть программы своихъ дѣйствій, между прочимъ возстановить права церкви на нѣкогда существовавшихъ во Франціи правахъ и преимуществахъ ея. Но между тѣмъ ихъ закона о пятилѣтнемъ срокѣ не утвердили и господствующая партія обманулась въ предѣлахъ своей власти, и въ ея силѣ и объемѣ. Своими необузданными, своевольными неистовствами они не только довели своихъ противниковъ до отчаянія и до опасенія еще худшаго, но раздражили противъ себя палату перовъ, составленную изъ болѣе чистыхъ элементовъ, министровъ и даже самаго короля, которому они открыто предпочитали графа д'Артуа, а болѣе всего иностранныя державы, которыя лучше видѣли и понимали истинное положеніе дѣлъ. Роялистическій министръ Вобланъ получилъ отставку и на мѣсто его назначенъ Лене (Lainé), человѣкъ съ болѣе умѣреннымъ образомъ мыслей. Въ придворной жизни произошла перемѣна: герцогъ Беррійскій, второй сынъ графа д'Артуа, женился на неаполитанской принцессѣ Каролинѣ; въ ней кипѣла молодая жизнь и она не раздѣляла духа мести герцогини Ангулемской, что скорѣе нравилось королю; она не являлась, какъ та, въ траурной одеждѣ, ея живость сообщала пріятный контрастъ съ натянутой притворной набожностью павильона Марсанъ; король Людовикъ XVIII не любилъ господствовавшаго въ немъ лицемѣрія; онъ отлично зналъ, что за кулисами тамъ ведется жизнь, вовсе не похожая на ту, какая выставляется на показъ. Король рѣшился на смѣлую и очень благоразумную мѣру: вслѣдствіе меморандума, поданнаго Деказомъ, пользовавшагося его довѣріемъ, онъ распустилъ н е б ы в а л у ю палату, декретомъ отъ 15 сентября 1816 года.

Этимъ было положено основаніе для введенія болѣе умѣренной системы. Въ новой палатѣ депутатовъ, собравшейся въ ноябрѣ, большинство уже не было

на сторонѣ ультра-роялистовъ. Новое большинство скорѣе соглашалось съ намѣреніями и цѣлями министерства. Лене предложилъ законъ для выборовъ, по которому избиратели дѣйствовали прямо, безъ посредствующей ступени чиновниковъ. Право голоса въ выборахъ по новому уставу имѣлъ каждый французъ 30 лѣтъ отъ роду, платящій по крайней мѣрѣ 300 франковъ прямыхъ повинностей; выбирать можно только лица, платящія болѣе 1000 фр. прямыхъ повинностей; постепенное возобновленіе палаты депутатовъ осталось по прежнему. Этотъ избирательный законъ, послѣ сильныхъ преній, былъ принятъ, онъ создалъ около 100,000 избирателей изъ средняго сословія и около 17,000 способныхъ быть выбранными и такимъ образомъ далъ новому порядку во Франціи болѣе прочное, хотя и не достаточно распространенное основаніе; но можно было предвидѣть, что по мѣрѣ увеличенія благосостоянія народа и при большемъ и точнѣйшемъ распространеніи ценса число избирателей и избираемыхъ мало-по-малу увеличится. Когда рвеніе ультра-роялистовъ немного охладѣло, тогда страна нѣсколько успокоилась, но господствующая дороговизна вызвала новыя волненія и новые заговоры; преувеличенные доносы повели за собою аресты, новые смертные приговоры и поспѣшныя исполненія ихъ. Засѣданія палаты депутатовъ отъ 1817—1818 года прошли сравнительно спокойно. Превотальные суды были уничтожены и законъ объ ограниченіи личной свободы не возобновлялся больше; печати не преслѣдовали болѣе; назначеніе должностныхъ лицъ не зависѣло уже на столько, какъ прежде, отъ духа партій. Законъ о рекрутствѣ, предложенный военнымъ министромъ Гувіонъ Ст. Сиръ, доказывалъ, что узкій взглядъ партіи уступалъ трезвому взгляду на вещи. Этотъ законъ безразлично простирался на среднее и на дворянское сословія; молодые люди по жребію должны были поступать въ военную службу въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ потребуется и какого нельзя пополнить добровольными опредѣленіями; этотъ же законъ опять допускалъ на службу старыхъ офицеровъ временъ Наполеона. Законъ этотъ былъ принятъ, но правительству не удалось провести закона о печати, по которому правительство предоставляло себѣ право конфисковать и неперіодическія изданія, и для журналовъ требовало продолженія цензуры еще на три года. Посредствомъ этого закона правительство добивалось оружія, какъ противъ либераловъ или какъ ихъ тогда называли, независимыхъ (Independants), такъ и, смотря по обстоятельствамъ, противъ ультра-роялистовъ; при этомъ случаѣ представилось зрѣлище, съ тѣхъ поръ неоднократно повторявшееся: самые заклятые враги свободы говорили языкомъ въ высшей степени либеральнымъ. Законъ о печати разбился о соединенныя силы противорѣчія обѣихъ партій и даже отъ присоединившагося къ нимъ несогласія палаты перовъ. Какъ бы то ни было, но на хартіи казалось выростетъ духъ примиренія; министерство съ удовольствіемъ обнародовало успѣхи своей политики: положено было союзнымъ войскамъ оставить предѣлы Франціи за два года до положеннаго договорами срока.

Въ концѣ сентября 1818 г., какъ было замѣчено выше, собрался въ Аахенѣ конгрессъ представителей державъ, которыя подписали второй парижскій миръ. Король прусскій, которому на этотъ разъ выпала роль хозяина, радушно принималъ лично явившихся императоровъ русскаго и австрійскаго; Англія прислала своихъ уполномоченныхъ—герцога Веллингтона, Кастельри и Каннинга, Франція—герцога Ришелье. Уже 1 октября послѣдній могъ извѣстить свое правительство, что державы согласились вывести изъ Франціи союзныя войска и нѣсколько дней спустя, что облегчительныя условія опредѣлены, по которымъ и часть денежныхъ обязательствъ съ значительными облеченіями безъ особеннаго обремененія легко могла быть выполнена. Еще болѣе: король Людовикъ сдѣлалъ на своемъ шаткомъ престолѣ больше, чѣмъ можно было ожидать: его приняли формально въ число членовъ священнаго союза, система котораго съ каждымъ годомъ яснѣе выступала и принимала болѣе опредѣленныя черты. Тайный протоколъ, подписанный представителями пяти державъ, въ томъ числѣ и Англіи, упрочивалъ согласіе этихъ пяти державъ въ стремленіи ихъ поддерживать всеобщій миръ и въ то же время поддерживать другъ друга. Такимъ образомъ составился патронатъ пяти великихъ державъ надъ дѣлами всей части свѣта, пентархія Европы. Дальнѣйшіе съѣзды, подобные аахенскому предполагались въ тѣхъ случаяхъ, когда что нибудь надобно

было разъяснить, или что нибудь нарушало общій миръ. Кромѣ этого союза пяти державъ, четыре изъ нихъ: Россія, Австрія, Англія и Пруссія, хотя и объявили, что присоединеніемъ къ нимъ Франціи спокойствіе Европы обезпечено, все-таки отдѣльно возобновили свой прежній союзъ, заключенный на 20 лѣтъ противъ Наполеона, еще 1 марта 1814 г.; главная цѣль его состояла въ томъ, чтобы освободить Европу отъ политическаго гнета, наложеннаго на нее Франціей. Итакъ, въ то самое время, когда они давали Франціи доказательства въ дружбѣ и довѣріи, у нихъ все-таки въ мысляхъ явилось подозрѣніе, что миръ Европы можетъ быть нарушенъ со стороны Франціи.

Уступки, пріобрѣтенныя въ Аахенѣ, доставляли значительную честь министерству Ришелье. Въ ноябрѣ 1818 года вышли изъ Франціи послѣднія войска союзниковъ, и на всѣхъ крѣпостяхъ опять поднялось знамя Франціи. Король и народъ съ наслажденіемъ чувствовали, что они свободны, что они опять возвращены сами себѣ.

Около этого времени окончились выборы для замѣщенія пятой части выбывшихъ членовъ палаты депутатовъ; въ это время либеральный духъ уже до того усилился, что ультра-роялисты вездѣ потерпѣли пораженіе отъ независимыхъ. Изъ числа 65 вновь избранныхъ членовъ 22, или какъ иные говорятъ 35 были отъявленные либералы и только четыре ультра-роялиста. Въ числѣ выбранныхъ находились Лафайетъ и адвокатъ Манюель; ихъ имена служатъ уже указаніемъ, что протестъ не только противъ той, или другой правительственной мѣры, существуетъ но прямо противъ царствующаго королевскаго дома Бурбоновъ. При дворѣ, показывавшемъ большую взыскательность, чѣмъ это совмѣстно съ положеніемъ династіи вновь возвратившейся на престолъ, но еще не утвердившейся на немъ, сильно взволновались; изъ павильона Марсанъ посыпались меморандумы, въ которыхъ говорилось, что государство идетъ опять на встрѣчу новымъ революціоннымъ ужасамъ; мнѣніе поданное однимъ изъ ультрароялистовъ г. Витроль (Vitrolles) объ этомъ было подано послѣднему конгрессу въ Аахенѣ. Самъ герцогъ Ришелье по внутреннимъ убѣжденіямъ принадлежавшій болѣе партіи роялистовъ, нежели либераловъ былъ озадаченъ и пріостановилъ свою дѣятельность; поштатнулось убѣжденіе стоявшее за систему умѣренности, наступилъ кризисъ, вслѣдствіе котораго министерство разошлось.

Но кризисъ кончился иначе, чѣмъ ожидали. Любимецъ короля, Деказъ получилъ приказаніе составить новое министерство, во главѣ котораго по имени только, какъ президентъ совѣта, поставленъ былъ генералъ Дессоль. Ультрароялисты не могли еще простить Деказу то, что *небывалая палата* была распущена при его содѣйствіи; они съ неудовольствіемъ видѣли, что онъ себѣ поставилъ цѣлью поддерживать законы о выборахъ и исполнить постановленія партіи; въ палатѣ депутатовъ либералы положительно брали перевѣсъ. По амнистіи всѣ изгнанники могли возвратиться во Францію, исключая *убійцъ короля*; затѣмъ послѣдовали либеральныя постановленія: законъ, дѣлающій министровъ отвѣтственными, отмѣна взыскательныхъ законовъ о печати и замѣна ихъ либеральными постановленіями были предложены палатѣ депутатовъ, а сопротивленіе, поднявшееся изъ враждебной Деказу палаты перовъ, было побѣждено радикальною мѣрою, вызвавшею величайшее неудовольствіе въ лагерѣ роялистовъ—а именно назначеніемъ 60 новыхъ перовъ, имена которыхъ опубликовалъ «Монитеръ» 6 марта 1819 года.

Либераламъ слѣдовало бы посредствомъ самой строгой умѣренности удержать короля въ этомъ направленіи. Но вскорѣ оказалось, что умѣренность въ государственномъ смыслѣ, не была добродѣтелью этой партіи, какъ вообще она по многимъ примѣрамъ никогда не была принадлежностью характера французовъ вообще. Освобожденная отъ стѣсненія пресса, раздраженная противъ ультра-роялистовъ и постоянно раздражаемая ихъ вызовами, злоупотребляла полученной свободой рѣчи; она какъ бы хотѣла вознаградить себя за долгое стѣсненіе вынесенное еще со временъ владычества Наполеона. Около этого времени именно писалъ *Беранже* (род. 1786) свои пѣсни, наполненныя ядомъ злыхъ насмѣшекъ противъ царствующаго дома, а бѣглецы ковали свои планы изгнанія, или устраненія царствующей династіи. Особенно ярко выступали дурныя качества политическихъ

партій Франціи, имѣвшихъ долго гибельное вліяніе и на остальную Европу, а именно: они хотѣли или всего, или ничего. Оппозиціонный духъ, раздражаемый повсюду проявляющимся могущественнымъ духомъ реакціи, такъ ясно обнаруженный въ тоже время въ рѣшеніяхъ карлсбадскихъ конференцій, не только не успокоивался, но еще болѣе возрасталъ; и въ числѣ новыхъ 54 депутатовъ, выбранныхъ на 1819 и 1820 года опять было не меньше 28 рѣшительныхъ либераловъ. Но хуже всего было то, что въ числѣ вновь избранныхъ депутатовъ былъ прежній аббатъ и епископъ Грегуаръ (Grégoire) Избраніе этого человѣка, въ это время было крайне неумѣстно и равнялось дерзкому вызову идей королевскаго значенія. Графъ д'Артуа, давно уже недовольный и находившійся съ братомъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, воспользовался этимъ случаемъ и рѣзко сказалъ королю: «видите-ли, сиръ, куда васъ ведутъ.»—«Я это знаю, братецъ, отвѣчалъ Людовикъ, и возьму свои мѣры.» Палата была открыта. Началась повѣрка избранныхъ и депутатъ Грегуаръ подалъ поводъ къ несогласіямъ; впрочемъ, его избраніе частію удалось потому только, что нѣкоторые ультрароялисты скорѣе рѣшились подать голосъ въ пользу его, нежели какого либо кандидата министерства. «Долой цареубійцу, не принимаемъ его! кричали съ правой роялистической стороны президента; съ лѣвой отвѣчалъ Бенжаменъ-Констанъ: «развѣ самъ король не сдѣдалъ министромъ такого же человѣка, и еще худшаго—одного изъ террористовъ?» Онъ намекалъ на Фуше. Хартія запрещаетъ преслѣдовать какого бы то ни было француза за его прежнія политическія мнѣнія; пора уже перестать тревожить народъ, нуждающійся въ спокойствіи, и его настоящее и будущее жертвовать воспоминаніямъ прошлыхъ несчастій.» Но ничто не помогло: Грегуаръ былъ исключенъ изъ числа депутатовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Король потребовалъ отъ министровъ отмѣны избирательнаго закона, какъ первой необходимой мѣры для противудѣйствія обнаруживающемуся направленію. Начали обсуждать новый законъ, но въ это время произошло событіе, измѣнившее весь порядокъ вещей и давшее кровавое свидѣтельство неутолимой мести, которая еще кипѣла и волновала различные слои общества. Въ 11 часовъ ночи 13 февраля 1820 г. герцогъ Беррійскій, второй сынъ графа д'Артуа, на которомъ лежали всѣ надежды продолженія династіи, потому что старшій братъ его, герцогъ Ангулемскій, былъ бездѣтенъ, выходилъ изъ оперы, куда только что проводилъ герцогиню; на порогѣ онъ получилъ смертельную рану кинжаломъ въ грудь. Съ восклицаніемъ: «я убитъ!» Онъ упалъ. Его отнесли въ комнату, рядомъ съ королевской ложей; къ утру онъ скончался. Убійца, сѣдельный мастеръ Людовикъ Пьеръ Луве, совершенно хладнокровно сознался въ причинѣ, побудившей его умертвить человѣка, не сдѣлавшаго ему ни малѣйшаго зла и заслужившаго общее уваженіе и сочувствіе, какъ добрый, ласковый принцъ; онъ объявилъ, что поразилъ его, чтобы въ немъ убить династію Бурбоновъ, въ которыхъ онъ съ 1814 года видитъ враговъ Франціи. Слѣдовательно его подвигло на убійство не чувство свободы, или преслѣдованіе обманчиваго призрака ея, а чисто гальское высокомѣріе, которое не могло перенести и позабыть, что Бурбоны водворены были на престолѣ иноземнымъ побѣднымъ оружіемъ.

Соучастниковъ, въ строгомъ смыслѣ слова, у Луве не было. Это было дѣло одного фанатика, въ отуманенной разными нелѣпыми теоріями головѣ котораго мало-по-малу созрѣла рѣшимость на убійство; но фанатизмъ роялистовъ повсюду искалъ и видѣлъ сообщниковъ въ обширномъ смыслѣ слова. Ихъ ярость не знала предѣловъ и она преимущественно обратилась на Деказа, система либеральныхъ уступокъ котораго сдѣлала революціонныхъ убійцъ такими дерзкими; Шатобріанъ въ своихъ риторическихъ гиперболахъ увѣрялъ, что ноги Деказа скользятъ въ крови. Одинъ изъ яростныхъ роялистовъ уже 14 февр. предложилъ палатѣ подать обвиненіе на министра, а графъ д'Артуа объявилъ, что онъ жить въ Тюльерійскомъ дворцѣ не можетъ, пока министръ, котораго слѣдовало бы обвинить въ сообщничествѣ этого ужаснаго дѣла, свободно ходитъ по дворцу; въ городѣ распустили молву будто самъ министръ, въ пользу герцога Орлеанскаго, подкупалъ убійцу.

При такихъ слухахъ и при такомъ настроеніи высшаго общества, Деказъ не могъ удержаться. Король милостиво отпустилъ его и герцогъ Ришелье, во второй разъ взялся за дѣла. Онъ оставилъ министерство на первый случай, въ томъ же составѣ, но

чтобы успокоить роялистовъ, онъ предложилъ два временныхъ закона, подвергавшихъ личную свободу и прессу необычайнымъ, стѣснительнымъ правиламъ и новый избирательный законъ, предоставлявшій самыя большія избирательныя права только тѣмъ, которые платили самые большіе налоги: значеніе поземельной собственности поставилъ онъ еще выше, чѣмъ прежде и уменьшилъ такимъ образомъ число избирателей. Волненія, рукопашныя схватки, вмѣшательство полиціи были въ порядкѣ вещей. Уже при совѣщаніи въ мартѣ одинъ изъ либерельныхъ ораторовъ, генералъ Фуа (Foy) чисто французскимъ фигуральнымъ оборотомъ рѣчи совѣтовалъ не приносить свободы гражданъ, какъ гекатомбу въ жертву на могилѣ Бурбона; теперь онъ возвысилъ голосъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе, между ними Ройе-Колларъ (Royer Collard), глава такъ называемыхъ доктринеровъ, послѣдовательныхъ конституціонныхъ теоретиковъ и систематиковъ; они краснорѣчиво предостерегали противъ этого закона, говоря что онъ раздѣляетъ народъ на двѣ націи, дѣлая избирательное право привиллегіей богатыхъ, которые и безъ того уже владѣютъ довольно большимъ числомъ преимуществъ. «Якобинцы роялистическіе, восклицалъ Бенжаменъ-Констанъ королевство погубятъ, какъ республиканскіе якобинцы прежде погубили республику.» Рѣшеніе колебалось, потому что партія либераловъ при послѣднемъ министерствѣ окрѣпла и въ рядахъ ея находились замѣчательно талантливые ораторы. Сама палата предложила новый законъ избирательный, чтобы устроены были двѣ избирательныя коллегіи одна окружная (arrondissements), а вторая департаментовъ; въ первой изъ нихъ граждане, имѣющіе право голоса, но до сихъ поръ принятому способу должны были выбирать положенное число депутатовъ, 258; въ числѣ ихъ четверть должна быть такихъ избирателей, которые обложены самыми большими податями и они-то особо составляютъ коллегію департамента, и избираютъ 172 ч., такъ что все число избирателей доходило до 430 ч. Это предложеніе вполнѣ согласно было съ желаніемъ министерства: крупные землевладѣльцы и капиталисты получали двойное избирательное право и въ такой формѣ законъ былъ принятъ 12 іюня.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ 7 іюня, Луве былъ казненъ. Онъ не достигъ своей цѣли, не истребилъ вмѣстѣ съ герцогомъ Беррійскимъ династіи Бурбоновъ: 20 сентября 1820 года у герцогини родился сынъ, на котораго роялисты смотрѣли, какъ на видимый залогъ милосердія Божія, и привѣтствовали его, какъ чудо. Дипломатическій корпусъ привѣтствовалъ новаго потомка Бурбоновъ, Генриха, герцога Бордосскаго, въ самыхъ лестныхъ, изысканныхъ выраженіяхъ и называлъ новорожденнаго сыномъ Европы.

Но будущее было скрыто. Волненія въ Парижѣ и въ провинціяхъ продолжались; новая буря собиралась. Въ сосѣднихъ государствахъ между тѣмъ совершились событія, которыя по необходимости еще болѣе раздражали и подстрекали къ борьбѣ партіи, волновавшія Францію.

2. Испанія и Португалія.

Политическое положеніе Испаніи было исполнено противорѣчій въ эпоху паденія Наполеона и измѣненія порядка вещей въ Европѣ. Народъ вынесъ тяжелую борьбу съ иноземнымъ, навязаннымъ ему Наполеономъ правительствомъ; онъ освободился отъ чужеземцевъ, не потому, чтобы проникнутъ былъ идеями новѣйшаго времени, а по своей фанатической привязанности къ законному королю и къ католицизму и оттого, что слѣпо слѣдовалъ внушеніямъ свѣтскаго духовенства и монаховъ. Въ теченіе этой войны съ чисто національнымъ, а не политическимъ характеромъ, случилось такъ, что собраніе кортесовъ, загнанныхъ въ самый отдаленный уголокъ испанскаго полуострова, въ Кадиксъ, составило проектъ конституціи, обнародованный 20 марта 1812 года; въ немъ обнаружилось вліяніе идей, порожденныхъ 1789 годомъ, и съ другой стороны проглядывала недовѣрчивость къ королю, котораго должны были освободить; вообще же новѣйшій либерализмъ преобладалъ въ проектѣ, либерализмъ, доходящій до безразсудства, а для этого государства даже до безумія. Самыя извращенныя понятія, порожденныя французскою конституціею 1791 года, здѣсь нашли послѣдо-

вателей и служили примѣромъ; тутъ на каждомъ шагу видѣнъ былъ ребячески-ревнивый либерализмъ, лишенный самыхъ основныхъ здравыхъ понятій государственныхъ и народныхъ правъ и потребностей; такъ напримѣръ, между прочимъ было правило, что никто не можетъ быть избираемъ членомъ въ двухъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, собраніяхъ кортесовъ. Король не имѣлъ права распускать собранія кортесовъ, а кортесы могли собираться и безъ разрѣшенія королевскаго. Министры не могли быть избираемы въ члены собранія кортесовъ, а король не могъ выбирать министровъ изъ членовъ кортесовъ; точно будто—преступленіе въ одно и то же время пользоваться довѣріемъ короля и народа. Эта конституція 1812 года, послужила образцомъ для романскихъ и для германскихъ народовъ, въ года младенчества конституціоннаго правленія; она была признана державами Европы и положено было ввести ее. Король утвердилъ ее клятвенно и наконецъ 1814 года наступила желанная минута, король Фердинандъ VII возвратился къ своему народу, а конституція должна была начать свое существованіе.

Лишь только нога короля ступила за Пиринеи, къ нему начали тѣсниться люди, которые представляли ему конституцію, какъ дѣло нечестивое, уничтожившее оплотъ католичества, инквизицію и старались доказать весь вредъ, могущій произойти отъ этого. Подали меморандумъ, написанный маркизомъ Матафлорида и подписанный 60 членами кортесовъ—ихъ впослѣдствіи прозвали **персами**, по начальному слову меморандума упоминавшему о древнемъ персидскомъ обычаѣ; меморандумъ былъ составленъ въ видѣ протеста противъ конституціи; тѣ же самые члены, которые здѣсь и тамъ подписались, называли ее источникомъ всевозможныхъ грядущихъ несчастій Испаніи. Меморандумъ вполнѣ соотвѣтствовавшій самымъ тайнымъ мыслямъ и желаніямъ короля, былъ ему поднесенъ въ Валенсіи; до сихъ поръ онъ не высказывался; но здѣсь войскомъ командовалъ генералъ Эліо, человѣкъ вполнѣ преданный королю; народъ подготовленный духовенствомъ, встрѣтилъ короля съ громкимъ выраженіемъ энтузіазма, очень непохожаго на изъявленія недовѣрчивой предусмотрительности, съ которыми встрѣтили его кортесы; разсчитывать на войско и народъ можно было, поэтому король приподнялъ маску, за которой до сихъ поръ скрывался. Мая 4, 1814 г. издалъ онъ декретъ, въ которомъ конституцію 1812 года выдавалъ, какъ нарушеніе правъ короля и церкви и потому уничтожалъ ее, распускалъ кортесовъ, объявлялъ что собравшихся вслѣдствіи этой конституціи въ Мадридѣ; въ тоже время на всякаго, кто будетъ противиться исполненію декрета будетъ смотрѣть, какъ на преступника, онъ будетъ обвиненъ въ оскорбленіи королевскаго сана и подвергнется наказанію; но чтобы смягчить строгость декрета, объявлено было собраніе **законныхъ** кортесовъ, по старинымъ обычаямъ, изъ духовенства, дворянства, отъ городовъ и сословій; далѣе, въ снисходительныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ обѣщалась неприкосновенность личная и имущества, свобода печати и государственные расходы отдѣлялись отъ личныхъ расходовъ королевскаго двора, и т. д., но въ тотъ же день 21 членовъ собранія кортесовъ и другихъ лицъ уже посажены были въ тюрьму. Никто пальцемъ не шевельнулъ въ защиту конституціи; признаться, за нее стояла малая часть народа: нѣсколько должностныхъ лицъ, нѣсколько генераловъ и офицеровъ, купечество, отдѣльно тамъ и сямъ священники и нѣкоторое число высшаго дворянства. По всей дорогѣ, отъ Валенціи до Мадрита короля встрѣчали съ необузданнымъ восторгомъ; энтузіасты слѣдовали за королевскою каретою отъ Арангуэца до Мадрида и по временамъ въ порывѣ радости, при видѣ законнаго католическаго короля у него вырывались восклицанія: «смерть либераламъ»! Надобно замѣтить, что названіе, т. е. самое слово **либералъ**, возникло здѣсь, въ Испаніи.

Такимъ образомъ началось царствованіе, которое не имѣло равнаго себѣ даже въ классическія времена деспотизма и дурнаго управленія, во времена первыхъ римскихъ кесарей. Фердинандъ VII въ дурныхъ своихъ наклонностяхъ превосходилъ даже самыхъ испорченныхъ изъ своихъ приближенныхъ. Онъ былъ столько-же жестокъ въ отношеніи покоренныхъ, какъ былъ подобострастенъ въ отношеніи своего могущественнаго покорителя; онъ былъ труслівъ, недовѣрчивъ и коваренъ; «у него не было ни чувства, ни состраданія, ни чести, ни стыда» говоритъ объ немъ одинъ историкъ. Зато и выше его министровъ, которыхъ онъ, для потѣхи, постоянно мѣнялъ, существовало побочное правленіе,

камарилья, составленное изъ двусмысленныхъ личностей, порочныхъ, корыстолюбивыхъ, жадныхъ къ мѣстамъ и почестямъ ;они съ жаромъ преслѣдовали жозефинистовъ и конституціоналистовъ. Эти оба класса людей заключали въ себѣ все, что было благороднаго и просвѣщеннаго; къ нимъ принадлежали лучшіе люди Испаніи; они могли себя почесть счастливыми, если только были удалены отъ всякихъ должностей; для толпы, ищущей денегъ и мѣстъ лучшее средство очистить для себя доходное мѣсто заключалось въ томъ, чтобы устранить своего конкурента, или предшественника, объявивъ его приверженцемъ конституціи и офранцузившимся (afranzesados). Въ томъ и другомъ случаѣ было очень легко обратитьна нихъ, какъ на злонамѣренныхъ вольнодумцевъ, подозительное око духовнаго суда, потому что и для него возвратились благодатныя времена Филиппа II и его ближайшихъ наслѣдниковъ. Монастыри были опять вновь открыты, инквизиція, со всѣми правами и привиллегіями, охотно возобновленными папою, опять введена, назначенъ былъ новый великій инквизиторъ, въ лицѣ епископа Алмерійскаго Миръ-Кампильо. Инвизиціонныя тюрьмы быстро наполнились. Въ самое короткое время можно было насчитать до 50,000 человѣкъ, подпавшихъ суду этого ужаснаго трибунала, и въ числѣ этихъ жертвъ находились многіе, содѣйствовавшіе возвращенію этого тирана на его прародительскій престолъ. Рядомъ съ духовною тираніей свирѣпствовала свѣтская: всѣ опредѣленные на службу, или при королѣ Іосифѣ, или во время регентства, учрежденнаго кортесами, начиная съ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, потеряли мѣста. Всѣ купчія, совершенныя при покупкѣ національныхъ земель, были уничтожены, а новые владѣльцы подвергнуты кромѣ того денежному штрафу; всѣ тайныя общества, въ томъ числѣ, какъ самое опасное' общество массоновъ, строжайше запрещены; всѣ приверженцы Франціи, а французадосъ, или тѣхъ, которыхъ камарилья признавала такими, изгнаны изъ Испаніи, сосланы на галеры, или отправлены въ тюрьмы африканскихъ гарнизонныхъ городовъ, или президіосъ.

При этой системѣ безумнаго своеволія, нужды и затрудненія въ управленіи и финансахъ вскорѣ возросли до высшей степени и тогда, отъ времени до времени, появлялись проблески благоразумія и король обращался за помощью къ людямъ дѣльнымъ и умнымъ, такъ въ декабрѣ 1816 года реставрированное правительство незнало, что придумать; оно вызвало министра финансовъ Донъ-Мартина Гарсіа, и онъ, при сильной поддержкѣ всемогущаго русскаго посланника, продержался невообразимо долго, а именно два года, до 1818 года. Фердинандъ, какъ уже сказано было, до страсти любилъ мѣнять министровъ и минута ихъ паденія бывала къ нимъ ближе всего въ то время, когда онъ бывалъ съ ними особенно ласковъ: въ промежутокъ времени, отъ 1814 до 1819 года, можно насчитать до 30 министровъ, то сверженныхъ, то опять возвращенныхъ, чтобы опять быть лишенными мѣста и милостей; такимъ образомъ, въ этой странѣ, истерзанной неразумнымъ своеволіемъ Фердинанда, не было ничего положительнаго, постояннаго, прочнаго. Положеніе страны было самое печальное; дурное управленіе втеченіи столѣтій разрушало общество; народный характеръ развращался при вліяніи лѣниваго управленія и отъ намѣренно развиваемаго невѣжества; по большимъ дорогамъ не было проѣзду отъ разбойниковъ; ремесла пришли въ совершенный упадокъ, одинъ только разбой процвѣталъ, и народная фантазія облекала его въ какой-то романтическій свѣтъ; разбойники не стыдились своего ремесла и раздѣлялись на различные классы, точно будто какой нибудь цехъ; были уличные разбойники и простые воры. Государственные доходы покрывали только треть расходовъ; гражданскимъ должностнымъ лицамъ, офицерамъ не выплачивали жалованья и они жили, какъ птицы небесныя, или цвѣты полевые, или просили милостыни, какъ нищіе. О полезныхъ общественныхъ предпріятіяхъ и постройкахъ не было и помысла; во-первыхъ на это не достало бы денегъ, а во-вторыхъ это не могло даже придти на умъ народу, вполнѣ подчиненному духовной кастѣ, изъ среды которой по временамъ слышалось мнѣніе, что проведеніе каналовъ, или устройство правильнаго теченія рѣки дѣло грѣшное, потому что человѣкъ безъ святотатства не смѣетъ налагать руку на произведеніе Божіе. Но когда дѣло касалось до казней, или утопченныхъ пытокъ, тѣже самые защитники творенія Божія говорили и дѣлали совсѣмъ другое и въ этомъ случаѣ языкъ газеты, издаваемой подъ ихъ вліяніемъ, по нетерпимости

равнялся и превосходилъ языкъ листковъ «Père Duchesne» и «Ami du peuple,» издававшихся во времена французскаго терроризма; такъ въ одной изъ испанскихъ газетъ королю въ образецъ ставятъ Камбиза и совѣтуютъ «изъ кожи несправедливаго судьи сдѣлать кресло, на которомъ преемникъ его долженъ засѣдать», такимъ совѣтомъ оканчивается одна изъ длинныхъ статей, которая можетъ назваться характеристическою тогдашняго духа прессы, называвшейся съ особенною гордостью—католическою. Одна хорошая сторона этого правленія была та, что въ ней не было энергіи и поэтому дѣлалось многое, чему оно не препятствовало, не по недостатку дальновидности, или по слабости, но по лѣности и по глупости.

Исторія Испаніи этого времени была бы совершенно непонятна, если бы не вспомнить, что правительству не доставало постоянной энергической дѣятельности и силы въ общихъ распоряженіяхъ, какую оно выказывало въ частныхъ случаяхъ притѣсненія и жестокости; во многихъ мѣстахъ администрація шла просто по традиціоннымъ началамъ и по мѣстнымъ особенностямъ страны, очень часто неимѣющимъ ничего общаго съ цѣлой системой управленія; въ Испаніи, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, большинство народонаселенія оставалось чуждо и равнодушно къ цѣлямъ правительства. То въ той, то въ другой провинціи слышались мнѣнія, утверждавшія, что инквизиція была и есть пустое слово, что запрещенныхъ книгъ повсюду множество, что приходятъ корабли съ цѣлымъ грузомъ сочиненій Руссо, Вольтера, Дидеро и т. п. что только изъ моды бранятъ короля и духовенство и сочувствуютъ революціоннымъ движеніямъ. Даже изгнанная и опозоренная конституція опять мало-по-малу вошла въ честь; народъ испанскій уже съ давнихъ поръ привыкъ въ блестящихъ надеждахъ на будущее искать успокоенія и отрады за страданія и лишенія печальнаго настоящаго. Куда вела реставрированная королевская власть—было очевидно; но народъ втихомолку говорилъ, ежели бы конституція 1812 года была введена, можетъ быть уничтожились бы лишніе посты и въ испанскихъ гаваняхъ опять показались бы флоты съ грузомъ серебра, вмѣсто балласта. Такое настроеніе господствовало въ арміи; въ ней вмѣстѣ съ сознаніемъ силы еще чувство чести не погасло и она негодовала на то, что король совсѣмъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на войско. Онъ не перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался королемъ, онъ остался тѣмъ же, какимъ былъ въ дни своего плѣна: когда во всей Европѣ раздавался стукъ оружія, онъ бывало цѣлое утро сидѣлъ за пяльцами, въ которыхъ собственноручно вышивалъ бѣлое шелковое платье для статуи Божіей Матери въ Валенсіи. Положеніе дѣлъ въ Испаніи дошло наконецъ до того, что оставалось одно средство не къ исправленію ихъ, но къ измѣненію ихъ, потому что, можетъ быть, самое средство было еще хуже—а именно возстаніе военное, подъ начальствомъ и въ интересахъ генераловъ съ собственными политическими взглядами.

Еще осенью 1814 года, т. е. въ годъ возвращенія Фердинанда уже начались попытки военныхъ возстаній, но всѣ онѣ были неудачны. Такъ, напримѣръ, возстаніе одного изъ знаменитѣйшихъ предводителей гверильясовъ во время войны за независимость, генерала Мины; онъ въ Наваррѣ водрузилъ знамя свободы, но вскорѣ принужденъ былъ спасаться во Францію; въ 1815 году было возстаніе втораго, столько же знаменитаго гверильяса Дона Жуана Порліера въ Галиціи; послѣ недолгаго успѣха онъ былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ. Въ 1817 году составился заговоръ въ войскѣ въ Каталоніи, зачинщикъ его, генералъ Ласи, попался въ руки правосудія и былъ разстрѣлянъ, не смотря на то, что за него просилъ побѣдитель при Байленѣ, генералъ Кастаньосъ; возстаніе въ Валенсіи въ 1819 году, подъ начальствомъ полковника Видаля, съ которымъ, какъ мы уже говорили, по своему покончилъ генералъ Эліо. Видаля повѣсили, а его сообщниковъ, какъ измѣнниковъ, разстрѣляли сзади; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ пыткахъ, или исчезли въ монастырскихъ тюрьмахъ, потому что государственныя были уже переполнены. Несмотря на всѣ эти неудачи, попытки къ возстаніямъ въ войскѣ продолжались, но замѣтно было, всякій разъ, когда опасность являлась, король измѣнялся къ лучшему и мѣры его бывали не такія жестокія, какъ въ обыкновенное время. Наконецъ пробилъ часъ, когда успѣхъ перешелъ на сторону дерзкихъ честолюбцевъ, или доведенныхъ до отчаянія притѣсненныхъ.

Всѣмъ казалось, что спасенія ожидать можно только отъ открытаго возстанія; иной помощи ожидать неоткуда было, хотя всѣ европейскіе дворы, даже самые абсолютическіе, приходили въ ужасъ отъ постыдныхъ, жестокихъ и безумныхъ поступковъ этого тирана; въ стѣнахъ англійскаго парламента постоянно раздавалась самая энергическая брань на этого оскорбителя европейскаго чувства человѣчности, но помогать никто не хотѣлъ и не могъ, а бранныя слова въ Мадридѣ не дѣйствовали; на перемѣны внутреннимъ мирными путями надѣяться нельзя было: съ одной стороны правительство было безчестно, съ другой народъ и войско были слишкомъ раздражены и страсти ихъ кипѣли. По распоряженіямъ правительства, близъ Кадикса собрался очень большой военный корпусъ, который подъ начальствомъ генерала О'Доннеля графа Абисбаль, долженъ былъ отправиться въ Америку на берега Ла-Платы: потому что и эта провинція, по примѣру другихъ, въ 1816 году объявила свою независимость отъ Испаніи. Великое волненіе, охватившее испанскія заатлантическія владѣнія побуждало ихъ слѣдовать примѣру англійскихъ владѣній и отдѣлиться отъ своей метрополіи; волненіе это достигло такихъ размѣровъ, что его ни остановить, ни уничтожить уже не было возможности, а между тѣмъ всѣ помыслы реставраціоннаго правленія клонились къ тому, чтобы в н о в ь з а в о е в а т ь И н д і ю. Фердинандъ глубоко ненавидѣлъ Англію потому, что опасался, какъ бы она не признала независимости заатлантическихъ испанскихъ владѣній; онъ старался сблизиться съ Россіей, присоединился къ священному союзу, отъ котораго долгое время его отталкивало опасеніе за свою личную деспотическую власть; но теперь при видѣ высоты и могущества, достигнутаго членами священнаго союза, онъ надѣялся на основаніи ихъ кореннаго закона — всѣми силами поддерживать законность и неизмѣняемость правъ, королевскихъ, что они при удобномъ случаѣ дадутъ свою помощь и въ Новомъ свѣтѣ.

Въ войскахъ, собранныхъ близъ Кадикса было сильное неудовольствіе; назначеніе ихъ было для нихъ ненавистно; съ 1818 до 1819 г. до 42,000 человѣкъ было отправлено въ колоніи; что бы тамъ ни было, какія выгоды бы тамъ ни представлялись, но возвращавшіеся изъ Америки раненые и больные могли разсказать, что сталось съ отправленными туда войсками, да кромѣ того, появлявшіеся въ Кадиксѣ изъ провинцій агенты тоже многое поразсказали. Въ войскѣ составился заговоръ; зачинщиками ихъ были полковникъ Антоніо Квирога и Рафаилъ Ріего; самъ О'Донель былъ ему не чуждъ. Но въ послѣднюю минуту узнавъ, что при дворѣ онъ сдѣлался подозрителенъ, О'Доннель рѣшился измѣнить дѣлу, которому вполовину сочувствовалъ: онъ приказалъ арестовать заговорщиковъ 8 іюля 1819 г., но по причинамъ ему хорошо извѣстнымъ, далъ имъ достаточно времени, чтобы истребить всѣ бумаги. За двусмысленную преданность О'Доннелю пожаловали орденъ, но онъ лишился главнаго начальства надъ войскомъ; оно поручено было старому генералу Каллеіа. Началось слѣдствіе, но оно ни къ чему не привело и большая часть заговорщиковъ были оправданы. Приближалось время отправленія; одинъ изъ зачинщиковъ заговора, Ріего, тоже выпущенный изъ тюрьмы, ободрился, онъ созвалъ свой батальонъ Астурійцевъ 1 января 1820 года, въ 8 часовъ утра, повелъ его къ обѣднѣ въ церковь Ласъ-Кабейласъ де Сапъ-Хуанъ на такъ называемой Илла-де-Леона, послѣ обѣдни выстроилъ солдатъ, произнесъ одушевленную рѣчь и заставилъ ихъ присягнуть конституціи 1812 года, какъ единственному законному, основному правленію государства. Оттуда повелъ онъ свой батальонъ въ главную квартиру Аркосъ де ла Фронтера и арестовалъ генерала Каллеіа со всѣмъ его штабомъ. Затѣмъ освободилъ изъ тюрьмы Квирогу, и передалъ ему команду всего отряда, возросшаго до 1000 человѣкъ. Но дальнѣйшіе успѣхи не соотвѣтствовали началу. Попытка овладѣть Кадиксомъ не удалась, благодаря энергическимъ мѣрамъ принятымъ королевскимъ комендантомъ генераломъ Фрейре, народонаселеніе не принимало ни малѣйшаго участія, когда же Ріего съ самыми вѣрными людьми предпринялъ походъ въ Андалузію, между его войскомъ начались побѣги, дезертировъ стало такъ много, что онъ съ жалкими остатками войска долженъ былъ искать убѣжища въ горахъ и 11 марта принужденъ былъ объявить отряду своему, что даетъ солдатамъ позволеніе спасаться, кто какъ можетъ и куда можетъ.

Но Испанія — страна случайностей; въ то время, когда съ одной стороны самый источникъ возстанія изсякъ, въ другихъ мѣстахъ оно увлекало всѣхъ и все. Извѣстіе о возстаніи въ Андалузіи зажгло искру въ противуположномъ концѣ полуострова; искра, перенесенная туда какимъ-то попутнымъ вѣтромъ разгорѣлась на сѣверѣ въ яркое пламя, тогда какъ на югѣ оно уже почти потухло. Въ Корунѣ въ Галиціи конституція была объявлена и волненіе быстро распространилось по всему сѣверному прибрежью, захватило Аррагонію и Каталонію; Мина возвратился и распустилъ знамя возстанія въ Наваррѣ и тотъ же самый О'Доннель опять обманулъ короля; ему поручено было командовать войскомъ въ Мангѣ, но онъ, становясь опять измѣнникомъ, вошелъ въ сношенія съ остатками возставшихъ въ Андалузіи. Отовсюду изгнаны были реакціонерныя судебныя и гражданскія правленія и конституціонныя выборные юнты опять выведены; темницы инквизиціи были открыты, и жертвы ихъ опять были освобождены; черезъ самое короткое время разрастающееся возмущеніе дошло до столицы. Правительство думало унять бурю тѣмъ, что объявило декретъ о собраніи кортесовъ по старинымъ правиламъ, въ формахъ старинныхъ представителей, что король съ самаго начала царствованія обѣщалъ, но до сихъ поръ не выполнилъ. За помощью обратился Фердинандъ къ генералу Баллестеросу, котораго онъ незадолго передъ тѣмъ отставилъ отъ должности военнаго министра и изгналъ изъ Мадрида. Этотъ безъ утайки объявилъ ему, что здѣсь дѣлать нечего, остается—или уступить,—или отказаться отъ престола. Король рѣшился; 8 марта онъ издалъ декретъ, по которому призналъ конституцію 1812 г., потому что народъ ея желалъ и потому что онъ самъ всегда сочувствовалъ ей. Характеристической чертой этого времени и этого народа можетъ послужить то, что министръ юстиціи съ величайшимъ трудомъ подписался подъ этимъ декретомъ, потому что отъ недавней пытки у него суставы рукъ еще не дѣйствовали. Но народъ все еще шумѣлъ и волновался; 9-го вокругъ дворца собралась буйная и шумная толпа черни, которая теперь бѣгала за демагогами также яростно, какъ прежде бѣгала за монахами и заставила короля немедленно клятвенно подтвердить конституцію и пока кортесы, законнымъ образомъ выбранные, не соберутся, окружить себя временною юнтою, составленною изъ приверженцевъ конституціи. Политическихъ преступниковъ освободили, печати была дана свобода; всѣ войска должны были присягнуть конституціи, инквизиція была устранена. Въ столицѣ, простой народъ, который въ благоговѣніи теперь поклоняется святому кодексу—конституціи Кадикса—молился передъ нимъ на колѣняхъ и шумѣлъ въ порывахъ энтузіазма; еще такъ недавно поклонялся инквизиціи, одушевленіе отъ столицы распространилось и на провинціи. Повсюду праздновали освобожденіе, не стоившее ни капли крови, различными народными праздниками; вездѣ были бои быковъ, фейерверки, религіозныя процессіи и т. д. А между тѣмъ выборы въ кортесы шли тихо и успѣшно, по установленнымъ правиламъ, и 9 іюля 1820 г. засѣданія открылись; началась новая конституціонная эра въ странѣ Филиппа II.

Этотъ быстро и легко совершившійся переворотъ, какъ мы увидимъ, имѣлъ громадное вліяніе на всѣ остальныя романскія государства, и сердца либераловъ почти въ цѣлой Европѣ наполнились новыми надеждами, или новыми опасеніями. Ближе всего вліяніе это отразилось на Португаліи, хотя непосредственной перемѣны не произвело въ ней.

Одно изъ королевствъ Пиринейскаго полуострова, Португалія, выросло въ борьбѣ съ арабами, но сохранило свою независимость, или если и утрачивало ее на короткое время, то опять освобождалось, между тѣмъ, какъ всѣ прочія государства полуострова мало-по-малу срослись, или скованы были въ одно королевство Испанское. Настоящій король, Іоаннъ VI, взошедшій на престолъ въ 1816 году, удалился въ Бразилію вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, когда въ 1807 году наполеоновская политика начала угрожать даже этому, самому отдаленному изъ европейскихъ государствъ, и даже послѣ того, какъ туда дошло извѣстіе о паденіи наполеоновскаго владычества, онъ оставался въ Ріо-Жанейро. Въ Португаліи отъ этого происходило неудовольствіе: тамъ съ негодованіемъ смотрѣли на то, что португальское золото шло въ Бразилію, а между тѣмъ прежде было въ порядкѣ вещей, чтобы бразильское шло въ Португалію. Португальская гордость

страдала отъ того, что метрополіею король управлялъ изъ колоніи: но правительство подавало еще иное, болѣе непосредственное и прямое неудовольствіе Лиссабону.

Регентство номинально было поручено пяти членамъ подъ предсѣдательствомъ лисссабонскаго архіепископа. Настоящимъ же главою и правителемъ былъ главнокомандующій португальскаго войска, англійскій генералъ лордъ Бересфордъ. Противъ него войско было сильно раздражено; его обвиняли въ томъ, что онъ предпочиталъ англійскихъ офицеровъ португальскимъ, чего національная гордость и корыстолюбіе, врожденное португальцамъ, выносить не могли; третья доля офицерскихъ должностей, съ ропотомъ утверждали недовольные, предоставлена англичанамъ; неудовольствіе возрастало и въ теченіе 1817 года въ арміи составлялся заговоръ, подъ начальствомъ очень даровитаго, но обиженнаго Бересфордомъ генерала донъ Гомеца Фрейра; цѣлью этого заговора было умертвить Бересфорда и всѣхъ англійскихъ офицеровъ. Это казалось средствомъ, очень простымъ и общеупотребительнымъ на Пиринейскомъ полуостровѣ; но англичанъ застать врасплохъ было трудно. Неудачная попытка во время ученья пробудила подозрѣніе въ главнокомандующемъ, и ночью 25 мая одновременно арестовали всѣхъ заговорщиковъ въ столицѣ и въ провинціяхъ. Во время слѣдствія обнаружилась вся сила ненависти противъ англійскаго притѣснителя; многіе изъ арестованныхъ прямо и безъ всякаго замѣшательства объявили, что считаютъ все позволеннымъ. Но сила была въ его рукахъ, и онъ употребилъ ее безъ пощады; правитель назначилъ чрезвычайную слѣдственную коммиссію; она приговорила къ смерти донъ Фрейра и его одиннадцать сообщниковъ, людей принадлежащихъ къ старинным португальскимъ дворянскимъ семействамъ; послѣ казни тѣламъ приказано было отрубить головы, тѣла сжечь и пепелъ бросить въ море, «такъ повелѣваютъ законы страны,» въ извиненіе себѣ замѣтилъ Бересфордъ; и 19 октября 1817 года, на Лиссабонской площади св. Анны, производилась ужасная казнь въ теченіе семи смертельно долгихъ часовъ. Народъ въ ужасѣ притихъ и нѣсколько лѣтъ прошли спокойно; но ненависть къ притѣснителямъ возрастала, и она увеличивалась еще бѣдственнымъ положеніемъ народа; нужды усилились, удовлетворять ихъ не было средствъ, духовенство и монастыри тяготѣли надъ этой страною еще больше, чѣмъ надъ сосѣдственной Испаніей, и неразлучное съ такимъ гнетомъ невѣжество погружало народъ въ совершенное безсмысліе. Бересфордъ ничего не съумѣлъ придумать, чтобы улучшить положеніе простаго народа; полиція была въ жалкомъ положеніи, юстиція еще въ худшемъ. 230,000 духовенства приходилось на 3 милліона жителей, безчисленное множество воровъ, разбойниковъ и нищихъ высасывали послѣднія крохи. При Бересфордѣ положеніе страны не ухудшилось, но общее неудовольствіе возрастало, и принимало грозный характеръ; чтобы запастись новыми инструкціями, онъ рѣшился лично отправиться къ королю въ Ріо-Жанейро.

Можно было предвидѣть, что общее возстаніе готово вспыхнуть. Удачныя дѣйствія инсургентовъ въ Испаніи послужили примѣромъ; 23 августа 1820 года, войска, собранныя близъ Опорто, подъ начальствомъ полковника Сепульведа первыя поднялись, положено было учредить временное правительство, юнту, пока не соберутся кортесы и не составятъ конституціи; королевская власть должна была остаться неприкосновенною и права дона Іоанна и дома Браганцскаго неизмѣнными. Существующее правительство послало противъ инсургентовъ генерала Амаранте съ 5 или 7,000 войска, но лишь только онъ приблизился къ мѣсту возстанія, подчиненныя ему войска заставили его пристать къ опортской юнтѣ. Недѣлю спустя 7 сентября, то же самое настроеніе овладѣло жителями Лиссабона, на улицахъ раздавались крики: виватъ король! виватъ конституція! и здѣсь учредилась юнта, которая съ 28 сентября вошла въ сношенія съ опортскою. Въ октябрѣ возвратился Бересфордъ, вооруженный неограниченнымъ полновластіемъ, но не нашелъ людей, готовыхъ повиноваться. Ему не позволили даже высадиться на берегъ; даже угроза вмѣшательствомъ Англіи ни къ чему не повела, онъ принужденъ былъ уѣхать въ Англію, куда за нимъ послѣдовало множество англійскихъ и португальскихъ офицеровъ.

Англійское правительство не нашло нужнымъ вмѣшиваться въ дѣла Португаліи; оно предоставило королю въ Ріо-Жанейро вѣдаться съ своими заатлан-

тическими подданными. Донъ Іоаннъ колебался, не зналъ, на что рѣшиться: если ему оставаться въ Бразиліи, то онъ могъ лишиться Португаліи, если, наоборотъ, отправиться въ Португалію, то Бразилія могла отложиться. Пребываніе двора принесло много пользы американскимъ колоніямъ; въ нихъ проснулась общественная и промышленная жизнь; Бразилія въ теченіе многихъ лѣтъ сряду привыкла смотрѣть на себя, какъ на главную независимую часть государства и какъ на такую пріучила смотрѣть на себя и остальную Америку, и теперь могла-ли она согласиться опять смиренно занять подчиненное положеніе зависимой колоніи. Честолюбивый донъ Педро, сынъ Іоанна VI, постарался изъ своего настоящаго положенія извлечь для себя какъ можно болѣе выгодъ; онъ предупредилъ желаніе бразильцевъ; при шумномъ содѣйствіи волнующагося народа, онъ уговорилъ слабаго короля отправиться въ Португалію и возстановить тамъ свою королевскую власть. Іоаннъ VI уступилъ общимъ требованіемъ, сѣлъ на корабль, а регентомъ въ Ріо-Жанейро назначилъ своего старшаго сына, донъ Педро; 3 іюля 1821 года корабль, на которомъ находился король и всѣ остальные члены его семейства, бросилъ якорь въ виду Лиссабона.

Здѣсь между тѣмъ чрезвычайное собраніе кортесовъ, открывшее засѣданіе 27 іюня 1821 г., уже успѣло составить конституцію, по образцу испанской, и королю Іоанну тогда только позволено было ступить на родную почву, когда онъ принялъ конституоцію и обязался ввести ее. Регентство было тотчасъ распущено и король избралъ конституціонное министерство.

2. Италія.

Самый печальный жребій, при общей ликвидаціи послѣ громадной наполеоновской военной азартной игры, достался Италіи. Владычество Наполеона уничтожило много сора и хлама въ администраціи Италіи; оно дало народу новый толчекъ въ жизни и дѣятельности, хотя, по правдѣ, и употребляло въ свою пользу проявленіе этой воскресающей дѣятельности. Наполеонъ оказывалъ Италіи нѣкоторую симпатію, какъ своей соотечественницѣ, на сколько онъ, по своей эгоистической природѣ, способенъ былъ къ этому чувству. Но главное, это чужеземное владычество открыло новое поприще для будущности Италіи, оно указало ей новое назначеніе, оно хоть на короткое время соединило всѣ ея разрозненныя части въ одно цѣлое; оно дало ей имя итальянскаго королевства. Въ этомъ имени, которое при политикѣ Наполеона оставалось пустымъ звукомъ, лежало указаніе Провидѣнія, какъ залогъ будущаго, того, что должно было совершиться втеченіе того же самаго XIX вѣка. Но на вѣнскомъ конгрессѣ о томъ не было рѣчи. Эта страна не имѣла даже на совѣщаніи европейскихъ державъ своихъ защитниковъ, представителей своихъ надеждъ и потребностей. Договоры 1815 года уничтожили названіе итальянскаго королевства, и Италія сдѣлалась опять географическимъ понятіемъ, составленнымъ изъ множества отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, какъ это было втеченіе многихъ столѣтій, со временъ Теодорика Великаго. Для мелкихъ итальянскихъ владѣній не придумано было даже такой слабой связи, какъ связь германскаго союза, а гдѣ такая подготовка существовала, то назначеніе ея заключалась въ томъ, чтобы облегчить путь для новой, еще болѣе тягостной, чѣмъ французской для австрійской, системы угнетенія.

Въ странѣ, раздираемой духомъ партій, австрійское вліяніе преобладало. Въ верхней Италіи въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ австрійское господство было непосредственное, и поверхностному наблюдателю могло показаться очень легко привести отношенія въ старинныя формы. За полстолѣтія передъ тѣмъ, во времена Маріи-Терезіи, итальянцы чувствовали себя хорошо подъ австрійскимъ владычествомъ, послѣ своего присоединенія къ Австріи; въ манифестѣ отъ 1 апрѣля 1815 года, которымъ императоръ Францъ привѣтствовалъ народонаселеніе своего новаго королевства, господствовалъ дружескій тонъ рѣчи. Въ немъ онъ на словахъ, придавалъ итальянской національности, достойной уваженія, самое

большое значеніе, и очень кстати упомянулъ, что онъ самъ, австрійскій императоръ—итальянскій уроженецъ. Но времена перемѣнились; народъ былъ уже нетотъ, какимъ онъ былъ въ 1789 году; обоюдная недовѣрчивость раздѣляла правительство отъ управляемыхъ. Правленіе Меттерниха отозвалось и здѣсь, какъ повсюду; для вида учреждено было представительство страны; составили, такъ называемыя, провинціальныя конгрегаціи и двѣ центральныя конгрегаціи, одну въ Миланѣ, а другую въ Венеціи. Миланъ былъ назначенъ мѣстопребываніемъ вице-короля, въ 1817 году, но должность эта, сама по себѣ ничтожная, дѣлалась еще ничтожнѣе отъ лица, которому она была поручена. Эрцгерцогъ Рейнеръ былъ просто человѣкъ безъ всякаго вѣса: когда же конгрегація въ видахъ пользы и выгодъ народа начала подавать прошенія, ихъ не приняли и имъ отказано было безъ всякаго основанія. Въ самое непродолжительное время австрійское правительство поставило себя въ самое невыгодное оложеніе; оно цѣлымъ рядомъ неблагоразумныхъ мѣръ, введеніемъ несоотвѣтствующихъ народнымъ обычаямъ и характеру австрійскихъ законовъ и законодательныхъ книгъ, рядомъ ошибокъ, относительно личныхъ вопросовъ, касательно уважаемыхъ въ народѣ лицъ, полною неспособностію понимать народный духъ, довело себя до такого положенія, что вся правительственная дѣятельность Австріи принуждена была ограничиться введеніемъ обширной системы полицейскаго шпіонства. Но и тутъ выказалась неловкость и грубость полицейской недальновидности; шпіоны врывались въ общественную и семейную жизнь; полицейскій гнетъ и чужеземное вмѣшательство во всѣ жизненныя отношенія и довели ненависть до послѣднихъ предѣловъ, примиреніе стало немыслимо, даже и тогда, когда правительство нашло возможность доказать, что страны, подчиненныя Австріи, управлялись лучше странъ, находящихся подъ властію отдѣльныхъ, самостоятельныхъ туземныхъ правителей. Все дурное, что случалось въ Италіи, инстинктъ народный, хотя въ частностяхъ несправедливый, а только въ общемъ взглядѣ вѣрный, приписывалъ австрійскимъ правительственнымъ распоряженіямъ.

Менѣе всего австрійское вліяніе обнаружилось въ сосѣднемъ королевствѣ Сардиніи. Здѣсь реакція шла своимъ путемъ и своими способами. Реставрированный король Викторъ-Эммануилъ поспѣшилъ возстановить прежде существовавшій порядокъ вещей; эдиктомъ отъ 21 мая 1814 года коротко и ясно постановлено было соблюдать, не взирая ни на какіе позднѣйшіе законы, конституцію 1770 года. Поселившихся въ Сардиніи съ 1792 года французовъ изгоняли безъ всякаго снисхожденія; даже процессы, рѣшенные въ этотъ промежутокъ времени о французскимъ; законамъ положено было снова перерѣшить. И если король чего нибудь по мягкосердечію, или по сочувствію къ отдѣльнымъ нуждамъ или несчастіямъ не замѣчалъ, или пропускалъ безъ вниманія, то выкапывалъ классъ дворянства и духовенства, въ рукахъ которыхъ къ несчастію король находился. Были тоже такіе, которые были бы не прочь сломать мостъ на По подлѣ Турина потому только, что Наполеонъ его началъ строить. Фабрики очищали, чтобы зданія отдать подъ монастыри; народное обученіе было поручено іезуитамъ, всякое повышеніе, всякое движеніе по службѣ зависѣло отъ посредничества и отъ рекомендаціи духовныхъ лицъ, благосклонность которыхъ можно было заслужить строгимъ исполненіемъ обрядовъ и пожертвованіями въ пользу королевскаго духовника. Процессіи и молебствія не прекращались, особенно когда появлялся голодъ. Но народъ этотъ по природѣ своей сильный, дѣятельный, воинственный не падалъ нравственно; даже при дворѣ знакомство съ исторіей страны было общее, и сознаніе, основанное на ходѣ народной жизни, указывало династіи ея назначеніе совсѣмъ не похожее на путь, ею избранный. Противъ австрійскаго вліянія на дѣла, существовала общая оппозиція; никто и слышать не хотѣлъ объ общеитальянскомъ союзѣ, подъ австрійскимъ предсѣдательствомъ, какъ того добивались въ Вѣнѣ. Въ отношеніи къ Риму твердо держались нѣкоторыхъ старинныхъ преимуществъ, признанныхъ за сардинскою короною, и во внутреннемъ управленіи произошли нѣкоторыя видимыя улучшенія съ тѣхъ поръ, какъ Просперо Балбо принялъ управленіе министерствомъ.

Съ самаго начала реакція въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ не обнаружилась такъ сильно. Фердинандъ II, человѣкъ кроткій и доброжелательный, желалъ

возстановить старинные, кроткіе обычаи временъ Леопольдовскихъ. Люди и порядокъ вещей могли идти своимъ путемъ, никто не мѣшалъ имъ, пока избранный ими путь не становился слишкомъ неловкимъ и неудобнымъ для правительства; за общественными дѣлами надзоръ порученъ былъ вѣжливой кастѣ сбировъ-шпіоновъ, но они не выказывали и не вызывали мести, не вели за собою смертныхъ казней и въ отношеніи австрійскаго вліянія не показывали особенной податливости.

Совсѣмъ не то было въ герцогствѣ Моденѣ. Франциск IV вполнѣ принялъ австрійскую полицейскую систему и даже преувеличивалъ ея притязанія и ея дѣйствія; онъ оказался очень изобрѣтательнымъ деспотомъ, которому было непріятно, что на его долю не досталось болѣе крупнаго государства, разорять которое доставило бы ему особенное удовольствіе.

Императрица Луиза, получивъ Парму, пользовалась совѣтами и указаніями вѣнскаго кабинета; она не очень сокрушалась о своей участи и предоставила своему супругу, павшему императору Наполеону, терпѣливо переносить свой плѣнъ; при содѣйствіи и совѣтахъ своего перваго министра графа Нейперга, она кротко правила своею маленькою областью. О Луккѣ достаточно замѣтить, что на каждые 82 человѣка жителей приходилось по одному духовному лицу, тогда какъ даже въ Пармѣ одинъ приходился на 188. Надобно еще сдѣлать замѣчаніе, касательно Италіи преимущественно: чѣмъ больше въ какой либо странѣ духовныхъ лицъ, тѣмъ ограниченнѣе число грамотныхъ.

Сердце итальянскихъ государствъ составляла Церковная область единственное изъ владѣній, которое изъ большаго потопа современнаго вынырнуло почти въ своемъ старомъ составѣ, хотя и ей суждено было погибнуть, не дождавшись окончанія трехъ четвертей столѣтія и подчиниться тому же разрушительному закону, поглотившему остальныя части Италіи. Церковная область имѣла двоякій характеръ и двоякое значеніе. Это было подножіе папскаго могущества и въ тоже время итальянское государство. При возстановленіи стараго политическаго порядка вещей въ Европѣ была возстановлена и Церковная область; при изъявленіи всеобщаго энтузіазма, благородный старецъ, 62-лѣтній папа Пій VII возвратился въ Римъ; онъ твердо и мужественно вынесъ шестилѣтнее мученичество во власти Наполеона и своею благородною прямотою и честностью пріобрѣлъ даже любовь протестантовъ.

Если посмотрѣть съ вершины Капитолія, этого символа возвышеннаго нѣкогда средоточія свѣтскаго могущества, а потомъ духовнаго универсальнаго царства, то можно исчислить, что погибло въ бурю революцій, что изъ нея спаслося, но какъ ни взвѣшивать того и другаго разрушеніе было ужасное. Цѣлый рядъ крѣпкихъ колоннъ христіанской католической церкви, повинуясь историческому закону, начиная съ 1555, съ 1648 годовъ мало-по-малу все шло путемъ, который все болѣе и болѣе принималъ характеръ непреложнаго, неизмѣннаго закона природы; въ государствахъ романскаго племени владычество французское въ монастыряхъ и духовныхъ учрежденіяхъ произвело сильнѣйшія перемѣны; безчисленное множество приходовъ во всѣхъ земляхъ оставались или незанятыми, или обѣднѣли до крайней степени, или совсѣмъ уничтожились. Но времена измѣнились и новая пора жизни, обновленія жизни духовенства настала. Во всѣхъ народахъ, преимущественно въ германскихъ, нужда, страданіе и борьба возбудили религіозный духъ къ новой жизни, и сухой и трезвый раціонализмъ, данный XVIII столѣтіемъ въ наслѣдство XIX уже неудовлетворялъ болѣе умовъ. Значительная и могущественная партія, или школа господствующая въ литературѣ, романтизмъ—съ энтузіазмомъ превозносила поэтическую средневѣковую жизнь, какъ контрастъ съ прозаическою дѣйствительностью новѣйшаго времени. Дворянство, бывшее близко къ гибели, съ удовольствіемъ вспомнило о временахъ рыцарства и было готово попытаться возстановить его или удержать подъ новыми формами и потому неотказалось бы вступить въ іерархическій союзъ. Правительства повсюду, гдѣ революція свирѣпствовала, или гдѣ вліяніе ея было особенно ощутительно, пришло къ убѣжденію, что религіозность есть лучшій оплотъ отъ ея заблужденій и лучшее средство держать невѣжественный народъ въ повиновеніи. Вліяніе Англіи, Россіи и Пруссіи возвратило

папѣ его легатства, которыя Австрія очень охотно удержала бы въ своихъ рукахъ; еретики и схизматики возстановили папскій престолъ.

Безъ сомнѣнія, для католической церкви настала благопріятная пора, еслибы у ея пастырей былъ вѣрный взглядъ на современное положеніе дѣлъ, еслибы они возстановляли не торопливо. съ умѣренностію и устарѣлое отбрасывали безъ предубѣжденія. Лично у Пія VII была эта умѣренность и у его перваго совѣтника кардинала Консальви тоже не мало; но здѣсь, какъ и вездѣ и даже гораздо больше являлся духъ касты, духъ исключительности; онъ перевѣшивалъ сильнѣе ясное пониманіе отдѣльныхъ лицъ и ихъ желаніе все уладить. Благородные мечтатели, какъ напримѣръ, Вессенбергъ въ Констанцѣ, администраторъ епископства, примасъ Карлъ Ф. Далбергъ могли толковать о союзѣ церкви съ науками и совѣстливо, съ знаніемъ дѣла желать внутренней реформы церкви; но такой союзъ былъ невозможенъ, и реформа несбыточною мечтою. Но церковь устарѣла, и она не могла рѣшиться сдѣлаться общею, и не считать себя всеобщею; она не могла отказаться отъ средствъ составлявшихъ ея сущность и не хотѣла измѣниться вмѣстѣ съ потребностями времени; она держалась за свои неизмѣнныя формальности, за свои орудія, свои монастыри, свои религіозныя изреченія, свои духовныя судилища и буллы и за свои претензіи на непогрѣшимость; она должна была, по словамъ іезуитовъ, оставаться, чѣмъ была, или вовсе не быть. По этому было все равно, каковъ былъ папа, въ рукахъ котораго находилось дѣло реставраціи: Павелъ IV дѣйствовалъ бы почти также, какъ Пій VII. Конгрегація для поддержанія чистоты вѣры, или иначе—инквизиція—опять была введена. Булла, изданная 6 августа 1814 г. Sollicitudo omnium, по единодушной просьбѣ всего христіанскаго міра, какъ говорилось, призвала іезуитовъ вновь къ жизненной дѣятельности; безъ этихъ сильныхъ и опытныхъ гребцовъ, корабль Св. Петра не могъ плавать; эдиктомъ отъ 15 августа и остальные духовные ордена были возстановлены; чтеніе всѣхъ политическихъ сочиненій было запрещено вѣрующимъ, а въ юбилейный годъ реформаціи изданы были папскіе декреты, по которымъ всѣ учреждаемыя библейскія общества признаваемы были, какъ коварное изобрѣтеніе (veterrimum inventum) и чумное сборище, которое по возможности слѣдуетъ искоренять. На сколько папскій престолъ остался тотъ же, какъ безслѣдно мимо него прошли всѣ историческія измѣненія, выражается даже въ самыхъ мелочныхъ его распоряженіяхъ; такъ папа въ концѣ 1815 года требовалъ отъ Неаполя дань лошади, т. е. бѣлую осѣдланную и взнузданную лошадь, какъ знакъ своего леннаго подданства. Правда, то тамъ, то здѣсь, во вниманіе потребностей времени отказывались отъ нѣкоторыхъ требованій, или по крайней мѣрѣ не настаивали на точномъ выполненіи ихъ; по временамъ заключали конкордаты съ Франціей, Баваріей и другими государствами, по которымъ дѣлали уступки; также Пій VII въ 1816 году призналъ за христіанствомъ и за болѣе гуманнымъ духомъ времени право отмѣнить кровавое преслѣдованіе еретиковъ; но церковь католическая, или какъ она себя просто называла церковь строго наблюдала затѣмъ, чтобы не сдѣлать ни малѣйшей уступки въ томъ, что она считала своимъ основнымъ правомъ и закономъ — а именно, чтобы ей все было подчинено, потому что прилично, чтобы все свѣтское, мірское безусловно подчинялось духовному, Божественному. Этотъ взглядъ руководилъ политикою папскаго престола; на существованіе всего, что только противилось постановленіямъ этой церкви, или было ей чуждо, смотрѣли какъ на временно допущенное; не признавалось никакого права, кромѣ права церкви. Несмотря на то, что самые корни политическаго существованія этого воззрѣнія уже медленно начали вымирать, все-таки большую силу, долговѣчность и успѣхъ придавало ему то, что въ каждой странѣ политика римской куріи находила себѣ ревностныя, даже слишкомъ ревностныя орудія и исполнителей абсолютизма, которые умѣли, какъ самаго глупаго, такъ самаго умнаго человѣка, на какомъ бы мѣстѣ онъ ни находился, употреблять въ свою пользу; все это въ ихъ глазахъ были числа, за которыми по произволу римскіе дѣятели приписывали столько нулей, сколько имъ на умъ приходило.

Слѣдовало бы ожидать, что италіанское государство, находившееся подъ непосредственнымъ управленіемъ намѣстника Христова, по своей администраціи, по

законамъ, по народному образованію стоитъ выше всѣхъостальныхъ христіанскихъ государствъ, въ мірѣ, и можетъ служить имъ образцемъ. Но этого ожиданія ни у кого не было. Съ несоразмѣрными претензіями куріи, дѣйствительно положеніе и управленіе маленькою территоріею, надъ которой для пробы можно было бы дѣлать опыты, составляло разительную противуположность; кто захотѣлъ бы вникнуть въ положеніе дѣлъ тотъ нашелъ бы для себя здѣсь поучительный примѣръ, а для существующаго правительства не похвальный. Только что возстановленная Церковная область позаботилась о томъ, чтобы сохранить свою извѣстность самаго дурнаго государственнаго управленія, въ ряду всѣхъ христіанскихъ государствъ. По необдуманной реакціи всѣ французскіе законы и постановленія были разомъ отмѣнены; введенное ими освѣщеніе улицъ въ Римѣ и оспопрививаніе запрещены; слѣдуя этому благодѣтельному примѣру, крестьяне близь Болоньи уничтожили рисовыя поля, заведенныя французами въ ея окрестностяхъ, и вовсе перестали сѣять его; слѣдствіемъ такихъ благоразумныхъ мѣръ было то, что въ Римѣ втеченіе одного года было больше убійствъ, чѣмъ во все время французскаго владычества. Церковная область была раздѣлена на 19 округовъ или легатствъ; изъ нихъ четыре сѣверныхъ преимущественно назывались этимъ именемъ и каждое изъ нихъ управлялось кардиналомъ; всѣ области стояли подъ управленіемъ духовныхъ лицъ, которыя доказали свою неспособность въ управленіи, какъ люди вообще неприготовленные и односторонніе, которые, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за теченіемъ времени и учиться опытомъ, хотятъ всему навязывать предразсудки своей касты. Съ каноническимъ правомъ въ рукахъ противились они всякимъ улучшеніямъ и нововведеніямъ, какія Консальви пытался сдѣлать при хаотическомъ состояніи законодательства. Въ какомъ положеніи была финансовая система и земледѣльчество можно заключить изъ того, что всѣ сельско-хозяйственныя сочиненія были строго запрещены. Разбойническія шайки увеличивались и свирѣпствовали; въ 1817 году въ Римѣ были объявлены имена и примѣты 57 разбойниковъ разомъ и головы ихъ оцѣнены, а въ 1820 году въ тюрьмахъ сидѣло больше преступниковъ, чѣмъ было солдатъ въ папскихъ владѣніяхъ. Виллы въ окрестностяхъ Рима были небезопасны отъ разбойническихъ нападеній. Чтобы на сколько нибудь уничтожить зло, прибѣгали къ самымъ различнымъ мѣрамъ духовнаго и свѣтскаго оружія; разбойниковъ отлучали отъ церкви, въ случаѣ покорности, обѣщали имъ прощеніе, подкупали ихъ атамановъ, посылали на нихъ вооруженную силу; наконецъ прибѣгали къ хитрости: вошли въ очень вѣжливые переговоры со многими начальниками шаекъ и когда они вдались въ обманъ, завлекали ихъ въ назначенное мѣсто, гдѣ на нихъ нападала засада и частію перебивала, частію захватывала ихъ.

Въ этомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ соединенное королевство обѣихъ Сицилій походило на папскую область. Король Фердинандъ IV, или какъ онъ теперь назывался Первый, возвратился въ Неаполь 7 іюня 1815 года; благодѣтельная судьба спасла королевство по крайней мѣрѣ отъ ужасной супруги его Каролины, умершей въ Вѣнѣ въ 1814 году. Французское владычество имѣло благодѣтельное вліяніе на страну; оно уничтожило много вредныхъ старинныхъ законовъ; оно уничтожило—безподатность дворянскихъ земель и имуществъ, право суда и расправы бароновъ; цѣнность земель сильно возвысилась. Прежде всего обнаружилось сильное неудовольствіе въ Сициліи за то, что конституція, введенная англичанами, была отмѣнена и островъ присоединенъ къ материку, какъ часть государства, подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ. Но и на материкѣ были недовольны особенно потому, что, при водвореніи старыхъ порядковъ, разбои, такъ свойственные народному характеру, сильно увеличивались и безпрепятственно распространяли свои дѣйствія. Когда правительство не знало, къ какимъ мѣрамъ прибѣгнуть, оно нанимало одну разбойничью шайку противъ другой и потомъ предавало ее; чтобы сколько нибудь обезопасить себя, составлялись тайныя общества, какъ это вездѣ въ южныхъ католическихъ земляхъ водится· самую замѣчательную роль въ числѣ другихъ тайныхъ обществъ играло общество карбонаріевъ. Это общество стало въ оппозицію къ правительству, отъ слабоумнаго и слабодушнаго представителя котораго, хитраго короля Фердинанда ничего больше ожидать нельзя было; общество карбонаріевъ заимствовало отъ мас-

сонской ложи свои степени, церемоніи и таинственность, а формы, названія и символы заимствовало отъ ремесла угольщиковъ. Сборныя мѣста ихъ назывались бараками, (Hütten,) ихъ внутреннее строеніе, вендита,—мѣсто продажи угля, окружающее непринадлежащее назывались лѣсомъ и посвященные въ смыслъ названій отлично понимали, если говорилось, что надобно очистить лѣсъ отъ волковъ. Это общество было оссбенно распространено между высшими классами общества, между землевладѣльцами и въ войскѣ, которое было недовольно, по тѣмъ же причинамъ, какъ въ Испаніи и Португаліи. Поступали въ это общество массами и поступленіе не было затрудняемо; полиція то преслѣдовала общество съ безумною и безотносительною строгостію, то оставляло его въ покоѣ; еще съ 1817 года въ тайныхъ сходкахъ общества начали толковать о конституціи, и испанская 1812 г., казалась идеаломъ либеральной конституціи; но меньшинство изъ числа этихъ мечтателей знало, что самая либеральная конституція не можетъ помочь испорченному, раболѣпному народу. Но какъ бы то ни было, это было началомъ стремленія выйти изъ непріятнаго и бѣдственнаго состоянія и главное положить конецъ враждѣ и гоненіямъ, существовавшимъ между различными тайными обществами.

И здѣсь также испанская революція подала сигналъ къ возстанію. Ночью съ 1 на 2 іюля 1820 г. драгунскій лейтенантъ Морелли, въ Нолѣ, провозгласилъ конституцію. Трехцвѣтное черное, красное и синее знамя карбонаріевъ, призывало своихъ защитниковъ; такое же знамя развернулось въ Авеллино, главномъ городѣ провинціи; туда, вслѣдъ за Морелли и двумя другими предводителями, привалила толпа возставшихъ; здѣсь къ ней присоединилась еще большая и въ главѣ ея уже были имена довольно громкія. Карбонаріи смотрѣли на генерала Вильгельма Пепе, какъ на своего предводителя; онъ дѣйствительно смыслилъ кое-что въ военномъ дѣлѣ: самъ король поручилъ ему набрать милицію противъ разбойничьихъ шаекъ; онъ служилъ при Наполеонѣ и въ войскахъ Мюрата; играть какую нибудь роль было ему пріятно. Ему-то, какъ популярному генералу, по рѣшенію военнаго совѣта, король поручилъ команду надъ отрядомъ, назначавшемся для усмиренія бунтующихъ, но по своей обычной подозрительности, опять отнялъ команду у этого, въ высшей степени честолюбиваго генерала; пользуясь неудовольствіемъ на него, возмутившіеся старались дѣйствовать убѣжденіями, лестью и обѣщаніями, онъ склонился на ихъ желаніе и принялъ начальство надъ возстаніемъ, котораго остановить не былъ бы въ силахъ, особенно при нерѣшительныхъ и робкихъ мѣрахъ правительства. Лишь только возстаніе увеличилось въ объемѣ, правительство и король выказали робость; Фердинандъ готовъ былъ на уступки и обѣщался дать конституцію: но этого было недостаточно, народъ требовалъ извѣстной конституціи, или какъ выражалась чернь, для которой слово конституція звучала непривычно, ручательства (cautione), всесвѣтно восхваляемую испанскую конституцію, извѣстную только по слухамъ и даже не переведенную на италіанскій языкъ. Король прикинулся больнымъ и регентство передалъ сыну своему, который отъ его имени обѣщался дать конституцію, согласную съ испанской: іюля 9 возведенный на степень генералиссимуса, Вильгельмъ Пепе торжественно въѣхалъ въ столицу; за нимъ шло регулярное войско, милиція, монахи, и толпы крестьянъ. Регентъ и дворъ почли очень умѣстнымъ нарядиться въ цвѣта и въ различные знаки карбонаріевъ и «король Фердинандъ I, милостію Божіей и въ силу конституціи, король обѣихъ Сицилій» на евангеліи клятвенно обязался охранять конституцію и такъ какъ онъ уже вздумалъ клятвенно подтверждать ее, то кстати еще усилилъ клятву тѣмъ, что призывалъ на себя всѣ кары небесныя если онъ нарушитъ клятву, или если есть хоть малѣйшая ложь въ его обѣщаніи. Такимъ образомъ переворотъ совершился безъ капли крови. Казалось, всѣ были счастливы и единомысліе казалось общимъ; для народа подвижнаго и жаждущаго движенія и жизни въ конституціи казалось особенно хорошимъ то, что она была причиной многихъ торжествъ и иллюминацій.

Не такъ мирно обошлось дѣло въ Сициліи. Корабль съ извѣстіемъ о послѣднихъ событіяхъ въ Неаполѣ подходилъ къ гавани Палермо, 14 іюля, въ день св. Розаліи, покровительницы Сициліи, на кораблѣ и его пассажирахъ видна была радость, всюду виднѣлись цвѣта корбонаріевъ. Извѣстіе, привезенное карбонаріями было принято радостно; но къ мысли о конституціи тотчасъ примѣша-

лась мысль объ отдѣленіи острова отъ королевства, объ учрежденіи своего отдѣльнаго парламента, и на слѣдующій день, желтыя ленты, національный цвѣтъ Сициліи, развѣвались и на платьѣ св. Розаліи, и на флагахъ, и хоругвяхъ, и видны были на шляпахъ огромной толпы, собравшейся по случаю празднества. Желаніе отдѣлиться взволновало эту плотную массу народа и буйные крики были выраженіемъ броженія въ ней. Правительство попыталось унять расходившуюся толпу; 16-го волненіе еще усилилось и дѣло дошло до оружія; чернь, готовая на грабежъ и безчинства, овладѣла фортами и захватила власть въ свои руки. Намѣстникъ, на сторонѣ котораго были всѣ знатнѣйшіе и значительные жители, рѣшился на битву. За тѣмъ послѣдовали четыре дня, исполненные всѣхъ ужасовъ кровопролитія; войска потерпѣли пораженіе, намѣстникъ и его приверженцы спаслись только бѣгствомъ; они сѣли на корабль; анархія осталась побѣдительницей, изъ ея хаоса только съ величайшимъ усиліемъ выдѣлилась временная правительственная юнта, во главѣ которой сталъ князь Виллафранка. Послѣ многихъ кровавыхъ сценъ, мало-по-малу этой юнтѣ подчинился весь островъ; юнта отправила депутацію въ Неаполь, требуя полной независимости Сициліи, подъ управленіемъ третьяго сына короля, съ титуломъ графа Сиракузскаго. Хотя въ Неаполѣ и соглашались на отдѣльное управленіе островомъ, но о полной независимости его и слышать не хотѣли. Рѣшено было силою оружія возвратить Неаполю отложившійся отъ него островъ; генералу Флорестану Пепе поручено было вести 9,000 войска въ Сицилію. Онъ изъ Мессины направился въ Палермо. Переговоры и стычки ни къ чему не вели. Въ Палермо царствовала полная анархія; первая юнта замѣнена была другою; чернь усилила свои ряды освобожденными галерными невольниками и выпущенными изъ тюремъ преступниками; войско Пепе осадило городъ съ твердой земли, а съ моря корабли бомбардировали его; осада длилась; когда голодъ началъ свирѣпствовать въ городѣ, только тогда начались переговоры; 5 октября на палубѣ англійскаго корабля подписана была капитуляція, по которой неаполитанскія войска заняли форты и положено было собрать сицилійскихъ представителей, которымъ предоставлялось рѣшить: устроить ли отдѣльный сицилійскій парламентъ, или съ-обща одинъ парламентъ—неаполитанскій.— Эта капитуляція, послѣ всего случившагося, была очень удачно заключена, но въ Неаполѣ ея не приняли; подъ вліяніемъ народнаго неудовольствія, вновь составленный и открытый парламентъ отвергъ капитуляцію; на островѣ радикальная партія, съ своей стороны, тоже была недовольна ею; тамъ не хотѣли слышать о сицилійской независимости, здѣсь не хотѣли соединенія съ Неаполемъ, ни подъ какою формою. Въ Сицилію послано было подкрѣпленіе, подъ начальствомъ генерала Колетто, и тамъ мало-по-малу удалось возстановить порядокъ; островъ, не смотря на самую либеральную конституцію всего государства вообще, подпалъ подъ самое тяжелое иго военнаго деспотизма. Тутъ и тамъ избирались депутаты въ парламентъ, но ихъ не принимали.

Такимъ образомъ конституціонное начало воцарилось во второмъ южномъ государствѣ, и исключая происшествій въ Сициліи, вездѣ утвердилось безъ кровопролитія. Новое правительство, или правительственная партія всѣми силами старалась, на сколько возможно, сохранять порядокъ и общее спокойствіе, чтобы избѣжать иноземнаго вмѣшательства, котораго можно было опасаться. Но небо хмурилось съ различныхъ сторонъ. Болѣе всѣхъ интересовалась Австрія въ томъ, чтобы революція не распространялась по Италіи, чтобы вмѣстѣ съ освобожденіемъ Неаполя и съ укрѣпленіемъ въ немъ конституціоннаго начала, примѣръ не подѣйствовалъ заразительно на остальныя государства Италіи, и не пригелъ бы къ совершенному ея освобожденію. Австрія вовсе не скрывала, что не намѣрена спокойно переносить слѣдствія такого опаснаго во всѣхъ отношеніяхъ переворота. Она начала съ того, что наложила тяжелую руку въ своихъ собственныхъ провинціяхъ на все то, что выказывало либеральное движеніе, или что имѣло, или могло имѣть какую бы то ни было связь съ карбонарами. Чтобы вмѣшаться въ неаполитанскія дѣла, у Австріи была тѣнь права по трактату отъ 12 іюня 1815 года; въ немъ король неаполитанскій обязался не допускать въ своемъ государствѣ никакихъ измѣненій, которыя бы противорѣчили монархическимъ началамъ вообще и въ особенности началамъ, на какихъ австрійское правительство

находитъ нужнымъ управлять своими италіянскими областями. Но Меттернихъ не хотѣлъ подвергаться сомнительному успѣху и потому одинъ не рѣшался предпринимать что бы то ни было противъ разгоряченнаго успѣхомъ народа. Австрійское вмѣшательство должно было основываться на общеевропейской санкціи и ее-то Меттернихъ надѣялся получить на конгрессѣ, на который представители могущественныхъ державъ были приглашены въ Троппау, въ австрійской Силезіи.

Для дальнѣйшаго хода италіянскихъ дѣлъ важно было знать, какое направленіе примутъ совѣщанія конгресса? Какъ Россія будетъ смотрѣть на революціи въ Испаніи и Неаполѣ, и останется ли императоръ при однажды принятыхъ началахъ священнаго союза, или измѣнитъ свой взглядъ на нихъ?

С. ВОСТОЧНЫЯ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ.

Россія и Польша.

Россіи, вошедшей въ движеніе европейской исторической жизни не болѣе какъ за столѣтіе съ небольшимъ, событія отъ 1812 до 15 годовъ, дали возможность показать свою силу и все вліяніе, какое она можетъ имѣть на теченіе международныхъ отношеній. Могущество Наполеона сломилось въ тяжкой борьбѣ съ Россіей, примѣръ ея твердости придалъ мужество остальнымъ народамъ Европы и при могущественномъ содѣйствіи ея они осмѣлились поднять оружіе на своего общаго притѣснителя; въ борьбѣ за свободу русскому войску, русскому народу и русскому императору на долю досталась трудная задача, къ которой, за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ, никто не считалъ бы ихъ способными. При этомъ случаѣ въ первый разъ великое славянское государство выступило, какъ могущественная европейская держава. Гораздо болѣе того: императоръ Александръ является, какъ истинный глава великой европейской коалиціи; онъ вышелъ изъ трудной борьбы съ Наполеономъ съ могуществомъ, равнымъ могуществу побѣжденнаго, но съ честью и съ достоинствомъ, высоко превышающими честь и достоинство соперника, поставилъ себя въ духовномъ отношеніи на универсальную высоту надъ всѣми остальными державами Европы и умѣлъ, съ достоинствомъ, удержаться на ней. Многочисленные и сильные по своему значенію и образованію русскіе офицеры, изъ которыхъ множество осталось при окупаціонномъ войскѣ во Франціи, при столкновеніи съ жизнію западной Европы расширили свое образованіе, обогатились новыми идеями и новымъ взглядомъ на вещи и когда срокъ ихъ пребыванія въ чужой сторонѣ окончился, возвратились домой не такими, какими вышли изъ Россіи.

Посредствомъ присоединенія большей части Польши, Россіи открылась возможность входить въ постоянныя и, во многихъ отношеніяхъ, плодотворныя сношенія съ западными державами Европы. Можно было надѣяться, что для этого обширнаго и великаго государства настанетъ, подъ управленіемъ государя способнаго сочувствовать великимъ живительнымъ идеямъ, новая эпоха, которая, хотя въ иномъ смыслѣ, будетъ славнымъ продолженіемъ вѣка Петра Великаго и Екатерины Второй.

Отъ природы Александръ имѣлъ мягкую, нѣжную, чувствительную душу, воспріимчивую и склонную къ идеальному направленію; направленіе это еще усилилъ и развилъ въ немъ воспитатель его Лагарпъ, котораго Екатерина приставила къ нему. Во время пребыванія своего на Рейнѣ, восхищаясь прелестными картинами природы, онъ очень часто говаривалъ, что считалъ бы себя счастливымъ, еслибы могъ поселиться съ супругой на этихъ берегахъ и прожить всю жизнь, какъ частный человѣкъ, окруженный семействомъ и друзьями; но такого, хотя и очень искренняго желанія, никакой государь выполнить не можетъ, еслибы даже

это были не одни только слова, вызванныя минутнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ прекрасными видами природы. Какъ человѣкъ впечатлительный, Александръ отдавался идеямъ и чувствамъ, которыя на него дѣйствовали въ данный моментъ, но у него не было упрямства и глубокаго постояннаго одушевленія энтузіаста, которое заставляетъ человѣка неуклонно слѣдовать по извѣстному направленію.

Онъ самъ создалъ много хорошаго для Россіи и не стѣснялъ дѣятельности людей, которыхъ признавалъ полезными: съ 1808 года были сдѣланы разныя полезныя для народа нововведенія въ управленіи. Императоръ пользовался дѣятельностію и совѣтами геніальнаго графа Сперанскаго; это былъ сынъ сельскаго священника, но образованіе и замѣчательныя способности сдѣлали его достойнымъ занимать положеніе, какое ему выпало; у него роились въ головѣ обширные планы преобразованій; онъ живо сочувствовалъ идею освобожденія крестьянъ и стремился положить ему прочное основаніе. Безъ сомнѣнія, освобожденіе крестьянъ сопряжено было съ величайшими затрудненіями и къ нему приступить еще нельзя было, но Сперанскій чувствовалъ, что въ этомъ великомъ дѣлѣ лежитъ залогъ будущаго счастія и будущаго прогресса для Россіи. Сперанскому удалось оказать великую услугу Россіи собраніемъ Свода законовъ; но ему не удалось послѣдовать за европейскимъ теченіемъ, и произвести значительныя перемѣны въ администраціи. Создать аристократію, по образцу аристократіи запада, онъ только дѣлалъ попытки, но существовала при дворѣ сильная партія людей честныхъ и правдивыхъ, которые видѣли, что для русскаго народа и дворянства западные образцы не годятся, и потому противодѣйствовали ему. Самое большое зло для Россіи заключалось въ непреодолимой лѣни и безпечности народной массы съ одной стороны и въ корыстолюбіи и испорченности чиновниковъ съ другой: безъ сомнѣнія, при существующемъ порядкѣ вещей искушенію для нуждающагося, по большей части, класса чиновниковъ было много; имъ поддавались люди не получившіе высшаго умственнаго и нравственнаго развитія. Но къ несчастію въ самое нужное время, въ 1812 году, Сперанскій навлекъ на себя немилость императора; онъ былъ удаленъ изъ столицы. Вслѣдъ за тѣмъ загорѣлась сперва отечественная, потомъ европейская война и поглощала до такой степени всѣ нравственныя его силы и силы всего народа, что за заботами и лишеніями потребности внутреннія были отложены до другаго, болѣе благопріятнаго времени. Во время наполеоновскаго нашествія, подъ вліяніемъ заботъ и тревогъ, какъ человѣкъ впечатлительный, Александръ предался мистически-религіозному направленію; оно еще усилилось въ послѣдующіе годы, исполненные нравственнаго волненія и событій историческихъ; направленіе это поддерживали въ императорѣ люди къ нему приближенные и пользовавшіеся его довѣріемъ. Слѣдствіемъ этого было то, что политика императора носила на себѣ отпечатокъ этого христіански-мистическаго настроенія, и онъ является главою и руководителемъ священнаго союза. Искусный и хитрый Меттернихъ съумѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ русскаго императора, для своихъ цѣлей; онъ съ такою ловкостью повелъ дѣла, что могъ любой вопросъ, который становился затруднительнымъ, предлагать на разрѣшеніе священнаго союза и дѣло всегда направить такъ, какъ ему казалось выгоднѣе для его личныхъ цѣлей или для цѣлей австрійской политики.

Въ Россіи всякое движеніе впередъ во всѣ времена зависѣло отъ того, желаетъ ли его императоръ, и находитъ ли онъ его полезнымъ; въ послѣдовавшіе же за отечественною войною годы, всѣ исполинскія силы государства оставались въ застоѣ, потому что все вниманіе государя отвлечено было отъ внутренняго положенія государства, къ внѣшнимъ запутаннымъ и затруднительнымъ дѣламъ и отношеніямъ, повергнутымъ на судъ и разсмотрѣніе священнаго союза, главою котораго былъ императоръ Александръ. Огромное войско, необходимое для поддержанія внѣшняго значенія, поглощало громадныя суммы денегъ, но къ несчастію, составомъ и организаціею своею не содѣйствовало народному образованію. Всѣ высшія должности находились въ рукахъ военныхъ, даже попечители университетовъ назначались изъ генераловъ, а дальнѣйшія, низшія мѣста преимущественно заняты были тоже военными, такъ что вся администрація казалась военною. Вездѣ

требовалось исправленіе и возобновленіе, все ждало благотворнаго вліянія свыше: таможенная система мѣшала свободному развитію торговли, а вмѣстѣ съ нею сильнѣйшему вліянію на развитіе духа фабричной промышленности, по образцу западноевропейской; земледѣліе, при недостаточномъ развитіи земледѣльческихъ знаній и при крѣпостномъ состояніи, оставалось въ своихъ первобытныхъ неизмѣнныхъ формахъ и не смотря на огромное число рабочихъ рукъ, простиравшихся въ то время до 35 милліоновъ, оставалось не довольно производительнымъ.

Присоединеніе Польши не внесло новыхъ жизненныхъ элементовъ въ народную русскую жизнь. Много-много, если постоянно недовольное, волнующееся и подвижное польское дворянство увлекло своимъ примѣромъ нѣсколько коренныхъ русскихъ знатныхъ людей и офицеровъ арміи. Вообще же, хотя оба народа оставались чужды другъ другу и по историческому ходу жизни, и по народному характеру, и по религіи, Александръ въ отношеніи Польши былъ милостивымъ и справедливымъ государемъ; онъ съ поляками обходился гораздо лучше Наполеона, который за пожертвованія Польши, за кровь ею пролитую въ видахъ его интересовъ и интересовъ Франціи, отплачивался только ласковыми словами. Но и Александръ не могъ удовлетворить чрезмѣрныя желанія и заносчивыя мечты этого народа. Даже другъ дѣтства императора, князь Чарторижскій, не могъ отдѣлаться отъ преувеличенныхъ мечтательныхъ требованій своихъ соплеменниковъ; въ его воображеніи носился планъ соединенія всѣхъ областей, нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ, въ одно королевство, подъ управленіемъ русскаго великаго князя. Даже самые просвѣщенные поляки не хотѣли сознаться, что собственная испорченность, неспособность и распущенность дворянства, фанатическая нетерпимость духовенства, безсмысленная грубость и невѣжество простаго народа, отсутствіе прочнаго, способнаго къ прогрессу средняго сословія, скорѣе чѣмъ иностранная сила, довели Польшу до положенія, въ которомъ она находилась. Вмѣсто того, чтобы спокойно приняться за медленную и трудную работу народнаго прогресса на обширномъ поприщѣ, предоставленномъ народной дѣятельности и просвѣщенному вліянію высшихъ образованнѣйшихъ сословій, они нетерпѣливо метались; по своему обыкновенію хотѣли *всего*, или *ничего*, но главное не хотѣли работать; всякій трудъ былъ имъ ненавистенъ, хотѣли только сражаться, или истощать свои силы въ безсильныхъ и безполезныхъ заговорахъ и возстаніяхъ.

Сначала Польшей управляли, какъ завоеванной страной. Но Александръ милостиво вникнулъ въ народный духъ и далъ Польшѣ конституцію 25 мая 1815 года, которая была лестна для народнаго характера; назначены были отвѣтственные министры, независимое судопроизводство, свобода печати и свобода отправленія римско-католическаго богослуженія; кромѣ того Польшѣ дано было свое отдѣльное войско, особенно хорошо вооруженное, нарядно одѣтое и отлично обученное. При обнародованіи конституціи Александръ былъ милостивъ и ласковъ съ поляками. Впрочемъ, онъ предоставилъ себѣ право верховной власти и назначилъ намѣстника и министровъ, которымъ поручено было управлять королевствомъ и держать его въ повиновеніи. По конституціи положено было собираться *сейму*, составить *сенатъ* изъ тридцати сенаторовъ, по выбору короля, на всю жизнь и одной *палаты* (*камеры*) изъ *шестидесяти* избранныхъ изъ дворянства народныхъ представителей; сеймъ долженъ былъ собираться черезъ каждые два года и засѣданія его продолжаться двѣ недѣли; только въ 1818 году, марта 27 собрался первый сеймъ въ Варшавѣ; Александръ и тутъ выказалъ себя достойнымъ пріобрѣтенной славы. Онъ открылъ засѣданія сейма рѣчью, исполненной благороднаго и великодушнаго одушевленія; между прочимъ говорилъ, что всегда сочувствовалъ либеральнымъ учрежденіямъ, что при помощи Божіей, надѣется распространить ихъ благотворное вліяніе на всѣ страны, порученныя Богомъ его попеченіямъ. Но польскіе либералы дали слишкомъ обширное значеніе словамъ царя, изъ среды ихъ посыпались требованія, несогласныя съ намѣреніями монарха, оппозиція выразилась въ такихъ формахъ, какихъ онъ допустить и терпѣть не могъ, и пришлось сильно противодѣйствовать ей. Мало-по-малу неудовольствіе государя возрастало; къ этому времени, по внушеніямъ Меттерниха, общая реакція въ Европѣ началась, ея вліяніе отразилось на императорѣ и еще увеличилось съ теченіемъ времени; онъ получилъ приглашеніе на конгрессъ въ Троппау.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

РЕВОЛЮЦІЯ И РЕАКЦІЯ.

1820 — 1830.

А. РОМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

I. Италія.

Въ силезскомъ горномъ городкѣ Троппау вновь собрались для совѣщаній высокіе двигатели Европы. Императоры русскій, австрійскій и король прусскій пріѣхали лично; вмѣстѣ съ Александромъ прибылъ великій князь Николай, а съ Фридрихомъ Вильгельмомъ—наслѣдникъ прусскаго престола. Представителемъ Англіи явился изъ Вѣны англійскій посланникъ лордъ Стюартъ, Франціи—французскіе посланники въ Петербургѣ и Вѣнѣ, графъ де-ла-Ферронэ и маркизъ Караманъ. Для обсужденія предложенъ былъ вопросъ о событіяхъ въ Испаніи и въ Неаполѣ. Точка зрѣнія, съ которой разсматривались неаполитанскій и испанскій вопросы, не была и не могла быть одна и таже для различныхъ, собравшихся тутъ властей; здѣсь въ первый разъ выказалось противоположное воззрѣніе двухъ западныхъ и трехъ восточныхъ державъ, имѣвшее такое рѣшительное вліяніе на слѣдующія событія. Неаполитанскій и испанскій вопросы подали поводъ тремъ восточнымъ державамъ: Россіи, Австріи и Пруссіи практически примѣнить къ дѣлу основныя правила священнаго союза, распространить значеніе союза, первоначально основаннаго для успѣшнѣйшей борьбы съ Наполеономъ, наслѣдникомъ и порожденіемъ революціи, и смотрѣть на установленный порядокъ вещей при Вѣнскомъ дворѣ, какъ на естественный, самимъ Богомъ и природой устроенный. Напротивъ того Англія нѣкогда вступила въ союзъ съ исключительнымъ намѣреніемъ и съ опредѣленною цѣлью противоборствовать Наполеону; но по своему географическому положенію, по особенностямъ своего государственнаго устройства, по всему ходу своего историческаго прошедшаго, она не могла согласиться съ остальными великими державами въ политикѣ верховнаго надзора за всѣми средними и маленькими государствами, надзора, границъ которому нельзя было поставить; Франція не могла позабыть, что поводомъ къ священному союзу была война съ нею, война, изъ приличія названная войною съ Наполеономъ, но въ которой дѣйствовали и погибали французы. Лорду Стюарту дана была инструкція ничего съ своей стороны не говорить, если Австрія, въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ, найдетъ нужнымъ вмѣшаться въ неаполитанскія дѣла, и ни въ какія обще-европейскія мѣры противодѣйствія и вмѣшательства не вдаваться; точно такое же было положеніе Франціи. Даже императоръ Александръ сначала очень недоброжелательно смотрѣлъ на то, что Австрія не лично для своихъ интересовъ, а въ видахъ какъ бы обще-европейской пользы предлагала вмѣшаться въ неаполитанскія дѣла; но въ это время изъ Петербурга пришло извѣстіе о возмущеніи въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, о чемъ Меттернихъ былъ извѣщенъ раньше государя и съумѣлъ употребить это извѣстіе для своихъ цѣлей. Хотя безпорядки въ гвардейскомъ полку не имѣли политическаго характера и ограничивались мѣстнымъ неповиновеніемъ, но австрійскій министръ умѣлъ выставить этотъ случай такъ, какъ будто онъ имѣлъ связь съ испанскими и

неаполитанскими событіями, онъ въ яркихъ краскахъ представилъ, какимъ вреднымъ для Россіи примѣромъ можетъ быть совершившееся на югѣ событіе, и указывалъ на возможность, что и въ Россіи повторится военная революція; кромѣ того въ лестныхъ краскахъ расписалъ, какая честь выпадетъ императору, если онъ во всей силѣ поддержитъ основныя правила священнаго союза. Уговорить прусскаго короля было для Меттерниха несравненно легче. Чего хотѣли Австрія и Россія, на то безусловно соглашался Фридрихъ Вильгельмъ. Вслѣдствіе этого, три сильныя восточныя державы подписали протоколъ, по которому, не смотря на нерѣшительность Англіи и Франціи, положено было подать помощь государямъ, ограниченнымъ и притѣсненнымъ революціонною партіей, а «вынужденныя уступки отмѣнить и силою оружія водворить прежній порядокъ вещей»; циркуляромъ отъ 8 декабря 1820 года было торжественно объявлено, что три соединенныя державы, всѣми зависящими отъ нихъ способами, будутъ бороться съ тираническою силою революціи и порока. Положено было продолжить совѣщаніе конгресса и въ слѣдующемъ году, въ Лайбахѣ, въ Крайнѣ, куда приглашенъ былъ и король неаполитанскій.

Этотъ король въ іюлѣ 1820 г. увѣрялъ, будто онъ вполнѣ сочувствуетъ желанію народа и что конституція и ему вполнѣ пріятна. Въ началѣ октября, въ силу этой конституціи, собрался парламентъ. Во время совѣщанія членовъ, на счетъ правительственныхъ и административныхъ мѣръ, ясно выразилось желаніе—и безъ того либеральную конституцію сдѣлать еще либеральнѣе; демократическое начало видимо брало перевѣсъ. Король съ своей стороны не жалѣлъ ни словъ, ни обѣщаній и такимъ образомъ получилъ согласіе парламента, безъ котораго нельзя было обойтись, на путешествіе въ Лайбахъ; передъ самымъ отъѣздомъ онъ еще разъ клялся сохранить конституцію. Напрасно Англія совѣтовала собравшимся монархамъ согласиться на уступки духу времени и измѣнить права и притязанія монархическаго начала, но Меттерниха боялся, чтобы совѣту этому не послѣдовали государи и не приняли для устройства дѣлъ предложеннаго посредничества Англіи и Франціи. Справедливо замѣчаютъ, что неаполитанская либеральная партія поступила бы благоразумнѣе, еслибы, вмѣсто испанской конституціи 1812 года, приняла французскую хартію за образецъ своей конституціи; она для страны принесла бы такую же пользу, какъ испанская, но пріобрѣла бы союзъ и помощь Франціи.

Фердинандъ былъ доволенъ, что вырвался изъ рукъ карбонаровъ; министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ де-Галло, въ силу конституціи послѣдовавшій за королемъ на конгрессъ съ тѣмъ, чтобы трактовать объ интересахъ народа, не доѣхалъ до мѣста своего назначенія; его задержали въ Герцѣ и приставили къ нему карауль: Меттерниху надо было совѣщаться съ однимъ королемъ и присутствіе министра было бы лишнее. Согласиться съ Фердинандомъ было не трудно: онъ не понималъ унизительнаго значенія своего путешествія, не чувствовалъ обиды отъ того, какъ смотрѣли на его сына, намѣстника, какъ говорили о цѣломъ его государствѣ; ему было по душѣ возвратиться въ Неаполь, при помощи австрійскихъ штыковъ, и не имѣть надобности болѣе опасаться революціи и ея послѣдствій.

Вмѣшательство трехъ сильныхъ державъ, подтвержденное уполномоченными всѣхъ остальныхъ итальянскихъ государей, въ дѣла Неаполя, было формально заявлено принцу-регенту, управлявшему въ отсутствіе отца дѣлами государства. Самъ король написалъ сыну, что онъ принужденъ уступить великимъ державамъ, потому что противиться имъ не въ силахъ. Дѣло считалъ онъ конченнымъ и объявилъ это своему министру иностранныхъ дѣлъ, когда его наконецъ освободили, и онъ былъ допущенъ къ королю; онъ даже не далъ ему слова вымолвить и прибавилъ только: «я знаю, тебѣ это очень не нравится, но я вполнѣ согласенъ съ своими союзниками и совѣтую тебѣ поскорѣе отправляться домой»; отъ своей совѣсти, которая могла бы вмѣшаться, королю было еще легче отдѣлаться.

Извѣстіе о вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ поразило неаполитанцевъ ужасомъ и негодованіемъ. Принцъ-регентъ, воспитанный въ школѣ притворства, и находившійся со всѣмъ своимъ семействомъ въ рукахъ карбонаровъ, выказалъ притворное негодованіе на поступокъ отца и въ сильныхъ выраженіяхъ протестовалъ въ парламентѣ противъ нарушенія конституціи: онъ утверждалъ, что король на вмѣшательство иностранныхъ державъ согласился не по свободной волѣ

что дѣло неаполитанскаго народа есть дѣло всѣхъ свободно-мыслящихъ народовъ, что неаполитанцы никогда не заключатъ мира съ иноземцами, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы завладѣть неаполитанскимъ государствомъ. Этотъ одушевленный ораторъ вызывалъ тѣни Сципіона и Аннибала и утверждалъ, что, если Неаполю суждено пасть, то онъ закатится подобно солнцу для того только, чтобы засіять новымъ блескомъ; гораздо вѣрнѣе было выраженіе, что вмѣшательство сильныхъ державъ ведетъ за собою конецъ существованія и независимости всѣхъ мелкихъ государствъ Италіи. Во всемъ государствѣ господствовало сильное воинственное одушевленіе; образовалось множество корпусовъ волонтеровъ, которые нашли себѣ названія на своей классической почвѣ: явились новыя Брутіи, Гарпиніи, Самниты, которые жаждали новыхъ Ѳермопилъ и Кремеръ; имъ казалось, что въ рядахъ ихъ найдутся новѣйшіе Леониды, Фабіи и Деціи. Народное одушевленіе было такъ шумно, что даже иностранныя державы ошиблись и считали его очень важнымъ; англійскіе виги и французскіе либералы смотрѣли съ неудовольствіемъ на антилиберальный союзъ трехъ сѣверныхъ державъ, съ негодованіемъ на жалкую роль, какую игралъ король неаполитанскій, и предсказывали, что начнется великая народная война, которая австрійцамъ принесетъ гибель.

Было два средства, чтобы избѣжать войны съ Австріей: надобно было 1) прибѣгнуть къ посредничеству Англіи и Франціи и сдѣлать значительныя уступки и измѣненія въ конституціи, но такъ какъ либеральная партія этого не хотѣла, то 2) оставался одинъ способъ защитить Неаполь, а именно: предупредить нападеніе и перейти самимъ въ наступленіе и съ оружіемъ въ рукахъ быстро сообщить конституціонное движеніе всей остальной Италіи. Но дурное устройство военной повинности, недостатокъ войска, часть котораго еще находилась въ Сициліи, неспособность генераловъ и быстрое появленіе австрійцевъ—помѣшали придумать этотъ планъ и привести его въ исполненіе. Катастрофа произошла быстро. Въ началѣ февраля 1821 года, 60,000 австрійцевъ выступили подъ начальствомъ генерала Фримонта и, не обращая вниманія на протесты со стороны папы и тосканскаго герцога, прошли по ихъ владѣніямъ. Неаполитанское войско раздѣлено было на двѣ части: одна находилась въ Абруццахъ, подъ начальствомъ Вильгельма Пепе, вторая расположена была въ долинѣ близъ Сан-Жермано и состояла подъ начальствомъ Караскора; она закрывала доступъ къ столицѣ; король прислалъ войску предписаніе немедленно соединиться съ австрійскими войсками и дѣйствовать съ ними заодно. Но въ тѣхъ государствахъ, гдѣ уже произошла военная революція, на вѣрность войска нельзя больше разсчитывать, потому что главная сила его, дисциплина, уже пошатнулась; нѣкоторые батальоны уже разбѣжались при первомъ извѣстіи о нападеніи австрійцевъ. Пепе повелъ свое войско на встрѣчу австрійскому и близъ Ріети, въ Папской области, произошла 7 марта, короткая битва, окончившаяся полнымъ распаденіемъ неаполитанскаго войска. Нѣсколько дней послѣ того отъ арміи ничего не осталось, точно будто она исчезла съ лица земли; войско, находившееся подъ начальствомъ Караскора, не допустило даже до битвы; оно разбѣжалось при первомъ извѣстіи о неудачной попыткѣ близъ Ріети; вслѣдъ за тѣмъ и крѣпость Капуа сдалась безъ осады (21 марта). 19 марта было послѣднее засѣданіе парламента, въ которое явилось только 26 членовъ; они разошлись, оставивъ однакожь безполезный, но съ достоинствомъ написанный протестъ противъ нарушенія народнаго права. Черезъ нѣсколько дней, 24 марта, 30,000 австрійскаго войска, безъ сопротивленія, вступило въ Неаполь; народъ встрѣтилъ недавнихъ враговъ своихъ съ масличными вѣтвями въ рукахъ; установлено былъ временное правительство и все, что случилось съ 15 іюля 1820 года, объявлено неимѣющимъ значенія.

Такимъ образомъ реакція въ Неаполѣ произошла быстро и рѣшительно; но въ то же время вспыхнуло возмущеніе на сѣверозападной части полуострова, въ Піемонтѣ. Движеніе партіи карбонаровъ сначала имѣло здѣсь нѣкоторый успѣхъ; общество пріобрѣло принца Карла Альберта Савойскаго и Кариньянскаго; онъ хотя и не былъ прямымъ наслѣдникомъ престола, но послѣ смерти бездѣтнаго короля и также бездѣтнаго брата его, прямая линія дома Савойскаго должна была пресѣчься и Карлъ Альбертъ, принадлежавшій къ боковой линіи, имѣлъ ближайшее право на престолъ. Молодой принцъ, двадцати одного года, исполненный ума и

талантовъ, ненавидѣлъ австрійское правительство за то, что оно своими происками и интригами пыталось устранить его отъ престолонаслѣдія; это-то чувство ненависти и бросило его въ общество революціонеровъ, карбонаровъ. Положеніе Сардиніи было несравненно лучше положенія Неаполя и Испаніи, за то и потребность свободы была здѣсь гораздо сильнѣе; кромѣ того господствовала всеобщая ненависть къ владычеству страшной Австріи, стоявшей уже на границахъ Сардиніи; особенно сильная ненависть существовала въ рядахъ войска, между которымъ ходили слухи, будто между обоими правительствами заключено тайное соглашеніе, по которому австрійскія войска, въ непродолжительномъ времени, займутъ всѣ укрѣпленныя мѣста въ Сардиніи. И такъ, 10 марта 1821 года, возмущеніе между войсками вспыхнуло въ Алессандріи и здѣсь 11 марта, равно какъ въ Туринѣ, провозгласили испанскую конституцію 1812 года, идеалъ всѣхъ либераловъ. Слабый король нѣсколько времени колебался, не зная, уступить ли ему, или защищаться, но почувствовавъ, что не въ силахъ противустать поднявшейся бурѣ, отказался отъ престола въ пользу брата своего Карла Феликса, назначивъ, на время, регентомъ принца Кариньяно; послѣдній обнародовалъ 13 числа испанскую конституцію, но предоставилъ себѣ право сдѣлать въ ней измѣненія, сообразныя съ потребностями времени и совмѣстныя съ нею. Но положеніе принца, какъ главы и двигателя революціи, вскорѣ сдѣлалось невыносимымъ. Сраженіе при Ріети было проиграно и австрійцы уже приближались къ Неаполю; въ это время пришло письмо отъ новаго короля, Карла Феликса, отъ 16 марта; онъ писалъ изъ Модены, герцогъ которой былъ самымъ жаркимъ приверженцемъ Австріи; въ своемъ письмѣ Карлъ Феликсъ очень рѣзко и строго объявлялъ, что не признаетъ никакихъ нововведеній въ системѣ управленія и что онъ, при помощи трехъ соединенныхъ державъ, опять поставитъ все въ старыя отношенія. Могло ли одно, изолированное, незначительное государство, безъ союзниковъ, безъ глубокаго энтузіазма всей народной массы, противиться побѣдоносному, многочисленному войску Австріи, за которымъ стояла почти цѣлая Европа? При этихъ обстоятельствахъ Карлу Альберту оставался одинъ исходъ—отдѣлиться отъ революціонной партіи, губившей его вмѣстѣ съ собою. Хода происшествій онъ и безъ того не могъ ни измѣнить, ни направить; а такимъ образомъ онъ, по крайней мѣрѣ, спасалъ свое право на престолонаслѣдіе и вмѣстѣ съ нимъ свою будущность, а можетъ быть и будущность Италіи; своимъ бѣгствомъ въ Ниццу показалъ онъ правительствующей хунтѣ въ Туринѣ, что онъ отказывается отъ регентства и что съ этихъ поръ будетъ служить примѣромъ вѣрноподданническаго повиновенія королю.

Его отъѣздъ и дурныя вѣсти изъ Неаполя лишили революціонную партію мужества. Неустрашимые патріоты, также какъ военный министръ Санта Роза, съ отчаянною храбростію стояли еще нѣсколько времени за проигранное дѣло, но 8 апрѣля конституціонное войско, подъ начальствомъ полковника Регпса, близъ Новары потерпѣло пораженіе отъ роялистскихъ полковъ, подъ начальствомъ генерала делла-Торе, и отъ австрійцевъ подъ начальствомъ Бубна; два дня спустя королевскій піемонтскій генералъ Торре торжественно вступилъ въ Туринъ. Но онъ обошелся съ жителями кротко. Такъ какъ король Викторъ Эмануилъ, по своей ненависти къ австрійцамъ сочувствовавшій карбонарамъ, оставался при своемъ рѣшеніи, и 18 числа письменно подтвердилъ свое отреченіе, то Карлъ Феликсъ твердою рукою взялся за управленіе государствомъ и реакція во всей своей силѣ могла развернуться на полуостровѣ.

Австрійскіе штыки господствовали отъ Альпійскихъ горъ до Ливійскаго моря. Одна часть войска, подъ начальствомъ Вальмодена, стояла въ Сициліи, другая занимала еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Неаполь; въ Сардиніи оставался вспомогательный корпусъ въ 12,000 человѣкъ; въ силу конвенціи, подписанной новымъ королемъ въ Новарѣ 14 іюля 1821 года, съ уполномоченными Россіи, Австріи и Пруссіи, иноземные гарнизоны были расположены въ различныхъ городахъ Сардиніи и могли получить подкрѣпленіе при малѣйшей надобности.

Король Фердинандъ только 13 мая въѣхалъ въ свою столицу, Неаполь. Его министры между тѣмъ уже начали дѣло мести, и чернь наслаждалась зрѣлищемъ, ей пріятнымъ: карбонаровъ и людей подозрѣваемыхъ въ связи съ

ними, съ знаками карбонарскими на обнаженной спинѣ, сажали на ословъ, привязывали ихъ къ нимъ, возили по улицамъ и стегали плетьми на перекресткахъ; необузданное бѣшенство и неистовство толпы при этомъ дошли до того, что даже австрійскіе генералы принуждены были положить предѣлъ изступленію. Декретомъ отъ 1 іюля было распущено неаполитанское войско и оставшіеся безъ занятій солдаты большею частію обратились къ своему народному промыслу, къ разбоямъ. Пока не составилось новаго неаполитанскаго войска, австрійское оставалось въ Неаполѣ; послѣдній корпусъ въ 10,000 человѣкъ вышелъ только въ 1827 году. Самъ король уничтожилъ конституцію, подъ предлогомъ, что согласился принять ее по принужденію; этого самаго извиненія, однакожъ, не допускалось ни для офицеровъ, ни для другихъ должностныхъ лицъ, которыя были поставлены въ такія же обстоятельства; противъ нихъ начались гоненія, ихъ казнили, наполняли ими тюрьмы, конфисковали имущества, отправляли въ ссылку, гдѣ они должны были довольствоваться ежедневно 32 бобами и 1½ фунтами чернаго хлѣба; головы Пепе и Караскоро, во время спасшихся бѣгствомъ, были оцѣнены. Мая 26 король далъ свою собственную конституцію. Назначался государственный сеймъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, отдѣльный для каждой половины королевства; но членовъ выбиралъ и назначалъ самъ король. Въ Неаполѣ учреждена была коммиссія, которая наблюдала за тѣмъ, чтобы не распространялись книги вреднаго содержанія; но вредныя книги, еслибы эта система управленія продолжилась, вскорѣ перестали бы быть вредными, потому что особенную заботу прилагали къ уничтоженію грамотности: въ это время всѣ общественныя училища были закрыты, учители уволены отъ мѣстъ, потому что предполагалось ввести новый способъ преподаванія; въ частныхъ заведеніяхъ преподаваніе допускалось только при открытыхъ дверяхъ.

Реакція въ Піемонтѣ была тоже полная, хотя она и не являлась съ характеромъ жестокости, свойственной народному духу Неаполя; къ тому же полицейской австрійской системѣ шпіонства не удалось извратить наслѣдника престола и его образъ мыслей все-таки принуждалъ быть осторожнѣе. Однакожъ антиреволюціонная партія съ надеждами ожидала многаго отъ гордаго и суроваго характера новаго короля, который въ день своего возвращенія въ Туринъ, 17 октября, призывалъ къ дѣятельности «почтенныхъ служителей Бога, и просилъ Его посрамить бредни новѣйшихъ умствователей». Въ отношеніи чиновниковъ и офицеровъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ движеніи, поступали съ неумолимою строгостью, не выходя однако изъ границъ, предписанныхъ закономъ; но будущность страны могла пострадать; всѣ школы были отданы въ руки іезуитовъ и народъ съ циническою откровенностью обреченъ на полное невѣжество: въ 1824 году было постановлено, что только владѣтели собственности, оцѣненной въ 1500 лиръ, имѣли право учиться грамотѣ и письму, а въ высшее училище, или университетъ могли поступать только тѣ, которые могли доказать, что ежегодный доходъ ихъ равнялся 500 лирамъ.

Въ меньшихъ государствахъ, соотвѣтственно характеру, реакція производилась съ большею или меньшею строгостью. Въ Тосканѣ не произошло никакихъ перемѣнъ. За то на австрійскихъ италіянскихъ территоріяхъ жестокія полицейскія мѣры преслѣдованія развились до чудовищныхъ размѣровъ; по существующему порядку вещей жестокосердіе и система шпіонства, начиная отъ перваго министра до послѣдняго чиновника, исказили всѣ сердца. Жестокосердый императоръ Францъ, прозванный вѣнскими жителями «нашъ добрый императоръ Францъ», милуя миланскихъ вельможъ, осуждалъ ихъ на 20 лѣтнее тюремное заключеніе; каждое необдуманно сказанное слово подавало поводъ къ преслѣдованію, и счастіе семейное, жизнь человѣческая погибали; люди честные, составлявшіе гордость и надежду народа, который стремился къ независимости, изнывали въ тюрьмахъ Венеціи или Шпильберга, въ Моравіи; такими мѣрами жестокости въ душѣ милліоновъ людей положено было основаніе единства Италіи, и пробудилась смертельная ненависть къ иноземному владычеству, которое тѣже италіянцы прежде терпѣли и покорно переносили въ теченіе столѣтій; и все это суждено было произвести государю, который съ такою готовностью вступилъ въ священный союзъ, 26 сентября 1815 года, и такъ торжественно клялся управлять

порученными ему Богомъ народами въ духѣ христіанской справедливости и милосердія!

Одну часть этихъ притѣсненій и несправедливостей обнародовалъ кроткій и набожный человѣкъ Сильвіо Пеллико въ своей книгѣ Тюрьмы (Le mie prigioni 1832); онъ былъ арестованъ въ Миланѣ, въ 1820 году, и отвезенъ сначала въ свинцовыя темницы, подъ свинцовою крышею дожескаго дворца въ Венеціи и послѣ того, какъ со всевозможными формальностями ему объявлена была смертная казнь, отвезенъ былъ въ тюрьму Шпильберга, откуда его выпустили въ 1830 году. Гораздо подробнѣе состояніе этого времени можно прослѣдить по обнародованнымъ въ 1848 году бумагамъ тайной полиціи; изъ нихъ видно, сколько труда и заботъ стоило, чтобы открывать мнимыя волненія и заговоры, безъ которыхъ это учрежденіе обойтись не могло: такъ, напр., когда надобно было доказать, какое сочувствіе данная Баваріи конституція вызываетъ между низшимъ сельскимъ народонаселеніемъ Ломбардіи; надобно видѣть съ какимъ неподражаемымъ безстыднымъ цинизмомъ повторяются всѣ непочтительныя выраженія, употребленныя какимъ нибудь темнымъ заговорщикомъ касательно сіятельной личности Меттерниха, или даже въ отзывахъ о высочайшемъ лицѣ императора.

Далеко нехристіанская политика въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣяніяхъ лайбахскаго конгресса хвалилась, въ своей заключительной декларації, отъ 12 мая 1821 года, легкою побѣдою надъ революціонными партіями и приписывала ее милосердію Божію, поразившему страхомъ совѣсть виновныхъ. Съ Италіей, слѣдовательно, покончили, и всемірной исторіи нечего говорить о послѣдующихъ годахъ ея существованія. Общее положеніе дѣлъ мало измѣнялось съ измѣненіемъ царствующихъ государей, отъ 1821 до 1823 г.: въ Тосканѣ Леопольдъ II въ 1824 году наслѣдовалъ благородному Фердинанду II; въ Неаполѣ въ 1825 году послѣ Фердинанда I, умершаго на 75 году своей постыдной жизни и на 65 году царствованія, престолъ наслѣдовалъ Францискъ I; въ Церковной области въ 1823 г. послѣ Пія VII папою избранъ былъ Левъ XII. Только по временамъ папа подавалъ признаки жизни и своего неизмѣннаго направленія; такъ въ 1823 году при вступленіи на престолъ, онъ издалъ вступительную грамату ко всѣмъ епископамъ, увѣщевая ихъ избѣгать преступной вѣротерпимости, и самъ подалъ примѣръ своей нетерпимости: онъ опять приказалъ согнать евреевъ въ назначенный для нихъ кварталъ Рима, изъ котораго во время французскаго владычества имъ позволено было выйти и селиться гдѣ угодно въ городѣ; кромѣ того папа обязалъ ихъ носить свои прежніе знаки происхожденія. Между прочимъ въ 1825 году, было объявлено о необыкновенно большомъ крестномъ ходѣ въ Римѣ, по случаю юбилейнаго года: по обыкновенію, Римъ этимъ средствомъ намѣренъ былъ, для своихъ выгодъ, привлечь въ свои стѣны возможно большее число богомольцевъ. Кромѣ такихъ объявленій, объ Италіи въ Европѣ и рѣчи не было. Напротивъ того, революціонная партія все еще торжествовала въ Испаніи и здѣсь открыто было новое поприще для вмѣшательства конгресса. Съ этою цѣлью въ заключительной декларації лайбахскаго конгресса положено было опять собраться на слѣдующій годъ.

2. Испанія.

Король Фердинандъ открылъ въ Мадридѣ засѣданія кортесовъ 9 іюля 1820 года, съ большою торжественностію; народъ въ цѣломъ государствѣ продолжалъ ликовать и праздновать введеніе конституціи; король, при открытіи засѣданій кортесовъ, произнесъ рѣчь, въ которой, при изъявленіяхъ общаго восторга, выразилъ свое живѣйшее сочувствіе къ конституціоннымъ началамъ. Либеральная партія, не запятнавшая еще своей побѣды кровью, пользовалась пріобрѣтенными преимуществами: либеральные люди заняли должностныя мѣста прежнихъ раболѣпныхъ служащихъ; инквизиція была уничтожена; монастыри открыты; іезуиты изгнаны, непроизводительныя монастырскія и церковныя имѣнія конфискованы, и преимущества и права дворянства, возстановленныя въ 1814 году, опять отмѣнены; казалось, все входило въ новый порядокъ и отношенія. Но въ этой странѣ, конституціонное

правленіе было невозможно, даже въ томъ случаѣ, еслибы и самая конституція была лучше и король откровеннѣе желалъ бы ее охранять, потому что неотъемлемая власть надъ сердцемъ и совѣстью народа оставалась въ рукахъ духовенства, для котораго уничтоженіе наступившаго порядка вещей было дѣломъ жизни и смерти. На сторонѣ духовенства было величайшее преимущество, заключающееся въ духѣ, организаціи этого учрежденія, а именно возможность облекать глубокою тайною все то, чего оно не хотѣло выводить на дневной свѣтъ вовсе, или даже на половину; поэтому духовенству легко было составлять заговоры, тѣмъ легче и удобнѣе, что каждый заговоръ могъ разсчитывать въ лицѣ короля на тайное сочувствіе: онъ дѣйствительно съ нетерпѣніемъ выжидалъ минуты своего освобожденія отъ конституціи. Въ связи съ духовенствомъ, съ городскою чернью и крестьянами, которые были на его сторонѣ, у него все-таки въ рукахъ оставалась сила, которой никакая конституція не могла отнять.

Раздоръ не заставилъ себя ждать. Сами побѣдители не съумѣли на долгое время сохранить своей умѣренности. Члены тайныхъ обществъ вышли на свѣтъ и шумно и дерзко, съ жаромъ, свойственнымъ южнымъ народамъ, обнаружили свой образъ мыслей, необузданно пользуясь свободой печати и рѣчи. Въ гостинницахъ ярые демагоги взлѣзали на столы и проповѣдывали свои безумныя теоріи; они все хотѣли повернуть назадъ въ положеніе 1812 года, они трактовали въ духѣ демократической нетерпимости, которая, какъ всякая нетерпимость, закрывала пути благоразумной умѣренности и здравомыслію. Между торжествующей либеральной партіей вскорѣ вышло разномысліе, и она раздвоилась на Exaltados, которые, по примѣру французскихъ якобинцевъ 1792 года, разжигали другъ друга мечтами мести, и которые въ врагахъ конституціи видѣли своихъ личныхъ враговъ, достойныхъ травли подобно дикимъ звѣрямъ, и на Moderados, умѣренныхъ, къ числу которыхъ принадлежали лучшіе, благороднѣйшіе люди Испаніи, какъ Мартинецъ де-ла-Роза, графъ Торенось и др. Они понимали, что печальное положеніе Испаніи есть результатъ неурядицы, тяготѣвшей надъ этою страною не одно столѣтіе, что его въ одинъ день поправить нельзя, что прежде всего необходима умѣренность для того, чтобы посредствомъ спокойнаго и опредѣленнаго образа правленія дать странѣ возможность отдохнуть. Но чтобы достигнуть такого улучшенія въ администраціи и въ общемъ положеніи страны, необходимо было, чтобы дѣятели во всѣхъ слояхъ общества выказали самообладаніе и твердое намѣреніе честно выполнять свое дѣло: а для этого прежде всего необходимо было откровенное содѣйствіе короля. Но онъ, съ своей стороны, ясно видѣлъ, какую пользу можетъ извлечь изъ двусмысленнаго положенія министерства; оно должно было бороться въ одно время и съ побѣжденною реакціей и съ побѣдоносною революціей; при такомъ затруднительномъ положеніи нельзя было разсчитывать на долговременное существованіе его. Такъ король въ мартѣ распустилъ свое министерство (arguelles) и въ тоже время очень хитро просилъ кортесы указать ему на людей, пользующихся ихъ довѣріемъ. Но такъ какъ кортесы отказались отъ предложенной чести и предпочли остаться въ границахъ, указанныхъ имъ конституціей, то король самъ составилъ министерство изъ партіи умѣренныхъ, подъ предсѣдательствомъ Романа-Фелью; это новое министерство оказалось еще незначительнѣе предъидущаго, въ отношеніи тайныхъ интригъ короля съ одной стороны и исполненныхъ страсти демонстрацій радикальной партіи съ другой. Либеральная партія была раздражена и озлоблена, враги же ея немного ободрились, при видѣ положенія дѣлъ на лайбахскомъ конгрессѣ; въ различныхъ мѣстахъ дѣло дошло до открытой вражды между либералами и раболѣпными (Servile); въ маѣ 1821 г. въ Мадридѣ произошло ужасное убійство, которое ясно показало, какъ безполезны либеральныя учрежденія для народа, привыкшаго предаваться своимъ необузданнымъ страстямъ и мало знакомаго съ самообладаніемъ, такъ необходимымъ тамъ, гдѣ законы должны имѣть силу. Одинъ прелатъ, Винеза, за заговоръ противъ конституціи и за планъ произвести нечаянный государственный переворотъ былъ осужденъ на десятилѣтнее изгнаніе на галеры. Но Exaltados въ своихъ кружкахъ нашли, что это наказаніе слишкомъ слабо; передъ тюрьмой собралась жаждущая крови чернь; она бросилась на стражу, опрокинула ее, проникла въ тюрьму, въ которой находился скованный прелатъ, и ломами и другими попавшимися подъ руку орудіями убила несчастнаго. Но, что было еще хуже убійства, это

то, что испанскіе санкюлоты, или какъ ихъ здѣсь называли, декамизадосъ (Decamisados), въ дикихъ рѣчахъ своихъ превозносили это убійство, какъ побѣду свободы, и одинъ изъ ихъ клубовъ учредилъ даже орденъ молотка, съ цѣлью напоминать этого рода патріотамъ славный день, въ который беззащитный предатель окончательно добитъ былъ молоткомъ.

Между тѣмъ во Франціи произошла перемѣна въ системѣ правленія, въ пользу роялистовъ: избранные депутаты позднею осенью 1821 года, преимущественно принадлежали къ партіи ультра-роялистовъ. Съ надеждой и со страхомъ слѣдили испанскія партіи за развитіемъ хода дѣлъ во Франціи. Дерзость пробуждающейся партіи раболѣпныхъ между тѣмъ увеличивалась, противная партія противодѣйствовала ей съ удвоенной ненавистью. Революціонное настроеніе усиливалось, и въ новыхъ кортесахъ, собравшихся 15 февраля 1822 г., преобладала партія Exaltados. Въ этомъ большинствѣ радикаловъ обнаружилась лихорадочная дѣятельность; повсюду начались преобразованія, по большей части направленныя противъ духовенства; иначе и быть не могло въ странѣ, гдѣ, напримѣръ, архіепископъ севильскій получалъ 3 милліона ежегоднаго дохода, между тѣмъ какъ на государствѣ лежалъ долгъ въ 14 тысячъ милліоновъ и за него нужно было платить проценты; должностныя лица и приходскіе священники умирали съ голоду, между тѣмъ какъ монахи утопали въ роскоши; такъ въ одной Каталоніи было отъ 5 до 6000 дармоѣдовъ въ монастыряхъ, тогда какъ приходскихъ священниковъ едва насчитывалось 1500. Радикалы не упустили изъ виду народнаго образованія и придумали новый способъ обученія; составили новый сводъ постановленій о наказаніяхъ, улучшили законы о податяхъ, таможенные и торговые: все улучшенія крайне необходимыя въ странѣ, гдѣ народное образованіе равно нулю, гдѣ преступленія безпрерывны и повсемѣстны, налоги распредѣлены неравномѣрно и не взвѣшены отношенія ихъ. Но все это осталось безплодно, потому что здѣсь недоставало даже того, что составляетъ первое условіе всякаго хорошаго законодательства: не было точнаго, фактическаго изученія того, что есть, для того, чтобы неголословно только опредѣлить, что дѣйствительно необходимо сдѣлать; ясно представлялось только то, что вообще все худо и все требуетъ исправленія и возобновленія: ясно было видно, что государственная казна пуста, что общая нищета народа еще увеличилась голодомъ отъ неурожая 1821 года; ясно было, что насилія и разбои усиливаются, что всякія низкія преступленія, въ числѣ которыхъ ремесло контрабандиста было самымъ почетнымъ, развиваются. При здоровомъ развитіи государственнаго быта, частная дѣятельность получаетъ высшее значеніе свое отъ степени пользы, какую она приноситъ цѣлому обществу: здѣсь напротивъ подъ покровомъ общественной дѣятельности каждый находитъ возможность удовлетворять своимъ страстямъ и порочнымъ наклонностямъ. По границамъ, прилежащимъ къ Франціи, уже было явное возмущеніе и началась междоусобная борьба между испанцами и христіанами, между приверженцами конституціи и абсолютистами; первый сигналъ къ открытой враждѣ подалъ старинный предводитель гверильясовъ патеръ Мерино изъ Бургоса.

Кортесы, неспособные къ умѣренности, какъ и ко многому другому, что было бы необходимо, избрали въ президенты того самаго Ріего, который въ 1820 году первый въ Иль де-Леонѣ провозгласилъ конституцію. Король съ негодованіемъ смотрѣлъ на этотъ выборъ; но онъ подавилъ свое чувство и призвалъ въ главы министерства лучшаго человѣка изъ партіи модерадосъ, Мартинеца-де-ла-Роза. Чего требовало благоразумное государственное управленіе—ему было хорошо извѣстно, но возможно ли то, чего требовало устройство страны?—прежде всего надобно было возстановить общественное спокойствіе посредствомъ правильной, энергической администраціи, потомъ надобно было отвратить вмѣшательство иностранныхъ державъ, измѣнивъ конституцію въ болѣе умѣренномъ смыслѣ; къ тому же, французское правительство, какъ извѣстно, было не на столько жадно къ вмѣшательству въ испанскія дѣла, какъ того желали его приверженцы: Все это было такъ, но въ этой несчастной странѣ царствовали страсти, и голоса разсудка не было слышно. Въ половинѣ іюня 1822 года, одинъ изъ предводителей партіи абсолютистовъ завладѣлъ крѣпостью Сео-д' Урджель (Sceo-d' Urgel)

въ Каталоніи на верховьяхъ рѣки Сегре и установилъ тамъ правленіе въ своемъ смыслѣ, «апостолическую юнту». Вслѣдъ за этимъ ударомъ на границѣ, послѣдовалъ другой ударъ въ столицѣ. Въ людяхъ окружающихъ короля составился планъ насильственно захватить неограниченную власть и утвердить ее за королемъ. Въ первыхъ числахъ іюля, въ Мадридѣ дѣло дошло до открытаго волненія; раздались крики о возстановленіи ч и с т а г о к о р о л я, въ полномъ смыслѣ его самодержавной власти; часть королевской гвардіи поддержала волненіе и вторила крикамъ, въ которыхъ очевидно участвовалъ и дворъ. Въ ночь съ 6 на 7, гвардія вышла вооруженная; но милиція, толпы народа и другія войска, сочувствовавшія конституціи, или состоявшія подъ начальствомъ офицеровъ съ конституціоннымъ направленіемъ, оттѣснили гвардію назадъ, во дворецъ; король колебался принять начальство надъ нею, особенно послѣ того, какъ она была разбита либералами; гвардія побѣжала; часть ея была перебита, часть попалась въ плѣнъ. Но передъ тономъ—побѣдители выказали уваженіе и остановили преслѣдованіе. Король разсчитывалъ на побѣду своей гвардіи; но теперь онъ мгновенно перемѣнилъ тонъ: вмѣсто дерзкаго, вызывающаго перешелъ въ кроткій и покорный. Онъ поблагодарилъ либераловъ за то, что они обезоружили его гвардію и заняли караулы во дворцѣ; распустилъ свое министерство и велѣлъ составить новое, изъ друзей Ріего и Exaltados которые теперь господствовали.

Это новое министерство, во главѣ котораго стоялъ Санъ-Мигуэль, прежній начальникъ штаба Ріего, дѣйствовало точно такъ же, какъ прежнее; оно не выпускало короля изъ Мадрида; но не смотря ни на жаркія рѣчи ораторовъ въ клубахъ этой партіи, ни на ихъ громогласные возгласы въ журналахъ, и эта партія однакожъ не рѣшалась приводить въ исполненіе мѣръ жестокости, на которыя ей указывали. Между тѣмъ партія абсолютистовъ на сѣверѣ въ Каталоніи успѣшно дѣйствовала; но тамъ нашелся генералъ Мина, способный побороть возстаніе. Въ сентябрѣ, съ полномочною властью предпринялъ онъ походъ противъ абсолютистовъ: одна удача у него слѣдовала за другою, и въ три осенніе мѣсяца онъ покорилъ весь сѣверъ; регентство Санъ-Ссео д' Уржель спаслось бѣгствомъ во Францію.

Между тѣмъ въ октябрѣ 1822 года, какъ положено было въ Лайбахѣ, конгресъ царствующихъ монарховъ собрался въ В е р о н ѣ. Лично на конгресъ явились оба императора, король прусскій, сардинскій, неаполитанскій и мелкія италіянскія владѣтельныя особы; Англія прислала какъ своего представителя герцога Веллингтона, Франція очень худо подобранныхъ сотоварищей: виконта Монморанси и виконта Шатобріана. Въ Неаполѣ и Сардиніи царствовало совершенное спокойствіе; можно было уменьшить число австрійскихъ войскъ въ Неаполѣ и имѣть въ виду совершенное очищеніе Сардиніи. Явился новый, очень затруднительный вопросъ, а именно г р е ч е с к і й; но на первыхъ порахъ союзники отказались принять посланника отъ возставшихъ грековъ и тѣмъ отодвинули самый вопросъ на задній планъ; самая важная задача, которую непрошенно самъ себѣ поставилъ конгресъ, состояла въ томъ, что дѣлать съ Испаніей.

Англія еще сильнѣе прошлаго года настаивала на своемъ рѣшеніи, касательно невмѣшательства въ дѣла Италіи, потому что политика Лайбахскаго конгреса пробудила общее неудовольствіе во всѣхъ слояхъ англійскаго народа и тамъ начали даже о ней говорить громко и непочтительно. Но три могущественныя союзныя державы, не смущаясь, шли по избранному пути. Рѣшено было возстановить абсолютную монархію и въ Испаніи. Болѣе всего этому содѣйствовало то, что революціи въ Италіи вездѣ производились во имя испанской конституціи 1812 года; союзники лично не уважали короля Фердинанда; они въ настоящую мѣру оцѣнивали его характеръ, но въ ихъ глазахъ у него было огромное преимущество: онъ былъ законнымъ государемъ, и какъ бы находился въ плѣну у своего народа; онъ не могъ покинуть ни своего государства, ни даже столицы, не могъ даже выѣхать въ Иль-де-фонсъ, чтобы подышать свѣжимъ, горнымъ воздухомъ, что было такъ необходимо для его больной супруги; этакого стѣсненія нельзя было допустить со стороны подданныхъ, относительно государя. По мнѣнію союзниковъ, на

Испанію въ настоящее время надобно было смотрѣть, какъ на источникъ революціи и якобинства.

Оставалось рѣшить, какимъ образомъ Франція, единственное государство, которое по естественному положенію дѣлъ могло провести въ Испаніи возстановленіе абсолютизма, будетъ относиться къ вопросу о вооруженномъ вмѣшательствѣ.

3. Франція.

Тамъ, какъ мы видѣли, умерщвленіе герцога Беррійскаго повлекло за собою паденіе либеральной системы и ея двусмысленнаго представителя—Деказа. Выборы, произведенные осенью 1820 года, по новому закону, окончились въ пользу роялистовъ; составилась палата депутатовъ, подобная небывалой 1816 года; изъ числа 430 депутатовъ, либераловъ едва ли насчитывалось 80 человѣкъ. Поэтому, герцогъ Ришелье видѣлъ себя вынужденнымъ принять двухъ нотаблей ультра-роялистической, Виллеля и Корбіера, въ число правительственныхъ лицъ, но въ качествѣ министровъ безъ портфелей. Лѣтомъ 1821 года пришло извѣстіе о кончинѣ Наполеона; это сильно взволновало умы и временно привлекло всеобщее вниманіе. Всякія заботы и тревоги обыденной жизни были отстранены и все вниманіе поглощено было тѣмъ, чтобы прослѣдить все, что въ послѣднее время происходило на маленькомъ уединенномъ скалистомъ островѣ океана; бывшіе подданные великаго человѣка переживали съ нимъ всѣ его послѣдніе дни жизни; ему сочувствовали когда онъ страдалъ отъ наслѣдственной въ его семействѣ болѣзни, съ умиленіемъ припоминали, какъ онъ 3-го мая пріобщился св. Таинъ изъ рукъ италіянскаго патера; какъ въ ночь съ 4 на 5 ужаснѣйшій ураганъ потрясалъ весь островъ, въ то время, когда у императора уже началась предсмертная агонія; съ трепетомъ повторяли его слова, которыя онъ произнесъ около 6 часовъ вечера 5 числа, за нѣсколько мгновеній до послѣдняго вздоха: армія и Франція; со слезами говорили о томъ, какъ нѣсколько дней спустя, смертные останки великаго человѣка положили въ гробъ и 24 англійскихъ унтеръ-офицера отнесли его въ уединенную долину, въ могилу, вырытую на мѣстѣ, еще при жизни императора назначенномъ имъ самимъ, на берегу ручья, подъ тѣнью двухъ кипарисовъ. Припоминали, что его опустили въ землю, при громѣ орудій съ батарей, возвѣщавшихъ безграничной водной пустынѣ, что воинъ, колебавшій міръ, успокоился навсегда въ своей тѣсной могилѣ.

Вся поэтическая сторона жизни этого человѣка и его смерти, породила во Франціи непримиримую вражду къ царствующей династіи Бурбоновъ; сначала не обращали ни малѣйшаго вниманія на это враждебное чувство народа, но оно вскорѣ возросло до нежданнаго могущества: явилось богопочитаніе Наполеона—поклоненіе этому великому солдату, котораго народное воображеніе окружило сіяніемъ либеральныхъ, даже демократическихъ идей. Уже при первомъ извѣстіи о кончинѣ императора образовались заговоры въ Бефорѣ, въ Сомюрѣ, въ Эльзасѣ; ихъ подавили безъ большаго труда и казнили начальниковъ, тогда какъ настоящіе зачинщики—главы, какъ Лафайетъ и др., остались на свободѣ; тайныя общества продолжали существовать, образовывались новые явные заговоры, отравлявшіе политическій смыслъ французскаго народа и развивавшіе въ его характерѣ самыя порочныя наклонности къ волненіямъ во имя свободы. Эти постоянные заговоры привели къ тому, что ультра-роялистическая партія съ особенною силою настаивала на томъ, что пора положить всему конецъ возстановленіемъ твердой, чисто королевской, самодержавно-королевской власти. Это настроеніе вызвало сильные и шумные споры въ палатѣ депутатовъ; когда же, при дополнительныхъ выборахъ въ 1821 году, опять роялистическая партія взяла значительный перевѣсъ, и изъ 88 вновь избранныхъ представителей 60 принадлежали къ партіи ультра-роялистической, тогда и самъ Людовикъ XVIII, несмотря на свои благородныя стремленія, не могъ болѣе противустоять ей; онъ отдалъ ей въ руки все правленіе и распустилъ свое болѣе умѣренное министерство.

Іосифъ Виллель былъ мыслящей силой новаго министерства, замѣнившаго министерство Ришелье; Виллель былъ единственный министръ, возможный при неисправимой, захватившей въ свои руки власть, партіи ультра-роялистовъ; это былъ человѣкъ очень знающій, съ свѣтлой головой, въ высшей степени дѣльный; до 1789 г. онъ служилъ во флотѣ, долгое время прожилъ на островѣ Бурбонѣ и возвратился только при имперіи; онъ спокойно, въ теченіе многихъ лѣтъ, слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, и изучалъ людей и политику; онъ присоединился наконецъ къ роялистической партіи и реакція выдвинула его на высоту, на которой онъ нашелъ возможность развернуть свои замѣчательныя способности. Самые замѣчательные послѣ него люди были — министръ внутреннихъ дѣлъ Корбьеръ и государственный канцлеръ Перонне (въ декабрѣ 1821 г.).

Побѣдоносная партія внимательно слѣдила за происшествіями въ Испаніи и теперь, при существующемъ фанатизмѣ ультра-роялистической партіи, вопросъ разрѣшался очень легко. Въ Испаніи боролись между собою тѣже начала, какъ во Франціи; роялисты съ неудовольствіемъ видѣли, что въ Испаніи противная имъ партія восторжествовала; они оправдывали то, что тамъ борьба съ либеральною партіей происходила во имя католической церкви, и тѣмъ болѣе сочувствовали этому, что сами поминутно политическія дѣла смѣшивали съ религіозными и перепутывали эти интересы до послѣдней возможности. Еще при вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ въ дѣла Италіи, партія роялистовъ желала, чтобы и Франція приняла въ немъ участіе, но теперь она неотступно требовала, какъ можно скорѣе и опредѣленнѣе высказать свой образъ мыслей. Но Виллель, знавшій положеніе финансовъ Франціи и руководившій ея политикою, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Не смотря на свой роялистическій образъ мыслей, онъ все-таки былъ хорошій государственный человѣкъ; онъ зналъ, что вмѣшательствомъ такой державы, какъ Франція, нельзя было играть; при своемъ свѣтломъ умѣ, при разсчетливости хорошаго правителя, онъ прежде всего обдумалъ, какихъ издержекъ потребуетъ предпріятіе, начатое во имя короля, Бога и всѣхъ святыхъ Его. Король вполнѣ раздѣлялъ образъ мыслей министра; но ни онъ, ни король не управляли государствомъ, имъ управляла роялистическая партія; одна часть министровъ, въ числѣ ихъ Монморанси, показывавшій въ національномъ собраніи 1789 года свой либеральный образъ мыслей, а теперь съ удвоеннымъ рвеніемъ ратовавшій въ духѣ реакціи, и военный министръ, герцогъ Беллуно, стояли за вмѣшательство, и во главѣ большинства палаты депутатовъ все громче и громче требовали освобожденія испанскаго короля изъ революціонныхъ когтей. Это самое разномысліе ясно выразилось также и въ воззрѣніяхъ обоихъ представителей Франціи на конгрессѣ въ Веронѣ. Шатобріанъ, придерживаясь инструкціи, которая предписывала посланникамъ охранять свободу дѣйствій Франціи, былъ противъ системы вмѣшательства, или по крайней мѣрѣ дѣлалъ видъ, будто онъ совершенно противъ нея; между тѣмъ какъ его товарищъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Монморанси, стоялъ за нее и съ жаромъ говорилъ за вмѣшательство въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ посланниками апостолической юнты Ссео д'Урджель. Сперва союзныя державы, исключая Англіи, отправили ноту испанскому правительству, въ которой предоставляли себѣ право употребить въ дѣло энергическія мѣры противъ слѣдствій, какія развиваются изъ настоящаго порядка вещей въ Испаніи. Вслѣдъ за тѣмъ составленъ былъ протоколъ, въ которомъ разсматривался ходъ событій и условія, при какихъ восточныя державы готовы содѣйствовать вмѣшательству Франціи въ дѣла Испаніи даже вооруженною силою; на первый разъ одной Франціи предоставлено было право выступить впередъ; циркулярной депешей отъ 14 декабря 1822 года, подписанной министрами австрійскимъ — Меттернихомъ, русскимъ — Нессельроде и прусскимъ — Бернсторфомъ, извѣщались дворы всѣхъ европейскихъ державъ о рѣшеніяхъ веронскаго конгресса и о томъ, что союзныя державы, и въ отношеніи Испаніи, останутся вѣрны своимъ однажды принятымъ основнымъ законамъ, и при этомъ случаѣ изложили ихъ вновь съ особенною ясностію. Итакъ, рѣшеніе дѣла было предоставлено политикѣ парижскаго кабинета, и ему дано право взвѣсить, когда и въ какой мѣрѣ вмѣшаться въ испанскія дѣла; на этомъ конгрессѣ Франція опять, послѣ долгаго времени, могла дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ своего значенія и своей силы, и наконецъ, если бы дѣло до-

шло до вмѣшательства военною силою, то это произошло бы не въ силу приговора европейскаго суда; въ этомъ заключался единственный успѣхъ, которымъ могла бы похвалиться европейская политика Англіи, которая съ тѣхъ поръ, какъ Георгъ Каннингъ сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ 16 сентября 1822 года, сильно отдѣлилась отъ политики священнаго союза.

Ноты четырехъ союзныхъ державъ были съ негодованіемъ встрѣчены господствующей въ Мадридѣ партіей. На французскую ноту отвѣтъ былъ очень вѣжливый и уклончивый, на остальныя отвѣтъ—болѣе рѣшительный: что Испанія не имѣетъ привычки вмѣшиваться въ дѣла другихъ державъ и потому считаетъ себя въ правѣ того же требовать и со стороны другихъ, и между прочимъ не преминули сдѣлать замѣчаніе, что императоръ Александръ въ прежнія времена самъ призналъ существующую конституцію Испаніи. Вслѣдъ за этими возраженіями, которыя кортесы приняли января 9, въ 1823 году при громкомъ шумномъ изъявленіи сочувствія народа, посланники трехъ сѣверныхъ державъ потребовали свои паспорты. Англійское правительство, условившись съ Виллелемъ и его королемъ, попыталось устранить возникающія неудовольствія, они посовѣтовали мадридскому двору измѣнить конституцію, на болѣе умѣренныхъ началахъ. Дѣло дошло до такого положенія, что со стороны испанскаго правительства необходимы были уступки, если оно не хотѣло допустить вооруженнаго вмѣшательства Франціи; но европейскія союзныя державы съ такою поспѣшностью и рѣзкостью взялись за дѣло, что испанская народная гордость не могла согласиться ни на какія уступки, или по крайней мѣрѣ, всякія уступки были бы сопряжены съ великими трудностями. Французскій посланникъ былъ отозванъ; наблюдательный корпусъ близъ Пиреней, собранный подъ предлогомъ содержать военный пограничный кордонъ, чтобы пресѣчь сообщенія по случаю свирѣпствовавшей по ту сторону Пиреней желтой горячки былъ усиленъ до 100,000; а теперь этотъ корпусъ получилъ приказаніе перейти границу.

28 января 1823 г. возобновились въ Парижѣ засѣданія палатъ. Король открылъ засѣданія рѣчью, въ которой объявилъ, что армія въ 100,000 человѣкъ подъ предводительствомъ принца изъ дома Бурбоновъ—герцога Ангулемскаго готова идти въ Испанію, чтобы возстановить королевскую власть и утвердить тронъ за однимъ изъ потомковъ Генриха IV; со стороны многочисленной партіи ультрароялистовъ рѣчь эта была принята громомъ рукоплесканій, и выражено неудовольствіе на министровъ, такъ долго медлившихъ исполненіемъ такого богоугоднаго рѣшенія. Пламенный духъ рыцарскаго энтузіазма роялистовъ; возрасталъ, они бредили подвигами, чтобы доказать преданность королю; даже нерѣшительный Шатобріанъ, послѣ возвращенія съ конгресса ставшій министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто Монморанси, одобрялъ этотъ легитимистскій походъ; онъ восхвалялъ этотъ первый походъ подъ бѣлымъ съ лиліями знаменемъ, обѣщалъ ему успѣхъ и надѣялся что слава, пріобрѣтенная оружіемъ, утвердитъ династію Бурбоновъ во Франціи, положеніе которой до сихъ поръ, вслѣдствіе постоянныхъ заговоровъ и возстаній, было очень шатко. Къ тому же и оппозиція въ палатѣ была только отголоскомъ того неудовольствія, которое волновало различные слои народа. Въ палатѣ замѣтили, что народная французская хартія, пожалуй, стоитъ на такомъ же шаткомъ основаніи, какъ испанская конституція; что Францію принуждаютъ выполнять роль недостойную; что вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла не есть свободное дѣйствіе воли и убѣжденія, но что это только актъ исполнительный вслѣдствіе рѣшенія, произнесеннаго тройственнымъ союзомъ государей: «вы только отголосокъ прусскаго и русскаго гнѣва», восклицалъ генералъ Фуа, обращаясь къ правой сторонѣ, и въ то же время выразилъ опасеніе, что иностранныя войска при этомъ займутъ Францію, хоть бы подъ именемъ союзныхъ войскъ. Еще сильнѣе высказался духъ партіи и оппозиціи, когда 24 февраля начались пренія о томъ, чтобы сдѣлать заемъ въ 100 мил. франковъ въ виду необыкновенныхъ издержекъ, наступившаго 1823 года. Въ рѣчи, исполненной достоинства и краснорѣчія, Ройе-Колларъ, человѣкъ съ философски развитымъ умомъ, съ строгими чистыми правилами нравственности, говорилъ съ жаромъ противъ этой войны и между прочимъ выразился, что народъ ведетъ эту войну на собственный счетъ противъ самого себя. Подобная война, которая глубоко оскорбляетъ прирожденное чувство

національнаго достоинства, не можетъ входить въ планы короля; скорѣе это есть выдумка партіи, которая на реставрацію всегда смотрѣла не иначе, какъ на карательное начало, и постоянно употребляла ее только какъ средство для униженія Франціи; генералъ Фуа говорилъ прямо, что президентъ совѣта министровъ думаетъ такъ же, какъ онъ и его друзья, что этой войны не хочетъ ни правительство, ни народъ, что въ странѣ подобной Испаніи, основываясь на опытахъ недалекаго прошлаго, никакого успѣха нельзя ожидать отъ этого похода. Виллель и Шатобріанъ отвѣчали ораторамъ оппозиціи и при этомъ Шатобріану удалось сказать слово, которое очень понравилось правой сторонѣ и которымъ впослѣдствіи всегда опрокидывались замѣчанія, даже самыя благоразумныя; онъ сказалъ, что въ Испаніи сражаются съ революціей, а не съ народомъ, что она по пятамъ преслѣдуетъ Бурбоновъ и что повсюду отъискиваетъ для себя только новой жертвы.

Пренія слѣдующаго дня вызвали сцену, имѣвшую очень значительное слѣдствіе. Депутатъ Манюэль, къ величайшему неудовольствію ультра-роялистовъ, избранный Вандеей, на которую они смотрѣли какъ на исключительную область роялизма, въ рѣчахъ своихъ клеймилъ образъ дѣйствій испанскаго короля; отвѣтомъ на его рѣчь былъ продолжительный ропотъ неудовольствія съ правой стороны; особенно при словахъ его: «вы хотите спасти жизнь короля Фердинанда, а не помните, что Стюарты погибли потому только, что искали помощи Франціи, что голова Людовика XVI пала потому только, что иностранныя державы вмѣшались въ дѣла Франціи»,—разразился такой шумъ, крикъ и свистъ, что ораторъ не могъ продолжать, а президентъ, послѣ тщетныхъ попытокъ возстановить порядокъ, принужденъ былъ прекратить засѣданіе. Большинство депутатовъ, одержимые духомъ фанатической нетерпимости, неспособные обдумывать и взвѣшивать дѣла и отношенія, отказались находиться въ одной палатѣ съ такимъ депутатомъ, который—по ихъ произвольному толкованію словъ Манюэля—говоритъ похвальное слово цареубійству. Было сдѣлано предложеніе объ исключеніи Манюэля изъ числа членовъ палаты депутатовъ, и назначили коммиссію для рѣшенія этого дѣла. Лабурдоннэ, донося о дѣйствіяхъ этой коммиссіи, говоритъ, что исключеніе Манюэля изъ палаты коммиссія рѣшила единодушнымъ общимъ приговоромъ; но сомнительно, имѣетъ ли палата право исключать депутата, а вслѣдъ за исключеніемъ, долженъ-ли быть произведенъ новый выборъ? А что будетъ, если при этомъ Манюэль вторично будетъ избранъ? Рѣшились предложить мѣру, чисто деспотическую, ни съ чѣмъ несообразную: исключить Манюэля на одинъ годъ изъ числа депутатовъ. Но онъ объявилъ, что оспариваетъ у палаты подобное право и покорится только насилію. Предложеніе объ удаленіи Манюэля на все время сессій изъ палаты депутатовъ было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ, несмотря на бурное противодѣйствіе лѣвой стороны и безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства. Не смотря на это, Манюэль на слѣдующій день явился въ засѣданіе. Президентъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ удалился; но онъ все-таки остался. Правая сторона вслѣдъ за президентомъ вышла изъ залы, давъ приказаніе выпроводить Манюэля; но имъ это не удалось, несмотря на всѣ ихъ старанія; позвали отрядъ національной гвардіи; но Лафайетъ обратился къ нему съ энергическою рѣчью, и онъ остановился въ нерѣшительности; тогда въ залу ворвался отрядъ жандармовъ; произошелъ сильный споръ съ ними, но полковникъ такъ распорядился, что жандармы мало-помалу вытѣснили Манюэля изъ залы. Партія либераловъ объявила, что не можетъ далѣе принимать участія въ засѣданіяхъ палаты, послѣ такой постыдной сцены, которая дерзко нарушаетъ всѣ постановленія и служитъ яснымъ доказательствомъ, какую трудную и безполезную борьбу ведетъ во Франціи представительное правленіе, основанное на прочныхъ началахъ—съ народомъ, исполненнымъ фанатизма и духа партій; такимъ образомъ во всѣхъ засѣданіяхъ до самаго конца этого года правая сторона одна распоряжалась.

Средства для начала испанской экспедиціи были утверждены, безъ противорѣчія, и 7 апрѣля 1823 года, 95,000 армія съ 21,000 кавалеріи, перешла черезъ границу; армія была раздѣлена на пять отдѣльныхъ корпусовъ подъ главнымъ начальствомъ герцога Ангулемскаго дп Бидассао.

Кастильская гордость возмутилась; она высказывалась въ громкихъ и бурныхъ рѣчахъ въ залѣ кортесовъ, въ волненіяхъ на улицахъ Мадрида, въ грозныхъ и многорѣчивыхъ статьяхъ журналовъ; но ее не поддерживалъ народный энтузіазмъ, готовый на всевозможныя пожертвованія; здѣсь повторилось тоже, что было въ Неаполѣ. Переходъ французскаго войска черезъ границу—вызвалъ и со стороны Испаніи объявленіе войны, обнародованное 23 апрѣля. Объявленіе это было издано въ Севильѣ, потому что испанцы къ военнымъ дѣйствіямъ приступили тѣмъ, что правительство покинуло столицу. Государственные финансы были въ плачевномъ состояніи, за границей состояніе Испаніи возбуждало общую симпатію, но ни малѣйшаго кредита; армія, защита крѣпостей, артиллерійскіе парки, флотъ, все было въ крайнемъ упадкѣ и все было запущено; въ народѣ воинственнаго духа не было; при такихъ обстоятельствахъ, пораженіе можно было предвидѣть еще до открытія военныхъ дѣйствій и кортесы съ королемъ рѣшили еще 19 февраля оставить Мадридъ и перенести резиденцію въ Севилью. На этотъ разъ, чтобы избѣжать необходимости переѣхать, король притворился больнымъ, но это не помогло ему: докторъ, изъ партіи либераловъ, осмотрѣлъ короля, изслѣдовалъ его болѣзнь и объявилъ, что переѣздъ будетъ очень полезенъ для состоянія его здоровья, и онъ принужденъ былъ ѣхать.

Но вскорѣ пребываніе въ Севильѣ стало тоже не безопасно. Французская армія на пути своемъ встрѣчала мало препятствій. Самое первое и самое значительное препятствіе, котораго опасались, заключалось въ дурныхъ дорогахъ и въ недостаточныхъ средствахъ продовольствія въ странѣ бѣдной и лишенной хлѣбныхъ запасовъ. Но герцогъ Ангулемскій нашелъ очень искуснаго спекулятора, жаднаго до денегъ; извѣстный промышленникъ Увраръ (Ouvrard) заключилъ съ нимъ контрактъ на поставку продовольствія; онъ отправился въ Тулузу, съумѣлъ привлечь на свою сторону религіозныхъ фанатиковъ и роялистовъ въ тѣсномъ смыслѣ, легко разжегъ въ нихъ корыстолюбіе, назначилъ за привозъ хлѣба непомѣрно высокія цѣны и платилъ за все чистыми деньгами. На мостовыхъ улицъ были навалены кучи золота, зрѣлище непреодолимое, магически дѣйствующее на всякихъ простолюдиновъ, а на испанскихъ несравненно еще сильнѣе; молва преувеличила легкость добыть частицу этого золота и со всѣхъ сторонъ съѣстные припасы являлись съ изумительною быстротою; изъ деревень тащили и везли все, что можно было ѣсть; даже и тогда, когда цѣны опять постепенно упали до своего нормальнаго уровня, и тогда не переставали подвозить припасовъ, сколько надобно было. Такимъ образомъ содержаніе непріятельской арміи было обезпечено: измѣна съ перваго дня военныхъ дѣйствій парализировала дѣло либеральной партіи. Даже и самые предводители не обманывали себя несбыточной мечтой одержать верхъ надъ французами въ открытомъ полѣ: чтобы начать **малую войну**, т. е. народную, которая была такъ гибельна для французовъ въ предъидущую войну, для этого необходимо было содѣйствіе духовенства, а на этотъ разъ оно было противъ либераловъ. Еще хуже: въ тылу и безъ того слабой конституціонной арміи образовались шайки гверильясовъ, изъ приверженцевъ апостолической партіи, и наносили большой вредъ; въ старой Кастиліи гверильясы дѣйствовали подъ начальствомъ патера Морино, а въ нижней Арагоніи подъ начальствомъ Ульмана и Бессіера; въ ненависти духовенства къ либераламъ французскія войска, въ каждомъ селеніи, находили сильную поддержку и союзниковъ. По странѣ басковъ, которые крѣпче держались своихъ старинныхъ патріархальныхъ и провинціальныхъ правъ, фуэросъ, нежели новомодной конституціи, французская армія прошла безпрепятственно и смѣло двинулась по столбовой дорогѣ, прямо на Мадридъ, а вслѣдъ за нею члены и приверженцы апостолической юнты, которые на пути своемъ разсѣвали свои декреты и прокламаціи.

Уже 23 мая авангардъ, подъ начальствомъ Фуассакъ-Латуръ, вошелъ въ Мадридъ; миролюбивые и зажиточные люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ихъ, потому что отъ черни можно было ожидать всякихъ волненій и безчинствъ; на слѣдующій день вступилъ и самъ герцогъ Ангулемскій. Чернь, по наущенію монаховъ, уже успѣла выказать свое своеволіе и свою ярость надъ таблицами конституціи, и надъ палатой кортесовъ. Герцогъ Ангулемскій установилъ временное прави-

тельство изъ совѣта кастильскаго и совѣта индійскаго, подъ предсѣдательствомъ регента, герцога Инфантадо, и предоставилъ ему внутреннее управленіе государствомъ; начался рядъ преслѣдованій и бѣгства подозрительныхъ въ либерализмѣ людей; кто попадался, того сажали въ тюрьму, убивали тайно, или казнили всенародно; офицеры французской арміи съ отвращеніемъ смотрѣли на знатныхъ и незнатныхъ негодяевъ, въ сѣти и подъ ножъ которыхъ армія загоняла подозрительныхъ, или виновныхъ въ либерализмѣ. Авангардъ французской арміи двинулся къ Севильѣ. Кортесы принуждены были отказаться отъ своихъ энергическихъ декретовъ и громкихъ прокламацій, въ которыхъ подвизались въ теченіе 6 недѣль; принудительный внутренній заемъ въ 200 милліоновъ реаловъ не состоялся, потому что только самыми строгими мѣрами можно было выжимать реалы отъ бѣднаго, изнуреннаго народа; правительство перенесло резиденцію въ Кадиксъ, куда отправились на баркахъ; вслѣдъ за отъѣздомъ кортесовъ, въ Севильѣ зазвонили во всѣ колокола и провозгласили короля самодержавнымъ. Но сколько душа его ни рвалась назадъ въ Севилью и Мадридъ, онъ подъ почетной стражей принужденъ былъ сопровождать кортесы и вмѣстѣ съ ними поселиться въ Кадиксѣ. Этотъ городъ въ борьбѣ съ Наполеономъ оставался послѣднимъ оплотомъ испанской свободы, но на этотъ разъ онъ не былъ приготовленъ къ долгой защитѣ и потому можно считать чудомъ, что онъ все-таки продержался три мѣсяца. Гарнизонъ въ Кадиксѣ былъ незначительный, орудій мало, боевыхъ снарядовъ тоже; въ распоряженіи его находился одинъ только линейный корабль и нѣсколько канонирскихъ лодокъ; на помощь извнѣ, на поворотъ военнаго счастья разсчитывать и надѣяться нельзя было. Предводители либеральной партіи въ Испаніи одни за другими, послѣ долгаго, или короткаго сопротивленія, покорялись, или подчинялись регентству. О'Доннель, не новичекъ въ измѣнѣ и предательствѣ, еще до появленія французской арміи подъ Мадридомъ, предалъ дѣло конституціи. Іюля 10 генералъ Морилло, во главѣ 3000 отряда, подчинился французамъ, а 4 августа подписалъ капитуляцію Баллестеросъ; его съ остатками его корпуса французы оттѣснили въ горы Капорла, до самыхъ истоковъ Гвадіаны; одинъ только храбрецъ, Мина, спасъ свою честь и честь Испаніи: онъ съ своимъ отрядомъ перешелъ границы Франціи и въ то время, когда французы приближались къ Севильѣ, съ своими гверильясами напалъ на округъ Сердань, на верховьяхъ Тета; послѣ этого набѣга, опять возвратился въ Испанію и утвердился въ Барцелонѣ, гдѣ вынесъ долгую осаду.

Августа 16 герцогъ Ангулемскій явился передъ Кадиксомъ; со стороны моря гавань заперта была французскимъ флотомъ.

Черезъ двѣ недѣли, 31, ночью въ третьемъ часу французамъ удалось нечаяннымъ нападеніемъ овладѣть косою, господствующею надъ гаванью Кадикса, ея главнымъ укрѣпленіемъ Трокадеро—самое важное изъ всѣхъ внѣшнихъ укрѣпленій Кадикса; французскіе гренадеры съ ружьями въ рукахъ, съ боевыми патронами на головѣ, по плечи въ водѣ, молча и неслышно подкрались къ укрѣпленію; во главѣ ихъ шелъ царственный волонтеръ, принцъ Карињяно; онъ въ военныхъ опасностяхъ этого похода отыскивалъ средствъ пріобрѣсть опять расположеніе европейскихъ державъ и утвердить свои права на наслѣдство престола. Послѣ ожесточенной рукопашной битвы, одинъ противъ одного, французы взяли верхъ и испанцы бросились въ послѣднее укрѣпленіе, но къ девяти часамъ утра и это было отбито. Въ рукахъ либераловъ оставался король, въ видѣ заложника; это принудило французскаго главнокомандующаго къ нѣкоторымъ уступкамъ въ отношеніи либеральной партіи. Дѣло дошло до переговоровъ: герцогъ объявилъ: если въ отношеніи короля, или королевскаго семейства предпринято будетъ что либо дерзкое, или непочтительное, то всѣ должностныя и правительственныя лица, всѣ кортесы будутъ истреблены. Въ тоже время онъ тайно предложилъ всѣмъ начальникамъ деньги для того, чтобы имъ выѣхать въ иностранныхъ государствъ, герцогъ готовъ былъ на всякое пожертвованіе, лишь бы только поскорѣе окончить эту невыгодную и дорого стоющую войну. Такимъ образомъ 28 сентября разошлось собраніе кортесовъ и королю была возвращена свобода. Но кадикская и мадридская милиціи еще отсрочили его освобожденіе на нѣкоторое время: онѣ, по глупости своей, вытребовали у короля полную и безу-

словную амнистію себѣ и своимъ приверженцамъ, точно будто слово, имъ данное, имѣло какое нибудь значеніе. Король клятвенно подтвердилъ, подписалъ и завѣрилъ своимъ королевскимъ словомъ все, чего они отъ него требовали, и послѣ этого отправился во французскій лагерь; его встрѣтилъ герцогъ Ангулемскій въ сопровожденіи всего генералитета и штаба; за королемъ и передъ нимъ раздавались фанатическіе возгласы монаховъ и королевскихъ волонтеровъ; слышалось: «смерть чернымъ!»

Но изъ числа болѣе всѣхъ замѣшанныхъ черныхъ нѣкоторые спаслись бѣгствомъ. Король слѣдилъ взорами за удаляющимся кораблемъ, который увозилъ ихъ въ открытое море и избавлялъ отъ его ненасытимаго чувства мести; но ему не было причины очень печалиться: въ Испаніи оставалось довольно жертвъ. Отъ 10 октября обнародованъ былъ декретъ, уничтожавшій и отмѣнявшій все, что было предписано, или сдѣлано съ 7 марта 1820 года; и въ тоже время было дано строжайшее предписаніе, чтобы во время путешествія короля въ Мадридъ къ особѣ его, на пять миль разстоянія не смѣлъ приближаться ни одинъ изъ приверженцевъ конституціи; онъ и не подумалъ, что для послѣднихъ выгоднѣе всего было бы, чтобы какъ можно большее количество миль отдѣляло ихъ навсегда отъ короля.

Волненіе и сопротивленіе либераловъ мало-по-малу прекращались; Барцелона сдалась на капитуляцію 1 ноября; самый опасный изъ предводителей, Мина, заключилъ условіе и принялъ необходимыя мѣры для того, чтобы условія были выполнены, послѣ чего онъ удалился въ Англію. 5 и 11 послѣдніе города, въ которыхъ держались конституціонныя войска, Картагена и Аликанте тоже сдались; послѣ этого реакція могла развернуться безпрепятственно.

Французы не мѣшали и не обуздывали своеволія Фердинанда. Герцогъ Ангулемскій хотѣлъ было положить предѣлъ, или по крайней мѣрѣ нѣсколько ограничить кровожадную мстительность торжествующей партіи; съ этою цѣлью онъ далъ командирамъ французскихъ войскъ, расположенныхъ въ городахъ и крѣпостяхъ, предписаніе дозволять исполненіе смертныхъ приговоровъ только по соглашенію съ испанскимъ правительствомъ: но такое распоряженіе не понравилось французскимъ роялистамъ въ Парижѣ и оно было отмѣнено. Когда же дѣлали замѣчанія королю, онъ охотно на все соглашался и все обѣщалъ, но съ тѣмъ, чтобы не выполнять своихъ обѣщаній. Почти на глазахъ герцога, нисколько не стѣсняясь его присутствіемъ, дѣлали приготовленія къ казни главнокомандующаго конституціонныхъ войскъ, Сіего; онъ по несчастной случайности войны попался въ руки роялистовъ, нѣсколько дней послѣ отъѣзда герцога, его посадили на телегу, запряженную осломъ, и съ позоромъ отвезли на площадь, гдѣ и повѣсили. «Да здравствуетъ король и да здравствуетъ религія!» неистово ревѣла толпа надъ трупомъ казненнаго. Когда же 13 ноября король и королева торжественно въѣхали въ Мадридъ, народъ привѣтствовалъ ихъ криками восторга; выпрягли лошадей и на себѣ везли ихъ по улицамъ, давая своимъ энтузіазмомъ знать, что готовы покориться.

Фердинандъ подтвердилъ всѣ распоряженія, сдѣланныя регентствомъ во время его отсутствія. Во главѣ новаго правленія сталъ духовникъ короля, монахъ Викторъ Саэцъ; главную опору этого правленія составляли монахи и королевскіе волонтеры, при содѣйствіи которыхъ, вмѣсто распущенной конституціонной арміи, положено было составить новую, въ видахъ возстановленнаго абсолютизма. Французскій 45,000 корпусъ подъ начальствомъ генерала Бурмона защищалъ короля отъ новаго возстанія; въ силу договора, заключеннаго съ Франціей 9 февраля 1824 года, корпусъ этотъ долженъ былъ на два года остаться въ Испаніи, пока король успѣетъ сформировать собственную новую армію. Этому корпусу, расположенному по различнымъ городамъ, выпалъ жребій, постыдный для всякаго честнаго солдата; даже въ крупныхъ городахъ французскіе отряды не были въ силахъ препятствовать грабежу, безчинству; не могли преслѣдовать и насилія всякаго рода, которымъ торжествующая партія неистово предавалась въ отношеніи сторонниковъ конституціи, негросовъ, какъ она ихъ называла.

Тріумфальный въѣздъ герцога Ангулемскаго въ Парижъ, 2 декабря 1823 года, былъ какой-то сомнительный. Союзныя державы создали здѣсь положеніе

дѣлъ, нисколько не лучше того, а во многихъ отношеніяхъ и хуже, какое Франція вынесла въ пору самыхъ страшныхъ оргій революціоннаго терроризма. Въ числѣ различныхъ декретовъ; изданныхъ королемъ и его духовникомъ, самый худшій—тотъ, который изданъ 9 октября 1824 года; по этому декрету на всѣхъ тѣхъ, которые съ 1 октября 1823 года брались за оружіе противъ короля, или каким ъ либо дѣйствіемъ показали себя врагами трона, повелѣвалось смотрѣть какъ на оскорбителей величества и осуждать ихъ на смерть. Еще въ іюлѣ 1823 года, т. е. до обнародованія декрета, въ тюрьмахъ уже сидѣла цѣлая армія заключенныхъ, 44,000 человѣкъ.

4. Португалія.

Успѣхи абсолютизма въ Испаніи и во Франціи остались не безъ вліянія и на Португалію. Конституціонные кортесы, засѣдавшіе въ Лиссабонѣ, съ февраля 1821 года, несознавали вполнѣ ни своей задачи, ни потребностей страны; присвоивали верховную власть народу, предоставляли королю отмѣнительное вето, одно постановленіе громоздили на другое, не зная, какъ получше устроить государственный строй народа, не привыкшаго къ законности, не подготовленнаго твердымъ, справедливымъ и непремѣнно законнымъ правительствомъ къ благоразумному самоуправленію. Добродушный король дозволялъ кортесамъ дѣлать, что заблагоразсудится, и не обижался даже тогда, когда ихъ постановленія очевидно были оскорбительны для него, какъ напримѣръ одно изъ нихъ, по которому ни одинъ изъ членовъ кортесовъ не имѣлъ права посѣщать короля, чтобы не подвергаться его вліянію, и ни одному изъ представителей не позволялось цѣловать руку короля. Народная масса съ совершеннымъ равнодушіемъ смотрѣла на эти попытки создать законы и постановленія, какъ будто это нисколько не касалось ея. Но не такъ относились къ нововведеніямъ тѣ, интересы которыхъ отъ нихъ страдали: такъ напримѣръ, черное духовенство было крайне недовольно уменьшеніемъ народнаго тунеядства, посредствомъ сокращенія числа праздниковъ, которыхъ въ году насчитывалось до 139; но болѣе всѣхъ на конституціонное начало негодовали члены королевскаго дома, а именно королева Карлотта и младшій сынъ короля, донъ-Мигуэль. Карлотта, сестра испанскаго короля Фердинанда, раздѣляла его образъ мыслей; совѣсть ея, очень податливая во многихъ другихъ отношеніяхъ, возмущалась при мысли подтвердить конституцію; въ сущности же она и сынъ ея, донъ-Мигуэль, чувствовали врожденное отвращеніе отъ этой системы правленія. По одной изъ статей конституціи, члены королевской фамиліи, недовольные конституціоннымъ правленіемъ, обязаны были оставить государство. Въ данномъ случаѣ королю нечего было сказать въ отмѣну этого параграфа, и отъ удаленія королевы и принца онъ ничего не потерялъ бы, а скорѣе выигралъ бы.

Но королева медлила отъѣздомъ, подъ предлогомъ вымышленныхъ болѣзней; она не дремала: настроеніе державъ священнаго союза было ей извѣстно; тотчасъ послѣ того, какъ конституція была принята, русскій и австрійскій посланники уѣхали; вскорѣ сдѣлалось извѣстно рѣшенное на Веронскомъ конгрессѣ вмѣшательство (интервенція) въ испанскія дѣла; такимъ положеніемъ дѣлъ воспользовался приверженецъ короля, графъ Амаранте, человѣкъ богатый и вліятельный; онъ въ своихъ помѣстьяхъ и въ помѣстьяхъ своихъ родственниковъ Сильвейра, на берегахъ Дуэро, въ провинціи Трасъ-осъ-Монтесъ, въ Вилла-Реала, 26 февраля 1823 года, поднялъ знамя во имя абсолютизма, или какъ на этотъ разъ выражались во имя возрожденія, регенераціи. Предпріятіе это, однако, не имѣло успѣха: конституціонныя войска оттѣснили возмутившихся и прогнали ихъ за границу Испаніи, гдѣ они и надѣялись найти помощь у французовъ, только что утвердившихся въ ней. Но надежда инсургентовъ не оправдалась: герцогъ Ангулемскій не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ португальскія дѣла, тѣмъ болѣе, что ему надобно было щадить Англію, принимавшую живѣйшее участіе въ Португаліи и раздраженную оборотомъ испанскихъ дѣлъ на конгрессѣ въ Вероннѣ; поэтому она очень подозрительно и недружелюбно слѣдила за ходомъ

событій на Пиренейскомъ полуостровѣ. Хотя французскій главнокомандующій не хотѣлъ оказать помощи португальскимъ роялистамъ, но за то мадридское правительство, на сколько могло, помогало имъ деньгами.

Впрочемъ, не было никакой надобности въ личномъ вмѣшательствѣ. Новая португальская конституція не оправдала надеждъ и ожиданій, съ какими на нее смотрѣли; непостоянное настроеніе народа, пылкаго и страстнаго, лѣниваго и невѣжественнаго, уже давно перемѣнилось. Враждебная конституціи партія работала; ей удалось заручиться сочувствіемъ арміи, тогда какъ либеральная партія не успѣла укрѣпиться, не успѣла привлечь на свою сторону такой силы, которая могла бы ей служить опорой: у нея не было массы, а насчитывались только единицы людей образованныхъ и истинныхъ патріотовъ. Дѣло было такъ подготовлено, что донъ-Мигуэль нашелъ возможность объявить себя, въ маѣ 1823 года, противникомъ конституціи. Онъ бѣжалъ изъ столицы и собралъ войско; вскорѣ присоединился къ нему Сепульведа, который въ 1820 году былъ первымъ зачинщикомъ революціи. Мая 30 прибылъ въ главную квартиру принца, въ Вилла-франка, и самъ король, увезенный возставшими войсками изъ Лиссабона; король былъ мраченъ, недоволенъ собою и ходомъ обстоятельствъ, но въ лагерѣ его встрѣтили восторженнымъ привѣтствіемъ, какъ «самодержавнаго короля.» Стѣсненный постороннимъ вліяніемъ, онъ, отъ 3 іюня, издалъ прокламацію, въ которой распускалъ «нечестивые кортесы» и объявлялъ о возстановленіи «чистой монархіи.» Два дня спустя, онъ возвратился, какъ самодержавный король, въ столицу, которую оставилъ конституціоннымъ. Нѣкоторые изъ членовъ распущенныхъ кортесовъ бѣжали въ Англію, хотя король и не подавалъ повода предполагать, что гоненіе на нихъ возможно. Приверженцевъ и дѣятелей контрареволюціонныхъ наградили; напримѣръ, графъ Амаранте былъ возведенъ въ достоинство маркиза де Кавосъ; монастыри были опять открыты и имѣнія ихъ имъ возвращены; составилось новое министерство подъ предсѣдательствомъ графа Пальмелла; избрана юнта, съ цѣлью пересмотрѣть законы, изданные кортесами, и отмѣнить тѣ, которые несогласны съ монархическимъ началомъ. Донъ Мигуэль получилъ званіе главнокомандующаго войсками и въ Европѣ его прославляли, какъ героя реакціи.

Королева Карлотта также возвратилась въ Лиссабонъ, еще раньше, чѣмъ братъ ея Фердинандъ высвободился изъ рукъ либераловъ въ Кадиксѣ. Королева ненавидѣла своего супруга, а онъ по всей справедливости боялся ея; онъ зналъ, что она на все способна, чтобы возвести на престолъ своего сына, Мигуэля, принца вполнѣ соотвѣтствующаго ея желаніямъ. Монархическаго террора, въ смыслѣ этой достойной пары, невозможно было ввести, пока во главѣ королевства стоитъ слабохарактерный, добрый Іоаннъ; при немъ возможно было развѣ только какое нибудь тайное убійство, какъ, напримѣръ, совершонное надъ совѣтникомъ и другомъ короля маркизомъ де Луле; оставалось одно средство: силой вырвать у него изъ рукъ бразды правленія. Для этого 30 апрѣля 1824 года донъ Мигуэль внезапно арестовалъ всѣхъ предводителей умѣренной партіи. Такъ какъ ударъ преимущественно былъ направленъ на королевскихъ министровъ, то они, во время предувѣдомленные, нашли возможность спастись на военный англійскій корабль «Виндзоръ Кастль», стоявшій на якорѣ въ Таго. Туда же, при содѣйствіи англійскаго и французскаго посланниковъ, спасся самъ король, 9 мая, ожидавшій всего худшаго отъ своего сына. Но на этотъ разъ слишкомъ туго натянутый лукъ въ рукахъ абсолютистической партіи порвался. Она позабыла запастись сочувствіемъ массы народной, на которую слишкомъ безпечно разсчитывала. Столичная чернь боготворила своего короля; изъ своего вѣрнаго убѣжища онъ безъ утайки разоблачилъ всѣ преступные замыслы тѣхъ, которые по человѣческимъ и по божескимъ законамъ должны бы были стоять ближе всего къ нему и служить ему опорой; общее негодованіе вспыхнуло и почти всѣ безъ исключенія покинули дона Мигуэля и многіе даже грозили ему; ему оставалось одно средство чтобы выпутаться изъ своего невыгоднаго положенія: спѣшить къ королю и просить у него прощенія. Онъ явился къ отцу на англійскій корабль и содержался на немъ нѣсколько времени подъ стражей.

Чтобы выпросить прощеніе, онъ ссылался на свою юношескую необдуманность; ему дѣйствительно было всего 22 года, хотя въ сущности это былъ

человѣкъ, закоренѣлый въ порочныхъ наклонностяхъ; но король не безусловно простилъ его, а послалъ путешествовать, съ цѣлью удалить изъ отечества. Онъ миновалъ Францію и отправился въ Вѣну, чтобы на глазахъ Меттерниха докончить свое политическое образованіе и основательно приготовиться къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Мать его отправили въ монастырь, что вовсе не соотвѣтствовало ея характеру и наклонностямъ; она, подъ видомъ болѣзни, противилась отъѣзду въ монастырь и чтобы отсрочить его даже притворилась умирающей.

Правительственный вопросъ на первый случай разрѣшился тѣмъ, что король, по совѣту англичанъ, далъ 4 іюня 1824 года конституцію, по которой кортесы опять избираемы были въ своемъ старинномъ составѣ и числѣ, въ трехъ отдѣленіяхъ, по тремъ сословіямъ государства, «кортесы Ламего», какъ ихъ назвали по имени города, въ которомъ они собирались, на югъ отъ средняго Дуэро. Съ этихъ поръ въ Португаліи, до самой кончины короля, 10 мая 1826 года, все было совершенно спокойно.

В. ВОСТОКЪ.

1. Турція. Начало возстанія Греціи.

Итакъ, священный союзъ въ своихъ существенныхъ стремленіяхъ достигъ своей цѣли на югѣ и юго-западѣ Европы.

Задача священнаго союза не такъ легко разрѣшалась на востокѣ, гдѣ между тѣмъ вспыхнула борьба, которая должна была произвести разногласіе между основными государственными понятіями союзниковъ и ихъ христіанскими воззрѣніями. Понятія христіанской любви красовались, какъ девизъ, надъ союзомъ государей, а между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ пришлось дѣйствовать противъ христіанства, чтобы поддержать другое основное правило священнаго союза— права законнаго государя, въ отношеніи въ непокорнымъ его подданнымъ.

Въ теченіе 400 лѣтъ почти, страдало христіанское населеніе Греціи, подъ невыносимымъ игомъ народа, чуждаго, пришлаго, варварскаго, страдало на родной почвѣ, освященной великими историческими воспоминаніями дней минувшей славы и могущества. Турція, подобно всѣмъ грубымъ народамъ, уже давно стремилась къ своей погибели. Могущество и власть османовъ, этихъ азіатскихъ завоевателей, въ XV и XVI вѣкахъ нахлынувшихъ на Европу, съ теченіемъ времени сильно пошатнулись; турки не съумѣли создать себѣ прочнаго положенія среди покоренныхъ ими народовъ, и завоеванная ими страна все еще представляла скорѣе лагерь побѣдителей, чѣмъ государство; сила ихъ душила подвластныя имъ племена, но не проникала ихъ, не связывала ихъ въ одно прочное цѣлое — въ государство. Эти пришлые воины не превратились въ земледѣльцевъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда завоеватели образуютъ государство; девять десятыхъ поверхности самой плодородной въ мірѣ почвы оставались необработанными. Но воинственный духъ и воинственная отвага османовъ, по большей части, прошли; осталась только лѣность и безсмысленное высокомѣріе варваровъ-побѣдителей. Большинство племени османовъ чувствовало и сознавало утрату своего могущества, но по своему фатализму молча покорялось этому, какъ проявленію высшей воли судебъ. Уже много лѣтъ тому назадъ началось нравственное распаденіе Турціи. Точно также, какъ отъ персидскаго государства послѣ временъ Кира и Дарія отрывались отдѣльные сатрапы, такъ и отъ Турціи теперь готовы были отдѣлиться пашалыки, самые значительные и сильные, управляемые людьми честолюбивыми и энергическими, какими, въ періодъ нашего разсказа, были Али-паша въ Албаніи и Мехметъ-Али въ Египтѣ.

Христіанское населеніе Турціи было обозначено однимъ презрительнымъ для турокъ именемъ р а й е въ; на нихъ смотрѣли какъ на стадо животныхъ и и по законамъ они обречены были полурабскому состоянію; имъ, напримѣръ, запрещено было садиться верхомъ на осѣдланную лошадь; они не имѣли права носить оружія. Равнодушіе правительственныхъ лицъ, жестокихъ, но небрежныхъ

тюремщиковъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ смягчало строгость законовъ; и не смотря на различіе вѣроисповѣданій, на различіе костюма, обычаевъ и взаимное отвращеніе другъ отъ друга,—взаимная ненависть побѣдителей и побѣжденныхъ хотя и приводила то тутъ, то тамъ къ кровавымъ дѣйствіямъ и къ безобразному насилію, однако здѣсь никогда правительствомъ не воздвигалось такого всеобщаго гоненія, какъ это бывало въ нѣкоторыхъ христіанскихъ странахъ, какъ напр. въ Испаніи и Франціи—гдѣ предпринимали крестовые походы противъ своихъ согражданъ, обвиняемыхъ въ ереси или въ невѣріи.

Хотя въ Турціи непосредственныя угнетенія еще не перешли границы, но мысль, что магометане властвуютъ надъ христіанами, варвары надъ потомками древнихъ славныхъ эллиновъ, была для послѣднихъ невыносима. Къ этому еще присоединилось другое обстоятельство: греки, отъ природы одаренные лучшими умственными способностями, чаще другихъ народностей Турціи входили въ соприкосновеніе съ западно-европейскою жизнію; ихъ соединяла съ прочими христіанскими народами Турціи одна общая связь христіанской религіи; во всѣхъ этихъ разбросанныхъ племенахъ существовало чувство единства и сознаніе общности ихъ интересовъ—чувство тѣмъ болѣе сильное, что съ развитіемъ въ нихъ промышленности и торговли все болѣе и болѣе увеличивалось между ними и общее благосостояніе. Религія соединяла грековъ съ недалекимъ отъ ихъ отечества, могущественнымъ государствомъ, съ единовѣрною съ ними Россіей. Со временъ Петра Великаго политика Россіи въ отношеніи Турціи была направлена на то, чтобы ослабить ее. Хотя къ цѣли этой Россія стремилась не быстро и не порывисто, но шла неизмѣнно, а съ мира, заключеннаго въ Бухарестѣ въ 1812 году, и во время послѣдующихъ за тѣмъ событій цѣль эта все болѣе и болѣе достигалась. Ко всему этому присоединялось общее пробужденіе народнаго сознанія, или по крайней мѣрѣ гадательное предчувствіе общечеловѣческихъ правъ на участіе въ общихъ благахъ цивилизаціи, вопросы о которыхъ впервые затронуты были могущественнымъ движеніемъ умовъ съ 1789 года; къ этому еще присоединялось для Греціи воспоминаніе о славной эпохѣ своего историческаго прошлаго. Древнія воспоминанія объ эллинской народности и о великихъ подвигахъ эллиновъ опять ожили: и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, Шиллеръ въ своихъ лекціяхъ въ Іенѣ, взывали къ своимъ греческимъ слушателямъ, стараясь пробудить въ нихъ мужество и указывая имъ на прирожденную ихъ обязанность возстановить свободу Греціи, тамъ молодые греки съ энтузіазмомъ слушали лекціи, и то, что тлѣло въ глубинѣ ихъ сердца, также какъ и у большинства ихъ соотечественниковъ, разгоралось въ яркое пламя и дѣлалось неистребимымъ убѣжденіемъ, святою вѣрою.

Стремленіе къ образованію сдѣлалось общимъ между греками; они съ жадностью отыскивали связь настоящаго съ славнымъ прошедшимъ своего отечества и въ созерцаніи его возрастали и укрѣплялись ихъ надежды на будущее. Избранныя, руководящія личности греческаго народа смотрѣли на себя, какъ на истинныхъ прямыхъ потомковъ древнихъ эллиновъ, и этого права у нихъ не могли отнять даже недоброжелательныя изысканія ученыхъ; во всякомъ случаѣ, сомнѣніе на этотъ счетъ не могло поколебать ихъ увѣренности. «Въ 647 олимпіаду», т. е. въ 1809 году основана была на островѣ Корфу іоническая академія и повсюду въ Греціи подобными учрежденіями и напоминаніями старались въ народѣ пробудить мужественный духъ великихъ предковъ. Юношество, ободренное и воспламененное симпатіей, которую положеніе Греціи возбуждало въ цѣлой Европѣ, съ восторгомъ повторяло одушевленныя пѣсни новѣйшаго Тиртея, ѳессалійца Ригаса, который незадолго передъ тѣмъ, въ 1798 году, палъ жертвою турецкой ярости и жестокосердія; греческое ученое общество, существовавшее съ начала XIX столѣтія въ Парижѣ и Аѳинахъ, Гетерія друзей музъ, въ продолженіе Вѣнскаго конгресса пріобрѣло большое значеніе; оно смотрѣло на конгрессъ съ живѣйшею надеждою, ожидало отъ него всевозможныхъ благъ для освобожденія отъ мусульманскаго ига, но подобно многимъ другимъ, обманулось въ своихъ ожиданіяхъ. Изъ этого общества развилось другое политическое общество ѳиликовъ, нѣчто въ родѣ карбонаріевъ съ различными причудливыми знаками и степенями; тутъ были—ученики, жрецы, пастыри, главные пастыри, посвященные, верховно-посвященные. Къ этому обществу присоединились люди

богатые и сильные по своему политическому положенію, такъ, напримѣръ, русскій министръ Іоаннъ Каподистрія, генералъ русской службы князь Александръ Ипсиланти и др. Общество быстро разросталось и члены его распространились по всѣмъ христіанскимъ племенамъ Турецкой имперіи. Главы этого общества и вслѣдъ за ними вся масса грческаго народонаселенія возлагали всѣ свои надежды на императора Александра, котораго окружали предводители этого общества и греческаго народа и который самъ неоднократно выражалъ свое живѣйшее участіе къ добрымъ своимъ грекамъ и много разъ повторялъ, что не умретъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ чего нибудь для своихъ грековъ; по своимъ идеальнымъ стремленіямъ христіанина столько же, сколько и по врожденному сочувствію къ Греціи, какъ русскій, императоръ готовъ былъ помогать своимъ единовѣрцамъ и охотнѣе всего, въ отношеніи ихъ, принялъ бы такое же положеніе, какое приняли въ 1774 году русскіе въ отношеніи христіанскаго народонаселенія придунайскихъ княжествъ при заключеніи кучукъ-кайнарджійскаго мира. Казалось, что Александръ дожидается только благопріятнаго случая, чтобы открыто объявить дѣло Греціи своимъ собственнымъ и освободить угнетенныхъ единовѣрцевъ отъ ига мусульманскаго.

Казалось, благопріятное время для вмѣшательства настало. Греки видѣли, что въ самомъ лагерѣ ихъ притѣснителей начинается несогласіе, и думали воспользоваться для своихъ цѣлей тѣмъ, что завязалась открытая борьба между султаномъ Махмудомъ и его непокорнымъ подданнымъ, пашею янинскимъ «чернымъ Али». Посредствомъ насилія, хитрости, коварства, терпѣнія, мужества, измѣны и всякихъ средствъ безъ разбора, добился Али-паша до высочайшей степени своего могущества; онъ совершенно какъ независимый, самовластный государь управлялъ значительною частью Турціи: Албаніей, Ѳессаліей и частью Македоніи. Подобно египетскому пашѣ Мехметъ-Али, онъ заботился о развитіи промышленности и торговли, заводилъ школы, сдѣлалъ большія дороги безопасными и мѣрами страшной жестокости вводилъ европейскую цивилизацію на почвѣ и въ народѣ, съ которымъ едва бы справился даже Петръ Великій; европейскіе путешественники, преимущественно англичане, посѣщавшіе его въ горномъ замкѣ, удивлялись ему и называли его вновь воскресшимся Пирромъ. Однакожъ наконецъ гордою непокорностью и постоянно увеличивающимся самовластіемъ онъ истощилъ долготерпѣніе султана; надъ непокорнымъ пашею произнесенъ былъ приговоръ, въ мартѣ 1820 года, и снаряжено было сильное турецкое войско, чтобы привести этотъ приговоръ въ исполненіе. Надежда на освобожденіе живѣе возгорѣлась въ грекахъ, когда они убѣдились, что междоусобная борьба между турками началась.

Императоръ Александръ не препятствовалъ князю Александру Ипсиланти стать во главѣ общества Гетеріи. Ипсиланти происходилъ отъ одного изъ знатнѣйшихъ греческихъ семействъ; онъ былъ преданнымъ другомъ любимца царскаго Каподистрія и состоялъ при немъ адъютантомъ. Въ обществѣ Гетеріи обсуждали смѣлыя и даже дерзкія предпріятія. Говорили о Ѳемистоклѣ, Мильтіадѣ, объ Ахиллѣ и Тразивулѣ; была даже рѣчь о нечаянномъ нападеніи на Константинополь: разгоряченные мечтатели въ своихъ лихорадочныхъ фантазіяхъ видѣли возможность—вооружить всѣхъ константинопольскихъ грековъ, взорвать арсеналъ, умертвить султана, когда онъ пойдетъ въ мечеть, и т. п. Но сколько ни горячилась молодежь, болѣе благоразумные люди видѣли, что надобно дѣйствовать, а не шумѣть: рѣшено было начать возстаніе въ придунайскихъ княжествахъ, которые управлялись христіанскими господарями, подъ покровительствомъ Россіи.

Послѣ смерти валахскаго господаря Александра Сутцы, послѣдовавшей въ январѣ 1821 года, валахскій боярин Ѳедоръ Владиміреско возмутилъ нѣсколько деревень на правой сторонѣ Алуты сперва противъ притѣснителей страны, фанаріотовъ, т. е. греческихъ дворянъ и капиталистовъ, изъ среды которыхъ обыкновенно избирались господари. Между тѣмъ какъ Владиміреско пытался завладѣть Букарестомъ, столицей Валахіи, Александръ Ипсиланти, въ мартѣ 1821 года, оставивъ русскую службу, съ своими приверженцами, безъ всякаго препятствія перешелъ Прутъ и занялъ Яссы, главный городъ Молдавіи;

господарь Михаилъ Ситза, самъ принадлежавшій къ обществу Гетеріи, присоединился къ нему. На всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ явились прокламаціи, которыя въ пламенныхъ словахъ призывали эллиновъ къ оружію противъ изнѣженныхъ и слабодушныхъ наслѣдниковъ Дарія и Ксеркса и въ которыхъ очень недвусмысленно выражалась надежда на дѣятельную помощь сосѣдняго могущественнаго государства. Поднято было черное, бѣлое и голубое знамя съ крестомъ и девизомъ: «Подъ этимъ знаменіемъ мы побѣдимъ». У подножія древка его пали первыя жертвы — довольно значительное число турокъ, нечаянно попавшихся въ руки фанатическихъ грековъ. Марта 13, господарь съ незначителенымъ отрядомъ въ 1000 человѣкъ двинулся изъ Яссъ по направленію къ Бухаресту, чтобы, соединившись съ Владиміреско, который тоже объявилъ себя поборникомъ грековъ, дѣйствовать за-одно. Но онъ не съумѣлъ пробудить симпатіи къ дѣлу освобожденія Греціи въ румынскомъ народѣ и между боярами, а надежды на помощь Россіи ни на чемъ не были основаны. У императора Александра не было твердаго намѣренія освободить единовѣрныхъ Россіи грековъ, не было даже и серьезной мысли объ этомъ. На предпріятіе Ипсиланти онъ смотрѣлъ, какъ на юношескую отвагу человѣка благороднаго, но увлекающагося, и онъ снисходительно это высказывалъ, но ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ былъ поддерживать его увлеченія. Когда же Ипсиланти изъ Яссъ написалъ государю письмо и просилъ у него помощи, онъ приказалъ въ отвѣтъ написать, что совершенно не одобряетъ его предпріятія, и велѣлъ выставить ему на видъ, что онъ пошелъ не прямою, законами дозволенной дорогой, поэтому никогда не можетъ разсчитывать ни на помощь императора, ни на его сочувствіе. Отъ 9 апрѣля князю прислано было повелѣніе немедленно возвратиться въ Россію и дать отчетъ въ своихъ поступкахъ, а княжеству Валахіи и грекамъ выраженъ былъ совѣтъ, какъ можно скорѣе положить оружіе и покориться Портѣ. Въ Константинополѣ между тѣмъ принимали мѣры противъ распространенія мятежа, и диванъ отъ 28 марта 1821 года постановилъ и разослалъ повелѣніе, чтобы патріархъ константинопольскій и митрополиты іерусалимскій, кессарійскій, никомидійскій, адріанопольскій и ангорскій произнесли анаѳему надъ возмутившимися князьями и надъ всѣми участниками возстанія. Приказаніе было исполнено; общее уныніе овладѣло приверженцами Ипсиланти и солдаты отъ него бѣжали; валахи съ неудовольствіемъ смотрѣли на возстаніе, они не хотѣли, чтобы страна ихъ сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій, и къ тому же не предвидѣли ничего хорошаго для себя отъ владычества греческихъ господарей. Сербскій князь Милошъ, на помощь котораго крѣпко разсчитывали, велѣлъ арестовать агента Ипсиланти и посадить его въ тюрьму; надежда на Владиміреско тоже не оправдалась: онъ измѣнилъ общему дѣлу; правда, это стоило боярину жизни, но тѣмъ не менѣе все дѣло было испорчено. Паши Ибраила и Силистріи съ соединенными многочисленными турецкими корпусами тѣснили Ипсиланти; онъ отступилъ къ границамъ Трансильваніи. Катастрофа, положившая конецъ возстанію въ княжествахъ, произошла при валахскомъ селеніи Драгечинѣ, 19 іюня 1821 года. Остатки валахскаго корпуса Владиміреско покинули его во время сраженія; Ипсиланти съ печальными обломками своего разбитаго отряда спасся въ австрійскихъ владѣніяхъ, гдѣ его арестовали. Австрійское правительство, всегда отличавшееся недостаткомъ человѣческаго чувства и великодушія къ политическимъ преступникамъ, посадило Ипсиланти въ тѣсную и грязную темницу подъ крышею венгерскаго укрѣпленнаго замка Мункачъ; сначала здѣсь, потомъ въ крѣпости Терезіенштадтѣ влачилъ онъ свои несчастные дни до тѣхъ поръ, пока его въ 1828 году не выпустили; онъ вскорѣ послѣ того умеръ въ Вѣнѣ. Отряды инсургентовъ, державшіеся еще въ Молдавіи, были побѣждены и истреблены послѣ героическаго сопротивленія, и несчастныя княжества испытали на себѣ весь ужасъ кровожадной, мстительной турецкой реакціи; отъ неистовства турокъ ихъ не могло спасти никакое покровительство европейскихъ державъ и Россіи.

Такимъ образомъ окончилась прелюдія къ великой трагедіи; но вліяніе ея на коренное населеніе Греціи было могущественно. Тамъ, въ горахъ Пелопонеза была почва гораздо благопріятнѣе придунайскихъ равнинъ и воинственный элементъ народонаселенія готовъ былъ подняться во всей своей силѣ: народона-

селеніе было подготовлено къ борьбѣ самымъ образомъ жизни; оно состояло изъ пастуховъ, крестьянъ и разбойниковъ, воинственныхъ, закаленныхъ въ трудахъ, привыкшихъ слѣпо повиноваться своимъ патріархальнымъ вождямъ и старшинамъ демогорамъ, исполнять безпрекословно приказанія своихъ священниковъ,— такихъ же бѣдныхъ и невѣжественныхъ, какъ они сами. Нѣкоторыя племена, какъ, напримѣръ, майноты, никогда не были вполнѣ покорены турками. Здѣсь совершенно удовлетворительно дополняли другъ друга два элемента и отъ ихъ согласія зависѣлъ дальнѣйшій успѣхъ: это была партія клефтовъ въ своей воинственной народной непосредственности и полнотѣ и партія гетеристовъ съ своими европейскими понятіями о свободѣ и съ своимъ, хотя нѣсколько искусственно пропробужденнымъ, воспоминаніемъ древне-эллинской славы, но одно и тоже чувство одушевляло обѣ партіи и то, что въ одной вызвано было размышленіемъ, то жило въ другой безсознательно и самобытно во всей своей естественной свѣжести. Подъ предводительствомъ старшины Петроса Мавромихалиса, который происходилъ, какъ самъ онъ хвалился, изъ семейства столько же древняго, какъ и пять вершинъ Тайгета, въ Месенскую долину спустились съ горъ воинственныя разбойническія племена Майны и расположились лагеремъ передъ Каламатой. Въ тоже время въ горахъ Аркадіи поднялась еще горсть людей подъ начальствомъ Колокотрони; и его семейство причислялось къ самымъ древнимъ и славилось тѣмъ, что съ незапамятныхъ временъ ни одинъ изъ Колокотрони не умеръ естественною смертью; внукъ этого Колокотрони сдѣлался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ вождей этой борьбы. Въ это же самое время, въ апрѣлѣ 1821 года возсталъ воинственный архіепископъ патрасскій, Германосъ; на знамени его стояло: «побѣда, или смерть»; это не былъ простой девизъ героя, въ этихъ словахъ съ самаго начала вполнѣ выразилось глубокое и неизмѣнное убѣжденіе; на изгнаніе турокъ изъ Греціи онъ смотрѣлъ какъ на неизмѣнную, неотвратимую необходимость; для достиженія этой цѣли ни какая борьба, никакая жертва не казалась ему лишнею, или слишкомъ тяжелою. Изъ Мореи возстаніе быстро распространилось въ Ливадію и среднюю Грецію. Апрѣля 7 турецкій гарнизонъ принужденъ былъ скрыться въ аѳинской цитадели, въ Акрополисѣ, а 13—Ѳивы уже были въ рукахъ инсургентовъ; еще старшина Одиссей поднялъ своихъ приверженцевъ въ Ѳокидѣ и на горахъ Эты; здѣсь-то 4 мая завязалась битва, которая воскресила память о всѣхъ древнихъ романическихъ геройскихъ подвигахъ эллиновъ; здѣсь на освященной воспоминаніями почвѣ Ѳермопилъ, Аѳанасіосъ Діакосъ долгое время держался съ десятью столько же геройскими товарищами противъ массы во сто разъ сильнѣйшей; наконецъ, весь покрытый ранами, онъ достался въ руки албанца Омеръ Бріона, но и это несчастіе не сломило геройскаго духа и онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ принялъ мучительную смерть. Повсюду вспыхивало пламя возмущенія и въ Ѳессаліи, и въ Македоніи, но важнѣе всего для Греціи было то, что сторону ея приняли острова Архипелага и преимущественно три острова—Гидра, Спеція близъ береговъ Арголиды и Псара близъ Хіоса; эти острова уже давно для защиты своихъ купеческихъ кораблей мало-по-малу снаряжали военный флотъ, чего турки въ своей тупой беззаботности и не замѣтили, теперь же, при началѣ борьбы за независимость, острова могли разомъ выставить 176 военныхъ судовъ, при помощи которыхъ они стали захватывать турецкіе торговые корабли и отъ нихъ разбогатѣли. Съ острова Гидра раздался первый призывъ къ оружію, обращенный ко всѣмъ островамъ Эгейскаго моря; пламенные патріоты переѣзжали съ одного острова на другой и разносили пасхальное привѣтствіе вновь воскресшаго духа свободы Эллады; посредствомъ вліянія богатыхъ купцовъ этого острова, во всемъ возстаніи появился порядокъ и система, которая еще увеличилась черезъ частыя сношенія съ европейскими торговыми учрежденіями и придала больше силы и энергіи и безъ того уже достаточнымъ негоціантамъ.

Извѣстіе о возстаніи Греціи пробудило въ Константинополѣ всю необузданную ненависть и мстительность, къ какой способенъ народъ дикій и варварскій. Казалось бы, это извѣстіе не должно было поразить турокъ неожиданностью, потому что даже самому поверхностному наблюдателю можно было предвидѣть его и у Порты даже было много предупредительныхъ друзей, предостерегавшихъ

ее. Но, по обычаю восточныхъ народовъ, турки съ слѣпою безпечностью предоставили дѣламъ идти своимъ порядкомъ и только теперь, когда возмущеніе охватило все христіанское народонаселеніе Греціи, они встрепенулись и чувство мести въ нихъ заговорило. Первою жертвою этой мести палъ патріархъ константинопольскій Григорій; по окончаніи св. литургіи, въ день Пасхи, 23 апрѣля, кровожадная толпа туровъ ворвалась въ св. храмъ, схватила пастыря церкви во всемъ святительскомъ облаченіи у алтаря, выволокла на паперть и тутъ же въ дверяхъ повѣсила; послѣ того жиды съ неистовыми криками волочили трупъ его по улицамъ города и наконецъ бросили въ море; церкви были ограблены и разрушены; до двухъ сотъ богатыхъ греческихъ купцовъ казнены; безоружное греческое населеніе Константинополя было предано въ руки разъяренной толпы фанатиковъ. Изъ столицы фанатическое неистовство распространилось по областямъ; повсюду турецкая и жидовская чернь бросалась на грековъ, убивала, грабила, неистовствовала и оскверняла церкви. Поминутно описаніе одного ужаса послѣ другаго волновало Европу, уже испуганную первымъ злодѣйствомъ 23 апрѣля; при описаніи того, что произошло въ Смирнѣ, на Кипрѣ и Критѣ, кровь стыла въ жилахъ и волосы становились дыбомъ; эти ужасы съ перваго же раза истребили и искоренили у грековъ всякую мысль о примиреніи; еслибы такое рабское чувство и способно было еще возникнуть послѣ случившагося, всякій, не задумываясь ни на мгновеніе, подавилъ бы его въ себѣ.

Европейскія державы были въ очень двусмысленномъ положеніи. Повсюду съ самаго начала возстанія симпатія всѣхъ европейскихъ народовъ была на сторонѣ грековъ; даже самые закоренѣлые и безчувственные политики не могли отдѣлаться отъ проблеска сочувствія къ грекамъ, не могли заглушить своей совѣсти, какъ это прежде часто бывало, не могли сказать, что и здѣсь своевольная горсть якобинцевъ возстала противъ существующаго порядка; скрѣпя сердце они должны были сознаться передъ самими собою, что здѣсь человѣчество возстало на защиту своихъ правъ отъ ненавистной ужасной тиранніи. Одинъ только Меттерних съ своимъ государемъ еще оставались при прежнемъ образѣ мыслей: они и здѣсь упрямо видѣли проявленіе общей повсемѣстной борьбы якобинцевъ противъ законности, только здѣсь она являлась для нихъ въ новой формѣ; у этихъ своекорыстныхъ и неблагородныхъ людей не было и тѣни симпатіи къ современнымъ страданіямъ.

Они пытались найти предлогъ къ оправданію своего образа мыслей въ томъ положеніи, какое Россія была вынуждена принять, съ первыхъ признаковъ начавшейся войны. А между тѣмъ оно частію было вызвано естественнымъ ходомъ обстоятельствъ: русскій посланникъ Строгоновъ, находился въ Константинополѣ въ очень опасномъ положеніи; каждую минуту можно было ожидать, что разъяренная чернь бросится на него; Порта была очень недовольна тѣмъ, что въ Петербургѣ такъ легко смотрѣли на попытку Ипсиланти; было время, что разрывъ между Турціей и Россіей казался неизбѣжнымъ и со дня на день ожидали объявленія войны. На вопросы о спорныхъ пунктахъ со стороны Россіи, вызванные натянутымъ положеніемъ обѣихъ державъ другъ къ другу, Турція отвѣчала заносчиво и отказалась отъ объясненій. Русскій посланникъ прервалъ всѣ сношенія съ Портою; съ той и другой стороны занялись приготовленіями къ войнѣ; въ ультиматумѣ отъ 28 іюня, поданномъ въ Константинополѣ 18 іюля 1821 года, между прочимъ, произнесена была фраза, выражавшая сокровенную мысль тогдашней политики; спрашивалось: «возможно ли дальнѣйшее существованіе Турціи на ряду съ прочими европейскими державами.» Франція и Пруссія еще воздерживались отъ всякаго вмѣшательства; но Австрія и Англія, сознавая ужасную опасность, поспѣшили потушить тлѣющее пламя и склонили Порту къ уступчивости. Современныя, или очень не задолго предшествовавшія возстанію Греціи, революціи въ Неаполѣ, Піемонтѣ и Испаніи подали императору Александру причину или предлогъ отказать въ своей помощи народу, который на него одного надѣялся.—«Отчего бы имъ не подождать?» спросилъ императоръ графа Каподистрія. — «Государь, когда страдаешь, тогда нельзя выбирать, въ какое мгновеніе лучше всего освободиться; они христіане и погибаютъ мучени-

ческою смертью.» — «Я въ несчастныхъ обстоятельствахъ, прервалъ его императоръ; они мнѣ мѣшаютъ слѣдовать влеченіямъ моего сердца и моей вѣры.»

Итакъ, греки были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Началась борьба, исполненная высокаго и ужаснаго трагизма, новая Иліада, переполненная романтическаго интереса. Три скалистыхъ острова и нѣсколько горныхъ областей вступили въ борьбу съ исполинскимъ государствомъ; на сторонѣ грековъ не было почти никакихъ регулярныхъ войскъ и оборонительныхъ силъ; сегодня разбойники и пастухи становились завтра воинами, которые день пируютъ и утопаютъ въ роскоши отъ награбленной добычи, а потомъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ питаются двумя-тремя оливками и кускомъ маисовой лепешки; въ одномъ мѣстѣ возстаніе кажется подавленнымъ подъ грудами пепла и залито потоками крови, но за то пламя его еще ярче вспыхиваетъ въ сотнѣ другихъ мѣстъ; подобно эпизодамъ изъ гомерическихъ разсказовъ, и здѣсь съ ожесточеніемъ бьются изъ-за того, чтобы изъ вражескихъ рукъ вырвать трупъ друга, брата, или добыть голову врага, чтобы съ нею, какъ съ признакомъ побѣды, возвратиться домой; передовые посты враждебныхъ сторонъ сходятся для того, чтобы мирно поболтать другъ съ другомъ, или чтобы обмѣняться жизненными припасами. Передъ началомъ битвы на жизнь и смерть враги вызываютъ другъ друга насмѣшками и оскорбленіями. Тутъ попеременно бывали примѣры дикой ненависти и рыцарскаго великодушія, ребяческой непокорности и вѣрности до гроба, героической отваги, достойной безсмертной славы, и постыдной трусости. Иногда при возгласѣ «турки идутъ» тысячи разбѣгались съ безумною торопливостью; въ другой разъ десятки отважныхъ выдерживали сраженіе съ сотнями регулярныхъ турецкихъ солдатъ; тутъ бились горные пеликары въ своей живописной одеждѣ, сѣдые старшины и рядомъ съ ними европейскіе волонтеры, приверженцы революціи и свободы во фракахъ, въ сюртукахъ и съ очками на носу. Первый годъ войны прошелъ довольно удачно для грековъ. На морѣ флотъ ихъ, руководимый совѣтомъ, засѣдавшимъ на Гидрѣ, рѣшительно одерживалъ верхъ надъ турецкимъ; 18 іюня ихъ брандеры нанесли много вреда, а 11 октября турецкій флотъ близъ Занты былъ разбитъ на голову греческимъ. На сухомъ пути въ турецкомъ войскѣ показались признаки робости, когда возстаніе одинаково разгорѣлось на всѣхъ точкахъ Греціи; оно удалилось, для большей безопасности, въ крѣпости. Въ іюнѣ прибылъ въ греческій лагерь подъ Триполицей Димитрій Ипсиланти, братъ Александра; онъ привезъ съ собою 50 человѣкъ отлично вооруженныхъ волонтеровъ и значительныя денежныя суммы; народъ встрѣтилъ ихъ, какъ своихъ избавителей и предводителей; Ипсиланти немедленно провозглашенъ былъ архистратегомъ. Съ этихъ поръ война, хотя безъ опредѣленнаго плана, ведена была энергически. Монембазія и Наваринъ пали подъ натискомъ грековъ въ августѣ; самое главное мѣсто на Пелопонезѣ была Триполицца, куда стянулось турецкое войско. Попытки взять городъ приступомъ не удались; но послѣ довольно продолжительной, хотя и не регулярной осады, которую греки вели то очень энергически, то довольно вяло, крѣпость все-таки дошла до своего паденія. Толпа, жадная до грабежа, горѣла нетерпѣніемъ; начались было переговоры, но горсть отважныхъ совсѣмъ неожиданно рѣшилась на приступъ, 5 октября, и взяла городъ; трое сутокъ въ немъ неистовствовали разгоряченные местью и грабежомъ полуразбойническіе пеликары; доверху навьюченные верблюды, мулы и женщины, изнемогавшія подъ тяжестью, увозили и уносили добычу въ горы. Къ концу октября въ рукахъ турокъ оставались на Пелопонезѣ только Патрасъ, Ріонъ, Модонъ, Коронъ, Навплія и акрополь Коринѳа.

Гораздо нерѣшительнѣе велась война въ 1822 году. Прежде всего надобно было, для освобождающейся страны, составить правительство и всему возстанію дать болѣе стройную форму. Димитрій Ипсиланти и князь Александръ Маврокордато, который на твердой землѣ въ западной части средней Греціи былъ начальникомъ возстанія, вошли между собою въ сношенія и составили національный конгресъ изъ представителей освобожденныхъ областей; сначала конгресъ собрался въ Аргосѣ, потомъ перенесенъ былъ въ Піаду, близъ древняго Эпидавра. Здѣсь-то, 1 января 1822 года, была торжественно провозглашена независимость Греціи

«передъ Богомъ и людьми, посредствомъ органовъ ея законныхъ представителей, собранныхъ волей народа и засѣдающихъ въ этомъ народномъ конгресѣ.» Временное правительство должно было состоять изъ директоріи, составленной изъ пяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ мудраго и дальновиднаго Маврокордато; передъ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ Ипсиланти отступилъ на второй планъ; законодательная власть была предоставлена собранію 70 народныхъ представителей подъ предсѣдательствомъ Димитрія Ипсиланти. Столько же необходима, сколько конституція Эпидавра—органическій статутъ Греціи,—была организація правильныхъ военныхъ силъ. Образовался первый регулярный полкъ тактиковъ; вслѣдъ за нимъ корпусъ филэллиновъ, любителей эллиновъ, составленный изъ европейскихъ волонтеровъ, подъ начальствомъ виртембергскаго генерала Норманна; во время войны съ Наполеономъ, онъ во французской арміи командовалъ кавалерійскою бригадою; но подъ Лейпцигомъ съ своимъ отрядомъ перешелъ на сторону союзниковъ и этимъ заслужилъ немилость своего государя; теперь же Норманнъ, вмѣстѣ съ другими 46 офицерами, высадился въ Наваринѣ, 7 февраля, на почву Греціи съ тѣмъ, чтобы сражаться за ея свободу.—Но дѣло освобожденія пострадало отъ паденія Али-паши янинскаго; онъ хотя и не содѣйствовалъ грекамъ открыто, но между этимъ корыстолюбивымъ и самовластнымъ деспотомъ и предводителями греческаго возстанія все-таки существовалъ нѣкотораго рода союзъ. Значительное войско, отряженное противъ паши, осужденнаго султаномъ, далеко превосходило его военныя средства и поэтому оттѣснило его въ скалистый замокъ Янину и держало его тамъ въ бездѣйствіи, какъ дикаго звѣря, обойденнаго охотниками въ логовищѣ. Когда у него осталась одна только небольшая толпа воиновъ, онъ удалися въ одну изъ башень замка, твердо рѣшившись, въ случаѣ крайности, взорвать себя на воздухъ, вмѣстѣ со всѣми своими громадными сокровищами. Но 84 лѣтняго старика, опытнаго въ искусствѣ притворства, все-таки побѣдила и обольстила любовь къ женщинѣ и желаніе жить для любви; онъ поддался обманчивымъ обѣщаніямъ помилованія и, ослѣпленный ими, рѣшился покинуть свою лисью нору; въ то мгновеніе, когда онъ, 5 февраля 1822 года, договаривался съ однимъ изъ офицеровъ, присланныхъ его побѣдителемъ Черчидъ-пашею, паша былъ пораженъ смертельнымъ ударомъ. Его отрѣзанная голова была отослана въ Константинополь и, къ неописанному восторгу османской черни, выставлена у порога сераля. Между тѣмъ побѣдитель Али-паши еще около полугода употреблялъ свое войско противъ Суліотовъ и ихъ храбраго вождя Марко Боцариса, одного изъ союзниковъ Али-паши въ средней Греціи; здѣсь возстаніе шло успѣшно: Акрополисъ Аѳинъ тоже былъ уже въ рукахъ греческихъ патріотовъ. Но Турція не оставалась въ бездѣйствіи; вскорѣ весь христіанскій міръ содрогнулся отъ невыразимо отвратительнаго злодѣянія, совершоннаго османами на островѣ Хіосѣ. Турецкій флотъ, подъ начальствомъ капуданъ-паши Кара-Али, съ сильнымъ десантнымъ отрядомъ направился къ этому богатому и отлично расположенному острову, который до сихъ поръ открыто еще не принималъ участія въ возстаніи. Незначительное число греческихъ судовъ, стоявшихъ въ гавани, при первомъ появленіи сильнаго турецкаго флота снялись съ якорей и поспѣшно ушли въ открытое море. Самосское войско, подъ начальствомъ Логотетиса, отошло во внутреннія части острова. Около 7000 турокъ высадились на берегъ и неистовствовали и упивались кровью, какъ хищные звѣри, въ городѣ и деревняхъ; тутъ произошло такое страшное кровопролитіе, о какомъ западная Европа въ эпоху своихъ фанатическихъ истребленій все-таки не имѣла и отдаленнаго понятія; погибшимъ счету не было: почти все народонаселеніе острова, состоявшее изъ 100,000 человѣкъ, было убито, потоплено, или продано въ неволю; бѣжало только нѣсколько тысячъ человѣкъ, скрылось и спаслось на островѣ, какимъ-то чудомъ, не болѣе сотни, другой; это случилось въ апрѣлѣ. Турецкій флотъ еще стоялъ передъ Хіосомъ; 18 числа два греческихъ брандера, подъ командою отважныхъ Константина Канариса и Георгія Пепина, прокрались незамѣтно къ флоту и имъ удалось поджечь адмиральскій корабль; эта удача хотя нѣсколько удовлетворила чувству мести. Злодѣй паша, направлявшій неистовство своихъ кровожадныхъ полчищъ, находился на своемъ кораблѣ; онъ давалъ блистательный и роскошный праздникъ начальникамъ сухопутныхъ дес-

сантныхъ войскъ; корабль былъ ярко освѣщенъ, начиная отъ самыхъ мачтъ до палубы; въ ту минуту, когда пиръ былъ въ полномъ разгарѣ, брандеръ поджегъ корабль и онъ взлетѣлъ на воздухъ болѣе чѣмъ съ 2000 человѣкъ. Турецкій флотъ съ ужасомъ поднялъ якорь и ушелъ въ Дарданеллы. Участь Греціи на материкѣ, казалось, тоже свершилась и всѣ ея надежды погибли: греческое войско, спѣшившее на помощь Суліотамъ, отъ 3 до 4000 человѣкъ, подъ начальствомъ Маврокордато, потерпѣло жесточайшее пораженіе отъ Омеръ Бріоне, въ западной Элладѣ, близь селенія Пета, недалеко отъ Арты; одна треть полка тактиковъ легла на мѣстѣ сраженія, а около трехъ четвертей остальнаго войска тоже осталось на полѣ битвы; остальные разбѣжались и скрылись, кто куда могъ. Въ тоже время паша Дрома, Махмудъ, приближался съ сѣвера съ многочисленнымъ и хорошо вооруженнымъ войскомъ; онъ, какъ новый Ксеркъ, прошелъ Ѳермопилы; полчища его гибелью пронеслись по долинѣ Кеѳиса, по Віотіи и черезъ Аттику. Но турки не подоспѣли во время, чтобы предупредить взятіе аѳинскаго Акрополиса; паша не останавливался за такою мелочью и повелъ свой разрушительный потокъ дальше въ Пелопонезъ, чтобы подавить возстаніе въ самомъ его центрѣ: казалось, ничто не могло противиться этому ополченію. Но въ этой странѣ и въ этой войнѣ невѣроятное и невозможное чаще всего случались: въ минуту самой большой удачи, у турокъ явились два непобѣдимыхъ препятствія—болѣзни и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; этимъ воспользовались отдѣльные греческіе отряды и вновь осадили уже оставленный было Акрокоринѳъ и Аргосъ; когда же турецкое войско начало отступать, рои клефтовъ тучами носились вокругъ него и надоѣдали и вредили ему на сколько можно было; весь обозъ, навьюченный на безчисленное множество лошадей, верблюдовъ, муловъ и т. п. вьючныхъ животныхъ, достался въ руки клефтовъ, а 8 декабря и самъ паша, послѣ болѣзни, умеръ въ Коринѳѣ.

Пораженіе, вынесенное въ западной части Эллады, опять частію было поправлено геройскими подвигами нѣкоторыхъ вождей. Маврокордато съ 25 воинами, Маркъ Боцарисъ съ 35—спасаясь отъ истребленія—скрылись въ Миссолунги, крѣпость въ сѣверо-западномъ углу Коринѳскаго залива; здѣсь они рѣшились держаться до послѣдней крайности и умереть, но не сдаваться. Чтобы обмануть бдительность враговъ, они начали вести переговоры съ Омеръ-Бріоне и съ Юсуфъ-пашею, а между тѣмъ ловко провезли въ городъ съѣстныхъ припасовъ, нѣкоторое вспомогательное войско и три-четыре пушки; 360 клефтовъ съ своею недостаточною артиллеріею, однакожь, со славой отбили напоръ 11,000 турецкой арміи; она принуждена была поспѣшно снять осаду и удалиться, 12 января 1823 года, оставивъ грекамъ и лагерь и запасы.

Такимъ образомъ, благодаря непобѣдимому мужеству и терпѣнію, греки спаслись отъ конечной гибели, которая въ глазахъ Европы казалась неизбѣжной. Между тѣмъ какъ союзные монархи на конгрессѣ въ Веронѣ оставались глухи къ мольбамъ отчаянныхъ страдальцевъ и даже не приняли посланниковъ ихъ, графа Метаксаса и француза Журдена, не захотѣли выслушать ихъ, все народонаселеніе Европы съ трепетомъ живѣйшаго сочувствія слѣдило за всѣми случайностями этой неравной борьбы: въ Германіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи, Нидерландахъ, Англіи и Россіи составлялись общества для вспомоществованія грекамъ, повсюду собирались пожертвованія, при помощи которыхъ снаряжали одушевленныхъ волонтеровъ, или безпокойныхъ искателей приключеній, которые спѣшили въ Грецію, чтобы защищать классическую почву свободы. Самый знаменитый изъ волонтеровъ, готовыхъ умереть за свободу Греціи, былъ уже прославившійся англійскій поэтъ лордъ Байронъ; онъ въ 1824 году 5 января прибылъ въ Мессолунги.

1823 годъ прошелъ безъ особенно замѣчательныхъ военныхъ событій. Несчастные греки были истощены войною, кромѣ того самымъ плачевнымъ образомъ обнаружилась ихъ неспособность къ политической самобытной жизни; ясно выказалась невозможность учредить на законахъ основанное правленіе, установить дѣятельную, единую руководящую силу, такъ необходимую для успѣшнаго хода и окончанія великаго дѣла освобожденія. Въ Пелопонезѣ внутреннія несогласія дошли даже до междоусобной борьбы; правительство не имѣло никакого един-

ства, оно было безсильно, безъ правильно организованнаго войска и безъ денегъ. Не было конца зависти, раздорамъ и спорамъ между различными партіями и международнымъ греческимъ и франкскимъ началомъ, не предвидѣлось счастливаго исхода нескончаемымъ претензіямъ отдѣльныхъ старшинъ. Но, кто знаетъ, можетъ быть въ этомъ-то броженіи и несогласіи, вмѣстѣ съ природой страны, лежалъ зародышъ силы и продолжительности этого своеобразнаго движенія; надобно замѣтить, что самая безнадежная и самая отчаянная борьба обыкновенно бываетъ съ горцами, привыкшими къ анархіи. Тутъ для турокъ на яву повторился бой Геркулеса съ гидрой: едва имъ удавалось срубить одну голову, какъ тамъ, въ этихъ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ и въ неисходномъ морѣ острововъ, тотчасъ выростало семь новыхъ головъ; только послѣ полнаго поголовнаго истребленія всего народонаселенія Греціи турки могли бы покорить ее. Но при совершенномъ распаденіи османскаго государственнаго организма, на это у султана не доставало ни средствъ, ни энергіи; положеніе дѣлъ въ Турціи было таково, что въ концѣ 1823 года, султанъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ средству, которое для него было и хуже, и опаснѣе того зла, противъ котораго онъ рѣшался употребить его: дѣла были такъ запутаны, что султанъ принужденъ былъ рѣшиться искать помощи у самаго могущественнаго изъ своихъ васалловъ, у паши египетскаго, Мехмета-Али.

Египетскій паша Мехметъ-Али родился въ одномъ македонскомъ городкѣ; достигнувъ званія паши, онъ какъ вѣрный слуга Порты, управлялъ Египтомъ, этой страной, какъ бы самой природой предназначенной существовать самобытно; своими благоразумными и осмотрительными дѣйствіями, паша мало-по-малу достигнулъ значительной степени могущества; еще въ 1818 году ему удалось оказать султану значительную услугу: онъ покорилъ воинственную секту ваггабитовъ въ Аравіи, противъ которой султанъ велъ долгую, успѣшную войну; паша разбилъ ихъ при Дайяре. Но чѣмъ болѣе власть паши распространялась, чѣмъ болѣе онъ привыкалъ повелѣвать, тѣмъ менѣе умѣлъ повиноваться. Онъ въ Египтѣ основалъ самостоятельное управленіе, по образцу европейскому; въ теченіе своего 15-лѣтняго правленія онъ учредилъ не только администрацію на европейскій ладъ, но и при помощи французскихъ офицеровъ и искателей приключеній сформировалъ, вооружилъ и обучилъ войско на образецъ обще-европейскій. Не смотря на это онъ все еще былъ недоволенъ, все еще не видѣлъ себя у цѣли.

Во время войны султана съ греческими инсургентами паша до сихъ поръ только исполнялъ то, что долженъ былъ исполнять, но ни на волосъ не больше; теперь же, въ своемъ стѣсненномъ положеніи, султанъ принужденъ былъ обратиться съ просьбою о помощи къ своему вассалу и тѣмъ открывалъ для него обширное поприще честолюбивыхъ замысловъ и надеждъ. Паша отправилъ 6000 войско на островъ Критъ и подавилъ тамъ возмущеніе. Въ январѣ 1824 года великая Порта возвела Ибрагима, пасынка египетскаго паши, въ званіе паши Морейскаго, но съ тѣмъ, чтобы онъ самъ завоевалъ себѣ пашалыкъ. Въ Египтѣ дѣлались большія военныя приготовленія; снарядили флотъ изъ 54 военныхъ судовъ и приготовили дессантный корпусъ въ 18,000 человѣкъ; предполагалось двинуть эту армію со стороны Крита, сперва на три острова, достигшіе гегемоніи на Архипелагѣ, покорить ихъ и потомъ уже приняться завоевывать Пелопонезъ. Но дѣло не такъ скоро дѣлалось, какъ того желали Порта и Египетъ. Соединенный турецко-египетскій флотъ, правда, успѣшно напалъ на островъ Псара и покорилъ его; участь, постигшая народонаселеніе, была ужасна: доля, выпавшая 600 румеліотамъ, была, сравнительно, лучшая: они двое сутокъ упорно защищались въ укрѣпленномъ монастырѣ Гигіосъ-Николаосъ; они уже истощили всѣ средства отчаяннаго сопротивленія; когда наконецъ пришлось покориться, тогда въ то мгновеніе, когда турки ворвались въ монастырь, они взорвали его на воздухъ и погибли вмѣстѣ съ своими побѣдителями. Греческій флотъ, подъ начальствомъ искусныхъ и опытныхъ наварховъ, Міаулиса и Сатуриса, дѣйствовалъ такъ удачно въ хорошо знакомомъ ему Эгейскомъ морѣ, что турецко-египетскій флотъ не могъ ни разу подойти къ берегамъ Мореи, ему даже издали не удалось посмотрѣть на цѣль своихъ дѣйствій; пришлось отказаться отъ плана побѣдить грековъ въ этомъ году и завоевать Морею; флотъ принужденъ былъ, безъ тѣни успѣха, возвратиться на

Критъ. Греческіе корабли отрѣзали египетскому флоту путь къ азіатскимъ берегамъ, которыхъ собрались десятки тысячъ, прямо противъ Самоса, въ тревожномъ ожиданіи, чтобы при удачномъ нападеніи флота воспользоваться возможностью напасть на островъ и предать его огню и мечу; въ виду этой собравшейся массы кровожаднаго скопища, греческіе корабли не только отрѣзали возможность египетскому флоту приблизиться къ Самосу, но даже удачно пустили два брандера въ рядъ непріятельскихъ кораблей и взорвали два-три изъ нихъ на воздухъ и тѣмъ какъ бы немного отомстили за опустошеніе Псары.

Не смотря на возраставшую для грековъ опасность отъ вмѣшательства египетскаго паши, у нихъ все-таки не являлось единства дѣйствія, совокупнаго, отчаяннаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ, для достиженія одной великой, живительной цѣли. Каждый изъ патріотовъ долженъ былъ полагаться только на свои собственныя силы. «Что намъ дѣлать, однажды въ полномъ отчаяніи воскликнулъ одинъ греческій наварх въ виду египетско-турецкаго флота: гдѣ совладать маленькой собаченкѣ съ двумя огромными тиграми!» Время, которое можно бы было съ пользою употребить противъ недѣятельнаго и лѣниваго врага, греческіе старшины истратили на безполезныя распри между собою и на постыдную междоусобную войну: островитяне, морейцы и жители средней Греціи враждовали другъ противъ друга; во главѣ правленія стоялъ въ эту пору президентъ Кондуріотисъ; противъ него явно возмутился старый Колокотрони. Такимъ образомъ греки пропустили удобное время и возможность овладѣть укрѣпленными мѣстами Патрасъ, Коропъ и Модонъ, послѣдніе, которые еще до сихъ поръ оставались въ рукахъ турокъ на Пелопонезскомъ полуостровѣ; когда же, въ началѣ 1825 года, возмущеніе было подавлено, было уже слишкомъ поздно и не оставалось надежды овладѣть ими.

Пользуясь зимними непогодами, Ибрагимъ-паша, пасынокъ Мехметъ-Али, отъ Крита вышелъ въ море съ флотомъ и съ дессантными войсками, явился у югозападныхъ береговъ Мореи, высадился близъ Модона, снялъ осаду съ Патраса и занялъ Наварринъ; такимъ образомъ, въ глазахъ удивленныхъ зимнимъ походомъ и смущенныхъ грековъ, онъ удачно выполнилъ двѣ задачи. На морѣ однакожь и въ 1825 году греки были счастливы; ихъ флотъ дерзко проникалъ до береговъ Египта, былъ передъ Александріей съ смѣлымъ намѣреніемъ воспрепятствовать снаряженію новаго флота и съ желаніемъ по возможности истребить его. Это не удалось, но за то на морѣ съ каждымъ днемъ развивалась анархія; морскіе разбои усиливались; страшная война истребленія тянулась все болѣе и болѣе; съ каждымъ годомъ увеличивалось число людей безсемейныхъ, бездомныхъ, исполненныхъ ненависти къ туркамъ и къ человѣчеству, ожесточенныхъ, но хорошо знакомыхъ со всѣми закоулками и малѣйшими гаванями этого прихотливо усѣяннаго островами моря; это особенно содѣйствовало развитію морскаго разбоя. Европейская, особенно австрійская левантская торговля преимущественно страда. а отъ этихъ морскихъ разбойниковъ; значительныя потери ясно указывали европейскимъ державамъ на вредъ, который происходитъ даже для нихъ самихъ отъ того, что дѣло это такъ долго тянется. Появились ясные признаки того, что ихъ безхарактерная политика бездѣйствія здѣсь не можетъ оставаться въ прежней силѣ.

Египетскія войска между тѣмъ отъ береговъ двинулись внутрь страны, опять овладѣли Триполицей, проникли до Навпліи, но въ нерѣшительности остановились передъ этимъ городомъ: они опасались, какъ бы начальникъ наблюдательнаго англійскаго флота, расположеннаго передъ этимъ городомъ, Гамильтонъ, не вздумалъ вмѣшаться въ дѣло. Военныя дѣйствія опять удалились отъ Навпліи къ Триполицѣ; здѣсь Колокотрони, освободившійся изъ заточенія, съ своими приверженцами держалъ египетскія войска въ почтительномъ отдаленіи; однакожь, какъ бы то ни было, но сильный египетскій корпусъ такимъ образомъ оставался въ сердцѣ Пелопонеза. Ибрагимъ-паша съ неумолимою жестокостію продолжалъ свой планъ полнаго, окончательнаго истребленія греческаго народа, и еслибы онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы довести начатое дѣло губительства до конца, то полумѣсяцъ засіялъ бы надъ почвой, совершенно опустошенной, надъ страной лишенной жителей.

Главныя военныя дѣйствія турокъ, подъ начальствомъ виддинскаго паши, Мехметъ-Решида, сосредоточились въ средней Греціи; послѣ нѣсколькихъ столкновеній, съ перемѣннымъ счастіемъ, въ восточной части, онъ опять, во второй разъ, съ мая 1825 года, осадилъ и съ суши, и съ моря Миссолунги. Эта осада привлекла на себя вниманіе и сочувствіе цѣлой Европы; здѣсь рѣшалась судьба Греціи. Даже турецкое правительство такъ смотрѣло на нее и изъ Константинополя пришло строжайшее предписаніе взять городъ, во что бы то ни стало: для большей ясности говорилось въ предписаніи сераскиръ-пашѣ при передачѣ ему главнаго начальства надъ арміей, или «чтобы Миссолунги пала, или собственная голова его.» Но турки не отличались искусствомъ въ осадѣ крѣпостей; со стороны моря она не подвигалась ни на шагъ, а съ суши, къ 25 іюля, дошли только до того, что могли рѣшиться испытать приступъ. Но этотъ штурмъ и второй, повторившійся на слѣдующій день, были отбиты и всѣ предложенія о капитуляціи твердо отвергнуты; 2 августа былъ опять приступъ; сражались отчаянно и турки опять были обращены въ бѣгство, оставивъ за собою большое количество убитыхъ на брешахъ. На слѣдующее утро разнеслась по городу вѣсть, что съ башень Миссолунги увидѣли греческій флотъ и съ нимъ обмѣнялись сигналами, вскорѣ послышались пушечные выстрѣлы съ юго-западной стороны; выстрѣлы повторялись; турецкій флотъ тоже закопошился и, за исключеніемъ нѣсколькихъ судовъ, покинулъ рейдъ; на слѣдующій день не оставалось болѣе сомнѣній, и надежда оживила сердца осажденныхъ: когда утренній туманъ упалъ, показались сорокъ мачтъ греческаго флота; онъ шелъ прямо въ гавань. Такимъ образомъ городъ со стороны моря былъ освобожденъ; съ кораблей спокойно выгружали огромное количество боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ; но за то съ суши осада тѣмъ дѣятельнѣе продолжалась. Но не смотря на всѣ свои старанія, турки не подвигались ни на шагъ; 27 октября они принуждены были оставить шанцы и осаду крѣпости превратить въ блокаду. Между тѣмъ въ Мореи всякое сопротивленіе было уничтожено и во второй половинѣ ноября въ водахъ Миссолунги опять появился большой турецко-египетскій флотъ. Решидъ-паша опять ободрился, подступилъ къ городу и занялъ свою прежнюю позицію; осада и обстрѣливаніе вновь оживились, а 25 декабря въ первый разъ передъ городомъ съ суши явилось египетское войско. То, чего турки одни не могли выполнить, надѣялись удачно исполнить соединенныя турецко-египетскія войска, подъ командою двухъ лучшихъ въ тогдашнее время полководцевъ османской имперіи; Ибрагимъ-паша, прибывшій изъ Морен, хвалился, что онъ въ нѣсколько дней возьметъ этотъ заборъ, какъ онъ съ презрѣніемъ называлъ укрѣпленія Миссолунги.

Между тѣмъ случилось происшествіе, которому, вмѣстѣ съ возраставшимъ ропотомъ общественнаго мнѣнія западной Европы, суждено было измѣнить теченіе дѣлъ греческаго народа. Императоръ Александръ, тревожно слѣдившій за ходомъ дѣлъ въ Греціи и не рѣшавшійся отдаться влеченію своего сердца, скончался 1 декабря (т. е. 19 ноября) 1825 года. Онъ предпринялъ путешествіе въ Крымъ, куда провожалъ императрицу, но въ Таганрогѣ, на Азовскомъ морѣ, захворалъ желчной лихорадкой; въ началѣ болѣзни онъ отказывался отъ всякаго медицинскаго пособія, пока болѣзнь до того не усилилась, что сдѣлалось поздно лѣчить ее, и онъ скончался. На престолѣ русскаго царства сѣлъ новый государь; отъ его взгляда на греческій вопросъ зависѣла дальнѣйшая судьба этого народа.

2. Россія. Продолженіе греческой борьбы за независимость.

Императоръ Александръ I не оставилъ послѣ себя сына, прямаго наслѣдника престола; самыя большія права имѣлъ братъ его, второй сынъ императора Павла I, великій князь Константинъ Павловичъ. Онъ въ супружествѣ былъ съ принцессою кобургскою, но съ 1820 года былъ съ нею разведенъ и находился въ морганатическомъ бракѣ съ польскою графинею Ловичъ; дѣти отъ такого брака, по кореннымъ русскимъ законамъ, лишались правъ на престолъ. Поэтому и для Константина Павловича царскій вѣнецъ не былъ привлекателенъ; къ тому же,

онъ не чувствовалъ въ себѣ ни призванія, ни достаточной силы характера, ни достаточной подготовки, чтобы взять на себя непосильный трудъ управленія громаднымъ государствомъ; онъ еще въ 1822 году рѣшился не брать на себя этой тяжести и ясно, и формально въ законно-выраженной формѣ написалъ отреченіе отъ своихъ правъ на престолъ. Это отреченіе принялъ императоръ Александръ I, утвердилъ его и манифестомъ назначилъ своего втораго брата великаго князя Николая Павловича, законнымъ наслѣдникомъ престола. Этотъ, въ высшей степени важный актъ, не извѣстно по какимъ причинамъ, не былъ обнародованъ; онъ былъ написанъ въ трехъ экземплярахъ и положенъ на храненіе: въ архивъ государственнаго совѣта, въ петербургскій сенатъ и въ московскомъ успенскомъ Соборѣ; а между тѣмъ во всей Россіи на великаго князя Константина Павловича смотрѣли, какъ на наслѣдника престола. Люди находившіеся близко къ императору Александру, указывали ему на опасность, какая заключается въ томъ, если не обнародовать во время акта отреченія. На это императоръ отвѣчалъ: «Это дѣло надобно предоставить волѣ Божіей. Онъ лучше насъ смертныхъ знаетъ, какъ устроить дѣла.»

Извѣстіе о кончинѣ государя какъ громомъ поразило жителей Петербурга; великій князь Николай Павловичъ немедленно заставилъ гвардію присягнуть Константину Павловичу, какъ законному наслѣднику; этому примѣру послѣдовали чиновники, все остальное войско и весь русскій народъ; а между тѣмъ, у Константина Павловича не было и помышленія о томъ, чтобы измѣнить свое рѣшеніе, и какъ главнокомандующій и намѣстникъ царства Польскаго, онъ въ Варшавѣ провозгласилъ императоромъ своего младшаго брата великаго князя Николая Павловича и привелъ къ присягѣ въ такомъ смыслѣ войско и народъ. Между тѣмъ открыли завѣщаніе покойнаго императора; Константинъ Павловичъ еще разъ подтвердилъ свое отреченіе и съ этимъ извѣстіемъ отправилъ въ Петербургъ своего младшаго брата в. к. Михаила Павловича. Послѣ долгаго сопротивленія, Николай Павловичъ долженъ былъ рѣшиться принять вѣнецъ, котораго онъ не желалъ и не добивался: но онъ доказалъ, что умѣетъ носить этотъ вѣнецъ, и ему выпалъ жребій занять одно изъ значительнѣйшихъ мѣстъ во всемірной исторіи текущаго столѣтія.

Императоръ Николай родился 25 (13) іюня 1796 года. Онъ получилъ воспитаніе преимущественно военное, потому что приготовлялся быть военачальникомъ, а вовсе не правителемъ государства; онъ въ супружествѣ былъ съ прусскою принцессою, дочерью Фридриха Вильгельма III, Шарлоттой, которая при вступленіи въ русскій императорскій домъ перешла въ греко-россійское вѣроисповѣданіе и приняла имя Александры Ѳедоровны. Новый императоръ и на престолѣ сохранилъ спартанскую простоту и строгость, дѣятельность и готовность къ труду; въ его природѣ не было мечтательнаго, идеальнаго стремленія, не было желанія рисоваться и нравиться. Онъ принялъ престолъ съ какимъ-то чувствомъ покорности судьбѣ, какъ тяжкую обязанность, которую налагаютъ на него обстоятельства и къ которой не чувствуетъ въ себѣ склонности. Печальная необходимость принудила его, съ самаго начала царствованія, прибѣгнуть къ мѣрамъ строгихъ наказаній.

Зло тайныхъ обществъ, признакъ политической незрѣлости, распространилось и въ Россіи; зло это отъ чрезмѣрной, опасливой строгости правительства нигдѣ не искоренялось, но напротивъ только внѣдрялось и разросталось, какъ развивается болѣзнь подъ неумѣлыми и неловкими руками доктора. Тайныя общества расползались по Россіи, какъ сорная трава, особенно между молодыми офицерами и чиновниками, между которыми недовольство общественнымъ порядкомъ господствовало, какъ модная болѣзнь. Западно-европейскія мечтательныя требованія и теоріи, сами по себѣ темныя и загадочныя, окольными путями и сильно затемненныя, проникали въ Россію, по большей части въ искаженномъ видѣ. При подвижности славянскаго характера, при чувствѣ неудовлетворенныхъ, мечтательныхъ воззрѣній, у иныхъ вслѣдствіе неудовлетвореннаго, чрезмѣрнаго честолюбія, у болѣе благородныхъ и возвышенныхъ натуръ по чистому благородному стремленію къ общечеловѣческимъ идеямъ, родилась мысль мечтать о конституціонной и у многихъ даже о республиканской формѣ правленія; всѣ эти теоріи и мечты обсу-

живались въ тайныхъ обществахъ; но ни въ одномъ изъ нихъ не было яснаго, фактическаго пониманія отношеній и истинныхъ потребностей народа и потому ни въ одномъ изъ нихъ не составилось сообразнаго съ нуждами плана политическихъ преобразованій. Эти тайныя общества ни въ Россіи, ни въ западной Европѣ не воспользовались для своихъ цѣлей удобной минутой, какою для нихъ являлось греческое возстаніе; они вездѣ играли опасными проектами и находили удовольствіе въ дикихъ и громкихъ ораторскихъ рѣчахъ; они до того нашумѣлись, что для нихъ опаснѣе стало отказаться отъ своихъ плановъ, чѣмъ держаться ихъ. Императору Александру извѣстно было существованіе этихъ обществъ, но по своей врожденной добротѣ и великодушію онъ не употреблялъ противъ нихъ мѣръ строгости; кромѣ того при существовавшемъ въ Россіи положеніи дѣлъ у каждаго было довольно лазеекъ, черезъ которыя можно было ускользнуть, въ случаѣ надобности, и на это многіе разсчитывали. Такимъ образомъ эти заговоры укоренялись и разростались, развѣтвлялись все болѣе и болѣе. Было два заговора: сѣверный, средоточіемъ котораго былъ Петербургъ, и южный, гнѣздо котораго была крѣпость Тульчинъ. Нѣкоторые изъ мечтателей хотѣли преобразовать Россію мирнымъ путемъ соглашенія, иные напротивъ стремились достигнуть того же насильственными мѣрами; нѣкоторые мечтали о демократическомъ образѣ правленія, на манеръ американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, забывъ, что Россія—государство сплоченное завоеваніемъ и сдерживаемое неограниченною монархическою властію и нарушеніе политическаго равновѣсія ея частей повело бы за собою распаденіе цѣлаго ея состава. Междуцарствіе и нерѣшительное положеніе дѣлъ, послѣ кончины императора Александра, казалось заговорщикамъ очень удобнымъ временемъ для исполненія ихъ замысловъ; но времени для приготовленія и размышленія было мало, надобно было торопиться.

При такихъ обстоятельствахъ, въ Петербургѣ дѣло дошло 26 (14) декабря 1825 до сцены страннаго возстанія. Московскій гвардейскій полкъ, по наущенію заговорщиковъ-офицеровъ, представившихъ солдатамъ, что ихъ законный государь—Константинъ и что Николай его лишаетъ престола самовластно, отказался присягнуть на подданство императору Николаю Павловичу. Солдаты шумѣли и кричали: «да здраствуетъ Константинъ,» анѣкоторые, посвященные въ тайныя общества, тутъ же восклицали: «да здравствуетъ конституція!» Очень характеристическою чертою можно назвать то, что многіе изъ солдатъ, повторяя слово конституція, думали, что дѣло шло о Константиновой супругѣ. Но дѣло стало гораздо важнѣе, когда другіе полки приняли участіе въ волненіи, гвардейскіе гренадеры, и экипажъ гвардіи присоединились къ непокорнымъ. Полки полупьяные потянулись по улицамъ Петербурга къ Сенатской площади и выстроились противъ памятника Петра Великаго тыломъ къ Сенату. Императору Николаю мысль начать царствованіе кровопролитіемъ казалась отталкивающею; по его приказанію полки, оставшіеся вѣрными своему долгу, тоже собрались на Сенатской площади и выстроились по другую сторону ея, лицомъ къ Сенату и тыломъ къ Адмиралтейству; императоръ, мѣрами кроткаго увѣщанія, хотѣлъ образумить заблуждающихся и напомнить имъ ихъ долгъ. Но это средство оказалось безуспѣшнымъ; генералъ Милорадовичъ поскакалъ къ возмутившимся съ тѣмъ, чтобы усовѣстить ихъ, но онъ не успѣлъ и слова сказать, какъ одинъ изъ заговорщиковъ, лейтенантъ Каховскій выстрѣлилъ въ него и ранилъ смертельно. Петербургскій митрополитъ въ полномъ облаченіи и съ крестнымъ ходомъ имѣлъ также мало успѣха. Ночь наступала, сумерки начинались; надобно было чѣмъ нибудь покончить. Къ своему величайшему сожалѣнію, Николай Павловичъ принужденъ былъ согласиться на мѣру, которую уже давно предлагали ему окружающіе, а особенно генералъ Толь. Дали три выстрѣла картечью изъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій; каре, составленное мятежниками, разстроилось; они бросились бѣжать, многіе были убиты, многіе ранены, нѣкоторые просили помилованія, иные въ бѣгствѣ и въ укрывательствѣ искали спасенія. Дѣятельно начали разыскивать тайныя общества и заговорщики попадались въ руки правительства. Пятерыхъ главныхъ виновниковъ подвергли смертной казни, остальныхъ сослали на каторгу и на поселеніе въ Сибирь. Мятежные полки были частію раскассированы и отправлены на Кавказъ, частію помилованы.

Слѣдствіе по этому дѣлу открыло много злоупотребленій и коренныхъ недостатковъ въ администраціи, новый императоръ съ твердой волей и спокойной строгостью принялся исправлять, что можно было поправить.

Коронація Николая Павловича совершилась въ Москвѣ 22 августа 1826 года; быстро подавленное востаніе, о которомъ въ западной Европѣ составили себѣ преувеличенныя понятія, пріобрѣло, однакожь, императору общее уваженіе; европейскіе дворы на него начали смотрѣть, какъ на человѣка хладнокровнаго, твердаго и энергическаго. Испытанное неудовольствіе при самомъ началѣ царствованія оставило въ характерѣ Николая Павловича неизгладимыя черты и поселило въ немъ отвращеніе ко всѣмъ умозрительнымъ теоріямъ западной Европы; онъ это отвращеніе, съ свойственною его характеру твердостію, сохранилъ до конца жизни.

Можно было бы подумать, что при этой настроенности онъ въ отношеніи важнѣйшаго политическаго современнаго вопроса, а именно вопроса греческаго, всецѣло поддастся политическому воззрѣнію Меттерниха и его приверженцевъ: но вышло иначе.

Положеніе Греціи зимою, съ 1825 на 26 годъ, было въ высшей степени мучительное. Одно только было ясно, какъ день: что на почвѣ Греціи побѣдители и побѣжденные вмѣстѣ жить не могутъ, и столько же очевидна становилась необходимость и неизбѣжность европейскаго вмѣшательства; эта надежда не покидала несчастныхъ грековъ въ минуту тяжкой борьбы. Между народами Европы все еще не остывалъ фильэлленическій восторгъ, хотя многое при ближайшемъ знакомствѣ было вовсе не такъ возвышенно, благородно и чисто, какъ казалось сначала, но прозаическая дѣйствительность все-таки не могла погасить сочувствія къ ихъ поэтической, нечеловѣчески-твердой и самоотверженной любви къ отечеству. Хотя Германія тутъ и не входитъ въ разсчетъ, какъ дѣятельная политическая сила, но нравственное сочувствіе народовъ дошло до мечтательности; оно выразилось въ греческихъ пѣсняхъ Мюллера—1820— и во многихъ другихъ литературныхъ произведеніяхъ; многіе изъ уважаемыхъ дѣятелей на политическомъ и ученомъ поприщѣ также громко и всенародно высказывали свое сочувствіе къ грекамъ и къ ихъ смѣлой и отчаянной борьбѣ; таковы: профессоръ Тиршъ, въ Мюнхенѣ, старикъ Фосъ, въ Гейдельбергѣ, Фрейгеръ фонъ Гагернъ въ палатѣ депутатовъ въ Дармштадтѣ. Немплосердое рѣшеніе, произнесенное въ циркулярѣ веронскаго конгресса, не могло ни потушить народнаго сочувствія къ страждущимъ, ни измѣнить его; тѣмъ болѣе, что съ 1825 года открытый фильэллинъ Людовикъ I взошелъ на одинъ изъ значительнѣйшихъ престоловъ средней Германіи,—на баварскій; въ Берлинѣ даже высшіе слои общества мало-по-малу начали дѣлать пожертвованія въ пользу грековъ, чего до сихъ поръ не было; даже въ Вѣнѣ принуждены были сдѣлать уступку общественному требованію и позволить собирать пожертвованія. Въ Англіи общественное мнѣніе все болѣе и болѣе возставало противъ образа мыслей и дѣйствій партіи тори, политика которыхъ въ сущности согласовалась съ политикой священнаго союза; даже дѣйствія политики Каннинга, который болѣе и болѣе отклонялся отъ политики европейскаго священнаго союза, нетерпѣливымъ эллинофиламъ казались медленными и нерѣшительными. Греческій заемъ производился у англійскихъ капиталистовъ; значительное количество англійскихъ аристократовъ принимали личное участіе въ борьбѣ Греціи; изъ нихъ самый замѣчательный, безъ сомнѣнія, былъ лордъ Байронъ, величайшій писатель своего времени; онъ даже окончилъ свою недолгую жизнь посреди этого геройскаго народа; онъ скончался въ Миссолунги 19 апрѣля 1824 года и раннею смертію своею искупилъ заблужденія своихъ юношескихъ лѣтъ. Еще въ декабрѣ 1824 года Каннингъ успокоивалъ грековъ завѣреніемъ, что Европа не допуститъ ихъ до окончательнаго паденія и истребленія, а въ Греціи начали очень громко разсуждать о томъ, чтобы отдаться подъ покровительство Англіи и тѣмъ купить себѣ избавленіе. Извѣстіе объ этомъ пробудило соревнованіе во Франціи, и тамъ громче заговорило сочувствіе къ грекамъ; съ 1825 тамъ образовалось филантропическое общество для помощи грековъ; въ немъ очень живое участіе принялъ Шатобріанъ, самъ путешествовавшій въ Греціи, еще въ 1806 году, а его примѣру по-

слѣдовали и многіе другіе роялисты. Пожертвованія начали собирать съ большимъ порядкомъ и все предпріятіе было ведено съ большей энергіей и распорядительностію съ тѣхъ поръ, какъ женевскій банкиръ Эйнаръ взялся руководить имъ. Эти сборы были достаточны, чтобы поддерживать надежды несчастныхъ грековъ, въ такую пору, когда у нихъ ничего кромѣ надеждъ не оставалось. Положеніе дѣлъ въ Греціи съ каждымъ днемъ становилось отчаяннѣе и если еще можно было спасти остатки этого народа, то нельзя было долѣе медлить европейскою помощью и вмѣшательствомъ.

Осада Миссолунги возобновилась съ большею дѣятельностію со стороны турокъ и египтянъ, потому что Ибрагимъ-паша убѣдился, что заборъ этотъ не такъ легко опрокинуть, какъ ему казалось: онъ принужденъ былъ принять помощь турокъ для осады, хотя недавно упрекалъ ихъ за то, что они не осаждали крѣпости, а только смотрѣли на нее. Ибрагимъ-паша предложилъ храброму гарнизону сдаться на капитуляцію, но получилъ твердый отказъ; 27 февраля онъ попытался пойти на приступъ, но былъ отбитъ; героическая защита, достойная вѣчной славы, продолжалась: несчастныхъ поддерживала надежда на помощь извнѣ; въ близкомъ разстояніи въ горахъ стоялъ Карайскаки съ значительнымъ войскомъ, а страшный греческій флотъ могъ съ каждымъ мгновеніемъ показаться на горизонтѣ и принести избавленіе. Но разбросанные передъ городомъ острова были густо усѣяны турецкими войсками и греческіе корабли не могли больше пройти въ лагуны. Итакъ, съ этой стороны была отнята всякая надежда; отрядъ волонтеровъ, въ 800 человѣкъ, отдѣлился было отъ войска Карайскаки, попытался было выйти изъ горъ и принести помощь осажденнымъ братьямъ, но турки его во время замѣтили и отбили. Въ городѣ истребленіе, произведенное непріятельскимъ оружіемъ, голодомъ и холодомъ, было ужасно; не было больше ни куска хлѣба, негдѣ было преклонить головы, согрѣться и отдохнуть: надобно было рѣшиться на что нибудь послѣднее, отчаянное. Больныхъ и слабыхъ оставили въ городѣ, всѣ остальные собрались въ одну массу, всѣ—вооруженные; дѣтей и женщинъ помѣстили въ серединѣ, самые сильные и отважные стали въ передніе ряды; выждали вечера и часъ послѣ солнечнаго заката, ночью, съ 22 на 23 апрѣля, выступили изъ города, прямо на растянутое турецкоеч войско, чтобы пробиться. Произошла страшная, нечеловѣски-жестокая битва, въ которой все служило оружіемъ; 1,300 отважныхъ и нѣсколько сотенъ женщинъ и дѣтей пробились и спаслись въ горахъ; остальные, по крайней мѣрѣ, очень дорого продали свою жизнь. Битва между тѣмъ, подвигалась къ городу, турки ворвались въ него; огонь и мечъ здѣсь до тѣхъ поръ свирѣпствовали, пока нечего больше было истреблять. Старый, дряхлый примасъ Капсалисъ, опираясь на посохъ, спѣшилъ по горящимъ и залитымъ кровью улицамъ; онъ собиралъ всѣхъ больныхъ и дряхлыхъ, сколько могъ найти, и заперся съ ними на патронной фабрикѣ, тамъ они готовились къ смерти тѣмъ, что громкими дряблыми голосами пѣли священные гимны и пѣсни, исполненныя патріотическаго чувства; наконецъ враги добрались и до этого дома, безъ труда овладѣли имъ и толпами ворвались въ него, но этого-то мгновенія и дожидались отважные; они подожгли приготовленный порохъ и погибли вмѣстѣ съ своими врагами.

Нѣсколько дней до паденія Миссолунги въ Піадѣ, 18 апрѣля, собрался народный конгрессъ. Всѣ средства борьбы истощились; вновь составленное правительство изъ 11 членовъ нашло въ государственной кассѣ въ Навпліи, куда оно прибыло 26 числа, только 16 піастровъ; но безъ ихъ вѣдома судьба Греціи уже приняла болѣе счастливый оборотъ.

Между тѣмъ какъ въ Греціи свирѣпствовала истребительная война и счастіе попеременно склонялось то на ту, то на другую сторону, нить безплодныхъ политическихъ переговоровъ вытягивалась и заходила изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ; слѣдить за всѣми узлами и петлями этой безконечной и запутанной нити нѣтъ ни малѣйшаго интереса. Австрійское правительство было парализовано тройнымъ страхомъ: оно боялось Россіи, боялось революціи и больше всего боялось войны, которая во всякомъ случаѣ неминуемо обнаружила бы всю слабость, все ничтожество Меттерниховскаго управленія; поэтому Австрія всѣми хитростями и со всею свойственною ей изворотливостію старалась отклонить

мысль о томъ, чтобы помочь Греціи; въ этомъ она находила опору въ Пруссіи, внѣшняя политика которой буквально сообразовалась съ политикою австрійскою; они вмѣстѣ умѣли воспользоваться нерѣшительностію и мягкостью императора Александра I и дѣйствительно отклонить даже вопросъ о вмѣшательствѣ въ дѣла Греціи. Опасеніе, что вслѣдствіе греческаго возстанія легко можетъ произойти русско-турецкая война, было вполнѣ основательно; и такимъ образомъ вполнѣ оправдывалось желаніе—всѣми силами воспрепятствовать этой войнѣ: но способъ, какой для этого употребляла австрійская политика, сдѣлалъ ее для всѣхъ остальныхъ державъ презрѣнною и ненавистною. Теперь положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Императоръ Николай Павловичъ нисколько не сочувствовалъ христіански-идеальной, прослоенной понятіями Меттерниха, политикѣ своего предшественника. Свойству его характера соотвѣтствовала только здравая энергическая русская политика; между русскими вельможами уже давно преобладала рѣшительно военная партія; она, опираясь на историческія и религіозныя данныя, въ лицѣ Ермолова, Поццо-ди-Борго и Каподистрія—уже давно пыталась повліять на Александра I... Во главѣ англійской политики стоялъ теперь лордъ Каннингъ, истинный государственный человѣкъ; онъ навлекъ не себя ненависть Меттерниха, но платилъ за нее вполнѣ заслуженнымъ презрѣніемъ; онъ былъ не чуждъ истинно христіанскихъ чувствъ и понятій, но и не скрывалъ отъ себя, что, пока греческій вопросъ не будетъ окончательно разрѣшенъ, до тѣхъ поръ во всякое время онъ можетъ служить для Россіи предлогомъ какого либо насильственнаго поступка въ отношеніи Порты,—и, слѣдовательно, разрѣшеніе этого вопроса въ нѣкоторомъ отношеніи и для самой Турціи очень важно еще и потому, что самое существованіе ея имѣетъ очень большое значеніе и для Англіи, а при настоящемъ положеніи дѣлъ даже и для Европы. Всякій другой государственный человѣкъ, но не Меттернихъ, тотчасъ понялъ бы свой австрійскій интересъ, совпадавшій съ англійскимъ, и соединился бы съ Англіей; для человѣка одержимаго легитимистскими бреднями, невозможно было понимать истинныхъ политическихъ выгодъ человѣчества. Вотъ почему помимо Меттерниха, Россія вошла въ соглашеніе съ Англіей. Англійское правительство отправило герцога Веллингтона въ Петербургъ за тѣмъ, чтобы поздравить императора Николая съ восшествіемъ на престомъ. Лучшаго посланника нельзя было выбрать, чтобы вести переговоры съ Николаемъ.

Апрѣля 4, 1826 года, послѣ очень тайно веденныхъ переговоровъ, подписанъ былъ протоколъ, по которому оба правительства согласились, чтобы Греція оставалась данницею Турціи, платила ей ежегодную, опредѣленную дань, но внутреннее управленіе предоставлялось ей самой; народъ могъ самъ выбирать себѣ правителей, которыхъ Порта только утверждала бы; грекамъ предоставлялась полная свобода торговли и совѣсти; положено было предложить вѣнскому, берлинскому и парижскому кабинету присоединиться къ этой конвенціи, но въ случаѣ надобности, принудить силою Турцію принять ее.

Англійскій посланникъ въ Константинополѣ Стратфордъ Каннингъ, родственникъ министра, старался приготовить турецкое правительство къ разрѣшенію вопроса о Греціи такимъ образомъ. Когда герцогъ Веллингтонъ прибылъ въ Петербургъ, министръ иностранныхъ дѣлъ былъ занятъ тѣмъ, чтобы написать Портѣ ультиматумъ, въ которомъ бы выражались требованія Россіи; но требованія эти преимущественно заключались въ томъ, чтобы турецкія войска очистили придунайскія княжества. Англійскій посланникъ, представитель единственной державы, въ дружбу которой Турція вѣрила, могъ рѣшиться присовѣтовать турецкимъ министрамъ склонить султана къ принятію русскаго ультиматума, вмѣстѣ съ умиротвореніемъ Греціи, предлагая въ томъ и другомъ случаѣ посредничество Англіи. Но трудно было убѣдить упрямыхъ до-нельзя турокъ. Они выказали готовность исполнить всѣ требованія Россіи, только бы не было ни слова говорено въ пользу мира ея съ Греціей. Въ этомъ отношеніи въ Константинополѣ были на оба уха глухи; тамъ возражали, что наконецъ и Турція имѣетъ у себя дома авторитетъ, что и она должна хранить его, равно какъ самоуваженіе и свою политическую самобытность; что все это неминуемо погибнетъ, если она уступитъ греческимъ мятежникамъ; что всякая уступка въ этомъ отношеніи поведетъ за собою новыя

и новыя требованія, которыя постепенно доведутъ ее до главнаго вопроса, уже однажды высказаннаго въ политической нотѣ Россіи—совмѣстно-ли самое существованіе Турціи, наряду съ прочими державами Европы? Порта давно бы справилась съ греческими мятежниками, утверждали министры, еслибы они изъ положенія и сочувствія къ нимъ державъ Европы не почерпали новыхъ надеждъ и ободреній.

И такъ, видя измѣненное положеніе Англіи относительно Греціи, турки съ одной стороны уступали безъ спора; они приняли русскій ультиматумъ и дали приказаніе своимъ войскамъ немедленно очистить придунайскія княжества; кромѣ того, послали уполномоченныхъ въ Акерманъ, въ Бессарабію, чтобы съобща съ русскими уполномоченными уладить всѣ несогласія, какія возникли между Россіей и Турціей. Но чтобы принудить турокъ къ уступчивости, и здѣсь русскимъ пришлось прибѣгнуть къ угрозѣ: объявлено было, что русскія войска немедленно явятся въ княжествахъ, и займутъ ихъ; наконецъ 7 октября 1826 г. состоялся акерманскій трактатъ, въ которомъ Порта обязывалась строго держаться условій букарестскаго мирнаго договора; дозволить боярамъ молдаванскимъ и валахскимъ избирать себѣ господарей на семь лѣтъ, но съ утвержденіемъ господаря въ этомъ званіи Портою и россійскимъ императоромъ; для Россіи главное—устье Дуная признавалось за нею, дозволялась свободная торговля въ Турціи, купеческія суда обѣщано было защищать отъ морскихъ разбоевъ варварійцевъ. Октября 24 султанъ подписалъ ратификацію; онъ надѣялся, что этой уступкой отдѣлается отъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Греціи; онъ все еще надѣялся самъ, безъ посторонняго посредничества, справиться съ непокорными.

Однакожь, не смотря на рѣшительный перевѣсъ въ силахъ, султанъ все-таки не могъ справиться съ греками, тѣмъ болѣе, что въ началѣ весны 1826 года, самъ отнялъ у себя часть своего войска. А именно: султанъ Махмудъ уже давно замышлялъ произвести огромную реформу, отъ которой надѣялся много хорошаго; онъ намѣревался войско янычаръ замѣнить регулярнымъ войскомъ по европейскому образцу; корпусъ янычаръ, по своему устройству, составлялъ какъ бы отдѣльное государство въ государствѣ; онъ былъ страшенъ по своему вліянію и значенію, какимъ пользовался у правовѣрныхъ, а въ сущности это было гнѣздо самыхъ ужасныхъ злоупотребленій власти, начало всѣхъ народныхъ волненій и дворцовыхъ возмущеній. Султанъ пытался мирнымъ путемъ достигнуть своей цѣли; онъ образовалъ новый пѣхотный полкъ, въ который приказалъ отдѣлить 150 человѣкъ отъ каждаго батальона янычаръ. Но словами нельзя было обмануть этихъ преторіанцевъ турецкой имперіи: они возмутились; въ полномъ составѣ вышли на гипподромъ временъ византійскихъ и требовали, чтобы имъ выдали головы тѣхъ, которые падишаху дали такой дурной совѣтъ. Но къ этому требованію заранѣе приготовились: войска были собраны и стояли на готовѣ; развернулось зеленое знамя пророка,—величественный кипарисъ въ саду побѣдъ, какъ его называютъ турецкіе поэты; такого средства по малымъ причинамъ въ Турціи не употребляютъ: къ нему прибѣгаютъ только тогда, когда исламизму грозитъ какая нибудь большая опасность; это знакъ, что каждый правовѣрный мусульманинъ долженъ спѣшить на защиту и на помощь своего государю; султанъ перебрался въ мечеть, назначилъ въ ней свою главную квартиру и передъ мечетью водрузилъ священное знамя пророка. Улемы, знатоки и истолкователи корана и заключающихся въ немъ гражданскихъ и религіозныхъ законовъ, собрались, совѣщались и по священной книгѣ доказали законность предположеннаго султаномъ преобразованія арміи; приговоръ былъ произнесенъ надъ мятежными янычарами; кровавая битва съ ними длилась 15 и 16 іюня, и окончилась ихъ совершеннымъ пораженіемъ; вслѣдъ за тѣмъ палачъ цѣлую недѣлю неутомимо рубилъ головы до тѣхъ поръ, пока послѣдній янычаръ не палъ мертвымъ. Огонь и мечъ—истребитель сдѣлали свое дѣло. Казармы на площади Атмейданѣ, въ которыхъ мятежники были перебиты, или задохлись въ огнѣ и дымѣ, остались пустынею, покрытой развалинами; даже надгробные памятники, съ высѣченными изъ камня янычарскими ушастыми войлочными шапками, знакъ янычаръ, были изломаны и перебиты; было издано приказаніе, которымъ слово еничери запрещалось громко произносить, подъ страхомъ наказанія; всѣ турецкіе подданные вздохнули свободнѣе, чувствуя, что съ нихъ снятъ тяже-

лый гнетъ, повсюду восхваляли: «великаго—могущественнаго и ужаснаго падишаха!» осмѣлившагося положить краеугольный камень всѣмъ реформамъ; онъ былъ смѣлъ потому что приступилъ къ нимъ въ такомъ закоренѣломъ народѣ, какъ турецкій и рѣшился преобразовать войско на ладъ гяуровъ. Самъ Махмудъ хвалился передъ европейскими посланниками тѣмъ, что съумѣлъ такъ скоро и такъ основательно подавить мятежъ янычаръ, тогда какъ въ Европѣ этого сдѣлать не умѣютъ. Безъ сомнѣнія, шагъ, сдѣланный султаномъ, былъ неизбѣженъ, необходимъ и благодѣтеленъ въ своихъ послѣдствіяхъ; но въ данную минуту уничтоженіе такого значительнаго корпуса, какъ янычаръ, парализировало всю военную энергію арміи; вотъ почему въ теченіе всего лѣта 1826 года ничего не было сдѣлано, чтобы подавить греческое возстаніе.

Мусульманскій флотъ, по обыкновенію, ничѣмъ не отличился; Ибрагимъ-паша, послѣ разоренія Миссолунги, опять двинулся въ Пелопонезъ; онъ по прежнему жегъ, грабилъ, убивалъ и разрушалъ, но этимъ ничего не достигалъ; Решидъ-паша, послѣ побѣды подъ Миссолунги, разстался съ Ибрагимомъ-пашею и двинулся съ войскомъ въ восточную часть средней Греціи: онъ прошелъ до Аѳинъ, осадилъ Акрополисъ, но не могъ взять его, потому что не получалъ подкрѣпленія изъ Константинополя. Такимъ образомъ сложились дѣла довольно выгодно для Греціи; въ началѣ 1827 года, греки опять овладѣли почти всею среднею Греціей, исключая городовъ Миссолунги, Анатолики, Ѳомисы и Лепанто. Король баварскій отправилъ въ греческій лагерь значительное число офицеровъ и унтеръ-офицеровъ; денежныя вспомоществованія съ запада тоже увеличились; 18 марта прибылъ лордъ Кокранъ, уже отличившійся на военномъ поприщѣ въ южно-американской войнѣ за независимость; ему предшествовала слава, имъ пріобрѣтенная, и по прибытіи въ Грецію, онъ принялъ начальство надъ греческимъ флотомъ; генералъ Черчъ, второй изъ этихъ англійскихъ народныхъ предводителей и поборниковъ свободы, исполненныхъ энтузіазма, принялъ начальство надъ сухопутною арміей, хотя, надобно признаться, положеніе обоихъ не представляло ничего привлекательнаго и безопаснаго. Не смотря на это, и внутреннее состояніе Греціи нѣсколько улучшилось; изъ двухъ національныхъ представительныхъ собраній, на Эгинѣ и Герміонѣ, составилось опять одно, которое собралось 7 апрѣля въ сосѣдствѣ съ древними Тразенами; послѣ совѣщанія здѣсь былъ выработанъ проектъ новой конституціи и постановлено было ввести ее; 11 числа избрали графа Іоанна Каподистрія въ кибернеты греческаго государственнаго строя; Каподистрія еще съ 1822 г. оставилъ русскую службу, жилъ въ Парижѣ и тамъ неутомимо работалъ въ пользу Греціи; это избраніе предоставляло ему права, похожія на права президента Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; до его прибытія дѣла управленія были поручены правительственной комиссіи, составленной изъ трехъ лицъ; нопри тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Греціи этой комиссіи было очень мало хлопотъ и дѣла. Опять надвигалась новая туча опасности. Лордъ Кокранъ не оправдалъ ожиданій, которыми его встрѣтили въ Греціи, и его славное прошедшее нисколько не помогло ему: онъ съ флотомъ попытался было снять осаду Акрополиса Аѳинъ, но при этомъ потерпѣлъ совершенное пораженіе, такъ что гарнизонъ Акрополиса палъ бы жертвою турецкой мести, еслибы при французскомъ посредничествѣ ему не удалось подписать капитуляціи 5 іюня.

Около этого времени и дипломатическіе переговоры сдѣлали рѣшительный шагъ впередъ. Протоколъ, составленный первоначально въ Петербургѣ, теперь получилъ форму и силу союзнаго акта, подписаннаго въ Лондонѣ англійскими, русскими и французскими уполномоченными. Эти державы обязывались немедленно приступить къ переговорамъ съ Портою объ умиротвореніи Греціи, при чемъ имѣли въ виду устроить ея государственный бытъ, на подобіе Придунайскихъ княжествъ. Пока будутъ длиться переговоры, положено было заключить перемиріе между враждующими народами. По тайному параграфу, союзныя державы положили прибѣгнуть къ сильнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ въ отношеніи той стороны, которая не захотѣла бы принять ихъ посредничества, или отказалась въ мѣсячный срокъ заключить перемиріе. Противъ кого этотъ параграфъ былъ направленъ, нечего и объяснять; переговоры съ Портою ни къ чему не повели, турки не допускали и мысли о вмѣшательствѣ посторонпихъ европейскихъ дер-

жавъ въ ея домашнія дѣла. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Рейсъ-эффенди, не хотѣлъ принимать нотъ по греческому вопросу и чтобы доставить ихъ ему, посланникамъ пришлось оставить ихъ у него на диванѣ. Порта старалась еще убаюкивать себя мыслью, что и эта попытка и эти ноти, подобно многимъ другимъ, останутся безъ послѣдствій; Меттернихъ, котораго наемщики прославляли, какъ величайшаго политика Европы, не обдумавши въ чемъ дѣло и не сообразивъ обстоятельствъ, приступилъ, на свою отвѣтственность, къ новымъ посредническимъ переговорамъ, чтобы только выиграть и протянуть время и дать возможность туркамъ окончательно и безвозвратно подавить греческое возстаніе вмѣстѣ съ жизнью народа; но къ величайшему удивленію всего міра произошло рѣшительное событіе, показавшее, что кромѣ протоколовъ и нотъ есть еще дѣла, способныя дать направленіе образу мыслей упрямыхъ турокъ. Соединенный турецко-египетскій флотъ, послѣ четырехчасовой битвы, въ гавани Наваринской, былъ 20 октября окончательно истребленъ.

Соединенный англо-французско-русскій флотъ, подъ начальствомъ адмираловъ Кодрингтона, де Реньи и Гейдена, былъ отправленъ къ берегамъ Греціи для того, чтобы придать больше вѣсу требованіямъ, выраженнымъ союзниками, вслѣдствіе петербургскаго договора. Инструкціи, данныя адмираламъ, не отличались особенною отчетливостію и ясностію; было сказано: адмиралу прибѣгать должно къ силѣ только въ такомъ случаѣ, когда турки захотятъ силою поддерживать сношенія, прервать которыя назначается соединенный флотъ; потому что онъ долженъ враждующія стороны принудить къ перемиріе; такимъ образомъ адмираламъ предоставлялась нѣкоторая, хотя и неопредѣленная свобода дѣйствій и при существующемъ своеобразномъ положеніи дѣлъ поступки ихъ признавались правыми: характеръ инструкцій, шутливо замѣтилъ французскій адмиралъ де Реньи, можетъ зависѣть отъ лишняго стакана вина, выпитаго англійскимъ адмираломъ Кодрингтономъ, которому, какъ старшему по службѣ, было предоставлено главное начальство надъ флотомъ.

Турецко-египетскій флотъ съ значительнымъ войскомъ и съѣстными припасами, вышелъ изъ Александріи въ первыхъ числахъ сентября и присталъ къ Наварину, именно въ томъ мѣстѣ юго-западнаго угла Пелопонезскаго полуострова, который и въ древности сдѣлался мѣстомъ дѣйствія многознаменательнаго происшествія во время пелопонезской войны; здѣсь-то и явился соединенный флотъ. Сентября 21 одна эскадра турецко-египетскаго флота попыталась выйти изъ гавани, но Кодрингтонъ заставилъ ее вернуться. Предводители старались уговорить египетскій флотъ заключить съ греками перемиріе. Ибрагимъ-паша спокойно выразилъ свой образъ мыслей, касательно своего положенія, въ высшей степени страннаго: онъ, какъ вѣрный слуга Порты, не имѣетъ никакого права входить въ политическіе переговоры и рѣшиться на какія бы то ни было дѣйствія; и обѣщался послать немедленно нарочныхъ въ Константинополь къ султану и въ Египетъ къ отцу своему, а до полученія отвѣта будетъ сохранять перемиріе. Но ему трудно было выдержать означенное положеніе. Грекамъ ничего не стоило согласиться на перемиріе и сохранить его, потому что оно прямо выговаривалось въ ихъ пользу, и тѣмъ самымъ они отдавали себя подъ покровительство и защиту могущественныхъ державъ; для турокъ напротивъ согласіе на перемиріе равнялось подчиненію себя посторонней союзной силѣ. Когда же Кодрингтонъ съ 2 на 3 октября отбросилъ назадъ въ гавань транспортныя суда египетско-турецкаго флота, которыя намѣревались идти въ Патрасъ и Миссолунги, тогда раздраженный Ибрагимъ-паша началъ опять со всею жестокостію, къ какой способны фанатики, свои опустошительные, ужасные походы по Пелопонезу; греки съ своей стороны противупоставили силу силѣ и дѣйствовали смѣлѣе, потому что знали, что имъ теперь нечего опасаться.

Адмиралы откинули всѣ сомнительныя вставки изъ своихъ инструкцій и единодушно признали необходимость сильнымъ ударомъ поразить турокъ и принудить ихъ къ тому, чтобы они съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на права человѣчества. Ибрагимъ паша первый нарушилъ данное слово; онъ велъ войну съ такимъ неслыханнымъ варварствомъ, какъ будто хотѣлъ насмѣяться надъ понятіями европейскихъ филантроповъ XIX столѣтія и надъ ихъ гуманностью; онъ не только жегъ дома и истреблялъ жителей, какіе попадались, но велѣлъ съ

корнемъ вырывать плодовыя деревья изъ садовъ и лозы изъ виноградниковъ, чтобы въ конецъ разорить страну и превратить ее въ необитаемую пустыню; медлить нечего было—надобно было дѣйствовать. Союзные адмиралы рѣшились войти въ гавань Наварина, полагая, что подобная демонстрація образумитъ египтянъ и сдѣлаетъ ихъ сговорчивѣе: но на всякій случай флотъ приготовился къ битвѣ. Положено было: если турецкій корабль выстрѣлитъ, то союзники будутъ въ него стрѣлять и уничтожатъ его; буквально таковъ было предписаніе Кодрингтона, который велъ это щекотливое дѣло.

Въ полдень 20 октября, при попутномъ вѣтрѣ, соединенный флотъ, вслѣдъ за адмиральскимъ кораблемъ «Азія», началъ проходить по проливу на югъ отъ острова Сфактеріи. Нѣсколько времени спустя, оба флота стояли другъ передъ другомъ въ боевомъ порядкѣ; турецко-египетскій былъ несравненно многочисленнѣе союзнаго. Военныя дѣйствія не начинались; даже послѣ первыхъ ружейныхъ выстрѣловъ еще шли переговоры въ рупоръ: но судьба уже бросила жребій. Одинъ изъ египетскихъ кораблей началъ стрѣлять по англійскому; вслѣдъ за тѣмъ съ египетскаго адмиральскаго корабля раздался пушечный залпъ въ англійскій корабль «Азію»; англійскій адмиралъ съ своей стороны тоже отдалъ приказъ начинать битву: тутъ началась непрерывная канонада; ни одно ядро не миновало своей цѣли; громъ выстрѣловъ, съ ужасающей силой рокоталъ въ ближнихъ горахъ и стономъ стоялъ надъ небольшимъ пространствомъ залива. Взрывы слѣдовали одинъ за другимъ: потрясеніе и гулъ отъ нихъ слышны были на Цантѣ и Черигo, впродолженіе всего послѣ-обѣда и во всю ночь; утромъ 21 числа изъ 82 кораблей турецко-египетскаго флота уцѣлѣли только 27; вся гавань усѣяна была обломками и трупами. Ибрагимъ-паша пришелъ на мѣсто дѣйствія 21 числа и съ берега смотрѣлъ на слѣды пораженія. Но онъ не очень печалился, что ему до потери? Онъ болѣе заботился о своихъ выгодахъ, а тутъ преимущественно терялъ султанъ.

Но вѣсть объ ужасномъ сраженіи молніей облетѣла міръ. Греки торжествовали: это было позднее, но полное удовлетвореніе за вынесенныя страданія; въ Петербургѣ даже не старались скрыть своей радости и нисколько не смущались мнѣніемъ вѣнскаго кабинета, который съ негодованіемъ восклицалъ: «что это сраженіе носитъ на себѣ всѣ признаки тайнаго убійства.» Во Франціи, въ этомъ ребячески тщеславномъ и жадномъ къ военной славѣ народѣ, не было инаго чувства, кромѣ удовольствія и радости; напротивъ того въ Лондонѣ извѣстіе это произвело непріятное впечатлѣніе, хотя и здѣсь общее настроеніе согласовалось съ настроеніемъ всѣхъ народовъ Европы и заглушило голоса, которые утверждали, что эта битва, безъ предварительнаго объявленія войны, есть символъ побѣды совѣсти общественнаго мнѣнія надъ непростительнымъ проволачиваніемъ разрѣшенія греческаго вопроса посредствомъ кабинетныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Однакожъ въ тронной рѣчи, произнесенной 29 января 1828 года, справедливо названа наваринская битва несчастнымъ и роковымъ событіемъ (untoward even), она, по неизбѣжной необходимости, должна была вести за собою войну между Россіей и Турціей, которой до сихъ поръ такъ опасались и которую пытались отстранить всѣми возможными средствами.

То, что случилось, превысило даже мѣру терпѣнія полуварварскаго народа, привыкшаго многое выносить. Когда извѣстіе о битвѣ дошло до султана, ярость его не знала границъ. Нѣсколько времени онъ сдерживалъ себя; но потомъ злоба его излилась на союзныхъ ему армянъ, которыхъ, не смотря на зимнюю непогоду, приказалъ выгнать изъ Константинополя. 5 ноября объявилъ онъ, что нарушаетъ всѣ договоры, когда либо заключенные съ европейскими державами, а тремъ посланникамъ державъ, истребившихъ флотъ его, велѣлъ сказать, что не нуждается въ ихъ присутствіи въ Константинополѣ; они выѣхали изъ Константинополя 3 декабря. Акерманскій договоръ былъ объявленъ недѣйствительнымъ и фирманомъ къ почетнымъ гражданамъ своего государства, отъ 27 декабря, султанъ ясно выразилъ все свое негодованіе на русскихъ преимущественно и христіанъ вообще: «Если правда, говорилось въ фирманѣ, какъ всякій здравомыслящій долженъ сознаться, что всякій мусульманинъ по своей природѣ обязанъ ненавидѣть невѣрныхъ, то столько же вѣрно и то, что каждый невѣрный

есть природный врагъ мусульманина, а изъ всѣхъ невѣрныхъ—болѣе всего враждебны—русскіе, «государство которыхъ есть исконный врагъ Порты».

Хотя эта прокламація преимущественно была обращена къ подданнымъ Порты, но на нее императоръ Николай отвѣчалъ объявленіемъ войны, вынуждаемый къ этому общественнымъ мнѣніемъ всего русскаго народа, собственнымъ чувствомъ и необыкновенно-выгоднымъ положеніемъ дѣлъ. Объявленіе войны было сдѣлано 26 апрѣля 1828 года; но чтобъ успокоить тревожные и подозрительные умы кабинетовъ Европы, онъ въ тоже время присовокупилъ, что вынужденно рѣшается начать войну, но что во всякомъ случаѣ отказывается отъ всякаго расширенія предѣловъ своего государства.

Для Россіи это было очень во время; она только-что кончила войну съ Персіей, которую вела съ 1826 года, двумя очень удачными и побѣдоносными походами. Въ ноябрѣ 1827 мирный договоръ былъ уже написанъ, но слѣдуя внушеніямъ Порты шахъ Фетъ-Али все еще медлилъ ратификаціей договора и поэтому русскій полководецъ Паскевичъ возобновилъ непріязненныя дѣйствія. Паскевичъ былъ еще не старъ, онъ родился въ Полтавѣ въ 1782 году; судьба ему назначила занять видное мѣсто на страницахъ русской исторіи. Возобновившіяся военныя дѣйствія противъ Персіи, однакожъ, привели къ новому миру, заключенному въ Туркманчаѣ 10 февраля 1828 года; побѣжденные должны были уступить Россіи двѣ области, Эриванскую и Нахичеванскую, и заплатить 80 милліоновъ рублей военныхъ издержекъ; главнокомандующій, покоритель крѣпости Эривани, взятой въ октябрѣ 1827 года, получилъ за этотъ подвигъ почетное названіе Эриванскаго, а Россія, кромѣ крѣпости, пріобрѣла новую область Армянскую и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное, преобладающее вліяніе на всѣхъ армянскихъ христіанъ въ Турціи и Арменіи.

Но сильнаго впечатлѣнія происшествія эти, по причинѣ своей отдаленности, не производили на Европу; ими только поддерживалось тревожное опасеніе къ сильно развивающемуся и возрастающему могуществу Россіи; поэтому европейскія державы съ недоброжелательствомъ и съ недовѣрчивостію смотрѣли на военныя дѣйствія русскихъ въ Турціи, хотя не менѣе прежняго сочувствовали Греціи и очень ясно понимали, что только такимъ путемъ возможно помочь имъ.

У Порты не было достаточно войска и флота, чтобы начать войну соотвѣтственно силѣ негодованія. Но призванный на помощь религіозный фанатизмъ мгновенно вооружилъ полчища солдатъ; они, на сколько могли, поспѣшили занять проходы въ Балканахъ и крѣпости по Дунаю; противъ константинопольскихъ христіанъ предприняты были строжайшія мѣры предосторожности; Босфоръ былъ запертъ для всѣхъ чужеземныхъ кораблей.

И въ Россіи дѣла не подвигались слишкомъ быстро: въ послѣдніе годы царствованія Александра Павловича военная машина позаржавѣла, къ тому же трудна была мобилизація войска и скопленіе его на границахъ: огромныя пространства и дурные пути сообщенія служили тому большимъ препятствіемъ.

Только 7 мая первые русскіе полки перешли Прутъ. Старый графъ Витгенштейнъ былъ главнокомандующимъ русской арміи, простиравшейся до 150,000 человѣкъ по спискамъ; этой силѣ турки едва ли могли противупоставить настоящаго, хорошо обученнаго войска, болѣе 50,000 человѣкъ. Нечего было и помышлять о томъ, чтобы съ такими недостаточными силами удержать за собою дунайскія княжества. Первое серьезное сопротивленіе русское войско встрѣтило на берегахъ Дуная, нижнее теченіе котораго почти вездѣ достигаетъ 2000 футовъ ширины; здѣсь тянулся рядъ крѣпостей—Виддинъ, Никополи, Рущукъ, Силистрія, Рассова, Гирсова, Браилъ, Измаилъ. Если эта охранная линія опрокинута, крѣпости покорены, то представляется вторая, еще труднѣйшая линія—цѣпь Балканскихъ горъ, которыя на востокѣ оканчиваются въ Черномъ морѣ и посреди которыхъ находится неприступная крѣпость Шумла.

Война началась упорнымъ нападеніемъ на крѣпости и упорною защитой ихъ, вдоль первой изъ обозначенныхъ нами линій; первый успѣхъ русскаго оружія здѣсь былъ 18 іюня 1828 года, когда подписана была капитуляція крѣпости Браила; гарнизону дозволено было свободно отступить къ Силистріи. Самъ императоръ, съ большою свитою, прибылъ въ дѣйствующую армію, при немъ она

переправилась черезъ Дунай; отдѣльные корпуса обложили дунайскія крѣпости Силистрію и Видинъ; главная армія направилась на Варну и Шумлу. Варну въ одно и тоже время русскіе осадили и съ суши и съ моря: послѣ пораженія при Наваринѣ у Турціи не было флота, который могъ бы мѣшать движеніямъ русскаго. Іюня 14 онъ осадилъ и взялъ Анапу на восточномъ берегу Чернаго моря и теперь съ востока приблизился къ Варнѣ. Турки хорошо защищались въ крѣпости, и теперешній главный начальникъ русскаго войска, князь Меншиковъ, былъ сильно раненъ 20 августа и принужденъ былъ сдать начальство графу Воронцову. Самъ императоръ находился на мѣстѣ дѣйствія: вспомогательныя войска приближались съ одной стороны изъ Константинополя, съ другой—шли русскіе отъ Шумлы; турки съ трудомъ удержали крѣпость отъ паденія. Осада между тѣмъ продолжалась: въ ночь съ 6 на 7 октября одинъ отрядъ русскихъ было ворвался въ крѣпость, но подоспѣвшій гарнизонъ числомъ далеко превосходившій русскихъ, частію изрубилъ ихъ, частію опять опрокинулъ въ ровъ и принудилъ отступить. Время года подвигалось къ зимѣ, ничего рѣшительнаго не происходило; не смотря на это, раздоръ и несогласіе за крѣпостными стѣнами отдали ихъ въ руки русскихъ. 10-го числа Юсуфъ-паша, комендантъ Варны, прибылъ въ русскій лагерь и отдался подъ покровительство русскаго императора, потому что крѣпость долѣе держаться не можетъ, а капуданъ-паша, Иссетъ Магометъ все-таки не хотѣлъ сдаваться на капитуляцію. Слѣдуя примѣру коменданта, гарнизонъ толпами бѣжалъ на слѣдующій день изъ крѣпости, между тѣмъ какъ мужественный Магометъ съ 300 отчаянныхъ, готовыхъ на все, заперся въ цитадели; императоръ Николай уважалъ храбрость и свободно отпустилъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, а русскіе заняли крѣпость 12 числа.

Но этимъ и окончились военные успѣхи этого года на почвѣ европейской Турціи. Всѣ старанія принудить турецкое войско къ битвѣ въ открытомъ полѣ, передъ Шумлой, не имѣли успѣха; а взять крѣпость, сильно защищенную, расположенную амфитеатромъ на уступахъ сѣвернаго склона Балканъ, съ 50,000 жителей и съ очень многочисленнымъ гарнизономъ, было невозможно, по недостаточному количеству русскихъ войскъ. Не удалось даже отрѣзать ея сообщеніе съ Андріанополемъ; на этомъ пути было расположился отрядъ генерала Рюдигера, но турки сдѣлали сильное нападеніе на него, и послѣ жестокой битвы заставили русскій корпусъ отступить съ значительнымъ урономъ. Русское войско сильно устало и пострадало; главныя крѣпости Силистрія и Шумла держались, о дальнѣйшемъ походѣ на югъ, при недостаточномъ составѣ арміи, помышлять нельзя было. Держаться на правомъ берегу Дуная было слишкомъ опасно, поэтому рѣшились оставить сильный гарнизонъ въ Варнѣ, а остальнымъ войскамъ отступить на лѣвый берегъ Дуная. Турки выиграли время и сдѣлали больше, нежели ихъ враги и доброжелатели думали и надѣялись.

Гораздо успѣшнѣе шли военныя дѣйствія въ Азіи; Паскевичъ открылъ ихъ съ далеко недостаточнымъ корпусомъ въ 12,000 человѣкъ. Но ихъ оказалось достаточно противъ 30,000, плохо вооруженной и плохо командуемой турецкой арміи. Въ день рожденія своего императора, Паскевичъ приступомъ взялъ крѣпость Карсъ, слывшую непобѣдимой, и при этомъ потерялъ только 250 человѣкъ; трусливый комендантъ Эминъ-паша своими запутанными и несвоевременными распоряженіями нѣсколько облегчилъ взятіе крѣпости. Побѣжденные оставили русскимъ роковой даръ — чуму; она на нѣкоторое время остановила подвиги Паскевича: но зло было устранено и Паскевичъ опять двинулся впередъ и своими блистательными подвигами храбрости покорилъ еще нѣсколько горныхъ укрѣпленій считавшихся неприступными; но около половины октября начались раннія зимнія непогоды и холода, какія бываютъ въ горахъ верхней Арменіи и какіе нѣкогда испыталъ Ксенофонтъ, при своемъ отступленіи; теперь же холода и непогоды принудили сражающихся прекратить военныя дѣйствія на довольно долгое время. Въ теченіе зимы Меттерних употреблялъ всѣ свои дипломатическія хитрости на то, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ русскаго оружія; онъ старался посредствомъ союза четырехъ остальныхъ державъ достигнуть своей цѣли. Не было сомнѣнія, что австрійскимъ жизненнымъ интересамъ сильно противорѣчило бы, если бы русскіе утвердились въ придунайскихъ княжествахъ,

хозяйничали въ нихъ, какъ дома, и еслибы дунайское устье сдѣлалось ихъ собственностію; еще Іосифъ II сказалъ: «Австрія ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы Россія владѣла Молдавіей и Валахіей.» Австрія втайнѣ приготовлялась къ войнѣ. Но надежды ея составить союзъ остались безъ послѣдствій. Ни Англія, ни Франція не захотѣли раздѣлять точки зрѣнія Меттерниха; для нихъ не существовало одинаковыхъ съ Австріей опасностей; на этотъ разъ и Пруссія, всегда такая податливая, рѣшилась дѣйствовать самостоятельно. Начать войну одной, безъ союзниковъ, для меттерниховской Австріи было немыслимо; у нея недоставало даже денегъ на военные маневры, гдѣ же было взять ихъ для войны, а въ государственныхъ людяхъ и военачальникахъ ея не было ни мужества, ни силы убѣжденія; но у австрійскаго прославленнаго политика достало дерзости, во время долгой конференціи съ русскимъ посланникомъ по случаю текущихъ дѣлъ и обстоятельствъ начисто отговориться отъ того, что австрійскій кабинетъ дѣлаетъ какія бы то ни было попытки вмѣшаться въ дѣла Россіи съ Турціей. Русскій посланникъ графъ Татищевъ былъ довольно уменъ и вѣжливъ, чтобы сдѣлать видъ будто онъ принимаетъ увѣренія Меттерниха за чистую правду, тогда какъ въ рукахъ у него были несомнѣнныя доказательства его двоедушія: и онъ при первой возможности прекратилъ разговоръ, вертѣвшійся на фактѣ, какъ онъ съ злой насмѣшкой писалъ домой, который принадлежитъ къ области исторіи».

Между тѣмъ Турція вооружилась и приготовлялась отбить ударъ висѣвшій надъ ней съ началомъ весны. Европа относилась къ ней доброжелательнѣе прежняго, потому что въ послѣднюю войну турки выказали менѣе обыкновеннаго кровожадной жестокости. Иссетъ Магометъ назначенъ былъ начальникомъ всей дѣйствующей арміи, но несмотря на ея многочисленныя иррегулярныя громады полковъ, регулярныхъ, хорошо вооруженныхъ и обученныхъ солдатъ, несмотря на всѣ свои старанія, Турція не могла приготовить болѣе 40,000 человѣкъ. Русская армія была тоже усилена, укомплектована, вооружена и дошла до грозной силы въ 150,000 ч. съ 500 артиллерійскими орудіями; такъ значилось по спискамъ, но неизвѣстно, дѣйствительно ли всѣ были на лицо. Самого государя на этотъ годъ въ арміи не было; несмотря на то, что онъ любилъ военныя дѣйствія, любилъ лично распоряжаться на войнѣ и предводительствовать войсками, начальство было поручено графу Дибичу, человѣку опытному въ войнѣ и заслуживающему названія отличнаго фельдмаршала. Онъ былъ шлезвигскій уроженецъ, воспитывался въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ и съ 1801 года находился на русской службѣ. 8 мая 1829 года, русское войско вторично переправилось черезъ Дунай при Гирсово и пошло вверхъ по теченію до Силистріи, которую обложило. Турецкое войско между тѣмъ стояло передъ Шумлой. Но тутъ главное начальство опять перешло въ другія руки: на мѣсто Иссетъ Магомета поступилъ Решидъ-паша, прежде осаждавшій Миссолунги и теперешній сераскиръ Румеліи. Турецкое войско до половины мая оставалось въ бездѣйствіи и только тутъ двинулось противъ корпуса генерала Рота, расположеннаго между Варной и укрѣпленнымъ мѣстечкомъ Паравади. Туркамъ удалось разбить этотъ корпусъ, причемъ со стороны русскихъ было 1,600 убитыхъ и они потеряли 4 орудія, но взять важнаго пункта, укрѣпленнаго Паравади имъ не удалось; они еще не умѣли вести правильнаго наступательнаго движенія. Надѣясь на турецкую неопытность къ правильнымъ военнымъ дѣйствіямъ, графъ Дибичъ передъ Силистріей оставилъ наблюдательный корпусъ, а самъ съ корпусомъ въ 21,000 человѣкъ при 94 орудіяхъ поспѣшилъ соединиться съ генераломъ Ротомъ; пользуясь ночною темнотою съ 9 на 10 іюня, онъ смѣло прошелъ съ своимъ войскомъ въ трехъ миляхъ отъ турецкаго лагеря, обогнулъ его, расположился на полъдорогѣ между Шумлой и Паравади, очутился такимъ образомъ въ тылу турецкой арміи и отрѣзалъ ее отъ Шумлы. Чтобы спасти Шумлу, турки рѣшились принять сраженіе, которое Дибичъ предлагалъ имъ; 11 іюня 1829 года при Кулерджи произошло сраженіе. Оно началось въ 7 утра и продолжалось до 3 часовъ пополудни; сначала успѣхъ былъ на сторонѣ турокъ, но къ 3 часамъ они были разбиты на всѣхъ пунктахъ и бѣгство сдѣлалось всеобщимъ; преслѣдованіе со сто-

роны русскихъ было не довольно дѣятельное, потому что войско выбилось изъ силъ послѣ восьмичасоваго сраженія.

Какъ бы то ни было, но отъ турецкаго войска мало осталось, потому что худо дисциплинированные солдаты не устояли въ самой трудной пробѣ—въ правильномъ и стройномъ отступленіи послѣ проиграннаго сраженія; но и русское войско, находившееся такъ далеко отъ своихъ предѣловъ, не могло воспользоваться побѣдой и тотчасъ двинуться дальше къ югу. Дибичъ предложилъ Решидъ пашѣ начать мирные переговоры, но онъ, какъ человѣкъ неопытный въ политикѣ, и смотрящій на войну глазами простаго солдата, рѣшительно отказался отъ всякихъ переговоровъ, потому что ему не дано было полномочія на это. Нѣсколько времени спустя, графъ Дибичъ получилъ извѣстіе, что Силистрія пала 30 іюня и слѣдовательно онъ могъ усилить свой корпусъ войсками, осаждавшими крѣпость. Онъ часть своего войска направилъ къ Шумлѣ, какъ бы для того, чтобы обратить всѣ свои силы на эту крѣпость, но въ дѣйствительности за тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ себя и съ остальнымъ войскомъ смѣло двинуться въ Балканы, чтобы перейти ихъ и напасть на Адріанополь. Безъ всякаго препятствія ему удалось сдѣлать это опасное и трудное движеніе; онъ уже достигнулъ гребня горъ, когда Решидъ-паша замѣтилъ, что онъ обойденъ, и 19 августа русское войско увидѣло передъ собою въ долинѣ минареты, куполы и крыши Адріанополя. Этотъ городъ былъ хорошо вооруженъ; въ немъ было 80,000 жителей и до 10,000 гарнизона; подъ начальствомъ храбраго вождя, Галиль-паши, они могли бы съ успѣхомъ противиться 30,000 русской арміи. Но русскіе явились слишкомъ неожиданно, никто не зналъ 30,000 войска подступили, или 300,000. Дибичъ зналъ, какъ взяться за дѣло: онъ прямо предложилъ рѣшительное условіе: или сдачу города въ самый короткій срокъ, или немедленный приступъ со всѣми его ужасами. И что же? 30 августа, безъ выстрѣла, онъ вошелъ въ городъ, а турецкія войска за ночь вышли изъ него и потянулись по дорогѣ къ Константинополю.

Извѣстія изъ Азіи также были неблагопріятны для турокъ. Цѣль военныхъ дѣйствій здѣсь составляло взятіе Эрзерума, главнаго города Великой Арменіи; его преимущественно закрывала почти неприступная цѣпь горъ Сагаплука; горные проходы можно было легко защищать; но турки, по своей неспособности и непредусмотрительности, даже этого не съумѣли сдѣлать. Если нужно было идти по сѣверной дорогѣ, ихъ легко можно было обмануть, направившись по южной, или сдѣлавъ нѣсколько приготовленій для того, чтобы двинуться въ ту сторону; такъ точно сдѣлалъ Паскевичъ: онъ сдѣлалъ видъ, будто идетъ въ одну сторону, а самъ съ цѣлымъ войскомъ, съ 60 орудіями и съ 3,000 телегами обоза перешелъ черезъ горы, не наткнувшись ни на одинъ военный постъ. Іюля 1 и 2 онъ прибылъ въ долину верхняго Эвфрата, разсѣялъ турецкія войска, 7 числа уже достигнулъ долины Аракса, въ которой находится Эрзерумъ, и 9 послѣ непродолжительнаго обстрѣливанья городскихъ валовъ, городъ и цитадель ему сдались.

У Турціи блеснула было надежда на диверсію со стороны Персіи, основанная на волненіи черни въ Тегеранѣ, напавшей на русскій посольскій домъ и частію истребившей, частью издѣвавшейся надъ русскимъ посланникомъ и его свитой; но эта надежда только мгновенно сверкнула и погасла. Персидскій шахъ послалъ своего внука въ Петербургъ съ извиненіями и съ подобострастною просьбою о прощеніи случившагося.—Вся сила государства турецкаго была уничтожена.—Султанъ напрасно прибѣгнулъ даже къ своему постоянно дѣйствительному средству; онъ обратился къ турецкому фанатизму, водрузилъ священное знамя пророка и призывалъ къ нему правовѣрныхъ, но на призывъ его никто не являлся, многіе старовѣры турецкіе смотрѣли на повсемѣстное пораженіе турецкихъ войскъ, какъ на заслуженную кару Божію за дерзкія введенія европейскихъ учрежденій и реформы принимали, какъ на явное нарушеніе духа исламизма. Между уцѣлѣвшими остатками янычаръ въ столицѣ и въ провинціяхъ таились и разростались заговоры; русскіе передовые отряды были уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Константинополя, а въ Босфоръ ежедневно бросали трупы казненныхъ за возмущеніе. Ужасъ былъ общій, но никому и въ умъ не приходило справиться о настоящемъ положеніи дѣлъ, никто не хотѣлъ разъяснить себѣ, дѣйствительно ли

положеніе русской арміи такое блистательное, а турецкое такое отчаянное, какъ на первый разъ казалось.

На обоюдное положеніе турокъ и русскихъ Мольтке, въ настоящее время извѣстный своими воинскими способностями, совсѣмъ иначе смотритъ. У турокъ, говоритъ, онъ была столица, извѣстная своими естественными, почти непобѣдимыми и искусственными укрѣпленіями—Константинополь такъ укрѣпленъ, что могъ бы вынести долгую осаду, а турки способны къ чрезвычайно продолжительной и упорной защитѣ; въ мужествѣ у нихъ не бываетъ недостатка, когда дѣло идетъ о священной защитѣ мечетей и знамени пророка. Съ другой стороны русское войско было истощено долгимъ и утомительнымъ походомъ, недостатками и болѣзнями; оно находилось въ такомъ положеніи, что, вѣроятно, никогда не рѣшилось бы на штурмъ, или даже на серьезную и продолжительную осаду Константинополя; можетъ быть, не болѣе 15,000 человѣкъ даже были бы способны на такое нападеніе—недоброжелательные люди утверждаютъ даже, что войско русское не вынесло бы двухъ-трехъ недѣль того отчаяннаго положенія, въ какомъ оно въ то время находилось.

Вопросъ этотъ, обдуманный съ политической точки зрѣнія, тоже представляетъ неудобства. Положимъ даже, что русскіе овладѣли бы Константинополемъ; что изъ этого вышло-бы? Удержать его за собою невозможно было: вся Европа взялась бы за оружіе, чтобы отбить его, а вмѣстѣ съ потерею завоеванія исчезло бы то магическое вліяніе, которое русскіе имѣютъ на христіанъ турецкой имперіи.

Въ глазахъ турокъ положеніе ихъ казалось безнадежнымъ, въ глазахъ Европы—чрезвычайно опаснымъ. Императоръ Николай былъ готовъ къ миру; во время пребыванія своего въ Берлинѣ, въ теченіе лѣта того же года, онъ вновь подтвердилъ королю обѣщаніе, въ своихъ требованіяхъ ограничиться самымъ неизбѣжнымъ. Европейскіе кабинеты возобновили сношенія съ Портою и неотступно требовали, чтобы она вошла въ мирные переговоры съ Россіей. Для Пруссіи открывался удачный случай разомъ оказать услугу Россіи, Турціи и остальной Европѣ. Король лично меньше всѣхъ остальныхъ былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, поэтому для него очень удобно было отправить въ Константинополь генерала Мюфлинга, чтобы служить посредникомъ. Мюфлингъ представилъ турецкимъ властямъ положеніе дѣлъ именно въ такомъ свѣтѣ, какого желали имъ придать русскіе; Дибичъ съ своей стороны своею смѣлою непринужденностію и отважными движеніями поддерживалъ это мнѣніе. Онъ притворялся будто дѣлаетъ снисхожденіе, на которое не имѣетъ даже права, когда рѣшается вступить въ мирные переговоры: между тѣмъ онъ отлично зналъ, что съ 20,000 войскомъ хотя бы дѣйствительно способнымъ къ военнымъ дѣйствіямъ, ему Константинополя не завоевать, а еслибы, сверхъ чаянія, ему это удалось, онъ свое отечество и своего государя, въ отношеніи прочихъ европейскихъ державъ, поставилъ бы въ очень сомнительное и запутанное положеніе и что сильный англійскій флотъ, находящійся въ Эгейскомъ морѣ, можетъ надѣлать ему немало хлопотъ.

Съ 1 сентября начались мирные переговоры, которые окончились 14 адріанопольскимъ миромъ; договоръ этотъ состоялъ изъ 16 статей и одной сепаратной конвенціи. Главныя статьи договора заключали въ себѣ слѣдующее: Россія возвращала Турціи всѣ завоеванныя у нея въ Европѣ крѣпости и мѣста. Прутъ по прежнему назначался пограничною рѣкою для обоихъ государствъ; только острова въ устьѣ Дуная оставались за Россіей, но она обязывалась не воздвигать на нихъ ни крѣпостей, ни укрѣпленій, въ Азіи же Россія пріобрѣтала укрѣпленные города Поти и Анапу по восточному берегу Чернаго моря, а въ прилежащей къ нимъ области граница была проведена очень удобно и выгодно для Россіи и она получала крѣпости пашалыка—Ахалцыкъ и Ахалкалаки; полная свобода торговли признавалась за русскими подданными въ Турціи. Касательно Придунайскихъ княжествъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи были возобновлены условія Акерманскаго мира: положено было, что Молдавія и Валахія впередъ будутъ избирать своихъ господарей, вмѣсто семилѣтняго срока, пожизненно; внутреннее управленіе имъ вполнѣ предоставлялось; для соблюденія порядка внутри государства, княжества имѣли право завести и содержать свою собственную ми-

лицію; такъ какъ ни одному мусульманину не дозволялось селиться въ предѣлахъ княжествъ, то въ сущности они совершенно освобождались отъ турецкаго подданства и больше чѣмъ когда либо подчинялись вліянію Россіи. Касательно вознагражденія за военныя издержки положено было согласиться потомъ: десять милліоновъ червонцевъ, назначенные платою за военныя издержки, поставили истощенную Турцію на долгое время въ зависимое положеніе относительно страшной и сильной сосѣдней съ ней Россіи; а императоръ Николай считалъ съ своей стороны подвигомъ величайшей умѣренности и великодушія, что разомъ не покончилъ съ нею. Но чувствительнѣе и обиднѣе всего для Турціи было то, что и греческій вопросъ приближался къ своему окончательному и невыгодному для нея рѣшенію.

3. Грецiя. Конецъ борьбы за независимость.

Касательно Г р е ц і и Адріанопольскій миръ сдѣлалъ послѣдній шагъ къ ея окончательному освобожденію; напрасно пыталась Порта исключить ее изъ мирнаго договора съ Россіей. Египетскій паша наотрѣзъ отказался отозвать своего сына Ибрагима изъ Мореи. Но побѣдитель при Наваринѣ, англійскій адмиралъ Кодрингтонъ съ флотомъ явился передъ Александріей, въ августѣ 1828 года и принудилъ египтянъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ грековъ и греческихъ невольниковъ изъ Египта и дать приказаніе находящимся въ Греціи войскамъ немедленно очистить ее. Въ то время, когда Ибрагимъ-паша приготовлялся оставить Грецію, въ ней явился французскій генералъ Мезонъ съ 14,000 корпусомъ, который потребовалъ сдачи всѣхъ крѣпостей Мореи, еще занятыхъ турецкими войсками; такимъ образомъ отнята была послѣдняя возможность возобновить военныя дѣйствія. По десятой статьѣ Адріанопольскаго мирнаго договора Порта принимала рѣшеніе трехъ союзныхъ державъ, которыя по договору отъ 6 іюля 1827 года и по протоколу 22 марта 1829 года точно опредѣляли границу будущаго вассальнаго владѣнія Турціи. Она согласилась, что впередъ Грецiя будетъ находиться къ Портѣ въ точно такихъ же отношеніяхъ, какъ Дунайскія княжества: внутреннее устройство и управленіе предоставляется ей самой, а она только обязана была платить Турціи ежегодную дань въ 100,000 рублей серебромъ.

Но этимъ ни въ какомъ случаѣ окончательно не разрѣшался греческій вопросъ. Новый кибернетъ Греціи, графъ Каподистрія прибылъ въ Навплію 18 января 1828 года; первою его заботою было водворить какой нибудь порядокъ въ странѣ, находящейся въ самомъ жалкомъ положеніи; въ ней свирѣпствовали голодъ, анархія, разбои на сухомъ пути и на морѣ, грабили все, что можно было грабить; задача возстановить порядокъ и правильную администрацію въ такой несчастной странѣ, была очень трудная: но онъ принесъ съ собою, какъ правитель, пріятную наружность, вѣжливость и увлекательныя манеры, но важнѣе всего чистую душу, твердую волю и неутомимую дѣятельность. Національное собраніе, составившееся въ іюлѣ 1829 года, въ Аргосѣ, утвердило всѣ его предположенія; ему удалось устроить такъ, что большинство членовъ составляли приверженцы президента Но судьба страны находилась въ рукахъ великихъ державъ, которыя немедленно послѣ заключенія мира, для конференціи собрались въ Лондонѣ. Окончательный протоколъ подписали здѣсь 3 февраля 1830 года Англія, Франція и Россія и такимъ образомъ положено было начало для послѣдней сцены этой великой драмы. По этому окончательному протоколу обрывалась послѣдняя нить, связывавшая Грецію съ Турціей и сохраненная Адріанопольскимъ мирнымъ договоромъ. Грецiя была объявлена совершенно независимымъ и свободнымъ отъ всякой дани государствомъ, для котораго союзныя державы обязались найти короля. Порта безропотно приняла это рѣшеніе и безъ всякихъ возраженій подписала этотъ актъ 24 апрѣля 1830 года. Но чтобы вознаградить Турцію за потерю дани, изъ которой, сказать мимоходомъ, она едва ли что нибудь и когда нибудь получила бы, союзныя державы еще съузили границы Греціи противъ первоначально обозначенныхъ протоколомъ 22 марта 1829 года. Положено было, чтобы сѣверная погра-

ничная съ Турціей линія, вмѣсто того, чтобы идти отъ залива А р т ы на западъ до залива Воло на востокъ, назначалась отъ устьевъ Амвропотама, на западъ отъ Миссолунги черезъ Брахори до залива Цейтунскаго.

Королемъ греческимъ предполагалось назначить зятя англійскаго короля, герцога Леопольда Кобургскаго, которому судьба, однакожь, предназначала другой тронъ, на которомъ онъ болѣе нашелъ случая выказать свои правительственныя дарованія и достоинства. Несчастная Греція между тѣмъ томилась, ожидая короля, который положилъ бы конецъ ея страданіямъ и томительной неизвѣстности отношеній, въ которой она находилась уже десятилѣтія—гдѣ же нашъ законный государь? спрашивали еще въ 1821 году греческіе пастухи и крестьяне, когда ихъ старались одушевить къ борьбѣ за независимость—но и теперь надежды ея получить короля не сбывались. Леопольдъ сперва согласился, 13 февраля 1830 г., принять греческій престолъ; но непремѣннымъ условіемъ постановилъ расширеніе ея границъ и этимъ однимъ требованіемъ доказалъ, что понимаетъ потребности и желанія народа. Большинство членовъ англійскаго парламента, сочувствовавшіе потребностямъ новаго государства, очень охотно согласились бы распространить его границы, прибавить къ нему Кандію и даже находящіеся подъ британскимъ протекторатомъ Іоническіе острова; но рѣшеніе этого вопроса не зависѣло отъ парламента. Англійское министерство, лорды Абердинъ и Веллингтонъ, подобно Меттерниху, были за совершенное освобожденіе страны, но при этомъ предполагали, по возможности, дать меньшее протяженіе ея границамъ и ни въ какомъ случаѣ не отнимать, безъ крайней необходимости, новыхъ владѣній у Порты, и безъ того униженной и оскорбленной. Каподистрія сдѣлалъ ошибку и оказалъ плохую услугу Греціи тѣмъ, что въ письмѣ своемъ къ принцу Леопольду широкою кистью очертилъ всѣ трудности, ожидавшія его, и всѣ невыгоды бѣдной, непривыкшей къ покорност и порядку Греціи; при своемъ личномъ общественномъ положеніи, принцу не было ни малѣйшей охоты желать чего нибудь инаго, лучшаго, и менѣе всего стремился онъ надѣть на голову корону такую подавляющую по своей тяжести и такую двусмысленную по своей цѣнѣ. Но союзныя державы не согласились на его требованія на счетъ расширенія границъ Греціи; между тѣмъ этимъ онъ надѣялся понравиться своимъ новымъ подданнымъ и хотѣлъ подарить имъ это пріобрѣтеніе при самомъ началѣ своего царствованія; безъ этого онъ не захотѣлъ принимать короны и 15 мая извѣстилъ великія державы о своемъ отреченіи отъ греческаго престола. На время во главѣ правленія остался графъ Каподистрія «русскій префектъ», какъ его называли недовольные; это обстоятельство можно было почесть новымъ успѣхомъ русской политики, которая со дня смерти императора Александра I въ этомъ вопросѣ выказала особенную осмотрительность и умъ.

С. ГЕРМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

Посредствомъ освобожденія Греціи, хотя и не окончательнаго, всей системѣ священнаго союза былъ нанесенъ значительный ударъ. Несостоятельный, ребяческій, можно сказать, взглядъ на возстаніе каждаго народа, какими притѣсненіями и жестокостями оно бы ни было вызвано, считать его якобинизмомъ, своеволіемъ, теперь ясно обнаружился; мнѣніе, что каждый существующій порядокъ, какъ бы плохъ и какъ бы неестестве нъ онъ ни былъ, находить хорошимъ и законнымъ оттого только, что онъ давно существуетъ, при первомъ трудномъ и запутанномъ случаѣ, какъ напримѣръ, греческій, выказалъ всю свою несостоятельность. Героическая, отчаянная рѣшительность греческаго народа, громко и несдержанно высказавшееся всеобщее сочувствіе самыхъ образованныхъ и самыхъ благородныхъ людей Европы, симпатія, основанная на историческомъ прошедшемъ, на религіозномъ единствѣ и вполнѣ понятныхъ общихъ интересахъ могущественной сосѣдней Греціи Россіи, опрокинули политику Меттерниха и сорвали маску христіанскаго сочувствія къ народамъ съ акта священнаго союза, которымъ драпировались личные интересы. Въ Европѣ съ восторгомъ встрѣтили этотъ оборотъ дѣла; какъ бы поздно онъ ни наступилъ, но онъ былъ какъ бы провозвѣстникомъ свободы вообще. На освобожденіе Греціи смотрѣли съ двойнымъ сочувствіемъ, потому что иго на этой почвѣ древней независимости было вдвойнѣ ненавистно. Но, къ несчастію, это освобожденіе было не полное, отъ него нельзя было ожидать обширныхъ послѣдствій, и побѣда была не совсѣмъ безъ постороннеи нечистой примѣси; дѣйствительная Греція вовсе не походила на идеальную, о которой мечтали германскіе поэты въ своихъ предразсвѣтныхъ сновидѣніяхъ; къ тому же побѣда была очень дорого куплена. Адріанопольскій миръ поставилъ Россію на высокую степень могущества и сдѣлалъ изъ нея оплотъ абсолютизма, всегда готоваго при дальнѣйшемъ ходѣ событій, противодѣйствовать всѣмъ стремленіямъ свободы; такимъ образомъ являлась сила, способная достаточно вознаградить за всѣ потерянныя священнымъ союзомъ преимущества. И это произошло въ то время, когда на западѣ, во Франціи, происходила реакція со всею силою, къ какой способны люди, ослѣпленные религіознымъ и абсолютистическимъ фанатизмомъ, которые всѣми силами старались искоренить все, что было пріобрѣтено въ 1789 году потоками крови и всякими насиліями.

На народахъ германскаго племени судьба положила великую обязанность хранить свѣтильникъ народной свободы и заботиться о прогрессивномъ развитіи человѣчества. Въ характерѣ этого племени можно найти всѣ данныя, необходимыя для достиженія этой задачи: не смотря ни на неудачи, ни на несовершенства, какія мы покажемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, цѣлое германское племя все-таки неуклонно идетъ къ этой цѣли; въ немъ мы не находимъ глухой и безучастной неподвижности восточныхъ племенъ, безстрастная жизнь которыхъ только изрѣдка

прерывается судорожными потрясеніями; не находимъ также непостоянства, дикаго нерѣшительнаго и часто безцѣльнаго колебанія западныхъ племенъ, которыя, какъ ни въ чемъ небывало, способны переходить отъ крайняго деспотизма къ крайней необузданности своевольной свободы.

I. Скандинавія.

Скандинавскій сѣверъ не принималъ никакого замѣтнаго участія въ общеевропейскомъ волненіи и въ его стремленіи къ прогрессу. Данія со временъ странной революціи 1660 года стала неограниченной монархіей; при кроткомъ и справедливомъ образѣ правленія Фридриха VI (1808—1839) народъ былъ счастливъ, спокоенъ, и не выказывалъ ни малѣйшаго желанія получить конституцію, отъ веденія которой вся остальная Европа ожидала всевозможныхъ благъ. Финансы государственные были въ хорошемъ состояніи, администрація справедливая, войска было очень немного, всего 6000 человѣкъ; только флотъ, вслѣдствіе народнаго духа и его потребности—значительный. Торговля, ремесла, науки, народное образованіе и обученіе въ хорошемъ состояніи; свобода рѣчи ничѣмъ не стѣснялась, печать подлежала очень легкой и невзыскательной цензурѣ; судопроизводство было независимое и открытое. Но къ величайшему и общему удивленію Европы, въ 1820 году открылось, что и въ этомъ довольномъ своимъ положеніемъ народѣ явились заговорщики, которые намѣревались навязать Даніи конституцію, подобную той, какая есть кругомъ у всѣхъ язычниковъ; преступниковъ судили, приговорили къ смерти, но король ихъ помиловалъ. Не такъ мирно протекла жизнь въ областяхъ, принадлежащихъ къ германскому союзу, въ Шлезвигѣ и въ Голштиніи; но то, что здѣсь происходило, было только слабымъ прелюдіемъ того смутнаго времени, которое настало позже.

Въ Швеціи въ 1818 году на престолъ взошелъ Карлъ Іоаннъ, единственный изъ государей наполеоновской эпохи, сохранившій вѣнецъ, въ эту пору добытый. Онъ пользовался общимъ почетомъ, но царствующіе дома не могли забыть его происхожденія и ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ дать принцессы въ супруги наслѣднику престола, сыну царствующаго короля; поэтому онъ, въ 1823 году женилъ его на дочери бывшаго вице-короля Италіи. Карлъ Іоаннъ хорошо управлялъ своимъ народомъ, заботился о его спокойствіи и счастіи, при внѣшнихъ отношеніяхъ старался сохранить дружбу своего сильнаго сосѣда—русскаго императора; нетерпѣливые и исполненные страстей демагоги не дѣлали ему хлопотъ, должно быть, вслѣдствіе чрезвычайной запутанности конституціи, по которой народные представители обречены на совершенно безплодную бездѣйственность, которая даетъ и цѣлому народу мало возможности къ дальнѣйшему развитію. Только въ половинѣ двадцатыхъ годовъ явилось кое-какое движеніе въ крестьянскомъ сословіи и оно начало излагать свои нужды и просьбы.

Только на одномъ, очень неопасномъ для Европы, пунктѣ, въ Норвегіи во всей своей цѣлости сохранилось либеральное, даже демократическое начало; но и это было крайне непріятно для торжествующей повсюду реакціи. Въ Норвегіи нечестіе дошло до того, что всякіе титулы и дворянскія преимущества были уничтожены; стортингъ въ 1815 году въ первый разъ предложилъ законъ общаго равенства, но король не утвердилъ его; въ 1818 году стортингъ во второй разъ предложилъ тотъ же законъ, но и во второй разъ король его не утвердилъ; такимъ образомъ король дважды своимъ тупымъ мечемъ отстранилъ ударъ, готовившійся дворянству; но стортингъ настоялъ на своемъ; онъ въ третій разъ предложилъ тотъ же законъ и, по правамъ конституціи, на этотъ разъ уже не нуждался въ конфирмаціи королевской, чтобы дать закону всю его силу. Напрасно просилъ король еще обождать этимъ рѣшеніемъ, не уничтожать правъ и преимуществъ сословія, утвержденныхъ въ теченіе столѣтій; по этому поводу король даже самъ пріѣхалъ и своимъ личнымъ присутствіемъ пытался измѣнить рѣшеніе, но это было также безполезно, какъ и назначеніе сына своего Оскара вице-королемъ въ 1824 году; черезъ него король сдѣлалъ стортингу предложеніе утвердить но-

вымъ закономъ за королемъ право абсолютнаго и неизмѣннаго вето и приступить къ учрежденію новаго дворянства; но стортингъ отвергнулъ оба проекта и кронпринца опять отозвали изъ Норвегіи; дальнѣйшія попытки въ этомъ же родѣ были столько же безуспѣшны.

2. Англія.

Въ Англіи прогрессъ дѣйствительно шелъ твердыми и неуклонными шагами; здѣсь усовершенствованія дѣлались не наружно и поверхностно, но и тутъ, въ третьемъ десяткѣ XIX столѣтія, и самые люди, и порядокъ вещей измѣнялись къ лучшему, а сознаніе твердой и благородной независимости глубоко укоренялось въ народѣ. Здѣсь, что касается до политической свободы въ тѣсномъ смыслѣ, сдѣлано было больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; что здѣсь для свободы было пріобрѣтено, то было прочно и безвозвратно впредъ принадлежало народу. Но за то съ другой стороны, въ отношеніи свободы матеріальной, соціальной и духовной еще многаго надобно было добывать.

Отцу своему наслѣдовалъ Георгъ IV, взошедшій на престолъ 20 января 1820 года; его царствованіе началось при такихъ постыдныхъ обстоятельствахъ, что историкъ даже не находитъ приличнымъ останавливаться на нихъ; но это имѣетъ для него значеніе, только какъ доказательство, какъ глубоко въ народѣ укоренилось уваженіе къ значенію короля, у котораго даже такое происшествіе ничего не могло отнять отъ законной власти и значенія, какое онъ имѣетъ въ этомъ правильно устроенномъ государственномъ организмѣ; съ другой стороны оно можетъ служить доказательствомъ могущества закона и твердыхъ общественныхъ обычаевъ, передъ которыми принужденъ былъ склониться первый человѣкъ государства, глава, увѣнчанная короной, и раболѣпное министерство, въ рукахъ котораго въ теченіе восьми лѣтъ была вся сила.

Подъ наружностью истиннаго свѣтскаго человѣка Георгъ IV скрывалъ порочную душу. Онъ былъ кругомъ въ долгахъ, не обращалъ вниманія на общественное мнѣніе и съ 1795 жилъ въ несчастномъ супружествѣ съ принцессою Каролиною Брауншвейгскою. Отъ этого брака была у него одна только дочь Шарлотта, впослѣдствіи вышедшая замужъ за принца Леопольда Кобургскаго; она къ общему сожалѣнію скончалась въ 1817 году. Еще до этого печальнаго событія, разрушившаго всѣ надежды счастливой семейной жизни четы, такъ высоко поставленной, мать принцессы, уже давно жившая въ разводѣ съ своимъ супругомъ, отправилась путешествовать и въ чужихъ краяхъ предалась всей прихоти своей фантастической, хотя и не порочной природы. Георгъ, глубоко ненавидѣвшій ее, хотѣлъ отъ нея, во что бы то ни стало, отдѣлаться; но она въ ожиданіи перемѣнъ на тронѣ, вслѣдствіе которыхъ ей предстояло сдѣлаться королевой, не хотѣла согласиться на формальный разводъ; однако Георгъ рѣшился достигнуть своей цѣли; ему только нужны были матеріалы для разводнаго процесса и потому онъ окружилъ ее шпіонами на Лаго-ди-Комо, гдѣ она жила въ отдѣльной виллѣ: можно себѣ представить, что за презрѣнные люди взялись за низкую роль шпіоновъ.

Между тѣмъ Георгъ III скончался и регентъ сдѣлался королемъ; но всѣхъ удивило, что при церковномъ поминаніи имя королевы было выпущено. Тайно король велѣлъ предложить своей супругѣ ежегодный доходъ въ 500,000 фунтовъ стерлинговъ, если она откажется отъ титула и правъ королевы; въ случаѣ несогласія грозилъ ей процессомъ, матеріалы для котораго все еще собирались. Постыдное обвиненіе было уже готово: хотѣли доказать ея непозволительную связь съ однимъ изъ своихъ слугъ, италіанцемъ Бергами. Ее нельзя было склонить къ уступкѣ; раздраженная этимъ предложеніемъ, рѣшилась она возвратиться въ Англію, но такъ какъ правительство уже согласилось идти объ руку съ Георгомъ въ болото несправедливости, поэтому оно отказалось перевезти ее на казенномъ кораблѣ, она на обыкновенномъ пакетботѣ переѣхала изъ Кале въ Дуврь и въ іюнѣ 1820 года вышла на берегъ Великобританіи. Англійскій народъ, по своей благородной привычкѣ сочувствовать слабѣйшему и принимать его сторону про-

тивъ сильнѣйшаго, былъ пораженъ этимъ смѣлымъ поступкомъ: «она, должно быть, невинна» слышалось со всѣхъ сторонъ и народъ принялъ ее, какъ свою законную королеву; съ торжествомъ, при колокольномъ звонѣ, она въѣхала въ Лондонъ. Такое выраженіе общаго уваженія продолжалось еще нѣсколько времени; ея резиденція въ Портманъ-Стритѣ съ утра и до вечера была окружена депутаціями отъ городовъ и селъ, которыя являлись къ ней съ адресами. Возбужденная выраженіемъ этой общей симпатіи, королева не хотѣла принимать никакихъ посредничествъ, отвергла даже совѣты нижней палаты, которая ихъ предлагала черезъ извѣстнаго своею правдивостью Уильберфорта; она хотѣла выждать, на что рѣшится король, который, если бы даже всѣ обвиненія и распространенныя объ ней сплетни имѣли основаніе, послѣдній имѣлъ бы право поднять на нее камень. Министерство, изъ числа его надобно исключить лорда Канинга, который по чувству собственнаго достоинства отказался принимать какое бы то ни было участіе въ этомъ дѣлѣ, министерство предложило это дѣло на разсмотрѣніе палатѣ перовъ; рѣшеніе ея, данное 4 іюля, состояло въ томъ, что матеріаловъ для серьезнаго слѣдствія достаточно и билль о лишеніи королевы достоинства, аттрибутовъ королевскихъ и расторженіи супружества короля съ Каролиною Брауншвейгскою, прошелъ первое засѣданіе. Народъ заволновался, когда въ Лондонъ прибыла толпа свидѣтелей обвиненія—лакеи, горничныя, погонщики ословъ, рыбаки, нѣмецкіе, французскіе и италіянскіе курьеры; ихъ, какъ плѣнныхъ, долженъ былъ провожать отрядъ войска, чтобы защитить отъ ярости народной, готовой растерзать ихъ, или побить камнями. Волненіе возросло, когда 17 августа начался отвратительный процессъ: начался допросъ свидѣтелей, которые все постыдное и порочное излагали передъ судомъ и слушателями со всѣми возмутительными подробностями, изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю; но когда защитники обвиняемой начали обнаруживать сѣть закупленныхъ лживыхъ показаній и свидѣтели все болѣе и болѣе запутывались въ нихъ и потерявшись въ противорѣчіяхъ и лжи отдѣлывались тѣмъ что не помнятъ, тогда волненіе еще усилилось. Между жителями Лондона сдѣлалось поговоркою: non mi ricordo—такъ часто повторяемое италіянскимъ сбродомъ, не знавшимъ, что отвѣчать, когда ложь ихъ дѣлалась несомнѣнною. Защиту королевы приняли на себя Генри Бруггамъ и Денманъ; они выполнили возложенную на нихъ обязанность такъ, что это приноситъ столько же чести имъ лично, сколько и государству, въ которомъ свобода слова имѣетъ такое могущество; ихъ защитительная рѣчь, какъ бы велика или мала ни была вина королевы, тѣмъ не менѣе должна была поразить ея враговъ и обвинителей, изъ которыхъ первый былъ король, если только въ душѣ его оставалась еще искра чести; Генри Бруггамъ въ своей защитительной рѣчи не задумался привести мѣткія, бичующія слова римскаго историка Тацита, обвинявшаго Нерона за его поступки въ отношеніи жены его Октавіи. Послѣ долгихъ преній наконецъ 6 ноября, во второй разъ читали билль и собирали голоса; на этотъ разъ на сторонѣ правительства было только большинство 28 голосовъ. Когда билль будетъ повергнутъ на обсужденіе нижней палаты, тогда, было извѣстно, что королева намѣрена подать съ своей стороны обвиненіе противъ короля и точно также всякому извѣстно было, что для этого найдется довольно матеріала и нужное число неотразимыхъ свидѣтелей; но чего надобно было ожидать, когда частная жизнь короля передъ судомъ разоблачится въ такой же безжалостной наготѣ, какъ жизнь королевы?... Но до этого не дошло, при третьемъ чтеніи и баллотированіи билля большинство уменьшилось на 9 голосовъ и вышло 108 да, 99 нѣтъ; лордъ Ливерпуль всталъ съ своего мѣста и объявилъ, что правительство откладываетъ обсужденіе билля на шесть мѣсяцевъ, т. е. въ смыслѣ парламентскихъ выраженій, это значило, что оно отъ билля отказывается. Демонстраціи между тѣмъ усиливались; но у королевы не достало такта удовольствоваться этимъ спасеніемъ чести. Ей суждено было испытать на себѣ, что великая нація, подобная англійской, не можетъ долго останавливаться на такихъ случаяхъ и что, не смотря на всю выказанную ей симпатію, она уже не можетъ въ обществѣ занять мѣста, которое потеряла своимъ безтактнымъ и лишеннымъ достоинства поведеніемъ, если не допускать ничего худшаго. Король во все продолженіе процесса запрятался въ Виндзоръ; когда же, въ день коронаціи 19 іюля 1821 года, королева явилась

передъ Вестминстерскимъ аббатствомъ, чтобы воспользоваться своимъ правомъ и участвовать въ коронаціи, входъ въ аббатство ей былъ отказанъ и собравшаяся толпа, жадная къ зрѣлищу коронаціи, производимой со всею средневѣковою пышностію и торжественностію, не вступилась за нее и она со стыдомъ должна была возвратиться въ свой домъ. Она не вынесла этого позора и умерла нѣсколько недѣль спустя; даже похороны ея были причиной волненія и кровопролитія; ея тѣло отправили въ Брауншвейгъ и похоронили тамъ.

Ожидали, что вслѣдствіе этого скандала и пораженія правительства произойдетъ перемѣна министерства, противъ котораго ненависть народная съ каждымъ днемъ возрастала. Но перемѣна эта произошла только годомъ позже, когда новое событіе поразило и взволновало всѣ умы: въ 1822 году, августа 12 самый замѣчательный человѣкъ изъ правительственныхъ лицъ, министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кастельри, теперешній маркизъ Лондондери, въ припадкѣ меланхоліи перочиннымъ ножемъ разрѣзалъ себѣ шейную артерію. Уже нѣсколько времени въ немъ замѣчали признаки умопомѣшательства: его неотступно преслѣдовала идея, что онъ окруженъ врагами, которые покушаются на его жизнь; его дѣйствительные враги полагали, что его преслѣдуютъ и доводятъ до отчаянія постоянно поражаемыя имъ и постоянно возстающія противъ него идеи либерализма и что онъ ихъ то и олицетворяетъ, какъ враговъ, ищущихъ его гибели. Когда докторъ вошелъ къ нему въ комнату, чтобы помочь ему, послѣднія слова его были: **все кончено!** Система, которую онъ втеченіе всей жизни защищалъ и поддерживалъ и которую народъ выносилъ съ негодованіемъ, со смертью его рушилась и уже больше не поднималась; смерть его отозвалась во всей Англіи и вездѣ произвела сильное впечатлѣніе.

Виги опять зашевелились; надежды ихъ воскресли, разныя волненія и интриги закипѣли въ кругу, стоящемъ у самаго кормила правленія; но общественное мнѣніе Англіи на этотъ разъ очень ясно указывало королю на того, кто долженъ наслѣдовать лорду Лондондери; важное мѣсто, которое онъ занималъ, требовало человѣка съ замѣчательнымъ умомъ и талантомъ и на этотъ разъ общественное мнѣніе согласовалось съ потребностями правительства: это былъ **Георгъ Канингъ**, человѣкъ съ возвышеннымъ и независимымъ образомъ мыслей, понимавшій духъ своего народа и текущаго столѣтія; онъ твердою рукою взялся за путаницу европейской политики. Назначеніе его состоялось 16 сентября 1822 года; лордъ Ливерпуль и герцогъ Веллингтонъ объяснили королю неизбѣжную необходимость этого назначенія.

Георгъ Канингъ родился въ Лондонѣ 1770 года. Его отецъ происходилъ отъ незнатнаго дворянскаго рода; у него было въ Ирландіи наслѣдственное помѣстье, но по причинѣ долговъ, пришлось продать его; послѣ этого онъ прожилъ не долго; его молодая вдова осталась съ сыномъ въ крайней бѣдности; чтобы выйти изъ нея, она рѣшилась поступить актрисой на сцену, что для сына ея впослѣдствіи было большимъ препятствіемъ возвыситься въ обществѣ, исполненномъ самыхъ смѣшныхъ и отсталыхъ предразсудковъ. Съ другой стороны то, что въ глазахъ гордой аристократіи клеймилось презрѣніемъ и называлось низкимъ происхожденіемъ, приближало его къ народу и когда, въ 1816 году, его избрали въ депутаты въ Ливерпулѣ, онъ въ своей рѣчи произнесъ слова: «Я, представитель народный, самъ членъ этого народа, меня въ это званіе не поставило ни покровительство патриціевъ, ни заступничество партіи!» Слова эти не прошли безъ вниманія. Своимъ желѣзнымъ трудолюбіемъ, своими замѣчательными дарованіями, развитыми, основательнымъ древне-англійскимъ изученіемъ классической древности и законодательства отечества, воспитанный въ Этонскомъ училищѣ, онъ вскорѣ привлекъ на себя всеобщее вниманіе; на 23 году онъ былъ выбранъ въ парламентъ, а въ 1796 году Питтъ его сдѣлалъ статсъ-секретаремъ въ своемъ министерствѣ. Нѣсколько разъ былъ онъ членомъ правительства, нѣсколько разъ оставлялъ занятія и въ этомъ независимомъ положеніи имѣлъ возможность глубоко изучить политику. Онъ стоялъ выше предразсудковъ своего отечества, но глубоко изслѣдовалъ его особенности и его потребности; онъ былъ твердо преданъ дѣлу гражданской и религіозной свободы, но въ немъ не было пылкаго энтузіазма человѣка, принадлежащаго къ какой либо партіи, который считаетъ себя въ правѣ, въ каждую дан-

ную минуту всего требовать, на все рѣшаться, на все нападать; онъ напротивъ служилъ свободѣ обдуманно и съ яснымъ пониманіемъ, выжидая самой удобной минуты, чтобы дѣйствовать, и имѣлъ довольно скромности и самообладанія, чтобы спокойно выжидать этой минуты. Въ 1809 году, онъ на довольно долгое время не находился при своемъ постѣ и былъ посланникомъ въ Лиссабонѣ; но въ 1816 году правительство нуждалось въ сильной опорѣ и его опять возвратили въ нижнюю палату, и въ качествѣ президента индѣйскаго контрольнаго отдѣленія въ министерство; изъ него онъ опять вышелъ, когда начался процессъ королевы, въ которомъ онъ не захотѣлъ принимать никакого участія, что противъ него крайне возстановило короля; но министерство не могло лишиться его дѣятельности, но все-таки его нужно было удалить изъ столицы, поэтому онъ получилъ должность генералъ-губернатора въ Индіи, гдѣ передъ нимъ открывалось обширное поприще разнообразной дѣятельности. Онъ уже приготовлялся къ отъѣзду, когда 11 сентября первый министръ лордъ Ливерпуль, отъ имени короля, предложилъ ему портфель министерства иностранныхъ дѣлъ и руководство нижней палатой, на мѣсто лорда Лондондери.

Таковъ былъ человѣкъ, въ теченіе пяти лѣтъ, съ осени 1822 года до апрѣля 1827, руководившій внѣшней политикой Великобританіи и въ сущности направлявшій внутреннее положеніе дѣлъ государства; въ этотъ періодъ времени печать его великаго и обширнаго ума лежитъ на всѣхъ отношеніяхъ, хотя въ дѣйствительности онъ только при концѣ своей карьеры, въ апрѣлѣ 1827 года, послѣ удаленія лорда Ливерпуля сталъ во главѣ министерства. Мы уже въ предъидущемъ разсказѣ нѣсколько разъ указывали на его дѣятельность.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вмѣшался въ европейскую политику, въ ней произошелъ рѣшительный переворотъ. Онъ медленно, но вѣрно подвигался впередъ, никогда, ни на шагъ не отступалъ и спокойно, безъ торопливости, разрушалъ реактивныя тенденціи политики священнаго союза; онъ не впадалъ при этомъ въ общую ошибку одно зло устранять другимъ зломъ; онъ не противоставилъ реактивной всесвѣтной политикѣ вмѣшательства—другую либеральную всесвѣтную политику невмѣшательства. Находясь на возвышенной и независимой точкѣ зрѣнія, онъ съ нея обозрѣвалъ всѣ противоположности, волнующія европейскую жизнь до самой сокровенной глубины ея. Онъ ясно и вполнѣ понималъ, какая исполинская сила заключается въ либеральныхъ идеяхъ, ежели правительство могущественнаго государства, въ своемъ всеоружіи, открыто приметъ ихъ сторону; но онъ также понималъ, что этимъ дѣло свободы менѣе всего выигрываетъ; что свободу народа, хотя и можно подавить силою, но силою ея нельзя ввести въ народъ и что успѣха отъ его свободной политики только тогда ожидать можно, когда она будетъ устремлена на поддержаніе мира вообще.

Мы уже видѣли, какую инструкцію онъ далъ на Веронскомъ конгрессѣ герцогу Веллингтону, гдѣ онъ ясно и опредѣленно, со стороны Англіи, объявилъ, что она не намѣрена принимать ни малѣйшаго участія въ вмѣшательствѣ въ испанскія дѣла, и тѣмъ ясно опредѣлилъ политику Англіи, которая уже въ послѣдніе дни жизни лорда Кастельри явно возставала противъ притязаній конгрессовъ. Такимъ образомъ Канингу удалось отклонить общее европейское вмѣшательство въ испанскія дѣла; но частнаго французскаго онъ не могъ отклонить, не прибѣгая къ оружію, а войны онъ избѣгалъ; тѣмъ не менѣе онъ опредѣленно выразилъ французскому правительству, что Англія возьмется за оружіе, ежели Франція распространитъ свое вмѣшательство изъ Испаніи на дѣла Португаліи. Въ той же самой рѣчи 14 апрѣля 1823 года, въ которой онъ это выразилъ, онъ прибавилъ, что Англія ни въ какомъ случаѣ не допуститъ уступку (cession) испанскихъ колоній, хотя въ сущности Испанія надъ ними не имѣетъ болѣе никакой силы. Онъ оправдывалъ свой взглядъ на политику въ другой рѣчи, которую онъ въ томъ же году говорилъ въ Плимутѣ, по поводу испанскаго нашествія; по благородному, ясному, исполненному силы и самостоятельности образу выраженія, рѣчь эта вездѣ и для всѣхъ была понятна и оцѣнена всѣми по достоинству; въ ней между прочимъ говорилось: «Наша конечная цѣль есть всеобщій миръ; но мы не хотимъ, чтобы кто нибудь сказалъ, что мы стараемся поддерживать миръ, потому, что боимся войны, или что мы къ ней не

приготовлены.—Наше настоящее спокойствіе не можетъ служить доказательствомъ нашей неспособности къ дѣйствію, точно также, какъ и въ лѣнивой неподвижности тѣхъ могущественныхъ колоссовъ, которые такъ тихо колышутся на водахъ вашей гавани, не могу видѣть доказательства ихъ слабости и невозможности дѣйствовать.»

И ему не было никакой нужды напоминать о спящихъ громахъ военныхъ кораблей Великобританіи, сравнивать ея политику съ ихъ спокойно выжидающей силой; въ его рукахъ находилось средство менѣе насильственное, но вполнѣ достигающее своей цѣли, чтобы напомнить необдуманной политикѣ Европы, которая все съ большею слѣпотою стремилась къ своимъ реактивнымъ цѣлямъ, что она не вѣчна и что и ей будетъ конецъ; средство это: признать освободившіяся испанскія колоніи самостоятельнымъ независимымъ государствомъ.

Во второй разъ Новый свѣтъ имѣлъ знаменательное вліяніе на судьбу Стараго и осязательно доказалъ, что наступило время, или что время наступаетъ когда каждый господствующій человѣкъ, или каждый господствующій народъ свое право на господство долженъ доказать тѣмъ, что подчиненный ему народъ доволенъ его управленіемъ, если же онъ этого въ теченіе извѣстнаго срока доказать не можетъ, то теряетъ подчиненный ему народъ.

Испанія въ началѣ XIX столѣтія еще обладала большею частію Америки, около 250,000 кв. миль съ 17 почти милліонами жителей. Примѣръ сѣвероамериканскихъ англійскихъ колоній, потрясеніе и паденіе испанскаго престола въ метрополіи, неопредѣленность, въ которую революція и ея послѣдствія поставили европейскія дѣла вообще и испанскія въ особенности—наконецъ, и болѣе всего, дурная администрація, которая съ каждымъ годомъ ухудшалась — все это уже въ концѣ XVIII столѣтія возбуждало неудовольствіе и вызывало отдѣльныя возстанія, которыя въ какихъ нибудь 25 лѣтъ довели колонію до того, что она въXIX столѣтіи окончательно оторвалась отъ Испаніи. Первый сигналъ къ возстанію подала Мексика, но мы не имѣемъ возможности слѣдить за всѣми особенностями этихъ огромныхъ и отдаленныхъ отъ насъ пространствъ; мы впослѣдствіи бросимъ только короткій обзоръ на общій ходъ событій въ этихъ внѣ-европейскихъ государствахъ на сколько они входятъ въ исторію человѣчества вообще и на сколько сплетаются съ исторіей европейскихъ народовъ. Съ 1810 года всѣ народныя стремленія заатлантическихъ областей были неотразимо направлены на то, чтобы отдѣлиться отъ владычества европейскихъ метрополій; въ 1822 году въ Мексикѣ было объявлено освобожденіе отъ Испаніи и избранъ самостоятельный императоръ, изъ туземнаго племени Истурбидовъ, но вскорѣ въ лицѣ генерала Санта-Анна явился ему республиканскій противникъ. Около того же времени, колоніальные штаты на юго-западныхъ берегахъ мексиканскаго моря также объявили свою независимость, подъ предводительствомъ Симона Боливара Каракаскаго; въ 1820 году всѣ эти вновь освобожденные штаты соединились и составили республику Колумбію, которая по образцу сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ штатовъ сама составила свой образъ правленія: въ 1823 году послѣдніе испанцы были изгнаны изъ республики. Буэносъ-Айресъ въ 1816 году тоже объявилъ свою независимость; отсюда движеніе распространилось на западъ въ Чили; она въ 1818 году тоже объявила себя независимой и завоевала свою независимость; примѣру ея послѣдовало Перу; здѣсь испанцы долѣе держались; но послѣ рѣшительной битвы въ 1824 году и Перу освободилось и раздѣлилось на двѣ части на верхнее Перу, назвавшее республикой Боливіей по имени человѣка болѣе всѣхъ способствовавшаго освобожденію южноамериканскихъ штатовъ и столько же прославившагося на югѣ, сколько Вашингтонъ прославился на сѣверѣ. Онъ же и далъ образъ правленія республикѣ въ Боливіи, въ 1826 году.

Главнѣйшіе ревнители реакціи въ Европѣ смотрѣли на эти волненія и ихъ слѣдствія почти какъ на личную обиду и готовы были, вопреки законамъ природы, нести за океанъ свою военную силу, вмѣстѣ съ своими воззрѣніями. Три союзныя монархіи хотѣли добиться, или немедленнаго возстановленія испанскаго владычества, или по крайней мѣрѣ, сохраненія монархическаго образа правленія, для чего готовы были во всѣ вновь сформировавшіяся государства посадить принцевъ изъ дома Бурбоновъ; каждая изъ союзныхъ державъ была готова

сдѣлать эти дѣла предметомъ совѣщанія для новаго конгресса. Союзныя державы вѣроятно поставили бы на своемъ; ихъ не удержало бы комическое положеніе въ какое бы постановила себя Австрія, или Пруссія тѣмъ, что онѣ заботятся объ образѣ правленія въ странѣ, отдѣленной отъ нихъ двумя океанами и двумя частями свѣта; ихъ не удержалъ бы предостерегательный голосъ Джемса Монрое, президента Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, который говорилъ, что уже прошло время, когда европейскія державы основывали государства на американской почвѣ и управляли ими изъ-за моря; все это не помѣшало бы исполненію намѣренія союзныхъ державъ, но помѣшали имъ меркантильные интересы Англіи и спокойная энергія правящаго въ Англіи государственнаго человѣка.

Англійской торговлѣ несравненно больше выгодъ доставляла свободная торговля освободившихся испанскихъ колоній; прежде торговыя сношенія страдали отъ тѣснаго взгляда испанской торговой политики, которая совершенно изгоняла произведенія англійской промышленности, теперь же въ короткое время большія торговыя выгоды были сопряжены для многихъ англійскихъ купеческихъ домовъ съ новымъ порядкомъ вещей въ прежней испанской Америкѣ.

Полиньякъ, французскій посланникъ при англійскомъ дворѣ взялся быть органомъ священнаго союза и началъ дѣлать лорду Канингу свои замѣчанія на счетъ существующаго порядка вещей въ американскихъ колоніяхъ и на счетъ необходимости вмѣшаться въ нихъ; на это Канингъ отвѣчалъ: форма правленія, при какомъ какой либо народъ хочетъ существовать, ни до кого не касается, кромѣ того самого народа; къ этому онъ присовокупилъ, что съ своей стороны ни въ какомъ случаѣ не допуститъ европейскаго вмѣшательства въ дѣла тѣхъ странъ и къ величайшему неудовольствію континентальныхъ державъ, въ 1823 году, назначилъ англійскихъ консуловъ въ новые штаты, чтобы они заботились тамъ о выгодахъ англійской торговли; вслѣдъ за этимъ косвеннымъ признаніемъ послѣдовало формальное признаніе независимость Мексики, Колумбіи и Буэносъ-Айреса, 1 января 1825 г. «Я призвалъ къ жизни одну часть Новаго Свѣта,» сказалъ онъ съ справедливой гордостью, въ одной изъ своихъ рѣчей въ парламентѣ, въ которой онъ развивалъ и объяснялъ этотъ мастерской поступокъ своей политики; громкія рукоплесканія и крики восторга съ либеральной стороны привѣтствовали его слова. «Я призвалъ къ жизни одну часть Новаго Свѣта, чтобы возстановить равновѣсіе въ Старомъ.» Подобнымъ образомъ поступилъ онъ при рѣшеніи греческаго вопроса, при которомъ на его долю выпала трудная задача соединить в ы г о д ы англійской политики, которыя требовали сохраненія турецкой имперіи въ возможно менѣе ослабленномъ состояніи съ выгодами чувствами и человѣчества и свободы, которыя съ своей стороны также неотступно требовали сохраненія независимости Греціи. Свой политическій образъ мыслей Канингъ охарактеризовалъ при опредѣленіи англійской политики; міровое положеніе Англіи, говорилъ онъ есть часто нейтральное и потому посредническое не только между двумя враждебными другъ другу народами, но и между враждебными другъ другу принципами; при очень запутанныхъ и щекотливыхъ португальскихъ дѣлахъ онъ высказалъ, какъ мы увидимъ, къ какой энергіи способна была его политика.

Въ большую заслугу можно поставить ему, что онъ далъ Англіи возможность все свое вниманіе исключительно сосредоточить на дѣлахъ внутренняго управленія и далъ народу возможность воспользоваться благодатными плодами мира; въ этой благодѣтельной заботливости лежитъ оправданіе этого государственнаго человѣка противъ обвиненія, что онъ во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ греческомъ вопросѣ, не дѣйствовалъ съ достаточной быстротой и энергіей, какой отъ него требовало разгоряченное общественное мнѣніе Европы и частію его собственнаго отечества. Его девизомъ было, какъ онъ самъ выразился на одномъ обѣдѣ въ Гартвигѣ, и который, какъ современное изреченіе прозвучало въ сердцахъ милліоновъ людей: «гражданская и религіозная свобода—выше всего на свѣтѣ» (all over the world); онъ на это правило смотрѣлъ, какъ на неизмѣнное правило всей своей жизни: но зналъ также, что опаснѣе всего для свободнаго и спокойнаго развитія этой свободы, отвлекать умы посредствомъ интересовъ разрѣшаемыхъ, хотя бы и великою войною, которой онъ опасался и не безъ опа-

сенія, онъ предполагалъ, что такая война можетъ сдѣлаться не только борьбою народовъ между собою, но столько же и борьбою идей и убѣжденій.

Достоинства и значеніе такого богато-одареннаго человѣка, съ такимъ возвышеннымъ характеромъ, поставленнаго на такое видное мѣсто, не могутъ быть достаточно высоко оцѣнены; они естественно должны имѣть благодѣтельное вліяніе на народную жизнь вообще; и дѣйствительно, въ исторіи англійскаго народа, въ тѣсномъ смыслѣ, въ періодъ времени отъ 1820 до 1830 года обнаруживается рѣшительный прогрессъ, хотя и медленный, но постоянный во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Вскорѣ послѣ Канинга въ министерство вступили еще два человѣка, которые въ политическій бытъ внутренней народной жизни внесли такія же здравомыслящія начала, какія Канингъ внесъ во внѣшнія: Робинсонъ, занявшій мѣсто канцлера въ камерѣ финансовъ и Гускиссонъ президентъ департамента торговли; кромѣ того въ 1822 году, на мѣсто лорда Сидмута, статс-секретаря внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ государственный человѣкъ съ блестящею будущностью—Робертъ Пиль; у него съ двумя вышеозначенными государственными людьми было одно великое общее свойство: оцѣнивать, изучать и изслѣдовать положеніе вещей и дѣлъ, учиться на опытѣ и не стыдиться этой познавательной способности. Впослѣдствіи способность эта затерялась и затемнилась въ Англіи односторонностію, проистекающей изъ духа партій. Свой независимый образъ мыслей Канингъ доказалъ еще въ 1819 году по случаю вопроса о банкѣ: къ ужасу всей правовѣрной партіи торіевъ, къ которой самъ причислялся, онъ безъ всякаго замѣшательства прямо объявилъ, что послѣ внимательнаго изученія дѣла, находитъ, что мнѣніе противной партіи справедливо и что онъ самъ и торіи защищали неправое дѣло. Ему и легко было идти прямой дорогой, не взирая на яростные крики демагоговъ съ одной стороны, готовыхъ пожертвовать въ такъ называемую пользу народа королемъ, церковью и аристократіей, и неподвижнымъ, упрямымъ древне-англійскимъ, ограниченнымъ консерватизмомъ съ другой стороны, который при малѣйшемъ уклоненіи отъ старыхъ предразсудковъ предсказываетъ конечную гибель государства и церкви. Но въ одномъ отношеніи Англія опередила всѣ государства и въ этомъ всѣ народы Европы имѣли основаніе завидовать ей; а именно: здѣсь каждый законъ, каждая государственная потребность вырабатывались и обсуживались въ парламентѣ и слѣдовательно все важное, совершавшееся въ государствѣ проходило черезъ горнило общественнаго и открытаго обсуживанія собранія, хотя не вполнѣ совершеннаго по своей методѣ выборовъ, но все-таки частію составленнаго изъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей государства. И эти парламентскія совѣщанія не составляли еще единственной пробы для нихъ. Совѣщанія парламента еще пополнялись, приготовлялись и распространялись диспутами въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Многія злоупотребленія, заблужденія и необходимыя перемѣны—въ этой странѣ свободы еще дожидались своей очереди реформъ и объясненій, тогда какъ подобныя заблужденія и необходимыя перемѣны, во многихъ другихъ, менѣе свободныхъ государствахъ, или были уже давно устранены, или по указу, однимъ почеркомъ пера, казались давно уничтоженными, здѣсь требовали послѣдовательнаго парламентскаго обсужденія и разрѣшенія: но за то при глубоко укоренившейся парламентской формѣ правленія народъ имѣлъ достовѣрное ручательство того, что какъ бы медленно ни усовершенствовались его отношенія, они все-таки шли безостановочно и совершенствовались; очень рѣдко наступалъ застой и никогда ни одна уступка народу, или ни одно изъ улучшеній имъ пріобрѣтенныхъ не уничтожались, или не отнимались у него. Когда здѣсь отмѣнялся какой нибудь устарѣлый законъ, объ немъ прежде разсуждали въ печати, въ отдѣльныхъ собраніяхъ, въ парламентскихъ засѣданіяхъ, и онъ обыкновенно подвергался критикѣ народнаго сознанія и въ народной совѣсти бывалъ уничтожаемъ прежде, чѣмъ фактически.

До 1825 года не возникалъ ни одинъ существенный вопросъ, который возбуждалъ бы все вниманіе и все сочувствіе англійскаго народа, хотя недостатка въ оживленной общественной дѣятельности не было. Такъ напримѣръ съ 1821 г. проекты парламентскихъ реформъ опять возникли и возбуждали толки и состязанія; вопросъ этотъ опять поднялся вслѣдствіе скандала, происшедшаго въ мѣстечкѣ Грамптоунъ во время выборовъ; поводомъ къ нему былъ лордъ Джонъ Россель; около этого

же времени агитація по поводу торговли неграми опять закипѣла; торговля неграми была уничтожена еще вѣнскимъ конгрессомъ, но рѣшеніе это не имѣло до сихъ поръ важныхъ послѣдствій. Напротивъ, вслѣдствіе оппозиціи Англіи и остальной Европы, возросли только цѣны на этотъ товаръ и увеличились жестокость, съ какою несчастныхъ перевозили и обращались съ ними. Продажа невольниковъ производилась тайно, но тѣмъ не менѣе и англійскіе вест-индскіе плантаторы этимъ путемъ добывали своихъ невольниковъ. На запрещеніе торговли невольниками можно было смотрѣть какъ на полу-мѣру, и истинные друзья человѣчества, поборники праваго дѣла, какъ Уильберфорсъ, Кларксонъ, Маколей и другіе, напрасно говорили, что эта мѣра останется недѣйствительною до тѣхъ поръ, пока невольничество будетъ существовать. Съ 1823 года, съ тѣхъ поръ, какъ Фовель Бекстонъ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе парламента, произошли значительныя усовершенствованія въ этомъ отношеніи и правительство начало внимательно слѣдить за способомъ обращенія съ невольниками и то тутъ, то тамъ останавливало поднятый въ рукахъ плантаторовъ бичъ. Негодованіе общества было возбуждено печальной судьбой благороднаго и дѣятельнаго миссіонера Джона Смита, съ одинаковымъ рвеніемъ проповѣдывавшаго слово Божіе какъ бѣлымъ, такъ и чернымъ; весъндскіе рабовладѣльцы, раздраженные правдою, какую онъ высказывалъ, посадили его въ тюрьму и заморили. Смерть его еще болѣе возбудила общій интересъ къ вопросу о невольничествѣ.

Благодѣянія возстановленнаго мира съ каждымъ годомъ дѣлались ощутительнѣе для Англіи. Но налоги своею тяжестью возбуждали ропотъ; упрекали бывшаго министра финансовъ Ванситтара за то, что не смотря на окончаніе войны государственный долгъ возросъ на одиннадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Новый министръ финансовъ долженъ былъ подумать о томъ, какъ бы облегчить тяжесть налоговъ. Единственное средство заключалось въ томъ, чтобы по возможности отмѣнить нѣкоторые косвенные налоги; новый министръ — Робинсонъ, привыкшій на все смотрѣть съ точки зрѣнія оптимиста, въ 1823 году уничтожилъ цѣлый рядъ косвенныхъ налоговъ — на соль, на кожу, на солодъ, — но средство это было далеко не радикальное, надобно было придумать способъ увеличить въ народѣ способность уплачивать налоги, а этого достигнуть можно было, хоть частію, если не вполнѣ, если измѣнить законоположенія о торговлѣ и вообще всю политику торговыхъ сношеній. Въ этомъ отношеніи самъ народъ, а не только руководители его, сознавалъ свою пользу и пытался освободиться отъ глубоко вкоренившагося убѣжденія, что торговлю и промышленность какого бы то ни было народа можно возвысить посредствомъ строгаго исключенія произведеній всѣхъ другихъ народовъ, налагая непомѣрно великіе таможенные сборы на ввозъ иностранныхъ товаровъ; напротивъ, только посредствомъ свободнаго и ничѣмъ не стѣсняемаго обмѣна произведеній различныхъ народовъ развивается и промышленность и торговля во всѣхъ ея формахъ, и во всѣхъ отношеніяхъ. Съ 1823 года Англія рѣшительно стала приближаться къ великой системѣ сближенія всѣхъ народовъ посредствомъ свободной торговли, которая поощряетъ здоровое, правильное развитіе промышленности, и убиваетъ нездоровое, неправильное развитіе ея, и сближаетъ народы посредствомъ удешевленія продуктовъ, которые такимъ образомъ дѣлаются доступными народной массѣ. Многіе мало-по-малу пріучились смотрѣть на это съ болѣе возвышенной и болѣе широкой точки зрѣнія и отложили въ сторону свои ограниченные личные интересы — какъ, напримѣръ, касательно сельскаго хозяйства, или какой либо отдѣльной отрасли торговли.— Было очень трудно распутать узлы системы мѣстныхъ интересовъ, трудно мирнымъ путемъ разрушить, камень по камню, существующую незыблемую крѣпость всеобщихъ злоупотребленій, такъ прочно утвердившихся въ теченіе столѣтій... Во многихъ мѣстахъ магистратамъ предоставлено было право опредѣлять задѣльную плату рабочихъ; то тутъ, то тамъ право это было уничтожено, и тогда, даже тѣ, которые крѣпче всего должны были бы держаться его, почувствовали значительное облегченіе. Что было въ малыхъ, частныхъ отношеніяхъ между разными сословіями Англіи, то повторилось въ отношеніяхъ одного народа къ другому. Правила, служившія основаніемъ навигаціоннаго торговаго акта 1651 года, которыя при другихъ правительствахъ,

съ теченіемъ времени, измѣнялись и служили часто причиной неудовольствій, между прочимъ здѣсь доведены были до смѣшной несообразности; напримѣръ, на основаніи положенія, что извѣстные товары въ Англію могутъ быть доставлены только на англійскихъ судахъ, британскіе корабли съ баластомъ, безъ груза шли въ американскія гавани за товаромъ, а американскіе на-оборотъ тоже съ однимъ баластомъ шли въ британскія гавани; казалось бы, чего проще: американскимъ кораблямъ и британскимъ выходить изъ своихъ гаваней съ грузомъ, а не пустыми; черезъ это перевозъ товаровъ сдѣлался бы вдвое дешевле, потребителямъ и народу, не пришлось бы платить лишняго; но объ этомъ никому и въ голову не приходило подумать.

Прусское правительство скорѣе другихъ поняло естественное положеніе дѣлъ и пошло по пути, указанному благоразуміемъ. Въ нотѣ прусскаго посланника къ англійскому двору высказано было предположеніе замѣнить всеобщія стѣснительныя таможенныя мѣры болѣе свободными уступками со всѣхъ сторонъ; билль Гускинсона о взаимныхъ торговыхъ обязательствахъ прошелъ въ 1822 г. 6 іюня; по этому биллю предоставлялось британскимъ и инымъ судамъ право свободно перевозить изъ Англіи и ввозить въ нее всякіе товары. Арматоры подняли громкіе крики неудовольствія; но опытъ вскорѣ доказалъ, что крики эти были совершенно неосновательны, потому что число перевезенныхъ тѣми же арматорами тоннъ въ первые 21 годъ послѣ утвержденія этого билля увеличилось на 45% въ годъ, тогда какъ въ послѣднія 19 лѣтъ стѣснительной системы она только давала 10%; тоже самое можно было сказать и о прочихъ торговыхъ мѣрахъ. Постепенное уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ и наконецъ совершенное уничтоженіе ихъ имѣло благодѣтельное вліяніе даже на народную нравственность — мало-по-малу уничтожилась контрабандная торговля, которая гнѣздилась и свободно развивалась по всему южному берегу Англіи; мѣста для склада контрабанды находились во всѣхъ ея недоступныхъ пещерахъ и тѣсныхъ заливцахъ.

Такъ какъ мы не пишемъ исторіи торговли, то намъ нѣтъ надобности слѣдить за постепеннымъ улучшеніемъ и развитіемъ ея во всѣхъ ея отрасляхъ; но мы должны замѣтить, что каждое усовершенствованіе въ самомъ принципѣ свободы торговли, здѣсь, какъ и вездѣ, должно было брать съ бою, послѣ сильной и горячей защиты со стороны противниковъ ея. Противники съ презрѣніемъ клеймили Гускинсона за его благоразумный и умѣренный образъ мыслей, его называли закоренѣлымъ метафизикомъ; но онъ держался твердо своихъ правилъ, которыя вскорѣ подтвердились опытомъ; тѣмъ не менѣе борьбу пришлось выносить долгую и упорную, медленно переводить противниковъ отъ сознанія одной истины къ другой, и только ясное, непреложное доказательство всеобщаго обогащенія, такъ ясно высказанное въ заключительной рѣчи парламентскихъ сессій 1824 года, блистательно оправдало финансовую и торговую политику новаго министерства. Улучшеніе народнаго быта и его обогащеніе можно было, въ 1824 году, ясно видѣть по полямъ, несравненно тщательнѣе и лучше обработаннымъ, по усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ, по безчисленному множеству лавокъ и магазиновъ, какъ въ самыхъ ничтожныхъ мѣстечкахъ, пристройкахъ къ домамъ или къ воротамъ, такъ и въ большихъ городахъ и въ большихъ домахъ, гдѣ уже магазины являлись съ отдѣльнымъ входомъ съ улицы и съ различною роскошью; и въ жилищахъ это общее возрастаніе благосостоянія отозвалось самымъ улучшеніемъ архитектуры домовъ снаружи, а внутри вмѣсто каменныхъ половъ, какіе обыкновенно бывали въ квартирахъ людей средняго сословія, явились деревянные, покрытые коврами; фарфоровыя тарелки и стеклянная посуда замѣнили деревянныя тарелки и рога для питья; и такъ, свобода торговли принесла съ собою общее благосостояніе. Но Англіи вслѣдъ за тѣмъ пришлось, въ 1825 году, пережить всѣ ужасы торговаго кризиса. Духъ торговой предпріимчивости, поощряемый, миромъ, успѣхами въ предпріятіяхъ и быстрымъ возрастаніемъ богатства, перешелъ за границы, указанныя благоразуміемъ и осторожностью; случилось тоже, что было за десять лѣтъ тому назадъ: вмѣсто того, чтобы идти спокойнымъ и медленнымъ путемъ честнаго труда и бережливости и тѣмъ дойти до довольства и богатства, развился духъ спекулятивный, появились дикіе, небывалые и отважные проекты; общее корыстолюбіе загорѣлось и нашлись легковѣрные, ко-

торые съ удовольствіемъ жертвовали свои деньги. Общее вниманіе и цѣль всѣхъ корыстолюбивыхъ плановъ были страны южнаго полушарія; но спекуляторы дѣйствовали, сломя голову, на-обумъ, не вникая въ требованія страны, на которую спекуляціи ихъ были обращены; такъ, напримѣръ, нѣкоторые спекуляторы вздумали обогатиться бирмингамскими грѣлками для постелей и шеффильдскими коньками въ Ріо-Жанейро и въ Буэносъ-Айресѣ; можно вообразить, какой результатъ могли имѣть подобныя спекуляціи! неудобный оборотъ дѣлъ въ странѣ, исключительно торговой, привелъ за собою весь ужасъ разоренія и его неисчислимыя послѣдствія; одна торговая фирма за другою прекращала платежи и въ своемъ банкротствѣ несла гибель для безчисленнаго множества мелкихъ купеческихъ домовъ; одинъ банкъ лопался за другимъ, такъ что въ теченіе пяти или шести недѣль число обанкрутившихся банковъ возросло отъ 60 до 70; поминутно случались несчастія, вслѣдствіе отчаянія, самоубійства, вызванныя внезапнымъ измѣненіемъ дѣлъ, обманутымъ корыстолюбіемъ и раскаяніемъ изъ-за легкомысленно сгубленнаго состоянія. Но и это тяжкое время прошло; личныя страданія, личныя потери сгладились, потокъ жизни народной опять пошелъ своимъ чередомъ, и наученные опытомъ спекуляторы притихли и сдѣлались осторожнѣе; наступило знойное лѣто 1826 года, отъ засухи пострадали нѣкоторые хлѣба, а люди дальновидные воспользовались этимъ, чтобы потрясти одно изъ самыхъ извращенныхъ и неблагоразумныхъ торговыхъ постановленій, *хлѣбную пошлину*; въ тоже время старались обратить вниманіе правительства и парламента противъ другаго, столько же большаго зла, слѣдствія народной бѣдности — *на выселеніе*; въ мартѣ 1826 года, по предложенію Уильмота Гортона, былъ назначенъ слѣдственный комитетъ для разъясненія этого важнаго дѣла. Число банкротствъ торговыхъ домовъ и банковъ возросло до 2500; они повели за собою волненія въ рабочемъ классѣ; было много поломанныхъ машинъ, поджигательствъ и т. п.; пришлось употреблять противъ народа военную силу; прошли дни и мѣсяцы въ страданіяхъ всякаго рода, пока наконецъ, мало-по-малу, спокойствіе не возстановилось.

Въ цвѣтущемъ, возрастающемъ и развивающемся государственномъ строѣ Великобританіи таилось иное зло, которое втеченіе столѣтій разросталось, пускало корни, усиливалось и эта язва съ каждымъ годомъ становилась злокачественнѣе; а государственные мужи какъ будто не замѣчали этой язвы, а если и замѣчали, то не употребляли мѣръ для ея излеченія. Мы говоримъ о положеніи *католиковъ*, отъ которыхъ при настоящемъ положеніи государственнаго устройства, зависѣло положеніе *Ирландіи*; потому что такъ какъ вопросъ о католикахъ въ тоже время былъ и ирландскимъ вопросомъ, то онъ для Англіи представлялъ вопросъ съ характеромъ самобытнымъ и опаснымъ.

Печальнымъ доказательствомъ измѣнчивости и непостоянства человѣческой природы могутъ служить отношенія Ирландіи къ Англіи, Англія по преимуществу страна свободная, протестантская, выказала въ отношеніи Ирландіи и ея католическаго народонаселенія столько же нетерпимости и даже духа притѣсненій, сколько выказывали ихъ любыя государства романскаго племени въ отношеніи протестантовъ и гугенотовъ. Къ несчастію дѣло ухудшалось тѣмъ, что къ нему примѣшивалась тройная ненависть: *ненависть* покоренныхъ къ побѣдителямъ, племенная *ненависть* кельтовъ къ саксамъ и религіозная *ненависть* католиковъ къ протестантамъ; эта тройная ненависть возрастала втеченіе семи столѣтій отъ несправедливостей съ той и другой стороны. Въ XII столѣтіи, при Генрихѣ II, островъ Ирландія былъ завоеванъ; при Елизаветѣ, въ XVI столѣтіи, возникла религіозная разность: Англія, господствующая страна, приняла протестанство, между тѣмъ какъ на завоеванномъ островѣ, при началѣ царствованія Елизаветы, едва ли можно было найти 60 протестантовъ. Но съ этихъ поръ Ирландію уже начали занимать англійскіе протестанты; наступили времена Кромвеля: онъ съ безпощадною жестокостію искоренялъ *католиковъ* и отдавалъ ихъ имѣнія и земли своимъ *святымъ*, за тѣмъ въ 1689 году настала революція, и Ирландія, къ несчастію, приняла сторону католическаго короля, изгнаннаго изъ Англіи; не смотря на помощь Франціи, ирландцы были побѣждены и участь ихъ отечества опять была рѣшена. Англійскій парламентъ излилъ надъ несчастнымъ островомъ полную чашу своего гнѣва и страданій съ нимъ сопря-

женныхъ; начались конфискаціи, народъ былъ обезоруженъ, священниковъ изгоняли, ужасныя наказанія были положены католикамъ, которые осмѣлились бы заводить училища, или учить подъ рукою; горе патеру, который осмѣлился бы обвѣнчать католика съ протестанткой, или на-оборотъ. Многообразныя страданія ирландцевъ можно охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ: папистъ, т. е. туземецъ, коренной житель Ирландіи, жилъ на собственной отечественной почвѣ милостію правительства, которое ежеминутно заставляло смотрѣть на себя не только какъ на чужеземное, но и какъ на ненавистное. Едва одна седьмая всей почвы осталась въ рукахъ ирландцевъ, нетолько вслѣдствіе конфискацій или различныхъ притѣсненій, но и благодаря собственной лѣности, небрежности и легкомыслія народа; не смотря на это, народъ любилъ свою родину и не могъ покинуть ея. Ирландецъ не могъ сдѣлаться ни торговцемъ, ни мореплавателемъ, онъ съ тайными слезами и проклятіями платилъ большую арендную плату по большей части протестантскимъ землевладѣльцамъ и продолжалъ жить на родинѣ, пасти стада или обработывать землю, которая, какъ говорило преданіе, по божескимъ и человѣческимъ законамъ справедливости, должна составлять его неотъемлемую собственность. Несмотря на невыразимое угнетеніе, католическое народонаселеніе прибывало въ несравненно большемъ объемѣ, чѣмъ англійскіе колонисты; въ концѣ XVIII столѣтія отношеніе между католическимъ и протестантскимъ народонаселеніемъ Ирландіи было такое: на семь милліоновъ католиковъ приходилось 800,000 протестантовъ, по большей части англиканской церкви. Здѣсь удалось ирландское народонаселеніе изъ подданныхъ превратить въ рабовъ и, что было хуже всего, казалось, что у этого униженнаго народа отнята была всякая возможность, безъ явнаго возстанія, безъ заговоровъ, безъ отчаянныхъ усилій пристать къ какому либо могущественному внѣшнему врагу Англіи, а черезъ него добиться существованія на болѣе свободныхъ человѣческихъ началахъ. Хотя въ Дублинѣ и существовалъ ирландскій парламентъ, но члены его, при поступленіи должны были произнести, супремативную присягу, т. е. клятву въ томъ, что признаютъ верховную власть англійскаго короля въ дѣлахъ церкви, что существенно противорѣчитъ основнымъ законамъ католицизма, и такимъ образомъ католики сами собою исключены были изъ членовъ парламента.

Первый лучъ надежды для несчастныхъ ирландцевъ блеснулъ съ освобожденымъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Со стороны англійскаго правительства были сдѣланы первыя уступки: позволено было открывать католическія училища, признана была личная неприкосновенность, дано было право пріобрѣтать собственность и нользоваться ею безъ варварскихъ стѣсненій и ограниченій, существовавшихъ до сихъ поръ; даже была основана, на государственный счетъ, духовная семинарія въ Майноотѣ; законодательный авторитетъ Англіи относительно Ирландіи былъ ограниченъ, и апелляція, переносившая спорный вопросъ въ англійскіе суда, была уничтожена; католикамъ предоставлено было право баллотироваться для поступленія въ парламентъ и они допускались въ число присяжныхъ въ суды. Младшій Питтъ, съ свойственнымъ ему яснымъ и обширнымъ взглядомъ на вещи хотѣлъ, было воспользоваться возстаніемъ 1798 года, чтобы одною рѣшительною мѣрой разомъ положить конецъ всѣмъ извращеннымъ гибельнымъ отношеніямъ Ирландіи къ Англіи: онъ намѣревался посредствомъ соединенія (union) англійскаго и ирландскаго парламента уничтожить отдѣльное подчиненное положеніе острова и въ тоже время объявить полную эмансипацію его, т. е. уничтожить послѣднія ограниченія и стѣсненія католиковъ.

Но изъ этого плана удалась только одна часть, въ 1800 году. Вторая же разбилась о ханжество Георга III; онъ утверждалъ, что по своей тронной присягѣ, онъ обязался поддерживать цѣлость и неприкосновенность англиканской церкви и, слѣдовательно, не имѣетъ права давать своимъ католическимъ подданнымъ какія бы то ни было льготы; этимъ положеніе дѣлъ сдѣлалось еще хуже. Но и въ этомъ была своя хорошая сторона, вслѣдствіе этого соединенія и второе предположеніе Питта не умерло; осталось убѣжденіе, что вопросъ этотъ можетъ возникнуть, его защищали и отстаивали печатно, объ ирландскихъ правахъ говорили, какъ о правахъ человѣческихъ въ парламентѣ; ирландскій вопросъ под-

нимался и защищался людьми благородными и честными; энергія заступничества возрастала, а вмѣстѣ съ нею и совѣсть народная пробуждалась и слышались голоса въ защиту угнетенныхъ въ кружкахъ руководящихъ, такъ что можно было предвидѣть, что этотъ вопросъ не только вновь будетъ внесенъ на обсужденіе парламента, но и будетъ утвердительно рѣшенъ. Религіозное убѣжденіе, или правильнѣе, религіозный предразсудокъ короля уже не служилъ болѣе препятствіемъ. Почти въ каждомъ засѣданіи, государственные люди, какъ лордъ Кастельри и Канингъ, настаивали на необходимости разрѣшить это затруднительное положеніе. Не было возможности составить министерства, въ которомъ отдѣльные члены не говорили бы въ пользу Ирландіи и не отстаивали бы ея правъ на эмансипацію. Противники ея мало-по-малу, какъ это въ нижней палатѣ обнаруживалось при собираніи голосовъ, исчезали и наконецъ на сторонѣ Ирландіи было уже большинство голосовъ; противъ эмансипаціи Ирландіи оставалась только верхняя палата и укоренившіеся въ народѣ предразсудки.

Католическое народонаселеніе Ирландіи тоже всколыхнулось; изъ среды его явился вождь, готовый защищать его интересы; этотъ могущественный народный трибунъ былъ адвокатъ О'Коннель; кромѣ него еще нашлось могущественное и неотразимое по своему вліянію орудіе, а именно католическая ассоціація, основанная въ Дублинѣ 1823 года и своими безчисленными развѣтвленіями, какъ сѣтью, покрывшая всю Ирландію. Даніилъ О'Коннель родился въ 1774 году; онъ выступилъ на поприще общественной дѣятельности, когда ему было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ; онъ соединялъ въ себѣ всѣ свойства, необходимыя для того, чтобы сдѣлаться народнымъ трибуномъ. Онъ происходилъ отъ древняго кельтскаго рода; онъ пламенно любилъ свое отечество; въ его душѣ глубоко таилась непримиримая вражда къ саксамъ; пламенное краснорѣчіе его было богато картинами и сильными, мѣткими, часто даже преувеличенными выраженіями; онъ всегда готовъ былъ поражать и ни передъ какимъ рѣзкимъ словомъ не останавливался; одинаково свободно владѣлъ онъ ирландскимъ и англійскимъ языками; при этомъ остроуміе и откровенная шутливость, хитрость адвоката, соединенная съ іезуитскою изворотливостью, сдѣлали его въ короткое время народнымъ любимцемъ въ полномъ смыслѣ слова; его всѣ оцѣнивали по степени своего пониманія и всѣ его любили, и чернь, и граждане средняго сословія, и крестьяне, и духовенство, и люди болѣе знатные. Онъ отлично оцѣнивалъ общественное настроеніе, онъ понималъ положеніе дѣлъ въ Англіи и неотразимую силу, какую въ англійскомъ строѣ имѣетъ послѣдовательно-логически проведенная агитація; онъ строго и благоразумно держался въ границахъ, поставленныхъ закономъ, но подобно своимъ соотечественникамъ твердо рѣшился не принимать болѣе камни за хлѣбъ и обѣщанія за дѣйствія.

Георгъ IV въ 1821 году самъ посѣтилъ Ирландію и былъ встрѣченъ съ выраженіемъ истинно-вѣрноподданническаго чувства. Вслѣдъ за тѣмъ вице-королемъ острова назначенъ былъ маркизъ Веллесли, братъ герцога Веллингтона; онъ вполнѣ раздѣлялъ образъ мыслей лорда Канинга, своимъ кроткимъ и справедливымъ правленіемъ надѣялся онъ усмирить волненіе. Но напрасная надежда: и онъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не употреблять въ дѣло закона арестацій Habeas—corpus, который здѣсь вошелъ въ ежедневное употребленіе и объ отмѣнѣ котораго нельзя было и помышлять. Съ 1824 года О'Коннель предложилъ уничтожить соединеніе (Union) парламентовъ ирландскаго съ англійскимъ, его предложеніе о возвратѣ (repeal) прошло и утвердило его могущество; подъ его руководствомъ католическая ассоціація довела народъ до того, что возстанія и народныя волненія прекратились, которыя до сихъ поръ неразрывною цѣпью продолжались другъ послѣ друга и чего не удалось вице-королю достигнуть ни мѣрами кротости, ни примѣрами строгости. Народъ слѣпо повиновался своимъ собственнымъ вождямъ, которые въ Дублинѣ составили полное правительство; оно принимало прошенія, разбирало и взвѣшивало нужды, удовлетворяло ихъ, устроило настоящую народную ревизію и установило добровольную подать, извѣстную подъ названіемъ католической ренты.

Въ королевской рѣчи, при открытіи парламентскихъ сессій въ 1825 году 3 февраля, король указалъ какъ на самое важное дѣло, на успокоеніе Ирлан-

діи, котораго онъ ожидаетъ отъ мудрыхъ мѣръ парламента. Уже 15 того же мѣсяца руководящій министръ, лордъ Канингъ, съ своей точки зрѣнія изложилъ и объяснилъ этотъ вопросъ. Въ мартѣ, Франциск Бердеттъ рядомъ резолюцій довелъ вопросъ этотъ до того, что онъ былъ предложенъ палатѣ на разсмотрѣніе и основываясь на рѣшеніяхъ проектированъ былъ билль, который уничтожалъ исключеніе католиковъ изъ числа представителей народныхъ; онъ требовалъ отъ правительства вспомоществованія католическому духовенству, съ другой стороны, чтобы не раздражить консервативной партіи и чтобы билль былъ принятъ ею, онъ возвысилъ ценсъ избирателей, съ сорока шиллинговъ на десять фунтовъ. Нижняя палата приняла билль большинствомъ 268 голосовъ, противъ 141. Но верхняя палата опять явилась оплотомъ предразсудковъ, и будущій наслѣдникъ престола герцогъ Іоркскій, съ вѣсомъ говорилъ противъ эмансипаціи указывая на колебанія совѣсти своего царственнаго родителя касательно тронной присяги и прибавляя, что онъ самъ держится тѣхъ же правилъ и не измѣнитъ имъ «какъ Богъ святъ, какъ бы ни измѣнилась и не сложилась дальнѣйшая жизнь его.» Большинствомъ 48 голосовъ изъ числа 308 присутствовавшихъ въ парламентѣ лордовъ билль былъ отвергнутъ, 18 мая.

Опять рушились надежды угнетеннаго народа, и Канингу не суждено было довести дѣла этого до окончанія, что, вѣроятно, имѣло роковое слѣдствіе для его дальнѣйшаго хода. Жизнь его, какъ государственнаго человѣка, достигала конечнаго развитія. Даже въ глазахъ короля онъ сдѣлался человѣкомъ необходимымъ, въ народѣ онъ пробудилъ къ себѣ чувство полнаго энтузіазма, особенно черезъ необыкновенно искусное и осмотрительное веденіе португальскихъ дѣлъ, какъ мы это покажемъ въ своемъ мѣстѣ; въ апрѣлѣ 1827 года, назначенъ былъ онъ первымъ министромъ, когда лордъ Ливерпуль въ февралѣ скончался одновременно съ назначеніемъ его въ предсѣдатели министерства изъ него вышли строгіе тори, Веллингтонъ и Пиль. Онъ по-прежнему остался главою нижней палаты; маркизъ Робинсонъ, нынѣ лордъ Годрихъ, сдѣлался правителемъ верхней палаты. Можно было ожидать много хорошаго отъ такого министерства, съ такимъ главою, самымъ сильнымъ со временъ Питта; надобно было ожидать рѣшительнаго поворота дѣлъ въ пользу либеральныхъ идей, потому что къ величайшему и всеобщему удивленію на скамьяхъ министерства засѣдали вожди опозиціи, но это благородная и благодѣтельная жизнь приближалась къ своему предѣлу. Канингъ скончался 8 марта 1827 года въ загородномъ домѣ герцога Девонширскаго, близъ Лондона, въ Чизвикѣ. Объ немъ горько сожалѣли друзья и даже противники его; тѣло его поставили въ склепъ Вестминистерскаго аббатства, наряду съ великими людьми Великобританіи.

Мѣсто его занялъ лордъ Годрихъ во главѣ правительства. Но вскорѣ обнаружилась его неспособность выполнить задачу, какую поставилъ себѣ его предшественникъ; надобно было имѣть геніальныя способности Канинга, чтобы въ своихъ рукахъ держать коалицію и чтобы продолжать его политическія начинанія; уже въ январѣ 1828 года герцогу Веллингтону предоставлена была забота составить новое министерство и руководить его. Кабинетъ получилъ опять преобладающій характеръ торіевъ; но пока еще оставались въ немъ самые замѣчательные дѣятели временъ Канинга-Гускиссонъ, Грантъ, лордъ Пальмерстонъ, потому что управлять по старинному строго по системѣ торіевъ, какъ ее охарактеризовалъ лордъ Эльдонъ невозможно было. Самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ министерствѣ, кромѣ самого герцога, былъ сиръ Робертъ Пиль, министръ внутреннихъ дѣлъ и глава Нижней палаты; Канингъ самъ указывалъ на него, какъ на своего *законнаго наслѣдника*; онъ въ числѣ государственныхъ людей Англіи XIX столѣтія занимаетъ почти такое же видное мѣсто, какъ Канингъ. По происхожденію, онъ хотя и не принадлежалъ къ аристократіи, — онъ былъ сынъ богатаго хлопчато-бумажнаго фабриканта—но былъ воспитанъ въ правилахъ строго тористическихъ и потому былъ кореннымъ противникомъ эмансипаціи католиковъ; какъ первый министръ на этотъ вопросъ смотрѣлъ, мы уже знаемъ.

Люди, посвященные въ правительственныя тайны, не удивились, но большинство народонаселенія Великобританіи и вся читающая публика крайне изумились, когда при открытіи парламентскихъ сессій лордъ-канцлеръ въ тронной

рѣчи прочиталъ, что его величество предлагаетъ палатѣ обратить особенное вниманіе на положеніе Ирландіи и изслѣдовать, нельзя ли устранить гражданскія стѣсненія, которымъ подвергаются католическіе подданные королевства, не нарушая при этомъ гармоническаго отношенія ихъ къ безопасности и неприкосновенности другихъ учрежденій церковныхъ и государственныхъ.

Итакъ, кабинетъ Веллингтона рѣшился довести до конца эмансипацію католиковъ, вопреки мнѣнію, которое поддерживали самые замѣчательные члены правительства. Прелюдія къ эмансипаціи была еще въ 1828 году, когда по предложенію лорда Джона Росселя 26 февраля отмѣнены были акты корпорацій и тестацій. По первому изъ нихъ, введеному при Карлѣ II, члены городскаго начальства были обязаны ежегодно доказывать письменно, что они причащались св. таинъ по англиканскому способу богослуженія и, слѣдовательно такимъ образомъ изъ членовъ городскихъ корпорацій исключались католики и диссиденты. По второму акту тестацій, тоже направленному противъ замысловъ папистическаго королевства и постановленному въ 1773 г., каждый общественный чиновникъ долженъ былъ клятвенно отречься отъ догмата о пресуществленія, который составляетъ одинъ изъ основныхъ догматовъ католическаго вѣроисповѣданія. Оба акта уже давно устарѣли и служили только поводомъ обходить законы, или безсовѣстно лицемѣрить и лгать передъ алтаремъ. Очевидно стало, что правительство не намѣрено было оставаться глухимъ къ болѣе прямому воззрѣнію на вещи. Постановлено было удовольствоваться простою декларацією: каждое должностное лицо обязывалось давать обѣщаніе правительству, что не будетъ употреблять своего вліянія и своего должностнаго вѣса ко вреду англиканской церкви. Безъ большихъ затрудненій билль этотъ прошелъ и положилъ формальный конецъ уже давно отмѣненнымъ на самомъ дѣлѣ безразсуднымъ постановленіямъ; нижняя палата дала свое согласіе, а вслѣдъ за нею и верхняя, потому что правительству удалось предварительно заручиться согласіемъ и содѣйствіемъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ епископовъ.

Гораздо большія трудности представляла эмансипація Ирландіи, нежели отмѣна этихъ устарѣлыхъ статутовъ; здѣсь дѣло шло о спокойствіи всего государства. Когда билль Бёрдетта былъ отвергнутъ верхней палатой, въ Ирландіи опять началась агитація; послѣ же смерти Канинга волненіе зашумѣло съ новой силой; когда же во главѣ правительства сталъ герцогъ Веллингтонъ и о тихихъ миролюбивыхъ и спокойныхъ мѣрахъ не могло быть и рѣчи, О'Коннель рѣшился на отважный шагъ; онъ въ графствѣ Кларъ явился кандидатомъ на депутатское мѣсто въ парламентѣ; прежній депутатъ В. Фицджеральдъ, человѣкъ истинно достойный, съ большимъ вѣсомъ, другъ и защитникъ эмансипаціи, получившій назначеніе и портфель министерства торговли, по англійскимъ законамъ, долженъ былъ вновь баллотироваться, какъ представитель округа. Настала минута, въ которую могла обнаружиться вся сила, какую пріобрѣлъ и утвердилъ за собою агитаторъ. Его путешествіе въ Эннигъ, мѣсто избирательное (въ Мюнстерѣ), походило на тріумфальное шествіе, котораго ни одинъ насильственный поступокъ не нарушалъ; въ виду своихъ землевладѣльцевъ, арендаторы и крестьяне подавали голоса въ пользу кандидата католика. И мировой судья Шерперъ объявилъ 5 іюля 1828 года, что избраніе его состоялось по всѣмъ законнымъ формамъ. О'Коннель, очевидно, управлялъ народными массами съ неограниченнымъ могуществомъ; при первомъ слѣдующемъ общемъ избраніи можно было догадываться, что рука этого человѣка можетъ соединить всѣ милліоны ирландскаго народонаселенія въ одну массу и по произволу двигать ею. Теперь повсюду ирландскій народъ высматривалъ, нѣтъ ли способныхъ и достойныхъ избранія кандидатовъ—католическаго вѣроисповѣданія; О'Коннель своей побѣдой надъ избирателями поставилъ правительство въ затруднительное положеніе, или приступить къ эмансипаціи ирландскихъ католиковъ, или къ отчаянной мѣрѣ—силою подавить ихъ, слѣдовательно, подать сигналъ къ междоусобной войнѣ; но это была мѣра, на которую не рѣшалась даже желѣзная рука герцога, какъ Веллингтона называли въ Ирландіи.

Первый министръ своимъ свѣтлымъ воинственнымъ взглядомъ обнялъ положеніе дѣлъ и убѣдился, что долѣе держаться своихъ намѣреній нельзя, и потому рѣшился уступить неизбѣжному. На короля разомъ дѣйствовала съ различныхъ

сторонъ; онъ слабо сопротивлялся, попытался было круче затянуть поводья, выпадавшіе у него изъ рукъ; но увидѣлъ, что нужно покориться своей судьбѣ, и согласился, чтобы Робертъ Пиль внесъ въ парламентъ, 5 марта 1829 года, билль объ облегченіи участи католиковъ. Это было серьезное и глубоко обдуманное рѣшеніе государственнаго человѣка. Пиль принесъ ему въ жертву даже свое депутатское мѣсто представителя Оксфордскаго университета, къ которому сердце его очень лежало. Въ рѣчи своей онъ говорилъ: «Я воздвигаюсь въ качествѣ королевскаго министра, меня поддерживаетъ законный авторитетъ, связанный съ этою должностью, чтобы защищать и отстаивать совѣтъ, данный его величеству согласнымъ между собою кабинетомъ.» Итакъ, на этотъ разъ рѣшеніе было серьезное; вмѣсто супрематной присяги, католики, при поступленіи въ члены парламента, должны были клятвенно обѣщать всѣми силами поддерживать существующія государственныя учрежденія, касательно правъ и преимуществъ господствующей англиканской церкви. Всѣ должности и званія предполагалось сдѣлать доступными католикамъ, исключая званія регента, лорда канцлера Англіи и Ирландіи, вице-короля Ирландіи и какъ, само собою разумѣлось, тѣхъ должностей, которыя находились въ непосредственномъ отношеніи къ англиканскому духовенству и церкви. Избирательное право ограничивалось цензомъ въ 10 ф. стерл. вмѣсто 40 шиллинговъ, до сихъ поръ существовавшихъ; запрещалось безусловно распространять монастыри и увеличивать число монашествующихъ въ государствѣ, появленіе іезуитовъ въ большемъ противъ уже существующаго числа, употребленіе англійскихъ епископскихъ титуловъ католическимъ духовенствомъ. Втеченіе четырехъ битыхъ часовъ Р. Пиль оправдательной рѣчью доказывалъ въ нижнемъ парламентѣ основательность предложеннаго билля; онъ ясно и откровенно разсказалъ между прочимъ, какимъ путемъ самъ онъ, изъ противниковъ эмансипаціи, перешелъ въ ея поборники; онъ ярко очертилъ современное положеніе общества, при которомъ каждое вновь составленное правительство должно раздвоиться, потому что уже втеченіе многихъ лѣтъ нѣтъ ни малѣйшей возможности составить правительство, которое было бы вполнѣ согласно на счетъ этого важнаго вопроса; что умы въ цѣлой Англіи въ высшей степени возбуждены, а въ Ирландіи находятся даже въ опасномъ раздраженіи, которое отравляетъ всякое, самое простое общественное отношеніе ея къ Англіи и что такое напряженіе умовъ далѣе существовать не можетъ; онъ объяснялъ, что наступило время уступокъ въ обширномъ смыслѣ слова; подъ конецъ тронулъ онъ самую чувствительную сторону своихъ слушателей, и тѣмъ положилъ предѣлъ всѣмъ возраженіямъ, основаннымъ на кажущихся причинахъ и заключающимся въ пустыхъ словахъ: онъ сильно настаивалъ на томъ, что именно вслѣдствіе страданій съ одной стороны, насилія и беззаконности съ другой, дѣло это тянулось десятки лѣтъ, что пора покончить эту старую исторію и пора приняться за основательныя и существенныя перемѣны. Въ короткихъ словахъ, безъ всякихъ околичностей, какъ это прилично такому рѣшительному человѣку, какъ герцогу Веллингтону, онъ свое рѣшеніе выразилъ очень коротко, что дѣлать больше нечего, остается только выбирать между эмансипаціей и междоусобной войной. «Я человѣкъ, милорды, сказалъ онъ, который, вѣроятно, больше лѣтъ своей жизни, чѣмъ остальные люди, провелъ на войнѣ и надобно прибавить въ междоусобныхъ войнахъ, но я долженъ сознаться, еслибы я цѣною жизни могъ отвратить только одинъ мѣсяцъ междоусобной войны, я, ни на минуту не задумываясь, отдалъ бы свою жизнь.» Наконецъ 31 марта билль былъ принятъ въ нижней палатѣ при засѣданіи 402 членовъ большинствомъ 178 голосовъ послѣ третьяго чтенія билля: отвергнуты были всѣ ограниченія; а 10 апрѣля билль утвержденъ былъ также и верхней палатой, при большинствѣ 213 голосовъ противъ 189; а 14-го, послѣ королевской конфирмаціи, сдѣлался закономъ для государства. Заклятіе, столько лѣтъ лежавшее на королевствѣ и отнимавшее столько дѣятельныхъ, мужественныхъ и дальновидныхъ людей у правительства, было наконецъ снято: восемь католическихъ ирландскихъ лордовъ, изъ числа ихъ четверо принадлежавшихъ семействамъ, родъ которыхъ восходилъ до самыхъ отдаленныхъ временъ, заняли свои мѣста, какъ члены верхней палаты парламента, мѣста остававшіяся незанятыми втеченіе многихъ столѣтій.

Неблагоразумная консервативная партія, недовольная этимъ закономъ, предсказывала гибель церкви, аристократіи, короля и государства; съ однимъ изъ этихъ отсталыхъ людей, поносившемъ бранными словами герцога Веллингтона и министерство, а именно съ Карломъ-офъ-Уинкелси, Веллингтону пришлось драться на дуэли. Всѣ эти пророчества не сбылись, а католическій элементъ въ нижней палатѣ никогда не достигалъ той численной силы, какой относительно количества католическаго народонаселенія, можно было бы ожидать, но въ тоже время не произошло и того, чего желали и надѣялись истинные патріоты: искренняго примиренія и соединенія англійскаго народа съ ирландскимъ. Справедливость пришла слишкомъ поздно, она пришла не какъ свободный даръ, а была вынуждена и вырвана изъ рукъ, готовыхъ не даваться; но главное: она упала на неплодородную почву, окаменѣвшую и превратившуюся въ твердое желѣзо отъ неправильнаго и ложнаго управленія втеченіе столѣтій. Если бы даже не остались мелочныя, ограниченія, какъ напримѣръ, возвышеніе ценса, черезъ который до 200,000 избирателей лишились своего избирательнаго права, и еще болѣе мелочное притѣсненіе, по которому было опредѣлено, что только тѣ католики имѣютъ право произносить новую обязательную присягу, которые, при новомъ ценсѣ, будутъ избраны въ народные представители; этимъ ограниченіемъ думали подвергнуть страшнаго О'Коннеля случайностямъ новаго избранія. Если бы, слѣдовательно, и не было этихъ мелочныхъ стѣсненій, то все-таки эмансипація не была бы въ состояніи уничтожить ненависти, существовавшей между католическимъ, кельтскимъ, лишеннымъ наслѣдства народомъ и протестантами германскаго племени, обогатившимися достояніемъ ирландцевъ; суждено было вскорѣ обнаружиться, что за религіознымъ и политическимъ вопросомъ кроется соціальный, разрѣшеніе котораго, при характерѣ ирландскаго народа, становилось невозможнымъ; оказалось, что здѣсь многообразныя и тяжкія прегрѣшенія отцовъ и дѣдовъ наказывались въ дѣтяхъ и внукахъ до тысячнаго и болѣе колѣна.

Эта правительственная мѣра, утвержденная Георгомъ IV, была послѣдняя имъ подписанная. Онъ уже давно хворалъ и хирѣлъ; онъ своими капризами, лѣностью и прихотливостью, проистекавшими изъ его физическаго состоянія, не мало затруднялъ задачу управленія государствомъ.

Онъ скончался на 68 году своей жизни, процарствовавъ 10 лѣтъ, какъ король, а 19 лѣтъ какъ король и регентъ вмѣстѣ.

Смерть его не произвела никакого впечатлѣнія въ народѣ. Изо всего хорошаго, что было сдѣлано въ его царствованіе, на его долю лично мало досталось; только однажды въ свое правленіе онъ показалъ необыкновенную энергію и дѣятельность, какой никогда не выказывалъ при рѣшеніи ни одного изъ важныхъ государственныхъ вопросовъ; и эта энергическая дѣятельность была вызвана постыднымъ процессомъ съ женою! Но исключительное счастіе Великобританіи именно въ томъ и заключается, что на ходъ государственныхъ дѣлъ мало вліянія имѣютъ личныя качества ея государей, хотя они и не совсѣмъ лишены всякаго значенія, но сравнительно, отъ нихъ меньше зависитъ счастіе и общественная жизнь народа, чѣмъ гдѣ бы то ни было; здѣсь король находится въ такомъ положеніи, что онъ можетъ сдѣлать очень много добра, если захочетъ, но не можетъ сдѣлать зла, еслибъ даже и захотѣлъ. Самъ народъ англійскій несетъ отвѣтственность за все хорошее и дурное, что сказывается въ его судьбѣ. Голосъ его не всегда имѣлъ силу, степень его развитія, или ограниченности существенно не направляли хода общественной жизни и учрежденій.

Первыя 15 лѣтъ послѣ заключенія мира прошли не безслѣдно, хотя прогрессивное развитіе и улучшеніе общественнаго быта подвигалось медленно. Въ матеріяльномъ отношеніи развитіе было замѣтнѣе: паровая сила уже расправляла свои мощные двигатели и уже работала въ угольныхъ копяхъ, поднимая уголь изъ шахты на поверхность земли; съ 1820 года паровая сила двинула локомотивъ и онъ уже возилъ тяжести и товары, потомъ къ нему начали прикрѣплять вагоны и при медленномъ, но постоянномъ усовершенствованіи паровыхъ машинъ, локомотивъ началъ возить и путешественниковъ; въ 1820 году насчитывалось въ Англіи только 1400 паровыхъ ткацкихъ станковъ, а въ 1830 году уже 55,000 машинъ ткали; въ неравной, но упорной борьбѣ машинной съ ручною работой,

первая брала рѣшительный перевѣсъ надъ своею слабосильною соперницей; точно также города развивались, разростались и расцвѣтали скорѣе селъ и деревень и городское народонаселеніе стремилось впередъ, усовершенствовалось, тогда какъ селсское не только отставало, но какъ бы съ цѣлью отступало назадъ; это разность вызывала и вела за собою частію справедливые, частію несправедливые упреки съ той и съ другой стороны.

Чрезвычайно благодѣтельный подвигъ совершилъ Пиль, вообще оказавшійся искуснымъ правителемъ;онъ преобразовалъ столичную полицію, въ 1828 году; эта реформа полицейская въ столицѣ повела за собою подобныя же улучшенія въ провинціальныхъ городахъ; путешественники, сравнивая англійскую лондонскую полицію съ унизительными полицейскими проволочками на материкѣ, по поводу паспортовъ и другихъ формальностей, грубость, подкупность тамошней полиціи, смотрѣли на лондонскую, какъ на чудо, и считали ее недостижимо-идеальною.

Менѣе замѣтенъ былъ прогрессъ въ отношеніи народнаго образованія и въ способахъ школьнаго обученія; правительство, еще подчиняясь узамъ англиканской правовѣрной церкви, ничего не предпринимало, а рвеніе частныхъ людей не имѣло достаточно силы, чтобы заставить лѣнивую и невѣжественную народную массу отучать своихъ дѣтей отъ нищенства на большихъ дорогахъ, отъ бродяжничества, отъ грубости и пороковъ и отдавать ихъ учиться въ школы, которыхъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе открывалось. Важное нововведсніе было сдѣлано въ 1828 году, составилось общество, самый дѣятельный членъ котораго былъ Генри Бруггамъ; оно устроило новый университетъ, лондонскій (London University) на новыхъ свободныхъ началахъ, чтобы противупоставить его старинным закоренѣлымъ англиканскимъ университетамъ, со всѣми ихъ злоупотребленіями и средневѣковыми обычаями, а именно оксфордскому и кембриджскимъ университетамъ. Но этимъ высокопоставленная церковная партія, принадлежать къ которой было почетно (fashionable) еще не считала себя побѣжденной; партія эта противупоставила новому университету институтъ, основанный на своихъ собственныхъ началахъ, Kings college, и въ этомъ отношеніи, какъ и вездѣ, оппозиція смѣло вступила въ бой, въ печати, въ парламентѣ, на трибунахъ общественныхъ собраній и обществъ, а это вообще такъ содѣйствуетъ благу обновленія и развитія англійской жизни. Какъ на рѣшительный прогрессъ можно смотрѣть, что только теперь стараніями просвѣщеннаго типографщика Гаспарда начали появляться въ свѣтъ очень подробные и точные отчеты о парламентскихъ преніяхъ и что кромѣ безчисленнаго множества газетъ, издаваемыхъ различными партіями, въ самой большой и самой лучшей тогдашней ежедневной газетѣ «Таймсъ» явился независимый органъ, не подчинявшійся ни одному изъ сильныхъ и могущественныхъ вліяній духа партій. Но яснѣе всего стремленіе впередъ обнаруживалось въ самомъ правительствѣ государства и въ тѣхъ слояхъ парламента, изъ которыхъ выбирались эти правительственныя лица. Плотина старой системы была прорвана; новые дѣятели, не по праву наслѣдства, не какъ представители старинныхъ родовъ, а вызванные изъ народной срѣды своими заслугами и способностями, заняли мѣста въ парламентѣ и въ составѣ кабинета министровъ; они вмѣстѣ съ собою на высоту принесли новыя животворныя идеи, которыми оживили политическую дѣятельность и жизнь. Первые шаги на поприщѣ свободы торговли были сдѣланы; въ различныхъ отрасляхъ общественной жизни сдѣланы улучшенія, начиная съ уголовныхъ законовъ до административныхъ процедуръ, находившихся еще въ совершенно варварскомъ состояніи; особенно много сдѣлали сэръ Самуилъ Ромильи, сэръ Джемсъ Макинтошъ и Робертъ Пиль; для народнаго образованія и для улучшенія системы воспитанія много трудился Генри Бруггамъ. Начало къ уничтоженію невольничества въ колоніяхъ было положено. Но болѣе всего вниманія заслуживаетъ то, что посредствомъ уничтоженія акта тестаціоннаго и черезъ эмансипаціонный билль потрясено было застарѣлое и гибельное церковное господство, отнимавшее у достойныхъ людей право служить отечеству на извѣстныхъ мѣстахъ, потому только, что воззрѣніе ихъ на божественные и отвлеченные догматы вѣры не сходились съ англиканскими и дѣлали духовныя разности фундаментомъ для земныхъ отношеній; но важнѣе всего прогрессъ доказывается тѣмъ, что министры защищали и провели эту эмансипацію, противниками которой они сами были въ теченіе

всей своей предъидущей жизни. Можно смотрѣть, какъ на самый важный и значительный прогрессъ Англіи, что англиканская господствующая партія начала терять свою силу и свое преобладаніе, что государственные люди начали сознавать, что благо и счастіе народа надобно ставить выше интересовъ партій, что человѣкъ, подобный Пилю, готовъ былъ истратить всю свою жизнь и силу на то, чтобы провести либеральныя мѣры, потому что онъ, послѣ зрѣлаго обсужденія, сознялъ свою ошибку и что тѣ начала, которыя онъ за одно съ своей партіей отстаивалъ, были истинными и благодѣтельными для народа. При такомъ прочномъ настроеніи умовъ, при такихъ стремленіяхъ къ усовершенствованіямъ можно было довольно спокойно смотрѣть на бурю, поднимавшуюся въ сосѣднемъ королевствѣ, низвергнувшую королевскую власть и наполнившую европейскую жизнь броженіемъ новыхъ революціонныхъ началъ.

3. Германія.

И въ Германіи общественная и государственная жизнь подвигалась впередъ, хотя несравненно медленнѣе и незамѣтнѣе по самымъ разнообразнымъ и частію запутаннымъ ходамъ лабиринта: но движеніе это казалось слишкомъ медленнымъ для нетерпѣливыхъ идеалистовъ; но если взвѣсить всѣ трудности, какія именно въ этой странѣ встрѣчаетъ каждый прогрессъ на политическомъ поприщѣ, то надобно сознаться, что движеніе все-таки сравнительно было довольно замѣтное. «У васъ, писалъ одинъ современный шведскій писатель къ своему нѣмецкому собрату, слишкомъ много воображаемыхъ недостатковъ и общественнаго зла, и много дѣйствительныхъ благъ; но такъ какъ вы ипохондрики, то вы досадуете, если кто нибудь скажетъ: любезный другъ, тебѣ вовсе не такъ плохо, какъ тебѣ кажется.» Это недовольство, это ипохондрическое настроеніе дѣйствительно можетъ служить отличительною чертою нѣмцевъ въ тридцатыхъ годахъ и можетъ быть контрастомъ къ восторженному состоянію Германіи непосредственно послѣ войны за независимость. Настроеніе это зависѣло отъ общаго положенія дѣлъ въ Германіи и оправдывалось тѣмъ, что народъ, подготовленный къ свободной общественной дѣятельности, не находилъ возможности употребить въ дѣло вонхъ ссповособностей и своего знанія.

Мы уже видѣли, какъ посредствомъ вѣнскаго заключительнаго акта германская конституція пришла къ своему концу и какъ вслѣдствіе карлсбадскихъ рѣшеній союзный совѣтъ выказалъ необыкновенную дѣятельность въ развитіи полицейскихъ мѣръ. Въ ноябрѣ 1819 года центральная слѣдственная майнцская коммиссія начала свое существованіе и принялась за вое дѣло съ прилежаніемъ и съ неутомимымъ рвеніемъ, къ которому способны только нѣмецкіе служащіе при исполненіи своей обязанности, не смотря на то, какого свойства эта обязанность честная, или нѣтъ. Начали дѣлать розысканія и изслѣдованія по всѣмъ направленіямъ; полицейскія и судебныя слѣдствія дѣлались въ цѣлой Германіи; каждый найденный, или указанный слѣдъ преслѣдовался съ официальною дѣятельностію, все служило наведеніемъ, догадкою, доказательствомъ: но сколько ни хлопотали, ни отыскивали, а тайнаго общества, которое надѣялись отыскать, не находили. И поэтъ нѣмецкій имѣлъ полное право насмѣяться надъ этими охотниками до заговоровъ и тайныхъ обществъ, донося печатно о самомъ тайномъ изъ тайныхъ обществъ, которое всегда у нихъ передъ глазами: «Это великій союзъ безчисленныхъ звѣздъ, который сошелся и постоянно сходится въ тишинѣ ночей, и, какъ мнѣ сыщики на дняхъ сказали, за ними прячется и таится солнечный свѣтъ.»

Такое общество, въ ночи скрытая партія, должно быть, была черезчуръ таинственна и ночи не въ мѣру темныя потому что комиссія при всемъ своемъ стараніи была не въ силахъ найти его и отчетъ ея отъ 1 мая 1822 года, представленный на разсмотрѣніе союза, былъ такъ бѣденъ и такъ ничтоженъ, что объ немъ и говорить нечего. Но въ глубинѣ германскаго народа все-таки бродило и волновалось неудовольствіе и по временамъ на гладкой поверхности выскакивали

пузыри пѣны; они появлялись такъ часто, что великія державы не упустили ихъ изъ виду и побудили союзную комиссію полицейскими мѣрами неустанно доискиваться начала и причины народнаго недовольства. Между тѣмъ вероискій циркуляръ былъ сообщенъ союзному собранію и со стороны Австріи состоялось предложеніе остальнымъ державамъ одобрить и принять мѣры, предписанныя циркуляромъ. Но оппозиція средняго сословія на этотъ разъ яснѣе выразила свое неудовольствіе и заставила союзное собраніе отдѣлаться вѣжливою и изворотливою благодарственною рѣчью, обѣщая, что мудрыя и охранительныя основанія будутъ приняты во вниманіе, или поставлены на видъ, а о томъ, чтобы принять предложенныя мѣры, не было и помину. Со стороны же виртембергскаго правительства послана была нота къ посланникамъ, находящимся при различныхъ дворахъ; въ нотѣ довольно рѣзко было выражено удивленіе, какъ конгрессъ могъ разсуждать о такихъ важныхъ дѣлахъ, не призывая къ совѣщанію германскаго союза въ своей цѣлости, «который однакоже пользуется правами, равными правамъ великихъ европейскихъ державъ», народъ понесъ потерю; что ему была за надобность до того, если его еще осыпаютъ насмѣшками. Но союзники все еще не считали себя вполнѣ связанными съ этой стороны. Нѣкоторые изъ представителей среднихъ по величинѣ государствъ, какъ напримѣръ виртембергскій посланникъ графъ Вангенгеймъ, посланникъ великаго герцогства Гессенскаго—Гарніе и курфиршества гессенскаго—Лепель оказались очень неудобными въ совѣщаніяхъ, имѣли свой образъ мыслей и защищали его; къ нимъ приставали то баварскій, то саксонскій представитель, то какой либо изъ посланниковъ мелкихъ державъ. Вопросъ о союзническомъ военномъ положеніи довольно основательно обсуживался и онъ принадлежитъ къ ограниченному числу вопросовъ, такъ подробно разсмотрѣнныхъ; среднія по величинѣ державы въ этомъ случаѣ съ настойчивостію провели свои мнѣнія, и вопросъ этотъ былъ рѣшенъ 1821 года, а рѣшеніе его изложено въ 24 статьяхъ. Составныя части союзной арміи, данныя великими державами, ограничились каждая изъ трех-корпусной арміи, войска же остальныхъ союзныхъ державъ положено было не сливать съ главными войсками великихъ державъ, а содержать ихъ отдѣльно. Все союзное войско предполагалось довести до арміи въ 300,000 человѣкъ, готовыхъ выступить въ поле; къ нимъ еще присоединялся резервный корпусъ въ 150,000 человѣкъ; такое многочисленное войско составляло $1^1/_2$% всего народонаселенія Германіи; что по мнѣнію военныхъ мудрецовъ, вполнѣ достаточно было для оборонительной войны, а патріотическіе самохвалы утѣшались мыслью, что Германія впродолженіи всего историческаго существованія своего, никогда не могла похвалиться такимъ многочисленнымъ войскомъ. Въ прочихъ отношеніяхъ оппозиція принесла мало пользы; это становится очевиднымъ, если разсматривать дѣла, вошедшія въ составъ совѣщанія союзнаго совѣта втеченіе третьяго десятилѣтія. Такъ въ 1821 году, по поводу несогласій между прусскимъ правительствомъ и правительствомъ Ангальтъ-Кетенъ, обнаружилось все безсиліе союзнаго собранія, все равно кто бы изъ спорящихъ правъ ни былъ: года два тянулись разбирательства и дѣло покончено было «выраженіемъ справедливой надежды, что въ скоромъ времени разъяснятся побочные вопросы, составляющіе спорный пунктъ.» Въ 1823 году вестфальскіе землевладѣльцы, покупавшіе поземельную собственность, вторично внесли свое дѣло о купчихъ въ союзный совѣтъ и Вангенгеймъ изложилъ его въ комиссіи съ такою силою и ясностію, что каждый, не преднамѣренно слѣпой, могъ ясно обнять всѣ стороны предмета: онъ говорилъ, что государство не распадается, если государь умираетъ, или принужденъ бѣжать изъ своего государства; что не всѣ жители гессенскіе могли бѣжать отъ чужаго завоевателя и скрыться въ Прагу, или въ Вѣну, подобно своему курфирсту; что они принуждены по неволѣ были подчиниться новому порядку вещей и законамъ, вновь постановленнымъ, и что безразсудно и несправедливо наказывать ихъ за то, что они подчинились господству иноземной силы, навязанной имъ ходомъ происшествій, а не вслѣдствіе свободнаго выбора и не по собственной ихъ винѣ. Повиновеніе силѣ обстоятельствъ равнялось для нихъ закону природы. Это ученіе, о вѣчномъ неумирающемъ государствѣ сильно не понравилось австрійскому двору: послѣ нѣсколькихъ проволочекъ землевладѣльцамъ отказали въ просьбѣ, хотя совершенно законной. Не лучше обошлись съ прелатами и

съ дворянствомъ Голштиніи; они около того же времени въ декабрѣ 1822 года жаловались на проволочки уставныхъ формъ и на различныя претерпѣваемыя ими несправедливости. Представитель саксонскихъ герцогствъ графъ Бейстъ и Вангенгеймъ настаивали на томъ, чтобы датскому королю назначить шестимѣсячный срокъ на устраненіе всѣхъ несогласій и всѣхъ неудовольствій по конституціи; ганноверскій посланникъ на этотъ разъ принялъ ихъ сторону, потому что дѣло шло о дворянскихъ преимуществахъ; но австрійскій уполномоченный, фрейгеръ Мюнхъ-Беллингаузенъ, довѣренное лицо князя Меттерниха, занявшій съ 1822 года мѣсто Буоля, выразилъ свое мнѣніе, что составленіе конституціи дѣло трудное, что оно требуетъ большой осмотрительности, его надобно зрѣло обдумать и взвѣсить и о срокѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Онъ долго разъяснялъ это примѣрами, по которымъ народы становятся истинно счастливыми и спокойными, только когда они, или собственною силою, или при посторонней помощи свергаютъ конституціи, преступными и дерзкими руками насильно навязанныя правительству. Вслѣдствіе этого, жалобы оставлены на время безъ послѣдствій и принесшимъ жалобу было объявлено, чтобы они съ довѣрчивостью ждали конституціи, которую король обѣщался дать Голштиніи.

Со времени Веронскаго конгресса Австрія еще съ большимъ вѣсомъ продолжала дѣйствовать на пути реакціи. Съ іюля 1824 года ограничили обрадованіе протоколовъ; подробный отчетъ печатался только для посланниковъ, а публика вообще могла довольствоваться извлеченіями. Въ томъ же году продлили на неопредѣленное время постановленіе, первоначально въ 1819 году утвержденное только на пятилѣтній срокъ, о строгомъ наблюденіи за печатью и за университетами; слѣдовательно, маинцская комиссія могла продолжать свою дѣятельность. Наконецъ, послѣ долгаго и тщетнаго ожиданія нашлись дѣйствительные заговорщики; составился заговоръ между незрѣлой молодежью: одинъ искатель приключеній увлекъ ихъ воображеніе, мнимымъ серьезнымъ, уже давно существующимъ тайнымъ обществомъ, составленнымъ изъ людей мыслящихъ и достигшихъ зрѣлыхъ лѣтъ; опять въ сѣти попались пылкіе патріоты, жадные до новизны и до необыкновеннаго, молодые люди, считавшіе себя счастливыми, что могутъ принадлежать къ тайному обществу. Объ этомъ толковали на союзныхъ сходкахъ изъ которыхъ одна была 28 мая 1822 года въ Вюрцбургѣ, куда явилось девять членовъ; вторая собралась въ Нюренбергѣ 12 и 13 октября, куда явилось двадцать членовъ. Въ ноябрѣ 1823 года въ Берлинъ посланъ былъ тайный доносъ объ этомъ опасномъ обществѣ: немедленная комиссія для разбора этого дѣла была назначена въ Кепеникѣ; розыски начались и судамъ представляли то, что комиссія находила; члены юношескаго союза (Jünglingsbund) были обвинены и присуждены къ крѣпостнымъ работамъ, на различные сроки. Не вездѣ, однакожь, такъ серьезно смотрѣли на это: такъ, напримѣръ, въ южной Германіи сами чиновники смотрѣли на свою обязанность съ нѣкоторою ироніей и не ловили каждаго слова; здѣсь больше, чѣмъ въ сѣверной Германіи, была развита трактирная жизнь; подъ веселую руку здѣсь многое говорилось, что, однакожь, не заходило за стѣны трактира и разлеталось вмѣстѣ съ винными парами; приключеніе, бывшее съ книгопродавцемъ Пертъ, въ Майнцѣ 1823 года, повторилось и въ другихъ мѣстахъ; онъ путешествовалъ и обѣдалъ за общимъ столомъ въ гостинницѣ; тутъ очень свободно, очень рѣзко и вовсе не почтительно перебирали общественныя, государственныя дѣла и нужды, говорили объ учрежденіяхъ, какъ союзныхъ такъ и частныхъ отношеніяхъ государственныхъ и т. д. Каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ, что сосѣдъ его за столомъ, съ которымъ особенно горячо спорилъ, былъ членомъ центральной слѣдственной комиссіи, внушавшей всеобщій ужасъ въ остальной Германіи; и споръ этотъ остался безъ послѣдствій, онъ не вышелъ за предѣлы комнаты.

Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе утверждалось мнѣніе, что германская союзная конституція есть худое дерево, на которомъ никогда не выростутъ ни цвѣты, ни плоды. Постепенно угасалъ даже интересъ къ тому, что дѣлается въ союзномъ собраніи, о чемъ толкуютъ въ немъ; когда же случайно упоминали о великомъ днѣ союза (Bundestag), это напоминаніе вызывало возростающее чувство презрѣнія скорѣе, чѣмъ ненависти; и на этомъ чувствѣ презрѣнія опять

встрѣтились всѣ мыслящіе, политическіе люди Германіи: вмѣстѣ съ тѣмъ въ народѣ опять шевельнулось одно общее всѣмъ, возрождающееся чувство политическаго единства. Духъ прогресса не находилъ возможности развернуться въ центрѣ Германіи, здѣсь всѣ пути ему были заказаны, его насильственно оттѣснили и отогнали къ окраинамъ и въ отдѣльныя государства. Конституціонное начало въ Германіи походило на нѣпрочный корабль; въ одномъ мѣстѣ съ самаго перваго дня въ немъ оказалась течь, въ другомъ плохо построенъ, въ иномъ былъ еле сплоченъ изъ старыхъ и новыхъ досокъ; при такихъ важныхъ недостаткахъ онъ началъ свое плаваніе: десять лѣтъ ему пришлось бороться съ неблагопріятными вѣтрами и съ непогодой, лавировать между подводными скалами и мелями и очень часто на рулѣ стоялъ неопытный, или незнающій кормчій.

Несмотря на все это мы, однакожь, обязаны познакомиться съ недостаточнымъ конституціоннымъ началомъ этого времени, хотя въ главнѣйшихъ государствахъ Германіи. Правда, мало отраднаго можно найти: но упускать изъ виду нельзя одной черты, на которую впослѣдствіи, во время борьбы партій, хотя и не обратили достаточнаго вниманія, а именно: съ одной стороны мы нигдѣ не находимъ творческой силы, нигдѣ не видимъ одушевленнаго стремленія къ выполненію одной великой политической цѣли, нигдѣ въ правительствѣ не выражается истиннаго патріотизма, но за то съ другой стороны мы не видимъ недоброжелательства, не замѣчаемъ тѣхъ страстей ненависти и мести, которыя такъ обыкновенны въ государствахъ романскаго племени.

Въ болѣе крупныхъ сѣверо-германскихъ второстепенныхъ государствахъ Ганноверѣ и Саксоніи, положеніе дѣлъ, въ существенныхъ отношеніяхъ, оставалось въ старыхъ колеяхъ, хотя въ Ганноверѣ 7 декабря 1819 года и была окончена новая организація государственныхъ чиновъ: конституція о двухъ палатахъ съ правомъ голоса при назначеніи податей, при обсуживаніи законовъ, при поданіи жалобъ и прошеній; но совѣщанія палатъ должны были происходить при закрытыхъ дверяхъ, не публично. Государствомъ по прежнему управлялъ графъ Мюнстеръ изъ Англіи. Въ первой палатѣ преобладало дворянство, во второй чиновники; совѣщанія палатъ не возбуждали въ народѣ ни малѣйшаго сочувствія, что очевидно происходило отъ того, что газета, въ которой печатались протоколы ландтага, съ 1821 года прекратилась по причинѣ недостаточнаго числа подписчиковъ, что для литературы не представляло никакой потери. Мало-по-малу въ народѣ накоплялось неудовольствіе на дворянъ, за права и преимущества, которыми они пользовались, и за то, что общественные интересы приходили въ совершенный упадокъ, что промышленность и ремесла очевидно не только не шли впередъ, но видимо ухудшались; налоги были распредѣлены неправильно и низшіе классы народа не въ мѣру отягощены; между тѣмъ народъ воображалъ, что доходы и льготы королевскихъ государственнихъ имѣній чрезвычайно велики и только досадовалъ, что изслѣдовать этого невозможно, потому что управленіе это было совершенно независимо отъ ландтага: такое всеобщее неудовольствіе однакожь не повело ни къ какому прогрессивному движенію.

Въ Саксоніи все было тихо и мирно при празильномъ состояніи финансоваго управленія и при общемъ безбѣдномъ положеніи народа; конституціонныя совѣщанія шли медленно и скучно, какъ офиціальное дѣлопроизводство; только въ 1824 — 27 годахъ нѣкоторую жизнь и движеніе въ общемъ застоѣ произвели нѣкоторыя присвоенія неположенныхъ правъ, католической іерархіей: въ одномъ этомъ случаѣ лютеранское народонаселеніе государства не довѣряло чтимому королевскому дому, одинъ изъ предковъ котораго за чечевичную похлебку, за польскій престолъ, продалъ свое первородное право на протестантское вѣроисповѣданіе и единство религіи съ народомъ. Мая 6, 1827 года скончался старый король, послѣ неимовѣрно долгаго 64-лѣтняго царствованія, на 76 году своей жизни; ему наслѣдовалъ такой же 71-лѣтній старикъ, братъ его Антонъ, такой же набожный и кроткій, какъ его предшественникъ; при немъ все осталось неизмѣнно при старомъ, даже устарѣвшія и отжившія конституціонныя формы уцѣлѣли.

Немного больше жизни и движенія обнаружилось въ маленькомъ герцогствѣ Брауншвейгѣ. Герцогъ Фридрихъ Вильгельмъ, павшій на полѣ сраженія при Катр-Бра (Quatrebras) въ 1815 г. оставилъ послѣ себя малолѣтнихъ сыновей, прин-

цевъ—Карла и Вильгельма. Регентство, вмѣсто старшаго изъ нихъ и опеку надъ нимъ, какъ глава дома, принялъ на себя англійскій принцъ-регентъ. На воспитаніе молодаго принца не обращено было вниманія; когда англійскій король вздумалъ своевольно продлить свое опекунство, онъ съ необузданною и неприличною яростію и началъ съ нимъ споръ. При содѣйствіи князя Меттерниха, смотрѣвшаго на этотъэпизодъ, какъ на параллельный португальскому Мигуэлю,ему удалось, утвердить самостоятельное управленіе надъ своимъ маленькимъ государствомъ въ 1823 г. 30 октября. Онъ вскорѣ началъ ссоры и неудовольствія съ государственными чинами, произвольно вздумалъ вмѣшиваться въ финансовыя распоряженія; самымъ недостойнымъ образомъ обижалъ и притѣснялъ своихъ чиновниковъ, мало-по-малу возстановилъ противъ себя всѣ слои общества и довелъ общее раздраженіе до того, что вызвалъ катастрофу небывалую и неслыханную на германской почвѣ.

Въ Кургессенѣ на престолъ взошелъ Вильгельмъ II 17,февраля 1821 года. Сначала Вильгельмъ было принялся за нѣкоторыя улучшенія, народъ вздохнулъ свободнѣе и надѣялся на что нибудь хорошее, но вскорѣ онъ подалъ поводъ ко всеобщему негодованію своимъ грубымъ, недостойнымъ обращеніемъ съ супругой своей, сестрою короля прусскаго; онъ ею пренебрегалъ и обижалъ ее изъ-за своей любимицы, корыстолюбивой Эмиліи Ортлёпъ, возведенной имъ въ званіе графини Рейхенбахъ;его произволъ дерзко касался частныхъ отношеній и такъ какъ владѣнія его были очень ограничены, онъ могъ знать каждаго лично и, слѣдовательно, произволъ его могъ коснуться каждаго; гнетъ его оттого былъ еще невыносимѣе для его подданныхъ. Такъ напримѣръ, стояло ли какое-нибудь обширное фабричное зданіе на мѣстѣ, которому, по мнѣнію кургерцога, было бы лучше быть пустымъ: не говоря никому ни добраго, ни худаго слова, онъ приказывалъ его ломать и увозить камни и мусоръ; или, какой-нибудь чиновникъ просился въ отпускъ, чтобы лечиться на водахъ, гдѣ нибудь по близости, въ сосѣднемъ государствѣ: но курфирсту неугодно, чтобы его подданные разъѣзжали по чужимъ краямъ, и онъ вмѣсто источниковъ, указанныхъ докторомъ, приказывалъ своему чиновнику пользоваться кургессенскими водами Гофгейсмара, которыя, по его мнѣнію, также были хороши, какъ предписанныя во многихъ отношеніяхъ еще лучше ихъ. Впрочемъ, судебныя и правительственныя учрежденія съ большой энергіей отстаивали права свои.

Въ гораздо лучшемъ положеніе было великое герцогство Гессенское, но и тутъ существовали недоразумѣнія между герцогомъ и народомъ; все оттого, что до сихъ поръ честный и умный министръ юстиціи Грольманъ увлекся реактивнымъ направленіемъ и здѣсь какъ и повсюду въ Германіи, пришлось, испытать, что честный и преданный своему государю образъ мыслей и независимая рѣчь могутъ идти объ-руку. Кромѣ того страна жестоко страдала отъ слѣдствій территоріальнаго раздробленія этой части Германіи: при извращенномъ понятіи о таможенныхъ системахъ и стѣсненіяхъ при сборѣ пошлинъ, никакая торговля не могла развиваться и вознаградить того, чего жители не находили на своей безплодной почвѣ.

Также и въ собственной южной Германіи, т. е. на югъ отъ Майна, конституціонная жизнь не развивалась, сообразно съ началомъ, такъ много обѣщавшимъ. Въ Баденѣ чувствовалось вѣяніе французскаго конституціоннаго духа; въ своихъ приливахъ и отливахъ онъ носилъ на себѣ грандіозный характеръ политической жизни крупнаго государства; здѣсь непосредственнѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было требованія французскихъ либераловъ, дѣйствовали на подвижные южные характеры и они ясно выражались во второй камерѣ, въ которой, какъ и во всѣхъ сословныхъ собраніяхъ, въ числѣ членовъ находились самые выдающіеся таланты; въ этой камерѣ высказывались либеральныя требованія и краснорѣчиво защищали ихъ; но и здѣсь чувствовался гнетъ, лежащій на всей общественной дѣятельности Германіи; кромѣ того, при рѣзко-повелительномъ характерѣ новаго великаго герцога Людовика, при преобладаніи закоренѣлыхъ дворянскихъ понятій въ верхней палатѣ и здѣсь, какъ вездѣ, конституціонный образъ правленія былъ только кажущимся, а не дѣйствительнымъ. Въ 1823 году вторая палата была распущена; для составленія новой прибѣгали ко всѣмъ позволеннымъ и непозволеннымъ средствамъ, допускали и угрозу, и подкупъ, и лесть, такими не-

правдами составилась камера, 24 февраля 1825 года, она съ покорностію выслушала декларацію великаго герцога, въ которой говорилось что по заключеніи высокаго союзнаго совѣта права управленія народами должны находиться исключительно въ рукахъ ихъ законныхъ государей и слѣдовательно совѣщательная сила сословій должна вращаться въ указанныхъ ей границахъ; по составу новой нижней палаты правительство могло быть спокойно, что до срока, т. е. до шести лѣтъ, на которыя представители были избраны, ничто не всколыхнетъ ихъ собранія, ничто не возмутитъ распоряженій правительства и оно можетъ разсчитывать на спокойные дни.

Въ Виртембергѣ, гдѣ нашлись такіе смѣлые и энергическіе поборники стараго добраго права, государственные чины вмѣстѣ съ введеніемъ конституціи оказались очень удобными и сговорчивыми. Въ 1821 году одинъ изъ депутатовъ, Фридрихъ Листъ, набросалъ для нововиртембергскаго города Рейтлингена конституцію; городъ Рейтлингенъ не славился особенно, а профессоръ Листъ былъ человѣкъ съ энергическимъ характеромъ и отличался своимъ ораторскимъ искусствомъ.

Въ формѣ прошенія написалъ онъ для гражданъ города Рейтлингена планъ реформы, который и представилъ на обсужденіе камеры; въ прошеніи выражено было 40 требованій и не въ обычныхъ формахъ. Ужасъ и негодованіе, при видѣ такой непочтительной смѣлости, не имѣли границъ, бюрократическіе приверженцы старины въ палатѣ возмутились больше самаго правительства и называли этотъ поступокъ неслыханною дерзостью. Но составитель прошенія свѣтлымъ умомъ своимъ смотрѣлъ далеко за предѣлы Виртемберга; онъ стоялъ несравненно выше эгоистическаго общества, которое заботится только о самомъ близкомъ, крайне необходимомъ; онъ помышлялъ о возрожденіи Германіи посредствомъ національной системы сельскаго и городскаго хозяйства и изложилъ свой взглядъ въ отдѣльномъ сочиненіи; у него въ умѣ уже слагалась сѣть желѣзныхъ дорогъ для цѣлой Германіи въ то время, когда на линію, проведенную между Лейпцигомъ и Дрезденомъ смотрѣли, какъ на исполинское дѣло; но въ глазахъ штутгардтскихъ мѣщанъ и виртембергскихъ чиновническихъ мудрецовъ, для которыхъ все, что возвышается надъ посредственностью, ненавистно, онъ казался извращеннымъ мечтателемъ: противъ Листа начался уголовный процессъ и еще раньше, чѣмъ въ послѣдней инстанціи произнесено было рѣшеніе процесса, Листъ былъ исключенъ изъ числа депутатовъ большинствомъ 56 голосовъ противъ 30. Правительство, однакожь было либеральнѣе народа; можно привести, какъ странное противорѣчіе, слѣдующій случай: въ заключительной рѣчи, въ которой король 25 іюня 1821 года распускалъ сеймъ, онъ сказалъ, что благословляетъ день, въ который, по свободному обоюдному соглашенію его съ народомъ, конституція была введена; а въ тоже самое время съ другой стороны появились отъ нѣкоторыхъ оберамтовъ прошенія, въ которыхъ высказывалось желаніе не выбирать болѣе депутатовъ: уже давно въ экономныхъ мѣщанскихъ кружкахъ любимымъ предметомъ для толковъ было, какъ дорого стоятъ сеймы; высчитывали сколько крейцеровъ, или пфенниговъ стоило народу каждое слово, произнесенное въ совѣщательныхъ палатахъ. Какъ бы то ни было, но государство процвѣтало при честной и благоразумной системѣ финансовъ; на короля и въ государствѣ и внѣ его предѣловъ, смотрѣли, какъ на образецъ конституціоннаго правителя; и надобно сознаться, онъ заслуживалъ этой славы, потому что онъ дѣйствительно умѣлъ царствовать въ границахъ, предоставленныхъ ему конституціей; онъ лично старался изучать нужды и потребности своего государства и вносилъ въ дѣла зрѣло-обдуманныя сужденія и силу дѣятельности умнаго, опытнаго, правда немного упрямаго, но въ высшей степени самобытнаго человѣка; въ отдѣльныхъ случаяхъ какъ, напримѣръ, при составленіи закона о жидахъ въ 1828 году, по которому евреямъ предоставлялася часть гражданскихъ правъ, онъ оказался гораздо либеральнѣе камеры. Съ непоколебимою твердостью отстаивалъ Вильгельмъ I свою личную самостоятельность и самостоятельность своего народа, относительно насилія, съ какимъ великія союзныя державы распространяли свою реактивную теорію на государства второй и меньшей величины; онъ до послѣдней возможности противился притязательнымъ требованіямъ Веронскаго конгресса: печать была довольно сво-

бодная и ея рѣчь навлекла даже неудовольствіе союзнаго совѣта. Когда же союзъ требовалъ, чтобы король уволилъ въ отставку своего союзнаго уполномоченнаго Вангенгейма и министра иностранныхъ дѣлъ Винцингероде, онъ не хотѣлъ уступить и уступилъ наконецъ только тогда, когда дворы вѣнскій, берлинскій и петербургскій въ 1823 году отозвали своихъ посланниковъ изъ Штутгарта и грозились принять болѣе дѣйствительныя мѣры. Но король не могъ отважиться на какой нибудь рѣшительный шагъ впередъ, который своимъ примѣромъ могъ бы подѣйствовать и на остальную Германію и пробудить ея дремлющія силы; для этого у королевства не было достаточной силы, даже еслибы народонаселеніе было дѣятельнѣе, менѣе думало о собственныхъ удобствахъ и удовольствіяхъ, нежели это было на самомъ дѣлѣ. Заслуга такого передоваго движенія должна была выпасть на долю Баваріи.

Большія торжества, которыми освятили новый конституціонный порядокъ вещей, подавали большія надежды, но онѣ не осуществились. Палата государственнаго совѣта съ самаго начала дала понять, что главною задачей своей считаетъ всѣми силами препятствовать возрастанію народнаго господства. Предложеніе о введеніи публичнаго и словеснаго судопроизводства, представленное палатой депутатовъ и принятое ими съ значительнымъ большинствомъ голосовъ, палата государственнаго совѣта отложила, какъ требованіе не своевременное; второе предложеніе, которое, надобно замѣтить, было дѣйствительно недостижимо и вовсе не соотвѣтствовало цѣлямъ правительства и своему назначенію, состояло въ томъ, чтобы войско, подобно остальнымъ должностнымъ государственнымъ лицамъ, присягало конституціи; особенно жарко поддерживали это предложеніе совѣтникъ юстиціи Гориталь и совѣтникъ Беръ, оба стояли во главѣ либеральной партіи; они пробудили толки и споры въ обществѣ, но предложеніе ихъ осталось безъ послѣдствій. Удалось однакожъ ввести нѣкоторый порядокъ въ сильно разстроенную финансовую систему, и совѣщанія депутатовъ имѣли по крайней мѣрѣ ту выгоду, что обнаружили недостатки въ государственномъ и административномъ устройствѣ и обращая на нихъ вниманіе народа, подготовляли его къ сознанію своихъ политическихъ обязанностей, что гораздо плодотворнѣе и важнѣе для общественной и государственной жизни народа, нежели сознаніе своихъ политическихъ правъ. Октября 12 1825 года скончался добрый король Максъ Іосифъ; наслѣдникъ его, Людвигъ I, несмотря на свои личные недостатки, принесъ съ собою на престолъ качество очень рѣдко встрѣчаемое у правителей: идеальное направленіе въ мысляхъ и во всемъ существѣ своемъ; черезъ это онъ внесъ въ дѣла своего отечества небывалый элементъ дѣятельности. Въ Вѣнѣ не любили людей съ оригинальнымъ направленіемъ вообще, а видѣть такого человѣка на тронѣ для нихъ было просто возмутительно; его считали съ ненадежной головой и мнѣніе это всюду распространилось по всей Германіи; даже сдѣлалось модой насмѣхаться надъ его, далеко не классическими, стихотвореніями, надъ его оригинальнымъ стилемъ и преувеличеннымъ прославленіемъ всего нѣмецкаго и тевтонскаго; но этотъ человѣкъ имѣлъ свои достоинства, онъ не былъ только фигурантомъ; въ Римѣ, гдѣ онъ долго прожилъ между художниками, онъ научился жить свободнымъ человѣкомъ—посреди свободныхъ людей; онъ горячо сочувствовалъ той симпатіи къ грекамъ, которой были одушевлены были всѣ лучшіе умы Германіи.

У него доставало такта, ума и чувства, чтобы не досадовать на манифестаціи когда при факелахъ, съ пѣніемъ и восторженными криками кричали ему вивать и рядомъ съ тѣмъ затягивали одну изъ самыхъ ярыхъ революціонныхъ мелодій; онъ съ увлеченіемъ занимался дерзкою и несвоевременною идеей объ единствѣ Германіи; онъ фантазировалъ на эту тему съ полнымъ одушевленіемъ, но у него не было ни опредѣленнаго плана, ни точнаго пониманія этого, тогда невозможнаго дѣла. Въ политическихъ отношеніяхъ у него не было ни послѣдовательности, ни творческой изобрѣтательности. Первымъ его дѣломъ по восшествіи на престолъ было учредить комиссію съ цѣлью сдѣлать въ возможной степени экономію посредствомъ благоразумнаго устройства общественныхъ должностей; засѣданія открылись, и онъ лично присутствовалъ при ихъ нескончаемыхъ толкахъ; онъ выразилъ намѣреніе предоста-

вить печати всевозможную свободу только съ условіемъ, чтобы она не выходила изъ назначенныхъ ей границъ. Но при его организаціи, всѣ эти формальности и дѣла ему вскорѣ надоѣли, и онъ предоставилъ имъ идти, какъ найдутъ лучше и почти все осталось при прежнемъ или пошло опять по старому. У него однакожъ были заслуги другаго рода. Очень своевременно было постановленіе, въ силу котораго университетъ Ландгута перенесенъ былъ въ октябрѣ 1826 года въ Мюнхенъ; черезъ это новая жизнь вошла и въ университетъ, и въ столицу. Созваны были замѣчательные люди: Шеллингъ, Тиртъ, Окенъ, Герресъ, Шубертъ, чтобы пересмотрѣть и составить статуты университета; они были проектированы на очень либеральныхъ началахъ; это тотчасъ отозвалось: въ первую же зиму число слушателей возросло до 1400 чел.; хотя изъ этого числа не всѣ достигли окончанія курса, но все-таки въ университетѣ засвѣтилъ огонь, который до тѣхъ поръ стоялъ подъ спудомъ и затеплилъ священное пламя знанія и умственнаго оплодотворенія въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ еще очень живо чувствовалось невѣжество и фанатизмъ католицизма. Но сильнѣе всего было одушевленіе короля, съ которымъ онъ смотрѣлъ на возрожденіе отечественнаго искусства въ Баваріи, призваніе воспитывать и лелѣять это юное искусство. Короля занимала мысль устроить особое зданіе Валгаллу, въ которой намѣревался собрать изображенія всѣхъ героевъ Германіи; онъ не разставался съ этою мыслію съ 1813 года и въ 1830 году, подъ руководствомъ Кленце, Валгалла близъ Регенсбурга была окончена; это былъ храмъ, построенный по образцу Пантеона; самъ король описалъ его своимъ оригинальнымъ изысканнымъ стилемъ; въ Мюнхенѣ въ свою очередь одно за другимъ воздвигались великолѣпныя зданія, посвященныя искусству, для поклоненія которымъ путешественники до сихъ поръ стекаются со всѣхъ концовъ свѣта; и эти дворцы были воздвигнуты въ такое время, когда у германскаго народа было еще очень мало великолѣпныхъ, общественныхъ зданій; они сдѣлались достояніемъ всего народа, которымъ онъ имѣетъ право гордиться: Глиптотека построена была Кленцемъ съ 1816—30 года, основаніе Пинакотеки было положено 7 апрѣля 1826 года; построена была церковь св. Анны, какъ образецъ готическаго стиля, церковь св. Людовика напротивъ въ романтическомъ стилѣ и еще многія зданія воздвиглись, въ которыхъ выразилась благородная, живительная и возвышающая душу художественная дѣятельность Корнеліуса, Гесса, Юлія Шнорра, Ротмана, Швинталера и др., но всѣхъ одинаково одушевляло, оживляло и поддерживало восторженное и дѣятельное участіе короля; правда, столица не вмѣру разросталась и украшалась въ ущербъ инымъ интересамъ и потребностямъ государства, и на это въ нѣкоторомъ отношеніи можно было роптать.

Такимъ образомъ то тутъ, то тамъ появлялось что нибудь хорошее, но отличительною чертою германскаго народа можетъ служить то, что несмотря на свое мелкое раздробленіе, онъ не подчинялся одному господствующему направленію, одной преобладающей силѣ воли, не стремился къ одной общей цѣли и именно по этому никогда не подчинялся одному деспотизму. Гдѣ существовало такъ много культурныхъ центровъ, какъ въ Германіи, тамъ невозможно было долго поддерживать какую либо систему, какъ напримѣръ такую, какая вытекала изъ карлсбадскихъ р ѣ ш е н і й союзниковъ. Великій народъ, у котораго есть разнообразное и полное жизни прошедшее, не можетъ долго оставаться въ неподвижности, въ застоѣ; въ Германіи это было еще болѣе невозможно: множество маленькихъ и второстепенныхъ государствъ имѣли свои столицы, своихъ государей, свои университеты, своихъ чиновниковъ, свой особенный міръ, свои силы, поставленныя въ извѣстныя соотношенія другъ съ другомъ и одной державы съ другою; у нихъ была необходимость соревновать другъ другу въ томъ или другомъ отношеніи и такимъ образомъ взаимно дѣйствовать другъ на друга, однимъ поддерживать и обновлять жизнь у другихъ и не давать ей засыпать, или ослабѣвать. Но кромѣ этого взаимодѣйствія была еще причина, мѣшавшая Германіи оставаться въ инерціи и покоѣ: эта причина лежала в ъ п р о т и в у п о л о ж н о с т и д в у х ъ в е л и к и х ъ г е р м а н с к и х ъ д е р ж а в ъ; отъ нея отношенія и жизнь всей Германіи вообще получали постоянно и неизбѣжно новые толчки къ броженію и дѣятельности.

Что касается Австріи, едва ли въ теченіе развитія всей исторической жизни ея найдется въ ней періодъ времени, подобный третьему десятилѣтію девятнадцатаго столѣтія, о которомъ можно сказать, что тутъ объ Австріи почти нечего говорить: ничего замѣчательнаго не случилось. Никому никакого дѣла не было до того, что думалъ народъ, какъ принималъ перемѣны, изобрѣтаемыя высокою политикою Меттерниха. Италіянскія области были спокойны; желѣзная рука силы крѣпко тяготѣла надъ полуостровомъ; броженіе и тайное волненіе Польши почти не отзывалось на сосѣдственной съ ней и одноплеменной ей Галиціи; только въ Венгріи, о существованіи которой Европа позабыла въ теченіи послѣдняго десятилѣтія, опять зашевелилась оппозиція, которая доказывала, что въ этомъ, нѣкогда великомъ завоевательномъ народѣ, еще таятся силы, которыя хранятъ его будущность и даютъ ему возможность воскреснуть изъ неподвижной апатіи, въ которой его насильственно держатъ. Нѣкоторое время, въ царствованіи Маріи Терезіи, можно было предполагать, что Италія и Венгрія, успокоившись, отрекутся отъ своего раздражительнаго народнаго духа, забудутъ свои претензіи на самобытность и сольются съ прилегающей къ нимъ частью Австріи. Но съ тѣхъ поръ, какъ Іосифъ II съ неумолимою строгостью пытался повсюду ввести однообразное политическое устройство, подчинить всѣ завоенныя и разноплеменныя области общимъ неизмѣннымъ законамъ, народы были оскорблены, они не захотѣли безусловно повиноваться и ими управлять стало гораздо труднѣе. Несмотря однакожъ на свое племенное неудовольствіе, венгерцы въ теченіе наполеоновскихъ войнъ вѣрно служили государству и сначала казалось даже, что меттерниховская усыпляющая политика отлично дѣйствуетъ на Венгрію. Годъ за годомъ спокойно проходили и никто не напоминалъ о томъ, что надобно собрать сеймъ. Но дѣла въ такомъ положеніи не могли остаться надолго у народа раздражительнаго, неспокойнаго, съ гордымъ дворянствомъ; здѣсь не было никакой надобности прибѣгать къ тайнымъ обществамъ и заговорамъ. Венгрія съ незапамятныхъ временъ была раздѣлена на множество небольшихъ самостоятельныхъ по управленію округовъ, комитатовъ; по своей конституціи, народъ находилъ въ своихъ учрежденіяхъ органъ для всѣхъ своихъ желаній и стремленій. Собранія этихъ комитатовъ не оставались безгласными; объ ихъ шумныхъ совѣщаніяхъ говорили и въ городахъ и въ замкахъ, на отдѣльныхъ фермахъ и въ уединенныхъ великолѣпныхъ залахъ магнатовъ: напрасно императоръ Францъ на варварскомъ латинскомъ языкѣ, здѣшнемъ дѣловомъ языкѣ, пытался опрокинуть, или оспаривать комитатское управленіе, онъ говорилъ, глухимъ, произнося слова totus mundus stultizat; et relictis suis antiquis legibus constitutiones imaginarias quaerit: весь міръ глупствуетъ и оставивъ свои древніе законы ищетъ новой конституціи; но здѣсь основывались не на мнимой, изобрѣтенной воображеніемъ конституціи; ея не добивались, не отыскивали, народъ владѣлъ ею и жилъ, по ея стариннымъ законамъ, утвержденнымъ народнымъ духомъ и во имя этой-то конституціи императору Францу пришлось выслушать мнѣнія, какихъ не приходилось выслушивать ни одному изъ такъ ревниво охраняемыхъ имъ незначительныхъ государей.

Всѣ попытки измѣнить народную конституцію Венгріи остались безъ послѣдствій; императорскіе коммисары, отправленные въ комитаты, на мѣсто наслѣдственныхъ или самими комитатами, выбранныхъ, должны были отказаться отъ своихъ должностей, потому что не могли выносить хотя пассивнаго, но всеобщаго выраженія презрѣнія, или ѣдкихъ насмѣшекъ и оскорбленій отъ народа; когда же попытались набирать войска безъ предварительнаго согласія сейма, которому предоставлено право набирать войско и назначать повинности, неудовольствіе стало обнаруживаться яснѣе; но подчиняясь натянутому положенію вещей, въ которое Австрія поставила себя въ отношеніи Россіи въ 1825 году черезъ греческій вопросъ, правительство нашлось вынужденнымъ сдѣлать уступки, чтобы оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими венгерскими подданными. Наконецъ послѣ 13-лѣтняго промежутка былъ созванъ сеймъ; императоръ Францъ открылъ его самъ, онъ для этого торжественнаго случая даже отложилъ всторону свой обычный духъ экономіи и сдѣлалъ себѣ великолѣпный венгерскій костюмъ, что было немалою жертвою. Этотъ сеймъ при самыхъ громкихъ жалобахъ и горячихъ

рѣчахъ и спорахъ продолжался отъ 1825—1827 года и окончился тѣмъ, что правительство хотя по формѣ объяснило и удовлетворило всѣ его жалобы на нарушеніе старинныхъ законовъ и правъ страны черезъ введеніе разныхъ учрежденій и мѣръ, несогласныхъ съ ними въ сущности, всѣ главныя требованія народа были удовлетворены. Выраженіе «что у Венгріи есть гораздо важнѣе задача, что ей некогда заниматься политическими тонкостями» справедливо, здѣсь можно было найти всѣ начала и основанія государственнаго и общественнаго благосостоянія; здѣсь все было: и пути сообщенія, и администрація, и школы, и законодательство—но все требовало внимательной реформы, все находилось еще на степени первобытнаго варварства; работы было много, надобно было только приняться за нее. Такъ смотрѣлъ на потребности своихъ соотечественниковъ графъ Стефанъ Чехини; онъ пожертвовалъ на устройство авадеміи одинъ годичный доходъ свой, равняющійся 60,000 флоринамъ; примѣръ его подѣйствовалъ благодѣтельно; онъ указалъ своимъ соотечественникамъ новый способъ употребить въ дѣло и свои капиталы, и свою дѣятельность, волновавшую и безполезно кипятившую ихъ кровь; начали образовывать разныя полезныя учрежденія и общества; чтобы поднять скотоводство и сельское хозяйство, учредили скачки и выставки скота. Ободренный успѣхомъ и общимъ сочувствіемъ, но болѣе всего слѣдуя влеченіямъ собственной души своей, Чехини взялся за перо и началъ писать народу въ ясныхъ и опредѣленныхъ словахъ, объясняя ему, отчего онъ такъ далеко въ своемъ общественномъ развитіи отсталъ отъ другихъ европейскихъ народовъ: и что для него необходимо; такое признаніе заслуживаетъ особеннаго вниманія и уваженія за то, что онъ прямо и безстрастно высказывалъ горькія истины гордому и полуобразованному дворянству и самолюбивому, тщеславному, но невѣжественному народу. Ни одинъ изъ патріотовъ Польши, насколько бы смѣлости у него ни было, не отважился однакожъ въ такой наготѣ выказать недостатки своего отечества; но и здѣсь участь народа зависѣла оттого захочетъ ли онъ, пока еще не прошло время, не только выслушать горькія истины, но сообразно съ ними поступать.

Въ чистонѣмецкихъ провинціяхъ Австріи лучше понимали, въ какихъ отношеніяхъ самъ народъ отсталъ на поприщѣ развитія и въ какихъ отношеніяхъ отстало государственное устройство: но сознанія недостаточно, надобна энергія для исправленія недостатковъ, а ея то и не было. Здѣсь нигдѣ не было и проблесковъ того пламеннаго патріотизма, который волновалъ Францію; здѣсь ни на правой, ни на лѣвой сторонѣ не было ни ультра-роялистовъ, ни ультра-либераловъ; даже пламенное броженіе идей и чувствъ въ германскомъ воспитывающемся и мечтающемъ юношествѣ было здѣсь незнакомо; ни малѣйшее дыханіе не шевелило этого болотнаго застоя. Волненія въ Венгріи ничѣмъ не отозвались въ остальныхъ провинціяхъ Австріи; только окольными путями, посредствомъ французскихъ газетъ, доходило извѣстіе о нихъ, такъ ревниво полиція стерегла спокойствіе страны. Безмолвно, безъ всякаго проявленія собственной воли, народъ покорялся тому, что отъ него требовали; такъ, напримѣръ, событія русско-турецкой войны, касавшіяся такъ близко народныхъ интересовъ, не производили на него ни малѣйшаго впечатлѣнія и волновали только биржу и государственную канцелярію; въ низшихъ слояхъ общества много-много, если пробуждалось любопытство. Въ отношеніи своихъ нѣмецкихъ владѣній, австрійское правительство могло предпринимать мѣры, на которыя не рѣшилось бы ни въ Венгріи, ни въ польской области. Когда императоръ въ 1826 году выздоровѣлъ послѣ долгой болѣзни, отъ которой даже преждевременно состарился, подданническая преданность нѣмецкихъ провинцій выразилась во всей своей полной силѣ.

Положеніе финансовъ улучшилось; это можно было заключить изъ того, что заемъ легче можно было сдѣлать, нежели нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Императоръ, однакожъ, видя, изъ какихъ разноплеменныхъ и разнохарактерныхъ народовъ состоитъ его государство, много разъ высказывалъ опасеніе, что между ними столкновенія неизбѣжны; это предвидѣніе выражалось въ такихъ восклицаніяхъ: «меня и Меттерниха онъ (народъ) еще вынесетъ!» Но онъ, его приближенные и совѣтники не хотѣли обратить вниманія на то, что столкновеніе можно предупредить, или ослабить, если дать народу возможность развиваться, если уничтожить всѣ препятствія къ его развитію, если поощрять и выдвигать самород-

ные таланты, давать имъ свободу дѣйствовать, чтобы, когда благопріятное мгновеніе наступитъ, когда въ минуту общей тревоги и опасности раздастся повелительный голосъ свыше на него откликнулись всѣ дѣятели народные; но здѣсь объ этомъ никто не думалъ, не заботился. Вся правительственная задача состояла въ томъ, чтобы заботиться о томъ, чтобы существующее не разрушалось, чтобы не было даже помысла о противорѣчіи и оппозиціонныхъ чувствахъ, слѣдовательно не допускалось ни критики, ни осужденія. Въ 1824 г. этотъ устарѣлый политическій взглядъ достигъ высшей точки развитія; въ 1816 году императоръ Францъ подарилъ Меттерниху замокъ Іоганнисбергъ въ благодарность, какъ стояло въ актѣ дарственной записи «за услуги оказанныя мнѣ и государству при окончательномъ разрѣшеніи всѣхъ европейскихъ дѣлъ, въ послѣдній періодъ сильно запутавшихся»; когда же Меттернихъ въ 1824 году пріѣхалъ въ свой замокъ, къ нему, какъ къ коронованному лицу, со всѣхъ сторонъ стекались на поклоненіе.

Къ числу этихъ окончательно рѣшенныхъ европейскихъ дѣлъ можно причислить и то, что австрійской политикѣ удалось, или казалось, что удалось, пріобрѣсть полное вліяніе на политику второй первостатейной державы германскаго союза. Пруссія, какъ казалось, совершенно отреклась отъ претензіи имѣть рѣшительное и самостоятельное вліяніе на отношенія европейскихъ державъ. Впослѣдствіи, а можетъ быть и современные наблюдатели, не будучи въ состояніи разъяснить себѣ такой бездѣйственной политики государства, оказавшаго такое участіе въ дѣлѣ освобожденія, думали объяснить ее глубоко обдуманнымъ планомъ преднамѣреннаго невмѣшательства: увѣряя, будто Пруссія съ намѣреніемъ предоставляетъ Австріи руководить дѣлами германскаго союза и только изрѣдка, въ дѣлахъ чисто популярныхъ выказываетъ свое участіе и свою самостоятельность; говорили, что врожденное стремленіе къ самостоятельности въ свое время проснется въ мелкихъ державахъ, а если когда нибудь между великими державами произойдетъ разрывъ, то большая часть мелкихъ государствъ, фактически, какъ бы окруженныя воинскимъ преобладаніемъ Пруссіи, должны будутъ принять ея сторону, тѣмъ болѣе, что уже не разъ бывали случаи, что вслѣдствіе территоріальной зависти, мелкія владѣнія соединялись, чтобы противудѣйствовать возрастающей силѣ габсбургскаго дома; правда, теперь эта династія не выказывала такого насильственнаго характера, какъ во времена интеррима (1548 г.) или при реституціонномъ эдиктѣ (1620 г.), но, какъ бы то ни было, преобладаніе ея давало себя чувствовать. Еслибы, дѣйствительно, такого рода намѣренія и существовали въ передовыхъ руководителяхъ Пруссіи, то все-таки политики такой нельзя назвать ни великой, ни смѣлой, какъ это тогда и позже дѣлали недальновидные судьи, которые смотрѣли на Пруссію, какъ на государство, заключающее въ себѣ будущую судьбу Германіи; но они не взяли въ соображеніе, что такой великой задачи нельзя разрѣшить двумя—тремя постановленіями и нѣсколькими полками солдатъ, какъ они того требовали въ каждую минуту, точно будто государство можетъ такъ свободно и такъ опредѣленно отвѣчать за свои дѣйствія, какъ единица. «Не многаго недоставало, стоитъ въ одномъ письмѣ тогдашняго времени, чтобы затѣять процессъ зачѣмъ, по исключительной привилегіи природой дарованной Пруссіи, у нея въ каждый данный періодъ времени, не стоитъ во главѣ правительства, какой нибудь необыкновенный король.» Но у Пруссіи много дѣла было внутри государства: она должна была прежде всего отдохнуть и собраться съ силами, ей надобно было должнымъ образомъ сплотить и слить свои новыя владѣнія съ старыми, а для этой цѣли ей надобно было поддерживать съ Австріей хорошія, или посредственныя отношенія. У Пруссіи, правда, не было необыкновеннаго короля, или, какъ говорилось въ другомъ такомъ же благоразумномъ требованіи: «человѣка твердаго, увѣреннаго въ себѣ, согласнаго съ самимъ собою и съ Богомъ;» но за то, покрайней мѣрѣ было здоровое государственное устройство, основанное на народѣ трудолюбивомъ, разумно дѣятельномъ, съ неистребимымъ стремленіемъ къ совершенству и сознательно идущимъ къ своей цѣли.

Не такъ важно для жизни народной было то, что въ данное время здѣсь царствовалъ король, безъ большаго честолюбія, а министры были безъ большой дѣятельности, но важнѣе было то, что въ народѣ лежали зародыши самостоятельной

силы жизни и развитія, которыя дѣлали невозможнымъ долгій застой, или обратное, ретроградное движеніе.

При заключеніи договоровъ, въ 1815 году, на долю Пруссіи выпала задача— разорванное и раздробленное государство, доставшееся ей, но исключительно составленное изъ нѣмецкихъ земель, соединить въ одно мощное государство, которое послужило бы центромъ, когда наступитъ пора, вокругъ котораго могли бы сгруппироваться другія державы; выполнить этой задачи нельзя было скоро; для этого нужна была бы геніальная сила великихъ дѣятелей, но этой цѣли все-таки не упускали изъ виду и къ ней съ каждымъ днемъ медленно подвигались. Мысль объ устройствѣ всеобщихъ народныхъ представителей, такъ необходимыхъ при условіяхъ, въ какихъ находилась Пруссія, казалось отсрочена рѣшеніями Карлсбадскихъ совѣщаній на неопредѣленный срокъ; но потребность въ этихъ представителяхъ чувствовалась и рано, или поздно, по естественному ходу событій, они должны были занять свое мѣсто въ правительственномъ строѣ. Король уже рѣшился принять заключительный актъ Карлсбадскихъ совѣщаній; онъ уже, вмѣсто Гумбольдта, на которомъ основывались всѣ надежды прогрессистовъ, назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графа Бернсдорфа; но все-таки несмотря на это, подписалъ 17 января 1820 года декларацію, имѣющую большое значеніе: не приступать ни къ какому государственному займу безъ согласія будущихъ государственныхъ чиновъ; существующій же, признанный государственный долгъ, пять лѣтъ спустя послѣ большой разорительной войны, ограничивался 181 милліонами талеровъ. Въ такомъ хорошемъ состояніи находились финансовыя дѣла Пруссіи, но этого въ то время не цѣнили на столько, на сколько слѣдовало бы; между тѣмъ казалось, что вмѣсто всѣми ожидаемаго соединенія прусской Германіи въ одно цѣлое, посредствомъ общаго конституціоннаго, представительнаго правленія, оттого что оно не введено, духъ провинціализма будетъ развиваться еще сильнѣе и вошедшія въ составъ Пруссіи области разъединятся еще больше. Въ день рожденія короля 5 іюня 1823 года обнародованъ былъ законъ объ учрежденіи и введеніи провинціальныхъ чиновъ; тотчасъ приступлено было къ выборамъ и во всѣхъ провинціяхъ составились собранія депутатовъ: въ октябрѣ 1824 года въ Бранденбургѣ, въ Помераніи, Пруссіи; чрезъ годъ, 2 октября 1825 году въ Силезіи, а въ 1826 году въ Рейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи, въ 1827 году въ Познани и въ герцогствѣ Саксонскомъ. Впрочемъ, эти собранія депутатовъ не были учреждены на либеральныхъ началахъ. Они, по самому смыслу предписанія, были законными органами различныхъ слоевъ общественнаго быта вѣрныхъ прусскихъ подданныхъ; въ числѣ этихъ различныхъ слоевъ, относительно, самымъ большимъ значеніемъ пользовались крупные землевладѣльцы, что по существующимъ понятіямъ равносильно было дворянству, какъ напримѣръ въ такой провинціи, гдѣ находились города, подобные Берлину, Потсдаму, Франкфурту на Одерѣ; въ Бранденбургѣ города имѣли только 23, крестьяне 12, а дворянство съ прибавкою 4 вельможъ 35 голосовъ. При этомъ поприще дѣятельности этихъ собраній было очень тѣсно. Ихъ занятіе ограничивалось обсуживаніемъ проектовъ законовъ, относящихся до измѣненій личныхъ правъ и правъ собственности и до назначенія повинностей они могли только подавать свои мнѣнія, просьбы и жалобы правительству; оно должно было принимать ихъ, подвергать разсмотрѣнію и отвѣчать на нихъ. Эти права и обязанности были очень ограниченны, но могли служить приготовительной школой для будущей, болѣе важной и полновѣсной представительной формы правленія. Гораздо важнѣе для духа единства, хотя и менѣе замѣтенъ былъ простой фактъ единства администраціи въ этихъ разбросанныхъ, разнохарактерныхъ частяхъ одного государства: по принятой правительственной системѣ очень часто перемѣщались должностныя лица отъ дальняго востока на Рейнъ и обратно; такимъ образомъ перетасовывались и перемѣшивались дѣятели во всѣхъ слояхъ государственной жизни: администраторы, юриспруденты, войско, даже члены общественной свѣтской жизни, для высшаго образованія, отправлялись изъ одного края государства въ другой; такимъ образомъ сближались между собою люди родившіеся далеко другъ отъ друга, завязывалась дружба, въ обществѣ исчезалъ ограниченный прусскій и дневне-германскій территоріальный и провинціальный

духъ и различныя части государства, хотя отдѣльными личностями, или семействами сближались, пробуждалось чувство единства, государственное сознаніе общаго интереса; это съ каждымъ годомъ усиливалось, несмотря на то, что на пруссаковъ съ большою недовѣрчивостью смотрѣли во вновь присоединенныхъ провинціяхъ — въ Вестфаліи и особенно на Рейнѣ. Но еще большее значеніе, все въ этомъ же отношеніи, имѣло третье обстоятельство. Иногда въ государственной жизни бываютъ учрежденія, которыя въ первую минуту своего существованія очень не многими бываютъ оцѣнены по достоинству, иногда только одинъ, или нѣсколько государственныхъ людей понимаютъ ихъ, или одинъ законодатель видитъ ихъ весь, но очень часто въ этихъ то учрежденіяхъ и заключается тайна всего будущаго здороваго и сильнаго развитія государства; не трудно бываетъ иногда дать такой законъ, но онъ несетъ въ себѣ великую будущность. Такое учрежденіе, напримѣръ, въ области древней исторіи, намъ представляетъ своеобразный составъ римскаго сената; въ немъ очень независимо, но геніально, какъ ни одинъ законодатель этого придумать не могъ бы, соединялось демократическое, аристократическое и монархическое начало и образовало одну въ высшей степени гармоническую корпорацію, которая заключала въ себѣ зерно всемірнаго историческаго могущества римскаго государства.—Подобное же радикальное учрежденіе, по важности своего значенія, находимъ мы въ англійскомъ законодательствѣ, по которому только старшій сынъ наслѣдуетъ титулъ отца своего, а остальные сыновья мирно сходятъ въ нисшіе слои гражданской жизни; по этому учрежденію сохраняется и укрѣпляется связь между высшимъ дворянствомъ и среднимъ сословіемъ, между Верхней и Нижней палатой; оно создало настоящую аристократію и все-таки не повело за собою рѣзкаго разграниченія между дворянствомъ и мѣщанствомъ, что въ другихъ государствахъ имѣло такія роковыя слѣдствія. Такое неоцѣненное учрежденіе выпало и на долю прусскаго народа, оно болѣе содѣйствовало общему единенію ея частей, нежели могли бы того достигнуть всѣ преждевременныя конституціи и представительныя правленія; мы говоримъ объ общей воинской повинности, это повидимому невидное учрежденіе могло повести за собою большія слѣдствія.

По безошибочному инстинкту, реакція направила свое преслѣдованіе и на это порожденіе войны за независимость. Общая воинская повинность говорили приверженцы реакціи, слишкомъ сближаетъ войско съ народомъ; ландверъ же просто-на-просто есть настоящее вооруженіе цѣлаго народа, а это такая сила, надъ которой въ опасныя минуты король никакой власти не можетъ имѣть. Но на этотъ разъ добрый геній Пруссіи остался побѣдителемъ для своего блага и для блага цѣлой Германіи. Памятная записка полковника Вицлебена въ осязательныхъ доводахъ показала, что общая воинская повинность есть цѣпь, которая соединяетъ весь народъ въ одно цѣлое, но концы которой король все-таки держитъ въ своихъ рукахъ: а ландверъ, предводителей котораго самъ король назначаетъ, по большей части изъ числа такихъ офицеровъ, которые уже служили и научились дисциплинѣ въ постоянномъ войскѣ, именно по этому никогда не можетъ сдѣлаться опаснымъ для престола. Итакъ, общая воинская повинность съ этихъ поръ принята была основаніемъ для организаціи войска и такимъ образомъ даровано было государству благо, цѣна котораго вполнѣ оправдалась и подтвердилась впослѣдствіи въ самыя тяжкія времена исторической жизни Германіи. Но значеніе такой арміи частью было понято и тогда уже, далеко не государственными людьми. Вотъ, что пишетъ въ 1825 году человѣкъ съ прямымъ взглядомъ на вещи и опытный въ жизни: «Истинное удовольствіе доставляетъ видъ нынѣшняго прусскаго войска... Множество благородныхъ, выразительныхъ, умныхъ физіономій, какія встрѣчаешь у солдатъ доказываютъ, что молодые люди изъ среднихъ и высшихъ сословій должны отслуживать свое срочное время; вездѣ военные ведутъ себя въ высшей степени прилично и съ достоинствомъ; они вѣжливы въ отношеніи гражданъ и мѣщанъ, а эти съ своей стороны внимательны и предупредительны къ солдатамъ, въ которыхъ видятъ своихъ близкихъ».—Въ этомъ случаѣ разрѣшена была задача, которая только однажды до этого появляется въ исторіи, а именно въ самое цвѣтущее время Рима — тамъ мы находимъ войско изъ солдатъ въ тоже время остававшееся войскомъ изъ гражданъ. Но какое бы военное значеніе это учрежденіе ни имѣло, его политическое значеніе несравненно выше. Соединяя

всѣ члены, составляющіе принадлежность государства въ одномъ общемъ обязательномъ дѣлѣ, защищать его и служить ему своею кровью и жизнью, законъ этотъ давалъ государству чисто демократическое начало; эта повинность дѣлалась для высшихъ сословій школой терпѣнія, умѣренности и отреченія, а для низшихъ сословій—школой образовательной, возвышающей ихъ въ собственныхъ глазахъ; а для всѣхъ вмѣстѣ школою, въ которой развивалась физическая сила и ловкость и характеръ пріучался къ терпѣнію и повиновенію. Оставалось желать, чтобы зданіе государственнаго устройства Пруссіи, фундаментъ котораго положенъ былъ такъ глубоко и прочно, увѣнчалось конституціей, въ которой очищенная и просвѣтленная воля народа и законность имѣли полную силу; когда это совершится, можно было предвидѣть, что государство расцвѣтетъ и поднимется во всеоружіи своего могущества.

Итакъ, посѣяно было богатое сѣмя, которое незамѣтно росло, поднималось и готовилось къ періоду зрѣлости, когда настанетъ пора. Втеченіи довольно продолжительнаго времени воинская повинность была особенностію Пруссіи, которой никто и нигдѣ не перенималъ. За то успѣхи на иномъ поприщѣ развитія послужили въ пользу и въ назиданіе всей остальной Германіи. Внутренняя торговля Германіи была въ то время очень стѣснена обширною системой таможенныхъ пошлинъ, которыя собирались на границахъ 38 отдѣльныхъ территорій, составлявшихъ Германскій союзъ и мы видѣли, какъ при случаѣ общаго всѣмъ несчастія, эти средневѣковыя неограниченныя стѣснительныя постановленія въ 1816 году, гибельно дѣйствовали и какъ посредствомъ этой системы запиранія и таможенъ, дороговизна на жизненные припасы все увеличивалась и наконецъ вызвала всеобщій голодъ, со всѣми ужасными его послѣдствіями: ужъ не говоря о непріятномъ и унизительномъ положеніи въ какое таможни ставили путешественника: его поминутно подвергали осмотру, если ему только подкупомъ не удавалось отдѣлаться отъ придирокъ и грубости навязчивыхъ и алчныхъ чиновниковъ. Это зло было слишкомъ очевидно и не могло ускользнуть отъ вниманія правительства; въ союзномъ совѣтѣ неоднократно была рѣчь о таможенныхъ стѣсненіяхъ; баденское правительство подало меморандумъ, на послѣдней министерской конференціи въ Вѣнѣ, составленный статскимъ совѣтникомъ Небеніусомъ; въ немъ излагался планъ таможеннаго торговаго союза всѣхъ отдѣльныхъ государствъ Германскаго союза, за исключеніемъ Австріи. Но союзный совѣтъ былъ до того недѣятеленъ и непроизводителенъ, что не могъ предпринять даже такого рода реформу и не далъ даже хода этому проекту: когда въ Вѣнской конференціи коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія этого дѣла, пришла къ заключенію, что его необходимо передать союзному совѣту (союзному дню Bundestag); члены конференціи, несмотря на свою важность и на желаніе сохранить свое достоинство, встрѣтили это предложеніе насмѣшливымъ хохотомъ. Оставался одинъ только путь къ достиженію предположенной цѣли: чисто нѣмецкое, сильнѣйшее изъ германскихъ государствъ должно было показать примѣръ: идти впередъ, не обращая вниманія на такъ называемый центральный правительственный органъ Германіи.

Пруссіи предоставлено было дѣйствовать. Еще 16 іюля 1816 года уничтожила она въ своемъ государствѣ водяныя и подорожныя таможенныя пошлины; договоромъ отъ 21 іюня 1821 года, подписаннымъ въ Дрезденѣ, государства прилежащія къ теченію Эльбы составили торговый союзъ, по которому всѣ таможенныя пошлины уничтожались по Эльбѣ, начиная съ того мѣста, гдѣ она дѣлается судоходною; къ союзу этому приступили: Австрія, Пруссія, Саксонія, Ганноверъ, Ангальтъ, Мекленбургъ и Данія; между тѣмъ самая прекрасная рѣка Германіи еще десятки лѣтъ оставалась скованная и запертая таможенными цѣпями. Наконецъ 26 мая 1818 года, въ одинъ изъ счастливыхъ дней исторіи германскаго образованія, въ день основанія боннскаго университета, изданъ былъ законъ, въ первыхъ же статьяхъ котораго положено было основаніе свободы торговли. Система всеобщаго запирательства, стѣснительныхъ таможенныхъ правилъ основывалась на взаимной завистливой конкуренціи, лишала близкія сосѣднія державы возможности свободно обмѣниваться своими произведеніями и помогать другъ другу въ минуту нужды: уничтожить это зло можно было только посредствомъ общаго свободнаго соглашенія между державами; Пруссія прибѣгла къ этой мѣрѣ:

уклоняясь отъ вмѣшательства и содѣйствія союзнаго совѣта, изъ справедливаго опасенія, что и это улучшеніе погибнетъ, на ряду со многими другими, попавшись въ его засѣданія, погибнетъ медленною и безпомощною смертью нескончаемыхъ проволочекъ. Торговый таможенный союзъ, существовавшій между Пруссіей и нѣкоторыми мелкими тюрингенскими государствами, договоромъ 8 марта 1828 года былъ распространенъ на Гессенъ-Дармштадтъ; въ то же время составился таможенный союзъ на югѣ, въ 1827 году, между Баваріей и Виртембергомъ, къ которому пристали также Гогенцоллернскія княжества. Саксонія, Ганноверъ, Кургессенъ, Брауншвейгъ, Ольденбургъ, Бременъ, Франкфуртъ и нѣсколько небольшихъ областей попытались было составить свой отдѣльный таможенный союзъ (въ Касселѣ 24 сент. 1828 г.), чтобы противодѣйствовать прусскому, но это предпріятіе было неудачно; все большее и большее число государствъ присоединялось къ прусскому союзу, когда же наконецъ, 27 мая 1829 года, соединились прусскій таможенный союзъ съ южногерманскимъ, тогда открылся свободный торговый путь для южныхъ государствъ въ прусскія сѣверныя приморскія гавани, а для прусской торговли безпрепятственный путь до Альповъ; такимъ образомъ 18 милліоновъ нѣмецкаго народонаселенія приступили къ свободной торговой системѣ и положено было основаніе германскаго таможеннаго общества: цоллферейна (Zollverein) и тѣмъ, какъ бы начало общегерманской системы народнаго хозяйства, послужившаго вѣрнымъ предвозвѣстникомъ политическаго единства Германіи. И въ другихъ отношеніяхъ уже замѣтны стали признаки, что отыскиваютъ и находятъ прямой и вѣрный путь къ ея политическому единству: путь этотъ заключался въ полезной дѣятельности на поприщахъ, не составляющихъ непосредственно политической и непосредственно не прикасающихся даже къ нему. Устроились ежегодныя собранія врачей и натуралистовъ, стараніями Окена, съ 1828 года, то въ городахъ южной, то сѣверной Германіи; этими съѣздами открылся рядъ съѣздовъ и по другимъ отраслямъ знанія; они послужили гораздо вѣрнѣйшею и прочнѣйшею связью между различными племенами и отдѣльными личными интересами, нежели неплодотворное, хотя и всеобщее чувство недовольства, подозрѣнія и злобы на правительства, которыя, сказать мимоходомъ, ни въ какомъ случаѣ немногимъ хуже, или лучше народа, имъ повинующагося и которыя получаютъ всю свою силу вредить, или помогать народу, отъ степени его собственнаго пониманія и отъ его способности дѣйствовать.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

ІЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

ІЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Въ государствахъ и народахъ романскаго племени поверхность политической жизни постоянно волнуется; въ ней больше движенія, чѣмъ въ жизни германскихъ народовъ; эти по своей флегматической природѣ неспособны къ быстрымъ переворотамъ, къ страшнымъ порывамъ; они спокойно въ себѣ переработываютъ всякое неудовольствіе; имъ необходимъ продолжительный срокъ для рѣшенія каждаго политическаго вопроса. Они, подобно мадрепорамъ, строятъ изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ столѣтія въ столѣтіе зданіе своей политической жизни и работаютъ надъ рѣшеніемъ жизненныхъ задачъ; такъ вырабатывалась въ Германіи реформація и неожиданно явилась передъ міромъ, и такъ вырабатываются въ ней новыя начала, по необходимости связанныя съ нею, какъ слѣдствіе съ основною мыслью, послужившей началомъ новѣйшей исторіи.

Народы романскаго племени, оттолкнувшіе реформацію, или подавившіе ее послѣ жестокой, но короткой борьбы, не обладаютъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, способностью къ продолжительному, усидчивому труду; у нихъ бываютъ взрывы, какъ у вулкановъ; продолжительности, силы и времени такихъ взрывовъ ни предвидѣть, ни вычислить нельзя: ею они обновляютъ жизнь человѣчества вообще и, хотя рѣдко въ собственную пользу, приносятъ большую пользу общему прогрессу. Такъ и теперь, опять оттуда получила новый толчекъ впередъ, политическая независимость народовъ, которую, какъ казалось, сковали самыми прочными и надежными стѣнами; весь этотъ переворотъ мы обозначаемъ однимъ общимъ названіемъ іюльской революціи, хотя въ сущности ею онъ только окончился.

Въ Испаніи положеніе дѣлъ приняло совсѣмъ другой оборотъ, несогласный съ тѣмъ, какого можно было ожидать отъ слѣдствій вторженія легитимистской французской арміи.

1. Испанія.

Характеристической чертой Фердинанда VII можно назвать его неблагодарность къ французамъ, спасшимъ его. Въ этомъ отношеніи тюльерійскій кабинетъ жестоко ошибся; австрійскій, русскій, даже англійскій посланники имѣли несравненно больше вѣса нежели французскій и больше вліянія при дворѣ этого достойнаго внука Генриха IV, утвержденнаго на престолѣ французскимъ вмѣшательствомъ во всей полнотѣ монархической независимости.

Послѣ своей второй раставраціи онъ составилъ министерство, во главѣ котораго стоялъ фанатикъ-монахъ, Викторъ Саэцъ, духовникъ короля; онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Союзныя державы, однакожъ, съ безпокойствомъ смотрѣли на невмѣру крутыя и строгія мѣры реакціи, предвидя, что такой поря-

докъ долго продолжаться неможетъ и неизбѣжно поведетъ за собою новыя возстанія и революцію; по совѣту союзныхъ посланниковъ, Фердинандъ склонился на то, чтобы измѣнить свое строго-реактивное министерство, назначить новое, болѣе умѣренное, подъ предсѣдательствомъ маркиза Каза Джеруйо. Положеніе страны было ужасное; вмѣсто распущеннаго конституціоннаго войска и революціонной гражданской гвардіи, были королевскіе волонтеры, ядро которыхъ составляли христіанскія банды послѣдней междоусобной войны; къ этому ядру присоединились необузданные фанатики изъ высшихъ слоевъ общества и безчисленныя толпы бродягъ изъ низшихъ классовъ народа. Кого подозрѣвали, какъ приверженца конституціи, или кого только можно было обвинить въ этомъ, хотя бы изъ личной ненависти, или корыстолюбія, чтобы завладѣть его имѣніемъ, кто чѣмъ нибудь навлекалъ на себя неудовольствіе апостолическихъ, тотъ могъ ожидать всякаго насилія, грабежа, тюрьмы и смерти. Надобно было позаботиться о какой бы то ни было личной безопасности, если только Испанія могла существовать въ смыслѣ государства; даже жестокость духовенства, которая, какъ извѣстно, самая неутомимая изъ жестокостей, утомилась и ослабѣла; одинъ только король не поддавался милосердію; наконецъ ободрился совѣтъ Кастиліи, который сохранилъ тѣнь своей прежней независимости и своего достоинства, со временъ прежняго вліянія; онъ написалъ циркуляръ генералъ-капитанамъ провинцій, приказывая имъ прекратить преслѣдованія конституціонныхъ. Но это распоряженіе не заслужило одобренія короля, при его содѣйствіи образовалось побочное правительство, апостолическая юнта, которая при содѣйствіи уволеннаго министра Саэца вошла въ сношенія съ главнымъ верховнымъ духовенствомъ государства и съ самыми могущественными предводителями бандъ, которыхъ и употребляла въ дѣло; большое сочувствіе и опору апостолическая юнта находила въ вѣроятномъ наслѣдникѣ престола, въ инфантѣ донѣ Карлосѣ, братѣ бездѣтнаго короля. На ея сторонѣ былъ также начальникъ французской окупаціонной арміи, генералъ Бурмонъ; когда же на мѣсто его назначенъ былъ человѣкъ прямой, военный, генералъ Дижонъ, правительство ободрилось; послѣ смерти Джеруйо, во главѣ его стоялъ министръ юстиціи Офаліа; надѣясь на поддержку со стороны французовъ, министерство вошло съ представленіемъ къ королю, недовѣрявшему никому, даже юнтѣ, и настояло на томъ, чтобы дана была амнистія, чтобы удалены были нѣкоторые предводители апостолическихъ и чтобы арестовали нѣкоторыхъ атамановъ бандъ. Но апостолическая юнта не дремала: она потайными ходами проникла къ королю и опять явно утвердилась въ своемъ вліяніи. Приверженцы ея были вездѣ и въ министерствѣ и въ новомъ Совѣтѣ Кастиліи, который былъ преобразованъ королемъ за то, что онъ осмѣлился дѣйствовать самостоятельно. Умѣренный министръ Офаліа не нравился королю; онъ былъ уволенъ, равно какъ и военный министръ де-ла-Круцъ, и на мѣсто послѣдняго назначенъ былъ генералъ Аймерихъ фанатическій предводитель одной изъ бандъ апостолической партіи. Эта партія, дѣйствуя подъ вліяніемъ духовенства, выхлопотала полное возобновленіе инквизиціи, какъ единственно-вѣрное средство для того, чтобы сохранить свое вліяніе надъ королемъ, очевидно измѣнчивымъ и непостояннымъ. Интересы іерархіи обыкновенно долгое время дѣйствуютъ за одно съ интересами свѣтскаго деспотизма; но приходитъ наконецъ минута, когда выгоды и стремленія ихъ расходятся. Король хорошо понималъ опасность своего положенія; онъ поразилъ неожиданнымъ поступкомъ всѣ волновавшіяся вокругъ него партіи: онъ призвалъ изъ Англіи своего посланника Цеа-Вермудеца и сдѣлалъ его министромъ, это былъ человѣкъ съ обширнымъ умомъ и знаніемъ дѣла, рѣшившійся привести въ порядокъ внутреннее состояніе Испаніи. Его поддерживало французское правительство, грозившее отозвать свое войско, если не будутъ выполнены статьи капитуляцій въ отношеніи конституціонныхъ генераловъ, если не будетъ дана амнистія и если вознагражденіе военныхъ издержекъ Франціи не будетъ обезпечено. Цеа-Вермудецъ отвратилъ опасность, заключивъ новый договоръ съ Франціей и, назначивъ энергическаго Рекахо новымъ оберинтендантомъ полиціи; онъ нашелъ въ немъ помощника и опору; въ іюнѣ 1825 года ему удалось настоять на увольненіи военнаго министра Аймериха. Апостолическая партія, обманувшаяся съ своихъ надеждахъ и крайне раздраженная, попыталась было уронить Вермудеца при дворѣ, но такъ какъ это

не удалось, то прибѣгла къ возстанію. Возстаніе во имя апостолической партіи, произведенное Бессіеромъ, французскимъ выходцемъ, по своему отличившимся во время войны съ конституціонною партіей, въ октябрѣ 1825 года, было очень непродолжительно и неудачно и подало правительству поводъ задавить возстаніе въ самомъ Мадридѣ. Рекахо выказалъ свою дѣятельность: онъ открылъ обширный заговоръ, во главѣ котораго стоялъ архіепископъ Толедскій и къ которому принадлежали многіе высокопоставленныя лица. Дѣйствіе, произведенное этимъ открытіемъ на короля было не то, какого можно было ожидать. Фердинандъ содрогнулся передъ открытымъ разрывомъ съ могущественнымъ духовнымъ сословіемъ, которое въ числѣ прочихъ могущественныхъ нитей въ рукахъ своихъ держало грядущую судьбу его собственной грѣшной души; октября 25, 1825 года, Вермудецъ былъ уволенъ и на мѣсто его назначенъ герцогъ Инфантадо, приверженецъ, какъ полагали, апостолической партіи. Но онъ не вполнѣ былъ на сторонѣ апостолическихъ: какъ одинъ изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ грандовъ королевства въ его разсчеты не входило предоставлять управленія государствомъ духовенству и черни, ему преданной. Реорганизованное войско было опять уменьшено до 50,000 человѣкъ и волонтеры, переформированы; при этомъ постарались устранить изъ числа ихъ вредные элементы, а офицерами назначены только, или дворяне, или землевладѣльцы, которымъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность умѣть читать, писать и знать четыре ариѳметическія правила. Сравнительно съ предъидущими годами настало довольно спокойное время, которое продолжалось и затѣмъ, когда въ августѣ 1826 года герцогъ вышелъ въ отставку.

Но апостолическіе не оставили своихъ намѣреній: заговоръ развивался; Саэцъ, бывшій епископомъ въ Тортозѣ, велъ нити заговора; въ іюлѣ 1827 года заговорщики опять подняли знамя возстанія, и оно въ скоромъ времени распространилось по всей Каталоніи. Нечего описывать печальныхъ подробностей возстанія, онѣ постоянно повторялись въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ; король поручилъ энергическому графу Эспанна начальство надъ войскомъ и самъ, въ концѣ сентября, лично принялъ начальство надъ отдѣльнымъ корпусомъ, чтобы показать возмутившимся, какъ несправедливо мнѣніе, которое имъ внушали, будто онъ самъ желаетъ возстанія и готовъ пользоваться имъ. Возстаніе было подавлено; низшіе приверженцы его вынесли всю карательную строгость военныхъ и полевыхъ законовъ, а зачинщики и верховные руководители остались безнаказанны; одинъ только тортозскій епископъ нѣкоторое время просидѣлъ подъ арестомъ въ своемъ дворцѣ.

Партія апостолическая не очень огорчилась этимъ либеральнымъ поворотомъ дѣла; она знала, что ея сила въ терпѣніи, она была увѣрена, что будущее ей принадлежитъ и она умѣла ждать. Король былъ уже преклонныхъ лѣтъ, страдалъ ревматизмомъ, у него не было дѣтей и нельзя было ожидать отъ него потомства; послѣ его смерти царство апостолическихъ должно было начаться: наслѣдникъ престола, донъ Карлосъ, былъ человѣкъ очень ограниченный, очень легко поддававшійся постороннему вліянію, но при этомъ у него была достаточная доза честности, и въ своемъ смыслѣ совѣстливости и правды; онъ весь былъ въ рукахъ духовенства. Но и эти надежды оказались невѣрными. Третья супруга короля, саксонская принцесса захворала и скончалась въ маѣ 1829, несмотря на жаркія молитвы апостолической партіи, несмотря на лѣченіе и на заговоры, и 46-лѣтній король въ четвертый разъ женился. Новая супруга Фердинанда 23-лѣтняя неаполитанская принцесса Марія Христина очень хорошо знала образъ мыслей апостолической партій и еще до того, какъ ступила на почву Испаніи, была уже противницей ея; либералы провѣдали объ этомъ и не упустили случая извлечь изъ этого свою пользу. Они приготовили ей встрѣчу, исполненную энтузіазма, какъ будто въ лицѣ ея привѣтствовали спасительницу отъ несчастій и бѣдъ. Она вскорѣ пріобрѣла надъ королемъ полную власть и, надѣясь быть матерью, она, во что бы то ни стало, хотѣла упрочить за своимъ будущимъ младенцемъ право на наслѣдство престоломъ, а для себя возможность наслаждаться всѣми королевскими почестями и королевскимъ могуществомъ. По испанскимъ законамъ, со временъ Филиппа V (1713 года), женщины были устранены отъ правъ на престолонаслѣдіе; напротивъ того, по старокастильскимъ законамъ о наслѣдствѣ пре-

стола, дочь короля имѣла больше правъ на наслѣдство, чѣмъ ея дядя. При Карлѣ IV этотъ порядокъ наслѣдства былъ возстановленъ рѣшеніемъ кортесовъ въ 1789 году, но это держали втайнѣ. Теперь опять откопали это постановленіе и прагматическая санкція короля отъ 29 марта 1830 года опять возстановила кастильскій законъ о престолонаслѣдіи. Законъ этотъ былъ обнародованъ въ Мадридѣ съ большимъ торжествомъ, съ герольдами, съ трубными звуками и при пушечной пальбѣ. Протесты остальныхъ бурбонскихъ дворовъ, парижскаго и неаполитанскаго, остались безъ послѣдствій, равно какъ и жалобы инфантовъ, донъ Карлоса и донъ Франциско; король все позабылъ для своей супруги; неаполитанка оказалась его полновластной повелительницей; 10 октября родилась у нея дочь, которую назвали Изабеллой, въ память величайшей изъ правительницъ Испаніи; малюткѣ тотчасъ же присвоенъ былъ титулъ, который въ Испаніи, только присоединяется къ имени наслѣдника престола—ее стали величать принцессой Астурійской.

Нечего говорить о томъ, что апостолическая партія съ негодованіемъ смотрѣла на выраженіе этого королевскаго полновластнаго постановленія, вполнѣ опровергавшаго всѣ ихъ надежды и предположенія; а между тѣмъ это была ловушка ими самими разставленная. Такъ дѣйствовать могъ только полный король, о неограниченной власти котораго они ему столько натолковали; только король, вполнѣ увѣренный въ своемъ неотъемлемомъ правѣ распоряжаться по усмотрѣнію, могъ такимъ образомъ дѣйствовать, они не имѣли права жаловаться, на то, что изъ за прихоти ими самими образованнаго правителя, они лишаются плодовъ, купленныхъ потоками крови и рядами преступленій. Но внутренній, разладъ происходитъ оттого, если благородный и исполненный внутренняго достоинства королевскій санъ возложенъ на недостойное этого сана лицо и разладъ этотъ отражается не на немъ только, но и на ходѣ всѣхъ дѣлъ его. Такъ Фердинандъ втеченіи всей жизни своей ненавидѣлъ конституцію и приверженцевъ ея, онъ ихъ преслѣдовалъ съ ожесточеніемъ; руки его обагрены были ихъ кровью; теперь же, когда приближалась его смерть, онъ принужденъ былъ дитя свое съ его правами поручить ихъ сомнительной своекорыстной вѣрности. Онъ самъ, въ руки враговъ своихъ, вложилъ династическое знамя, которое въ этой, чисто монархической странѣ есть самый вѣрный залогъ, самая неизбѣжная потребность партіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ для несчастной страны это было символомъ нескончаемыхъ междоусобныхъ войнъ.

2. Португалія.

Кончина короля дона Іоанна, послѣдовавшая 10 марта 1826 года, отдала въ распоряженіе его старшаго сына, дона Педро, управлявшаго въ Ріо-Жанейро, два трона, португальскій и бразильскій. Оставить оба за собою, послѣ событій 1820 года, было невозможно, къ тому же при посредничествѣ Англіи, въ 1825 году, состоялся договоръ, въ силу котораго обѣ короны, бразильская и португальская, не могутъ быть соединены на головѣ одного правителя; въ договорѣ этомъ утверждалась и признавалась независимость Бразиліи отъ Португаліи, провозглашенная кортесами въ 1822 году; тогда же составлена была очень либеральная конституція—съ двупалатной системой правленія, съ отстрочивающимъ вето (Suspensiv veto), съ свободой печати, съ судомъ присяжныхъ и съ отвѣтственными министрами; — такая конституція, на американской почвѣ оказалась прочнѣе, чѣмъ европейскія конституціи у романскихъ народовъ. Новый король далъ Португаліи соотвѣтственно тоже очень либеральную конституцію charta de ley, 23 апрѣля 1826 года, и въ то же время отказался отъ престола, въ пользу своей дочери Маріа да Глоріа. Донъ Педро опасался притязаній своего младшаго брата донъ Мигуэля, который послѣ неудавшейся попытки захватить престолъ, оставилъ Португалію и жилъ при вѣнскомъ дворѣ; чтобы обезопасить отъ его властолюбія дочь свою, король вздумалъ назначать этой своей 7-лѣтней дочери въ супруги ея дядю, донъ Мигуэля, который былъ 17 годами старше ея; усло-

віемъ своего отреченія отъ престола онъ поставилъ: чтобы донъ Мигуэль согласился на предполагаемую женитьбу и чтобы онъ призналъ хартію и присягнулъ ей; но до тѣхъ поръ, пока дочь его не выростетъ, пока не выйдетъ замужъ, онъ удерживалъ за собою престолъ. А такъ какъ дочь его была еще очень маленькая и до совершеннолѣтія ея еще оставался долгій срокъ, то донъ Педро регентшей назначилъ сестру свою Марію Изабеллу и поручилъ ей управленіе государствомъ. Она немедленно обнародовала хартію, новую либеральную конституцію; по ней королю предоставлялась только посредническая и разрѣшительная власть, но онъ не имѣлъ непосредственнаго вліянія на законодательство. Либеральная сторона конституціи для страны, такъ мало приготовленной къ свободѣ, представляла очень мало выгодъ; одна статья въ ней, допускающая свободу совѣсти, вооружила противъ нея духовенство; оно безъ большаго труда нашло сочувствіе между невѣжественными крестьянами, низшимъ дворянствомъ и мелкими землевладѣльцами; духовенство выставило передъ ними хартію, какъ дѣло нечестивое, сатанинское, нарушающее основные интересы народа. Составился заговоръ и вспыхнуло возстаніе подъ начальствомъ маркиза де Шавъ (Chaves), но возстаніе было подавлено и въ октябрѣ 1826 года, регентша могла открыть засѣданія палатъ. Шавъ искалъ помощи въ Испаніи у апостолической партіи, нашелъ ее и возвратился съ нею; одновременно на сѣверѣ и на югѣ Португаліи поднялось грозное возстаніе и такъ быстро распространилось, что регентша принуждена была просить помощи у дружественной Англіи. На этотъ разъ помощь не заставила себя ждать. Въ пятницу вечеромъ, 8 декабря 1826 года, англійское правительство получило депешу. Георгъ Канингъ тогда стоялъ во главѣ министерства, онъ уже давно высказалъ твердое рѣшеніе ни подъ какимъ видомъ не допускать испанскаго вмѣшательства въ дѣла издавна дружественной и союзной съ Англіей Португаліи; 11 числа полки, подъ начальствомъ генерала Клинтона, уже шли къ гаванямъ, чтобы садиться на корабли; 12 числа великій министръ произнесъ въ нижней палатѣ свою знаменитую рѣчь, которая прозвучала по цѣлому свѣту и придала ничтожнымъ въ сущности происшествіямъ въ одномъ уголку Европы—міровое значеніе. Канингъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы изложить свою политику съ настоящей ея точки зрѣнія: его политика была политикой мира, но вѣрная договорамъ существующимъ втеченіе многихъ лѣтъ между Англіей и союзною съ нею Португаліей; миролюбивымъ стремленіямъ также была граница: наступило время помогать союзницѣ и еслибы кто нибудь возразилъ, что въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого испанскаго вмѣшательства, это было бы пустою игрою словъ; хотя войска, поднявшіяся противъ законнаго правительства, и португальскія, да, это были «португальскія войска, но оружіе дала имъ Испанія.» «Мы не имѣемъ намѣренія поддерживать конституціи, которую Португалія сама себѣ дала, вопреки желанію народа; но въ то же время мы не допустимъ, чтобы вопреки народной воли посторонняя держава силою опрокинула ее.» Слова эти должны были испугать Испанію, предостеречь ея правительство отъ вмѣшательства; но они вмѣстѣ съ тѣмъ произвели глубокое впечатлѣніе и на тѣхъ, которые въ послѣднее время такъ сильно поддерживали абсолютизмъ и такъ неустанно боролись съ либеральнымъ образомъ мыслей, и силой врывались во внутреннія отношенія другихъ государствъ. «Наше положеніе, говорилъ министръ съ особеннымъ удареніемъ, не есть исключительно нейтральное между двумя сражающимися народами, но нейтральное между враждующими мнѣніями и правилами; я все еще сильно опасаюсь, что первая война въ Европѣ, лишь только она распространится за тѣсныя границы Испаніи и Португаліи, будетъ войною мнѣній, т. е. самою ужасною изъ всѣхъ войнъ,» а въ войнѣ такого рода Англія не въ силахъ помѣшать, чтобы подъ знамена ея стекались всѣ недовольные изъ всѣхъ тѣхъ государствъ, съ которыми она будетъ во враждѣ. — «Но, заключилъ онъ этотъ отдѣлъ своей рѣчи, не одно и тоже— обладать исполинскою силою и употреблять ее, какъ исполинъ. Сознаніе, что сила эта у насъ есть, даетъ намъ спокойствіе и увѣренность въ себѣ. Не наше дѣло отыскивать случай, чтобы выказать ее.» Чтобы во всей полнотѣ выразить свой гордый образъ мыслей, въ которомъ заключался весь смыслъ его англійской политики, хотя она не съ одинаковымъ счастіемъ и одинаковымъ искусствомъ выражалась при всѣхъ министерствахъ и которой онъ былъ самымъ вѣрнымъ истолко-

вателемъ ея, въ концѣ рѣчи, и очень кстати, онъ привелъ въ свидѣтельство стихи Виргилія, въ которыхъ поэтъ описываетъ властителя бурь Эола, который въ твердыхъ рукахъ держитъ скипетръ, и умѣряетъ силу ихъ ярости: «не будь этого, они въ вихряхъ унесли бы земли, моря и небесную высь и разметали бы ихъ по воздуху.»

Онъ дѣйствовалъ въ смыслѣ своей политики: онъ выказалъ силу исполина, но не употреблялъ ея, какъ исполинъ. Января 1 1827 года, англійское войско подъ командою Клинтона прибыло къ Лиссабону; одиннадцать линейныхъ кораблей бросили якорь въ устьяхъ Таго. Вѣсть о появленіи англичанъ мгновенно остановила распространяющееся возстаніе. Но маркизъ Шавъ все еще стоялъ въ боевомъ положеніи съ 10,000 войскомъ по дорогѣ въ Коимбра, на берегахъ Мондего. Конституціонныя войска, въ числѣ 7000 чел., шли на него; 9 января началась битва, окончившаяся только наступившею ночью. Ночью же до мигуэлистовъ дошла вѣсть о приближеніи англичанъ, и этого было достаточно, чтобы разсѣять ихъ войско. Англичанамъ не пришлось даже обнажать оружія. Ихъ одно присутствіе было достаточною помощью для конституціонныхъ генераловъ Салдеда и др., чтобы побѣдить возставшихъ; испанское правительство съ своей стороны поняло рѣчь Канинга, дѣятельно обезоруживало португальскихъ перебѣжчиковъ и присылало отобранное оружіе назадъ въ португальскія полиціи.

На столько простиралось вмѣшательство Англіи и на столько она подала помощи регентшѣ. Между тѣмъ донъ Мигуэль принялъ конституцію, присягнулъ ей, и обручился съ своею племянницей; 5 іюля 1827 года донъ Педро возвелъ его въ званіе правителя государства. Въ Лондонѣ онъ представился ко двору, познакомился съ министерствомъ, во главѣ котораго Канинга уже не было больше, и наконецъ прибылъ въ Лиссабонъ, 22 февраля 1828 года. Въ полномъ собраніи государственныхъ чиновъ, онъ повторилъ свою присягу конституціи, назначилъ очень умѣренное министерство и держался всторонѣ отъ дѣлъ. Но вскорѣ начали замѣчать, что крикуновъ передъ дворцомъ постоянно повторявшихъ: «да здравствуетъ самодержавный король!» появлялось все больше и ихъ перестали прогонять, какъ въ началѣ, и еще менѣе наказывать; мало-по-малу смѣняли конституціонныхъ чиновниковъ и офицеровъ и замѣщали ихъ приверженцами противуположной партіи; когда же испанскій наблюдательный корпусъ на границѣ былъ распущенъ и тѣмъ задача англійскаго войска была выполнена, когда оно сѣло на корабли и вышло въ море, тогда донъ Мигуэль окончательно сбросилъ съ себя маску. Палата депутатовъ была распущена 13 марта и назначена коммисія для составленія новыхъ избирательныхъ законовъ, а 3 мая правитель созвалъ представителей трехъ сословій государства, «Кортесы Ламего» по старинному порядку. Теперь ясно обнаружилось къ чему стремился достойный сынъ достойной матери. Посланники иностранныхъ державъ прекратили свои сношенія съ правителемъ, такъ явно нарушающимъ предоставленныя ему права, а войска, стоявшія близъ Опорто, поднялись на защиту правъ донъ Педро IV, своего законнаго короля, которому они присягали. Въ желающихъ примкнуть къ нимъ не было недостатка; конституціонное войско въ короткое время возросло до 7000 человѣкъ: но въ немъ чувствовалось отсутствіе опытныхъ и смѣлыхъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе при первыхъ шагахъ донъ Мигуэля, оставили свои мѣста и бѣжали. Донъ Мигуэль между тѣмъ вооружался: къ нему стекалась городская чернь и сельскіе жители; столкновеніе произошло 24 іюня и конституціонное войско потерпѣло пораженіе въ окрестностяхъ Коимбра; мигуэлистами командовалъ Повоасъ. Вслѣдъ за этимъ они двинулись на Опорто, гдѣ между тѣмъ нѣкоторые изъ предводителей конституціонной арміи, возвратившись изъ бѣгства, какъ напримѣръ: маркизъ Палмелла, генералы Сальданга, Виллафіоръ, Стуббсъ и другіе, напрасно, пытались собрать остатки разсѣяннаго и упавшаго духомъ войска. Ихъ усилія оказались тщетными и они принуждены были опять бѣгствомъ спасаться отъ мести абсолютистовъ; остатки конституціоннаго войска въ числѣ 4,000 человѣкъ перешли черезъ границу Испаніи, а толпы приверженцевъ Мигуэля вступили въ Опорто.

Ничто теперь не препятствовало похищенію престола. Вновь созванные государственные чины открыли засѣданіе въ Лиссабонѣ и они, каждый про себя

вывели заключеніе, что по основнымъ правамъ королевства, донъ Мигуэль имѣетъ неотъемлемое право на престолъ; 7 іюля они ему присягнули, какъ королю. Такимъ образомъ народъ былъ отданъ на полный произволъ тирану, который по низкому образу мыслей, по грубости и по жестокости не только не уступалъ Фердинанду, но во многихъ отношеніяхъ превосходилъ его. Начались преслѣдованія: сажали въ тюрьму на цѣлую жизнь, судебнымъ порядкомъ убивали, отвозили въ ссылку въ ужасающемъ количествѣ. Началось чисто деспотическое правленіе, опиравшееся на духовенство и чернь; но манера, посредствомъ которой донъ Мигуэль захватилъ престолъ, такъ дерзко и такъ постыдно нарушала всѣ основныя правила законности, что иностранныя державы отказались признать его королемъ и всѣ посланники, кромѣ испанскаго, были отозваны.

Вся Португалія покорилась узурпатору, только намѣстникъ Кабрера, на Терцейра, одномъ изъ Азорскихъ острововъ, поддерживалъ права дона Педро и его дочери. Нѣсколько попытокъ покорить островъ остались безуспѣшны. Мало-помалу собрались туда начальники конституціонной партіи и въ мартѣ 1830 года донъ Педро установилъ тамъ регентство—изъ маркиза Палмеллы, ученаго юриста Гуэррейро и генерала Виллафлоръ. Отъ имени законнаго португальскаго короля Виллафлоръ принялъ во владѣніе всю группу острововъ.

3. Франція.

а) Послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII.

Удачное вмѣшательство Франціи въ дѣла Испаніи довело ультрароялистическую партію до полнаго опьянѣнія побѣднаго восторга. Войско оставалось неизмѣнно вѣрнымъ принцу, предводительствовавшему имъ; при переходѣ чрезъ Бидоссао нѣкоторые кровожадные республиканцы попытались было смутить вѣрность солдатъ: но попытки ихъ окончились плачевно и общее настроеніе войска значительно улучшилось. Бурбонамъ удалось покорить Испанію, дѣло, о которое сокрушилось могущество Наполеона въ дни его величайшей силы; революція и либеральное начало были вполнѣ подавлены; казалось, наступило благопріятное время, которымъ можно было удачно воспользоваться, чтобы извлечь послѣднія преимущества изъ реставраціи, совершившейся въ 1815 году; — ультрароялисты мечтали, во-первыхъ, возстановить древне-католическую Францію и во-вторыхъ, возстановить дворянство во всѣхъ его феодальныхъ правахъ, даже касательно земель, въ послѣднія десятилѣтія проданныхъ и перепроданныхъ изъ рукъ въ руки. Представители древнихъ дворянскихъ домовъ Франціи въ своемъ воображеніи уже смотрѣли на себя, какъ на королевскихъ намѣстниковъ провинцій, на которыя опять раздѣлятъ Францію, вмѣсто ненавистныхъ революціонныхъ департаментовъ. Этихъ несбыточныхъ плановъ, однако, не раздѣлялъ ни король, ни его первый министръ—Виллель. Но лѣта короля Людовика XVIII были уже преклонныя и министру нужно было позаботиться о своей дальнѣйшей судьбѣ, о томъ, какъ бы удержаться при новомъ королѣ. Онъ ясно видѣлъ, что ему нужно идти съ потокомъ роялистическихъ и теократическихъ теченій, если не хочетъ потонуть, или быть выброшеннымъ на мель. Вышло приказаніе отъ короля распустить палату; роялисты были увѣрены повести новые выборы по своему усмотрѣнію.

Рвеніе побѣдоносной партіи соединилось съ возрастающимъ могуществомъ правительства и съ услужливостью судебныхъ и административныхъ учрежденій. Префектамъ, подъ опасеніемъ лишиться мѣстъ, было предписано направлять выборы въ благонамѣренную сторону; дѣла шли такъ хорошо, что почти не встрѣчалось надобности въ обыкновенныхъ понудительныхъ и другихъ средствахъ; не приходилось стращать, уговаривать, уламывать, подскабливать списки и т. п. Успѣхъ былъ полный. Палата, составившаяся 23 марта 1824 года, насчитывала въ рядахъ своихъ меньшинство либеральныхъ голосовъ, оно ограничивалось какими нибудь 15 человѣками и въ числѣ ихъ мало выдающихся головъ: были генералы Фуа, Казиміръ Перье, Бенжаменъ Констанъ, Ройе-Колларъ; двѣ

трети палаты перовъ состояли изъ древне-французскихъ дворянъ; въ числѣ ихъ было много эмигрантовъ. Виллель далъ эмигрантамъ обѣщаніе, что теперь наконецъ займутся вопросомъ объ ихъ вознагражденіи, который до сихъ поръ все отсрочивали и, какъ говорилось въ тронной рѣчи, теперь залечатъ послѣднія язвы, нанесенныя революціей. Время, казалось, наступило самое благопріятное; въ этой новой палатѣ какъ бы воскресла **небывалая** палата 1816 года. Виллель, хорошій математикъ, гордившійся своею финансовою системою, придумалъ средство, какъ въ нѣкоторомъ отношеніи удовлетворить требованіямъ эмигрантовъ, безъ большаго обремененія народа. Но въ тоже время онъ не могъ противиться искушенію воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ, чтобы, при огромномъ перевѣсѣ роялистическаго начала въ палатѣ депутатовъ, измѣнить законъ о выборахъ такъ, чтобы продлить настоящее удобное и безопасное положеніе дѣлъ на болѣе долгій срокъ.

Дѣйствуя отъ этихъ исходныхъ пунктовъ, палатамъ предложены были два закона: законъ о рентахъ и законъ новаго избирательнаго порядка.

Первый изъ законовъ сначала разбирался и обсуживался во второй палатѣ. Фокусъ, которымъ Виллель намѣревался сократить ежегодныя издержки государства на 28 милліоновъ и такимъ образомъ пріобрѣсть сумму въ тысячу милліоновъ для вознагражденія потерь, понесенныхъ эмигрантами, состоялъ въ **обращеніи ренты** (conversion de la rente),—способъ впослѣдствіи много разъ употреблявшійся правительствами въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно было заставить народъ принять на себя значительную издержку, или когда надобно было устранить непріятный дефицитъ. Французское правительство, по большей части номинально, платило по 5% за свой долгъ: въ дѣйствительности же еще больше по тому, что въ прежнія времена, приступая къ займу, правительство въ своихъ долговыхъ обязательствахъ не точно обозначало занятую сумму. Но деньги въ то время были дешевле, ихъ можно было во Франціи и въ другихъ государствахъ западной Европы имѣть отъ 3% до 4%. Предположенный же планъ, представленный правительствомъ, состоялъ въ слѣдующемъ: превратить 5% заемъ правительства въ 3%, предоставивъ заимодавцамъ на выборъ получить свой капиталъ обратно по полной номинальной цѣнѣ, или перемѣнить свои **ренты** изъ 5% въ 3% и въ этомъ случаѣ вновь составленныя долговыя записи составить по разсчету 75 за сто; такимъ образомъ 100 франковъ новой **ренты** въ сущности давали 4%, тогда какъ до сихъ поръ каждая 100 франковая рента давала 5%; разность пріобрѣтало правительство и при существующемъ преобладаніи роялистовъ въ палатахъ могло употреблять по своему усмотрѣнію. Противъ этого плана нечего было сказать. Государство, какъ и всякій должникъ, имѣло право отказаться отъ слишкомъ дорогаго займа, когда имѣло возможность найти болѣе сходный. Заимодавцу такое предложеніе могло быть невыгодно, но онъ не имѣлъ права роптать, выгода государства во всякомъ случаѣ стояла на первомъ планѣ и перевѣшивала выгоду заимодавцевъ, которые безспорно составляютъ меньшинство общей массы народа; оставалось только рѣшить вопросъ: сдѣлаетъ ли правительство употребленіе изъ сбереженныхъ денегъ на общую пользу? Законъ былъ принятъ въ палатѣ депутатовъ большинствомъ 138 голосовъ. Его перенесли въ палату перовъ: коммисія, занявшаяся разсматриваніемъ закона, рѣшила въ его пользу; но въ полномъ собраніи его сильно оспаривали. Противниками явились графъ Руа, министръ финансовъ во время управленія Деказа, архіепископъ Парижскій и др.; они стояли за выгоды владѣтелей рентъ, въ числѣ которыхъ были многія управленія благодѣтельныхъ учрежденій, доходы которыхъ, безспорно, черезъ новый законъ уменьшались на пятую долю. Можетъ быть и пожертвованія, замѣтилъ парижскій архіепископъ, тоже уменьшатся на пятую долю?— Это было очень плохимъ доказательствомъ и заключало въ себѣ плохую похвалу щедрости эмигрантовъ, въ пользу которыхъ министръ назначалъ полученную такимъ образомъ разность. Противники Виллеля и эмигрантовъ одержали верхъ: законъ былъ отвергнутъ большинствомъ 120 голосовъ противъ 105 голосовъ.

Лучшая участь выпала на долю новаго избирательнаго закона. По проекту этого закона возобновленіе палаты депутатовъ не должно было производиться ежегодно, какъ до сихъ поръ, тѣмъ, что одна пятая доля депутатовъ выбывала и

замѣнялась новымъ выборомъ; предположено было возобновлять палату депутатовъ общими выборами только черезъ каждыя семь лѣтъ, тогда какъ до сихъ поръ общее возобновленіе производилось постепенно черезъ каждыя пять лѣтъ. палата перовъ приняла этотъ законъ, съ значительнымъ большинствомъ голосовъ; въ Палатѣ депутатовъ напротивъ онъ встрѣтилъ противорѣчіе, и не со стороны однихъ только либераловъ, но и со стороны многихъ роялистовъ, которые очень справедливо утверждали, что безопасность престола опирается на иныхъ началахъ, а не только на избирательномъ законѣ, главная цѣль котораго въ этомъ случаѣ скорѣе заключается въ томъ, чтобы сохранить министерству силу и большинство голосовъ, на болѣе продолжительный, семилѣтній срокъ; королевская же власть всегда находитъ поддержку въ преданности народа. Со стороны либеральной, напротивъ, съ большимъ краснорѣчіемъ и съ должною силою показывали, какъ недальновиденъ этотъ законъ въ томъ отношеніи, что въ странѣ, какъ Франція, гдѣ политическая жизнь подвержена измѣненіямъ, особенно въ такое бурное столѣтіе, какъ XIX, невозможно надѣяться сковать ее даже на семь лѣтъ. «Семь лѣтъ тому назадъ были министры — но куда они дѣлись? — Втеченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ была ли хотя одна система правленія, которая продержалась бы семь лѣтъ; было ли министерство, устоявшее семь лѣтъ, была ли какая либо истина, было ли какое либо политическое имя, которое бы оцѣнивали и признавали втеченіе семи лѣтъ?» спрашивалъ Ройе-Колларъ. «Чего хочетъ министерство съ своимъ семилѣтнимъ всеобщимъ возобновленіемъ, добавилъ генералъ Фуа, чего оно хочетъ? Оно хочетъ уйти отъ общей участи министерствъ, отъ смерти, потому что отъ начала реставраціи до нашихъ дней среднее существованіе каждаго министерства не превышало трехлѣтняго срока.» Вся сила избирательной палаты, прибавляли, заключается въ частомъ обобщеніи ея съ народомъ; черезъ годичное возобновленіе одной пятой доли депутатовъ палата остается въ частомъ соприкосновеніи съ народомъ и постоянно оживляется и возобновляется новыми элементами, безъ сильныхъ потрясеній. Со стороны роялистовъ видѣли въ этомъ новомъ законѣ посягательство на хартію, на сохраненіе которой во всей своей неприкосновенности смотрѣли, какъ на жизненный интересъ королевской власти; находили, что не слѣдуетъ безъ особенной нужды насильственно колебать основанія, потрясать стойкость политической жизни государства. Но министръ не смущался, онъ былъ увѣренъ въ большинствѣ голосовъ, въ 300 своихъ «спартіатахъ», какъ ихъ въ насмѣшку называли; и законъ дѣйствительно былъ принятъ большинствомъ 292 голосовъ противъ 87.

Нѣкоторое время думали, что пораженіе, понесенное Виллелемъ по случаю закона о рентѣ въ палатѣ перовъ, поведетъ за собою его паденіе; но когда ему удалось провести гораздо важнѣйшій законъ о новой системѣ выборовъ, всѣ опасенія исчезли. Напротивъ Виллель воспользовался этимъ случаемъ, чтобы освободиться отъ своего соперника по кабинету, Шатобріана; пріятели его сильно возставали противъ закона объ измѣненіи ренты и подавали голоса противъ него; къ тому же Виллель съ Шатобріаномъ оставались въ очень натянутыхъ отношеніяхъ со временъ вопроса о вмѣшательствѣ Франціи въ испанскія дѣла, когда Шатобріанъ перехитрилъ Виллеля; но самая главная причина несогласія между обоими министрами лежала въ основныхъ чертахъ ихъ совершенно различныхъ характеровъ. Въ то мгновеніе, когда Шатобріанъ съ докладомъ отправлялся къ королю, онъ получилъ записку отъ Виллеля; въ ней президентъ комитета министровъ очень лаконически, безъ всякаго вступленія и заключенія, прямо сообщалъ предписаніе короля ему, господину министру Виллелю, на время принять вмѣсто господина виконта Шатобріана портфель иностранныхъ дѣлъ. Такимъ способомъ Виллель отдѣлался отъ своего противника; но отъ друзей его никто не могъ защитить его. Онъ жестоко ошибался, полагая, что владѣетъ большинскомъ голосовъ; не онъ господствовалъ надъ большинствомъ, а надъ нимъ господствовалъ религіозный фанатизмъ, суевѣріе, честолюбіе и ребяческое опасеніе и ненависть ко всему, порожденному революціей;—онъ самъ сдѣлался игрушкой большинства, которое по произволу направляло его туда, куда по здравому уму и при холодномъ размышленіи онъ никогда не пошелъ бы. Буря антиреволюціонныхъ страстей гнала

корабль государственный, переставшій слушаться руля, впередъ на встрѣчу новымъ опасностямъ и тяжкимъ катастрофамъ.

Началось съ того, что палата захотѣла церковныя дѣла устроить по своему усмотрѣнію. Духовенство стремилось впередъ къ своей цѣли; его ободряли успѣхи въ Испаніи, его раздражали проявленія антикатолическаго и антихристіанскаго духа, еще очень сильно коренившагося въ умахъ людей, такъ недавно поклонявшихся разуму; его поддерживало живѣйшее сочувствіе, если не короля, то наслѣдника престола. Потребовали возвращенія духовенству сословнаго дохода, увеличенія доходовъ епископовъ, возстановленія монастырей; прошенія, въ этомъ смыслѣ составленныя, нашли сочувствіе у большинства членовъ палаты; министръ юстиціи предложилъ проектъ закона, въ которомъ церковное воровство несравненно строже осуждалось и наказывалось, чѣмъ обыкновенное воровство. Это была только попытка, на что можно рѣшаться; но такъ какъ по общему настроенію палаты перовъ нельзя было ожидать согласія, а съ другой стороны палата депутатовъ одна рѣшать не могла, то министръ юстиціи взялъ назадъ свой проектъ. Виллель остался доволенъ тѣмъ, что безъ волненій и безъ катастрофы дождался окончанія засѣданій. Онъ укрѣпилъ свое министерство тѣмъ, что привлекъ въ него нѣсколько, вполнѣ преданныхъ ему, хотя и незначительныхъ людей. Такъ какъ здоровье короля было такое, что со дня на день можно было ожидать перемѣны правителя, то онъ продолжалъ вести дѣла въ духѣ графа д'Артуа. Болѣе всего надобно было противодѣйствовать свободѣ печати, исконному врагу политики церковнослужителей; начали съ того, что купили на частныя королевскія и министерскія суммы нѣсколько газетъ либеральной и ультрароялистической оппозиціи, и двѣ недѣли послѣ закрытія палатъ, по королевскому рѣшенію, введена была цензура, на основаніи закона о печати, изданнаго еще въ 1822 году. Въ одно время съ этимъ учреждено было министерство духовныхъ дѣлъ, которое поручено было епископу Гермополиса, графу Фрессину (Freyssinous), архіепископъ кардиналъ де-ла-Феръ возведенъ былъ въ должность государственнаго министра. Но хуже всего было то, что съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ связано было общее народное образованіе и обученіе Франціи: слѣдовательно вліяніе этого сословія распространилось и на эту важнѣйшую сторону нравственнаго и политическаго существованія народа; образованіе въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ не могло пострадать отъ этого вліянія на столько, на сколько—высшее, наблюдать за которымъ особенно трудно потому, что здѣсь гораздо легче ошибиться и не такъ растолковать какое нибудь слово, или движеніе; здѣсь на каждое новое стремленіе науки съ цѣлью разъяснить тотъ, или другой законъ природы, можно смотрѣть, какъ на ересь, или на нарушеніе утвержденныхъ церковью истинъ и видѣть въ нихъ проявленіе нечестія.

Духъ и дѣятельность партій въ этомъ направленіи всѣми силами содѣйствовали правительству. Духовная дѣятельность удвоилась; издавали молитвенники, собраніе легендъ и поученій; на выставкѣ въ окнахъ книжныхъ лавокъ исчезли сочиненія Руссо и Вольтера и вмѣсто нихъ красовались только религіозныя, или нравственныя сочиненія; по всѣмъ признакамъ видно было, что наступаетъ эпоха истиннаго, или лицемѣрнаго благочестія; всѣ чувствовали, что только подъ прикрытіемъ его можно было добиться чего нибудь у правительства.

b) Начало царствованія Карла X.

Дни Людовика XVIII были сочтены. Его набожное семейство уговорило его позаботиться о спасеніи души; онъ исповѣдался, пріобщился и въ бесѣдахъ духовныхъ лицъ искалъ утѣшенія и опоры. Искусство медиковъ еще нѣсколько времени поддерживало его жизнь; отъ народа, на сколько можно было, скрывали его болѣзненное состояніе; но онъ самъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и далъ министрамъ приказанія съ докладами обращаться къ брату. Еще разъ собралъ онъ силы свои и въ долгомъ разговорѣ убѣждалъ брата слѣдовать его примѣру въ управленіи, говорилъ, что, подобно Генриху IV, вся задача его состояла въ

томъ, чтобы лавировать между партіями и такимъ образомъ сохранить престолъ; онъ чувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ томъ, что конецъ его счастливѣе конца Генриха, что онъ спокойно можетъ умереть въ своей постели. Онъ собралъ къ своему смертному одру всѣхъ членовъ своего семейства и далъ имъ благословеніе; когда очередь дошла до пятилѣтняго герцога Бордоскаго, онъ сказалъ: «желаю, чтобы братъ мой сохранилъ престолъ для этого младенца.»

Людовикъ скончался 16 сентября 1824 года. Тогда первый лейбъ-медикъ короля вышелъ къ собравшимся придворнымъ и торжественно произнесъ древне французскую формулу, служащую символомъ безсмертія королевскаго сана: «Король умеръ, да здравствуетъ король!» Въ ту же минуту распахнулись двери въ сосѣднюю комнату, въ которой собрались принцы и министры; камергеръ вышелъ на порогъ и крикнулъ: «Господа, король!» Всѣ присутствующіе преклонили колѣно и проводили Карла X въ королевскій кабинетъ, изъ котораго онъ часъ спустя вышелъ, чтобы отправиться, по требованіямъ этикета, со всѣми членами королевскаго дома въ Сенъ-Клу, провести тамъ дни траура.

Чего можно было ожидать отъ новаго 67-лѣтняго короля, всѣмъ было ясно. Притворство и скрытность не были въ характерѣ графа д'Артуа. Онъ не скрывалъ, что намѣренъ опираться на духовенство и аристократію; по его ограниченному взгляду на вещи, онъ только и думалъ о возстановленіи древне-французской монархіи. Людовикъ XVIII при всѣхъ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ все-таки былъ истиннымъ королемъ и понималъ, хотя частію, потребности времени и народа, измѣнившагося до глубины существа своего; но Карлъ при жизни его поставлялъ себѣ за особенную честь быть первымъ вельможей въ государствѣ и по возшествіи на престолъ остался тѣмъ же. Онъ вполнѣ обладалъ изящными, привлекательными манерами, изысканною вѣжливостію стариннаго французскаго дворянина и формъ этихъ никогда не нарушалъ, даже въ сношеніяхъ съ самымъ послѣднимъ изъ своихъ подданныхъ; по наружности онъ еще былъ настоящимъ рыцаремъ и не въ примѣръ крѣпче и моложавѣе брата; сердце у него было доброе и онъ хотѣлъ бы, чтобы подданные любили и уважали его, и даже до конца льстилъ себя надеждой, что это такъ и есть. Но онъ не понималъ потребностей новѣйшаго времени; онъ по недостатку прочнаго знанія и по ограниченнымъ способностямъ, вполнѣ поддался вліянію духовенства; годы изгнанія не послужили ему въ пользу, не развили его знаній, не расширили его взгляда на событія и на ходъ потребностей времени; онъ и не догадывался, какая бездна отдѣляетъ его отъ большинства, отъ средняго класса французскаго народа.

Но онъ рѣшился свято хранить наслѣдство, полученное отъ брата; во всей точности соблюдать хартію, что онъ и объявилъ въ С.-Клу, членамъ палатъ, когда они ему представлялись. Когда онъ торжественно въѣзжалъ въ свой «добрый городъ Парижъ,» народонаселеніе, всегда жадное до торжества, всегда готовое радоваться и восхищаться, съ громкими криками и другими изъявленіями восторга встрѣтило его; король поддержалъ общее хорошее настроеніе тѣмъ, что уничтожилъ цензуру, объявилъ нѣсколько милостивыхъ прощеній и прекратилъ нѣкоторыя преслѣдованія.

Но это полное надеждъ настроеніе умовъ длилось не долго. Возобновленіе устарѣлыхъ полузабытыхъ придворныхъ должностей и титуловъ, боязливое и пунктуальное введеніе всего давно забытаго придворнаго церемоніала, вызвали насмѣшки парижанъ; значительное число высшихъ военныхъ чиновъ, которые на полѣ битвы, во времена республики и Наполеона, получили свои званія, были уволены отъ службы, что возбудило негодованіе. Декабря 22 новый король открылъ сессіи палатъ, въ первый разъ послѣ возшествія своего на престолъ. Въ тронной рѣчи нашлось мѣсто, обнаруживавшее стремленія новаго правительства: «Развитіе нашего благосостоянія, говорилъ король, будетъ завпсѣть отъ усовершенствованій, какія требуетъ состояніе нашей церкви и нашего законодательства. Мой братъ находилъ утѣшеніе въ томъ, что ему дозволено было подготовить средства для исцѣленія послѣднихъ ранъ, нанесенныхъ революціей; теперь настало время употребить эти средства въ дѣло и докончить его начинанія.»

Законы, на которые слова эти намекали, были предложены палатамъ: палатѣ перовъ два закона, которыхъ, по словамъ рѣчи, требовало положеніе церкви, а

палатѣ депутатовъ три проекта: о государственномъ бюджетѣ, о вознагражденіи эмигрантовъ и о началахъ, на какихъ оно можетъ быть произведено, объ измѣненіи ренты.

Законъ, касательно бюджета, не заслуживаетъ особеннаго вниманія; это было просто назначеніе въ пользу герцога Орлеанскаго королевскихъ имѣній, которыя составляли собственность Орлеанской линіи и теперь требовалось признать ихъ за нею. Людовикъ XVIII въ 1814 году возвратилъ эти имѣнія герцогу, но далѣе не допускалъ никакого отношенія между старшей и младшей линіей царствующаго дома. Онъ не довѣрялъ сыну герцога Филиппа Орлеанскаго, который нѣкогда въ конвентѣ подавалъ голосъ за смерть своего короля и родственника; осторожная преданность Людовика Филиппа его также не ослѣпляла; онъ слишкомъ хорошо зналъ себя и свѣтъ, чтобы не видѣть замысловъ умнаго герцога. Карлъ X, ничему не научившійся въ изгнаніи, не вынесшій изъ него никакой опытности, не имѣлъ недовѣрчивости брата и готовъ былъ въ династическихъ видахъ вполнѣ и безусловно примириться съ своимъ родственникомъ; онъ смотрѣлъ на нѣкоторыя вольности младшей, болѣе либеральной линіи, сквозь пальцы и считалъ линію эту необходимою принадлежностью инвентаря французской монархіи. Титулъ королевскаго высочества тотчасъ послѣ восшествія Карла на престолъ былъ предоставленъ герцогу и его семейству; палатѣ перовъ, по поводу Филиппа Égalité, очень недовѣрчиво и неблагосклонно смотрѣвшей на Орлеанскую линію, король приказалъ черезъ Виллеля очень точно и рѣшительно объяснить свой взглядъ, такъ что предложенный законъ былъ принятъ сильнымъ преобладаніемъ голосовъ.

Втораго закона всѣ ожидали. Вопросъ о вознагражденіи эмигрантовъ надобно было рѣшить, онъ долженъ былъ исчезнуть съ лица земли, даже чисто изъ видовъ народной экономіи; имѣнія, находившіяся еще въ спорномъ положеніи, продавались далеко ниже своей настоящей стоимости. Итакъ, капиталъ въ 30 милліоновъ ренты, т. е. номинальный капиталъ въ тысячу милліоновъ франковъ долженъ былъ идти въ жертву этой цѣли. Исчисленіе потери, понесенной эмигрантами въ движимомъ имуществѣ, не могло войти въ соображеніе, рѣчь шла только о недвижимомъ имуществѣ, по приблизительной оцѣнкѣ его, во время конфискаціи. Пренія носили въ себѣ характеръ неспокойный, они напоминали времена революціонныя и обнаруживали всю разницу, какая существовала въ основныхъ взглядахъ партій. Нѣкоторые не хотѣли и слышать ни о какомъ вознагражденіи; въ палатѣ такихъ было мало, но тѣмъ больше въ деревняхъ, селахъ и маленькихъ городахъ: эмигранты, говорили и думали они, искали въ чужихъ земляхъ войны и несли ее въ свое отечество, при помощи иностраннаго войска; конфискація имуществъ эмигрантовъ была только дѣломъ личной защиты, никто не можетъ упрекнуть народъ за то, что онъ враговъ своихъ лишаетъ вспомогательныхъ средствъ и тѣмъ дѣлаетъ ихъ безвредными. Побужденія были благородныя, личныя потери значительныя, но во времена частыхъ политическихъ переворотовъ это—дѣло обычное; законы, предписывавшіе конфискацію имѣній эмигрантовъ, были впослѣдствіи утверждены хартіей наравнѣ съ прочими постановленіями; дѣло это уже давно рѣшено, зачѣмъ же его выводить на свѣтъ? Если мы будемъ вознаграждать потери эмигрантовъ, отчего же не вознаградить также государственныхъ кредиторовъ, тѣхъ, которые на чистыя деньги покупали должности по существовавшему порядку вещей, отчего терпѣть купцамъ, которые во время революціи тоже понесли такіе значительные убытки? отчего же не вознаградить потомковъ сотенъ тысячъ протестантовъ, которые черезъ уничтоженіе нантскаго эдикта потеряли всѣ свои имѣнія? Очень тонко и съ умѣніемъ указалъ генералъ Фуа на ту щекотливую сторону закона, по которой самъ король, «когда то оторванный бурнымъ порывомъ урагана отъ монархіи,» самъ является, какъ глава партіи, какъ первый изъ эмигрантовъ. Гораздо рѣзче выразился адвокатъ Дюпонъ, назвавъ вознагражденіе эмигрантовъ тяжкою военною повинностію, мѣсто которой было бы приличнѣе въ мирныхъ договорахъ съ иностранными державами, побѣдителями Франціи. «Преобладающая партія роялистовъ, которая заняла всѣ пути къ трону, которая господствуетъ въ палатѣ перовъ и со времени избирательнаго закона, утвержденнаго въ 1820 году, имѣетъ такой рѣшительный

перевѣсъ въ палатѣ депутатовъ, а вмѣстѣ съ нею и эмигранты сегодня назначаютъ себѣ вознагражденіе за понесенные убытки въ тысячу милліоновъ франковъ, а завтра явится духовенство и предъявитъ свои права на вознагражденіе за прошлое и свои претензіи на обезпеченіе въ будущемъ.» Но проектъ этого закона нашелъ противниковъ другаго рода. Поджигатели ультрароялистической партіи, какъ напримѣръ де-ла Бурдонне, отвергали законъ потому, что онъ за покупщиками конфискованныхъ имѣній утверждалъ право собственности, тогда какъ хартія за ними оставляла только право пользованія ими. «Не деньгами, а натурой, говорилъ другой, надобно вознаградить эмигрантовъ, имъ надобно возвратить ихъ достояніе, а покупщиковъ надобно вознаградить за понесенныя потери. При этомъ случаѣ обнаружилось, что во Франціи не только двѣ партіи, но два враждебныхъ лагеря стояли другъ противъ друга. Виллель защищалъ законъ съ умѣренностію и съ тактомъ; говорилъ, что эта мѣра не есть карательная, и не награда, что это просто государственная мѣра, вынужденная необходимостію, чтобы чѣмъ нибудь завершить реставрацію, и соединить интересы французовъ. Въ самомъ дѣлѣ столько же можно было сказать за этотъ законъ, сколько противъ него, и на этотъ разъ ему удалось провести дѣло: съ незначительными измѣненіями былъ принятъ законъ о вознагражденіи значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Точно также принятъ былъ проектъ объ измѣненіи системы ренты: кто хотѣлъ воспользоваться вознагражденіемъ, тотъ долженъ былъ согласиться на перемѣну ренты, хотя самъ Виллель, разговаривая съ Меттернихомъ, назвалъ этотъ законъ дурнымъ; его прошлогодній законъ былъ гораздо лучше, но палата не захотѣла принять его, поэтому ей теперь приходилось довольствоваться худшимъ. По этому проекту владѣтелямъ рентъ предоставлялась свобода свои 5% бумаги, при номинальномъ увеличеніи капитала, перемѣнить на 3%, не перемѣняя ихъ на $4^1/_2$ % бумаги; погашать долгъ этотъ предполагалось исключительно, выкупомъ пріобрѣтая бумаги, которыя приносили бы меньше 3%. Это, само собою разумѣется, повело за собою возвышеніе курса и вызвало банковыя спекуляціи, биржевую игру и тѣмъ произвело, какъ выразился одинъ ораторъ, великое торжество въ Іерусалимѣ.

Палата перовъ, послѣ преній палаты депутатовъ, приняла эти три закона и такимъ образомъ выполненъ былъ одинъ рядъ преобразованій, обѣщанныхъ въ тронной рѣчи и требовавшей ихъ. Гораздо важнѣе были предположенія, относившіяся до церкви. На этой почвѣ опять произошло жалкое состязаніе между разумомъ и предразсудкомъ, этими главными двигателями XIX столѣтія,—между человѣколюбіемъ и варварствомъ, между христіанскимъ и кастовымъ началомъ.

Первая изъ предположенныхъ реформъ заключалась въ законѣ о святотатствѣ; тутъ ясно выказалось, чего можно ждать, когда при составленіи свѣтскихъ законовъ духовенство беретъ перевѣсъ. Смертная казнь назначалась за оскверненіе священныхъ церковныхъ сосудовъ и за оскверненіе гостіи—протестантскіе и еврейскіе подданные короля должны были твердо заучить, что означаютъ слова эти, чтобы избѣжать самого дѣла; за оба эти святотатства назначалась смертная казнь, но съ предварительнымъ отсѣченіемъ правой руки; точно такая же казнь назначалось за отцеубійство; за насильственное вторженіе въ церковь господствующаго вѣроисповѣданія — смертная казнь, но за вторженіе въ храмы, т. е. въ церкви другихъ вѣроисповѣданій—каторжная работа.

Не для чего говорить, какъ несправедливъ и жестокъ долженъ былъ показаться такой законъ народу, изъ среды котораго вышелъ такой протестъ католичеству, какъ Вольтеръ и какимъ былъ новый культъ, съ богинею Разума и др. аттрибутами; цѣлое поколѣніе этого народа выросло при самомъ рѣзкомъ противорѣчіи ко всему, что носило на себѣ не только печать католицизма, но даже христіанства. Несообразный законъ этотъ, какъ слѣдовало ожидать, вызвалъ живѣйшее противорѣчіе. Сначала разбирался онъ въ палатѣ перовъ: графъ Моле краснорѣчиво указывалъ на то, что по духу христіанства надобно молиться даже за тѣ вѣроисповѣданія, которыя мечемъ истребляютъ приверженцевъ другихъ вѣроисповѣданій, и что надобно отвергнуть законъ, составленный совершенно противно духу милосердія, и готовый во имя Христа воздвигать новые эшафоты; другіе

представляли, что такой законъ необходимо ведетъ за собою нарушеніе и совершенное неиспроверженіе великаго права свободы совѣсти; даже Шатобріанъ, этотъ ревностный католикъ и роялистъ, но человѣкъ образованный, благородный и честный, не могъ подчиниться стѣснительному духу католицизма на столько, чтобы не видѣть всей несостоятельности закона; онъ рѣшительно возсталъ противъ этого постановленія, оскорбительнаго для человѣчества и нисколько не защищающаго религіи. Еще хуже смысла закона была манера, съ какою его отстаивали. Министръ юстиціи, въ то время, когда вносилъ этотъ законъ въ палату перовъ, ссылался на древнихъ египтянъ и при этомъ употребилъ выраженія: «горе намъ, если мы выкажемъ менѣе уваженія и набожности въ отношеніи къ истинному Богу, нежели язычники выказывали своимъ богамъ!» Другой ораторъ предложилъ осужденнымъ за святотатство, вмѣсто чернаго покрова, которымъ закрываютъ лицо преступника, котораго ведутъ на казнь за отцеубійство, закрывать голову и лицо краснымъ покровомъ, чтобы сдѣлать и преступленіе и наказаніе за него замѣтнѣе. Виконтъ Бональдъ пошелъ дальше, онъ даже готовъ былъ богохульствовать, чтобы поддерживать этотъ законъ: «Спаситель молилъ о прощеніи за своихъ палачей, но Отецъ Его не услышалъ мольбы; Онъ наказаніе распространилъ не только на виновныхъ, но на цѣлый народъ, къ которому они принадлежали»; какъ добрые обязаны отдавать свою жизнь на служеніе обществу, такъ и злые должны отдать ее, чтобы служить ужасающимъ примѣромъ; что же касается до святотатцевъ, то смертный приговоръ только скорѣе приводитъ ихъ къ трону естественнаго праведнаго Судіи. Такимъ образомъ здѣсь выступало заблужденіе, во всѣ времена служившее исходною точкою всевозможныхъ религіозныхъ притѣсненій и преслѣдованій, явно противорѣчащихъ основнымъ законамъ прощенія и любви, служащимъ основаніемъ духа христіанскаго ученія; тутъ смѣшались личные интересы церковнослужителей съ требованіями духовными и готовы были исказить божественныя слова Спасителя.

Палата перовъ не приняла закона равносильнаго наказанія какъ за святотатство, такъ и за отцеубійство; также и слѣдовавшаго за нимъ, по которому женскимъ монастырямъ разрѣшалось пріобрѣтеніе имѣній съ согласія короля; онъ былъ поправленъ и сдѣланъ безвреднымъ фразою: по согласію съ закономъ; дальнѣйшихъ пунктовъ палата не осмѣливалась оспаривать у ежедневно усиливающейся партіи духовенства и потому приняла ихъ безъ спора.

Въ палатѣ депутатовъ нашлись болѣе смѣлые противники, первенство въ этомъ отношеніи надобно признать за Ройе-Колларомъ; онъ съ жаромъ доказывалъ, что неминуемо должно произойти, ежели религіозные догматы, такъ часто спорные, принять за законы гражданскіе—что при такомъ воззрѣніи на нихъ, сегодня придется наказывать смертью за святотатство, а завтра за хулу, а тамъ за ересь и т. д.; что при такихъ постановленіяхъ одно только католическое вѣроисповѣданіе получаетъ право гражданства и пользуется покровительствомъ законовъ, а всѣ прочія вѣроисповѣданія будутъ находиться внѣ закона и подлежать преслѣдованіямъ и наказаніямъ. Его рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе, она ясно и глубоко подняла вопросъ и показала всю неосновательность и всю несправедливость предложеннаго закона. Но онъ проповѣдывалъ въ пустынѣ, или глухимъ; законъ все-таки былъ принятъ большинствомъ 210 голосовъ противъ 95; духовенство теперь могло предаться всей необузданности чувства мести, могло употреблять по своему усмотрѣнію мечъ правосудія и давало господствующей партіи неограниченную власть, какъ Ройе-Колларъ выразился: дѣлалъ священника полновластнымъ королемъ.

Всѣ подготовительныя работы были окончены, о которыхъ король упоминалъ въ своей тронной рѣчи; теперь онъ могъ подумать о томъ, чтобы помазаніемъ свыше утвердить за собою престолъ: онъ торжественно короновался въ Реймсѣ, по всѣмъ обрядамъ древнихъ французскихъ королей. Объ этихъ приготовленіяхъ разсуждали въ палатахъ: онѣ утвердили расходъ въ двѣнадцать милліоновъ франковъ на это торжество; изготовленные средневѣковые костюмы были выставлены на показъ. Священный сосудъ, въ которомъ хранилось муро, которое такимъ чуднымъ образомъ было даровано Франціи, когда первый христіанскій король Хло-

довикъ вступилъ на престолъ, былъ разбитъ во времена революціи и осколки его подъ святотатственной рукой разлетѣлись на землю; но, какъ утверждено было въ протоколѣ, составленномъ позже, между буйною толпою нечестивыхъ революціонеровъ нашелся одинъ священникъ и нѣсколько благочестивыхъ гражданъ, которые подобрали черепки священной о п у л ы, съ каплями сохранившагося въ нихъ мура и спрятали у себя, и теперь освятили прибавленное къ нимъ новое муро. Такимъ образомъ нашлась возможность совершить помазаніе на царство со всѣми обычаями, утвержденными церемоніями; торжество продолжалось отъ 8 часовъ утра до 12; архіепископъ возложилъ на голову Карла X древнюю корону французскихъ королей и на слѣдующій день король, только теперь считавшій себя истиннымъ королемъ и помазанникомъ Божіимъ, публично воспользовался даромъ, какой искони вѣковъ давался помазанникамъ и законнымъ королямъ Франціи—исцѣлять больныхъ проказою, головною болью—онъ возложилъ руки на 121 страждущихъ подданныхъ своихъ.

Партія клерикальная еще смѣлѣе пошла впередъ, увѣренная въ покровительствѣ со стороны короля, въ большинствѣ голосовъ въ палатахъ и въ сочувствіи народа. Конгрегація распространялась все болѣе и болѣе; высшее сословіе считало своимъ долгомъ воспитывать своихъ дѣтей въ высшихъ іезуитскихъ училищахъ Св. Анны д'Оро, Св. Ашиль Монтружъ, въ Бордо, Биллуэнѣ и т. д.; съ церковныхъ каѳедръ громили революцію и приверженцевъ имперіи; кому хотѣлось добиться какой либо общественной должности, тотъ добивался благосклонности своего приходскаго священника, духовника, или архіепископа, ходилъ часто въ церковь и всякій разъ, когда исповѣдывался, запасался письменнымъ свидѣтельствомъ о томъ. По улицамъ Парижа опять потянулись нескончаемые крестные ходы, зрѣлище тамъ давно небывалое; но вмѣстѣ съ тѣмъ развивался духъ шпіонства, миссіонерскій духъ; число праздниковъ возрастало и процессіи по деревнямъ и селамъ отвлекали крестьянъ отъ дѣла; по повелѣнію, изданному королевскимъ великимъ раздавателемъ милостыни (Grand-aumonier), положено было уничтожить гражданскій бракъ, это пріобрѣтеніе революціи, и подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви повелѣвалось строго почитать церковные праздники, отмѣненные со временъ революціи, и къ существовавшимъ присоединить еще новые. Опять возобновилась охота, травля и поиски на французскихъ классиковъ, которыхъ преслѣдовали, какъ враговъ церкви; опять воскресли съ новою силою всѣ предразсудки, на время уснувшіе, и сочиненія, исполненныя фантастическирелигіозныхъ сказаній, пріобрѣли популярность. Вмѣсто мѣдныхъ и жестяныхъ священныхъ сосудовъ въ церквахъ опять явились золотые и серебряные; нашлись писатели, которые съ большимъ вѣсомъ и съ большой энергіей защищали религію, нежели Шатобріанъ въ своихъ мягкихъ и мечтательныхъ сочиненіяхъ. Самымъ ярымъ поборникомъ католицизма явился аббатъ Ламенэ, родившійся въ 1792 году въ Сенъ-Мало, въ Бретани; онъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ защищалъ авторитетъ католической церкви и въ своемъ увлеченіи упрекалъ въ антикатолическомъ духѣ даже правительство, которое, какъ мы видѣли, постановило законъ о наказаніи за святотатство.

Писателя этого и всю его партію особенно раздражало и вооружало сознаніе, что несмотря на все свое могущество они не въ силахъ были обратить и привлечь къ себѣ тотъ классъ народа, въ которомъ несомнѣнно больше знанія, ума, больше талантовъ, и ихъ раздражало, что именно этотъ классъ имѣетъ большое вліяніе на общество и даетъ ему печать своего характера и тѣмъ существенно противудѣйствуетъ ихъ вліянію. Этотъ классъ народа, выдвинувшійся въ революцію, но при Наполеонѣ опять отодвинутый на задній планъ, и вновь сгруппировавшійся вокругъ хартіи, прозванъ французами м ѣ щ а н с к и м ъ (bourgeoisie); это т р е т і й к л а с с ъ первыхъ годовъ революціи, отъ котораго революція и началась и которому она принесла больше всего пользы. Этотъ классъ народа, хотя опомнившійся отъ опьяненія революціоннаго, все-таки сохранилъ въ себѣ часть ея духа и многія изъ ея идей. Прежде всего здѣсь не осталось и слѣдовъ древнефранцузскаго религіознаго настроенія, но къ несчастію, вмѣстѣ съ ханжествомъ и съ духомъ религіозной нетерпимости среднихъ вѣковъ, они истребили истинный, глубокій, чистый духъ христіанскаго ученія и довольствовались воззрѣніемъ Руссо и, еще хуже, Вольтера;

вмѣстѣ съ нимъ насмѣхались и кощунствовали надъ церковью и не щадили ни одного изъ ея учрежденій и постановленій; но и здѣсь, какъ вездѣ, большинство ничего само не сознавало, а слѣпо шло по слѣдамъ своихъ избранныхъ вождей и не путемъ отрицанія доходили до уразумѣнія чистой и святой правды. Во французскомъ либерализмѣ недоставало того изыскательнаго духа истины, какой мы встрѣчаемъ въ протестантизмѣ Германіи; послѣдній крѣпко держался за идеи христіанской истины и старался возсоздать ихъ по первымъ, древнѣйшимъ памятникамъ христіанства, тщательно отдѣляя отъ нихъ все, что къ нимъ пристало и налипло втеченіе столѣтій, который, не привязываясь ни къ какимъ постояннымъ постановленіямъ церкви, по словамъ апостола—изслѣдуетъ всѣ вещи и даже самую глубину Божества; но этого религіознаго направленія вообще мы не находимъ во французскихъ либералахъ того времени и такіе люди, какъ Ройе-Колларъ и Гизо, составляютъ отрадное исключеніе изъ числа нихъ. Къ несчастію Франціи, это было такъ и частію изъ этой причины развились всѣ послѣдующія потрясенія и несчастія ея, по этой же причинѣ всѣ ея революціи почти безслѣдно прошли для нея и не принесли ей такой пользы, какую, при другихъ обстоятельствахъ, должны бы были принести. Въ данную минуту органомъ, выраженіемъ настроенія этого класса можно принять Беранже; въ немъ вполнѣ отразился характеръ и образъ мыслей, преобладавшій въ среднемъ сословіи общества; безъ особенной глубины содержанія, въ его стихотвореніяхъ самымъ геніальнымъ образомъ ѣдкая насмѣшливость соединяется съ безнравственнымъ кощунствомъ и такъ какъ въ немъ находились элементы родственные большинству, то всеобщее сочувствіе сдѣлало его популярнымъ поэтомъ. Вскорѣ представился случай народу показать всю силу своей массы, а либеральной партіи, буржуазіи, поставить осязательный протестъ церковнымъ ходамъ и процессіямъ; либеральная партія всколыхнулась по случаю смерти самаго неутомимаго и честнаго поборника своего въ палатѣ депутатовъ, генерала Фуа. По случаю его похоронъ 28 ноября 1825 года, произошла колоссальная демонстрація. Пять часовъ сряду, при сильнѣйшемъ дождѣ длилась нескончаемая похоронная процессія, при мертвомъ молчаніи, пока не окончилась на кладбищѣ Père La Chaise. За гробомъ шли маршалы и перы Франціи, банкиры, депутаты и десятки тысячъ людей всѣхъ сословій; на могилѣ, Казиміръ Перрье произнесъ рѣчь, въ которой предлагалъ всѣмъ присутствующимъ, заплатить большой долгъ всего французскаго народа, если не самому этому великому гражданину, то его семейству, вдовѣ и пятерымъ малолѣтнимъ дѣтямъ, которыя остались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ нѣсколько мѣсяцевъ собранъ былъ милліонъ франковъ добровольныхъ приношеній; не осталось незамѣченнымъ и то, что и герцогъ Орлеанскій не отсталъ отъ другихъ; онъ подписался на 10,000 франковъ. Нѣкоторые подписались еще на большую сумму; Казиміръ Перрье пожертвовалъ вдвое больше, еще одинъ — крупный банкиръ Лафитъ впятеро больше.

Изъ всѣхъ непріятностей для господствующей партіи самая крупная заключалась въ томъ, что либералы и ненавистная буржуазія имѣли въ своихъ рукахъ—самый главный двигатель міра—капиталы, а это было безспорно. Не только въ томъ отношеніи можно было назвать среднее сословіе самымъ богатымъ, что въ числѣ его находились самые крупные капиталисты Франціи, но еще въ другомъ, болѣе обширномъ смыслѣ этого слова. Когда дѣло шло о пріобрѣтеніи денегъ, о желаніи и стремленіи разбогатѣть, какъ можно скорѣе, всякій становился буржуа. Даже дворянинъ стариннаго гордаго дома иногда пускался въ обороты и въ немъ начинала волноваться мѣщанская кровь: особенно въ биржевыхъ оборотахъ, въ спекуляціяхъ на поднимающіеся и падающіе фонды, высшіе ультра-монархисты и главы клерикальные подчинялись общему плебейскому духу своего вѣка; не даромъ увѣряли, что правительство покупало преданность не одного депутата тѣмъ, что во время давало имъ намекъ надобно ли покупать или продавать свои бумаги, т. е. вести спекуляцію à la hausse или à la baisse. Но не это одно при всѣхъ гоненіяхъ и при всѣхъ неудачахъ поддерживало мужество въ побѣжденныхъ и въ сердцѣ ихъ селило надежду на успѣхъ въ будущемъ. Либерализмъ, при столкновеніи съ іерархическими стремленіями, защищалъ права человѣчества и разума; даже между противниками, между консерваторами, были

честные люди, какъ напримѣръ г. Монлозье, которыхъ совѣсть понуждала высказаться противъ слишкомъ большаго присвоенія власти клерикальной партіи; онъ заявилъ это печатно цѣлымъ рядомъ статей, появившихся въ газетѣ роялистическаго направленія. Первое побужденіе къ этимъ статьямъ подалъ обуявшій всѣхъ религіозный дурманъ ю б и л е й н а г о г о д а, на который правительство смотрѣло очень серьезно; такъ какъ парижскій гарнизонъ не показывалъ намѣренія принять участія въ актахъ покаянія, къ которому его приглашали письменно, то окончилось тѣмъ, что эти покаянія ему были предписаны.

Но что здѣсь сказано въ умѣренныхъ выраженіяхъ, то въ горячихъ, полныхъ убѣжденія полемическихъ статьяхъ высказывалось въ журналахъ, издававшихся либералами. Здѣсь-то въ своихъ летучихъ статьяхъ они загоняли своихъ неуклюжихъ противниковъ, которыхъ планы, образъ мыслей и средства ими употребляемыя не выносили яркаго свѣта публичности; большинство приверженцевъ ихъ, къ тому же, составляли тѣ, для которыхъ не издаютъ ни книгъ, ни газетъ. Правда, противъ слишкомъ ѣдкихъ и ядовитыхъ выходокъ можно было искать защиты у суда, что и сдѣлалъ генералъ-прокуроръ въ отношеніи двухъ не вмѣру либеральныхъ журналовъ: Courrier и Constitutionnel; къ нимъ придрались за то, что они стремились подавить католическую религію и призвать новую революцію. Но этотъ шагъ былъ необдуманъ; онъ повелъ за собою процессъ, привлекшій на эти статьи общее вниманіе; въ блистательныхъ защитительныхъ рѣчахъ окончательно ясно и убѣдительно высказалось то, на что журнальныя статьи только слегка указывали, и кончилось тѣмъ, что обвиняемыхъ освободили и признали невинными, что равнялось очень постыдному пораженію противной партіи. Въ причинахъ извинительныхъ было очень ясно сказано, что хотя газеты, въ своихъ выраженіяхъ, заходятъ за границы дозволеннаго, однакожь заслуживаютъ снисхожденія и ихъ слишкомъ рѣзкія выходки смягчаются тѣмъ, что всякое нарушеніе правъ ихъ раздражаетъ; такъ напр. введеніе религіозныхъ обществъ, воспрещенныхъ законами отечества, распространеніе ученій, которыя подвергаютъ его свободу опасности, такъ дѣятельно производимое нѣкоторыми духовными лицами.

Какъ бы то ни было, но борьба съ революціоннымъ и либеральнымъ духомъ началась и ее надобно было довести до конца. Нельзя сказать, чтобы борьба эта, со стороны правительства и преобладающей партіи велась съ благоразуміемъ, умѣренностью и искусствомъ, напротивъ, ослѣпленіе было полное; такъ, напримѣръ роялистическая партія дѣлала промахи: епископъ стразбургскій Таринъ, сочинитель самой неблагоразумной изъ неблагоразумныхъ статей роялистическихъ, написанныхъ противъ свободы печати, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ отсталый и фанатическій, былъ въ это самое время сдѣланъ воспитателемъ маленькаго герцога Бордосскаго.

Изъ числа всѣхъ внѣшнихъ признаковъ, какіе характеризовали измѣнившійся духъ времени, болѣе всего бросалось въ глаза то, что всѣ внѣшнія формы отличавшія одно сословіе отъ другаго, сгладились, на зло всѣмъ любителямъ старины. Прямымъ путемъ устранить этого нельзя было; нельзя было законнымъ порядкомъ предписать дворянству нарядиться опять въ шитые кафтаны, желтые жилеты, шляпы съ перьями и къ боку прицѣпить имъ шпагу; однакожь надѣялись найти средство удержать общество отъ общей демократизаціи въ наружности и въ формахъ—искали инаго средства, чтобы за дворянствомъ оставить преимущества. Придумали сохранить земли въ однѣхъ рукахъ и помѣшать ихъ слишкомъ большому дробленію. Большіе поземельные владѣльцы всегда представляютъ самыя надежныя опоры для трона, они стоятъ на ряду съ духовенствомъ и заслуживаютъ самую большую довѣренность антіреволюціонной партіи; но такіе крупные землевладѣльцы готовы были исчезнуть; имѣнія ихъ дробились и могли расплыться въ безконечно малыхъ частицахъ. Такія опасенія заставили придумать законъ о м а й о р а т с т в ѣ; но такой законъ въ XIX вѣкѣ не могъ понравиться; нельзя было и подумать о томъ, чтобы в о з с о з д а т ь дворянство, какое только по причинѣ случайнаго стеченія обстоятельствъ и въ силу собственныхъ заслугъ, могло неизмѣнно существовать въ Англіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ.

Когда палаты были открыты въ 1826 году, палатѣ перовъ предложенъ былъ министромъ юстиціи Пэронне, ограниченнымъ формалистомъ, законъ о м а й о р а т с т в ѣ; по этому закону: имѣніе, платящее поземельной повинности болѣе 300

франковъ ежегодно, не могло идти въ раздѣлъ всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія; въ раздѣлъ поступала только та часть, какая, какъ необходимое обезпеченіе по обязанности отца въ отношеніи дѣтей, указана будетъ закономъ, а остальная не могла быть раздѣлена и цѣликомъ предоставлялась преимущественно старшему сыну. Не трудно было видѣть всѣ слабыя стороны этого проектированнаго закона. «Ежели изъ перворожденныхъ составится новая аристократія, замѣтилъ графъ Моле, то изъ младшихъ дѣтей составится опасная демократія.» Графъ Пасвіе съ своей стороны сказалъ: «Отца семейства законъ этотъ ставитъ въ ложное положеніе и подвергаетъ семейное счастье и миръ опасности; такой законъ нарушаетъ, безъ всякой нужды, въ мирное время, всѣ принятые обычаи народа,» а «законы, которые несогласны съ привычками и образомъ мыслей какого либо народа», сказалъ одинъ изъ умѣренныхъ ораторовъ, «только слова безъ всякаго значенія.» Только при очень ограниченныхъ умственныхъ способностяхъ можно было непринять во вниманіе всѣхъ возраженій и подобно министру настаивать на томъ, чтобы законъ былъ принятъ. Палата перовъ, показывавшая еще больше правительственнаго смысла и пониманія, нежели палата депутатовъ, отвергла этотъ законъ; такое рѣшеніе встрѣчено было въ Парижѣ и во всѣхъ департаментахъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, выразившимся фейерверками, иллюминаціями, и т. п. Одинъ параграфъ закона былъ только принятъ, но онъ не имѣлъ никакого значенія, развѣ только то, что вслѣдствіе его и весь законъ подвергнутъ былъ на разсмотрѣніе палаты депутатовъ, но и здѣсь поднялся горячій споръ и основанія его были отвергнуты. Одинъ изъ ультра-роялистовъ очень неловко раздражилъ буржуазію, указавъ на то, что въ настоящее время, какъ онъ выразился, образовалась новая феодальная система движимаго имущества и промышленной дѣятельности, которая подобно старой имѣетъ своихъ вассаловъ и своихъ крѣпостныхъ, и держитъ ихъ въ болѣе унизительномъ рабствѣ, чѣмъ прежняя, что этой феодальной системѣ надобно положить границы, пока она не выродится въ новую революцію.

Эта была мысль, на которой, въ послѣдующія времена текущаго столѣтія, сошлась аристократія съ пролетаріатомъ и вслѣдствіе которой во Франціи и въ другихъ государствахъ Европы образовались особаго рода союзы, между приверженцами реакціи и радикализма; пока же борьбу съ возрастающею силою этого «ленаго дворянства движимаго имущества» вела одна только роялистически-клерикальная партія и ея задача состояла въ томъ, чтобы, или сломить главное орудіе ея—свободу печати, или по крайней мѣрѣ ограничить ея могущество. Попытка клерикальной партіи, при помощи королевскаго пособія изъ казначейства, начать борьбу съ противниками на ихъ почвѣ и ихъ оружіемъ, не удалась; не было также успѣха въ ежедневныхъ публичныхъ преніяхъ въ защиту какого либо дѣла, по сущности своей не прямаго, а искусство выставить его въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, чтобы оно, покрайней мѣрѣ поверхностному наблюдателю, казалось справедливымъ, въ тогдашнее время еще не достигло того совершенства, какъ теперь; надобно было прибѣгнуть къ грубому насильственному средству, чтобы убить свободу слова противной партіи, мнѣній которой ни оспаривать, ни измѣнить не было возможности: надобно было издать новый драконовскій законъ противъ печати. Проектъ такого закона былъ предложенъ на разсмотрѣніе палатъ. Предположено было, каждую напечатанную статью, до ея появленія въ свѣтъ, предварительно представлять на разсмотрѣніе въ дирекцію печати и книжной торговли; тамъ сочиненіе оставалось 5 дней, если оно не превышало 20 печатныхъ листовъ, въ противномъ случаѣ 10 дней; за одинъ листъ полагалось пошлины за штемпель 1 франкъ, за всѣ послѣдующіе вмѣстѣ взятые 10 франковъ, что по вычисленіямъ знающихъ людей разорило бы три парижскихъ журнала. Самыя строгія мѣры были приняты противъ клеветы, ихъ могъ употреблять государственный стряпчій безъ особенной жалобы оклеветаннаго, по собственному своему усмотрѣнію; эти правила были такъ составлены, что каждое свободное слово критики могло быть принято за клевету. Этотъ законъ еще до того, какъ его начали разбирать въ палатѣ, нашелъ живѣйшую оппозицію въ печати и не удивительно, она отстаивала свое существованіе. И въ палатѣ, исключая меньшинства либеральной партіи, законъ этотъ былъ встрѣченъ, какъ невозможный и неисполнимый, потому что при развитіи, до котораго достигла французская пресса, непосредственно отъ него постра-

дали бы интересы сотни тысячъ людей, не говоря ужь о посредствующемъ вредѣ, какой былъ бы нанесенъ милліонамъ. Защитникамъ этого закона негдѣ было взять поразительныхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія и они ограничились общими жалобами на необузданный языкъ газетъ; самый логическій изъ всѣхъ противниковъ прессы былъ депутатъ Салаберри, который вообще осуждалъ книгопечатаніе; онъ говорилъ—что это единственная кара, которой въ древнія времена Богъ не поразилъ Египетъ; предположенный законъ онъ находилъ даже слишкомъ слабымъ, чтобы обуздать «враговъ общаго блага, въ тоже время враговъ нашей церкви и нашего короля.» Бенжаменъ Констанъ употребилъ тотъ же аргументъ и возразилъ: чего тутъ церемониться; будетъ гораздо правильнѣе запретить и истребить книгопечатаніе вообще. Гораздо основательнѣе и съ гораздо болѣе глубокимъ чувствомъ Ройе-Колларъ разсматривалъ вопросъ и съ грустью указывалъ на то, какъ низко пала Франція со временъ реставраціи, если палата можетъ разсуждать и спорить о такомъ предметѣ. Онъ очень ловко замѣтилъ, что подобный законъ только доказываетъ, что государствомъ управляетъ не король, не какое либо правительственное учрежденіе, даже не партія, а одна только частица ея (faction) задаетъ тонъ. «Я не стану спрашивать, какъ называется эта факція, я буду судить о ней по ея дѣламъ. Сегодня она намъ предлагаетъ уничтожить свободу печати, въ прошломъ году она выкопала средневѣковый законъ первородства, въ третьемъ году законъ о святотатствѣ. Такъ она постоянно идетъ назадъ, она стремится утвердить свое могущество и свою силу на фанатизмѣ, на привиллегіяхъ, на невѣжествѣ и на варварствѣ.» На такіе доводы Виллелю нечего было отвѣчать. Хотя онъ былъ человѣкъ съ свѣтлою и логической головой, но онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы назвать свободу печати единственной тираніей, тяготѣющей надъ Франціей, разрушающей ея благосостояніе и ея внутреннюю безопасность. Перонне, твердо вѣрившій въ непогрѣшимость своего закона, говорилъ: «Мы нуждаемся въ свободѣ... мы безъ большой свободы жить не можемъ... но не такой свободы, которая только позоритъ имя свободы, которая съ дерзостью называетъ милость—жестокостью, неизмѣнную крѣпость—тираніей, истинное богопочитаніе—предразсудкомъ, благосостояніе—нищетою, вѣрное исполненіе законовъ—произволомъ, безопасность страны въ самомъ обширномъ смыслѣ слова—рабствомъ; если на эти, сотни разъ повторенныя неправды, смотрѣть какъ на правду если истину называть ложью, добродѣтель—порокомъ, вѣрность — измѣной, душевную твердость — слабостью, любовь къ исполненію обязанностей—раболѣпствомъ, то я безъ страха и спокойно утверждаю, что такая свобода есть бичъ для народа и что на насъ лежитъ обязанность поставить ей границы и строго слѣдить за нею...» Палата депутатовъ смягчила нѣкоторые пункты закона и приняла его большинствомъ 233 голосовъ противъ 134.

Но надежда, что и палата перовъ приметъ этотъ законъ, разсѣялась. Комиссія, назначенная для разсмотрѣнія закона и для того, чтобы изложить его, такъ много измѣнила въ немъ, что онъ вышелъ совсѣмъ противнымъ тому, чего министры отъ него ожидали; чтобы не потерпѣть такого постыднаго пораженія, они предпочли взять законъ назадъ и не допускать его до преній. Извѣстіе объ этомъ, какъ электрическая искра, пробѣжало по всей Франціи и вездѣ было такое же шумное и громкое изъявленіе радости, какъ при паденіи закона о первородствѣ; въ тотъ же вечеръ яркая иллюминація освѣтила улицы Парижа, народъ бродилъ большими, взволнованными толпами; то тутъ, то тамъ онѣ сталкивались и ссорились съ полиціей.

Нѣсколько дней спустя, король прибавилъ новую ошибку къ ошибкамъ своихъ министровъ. Напали на мысль воспользоваться веселымъ настроеніемъ народа, по случаю уничтоженія закона о печати, и устроить для короля пріятный сюрпризъ народной овоціи, чего онъ и желалъ, и надѣялся; съ этой цѣлью устроили большой смотръ національной гвардіи 29 апрѣля 1827 года. Все шло хорошо: король, во главѣ блистательной свиты, съ дофиномъ и герцогомъ Орлеанскимъ, проѣзжалъ верхомъ по рядамъ національной гвардіи: его единодушно и весело привѣтствовали крикомъ «vive le roi!» но въ одномъ мѣстѣ къ этому привѣтствію примѣшалось восклицаніе: «долой министровъ, долой іезуитовъ!» «Я сюда пріѣхалъ затѣмъ, чтобы меня привѣтствовали, чтобы мнѣ радовались, а совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы мнѣ дѣлали наставленія», сердито замѣтилъ король, когда воскли-

ціе повторилось подлѣ него. Совѣтъ министровъ былъ созванъ, и на слѣдующій день обнародованъ былъ декретъ, распускавшій національную гвардію. Мѣра въ высшей степенине благоразумная; она пробудила въ среднемъ сословіи неудовольствіе и опасеніе и придала этой, вовсе не опасной игрѣ средняго сословія, значеніе, какого это вооруженіе гражданъ никогда не имѣло.

Къ числу своихъ неудачныхъ распоряженій правительство прибавило еще одно, само по себѣ очень хорошее постановленіе, но которое вовсе не согласовалось съ цѣлой системой правленія и потому было неумѣстно. Министръ юстиціи предложилъ, при составленіи списковъ присяжныхъ, за основаніе брать списки избирателей, которые такимъ образомъ ежегодно будутъ провѣряемы, опубликованы и подвергнуты судебному контролю. Палата перовъ къ этому еще присовокупила съ своей стороны, чтобы въ спискѣ присяжныхъ рядомъ съ избирателями были вписаны имена тѣхъ, которые отличаются научнымъ образованіемъ, или замѣчательны своими обширными торговыми, или промышленными предпріятіями; такимъ образомъ государство получало полный обзоръ своихъ избирательныхъ лицъ и слѣдовательно, гарантію отъ безчестности, съ какою въ послѣднее время поступали при составленіи списковъ избирателей.

Такъ кончились сессіи 1826 — 27 годовъ, замѣчательныя по важнымъ послѣдствіямъ, какія они повели за собою. Изъ всѣхъ мѣткихъ выраженій, сказанныхъ въ рѣчахъ, самое вѣрное было сказанное Ройе-Колларомъ, что правительство есть только факція, а не правительство страны, или короля. Министръ Виллель въ эту критическую минуту выказался настоящимъ начальникомъ партіи, а не руководителемъ политической жизни великаго государства, положеніе котораго, вслѣдствіе враждующихъ и борющихся между собою противоположныхъ партій, постоянно требовало мудрыхъ и умѣренныхъ мѣръ. Виллель рѣшился, посредствомъ новаго обширнаго выбора палаты перовъ, устранить и уничтожить разладъ, существующій между перами и большинствомъ палаты депутатовъ; по смыслу хартіи королю безспорно предоставлено было это право, но употребить такое насиліе въ дѣло было опасно и неблагоразумно. Если онъ думалъ достигнуть этой цѣли, то ему нужно было, по большей части, новыхъ перовъ выбрать изъ числа преданныхъ ему членовъ палаты депутатовъ; онъ полагалъ, основываясь на донесеніяхъ близорукихъ и незнающихъ чиновниковъ и на собственныхъ самолюбивыхъ наблюденіяхъ, что при новыхъ выборахъ онъ опять на своей сторонѣ будетъ имѣть большинство. Итакъ, онъ сдѣлалъ роковой шагъ; королевскій приказъ, отъ 6 ноября 1827 года, распустилъ палату перовъ; второй приказъ, отъ того же дня однимъ разомъ возвелъ въ достоинство перовъ 76 лицъ. Въ одно время съ этимъ опять отмѣнена была цензура, которую было введи немедленно послѣ закрытія сессій, и собраніе новой палаты перовъ назначено на 5 февраля 1828 года.

Избирательное движеніе, давно уже подготовленное, началось съ такою неожиданною силою, что невозможно было его остановить, или направить его обыкновенными, до сихъ поръ употребительными способами. Потокъ либеральныхъ теченій, взволнованный странными и неразумными постановленіями послѣднихъ лѣтъ, порвалъ всѣ свои преграды и свободно полился по своему руслу; на этотъ разъ либеральная партія должна была побѣдить, взять перевѣсъ, или окончательно подчиниться безъ всякой надежды на исходъ, или по крайней мѣрѣ на исходъ законнымъ порядкомъ. Но бояться нечего было, положеніе было выгодное. Либеральная партія могла съ основаніемъ сказать, что она поддерживаетъ существующій порядокъ, хартію, существованіе которой подвергалось опасности со стороны правительства, если не въ смыслѣ писанной буквы, то по-крайней мѣрѣ въ своей сущности и внутреннемъ значеніи; программой дѣйствій либеральной партіи сдѣлалось: «за хартію и за одну только хартію»; къ этому взгляду на вопросъ присоединилось значительное количество консерваторовъ, вѣрующихъ и преданныхъ Бурбонамъ роялистовъ, приверженцевъ Шатобріана, которые ненавидѣли Виллеля и преимущественно упрекали его въ томъ, что онъ черезъ массу вновь произведенныхъ перовъ подорвалъ значеніе палаты перовъ, пошатнулъ значеніе, какое имѣло эта часть законодательной силы и тѣмъ лишилъ королевство одной изъ его самыхъ прочныхъ опоръ. Въ собраніяхъ, какія составлялись по случаю выборовъ, въ обществѣ друзей свободы печати, общества «Aide-toi, le ciel t'aidera», кон-

серваторы, какъ напримѣръ Шатобріанъ, герцогъ Броліо и т. д., сидѣли рядомъ съ либералами; слѣдствіемъ такого согласія было полное пораженіе правительственной партіи. Всѣ восемь парижскихъ депутатовъ принадлежали къ либеральной партіи, въ числѣ ихъ самыя выдающіяся личности были: Ройе-Колларъ, избранный депутатомъ въ семи отдѣльныхъ округахъ одновременно, Дюпонъ де-л'Еръ (Dupont de l'Eure), банкиръ Лафиттъ, Казимиръ Перье и писатель Бенжаменъ Констанъ. Въ такомъ же родѣ окончились выборы; о старинномъ большинствѣ роялистической партіи не было больше рѣчи; даже попытка вызвать волненіе по случаю выборовъ, какъ нѣкоторые полагали, устроенное самою полиціей, ни къ чему не повела, потому что настоящаго волненія не было и правительство могло быть спокойно; какъ ни хотѣлось Виллелю, но онъ принужденъ былъ выпустить изъ своихъ рукъ правительственную власть. Января 3 1828 года министерство, главою котораго онъ былъ, было уволено. Морскому министру Шабролю, оставшемуся на своемъ мѣстѣ, поручено было составить новое министерство. Утвержденный королемъ списокъ министровъ заключалъ въ себѣ слѣдующія имена: министръ финансовъ графъ Руа, канцлеръ—графъ Портализъ, министръ иностранныхъ дѣлъ—графъ де-ла-Фероннэ, министерство народнаго просвѣщенія, отдѣленное отъ министерства духовныхъ дѣлъ, поручено было Ватименилю, военный министръ—де-Ко; министръ внутреннихъ дѣлъ, самый замѣчательный изъ этого министерства—виконтъ Мартиньякъ. Онъ родился въ 1776 году, былъ первоначально адвокатомъ, но при Виллелѣ занималъ нѣсколько высшее назначеніе и былъ гражданскимъ комиссаромъ во время войны въ Испаніи, по случаю французскаго вмѣшательства; это былъ человѣкъ ловкій, опытный въ дѣлахъ, съ характеромъ, заслуживавшимъ полнаго уваженія, съ пріятною наружностью и привлекательными манерами; теперь ему представился случай выказать имѣетъ ли онъ право на названіе государственнаго человѣка. На его долю выпало трудное время и задача нелегкая.

Нельзя сказать, чтобы онъ удовлетворительно разрѣшилъ ее, но онъ разрѣшилъ ее почетнымъ для себя образомъ и тѣмъ занялъ очень замѣтное и почетное мѣсто между очень ограниченнымъ числомъ честныхъ, осмотрительныхъ и осторожныхъ государственныхъ людей Франціи. Король вовсе не скрывалъ, что съ сожалѣніемъ разстается съ своимъ прежнимъ министерствомъ. «Система господина Виллеля, говорилъ онъ, моя система». Теперь онъ хотѣлъ попытаться успокоить взволнованныя массы народа нѣкоторыми уступками, но только на время, до лучшей, благопріятнѣйшей поры. Онъ ожидалъ не много пользы отъ этой политики уступчивости; въ глубинѣ души его таилось воспоминаніе о 14 § хартіи, по которому королю предоставлялось право давать такіе законы, какіе понадобятся для безопасности и спокойствія народа; опираясь на этотъ параграфъ, онъ думалъ, что имѣетъ право, не нарушая присяги, во всякое время опять возвратить себѣ самодержавную королевскую власть.

На первое время онъ, однакожь, министрамъ, о способностяхъ которыхъ не имѣлъ высокаго понятія, предоставилъ свободу дѣйствія. Чтобы успокоить и привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, король согласился удалить нѣкоторыя лица и приблизить другія, болѣе популярныя; онъ назначилъ комиссію для ближайшаго осмотра народныхъ училищъ и для управленія ими, но комиссія эта составлена была преимущественно изъ іезуитовъ. Тронная рѣчь, произнесенная при открытіи засѣданій палатъ, ограничилась общими мѣстами. Изъ числа кандидатовъ, представленныхъ палатою депутатовъ на мѣсто президента, король выбралъ Ройе-Коллара, извѣстнаго даже королю своимъ честнымъ, твердымъ характеромъ, откровеннымъ, конституціонно-роялистическимъ образомъ мыслей; онъ ему довѣрялъ, несмотря на то, что вообще на всякаго человѣка съ либеральнымъ направленіемъ смотрѣлъ какъ на тайнаго якобинца. Палата депутатовъ еще колебалась; у нея опредѣленнаго направленія еще не составилось. Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь была употреблена фраза, что нужды и жалобы Франціи до сихъ поръ не были удовлетворены плачевною системою (deplorable) правленія и что обѣщанія его величества до сихъ поръ не были исполнены; адресъ былъ принятъ большинствомъ 34 голосовъ и поданъ. Король негодовалъ; онъ хотѣлъ тотчасъ же распустить палату. Министрамъ пришлось выразиться энергично, что и они въ такомъ случаѣ подадутъ въ отставку; это подѣйство-

вало: король подавилъ свое негодованіе и отвѣчалъ депутаціи палаты съ тактомъ и нежество.

Изъ министерства вышли послѣдніе представители стараго порядка вещей, и оно могло съ большею увѣренностію идти своимъ путемъ. При содѣйствіи одинаково настроенныхъ: морскаго министра Гида Невилля и министра духовныхъ дѣлъ, епископа Фетрье, палатѣ депутатовъ предложенъ былъ проектъ закона о ежегодномъ пересмотрѣ списка присяжныхъ и списка избирателей и другой законъ, касательно печати; на тотъ и другой только съ трудомъ можно было получить согласіе короля, но они для народа могли служить яснымъ доказательствомъ, что правительство намѣрено содѣйствовать прямому и законному развитію его свободы, безъ всякой затаенной задней мысли. Первый изъ этихъ законовъ, предназначенный обезопасить свободу выборовъ, былъ принятъ палатой депутатовъ рѣшительнымъ большинствомъ голосовъ; и палата перовъ, такъ значительно измѣненная производствомъ новыхъ перовъ при Виллелѣ, съ своей стороны приняла этотъ законъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Новое постановленіе о печати устраняло всѣ существующія ограниченія, и одно изъ нихъ, главное—лишало правительство права вводить новыя цензурныя постановленія въ промежутокъ времени между закрытіемъ и открытіемъ засѣданій палатъ; денежныя гарантіи, при началѣ новаго журнала, или газеты, оставлены въ прежней силѣ. Въ рѣчи, произнесенной министромъ Порталисомъ, въ защиту составленнаго имъ проекта закона, онъ самымъ убѣдительнымъ образомъ изложилъ основныя и обдуманныя причины, заставлявшія предлагать этотъ законъ; онъ говорилъ: душа конституціоннаго правленія есть публичность, а она тамъ только достигаетъ своего назначенія, гдѣ газеты и журналы не составляютъ монополіи и свободно могутъ высказывать свое мнѣніе; наказаніе за употребленіе во зло предоставленной свободы отдавалось во власть суда; денежные залоги при началѣ повременнаго изданія оправдывалъ онъ тѣмъ, что при всякомъ значительномъ общественномъ предпріятіи нельзя избѣгнуть общепринятыхъ условій о залогахъ. Нѣкоторые приверженцы лѣвой стороны высказали свое мнѣніе противъ этого закона, потому что онъ не удовлетворялъ всѣхъ требованій ихъ о свободѣ печати. Они увлекались своею мыслью до того, что высказали оскорбительное для министра выраженіе, будто этотъ законъ продиктованъ партіей, которая сильнѣе его. Но на этотъ разъ большинство не увлеклось парадоксомъ, какъ это часто случается въ парламентскихъ преніяхъ; удовольствовались тѣмъ, что залоги на журналъ съ 200,000 фр. уменьшили на 120,000 фр. и что нѣкоторые законы, касательно наказаній, были смягчены; какъ бы то ни было, законъ былъ принятъ большинствомъ 266 голосовъ, противъ 116. Въ палатѣ перовъ повторилось то же, и здѣсь законъ былъ принятъ большинствомъ 139 голосовъ противъ 71; пренія въ обѣихъ палатахъ имѣли то великое достоинство, какое всегда проистекаетъ, когда образованные и знающіе люди разсматриваютъ какой нибудь вопросъ: они разобрали со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія вопросъ объ общественномъ благѣ, разъяснили его и тѣмъ успокоили страсти и просвѣтили взглядъ на вещи. Еще важнѣе былъ вопросъ объ іезуитахъ. Министерство начало съ того, что возстановило права нѣкоторыхъ наставниковъ, потерявшихъ въ министерство Виллеля всякую возможность приносить пользу на избранномъ ими поприщѣ дѣятельности; въ числѣ этихъ ученыхъ, парализованныхъ недальновиднымъ министерствомъ, мы встрѣчаемъ знаменитыя имена: Кузена, Гизо, Рекамье, Мишо, Вильменя и др. За тѣмъ, еще до того, какъ вопросъ о іезуитахъ былъ поднятъ въ палатахъ, королю предложено было согласиться на два закона: 1) чтобы восемь іезуитскихъ коллегій подчинены были наблюденію университетовъ; 2) чтобы впередъ никому не позволено было открывать свѣтскаго или духовнаго училища, или стоять во главѣ его, безъ того, чтобы не дать письменнаго удостовѣренія въ томъ, что не принадлежитъ ни къ одному изъ обществъ, какихъ не допускаютъ законы Франціи. Король подписалъ законы; совѣсть его, хотя и возмущалась, но она успокоилась, когда увидѣла, что клерикальная партія съ каждымъ днемъ становится требовательнѣе и даже оскорбляла его раздражительное самолюбіе. Приверженцы этой партіи не довольствовались тѣмъ, что ссылались на отдѣльныя статьи хартіи, какъ напримѣръ на ту, по которой всякому французу открытъ доступъ ко всѣмъ гражданскимъ и военнымъ должностямъ,

или съ ловкостью, свойственной ультрамонтанамъ, которые чувствуютъ свое безсиліе, ссылались на свободу, какою могли во Франціи пользоваться образованіе и училища; по этому пункту каждому французскому отцу семейства предоставлялась полная свобода воспитывать дѣтей своихъ, гдѣ и какъ ему угодно. Но этого было мало; архіепископъ тулузскій, Клермонъ-Тоннеръ подалъ отъ имени французскаго епископства памятную записку, въ которой коротко и ясно сказано было, что духовенство ни подъ какимъ видомъ не допуститъ свѣтской власти вмѣшиваться въ преподаваніе духовныхъ училищъ: «Мы день и ночь возсылаемъ наши молитвы къ Богу за христіаннѣйшаго короля, но—прибавляли они словами писанія, которое католическая іерархія употребляла во всѣ времена какъ оружіе, когда свѣтская власть въ чемъ нибудь становилась ей поперекъ дороги—но мы не забываемъ заповѣди Господней, по которой мы обязаны повиноваться прежде божескимъ, чѣмъ человѣческимъ законамъ.» Но на этотъ разъ столкновеніе тѣмъ и окончилось. Правительство было поставлено передъ лицомъ очень сильнаго общественнаго мнѣнія; король видѣлъ себя вынужденнымъ подавить свои личныя симпатіи къ духовнымъ оппонентамъ; они обратились къ папѣ, но и онъ хорошо помнилъ, чѣмъ обязана церковь этому набожнѣйшему изъ всѣхъ французскихъ королей, и потому не захотѣлъ раздражать его и предписалъ епископамъ повиноваться постановленіямъ его и довѣрить свое благо и благо французскаго духовнаго юношества высокому духу благочестія и мудрости короля. Епископы подчинились, исключая епископа тулузскаго, которому за это запрещенъ былъ пріѣздъ ко двору.

Такимъ образомъ счастливо окончились парламентскія сессіи; опять можно было надѣяться, что страсти улягутся, что противорѣчащій духъ партій смягчится и произойдетъ общее сближеніе ихъ. Доказательствомъ такой обоюдной уступчивости можетъ служить способъ, какимъ обошлись съ жалобой на предшествующее министерство, поданной 14 іюня однимъ изъ членовъ палаты депутатовъ: по рѣшенію большинства, не дано было хода этой жалобѣ; при совѣщаніяхъ на счетъ бюджета поднялись было справедливыя жалобы на слишкомъ большое число чиновниковъ, но несмотря на ярую с т р а с т ь къ общей б е р е ж л и в о с т и, которую палаты старались провести, гдѣ можно было, и которую совѣтовали всѣмъ и каждому, все-таки бюджетъ, безъ большихъ затрудненій, былъ утвержденъ; но болѣе всего обнаружился духъ примиренія въ громадномъ большинствѣ голосовъ, которымъ разрѣшенъ былъ министерству заемъ въ 80 милліоновъ. Политика правительства въ этомъ отношеніи нашла общее одобреніе. Общественное мнѣніе Франціи уже съ давнихъ поръ сочувствовало греческой войнѣ за независимость; извѣстіе о побѣдѣ при Наваринѣ произвело здѣсь общій безраздѣльный восторгъ, даже больше, нежели въ Англіи; когда же вопросъ объ освобожденіи Греціи окончательно былъ рѣшенъ договоромъ 6 іюля 1827 г., на экспедицію, снаряжавшуюся подъ начальствомъ генерала Мэзона, назначенную для того, чтобы силою оружія утвердить независимость Морен, во Франціи смотрѣли съ чувствомъ общаго и живѣйшаго удовольствія. Недоразумѣнія съ Бразиліей окончились очень удовлетворительнымъ и почетнымъ для Франціи образомъ; старинное несогласіе съ алжирскимъ беемъ, хотя и не было окончено, но французскіе военные корабли удерживали алжирскихъ корсаровъ въ гаваняхъ. Франція мало-по-малу опять становилась на ту высоту, которая была необходимымъ условіемъ ея могущества.

Благодѣянія мира обнаруживались въ постепенно возрастающемъ благосостояніи и богатствѣ народномъ. Умы и страсти мало-по-малу успокоивались при благоразумныхъ и умѣренныхъ мѣрахъ, какія проводило министерство Мартиньяка; языкъ печати становился умѣреннѣе; когда же отдѣльныя личности дѣлали непозволительныя выходки, виновныхъ призывали въ судъ и наказаніе всегда бывало дѣйствительно и достаточно сильно. Такъ, напримѣръ, по закону, популярный поэтъ Беранже за свои выходки присужденъ былъ къ девятимѣсячному тюремному заключенію; другой писатель за неприличное и дерзкое прозвище «mouton enragé», данное имъ королю, поплатился пятилѣтнимъ заключеніемъ и пенею въ 10,000 фр.; третій за очень недвусмысленное пророчество о будущемъ величіи Орлеанскаго дома присужденъ былъ къ 15 мѣсячному аресту и 2000 фр. штрафу. Когда же король осматривалъ осенью 1828 года восточные департаменты, Эльзасъ и Лотарингію, народъ повсюду принималъ его съ громкими изъявленіями восторга.

«Видите ли, сказалъ онъ, обращаясь къ министру, видите ли, господинъ Мартиньякъ, народъ кричитъ: да здравствуетъ король, а вовсе не—да здравствуетъ хартія.» Подъ этимъ впечатлѣніемъ король упрямо отказывался отъ новыхъ либеральныхъ назначеній, которыя министры очень благоразумно совѣтовали ему, потому что видѣли громадную пользу отъ того, если привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ, особенно сильныхъ и вліятельныхъ людей. Когда въ 1829 году 17 января открылись новыя засѣданія палатъ, въ тронной рѣчи все-таки чувствовалось благодѣтельное вѣяніе теплаго чувства: король говорилъ о томъ, что съ каждымъ днемъ преданность народа для него становится яснѣе и что это сознаніе дѣлаетъ для него задачу правленія все легче и легче; говорилъ о совмѣстности и о возможности соединить королевское достоинство съ свободою народа, основанною на хартіи и гарантированною имъ. «Ваше призваніе, господа, состоитъ въ томъ, чтобы тѣснѣе и прочнѣе укрѣпить эту связь; вы, какъ вѣрные сыны Франціи, исполните возложенную на васъ обязанность, а въ помощи вашего короля вы не будете нуждаться, онъ всегда будетъ содѣйствовать вамъ, и вы заслужите признательность всего народа.» Эти благородныя, исполненныя примирительнаго духа слова были съ восторгомъ встрѣчены обѣими палатами. «Я отдаю тронной рѣчи дань моего нижайшаго уваженія; она разсѣяла многія опасенія, и исполнила почти всѣ наши надежды,» сказалъ одинъ изъ ораторовъ либеральной партіи: «положеніе Франціи удовлетворительнѣе, чѣмъ когда либо, я повсюду вижу довольство и надежду,» замѣтилъ Лафиттъ. При большинствѣ 213 голосовъ противъ 8 принятъ былъ адресъ, который въ сущности былъ только повтореніемъ тронной рѣчи; одни только ультра-роялисты роптали, не захотѣли принять участія въ подачѣ голосовъ и вышли изъ засѣданія.

Теперь предоставлено было либеральной партіи поддержать правительство, положеніе котораго все-таки было сомнительно, при извѣстномъ образѣ мыслей короля и при томъ, что представители самыхъ противоположныхъ партій не переставали нашептывать ему то то, то другое. Въ положеніи Франціи съ давнихъ временъ гнѣздилось внутреннее противорѣчіе—противорѣчіе, роковое для будущей судьбы страны и объясняющее всѣ послѣдующія катастрофы, тяготѣвшія надъ нею; противорѣчіе это заключалось преимущественно въ томъ, что по конституціи гражданамъ предоставлялось слишкомъ много вліянія на общественныя дѣла государства и ни малѣйшаго на внутреннее управленіе приходовъ и общинъ. Они выбирали законодателя государства, но правительство назначало имъ мера. Нужно ли бывало въ деревнѣ поправить, или построить мостъ на рѣкѣ, протекавшей подлѣ домовъ, или построить, или поправить домъ для училища, провести или исправить полевую дорогу, община ничего не могла сама сдѣлать: меръ объ этомъ дѣлѣ съ представленіемъ входилъ къ префекту, а отъ префекта оно шло къ министру и разрѣшеніе возвращалось тѣмъ же далекимъ путемъ. Честолюбивый человѣкъ, передъ которымъ, путемъ выборовъ, открывались двери палаты депутатовъ, который могъ имѣть вліяніе на жизнь государства, который своимъ умомъ и краснорѣчіемъ находилъ возможность отличиться на аренѣ горячихъ политическихъ споровъ и мнѣній, возвратившись на родину, по справедливости могъ бы получить должность префекта, или су-префекта и могъ бы, кажется, найти тутъ пищу и полезную дѣятельность для своего честолюбія: но тутъ-то именно и не приходилось ему употреблять въ дѣло свою опытность и свое знаніе на пользу своей деревни, своего округа, или своего департамента. Доказательствомъ истиннаго знанія государственныхъ нуждъ можетъ служить то, что Мартиньякъ предвидѣлъ опасность, какая кроется для Франціи въ томъ, что всѣ помыслы и стремленія народа направлены на политическое состояніе отечества и слишкомъ мало на мелкую, ближайшую дѣятельность его внутренняго міра. Онъ попытался распространить свое цѣлительное вліяніе и на это больное мѣсто въ государствѣ.

Онъ предложилъ палатамъ два закона: муниципальный и департаментскій. Первый изъ нихъ клонился къ устройству общиннаго, окружнаго правленія. Въ каждый приходъ, общину, городъ, или деревню правительство по прежнему должно было назначать мера, но ему въ помощь предполагалось дать общинный совѣтъ, составленный изъ лицъ, платящихъ самыя большія подати,

изъ гражданъ, заслужившихъ общее уваженіе и назначаемыхъ и выбранныхъ собраніемъ нотаблей; право распустить такой совѣтъ правительство удерживало за собою; совѣту вмѣстѣ съ меромъ въ городахъ и съ его помощникомъ въ деревняхъ, тоже назначаемымъ правительствомъ, предоставлялось право свободно распоряжаться ближайшими дѣлами управленія. По департаментскому закону, членовъ окружнаго совѣта и членовъ совѣта департамента предполагалось избирать, тогда какъ до сихъ поръ ихъ назначало правительство; избраніе должно было производиться такъ: члены окружнаго совѣта (arrondissement) выбирались собраніемъ кантоновъ изъ числа платящихъ самыя большія повинности и нотаблей кантона, или частнаго округа; а члены совѣта департамента черезъ окружныя собранія, и тутъ тоже подлежали выбору платящіе самыя большія подати въ округѣ, или нотабли округа. Тотъ и другой совѣты имѣли нѣкоторое вліяніе на назначеніе и распредѣленіе податей; имъ поручалась повѣрка, контроль расходовъ префектовъ.

Проектированные законы, само собою разумѣется, были не безукоризненны; чтобы получить на нихъ согласіе короля, надобно было много толковать, доказывать, измѣнять, потому что онъ все еще съ предубѣжденіемъ и съ опасеніемъ смотрѣлъ на все, что носило на себѣ печать демократическихъ учрежденій. Какъ бы то ни было, но можно было приблизительно положить, что черезъ эти законы болѣе 300,000 гражданъ получатъ права и обязанности, которыя дадутъ имъ возможность дѣйствовать на пользу своихъ ближайшихъ согражданъ прямѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ при всѣхъ правахъ, посредствомъ которыхъ они до сихъ поръ имѣли вліяніе на общую политику. Но главное, это былъ рѣшительный шагъ, сдѣланный въ настоящемъ направленіи; рѣдко во французской палатѣ депутатовъ произносились такія дѣльныя и глубокія по своему государственному смыслу рѣчи какъ та, которую Мартиньякъ произнесъ, когда вносилъ эти законы въ палату депутатовъ. Онъ поставилъ слушателей на высокую, идеальную точку зрѣнія, которая въ тоже время была и очень практическою. «Конституціонная хартія, таковъ былъ ходъ его мыслей въ этой рѣчи, неизмѣнна; Франція приняла ее съ убѣжденіемъ; это гавань, въ которую укрылись послѣ долгой бури. Посредствомъ конституціонныхъ учрежденій интересы къ ходу общественной жизни пробуждены, далеко распространены и честолюбіе сильно возбуждено; и дѣятельности этого честолюбія, принимающаго такое живое участіе во всѣхъ дѣлахъ и интересахъ страны, надобно поставить многочисленныя и достижимыя цѣли.

«Не одно только государство имѣетъ свои интересы, ихъ имѣетъ также каждый приходъ, округъ, департаментъ; разныя усовершенствованія, постройки общественныя ждутъ только дѣятелей. . . . Общее духовное движеніе какой либо націи неудержимо идетъ впередъ, его надобно только благоразумно направлять, его надобно дробить на части, для того, чтобы напоръ не былъ слишкомъ силенъ, и его надобно направлять на общую пользу народа. Эта усиливающаяся народная дѣятельность, сосредоточенная въ центрѣ королевства и направленная въ одну только сторону, можетъ быть опасна для общаго спокойствія; но призовите ее къ разнымъ точкамъ, дайте ей разнообразную пищу и тогда найдется возможность смягчить ее и употребить съ пользою.» Онъ могъ бы еще прибавить, что дѣятельность, обращенная на то, что стоитъ ближе всего и что лучше всего знакомо человѣку—лучшая школа для того, чтобы пріучить его благоразумно владѣть своими политическими правами; потому что очень часто толкуютъ о высшихъ политическихъ партіяхъ, о конституціонныхъ формахъ и т. д. очень многорѣчиво и долго, прежде чѣмъ слушатель, да и самъ ораторъ замѣтитъ свою несостоятельность, а между тѣмъ при обсуживаніи ближайшихъ, болѣе простыхъ и доступныхъ дѣлъ, тотчасъ приходится понять на опытѣ, что дѣло сперва надобно понять, а потомъ уже говорить о немъ. Въ подобныхъ правилахъ таилось спасеніе Франціи и на эти законы по крайней мѣрѣ можно было смотрѣть, какъ на начальную попытку осуществить эти спасительныя мѣры. Всякое начало трудно, но начало здравыхъ политическихъ внутреннихъ реформъ въ странѣ, истерзанной революціями, еще труднѣе: невыразимыя, непонятныя заблужденія либеральной партіи были причиной, что даже это начало преобразованій не было допущено. Реактивная партія не ошиблась въ своемъ разсчетѣ, ожидая, что доктринерные либералы

въ своихъ стремленіяхъ къ дальнѣйшимъ, болѣе выгоднымъ цѣлямъ, упустятъ изъ виду то хорошее, что у нихъ находится подъ руками. Коммиссіи изложили свои предположенія: въ loi municipale (муниципальномъ законѣ) самое важное измѣненіе заключалось въ томъ, что хотя правительство должно было назначать меровъ въ городахъ, но выбирать ихъ не иначе, какъ изъ совѣта общины, составленнаго тоже по выбору; при окружномъ совѣтѣ (loi départementale) напротивъ измѣненія были гораздо глубже и фундаментальнѣе: вмѣсто того, чтобы право выборовъ предоставить платящимъ самые высокіе налоги, оно было предоставлено «всѣмъ, имѣющимъ право подавать голосъ при выборѣ депутатовъ,» этимъ отбрасывалось посредствующее звѣно—окружной совѣтъ; требовали избранія департаментскаго совѣта въ собраніяхъ кантоновъ, или округовъ: или, проще сказать, этимъ закономъ хотѣли придать управленію какъ можно болѣе демократическій характеръ, забывая, что въ этихъ проектахъ уже предлагалось все то, что только можно было получить отъ короля.

Казалось, что соглашеніе на счетъ муниципальнаго закона еще возможно, и потому разсматривать начали прежде этотъ законъ, чтобы по крайней мѣрѣ провести его. Но лѣвая сторона шумно требовала, чтобы сперва разсуждали о департаментскомъ законѣ; правая съ радостью уступила ей. Дальнѣйшее легко можно было предвидѣть. Стѣсненный съ двухъ сторонъ, съ одной защищаясь отъ нападенія, съ другой предоставленный собственнымъ силамъ, Мартиньякъ отстаивалъ свой законъ съ искусствомъ и твердостью; его сторону поддерживали канцлеръ Портализъ и министръ народнаго просвѣщенія Ватименіль. Онъ говорилъ либераламъ, что, если король уступаетъ свое право назначенія на важныя должности—расширенному избирательному началу, то онъ все-таки имѣетъ право назначить границу, до которой уступка его простирается; чего министръ недосказалъ, то они легко могли бы сами себѣ досказать: но правило—все, или ничего!—которое составляетъ исходную точку агитаторовъ, непримѣнимо къ отдѣльному лицу въ частной жизни, а тѣмъ менѣе годится для того, чтобы содѣйствовать развитію внутренней жизни великаго народа, у котораго достаточно времени впереди для того, чтобы не спѣшить своими успѣхами, не спѣшить расширеніемъ своихъ правъ; гораздо лучше медленно и постепенно дополнять и совершенствовать свое законодательство, по той простой причинѣ, что государство и народъ не умираютъ, какъ одинъ человѣкъ; для народа выгоднѣе всего, если его развитіе идетъ медленно, но за то идетъ вѣрно, потому что только при этомъ условіи всѣ могутъ идти впередъ равномѣрно, не отставая отъ передовыхъ. Одна часть закона, касательно окружныхъ совѣтовъ, дошла до баллотировки. Вся лѣвая сторона подала свое мнѣніе за то, чтобы на время отложить этотъ законъ, между тѣмъ ультрароялисты вовсе не захотѣли подавать голосовъ. Министры удалились; черезъ нѣсколько времени они возвратились и объявили палатѣ, что король приказалъ взять назадъ оба проекта законовъ (7 апрѣля 1829 года).

Остальныя засѣданія палатъ прошли въ разсужденіяхъ о денежныхъ требованіяхъ, которыя и были утверждены; хотя и при этомъ не обошлось безъ довольно сильныхъ преній по случаю жалованья въ 20,000 фр. для швейцарцевъ, составлявшихъ личный королевскій караулъ, и преимуществъ, дарованныхъ имъ и гвардіи. Король этими возраженіями еще тверже убѣдился въ своей аксіомѣ: «что съ этими людьми ничего нельзя сдѣлать.» 31 іюля засѣданія палатъ были закрыты, а 8 августа въ «Монитерѣ» напечатанъ былъ списокъ новаго министерства, подъ предсѣдательствомъ князя Юлія Полиньяка, и бывшаго посланника при Лондонскомъ дворѣ Лабурдонне. Полиньяку поручено было министерство иностранныхъ дѣлъ, а внутреннихъ — Лабурдонне, самому яростному изъ вождей ультрамонтановъ палаты; генералу Бурмону поручено было военное министерство, человѣку, измѣнѣ котораго раздраженные французы приписывали пораженіе при Ватерлоо; министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ Монбель, горячій приверженецъ Виллеля; государственная печать вручена была Курвуазье, извѣстному почитателю іезуитовъ; финансы довѣрены были Шабролю де Крузолю, морскому министру временъ Виллеля; морское министерство—префекту департамента Жиронды, барону Госсе. Графу Порталису поручено было объявить объ отставкѣ своимъ товарищамъ, обманутымъ необыкновенно ласковымъ и любезнымъ пріемомъ короля.

Опубликованный списокъ новаго министерства равнялся объявленію войны либеральной партіи; особенную недовѣрчивость возбуждалъ Полиньякъ, мать котораго была дружна съ несчастною королевой Маріей Антуанеттой; онъ воспитывался за границей, хартіи когда-то принесъ присягу только съ ограниченіемъ, и только потому, что въ ней допускалась свобода совѣсти; въ немъ какъ будто олицетворялся антиреволюціонный старинный образъ мыслей и направленіе (ancien regime). Карлъ X торжествовалъ; онъ съ внутреннимъ отвращеніемъ дозволялъ Мартиньяку дѣлать свои либеральныя попытки и очень остался доволенъ тѣмъ, что онѣ не удались: наконецъ-то составилось министерство по его вкусу; это были все настоящіе поборники за тронъ и алтарь, но къ сожалѣнію, все люди съ посредственными способностями. Съ невыразимымъ простодушіемъ взялся глава новаго министерства, личный врагъ короля, за свое дѣло, къ которому онъ такъ давно и такъ безполезно стремился; въ частной жизни это былъ человѣкъ добродушный, какъ король, ласковый, но бѣдный умомъ и вполнѣ преданный карбонаризму.

Либеральная пресса не заставила себя вызывать; она тотчасъ вступила въ борьбу. Съ перваго же дня начали появляться статьи, направленныя противъ новаго правительства: въ журналѣ д е Д е б а (Journal des Débats) ясно высказалось враждебное направленіе: «вотъ опять дворъ съ своимъ устарѣлымъ негодованіемъ, эмигранты съ своими предразсудками, духовенство съ своею ненавистью къ свободѣ, соединенными силами кинулись на Францію и ея короля. — Если бы люди, стоящіе теперь во главѣ правленія, и захотѣли быть умѣренными, они не могли бы. Ненависть, пробуждаемая именами ихъ, слишкомъ глубока и она неминуемо откликнется. Франція боится ихъ и они сдѣлаются страшными для Франціи. Можетъ быть, въ первые дни они попытаются употреблять слова: хартія и свобода, но они своею неловкостью выдадутъ свой образъ мыслей: въ ихъ выраженіяхъ будутъ видѣть только опасеніе и притворство... Но будутъ-ли они въ состояніи удержать въ своихъ рукахъ правленіе въ теченіе трехъ недѣль, при свободѣ печати?.. Не разорвутъ ли они хартіи, давшей безсмертіе Людовику XVIII и власть его наслѣдникамъ?... Пусть они одумаются!... Законныхъ податей народъ платитъ охотно тысячу милліоновъ франковъ, но по требованіямъ министра не дастъ и двухъ милліоновъ; при требованіи незаконныхъ налоговъ можетъ возскреснуть Гамденъ, чтобы противиться имъ... Неужели нужно призывать это имя внутреннихъ волненій и междоусобной войны?... Несчастная Франція, несчастный король!» Этимъ восклицаніемъ оканчивалась краснорѣчивая статья, съ теплотою вылившаяся изъ-подъ пера какого-то темнаго сотрудника газеты, но его горестное восклицаніе о судьбѣ короля и государства для одной стороны скоро осуществилось, для другой медленнѣе, но вполнѣ оправдалось.

Такія и подобныя статьи появлялись во всѣхъ частяхъ Франціи. Обѣ противныя партіи дѣйствовали неутомимо. Либеральная партія скликала своихъ приверженцевъ и печатными статьями, и многочисленными тайными и явными обществами, и живыми демонстраціями; такъ напримѣръ, воспользовавшись случайнымъ путешествіемъ преклоннаго лѣтами генерала Лафайетта, дѣятеля 1789 года, ему повсюду устроивали торжественныя встрѣчи и проводы; онъ не зналъ куда ему дѣваться отъ тріумфальныхъ арокъ, отъ гражданскихъ и военныхъ вѣнковъ; съ другой стороны хлопотали миссіонеры; епископы въ сильныхъ пастырскихъ посланіяхъ призывали свое словесное стадо къ борьбѣ, начавшейся между христіанами и почитателями Ваала. Министерство между тѣмъ оставалось въ бездѣйствіи, опасалось чѣмъ нибудь нарушить хартію и дожидалось, что будетъ. Но число приверженцевъ его не возрастало; даже умѣренные роялисты мало-по-малу оставляли его; тѣ изъ числа ихъ, которые занимали важныя по своему вліянію должности, отказывались отъ нихъ.

Марта 4 1830 года опять открылись засѣданія палатъ. Въ тронной рѣчи въ нѣкоторомъ отношеніи обнаружился планъ министерства; онъ принадлежалъ къ числу такихъ, которые одинъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ очень мѣтко обозначилъ словами: «онъ былъ чертовски умно задуманъ.» Огромное предпріятіе, внѣ предѣловъ Франціи, должно было у этого народа, жаднаго къ славѣ, проложить путь къ полной реакціи, къ водворенію древне-французской монархіи. Сначала у ми-

нистра Полиньяка набралась цѣлая куча проектовъ, и онъ, въ сентябрѣ 1829 года, вскорѣ послѣ того, какъ добился власти, предложилъ ихъ на разсмотрѣніе совѣту министровъ. Тутъ былъ и союзъ съ Россіей, какъ противовѣсъ морскому могуществу Англіи, изгнаніе турокъ изъ Европы, при чемъ Россіи предполагалось уступить придунайскія княжества и кромѣ того Анатолію и Арменію, Австріи—Сербію и Боснію; нѣкоторыя выгоды королю Нидерландскому, кое-какіе остаточки доброму другу Франціи Мехмедъ-Али; на долю Пруссіи—Нидерланды, для Франціи—Бельгія и рейнскія области, вполнѣ, или частью—весь меморандумъ составленъ былъ изъ подобныхъ фантастическихъ предположеній; его одного достаточно было бы, чтобы доказать Карлу, какую важную ошибку онъ сдѣлалъ, назначивъ этого неспособнаго доктринера на видное мѣсто перваго министра; онъ столько лѣтъ сряду былъ посланникомъ при разныхъ дворахъ и такъ мало познакомился съ людьми и положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, что могъ серьезно помышлять о возможности привести свои фантазіи въ исполненіе. Ему нечего было далеко ходить, чтобы убѣдиться, что нельзя такимъ образомъ пересоздать міръ; при первыхъ, очень осторожныхъ попыткахъ при Петербургскомъ дворѣ, ему ясно и неопровержимо показано было, что всѣ его планы—мыльные пузыри. Но былъ другой путь, на которомъ кое-чего можно было добиться.

Дѣло шло о несогласіяхъ съ Гуссейнъ-беемъ, правителемъ Алжира, одного изъ трехъ варварійскихъ государствъ, на сѣверномъ берегу Африки; по настоящему, это были турецкіе пашалыки, но съ давнихъ поръ они управлялись независимыми наслѣдственными беями и только платили небольшую ежегодную дань турецкому султану. Несогласія между Франціею и алжирскимъ беемъ тянулись уже очень долгое время; причиной ихъ были денежные споры и требованія съ той и другой стороны; но въ послѣднее время раздоръ этотъ принялъ довольно крупный характеръ: алжирскій бей на публичной аудіенціи спросилъ довольно дерзко у французскаго консула Дюваля: получилъ ли онъ наконецъ королевскій отвѣтъ на его послѣднія требованія? Консулъ довольно грубо отвѣчалъ, что не получалъ; тогда разсердившійся бей ударилъ консула по лицу своимъ опахаломъ, 30 апрѣля 1827 года, когда же раздраженный консулъ требовалъ удовлетворенія за это постыдное оскорбленіе, бей отказался дать его. Новое министерство съ жадностью схватилось за этотъ случай, чтобы дать новое направленіе умамъ французовъ и тѣмъ отвлечь ихъ отъ внутреннихъ реформъ и вопросовъ. Оскорбленія, нанесеннаго французскому флагу, какимъ нибудь варварійскимъ беемъ, нельзя оставить безнаказанно, говорилось въ тронной рѣчи, 4 марта 1830 года; блистательныя побѣды, которыя ожидаютъ оружіе французское, принесутъ пользу не только Франціи, но и всему христіанскому міру. Послѣ этихъ выраженій рѣчь короля перешла къ внутреннему положенію государства; онъ нашелъ, что оно въ удовлетворительномъ состояніи; оно представляетъ возможность облегчить публичныя тягости, и только въ концѣ рѣчи обнаружился его истинный образъ мыслей и его стремленія. «Хартія, сказалъ онъ съ софистическимъ оборотомъ рѣчи, свойственнымъ только французскому языку, хартія поставила общественную независимость подъ покровительство правъ моей короны; она священна; моя обязанность въ отношеніи народа, передать ее моему наслѣднику неприкосновенною.» «Пэры Франціи, депутаты департаментовъ, продолжалъ онъ торжественнымъ тономъ воззванія, я не сомнѣваюсь, что вы захотите мнѣ содѣйствовать въ исполненіи того добра, которое я хочу сдѣлать"; въ концѣ рѣчи была угроза, казалось бы, невозможная послѣ происшествій 1789 года: «если преступные замыслы положатъ препятствія моимъ правительственнымъ начинаніямъ, которыхъ я не могъ, или не хотѣлъ предвидѣть, то я найду силу преодолѣть ихъ, въ моей собственной рѣшимости, и съумѣю поддержать общественное спокойствіе, опираясь на справедливую довѣренность французовъ и на ту любовь, какую они постоянно показывали своему королю.» Онъ произнесъ слова эти въ сильномъ волненіи; изъ рукъ его выпала шляпа, которую поднялъ стоявшій рядомъ съ нимъ герцогъ Орлеанскій.

Палата начала свои засѣданія; во главѣ списка кандидатовъ на мѣсто президента стоялъ Ройе-Колларъ; король назначилъ Ройе-Коллара. Выбрана была комиссія, почти изъ однихъ отъявленныхъ либераловъ, чтобы выработать отвѣтный адресъ на тронную рѣчь. Въ этомъ адресѣ преимущественно заключался отвѣтъ

на послѣднія фразы тронной рѣчи, въ очень прямыхъ, но вовсе не неприличныхъ выраженіяхъ. Въ немъ говорилось болѣе согласно съ чувствомъ подданнической вѣрности, чѣмъ съ правдой, что судьба въ теченіе столѣтій поставила престолъ Карла X, для счастія французскаго народа, на высоту, недосягаемую для бури.... что конституція соглашаетъ желанія народа съ правительственными предначертаніями и ихъ дружное взаимнодѣйствіе есть необходимое условіе для правильнаго хода государственныхъ дѣлъ. «Но наша присяга, государь, наша преданность престолу налагаетъ на насъ тяжкую обязанность сказать вамъ, что въ настоящее время этого взаимодѣйствія нѣтъ. Несправедливая недовѣрчивость къ чувствамъ и образу мыслей французскаго народа есть преобладающее понятіе нынѣшняго царствованія...» По этому поводу начались сильнѣйшія пренія; со стороны правительства и малочисленныхъ приверженцевъ его въ палатѣ, адресъ упрекали въ посягательствѣ на права короны, осмѣливаясь указывать королю, кому онъ долженъ довѣрять, кому не долженъ. Опровергнуть этотъ странный упрекъ небольшаго труда стоило краснорѣчивымъ ораторамъ либеральной партіи: какое значеніе имѣютъ, замѣчали они, представители народа, если имъ не позволено будетъ въ почтительныхъ выраженіяхъ указать на существующій фактъ? Адресъ былъ принятъ безъ всякой перемѣны большинствомъ 221 голоса противъ 181.

Король очень холодно отвѣтилъ депутаціи, поднесшей ему адресъ, что его рѣшенія непоколебимы и благо народное запрещаетъ ему даже на волосъ отступать отъ нихъ. На слѣдующій день открытіе засѣданій палаты было отсрочено до 1 сентября. Когда рѣшеніе это было объявлено въ палатѣ, правая сторона поднялась съ единодушнымъ восклицаніемъ: «Да здравствуетъ король!» «Да здравствуетъ конституція!» отвѣтила лѣвая сторона, громкимъ единодушнымъ восклицаніемъ.

Отсрочка при такомъ настроеніи ни къ чему не вела; оставалось распустить палату. Мнѣніе министровъ раздѣлилось, но энергическая партія взяла перевѣсъ и умѣренные, нерѣшительные члены кабинета были уволены: вмѣсто Курвуазье и графа Шаброля были назначены болѣе энергическіе люди, бывшій министръ юстиціи при Виллелѣ—Перонне и президентъ Гренобльскаго суда Шантелозъ. Для барона Капелла создано было новое министерство публичныхъ работъ; при Виллелѣ онъ былъ статсъ-секретаремъ и зналъ, какъ распоряжаться выборами; мая 16 изданъ былъ декретъ, распускавшій палаты.

Между тѣмъ окончились приготовленія для алжирской экспедиціи. Неспособный министръ, приготовлявшій для короля и для народа гибель, сначала придумалъ несбыточный планъ, чтобы вмѣсто Франціи бею алжирскому отомстилъ египетскій вице-король; съ этой цѣлью вошелъ онъ съ Мехмедъ-Али въ тайныя сношенія и уговаривалъ его съ сухаго пути дѣйствовать на Алжиръ. Но этотъ планъ опять разбился о невозможность привести его въ исполненіе; тогда начались приготовленія къ войнѣ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что можно было предполагать цѣлью ихъ не месть ничтожному вассалу Турціи, а что нибудь поважнѣе: снарядили 107 военныхъ и 400 транспортныхъ судовъ, 88,000 человѣкъ дессантнаго войска и 4,000 кавалеріи. Англійское правительство потребовало объясненій. Полиньякъ отвѣчалъ гордо такъ, какъ онъ привыкъ говорить во всѣхъ случаяхъ, но вовсе неприлично въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными державами; въ концѣ мая экспедиція, подъ начальствомъ генерала Бурмона, вышла изъ Тулона. Противные вѣтры мѣшали ея плаванію и она пришла къ берегамъ Алжира только 13 іюня. Походъ былъ не трудный; войска высадились; произошло нѣсколько столкновеній съ войскомъ бея; французы потерпѣли нѣсколько уроновъ, но 4 іюля цитадель Алжира была взята приступомъ, а 5 того же мѣсяца, три недѣли послѣ прибытія, городъ сдался на капитуляцію и бей со всѣми своими сокровищами могъ удалиться и сдѣлаться частнымъ человѣкомъ, предоставивъ французамъ всю остальную добычу, въ томъ числѣ и частное имущество жителей; онъ съ 7 милліонами удалился въ Неаполь.

Во Франціи между тѣмъ происходили очень шумные выборы. Правительство надѣялось много хорошаго отъ извѣстія о побѣдахъ въ Африкѣ, префекты по своему обыкновенію дали самые благопріятные отзывы о настроеніи народа; но люди опытные, изъ числа министровъ, не обманывались этимъ. Они призвали на помощь своихъ союзниковъ: безчисленныя орды чиновниковъ и духовенство,

которое съ жаромъ бросилось въ борьбу, восклицая, что начинается борьба невѣрія съ религіей, беззаконія съ закономъ: но на этотъ разъ возгласы эти не находили сочувствія, а только ожесточали враждующихъ. Но хуже всего было то, что министры по своей недальновидности и недостатку правдивости втянули самого короля въ эту борьбу ими самими вызванную, безъ всякой надобности. Король, точно какой нибудь вождь партіи, издалъ манифестъ о выборахъ, въ которомъ обратился къ своему народу, безъ сомнѣнія, съ достоинствомъ, но въ очень обыкновенныхъ выраженіяхъ; онъ увѣщевалъ французовъ исполнять съ точностью свои обязанности, являться въ избирательныя коллегіи, слушаться голоса короля, который въ то же время и отецъ ихъ. Но средства эти принесли мало пользы. Графъ Гернонъ Ранвиль въ совѣтѣ министровъ прямо и открыто сказалъ королю горькую истину: что французы перестали любить своихъ королей.

Въ министерствѣ не было ни одного замѣчательнаго по своимъ дарованіямъ человѣка, въ немъ не было ни одного человѣка съ твердою волей и непреклоннымъ характеромъ, способнаго возбуждать страхъ и слѣдовательно противодѣйствовать общему чувству ненависти, съ которою смотрѣли на тѣхъ, которые хотятъ воскресить древнюю Францію, со всѣми ея привиллегированными кастами. Къ этому присоединалась еще крѣпко сплоченная община либераловъ, не представлявшая возможности напасть на нихъ. Они твердили, что защищаютъ хартію и ничего кромѣ хартіи, что у нихъ другаго желанія нѣтъ; но на слова ихъ трудно было положиться; въ тайнѣ у нихъ мало-по-малу вырабатывалось убѣжденіе, что съ Бурбонами трудно до чего нибудь дойти. Въ числѣ 221 депутата, подавшихъ голоса за адресъ, либеральная партія имѣла кандидатовъ для большаго числа департаментовъ и вторичное избраніе было достигнуто посредствомъ печати и обществъ, которыми они располагали. И дѣйствительно, изъ прежнихъ депутатовъ вторично были избраны 202 человѣка; изъ меньшинства подававшихъ голосъ противъ адреса изъ числа 181 членовъ потеряно было еще 32.

Но, чего же хочетъ правительство? спрашивали повсюду. Никто не умѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ и хуже всего было то, что и само правительство не знало, чего оно хотѣло. Всѣ ожидали государственнаго переворота (coup d'état), насильственнаго уничтоженія хартіи; даже иностранныя державы опасались того же, при новомъ министерствѣ, никому не внушавшемъ довѣрія. Императоръ Николай очень серьезно замѣтилъ французскому посланнику, что покойный императоръ, братъ его, не только поручился за тронъ Бурбоновъ, но также и за вѣрное исполненіе хартіи. Вообще въ Европѣ съ неудовольствіемъ и съ безпокойствомъ смотрѣли на то, что приготовляется во Франціи; съ Англіей изъ алжирской экспедиціи французское правительство находилось въ натянутомъ положеніи; съ Пруссіей изъ-за рейнскихъ провинцій, которыя, вслѣдствіе агитаціи ультрамонтановъ пришли тоже въ нѣкоторое волненіе; но король самъ, какъ на право и на лѣво твердилъ совѣтъ министровъ, не намѣренъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, не намѣренъ нарушать хартіи.

Нѣтъ, онъ не хотѣлъ ея нарушать: но по ихъ мнѣнію въ хартіи была статья, посредствомъ которой можно было хартію убить ея же собственнымъ оружіемъ. Это все тотъ же 14 параграфъ: «Король издаетъ регламенты и предписанія, которыя окажутся необходимыми для исполненія законовъ и для спокойствія и безопасности народа.» Около конца іюля, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выборы были уже окончены и лица избранныя были уже извѣстны, когда съ достовѣрностью можно было предсказать, въ какомъ духѣ и остальные представители будутъ выбраны, министры задали себѣ вопросъ: не наступило ли теперь время употребить въ дѣло вышеозначенный параграфъ. По смыслу этого параграфа королю, дѣйствительно, въ виду необыкновенныхъ потребностей государства, давалась сила прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ, но многознаменательныя слова «безопасность государства» можно было растолковать на разные способы. Тутъ пришли еще радостныя извѣстія изъ Алжира, исполнившія сердце короля почти юношескимъ чувствомъ удовольствія; у него голова закружилась отъ офиціальныхъ поздравленій; между прочими архіепископъ парижскій писалъ: «пусть такая же участь всегда и вездѣ постигнетъ враговъ нашего короля и повелителя!» Такихъ поздравленій было много, но народная масса оставалась холодна и безучастна;

наконецъ совѣтъ министровъ рѣшился на энергическую мѣру; онъ положилъ опубликовать королевскій декретъ, въ которомъ, въ силу 14 параграфа, король находитъ нужнымъ, для блага народа, распустить еще не вполнѣ сформированную палату депутатовъ и посредствомъ новыхъ выборовъ, на совершенно новыхъ началахъ, при уничтоженіи свободы печати, составить новую палату, согласную съ видами и цѣлями правительства. Разсчитывали на дѣйствіе неожиданности при обнародованіи этого постановленія; въ случаѣ нужды разсчитывали на содѣйствіе войска, и 25 іюля король въ Сенъ-Клу, гдѣ онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы, подписалъ пять многозначительныхъ актовъ; послѣ этого король, хотя и спокойно, но очень задумчиво сѣлъ за свою ежедневную партію виста; канцлеръ потребовалъ къ себѣ редактора «Монитера» для того, чтобы вручить ему декретъ для печати; было уже 11 часовъ ночи. До сихъ поръ, постановленія приготовлялись въ полной тайнѣ и редакторъ «Монитера» былъ первый, послѣ папскаго нунція и министровъ, которому тайна эта была разоблачена.

с. Іюльская революція. Окончаніе царствованія Карла X.

На слѣдующее утро, въ понедѣльникъ, 26 іюля 1830 года, декреты короля были напечатаны въ «Монитерѣ». По первому изъ нихъ отнималась свобода печати у періодическихъ изданій: ни одинъ журналъ и ни одна газета не могли издаваться безъ королевскаго соизволенія, и позволеніе это должно быть возобновляемо каждые три мѣсяца; въ департаментахъ префектамъ давалось предварительное право дозволять, или не дозволять изданіе журнала. Подобныя же ограниченія распространялись на книги, не достигавшія размѣра 20 листовъ; въ случаѣ нарушенія этого постановленія виновные подвергались лишенію всѣхъ напечатанныхъ экземпляровъ книги и типографія запечатывалась на болѣе, или менѣе продолжительный срокъ. По второму декрету, еще не вполнѣ организованная палата депутатовъ распускалась, иначе сказать: декретъ уничтожалъ самые выборы; третій декретъ отмѣнялъ существующіе законы и правила выборовъ и даровалъ новые; число депутатовъ было тоже измѣнено, съ 430 депутатовъ оно уменьшалось на 230; избранія предполагалось сдѣлать косвенными; избирать должны были коллегіи департаментовъ, а окружнымъ коллегіямъ дозволялось только представлять своихъ кандидатовъ; вмѣсто тайной подачи голосовъ предполагалось ввести явную, лучшее средство дать произволу и правительственнымъ злоупотребленіямъ полную силу. Четвертый декретъ созывалъ окружныя коллегіи для выборовъ къ 6 числу, а департаментскія на 18; новую палату депутатовъ и палату перовъ созывали къ 28 сентября; пятый декретъ возводилъ маршала Мармона въ достоинство герцога Рагузскаго и назначалъ его главнокомандующимъ войскъ въ Парижѣ.

Первое впечатлѣніе, произведенное декретами, было ошеломляющее. Это равнялось полному уничтоженію хартіи, въ самыхъ существенныхъ ея началахъ, не больше и не меньше, какъ нападеніе врасплохъ вооруженной силой въ мирное время, это былъ первый открытый шагъ къ возстановленію стараго порядка вещей, противъ котораго возмущался каждый; настало время насилія, надобно было предположить, что правительство уже взяло свои мѣры, чтобы не допустить ни малѣйшаго противорѣчія.

Но нашлась безстрашная частица общества, классъ людей смѣлыхъ, для которыхъ декретъ этотъ заключалъ въ себѣ вопросъ о жизни и смерти; какая опасность ни грозила ей, но пресса должна была попытать сопротивленіе. Жизнь и движеніе прежде всего тутъ и обнаружились; съ самаго ранняго утра нѣкоторые редакторы журналовъ отправились къ адвокату Шарлю Дюпеню, самому опытному и старшему изъ адвокатовъ, и получили отъ него самое шаткое утѣшеніе, что по его мнѣнію, суды не дадутъ декретамъ силы законовъ. Жизнь закипѣла и заволновалась въ этотъ день во всѣхъ конторахъ новѣйшихъ либеральныхъ газетъ; особенно много молодежи сошлось въ редакціи le National. Въ числѣ редакторовъ его находились люди, на которыхъ основывались всѣ надежды партіи; изъ нихъ надобно назвать Минье и Адольфа Тьера, уже заслужившихъ извѣстность

своими сочиненіями о французской революціи. Тутъ составилось совѣщаніе либеральныхъ журналистовъ и они написали протестъ, составленный Тьеромъ и нѣкоторыми другими, подъ которымъ подписались 44 человѣка; въ этомъ протестѣ, ссылаясь на хартію, они прямо, безъ всякой утайки объявляли, что не намѣрены повиноваться этимъ декретамъ и такъ какъ они прежде всѣхъ поражены ими, то и первые подаютъ примѣръ неповиновенія въ отношеніи власти, которая сама у себя отняла величайшій изъ авторитетовъ — законность своихъ требованій; нѣкоторые другіе журналы съумѣли очень поспѣшно затѣять процессы съ своими типографщиками, которые на основаніи новыхъ декретовъ отказывались печатать журналы, и такимъ образомъ дѣло пошло на разсмотрѣніе суда; очень незначительное число редакторовъ подчинилось декрету и просило позволенія издавать свои журналы, какъ этого требовало постановленіе. Эта неслыханная мѣра и въ другихъ слояхъ общества пробудила сильнѣйшее негодованіе; особенно кипѣла и волновалась биржа: при распространившемся чувствѣ недовѣрія къ сомнительному спокойствію и порядку, послѣ такого насильственнаго нарушенія законнаго права, когда каждому казалось, что подъ его ногами раскрывается бездна, нельзя было ни на что разсчитывать и всѣ бумаги отъ этого быстро упали. Народъ толпился на улицахъ; въ саду и въ окрестностяхъ Пале-рояля собирались кучки, въ нихъ отдѣльныя лица становились на скамьи, громко читали декреты и еще громче и раздражительнѣе дѣлали на нихъ коментаріи. Вечеромъ гдѣ-то въ улицахъ Парижа, буйная толпа народа, узнавъ карету князя Полиньяка, забросала ее каменьями и дикими криками провожала до самаго дома министра. Молва о томъ, что отказываются отъ податей, о различныхъ манифестаціяхъ избирателей, о нѣкоторыхъ своевольныхъ поступкахъ депутатовъ, находящихся въ Парижѣ, все болѣе и болѣе волновала умы и пробуждала страсти. Однажды, послѣ обѣда, собралось нѣсколько депутатовъ въ домѣ одного изъ своихъ товарищей Александра де-ла Борда. Здѣсь не было недостатка въ горячихъ рѣчахъ и возгласахъ, но одинъ изъ самыхъ могущественныхъ членовъ либеральной партіи, Казиміръ Перьѣ, человѣкъ жосткій, не терпящій ни малѣйшаго противорѣчія, съ силой отвергнулъ всякій помыслъ о наспльственномъ сопротивленіи, и послѣ горячихъ споровъ депутаты разошлись, ни на что не рѣшившись. Положено было на слѣдующій день собраться у него въ домѣ. Этотъ день, т. е. понедѣльникъ 26, прошелъ безъ дальнѣйшихъ волненій. Но на слѣдующій, во вторникъ 27, характеръ общаго недовольства измѣнился и принялъ грозный оттѣнокъ. Раздраженіе, такъ легко и такъ мгновенно сообщающееся воспріимчивому, чисто сангвиническому характеру французовъ, ежеминутно возрастало. Съ жадностью ожидали появленія газетъ; но нѣкоторыя вовсе не вышли, иныя вышли съ вчерашнимъ протестомъ на первой страницѣ; мгновенно расхватали экземпляры по кофейнямъ, по гостиницамъ и по другимъ общественнымъ заведеніямъ; въ мастерскихъ работы остановились, вездѣ громко читали протестъ; толпы собирались на перекресткахъ улицъ и тоже либо читали, либо толковали о прочитанномъ; студенты съ самаго ранняго утра гурьбами ходили по улицамъ и восклицали: да здравствуетъ хартія! Около одиннадцати часовъ утра показался въ улицѣ Ришелье отрядъ конныхъ жандармовъ и выстроился противъ дома T e m p s; Боде, издатель журнала, велѣлъ распахнуть ворота настежь и со всѣми редакторами и сотрудниками дожидался появленія полицейскаго комиссара, который долженъ былъ явиться, чтобы наложить запрещеніе на типографію и запечатать ее; немного спустя явился комиссаръ и предъявилъ декретъ. Но Боде воспротивился, заперъ двери и не впускалъ его; послали за слесаремъ, чтобы отпереть дверь типографіи; Боде сталъ на порогѣ дома и прочиталъ ему статью изъ уголовнаго закона на счетъ воровства со взломомъ, въ то же время досталъ чистый листъ бумаги и началъ записывать имена свидѣтелей. Толпа передъ домомъ между тѣмъ съ каждой минутой возрастала. Около этого же времени опечатали и другія типографіи: рабочіе остались безъ работы и безъ хлѣба; ихъ негодованіе отъ этого все болѣе и болѣе разгоралось; они увеличили толпы скопившихся недовольныхъ и передали имъ свое раздраженіе. Около обѣда Пале-рояль былъ уже окруженъ густою толпою народа; они забрались въ садъ, но ихъ оттуда вытѣснили солдаты съ ружьями и штыками; не было возможности разогнать назойливой толпы. Въ дѣло вмѣшался было конный отрядъ жандармовъ, но его встрѣтили градомъ булыжника поднятой мосто-

вой; солдатамъ наконецъ дано было приказаніе стрѣлять; народъ сыпнулъ въ сосѣднія улицы съ жаждою мести, отыскивая оружіе; на площади осталось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ: раздраженіе возрастало, во многихъ мѣстахъ поперекъ улицъ лежали опрокинутыя кареты, поднимали мостовую и строили баррикады; оружейныя лавки были взломаны и ограблены, сумерки наступали; по улицамъ бродили толпы молодыхъ людей, которые ломали и разбивали фонари. Народъ началъ искать вождей и съ ожиданіемъ смотрѣлъ, не явится ли кто нибудь изъ находящихся въ Парижѣ депутатовъ?

Въ два часа пополудни собрались нѣкоторые депутаты въ квартирѣ Казиміра Перьѣ, какъ это наканунѣ было условлено. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Шарль Дюпень, генералъ Себастіани, и др. съ жаромъ утверждали, что не надобно допускать народнаго волненія, надобно оставаться въ границахъ, предписанныхъ закономъ: они совѣтовали прибѣгнуть къ одному вѣрному неизбѣжному средству, войти съ почтительными представленіями къ королю и просить его объ отмѣнѣ декретовъ. Ихъ поддерживалъ Казиміръ Перьѣ болѣе живыми, выразительными жестами, нежели словами, потому что отъ избытка внутренняго волненія онъ не былъ въ состояніи вымолвить ни слова; другіе напротивъ, въ томъ числѣ Могюинъ де ла Борде, Одри де Пюираво требовали явнаго возстанія, которое уже начиналось въ улицахъ Парижа, указывая на него, какъ на единственное средство, при настоящемъ положеніи дѣлъ, избѣгнуть порабощенія незаконною силою; подъ окнами уже дошло до стычки между королевскими войсками и народомъ. Въ это время явилась депутація отъ другаго совѣщанія депутатовъ, недавно избранныхъ; нельзя было не принять депутаціи. Тутъ первоначально совѣщавшимся депутатамъ пришлось выслушать совсѣмъ иную рѣчь: всѣ связи между домомъ Бурбоновъ и Франціей порваны, говорили адвокаты, которымъ поручено было говорить отъ лица депутаціи; спасеніе народа—въ оружіи; онъ надѣется на помощь и на содѣйствіе своихъ выборныхъ лицъ—депутатовъ. Вслѣдъ за этими явилася новая депутація, состоящая изъ очень молодыхъ людей, но Перьѣ не захотѣлъ ихъ слушать и говорилъ: побѣды нечего искать на улицахъ: какъ бы велико ни было возстаніе народное, у правительства всегда найдется довольно средствъ, чтобы подавить его. Слова эти подѣйствовали, собраніе опять разошлось безъ всякаго рѣшенія: условились сойтись на слѣдующій день тоже въ полдень—у Одри Пюираво.

Правительство до сиръ поръ оставалось спокойно. Въ понедѣльникъ, когда опубликованы были декреты, взволновавшіе народъ и нарушившіе законный порядокъ Франціи, Карлъ X, ни о чемъ не безпокоясь, отправился на охоту въ Рамбулье. Только во вторникъ, по полученіи назначенія, герцогъ Рагузскій принялъ начальство надъ войсками въ Парижѣ и учредилъ свою главную квартиру въ Тюльерійскомъ дворцѣ; министры поздно вечеромъ того же дня собрались у Полиньяка и въ совѣтѣ ихъ рѣшено было объявить Парижъ въ осадномъ положеніи, если волненіе будетъ продолжаться и на слѣдующій день. Въ то же время отдано было приказаніе стянуть для подкрѣпленія расположенные въ окрестностяхъ гвардейскіе батальоны и отряды швейцарцевъ изъ Сенъ-Дени, изъ Каенна и Орлеана.

Слѣдующій день, среда 28, начался довольно спокойно. День былъ безоблачный, лѣтній; съ самаго ранняго утра народныя толпы бродили по улицамъ и по площадямъ; но между ними мелькало много мундировъ національной гвардіи; вмѣсто того, чтобы, какъ въ предъидущіе дни, восклицать: «Да здравствуетъ хартія!» «Долой министровъ»! въ этотъ день гораздо чаще слышалось: «Долой Бурбоновъ!...»—Большинство взволнованной массы составляли рабочіе, но между ними видны были и старые военные наполеоновскихъ временъ, которые съ воинственнымъ жаромъ спѣшили на различныя точки города, сами собою казавшіяся какъ бы центральными; въ оружіи и предводителяхъ уже не было такого недостатка, какъ наканунѣ. Оружіе раздавали на различныхъ точкахъ; вождемъ признавали каждаго, хорошо одѣтаго молодаго человѣка, по большей части студентовъ Латинскаго квартала, каждаго порядочно вооруженнаго ружьемъ, саблей и пистолетомъ и мало-мальски показывавшаго смѣлость и отвагу. Въ 10 часовъ утра начальство сдѣлало неизмѣримую ошибку: наканунѣ воспитанники Политехнической школы показали недостатокъ дисциплины и теперь въ наказаніе за это

имъ объявлено было, что ихъ всѣхъ, безъ исключенія, выгоняютъ. Они этому особенно обрадовались; вскорѣ они разсыпались по улицамъ и площадямъ и мундиры ихъ виднѣлись въ толпѣ блузниковъ; повсюду встрѣчали ихъ съ громкими криками восторга. Около 11 часовъ утра положеніе дѣлъ приняло болѣе серьезный оборотъ. На Отель-де-вилль уже развѣвалось трехцвѣтное знамя; его довольно небрежно охраняла толпа народа; съ башни собора Нотръ-Дамъ, звучалъ большой колоколъ, на него отвѣчали съ другихъ церквей; всякій чувствовалъ приближеніе борьбы, чувствовалось, что наступаетъ рѣшительная минута; это было настоящая революція.

Къ этому убѣжденію пришелъ и маршалъ, на несчастье котораго выпало принять начальство въ такую критическую минуту. Славы здѣсь нельзя было ожидать, также какъ нечего было надѣяться на благодарность со стороны правительства и короля. Маршалъ внутренно негодовалъ на приказанія и проклиналъ ихъ вдвойнѣ за то, что долженъ былъ выполнять ихъ съ оружіемъ въ рукахъ и сдѣлаться человѣкомъ ненавистнымъ для народа, проклятымъ вдвойнѣ, потому что даже сдачу Парижа въ 1814 году, народъ, въ своемъ самолюбивомъ ослѣпленіи, приписывалъ его измѣнѣ; въ народѣ уже слышались злобныя слова: «маршалъ Мармонъ хочетъ теперь расплатиться съ своими долгами». Еще въ 9 часовъ утра извѣстилъ онъ короля о серьезномъ положеніи дѣлъ. Отвѣтомъ на это былъ королевскій приказъ объявить Парижъ въ осадномъ положеніи. Около полудня маршалъ началъ дѣйствовать. Двумъ колоннамъ приказано было одновременно двинуться съ мѣста: одной вдоль Сены прямымъ путемъ приказано было проникнуть черезъ Гревскую площадь до Отель-де-вилль; второй по сѣвернымъ бульварамъ, черезъ площадь Бастиліи, потомъ по улицѣ Сент-Антуанъ, тоже къ Отель-де-вилль; соединившись съ первою образовалась бы цѣпь, которая могла бы раздѣлить возстаніе, ограничить его и оно въ своихъ предѣлахъ могло бы перегорѣть и потухнуть.

Около этого же времени, вслѣдствіе соглашенія наканунѣ, депутаты собрались у Одри де Пюправо; толпа громче всѣхъ привѣтствовала появленіе Лафайетта и Лафитта. И на этотъ разъ мнѣнія раздѣлились, не знали: «надобно ли сдѣлать революцію», или оставаться въ границахъ законнаго противорѣчія (оппозиціи). Могуенъ настаивалъ на томъ, что революція уже въ полномъ ходу, что нечего дѣлать ее, а что обязанность депутатовъ заключается въ томъ, чтобы направлять ее; другіе депутаты, какъ Себастіани и Шарль Дюпенъ, говорили, что не согласны съ нимъ и готовы отступиться отъ дѣла, когда депутаты зайдутъ хотя бы на одинъ шагъ за линію законной оппозиціи; Гизо, знаменитый депутатъ, приверженецъ умѣренной партіи, котораго министерство Полиньяка однакожъ опять бросило въ ряды оппозиціи, при этихъ словахъ досталъ изъ кармана проектъ протеста, который долженъ былъ показаться смѣшнымъ и неумѣстнымъ при томъ положеніи дѣлъ, до котораго уже дошло. Гораздо практичнѣе было предложеніе, сдѣланное Казиміромъ Перрье: потребовать, чтобы маршалъ Мармонъ немедленно прекратилъ кровопролитіе. Тотчасъ составилась депутація изъ Лафитта, Перрье, Могуена, генераловъ Лебрена и Жерара; положено было опять собраться въ четыре часа у депутата Берара, чтобы узнать о результатѣ депутаціи. У Мармона, еще до того, по собственному побужденію, явился ходатай за общее дѣло: извѣстный своею оппозиціею, астрономъ Араго, пытался уладить все. Маршалъ, волнуемый самымъ разнообразнымъ потокомъ чувствъ, не зналъ, на что ему рѣшиться: какъ солдатъ привыкшій къ повиновенію, онъ долженъ былъ слѣпо исполнить приказаніе короля. Депутація народныхъ представителей въ это время вошла къ нему въ комнату. Лафиттъ первый заговорилъ; онъ съ жаромъ описывалъ то, что можно было описать: опасность въ которой находится государство и тронъ, весь ужасъ кровопролитія и невыгодное положеніе, въ которомъ находился самъ маршалъ. Герцогъ съ своей стороны ссылался на то, что ему, какъ человѣку военному, дисциплина связываетъ руки, что отъ себя онъ ничего не можетъ сдѣлать, но что не отказывается немедленно написать королю, сообщить ему о желаніи депутаціи и о совѣтѣ, ею данномъ, т. е. отмѣнить опубликованные декреты, распустить министерство и этимъ способомъ добиться успокоенія народа, на который и онъ обѣщался дѣйствовать. На вопросъ депутатовъ, надѣется ли онъ получить согласіе короля, онъ принужденъ былъ отвѣчать, что не надѣется. Кто-то замѣтилъ маршалу, что князь Полиньякъ находится въ на-

стоящее время въ Тюльерійскомъ дворцѣ, и маршалъ немедленно отправился къ нему; но князь наотрѣзъ отказалъ маршалу принять депутацію, онъ былъ, можетъ быть, единственный человѣкъ, не потерявшій головы, какъ французы увѣряли, оттого, что нечего было терять; какъ бы то ни было, но герцогъ нѣсколько минутъ послѣ ухода возвратился къ депутаціи и объявилъ, что князь не хочетъ принять ее; депутаты вышли изъ дворца, ничего не сдѣлавъ. Въ 4 часа, въ домѣ Берара они опять собрались, опять начались совѣщанія и опять та же нерѣшительность. Извѣстія съ мѣста сраженія были различныя; всякій зналъ: ежели побѣда останется на сторонѣ правительства, то не уцѣлѣть ихъ головамъ; но и безъ того жизнь многихъ уже находилась въ опасности и многіе уже лишились ея. Нельзя было даже собрать достаточнаго количества подписей для протеста и согласиться въ чемъ именно онъ долженъ заключаться; одинъ за другимъ депутаты исчезали передъ тѣмъ, какъ протестъ былъ составленъ; къ концу его осталось не болѣе двѣнадцати человѣкъ. Въ 8 часовъ вечера опять было собраніе у Одри Пюираво: тѣ же рѣчи, тѣ же сцены; только послѣ удаленія посредниковъ Себастіани и Гизо, кое на что рѣшились. З а в т р а, сказалъ Лафайетъ, мы развернемъ наше славное трехцвѣтное знамя и умремъ вмѣстѣ съ нашими согражданами.

Битва между тѣмъ продолжалась. Войска исполняли предписанное имъ движеніе: гдѣ доходило до открытой схватки, тамъ, какъ и ожидать надобно было, они оставались побѣдителями; но они не могли противиться выстрѣламъ изъ-за угловъ, изъ оконъ, съ чердаковъ, граду камней, сыпавшихся на нихъ съ верху, мебели, выброшенной изъ оконъ. Число ихъ было недостаточно и таяло отъ непрерывной битвы, отъ изнурительнаго солнечнаго зноя, отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ — никто не позаботился ни о томъ, ни о другомъ—раненые оставались безъ помощи тамъ, гдѣ падали. Солдаты при неслыханныхъ усиліяхъ пробивались черезъ народную толпу, но не были въ силахъ разогнать ее и она смыкалась тотчасъ вслѣдъ за ними; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между солдатами обнаружилось даже желаніе побрататься съ народомъ. Только вечеромъ войскамъ дано было приказаніе отступить къ Тюльерійскому дворцу, гдѣ маршалъ Мармонъ хотѣлъ сосредоточить ихъ и пересмотрѣть свои военныя силы. Отель-де-вилль достался было въ руки правительства, но опять перешелъ къ народу; на повѣрку вышло, что войско послѣ утомительнаго дня, послѣ большихъ потерь, все-таки ничего не выиграло; очевидно, если король не пришлетъ умиротворяющаго слова, если не подоспѣетъ сильное подкрѣпленіе, то надобно было опасаться, что все будетъ проиграно.

Король между тѣмъ послѣ охоты возвратился въ Сен-Клу и жизнь его пошла своимъ обычнымъ, неизмѣннымъ порядкомъ. Еще до обѣда въ среду онъ получилъ отъ Мармона первую депешу, въ которой уже стояли многознаменательныя слова: «Это уже не волненіе, но настоящая революція»; на это, какъ было сказано, онъ отвѣчалъ приказаніемъ объявить Парижъ въ осадномъ положеніи. Послѣ разговора съ депутатами, маршалъ отправилъ вторую депешу; въ ней онъ совѣтовалъ королю отмѣнить декреты, но испортилъ все дѣло прибавкою, что войско въ своемъ настоящемъ положеніи все-таки можетъ продержаться четыре недѣли. Адъютантъ, посланный съ этимъ донесеніемъ, съ своей точки зрѣнія описалъ положеніе дѣлъ; ему дано было отвѣтное порученіе: словесно передать маршалу, чтобы онъ крѣпко держался, чтобы стянулъ полки на площадь Каруселя и на площадь Людовика XV и д ѣ й с т в о в а л ъ т о л ь к о м а с с а м и; этому совѣту трудно было слѣдовать, не имѣя въ своемъ распоряженіи массы. Какъ велико было войско, предоставленное въ распоряженіе маршала, неизвѣстно было ни королю Франціи и Наварры, ни его военному министру, тому же князю Полиньяку, который взялся управлять этимъ министерствомъ и ничего не зналъ, что тамъ дѣлается, да и знать не хотѣлъ; а между тѣмъ у Мармона было всего на всего 12,000 солдатъ, чтобы противуставить огромному взволновавшемуся народонаселенію Парижа. Въ теченіе дня нѣсколько разъ совѣтовали королю дѣйствовать снисходительно и рѣшиться на уступчивость.

Извѣстіе о возстаніи въ Парижѣ навело на придворныхъ паническій страхъ; великій егермейстеръ Александръ Жирарденъ, поговорившій утромъ рано съ Перье, совѣтовалъ королю взять свои декреты назадъ, что, сказать мимохо-

домъ, было бы теперь столько же опасно, сколько и самое выполненіе ихъ. Вечеромъ ко двору прибылъ генералъ Винцентъ, бывшій свидѣтелемъ битвы и вынесшій изъ окровавленныхъ улицъ убѣжденіе, что положеніе дѣлъ очень сомнительно и опасно. Но оживленное описаніе происшедшаго не произвело никакого впечатлѣнія. «Анархія, отвѣчалъ король, навѣрное, повергнетъ парижанъ къ моимъ ногамъ.» Даже въ этотъ вечеръ король по своему обыкновенію пригласилъ нѣкоторыхъ присутствующихъ на партію въ вистъ. Но во время игры онъ очень часто выходилъ на балконъ, съ безпокойствомъ смотрѣлъ по направленію къ Парижу и прислушивался.

Ночь наступила; битва прекратилась и сражавшіеся отдыхали; раненыхъ перенесли въ дома, имъ перевязывали раны и за ними ходили. Въ частяхъ города, прилегавшихъ къ Лувру и Тюльери, дѣятельно строили баррикады—съ искусствомъ, свойственнымъ только парижанамъ. Такъ наступилъ четвергъ, 29 іюля, рѣшительный день. Ночью офицеры ободряли солдатъ, уговаривали, обѣщались выдать имъ не въ зачетъ полуторамѣсячное жалованье, если они не будутъ жалѣть себя на другой день; въ то же время отправлено было строжайшее приказаніе войскамъ, стоявшимъ лагеремъ близъ Люневилля и Сент-Омера, форсированными переходами спѣшить въ столицу. Съ первыми лучами утренняго солнца битва возобновилась. Народъ не мало ободрился, когда увидѣлъ, что самый центръ города свободенъ отъ солдатъ; въ густыхъ толпахъ онъ повалилъ изъ предмѣстій вдоль по бульварамъ, по набережнымъ прямо къ Лувру, который, равно какъ и ближайшія окрестности его, занятъ былъ швейцарскими и гвардейскими батальонами; линейныя войска разставлены были дальше назадъ, на второмъ планѣ; имъ уже не довѣряли больше и поэтому старались помѣстить ихъ такъ, чтобы они не входили въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ; они разставлены были на Вандомской площади и въ Тюльерійскомъ саду. Нѣсколько разъ дѣлали попытку прекратить перестрѣлку; одинъ изъ простыхъ гражданъ сказалъ маршалу, что надобно бы обратить вниманіе на то, что стрѣляютъ уже двое сутокъ, и что до сихъ поръ еще не показалось никакое гражданское начальство, чтобы вмѣшаться въ безпорядки и прекратить ихъ. Тотчасъ послали за мерами города; явились четыре; маршалъ далъ имъ приказаніе ходить повсюду и объявить, что солдатамъ дано приказаніе не стрѣлять больше, ежели на нихъ не будутъ нападать; и дѣйствительно, такимъ образомъ удалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прекратить огонь. Но такое перемиріе не могло долго продолжаться: общее возбужденіе, безпорядокъ, трудность сообщенія и оскорбленія, нанесенныя съ той и другой стороны, вскорѣ опять послужили поводомъ къ возобновленію перестрѣлки. Между тѣмъ два пера — маркизъ Семонвиль и графъ д'Аргу пробрались въ Тюльери и требовали свиданія съ министромъ; увидѣвшись съ нимъ, они очень горячо и рѣзко требовали отмѣны декретовъ; онъ отвѣчалъ, что дѣло зависитъ не отъ него, а отъ короля и удалился, чтобы посовѣтоваться съ министрами о томъ, что дѣлать. Послѣ этого Семонвиль обратился къ герцогу и не стѣсняясь требовалъ, чтобы онъ арестовалъ министровъ, какъ измѣнниковъ отечества. Герцогъ колебался, но въ это мгновеніе вышелъ опять Перонне и просилъ обоихъ перовъ немедленно отправиться въ Сен-Клу и объяснить королю положеніе дѣлъ въ столицѣ, которое и ему самому и совѣту министровъ кажется очень сомнительнымъ.

Между тѣмъ король уже зналъ кое что о положеніи Парижа; къ нему только что прибылъ герцогъ Мортемаръ, человѣкъ съ рыцарскимъ чувствомъ чести и преданности; онъ прискакалъ въ Сенъ-Клу, чтобы принять начальство надъ швейцарцами. Герцогъ проѣздомъ видѣлъ Версаль и тамъ замѣтилъ тоже волненіе, какое господствовало въ Парижѣ, и объявилъ королю, что сомнительно, можно ли подавить возстаніе, такъ оно усилилось. Король выслушалъ его недовѣрчиво и замѣтилъ, что все это преувеличено; что онъ, герцогъ, не знаетъ, что такое революція и между прочимъ говорилъ о томъ, что въ случаѣ нужды самъ сядетъ на лошадь и приметъ начальство надъ войскомъ; а между тѣмъ приближенные дѣлали приготовленія, чтобы встрѣтить возмутителей, если они рѣшатся нападать со стороны Версаля.

Почти въ это же время въ Сен-Клу пріѣхалъ Полиньякъ съ обоими перами и съ министрами. Передъ цѣлымъ дворомъ Семонвиль совѣтовалъ Полинь-

яку подать въ отставку, чтобы тѣмъ спасти тронъ. Карлъ X сперва принялъ министровъ, потомъ принялъ маркиза, выслушалъ его донесеніе и нашелъ его преувеличеннымъ. Только тогда, когда Семонвиль упомянулъ объ опасностяхъ, которымъ могла подвергнуться герцогиня Ангулемская, путешествовавшая въ это время, спокойствіе короля нѣсколько поколебалось. Семонвиль попытался еще разъ и сказалъ: «Государь, если черезъ часъ декреты не будутъ отмѣнены, все будетъ потеряно!» «Я посовѣтуюсь съ моимъ сыномъ, пусть онъ соберетъ совѣтъ министровъ,» отвѣчалъ король. Совѣтъ министровъ немедленно собрался. Король и вслѣдъ за нимъ Полиньякъ оставались непреклонными и не хотѣли ничего слышать объ уступкахъ; прочіе министры колебались; совѣщаніе еще продолжалось; въ это время доложили о прибытіи Витроля—человѣка, на честность и преданность котораго король могъ разсчитывать. Онъ привезъ очень неутѣшительныя извѣстія: сопротивленію войска—конецъ; въ Отель-де-виллѣ уже установлено временное муниципальное правительство, которое руководитъ возстаніемъ. Трехцвѣтное знамя повсюду развѣвается; господинъ Лафайетъ, дѣятель 1789 года, въ Парижѣ всесиленъ; только поспѣшная уступка еще можетъ спасти престолъ. Министры тотчасъ просили отставки; Витроль совѣтовалъ королю назначить первымъ министромъ герцога Мортемара, говоря, что это имя можетъ подѣйствовать успокоительно на массы. Карлъ X наконецъ рѣшился: министры, виновники несчастія, вышли изъ кабинета, остался одинъ только канцлеръ, чтобы вслѣдъ за королемъ подписать приказаніе, назначавшее министромъ иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателемъ комитета министровъ герцога Мортемара.

Но мѣра эта была уже запоздалая. Битва съ самаго ранняго утра все держалась по близости Лувра; его преимущественно защищали швейцарцы; по недоразумѣнію и по неосмотрительности полковникъ Салисъ вывелъ свой швейцарскій баталіонъ изъ Лувра, не зная навѣрное, пришла ли смѣна; но смѣны не было; за то народъ воспользовался этою оплошностью и ринулся во дворецъ. Было половина перваго. Мармонъ едва успѣлъ, пока толпы ликующей черни разлились по заламъ, вывести остатки своего войска въ тюльерійскій садъ, а оттуда на площадь Étoile, куда сходятся дороги въ Нельи и въ Сенъ-Клу; здѣсь маршалъ остановился и началъ собирать остатки своего войска; что могло выбраться изъ города, то приходило по одиночкѣ и вразсыпную, все, что еще не побраталось съ народомъ и не приняло его стороны; ни одинъ отрядъ не явился на сборное мѣсто въ полномъ составѣ, и не удивительно: въ долгіе часы утомительнаго сраженія, голода и жажды, вдвое мучительнѣе отъ невыносимаго лѣтняго зноя, во все это время никто изъ членовъ королевскаго семейства не показался въ войскѣ, никто не ободрилъ его и не позаботился о его нуждахъ; его предоставили трудной и тяжкой по внутреннему чувству борьбѣ. Чернь, ворвавшись во дворецъ, буйно ломала, била, грабила, что можно было; чего нельзя было брать, или чему не знала цѣны, то портила; прокалывали палками и прострѣливали картины и зеркала, рвали драгоцѣнные обои; нѣкоторые съ неистовствомъ бѣгали, отыскивая ненавистныхъ швейцарцевъ; но швейцарцы спаслись уже; иные разломали дверь винныхъ погребовъ и до безобразія упивались виномъ. Вмѣстѣ съ нападеніемъ на дворецъ было нападеніе на архіепископскій домъ и на другія общественныя зданія; но вездѣ рядомъ съ грубымъ насиліемъ и вандальствомъ были и примѣры безкорыстія и благородства, были многіе, не воспользовавшіеся случаемъ обогатиться и навсегда сбросить съ своихъ плечъ гнетущую нужду, даже нищету; были смѣльчаки, которые пытались остановить грабежъ своихъ товарищей и своими руками убивали виновныхъ, такъ что кровь грабителя смѣшивалась на полу съ разсыпаннымъ золотомъ. Пале-Рояль тоже былъ въ рукахъ народа, но во дворцѣ осталось все неприкосновеннымъ потому только, что герцогъ принадлежалъ къ орлеанскому дому и въ притѣснительныхъ мѣрахъ не принималъ никакого участія.

И такъ, разломанная корона Карла X лежала на землѣ; съ этой точки зрѣнія всякій смотрѣлъ на послѣднія событія; такое убѣжденіе отнимало силу и увѣренность у всякаго, кто вздумалъ бы попытаться стоять за королевскія права. Но, что теперь будетъ? Пора было депутатамъ, единственнымъ представителямъ какой бы то ни было законной власти, взять ее въ свои руки, направить рево-

люцію и привести ее къ какому нибудь хорошему концу; до сихъ поръ народъ, почти безъ всякаго управленія, дѣйствуя по собственному своему внушенію, оставался побѣдителемъ, но теперь на поверхность народной взволнованной массы уже начали всплывать нечистые осадки, таившіеся въ испорченныхъ слояхъ общества и дожидавшіеся только неурядицы, чтобы выбраться наружу. Уже 20 числа, когда массы народа не знали, на что рѣшиться и отыскивали себѣ вождей, одинъ искатель приключеній, отставной офицеръ наполеоновской арміи, Дюбуръ, вообразилъ, что это отличный случай, чтобы выдвинуться, забрать въ свои руки власть и въ этомъ хаосѣ играть значительную роль. Онъ выдалъ себя за генерала, что было очень легко среди невѣжественнаго и ослѣпленнаго страстями народа; къ нему тотчасъ присоединились сотни двѣ народа и онъ съ ними пошелъ въ Отель-де-виль, гдѣ тогда никакихъ властей не было; къ нему присоединился издатель «Constitutionnel», Дюмулень, который напялилъ на себя мундиръ капитана національной гвардіи. Туда же пришелъ Боде, издатель газеты «Время» (Temps); онъ самовольно занялъ мѣсто секретаря этого импровизированнаго правительства; эти люди тотчасъ принялись за дѣло: начали распространять прокламаціи и т. п., какихъ, по ихъ мнѣнію, требовало время. Первою заботою г е н е р а л а Дюбура было — какъ нибудь поскорѣе возвыситься, и онъ приказалъ Дюмуленю написать себѣ приказъ занять должность коменданта Отель-де-виль; затѣмъ онъ уже самъ назначилъ префекта Сены; прошелъ самый короткій срокъ—и у новаго коменданта въ пріемной уже явилась толпа просителей, въ томъ числѣ порядочное количество людей съ громкими старинными и почетными именами; но зло—всегда искать почестей и мѣстъ у всякаго правительства, даже такого, какое было комендантство Дюбура, господствуетъ во всякомъ государствѣ, а во Франціи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тутъ, слѣдовательно, возрастала партія, можетъ быть, сила; ей, во что бы то ни стало, пора было положить границы, чтобы не дать ей разрости съ такъ, что съ нею и ладовъ не будетъ.

Между тѣмъ нерѣшительность депутатовъ мало-по-малу проходила и они сдѣлали попытку дѣйствовать. Около 12 часовъ въ четвергъ въ отелѣ банкира Лафитта собралось отъ 30 до 40 депутатовъ. Первая опасность, казалось, прошла. Могуэнъ первый заговорилъ; онъ предложилъ дѣйствительно назначить временное правительство, мнимымъ существованіемъ котораго уже успокоивали и ободряли народъ. Нѣсколько времени спустя, явился въ собраніе Лафайеттъ, имя и популярность котораго въ эту минуту казались крайне необходимы; ему предложено было принять начальство надъ національной гвардіей; генералу Жерару поручено было начальство надъ войсками, передавшимися народу. Временное правительство Гизо совѣтовалъ назвать м у н и ц и п а л ь н о й к о м м и с с і е й, такъ какъ дѣйствія ея преимущественно ограничатся окрестностями и городскою чертою; названіе это было удачно выбрано, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ примиренія съ правительствомъ, т. е. съ королемъ, названіе это не могло быть помѣхой. Выборъ палъ, послѣ многихъ отказовъ, на Казиміра Перрье, графа Лобо, Шопена, Одри де-Пюираво и Могуэна; это новое правительство было очень осторожно обнародовано, имя Лафайетта непреодолимой силой привлекло толпу и она съ необузданнымъ восторгомъ провожала коммиссію до Отель-де-виль; по дорогѣ каждый изъ членовъ въ своей шляпѣ прицѣпилъ трехцвѣтную кокарду, которыя имъ во множествѣ были выброшены изъ одного окна въ улицѣ О-Феръ (rue aux Fers). Около 5 часовъ муниципальная коммиссія достигла до Отель-де-виль; временное правительство Дюбура, тамъ хозяйничавшее, исчезло само собою; самозванецъ Дюбуръ очень почтительно встрѣтилъ Лафайетта, сталъ подъ его начальство и скинулъ мундиръ, не принадлежащій ему. Изъ лицъ, какія случились подъ рукою и какихъ наскоро можно было набрать, Лафайеттъ устроилъ себѣ генеральный штабъ и издалъ прокламацію, въ которой онъ поздравлялъ народонаселеніе Парижа съ происшедшими перемѣнами и въ которой очень дешевой фразой: «мнѣ нѣтъ надобности высказывать своихъ правилъ, мой образъ мыслей всѣмъ и каждому извѣстенъ!»—отдѣлался отъ необходимости ясно сказать, чего онъ хочетъ и куда наконецъ клонится все возстаніе; онъ и самъ еще ничего опредѣленнаго не зналъ.

Король въ Сенъ-Клу все еще льстилъ себя надеждой, что избраніемъ полулиберальнаго перваго министра, каковъ былъ Мортемаръ, все опять успокоится и дѣла его поправятся. Герцогъ сначала было отказался отъ должности, подъ предлогомъ болѣзни, еще подъ тѣмъ, что давно отсталъ отъ дѣлъ, не слѣдилъ за ними и даже не знаетъ именъ главныхъ предводителей партій. Карлу X пришлось почти силою заставить его принять назначеніе, и герцогъ уступилъ только тогда, когда король затронулъ чувство вѣрноподданническое, которое еще горѣло у него и которымъ такъ гордились прежніе вѣрные слуги престола. Приступили тотчасъ къ тому, чтобы обсудить необходимыя мѣры: кого вновь назначить, когда собрать палату депутатовъ, и назначили для этого самый близкій срокъ, 3 августа; время проходило; во дворцѣ было смятеніе, безпорядокъ и совершенное отсутствіе распорядительности: печальнымъ образцомъ растеряннаго, нетерпѣливаго и нерѣшительнаго человѣка могъ служить герцогъ Ангулемскій; онъ то безъ цѣли ходилъ по комнатамъ, то садился на лошадь, дѣлалъ два три шага и опять слѣзалъ. Наконецъ рѣшился и выѣхалъ со двора; но въ концѣ Булонскаго лѣса онъ встрѣтился съ печальными, истомленными голодомъ и усталостью войсками, которыя повѣсивъ головы, въ безпорядкѣ шли, все еще провожаемыя выстрѣлами. Герцогъ принялъ отъ Мармона начальство надъ ними; но на первый случай надобно было только позаботиться объ удовлетвореніи первыхъ физическихъ нуждъ этого печальнаго, разбитаго и пристыженнаго войска; оно расположилось въ паркѣ, какъ можно было. Около 5 часовъ пополудни король призвалъ къ себѣ остававшагося въ замкѣ Семонвиля и Витроля, и приказалъ имъ отправиться въ Парижъ, чтобы отвезти туда его согласіе на уступки. «Декреты отмѣнены, министры отправлены ко всѣмъ чертямъ!» кричалъ маркизъ изъ оконъ кареты, при встрѣчѣ съ толпами по дорогѣ.

Можетъ быть, еслибы утромъ того же дня дошло извѣстіе о капитуляціи короля, куда слѣдовало, положеніе вещей еще измѣнилось бы. Даже и теперь, то тутъ, то тамъ, на радостный и взволнованный возгласъ маркиза, отвѣчали радостнымъ крикомъ; но чѣмъ болѣе онъ приближался къ Отель-де-виль, тѣмъ замѣтнѣе была разница въ настроеніи народа. Къ 8 часамъ вечера, три депутата подъѣхали къ нему. Ихъ ввели въ залъ, гдѣ собрана была муниципальная коммиссія. Семонвиль передалъ свое порученіе; но на вопросъ одного изъ членовъ, привезъ ли онъ съ собою письменное удостовѣреніе сказаннаго, онъ долженъ былъ сознаться, что порученіе словесное и письменнаго ничего нѣтъ. Въ числѣ присутствующихъ депутатовъ были многіе, которые сочувствовали королю и готовы были принять его капитуляцію, но съ улицы, изъ переднихъ пріемныхъ залъ, съ лѣстницы и съ крыльца постоянно раздавались крики: «Прочь Бурбоновъ! Долой Бурбоновъ!» Очень мѣтко замѣчаетъ извѣстный историкъ Луи Бланъ, вовсе не лестно для короля: «толпа за пролитую кровь требовала не безусловно чего нибудь лучшаго, ей по крайней мѣрѣ—нужна была какая нибудь новизна». По совѣту Перье, д'Аргу обратился къ самому сильному изъ либеральной партіи, къ Лафитту, но и у него были совсѣмъ другія мысли, которыя онъ скрывалъ подъ уклончивымъ отвѣтомъ: «Въ послѣднія сутки прошло больше столѣтія!» Графъ д'Аргу и г. Витроль въ ночь возвратились съ пустыми руками въ Сен-Клу, но у нихъ въ запасѣ оставалась кое-какая надежда. Они удивились и испугались, заставъ тамъ еще герцога Мортемара, котораго давно уже ожидали въ Парижѣ; онъ отъ обманутаго и обманывавшагося короля еще не получалъ никакого полномочія. Подъ впечатлѣніемъ сообщенныхъ депутатами извѣстій на-скоро написали четыре декрета: уничтоженіе и отмѣну опубликованныхъ декретовъ министерства Полиньяка, созваніе палаты на 3 августа, возстановленіе національной гвардіи, назначеніе Перье министромъ финансовъ и Жерарда военнымъ министромъ; необходима была подпись короля, который по обыкновенію своему, послѣ партіи въ вистъ, пошелъ спать. Съ величайшимъ трудомъ можно было добиться отъ гвардейскаго караула, чтобы онъ впустилъ герцога; послѣ нѣсколькихъ колебаній и разговоровъ съ Витролемъ, король наконецъ подписалъ новые декреты, съ которыми министръ и графъ д'Аргу поспѣшили въ Парижъ. Уже начиналось утро — пятница 30 іюля; въ Булонскомъ лѣсу имъ приходилось проѣзжать мимо пикета, которому дано было строжайшее приказаніе никого не пропускать; на-

добно было выйти изъ кареты и отправиться въ обходъ пѣшкомъ. Послѣ долгой, утомительной ходьбы, больной министръ, съ послѣднимъ приказомъ Карла X въ портфелѣ, наконецъ добрался до дома Лафитта, гдѣ надѣялся застать депутатовъ. По дорогѣ онъ встрѣтился съ депутатомъ Бераромъ (было уже 10 часовъ); Бераръ сказалъ, что депутаты къ полудню соберутся во дворцѣ Бурбоновъ, въ обычномъ залѣ засѣданій палаты депутатовъ; но, прибавилъ онъ теперь ужь ничего сдѣлать нельзя. Мортемаръ, изнуренный безсонницей и непривычной ходьбою, кое-какъ добрался до своего отеля, гдѣ упалъ въ продолжительный обморокъ; но къ 12 часамъ немного оправился и пошелъ во дворецъ Люксамбургскій, гдѣ засталъ нѣсколько перовъ, собравшихся вокругъ Семонвилля; отсюда съ запискою и съ новыми королевскими декретами отправилъ онъ графа Кюсси къ Перье во дворецъ Бурбоновъ.

Между тѣмъ еще рано утромъ на всѣхъ перекресткахъ и по домамъ налѣплены были объявленія, написанныя подъ вліяніемъ Лафитта Тьеромъ и другими; въ этихъ объявленіяхъ ясно выставлялась невозможность для Карла X возвратиться когда бы то ни было въ Парижъ, въ стѣнахъ котораго, по его винѣ, «была пролита кровь народа»; въ то же время энергически отвергалась республика, которая порождаетъ только духъ раздора въ народѣ и неминуемо поссоритъ Францію со всѣми остальными европейскими державами; затѣмъ ясно и опредѣленно указывалось на герцога Орлеанскаго, какъ на единственнаго человѣка, способнаго удержать въ своихъ рукахъ трехцвѣтное знамя и выполнить хартію такъ, какъ Франція ее понимала и какъ желала, чтобы она была понята. Этотъ исходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое Франція сама себя поставила, казался лучшимъ, и всѣ вліятельные и мыслящіе люди съ радостью схватились за него.

d) Начало царствованія Людовика Филиппа.

Герцогъ Людовикъ Филиппъ Орлеанскій, глава младшей царствующей во Франціи линіи, родился 6 октября 1773 года. Съ сестрою и двумя старшими братьями онъ воспитывался подъ руководствомъ очень образованной и умной воспитательницы г. Жанлисъ. Онъ едва достигъ юношескаго возраста, когда подъ ногами его заколебалась почва Франціи и бездна французской революціи поглотила и короля, и принцевъ, и духовенство, и дворянство. Тогдашній глава Орлеанской линіи, герцогъ Филиппъ, вѣрный давнишнимъ правиламъ своего семейства, сталъ на сторонѣ оппозиціи; и сынъ его послѣдовалъ примѣру отца, былъ членомъ клуба якобинцевъ и служилъ въ республиканскомъ войскѣ; въ его комнатѣ висѣли картины сраженій при Вальми и Жамаппѣ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Когда же революція приняла дикій характеръ терроризма, онъ вмѣстѣ съ своимъ генераломъ Дюмурье бѣжалъ въ непріятельскій лагерь. Со дня этой катастрофы, апрѣля 1793 года, для него началась долгая скитальческая жизнь, исполненная уроковъ опыта и знанія. Онъ пересталъ называться и быть принцемъ; онъ принужденъ былъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе, подъ именемъ Шабо Латуръ онъ нѣкоторое время былъ учителемъ въ одномъ пансіонѣ въ Рейхенау. Въ мартѣ 1795 года отправился онъ въ Гамбургъ къ Дюмурье; времена еще были такія, что не представляли возможности найти удовлетворенія для его честолюбія. Отсюда онъ въ 1796 году отправился въ Америку, гдѣ провелъ три года и откуда возвратился прямо въ Англію и поселился тамъ. Онъ не потерялъ времени: многому научился, пріобрѣлъ много связей и примирился при первой возможности съ представителемъ старшей линіи Бурбоновъ; но онъ томился бездѣйствіемъ и горько сожалѣлъ о томъ, что ему отказано было въ желаніи принять дѣятельное участіе въ войнѣ за независимость Испаніи при ея отчаянной борьбѣ съ Наполеономъ. Впослѣдствіи ему нечего было сожалѣть объ этомъ, потому что въ народѣ ему ставили въ большую заслугу, что онъ никогда, ни въ какомъ случаѣ не поднималъ оружія противъ французовъ. Судьба за всѣ неудачи послала ему семейное счастье; онъ былъ женатъ на прекраснѣйшей женщинѣ, неаполитанской принцессѣ Маріи Амаліи, дочери далеко не прекрасныхъ Фердинанда и Каролины. Послѣ паденія Наполеона, и онъ возвратился во Францію; когда на нее съ шумомъ налетѣли 100 наполеоновскихъ дней, всѣ иностранныя союзныя державы заговорили о томъ, способны ли Бурбоны держаться на престолѣ и не лучше ли будетъ этотъ принцъ, такъ много испытавшій въ жизни и

такъ многому научившійся, не лучше ли ему стоять во главѣ правленія неспокойной Франціи, не доведетъ ли онъ ее скорѣе всякаго другаго до полнаго примиренія враждующихъ партій и не лучше ли съумѣетъ уладиться съ новыми европейскими требованіями. Но понятіе о чистой прямой законности взяло перевѣсъ; принципъ, какъ его называли, восторжествовалъ—и Людовикъ-Филиппъ, съ чрезвычайнымъ тактомъ и полнымъ пониманіемъ отношеній, не сдѣлавшій ни одного шага, не показавшій ни однимъ словомъ, что домогается престола, спокойно и съ искреннею, или кажущеюся преданностію, подчинился своему законному государю; въ немъ не было пожирающаго честолюбія, которое такъ часто встрѣчается у лицъ, стоящихъ довольно близко къ трону, и въ какомъ обыкновенно подозрѣваютъ людей, имѣющихъ право на него. Онъ по мнѣнію народа обладалъ чисто гражданскими чувствами частнаго человѣка, онъ былъ хорошимъ семьяниномъ и хорошимъ отцомъ семейства — ревностно занимался приведеніемъ въ порядокъ сильно разстроенныхъ частныхъ дѣлъ своего семейства и лично заботился о воспитаніи возраставшихъ дѣтей. Но не смотря на всю честность своей преданности, онъ не могъ отстранить причинъ къ недовѣрчивости и подозрительности, которыя вызывало самое положеніе его и которыхъ не могла уничтожить самая осторожная и самая откровенная предусмотрительность его. Людовикъ XVIII, вполнѣ понимавшій свое положеніе, никогда не забывалъ, что во время ста дней многіе думали о герцогѣ, какъ о человѣкѣ способномъ занять его мѣсто; безчисленное множество недовольныхъ еще возросло при возстановленіи королевской династіи Бурбоновъ; съ надеждой смотрѣли они на либеральнаго герцога и, даже помимо желанія его, во Франціи существовала сильная орлеанская партія. Далѣе: чѣмъ осторожнѣе и чѣмъ незамѣтнѣе держался герцогъ на своемъ мѣстѣ, тѣмъ сильнѣе становилась недовѣрчивость подозрительнаго короля. Однажды Людовикъ XVIII, думая испытать его, сдѣлалъ ему вопросъ на счетъ политическаго положенія Виллеля; герцогъ отвѣтилъ, что онъ до того погруженъ въ свои домашнія, семейныя дѣла и обязанности, что вовсе не занимается политикой; что онъ въ качествѣ простаго путешественника плаваетъ на кораблѣ государства и только благословляетъ руку опытнаго кормчаго. Король улыбнулся; онъ видѣлъ, что герцогъ хитрѣе его. Вѣрная надежда на престолъ, родившаяся въ герцогѣ послѣ насильственной смерти герцога Беррійскаго, если не лично для него, то для его потомства, опять исчезла съ рожденіемъ герцога Бордосскаго; въ отношеніяхъ и въ манерѣ держать себя въ сношеніяхъ съ королемъ такія перемѣны ничѣмъ не обнаружились въ Людовикѣ-Филиппѣ. Онъ жилъ тихо и уединенно въ своемъ замкѣ въ Нейлльи; онъ строго держался въ сторонѣ отъ двора и не хотѣлъ ничѣмъ связывать своей участи и участи своего семейства съ царствующей линіей; онъ ясно видѣлъ, какъ неутомимо она сама приготовляла свое паденіе; кромѣ того, онъ твердо рѣшился ни въ какомъ случаѣ не отправляться опять въ изгнаніе.

Могло случиться, что онъ рѣшится быть королемъ, какъ очень справедливо замѣчаетъ Луи Бланъ, только изъ-за того, чтобы остаться землевладѣльцемъ (propriétaire), и что онъ только для того надѣнетъ французскую корону, чтобы онъ и семейство его сохранили свои имущества и доходы. Въ его замкѣ находили ласковый пріемъ обиженные правительствомъ художники и ученые; съ вождями либеральной и недовольной въ то же время партіи, какъ Лафиттъ и адвокатъ и дѣлопроизводитель его Шарль Дюпень, онъ постоянно оставался въ сношеніяхъ; но ни въ какія объясненія съ ними не входилъ: они безъ словъ понимали другъ друга. Его ли вина, что онъ лучше Карла X и герцогини Ангулемской понималъ текущее время? Все это видѣлъ и соображалъ народъ; были услужливые люди, которые все это своевременно растолковывали ему; своею простотою и отсутствіемъ всякой претензіи чѣмъ нибудь выказаться, онъ успѣлъ пріобрѣсть популярность; съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣли на то, что сыновья его ходили въ учебныя заведенія наравнѣ со всѣми. Можетъ быть, все дѣлалось съ дальновиднымъ разсчетомъ, но все это было очень умно, и никто ни въ чемъ не могъ упрекнуть его.

Какъ при открытіи палатъ, въ началѣ года, шляпа упала изъ рукъ короля, при неосторожной попыткѣ перемѣнить существующій порядокъ вещей

и возстановить невозможное, такъ и теперь при такой же попыткѣ, упала и самая корона; и тутъ и тогда герцогъ стоялъ подлѣ него, но на этотъ разъ ему не пришлось даже наклониться, чтобы поднять ее; ему поднесли ее, безъ всякихъ предварительныхъ домогательствъ.

Въ пятницу, 30 іюля въ 8 часовъ утра, въ отелѣ Лафитта опять собрались депутаты, которые шли объ руку съ волненіемъ. Всѣмъ было ясно, что произошелъ рѣшительный шагъ, что отступать нельзя больше, что пора установить настоящее, правильное правительство; ежели на состояніе дѣлъ смотрѣть такъ, чтобы съ одной стороны не было Бурбоновъ, а, съ другой стороны, не было республики, тогда нечего было искать, кому вручить правленіе; кромѣ герцога Орлеанскаго не на кого было указать. Депутаты, избранные среднимъ сословіемъ, т. е. представители интересовъ богатаго и средняго сословія, тревожились болѣе всего, потому что при революціи могли потерять болѣе другихъ. Впродолженіе трехдневной битвы самыми горячими борцами были рабочіе и учащаяся молодежь; національная гвардія дѣйствовала нерѣшительно; но когда побѣда несомнѣнно была уже на сторонѣ народа, она явилась на мѣстѣ сраженія больше съ тѣмъ, чтобы защищать свое имущество, которому еще пока не угрожала ни малѣйшая опасность; еслибы предоставить волю народу и неразумной молодежи, тогда республика неминуемо установилась бы и кто знаетъ, можетъ быть, въ короткое время вернулись бы происшествія 1793 года, хотя въ сущности, большинство народонаселенія Франціи не хотѣло республики и скорѣе ожидало роялистической реакціи, для которой всѣ данныя были въ достаточной силѣ. Въ либеральной партіи было много людей, знакомыхъ съ исторіей, у нихъ въ воображеніи была жива картина англійской революціи 1689 года; тутъ удалось довольно прочно и на долгое время утвердить господство средняго сословія народа, не нарушая организма всего государственнаго устройства и не поднимая народа до самыхъ низкихъ слоевъ его; имъ хотѣлось бы того же для Франціи. Тамъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ принцъ Оранскій, здѣсь можно было найти того же въ герцогѣ Филиппѣ Орлеанскомъ; основываясь на этомъ, нѣсколько голосовъ прямо и рѣшительно требовали устранить Карла X и наслѣдникомъ его избрать герцога.

Но дѣла такъ поспѣшно не дѣлаются. Въ 12 часовъ, какъ мы уже знаемъ, депутаты собрались въ обычной залѣ для засѣданій во дворцѣ Бурбоновъ на южномъ берегу Сены. Послѣ нѣсколькихъ толковъ и разсужденій въ ту и другую сторону положено было: дать муниципальной коммиссіи формальное полномочіе на веденіе дѣлъ и присовокупить право усилить число членовъ посредствомъ новыхъ назначеній; по предложенію единственнаго присутствовавшаго тутъ роялиста, уважаемаго Гиде-де-Невилля было положено: избрать коммиссію изъ пяти членовъ и отправить въ Люксамбургскій дворецъ, чтобы тамъ вмѣстѣ съ такою же коммиссіею изъ перовъ согласиться въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ; знали о назначеніи Мортемара и никто ничего не сказалъ; слѣдовательно, была еще возможность для Карла X удержать за собою престолъ. Коммиссія только-что отправилась по назначенію, какъ явился Сюсси съ декретами короля, по порученію Мортемара. Декреты прочитали; но Лафиттъ отказался принять ихъ и вписать въ архивъ палаты. Сюсси, ничего не достигнувъ, отправился въ Отель-де-вилль. Депутаты между тѣмъ продолжали свои совѣщанія; секретарь муниципальной коммиссіи, адвокатъ Одилонъ Барро, явился отъ генерала Лафайетта съ порученіемъ объяснить коммиссіи его опасеніе, что народъ, безъ посредничества палатъ, самъ рѣшитъ дѣло; тотчасъ послали въ палату перовъ, съ приказаніемъ коммиссіи—возвратиться, потому что каждый изъ членовъ чувствовалъ, что нельзя терять времени, что конецъ долженъ придти какъ можно скорѣе.

Въ Отель-де-виль по крайней мѣрѣ одностороннее рѣшеніе было уже произнесено, а именно отрицательное. Посланный Мортемаромъ г. Сюсси явился тутъ въ ту минуту, когда вооруженный народъ и молодые люди наполняли залы, толпились, волновались и шумѣли; когда они узнали, въ чемъ дѣло, поднялся неистовый крикъ: «не надобно больше Бурбоновъ, долой Бурбоновъ!» Восклицаніе это было повторено тысячами голосовъ народа, грозными массами волновавшагося у крыльца, на улицѣ и на площади. «Вы видите, сказалъ Лафайетъ, оружіе рѣшило!» и послалъ господина Сюсси къ муниципальной коммиссіи, которая только

что утверждена была депутатами. Уполномоченный Мортемара сложилъ свои бумаги съ выраженіемъ полной безнадежности; здѣсь еще менѣе можно было ожидать, чѣмъ отъ палаты депутатовъ, къ тому же коммиссія издала прокламацію, начинавшуюся словами: «Жители Парижа! Карлъ X уже пересталъ царствовать во Франціи». Но кому послѣ него быть королемъ, о томъ въ прокламаціи ни слова не говорилось; она отдѣлывалась только пустыми выраженіями, упоминала о «народныхъ цвѣтахъ», объ «удивленіи отечества и его благодарности» и оканчивалась ничего незначущими восклицаніями: «да здравствуетъ Франція, да здравствуютъ парижане, да здравствуетъ свобода!»

Такими восклицаніями можно окончить оперу, или драматическое представленіе, но для критическаго положенія, въ какомъ находилось государство, это не могло служить развязкой, потому что ни Франція, ни народонаселеніе Парижа, ни свобода не могли существовать одними народными кликами. Между тѣмъ какъ это происходило въ Отель-де-виль, собраніе депутатовъ во дворцѣ Бурбоновъ дожидалось возвращенія членовъ, отправленныхъ въ палату перовъ въ видѣ депутаціи. Наконецъ они возвратились, и генералъ Себастіани отъ имени своихъ товарищей далъ отчетъ. Собравшіеся перы, говорилъ онъ, взвѣсивъ запутанное и опасное положеніе государства, подобно палатѣ депутатовъ, видятъ одинъ только исходъ, а именно: немедленно отправить къ герцогу Орлеанскому депутацію; пригласить его въ Парижъ и просить взять на себя должность генералъ-штатгальтера королевства. Загадка была рѣшена, и Лафиттъ, не размышляя и не совѣщаясь долго, поставилъ вопросъ прямо и безъ оговорокъ; тотчасъ принялись подавать голоса; это шло очень быстро, потому что каждый изъ присутствовавшихъ въ самомъ себѣ давно уже порѣшилъ съ этимъ дѣломъ почти всеобщимъ большинствомъ противъ трехъ только отрицательныхъ голосовъ, вопросъ былъ разрѣшенъ удовлетворительно и тотчасъ принялись сочинять декларацію почти такъ; «Собраніе, членовъ палаты депутатовъ находитъ крайне необходимымъ, чтобы его королевское высочество герцогъ Орлеанскій немедленно прибылъ въ Парижъ и вступилъ въ исполненіе должности главнаго штатгальтера королевства (Lieutenant-général), и въ то же время депутаты покорнѣйше просятъ о сохраненіи національныхъ цвѣтовъ.» Нѣкоторые депутаты начали оспаривать декларацію; они говорили, что ихъ избиратели не дали имъ полномочія, измѣнять династію; но ихъ очень скоро заставили замолчать, увѣривъ ихъ, что хотя декларація подготовляла перемѣну династіи, но ни въ какомъ случаѣ не совершала ее. Выбрали двѣнадцать человѣкъ изъ членовъ палаты депутатовъ и поручили имъ поднести герцогу Орлеанскому эту декларацію отъ имени цѣлаго собранія депутатовъ.

Такой оборотъ дѣла не испугалъ и не удивилъ герцога, потому что ему хорошо было извѣстно все, что дѣлалось въ столицѣ. Еще 28, когда битва кипѣла, другъ и банкиръ его, Лафиттъ послалъ ему въ Нельи, гдѣ онъ жилъ съ семействомъ, подробный отчетъ о томъ, что происходитъ. Герцогъ ни одной строкой не отвѣчалъ на длинное письмо и велѣлъ только словесно поблагодарить за извѣстіе. Герцогъ Орлеанскій съ давнихъ поръ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Лафиттомъ; крупный банкиръ съ громаднымъ, царственнымъ состояніемъ и, что еще важнѣе, умѣвшій употреблять его достойнымъ и благороднымъ образомъ, на пользу своихъ согражданъ, познакомился съ герцогомъ еще 30 лѣтъ передъ тѣмъ, когда былъ бѣденъ и незамѣтенъ; Лафиттъ прибылъ въ Парижъ еще очень молодымъ человѣкомъ, безъ средствъ и безъ связей, но своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ, знаніемъ, умомъ и дѣятельностью съумѣлъ возвыситься; еще въ 1815 году нашелъ онъ случай оказать одолженіе герцогу, который цѣнилъ людей, подобныхъ Лафитту, и умѣлъ чувствовать благодарность за оказанную услугу.

Побѣда въ улицахъ Парижа осталась на сторонѣ народа, и Лафиттъ отправилъ герцогу новое письмо; оно заставило герцога рѣшиться выжидать спокойно, что будетъ; онъ видѣлъ, что болѣе всего выиграетъ, если не будетъ торопиться и если только во время выступитъ на политическое поприще; чтобы быть поближе къ мѣсту дѣйствія, онъ изъ Нельи переѣхалъ въ загородный домъ въ сосѣдствѣ съ Парижемъ и оставался тамъ неизвѣстнымъ, сообщивъ только самымъ преданнымъ людямъ о мѣстѣ своего жительства. Въ это время дали Карлу X совѣтъ

арестовать герцога Орлеанскаго. Но король съ негодованіемъ отвергнулъ совѣтъ; онъ не могъ подумать, чтобы двоюродный братъ его, которому онъ никогда никакого зла не сдѣлалъ и котораго, по законамъ чести и родства, считалъ неспособнымъ принять какое бы то ни было участіе въ возмущеніи, могъ быть за одно съ его врагами.

Когда депутація палаты депутатовъ 30 іюля явилась въ Пале-Рояль съ деклараціей, герцога тамъ не нашли и генералъ Себастіани передалъ одному изъ придворныхъ слугъ ноту; черезъ нѣсколько часовъ отъ герцога пришелъ отвѣтъ; онъ писалъ, что пріѣдетъ въ Парижъ на слѣдующій день. Но по убѣдительному письму Лафитта, онъ, однакожь, пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ, и пригласилъ къ себѣ въ Пале-Рояль нѣсколько замѣчательныхъ людей, въ числѣ которыхъ былъ старый князь Талейранъ; совѣтъ его былъ нуженъ: онъ лучше всякаго зналъ крѣпко ли стоитъ престолъ Франціи и долговѣчно ли то, или другое правительство. Надобно замѣтить, что тутъ сошлись все люди умные и наблюдательные; они съ разныхъ сторонъ разсматривали, обсуживали всевозможныя случайности, какія могутъ при томъ, или другомъ случаѣ представиться; не упустили изъ виду въ общихъ чертахъ приготовить отвѣтъ на всякій возможный случай и надобно признаться, что всѣ грани вопросовъ были отлично подготовлены и обсуждены; вотъ отчего при разыгравшейся, вслѣдъ затѣмъ, главной государственной перемѣнѣ, принцъ выполнилъ свою роль безукоризненно.

Совѣщаніе длилось долго; утромъ 31 іюля герцогъ Орлеанскій увидѣлся съ герцогомъ Мортемаромъ; онъ ему представилъ все затруднительное положеніе свое, но съ цѣлью, чтобы слова его переданы были королю говорилъ, что его въ Парижъ привела забота и опасеніе, чтобы чего нибудь не случилось съ его женою и дѣтьми, тѣмъ болѣе, что ихъ уже пытались оскорбить; онъ въ горячихъ словахъ говорилъ о своей преданности королю и въ заключеніе прибавилъ, что никогда не рѣшится принять корону, хотя бы ее и предложили ему. Въ 9 часовъ къ нему явилась депутація палаты депутатовъ. Онъ принялъ ее съ самою изысканною, предупредительною и увлекательною ласкою, такъ привычною этому человѣку невзыскательному, простому, никогда не имѣвшему никакого вѣса и значенія, этому гражданину, принадлежащему къ народной массѣ; если онъ этого не чувствовалъ, то по крайней мѣрѣ отлично выражалъ на словахъ. Въ положеніи герцога, въ самой ролѣ его заключалась задача казаться нерѣшительнымъ, боязливо совѣстливымъ. Депутація дожидалась отвѣта, а онъ вновь совѣтовался съ генераломъ Себастіани, своимъ довѣреннымъ, и съ своимъ адвокатомъ, старшимъ Дюпенемъ; черезъ три четверти часа онъ вышелъ къ депутаціи изъ сосѣдней комнаты послѣ совѣщанія съ Себастіани и Дюпенемъ и принесъ съ собою объявленіе, написанное съ большимъ искусствомъ и осторожностью такъ, чтобы не испортить своихъ отношеній къ королю; онъ объявилъ жителямъ Парижа, что принимаетъ на себя обязанности генеральнаго штатгальтера, и оканчивалъ словами: «Хартія отнынѣ будетъ непреложною истиною». Съ этимъ актомъ депутація возвратилась въ палату депутатовъ; она съ своей стороны отвѣчала декларацією, написанной Гизо, на объявленіе герцога, и надобно замѣтить, она очень ловко толковала слова герцога и повторила конецъ его объявленія, которое немедленно было напечатано и прибито на углахъ; слова: «хартія отнынѣ будетъ непреложною истиною!» повторялись вездѣ, и декларація палаты депутатовъ обнародовала еще различныя мѣры, какія могли служить гарантіей для исполненія хартіи; во главѣ ихъ было возстановленіе національной гвардіи съ избирательнымъ правомъ голоса для всѣхъ офицеровъ ея; участіе гражданъ при учрежденіи мѣстнаго правительственнаго состава; судъ присяжныхъ въ дѣлахъ печати, отвѣтственность министровъ и другихъ правительственныхъ лицъ; безопасность въ обладаніи военныхъ и гражданскихъ должностей—все это было постановлено и на этотъ разъ не нуждались въ королевской подписи, какъ это прежде было: 91 членъ дали свои подписи и рѣшено было эту декларацію при огромномъ стеченіи народа, поднести генералъ-штатгальтеру. Лафиттъ тотчасъ прочиталъ ее народу; вмѣстѣ съ нимъ на балконъ вышелъ герцогъ Орлеанскій, толпа встрѣтила обоихъ съ оглушительными криками восторга.

Но общее настроеніе не вездѣ было такое благопріятное. Народъ и учащаяся, буйная молодежь думали, что они сражались за республику, имѣя ее въ виду, толпами обступали Отель-де-вилль и дожидались только удобнаго мгновенія, чтобы провозгласить ее; президентъ, старый генералъ Лафайетъ уже заранѣе ими предназначенъ былъ занять мѣсто президента республики. Еще 30 числа довольно значительное число чистыхъ республиканцевъ собрались въ ресторанѣ Луатье и, написавъ адресъ, навязали его своему герою, который не зналъ, чего они и чего самъ онъ хотятъ. Съ трудомъ удерживалъ онъ и члены миниципальной коммиссіи восторженныхъ молодыхъ людей въ границахъ, посредствомъ либеральныхъ разговоровъ; но привыкнувъ льстить народу и наоборотъ, поддаваясь его лести, они не могли вполнѣ оставаться нечувствительными къ его вліянію; извѣстіе о декларації депутатовъ въ пользу герцога Орлеанскаго, дошло до нихъ только поутру 31 числа. Въ кружкахъ политехниковъ и студентовъ и между тѣми, которые въ смѣлыхъ и дерзкихъ выходкахъ ихъ видѣли выраженіе глубокой политической мудрости, не очень взвѣшивали громкія слова и исполинскія рѣшенія; для нихъ все было хорошо; они смотрѣли на себя, какъ на великихъ дѣятелей, привыкли думать, что отъ нихъ надобно было ждать переворота; они жизнь свою ставили на карту, они-то и составляли побѣдоносный народъ. Они не могли выносить, чтобы король свою волю и свое личное убѣжденіе навязывалъ имъ, какъ непреложный законъ, но теперь никто изъ нихъ не находилъ страннымъ, чтобы 18 лѣтніе юноши, во имя свободы, распоряжались судьбою государства въ 30 милліоновъ жителей.

При такихъ обстоятельствахъ герцогъ принялъ умное, но въ то же время смѣлое рѣшеніе. Онъ намѣревался лично отправиться въ Отель-де-вилль во главѣ депутатовъ. Онъ, очевидно, подвергалъ жизнь свою опасности; какой нибудь фанатикъ могъ убить его изъ окна, изъ-за угла, или изъ середины какой либо толпы народной. Онъ верхомъ шагомъ поѣхалъ впереди, за нимъ въ креслѣ понесли Лафитта, у котораго была больная нога, за ними пѣшкомъ шли депутаты; громкіе восторженные клики народные провожали ихъ отъ Пале-Рояля до Лувра; но по мѣрѣ того, какъ шествіе приближалось къ Отель-де-вилль, клики умолкали. Начиная отъ Понъ-нефъ восклицаній больше не было; на Гревской площади съ трудомъ и медленно можно было пробираться сквозь густую безмолвную массу народа, и начались то тамъ, то здѣсь крики: «да здравствуетъ Лафайетъ! Да здравствуетъ свобода!» Не смотря однакожь на это, шествіе благополучно дошло до лѣстницы Отель-де-виль; тутъ Лафайеттъ встрѣтилъ герцога со всею изысканною вѣжливостію, приличною французскому маркизу. Въ оружейной палатѣ, находилась муниципальная коммиссія и генеральный штабъ Лафайетта; здѣсь одинъ изъ депутатовъ прочиталъ декларацію палаты; одинъ изъ фанатиковъ, грубый, неуклюжій самозванецъ-генералъ Дюбуръ выступилъ прямо къ герцогу и дерзко сказалъ ему, что тутъ есть люди, которые съумѣютъ заставить его вспомнить свои обязанности, если онъ, паче чаянія, забылъ ихъ; этимъ случаемъ воспользовался герцогъ, чтобы противупоставить надменной дерзости революціонера приличное принцу достоинство и самообладаніе; Лафайеттъ, вовсе неспособный выполнять роль, навязанную ему восторженною пылкою молодежью, тутъ же почтительно передалъ герцогу трехцвѣтное знамя, этотъ кумиръ парижской молодежи. Герцогъ развернулъ его, вмѣстѣ Лафайеттомъ подошелъ къ открытому окну и публично обнялъ и поцѣловалъ генерала; этимъ онъ выигралъ дѣло: къ восклицаніямъ «да здравствуетъ Лафайеттъ!» присоединилось «да здравствуетъ герцогъ!» И здѣсь французы остались вѣрны своему характеру: на нихъ особенно сильно дѣйствуютъ хорошо разыгранныя патетическія сцены. Послѣ этого безъ труда устранена была муниципальная коммиссія; но она еще назначила новое министерство, которое получило утвержденіе генералъ-штатгальтера, потому что оно было составлено при его содѣйствіи; Дюпонъ de l'Eure, человѣкъ строгихъ республиканскихъ правилъ, сдѣланъ былъ министромъ юстиціи, баронъ Луи— министромъ финансовъ, де Риньи — морскимъ, Жераръ — военнымъ, Биньонъ— иностранныхъ дѣлъ, Гизо — просвѣщенія, Казиміръ Перье министромъ внутреннихъ дѣлъ; Лафайеттъ остался начальникомъ національной гвардіи, гдѣ онъ попрежнему былъ на видномъ мѣстѣ, но гдѣ по крайней мѣрѣ не могъ вредить.

Такимъ образомъ раздѣлались съ республикой; и здѣсь много помогло счастливое настроеніе французскаго характера легко и ловко нѣсколькими меткими остротами и выраженіями преодолѣвать трудности своего положенія и выходить безъ затрудненія изъ самыхъ запутанныхъ отношеній. Королевскій тронъ, замѣчали нѣкоторые, будетъ опираться на республиканскихъ началахъ, или говорили другіе, герцогъ Орлеанскій самъ первая и лучшая республика; когда же впослѣдствіи дѣла пошли въ этой лучшей изъ республикъ не совсѣмъ на республиканскій ладъ, то все-таки оставалась надежда при случаѣ измѣнить ее на новую, лучшую.

На первое время весь вопросъ состоялъ въ томъ, какъ лучше и вѣрнѣе сладить съ идеей королевства, какъ принадлежности старшей линіи, съ ея приверженцами въ остальной Франціи за предѣлами Парижа.

Большихъ трудностей не предвидѣлось. Когда рѣшеніе депутатовъ состоялось 30 іюля и герцогъ Орлеанскій сдѣлалъ первый шагъ, чтобы взойти на первую ступеньку трона, въ Сенъ-Клу еще находилось войско въ 12,000 человѣкъ и 40 орудій, готовыхъ къ бою. Порядокъ въ войскѣ былъ возстановленъ и подкрѣпленіе могло тотчасъ быть стянуто изъ лагеря Сентъ-Омера и Люневилля. Королю совѣтовали удалиться или въ Орлеанъ, или въ Туръ, призвать туда палаты перовъ и депутатовъ, генераловъ и всѣхъ первыхъ чиновъ государства. Еще во власти Карла X была возможность начать междоусобную войну, вести ее нѣкоторое время и переломить тиранію столицы, которая уже въ четвертый разъ рѣшала судьбу Франціи. Наступила минута, въ которую можно было выказать себя, но врожденная апатія, безхарактерность, отсутствіе свѣтлаго, способнаго къ быстрымъ соображеніямъ ума сдѣлали его жалкимъ, слабымъ человѣкомъ, не способнымъ ни къ какой энергической мѣрѣ, ни къ какому рѣшенію; къ тому же дурно направленный піетизмъ окончательно сбилъ его съ толку. Онъ себя увѣрялъ, что печальный оборотъ политическихъ дѣлъ, которыя мучительно тревожили его, посланы ему въ наказаніе за грѣхи его и, слѣдовательно, избавляли его отъ необходимости рѣшиться на какую нибудь крутую мѣру. Еще болѣе плачевную фигуру представлялъ дофинъ, герой нашествія на Испанію и вмѣшательства въ испанскія дѣла; послѣ сильной размолвки съ Мармономъ и послѣ крупнаго разговора съ нимъ, онъ на мѣсто его назначенъ былъ главнокомандующимъ войсками. Уступая тревожнымъ опасеніямъ герцогини Беррійской, которая заботилась о правахъ и участи своего десятилѣтняго сына, будущаго наслѣдника престола, онъ въ ночь 31 іюля приказалъ сказать королю, что Сенъ-Клу угрожаетъ опасность; король съ герцогиней и ея сыномъ поспѣшно удалился въ Тріанонъ; около полудня туда же прибылъ герцогъ Ангулемскій, вмѣстѣ съ войскомъ, значительно уменьшившимся побѣгами. Здѣсь-то въ Тріанонѣ король, казалось, ободрился и наконецъ рѣшился дѣйствовать энергически—удалившись въ Туръ, или Орлеанъ, опять взяться за кормило правленія. Но рѣшимость его была кратковременна и онъ продолжалъ отступать; въ Рамбулье къ нему присоединилась герцогиня Ангулемская, возвращавшаяся, послѣ путешествія по Франціи; и она привезла съ собою тревожныя извѣстія: вездѣ, гдѣ она проѣзжала, было волненіе и возстаніе уже повсюду закипѣло. Въ Тріанонѣ король узналъ, что герцогъ Орлеанскій возведенъ народомъ въ званіе генералъ-штатгальтера: въ этомъ событіи король видѣлъ для себя исходъ, примирительный способъ; прибывъ въ Рамбулье, онъ 1 августа подписалъ съ своей стороны декларацію, въ которой тоже назначалъ генералъ-штатгальтеромъ государства того же самаго герцога Орлеанскаго и такимъ образомъ рѣшенію революціи далъ свою ратификацію; онъ не сомнѣвался въ честности и преданности своего двоюроднаго брата, тѣмъ болѣе, что разговоръ послѣдняго съ Мортемаромъ отъ слова до слова былъ переданъ ему.

Съ этимъ документомъ графъ Александръ Жирарденъ отправился изъ Тріанона, въ семь часовъ утра прибылъ въ Парижъ и поѣхалъ прямо въ Пале-Рояль. Адвокатъ Дюпень, находившійся въ ту минуту во дворцѣ, посовѣтовалъ герцогу, по причинѣ такъ далеко зашедшихъ дѣлъ, дать рѣшительный отвѣтъ и разомъ окончить всѣ отношенія къ старшей линіи; на этотъ разъ совѣтъ былъ хорошъ, явный разрывъ былъ лучше, нежели недостойная, двусмысленная игра продолжавшаяся и безъ того уже такъ долго и которая теперь могла получить характеръ низкаго обмана. Но Людовикъ-Филиппъ не такъ поступилъ: онъ на

королевское объявленіе отвѣчалъ въ тонѣ преданности; но за то съ нотаблями либеральной партіи, Перье, Гизо, Себастіани, Лафиттомъ, и другими вошедшими къ нему нѣсколько часовъ спустя, онъ говорилъ совсѣмъ въ иномъ тонѣ. Намѣреніе короля, говорилъ онъ, очевидно; онъ, по примѣру всѣхъ членовъ старшей линіи, хочетъ только сдѣлать меня подозрительнымъ въ глазахъ либеральной партіи.

Людовикъ-Филиппъ между тѣмъ все болѣе и болѣе укрѣплялся на своемъ мѣстѣ. Удаленіе отъ должности членовъ муниципальной коммиссіи онъ принялъ съ изъявленіемъ имъ своей глубокой благодарности, просилъ ихъ на время еще заняться управленіемъ Парижа и для этого собираться въ Отель-де-вилль; теперь главною заботой его было устранить съ своей дороги неопасное, но неудобное лицо короля. Онъ придумывалъ средства, какъ бы достигнуть желаемой цѣли, позвалъ къ себѣ герцога Мортемара и выразилъ ему живѣйшее опасеніе за жизнь и личную безопасность короля: до него дошли свѣдѣнія, говорилъ онъ, что возстаніе разростается въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ королевскою резиденціей. Мортемаръ съ своей стороны былъ убѣжденъ, что для Карла все потеряно, что никакой надежды ему больше не остается, но его волновала и тревожила мысль, что, можетъ быть, его ожидаютъ еще болѣе тяжкія личныя испытанія и несчастія; онъ нашелъ необходимымъ, чтобы король и дофинъ отказались отъ своихъ правъ на престолъ и пока спокойствіе не возстановится, на время удалились изъ Франціи. Составлена была депутація; въ нее назначены были герцогъ Куаньи, адъютантъ герцога Бордосскаго, маршалъ Мезонъ — оба люди преданные королю и, какъ можно предположить, пріятныя ему личности — далѣе изъ приверженцевъ партіи Лафайетта, господа Шопень и Одилонъ Барро; они отправились въ Рамбулье. Нѣкоторое время король колебался и готовъ былъ рѣшительно отклонить отъ себя дерзкое предложеніе; но русскій посланникъ, Поццо-ди-Борго, также уговаривалъ его, представлялъ, что добровольное отреченіе отъ престола необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ спасти монархію во Франціи, тогда король рѣшился принести жертву, какъ онъ справедливо называлъ, послѣднюю, для блага государства. Онъ написалъ письмо генералъ-штатгальтеру, въ которомъ за себя и за дофина отказывался отъ всѣхъ своихъ правъ на престолъ Франціи, въ пользу своего внука, герцога Бордосскаго. «Въ силу этого отреченія, писалъ онъ, вы, въ качествѣ генералъ-штатгальтера королевства, обязаны провозгласить восшествіе на престолъ законнаго наслѣдника престола Генриха V. За тѣмъ вы примете всѣ зависящія отъ васъ мѣры, чтобы утвердить форму правленія, во время несовершеннолѣтія новаго короля.» Этотъ актъ привезъ герцогу генералъ графъ Латуръ-Фуассакъ, 2 августа послѣ обѣда; Людовикъ-Филиппъ принялъ письмо и отвѣчалъ, что онъ сообщитъ дипломатическому корпусу актъ отреченія и положитъ его на храненіе въ архивъ палаты перовъ. Что же касается до того, признаютъ ли герцога Бордосскаго королемъ, или нѣтъ, это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ въ настоящую минуту ни предвидѣть, ни исчислить нельзя.

Такимъ образомъ положеніе дѣлъ опять запутывалось. Съ точки зрѣнія законности правъ, королемъ былъ Генрихъ V; этотъ десятилѣтній мальчикъ не имѣлъ ничего общаго съ ненавистными народу декретами и побѣда либеральной партіи была довольно велика, хотя бы дѣло кончилось только отреченіемъ короля и дофина. Но для Людовика-Филиппа этого было мало; онъ зашелъ уже слишкомъ далеко и долженъ былъ, или захватить престолъ, или погибнуть. Прежде всего надобно было выгнать короля изъ Франціи и такъ какъ этого нельзя было достигнуть средствами, до сихъ поръ употребленными, рѣшились достигнуть этого запугавъ его. Съ этой цѣлью придумали разыграть очень недостойную комедію. Поутру 3 августа, назначеннаго для открытія палатъ, повсюду разнеслась молва, что король намѣренъ сдѣлать нападеніе на Парижъ. Революціонный аппаратъ вновь добываютъ; опять въ улицахъ раздается генеральный маршъ, въ Елисейскихъ поляхъ собираются толпы волонтеровъ, шумныя, безпорядочныя кучи, вооруженныя, какъ и чѣмъ попало, опять неистово вопятъ: «впередъ, въ Рамбулье!» Чтобы предупредить безчинства, къ толпѣ этой присоединили два батальона національной гвардіи и генералу Пожолю предоставлена была сомнительная честь командовать этой недостойной экспедиціей, противъ которой должно было бы вооружаться чувство справедливости и чести. Это постыдное дѣло вполнѣ удалось; къ

вечеру авангардъ этого сброда находился уже въ получасѣ ходьбы отъ Рамбулье. Три коммиссара—герцогъ Куаньи отказался участвовать въ этомъ нечистомъ дѣлѣ—фонъ-Шопенъ, Одилонъ-Барро и маршалъ Мезонъ пошли къ королю. Онъ объявилъ, что у него никакихъ замысловъ нѣтъ: «Я далъ на все полномочіе генералъ-штатгальтеру, говорилъ король, я на все готовъ съ условіемъ, чтобы онъ герцога Бордосскаго возвелъ на престолъ.» Карлъ рѣшился спокойно дожидаться исхода. Но Одилонъ-Барро умолялъ его, ради герцога Бордосскаго, поскорѣе уѣхать. «Тронъ молодаго короля, говорилъ онъ съ жаромъ, оставаясь при своей коварной роли, не долженъ быть обагренъ кровью», а маршалъ Мезонъ въ яркихъ краскахъ описалъ весь ужасъ предстоящей битвы, потому что 60,000 человѣкъ стоятъ подъ Рамбулье. Король спросилъ у своего генерала: можетъ ли онъ по чести подтвердить это? Маршалъ повторилъ сказанное, только прибавилъ: кто же въ точности знаетъ число? кто ихъ считалъ? Можетъ быть тутъ 60,000 человѣкъ, можетъ быть только 59,000 или еще меньше. Какъ бы то ни было, но цѣль была достигнута, король рѣшился немедленно уѣхать вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Коммиссары и войско провожали его; на слѣдующій день отпустилъ онъ войска, исключая тѣлохранителей (gardes du corps), которые сопровождали его до Шербурга, гдѣ онъ намѣревался сѣсть на корабль.

Въ Парижѣ теперь событія развивались безъ всякой помѣхи. 3 августа въ часъ пополудни произошло открытіе палатъ. Герцогъ штатгальтеръ отправился во дворецъ Бурбоновъ; тамъ собралось около 200 депутатовъ и около 40 перовъ. Герцога встрѣтили съ криками восторга; онъ сказалъ рѣчь, въ которой ни слова не говорилось о королѣ; только въ концѣ сообщилъ онъ палатамъ, что отъ короля и отъ дофина получилъ актъ полнаго отреченія отъ престола и что положилъ этотъ документъ для храненія въ архивъ палаты перовъ; но онъ не упомянулъ о томъ ни слова, что король и дофинъ передавали свои права малолѣтнему герцогу Бордосскому.

На слѣдующій день палаты открыли свои засѣданія въ обычныхъ мѣстахъ. Депутаты приступили къ избранію должностныхъ лицъ: первымъ президентомъ штатгальтеръ назначилъ Казиміра Перье, на долю котораго пришлось большее число голосовъ. Этотъ выборъ показывалъ, какое настроеніе господствуетъ въ палатѣ. Хотѣли допускать революцію на столько, на сколько нельзя было обойтись безъ нея; надобно было сохранить старую хартію, при новомъ министерствѣ, и такъ какъ необходимо нужно было обращать вниманіе на настроеніе народа, въ сущности произведшаго революцію и не хотѣвшаго, чтобы кровь его лилась только изъ-за новаго министерства, то рѣшились приступить къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ, дать государству новаго короля; одинъ изъ молодыхъ людей, удостоенный наканунѣ долгимъ разговоромъ съ Людовикомъ-Филиппомъ, назвалъ его очень ловко «о д н и м ъ и з ъ большинства, однимъ изъ 122». Если бы удалось провести этотъ планъ, т. е. налить стараго вина въ новые мѣхи, тогда либеральная партія достигла бы того, чего желала: господство хартіи утвердилось бы въ очевидную и несомнѣнную пользу тѣхъ самыхъ слоевъ общества, которые всегда за нее стояли, и которымъ ничего большаго желать не оставалось; особенно, если хранителемъ хартіи будетъ король, только при помощи этой хартіи достигшій трона, какъ землевладѣлецъ и капиталистъ, съ давнихъ временъ бывшій на ея сторонѣ.

Всѣ предварительныя, подготовительныя мѣры были приняты; 7 августа назначено было рѣшительное засѣданіе. Огромныя массы черни кипѣли и волновались въ окрестностяхъ дворца; чтобы ихъ успокоить и устранить всякое вмѣшательство ихъ, опять надобно было прибѣгнуть къ популярности стараго Лафайетта. Въ палатѣ теперь находилось 281 депутатъ; между ними было также довольно много легитимистовъ, и они съ своей точки зрѣнія излагали дѣло; краснорѣчиво доказывали незыблемость своихъ правилъ, не измѣняющихся поминутно по прихоти, или народному настроенію; если судьба народа должна рѣшаться на основаніи закономъ установленныхъ и вѣками признанныхъ коренныхъ правилъ, то ничего нельзя было найти, чтобы можно было сказать имъ въ опроверженіе. «Припомнимъ, говорилъ Конни, что Франція связана клятвою, что клятва приковываетъ ее къ престолу, на который должно взойти дитя, въ силу двухъ добровольныхъ отреченій отъ него.» Другіе говорили, что не могутъ быть судьями въ этомъ дѣлѣ,

потому что не получили инструкцій, касательно акта, на который теперь ссылаются и который намѣрены утвердить; еще нѣкоторые, какъ благородный Гидъ де Нёвиль, хотя и отстаивали законность своего образа мыслей, но съ горечью сознавались, что небо не дало имъ силы отвести молніи, или удержать въ берегахъ рѣку, выступающую изъ своихъ предѣловъ. Нашлись и такіе, какъ адвокатъ Берріо, самый замѣчательный ораторъ между роялистами; онъ пытался по крайней мѣрѣ отсрочить главный вопросъ, выждать время и, можетъ быть, повернуть дѣло... Но либеральные ораторы умѣли ловко взяться за дѣло: указанію на долгъ присяги они противупоставили очень сильно подѣйствовавшую фразу; она очень легко разрѣшала отъ присяги того, кто хотѣлъ быть разрѣшенъ: присягу разрѣшаетъ тотъ ружейный огонь, который королевскія войска открыли по народу; что же касается до отсрочки, то она невозможна при настоящемъ положеніи дѣлъ, требующемъ скораго утвержденія правительства сильнаго и энергическаго. За тѣмъ приступили къ обсужденію дальнѣйшихъ частностей, говорили о проектѣ закона, отдававшаго корону Франціи герцогу Орлеанскому, и опредѣляли, на какихъ условіяхъ она можетъ быть ему вручена. Начали съ того, что было сдѣлано объявленіе, что тронъ вслѣдствіе происшествій отъ 26 до 29 іюля, свободенъ; къ этому еще присовокуплено: «вслѣдствіе нарушенія конституціонной хартіи»; Палата одобрила это объявленіе. Слова Людовика XVIII, помѣщенныя во введеніи къ хартіи, что вся правительственная сила находится въ лицѣ короля, были вычеркнуты, но не было также внесено на мѣсто ихъ выраженіе о неизмѣнномъ, вѣчномъ господствѣ народа. Въ другихъ отношеніяхъ замѣчанія и предложенія коммисіи были приняты и хартія со многими поправками и дополненіями принята была за основаніе новаго порядка вещей. Статья, установлявшая римско-католическое вѣроисповѣданіе господствующимъ въ государствѣ, была отмѣнена; замѣнена она была простымъ замѣчаніемъ, не имѣвшимъ силы закона, но служившимъ доказательствомъ того прогресса, какой сдѣлала законодательная палата; въ этомъ замѣчаніи просто излагался фактъ, что большинство народонаселенія Франціи исповѣдуетъ римско-католическую религію. Касательно прессы положено было, что цензура никогда болѣе не будетъ введена; никакого иностраннаго войска, безъ особеннаго закона, во французскую службу не принимать; извѣстный 14 §, послужившій поводомъ къ революціи, былъ выраженъ яснѣе: «король ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права самовольно уничтожать закона, или не исполнять его.» Палатѣ предоставлено было право предлагать законы, принадлежавшее до сихъ поръ исключительно правительству; публичность допускалась во время совѣщаній палаты депутатовъ и палаты перовъ.—Самый ранній крайній возрастъ, при которомъ членъ допускался въ палату, съ 40 лѣтъ, былъ опредѣленъ на 30 лѣтній; а право подавать голосъ избирателю вмѣсто 30 лѣтняго возраста понижено было на 25 лѣтній; срокъ избираемыхъ, съ семилѣтняго опять сократили на пяти лѣтній, но за то вмѣсто того, чтобы каждый годъ возобновлялась только пятая часть депутатовъ, положено было каждыя пять лѣтъ приступать къ общимъ выборамъ. Палаты сами могли назначать своихъ президентовъ; всякіе чрезвычайныя неузаконенныя, временныя судебныя учрежденія безусловно запрещались. Одинъ дополнительный параграфъ уничтожалъ возведенныхъ Карломъ X въ званіе перовъ; другой утверждалъ республиканское трехцвѣтное знамя національнымъ знаменемъ Франціи. За тѣмъ опредѣлялось введеніе суда присяжныхъ въ дѣлахъ печати, организація національной гвардіи; отвѣтственность министровъ строго ограничивалась закономъ.

Когда проектъ новыхъ измѣненій хартіи былъ готовъ и предложено было приступить къ собиранію голосовъ явно, т. е. чтобы каждый подписывалъ свое имя въ спискѣ за, или противъ него, этотъ планъ былъ почти единодушно отвергнутъ, потому что у большинства членовъ палатъ осталось непреодолимое отвращеніе подписывать свои фамиліи и рѣшено было и въ этомъ случаѣ собирать голоса на тѣхъ же основаніяхъ, какъ при обыкновенныхъ законахъ. Такимъ образомъ поступали при избраніи новаго короля, какъ бы можно было поступать при избраніи новаго члена въ какое нибудь общество, или клубъ; насчитали 219 бѣлыхъ шаровъ, противъ 33 черныхъ; 39 членовъ не захотѣли участвовать въ этихъ выборахъ и не подали голоса. На предложеніе Лафитта, руководившаго

собраніемъ, всѣ депутаты массою отправились въ Пале-Рояль, гдѣ герцогъ, окруженный всѣмъ своимъ семействомъ, принялъ ихъ въ большой залѣ. Лафиттъ прочиталъ актъ: герцогъ внимательно слушалъ и отвѣчалъ, что лучше этого и самъ не могъ бы выразить своего политическаго воззрѣнія и своихъ правилъ; онъ сказалъ, что никогда не желалъ и не домогался престола и никогда не ожидалъ, чтобы выборъ палъ на него; но любовь къ отечеству заставляетъ его подавить всѣ личныя чувства и повелѣваетъ ему покориться волѣ народа, такъ ясно выраженной; за тѣмъ онъ обнялъ и поцѣловалъ Лафитта, сдѣлавшаго его королемъ; вмѣстѣ съ нимъ и съ Лафайетомъ, котораго вполнѣ привлекъ на свою сторону простотою и честностью обращенія, онъ вышелъ на балконъ, чтобы показаться толпившемуся народу, который, по обыкновенію, опять съ жаромъ вричалъ: «да здравствуетъ король!»

Палата перовъ, до сихъ поръ не принимавшая никакого участія въ избраніи короля, собралась вечеромъ; явилось 114 перовъ. Президентъ прочиталъ рѣшеніе палаты депутатовъ; одинъ только Шатобріанъ возражалъ противъ опредѣленія палаты и предсказывалъ несчастіе отъ явнаго преобладанія демократическаго начала; но большинство не колеблясь приняло сторону акта и предоставило мудрости генералъ-штатгальтера рѣшить ту часть его приложеній, которая касалась уничтоженія возведенія въ перское достоинство лицъ, назначенныхъ Карломъ X, и что очевидно нарушало права палаты перовъ; въ остальныхъ статьяхъ акта палата была согласна съ депутатами и принесла свое нижайшее поздравленіе къ стопамъ новаго короля.

Первое за этимъ воскресенье было настоящимъ народнымъ торжествомъ. Никто и нигдѣ не выказывалъ неудовольствія; спокойно или громкими криками радости вся Франція приняла рѣшительную вѣсть объ избраніи короля, и опять столица, какъ много разъ передъ тѣмъ, навязала свое рѣшеніе народу.

Тихо, едва замѣченное, безъ всякаго выраженія сочувствія, изгнанное семейство, подъ охраной комиссіи новаго правительства, ѣхало къ Шербургу, гдѣ уже готовъ былъ корабль, чтобы отвезти его въ Англію. Несчастный король все еще ждалъ, что народъ поднимется за него, что счастіе опять улыбнется ему, что совершится чудо, и поэтому замедлялъ, на сколько можно было, свое путешествіе. Какъ бы то ни было, но безусловно дурнымъ нельзя было назвать реставраціоннаго правленія; министерство финансовъ всегда управлялось хорошо и слѣдствія отъ этого были благодѣтельныя; отъ мѣръ, имъ принятыхъ, государственная экономія и сельское хозяйство значительно усовершенствовались; да и внѣшняя политика, съ французской точки зрѣнія, была вовсе не въ дурномъ положеніи; но все это не имѣло значенія теперь; событія одной недѣли—которую французы по своей привычкѣ все преувеличивать и все расписывать слишкомъ яркими красками, называютъ великою недѣлей—опять съ корнемъ вырвали древнефранцузское династическое дерево изъ почвы Франціи; утвердится ли новый королевскій домъ на вулканической почвѣ государства—было неизвѣстно.

Между тѣмъ въ Парижѣ совершалось восшествіе на престолъ, съ обычными церемоніями; 9 августа въ 2 часа пополудни Людовикъ Филиппъ съ своими двумя старшими сыновьями, герцогомъ Шартрскимъ и Немурскимъ, явился въ залу засѣданій палаты во дворецъ Бурбоновъ; несмѣтныя толпы народа наполняли его и волновались въ окрестностяхъ его. Объявленіе палаты депутатовъ отъ 7 августа и согласительный актъ палаты перовъ были прочитаны; герцогъ сказалъ: «Я принимаю безъ ограниченій и безъ недовѣрчивости всѣ эти рѣшенія и соглашаюсь выполнять всѣ обязанности, какія на меня возлагаютъ эти акты, принимаю титулъ короля французовъ, который мнѣ предоставляютъ, и готовъ присягнуть, что буду все строго выполнять, чего отъ меня требуетъ хартія». Онъ обнажилъ голову и громко прочелъ формулу присяги, которую поднесъ ему министръ юстиціи Дюпонъ; еще рѣчью, обращенной къ палатѣ депутатовъ, новый король завершилъ торжество, которое своею простотою и благородствомъ произвело глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ.

Умный и опытный король ни минуты не заблуждался на счетъ трудностей, ожидавшихъ его. Онъ чувствовалъ и понималъ, что новый тронъ его стоитъ на скользкой почвѣ. Людовикъ-Филиппъ всходилъ на него не по праву прирожден-

ной законности; законнымъ королемъ Франціи былъ мальчикъ, беззаботно и весело въ дорожномъ экипажѣ приближавшійся къ берегамъ Франціи; онъ былъ такой же младенецъ, какъ всѣ дѣти въ его возрастѣ, и при каждой остановкѣ съ жаромъ гонялся за бабочками, ни о чемъ другомъ не думая. Людовикъ Филиппъ всходилъ на престолъ не по праву всесильной воли народной, потому что народа въ полномъ составѣ его никто не спрашивалъ, кому быть королемъ. Онъ всходилъ на престолъ, вслѣдствіе компромисса (соглашенія) между этими двумя основаніями: съ одной стороны не противились его восшествію, потому что онъ былъ Бурбонъ, съ другой не смотря на то, что онъ носилъ это ненавистное имя. Король доказалъ свою предусмотрительность и опытность, съ какою взвѣшивалъ свое положеніе тѣмъ, что еще до восшествія своего на престолъ со всѣми законными формальностями передалъ свои частныя имущества своимъ сыновьямъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТЪ ІЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1830

до

ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Французская революція, опрокинувшая въ нѣсколько дней престолъ Бурбоновъ, была вызвана единственно инстинктивной ненавистью къ правительству и его несостоятельностью. Революція эта пробила брешь въ томъ порядкѣ вещей въ Европѣ, который втеченіе пятнадцати лѣтъ съ большимъ трудомъ поддерживался соединенными силами европейской политики, при чемъ не рѣдко жертвовалось второстепенными соображеніями. Ударъ этотъ былъ нанесенъ въ чувствительное мѣсто, въ одномъ изъ большихъ жизненныхъ центровъ Европы. Въ маѣ мѣсяцѣ этого злополучнаго 1830 г. во время пышнаго бала, который далъ своему королю герцогъ Орлеанскій, по случаю пребыванія въ Парижѣ тестя своего короля неаполитанскаго, кто-то сказалъ герцогу: «вотъ настоящій неаполитанскій праздникъ, мы пляшемъ на волканѣ»; и въ самомъ дѣлѣ, революціонное пламя вырвалось изъ нѣдръ земли съ неудержимой силой, и на всей земной поверхности чувствовался какой, то страшный переворотъ природы. Подобно землетрясенію онъ потрясъ большую часть Европы и, распространяясь то сильными, то слабыми ударами, въ однѣхъ странахъ совсѣмъ разрушилъ существовавшій порядокъ вещей, въ другихъ сильно его пошатнулъ и только въ весьма немногихъ остался безъ видимаго вліянія. Это явленіе доказало, что силы, сдерживаемыя искусственно въ теченіе пятнадцати лѣтъ, послабляемыя разными полумѣрами, въ дѣйствительности не только не ослабѣли, но напротивъ окрѣпли; невѣрна была политика тѣхъ, которые желали держаться во что бы то ни стало существующаго порядка вещей, вмѣсто того, чтобы изучить значеніе этого передоваго движенія, допустить свободное развитіе здравыхъ элементовъ и даже прокладывать имъ путь, чтобы такимъ образомъ, т. е. правильнымъ дальнѣйшимъ развитіемъ дать дѣйствительно жизнь существующему порядку вещей.

Во Франціи удалось, въ самый моментъ торжества революціи, умѣрить народное движеніе, ограничить его и дать ему другое направленіе, прежде чѣмъ оно успѣло повести къ дальнѣйшему разрушенію. Либеральная буржуазія, отчасти изъ боязни столкновеній съ остальной Европой, поторопилась успокоить европейскія династіи и возвела на престолъ новую линію вмѣсто павшей. Она явно сохранила порядокъ вещей, созданный въ 1815 году, удержавъ хартію, и Людовикъ Филиппъ не замедлилъ торжественно объявить, что онъ признаетъ всѣ договоры, обусловливавшіе законный строй Европы.

Впрочемъ броженіе это давно уже улеглось въ главномъ его центрѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ даже внѣшнее спокойствіе долго не могло установиться.

А. ГЕРМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

1. Нидерланды.

Первые удары іюльской революціи, начавшейся во Франціи и впослѣдствіи охватившей всю Европу, раньше другихъ потрясли Нидерланды, государство созданное вслѣдствіе глубокихъ соображеній вѣнской политики. Союзныя державы, соединяя Голландію и Бельгію подъ оранскимъ скипетромъ, надѣялись, что новое государство будетъ противодѣйствовать распространенію революціонныхъ идей, исходившихъ изъ Франціи, и по своему географическому положенію помѣшаетъ ей, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны, нарушать миръ и спокойствіе Европы. Къ тому же въ памяти всѣхъ еще были живы воспоминанія о томъ времени, когда оба государства, южныя и сѣверныя провинціи, сначала томились вмѣстѣ подъ испанскимъ игомъ и какъ вмѣстѣ же, соединенными силами, они возстали и отбились отъ ненавистной тираніи испанцевъ. Никакая рѣка, никакой кряжъ горъ ни какія бы то ни было естественныя границы не раздѣляютъ эти двѣ, столь различныя по характеру страны, рѣзко ограниченныя съ юга Арденнами, а моремъ съ сѣвера. Точно также мало различія представляетъ повидимому и населеніе. Въ южныхъ провинціяхъ преобладающая часть населенія—фламандская, древне германскаго корня и относится къ валлонской, какъ три къ двумъ, говоритъ на своемъ нарѣчіи, очень близкомъ къ нижне-германскому, распространенному между народомъ населявшимъ сѣверныя провинціи.

На глубоко лежавшія причины раздѣленія двухъ народовъ не обратили, или не захотѣли обратить вниманія. Уже съ давнихъ поръ судьбы Бельгіи и Голландіи далеко разошлись въ разныя стороны. Голландцы остались по прежнему германцами, а бельгійцы поддались вліянію сосѣднихъ съ ними французовъ и мало-помалу усвоили себѣ ихъ бытъ. Двѣ пятыхъ всего населенія сдѣлались наконецъ совершенными французами, фламандскій языкъ былъ изгнанъ изъ высшаго, образованнаго общества и сталъ принадлежностью простаго народа. Въ противуположность тяжелымъ, преданнымъ старинѣ голландцамъ, бельгійцы, дѣти новаго вѣка, быстро усвоили революціонныя идеи французовъ, и вскорѣ подобно имъ стали подвижнымъ, предпріимчивымъ, легко воспламеняющимся народомъ. Еще большее различіе лежало въ религіи обоихъ народовъ: большинство бельгійцевъ были католиками, голландцы—кальвинистами; одни въ своихъ религіозныхъ понятіяхъ доходили до крайняго фанатизма, другіе отличались тупымъ упрямствомъ. Кромѣ этого въ новомъ союзѣ, устроенномъ вѣнскими опекунами, обѣимъ сторонамъ не были даны одинаковыя права; южныя бельгійскія провинціи, при болѣе многочисленномъ населеніи принесли, только 30 милліоновъ гульденовъ государственнаго долга, межъ тѣмъ какъ у голландцевъ онъ возвышался до громадной цифры 2 милліардовъ. Не смотря на это, на престолъ была возведена оранская династія, и такимъ образомъ Голландія получала первенство во вновь устроенномъ государствѣ. Однако, хотя положеніе короля Вильгельма I-го было трудное, но далеко

не безвыходное, при его умѣ и твердомъ характерѣ. Это былъ благонамѣренный государь, желавшій добра своему народу, но въ тоже время человѣкъ скрытный, своенравный, упрямый, съ холоднымъ спокойнымъ взглядомъ, однимъ словомъ, настоящій голландецъ. Самая большая ошибка, состояла въ черезчуръ близкомъ, даже тѣсномъ союзѣ обоихъ государствъ.

Обѣ страны должны были составить одно цѣлое, для котораго была приспособлена старинная голландская конституція: генеральные штаты, поочереди должны были собираться то въ голландскомъ, то въ бельгійскомъ городѣ, состояли изъ 55 представителей для южныхъ и 55 для сѣверныхъ провинцій; при этомъ были установлены депутатскія собранія для каждой провинціи; соглашеніе на законные расходы въ теченіе 10 лѣтъ; соединеніе общественныхъ долговъ; голландцы отдавали въ общее пользованіе свои еще доходныя колоніи и этимъ думали вознаградить Бельгію за излишекъ своего долга. Подобные основные государственные законы могли быть приняты южными провинціями, только при самыхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Для обсужденія законовъ было созвано въ Брюсселѣ собраніе нотаблей южныхъ провинцій въ числѣ 1323, изъ которыхъ 796, т. е. большинствомъ 269 голосовъ не приняло ихъ. Не смотря на это дѣло было устроено. Изъ отвергнувшихъ предложеніе: 126 членовъ основывали свой отказъ на томъ, что предполагаемая конституція давала свободу религіи; это было невыносимо для многочисленнаго гордаго духовенства, имѣвшаго огромное вліяніе на страну: 280 человѣкъ вовсе не явились на собраніе; безъ всякаго зазрѣнія совѣсти первые 126 и послѣдніе 280 были причислены въ меньшинству голосовъ — одни на основаніи того, что свобода совѣсти была рѣшена и установлена державами въ Вѣнѣ, какъ основной законъ для всей Европы, и потому о ней и не могло быть рѣчи, другіе потому, что они, не явясь на собраніе, такимъ образомъ молча принимали предлагаемое. Бѣлое стало чернымъ, меньшинство большинствомъ и такимъ образомъ установлены основные законы государственнаго строя для двухъ народовъ.

Не смотря на это, дѣла шли довольно хорошо до 1828 года. Король съ участіемъ и умомъ управлялъ страной; какъ человѣкъ дѣятельный и понимающій благо народа, онъ неусыпно слѣдилъ за промышленными и торговыми предпріятіями обоихъ народовъ, понимая, что это неминуемо должно было сблизить и связать ихъ. Опустѣлая, уснувшая гавань Антверпена закипѣла жизнью, покрылась многочисленными кораблями, которые то и дѣло заходили въ Амстердамъ и Роттердамъ. Въ тоже время король обратилъ особое вниманіе на народное образованіе; будучи самъ трудолюбивымъ, образованнымъ человѣкомъ, онъ высоко цѣнилъ знаніе и въ другихъ. Онъ основалъ три университета и несмѣтное количество гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній; напротивъ того онъ закрылъ всѣ маленькія духовныя семинаріи, а частные пансіоны, въ которые по преимуществу посылали своихъ дѣтей жители южныхъ провинцій, которые такимъ образомъ отклонялись отъ казенныхъ заведеній, подчинилъ строгому и бдительному надзору. Никакая гимназія, согласно уставамъ о школахъ, изданнымъ въ 1825 г., не могла быть открыта безъ утвержденія ея министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же году правительство открыло въ Лувенѣ богословское учебное заведеніе— «философскую коллегію,» въ которой каждый желавшій вступить въ духовное званіе, до своего поступленія въ епископальныя семинаріи, долженъ былъ пройти одногодній приготовительный курсъ. Эти мѣры сильно не понравились католическому духовенству и возбудили въ немъ негодованіе на правительство,—которое быстро отозвалось между духовенствомъ другихъ странъ.

Бельгійскія духовныя лица начали противодѣйствовать, стараясь по мѣрѣ возможности уклоняться отъ принесенія присяги новой конституціи. Епископъ гентскій, принадлежавшій къ французской аристократіи, дошелъ даже до того, что грозилъ лишить причастія тѣхъ прихожанъ, которые хотѣли принести присягу. Правительство вскорѣ однакожь вмѣшалось въ это дѣло и, принудивъ епископа удалиться во Францію, этимъ на время уничтожило сопротивленіе прочаго духовенства.

Однакоже правила, относившіяся до образованія духовенства, серьезно безпокоили высшихъ представителей церкви; они ясно видѣли, что вліяніе не-католическаго и, что еще важнѣе, образованнаго и умнаго короля подорветъ власть

духовенства въ самомъ ея основаніи. Правительство, съ своей стороны, зная, какое вліяніе имѣли духовные на массу народонаселенія въ южныхъ провинціяхъ, надѣялось найти помощь и поддержку въ образованномъ классѣ общества, усвоившемъ революціонныя и передовыя идеи Франціи, но и этотъ классъ въ свою очередь было недоволенъ новымъ порядкомъ вещей.

Явныя преимущества и предпочтенія, данныя Голландіи передъ Бельгіей, введеніе голландскаго языка въ государственное дѣлопроизводство, новые тяжкіе налоги, все это возбудило негодованіе либераловъ, которое обратилось въ личную ненависть къ министру юстиціи фанъ-Маанену; они видѣли въ предпочтеніи грубаго голландскаго языка, нигдѣ кромѣ Голландіи неизвѣстнаго, другому, легкому, обработанному, міровому языку, одинъ изъ явныхъ признаковъ рабства.

Нѣсколько разъ повторенныя правительствомъ требованія о выдачѣ денегъ были отклонены генеральными штатами; всѣ эти обстоятельства, при свободѣ печати поддерживали и развивали общую ненависть и неудовольствіе.

Для правительства оставалось одно средство, которымъ оно могло предотвратить угрожавшую опасность: воспользоваться раздоромъ между либералами и клерикалами, и нѣкоторыми снисхожденіями и уступками первымъ, совершенно отдѣлить вторыхъ. Этотъ союзъ противъ «іезуитовъ» офиціально предложила королю партія либераловъ; но король не принялъ его, надѣясь безъ ихъ помощи справиться съ духовенствомъ. Онъ дошелъ даже до того, что противъ воли всего государственнаго совѣта, заключилъ въ 1827 году конкордатъ съ папой и такимъ образомъ неискренно примирился съ духовенствомъ. Съ этимъ конкордатомъ сталось тоже самое, что со всѣми предъидущими и всѣми послѣдующими. Положенія были написаны двусмысленно, гдѣ король предполагалъ дать маленькій палецъ—духовенство думало взять цѣлую руку. Несогласія разгорѣлись съ новой силой и привели къ совершенно противоположному результату, а именно окончательному оппозиціонному союзу клерикаловъ съ недовольными либералами.

Союзъ былъ задуманъ съ обѣихъ сторонъ на лживыхъ основаніяхъ, каждая партія хотѣла въ свою пользу обмануть другую. Окончательный разсчетъ ихъ, какъ мы это увидимъ, составляетъ сущность послѣдующей исторіи Бельгіи. Въ настоящую минуту онѣ соединялись, чтобъ побороть противника, котораго одни ненавидѣли, какъ еретика, другіе какъ представителя иноземнаго, чуждаго правительства. Повидимому клерикалы и либералы хлопотали и волновались изъ-за свободы образованія и свободы печати,—на самомъ дѣлѣ одни хотѣли свергнуть существовавшее правительство, другіе безусловно подчинить все духовенству. Не первый разъ въ XIX столѣтіи обществу приходилось переживать странныя событія: отъявленные вольнодумцы требовали возстановленія монастырей, враги свободы одушевлялись мыслью о союзѣ новизны и свободы съ католицизмомъ. Король, обманутый радушнымъ пріемомъ, который онъ встрѣтилъ во время путешествія по южнымъ провинціямъ, считалъ волненія, произведенныя новымъ союзомъ, искусственными; въ посланіи къ генеральнымъ штатамъ, 11-го декабря 1829 г., онъ очень откровенно и не совсѣмъ политически высказалъ свое мнѣніе: посреди всеобщаго мира и спокойствія небольшая горсть его подданныхъ, писалъ онъ, вздумала составить противъ него опасную и постыдную оппозицію; новые законы о печати необходимы; во всемъ остальномъ онъ готовъ удовлетворить благоразумнымъ желаніямъ своего народа. Этотъ манифестъ подлилъ еще масла въ огонь, къ тому же министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ разослали во всѣ подвѣдомственныя мѣста, циркуляръ, по которому тѣ «въ теченіе 48 часовъ» должны были представить согласіе на предложенныя въ манифестѣ королемъ положенія. Генеральные штаты все-таки были распущены 2-го іюня 1830 года въ довольно сносномъ согласіи, съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись нѣкоторыми обѣщаніями, но признаніе правительствомъ — права первоначальнаго воспитанія народа въ приходскихъ духовныхъ школахъ и введеніе французскаго языка въ дѣлопроизводство южныхъ провинцій — было совершенно испорчено несвоевременнымъ и неполитическимъ переводомъ верховнаго суда изъ Брюсселя въ Гагу.

Во время самой большой сумятицы вышеизложенныхъ обстоятельствъ, прогремѣли извѣстія объ іюльской недѣлѣ въ сосѣдней съ Бельгіей Франціи. Они какъ громомъ поразили духовенство; съ паденіемъ Карла X, самаго надежнаго

поборника католичества, рушились всѣ ихъ надежды. Войска, расположенныя лагеремъ подъ Сентъ-Омеромъ и Люневиллемъ, должны были вступить въ Бельгію для защиты короля Вильгельма, въ случаѣ возстанія; въ свою очередь они должны были принудить Пруссію съ своей стороны помочь ему. Клерикальная партія быстро сообразила всѣ обстоятельства и по старой привычкѣ съумѣла воспользоваться противнымъ вѣтромъ и извлечь возможную для себя пользу. 5-го августа того же года на брюссельскомъ театрѣ давали оперу «Нѣмую изъ Портичи». Сюжетъ этой піесы, какъ извѣстно, есть возстаніе неаполитанцевъ подъ предводительствомъ рыбака Мазаніэлло противъ господства испанцевъ. Неловкій директоръ театровъ, не принимая въ разсчетъ общаго волненія умовъ, выбралъ эту пьесу для параднаго спектакля въ день рожденія короля; мастерское исполненіе ея было сигналомъ къ возстанію: лишь только опустили занавѣсъ, разгоряченная публика нестройной толпой бросилась къ дому, въ которомъ жилъ редакторъ одной изъ офиціальныхъ газетъ, ворвалась въ типографію, уничтожила печатные станки и набушевавшись вдоволь, остановилась въ разбитомъ винномъ погребѣ редактора, заливать его виномъ свои разгоряченныя чувства. Въ ту же ночь другія толпы разрушили до основанія домъ главнаго полицейскаго управленія, сожгли зданіе министерства юстиціи и по примѣру парижанъ сорвали и уничтожили, гдѣ могли, королевскія знамена и флаги. Чтобъ сколько нибудь водворить порядокъ, государственный совѣтъ наскоро вооружилъ гражданскую стражу и вездѣ замѣнилъ королевскіе цвѣта древне-брабантскими черно-красно-желтыми знаменами и значками. Улицы скоро очистились и опустѣли, но замѣна оранскихъ цвѣтовъ національными привела въ восторгъ умы неспокойныхъ, она отвѣчала ихъ завѣтнымъ мечтамъ—возстановленію Бельгіи, какъ самостоятельнаго государства, и отпаденію ея отъ короля-еретика. Съ этой минуты, повсюду, отъ Остенде до Люттиха, стали развѣваться древне-брабантскіе цвѣта, вездѣ импровизированная стража изъ горожанъ заняла мѣста безсильныхъ правительственныхъ воинскихъ отрядовъ и ихъ командировъ.

Король, которому брюссельскіе нотабли послали депутацію, отправилъ своего сына, принца Оранскаго для усмиренія города. Принцъ, человѣкъ доступный, мягкій въ обращеніи, хотя такой же поверхностный, какъ его отецъ, нѣсколько разъ прежде входилъ въ близкія сношенія съ южными провинціями и пріобрѣлъ общую любовь за свою мягкость. Городъ отлично принялъ его и онъ тотчасъ же собралъ совѣтъ нотаблей, которые единственнымъ средствомъ для усмиренія возстанія предложили — совершенное отдѣленіе законодательства и управленія Бельгіи отъ Голландіи. Принцъ выслушалъ представленія и уѣхалъ обратно въ Гагу, обѣщавъ хлопотать у короля о разъединеніи обѣихъ странъ. Это предложеніе было встрѣчено множествомъ затрудненій и противорѣчій, хотя въ сущности мысль о раздѣленіи не чужда была и голландцамъ, конечно изъ другихъ побужденій.

Они видѣли въ присоединеніи Бельгіи къ Голландіи скорѣе вредъ, чѣмъ пользу для своего государства, и вовсе не жаждали быть связанными съ «мятежниками.» Обѣ стороны надѣялись, что миролюбиво разойдется то, что не могло быть тѣсно связано одно съ другимъ. Ненавистный министръ юстиціи подалъ прошеніе объ отставкѣ и немедленно получилъ ее; 13 сентября были открыты засѣданія генеральныхъ штатовъ и король въ своей рѣчи объявилъ, что главнымъ вопросомъ совѣщаній будетъ громко выражаемое желаніе разъединенія обѣихъ земель; 23-го того же числа генеральные штаты внесли это предложеніе въ собраніе, а 4-го октября король принялъ его. Пока шли совѣщанія, въ Бельгіи была пролита первая кровь. Второй сынъ короля, принцъ Фридрихъ, не пользовавшійся такой популярностью и любовью, какъ его братъ, стянулъ находившіяся на сѣверѣ подъ его командой войска въ укрѣпленную позицію между Антверпеномъ и Брюсселемъ; получивъ неблагопріятныя извѣстія изъ Брюсселя, гдѣ подъ вліяніемъ французскихъ эмиссаровъ произошло вторичное возстаніе, обезоружена была городская стража и установлено временное правительство, принцъ ускореннымъ маршемъ двинулся на Брюссель. 22 числа войска были у города, прошли послѣ незначительнаго сопротивленія Шарбековскіе ворота, Королевскую улицу, наткнулись на баррикады и вмѣсто того, чтобъ рѣшительнымъ натискомъ опрокинуть и разгромить ихъ, заняли паркъ и близь лежащія строенія для наблюдательнаго выжиданія. Этого только

и ожидали мятежники; безоружная фанатическая толпа крестьянъ, подъ предводительствомъ бѣглаго полковника испанской службы фонъ Галена и француза генерала Меллинета, хлынула въ городъ. Въ Брюсселѣ повторилась парижская рѣзня, длившаяся по примѣру ея три дня, 24-го, 25-го и 26-го.

Послѣ отчаянныхъ схватокъ съ большими потерями для себя, ночью 27-го потянулось королевское войско по дорогѣ изъ Брюсселя въ Антверпенъ. Кровопролитіе не ограничилось однимъ Брюсселемъ. Въ Люттихѣ, Монсѣ, Лувенѣ произошли кровавыя стычки между жителями и войсками. Послѣдствія ихъ были очень значительныя солдаты бельгійскаго происхожденія, покинули полки и разошлись по домамъ; вся страна поднялась единодушно, какъ одинъ человѣкъ, а временное правительство, засѣдавшее въ Брюсселѣ и пріостановившее свою дѣятельность при появленіи королевскихъ войскъ, принялось за дѣла. Оно состояло изъ самыхъ ярыхъ противниковъ голландскаго правительства, Рожье, Фандевейера, графа Мерода и де-Поттера, одного изъ главныхъ предводителей союза клерикаловъ и либераловъ, который за нарушеніе закона о печати бѣжалъ отъ преслѣдованій во Францію и оттуда вернулся при первыхъ движеніяхъ въ Бельгіи. Предсѣдателемъ былъ избранъ самый жаркій борецъ за независимость Бельгіи—баронъ фонъ-Гоогворстъ. Въ тотъ самый день, когда король въ Гаагѣ согласился на отдѣльныя законодательство и администрацію для южныхъ провинцій, временное правительство объявило Бельгію самостоятельнымъ государствомъ и положило созвать народный конгрессъ, чтобъ обсудить и постановить начала новой конституціи. Король отправилъ между тѣмъ принца Оранскаго въ Антверпенъ съ неограниченными полномочіями; чтобы сохранить въ своемъ родѣ корону Бельгіи, принцъ готовъ былъ самъ стать во главѣ движенія и провозгласить независимость Бельгіи. Временное правительство отклонило всякое вмѣшательство со стороны короля и 28 октября принцъ выѣхалъ изъ Антверпена; два дня спустя и этотъ городъ поднялся и присоединился къ возставшимъ. Генералъ Шассе былъ вынужденъ запереться съ королевскими войсками въ цитадели. Толпы инсургентовъ не выдержали перемирія, произвели безпорядки и вызвали довольно продолжительную канонаду изъ крѣпостныхъ орудій по городу, которая надѣлала много вреда жителямъ; бѣшенство ихъ не знало границъ, а Европа открыто выразила свое сочувствіе Бельгіи.

Король еще разъ созвалъ генеральные штаты; на этотъ разъ явились только представители сѣверныхъ провинцій. Въ тоже время онъ обратился къ державамъ, которыя создали Нидерландское королевство: пока дѣло не было приведено въ ясность, онъ объявилъ, что охотно уступитъ южную часть своего королевства. Но и въ Европѣ обстоятельства перемѣнились, они далеко были не тѣ, какъ во время заключенія священнаго союза. Революція охватила Францію, при первомъ вооруженномъ вмѣшательствѣ европейскихъ государствъ въ дѣла Бельгіи можно было ожидать вторженія французовъ въ Нидерланды и, чего болѣе всего опасалась Европа, объединенія Франціи съ Бельгіей. Дѣло касалось весьма чувствительной точки въ самомъ сердцѣ Европы, и потому остальнымъ правительствамъ приходилось дѣйствовать крайне осторожно.

Конференція, собравшаяся въ Лондонѣ для разрѣшенія греческаго вопроса и состоявшая изъ представителей пяти державъ: Россіи, Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи, графа Матушевича, лорда Абердина, князей Талейрана и Эстергази и графа Бюлова, занялась также разъясненіемъ положенія Нидерландовъ. Первымъ протоколомъ отъ 4-го ноября было предложено перемиріе, а вторымъ отъ 17-го того же мѣсяца, строго опредѣлены границы, въ которыхъ во все продолженіе перемирія должны были оставаться обѣ партіи. При современномъ воинственномъ положеніи дѣлъ, границы обозначались легко и ясно: это была та самая граница, которая раздѣляла оба государства до ихъ соединенія. Въ тоже время обѣ стороны были довольны прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Бельгійцы видѣли въ этомъ исполненіе своихъ желаній, и хотѣли воспользоваться свободнымъ временемъ, чтобы собраться съ силами нравственно и физически; король Вильгельмъ въ свою очередь былъ радъ перемирію, которое давало ему возможность подкрѣпить и усилить войска, ослабленныя потерею всѣхъ бельгійцевъ.

10-го ноября собрался въ Брюсселѣ національный конгрессъ изъ 200 представителей. Основныя положенія были слѣдующія: Бельгія станетъ независимымъ, самостоятельнымъ государствомъ, съ тѣмъ, что герцогство Люксембургское будетъ принадлежать къ германскому союзу. Династія Нассау-Оранская отказывается отъ притязаній на корону Бельгіи. Форма правленія новаго государства будетъ монархическая; слѣдуетъ замѣтить, что республика была предложена меньшинствомъ 13 противъ 174. Это послѣднее постановленіе окончательно должно было успокоить союзныя державы; національное собраніе къ тому же было такъ благоразумно, что выбрало предсѣдателемъ умѣреннаго богатаго Сюрлетъ-де-Шокье; выборъ этотъ долженъ былъ служить задаткомъ будущаго спокойнаго, консервативнаго образа дѣйствій новаго правительства. 20-го декабря самостоятельность Бельгіи была объявлена въ принципѣ; оставался неразрѣшеннымъ еще одинъ, очень замысловатый вопросъ: какой принцъ будетъ монархомъ этого новаго государства? Мысль соединить Бельгію съ Франціей казалась на первый взглядъ очень хорошей, легко исполнимой и выгодной для обоихъ государствъ. Это мнѣніе было предложено меньшинствомъ, остальные ясно понимали, что соединеніе съ Франціей можетъ быть куплено дорогой цѣной общей европейской войны. Приходилось слѣдовательно остановиться на какомъ нибудь принцѣ французскаго дома и такимъ образомъ, устранивъ всѣ невыгоды, воспользоваться лишь выгодами соединенія съ Франціей.

Два кандидата, одинъ принадлежавшій къ семейству Наполеона, герцогъ Августъ Лейхтенбергскій, сынъ бывшаго вице-короля Италіи, другой герцогъ Людовикъ Немурскій, второй сынъ Людовика Филиппа, стали претендентами на бельгійскій престолъ. Умному дальновидному властителю Франціи не нравился ни одинъ, ни другой кандидатъ; герцогъ Лейхтенбергскій, какъ родственникъ Наполеона, неминуемо долженъ былъ пробудить въ французахъ воспоминанія объ императорѣ Людовикъ Филиппъ. ясно сознавалъ что во Франціи каждая династія, каждое правительство можетъ пасть отъ впечатлѣнія, произведеннаго на народъ, пустымъ именемъ, звукомъ, или фантастическимъ призракомъ. Въ тоже время зналъ, что, предоставивъ корону сыну, онъ навлечетъ на себя негодованіе прочихъ государей Европы.

Трудно было настроить на другія мысли представителей брюссельскаго конгресса; народу, думавшему и говорившему по-французски, естественнымъ образомъ хотѣлось французскаго принца; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ помогла интрига. Франція на конгрессѣ въ Брюсселѣ открыто содѣйствовала избранію герцога Немурскаго, между тѣмъ какъ Людовикъ Филиппъ тайно давалъ слово конференціи въ Лондонѣ отклонить сына отъ бельгійскаго престола. Избраніе произошло 3-го февраля 1831 года; часть голосовъ предложила герцога Лейхтенбергскаго, часть одного изъ австрійскихъ принцевъ, скудное большинство однако рѣшило выборъ въ пользу герцога Немурскаго, который и былъ провозглашенъ королемъ въ Брюсселѣ; депутація съ президентомъ Шокье во главѣ немедленно отправилась въ Парижъ. Принцъ былъ несовершеннолѣтній, и слѣдовательно зависѣлъ отъ отца; Людовикъ Филиппъ сбросилъ наконецъ маску и отказался за сына, объясняя передъ депутаціей свой отказъ боязнью нарушить общій европейскій миръ. Въ тоже время онъ прибавилъ, что 1-го февраля лондонская конференція объявила, что одна изъ могущественнѣйшихъ державъ рѣшила не допускать и не признавать кандидатуры принца Лейхтенбергскаго, на которомъ быть можетъ остановится теперь выборъ бельгійцевъ. Безъ короля и даже безъ кандидата на престолъ вернулась депутація въ Брюссель; пока не имѣлось никого въ виду, регентомъ былъ назначенъ президентъ національнаго конгресса Сюрлетъ-де-Шокье (24 февраля 1831 года).

Это не могло однакожь долго продолжаться. Король Голландіи, опираясь на свои права, началъ приготовленія къ войнѣ; принцъ Оранскій не отказывался еще отъ своихъ надеждъ. Заботы объ отношеніяхъ великаго герцогства Люксембургскаго къ германскому союзу и приговоръ лондонской конференціи, которая, рѣшивъ отдѣлить эту провинцію отъ Бельгіи, въ тоже время взваливала на нее несоразмѣрно большую часть нидерландскаго долга, значительно затемняла и запутывала положеніе; множество самыхъ разнообразныхъ невѣроятныхъ проектовъ явилось

на свѣтъ, между прочимъ было предложено раздѣлить Бельгію между Голландіей, Франціей и Пруссіей. Между тѣмъ представился и кандидатъ на бельгійскій престолъ. Незадолго передъ этими событіями одна страна предлагала уже свой тронъ европейскимъ принцамъ и никакъ не могла найти короля. Греція нѣсколько разъ обращалась къ принцу Леопольду Кобургскому, который постоянно отказывался отъ нея; теперь всѣ съ надеждой опять обратились къ нему. Принцъ Леопольдъ находился къ близкомъ родствѣ съ англійской королевской фамиліей и въ хорошихъ отношеніяхъ къ партіи виговъ, которая стояла во главѣ правленія. Выборъ этотъ долженъ былъ нравиться французскому королю; бельгійцы были въ восторгѣ отъ его личныхъ достоинствъ, ума и тонкаго такта, который онъ имѣлъ случай выказать во время своего пребыванія въ Лондонѣ. Въ немъ былъ только одинъ недостатокъ: онъ былъ протестантъ, но на это не обратили особеннаго вниманія и 4-го іюня конгрессъ, во второй разъ собравшійся въ Брюсселѣ, рѣшился избрать принца Леопольда «королемъ Бельгіи.»

Лондонская конференція изъявила наконецъ свое согласіе; протоколомъ отъ 26 іюня 1831 года состоящимъ изъ 18 статей былъ постановленъ договоръ, которымъ развязывался голландо-бельгійскій вопросъ. Часть нидерландскаго долга, выпавшая на долю Бельгіи, была уменьшена до крайности; отношенія къ Люксембургу оставались in statu quo, что было очень выгодно для Бельгіи, и наконецъ было предложено голландцамъ вывести войска изъ занимаемой ими цитадели Антверпена и передать этотъ городъ бельгійцамъ.

Брюссельскій конгрессъ безпрекословно принялъ договоръ лондонской конференціи, а принцъ Леопольдъ принялъ предложеніе, 17-го іюля переѣхалъ черезъ границы своего государства, а 12-го іюля вступилъ въ Брюссель, гдѣ на другой же день, въ присутствіи конгресса далъ присягу конституціи. Конституція утверждала за нимъ личный бюджетъ въ 1,300,000 гульденовъ, а также и права конституціонныхъ государей: неприкосновенность, право помилованія, назначенія чиновъ на всякія должности, пожалованія орденовъ и дворянства, командованіе войскомъ на сушѣ и морѣ, право объявленія войны и заключенія мира. При всемъ этомъ, по законамъ конституціи, онъ становился наслѣдственнымъ представителемъ націи, а не властителемъ страны. Министерства должны были отдавать отчетъ въ дѣйствіяхъ національнымъ представителямъ, которые, въ свою очередь, распадаются на сенатъ и національное собраніе. Избирательныя коллегіи выбираютъ членовъ сената на 8, а членовъ собранія на 4 года. Не рожденіе или происхожденіе, а состояніе, т. е. цензъ опредѣляетъ степень и мѣру политическихъ правъ въ новомъ государствѣ. Сенатъ и національное собраніе выбираютъ сами чиновниковъ и секретарей, ведутъ открытое дѣлопроизводство, одинъ разъ въ годъ по общему согласію съ правительствомъ утверждаютъ неизмѣняемый уже бюджетъ и другіе законы; за свои отзывы и мнѣнія въ палатахъ ни одинъ изъ членовъ не можетъ быть привлеченъ къ отвѣту.

Королю Леопольду пришлось между тѣмъ на дѣлѣ доказать, что онъ не можетъ защитить интересовъ своей страны; король Голландіи протестовалъ противъ заключеній конференціи и объявилъ съ своей стороны перемиріе недѣйствительнымъ; во главѣ 40,000 войска принцъ Оранскій направился къ югу. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ дошло до крайности; еще во время перемирія одинъ голландскій офицеръ лейтенантъ Фонъ-Спикъ взорвалъ на воздухъ вмѣстѣ съ собой свою шлюбку, чтобъ только не сдаваться бельгійцамъ, которые окружили его. Безъ разбору, кое-какъ набранныя, плохо вооруженныя, незнакомыя съ дисциплиной, бельгійскія войска, должны были отступать при всякой встрѣчѣ съ голландцами. 8-го августа одна изъ ихъ 4-хъ армій, армія Мааса, была разбита между Гасселтомъ и Тонгерномъ; 11-го того же мѣсяца новый король и принцъ Оранскій сошлись при Тирлемонѣ. Бельгійцы были разбиты на голову, и прогнаны къ Лувену. Городъ осажденъ, а Леопольдъ съ трудомъ пробрался въ Брюссель. Голландцы послѣдовали было за нимъ и туда, но съ одной сторонѣ 50 тысячная французская армія, подъ начальствомъ маршала Жерара, двинулась къ границамъ, а съ другой въ устьѣ Шельды явилась англійская эскадра подъ командою лорда Кодрингтона, чтобы вооруженной силой заставить голландцевъ принять рѣшенія собравшихся въ Лондонѣ представителей европейскихъ государей.

При такомъ воинственномъ вмѣшательствѣ пришлось уступить, и принцъ Оранскій согласился на перемиріе; голландцы съ одной стороны, французы съ другой отступили отъ границы и такимъ образомъ покончили этотъ двѣнадцати дневный походъ. Слѣдствіемъ его однакоже было еще одно собраніе конференціи 6 октября, которая издала новый протоколъ, такъ называемыя 24 статьи. 15 ноября онѣ были утверждены союзными державами и того же числа приняты бельгійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ пользу Голландіи были сдѣланы нѣкоторыя уступки, такъ напримѣръ часть Лимбурга и Люксембурга отходили къ ней, кромѣ того Бельгія принимала на себя довольно большую долю государственнаго долга Голландіи; во всемъ остальномъ Бельгія признавалась самостоятельнымъ государствомъ.

Хотя король Вильгельмъ сознавалъ, что онъ не найдетъ поддержки ни въ одномъ европейскомъ государствѣ неисключая Россіи, которая не съ большимъ сочувствіемъ относилась къ послѣднимъ происшествіямъ, онъ рѣшился однако не признавать самостоятельности Бельгіи до тѣхъ поръ, пока его не принудятъ къ этому силой. Это случилось вскорѣ; Англія и Франція соединились вмѣстѣ, чтобъ заставить его принять 24 статьи. Англичане блокировали голландскіе берега, а маршалъ Жераръ съ 43,000 французовъ осадилъ цитадель Антверпена. Бельгійскія и голландскія войска смотрѣли, не принимая въ ней участія, на эту своего рода дуэль. 23 декабря 1832 года послѣ энергической геройской защиты генералъ Шассе сдался, оставивъ побѣдителямъ вмѣсто цитадели груду развалинъ. Форты Лилло и Лифкенгокъ въ устьяхъ Шельды сдались только въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, а господствовавшее съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе и раздраженіе продолжалось до 1838 года, когда наконецъ король Вильгельмъ согласился признать 24 статьи. Въ апрѣлѣ 1839 года былъ заключенъ торжественный миръ между Бельгіей и Голландіей. Въ силу его Бельгія сохраняла западную часть Люксембурга, тогда какъ восточная отходила къ Голландіи, также какъ и часть Лимбурга по юго-восточному берегу Мааса съ крѣпостью Маастрихтомъ и съ укрѣпленіемъ Венлоо на сѣверо-восточномъ берегу его. Прежде принадлежавшія Голландіи части Лимбурга и Люксембурга вошли въ составъ германскаго союза. Между тѣмъ король Леопольдъ женился на дочери Людовика Филиппа, принцессѣ Луизѣ. Дѣти его отъ этого брака должны были исповѣдывать католическую религію. Такимъ образомъ послѣднее препятствіе, которое встрѣтилось при избраніи Леопольда, было уничтожено. Онъ съ свойственнымъ ему умомъ и тактомъ пріобрѣлъ общую любовь и съумѣлъ поставить Бельгію на ряду съ самыми богатыми государствами Европы.

Промышленность и торговля получили широкое развитіе во время его царствованія, чему особенно способствовала постройка правительствомъ цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Онѣ проводились по глубоко обдуманному и многостороннему плану. Съ этой поры Бельгія благоденствовала, не смотря на сосѣдство и близкое родство съ вѣчно безпокойной, тревожной Франціей. Король Леопольдъ оказалъ большую услугу Европѣ сохраненіемъ общаго мира; это зависѣло частію во первыхъ отъ того, что онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ могущественныхъ династій, которая могла бы имѣть на него вліяніе, а въ тоже время находился въ родствѣ къ французскимъ и англійскимъ домами, во-вторыхъ потому, что будучи государемъ небольшой страны, онъ имѣлъ цѣлью внутреннее благосостояніе ея и заботы о сохраненіи мира съ сосѣдними съ громадными государствами, а главное искусство, съ которымъ онъ неоднократно умѣлъ устраивать возникавшія натянутыя и недружелюбныя отношенія между Англіей и Франціей.

2. Германія.

а. Союзный сеймъ и нѣкоторыя отдѣльныя государства.

Германія давно уже съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила за постановленіями французскихъ палатъ. Извѣстныя имена, появлявшіяся на французской трибунѣ, встрѣчались въ либеральныхъ кружкахъ Германіи съ сочувствіемъ и восторгомъ;

древняя народная вражда была забыта; стремленіе идей во Франціи, обработанный, изящный языкъ ея ораторовъ чарующимъ образомъ влекли къ себѣ умы образованной молодежи. Кипучая, полная жизни работа Франціи надъ своей конституціей, споры и дебаты ея палатъ, все это хотя нѣсколько удовлетворяло естественной потребности политическаго движенія передовыхъ людей Германіи; въ своемъ отечествѣ они должны были отказаться отъ реформъ, частію вслѣдствіе противодѣйствія, встрѣченнаго ими въ день собранія сейма, частію же и отъ необыкновеннаго равнодушія къ своимъ правамъ общей массы народа. Франція имѣла огромное вліяніе на остальную Европу въ періодъ времени между 1820 и 1830 годами. Невѣроятныя событія происходили въ ней: народъ безъ оружія, безъ предводителей, въ неравномъ бою успѣлъ одержать верхъ надъ правительствомъ и заставилъ его удалиться изъ Франціи. Какъ мы видѣли, парижское движеніе нашло отголосокъ и въ Бельгіи; не смотря на страхъ, внушаемый ей священнымъ союзомъ, Германія послѣдовала также общему стремленію умовъ; безъ всякаго толка и смысла вспыхнули одни за другимъ возстанія въ Аахенѣ, Эльберфельдѣ, Берлинѣ, Бреславлѣ, Гамбургѣ, Карлсруэ, Маннгеймѣ и многихъ другихъ городахъ; за неимѣніемъ другаго предлога, чернь, какъ въ былыя времена, избрала евреевъ цѣлью своихъ преслѣдованій и жестокостей. Волненія были усмирены собственными силами, безъ вмѣшательства посторонныхъ властей. Этимъ движеніемъ не ограничилось однакожь броженіе умовъ въ Германіи. Въ одномъ изъ самыхъ небольшихъ государствъ Германскаго союза—Брауншвейгѣ, революція развернулась во всей полнотѣ. Герцогъ Карлъ Брауншвейгскій, при началѣ іюльской революціи, былъ въ Парижѣ, откуда тайкомъ уѣхалъ въ свое государство. Нелюбимый народомъ за свою недѣятельность, онъ вызвалъ наконецъ всеобщее негодованіе рѣзкимъ и крутымъ обращеніемъ. Народъ, служащіе, дворянство, даже войско,—оно состояло изъ одного пѣхотнаго полка, двухъ эскадроновъ гусаръ и полу-батареи артиллеріи — все это открыто выражало свои жалобы. 6-го сентября герцогъ былъ въ театрѣ; по окончаніи спектакля чернь провожала его карету громкими криками и осыпала ее градомъ каменьевъ. Въ продолженіе всей ночи бушующая толпа окружала его замокъ; въ теченіе слѣдующей ночи повторилось тоже самое, тогда же на утро толпа узнала, что герцогъ тайкомъ уѣхалъ изъ замка и города; бѣшенству ея не было границъ; пока генералъ Герцбергъ, которому герцогъ Карлъ поручилъ защиту и охраненіе замка, совѣщался съ бургомистромъ о мѣрахъ для прекращенія безпорядковъ, разъяренная чернь ворвалось въ одну изъ худо оберегаемыхъ дверей и зажгла лѣвый флигель замка. Черезъ нѣсколько мгновеній, пламя показалось въ разныхъ мѣстахъ, а дикая толпа разбила винные погреба и черпая вино пожарными ведрами, предалась неистовой оргіи. Къ утру двѣ трети замка обратились въ груду камней и пепла.

Въ тоже время было приступлено наконецъ къ усмиренію народа; для этого было созвано чрезвычайное собраніе депутатовъ; 10-го въ Брауншвейгъ пріѣхалъ младшій братъ герцога Карла Вильгельмъ, который, узнавъ о безпорядкахъ, оставилъ прусскую службу; 27-го числа того же мѣсяца сеймъ обратился къ нему съ просьбою принять вмѣсто брата управленіе государствомъ, вычисливъ ему всѣ неудовольствія, вызванныя его несправедливостями. Герцогъ Вильгельмъ принялъ предложеніе; герцогъ Карлъ также далъ свое согласіе; но когда онъ узналъ, что такимъ образомъ онъ навсегда лишился правъ на престолъ, онъ задумалъ дѣйствовать противъ революціи—контръ-революціей и такимъ образомъ на дѣлѣ доказалъ совершенную неспособность править государствомъ, на что пока не было еще явныхъ доказательствъ. Онъ возвратился изъ Англіи, гдѣ жилъ во время безпорядковъ; во Франкфуртѣ на Майнѣ 18-го ноября 1830 года онъ объявилъ, что не хочетъ передавать правленія герцогу Вильгельму, и далъ полномочіе своему другу барону Бендеру фонъ-Бинеталю преслѣдовать похитителей его власти. 28 числа баронъ Бендеръ былъ захваченъ на границѣ и отвезенъ вмѣстѣ съ прокламаціями въ Брауншвейгъ. Между тѣмъ Вильгельмъ, опираясь на единогласное рѣшеніе страны, издалъ съ согласія короля Англіи манифестъ, въ которомъ объявилъ, что до тѣхъ поръ, пока этого станутъ требовать обстоятельства, онъ будетъ управлять страной. Нѣсколько дней спустя герцогъ Карлъ во главѣ толпы нѣсколькихъ сотъ рудокоповъ изъ Гарца, вооруженныхъ дубинами и вилами, двинулся къ

границѣ Брауншвейга и готовъ былъ уже перейти ее, когда вышедшій ему на встрѣчу отрядъ подъ командою брауншвейгскаго офицера, объявилъ, что герцогу нечего больше дѣлать въ Брауншвейгѣ и что онъ совѣтуетъ ему удалиться; герцогъ Карлъ распустилъ свое импровизированное войско, а самъ уѣхалъ въ Парижъ. Однакожь и тамъ не могли добиться отъ него добровольнаго отреченія. Постановленіемъ сейма 2-го декабря принцъ Вильгельмъ былъ утвержденъ въ своей власти. 20-го апрѣля 1831 года герцогъ Карлъ былъ объявленъ устраненнымъ отъ престола, за свою недѣятельность, а принцъ Вильгельмъ признанъ законнымъ государемъ. Въ тотъ же день ему присягнулъ весь народъ. Между нимъ и прежними депутатами, заключенъ государственный договоръ, который объявленъ 12 октября 1832 года, какъ основной законъ маленькаго государства.

Въ Ганноверѣ тоже было неспокойно. Всеобщія неудовольствія начались изъза управленія страной лондонскимъ парламентомъ, черезъ посредство ганноверской канцеляріи. Народъ кромѣ того ненавидѣлъ графа Мюнстера, въ которомъ видѣлъ защиту и поддержку могущественнаго сословія, угнетавшаго страну. Жалобы были высказаны между прочимъ войскомъ по поводу тронной рѣчи, сказанной королемъ Вильгельмомъ при открытіи лондонскаго парламента, въ которой слова короля: «я хочу царствовать только надъ свободными народами», были замѣнены въ экземплярахъ назначенныхъ для Ганновера, фразой, что «его величество хочетъ царствовать только надъ вѣрными народами». Движеніе въ Брауншвейгѣ передалось и сосѣднему съ нимъ Ганноверу; сначала въ Остероде, потомъ въ Геттингенѣ 8-го января 1831 года адвокаты, приватъ-доценты, шелковые фабриканты, стали во главѣ студентовъ, учредили изъ себя національную гвардію и подъ предводительствомъ Раушенплатта—революціонный общинный совѣтъ. 15 января довольно значительное войско подошло къ городскимъ воротамъ и своимъ появленіемъ превратило движеніе. Зачинщики, пользуясь ночной темнотой, разошлись во всѣ стороны, и когда на слѣдующее утро войска вошли въ городъ, тамъ царствовало совершенное спокойствіе, а въ университетѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, шли своимъ порядкомъ лекціи.

Этимъ однако не ограничились безпорядки въ Ганноверѣ. Король Вильгельмъ, уступая серьезнымъ просьбамъ своихъ подданныхъ, которые отправили ему наконецъ депутацію, удалилъ, графа Мюнстера и назначилъ герцога Кембриджскаго своимъ вице-королемъ, со всѣми правами, связанными съ этимъ положеніемъ. 7 марта 1831 года во время собранія депутатовъ, была назначена особая комиссія изъ 21 члена, составленная изъ служащихъ и членовъ обѣихъ палатъ; между ними особенно выдавался профессоръ Дальманъ; комиссія занялась первоначальной разработкой новыхъ основныхъ государственныхъ законовъ, значительно отличавшихся отъ прежнихъ; новыми палатами, собранными въ 1833 году, законы были основательно разсмотрѣны и рѣшены, 26 сентября того же года утверждены королемъ, а 9 октября обязательно объявлены народу.

Точно такимъ же образомъ, вслѣдствіе іюльской революціи, были измѣнены начала конституціи въ Саксоніи. Въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ, главныхъ городахъ страны, извѣстія изъ Парижа произвели шумъ и смятеніе; возмутившіеся граждане тотчасъ же были обезоружены, возстаніе подавлено въ самомъ началѣ и такимъ образомъ обѣ стороны избѣгли множества злоупотребленій и непріятныхъ выходокъ. Старый король Антонъ избралъ своего племянника Фридриха Августа соправителемъ; народъ любилъ его за умъ и характеръ и съ радостью принялъ извѣстіе о томъ, что его отецъ, тоже преставшій уже, младшій братъ короля, отказался въ пользу сына отъ престола. Мѣсто министра фонъ Эйнзиделя занялъ тайный совѣтникъ фонъ Линденау, умный и образованный человѣкъ. Депутаты собрались въ послѣдній разъ на прежнихъ основаніяхъ 1-го марта 1831 года, вмѣстѣ съ правительствомъ положили новыя основанія конституціи, въ силу которой народъ получалъ болѣе дѣйствительный доступъ въ обѣ палаты; кромѣ того обезпечивалась публичность постановленій ихъ собраній. 4 сентября 1831 года новые законы были объявлены народу.

Въ Саксоніи, также какъ и въ Ганноверѣ, правительство охотно отозвалось на скромныя желанія народа. Не то происходило въ Кургессенѣ, гдѣ цѣлью народа было не устройство внутренняго благостоянія, а возстаніе противъ стѣсни-

тельныхъ политическихъ мѣръ и тяжкихъ налоговъ. 6-го сентября толпа ринулась и осадила булочныя и лавки, гдѣ продавался хлѣбъ. Граждане вооружились и вмѣстѣ съ войскомъ старались водворить порядокъ въ городѣ. Послѣ перваго взрыва, движеніе приняло политическій характеръ. Въ конституціи требовались серьезныя основательныя измѣненія; 12 сентября по возвращеніи курфюрста изъ Богеміи въ Вильгельмсгое, къ нему явилась депутація, почтительно поздравляла его съ пріѣздомъ, желала счастія и въ тоже время просила обратить вниманіе на нужды страны и столицы и собрать наконецъ сеймъ, который въ теченіе 14 лѣтъ ни разу не собирался. Вильгельмъ II отказалъ депутаціи; когда же 15-го числа онъ въѣхалъ въ столицу, то увидѣлъ, что площадь передъ дворцомъ занята толпами вооруженнаго народа, который съ громкими криками двигался во всѣ стороны. Вильгельмъ согласился наконецъ принять уполномоченныхъ и народъ узналъ объ этомъ по бѣлому платку, развѣвавшемуся въ одномъ изъ окошекъ дворца: это былъ сигналъ, означавшій, что желанія народа будутъ исполнены. 16-го октября были созваны представители народа; отъ ненавистныхъ таможенъ народъ избавился самъ; изъ Ганау была отправлена депутація курфюрсту съ просьбой отмѣнить стѣснительныя таможенныя правила, Вильгельмъ отказалъ депутаціи и она, возвратясь домой, раздосадованная неудачей, кинулась на таможенные дома въ Ганау и Фульдѣ, разрушила ихъ до основанія, переломала заставы и уничтожила дѣла и акты. Собранію представителей было предложено измѣнить основные законы. Оно дѣятельно принялось за работу; особенно живое участіе принималъ марбургскій профессоръ Сильвестръ Іорданъ; 9-го января 1831 года новыя законоположенія конституціи были приняты правительствомъ и представителями. Законы были задуманы и написаны въ очень свободномъ духѣ. Народу была дарована палата представителей, право утверждать налоги, свобода печати, отдѣленіе юстиціи отъ администраціи; на дѣлѣ приходилось убѣдиться, что самыя лучшія предположенія часто должны разбиваться о личный произволъ. Курфюрстъ, оскорбленный дурнымъ пріемомъ, сдѣланнымъ жителями Касселя его любимицѣ графинѣ Рейхенбахъ, перенесъ столицу въ Ганау, это было конечно очень чувствительно для города. Въ томъ же году утомленный управленіемъ, онъ назначилъ сына соправителемъ и намѣстникомъ, а въ сентябрѣ, взявъ лично принадлежащее ему состояніе, уѣхалъ вмѣстѣ съ графиней Рейхенбахъ за границу.

Въ южно-германскихъ государствахъ не произошло существенныхъ измѣненій; правда, головы народа разгорячались отъ извѣстій, получаемыхъ изъ Франціи, а тихая обыденная жизнь прерывалась на время то тамъ, то сямъ либеральными выходками.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ народъ напалъ на великолѣпныя имѣнія князя Изенбурга. Вообще въ Бюдингенѣ, Ниддѣ, Ортенбургѣ и многихъ другихъ, были разграблены дома и имущества чиновниковъ, дѣла и архивы сожжены или уничтожены; инстинктивное, безсознательное стремленіе народа стать частью одного большаго цѣлаго, и выйти изъ подданства мелко-владѣтельныхъ государей находило себѣ проявленіе въ безцѣльномъ и безсмысленномъ грабежѣ.

Въ Баваріи весьма незначительное движеніе между студентами заставило короля, манифестомъ отъ 28-го января 1831 года, издать законъ о стѣсненіи печати. Это постановленіе, при всеобщемъ разгорячены умовъ, вызвало громкія выраженія неудовольствія въ народѣ, которыя нашли отголосокъ даже въ палатѣ. Одна сторона требовала удаленія министра фонъ Шенка, который помѣтилъ своимъ именемъ постановленія о печати; одинъ изъ ораторовъ, особенно возбужденный противъ него, назвалъ его въ своей рѣчи Полиньякомъ Баваріи; другая сторона большинствомъ 96-ти голосовъ противъ 29-ти объявила постановленіе о печати противнымъ основаніямъ конституціи. Король далъ отставку министру фонъ Шенку и назначилъ на его мѣсто статскаго совѣтника фонъ Штюрмера, который предложилъ не только очень свободныя правила о печати, но вообще старался угадывать и предупреждать желанія народа. Палата не воспользовалась удобной минутой и тѣмъ испортила все дѣло: она скупо, съ натяжками и замедленіями согласилась на выдачу денегъ, потребованныхъ королемъ, для его художественныхъ построекъ, и этимъ навлекла на всю либеральную партію его не-

довольство; король 29-го декабря 1831 года распустилъ палату, выразивъ ей свою неблагосклонность.

Виртембергъ весьма спокойно и благополучно провелъ критическіе 30 и 31 годы. Сеймъ, собранный въ январѣ 1830 года, утвердилъ государственный бюджетъ на три года, также такъ государственные доходы и расходы. Такимъ образомъ до 1-го іюля 1833 года, королевство было обезпечено въ матеріальномъ отношеніи; срокъ собранія сословій черезъ три года,—назначенъ самимъ правительствомъ.

Въ Баденѣ движеніе умовъ обнаружилось даже раньше, нежели въ Парижѣ. 30-го марта 1830 года умеръ великій герцогъ Людвигъ; послѣ него вступилъ Леопольдъ 1-й, принадлежавшій къ новой Гохбургской линіи. Представители либеральной партіи, Итцштейнъ, Роттекъ, Велькеръ и другіе, полновластно распоряжались въ палатѣ и будили умы согражданъ своими либеральными теоріями. Въ громадномъ ученомъ изданіи «Государственный Лексиконъ», первый выпускъ котораго вышелъ въ 1834 году, они проводили свои принципы и мнѣнія. Передовые либеральные журналы и газеты въ свою очередь черпали изъ него содержаніе своихъ номеровъ и въ огромномъ количествѣ распространяли ихъ по странѣ. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ продолжались собранія депутатовъ, множество вопросовъ объ измѣненіяхъ въ законодательствѣ и управленіи были затронуты ими, и хотя ко многимъ нововведеніямъ правительство изъ уваженія къ сейму держалось совершенно безразлично, однакоже работа по законодательству дружно закипѣла, привлекая для этого дѣла всѣ умственныя силы государства. При всемъ томъ правительство удержало за собой свое естественное положеніе: болѣе консервативное направленіе, чѣмъ вторая палата, и болѣе либеральное чѣмъ первая.

Между многочисленными передовыми вопросами, затронутыми баденской палатой, былъ одинъ, который имѣлъ широкое значеніе и пробуждалъ новыя политическія идеи; это было предложеніе Карла Теодора Валькера о томъ, чтобъ были учреждены германскіе національные представители, которые имѣли бы право присутствовать и участвовать въ союзномъ сеймѣ. Правительство не приняло предложенія и даже не допустило дальнѣйшаго развитія этого вопроса. Государственные люди, стоявшіе во главѣ правленія, до того боялись даже намека, касавшагося измѣненія политическаго строя Германіи, что статскій совѣтникъ Винтеръ вмѣстѣ съ другими депутатами грозился выйти изъ залы, если будутъ продолжать заниматься этимъ вопросомъ.

Палата однакожь не испугалась угрозъ, а Велькеръ категорически объяснилъ свои доводы. Сеймъ выслушалъ его, но отказалъ въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса, за неимѣніемъ времени. «Изъ этого выходитъ, что предложеніе не придется рвзсматривать членамъ палатъ, сказалъ предсѣдательствующій фонъ Роттекъ послѣ того, какъ объявилъ о заключеніи сейма, но оно пойдетъ на судъ всего германскаго народа, свободной печати, которая будетъ для него докладчикомъ передъ великимъ парламентомъ общественнаго мнѣнія его верховнымъ судилищемъ».

Такимъ образомъ въ залѣ депутатовъ небольшаго государства, былъ впервые поднятъ великій вопросъ объ участіи всего нѣмецкаго народа въ дѣлахъ союза, и тою же самой палатой доведено объ этомъ до свѣдѣнія Германіи. Но было ли это въ самомъ дѣлѣ желаніемъ и потребностью германскаго народа. Медленно, боязливо, съ безконечнымъ множествомъ самыхъ несбыточныхъ дѣтскихъ мечтаній, съ нескончаемыми ошибками, полумѣрами и препятствіями, было наконецъ приступлено въ величайшему вопросу нынѣшняго столѣтія, къ вопросу объ единствѣ Германіи. Сумазбродная молодежь хотѣла порѣшить его въ одинъ день; глубокомысленные государственные люди сомнѣвались возможно ли будетъ когда нибудь разрѣшить его; изъ тайника могучихъ силъ, которыя были нужны для развитія народа вышла наконецъ горсть людей, которые способствовали дѣлу; прошло извѣстное время, народъ созрѣлъ, все послужило на помощь и на пользу общаго дѣла и въ нѣсколько мѣсяцевъ само собою, легко совершилось то, надъ чѣмъ напрасно трудилось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ столько мыслителей и что казалось имъ несбыточной мечтою.

Гигантская задача соединить въ одно политическое цѣлое разщепленные на

части двухъ тысяче-лѣтними преданіями народы, создать въ самомъ центрѣ Европы новое государство изъ тридцати маленькихъ отдѣльныхъ государствъ, не могла быть исполнена умомъ одного человѣка; для этого требовалась дружная работа всѣхъ нравственныхъ силъ народа, которыя сами изъ себя, безсознательно, а между тѣмъ мудро создали новое государственное зданіе и приводили его на ту степень, гдѣ опытность и мудрость государственныхъ мужей могли дать всему надлежащее направленіе, глубоко обдуманное окончаніе. И эти силы начали уже свое дѣло и даже подвинули его дальше, чѣмъ это могли предвидѣть люди близорукіе, измѣряющіе время короткой мѣркой жизни одного человѣка. Незрѣлые юноши, которые создали своеобразные законы и обычаи для корпорацій нѣмецкихъ студентовъ, не были вполнѣ неправы, когда они громко величали себя «орудіями будущаго единства Германіи». Но не они одни, а вся исторія Германіи съ 1815 года послужила основаніемъ и точкой отправленія для будущаго единства будущаго Германскаго государства.

Іюльская революція дала сильный толчекъ Германіи. Парижскія происшествія грозили германскимъ союзнымъ правительствамъ двойной опасностью. Трехцвѣтное знамя, развѣвавшееся во Франціи, про которое Лафайетъ говорилъ когда-то, что оно обойдетъ весь свѣтъ, было символомъ революціи и быть можетъ войны. Австрія и Пруссія заключили между собой союзъ, чтобы противодѣйствовать и той и другой. 18 го сентября 1830 года, Австрія предложила сейму, чтобы союзныя войска были постоянно готовы къ походу, и чтобы каждое изъ отдѣльныхъ государствъ было обязано въ случаѣ опасности, грозящей которой бы то ни было изъ сосѣднихъ странъ, подавать наискорѣйшую помощь своими военными силами, не дожидаясь, пока подоспѣютъ войска союза; кромѣ того каждый изъ союзныхъ государей обязывался принять мѣры, предписанныя въ 1819 году для охраненія общаго мира и порядка. Страхъ войны съ Франціей вскорѣ разсѣялся самъ собою; новое французское правительство не желало войны и старалось всѣми силами избѣгнуть поводовъ къ ней. Оставалось такимъ образомъ бороться только съ внутренними безпорядками, которые почти вездѣ увеличивались отъ мѣръ, предпринимаемыхъ для уничтоженія ихъ. Возстаніе въ Парижѣ, нашло отголосокъ въ Бельгіи, Швейцаріи и наконецъ разразилось общимъ возмущеніемъ Польши.

Однимъ изъ противодѣйствій революціи было рѣшеніе сейма отъ 27 октября 1831 г., по которому воспрещалось собирать подписи для адресовъ политическаго содержанія, подаваемыхъ сейму; рѣшеніемъ отъ 10-го ноября былъ подтвержденъ и усиленъ надзоръ за печатью и для этого пополнена новыми членами карлсбадская коммиссія, цѣлью которой былъ надзоръ за выходившими книгами и періодическими изданіями. Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ длинный рядъ запрещеній разныхъ газетъ, такъ напримѣръ: «Германской Трибуны», «Западнаго Вѣстника», и многихъ другихъ. Издатели этихъ газетъ: адвокаты Виртъ, Зибенпфейферъ и другіе, стоявшіе во главѣ возникавшей радикальной партіи, чтобы показать свое неудовольствіе на несбывшіяся мечты о свободѣ, задумали устроить празднество въ родѣ Вартбургскаго праздника въ 1817 году. Они разослали огромное количество приглашеній праздновать нѣмецкій май, въ Гамбахѣ близъ Нейштдтата на Гаардѣ, въ прирейнской Баваріи. Мѣстоположеніе городка, въ сторонѣ отъ старой Баваріи, полнаго еще воспоминаніями о французскихъ учрежденіяхъ, близкое сосѣдство его съ Франціей, все это вполнѣ соотвѣтсвовало глубоко обдуманному выбору. Изъ ближнихъ и далекихъ странъ стремилась несмѣтная толпа народа 27 мая 1832 года на праздникъ, которому не могло и не рѣшалось помѣшать правительство. Почти вездѣ развѣвались знамена съ черными, красными и желтыми полосами; студенческія корпораціи когда-то давно, по ошибкѣ признали эти цвѣта—древне-германскими и съ тѣхъ поръ ввели ихъ въ общее употребленіе, какъ символъ Германіи. Въ собраніи царствовалъ иной характеръ, нежели на праздникѣ 1817 года; мирное, возвышенное патріотическое настроеніе уступило мѣсто радикальному раздраженію — оппозиціонному духу; рядомъ съ нѣмецкими развѣвались и польскія знамена; вслѣдъ за понятными патріотическими рѣчами раздавалось хвастовство на всевозможныхъ нарѣчіяхъ, гремѣли виваты «соединен-

нымъ свободнымъ штатамъ Германіи,» привѣты на польскомъ и французскомъ языкахъ «конфедеративной республиканской Европѣ,» и тому подобнымъ, фантастическимъ выдумкамъ; слышались самыя рѣзкія выходки противъ государей и ихъ вѣрныхъ подданныхъ, и въ довершеніе безумія, то тамъ, то сямъ проповѣдывался крестовый походъ, раздавался призывъ къ оружію, и это тѣми самыми лицами, которыя сами никогда бы не взялись за ружье или шпагу. Праздникъ былъ назначенъ на 29 мая, день учрежденія баварской конституціи, какъ будто въ воспоминаніе ея, чтобы такимъ образомъ дать благовидный предлогъ собранію и не возбудить ни чьихъ подозрѣній. Онъ былъ сигналомъ для повторенія подобныхъ праздниковъ во всей южной Германіи, которые съ этихъ поръ вошли въ моду.

Эта неумѣстная искусственная демонстрація вызвала со стороны сейма реакцію. Герой Ганау, баварскій фельдмаршалъ князь Вреде, во главѣ войска съ неограниченными полномочіями, явился въ Пфальцѣ и тотчасъ же водворилъ спокойствіе. Вмѣшательство сейма дало волю отдѣльнымъ правительствамъ прибѣгать ко всевозможнымъ мѣрамъ строгости, отклоняя въ тоже время отъ себя часть отвѣтственности. Съ 28 іюня 1832 года начался длинный рядъ постановленій сейма противъ превышенія власти депутатовъ въ отдѣльныхъ государствахъ. Вновь былъ подтвержденъ основной законъ вѣнскаго заключительнаго акта, по которому глава правительства долженъ быть самостоятельнымъ государемъ и только въ исполненіи означенныхъ правъ связанъ съ содѣйствіемъ и вмѣшательствомъ депутатовъ. Этотъ законъ льстилъ самолюбію мелкихъ государей, между тѣмъ какъ они сами, не замѣчая этого, становились послушными и неспособными къ противодѣйствію рабами австрійской политики. Въ случаяхъ, еслибы депутаты отказывали въ назначеніи налоговъ для покрытія необходимыхъ расходовъ управленія, или бы разрѣшали ихъ съ стѣснительными условіями, союзъ оставлялъ за собою право вмѣшательства безъ соизволенія правительства. Исполненіе необходимыхъ для союза обязанностей не должно было ни подъ какимъ предлогомъ встрѣчать препятствія, или остановки со стороны внутренняго законодательства отдѣльныхъ государствъ. Для дальнѣйшаго наблюденія и разсмотрѣнія постановленій депутатовъ всѣхъ вообще союзныхъ государствъ, за исключеніемъ двухъ большихъ, была назначена особая коммисія на пять лѣтъ. Дальнѣйшимъ постановленіемъ было объявлено, что только союзный сеймъ имѣетъ право давать и отмѣнять законы. 5-го іюля появилось еще множество постановленій, касавшихся печати, политическихъ сходокъ и собраній, университетовъ и надзора за чужестранцами.

Въ тоже время было поднято строгое гоненіе на всевозможныя ленты и кокарды, трехцвѣтныя знамена и тому подобные знаки и символы, политическія рѣчи и пѣсни; противъ дѣтски-безсмысленной ненависти и злобы вставала впадающая въ младенчество старчески-безпомощная боязнь революціи. На первый взглядъ эта борьба реакціи съ либерализмомъ казалась очень неравной. Въ распоряженіи правительствъ находился цѣлый строй подвѣдомственной, послушной бюрократіи, зависѣвшей изъ-за своихъ насущныхъ нуждъ отъ милостей государей, или ихъ министровъ; за собой они чувствовали матеріальную силу войска своей собственной страны, въ случаѣ нужды, сосѣдняго государства, и наконецъ въ крайности готовую помощь Австріи и Пруссіи; подъ ними находилась масса народа, обѣднѣвшая, обезсиленная недавнимивойнами, масса, для которой были чужды еще политическіе вопросы, которая привыкла слѣпо повиноваться своему государю и смотрѣть на него, какъ на сверхъестественное существо. На сторонѣ либераловъ были только дѣйствительная разумность ихъ главныхъ требованій, многостороннее основательное образованіе, глубокая любовь къ истинѣ въ образованныхъ классахъ, изъ которыхъ выходили тоже чиновники и министры,—природная мудрость, которая въ большей части случаевъ помогала ихъ успѣхамъ и только въ рѣдкихъ указывала на поворотъ къ злу, или неправдѣ.

Какъ мало были распространены радикальныя идеи между массой народа, видно уже изъ жалкихъ и неудачныхъ попытокъ ввести новый порядокъ вещей и изъ желанія поскорѣе покончить борьбу между истлѣвшею стариною и недозрѣлою новизною.

Въ идеологахъ не было недостатка; они съ жаромъ мечтали о «единствѣ

и свободѣ Германіи.» Воспользовавшись революціей, они надѣялись обойтись безъ согласія сейма, отстранить его вовсе отъ участія въ дѣлахъ Германіи, однимъ словомъ поступить съ нимъ, какъ поступила Франція во время іюльской революціи съ министерствомъ Полиньяка. Бывшее студенческое молодое поколѣніе стало зрѣлыми, серьезными людьми; между ними многіе горько печалились о томъ, что ничего еще не было сдѣлано для ихъ громко-воспѣтаго, страстно любимаго идеала свободы. Подъ предводительствомъ д-ра Вирта, человѣка честнаго, рѣшительнаго образовалось литературное и патріотическое общество, которое быстро распространилось въ южной и сѣверо-западной Германіи; революція въ Палатинатѣ противорѣчила направленію общества и потому оно съ юга Германіи перешло во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Это было собраніе литераторовъ, докторовъ, ученыхъ, которые имѣли частыя и близкія сношенія съ товарищами, разсѣянными по всей Германіи, дѣлились другъ съ другомъ мечтами, надеждами, фантазіями. Весь міръ по ихъ мнѣнію состоялъ изъ недовольныхъ элементовъ; съ удивительною серьезностью обсуждались самыя невѣроятныя предположенія; въ воображеніи мечтателей они составляли цѣлые систематическіе ряды сцѣпленій, для которыхъ достаточно было одного внѣшняго толчка, чтобъ привести къ громаднымъ, желаемымъ результатамъ. Одинъ разсчитывалъ на тысячи вюртембергскихъ солдатъ, другой на согласіе пруссаковъ, занимавшихъ союзную крѣпость Майнцъ, нѣкоторые наконецъ надѣялись на франкфуртскую артиллерію, при содѣйствіи французовъ и поляковъ. Въ южной Германіи разнузданное резонерство укоренилось повсемѣстно и дошло наконецъ до высшей степени; спустя много времени находились мечтатели, которые въ своемъ ослѣпленіи воображали, что за смѣлымъ словомъ тотчасъ же будетъ слѣдовать смѣлый поступокъ. Такъ и тогда они договорились наконецъ до самаго удивительнаго, невѣроятнаго предположенія: уничтожить собравшійся во Франкфуртѣ сеймъ, и изъ либеральныхъ представителей Бадена и Гессена образовать временное правительство; единовременно должно было произойти возстаніе между войскомъ въ Лудвигсбургѣ въ Виртембергѣ, по мнѣнію ихъ, давно уже подготовленное лейтенантомъ Козерицемъ. Наступала минута рѣшительнаго удара; нѣкоторые изъ зачинщиковъ заговора были открыты и посажены подъ арестъ. Въ числѣ ихъ находился дѣятельный, горячій книгопродавецъ Франкъ изъ Штутгарда. Въ тоже время Козерицъ увѣдомлялъ, что его войско еще невполнѣ приготовлено. Несмотря на это 3-го апрѣля 1833 года въ десятомъ часу вечера произошло первое столкновеніе. Двѣ толпы молодыхъ людей, числомъ 51 человѣкъ, опоясанные шарфами съ черными, красными и желтыми полосами, подъ предводительствомъ геттингенскаго приватъ-доцента Раушенплатта, доктора Герта и одного польскаго маіора, бросились на гауптвахту и на домъ, гдѣ помѣщались констабли, обезоружили растерявшихся солдатъ и громкими воззваніями уговаривали сбѣжавшуюся на шумъ толпу принять участіе въ возстаніи. Пока непривыкшіе къ безпорядкамъ и сумятицѣ жители Франкфурта недоумѣвали на что имъ рѣшиться, нѣсколько заговорщиковъ бросилось на ближайшую колокольню и стали бить въ набатъ. Звонъ колоколовъ раздался по всему городу; стоявшій во Франкфуртѣ батальонъ въ нѣсколько мгновеній собрался и ускореннымъ шагомъ подошелъ къ гауптвахтѣ, отбилъ ее и домъ констаблей изъ рукъ заговорщиковъ и освободилъ обезоруженный караулъ. Все это сопровождалось ожесточенной борьбой; съ обѣихъ сторонъ были раненые и убитые. Заговорщики, пользуясь ночной темнотой, скрылись въ близь лежащихъ улицахъ. Напрасно ожидала увлеченная обѣщаніями толпа сосѣднихъ крестьянъ условныхъ ракетъ и сигналовъ, чтобъ броситься съ своей стороны на городъ; все было темно и тихо; наконецъ 80 человѣкъ отважились войти въ городъ, но они увидѣли, что Фридбергскія ворота крѣпко заперты, что имъ нечего тутъ дѣлать и нужно идти по домамъ, въ обыденнымъ занятіямъ; на возвратномъ пути они разрушили дорожную заставу; это было легче и доступнѣе, чѣмъ уничтоженіе союзнаго сейма. Эта жалкая выходка, которую безъ сомнѣнія легко можно было отвратить, еслибъ объ этомъ захотѣли позаботиться, дала правительствамъ поводъ принять болѣе строгія полицейскія мѣры. Австрійская система арестовъ, допросовъ, наказаній вошла во всеобщее употребленіе; австрійскія и прусскія войска были переведены изъ Майнца во Франкфуртъ; а какъ нѣкоторымъ аресто-

ваннымъ удалось бѣжать, то волненія не утихали, а постоянно обнаруживались то тамъ, то здѣсь, поддерживаемыя глубоко укоренившимися въ Европѣ радикальными идеями. Все это возбуждало опасенія въ остальныхъ правительствахъ; въ концѣ лѣта 1833 года въ Теплицѣ предварительно собрались для совѣщаній министры Россіи, Австріи и Пруссіи; а черезъ нѣсколько времени съѣхались и сами государи въ Мюнхенгрецѣ для обсужденія и примѣненія къ настоящимъ обстоятельствамъ своего рода священнаго союза. Вслѣдъ за съѣздомъ государей были созваны конференціи въ Вѣнѣ, открытыя 13 января 1834 года торжественною рѣчью Меттерниха; въ ней австрійскій канцлеръ громкими словами обличалъ партію уничтоженія и разрушенія, и указывалъ на могущество, которое она пріобрѣтала съ каждымъ годомъ въ палатахъ нѣмецкихъ государствъ. Пять мѣсяцевъ длились совѣщанія и опять повторилось тоже, что было въ 1819 году. Австрія предлагала, а съ нею всякій разъ соглашались уполномоченные Пруссіи Ансильонъ и Альвенслебенъ; баварскій министръ фонъ-Мигъ и кое-кто изъ его товарищей противорѣчили, когда отдѣльное право управленія, это высшее благо среднихъ государствъ было черезчуръ отодвинуто на задній планъ; окончательно были приняты однакоже предложенія австрійскаго министра. Въ заключительномъ протоколѣ правильная постановка основаній союза была изложена очень пространно. Затѣмъ было положено учредить союзный судъ, въ которомъ 17 голосовъ, составленныхъ каждый изъ единомысленнаго совѣщанія двухъ членовъ, должны были избрать по одному высшему судейскому и одному административному чину; въ несогласіяхъ между правительствами и сословіями каждая партія изъ этихъ 34 членовъ избирала трехъ судей, а эти шесть выбирали предсѣдателя изъ остальныхъ 28 членовъ. Правительства не были обязаны созывать этотъ судъ и потому все дѣло оставалось въ предположеніи, если только его существованіе заранѣе не было предположено для обмана чувствъ.

Остальныя статьи протокола опредѣляли ближе безсиліе палатъ и своевластіе союза. Дѣйствіямъ правительства никогда не должны были мѣшать сословные запросы. Право утверждать и отмѣнять налоги было опредѣлено такъ, что превратилось въ простую обязанность давать согласіе на предложенія правительства; при попыткѣ общей отмѣны налоговъ должно было слѣдовать немедленное вмѣшательство союза. Правительственные чиновники, избранные въ депутаты, могли поступать въ палаты только съ соизволенія главы правительства. Армія не приносила присяги конституціи. Депутатамъ воспрещено было обсуждать и дѣлать постановленія относительно полноправности рѣшеній сейма; правительства обязывались твердо вступаться за всякія нападки противъ союза и отдѣльныхъ союзныхъ правительствъ. Постановленія о печати и университетахъ соотвѣтствовали прежнимъ. Новою была только статья 59, выработанная министромъ Габсбургскаго дома и его товарищами, въ силу которой обязательства, принятыя правительствами, согласно договорамъ и рѣшеніямъ конференціи, не должны встрѣчать препятствій въ ихъ немедленномъ исполненіи, несмотря на какія либо существующія или предвидимы конституціонныя законоположенія. Поэтому въ своей заключительной рѣчи отъ 12-го іюня 1834 года Меттернихъ, не стѣсняясь уже, высказался вообще противъ теоріи представительнаго образа правленія. Нѣкоторыя изъ этихъ постановленій были изложены въ видѣ окончательныхъ рѣшеній сейма, другія же не были обнародованы, хотя не составляли никакой тайны; согласно имъ правительства стали въ извѣстное положеніе относительно палатъ. Начинался рядъ печальныхъ дней для неокрѣпшей еще германской конституціи. Желая противодѣйствовать возникавшей свободѣ и избавиться отъ непріятной обязанности царствовать надъ свободными народами, германскіе государи предпочли подпасть подъ чужеземное владычество Австріи. Сеймы, одинъ за другимъ, приноровлялись къ обстоятельствамъ; на первомъ изъ нихъ, нассаускомъ, не было упомянуто ни одного слова о жалобахъ на министровъ и объ ограниченіи налоговъ. Баварскій сеймъ, собравшійся въ 1834 году, оказался до того угодливымъ, что король Людовикъ считалъ всю обязанность велѣть выбить медаль съ своимъ изображеніемъ на память объ этомъ происшествіи; вслѣдъ за этими гессенскіе, виртембергскіе и баденскіе представители народа отступали шагъ за шагомъ передъ побѣдоноснымъ самодержавіемъ. Одинъ изъ членовъ дармштадтской палаты Ген-

рихъ фонъ-Галернъ осмѣлился сказать объ одной партіи: «которая въ настоящее время управляетъ дѣлами великаго герцогства, не понимая основныхъ принциповъ конституціи, и члены которой позабыли о томъ, что такое право.» Палата была распущена, утомленное и напуганное народонаселеніе выслало правительству выраженіе положительно ему сочувственнаго большинства. Въ Виртембергѣ горсть отважныхъ храбрецовъ продолжала начатую борьбу. Это были: Фридрихъ Альбрехтъ Шоттъ, Лудвигъ Уландъ, извѣстный своею чистой, незапятнанной жизнью, какъ поэтъ, патріотъ и человѣкъ, Фридрихъ Ремеръ, замѣчательный своею непоколебимою отвагой, и рѣзкой рѣчью, Павелъ Пфитцеръ, человѣкъ высокообразованный съ глубокомысленнымъ всеобъемлющимъ государственнымъ умомъ; но тутъ весь протестъ выразился покорными просьбами объ отмѣнѣ стѣснительныхъ цензурныхъ постановленій. На баденскомъ сеймѣ въ 1835 г., бывшее большинство либераловъ превратилось въ меньшинство. Правительство принужденіями, ласками и приманками руководило выборами и мало-по-малу дѣлало оппозицію безвредною и безсильною.

Самые гуманные правители, какъ напримѣръ въ Виртембергѣ и Баденѣ, съ каждымъ днемъ все больше и больше усвоивали себѣ хитрости и тонкости австрійской политики. Не смотря на это въ натурѣ германскаго народа было много живучести, которая помогла ему противодѣйствовать самовластію. Для совершеннаго застоя, какъ въ Австріи, недоставало двухъ важныхъ условій: дурныхъ намѣреній правительствъ и лѣности народовъ. Прежде чѣмъ окончилось это печальное десятилѣтіе, въ одномъ изъ среднихъ германскихъ государствъ опять всплыли вопросы о правахъ народа и конституціи; хотя въ этомъ либерализмъ опять потерпѣлъ полную неудачу, за то пробудилъ народъ отъ усыпленія, на которое такъ сильно разсчитывали вѣнскія конференціи.

Вильгельмъ IV, король Англіи и въ тоже время король Ганновера, умеръ 20 іюня 1837 г. Въ Англіи престолъ переходилъ къ дочери старшаго брата покойнаго, въ Ганноверѣ онъ достался его младшему брату, герцогу Кумберландскому Эрнесту Августу.

Въ 1833 году при установленіи государственныхъ и союзныхъ договоровъ упустили изъ вида, спросить согласія тодашняго наслѣдника престола. Герцогъ, упрямый тори и даже скорѣе приверженецъ автократіи, чѣмъ аристократіи, тогда же объявилъ, что онъ никогда не согласится на подобную конституцію; надобно однакожь замѣтить, что протестъ извѣстенъ былъ только немногимъ.

28 іюня 1837 года герцогъ Эрнестъ Августъ торжественно въѣхалъ въ резиденцію. Сословія выслали депутацію для принесенія ему поздравленія; онъ не принялъ ее. Два дня спустя герцогъ прислалъ депутатамъ ихъ временное увольненіе. Въ силу 13 статьи государственнаго основнаго закона, король при вступленіи на престолъ долженъ былъ принести торжественное обѣщаніе исполнять конституцію государства; этого не было сдѣлано, и въ то время, когда члены верхней палаты молча слушали чтеніе декрета, по которому они увольнялись, во второй палатѣ президентъ, послѣ прочтенія, предложилъ вопросъ не сдѣлаетъ ли кто на это какого нибудь замѣчанія; бургомистръ города Оснабрюка, депутатъ докторъ Стюве обратился къ собранію съ слѣдующими словами: «Мнѣ кажется, что его величество еще не принялъ бразды правленія.» Палата молчала, докторъ Стюве сѣлъ на свое мѣсто, а президентъ объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Начавшаяся оппозиція отличалась мирнымъ характеромъ; она приводила только къ тому заключенію, что если достаточно было простаго несогласія и неутвержденія наслѣдникомъ полноправной и соотвѣтствующей нуждамъ государства конституціи, чтобы впослѣдствіи вовсе ее отмѣнить и уничтожить, то въ Германіи нельзя было полагаться болѣе ни на одно право, ни на одну конституцію. Новый король, не останавливаясь, шелъ дальше. Онъ сдѣлалъ тайнаго совѣтника фонъ-Шеле, не связаннаго никакой присягой съ конституціей, своимъ кабинетъ-министромъ; это было орудіе, съ помощью котораго король задумалъ сдѣлать государственный переворотъ. Манифестомъ, помѣченнымъ фонъ-Шеле, онъ объявилъ народу о принятіи правленія въ свои руки и въ тоже время упомянулъ, что такъ какъ онъ никогда не признавалъ государственнаго конституціоннаго начала, то и не считалъ его для себя обязательнымъ; въ тоже время онъ прибавлялъ, что подвергнетъ этотъ вспросъ тщательному и совѣстливому обсужденію. Этотъ вопросъ, который въ сущности никогда имъ не былъ, а становился имъ по приказанію короля

и вслѣдствіе юридическихъ софизмовъ, долженъ былъ разсматриваться особою комиссіей подъ предсѣдательствомъ того же самаго фонъ-Шеле. Опираясь на соображенія, высказанныя комиссіей, Эрнестъ Августъ издалъ манифестъ отъ 11 ноября 1837 года, которымъ собраніе депутатовъ объявлялось распущеннымъ; вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ другой, по которому основные государственные законы 1833 года отмѣнялись и въ тоже время объявлялось, что будетъ установлена иная конституція, «болѣе соотвѣтствующая истиннымъ потребностямъ страны, и согласная съ положеніями 1819». Объ истинныхъ нуждахъ народа Эрнестъ Августъ ничего не зналъ и о нихъ никогда не заботился; истинныя нужды представлялись ему въ видѣ личныхъ долговъ, которые онъ надѣялся погасить доходами съ коронныхъ земель Ганновера, тогда какъ по конституціи 1833 года онѣ были объявлены собственностью государства, а вмѣсто доходовъ съ нихъ закономъ утверждено извѣстное содержаніе короля.

Безцеремонное нарушеніе правъ вызвало въ германскихъ палатахъ, и даже между германскими правительствами, которыя до сихъ поръ сохраняли чувство законности, большія неудовольствія; баденская, баварская, саксонская, кургессенская, дармштадтская, брауншвейгская и виртембергская народныя палаты высказались въ болѣе рѣзкихъ, или мягкихъ формахъ, но безъ особенныхъ противорѣчій со стороны своихъ правительствъ, за возстановленіе попранныхъ правъ Ганновера.

Въ самомъ государствѣ, благодаря перевѣшивающему большинству флегматическаго сельскаго населенія, возбужденіе было весьма умѣренное. Выборы состоялись безъ особенныхъ противорѣчій. Только семь профессоровъ геттингенскаго университета, которые по конституціи 1819 года получали право избрать одного депутата — Альбрехтъ Дальманъ, оба брата Гримма, Гервинусъ, Эвальдъ и Веберъ — имѣли храбрость объявить попечителю, что они убѣждены въ невозможности посредствомъ манифеста отмѣнять конституцію страны; далѣе, что они связаны съ этой конституціей принесенной ими присягой, что имъ, наставникамъ и руководителямъ юношества, неприлично играть присягой, и что вслѣдствіе этого они не будутъ принимать участія въ выборѣ депутата отъ университета. Эти слова, сказанныя въ надлежащее время и противопоставлявшія силѣ чувство сознанія долга, слова, сказанныя честными людьми, подвигнутыми не раздраженіемъ, не искательствомъ популярности, а глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, нашли отголосокъ между такими же честными людьми, и на вѣки запечатлѣли имена ихъ въ памяти народа.

Король, который смотрѣлъ на ученыхъ и на ученость съ точки зрѣнія суроваго солдата, коротко и быстро порѣшилъ дѣло: безъ предварительнаго слѣдствія или суда всѣ семеро были отрѣшены отъ должности, а трое изъ нихъ, Дальманъ, Яковъ Гриммъ и Гервинусъ были высланы изъ государства за то, что они распространяли свой протестъ и такимъ образомъ стали въ высшей степени виновны въ возмущеніи народа.

20-го февраля 1838 года произошло собраніе новыхъ депутатовъ; нѣкоторые изъ городовъ, какъ напримѣръ, Оснабрюкъ, отказались отъ выборовъ, или произвели ихъ съ условіями. Собраніе приступило къ занятіямъ, колеблясь, не стараясь слишкомъ углубляться въ новый проектъ конституціи, въ то самое время, когда оппозиція усилилась выборами тѣхъ корпорацій, которыя отъ нихъ до сихъ поръ уклонялись. Собраніе, по предложенію Конради, депутата за Геттингенъ, рѣшило большинствомъ 34 голосовъ противу 24, что «та конституція, которая существовала законно еще до вступленія его величества на престолъ, не иначе можетъ быть уничтожена, или отмѣнена, какъ съ согласія представителей утвержденныхъ основными государственными законами.» 29 іюня собраніе сдѣлало въ этомъ смыслѣ представленіе союзному сейму. Нѣкоторыя изъ корпорацій страны и въ числѣ прочихъ магистратъ Оснабрюка обращались уже къ сейму съ подобными заявленіями основанными на заключеніи Стюве.

Собраніе союзнаго сейма рѣшило 6-го сентября 1838 года отослать назадъ прошеніе за недостаткомъ законности челобитчиковъ, но въ тоже время оно обратилось къ правительству съ требованіемъ разъяснить, въ чемъ дѣло; этотъ запросъ какъ и послѣдующія поясненія германскихъ палатъ ободрили ганноверскихъ приверженцевъ конституціи; въ своей странѣ они не находили поддержки въ про-

стомъ народѣ; народъ говорилъ себѣ, что король знаетъ дѣло лучше другихъ, и потому не надобно мѣшать ему; отдѣльныя попытки отмѣнить налоги къ сожалѣнію рушились. 15-го февраля 1839 года король объявилъ, что онъ возстановляетъ порядокъ вещей, царствовавшій въ 1819 году; такимъ образомъ онъ однимъ взмахомъ пера уничтожилъ успѣхи, сдѣланные страной въ теченіе 20 лѣтъ. Число собравшихся къ этому дню депутатовъ было недостаточно для законнаго постановленія рѣшенія; отсутствующіе протестовали и въ свою очередь подали новое представленіе союзному сейму 29 марта. Напрасно было хлопотать о правдѣ, или законности у союзнаго сейма, который дѣйствовалъ двуличнымъ образомъ. Однако баварскій посланникъ 26 апрѣля сдѣлалъ предложеніе союзному сейму, чтобы онъ «посовѣтовалъ» королевскому правительству наблюдать 56-ю статью вѣнскаго заключительнаго акта, по которому мѣстная конституція можетъ быть измѣнена только конституціоннымъ порядкомъ, и чтобы сеймъ предложилъ королевскому правительству, или сохранять законный порядокъ вещей, или если необходимы какія либо измѣненія, дѣлать ихъ исключительно законнымъ путемъ. Когда наконецъ прошло много времени, 5 сентября, большинствомъ девяти противу восьми голосовъ было положено не принимать предложеній о вмѣшательствѣ союза, такъ какъ при настоящемъ случаѣ не существуетъ для союза законныхъ причинъ для вмѣшательства его въ это внутреннее дѣло. Въ числѣ большинства находились оба большія государства и голоса за Голштейнъ и Люксембургъ, т. е. Данія и Голландія. Рѣшенію же вопроса въ этомъ голосованіи способствовало само заинтересованное правительство—ганноверскій голосъ,—это былъ еще одинъ не совсѣмъ благовидный поступокъ. Однако не всѣ члены союза смотрѣли съ удовольствіемъ на подобное рѣшеніе важнаго вопроса и нѣкоторые изъ государей были на столько прозорливы, что видѣли въ этомъ вѣроятную гибель монархизма въ Германіи. Послѣдняя опора была отнята у опозиціонной партіи въ Ганноверѣ, подачей голосовъ. Желанія короля были исполнены; 19-го марта 1840 года представители собрались въ узаконенномъ числѣ для постановленія рѣшеній; послѣ долгихъ обсужденій и обѣщаній былъ наконецъ утвержденъ законъ новой конституціи и объявленъ во всеобщее свѣдѣніе 6-го августа 1840 года.

b. Австрія и Пруссія.

Пока ни одно изъ большихъ государствъ—Австрія, или Пруссія—не склонялось открыто и рѣшительно въ пользу конституціи, измѣненіе или уничтоженіе того или другаго либеральнаго параграфа въ конституціонномъ строѣ другихъ германскихъ государствъ не имѣло почти никакого важнаго значенія для цѣлаго союза.

Исторія Австріи въ періодъ 1830 — 40 годовъ оставляетъ въ отрицательномъ смыслѣ часть обще-германской исторіи. Самое важное происшествіе этого времени была смерть императора Франца, 2-го марта 1835 года. Ему наслѣдовалъ сынъ его Фердинандъ, самый незнающій изъ правителей XIX столѣтія. Это былъ 40 лѣтній, добродушный, веселый, но въ тоже время одержимый эпилептическими припадками, совершенно неспособный царствовать человѣкъ. Окружающіе скрывали его болѣзнь и такимъ образомъ уклонялись отъ регентства, которое въ подобномъ случаѣ вездѣ было бы назначено. Дѣлами по имени управляла, такъ называемая государственная конференція, составленная изъ двухъ эрцгерцоговъ и министровъ, а на самомъ дѣлѣ изъ одного князя Меттерниха, ставшаго вслѣдствіе этого еще болѣе чѣмъ прежде необходимымъ для Австріи. Люди самые благосклонные могутъ насчитать въ это долгое правленіе съ 1835—1848 только десять «достопамятныхъ государственныхъ дѣлъ». Такъ напримѣръ съ политическими преступниками со смерти «свирѣпаго Франца» стали обращаться по-человѣчески, а въ иностранной политикѣ хотя и крѣпко еще держались за старыя теоріи, за то не такъ скоро примѣняли ихъ къ дѣлу. На улучшенія по части финансоваго управленія, находившагося въ вѣдѣніи министра Эйкгофа, уроженца прирейнскихъ провинцій (1835—1840), можно смотрѣть, какъ на переходное состояніе. Болѣе положительные успѣхи и болѣе дѣятельную политическую жизнь проявляла Венгрія. На сколько въ общемъ безплодно проходили венгерскіе сеймы, на столько двигалось впередъ начавшееся движеніе

въ Венгріи. Венгерскій языкъ все больше и больше вытѣснялъ старинный дѣловой, мертвый латинскій языкъ.

Въ постановленіяхъ, не смотря на тяжеловѣсныя средневѣковыя формы, проявлялась живая парламентская жизнь; по одному поводу привиллегіи дворянства были отстранены очень дѣйствительнымъ образомъ; это случилось въ то время, когда былъ открытъ для ѣзды новый мостъ черезъ Дунай, соединявшій Офенъ съ Пестомъ: Сечени предложилъ дворянству отказаться отъ своего права не платить пошлины и установилъ, чтобъ всякій магнатъ и нищій наравнѣ платили свой крейцеръ за переходъ черезъ мостъ. Венгерской аристократіи нравилась мысль походить на англійскую, съ которой впрочемъ она имѣла много общаго въ хорошемъ и дурномъ отношеніи. Самымъ главнымъ нововведеніемъ на венгерскомъ сеймѣ 1839 г. была отмѣна налоговъ съ крестьянъ. Въ то время, когда здѣсь опозиціонный правительству языкъ становился свободнымъ и суровымъ, когда журналистика стала имѣть вліяніе на внутреннюю жизнь народа, когда явились люди извѣстные всей Европѣ своими государственными и ораторскими талантами, какъ Пульцкій, Деакъ, Кошутъ и др., германскія области Австріи оставались неподвижными. Это печальное правленіе съ умысломъ упускало каждую возможность сближенія Венгріи и Австріи, что впослѣдствіи дорого обошлось имперіи.

Въ вопросахъ общей германской жизни нѣмецкія области Австріи не принимали также почти никакого участія. Австрія считала себя европейской, а не германской державой и потому смотрѣла на нѣмецкія дѣла, какъ на вопросы иностранной политики; для нея вопросы Германіи были столько же близки какъ дѣла Польши, Италіи, или Дунайскихъ княжествъ; эта сторона политики Меттерниха показываетъ, какъ мало творчества было въ его умѣ, или какъ онъ мало зналъ истинныя нужды нѣмецкаго народа.

Положеніе Пруссіи было иное. Та объединенная Германія, къ которой стремились умы, для которой студенты и демагоги то искали императора, то хлопотали о президентѣ, та, которая для однихъ представлялась химерой, для другихъ страшилищемъ, существовала здѣсь въ дѣйствительности, хотя и называлась другимъ именемъ. Это было государство довольно большое, чтобъ идти своей дорогой; изъ его тогдашнихъ двѣнадцати милліоновъ подданныхъ, десять были нѣмецкаго происхожденія, хотя и разнородныхъ племенъ, и только два милліона славянъ. Между десятью милліонами нѣмцевъ находились тѣ историческія и естественныя разновидности и противоположности, которыя повторялись на огромномъ пространствѣ, занимаемомъ всей Германіей. Тутъ были и народы различныхъ племенъ, вѣроисповѣданій, разныхъ положеній, и степеней образованія. Но всѣ эти фризы и франки, саксы и аллеманы, протестанты и католики управлялись однимъ королемъ, имѣли одно общее управленіе, общую торговую и финансовую систему, общее войско, общую народную честь, однимъ словомъ, они составляли одно государство. Хотя это государство и встрѣчало стѣсненія въ естественномъ развитіи, но оно шло къ сближенію съ остальными германскими областями, съ которыми связывали его одинаковый уровень образованія, національность и общность матеріальныхъ интересовъ. Оно дало себѣ задачей крѣпко затянуть національныя связи, раздѣлять каждое усовершенствованіе съ своими братьями, заимствовать отъ нихъ все, что было лучшаго, въ жизненныхъ отношеніяхъ, стремиться, если можно, къ образованію изо всей Германіи единаго государства. Со стороны казалось, что тогдашнее правительство и именно достопочтенный, многоуважаемый, крайне прозорливый, хотя черезчуръ скромный и прямой король не рѣшался принять на себя великую роль политическаго вождя, на которую ему указывала исторія. Пруссія уступила министру австрійскаго дома свое политическое предводительство, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, если только можно называть предводительствомъ жалкое полицейское хозяйство по системѣ Меттерниха, которымъ управлялась Австрія, и удовольствовалась на союзномъ сеймѣ второстепенной ролью. Если задачей политической народной жизни должно быть все шире и шире распространяющееся призваніе народа къ серьезному и сознательному участію въ великихъ государственныхъ обязанностяхъ, то Пруссія болѣе чѣмъ всѣ другія государства Германіи съ успѣхомъ старалась выполнить ее. Данное королемъ обѣщаніе установить общую государственную конституцію было пока забыто, а жалкое временное вознагра-

деніе за обѣщанные имперскіе чины, въ видѣ провинціальныхъ сеймовъ вмѣсто того, чтобы объединять и укрѣплять государство, скорѣе вело его къ разъединенной провинціальной системѣ. Казалось, будто преднамѣренно предоставляли всю власть Австріи, чтобы она окончательно стала непопулярной въ Германіи. Не смотря на свой кажущійся блескъ, могущество Австріи стояло на такой жалкой степени, что когда благосклонная судьба даровала Пруссіи настоящаго человѣка для законнаго дѣла, она въ два года достигла того, что теряла Австрія въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ. Какъ тогда, такъ и послѣ считали, что счастіе и благосостояніе народовъ зависитъ отъ формы правленія, искали его въ статьяхъ постановленій палатъ и не видѣли того, что формы правленія не служатъ началомъ, а скорѣе послѣдствіемъ жизни государства. Непрестанные успѣхи были основаніемъ государственной жизни Пруссіи и они-то выдвигали ее далеко впередъ передъ Австріей и прочими государствами Германіи. Хорошее управленіе, правосудіе, образованные, непоколебимо-вѣрные, испольнительные чиновники, особенная военная система, которая въ тоже время служила образовательной школой для всего народа, и болѣе всего, широко распространившееся стремленіе къ изученію наукъ, развивавшееся само собою, въ этой пропикнутой духомъ протестантизма странѣ, вотъ блага, которыя въ данную минуту приносили больше пользы, чѣмъ конституція и которыя при первой необходимости само собой должны были привести къ ней Пруссію. Могучій, рѣшительный шагъ къ національному единству былъ сдѣланъ въ этомъ десятилѣтіи Германіей и Пруссіей, въ области торговли и промышленности.

Эти успѣхи по части народнаго хозяйства не такъ замысловаты какъ успѣхи политическіе, и когда они пріобрѣтаютъ извѣстную силу, то быстро движутся впередъ, потому что составляютъ первую естественную потребность людей—улучшить свое матеріальное положеніе. Конечно и эти успѣхи встрѣтили противодѣйствіе; самымъ первымъ изъ противниковъ было тупоуміе мѣщанъ, которые, прилипнувъ къ своему дому, считали ближайшіе интересы своей деревни, своего города, иногда даже своей улицы нуждами всей страны и рѣдко соглашались съ тѣмъ, что каждому хорошо живется тамъ, гдѣ всѣ хорошо живутъ. Прусскому королю, правительству и многимъ образованнымъ людямъ, которые помогали ему совѣтами, доставляетъ большую честь, что они въ этомъ важномъ дѣлѣ ясно и послѣдовательно шли прямо къ цѣли, не дѣлая никакихъ ошибокъ. Можно сомнѣваться, чтобы эта непрерывная приготовительная работа надъ политическимъ единствомъ Германіи, была произведена такъ быстро и такъ многосторонне, еслибъ правительству пришлось работать путемъ парламентаризма, гдѣ сословные предразсудки могли имѣть больше доступа, чѣмъ въ кабинетахъ такихъ людей, какъ Гумбольдтъ, Массенъ и Эйхгорнъ.

Прусское правительство предложило согласить и объединить пошлины въ мелкихъ государствахъ и въ этомъ отношеніи его заслуга очень велика, такъ какъ вслѣдствіе недостаточности постановленій союза и полнаго безсилія союзнаго сейма, Пруссіи самой пришлось создавать перемѣны для всей Германіи. Графъ Бернсторфъ въ февралѣ 1831 года писалъ тоже, что въ 1815 году говорили такіе люди, какъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, именно, что для успѣшнаго установленія свободы торговли и промышленности во всей Германіи, которая между прочимъ будетъ способствовать сохраненію внутренняго спокойствія, не нужно хлопотать объ этомъ передъ союзнымъ сеймомъ, а ограничиться соглашеніями и договорами съ отдѣльными государствами. Въ самомъ дѣлѣ, Пруссія такъ терпѣливо и ловко вела дѣло, что объединеніе Германіи дѣлало на этомъ пути быстрые и постоянные успѣхи. 25 августа 1831 года Кургессенъ отдѣлился отъ средне-германскаго торговаго союза и, слѣдуя примѣру Гессенъ-Дармштадта, который сдѣлалъ это тремя годами раньше, приступилъ къ прусскому таможенному союзу. Это былъ довольно важный шагъ въ жизни Германіи: онъ опять сближалъ оба Гессена, уничтожая таможенныя стѣснительныя правила. 22 марта 1833 года былъ утвержденъ договоръ, по которому прусско-германская и баварско-виртембергская системы, которыя съ 1829 года были связаны по нѣкоторымъ торговымъ договорамъ, сливались въ одно нераздѣльно цѣлое. Восемь дней спустя, къ этой системѣ присоединялась Саксонія, 11 мая вслѣдъ за ней примкнули маленькія тюрингенъ-

скія области; 12 мая 1835 года великое герцогство Баденское, 10 декабря того же года герцогство Нассауское и наконецъ 2 января 1836 вольный городъ Франкфуртъ. Безъ большаго шума, честною работою дѣлались великія дѣла; въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ возникало единство Германіи. Германскій таможенный союзъ занималъ пространство въ 8,252 квадратныя мили съ 25 милліонами жителей. Средне-германскій торговый союзъ оказывался неспособнымъ продолжать существованіе; не смотря на это Ганноверъ, чуя опасность, которая грозила жизни «средняго государства», хотѣлъ противодѣйствовать процвѣтанію таможеннаго союза, возстановленіемъ нижне-саксонскаго пошлиннаго союза. Договорами съ Брауншвейгомъ (1 мая 1834 г.), Ольденбургомъ (1 октября 1836 г.), Шаумбургъ-Липпе (12 ноября 1837 г.) составился торговый союзъ государствъ обнимавшій 876 квадратныхъ миль, съ 2 милліонами жителей. Замѣчательно, что при обсужденіи вопроса о присоединеніи Бадена къ германскому таможенному союзу, либеральная партія палатъ съ Роттекомъ во главѣ, энергически возставала противъ этого рѣшенія. Въ сближеніи съ абсолютной Пруссіей, они видѣли опасность для конституціонной системы Бадена, системы, которая для этой партіи была верхомъ земнаго блаженства; либералы-теоретики смотрѣли на эту систему не какъ на средство къ достиженію высшихъ цѣлей жизни, а какъ на самую высшую цѣль въ жизни. Эти мнѣнія доказываютъ, какъ неясны и незрѣлы были политическія понятія того времени.

Ближайшая задача Пруссіи—присоединить къ германскимъ областямъ, съ одной стороны очень важныя, съ другой трудно управляемыя Рейнскія провинціи—была благополучно разрѣшена въ промежутокъ времени между 1815 и 1830 годами. Онѣ мало-по-малу сроднялись съ благоустроенной системой правительственнаго механизма, хотя прошло довольно много времени, пока эти области, преимущественно прирейнскія, сжились съ строгимъ старо-прусскимъ чиновнымъ порядкомъ; много лѣтъ спустя въ массѣ народа на «пруссаковъ» еще смотрѣли какъ на своего рода чужеземныхъ завоевателей. Не смотря на это, страна процвѣтала; преднамѣренно запущенное во время французскаго владычества высшее учебное образованіе получило широкое развитіе; полу, опустѣлые города, какъ напримѣръ Кельнъ проснулись отъ долгаго сна къ новой работѣ, къ новой жизни; а черезъ университетъ въ Боннѣ распространялись въ народѣ новые нравственные и умственные элементы; вскорѣ стало понятно и ясно всѣмъ и каждому, сколько могла потерять, когда она шла противъ будущаго, эта лучшая часть германской земли, которая раньше всѣхъ сдѣлалась доступной для просвѣщенія. Обстоятельства складывались очень счастливо въ этомъ отношеніи, это сознаніе окрѣпло раньше чѣмъ пробудилось съ новой силой противодѣйствіе, худшее изъ всѣхъ, которое долго еще будетъ грозить опасностью будущему единству Германіи — различіе вѣроисповѣданій.

с. Духовная жизнь. Церковные раздоры.

Въ новой Пруссіи въ составѣ 1815 года насчитывали около шести милліоновъ католиковъ и около восьми милліоновъ людей, исповѣдывавшихъ евангелическое вѣроисповѣданіе. Протестанты преобладали преимущественно въ провинціяхъ старой Пруссіи, католики въ Познани и Силезіи, въ прирейнскихъ провинціяхъ и въ Вестфаліи. Дѣйствительный прогрессъ въ дѣлахъ церкви, настоящее религіозное развитіе въ обширномъ смыслѣ слова, возможно только между протестантами. Римско-католическая церковь съ своими притязаніями на исключительное и непогрѣшимое право истолковывать божественныя истины, передаваемыя людямъ посредствомъ откровенія, не допускаетъ свободы изслѣдованія въ области религіи, тѣмъ самымъ, что она закрываетъ передъ испытующимъ умомъ эту важнѣйшую цѣль его изысканій и представляетъ истины разъ на всегда крѣпко установленными и не требующими возраженій, она съ намѣреніемъ изувѣчиваетъ все вообще научное стремленіе, которое при другихъ обстоятельствахъ развивалось бы на свободѣ. Ни одинъ изъ великихъ людей, которые содѣйствовали обновленію умственной жизни германскаго народа во второй половинѣ XVIII столѣтія, какъ то, Клопштокъ, Гердеръ, Лессингъ, Гете, Шиллеръ и даже множество второстепенныхъ лицъ, не были католиками.

Въ началѣ XIX столѣтія, въ религіозной жизни Германіи развился такъ называемый раціонализмъ; это были трезвыя, домашняго печенья, здоровыя умственныя воззрѣнія, которыя видѣли въ христіанствѣ сухую систему практической нравственности, объясняли чудеса послѣдствіемъ непонятнаго естественнаго предъидущаго и великаго основателя христіанской религіи считали только умнымъ человѣкомъ, великимъ учителемъ, въ родѣ Сократа, который, также какъ и послѣдній, въ доказательство своей вѣры запечатлѣлъ ее твердою, мужественною смертію. Эта «натуральная религія» не удовлетворяла ни чувству, ни воображенію, ни одной изъ глубокихъ потребностей человѣческой души, ни живому порыву идей, всколыхнутыхъ великими переворотами. Народъ жаждалъ могучей отцовской независимости вѣрованій, въ которыхъ рядомъ съ другимъ были живы еще воспоминанія о годѣ реформаціи (1517 — 1817). Эти воспоминанія затрогивали въ сердцахъ многихъ мысль о соединеніи обѣихъ главныхъ формъ евангелическаго протестантизма, лютеранской и реформатской церкви въ одну. Эта мысль явилась и у короля Фридриха-Вильгельма III, истиннаго христіанина въ душѣ; 27 сентября 1817 года онъ сдѣлалъ воззваніе къ народу о соединеніи церквей, въ тоже время не стѣсняя совѣсти. 30 октября того же года король и дворъ приняли причастіе въ гарнизонной церкви Потсдама, по обряду, изъ котораго были исключены противорѣчія составлявшія разницу въ преподаніи людямъ тѣла Господня между лютеранскимъ и реформатскимъ вѣроисповѣданіемъ. Это соединеніе двухъ родственныхъ исповѣданій развилось очень просто, непринужденно, дозволяя обѣимъ партіямъ сохранять въ исполненіи обрядовъ и въ исповѣданіи своей вѣры то, что составляло различіе между ними. Гораздо позже въ 1822 году король издалъ церковный уставъ, который въ возможной степени приближалъ богослуженіе къ первоначальнымъ церковнымъ формамъ, и ввелъ его въ придворныхъ и военныхъ церквахъ; онъ предложилъ принять этотъ уставъ въ евангелическихъ приходахъ своего королевства, вмѣсто самаго разнороднаго, пестраго разнообразія, существовавшаго въ каждой отдѣльной провинціи и почти въ каждомъ приходѣ; эта мѣра вызвала оживленное сопротивленіе. Однимъ она казалась черезчуръ старинною, даже приближающейся къ католичеству, другимъ слишкомъ реформированной, или недостаточно лютеранской. Нѣкоторые чувствовали себя обиженными, потому что эта мѣра исходила изъ королевскаго кабинета; остальные наконецъ раздѣляли и тѣ и другія мнѣнія, и вѣруя въ честныя христіанскія намѣренія короля, въ которыхъ никто не сомнѣвался, подчинились его предписаніямъ; до 1825 года изъ 7782 евангелическихъ приходовъ государства 5,343 приняли новый уставъ. Дѣло соединенія церквей встрѣтило сочувствіе и въ другихъ германскихъ земляхъ и было покончено съ помощью рѣшеній синодовъ и общинъ; въ Нассау это произошло въ 1817 году, въ Прирейнскихъ провинціяхъ Баваріи въ 1818, въ Баденѣ въ 1821 году. До 1830 года въ Пруссіи смотрѣли на уставъ, какъ на законъ; такимъ образомъ была о д н а евангелическая народная церковь, управляемая, съ 1829 г., генералъ-суперъ-интендентомъ, церковь, въ которой позволялось думать на реформатскій, отчасти и на лютеранскій ладъ, и если кто хотѣлъ, даже на еретическій ладъ; всѣ символическія книги, въ которыхъ оба евангелическія вѣроисповѣданія осуждали одно другое, теряли свое достоинство и силу. Въ 1830 году пасторъ Шейбель сталъ во главѣ партіи въ Бреславлѣ и объявилъ соединеніе церквей союзомъ Христа съ сатаною; профессоръ Герике въ Галле съ нѣкоторой торжественностью возвратился «на лоно старой лютеранской религіи», которую покинулъ было безсознательно и противъ воли; а нѣсколько сельскихъ пасторовъ въ Силезіи возбуждали своихъ прихожанъ проповѣдями, въ которыхъ говорили, что «вѣрованія Лютера» угнетены королевской богословіей. Непокорныхъ отставили отъ мѣста, лишь только они явно не захотѣли повиноваться соединенной консисторіи, а въ Гёнигернѣ (въ Силезіи), гдѣ приходъ не захотѣлъ принять пастора соединенной церкви, церковь была открыта силою, съ помощью войска, а жители тотчасъ же усмирены военнымъ постоемъ, размѣщеннымъ въ ихъ домахъ (1834 г.); это были неискусныя жосткія мѣры, которыя тяжело отозвались на многихъ. Онѣ однако же не вызвали дальнѣйшихъ непріятныхъ послѣдствій и правительство стало наконецъ въ надлежащее положеніе, отъ котораго оно уже и не отступало: именно оставило старо-лютеранъ спокойно исповѣдывать свои вѣрованія; они вскорѣ отдѣлились

опять и продолжали существовать въ видѣ секты, или богословской школы. Болѣе глубокія противорѣчія возникали между протестантами въ отношеніи къ основаніямъ церковной жизни, и даже самаго христіанскаго ученія. Древнія дѣтски-довѣрчивыя вѣрованія, которыя слѣпо держались буквы а не смысла библіи, и спокойно вѣровали, что пять книгъ Моисеевыхъ, включая въ нихъ и ту, въ которой говорится о его смерти, написаны имъ самимъ,—были отвергнуты и отмѣнены во время всеобщаго научнаго движенія, въ концѣ прошлаго столѣтія нѣсколькими передовыми кружками, стремившимися управлять всеобщимъ направленіемъ умовъ. Но и тутъ духъ раціонализма, который заступилъ мѣсто прежнихъ слѣпыхъ вѣрованій, оказался смѣшнымъ и дряхлымъ. Это плоское разумное богословіе безъ разбора все отвергало и научило недозрѣвшій человѣческій умъ презирать религію, какъ что-то недостойное. Единственный ученый, который заставилъ опять уважать «суровость этихъ безутѣшныхъ доктринъ противъ религіи, въ кругу просвѣщенныхъ,» былъ Даніилъ Шлейермахеръ (1768—1834); воспитанный съ дѣтства подъ своеобразными впечатлѣніями гернгутерской общины, впослѣдствіи пасторъ въ церкви Троицы и профессоръ богословія въ берлинскомъ университетѣ, онъ въ своихъ проповѣдяхъ, академическихъ лекціяхъ и изданныхъ сочиненіяхъ, сталъ извѣстенъ своею глубокою, обширною дѣятельностью и пробудилъ протестантское богословіе къ новой жизни, къ новымъ вѣрованіямъ. Въ другомъ направленіи работали также дѣятельно Фридрихъ Вильгельмъ Іосифъ Шеллингъ (1775—1854) съ 1808 по 1820 годъ и съ 1827 года до смерти въ Мюнхенѣ и Георгъ Фридрихъ Вильгельмъ Гегель (1770—1831) въ Берлинѣ съ 1818 года.

Оба родились въ странѣ религіозныхъ софизмовъ и смѣлыхъ философскихъ предположеній, въ Биртембергѣ; оба получили образованіе въ богословской семинаріи въ Тюбингенѣ, этомъ извѣстнѣйшемъ заведеніи Германіи, по богословскимъ спорамъ и преніямъ происходившимъ между протестантами въ началѣ XIX столѣтія. Гегель дѣйствовалъ посредствомъ своей рѣзкой рѣшительной логики, этой отличительной стороны его системы философіи, которая такъ широко обняла весь міръ; она распространилась преимущественно въ протестантской, не богатой воображеніемъ сѣверной Германіи. Его философская система долгое время была то понимаема, то непонимаема, и она встрѣтила всеобщее удивленіе; ея формулы служили закономъ для всего, что касалось науки и міроваго созерцанія; ей послѣдовалъ и человѣкъ, который съ 1817—1840 управлялъ въ Пруссіи министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовными дѣлами, графъ Карлъ фонъ-Альтенштейнъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ своими научными познаніями и особеннымъ творческимъ талантомъ. Философія Гегеля не находилась въ враждебныхъ къ христіанству отношеніяхъ, въ его системѣ отдѣльныя религіозныя вѣрованія народовъ были представлены, какъ степень развитія божественнаго самопознанія; христіанская религія была совершеннѣйшей формой откровенія, единенія божественнаго съ человѣческимъ. Христіанскіе, или церковные догматы: Троицы, вочеловѣченія и искупленія, были приняты, какъ высочайшія философскія истины. Долгое время считали, что съ помощью этой новой схоластики найдено умиротвореніе вѣры и знанія, и говорили себѣ, что борьба, продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, покончилась наконецъ прочнымъ миромъ. Рядомъ съ этими философскими теоріями шла неотступная цѣлебная научная дѣятельность; переходя отъ однихъ открытій къ другимъ, спокойно-наблюдательное, строго-измѣренное, осторожно постановляющее свои заключенія, развивалось естествовѣдѣніе, а за нимъ трезвое все болѣе и болѣе подвергающее критическому отдѣленію лжи отъ истины, глубокое изслѣдованіе прошедшаго проникало въ области человѣческой жизни. Историческія изслѣдованія взяли себѣ задачей возстановленіе христіанской религіи, по ея историческимъ памятникамъ. Въ этомъ направленіи продолжалъ дѣйствовать Давидъ Фридрихъ Штраусъ (въ 1835 г.) уроженецъ Швабіи и тоже ученикъ богословской семинаріи въ Тюбингенѣ и его учитель Фердинандъ Бауръ (въ 1831 г.) съ послѣдователями. Такимъ образомъ опять возобновлялась борьба, которая, возбуждая тысячи неудовольствій, спасала отъ застоя духовную жизнь народа въ ея высшемъ проявленіи, принуждала умы размышлять и не довольствовалась безпрекословными, повелительными приговорами церкви.

Подобной борьбы не знало и не могло знать католичество. Несмотря на

это и между католиками явился благородный умъ, который, не пренебрегая свободнымъ изслѣдованіемъ, сталъ извѣстенъ въ наукѣ. Георгъ Гермесъ родился въ Мюнстерѣ (1775—1831) и съ 1820 г. занималъ каѳедру богословія въ Боннѣ; онъ основывался на убѣжденіи, что сомнѣнія нельзя преодолѣть внѣшнимъ авторитетомъ, а что для этого исключительно необходимо познаніе истины, проистекающее изъ внутренняго убѣжденія разума. Слѣдствіемъ умозаключеній разума происходитъ потребность откровенія, для утвержденія откровенія является потребность церкви, и въ этой церкви потребность непогрѣшимаго ученія, иными словами Гермесъ, по подобію схоластиковъ среднихъ вѣковъ, старался доказать истину католическаго церковнаго ученія основаніями разума. Разумъ служилъ ему, какъ многимъ его предшественникамъ, средствомъ для распознаванія сверхъестественныхъ истинъ.

Онъ принесъ много дѣйствительно великой пользы; хотя его попытки никогда не могли удаться, однакоже онъ далъ направленіе умамъ и преимущественно будущимъ наставникамъ и руководителямъ народа, и научилъ ихъ, какъ оживлять и облагораживать разумныя познаванія. Ученики и послѣдователи Гермеса руководили почти всѣмъ образованіемъ въ высшихъ католическихъ школахъ прирейнскихъ провинцій, заняли множество духовныхъ мѣстъ и такимъ образомъ положили многостороннее начало къ облагороженію церковной жизни Онъ былъ богословскимъ совѣтникомъ нѣсколькихъ германскихъ епископовъ и другомъ тогдашняго архіепископа кельнскаго, графа Шпигеля фонъ-Дезенберга (съ 1825 г.); его дѣянія не безъ основанія сравниваются съ дѣяніями великихъ схоластиковъ среднихъ вѣковъ.

Король Фридрихъ Вильгельмъ III совѣстливо соблюдалъ договоръ заключенный въ 1821 году съ куріей, слѣдствіемъ котораго была булла de salute animarum, и старался кротостью и строгою справедливостью поддерживать миръ между различными исповѣданіями. Ему въ этомъ помогало настроеніе духа времени, которое въ теченіе многихъ лѣтъ противодѣйствовало фанатическому вмѣшательству въ дѣла религіи. Всѣ чувствовали себя очень хорошо при господствовавшемъ церковномъ мирѣ и равенствѣ, этомъ дорогомъ пріобрѣтеніи прошлаго столѣтія, за которое было пролито столько крови, и разрушено счастіе столькихъ людей. Архіепископскій престолъ въ Кельнѣ, съ этой точки зрѣнія, важнѣйшая должность страны, находилась въ рукахъ скромнаго, благомыслящаго патріота. Но всѣ стремленія римско-католической церкви вообще направлены къ власти. Это стремленіе, сдѣлавшееся своего рода принципомъ существованія католическихъ первосвященниковъ, досталось имъ по наслѣдству отъ древняго Рима. Жажда завоеваній, пріобрѣтеній стала двигающимъ рычагомъ партіи, для которой, какъ напримѣръ въ Бельгіи духовенству, казалось нестерпимымъ принадлежать, къ государству, гдѣ послѣдователи ихъ религіи составляли меньшинство, не только по численности, но и по могуществу, вліянію и образованности. Вліяніе французовъ и бельгійцевъ на прирейнскія провинціи было очень сильно, и конечно не было недостатка въ поводахъ къ неудовольствіямъ. Между прочимъ, по службѣ, католическаго исповѣданія солдаты вмѣстѣ съ лютеранскими бывали на церковныхъ парадахъ близъ евангелическихъ церквей и принимали участіе въ еретической церковной службѣ, а по каноническимъ правиламъ, этимъ дѣлали большой грѣхъ; кромѣ этого католики принялись очень усердно пересчитывать, сколько высшихъ чиновниковъ въ провинціи исповѣдуютъ католическую и сколько протестантскую вѣру; сколько католиковъ и сколько протестантовъ получили ордена при послѣдней раздачѣ наградъ; какъ много католическихъ и какъ много протестантскихъ профессоровъ въ Боннѣ. Выводъ былъ неудовлетворительный, преимущественно въ отношеніи къ послѣднему пункту. Столкновеніе съ правительственною властью становилось неотвратимымъ изъ-за вопроса о смѣшанныхъ бракахъ. Камнемъ преткновенія для католической церкви были все чаще и чаще заключаемые браки между протестантами и католиками, въ провинціи, гдѣ съ каждымъ годомъ увеличивалось количество протестантовъ — чиновниковъ, офицеровъ и купцовъ; голосъ природы былъ сильнѣе чѣмъ религіозныя пренія и церковныя предубѣжденія. Для каждаго разумнаго христіанскаго взгляда, первоначально даже съ точки зрѣнія церкви, бракъ есть совокупность правъ, которыя христіанская религіозность, на ряду съ другими че-

ловѣческими отношеніями возводитъ до высшихъ сферъ и вручаетъ церкви. Христіанское настроеніе души и гнѣздящійся въ немъ народный обычай требуютъ для него торжественнаго признанія и благословенія христіанскаго общества, то есть церкви.

Одно изъ злоупотребленій церкви состоитъ въ томъ, что она отобрала отъ государства и это право и настояла на томъ, что въ бракѣ главная существенная сторона есть церковное признаніе и благословеніе, что ей собственно дано право совершать бракъ и что поэтому ея органамъ дана возможность мѣшать бракамъ, которые имъ не нравятся.

Римская церковь собственно не признавала браковъ съ еретиками, однако не могла ихъ предотвратить при условіяхъ сложившихся въ Германіи, послѣ тридцати-лѣтней войны. Поэтому она допускала ихъ, хотя не вездѣ и не всегда съ одинаковой снисходительностью, и только тогда, когда дано было обѣщаніе, что дѣти раждающіяся отъ этихъ браковъ будутъ воспитываться въ правилахъ католической религіи. Въ старо-прусскихъ провинціяхъ съ 1803 года слѣдовали законамъ, по которымъ дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны были исповѣдывать религію отцовъ—разумное и справедливое рѣшеніе, какъ бы оно и ни было несовершенно въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Королевскимъ декретомъ 17 августа 1825 года правило это было распространено на Прирейнскія провинціи и на Вестфалію; противныя этому правилу взаимныя обязательства обрученныхъ признаны неимѣющими значенія, требованія церкви исполненія подобныхъ обязательствъ и обѣщаній, какъ необходимаго условія для церковнаго благословенія, незаконными. Такъ какъ это правило, устанавливаемое упомянутымъ повелѣніемъ, было обязательно для обоихъ вѣроисповѣданій, то противъ него нельзя было возражать ни съ точки зрѣнія права, ни справедливости; но католическому духовенству понятно стало и безъ свойственной ему въ подобныхъ дѣлахъ проницательности, что правило это въ прирейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи пойдетъ въ ущербъ ихъ вѣроисповѣданію. Здѣсь самые частые случаи смѣшанныхъ браковъ были между пріѣзжими изъ старо-прусскихъ провинцій протестантскими офицерами, чиновниками, профессорами и купцами, которые женились на дочеряхъ здѣшнихъ старожиловъ. Дѣти, происходившія отъ подобныхъ браковъ, слѣдуя религіи отцовъ, открывали широкое поприще протестантизму, именно въ наиболѣе образованныхъ достаточныхъ и вліятельныхъ кругахъ общества. Значеніе этой церкви уже само по себѣ было черезъ чуръ мірское. Эти пришельцы, частію занимавшіе уже высшія положенія въ свѣтѣ, частію находившіеся въ ожиданіи того же, дѣлали хорошія партіи, выбирая богатыхъ наслѣдницъ края; нетрудно было разсчитать, какъ скоро высшее общество этихъ странъ, или значительная его часть сдѣлается вполнѣ протестантскимъ. Подобныя соображенія всколыхнули и возбудили опять этотъ щекотливый вопросъ и чувство всего католическаго общества, возбуждаемаго ревностными представителями духовными и свѣтскими, осталось недовольно королевскимъ рѣшеніемъ.

Церковь, какъ говорили самые строгіе, и не безъ основанія съ своей точки зрѣнія, не можетъ получать приказаній отъ главы правительства, подъ какими условіями она имѣетъ право давать, или нѣтъ, свое благословеніе; это можетъ быть рѣшаемо только предписаніями самой церкви, то есть главы ея—папы.

Въ Римѣ, въ началѣ по крайней мѣрѣ борьбы, не имѣлось никакого желанія раздражать Пруссію. Съ тѣхъ поръ какъ Фридрихъ II далъ убѣжище іезуитамъ, доброе согласіе царствовало постоянно между куріей и прусскимъ правительствомъ. Къ католической церкви относились съ уваженіемъ и католическимъ священникамъ оказывалось больше вниманія, чѣмъ въ чисто католическихъ государствахъ, какъ напр. въ Австріи, при Франціи I, гдѣ при господствѣ католическаго вѣроисповѣданія они не пользовались никакими привиллегіями. Однако въ самомъ положеніи этого дѣла находились причины раздора. Если церковь не одобряла подобныхъ браковъ, то кто могъ запретить католическому духовенству предостерегать своихъ духовныхъ дѣтей, вступающихъ въ подобные браки, и склонять ихъ къ тому, чтобы будущихъ дѣтей привлекать къ церкви, которая одна только даетъ вѣчное блаженство. Кто могъ рѣшить, на сколько здѣсь былъ простой уговоръ полу-обѣщаніе, или полное обязательство и какія столкновенія могли встрѣтиться

еслибы какое нибудь судебное мѣсто хотѣло доказать то, о чемъ говорилось подъ тайной исповѣди.

Посланіе папы Пія VIII, препровожденное 25 марта 1830 года къ четыремъ епископамъ западной Пруссіи, обратившимся въ Римъ съ запросомъ о томъ, дозволяется ли имъ исполнять законы государства, было написано многорѣчиво, мягко и неопредѣленно. Имъ признавались смѣшанные браки заслуживающими порицанія, но законными; оно не запрещало церковнаго благословенія, если дано было обѣщаніе воспитывать всѣхъ дѣтей въ католической вѣрѣ, оно допускало однакожь въ противномъ случаѣ совершеніе брака въ такъ называемомъ пассивномъ присутствіи католическаго священника, т. е. безъ всякой торжественности. 19 іюня 1834 г. прусское правительство вошло въ соглашеніе о приведеніи въ исполненіе папскаго посланія съ графомъ Шпигель, человѣкомъ мягкимъ, благомыслящимъ, который смотрѣлъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія не церковной политики, а мира и гуманныхъ взглядовъ на счастіе и несчастіе отдѣльныхъ лицъ. О таковомъ рѣшеніи архіепископъ и четыре рейнскіе и вестфальскіе епископа извѣстили свои духовныя консисторіи. Папское посланіе на словахъ было принято въ руководство, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказано то, чего не говорилось въ посланіи: что королевскій приказъ 1825 года можетъ быть исполняемъ, что частныя постановленія нужно смягчать въ ихъ примѣненіи, что обѣщанія относительно воспитанія дѣтей требовать не должно, а случаи крайне ненавистнаго пассивнаго присутствія, слѣдуетъ допускать какъ можно рѣже. Это соглашеніе и эта инструкція должны были остаться въ тайнѣ, и въ сущности правительство достигло того, чего хотѣло.

Однако эта жалкая игра въ жмурки не могла продолжаться долго.

Въ Римѣ скоро узнали о такомъ положеніи вещей, вслѣдствіе признанія показавшагося трирскаго епископа, помѣченнаго днемъ его смерти, т. е. 10-мъ ноября 1836 г., когда оно по всей вѣроятности было взвалено на него, или же добыто отъ него вымогательствомъ. Между тѣмъ умеръ и графъ Шпигель (1835), а на его мѣсто былъ избранъ викарный епископъ Клементій Августъ Дросте въ Вишерингѣ кельнскимъ архіепископомъ. Несчастная рука видна была въ этомъ выборѣ; слѣдуя своимъ романтическимъ наклонностямъ, наслѣдный принцъ предложилъ капитулу этого аскета и средневѣковаго фанатика; «развѣ ваше правительство обезумѣло?» спросилъ римскій кардиналъ-секретарь у прусскаго посланника Бунзена, съ явнымъ изумленіемъ, вызваннымъ этимъ необычайнымъ извѣстіемъ. Прусское правительство было предостережено противъ этого выбора; человѣкъ этотъ, ревностный обскурантъ, былъ совершенной, противоположностью съ своимъ предшественникомъ, между тѣмъ полагали, что въ дѣлѣ о смѣшанныхъ бракахъ онъ будетъ дѣйствовать въ духѣ правительства. Это мнѣніе основывалось на письменномъ объявленіи Дросте, который писалъ 5 сентября 1835 г.: «что онъ будетъ конечно остерегаться не соблюдать предписаннаго breve папы Пія VIII соглашенія, даже еслибы представлялась возможность опровергнуть, или посягнуть на это соглашеніе, напротивъ будетъ стараться примѣнять его къ духу любви, мира и спокойствія». Послѣдствія показали, какъ мало значили его объясненія.

Что за человѣкъ былъ новый архіепископъ, открылось очень скоро. Онъ тотчасъ же приказалъ вынести изъ архіепископскаго дворца библіотеку своего предшественника, и постарался затушить слабо мерцавшія искры католической учености, поднявъ гоненія на послѣдователей Гермеса. Послѣдователи этого ученаго обратились въ Римъ съ просьбой о разсмотрѣніи его ученія; на сколько было основательно и безпристрастно разслѣдованіе, видно изъ того, что главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ незнавшій нѣмецкаго языка профессоръ іезуитъ Перроне; вышедшее 26-го сентября 1835 года папское breve объявляло сочиненія Гермеса проклятыми, а пастырямъ церкви строго предписывалъ, со всевозможнымъ стараніемъ оберегать свои паствы отъ этой отравленной пищи. Напрасно старались послѣдователи Гермеса, на подобіе янсенистовъ, доказать, что папа былъ обманутъ въ этомъ дѣлѣ, напрасно надѣялись они на правосудіе; архіепископъ вскорѣ заставилъ ихъ понять, что значитъ, когда Римъ заговорилъ. Онъ разослалъ циркуляръ ко всѣмъ духовникамъ въ Боннѣ (12 января 1837 г.), въ которомъ онъ отъ своего имени увѣдомлялъ, чтобы они вездѣ, даже на исповѣдяхъ, запрещали

читать сочиненія, или академическія записки покойнаго Гермеса, и чтобы ни одинъ богословъ не смѣлъ читать лекцій, которыя бы по содержанію походили на означенныя сочиненія. Архіепископъ избѣгалъ прямаго столкновенія съ университетомъ, да это и не было нужно: оппозиціи не было, а аудиторіи послѣдователей Гермеса опустѣли сами собою. Напрасно посылали они въ Римъ двоихъ изъ ученѣйшихъ своихъ представителей; они вернулись съ неутѣшительнымъ отвѣтомъ, что рѣшеніе осталось такъ же непреклонно, какъ авторитетъ, произнесшій его. Правительство вмѣшалось въ борьбу, хотя она и касалась церковнаго ученія; къ сожалѣнію, оно помогло притѣснить правое дѣло; 21-го апрѣля 1837 года попечитель университета, отъ имени министра фонъ-Альтенштейна, пригласилъ завмѣшаныхъ въ этомъ дѣлѣ профессоровъ перестать упоминать на публичныхъ лекціяхъ и въ частныхъ сношеніяхъ съ студентами о сочиненіяхъ Гермеса и касающихся до нихъ рѣшеніяхъ папской цензуры, подъ страхомъ потери мѣстъ и должностей.

Иное направленіе принялъ вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность новаго архіепископа нѣкоторые священники стали отказывать въ вѣнчаніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда не было дано обѣщанія воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ; правительство напомнило архіепископу о его обѣщаніи; онъ отвѣчалъ, что хотя конечно обѣщалъ соблюдать соглашенія, предвидѣнныя breve 1834 года, но при ближайшей оцѣнкѣ соглашенія и основанной на немъ инструкціи, посланной католическимъ консисторіямъ, въ пунктѣ касающемся до браковъ, безъ предварительнаго обѣщанія воспитывать дѣтей въ правилахъ католической вѣры, оно противорѣчитъ самому папскому breve. При дальнѣйшихъ постановленіяхъ онъ твердо держался этого основанія: «я слѣдую, какъ могу, обѣимъ нормамъ, соглашенію и breve, говорилъ онъ, а въ случаяхъ, гдѣ является разногласіе, я слѣдую breve.» Эта отговорка настолько была недостойна архіепископа, насколько была достойна мечта прусскаго правительства о соглашеніи, основанномъ на папскомъ breve. Если между breve и соглашеніемъ являлось разногласіе, чего нельзя было отрицать, то архіепископъ долженъ былъ это знать и видѣть заранѣе, прежде чѣмъ онъ подписалъ извѣстную бумагу, въ которой обѣщалъ «сохранять и соблюдать учиненное breve согласіе», бумагу, которая помогла ему достигнуть архіепископскаго престола.

Прусское правительство не могло довольствоваться отговоркой, которая была или ложью, или несдержаннымъ обѣщаніемъ, или наконецъ явнымъ доказательствомъ совершенной неспособности архіепископа занимать должность подобной важности. Двѣ силы—старая католическая церковь и новѣйшее прусское государство чувствовали, по внутреннему вѣрному инстинкту, какъ далеко должна простираться обоюдная уступчивость, при этой первой встрѣчѣ. Правительство предложило архіепископу или сдержать данное слово, или отказаться отъ своей епархіи. Климентъ Августъ отвѣтилъ 31 октября 1837 г., что его обязанности въ отношеніи епархіи и всей церкви воспрещаютъ ему сдѣлать послѣднее; это объявленіе надѣлало много шума и волненія во всей католической Германіи; возмутительныя угрозы были прибиты на порталѣ кельнскаго собора; архіепископъ и его тайные совѣтники ожидали, что правительство употребитъ насиліе; онъ хотѣлъ укрыться въ соборѣ и тамъ, ставъ передъ алтаремъ съ настежь открытыми дверьми, вызвать это насиліе.

Но въ этомъ прозаическомъ государствѣ дѣло не приняло такого поэтическаго оборота. Вечеромъ 20-го ноября 1837 года изъ Дейтца, лежащаго противъ Кельна, по другую сторону Рейна, выступилъ отрядъ драгунъ и батальонъ пѣхоты и занялъ выходъ изъ улицы св. Герсона, въ которой находится архіепископскій дворецъ. Оберъ-бургомистръ Кельна, совѣтникъ кельнскаго правленія, оба католики и оба члены отъ правительства, отправились къ архіепископу, застали его въ кабинетѣ съ капелланомъ Михелисомъ, предложили ему покориться королевскому приказанію и взять обратно свое послѣднее письмо къ министру. Архіепископъ не соглашался; тогда ему было объявлено, что силою власти его величества надъ государствомъ, король отрѣшаетъ архіепископа отъ исполненія его обязанностей, и находится вынужденнымъ удалить его изъ Кельнской епархіи. Архіепископъ на это возразилъ, что подчиняется силѣ; готовая дорожная карета

ожидала у воротъ; однако для его удобства и спокойствія взяли одинъ изъ архіепископскихъ экипажей; въ 8-мъ часу вечера карета, въ которой сидѣли архіепископъ, жандармскій полковникъ фонъ-Сандру, лакей и чиновникъ въ партикулярномъ платьѣ, выѣхала изъ Кельна подъ конвоемъ 20 конныхъ унтеръ-офицеровъ; которые провожали ее только на разстояніи четверти часа пути. Крѣпость Минденъ была назначена мѣстомъ заключенія высокаго государственнаго плѣнника.

Волненіе въ народѣ не утихало и проявлялось въ видѣ демонстрацій и насилій. Множество дѣвушекъ католичекъ поклялись на причастіи, что онѣ не отдадутъ руки ни одному протестанту; это конечно не имѣло ни малѣйшаго вліянія на ходъ историческихъ событій. Духовные демагоги въ Мюнхенѣ, органомъ которыхъ былъ Герресъ, протрубили архіепископа новымъ Аѳанасіемъ; при чемъ фанатики ультрамонтаны забывали о томъ, что въ этомъ же году боценскій епископъ вынудилъ своими преслѣдованіями 400 тирольскихъ протестантовъ выселиться изъ Циллерталя въ Силезію, послѣ многолѣтней неравной борьбы съ окружавшимъ ихъ католическимъ духовенствомъ; люди съ ложно понимаемымъ либерализмомъ тоже склонились въ пользу архіепископа, потому что правительство въ этомъ случаѣ употребило право сильнаго.

Папа Григорій XVI, не давъ себѣ труда выслушать доводы прусскаго правительства, обратился (10 декабря) къ находившимся въ Римѣ кардиналамъ, съ воззваніемъ, въ особенно торжественномъ тонѣ, обыкновенно употребляемомъ въ подобныхъ случаяхъ; въ этомъ воззваніи, папа распространился какъ только могъ о происшедшихъ обстоятельствахъ, въ тоже время не показывая вида насколько въ основаніи эти дѣла были далеко не тяжелы для куріи. Оно затрогивало, если такъ можно выразиться, чувство католической національности, пробуждало уснувшую совѣсть и давало ей призракъ власти, которую впрочемъ признало прусское правительство, тѣмъ что прусскій посланникъ въ Римѣ заявилъ весьма скромно, что все это дѣйствіе есть временная мѣра самосохраненія.

Дѣйствительное могущество Пруссіи не было потрясено этими обстоятельствами; Меттернихъ жестоко ошибался, когда онъ въ разговорѣ съ проѣзжавшимъ посланникомъ Бунзеномъ, представлялъ ему внутреннее состояніе дѣлъ въ Пруссіи находящимся въ большой опасности, и выразилъ мнѣніе, что опасается за неприкосновенность рейнскихъ провинцій. Могущество ея не было потрясено и тогда, когда еще одинъ изъ высшихъ сановниковъ церкви вынудилъ прусское правительство выказать свое надъ нимъ могущество и независимость.

Архіепископъ познанскій и гнѣзненскій Мартынъ фонъ-Дунинъ, ходатайствовалъ у правительства, чтобъ ему было дозволено опубликовать въ своей области папское бреве 1830 года, или получить на это разрѣшеніе главы церкви. Когда ему было отказано въ этомъ, онъ обратился (27 февр. 1838 г.) съ пастырскимъ посланіемъ къ священникамъ, въ которомъ объявлялъ каждому въ отдѣльности, что уволитъ отъ должности того изъ нихъ, кто вздумаетъ благословлять тѣ смѣшанные браки, при которыхъ не будетъ дано обѣщанія воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ. Правительство объявило это посланіе не дѣйствительнымъ, но не успѣло склонить архіепископа взять назадъ свое приказаніе, такъ какъ архіепископъ опирался на польское населеніе края, для котораго дѣла вѣры были вопросомъ національности. Вслѣдствіе этого былъ возбужденъ уголовный процессъ. Архіепископъ отказался отъ допроса передъ высшимъ судомъ въ Познани. Не смотря на это, приговоръ состоялся, и хотя онъ былъ объявленъ невиновнымъ въ измѣнѣ и въ возмущеніи, но былъ присужденъ къ отрѣшенію отъ должности, заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ и къ уплатѣ всѣхъ судебныхъ издержекъ (апрѣль 1839 г.). Король принялъ письмо архіепископа, въ которомъ тотъ просилъ о помилованіи, освободилъ его отъ заключенія въ крѣпости, а вмѣсто отрѣшенія отъ должности назначилъ Берлинъ мѣстомъ его жительства. Когда, несмотря на это, архіепископъ уѣхалъ (3 октября) въ Познань, онъ былъ схваченъ и привезенъ въ крѣпость Кольбергъ. Духовенство по этому случаю выразило глубокую печаль, церкви облеклись въ трауръ, колокола замолкли. Они впрочемъ вскорѣ опять зазвонили, когда правительство прибѣгло къ послѣднему, самому дѣйствительному средству: остановкѣ выдачи темпоралій.

Между тѣмъ какъ курія проклинала эти, въ своемъ родѣ, кроткія мѣры протестантскаго правительства, за ихъ беззаконное посягательство на права церкви, король Лудовикъ Баварскій, все болѣе и болѣе подчинявшійся вліянію ультрамонтанской партіи, издалъ приказаніе во время министерства Абеля (14 августа 1838 г.), по которому колѣно-преклоненіе, при вознесеніи гостіи, такъ называемое католиками Sanctissimus, дѣлалось обязательнымъ для всѣхъ военныхъ; это насиліе совѣсти для многочисленныхъ протестантовъ, служившихъ въ баварскомъ войскѣ, было несравненно больше того, которое прусское правительство сдѣлало католическимъ священникамъ по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ. Всѣ эти происшествія разгорячили умы и возбудили неудовольствіе общественнаго мнѣнія, которое до сихъ поръ довольно холодно относилось къ чисто политическимъ обстоятельствамъ. Правительство встрѣтило въ этомъ случаѣ противодѣйствіе, какого не встрѣчало при мірскихъ дѣлахъ, а епископы въ своихъ рѣчахъ заговорили языкомъ, котораго давно не слыхали правительства отъ своихъ подданныхъ; они напоминали имъ, что кромѣ полиціи и войска есть еще одна власть, о которой не надобно позабывать. Этотъ языкъ былъ выраженіемъ не свободы, а корпораціи, которая при всякой возможности старается поработить свободу и считаетъ себя въ правѣ подчинять себѣ все, что ей противодѣйствуетъ, или что рядомъ съ нею имѣетъ притязаніе на авторитетъ. Правительство вызванное ультрамонтанскимъ движеніемъ, рѣшилось опереться на общественное мнѣніе, и въ этой борьбѣ безсиліе его обозначилось очень ясно: не смотря на всѣ старанія оно не могло провести своего желанія въ отношеніи смѣшанныхъ браковъ. Имъ обусловливался успѣхъ, отъ котораго зависѣли важныя послѣдствія.

Борьба съ Кельномъ и Познанью не была еще окончена, когда 7-го іюня 1840 года скончался король Фридрихъ Вильгельмъ III на 70 году жизни и 42 своего царствованія. Онъ былъ послѣднимъ достойнѣйшимъ уваженія представителемъ прошедшаго періода; вслѣдъ за нимъ вступалъ на значительнѣйшій престолъ Германской земли принцъ въ полномъ цвѣтѣ мужеской силы, богатый мыслями, исполненный идеальныхъ стремленій.

3. Англія.

а) 1830 — 1832.

Внезапное низложеніе Бурбоновъ во Франціи совпадало съ перемѣной правительства въ Англіи. Съ 26 іюня 1830 года Георгу IV наслѣдовалъ герцогъ Кларендонскій подъ именемъ Вильгельма IV; это былъ честный, прямой, добродушный и храбрый морякъ; человѣкъ безъ предвзятыхъ мнѣній противъ либерализма, рѣшившійся сознательно и честно исполнять обязанности, къ которымъ призывалъ его народъ на 65 году жизни. У него было сильное личное отвращеніе къ герцогу Веллингтону, котораго онъ однакожъ вмѣстѣ съ его товарищами, оставилъ на занимаемыхъ ими должностяхъ, до тѣхъ поръ пока нація сама не высказалась противъ герцога при новыхъ выборахъ, которые по конституціоннымъ законамъ государства должны были происходить при каждой перемѣнѣ главы правительства; добродушный даже въ отношеніи къ врагамъ, Вильгельмъ IV на торжественномъ обѣдѣ пилъ за здоровье герцога, называя его своимъ добрымъ другомъ Веллингтономъ. 24 іюля парламентъ былъ распущенъ, вслѣдствіе королевскаго манифеста а 14 сентября начались выборы новыхъ членовъ. 2-го ноября парламентъ открылъ свои засѣданія.

Первою потребностью народа вслѣдъ за перемѣной короля былъ давно уже затронутый вопросъ о парламентскихъ реформахъ. Послѣднія событія во Франціи необыкновенно краснорѣчиво указывали на необходимость реформъ, пока еще не ушло время. Опасность была велика; конечно Англіи не грозила революція, подобная французской, которая могла бы въ какіе нибудь три дня совершенно измѣнить физіономію всего государства; нѣтъ, она опасалась, чтобы радикалы не завладѣли этимъ важнымъ народнымъ вопросомъ, и съ помощью его не захватили въ свои руки власти; чтобъ противодѣйствовать имъ, виги съ своей стороны

сами приступили къ реформамъ. Самое время много способствовало успѣхамъ: всѣмъ было извѣстно, что король не чувствуетъ отвращенія къ прогрессу. Между тѣмъ въ тронной рѣчи не проглядывали эти мысли и, что еще хуже, герцогъ Веллингтонъ положительно и рѣзко объявилъ при обсужденіи отвѣтнаго адреса верхней палаты, что до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ занимать свою должность, онъ станетъ противудѣйствовать мѣрамъ, относящимся до реформы парламента. Однако его ограниченный взглядъ на совершенство и непогрѣшность законовъ о представительствѣ англійскаго народа до того рѣзко противорѣчилъ общественному мнѣнію, что Генрихъ Бруггамъ объявилъ о своемъ намѣреніи приступить по прошествіи 14 дней къ вопросу о парламентскихъ реформахъ. Когда правительство, при голосованіи въ нижней палатѣ по одному финансовому вопросу, осталось на сторонѣ меньшинства, члены кабинета подали просьбу объ увольненіи, и она была принята королемъ. 16-го ноября тоже самое сдѣлали герцогъ Веллингтонъ въ верхней палатѣ и сэръ Робертъ Пиль въ нижней палатѣ. Король назначилъ первымъ министромъ шестидесятилѣтняго поборника реформы, графа Грея, государственнаго мужа съ незапятнаннымъ умѣреннымъ характеромъ, человѣка съ умомъ послѣдовательнымъ, свободномыслящимъ и твердымъ. Непремѣннымъ условіемъ принятія этой должности графъ Грей предложилъ, чтобы новое министерство поставило себѣ задачей разработку вопросовъ по реформѣ; король безпрекословно принялъ это условіе. Графъ Грей выбралъ себѣ товарищей изъ представителей виговъ и послѣдователей законоположеній Каннинга: это были лордъ Альторпъ, лордъ Генрихъ Бруггамъ, лордъ Ландсдоунъ, лорды Дургэмъ, Мельбурнъ, Годерихъ, Пальмерстонъ, сэръ Джэмсъ Грэгамъ, лордъ Джонъ Россель и другіе; всѣ они, принадлежа къ высшей аристократіи государства, положили тотчасъ же приступить немедленно къ разрѣшенію жизненныхъ вопросовъ, не откладывая ихъ больше въ сторону.

Первымъ дѣломъ было отклоненіе предложенія на согласіе принять многочисленныхъ уполномоченныхъ отъ магистратовъ въ нѣкоторыхъ дистриктахъ, въ которыхъ или произошли безпорядки, или слѣдовало опасаться ихъ, потому что законная мѣстная власть не была въ состояніи удержать въ повиновеніи нарушителей спокойствія; вслѣдъ за этимъ приступили къ опредѣленію и назначенію регентства въ случаѣ смерти короля, до наступленія совершеннолѣтія принцессы Викторіи, ближайшей наслѣдницы престола; затѣмъ отложили созваніе парламента до 3-го февраля 1831 года, т. е. до тѣхъ поръ, пока не будетъ вполнѣ обработанъ билль о реформѣ. Въ промежутокъ этого времени обѣ партіи измѣряли свои силы. На сторонѣ противниковъ парламентской реформы была палата лордовъ, могущество аристократіи въ преобразовываемой нижней палатѣ, твердое положеніе партіи тори въ государствѣ, и при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже самъ король, если подъ вліяніемъ его глубоко консервативнаго семейства, онъ испугается широкихъ шаговъ партіи реформы. Защитники реформы кромѣ всей аристократіи виговъ опирались на вліяніе и силу преобладающей части среднихъ классовъ населенія, которое вслѣдствіе своей многочисленности имѣло перевѣсъ на своей сторонѣ во имя мѣръ долженствовавшихъ упрочить за нимъ право законнаго и опредѣленнаго участія въ законодательствѣ страны. Они послали несмѣтное количество просьбъ въ парламентъ, и приготовились выступить всѣ вмѣстѣ, чтобы дать движенію больше силы и энергіи, и если нужно продолжить его.

3-го февраля было опять собраніе парламента, а 1-го марта лордъ Джонъ Россель, не будучи первымъ министромъ, внесъ въ палату общинъ билль, въ составленіи котораго самъ принималъ дѣятельное участіе, и къ которому присоединилось даже и правительство. Онъ былъ многостороннѣе,—чѣмъ этого нѣкоторые боялись, а другіе ожидали, но все же, слѣдуя англійскому духу, былъ на столько умѣренъ, что существенно отстраняя грубѣйшія злоупотребленія, давалъ широкое поприще для будущихъ дальнѣйшихъ реформъ всего остальнаго. Одной изъ величайшихъ ошибокъ тогдашняго положенія дѣлъ былъ вопросъ объ «упраздненныхъ мѣстечкахъ» (rotten boroughs), т. е. ничтожныхъ мѣстечкахъ, которыя сохраняли за собой право выбора, утвержденное за ними съ незапамятныхъ временъ, и въ тоже время въ дѣйствительности не выбирали сами представителей, а позволяли какому нибудь мѣстному вліятельному аристократу, маркизу, герцогу

или лорду назначать самому депутата по своему усмотрѣнію и такимъ образомъ допускали дурныя и неправильныя дѣла. Такихъ мѣстечекъ насчитывалось до 204; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ Ольдъ Сарумъ, долженствовавшій служить ораторамъ представителемъ цѣлаго рода подобныхъ городовъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ хижинъ; ихъ отъ поры до времени починяли на столько, чтобъ можно было кое-какъ помѣщать безпріютныхъ поденщиковъ и такимъ образомъ сохранять подобіе мѣстечка, которое по закону имѣло право на избраніе двухъ депутатовъ; ораторы не поскупились на ѣдкія и колкія описанія, какимъ образомъ происходили эти примѣрные выборы, какъ тотъ, или другой лордъ, или маркизъ располагали этими мѣстечками и въ качествѣ выборныхъ представителей посылали засѣдать въ палатахъ, одни своихъ сыновей, только что вернувшихся изъ Итонской школы, другіе ловкихъ управляющихъ, съумѣвшихъ увеличить доходы хозяевъ, третьи наконецъ сосѣдей, съ которыми пили, пировали и охотились. 60 такихъ упраздненныхъ мѣстечекъ съ 168 правами засѣданія въ парламентѣ долженствовали быть вполнѣ упразднены, уничтожены; извѣстное количество ихъ оставлено на прежнихъ основаніяхъ; общая сумма членовъ нижней палаты уменьшена на 62, съ 658 на 596; изъ установленныхъ 104 членовъ 8 достались Лондону и его предмѣстьямъ, большимъ городамъ въ провинціи 34, графствамъ 54 новыхъ члена, это была большая уступка основному закону, въ чисто консервативномъ духѣ, 5 новыхъ членовъ были установлены для Шотландіи, 1 для Валлиса и 3 для Ирландіи.

Предложеніе этой мѣры дѣлаетъ величайшую честь людямъ, составлявшимъ правительство, и тѣмъ, которые поддерживали ее въ парламентѣ. Большая часть ихъ, добровольно жертвуя системой упраздненныхъ мѣстечекъ, жертвовали въ тоже время своимъ вліяніемъ, даже своимъ состояніемъ. Однимъ изъ примѣровъ можетъ служить лордъ Джонъ Россель, принадлежавшій къ огромному роду Бедфордъ. Семь ночей продолжались пренія и до 80 человѣкъ, одни за другими, высказывали свои мнѣнія. При защитѣ предложенныхъ мѣръ полное превосходство оказалось на сторонѣ сущности самого дѣла; все то, что было представлено въ опроверженіе билля, было, въ концѣ концовъ, повтореніемъ съ разными варіантами основаній, на которыхъ однако же нельзя было ничего основывать: именно, что не являлось никакой настоятельной необходимости въ измѣненіяхъ, что Англія стала великой, благодаря стариннымъ законамъ; Манчестеръ и другіе города, для которыхъ домогались представителей, процвѣтали и прежде, не смотря на то, что не имѣли права избранія, что цѣлый рядъ великихъ людей, какъ-то Питтъ, Фоксъ, Бурке, Каннингъ и другіе, этимъ путемъ достигли парламента. Билль о реформѣ, казавшійся консерваторамъ черезчуръ рѣшительнымъ и исполненнымъ радикальныхъ стремленій, въ глазахъ многихъ, принадлежавшихъ къ противной партіи, считался недостаточнымъ: они мечтали о болѣе широкомъ распространеніи правъ выбора, объ устраненіи большаго количества злоупотребленій. Но Англія не задавалась, подобно Франціи и даже Германіи, несбыточными мечтами и разсчитывала на вѣрный практическій успѣхъ. Люди, принадлежавшіе даже къ радикальной партіи, говорили себѣ, что надобно довольствоваться проведеніемъ билля, что возможно только при современномъ положеніи дѣлъ, при такомъ королѣ, какой царствовалъ въ Англіи, при существовавшемъ парламентѣ и конституціи; этимъ пока должны были ограничиться дальнѣйшія стремленія.

14 марта произошло благополучно первое изъ трехъ чтеній билля. Народъ все болѣе и болѣе волновался; рѣшимость среднихъ классовъ возрастала ежеминутно; тысячи людей объявляли себя готовыми двинуться на Лондонъ по первому знаку; все это давало противникамъ реформы поводъ жаловаться на желаніе достигнуть цѣли посредствомъ угрозы. Министерство не отступало отъ своихъ рѣшеній; «оно не покинетъ своихъ должностей, даже и тогда, когда на его сторонѣ будетъ хоть одинъ голосъ большинства», сказалъ одинъ изъ членовъ его на обѣдѣ даннымъ по старинному обыкновенію лордомъ-мэромъ Лондона, по случаю закрытія засѣданій на время праздниковъ Пасхи. По странному стеченію обстоятельствъ это именно и случилось при вторичномъ чтеніи билля 22 марта; въ переполненномъ парламентѣ 302 голоса были за билль и 301 противъ него. Надежды консерваторовъ избѣгнуть несносной реформы ожили въ виду такого незна-

чительнаго большинства, которое при малѣйшей случайности готово было превратиться въ меньшинство; кромѣ того предвидѣвшіяся противодѣйствія со стороны палаты лордовъ должны были ихъ утвердить вновь въ мысли о невозможности проведенія билля. Министры однако сохранили свои должности; это рѣшеніе было встрѣчено въ Лондонѣ громкими изъявленіями радости, блестящей иллюминаціей. Дѣло близилось къ развязкѣ. Консерваторы рѣшились опрокинуть билль во время комитетскихъ совѣщаній, представивъ отдѣльныя положенія проекта законовъ съ своей точки зрѣнія, или во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнія противной министерству; такъ и вышло: 18 числа апрѣля начались засѣданія комитета; 19 министры были разбиты по вопросу объ уменьшеніи членовъ въ будущемъ парламентѣ; 22 они опять потерпѣли пораженіе по вопросу о разрѣшеніи бюджета. Они представили королю просьбу объ увольненіи; король не принялъ ея, также не рѣшился распустить первый въ его царствованіе парламентъ, во время первой же сессіи его.

Однако послѣднее становилось неизбѣжнымъ. Настроеніе народа было таково, что слѣдовало опасаться возстанія, въ случаѣ если билль будетъ отмѣненъ. Слова Маколея, произнесенныя имъ въ одной изъ его дѣльныхъ рѣчей по поводу реформы, когда онъ совѣтовалъ «не упускать минуты спасенія», не были пустымъ громкимъ звукомъ. То тамъ, то здѣсь вспыхивали недоразумѣнія и предводители народнаго движенія уже поговаривали объ образованіи реформаторовъ. Французы съ радостью воспользовались бы удобными обстоятельствами, чтобы разыграть революцію и натѣшиться кровавыми сценами и борьбой; даже въ Германіи, заразившейся революціоннымъ духомъ Франціи, народъ съ удовольствіемъ подумывалъ о революціи всякій разъ, когда его желанія встрѣчали противорѣчіе или недостаточно скоро исполнялись. Передовые люди либеральной партіи въ Англіи слишкомъ ясно понимали опасность и несчастіе, которое грозитъ народу, когда онъ вооруженной силой уничтожаетъ существующій законный порядокъ страны, и когда одни граждане въ одномъ томъ же государствѣ превращаются въ побѣдителей и въ побѣжденныхъ. Созданное вѣками можно разрушить въ нѣсколько часовъ, на бумагѣ можно устроить какой угодно законный порядокъ тоже въ нѣсколько дней, но людскія страсти, ихъ желанія, привычки не могутъ подчиниться такъ легко новымъ условіямъ, улечься въ новыя формы. Чтобы привести разнузданный революціей существующій порядокъ въ новый, дѣйствительно законный, если только можно его будетъ привести, на это потребуется очень много времени.

Къ счастію, опасность была устранена. Упрямство противниковъ билля о реформѣ въ палатѣ лордовъ помогло рѣшить вопросъ надлежащимъ образомъ.

Ночью 21 апрѣля лордъ Вуарнклифъ, одинъ изъ ярыхъ противниковъ билля въ палатѣ лордовъ, обратился къ первому министру съ вопросомъ: рѣшились ли министры его величества распустить парламентъ? Лордъ Грей уклонился дать отвѣтъ; лордъ объявилъ, что онъ намѣренъ на слѣдующій день подать адресъ королю, въ которомъ будетъ просить его величество не пользоваться въ этомъ случаѣ правомъ распускать парламента; на слѣдующее утро Вильгельмъ IV долго колебался, но наконецъ рѣшился распустить парламентъ. Когда до него дошло извѣстіе о томъ какъ въ палатѣ лордовъ говорилось о невозможности распустить въ настоящемъ случаѣ парламентъ, въ немъ заговорило его самолюбіе: «Какъ, воскликнулъ онъ, они осмѣливаются посягать на права короля!» Онъ хотѣлъ показать свою власть, тотчасъ же отправиться въ парламентъ и непосредственно, лично закрыть его. Между тѣмъ какъ министры распоряжались о приготовленіи «королевскаго экипажа»,—зачѣмъ королевскій экипажъ, воскликнулъ онъ, пошлите за наемной каретой.» Однако королевскій экипажъ былъ готовъ. Между тѣмъ лорды въ 2 часа собрались въ залѣ совѣта. Лордъ Вуарнклифъ всталъ, чтобы прочесть свое предложеніе; герцогъ Ричмондъ, одинъ изъ членовъ правительства, просилъ лордовъ, чтобъ они заняли свои мѣста; пока поднялся споръ изъ-за порядка веденія дѣлъ, раздались хорошо знакомые пушечные выстрѣлы, обозначавшіе, что король Великобританіи ѣдетъ въ свой парламентъ. Шумъ возсталъ съ удвоенной силой. Лорду Мансфельду удалось на мгновеніе овладѣть общимъ вниманіемъ; пока онъ сталъ описывать затруднительное положеніе короля и государства, широко растворились двери залы совѣта, и на порогѣ ея показался самъ король,

впереди котораго по древнему обычаю несли на подушкѣ королевскую корону; почти насильно заставили замолчать черезчуръ усерднаго приверженца тори. Быстрыми шагами взошелъ Вильгельмъ IV на ступени своего трона, и кланяясь направо и налѣво собранію, онъ пригласилъ лордовъ сѣсть на свои мѣста, пока будетъ призвана нижняя палата.

Подобная же сцена разыгрывалась и въ палатѣ общинъ; въ то время когда уже раздавались салюты артиллеріи, одинъ за другимъ говорили сперва сэръ Робертъ Вивіанъ, а за нимъ сэръ Робертъ Пиль. Онъ въ рѣчи излилъ весь жаръ противъ билля, который, по его мнѣнію, отдавалъ британскій народъ въ рабство предводителей черни; онъ не успѣлъ еще умолкнуть, когда раздались три громкіе удара чернымъ жезломъ и показавшійся герольдъ пригласилъ палату депутатовъ Англіи явиться въ общее собраніе парламента. Тамъ съ своего трона король высказалъ намѣреніе распустить парламентъ; члены разошлись въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Со временъ Кромвеля не происходило подобной сцены въ стѣнахъ парламента. На слѣдующій день явилась королевская прокламація, которая объявляла парламентъ распущеннымъ и созывала на 14 іюня вновь избранныхъ членовъ его.

Такимъ образомъ вопросъ отдавался самимъ королемъ въ руки народа; это ясно понимали передовые классы націи и преимущественно тотъ кругъ общества, который не могъ извлечь никакой выгоды изъ билля. Понимали это и тѣ, до которыхъ не касалось избирательное право, и—что служитъ великой честью для англійскаго народа—ясно сознавали, что они обязаны способствовать созданію новой политической системы, начать новую эру для старинной конституціи страны, и для выполненія этого великаго дѣла употребить всѣ силы, чтобъ избрать новую палату общинъ, способную преобразовать свои законоположенія.

Политическая дѣятельность, разомъ охватившая все государство, выразившаяся въ печати, митингахъ и разныхъ обществахъ и продолжавшаяся отъ закрытія парламента до побѣды реформы, служитъ замѣчательнымъ контрастомъ революціи, которая только-что разыгралась во Франціи. Медленно, непоколебимо, безъ театральной обстановки, безъ геройскихъ битвъ и хвастливыхъ рѣчей совершалось здѣсь не менѣе великое и спасительное преобразованіе. Не было здѣсь конечно ни трехъ дней, ни великой недѣли основанія новаго трона, за то не было также и разрыва съ прошедшимъ, обошлись и безъ новой династіи, которая вслѣдствіе интриги, пользуясь опьяненіемъ обезумѣвшаго народа, хитростью и почти обманомъ съумѣла захватить въ свои руки власть; не было также и болѣзненнаго чувства обиды и оскорбленія въ сердцахъ тѣхъ, которыхъ свергла, или не удовлетворила революція; не было значитъ и задатка для дальнѣйшаго распространенія зла.

Разрѣшеніе борьбы за права выборовъ оказывалось весьма простымъ: дѣло ограничивалось министерскимъ биллемъ; могло не быть и помину о перемѣнѣ династіи, низверженіи аристократіи, или о чемъ нибудь подобномъ. Въ общемъ, выборы были произведены въ весьма умѣренномъ духѣ. У нѣкоторыхъ противниковъ билля, какъ напримѣръ у герцога Веллингтона, для которыхъ популярность въ этомъ случаѣ обратилась во вредъ, были выбиты и перебиты стекла въ окошкахъ; кое-гдѣ буйствовала чернь; впрочемъ это были почти обыкновенныя явленія при каждыхъ новыхъ выборахъ. Одна изъ газетъ, дружественно относившаяся къ реформѣ, отвѣчала весьма категорически противъ обвиненія въ безпорядкахъ, взваливаемыхъ на реформу ея врагами: чѣмъ больше количество людей будетъ пользоваться правомъ выбора, тѣмъ меньше найдется охотниковъ разбивать окошки. Успѣхъ либераловъ былъ полный. Противники министерства потеряли довольно большое количество мѣстъ въ палатахъ, и когда парламентъ приступилъ вновь къ работамъ, то при значительномъ большинствѣ въ пользу его благополучно прошло первое чтеніе билля 24 іюня, и 4 іюля второе чтеніе съ большинствомъ 136 голосовъ при общемъ числѣ 598 присутствовавшихъ членовъ. Оппозиція собиралась съ силами для третьяго чтенія комитетскаго совѣщанія, начавшагося 12 іюля и во время котораго поднималась упорная, ожесточенная борьба, изъ-за каждаго мѣстечка, означеннаго на скорбномъ листѣ къ уничтоженію, изъ-за каждаго отдѣльнаго законоположенія; народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія; заключительныя пренія длились въ продолженіе трехъ вечеровъ, 19, 20 и 21 сентября;

21 билль былъ принятъ палатой общинъ 345 голосами противъ 236, слѣдовательно большинствомъ 109 голосовъ.

Извѣстіе объ одержанной побѣдѣ съ быстротою молніи распространилось по всему государству; народъ выражалъ радость громкимъ весельемъ и колокольнымъ звономъ. Никому однакоже не приходила мысль, что эта радость, это веселье преждевременныя. Впереди билля лежало опасное ущелье, палата лордовъ, этотъ неприступный оплотъ могущества торіевъ, которые, составляя въ нижней палатѣ незначительное меньшинство, должны были имѣть огромный перевѣсъ въ обсужденіи дальнѣйшей судьбы билля. Очевидно нельзя было надѣяться на успѣхъ, если лорды доведутъ дѣло до обыкновеннаго голосованія. Въ тоже время неужели нельзя было полагаться на это собраніе старѣйшаго и независимѣйшаго дворянства самаго свободнаго государства въ мірѣ, что большинство его признаетъ истину великаго дѣла, дѣла служившаго выраженіемъ не той, или другой части возбужденнаго населенія, а вывода самой мыслящей, самой образованной, слѣдовательно самой сильной части народа, на которую надѣялась и съ довѣріемъ полагалась вся нація.

Какъ это бываетъ всегда, народъ не сомнѣвался въ окончательной побѣдѣ. Двѣ существенныя силы государства дѣйствовали за одно. Король и нижняя палата, а вслѣдъ за ними стояли необозримыя массы достаточнаго средняго сословія богатаго государства; «если лорды отвергнутъ билль, что станется съ ними», говорилось громко въ кругахъ этой части народа вмѣсто того, чтобы сказать, что будетъ съ биллемъ?

Съ 3 до 7 октября длились пренія, эта величественная ораторская война, за ходомъ которой съ возраставшимъ участіемъ и напряженіемъ слѣдила вся нація. Карлъ Грей давалъ особенную силу и важность мѣрамъ, предложеннымъ его министерствомъ, опираясь на свою опытностью въ государственныхъ дѣлахъ, пріобрѣтенную въ борьбѣ за парламентскую реформу, которую онъ началъ еще въ 1786 г., слѣдовательно, до начала первой французской революціи. Въ защиту ея онъ могъ представить многостороннія зрѣлыя доказательства: «это, говорилъ онъ, гнилыя части конституціи, отрѣжьте ихъ и старый стволъ дастъ сочные крѣпкіе плоды;» король и палата общинъ уже приняли билль, вытребованный безчисленными просьбами. Лорды не могли долго противодѣйствовать возраставшему потоку общественнаго мнѣнія, имъ грозила опасность быть наконецъ поглощенными этимъ потокомъ. Противники реформы, во главѣ которыхъ былъ лордъ Вуарнклифъ, указывали на перевѣсъ силы нижней палаты, которую даетъ ей билль реформы, а слѣдовательно и перевѣсъ промышленныхъ интересовъ, который непремѣнно такимъ образомъ нарушитъ прекрасное равновѣсіе существовавшей до тѣхъ поръ конституціи; демократія не удовольствуется этимъ признаніемъ и вскорѣ парламентъ принужденъ будетъ открыть широкія двери, на встрѣчу ея натиску. Другихъ нельзя было вразумить, что старая конституція вообще нуждалась въ улучшеніяхъ; третьи боялись новыхъ мѣръ уже потому, что сдѣланныхъ въ этомъ направленіи шаговъ уже не воротишь. Герцогъ Веллингтонъ считалъ духъ реформы несвойственнымъ Англіи, а слѣдствіемъ вліянія французской революціи и обвинялъ правительство, за то, что оно само производитъ волненія въ государствѣ; вліяніе большихъ городовъ будетъ чрезмѣрно велико, и сдѣлаетъ невозможнымъ всякое полезное веденіе дѣлъ. Самая сильнаярѣчь за реформу была произнесена лордомъ канцлеромъ Генрихомъ Бруггамомъ. Съ невѣроятной рѣзкостью онъ перебралъ основанія своихъ противниковъ, жесткими словами описалъ, какъ происходятъ выборы въ мѣстечкахъ. «Это злоупотребленіе англійской конституціи и не должно быть терпимо». Съ горечью и негодованіемъ продолжалъ онъ потомъ: «Вы всѣ, которые такъ легко, поверхностно относитесь къ этимъ классамъ, соберите всѣ свои замки, дворцы, помѣстья, имѣнья, продайте ихъ, вы никогда не выручите тѣхъ суммъ, тѣхъ богатствъ, которыми обладаютъ средніе классы Англіи. Билль поддерживается народомъ и потому онъ консервативенъ, и развѣ одни только министры требуютъ этого закона? Нѣтъ, за него стоятъ цѣлые ряды древнихъ дворянскихъ родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ первыхъ норманновъ. Вспомните, сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи, преданіе о Сивиллѣ. Она предлагаетъ вамъ теперь свитокъ, цѣною котораго она требуетъ упроченіе прежней конституціи. Вы не соглашаетесь дать ей

такое ничтожное вознагражденіе, она отворачивается и уходитъ; раскаяніе овладѣваетъ вами и вы зовете ее назадъ; но свитокъ уже не полонъ, листки мира полуоторваны. Она требуетъ болѣе дорогую плату—ежегоднаго парламента, избираемаго милліонами выборныхъ, тайной подачи голосовъ. Въ негодованіи вы опять отсылаете ее; цѣны, которой она потребуетъ и которую вы принуждены будете заплатить, когда она вернется въ третій разъ, я не осмѣливаюсь сказать вамъ. Милорды, умоляю васъ всѣмъ, что свято для васъ, на колѣняхъ заклинаю васъ, не отвергайте билля!»

Утромъ 8-го октября въ 6 часовъ послѣдовало голосованіе; большинствомъ 199 противъ 158 голосовъ было отвергнуто вторичное чтеніе. Съ большинствомъ согласились и всѣ до одного епископы, которыхъ особенно уговаривалъ лордъ Грей исполнить здѣсь свою прямую объязанность и помочь водворить миръ въ странѣ; напрасно, они слѣдовали за роковымъ теченіемъ, которое, противно духу христіанства, увлекало въ XIX столѣтіи духовенство всѣхъ земель и всѣхъ исповѣданій Европы и враждебно противодѣйствовало распространенію свободы между народами.

Палата общинъ въ отвѣтъ на голосованіе тотчасъ рѣшила, при значительномъ большинствѣ, подать министрамъ записку, въ которой выражала имъ свое довѣріе; народъ съ удвоенной энергіей толпами стекался подъ знамена свободы. Аристократія тори опять возобновила борьбу, отложенную на нѣкоторое время парламентомъ. Въ числѣ многочисленныхъ рѣчей особенно выдавалась рѣчь Сиднея Смита изъ Таунтона, замѣчательная по своему юмору, съ которымъ онъ весьма комически и метко представлялъ современное положеніе вещей. Онъ привелъ между прочимъ разсказъ объ одной мистриссъ Партингтонъ изъ Сидмута, которая жила въ своемъ домѣ на берегу моря: зимою 1824 г. разыгралась страшная буря и море съ ужасающей силой, казалось, готово было поглотить берегъ; неустрашимая мистриссъ Партингтонъ въ калошахъ вышла къ дверямъ своего дома и тряпками хотѣла удержать напоръ водъ бушующаго океана. Примѣненіе было весьма понятно: «не безпокойтесь, господа, заключилъ ораторъ при дружныхъ взрывахъ хохота, мы справимся съ мистриссъ Партингтонъ». Неспокойные элементы, которые на дѣлѣ оправдывали сравненіе лорда Бруггама съ преданіемъ о Сивиллѣ, были удержаны въ надлежащихъ границахъ, а отъ лорда Грея настойчиво потребовали, чтобъ онъ прибѣгнулъ къ единственному законному средству, представлявшемуся въ этомъ случаѣ: онъ долженъ былъ ходатайствовать у короля о назначеніи извѣстнаго числа пэровъ, достаточнаго для внесенія билля въ верхній парламентъ.

Конечно это было самое простое и законное средство, на которое государство смотрѣло, какъ на самую легкую вещь въ свѣтѣ, но лордъ Грей по справедливости не рѣшался предложить его своему государю. Оно, не нарушая наружныхъ формъ конституціи, должно было смертельно поразить ее. На мѣсто чудно созданной изъ монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ элементовъ конституціи, эта мѣра, нравственно уничтожая палату лордовъ, однимъ ударомъ установляла демократическую монархію. Лордъ Грей, самъ принадлежа къ этой древней аристократіи и въ тоже время будучи членомъ верхняго парламента, въ которомъ сосредоточивалось ея могущество, естественнымъ образомъ уклонялся отъ этого средства, пока оно наконецъ не сдѣлалось неизбѣжнымъ.

Положеніе дѣлъ было весьма серьезное. Тамъ и сямъ, какъ напримѣръ въ Бристолѣ, возбужденіе переходило границы; волненію много способствовала холера, этотъ страшный бичъ Европы, который и въ Англіи похитилъ множество жертвъ. 6-го декабря парламентъ собрался опять, а 12-го, лордъ Джонъ Россель испрашивалъ позволеніе внести новый билль о реформѣ. Въ сущности это былъ тотъ же билль съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными только-что оконченной новой переписью народа. Безъ затрудненій прошелъ билль первыя инстанціи. При вторичномъ чтеніи 18 декабря въ нижнемъ парламентѣ большинство достигло 162 при 486 членахъ; при комитетскихъ совѣщаніяхъ оппозиція по прежнему стала затягивать дѣло; передъ третьимъ чтеніемъ поднялись опять пренія, длившіяся въ теченіе трехъ ночей, но послѣ чтенія 22 марта большинство 116 голосовъ при 594 высказалось за «билль объ улучшеніи народнаго представительства англійскаго и валійскаго».

26 марта онъ былъ перенесенъ въ палату лордовъ, гдѣ благополучно прошло первое чтеніе; 9 апрѣля начались пренія на счетъ вторичнаго чтенія. Мысль о предстоящемъ созваніи перовъ въ огромномъ множествѣ и взглядъ на повсемѣстно возрастающее волненіе въ государствѣ отчасти помогли дѣлу. Большинствомъ девяти голосовъ рѣшили допустить вторичное чтеніе. Епископы тоже подали голоса за билль. Судьба его однако не была рѣшена; нѣкоторые надѣялись при комитетскихъ совѣщаніяхъ воспользоваться имъ въ своемъ особомъ смыслѣ, и такимъ образомъ опять возобновить вопросъ о реформѣ.

Во время праздниковъ св. Пасхи, когда засѣданія парламента были временно прекращены, по всему государству собирались многочисленные митинги. Шумныя толпы народа тѣснились и ораторствовали въ Эдинбургѣ подъ окнами дворца, гдѣ жилъ тогда изгнанный изъ Франціи король, въ Глазгоу, въ Шеффильдѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ и Бирмингэмѣ, въ которомъ собралось никогда невиданное множество народа—до 150,000 человѣкъ. Одинъ изъ ораторовъ предлагалъ митингу—принести государственному дѣлу, съ непокрытыми головами, передъ лицомъ самого Бога присягу въ вѣрности. Толпа, движимая его словами и одушевленіемъ, обнажила головы, и вслѣдъ за нимъ давала торжественный обѣтъ: «совершенной вѣрности за себя и дѣтей своихъ, не смотря ни на какія опасности и лишенія.»

Того же самаго числа (7 мая) начались комитетскія совѣщанія въ палатѣ лордовъ. Первая подача голосовъ, возбужденная предварительными вопросами, касавшимися по видимому только порядка веденія дѣлъ, нанесла министрамъ совершенное пораженіе; лордъ Грей потребовалъ, чтобы совѣщанія были отложены на три дня, и 9 мая государство узнало, что министры подали просьбу объ отставкѣ, которая имъ и была дана.

Послѣ голосованія 7 числа совѣтъ министровъ положилъ ходатайствовать у короля о назначеніи достаточнаго числа перовъ для окончательнаго проведенія предпринятыхъ мѣръ; но король, находившійся во власти окружающихъ, отказалъ имъ въ просьбѣ; герцогъ Веллингтонъ, всегда готовый отдаться въ распоряженіе государя, когда дѣло шло о противодѣйствіи демократіи, или тому что онъ считалъ демократіей, предложилъ королю образовать новое правительство, хотя онъ самъ не могъ бы принимать въ немъ участія, такъ какъ король, вѣрный данному обѣщанію, стоялъ за реформу. Онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы и свое вліяніе; въ продолженіе пяти дней переходилъ онъ отъ однѣхъ дверей къ другимъ; всѣ усилія его были напрасны: онъ не могъ найти министровъ для своего министерства.

Дѣло между тѣмъ близилось къ развязкѣ. Въ государствѣ закипѣла новая буря, когда сдѣлалось извѣстно, на какую должность мѣтилъ ея первый полководецъ; даже популярность короля сильно пошатнулась. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ извѣщеніемъ объ отставкѣ министерства Грея было объявлено о продолженіи засѣданій по дѣлу реформы. Съ другой стороны солдаты получили приказаніе оставаться въ казармахъ, и снова отовсюду посыпались прошенія, на этотъ разъ обращенныя къ палатѣ общинъ: до тѣхъ поръ не разрѣшать денежныхъ средствъ, пока не будетъ принятъ законъ о реформѣ; это было послѣднимъ средствомъ немедленно достигнуть желаемаго. На дѣлѣ не пришлось прибѣгать къ этимъ мѣрамъ. Побѣда была рѣшена. 15 мая герцогъ Веллингтонъ долженъ былъ сознаться передъ королемъ, что его попытки создать новый кабинетъ неудались; въ тотъ же день лордъ Грей объявилъ верхнему парламенту, а лордъ Альторпъ нижнему, что между королемъ и бывшимъ министерствомъ возобновлены отношенія. Правительство лорда Грея вновь принялось за дѣла. Лорды старались приноровиться къ нему. 17 приступили къ обсужденіямъ; герцогъ Веллингтонъ объявилъ о своихъ неудавшихся попыткахъ и удалился изъ парламента, за нимъ послѣдовали 100 перовъ, говоря, что они своимъ присутствіемъ не хотятъ содѣйствовать низверженію конституціи. Опять началась подача голосовъ, которая на этотъ разъ привлекла большинство на сторону правительства. 7 іюня 1832 король принялъ и узаконилъ билль.

Это была такая радикальная мѣра, которой нельзя было ожидать послѣ упорной борьбы между обѣими сторонами. Право выборовъ въ графствѣ, принадлежавшее 52 мѣстностямъ съ 94 депутатами, было измѣнено на 82 съ 159 членами, уничтожено 66 упраздненныхъ мѣстечекъ съ 111 членами, 30 мѣстечкамъ

предоставлено избирать по одному, вмѣсто двухъ депутатовъ отъ каждаго. Общее число представителей не уменьшилось. Изъ учрежденныхъ мѣстъ депутатовъ, было 63 новыхъ, а въ Англіи и Валлисѣ учреждены большія избирательныя коллегіи, 22 для главныхъ городовъ, съ ихъ предмѣстьями, и городовъ съ численностью жителей свыше 25,000 человѣкъ, и 21 для городовъ съ 12,000 жителей. Ирландіи было дано 39 членовъ вмѣсто бывшихъ 35, городамъ въ Шотландіи, гдѣ, представительство и выборы не подчинялись никакимъ законамъ, было дано 23 члена вмѣсто 15. Право выбора было также немного расширено; въ городахъ имъ могли пользоваться владѣльцы жилищъ, приносившихъ 10 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, въ графствахъ владѣльцы около такъ называемыхъ «40 шиллинговъ — вклада», также наслѣдственные и временные арендаторы (фермеры). Впрочемъ, значеніе реформы не ограничивалось отдѣльными, единичными улучшеніями. Оно было важно по рѣшительному движенію всего государства, подъ вліяніемъ неудержимыхъ, громко высказываемыхъ правильныхъ требованій народа; важно и потому, что реформа выдержала суровую борьбу со всѣми партіями, твердо перенесла кризисъ, не пошатнувъ въ тоже время конституціи, не разорвала связей съ прошедшимъ, не породила ни эмигранто въ, ни террористовъ. Это было чисто консервативная перемѣна: сотни тысячъ недовольныхъ превратились въ твердыхъ послѣдователей установившагося законнаго порядка. Центръ тяжести власти находился болѣе, чѣмъ когда либо, въ нижнемъ парламентѣ; этого нельзя было ни оспаривать, ни отвергать.

b) 1832—1837.

Народъ вскорѣ успокоился, хотя возбужденіе все еще чувствовалось въ немъ. Одни напрасно черезчуръ опасались послѣдствій билля о реформѣ, другіе также понапрасну ожидали отъ него слишкомъ многаго. И тѣ и другіе ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Законъ, подобно посѣву, всходитъ медленно, незамѣтно; въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ было примѣчено, что многіе, которые получили право выбора, не пользовались имъ, и единичныя попытки сдѣлать реформу болѣе дѣйствительною оказались безуспѣшными. При первомъ собраніи нижняго парламента, созваннаго въ смыслѣ новаго закона, оказалось 509 либераловъ, при 140 консерваторахъ; это было блестящимъ доказательствомъ умѣренности государства, несмотря на то, что спикеромъ былъ выбранъ человѣкъ консервативныхъ мнѣній. Не смотря на то министерство было составлено изъ людей, стремившихся къ преобразованіямъ, которые не хотѣли ограничиваться составленіемъ нижняго парламента. Правительству, принадлежавшему къ партіи виговъ, нельзя было отказать въ благихъ намѣреніяхъ и благородныхъ стремленіяхъ; но партія тори такъ давно управляла дѣлами государства, что у виговъ естественнымъ образомъ не было ни привычки, ни умѣнья вести государственныя дѣла. Для подготовленія и исполненія задуманныхъ ими мѣръ, они должны были обращаться и довѣряться чиновникамъ, воспитаннымъ въ духѣ торіевъ, пропитаннымъ ихъ идеями и слѣдовательно враждебно относившимся къ правленію виговъ, которое, въ тоже время, они считали временнымъ.

Не смотря на это министерство Грея ознаменовалось нѣсколькими полезными дѣлами. Холера стала уносить меньшее количество жертвъ, благодаря заботамъ всего общества о народномъ здоровьѣ. Благодѣтельныя преобразованія коснулись и устройства быта нищихъ, которые благодаря извращеннымъ законамъ также становились ужасной язвой для государства. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ сумма ежегодно ассигнованная для поддержанія бѣдныхъ въ Англіи и Валлисѣ, постепенно увеличиваясь, дошла наконецъ до 7 милліоновъ фунтовъ, вмѣсто первоначальныхъ 2 милліоновъ; но хуже всего было то, что законъ самъ поощрялъ нищенство, раздавая милостыню безъ разбора—лѣнивымъ, дерзкимъ, людямъ дурной нравственности, нищенствующимъ по собственной винѣ, и отказывая въ помощи истиннымъ бѣднякамъ, которые по закону не имѣли права на милостыню; однимъ словомъ, пауперизмъ развивался съ ужасающей силой. Королевская коммиссія по дѣламъ бѣдныхъ была уничтожена, а 14 августа 1834 года явился новый законъ о бѣдныхъ, утвержденный королемъ и основанный на разумныхъ началахъ; онъ

имѣлъ благодѣтельнѣйшія послѣдствія, число незаконнорожденныхъ дѣтей значительно уменьшилось; въ слѣдующія пять лѣтъ, вмѣсто 7 милліоновъ стали раздаваться 4 милліона вспомоществованій бѣднымъ. Основаніе новаго закона было тоже, что и прежняго: т. е. что государство должно кормить всѣхъ и каждаго; но вмѣсто безразлично раздававшейся милостыни были учреждены пріюты, въ которыхъ каждый нуждающійся находилъ работу. Всякій, кто искалъ помощи, долженъ былъ приходить въ рабочій домъ; онъ могъ безпрепятственно оставить его по прошествіи сутокъ, но пока находился въ немъ, онъ былъ обязанъ работать передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ; онъ долженъ былъ заработывать извѣстную плату, которая оплачивала его ѣду; способные работать были отдѣлены отъ неспособныхъ, хворыхъ, мужчины—отъ женщинъ, мужья отъ женъ, дѣти отъ взрослыхъ. Такимъ образомъ удавалось наглядным и понятнымъ образомъ различать бѣдныхъ отъ нищихъ, изъ алчности выпрашивающихъ милостыню, участь бѣдныхъ облегчалась, а съ государства спадало бремя излишнихъ вспомоществованій, которыя въ свою очередь въ видѣ разныхъ налоговъ тяжело ложились на истинно бѣдныхъ и часто мало-по-малу низводили ихъ на степень нищихъ, просящихъ милостыни. Правительство взяло подъ свое покровительство и несчастныхъ фабричныхъ дѣтей, опредѣливъ и ограничивъ закономъ время работы, учредивъ надъ ними медицинскій надзоръ и установивъ особыхъ инспекторовъ для фабрикъ. Главнѣйшими противниками въ этомъ дѣлѣ явились нестолько корыстолюбіе и разсчетливость фабрикантовъ, сколько безсовѣстность, безжалостность и бѣдность родителей этихъ несчастныхъ. Двѣ мѣры, долженствовавшія существенно поддержать и укрѣпить новый законъ о бѣдныхъ, къ несчастію запоздали на довольно долгое время и тѣмъ помѣшали развитію его благотворныхъ послѣдствій: это было отмѣненіе пошлины на зерновый хлѣбъ и роспространеніе цѣлой системы общаго народнаго образованія.

Въ тоже время человѣчество сдѣлало гигантскій шагъ по вопросу объ освобожденіи невольниковъ. Рабство негровъ должно было пасть въ британскихъ колоніяхъ; это былъ твердо рѣшенный вопросъ; обѣ партіи предлагали двѣ разныя системы для приведенія его къ окончанію; одна изъ нихъ, подъ предводительствомъ члена парламента Фовеля Букстона, требовала немедленнаго и безусловнаго освобожденія негровъ, указывая на него, какъ на самое удобное для всѣхъ сторонъ; другіе и вмѣстѣ съ ними правительство, считали болѣе правильнымъ освобождать помаленьку, исподоволь. Въ августѣ 1833, вышелъ актъ, который постановлялъ выдать 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ вознагражденія вестъ-индскимъ владѣльцамъ негровъ; въ тоже время было объявлено, что дѣти, которымъ во время обнародованія акта было шесть лѣтъ или меньше, а также и всѣ рожденныя позже освобождаются безусловно. Прочіе же будутъ считаться свободными лишь тогда, когда они отработаютъ пять лѣтъ для вознагражденія своихъ бывшихъ владѣльцевъ, а на плантаціяхъ семь лѣтъ. Съ замираніемъ сердца ожидали въ Англіи послѣдствій, которыя должно было вызвать обнародованіе новаго закона между чернымъ населеніемъ Вестъ-Индіи, состоявшимъ изъ 800,000 человѣкъ. Все обошлось благополучнѣе, нежели этого ожидали. На островѣ Антигуа предпочли освободить негровъ немедленно, безъ условленнаго промежутка времени; освобожденіе совершилось такъ просто и легко, что никому не пришло на умъ раскаяться въ этомъ, также какъ не раскаявался благородный англійскій народъ въ пожертвованіи 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, необходимыхъ для облегченія совѣсти цѣлаго государства отъ страшнаго укора. Это былъ еще одинъ широкій шагъ на славномъ поприщѣ, на которомъ опять Англія явилась предводительницей. Неутомимѣйшій изъ борцовъ за дѣло свободы человѣчества, Уильберфорсъ, имѣлъ утѣшеніе дожить до осуществленія своихъ идей; нѣсколько дней спустя онъ умеръ.

Въ области финансовъ произошло также нѣсколько важныхъ отдѣльныхъ преобразованій, далекихъ однакожъ до полной, систематической, рѣшительной реформы, для которой не хватало знаній государственному канцлеру виговъ, лорду Альторпу. Отпускъ на содержаніе короля и его двора былъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ, при этомъ король въ противоположность многимъ коронованнымъ лицамъ того времени, съ свойственнымъ ему благородствомъ и достоинствомъ,

вполнѣ положился на сужденія и постановленія министровъ и парламента. При его дворѣ и во многихъ учрежденіяхъ было уничтожено значительное количество безполезныхъ и лишнихъ мѣстъ; слѣдствіемъ этого было уменьшеніе налоговъ. Въ общемъ однако финансовая сторона быта Англіи была одной изъ слабыхъ сторонъ правленія виговъ и ею-то именно воспользовалась оппозиція, для своихъ нападокъ.

Правительство, вполнѣ заслуживавшее признательность государства за удачное проведеніе парламентской реформы, находилось между тѣмъ въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ обѣими противными партіями: съ одной стороны были тори, или, какъ они охотнѣе называли себя, консерваторы; послѣ окончательнаго пораженія они изъ всей силы противодѣйствовали и боролись съ послѣдствіями, вызванными ихъ неудачей; съ другой радикалы, которые, не довольствуясь сдѣланнымъ, принимали билль о реформѣ какъ начало цѣлаго ряда всевозможныхъ преобразованій. Долгое время всѣ нужды были отложены въ сторону, чтобъ сосредоточить всѣ силы правительства на выполненіи основныхъ реформъ; теперь въ виду преобразованнаго парламента съ особою настойчивостью возникали самыя разнородныя желанія и стремленія. Современное положеніе обстоятельствъ и преимущественно неудовлетворительное состояніе дѣлъ въ Ирландіи давали поводъ къ раздорамъ и несогласіямъ въ самомъ министерствѣ. О'Коннель, занимавшій одно изъ видныхъ мѣстъ въ парламентѣ, благодаря своему могуществу въ Ирландіи, сталъ опять возбуждать свою родину противъ Англіи, и все болѣе и болѣе превращался изъ народнаго трибуна и государственнаго человѣка въ яростнаго мечтательнаго демагога; онъ безъ устали требовалъ въ парламентѣ расторженія союза Ирландіи съ Англіей и возвращенія ей самостоятельности. Его неправдивыя предложенія и шаткіе выводы, основанные на неразработанномъ матеріалѣ и самонадѣянномъ незнаніи, встрѣтили легкое и совершенное пораженіе; онѣ вызвали только одну демонстрацію парламента, въ видѣ адреса королю, въ смыслѣ объединенія государства, столько же необходимаго для Англіи, какъ и для Ирландіи. Въ одномъ только отношеніи О'Коннель возбудилъ сочувствіе, именно въ ненависти къ недѣятельной англиканской церкви въ Ирландіи, богато обставленной и въ тоже время вѣчно нуждающейся, благодаря общему отвращенію, которое она внушала ирландскому народу. Это нерасположеніе, а главное здравый смыслъ и сознаніе естественнаго права привлекло на его сторону нѣсколькихъ либераловъ, преимущественно диссидентовъ (dissenters) и немногочисленныхъ противниковъ церкви въ Англіи. Высшею несправедливостью и нелѣпостью было заставлять ирландцевъ католиковъ, рядомъ съ ихъ собственнымъ вѣроисповѣданіемъ, платить за содержаніе церквей и духовенства, котораго они не хотѣли и не могли признавать; англиканская церковь не давала имъ ничего въ замѣну чрезмѣрныхъ расходовъ, вынужденныхъ 22 епископствами, для какихъ нибудь 900,000 протестантовъ. 27 мая 1834, по представленію члена парламента, либерала Уарда изъ Сентъ-Альбана, поступило предложеніе объ уменьшеніи въ Ирландіи количества свѣтскихъ должностей господствующей религіи. Мнѣніе министерства рѣзко раздѣлилось на двѣ стороны при обсужденіи этого вопроса. Правительство хотѣло противодѣйствовать предложеніямъ Уарда назначеніемъ слѣдственной комиссіи; цѣлая фаланга членовъ не могла этого вынести и удалилась изъ парламента; самъ Грей, не чувствуя въ себѣ достаточно силы бороться съ возраставшими трудностями и сильно нуждаясь въ вполнѣ заслуженномъ отдыхѣ, отказался отъ министерства.

9 мая лордъ Грей сообщилъ палатѣ лордовъ о своемъ рѣшеніи, сказалъ имъ нѣсколько полныхъ чувства и достоинства словъ и простился съ общественною дѣятельностью; король поручилъ образованіе новаго министерства одному изъ вождей виговъ—лорду Мельбурну. Министерство было составлено по большей части опять изъ тѣхъ же членовъ, которые были при Греѣ. Участіе ихъ въ дѣлахъ церкви враждебно возстановило противъ нихъ партію торн. Опасеніе быть вынужденнымъ признать еще какія нибудь права за Ирландіею, которая съ каждымъ днемъ становилась все болѣе непокорной и не стѣсняясь позволяла своимъ вождямъ также нападать на партію виговъ, какъ они нападали на всѣ предъидущія правительства, вѣроятность споровъ и раздоровъ въ самомъ министерствѣ обра-

зованномъ изъ либераловъ, недостатокъ гарантіи въ твердомъ и благотворномъ управленіи ихъ, все это побудило короля рѣшиться распустить старое и образовать новое консервативное министерство при содѣйствіи герцога Веллингтона и отозваннаго изъ Италіи сэра Роберта Пиля (14 ноября 1834 года). Лишь только оба эти государственные человѣка согласились стать во главѣ министерства, тотчасъ же было приступлено къ раздѣленію должностей. Консервативная партія въ Англіи и внѣ ея полагала большія надежды на новое министерство, которымъ однако не суждено было осуществиться. 30 октября въ первый разъ послѣ билля о реформѣ былъ распущенъ парламентъ. 19 февраля собрались вновь избранные члены въ временномъ помѣщеніи, потому что прежнее зданіе парламента сгорѣло во время пожара 16 октября предъидущаго года. Въ день открытія сессій сэръ Робертъ Пиль развернулъ передъ внимательными слушателями программу предполагавшихся дѣйствій: «представляю вамъ, сказалъ онъ, измѣненный бюджетъ улучшенія по части гражданскаго дѣлопроизводства и духовныхъ дѣлъ, соглашеніе вопросовъ десятины въ Ирландіи, и освобожденія отъ десятины въ Англіи, удаленіе всевозможныхъ злоупотребленій церкви, уничтоженіе основательныхъ жалобъ диссидентовъ.» Въ письмѣ, адресованномъ къ его избирателямъ въ Тамвортѣ, но написанномъ для всего народа, сэръ Робертъ Пиль ясно говорилъ, что смотритъ на билль о реформѣ, какъ на разрѣшеніе великаго конституціоннаго вопроса. Въ тоже время онъ объявлялъ, что чувствуетъ себя достаточно крѣпкимъ и твердымъ, чтобы въ возможной степени, поддерживая согласіе и единство между различными отраслями государственнаго управленія, вести его по пути прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ человѣкъ, щедро одаренный высокимъ благородствомъ и необыкновеннымъ умомъ, незамѣтно ставшій великимъ государственнымъ мужемъ изъ человѣка принадлежавшаго одной партіи; онъ могъ смѣло браться за управленіе государствомъ посреди всевозможныхъ опасностей, отовсюду грозившихъ ему. Слушая его рѣчь, каждый чувствовалъ, что наконецъ то настоящій человѣкъ будетъ на своемъ мѣстѣ; невольно чувствовалось впечатлѣніе высшаго, духовнаго превосходства. Между тѣмъ различныя стороны оппозиціи соединились противъ министерства. Когда еще былъ затронутъ важный вопросъ о церковныхъ дѣлахъ въ Ирландіи, лордъ Джонъ Россель объявилъ слѣдующую резолюцію: «всякій излишекъ въ церковномъ имѣніи Ирландіи, не оправдываемый духовными нуждами, религіознымъ или нравственнымъ образованіемъ какихъ бы то ни было классовъ народа, долженъ быть допущенъ народомъ безъ различія вѣроисповѣданій»; разумное предложеніе, еслибъ оно было приведено въ исполненіе. Министръ, видѣвшій въ этомъ начало объявленія войны всей господствующей церкви даже въ самой Англіи и для котораго «церковное достояніе было такъ же свято какъ достояніе частнаго лица», воспротивился этому законоположенію; не находя для себя никакой возможности иначе рѣшить вопросъ, онъ съ достоинствомъ объявилъ, что подаетъ въ отставку (8 апрѣля). Съ согласія своихъ товарищей онъ высказалъ, что правительство не должно больше заниматься веденіемъ общественныхъ дѣлъ послѣ честной борьбы противъ мнѣнія, высказаннаго большинствомъ голосовъ въ палатѣ общинъ. Въ началѣ своего управленія онъ принесъ несомнѣнную пользу всему государству, а въ концѣ принялъ чисто консервативный характеръ. Этими противоположностями объясняется его значеніе.

Король видѣлъ себя вынужденнымъ опять призвать виговъ. Во второй разъ лордъ Мельбурнъ принялся составлять министерство. 18 апрѣля онъ представилъ палатѣ лордовъ списокъ министровъ; особенно выдающимися между ними были имена лорда Джона Росселя, министра внутреннихъ, и лорда Пальмерстона, министра иностранныхъ дѣлъ; въ программѣ своей выразили они, что министерство ихъ прежнее, подкрѣпленное принципами предшественниковъ, которые неоднократно примыкали къ нему. Первой мѣрой новаго министерства былъ билль лорда Джона Росселя о существенныхъ дополненіяхъ и измѣненіяхъ въ дѣлѣ реформы: преобразованія предложенныя имъ касались городскихъ корпорацій Англіи и Валлиса. Для обсужденія и разрѣшенія этого важнаго вопроса была назначена особая комиссія изъ 20 членовъ; она открыла безконечныя злоупотребленія, продолжавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, самыя возмутительныя растраты городскихъ суммъ, подкупы, повсемѣстную развращенность, рядомъ съ средневѣковымъ ребячествомъ. Билль стремился про-

тиводѣйствовать этимъ злоупотребленіямъ черезъ дѣйствительное представительство городовъ, черезъ разумное муниципальное управленіе. Понятно, что этотъ билль долженъ былъ встрѣтить упорное противодѣйствіе со стороны тѣхъ, которыхъ онъ стѣснялъ въ неправильно пріобрѣтенныхъ или захваченныхъ правахъ и беззаконіяхъ; противодѣйствіе, возбужденное преимущественно членами палаты лордовъ, обратились противъ парламентской, такъ и противъ этой реформы. Предложенія правительства, какъ принятыя безъ всякихъ почти измѣненій палатой общинъ, были безжалостно урѣзаны въ палатѣ лордовъ. Несмотря на это, измѣненный билль былъ принятъ нижнимъ парламентомъ и утвержденъ королемъ 9 сентября 1835 года, между тѣмъ какъ Россель и Пиль протягивали другъ другу руку. Самыя худшія злоупотребленія были покрайней мѣрѣ устранены. Менѣе либеральное чѣмъ напримѣръ прусское городское положеніе, англійское давало право выбирать себѣ меровъ, альдермановъ и совѣтниковъ общины; кромѣ того всѣ старые граждане, которые не меньше трехъ лѣтъ владѣли какою нибудь личною собственностью, или какимъ нибудь хозяйствомъ, исправно платили подати и не менѣе двѣнадцати мѣсяцевъ не пользовались никакими вспомоществованіями, назначенными для бѣдныхъ, получили право быть выбранными въ выше названныя должности. Однако городамъ было уступлено только право управленія городскимъ достояніемъ, городской полиціей, и городскимъ судопроизводствомъ, управленіе же благотворительными учрежденіями передавалось подъ покровительство попечительствъ, назначаемыхъ лордомъ-канцлеромъ, слѣдовательно правительствомъ. Лондонъ не былъ включенъ въ новый проектъ, распространявшійся на 178 мѣстечекъ съ двумя милліонами жителей. Ирландскій церковный вопросъ оставался не рѣшеннымъ. Палата лордовъ и въ этомъ случаѣ отказывалась рѣшить его; это противодѣйствіе вызвало горькое настроеніе въ большей части народа, особенно послѣ открытій сдѣланныхъ и представленныхъ парламенту мистеромъ Юмомъ, по части такъ называемыхъ ложъ Оранжистовъ. Эти открытія ясно доказывали какъ еще могущественъ былъ консервативный фанатизмъ въ свободномъ протестантскомъ государствѣ.

Ложами Оранжистовъ назывались собранія протестантовъ, учрежденныя въ Ирландіи во время періода революціи; цѣлью ихъ было упроченіе оранскаго и протестантскаго престолонаслѣдія, вмѣсто реставраціи Стюартовъ, и сосредоточенія небольшаго количества протестантовъ, посреди громаднаго большинства католиковъ. Во время безпокойствъ возбужденныхъ борьбою за билль о реформѣ, который казался недальновиднымъ англійскимъ олигархамъ и главамъ англиканской церкви, началомъ паденія Англіи, ложи Оранжистовъ были переведены изъ Ирландіи въ Англію; консерваторы съ помощью этихъ ложъ, похожихъ на массонскія ложи, по организаціи, когда бы дѣло дошло до крайностей, надѣялись спасти тронъ и господствующую церковь. Члены этихъ ложъ, собиравшіеся въ тайнѣ, возбуждали другъ друга распространеніемъ самыхъ невѣроятныхъ слуховъ; такъ, напримѣръ, они дошли даже до нелѣпой выдумки, будто герцогъ Веллингтонъ, на котораго въ послѣднее время очень недружелюбно смотрѣли крайніе консерваторы, хочетъ захватить въ свои руки власть и сдѣлаться королемъ Англіи. На этихъ слухахъ извѣстны, кружки основывали извиненіе себѣ, между тѣмъ какъ въ сущности они близко подходили къ государственной измѣнѣ.

Во главѣ этихъ ложъ, число которыхъ доходило въ Ирландіи до 1500 съ 140,000 членовъ и въ Лондонѣ до 40,000, состоявшихъ изъ людей всѣхъ сословій, меровъ, епископовъ, духовныхъ всѣхъ степеней, — стоялъ герцогъ Кумберлэндскій, будущій король Ганновера. Удивительнѣе всего то, что это общество распространилось даже въ войскѣ вопреки запрещеніямъ главнокомандующаго, которыя не дозволяли военнымъ принимать участіе въ какихъ бы то ни было тайныхъ обществахъ, что противно природѣ и условіямъ жизни военнаго сословія. Членами общества могли быть только люди принадлежавшіе къ англиканской церкви, ни католики, ни диссиденты не допускались въ него. Безъ малѣйшаго снисхожденія раскрывалъ въ парламентѣ радикалъ Юмъ дѣйствія этого тайнаго союза и называлъ по ихъ именамъ высокорожденныхъ и высокопреподобныхъ покровителей и членовъ его; онъ пользовался общимъ возбужденіемъ противъ палаты лордовъ, чтобъ не скрывая указывать на членовъ ея, какъ на дѣятельныхъ соучастни-

ковъ ложъ. Нѣкоторые радикалы, какъ напримѣръ Ребукъ, предложили оставить лордамъ только право дополнительнаго запрещенія (suspensiv veto); другіе предлагали удалить епископовъ изъ верхняго парламента, утверждая, что въ епархіяхъ имъ представится больше случаевъ приносить пользу, а О'Коннель во время своего путешествія съ цѣлью агитаціи въ сѣверной Англіи и Шотландіи осенью 1835 г. сказалъ цѣлую серію рѣчей, въ которыхъ рядомъ съ грубѣйшими выходками предлагалъ своего издѣлія реформу, касавшуюся замѣненія наслѣдственныхъ перовъ—выборными.

Съ одной стороны напряженіе, въ которомъ находились тори, съ другой разномысліе и распаденіе на части партіи либераловъ; вполнѣ неправильное состояніе Ирландіи, не смотря на ея эмансипацію; и наконецъ невыносимая, съ точки зрѣнія здравой государственной жизни, досадующая демагогическая диктатура, которую хотѣлъ ввести О'Коннель, все это мѣшало спокойному и разумному прогрессу.

При открытіи сессій 4 февраля 1836 года, О'Коннель предпринялъ дѣятельное гоненіе противъ оранскихъ ложъ, а Юмъ, пользуясь этимъ, объявилъ герцога Кумберлэндскаго опаснымъ для государства. Все это дѣлалось несвоевременно; союзъ не былъ уже страшенъ: съ той минуты, какъ онъ такъ внезапно потерялъ таинственность окружавшую его, онъ потерялъ свое значеніе. Лордъ Джонъ Россель, съ согласія умѣренныхъ консерваторовъ изъ партіи Пиля, предложилъ просить короля о принятіи надлежащихъ мѣръ для уничтоженія этого союза, а также и другихъ подобныхъ обществъ, основываемыхъ лицами, принадлежащими къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Король далъ свое согласіе, а между тѣмъ герцогъ Кумберлэндскій заявилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ, не ожидая этого рѣшенія, приступилъ уже къ тому, чтобы распустить ложи. Неудовольствія между палатой лордовъ, находившейся подъ вліяніемъ тори, и правительствомъ не сдѣлались отъ этого меньше; старикъ-король все больше и больше поддавался вліянію консерваторовъ; большинство голосовъ въ нижнемъ парламентѣ принадлежало правительству только тогда, когда радикалы и ирландцы дѣйствовали заодно съ его пользу; отъ этого никогда нельзя было разсчитывать на вѣрный успѣхъ. Новая попытка разрѣшить неразрѣшимую задачу умиротворенія Ирландіи, реформой въ ея городскомъ положеніи, подобно Англіи, рухнула, какъ всѣ остальныя, въ палатѣ лордовъ; она рѣшительно отказалась принять этотъ билль. Только нѣсколько довольно полезныхъ мѣръ, не политическаго характера, благополучно прошли и были узаконены во время сессіи 1836 года, такъ напримѣръ было предложено нѣсколько реформъ по уголовному праву, находившемуся въ варварской первобытности, нѣсколько улучшеній, касавшихся приведенія въ порядокъ—неменѣе дурно устроенной, тюремной дисциплины; кромѣ того были введены гражданскіе списки, въ которые должны были вноситься браки, рожденія и смертные случаи. Была произведена реформа въ законахъ о бракахъ для диссидентовъ, которымъ предоставили право вмѣстѣ съ гражданскимъ заключеніемъ брачнаго контракта, слѣдуя ихъ желанію, вѣнчаться и въ церкви, наконецъ отмѣненъ безсмысленный налогъ на бумагу; эта мѣра способствовала расширенію и процвѣтанію популярной литературы, представителями которой явились дешевыя изданія Кнайта, Пенсъ-Магазинъ и Пенсъ-Енциклопедія (Knights Pens Magazin и Pens Encyclopedy).

Такимъ образомъ партія тори и партія виговъ не могли перевѣсить одна другую. Онѣ обѣ готовились къ борьбѣ на сессіяхъ 1837 года, которыя открылись 31 января, и здѣсь яблокомъ раздора какъ всегда явилась Ирландія. Лордъ Джонъ Россель возобновилъ свои предложенія о реформѣ въ городахъ и прибавилъ къ нимъ законы касательно бѣдныхъ, какъ единственную мѣру для уничтоженія бѣдности и нищенства, развивавшихся съ ужасающей быстротою на этомъ несчастномъ островѣ. Пренія начались и продолжались не останавливаясь ни на одномъ рѣшеніи; правительство виговъ терпѣливо отбивалось направо и налѣво, когда совершенно неожиданное обстоятельство мгновенно прекратило дальнѣйшій ходъ дѣлъ: старый король скончался 20 іюня 1837 года.

с. Первые годы царствованія королевы Викторіи.

1837—1840.

Престолъ наслѣдовала дочь герцога Кентскаго, третьяго сына Георга III, Александрина Викторія (род. въ 1819 г.); въ раннемъ дѣтствѣ она лишилась отца и воспитывалась подъ надзоромъ матери въ Кенсингтонѣ, близъ Уиндзора. Къ радостнымъ блестящимъ надеждамъ, пробуждавшимся при появленіи этой чистой, прекрасной, благородной молодой принцессы, примѣшивалось и другое чувство. Всѣ знали, что съ воцареніемъ молодой принцессы герцогъ Кумберлэндскій станетъ королемъ Ганновера, покинетъ Англію, которая освободится наконецъ отъ его вліянія и такимъ образомъ прервется мнимая связь между интересами Англіи и дѣлами континента.

17-го іюля молодая королева впервые явилась въ верхнемъ парламентѣ, чтобы, согласно постановленіямъ конституціи, распустить нижній парламентъ, послѣ того что онъ соглашался дать правительству возможность продолжать начатыя дѣла. Умѣнье ея держать себя, самая рѣчь ея, въ которой она при необыкновенной скромности выраженій упоминала о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, полагалась на помощь всемогущаго Господа, на мудрость и довѣріе къ ней членовъ парламента, на любовь народа, все это представляло рѣзкое противорѣчіе съ жесткимъ самовластіемъ ганноверскаго короля. Его поступки возмутили и ожесточили противъ него даже его англійскихъ друзей изъ крайней партіи тори, и дали англійскому народу возможность наглядно видѣть и чувствовать разницу между нимъ и кроткой государыней, которая соединяла въ себѣ все, что невольно должно было очаровывать честную, прямую націю. Ея появленіе благотворно подѣйствовало и соединило въ одно государственное цѣлое разъединенныя до тѣхъ поръ, безчисленныя политическія партіи, и вызвало въ народѣ повсемѣстный непритворный и невиданный энтузіазмъ.

Министерство, подъ вліяніемъ измѣнившагося на строеніянаціи, почувствовало небывалую крѣпость. Королева оставила его въ томъ же составѣ, который былъ до нея, и нашла въ лордѣ Мельбурнѣ, достойнаго довѣрія разумнаго совѣтника, которому отдавали справедливость даже враги, способнаго руководить ею въ незнакомыхъ пока ей дѣлахъ государства.

20 ноября 1837 года королева Викторія въ первый разъ открыла засѣданія парламента. Въ тронной рѣчи она предложила заняться работами по реформамъ, особенно касавшимся Ирландіи, какъ то: закона о бѣдныхъ, городскаго положенія, отмѣненія духовной десятины. Первые вопросы касались пересмотра суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе королевскаго двора; попытки сократить бюджетъ на 50,000 фунтовъ стерлинговъ, недостойныя самаго богатаго государства на свѣтѣ, были отвергнуты большинствомъ. Изъ двухъ законовъ, касавшихся преобразованій въ Ирландіи, вопросъ о городскомъ положеніи былъ отложенъ на неопредѣленное время, между тѣмъ какъ законъ о бѣдныхъ прошелъ черезъ оба парламента. Онъ былъ менѣе дѣйствительнымъ для Ирландіи, чѣмъ для Англіи; Ирландецъ скорѣе соглашался голодать и бѣдствовать, чѣмъ зарабатывать свой обѣдъ въ рабочемъ домѣ, гдѣ кромѣ работы отъ него требовали еще и опрятности. 28 іюля слѣдующаго года произошло въ Вестминстерскомъ аббатствѣ торжественное коронованіе молодой королевы, настоящій праздникъ и ликованье для всего народа. Маршалъ Сультъ прибылъ изъ Франціи для принесенія поздравленій молодой королевѣ; на большомъ обѣдѣ въ Лондонѣ, данномъ лордомъ-меромъ, былъ провозглашенъ, между другими тостами, тостъ за герцога Веллингтона и маршала Сульта, двухъ бывшихъ противниковъ, сражавшихся когда-то въ Испаніи одинъ противъ другаго, теперь представителей двухъ тѣсно-связанныхъ дружбой державъ. Слѣдуетъ замѣтить, какъ особенную рѣдкость, что на праздникѣ, привлекшемъ невѣроятное множество народа, было поймано только семь карманныхъ воровъ.

Въ продолженіе празднествъ невольно позабывалось, какъ безутѣшно было положеніе дѣлъ. Однако не успѣло еще пройти лѣто, какъ всѣ увидѣли, что биль о реформѣ послужилъ только началомъ новаго политическаго развитія, что

XIX столѣтію для разрѣшенія не достаточно было задачъ, данныхъ этимъ биллемъ. Стремленіе это выразилось **хартизмомъ**.

Это слово происходитъ отъ программы, названной **народной хартіей** (the people's charter) и болѣе всего похожей на 12 пунктовъ, изданныхъ въ XVI столѣтіи возставшими крестьянами. Народная хартія обнимала, въ 6 пунктахъ, основанія будущей конституціи Великобританскаго королевства: право всеобщей подачи голосовъ, изъ которой не исключались и женщины, закрытая подача голосовъ, жалованье депутатамъ, равномѣрно распредѣленные избирательные округи, уничтоженіе какого бы то нибыло ценза для избираемыхъ и наконецъ ежегодные новые выборы. Эта новая партія хартистовъ была составлена изъ весьма разнообразныхъ элементовъ. Большая часть ихъ принадлежала къ фабричнымъ рабочимъ, терпѣвшимъ горькую нужду, отчасти вслѣдствіе общей задержки въ торговыхъ дѣлахъ, и вслѣдствіе нѣсколькихъ неурожаевъ непомѣрно возвышенной цѣны на жизненные припасы, при весьма скудной заработной платѣ; необразованность и лишенія всякаго рода дѣлали фабричныхъ весьма впечатлительными къ рѣчамъ, воззваніямъ и теоріямъ разныхъ агитаторовъ; они, не долго разсуждая, вѣрили на слово и поддавались вліяніямъ честныхъ и нечестныхъ демагоговъ. Честные радикалы проповѣдовали, что въ сущности нѣтъ большой разницы между вигами и тори, что не смотря на билль о реформѣ, значительнѣйшая часть англійской націи все-таки не будетъ имѣть своихъ представителей въ парламентѣ—та часть, которая нуждалась въ нихъ всего больше и которую между тѣмъ умышленно исключили и отодвинули аристократія и средніе классы. Менѣе честные указывали рабочимъ на всѣхъ вообще фабрикантовъ какъ на людей, которые, для своего личнаго удовольствія, мучаютъ на своихъ фабрикахъ бѣдныхъ и ихъ дѣтей. Къ стыду человѣчества слѣдуетъ замѣтить, что между этими ложными друзьями народа находились агитаторы и агенты, принадлежавшіе къ партіи тори; они, возбуждая народъ къ возстанію, надѣялись воспользоваться движеніемъ, чтобъ противодѣйствовать нововведеніямъ либераловъ, именно отмѣненію хлѣбнаго закона. Огромное множество хартистовъ увеличилось еще тѣми, которые вслѣдствіе закона о бѣдныхъ не хотѣли примириться съ системой рабочихъ домовъ и мечтали вернуть прошлое, когда ихъ кормили и не заставляли работать. Волненіе вспыхивало то тамъ, то здѣсь; начались уголовныя слѣдствія, которыя раскрыли ужасныя вещи: глубоко пустившую корни организацію съ избранными предводителями, которые заранѣе обрекали извѣстныя лица на смерть, капиталистовъ присуждали къ разоренію, указывали зданія, которыя должно было поджечь и соучастниковъ, обязанныхъ привести въ исполненіе этотъ приговоръ. Съ начала лѣта 1838 года, собранія хартистовъ происходили по ночамъ, при свѣтѣ факеловъ, преимущественно въ фабричныхъ мѣстностяхъ Ланкашира; на собранія вскорѣ стали являться люди вооруженные рогатинами, или ружьями, ораторы въ родѣ полупомѣшаннаго ирландца Фиргуса О'Коннора или диссидентскаго пастора Стефенса, которые хотѣли разрѣшить трудную вѣковую задачу, посредствомъ грубой физической силы. Правительству удалось захватить нѣсколькихъ и засадить ихъ въ тюрьму, какъ напримѣръ диссидента Стефенса; но отъ этого волненіе не прекращалось; королева въ своей тронной рѣчи, которой она открывала парламентъ 5-го февраля 1839 года, объявляя объ уничтоженіи невольничества въ Вестъ-Индіи, какъ объ великомъ прогрессѣ нашего времени, должна была выразить сожалѣніе, что въ самой Англіи не прекращаются попытки возбуждать народъ противъ существующихъ законовъ, попытки, которыя заставляютъ его рѣшаться на ужасныя преступленія. 14 іюня въ залы нижняго парламента былъ вкаченъ колоссальный свертокъ пергамента: это было гигантское прошеніе, покрытое 1,280,000 крестовъ и значковъ, содержавшее требованія хартистовъ. Между членами нижней палаты находился мистеръ Атвудъ, который вызвался говорить о возвращеніи народу его первоначальныхъ и конституціонныхъ правъ. Онъ требовалъ, чтобы палаты взвѣсили и оцѣнили пункты хартіи, которую постановилъ самъ «народъ». Небольшаго труда стоило опровергнуть Атвуда, но зло этимъ не прекратилось; напротивъ, оно дѣлало явные успѣхи, и въ ноябрѣ того же года въ Ньюпортѣ вспыхнуло открытое возстаніе, которое пришлось тушить воору-

женной силой. Зачинщикъ и предводитель Джонъ Фростъ былъ присужденъ въ январѣ 1840 къ ссылкѣ.

Никому не пришло на умъ глубже прослѣдить это зло, распространявшееся вслѣдъ за неимовѣрно быстро развивавшимся повсемѣстнымъ благосостояніемъ народа. Казалось, одно не мѣшало другому. Большинство хозяевъ и землевладѣльцевъ, не давая себѣ труда много размышлять, радовались отъ души, что хартизмъ не пустилъ глубокихъ корней въ массу народа, ограничился только однимъ классомъ, и ликовали при извѣстіи о пораженіи хартистовъ. Въ тоже время они утѣшали себя, говоря, что причиной безпорядковъ между фабричными не была нужда, вызванная недостаточною заработной платой, а естественное слѣдствіе извѣстной степени образованія. Всѣ эти нехитрые выводы не могли конечно навести на средства потушить волненіе, выразившееся уже возстаніемъ и программой радикаловъ. Было только одно матеріальное средство предовратить вопіющія несправедливости, парализовать и уничтожить искусственно создаваемую человѣческимъ упрямствомъ, бѣдность и нищету, это—широко развить хлѣбную торговлю посредствомъ уничтоженія пошлины на хлѣбъ и зерно. Немногіе смотрѣли на это средство съ точки зрѣнія христіанина, немногіе видѣли въ заботахъ объ улучшеніи общественнаго быта серьезную обязанность, основанную на чистомъ ученіи христіанства; только нѣкоторые, какъ напримѣръ сэръ Робертъ Пиль и Томасъ Карлэйль обратили глубокій серьезный взглядъ на уничтоженіе пошлины на хлѣбъ. Волненія и безпокойства хартистовъ имѣли одну хорошую сторону: они дали новый толчекъ агитаціи, принципомъ которой была свобода промышленности, и слѣдовательно ближайшему примѣненію ея—свободѣ хлѣбной торговли.

Для болѣе успѣшнаго энергическаго примѣненія къ дѣлу этой агитаціи нѣсколько жителей изъ Манчестера, движимые нуждой и неурожаями 1838 года, составили общество. Эта мѣра казалась впослѣдствіи до того естественной, что нельзя себѣ объяснить какимъ образомъ она потребовала такихъ невѣроятныхъ усилій, для успѣшнаго приведенія ея къ цѣли. Мало-по-малу такія общества стали составляться и въ другихъ большихъ городахъ, какъ то Лондонѣ, Бирмингамѣ, Ливерпулѣ, Глазгоу и др.; печать открыто принялась разсуждать о томъ же въ періодическихъ изданіяхъ, и въ передовыхъ статьяхъ газетъ, даже въ парламентѣ были сдѣланы первыя робкія попытки. Особенную силу новому движенію придалъ Ричардъ Кобденъ, основательно и здраво изучившій бытъ и нужды народовъ во время своихъ путешествій по Америкѣ, Бельгіи, Франціи и Германіи. Это былъ человѣкъ съ свѣтлымъ, глубокимъ умомъ, съ чистой совѣстью, вполнѣ независимый, обладавшій необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, рѣшившійся бор[illegible] на жизнь, а на смерть съ отжившими предразсудками старой Англіи. [illegible]раемся о твердый принципъ, мы говоримъ, что не хотимъ больше пошлины на хлѣбъ, мы требуемъ полнаго, непосредственнаго, безусло[illegible]о уничтоженія [illegible]акъ говорилъ онъ въ 1839 году въ Манчестерѣ, этомъ центрѣ богатой послѣдствіями агитаціи.

Министерству лорда Мельбурна не доставало творчества, чтобъ овладѣть этой благотворной мыслью, на сторонѣ которой находились пока большая нужда и маленькая горсть людей, но противъ которой были старые предразсудки, и даже въ преобразованномъ парламентѣ, преобладающее вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Министерство продолжало управлять дѣлами, не доходя ни до какой опредѣленной цѣли. Ирландія первая поплатилась за такое равнодушіе. Ею, съ 1835 по 1839 г. управлялъ Карлъ Норманби, кротко и безпристрастно примѣняя законы и твердо надѣясь этимъ путемъ достигнуть дальнѣйшихъ результатовъ. Онъ противодѣйствовалъ ненависти и клеветамъ оранжистовъ—полнымъ приведеніемъ въ исполненіе билля объ эмансипаціи; въ этомъ благородномъ, но неблагодарномъ дѣлѣ, съ совершеннымъ самотверженіемъ мученика, помогалъ лорду Норманби его высоко-честный секретарь Ѳома Друммондъ. Ему вполнѣ удалось также распространить систему школъ по Ирландіи, принаровленную къ уменьшенію одного изъ тяжкихъ недуговъ острова — именно ненависти между послѣдователями различныхъ вѣроисповѣданій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ число школъ вмѣсто 789 достигло до 2337 съ 281,000 учениками. Противъ другаго страшнаго зла Ирландіи, ежегодно уносившаго массами между нищенствующаго населенія

безчисленное множество жертвъ — противъ пьянства, началъ противодѣйствовать монахъ ордена капуциновъ Теобальдъ Матью, человѣкъ болѣе чистый и честный нежели О'Коннель, введеніемъ правильно организованныхъ обществъ трезвости. Этотъ священникъ, во имя Господне, прибѣгнулъ къ помощи богатой, торжественной обстановкѣ католическаго богослуженія, чтобы пробудитъ въ массѣ народа высшія нравственныя чувства. Около двухъ милліоновъ человѣкъ устремились къ нему, чтобы дать обѣтъ навсегда отказаться отъ опьяняющихъ напитковъ: съ благоговѣніемъ преклоняли они колѣна передъ человѣкомъ, которому благодѣтельное суевѣріе приписывало силу творить чудеса, съ чувствомъ давали клятву, принимали благословеніе и вмѣстѣ съ нимъ получали значекъ, которымъ отмѣчались члены общества. Въ іюлѣ 1838 года превратившійся въ законъ билль о бѣдныхъ сталъ благотворно противодѣйствовать нищенству. Конечно, ему много противодѣйствовало легкомысліе кельтическаго племени, привыкшаго жить, не заботясь о слѣдующемъ днѣ, а также и высомѣріе кельтовъ, которые вмѣстѣ съ боязнью къ работѣ, видѣли въ рабочихъ домахъ своего рода тюрьмы и всячески старались уклониться отъ необходимости ходить въ «домъ». Между тѣмъ муниципальный законъ въ четвертый разъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ разбился о противодѣйствіе верхняго парламента (1839), которое даже само правительство не въ силахъ было сломить.

Вопросъ инаго свойства, именно объ отсрочкѣ предполагавшейся конституціи въ Ямайкѣ, на пять лѣтъ, вслѣдствіе несообразностей, вызванныхъ эмансипаціей негровъ, былъ причиной наконецъ паденія министерства, которое не могло жить и не хотѣло умирать (7 мая 1839 года). Дважды министерство одерживало въ нижнемъ парламентѣ относительную побѣду большинствомъ пяти голосовъ, 294 противъ 289 и наконецъ рѣшилось подать въ отставку.

По совѣту герцога Веллингтона, съ которымъ со времени Вильгельма IV совѣтовались во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, королева пригласила сэра Роберта Пиля, который согласился составить новое министерство. Нѣсколько дней спустя, виги заняли уже нѣкоторыя должности. Пиль поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы королева дала отставку нѣсколькимъ дамамъ, принадлежавшимъ къ аристократіи виговъ и занимавшимъ самыя важныя должности при дворѣ; онъ опасался ихъ вліянія на государыню и вслѣдствіе этого могли быть препятствія и со стороны министровъ въ его и безъ того уже трудномъ дѣлѣ. Королева Викторія не согласилась на это условіе, противное ея чувству и обычаямъ; въ свою очередь, Пиль отказался отъ возложеннаго на него порученія; такимъ образомъ важный и великій государственный вопросъ долженъ былъ потерпѣть совершеннное пораженіе, какъ говорила насмѣшливая и злоязычная молва, изъ-за вопросовъ б[illegible]ettchamber question). Въ видѣ слабаго утѣшенія сессіи выработали постан[illegible]ніе, которое не смотря на кажущуюся ничтожность имѣло большое вліяніе на [illegible]стіе и довольств[illegible] многихъ милліоновъ народа, именно сбавленіе почтовой платы за письма.

Эта мѣра, повидимому незначительная, а въ то же время способствующая развитію человѣчества черезъ болѣе легкій обмѣнъ мыслей и товаровъ, продуктовъ матеріальной и нравственной жизни народа, дѣлаетъ большую честь человѣку, который задалъ себѣ трудъ ее обдумать и обработать. Съ воспоминаніемъ объ этомъ постановленіи связано имя Роулэнда Гилля, которому незначительный случай подалъ мысль объ уменьшеніи почтовой платы. Однажды почтальонъ подалъ при немъ письмо бѣдной женщинѣ; она взяла его, прочитала адресъ, увидѣла свое имя, пошарила въ карманѣ и, не найдя шиллинга, который нужно было заплатить, отдала письмо назадъ. Роулэндъ Гилль, движимый состраданіемъ, заплатилъ требуемый шилингъ и подалъ письмо женщинѣ. Къ его величайшему изумленію женщина сказала, что онъ напрасно истратилъ шиллингъ. По адресу она видѣла, что письмо отъ брата, съ которымъ она условилась, что тотъ, пока будетъ здоровъ, каждые три мѣсяца будетъ посылать ей запечатанный въ конвертѣ чистый листокъ бумаги, ей слѣдовало только взглянуть на письмо, чтобъ узнать, что все обстоитъ благополучо, не платя за это ни одного пенса. Это навело Роулэнда Гилля на мысль, что почтовая система, заставляющая прибѣгать къ подобнымъ и другимъ уловкамъ, сама по себѣ неправильна.

Будучи основательнымъ знатокомъ почтоваго дѣла, онъ въ 1837 г. внесъ въ парламентъ предложеніе понизить почтовую плату за письма во всей Великобританіи до одного пенса. Большинствомъ 215 противъ 113 голосовъ государственное казначейство рѣшило, несмотря на грозившій дефицитъ, сдѣлать опытъ по проекту Гилля, до 5 октября 1840 года. Палата лордовъ дала свое согласіе, такъ какъ дѣло не касалось ни политики, ни церкви. Въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ плата, вырученная за письма, удвоилась въ четыре раза. Къ сожалѣнію, никто не вычислилъ выгодъ, полученныхъ королевской казной вслѣдствіе этого измѣненія.

В. ВОСТОКЪ.

(1830—1840 г.)

1. Грецiя.

На окончательное устройство и дальнѣйшее развитіе новаго Греческаго королевства, учрежденнаго почти одновременно съ Бельгійскимъ, этимъ самымъ новымъ государствомъ Европы, имѣла довольно значительное вліяніе іюльская революція. Послѣ отказа принца Леопольда отъ кандидатуры на греческій престолъ, страной управлялъ президентъ графъ Каподистріа; выборъ этого человѣка основывался на единогласіи дворовъ въ С.-Петербургѣ и въ С.-Клу, цѣлью которыхъ было противодѣйствіе вліянію англійской политики. Каподистріа слѣдовалъ внушеніямъ Россіи; отъ нея одной ждалъ помощи, отъ нея же и получалъ безпрерывныя пособія, необходимыя при тогдашнемъ жалкомъ состояніи финансовъ Греціи. Императоръ Россіи подарилъ новоустроенному банку 2 милліона, а вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна пожертвовала нѣсколько сотъ тысячъ франковъ. Въ системѣ управленія произошли нѣкоторыя перемѣны; демократическіе элементы греческаго народа, его общинная жизнь съ народными старшинами, патріархальное значеніе и положеніе ихъ и единичныхъ дворянскихъ родовъ, все это потеряло свой особенный національный характеръ. Президентъ держался какъ автократъ, окружалъ себя преданными чиновниками, преимущественно родными и знакомыми, уроженцами острова Корфу. Во внѣшней и внутренней политикѣ Греціи, какъ уже было сказано, іюльская революція произвела большой переворотъ. Каподистріа не забылъ воинственныхъ наклонностей своего народа, любви его къ разнороднымъ движеніямъ и, опасаясь пагубнаго примѣра Франціи, вздумалъ необычайной строгостью удержать страну въ повиновеніи. Въ концѣ 1830 года онъ издалъ новую книгу законовъ и новое судебное уложеніе, напоминавшее по своей строгости драконовы законы; въ уложеніи, между прочимъ, говорилось, что правительство имѣетъ право назначить, по своему усмотрѣнію, чрезвычайный судъ надъ лицами, виновными въ преступленіи противъ главы государства. Умышленное притѣсненіе одной политической газеты, которая должна была издаваться въ Навпліи, заставило издателя ея бѣжать съ своимъ изданіемъ на островъ Гидру, и тамъ вступить въ тайный союзъ съ старѣйшинами острова, которые давно уже были недовольны правительствомъ за то, что оно удерживало и не выплачивало присужденнаго имъ денежнаго удовлетворенія. Они объявили греческому правительству, что не хотятъ имѣть съ нимъ ничего общаго, пока его дѣйствія не будутъ разсматриваться и повѣряться свободно избраннымъ національнымъ собраніемъ. Въ то же время, какъ будто въ подтвержденіе этихъ требованій, вспыхнуло возстаніе въ Майнѣ, правителемъ которой Каподистріа назначилъ одного изъ своихъ чиновниковъ, на мѣсто задержаннаго въ Навпліи владѣ-

теля Майны, стараго предводителя Петро Мавромихалиса, его братьевъ и сына Георга. Одинъ изъ братьевъ, по имени Качакосъ, бѣжалъ, а Петро былъ заключенъ въ тюрьму; для усмиренія Майны выслано войско, а противъ острова Гидры назначена блокада. Правительственная эскадра находилась между тѣмъ въ плохо защищенной гавани Поросъ (въ Калавріи); 30-го іюля 1831, Міолисъ, возбуждаемый гидріотами, съ горстью смѣльчаковъ овладѣлъ эскадрой. Президентъ обратился къ помощи русскаго адмирала Риккорда, который своими кораблями заперъ выходъ изъ гавани и потребовалъ сдачи эскадры. Міолисъ не сдался и собственной рукой сжегъ корабли, это единственное цѣнное достояніе бѣднаго народа. 28 кораблей сгорѣли до послѣдней щепки, между тѣмъ какъ приверженцы Каподистріа, Калерджи и Никитасъ съ толпами клефтовъ ворвались и разграбили ничѣмъ неповинный городъ Поросъ. Недовольство, вызванное подобными происшествіями, принудило президента созвать новое національное собраніе въ Аргосѣ (20 сентября). Оно не состоялось; депутаты отъ острововъ собрались на островъ Гидру и потребовали, чтобы національное собраніе было созвано въ другой мѣстности, болѣе удаленной отъ непосредственнаго вліянія правительства, и въ случаѣ неисполненія требованій грозили сами созвать и образовать свой конгрессъ. Въ тоже время престарѣлая мать Петро Мавромихалиса, девяностолѣтняя женщина, обратилась къ посредничеству адмирала русскаго флота Риккорда и русскаго резидента въ Навпліи, барона Рюкмана, о помилованіи президентомъ ея сына. Президентъ не сжалился на ея просьбы, не послушалъ ходатайства русскихъ и безжалостно приказалъ отвести въ тюрьму князя, поставленнаго барономъ Рюкманомъ у входа въ его дворецъ. Три дня спустя, 9-го октября, графъ Каподистріа отправился по своему обыкновенію въ церковь св. Духа; въ церковномъ притворѣ его ожидали Константинъ, братъ заключеннаго, и Георгъ сынъ его, окруженные приставленной къ нимъ стражей. Лишь только графъ поравнялся съ ними, Георгъ Мавромихалисъ вытащилъ изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ изъ него въ гонителя ихъ знаменитаго семейства, изъ котораго 41 человѣкъ положили свои головы въ войнѣ съ турками за независимость и свободу отечества. Константинъ Мавромихалисъ ударилъ президента кинжаломъ въ бокъ; его перенесли въ церковь, гдѣ онъ тотчасъ же испустилъ духъ. Толпа кинулась на Константина и изорвала его на части. Георгу удалось бѣжать и скрыться въ домѣ французскаго посольства, которое однакожъ принуждено было его выдать по требованію греческихъ властей.

Казалось, сознаніе возвратилось на мгновеніе въ разъяренныхъ партіяхъ послѣ описаннаго ужаснаго происшествія. Сенатъ собрался, чтобъ обсудить, что ему слѣдуетъ предпринять въ виду такого опаснаго положенія дѣлъ. Была назначена правительственная комиссія, составленная подъ предсѣдательствомъ брата убитаго, графа Августина Каподистріа изъ генераловъ Ѳеодора Колокотрони и Іоанна Колетти. Гидріоты прислали уполномоченныхъ, предлагавшихъ примиреніе, но новый президентъ не хотѣлъ и слышать о немъ. Онъ приказалъ не погребать тѣла брата, пока военный судъ не произнесетъ приговора надъ Георгомъ Мавромихалисомъ. 20-го октября состоялся приговоръ, и еще одинъ мститель правъ своего рода палъ отъ пуль солдатъ, разстрѣлявшихъ его у городскихъ воротъ Навпліи. Князь Майнотовъ умеръ, говоря, что онъ исполнилъ свой долгъ, какъ честный эллинъ, что онъ умираетъ довольный тѣмъ, что убилъ человѣка, который употреблялъ власть, дарованную ему народомъ, для его же притѣсненія.

Младшій Каподистріа употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы созвать преданное ему національное собраніе. 18-го декабря состоялось въ Аргосѣ первое собраніе изъ 80 депутатовъ, между тѣмъ какъ недовольные протестовали одни на материкѣ, а другіе на островѣ Гидра. Необходимое для постановленія рѣшеній число было 240 депутатовъ. Но въ этой странѣ, гдѣ парламентскія формы прививались трудно и своеобразно, правительство съумѣло помочь себѣ въ недочетѣ. Со всѣхъ сторонъ силой и уговорами завербовывали въ Аргосѣ и Навпліи чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, всовывали имъ въ руки уполномочія и вели ихъ гуртомъ, какъ депутатовъ въ залу собранія. Это собраніе объявило 20-го декабря графа Августина Каподистріа правителемъ Эллады. Въ противодѣйствіе этому собранію, протестовавшіе депутаты материка образовали свое собраніе и избрали свою правительственную комиссію, состоявшую изъ князя Димитрія

Иписланти, богатаго морейца Займиса и отдѣлившагося отъ Каподистріа генерала Колетти. Такимъ образомъ въ Аргосѣ разомъ явились два собранія. Графъ Августинъ Каподистріа съ приверженцами переѣхалъ въ Навплію. 22, 23 и 24 декабря началась открытая борьба, въ которой резиденты покровительствующихъ Греціи державъ сдѣлались цѣлью нападеній, за ихъ вмѣшательство въ дѣла партій. Депутаты твердой земли удалились изъ Аргоса и въ январѣ 1832 года заняли перешеекъ; междоусобная война готова была вспыхнуть. Къ сожалѣнію покровительствующія державы долго не могли остановиться на выборѣ короля для Греціи; казалось, злая судьба хотѣла потѣшиться надъ безначальной страной. Державы признали младшаго Каподистріа президентомъ, а 7 января 1832 г. лондонская конференція сообщила протоколъ резидентамъ державъ, по которому они обязывались поддерживать президента; въ остальныхъ пунктахъ имъ предлагалось позаботиться о примиреніи обѣихъ партій. Еще раньше полученія протокола, молодой президентъ, желая выказаться умѣреннымъ, объявилъ 27 января, что онъ даруетъ амнистію всѣмъ, кто принималъ участіе въ революціонныхъ движеніяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, надъ которыми состоялись обвиненія, или приговоры суда. Эта оговорка, касавшаяся именно предводителей противной партіи, уничтожала всякое значеніе амнистіи и превращала ее въ безжалостную игру словъ.

Опираясь на этотъ лживый документъ, резиденты трехъ державъ потребовали отъ старшинъ Гидры и отъ предводителей возстанія въ Мегарѣ, чтобъ они подчинились правительству новаго президента. Недовѣряя ни амнистіи, ни резидентамъ, инсургенты рѣшили ускореннымъ маршемъ двинуться на Навплію. 2-го апрѣля 1832 г. они напали на правительственныя войска на перешейкѣ, разбили ихъ и, сопровождаемые толпами народа, которые громко привѣтствовали ихъ, заняли Аргосъ; они собирались уже брать Навплію, когда неожиданное обстоятельство остановило ихъ дальнѣйшее шествіе. На всѣхъ парусахъ, торопливо разсѣкая волны залива, шелъ корабль изъ Лондона; онъ несъ новый протоколъ отъ 7 марта, въ которомъ приказывалось собрать изъ членовъ обѣихъ враждебныхъ партій новую правительственную коммисію въ ожиданіи прибытія уполномоченнаго лица отъ избраннаго для Греціи короля. Вмѣстѣ съ этимъ сдѣлалось извѣстно, что на греческій престолъ былъ избранъ малолѣтній сынъ филэллина, короля Лудовика Баварскаго, принцъ Оттонъ, неподозрѣвавшій, какія тревоги и заботы дарилъ ему конгрессъ вмѣстѣ съ королевской короной.

Послѣ многократныхъ переговоровъ, во время которыхъ не одинъ разъ договаривающіеся хватались за рукоятки мечей, и послѣ того, какъ утомленный правленіемъ графъ Августинъ Каподистріа покинулъ страну, тоже утомленную его неопытностью, и повезъ на островъ Корфу тѣло своего брата (13 апрѣля), дѣло пошло на ладъ и составилась наконецъ правительственная комиссія. Въ составъ ея вошли три члена изъ низвергнутой партіи и четыре члена изъ противной. Первая, такъ называемая русская партія, имѣла на своей сторонѣ весь сенатъ, состоявшій изъ приверженцевъ Каподистріа, и вооруженное войско, стоявшее подъ городомъ, которому не могла противодѣйствовать, при созваніи національнаго собранія болѣе могущественная «народная партія.» Это и было причиной, почему она не могла замѣстить Метаксаса, Плапутаса и Займиса—трехъ чиновниковъ Каподистріа, членами принадлежавшими къ народной партіи. Національное собраніе открыло свои засѣданія 26 іюля. Часть депутатовъ должна была заняться примиреніемъ партій, и для этого дѣйствовать за одно съ правительствомъ. Народу объявили, что національный конгрессъ согласился на сдѣланный покровительствующими державами выборъ, принца Оттона Баварскаго. Отецъ его, принимая корону для сына, заключилъ государственный договоръ съ тремя державами объ установленіи и обработкѣ конституціи, которая должна была взаимно охранять права короля и народа, и опредѣлять награжденія для поборниковъ свободы.

Три резидента надѣлали однакожъ много хлопотъ конгрессу, они не согласились на отстраненіе сената, составленнаго изъ приверженцевъ Каподистріа, мѣшавшихъ введенію новаго порядка вещей. Вторичный протоколъ, отъ 16 апрѣля, полученный въ іюнѣ мѣсяцѣ, подтвердилъ, что правительственная комиссія должна заниматься дѣлами королевства, до прибытія назначеннаго регентства; кромѣ того въ немъ было сказано, что никакое государственное имущество не можетъ быть

продано до прибытія регентства, а также не должна быть узаконена и принята никакая форма правленія, или конституція, безъ содѣйствія новаго королевскаго правительства.

Слѣдствіемъ этихъ постановленій была неминуемая полнѣйшая анархія въ далеко несовершенномъ государственномъ строѣ Греціи. 22 августа, два дня спустя послѣ полученія тремя резидентами ноты, національное собраніе постановило оставить 7 членовъ въ правительственной комиссіи; это число достигалось смертью одного изъ членовъ, князя Ипсиланти, и удаленіемъ другаго Метаксаса, подъ предлогомъ того, что онъ уроженецъ Іоническихъ острововъ, а слѣдовательно не чистый грекъ. Между представителями готовились уже вспыхнуть недоразумѣнія, когда неожиданная сцена прервала засѣданіе и доказала еще разъ, какое ложное понятіе о свободѣ имѣлъ греческій народъ. Толпа вооруженныхъ солдатъ, принадлежавшихъ къ народному войску, ворвалась въ залъ собранія; они нѣсколько мѣсяцевъ не получали жалованья и потому прибѣгли къ насилію. Они безъ всякихъ церемоній окружили президента собранія и восьмерыхъ депутатовъ и погнали ихъ къ ближайшимъ горамъ, занятымъ народнымъ войскомъ. Несчастные получили свободу, заплативъ значительный выкупъ. Немного позже сдѣлалось извѣстно, что одинъ членъ комиссіи Займисъ самъ указалъ войску способъ получить слѣдующія ему деньги. Въ тоже время прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи молодаго короля Оттона. Миръ и спокойствіе водворились на короткое время. Займисъ и Метаксасъ, которымъ народъ хотѣлъ отомстить за вторженіе вооруженной шайки въ залу національнаго собранія, были пощажены, а два другіе члена комиссіи были отправлены для принесенія привѣтствій молодому королю и для убѣдительной, весьма важной просьбы поспѣшить пріѣздомъ. Между четырьмя оставшимися членами начались новыя интриги. При установленіи правительственной комиссіи сенатъ положилъ, что для постановленія законнаго рѣшенія необходимо согласіе пяти членовъ. Метаксасъ и Займисъ утверждали, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, когда правительственная комиссія не находится въ узаконенномъ для рѣшеній числѣ, дальнѣйшее веденіе государственныхъ дѣлъ должно быть передано сенату; два другіе члена Кондуріотисъ и Колетти представляли, что Метаксасъ отставленъ отъ комиссіи, и потому лишается права подавать свое мнѣніе, а сенатъ, послѣ созванія національнаго конгресса, на то не имѣетъ права.

Русская партія попыталась было провести свой планъ, но это ей не удалось и она была принуждена бѣжать на русскомъ военномъ кораблѣ изъ Навпліи въ Аргосъ. Государство потеряло прежній, сколько нибудь организованный видъ, и безъ непосредственнаго государственнаго авторитета приняло первоначальную, патріархальную систему управленія; представители мѣстныхъ, знатныхъ родовъ правили отдѣльными областями, а французскіе офицеры начальствовали надъ пунктами, пока еще занятыми французскимъ войскомъ.

Въ такомъ состояніи находилась Греція, когда 5 февраля 1833 года король Оттонъ I и его регентство впервые ступили на греческую землю въ Навплію. Членами регентства были графъ Арменспергъ, статскій совѣтникъ Мауреръ, генералъ Гейдекъ и совѣтникъ посольства Абель. Первыя финансовыя затрудненія были уничтожены ссудой въ 60 милліоновъ франковъ, выданной новому греческому правительству покровительствующими державами, и баварское войско, пришедшее на смѣну французскаго; правительству оставалось самому примѣняться къ незнакомому государству.

Возбужденное вниманіе Европы къ дѣламъ Греціи мало-по-малу ослабѣвало; ей начинали надоѣдать извѣстія о вѣчной неурядицѣ. Глубоко укоренившееся зло, общее разногласіе охватило въ свою очередь и новоприбывшихъ членовъ регентства; графъ Арменспергъ мѣтилъ на роль диктатора; Мауреръ, человѣкъ съ конституціоннымъ направленіемъ, не соглашался съ нимъ и былъ отозванъ въ 1834 году. Въ Европѣ въ то же время узнали о перенесеніи столицы изъ Навпліи въ Аѳины; для людей не предававшихъ особеннаго значенія историческимъ воспоминаніямъ и которые интересовались живыми дѣлами Греціи, этотъ выборъ казался страннымъ. Болѣе соотвѣтствующимъ цѣлямъ столицы казался Пирей съ его гаванью, чѣмъ Аѳины; одновременно пришло извѣстіе объ основаніи университета, устройствѣ художественнаго музеума и о предстоящихъ раскопкахъ; всѣ эти мир-

ныя извѣстія были внезапно позабыты при грозной вѣсти о невозможности затушить возстаніе въ Майнѣ. 1 іюня 1835 года молодой король Оттонъ вступилъ въ управленіе государствомъ и въ 1837 году женился на Амаліи, принцессѣ Ольденбургской. Этотъ бракъ остался бездѣтнымъ, и королевское семейство не успѣло укорениться въ этой безплодной странѣ.

2. Россія и Польша.

Греческій вопросъ, такъ серьезно занимавшій Европу, былъ наконецъ разрѣшенъ и, какъ оно казалось пока, разрѣшенъ очень благополучно. Никто не могъ предвидѣть печальныхъ послѣдствій далекаго будущаго. Страна и народъ не были подготовлены къ той важной роли, которая пала на ихъ долю; народъ съ недовѣріемъ смотрѣлъ на государственныхъ людей, въ рукахъ которыхъ покоилась его судьба. Совершенно иное представляла Польша: тамъ весь народъ, не смотря на безпрерывныя неудачи, на удары судьбы, упрямо и часто безразсудно, держался своихъ правъ и ни за что не хотѣлъ уступать ихъ.

Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, дарованная Польшѣ конституція мало-по-малу утратила свой первобытный характеръ. Послѣ восшествія на престолъ Россіи Императора Николая, управленіе Польшей было поручено Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу. Великій Князь милостиво относился къ нуждамъ управляемой имъ страны. Особеннымъ его расположеніемъ пользовались хорошо организованныя и прекрасно вооруженныя польскія войска; финансовое положеніе королевства находилось въ блестящемъ положеніи. Министръ финансовъ, князь Любецкій, человѣкъ рѣдкаго ума и прямаго взгляда на вещи, дѣятельно заботился о благосостояніи народа; онъ строилъ дороги, исправлялъ и очищалъ теченія рѣкъ, устроилъ правильную почту, однимъ словомъ преобразовалъ внѣшній видъ страны, пришедшей въ полный упадокъ во время послѣднихъ продолжительныхъ внутреннихъ междоусобій.

Но легкомысленный и подвижный народъ польскій не могъ наслаждаться долгимъ покоемъ, его природѣ были необходимы смуты, раздоры, волненія; къ тому же ежедневныя извѣстія о революціонномъ движеніи во Франціи кипятили и безъ того уже горячую польскую кровь. Въ сердцахъ поляковъ запылали патріотическія надежды, поддерживаемыя симпатіей французовъ и ихъ новаго правительства, да многократными обѣщаніями дѣятельной помощи въ случаѣ войны, неизбѣжной при отдѣленіи Польши отъ Россіи. Несбыточная мечта о полномъ возстановленіи республики въ ея прежнихъ границахъ, украшенная самыми блестящими и фантастическими красками волновала весь народъ, отъ мала до велика. Эти надежды, развившіяся въ сердцахъ иныхъ до крайнихъ предѣловъ, умѣренныя и благоразумныя у другихъ, непрерывно поддерживались въ средѣ студентовъ Варшавскаго университета. Началомъ и такъ сказать родиной ихъ было тайное общество, основанное еще въ 1828 году однимъ офицеромъ, Петромъ Высоцкимъ. Тщательно скрываясь отъ надзора полиціи, оно мало-по-малу принимало гигантскіе размѣры и, проникая между молодыми офицерами, учениками военной школы, распространялось въ войскѣ и охватило наконецъ почти явно огромныя массы людей. Поляки съ непостижимымъ искусствомъ и вѣрностью хранили планъ и дѣйствія общества. Сначала они рѣшили привести свои замыслы въ исполненіе весною, потомъ отложили до зимы, 10 декабря, наконецъ боясь измѣны, или открытія, остановились на 29 ноября.

Поздно вечеромъ, когда въ городѣ по обыкновенію одни веселились, а другіе не кончили еще своихъ работъ, толпа заговорщиковъ напала на Бельведеръ, дворецъ, занимаемый великимъ княземъ. Съ громкими криками ярости вбѣжали они въ комнаты, изъ которыхъ только что вышелъ великій князь, и застрѣлили двухъ его приближенныхъ: одного генерала и другаго государственнаго сановника; въ темнотѣ они приняли генерала за великаго князя, и довольствуясь неожиданной удачей, легкомысленные и необдуманные даже въ самомъ преступленіи, съ ликующими криками возвратились въ городъ. Въ ту же ночь они захватили арсеналъ,

наполненный всевозможнымъ оружіемъ. На крики и шумъ собралась чернь, кто-то изъ заговорщиковъ крикнулъ: «къ оружію, русскіе рѣжутъ нашихъ братьевъ.» Этого было достаточно, чтобы дать толчекъ возстанію; разъяренная чернь схватилась за оружіе и бросилась убивать въ одиночку русскихъ офицеровъ и тѣхъ, кого она принимала за русскихъ, спокойно выходившихъ изъ театровъ, или домовъ. Къ утру по улицамъ лежало множество жертвъ. Начальникъ польской пѣхоты, генералъ Станиславъ Потоцкій отказался принять участіе въ возстаніи и сталъ уговаривать солдатъ не покушаться на преступное неповиновеніе. Бунтующая толпа стащила его съ лошади и безжалостно умертвила; та же страшная участь постигла военнаго министра графа Гаука, нѣсколькихъ генераловъ и офицеровъ. Великій князь послѣдовалъ измѣнническому совѣту своего адъютанта графа Замойскаго, который увѣрилъ его, что возстаніе немедленно утихнетъ, лишь только будутъ удалены русскія войска, говоря, что русскимъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ польскую рѣзню; и 30 ноября великій князь выѣхалъ изъ Бельведерскаго замка, приказавъ войску очистить Варшаву. Измѣна съ одной стороны, неблагоразуміе съ другой превратили рѣзню, не сдерживаемую страхомъ войска, въ открытую революцію. Нѣкоторыя части польскаго войска пристали уже къ вооруженнымъ толпамъ народа, но изъ значительныхъ по положенію или по уму людей ни одинъ еще не рѣшался стать въ ряды возставшихъ. Напрасно заговорщики обращались съ призывомъ къ извѣстнѣйшему изъ военныхъ польскихъ предводителей, генералу Хлопицкому, принять начальство надъ ними; онъ упорно молчалъ и скрывался. Отозваніе русскаго войска пробудило неистовую радость и возбужденіе въ городѣ, состоявшемъ изъ 120,000 жителей. Слѣдовало предупредить грабежъ и полную анархію; за это дѣло взялись нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ аристократовъ и сановниковъ. Князь Любецкій созвалъ администраціонный совѣтъ и предложилъ принять въ немъ участіе нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, какъ-то Чарторійскому, Радзивиллу и Нѣмцевичу, старому сподвижнику и другу Костюшки. Этотъ многообломлющій совѣтъ долженъ былъ во имя «короля» служить посредникомъ между великимъ княземъ намѣстникомъ и возстаніемъ, и содѣйствовать возстановленію мира и порядка. Въ тотъ же день вечеромъ князь Любецкій уговорилъ наконецъ генерала Хлопицкаго принять изъ рукъ административнаго совѣта главное командованіе надъ войскомъ; этой мѣрой надѣялись подавить возстаніе. Великій князь послалъ отъ своего имени остальнымъ войскамъ приказъ выступить изъ Варшавы и объявилъ, что предоставляетъ полякамъ заботиться самимъ о возстановленіи мира и спокойствія.

Но опьяняющая сила революціоннаго движенія одурманила и безъ того уже нетвердыя головы народа. Приверженцы «патріотическаго союза» и радикалы, между которыми былъ особенно извѣстенъ виленскій профессоръ Іоахимъ Лелевель, не оставались въ бездѣйствіи; уже 1 декабря администраціонный совѣтъ нашелъ себя вынужденнымъ образовать «исполнительную комиссію», чтобы противодѣйствовать дальнѣйшему развитію возстанія, и пригласить въ нее радикала профессора, и такимъ образомъ отвлечь его отъ болѣе опасной для государства дѣятельности. 2 числа четыре члена исполнительной комиссіи, князь Любецкій, князь Чарторійскій, графъ Островскій и Лелевель отправились въ главную квартиру великаго князя, помѣщавшуюся въ сосѣдней деревнѣ. Характеристической чертой поляковъ можетъ служить то обстоятельство, что однимъ изъ первыхъ требованій, представленныхъ великому князю, была просьба о присоединеніи вновь къ королевству, древнепольскихъ провинцій. Великій князь убѣдился, что нечего думать о примиреніи, далъ 2-го декабря позволеніе польскимъ войскамъ присоединиться къ отпавшимъ товарищамъ и написалъ администраціонному совѣту, что онъ, вмѣстѣ съ своимъ войскомъ, покидаетъ страну; онъ прибавлялъ, что, полагаясь на честь поляковъ, надѣется безпрепятственно достигнуть границъ Россіи. Въ тоже время онъ письменно предоставлялъ полякамъ крѣпость Модлинъ со всѣмъ вооруженіемъ, находившимся въ ней. Полковникъ Кики былъ посланъ въ Модлинъ съ письмомъ великаго князя и принялъ отъ коменданта крѣпостные ключи.

Революціонное движеніе развивалось на просторѣ; умѣренные, ясно понимая всю опасность настоящаго положенія дѣлъ, должны были слѣдовать за общимъ

теченіемъ. Администраціонный совѣтъ былъ распущенъ и вмѣсто него установлено временное правительство, главой котораго назначенъ князь Адамъ Чарторійскій; 18 декабря правительство созвало сеймъ, передало главное командованіе войскомъ генералу Хлопицкому, предложило бывшимъ когда либо въ службѣ солдатамъ вновь поступить въ ряды.

Но между возставшими крылись уже начала близкой гибели возмущенія — разногласіе и взаимная вражда. Отчаянные радикалы намѣревались тотчасъ же открыть военныя дѣйствія противъ Россіи, поднять и возмутить всю Польшу, Литву, Волынію и Подолію, обезоружить находившіяся въ королевствѣ войска, призвать къ оружію весь польскій народъ и, взявшись за мечъ, отбросить какія бы то ни было соображенія, перевернуть все на иной ладъ. Этому вполнѣ соотвѣтствующему съ революціонной точки зрѣнія плану, раньше другихъ воспротивился генералъ Хлопицкій, желанный вождь, избранный народнымъ энтузіазмомъ, сражавшійся подъ знаменами Костюшки и Наполеона, и котораго вся Польша считала лучшимъ изъ полководцевъ. Отказываясь отъ командованія войскомъ, предложеннаго ему временнымъ правительствомъ, онъ въ то же время самовластно дѣлался диктаторомъ и, опираясь на войско и на слѣпую привязанность къ нему народа, захватывалъ въсвои руки неограниченную власть. Онъ немедленно постарался ввести строгій военный порядокъ и позаботился дать войску особенное значеніе и силу. Въ то же время онъ видѣлъ, что Польша ничего не выиграетъ путемъ революціи, и потому онъ задумалъ воспользоваться властью диктатора, чтобы начать мирные переговоры съ русскимъ правительствомъ. Его надежды и стремленія ограничивались признаніемъ на дѣлѣ существовавшей конституціи. Онъ не хотѣлъ ни возстанія въ Литвѣ, ни поголовнаго вооруженія народа, ни присоединенія древнихъ польскихъ провинцій. Съ этими предложеніями онъ послалъ въ Петербургъ князя Любецкаго и графа Езерскаго, и двухъ пословъ въ Парижъ и Лондонъ, съ просьбой о посредничествѣ обѣихъ державъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ собрались члены сейма. Диктаторъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи и принудилъ сеймъ признать его диктаторство. Сеймъ прибавилъ онъ, долженъ избрать нѣсколькихъ лицъ, которыя впослѣдствіи могли бы отобрать у него власть; членовъ правительства назначитъ онъ, однако же, по собственному усмотрѣнію, а сеймъ, узаконивъ все вышесказанное, будетъ распущенъ и созванъ только по требованію самого диктатора.

Очевидно, что Хлопицкій не зналъ своего народа, если онъ надѣялся вести революцію законнымъ порядкомъ. Съ тѣми же убѣжденіями онъ образовалъ народный совѣтъ, въ которомъ присутствовалъ и Лелевель, сдѣлавшійся уже министромъ народнаго просвѣщенія. Но у Хлопицкаго вскорѣ начались неудовольствія съ выборными членами сейма. Солдатъ Наполеоновской гвардіи, военный въ душѣ, онъ не могъ примириться съ національной гвардіей, косиньерами и кракусами. Ожесточеніе возрастало съ обѣихъ сторонъ и онъ принужденъ былъ арестовать нѣсколькихъ предводителей радикальной партіи, въ томъ числѣ и Лелевеля. Арестъ продолжался недолго и вскорѣ былъ снятъ. Вмѣсто отвѣта изъ Петербурга, получались ежедневныя извѣстія о томъ, что всѣ дороги, ведущія къ границамъ Польши, повсюду покрыты войсками. Въ Петербургѣ между тѣмъ получаемыя изъ Польши извѣстія разбудили, заснувшую было, вѣковую ненависть русскихъ къ полякамъ. На парадѣ войскъ 7 декабря Государь громко прочиталъ только что полученныя депеши. Офицеры, окружавшіе его, обнажили шпаги и просили тотчасъ же вести ихъ противъ враговъ. Государь успокоилъ ихъ, говоря, что тамъ, какъ и вездѣ, есть зачинщики, которыхъ слѣдуетъ карать. Манифестъ отъ 18 числа объявлялъ прощеніе тѣмъ, кто принесетъ повинную голову, требовалъ немедленнаго освобожденія захваченныхъ русскихъ, возстановленія императорскаго администраціоннаго совѣта, возвращенія оружія. Польскія войска должны были собраться подлѣ Плоцка и тамъ ожидать приказаній Императора. 13 января 1831 года Хлопицкій получилъ официальный отвѣтъ: онъ указывалъ ему на манифестъ.

Хлопицкій, не соглашаясь съ народнымъ совѣтомъ, не раздѣляя въ душѣ стремленій народа, отказался отъ диктаторства. Нѣсколько дней спустя, опять собрался сеймъ, который, по предложенію самого Хлопицкаго, поручилъ главное командованіе войсками князю Михаилу Радзивиллу; новый главнокомандующій никогда

не былъ полководцемъ, но народъ надѣялся, что Хлопицкій, къ которому продолжали имѣть неограниченное довѣріе, не оставитъ его своими совѣтами и будетъ руководить имъ. Волненіе достигло полнаго разгара; по предложенію графа Романа Солтыка, было объявлено, что русскій Императорскій домъ лишается правъ на польскій престолъ; этой дерзкой выходкой возмутившіеся хотѣли выказать свою небывалую силу и обмануть себя и другихъ. Одновременно съ демонстраціей было опять учреждено еще новое правительство, членами котораго между прочимъ были назначены князь Чарторійскій и Лелевель; цѣль у правительства была открытая, энергическая война съ русскими. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ прибывали въ Польшу русскія войска. Подъ главнымъ командованіемъ графа Дибича находилось 86,000 пѣхоты, 26,000 человѣкъ кавалеріи и 336 орудій; противъ нихъ Польша едва-едва могла выставить 60,000 человѣкъ. Безвозвратно прошла для возставшихъ минута, когда они, пользуясь неожиданностью, могли надѣяться обезоружить русскія войска, находившіяся въ Польшѣ, и перенести возмущеніе въ Литву и Волынь.

Пока Дибичъ подвигался впередъ, польскіе отряды, въ совершенномъ порядкѣ, отступали безъ боя назадъ; князь Радзивиллъ, или правильнѣе его совѣтникъ, Хлопицкій положили дать рѣшительное сраженіе на выгодномъ для польской арміи пунктѣ, въ Варшавскомъ предмѣстьѣ Прагѣ, на правомъ берегу Вислы. Отдѣльныя стычки, изъ которыхъ поляки нѣсколько разъ выходили съ успѣхомъ, поддерживали энергію и бодрый духъ польскаго войска. Такъ при Добромъ, февраля 17 числа, перевѣсъ былъ на сторонѣ генерала Скржинецкаго, сражавшагося противъ русскаго авангарда подъ командою генерала Розена, при Стоцекѣ польская кавалерія подъ командою Дверницкаго одержала верхъ надъ генераломъ Гейсмаромъ, въ сраженіяхъ подъ Ваврами 19 числа и при Бялоленскѣ 24 числа хотя русскіе и одержали побѣду, но она стоила имъ довольно дорого. Дибичъ надѣялся однимъ рѣшительнымъ сраженіемъ покончить войну. 19 числа на полѣ, подъ Гроховымъ, въ виду Варшавской крѣпости, 70,000 русскихъ громили 45,000 поляковъ, цѣлый день продолжалась ожесточенная битва и только къ вечеру поляки были вынуждены отступить и скрыться за стѣнами Праги. Страшный день стоилъ обѣимъ арміямъ неимовѣрно дорого; русскіе потеряли 10,000 человѣкъ ранеными и убитыми; въ виду этой потери Дибичъ не рѣшился на штурмъ, котораго въ Варшавѣ ожидали со страхомъ и трепетомъ. Сеймъ, собравшійся при громѣ и трескѣ орудій, назначилъ генерала Іоанна Скржинецкаго главнокомандующимъ арміей на мѣсто раненаго Хлопицкаго и сложившаго съ себя это званіе князя Радзивилла. Давая арміи лозунгъ «смерть или побѣда», онъ для переговоровъ послалъ къ Дибичу одного изъ своихъ офицеровъ. Графъ Дибичъ, остававшійся пока въ наблюдательномъ положеніи, вмѣсто отвѣта указалъ посланному на императорскій манифестъ. Въ тоже время онъ отодвинулъ отъ Варшавы войска и чтобъ дать имъ возможность отдохнуть послѣ сраженія, расположилъ ихъ на зимнихъ квартирахъ. Считая, что битвой при Гроховѣ онъ нанесъ смертельный ударъ возстанію, Дибичъ смотрѣлъ на мѣсто, выбранное для расположенія войска, какъ на весьма удобное для близкаго надзора за Варшавой.

Польша поняла наконецъ правильно, очень ясно, что ей нечего было разсчитывать на внѣшнюю помощь, или на чью то ни было чужеземное посредничество. Польскіе агенты были приняты въ Лондонѣ и Парижѣ весьма холодно и сконфуженные возвратились домой. Скржинецкій не рѣшался послѣдовать совѣту своего начальника штаба генерала Прондзинскаго, нападать на отдѣльные отряды русской арміи и этимъ безпрерывно тревожить ее. Онъ принялъ худшую изъ военныхъ системъ, весьма опасную для революціоннаго войска, именно оборонительную тактику. Только тогда, когда Дибичъ намѣревался съ частью войска перейти черезъ Вислу немного выше Варшавы, Скржинецкій по совѣту Прондзинскаго напалъ на остававшійся подъ командою Розена 20,000 отрядъ. Нападеніе было сдѣлано 31 марта этой ночью съ удивительной осторожностью и весьма поспѣшно; результатомъ его были 5,000 взятыхъ въ плѣнъ солдатъ, 100 офицеровъ, 5 знаменъ и 9 орудій. При извѣстіи объ этой неудачѣ Дибичъ отказался отъ переправы и поспѣшилъ на помощь Розену. Положеніе русскихъ было бы весьма затруднительное, еслибы Скржинецкій могъ также быстро исполнять совѣты Прондзинскаго, какъ онъ

ихъ давалъ и, обойдя русскую армію, отрѣзать ей всякое сообщеніе съ Литвой. Дибичь, намѣревавшійся еще въ началѣ марта идти на Прагу, удалился теперь отъ Варшавы и держалъ свое войско близь Сѣдльце. Этимъ промедленіемъ и бездѣйствіемъ воспользовались эмиссары возмущенія, они пробрались въ Литву и произвели въ ней возстаніе, котораго не могли сдержать назначительные отряды расположенныхъ въ ней войскъ. Въ Подоліи и Волыни, гдѣ преобладалъ народъ русскаго происхожденія и православной религіи, вся надежда возставшихъ основывалась на незначительной горсти польскаго дворянства. Но оно не было достаточно могущественно, чтобы посреди русскаго народа произвести возстаніе. Главнокомандующему польскимъ войскомъ не доставало проницательности и энергіи, чтобы на войнѣ основать свои надежды и посредствомъ быстроты военныхъ дѣйствій добиться полнаго и прочнаго успѣха. Постоянно получаемые изъ Парижа, Вѣны и даже Берлина слухи, совѣты и мнѣнія, вертѣлись около одного и того же: если польское войско дотянетъ войну съ Россіей до зимы, то, по всей вѣроятности, въ это дѣло вмѣшается Европа и конгресъ европейскихъ государей образуетъ изъ Польши независимое королевство, какъ онъ уже образовалъ Бельгійское. Въ настоящемъ положеніи Польши, какъ это всегда съ ней бывало, истинный военный талантъ, вслѣдствіе различныхъ косвенныхъ соображеній, долженъ былъ подчиниться посредственности.

10 апрѣля польская кавалерія, подъ предводительствомъ Дверницкаго, бросилась на Волынь. Русское войско подъ начальствомъ генерала Ридигера, не зная силы непріятеля, нашло лучшимъ отступить. Въ тоже время Дверницкій, не встрѣчая ожидаемаго сочувствія и подкрѣпленія въ народѣ встрѣтился съ русскими войсками, которыя отбросили его за рѣчку Стырь. Но онъ не унывалъ; надѣясь что въ Подоліи вспыхнетъ открытое возстаніе и заставитъ русскихъ раздѣлить свои силы, онъ двинулся къ границамъ Галиціи. Здѣсь его поджидалъ Ридигеръ съ 12,000 войскомъ; онъ обошелъ польскій отрядъ и напалъ на него съ фланга; 4,000 поляковъ, отчаянно защищаясь, перешли въ пылу битвы границы Галиціи и наткнулись на австрійскихъ гусаръ, которые остановили сражавшихся. 1-го мая перешедшіе границу поляки должны были сложить оружіе.

Съ этой стороны рухнули послѣднія надежды. Въ Варшаву между тѣмъ ежедневно приходили извѣстія о распространеніи возстанія въ Литвѣ, требованія офицеровъ, оружія и пушекъ. Въ польской арміи царствовало неудовольствіе на бездѣйствіе главнокомандующаго. Побуждаемый совѣтами и требованіями, Скржинецкій согласился наконецъ на рѣшительный шагъ, который могъ нанести много вреда русскимъ, еслибъ главнокомандующій понялъ и съумѣлъ выполнить задуманный планъ. Въ лѣсистой мѣстности между Бугомъ и его сѣвернымъ притокомъ Наревомъ стоялъ только что пришедшій отрядъ русской гвардіи, неуспѣвшей еще соединиться съ главной арміей; 12 мая Скржинецкій долженъ былъ напасть на отрядъ, обойдя его съ сѣвера отъ Минска. Чтобъ обмануть и не возбудить подозрѣнія Дибича, въ прежнемъ расположеніи оставленъ былъ 12,000 отрядъ. До 20 мая русскій главнокомандующій воображалъ, что передъ нимъ находится вся польская армія, тогда какъ это была незначительная часть ея. Вмѣсто того чтобы рѣшительно напасть съ 46,000 человѣкъ[illegible] русскую гвардію, Скржинецкій какъ будто боялся побѣды и ослабилъ свое войско, неблагоразумно разославъ въ разныя стороны значительные отряды. Гвардія узнала между тѣмъ о приближеніи Скржинецкаго, о количествѣ его войска и успѣла заблаговременно отступить къ Россіи. Между тѣмъ какъ польское войско, безпрепятственно достигнувъ польско-литовскихъ границъ, предавалось безконечной радости, что съ этой стороны Польша освобождена отъ враговъ, Дибичь, получившій наконецъ вѣрныя извѣстія о положеніи дѣлъ и количествѣ стоявшаго противъ него непріятеля, перешелъ съ своей арміей черезъ Бугъ и съ тылу сталъ грозить польскому войску. Но и тутъ дѣло не было бы еще проиграно, если бы Скржинецкій послѣдовалъ совѣтамъ Прондзинскаго. Онъ могъ предоставить достаточно вооруженную Варшаву своей собственной защитѣ и, перейдя Наревъ, подлѣ Ломжи двинуться на помощь возставшей Литвѣ. Но польскій предводитель болѣе всего на свѣтѣ боялся очутиться отрѣзаннымъ отъ Варшавы и потому, не видя гибели, прямо шелъ на нее. Онъ отступилъ къ Остроленкѣ и совершенно неожиданно наткнулся на

главную русскую армію, пришедшую усиленнымъ маршемъ. 26 мая произошла жестокая битва, поляки дрались съ отчаяніемъ, но безъ успѣха; наступившая тьма спасла остатки ихъ арміи отъ совершеннаго уничтоженія, 9,000 убитыхъ остались на полѣ сраженія, 12,000 подъ начальствомъ Гелгуда и Дембинскаго, были отрѣзаны отъ своихъ; только 10,000 человѣкъ добрались до Праги и то потому, что Дибичъ, желая дать своему утомленному войску отдыхъ, не захотѣлъ преслѣдовать поляковъ по странѣ разоренной и не представлявшей никакихъ удобствъ для расположенія на квартирахъ. Не смотря на требованія офицеровъ, Скржинецкій не соглашался сложить съ себя званія главнокомандующаго и опять, не смотря на крайне затруднительное положеніе страны, личные разсчеты взяли верхъ надъ патріотизмомъ.

Настоящая народная война одна только могла нѣсколько противодѣйствовать правильно организованной силѣ русскихъ войскъ. Во имя свободы призывался къ оружію простой народъ; но никому не пришло на умъ избавить его отъ тяжкой барщины, которая вмѣстѣ съ другими налогами жестоко обременяла его; воззванія къ оружію, во имя свободы, не волновали и не производили впечатлѣнія на крестьянъ; они ясно помнили и понимали, что личное освобожденіе отъ крѣпостнаго состоянія было даровано имъ только преобразованіемъ королевства въ герцогство Варшавское. Подобнаго рода предложенія были представлены сеймомъ во время битвы подъ Гроховымъ, но партія дворянъ, не смотря на увѣренія въ пламенной любви къ отечеству, не соглашалась принести подобной личной жертвы. Къ тому же ихъ занимали вопросы болѣе серьезной важности, какъ то: отрѣшеніе дома Романовыхъ отъ права на польскій престолъ, присоединеніе къ Польшѣ древне-польскихъ провинцій и т. п. Наконецъ, въ виду совершенной гибели ихъ замысла, между партіей народа и партіей дворянъ поднялись самые жаркіе споры и несогласія. Дворянство во что бы то ни стало хотѣло передать правительственную власть въ руки разбитаго главнокомандующаго.

Подобно римскому сенату, который послѣ пораженія Теренція при Каннахъ благодарилъ его за то, что онъ не покинулъ отечества въ трудную для него минуту, благодарилъ и сеймъ Скржинецкаго; но римскій сенатъ отнялъ отъ Теренція командованіе войскомъ, а польскій сеймъ большинствомъ семи голосовъ, 42 противъ 36, сохранилъ за нимъ эту должность. При подобныхъ обстоятельствахъ противная партія не была достаточно сильной, чтобъ смѣстить Скржинецкаго.

Не смотря на все это, счастіе благопріятствовало возмущеннымъ. Графъ Дибичъ оставался подъ Остроленкой и только 11-го іюня приступилъ къ приготовленіямъ для переправы на лѣвый берегъ Вислы, чтобы оттуда начать нападеніе на Варшаву. Но ему не суждено было привесть своихъ плановъ къ окончанію. Холера, свирѣпствовавшая въ обоихъ лагеряхъ, унесла и фельдмаршала въ числѣ другихъ жертвъ. Та же участь постигла нѣсколько недѣль спустя и великаго князя Константина Павловича; кончина великаго князя дала поводъ ко всевозможнымъ тайнымъ ожиданіямъ и надеждамъ. Пока военныя дѣйствія были пріостановлены на сѣверѣ, польскому войску опять представился неожиданный случай уничтожить разъединенный 12,000 корпусъ Ридигера, двигавшійся съ юга къ сѣверу; опять вслѣдствіе дурнаго и неправильнаго исполненія, предпріятіе не удалось и войска безуспѣшно возвратились домой послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ и изнурительныхъ схватокъ. Тогда впервые раздались громкіе слухи и обвиненія въ измѣнѣ, эти первые признаки начинающагося внутренняго раздора и разъединенія.

Одновременно рушились и надежды на помощь Литвы; въ Литвѣ находился между тѣмъ отрѣзанный подъ Остроленкой отрядъ Гелгуда. Одинъ изъ предводителей возстанія, генералъ Хлаповскій собралъ возмутившихся литовцевъ и въ половинѣ іюня привелъ ихъ подъ знамена Гелгуда, у котораго такимъ образомъ собралось до 25,000 человѣкъ. Но и Гелгудъ пропустилъ настоящую минуту; вмѣсто того, чтобы рѣшительно двигаться впередъ, онъ медлилъ и разсуждалъ и безполезно терялъ время, которымъ въ свою очередь воспользовались русскіе. 19 іюня Гелгудъ былъ разбитъ близъ Поняръ, неподалеку отъ Вильна, которую могъ бы взять, еслибъ понапрасну не терялъ времени. Положеніе Гелгуда было весьма затруднительно, единственнымъ выходомъ изъ него представлялся дерзкій планъ Дембинскаго проникнуть въ незанятую войсками Курляндію

и оттуда далеко обойдя расположеніе русскихъ войскъ, пробраться въ Польшу черезъ юго-восточныя границы Литвы. Военный совѣтъ не принялъ плана Дембинскаго и вмѣсто него предложилъ свой, который въ сущности нельзя было считать планомъ, именно: раздѣлить небольшой отрядъ Гелгуда на три части, и предоставить имъ пробираться и отбиваться, какъ онѣ знаютъ. Гелгудъ и Хлаповскій, а вслѣдъ за ними, Роландъ и Шимановскій двинулись къ границамъ Пруссіи; войска все еще думали, что ихъ ведутъ иротивъ непріятеля; 12 іюня Гелгудъ объявилъ офицерамъ, что онъ намѣренъ перевести ихъ черезъ границы Пруссіи, чтобъ сохранить ихъ силы и мужество для болѣе благопріятнаго будущаго. Поднялось смятеніе, послышались угрозы, крики, и Гелгудъ былъ убитъ. Общій говоръ приписалъ измѣнѣ то, что было слѣдствіемъ неспособности и медленности. Отрядъ за отрядомъ одни, безъ предводителей, безъ совѣта, безъ опредѣленнаго плана, безъ припасовъ, переходили поляки черезъ прусскую границу и отдавали оружіе прусскому ландверу. Между тѣмъ Дембинскій, почти одинъ съ своимъ отрядомъ направился къ Польшѣ; въ продолженіе 20 дневнаго пути онъ почти безпрерывно отбивался отъ русскихъ и, пройдя 100 миль, явился въ Варшаву съ 4,000 человѣкъ до смерти утомленнаго войска. На этой горсти несчастныхъ, съ трудомъ избѣгшихъ явной смерти, основывалъ теперь возбужденный народъ свои надежды. Къ нимъ присоединились остатки подольскихъ инсургентовъ, которые, подъ предводительствомъ капитана Ружицкаго, пробились до Варшавы, между тѣмъ какъ большая часть ихъ товарищей бѣжала въ Австрію. Эти два отряда во время собрались подъ Варшавой, чтобы принять участіе въ послѣдней, смертельной битвѣ.

25 іюня въ главную квартиру русской арміи при Пултускѣ прибылъ преемникъ Дибича, графъ Паскевичъ. Онъ принялъ планъ своего предшественника: переправу на лѣвый берегъ Вислы и энергическое движеніе на Варшаву. Почти у самой прусской границы изъ прусскихъ же матеріаловъ былъ построенъ мостъ и благополучно совершена переправа; во время этого труднаго и продолжительнаго дѣла, русскіе не встрѣтились ни съ однимъ польскимъ разѣздомъ, ни съ однимъ постомъ. Безпрепятственно двигалась къ Варшавѣ русская армія. Въ проводникахъ не было недостатка. Возбужденіе достигало въ Варшавѣ высшихъ степеней; Скржинецкій не былъ въ состояніи удерживать массъ раздраженнаго народа. Наконецъ палата земскихъ депутатовъ, подъ давленіемъ общаго недовольства, послала уполномоченныхъ въ главную квартиру. 10 августа собрался въ Болиновѣ военный совѣтъ; теперь только, но уже поздно, признана была неспособность Скржинецкаго и рѣшено его низложеніе. На его мѣсто, тоже слишкомъ поздно, назначенъ Дембинскій, виновникъ блестящаго отступленія, принадлежащаго къ числу наиболѣе замѣчательныхъ въ исторіи. Теперь ужь не могли помочь ни призывъ всего мужскаго населенія изъ мѣстностей, незанятыхъ непріятелемъ, ни ревностныя работы на укрѣпленіяхъ вокругъ Варшавы, къ которымъ стекались богатые и бѣдные, старики и юноши, ни горячія молитвы во всѣхъ церквахъ о спасеніи отечества. Съ юга двигался теперь корпусъ генерала Ридигера, а въ самой столицѣ опять поднялся союзъ патріотовъ-радикаловъ; во главѣ ихъ сталъ генералъ Круковецкій, который, будучи стѣсненъ Скржинецкимъ, увлекся местью и готовился съ нѣкоторыми фанатиками прибѣгнуть къ постыдному отчаянному средству гибнущихъ революціонистовъ разыграть нѣчто въ родѣ террора французской революціи 1793 г. Не было больше спасенія ни для края, ни для народа. Когда Дембинскій медлилъ съ необходимой побѣдой, которой отъ него навѣрно ожидали, въ Варшавѣ разбушевалась бѣшенная, разнузданная чернь. Съ громкими криками дикой радости бунтовщики провозгласили своимъ диктаторомъ старика Круковецкаго. Глава національнаго правительства, князь Чарторійскій, бѣжалъ изъ Варшавы переодѣтый, чтобы спасти свою жизнь. Круковецкій окончательно захватилъ въ свои руки власть, напуганные члены сейма признали его президентомъ національнаго правительства съ диктаторскимъ полновластіемъ. Новый президентъ назначилъ 70-лѣтняго генерала Малаховскаго главнокомандующимъ всей арміей, онъ долженъ былъ съ частью войска защищать Варшаву, тогда какъ двѣ другія части, подъ предводительствомъ Лубен-

ского и Ромарино, итальянскаго выходца, весьма двусмысленнаго характера, должны были занять правый берегъ Вислы.

21 августа 22,000 солдатъ съ 40 орудіями перешли черезъ мостъ въ Прагу, а 30,000 съ 92 орудіями остались на мѣстѣ. Дембинскій покорился рѣшенію и передалъ командованіе Малаховскому. Въ началѣ сентября Паскевичъ стянулъ свои силы къ Варшавѣ. Въ центрѣ польской позиціи находилась деревня Воля, превращенная въ укрѣпленіе. Противъ этого самаго сильнаго пункта, на протяженіи четырехъ-часовой наружной линіи, русскіе начали свои нападенія. 6 сентября поляки, какъ и всегда, защищались съ замѣчательной храбростью; одинъ изъ офицеровъ не видя спасенія, взорвалъ редутъ, на которомъ находился самъ съ остатками войска. Какъ и прежде, распоряженія главнокомандующаго были неудачны и неправильны, не было ни опредѣленнаго плана, ни опредѣленныхъ приказаній, ни безпрекословнаго повиновенія. Съ наступленіемъ вечера генералъ Бемъ, командовавшій артиллеріей, получилъ приказаніе отступить на вторую линію.

Потери русскихъ были довольно значительныя; поляки могли еще продолжать защиту, но Круковецкій считалъ, что слѣдуетъ начать переговоры. Фельдмаршалъ русскихъ войскъ пригласилъ его къ себѣ въ главную квартиру, расположенную въ Волѣ. Тамъ Паскевичъ предложилъ Круковецкому принять предписанія императорскаго манифеста и обѣщалъ своему противнику соблюдать перемиріе до 1 часа пополудни, чтобы имѣть время получить и заручиться согласіемъ сейма. Разсужденія въ послѣднемъ велись въ чисто польскомъ духѣ; извѣстія, привезенныя Прондзинскимъ о результатѣ переговоровъ его и главнокомандующаго съ русскимъ фельдмаршаломъ, были встрѣчены громкими возраженіями, ничего незначащими словами, крикомъ и бряцаніемъ сабель. Еще разъ пришлось престарѣлому вѣстнику, вполнѣ сознавая неизцѣлимое безуміе, съ которымъ стремился къ погибели народъ, вразумлять юношей и доказывать имъ, что Польша никогда не можетъ имѣть иныхъ границъ, кромѣ Днѣпра и Двины. Еще далеко было до какого бы то ни было рѣшенія, когда безполезно прошло время, назначенное для перемирія, и опять раздался грохотъ пушекъ. Большая часть присутствующихъ, за исключеніемъ призванныхъ для совѣщанія генераловъ и депутатовъ старо-польскихъ провинцій, не могли надѣяться на обѣщанное императорскимъ манифестомъ прощеніе; они въ послѣдній разъ прибѣгли къ мужественной рѣшимости, призвали гражданъ на крѣпостные валы и требовали отъ генераловъ и солдатъ, чтобъ они защищались до послѣдней капли крови. Битва возобновилась съ новой силой; медленно, но упорно занимали русскіе одну за другою ближайшія позиціи; русскими командовалъ, вмѣсто раненнаго и унесеннаго съ поля сраженія графа Паскевича, генералъ Толь; при наступленіи ночи русскіе были уже подъ самыми стѣнами города. Круковецкій между тѣмъ опять самостоятельно возобновилъ переговоры съ русскими; русскій генералъ Бергъ находился уже въ самомъ городѣ и готовъ былъ наконецъ покончить дѣло. Между тѣмъ сеймъ отрѣшилъ Круковецкаго отъ должности президента народнаго правительства и на его мѣсто назначилъ Бонавентуру Немоевскаго. Въ тоже время было рѣшено перевести войско черезъ Вислу, разрушить за нимъ мостъ, соединиться съ отрядами Лубенскаго и Ромарино и, опираясь на крѣпость Модлинъ, вести дальнѣйшую войну. Потеря русскихъ доходила почти до 10,000, и потому слѣдовало ожидать довольно сносныхъ условій. Планъ былъ выполненъ не точно, невполнѣ. Большая часть войска, за которой слѣдомъ потянулось огромное количество членовъ сейма и толпы тѣхъ, которые не могли надѣяться на помилованіе, перешла черезъ Вислу въ Прагу, не успѣвъ уничтожить моста, такъ какъ 8 сентября утромъ явился Малаховскій; онъ привезъ извѣстіе о томъ, что заключилъ договоръ, по которому онъ передавалъ Прагу во власть русскихъ. Войско и сеймъ двинулись къ Модлину, гдѣ Малаховскій сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго. Новый главнокомандующій Рыбинскій приказалъ Ромарино придвинуться къ Модлину. Ромарино, не довѣряя приказанію, ослушался его и пошелъ къ югу; дѣятельно преслѣдуемый русскими подъ командой генерала Розена, онъ въ ночь съ 16 на 17 перешелъ черезъ границы Галиціи съ оставшимся 10,000 отрядомъ; тоже самое сдѣлалъ и Ружицкій съ своимъ отрядомъ; онъ встрѣтился вверхъ по теченію Вислы съ корпусомъ генерала Ридигера, отступилъ и перешелъ черезъ границу близъ Кракова.

Русскіе предложили главной польской арміи, неспособной больше продолжать войну, безусловно покориться имъ. Но поляки рѣшились на крайнее средство, находя всегда, что будетъ время безусловно подчиниться. 21 сентября, войско вмѣстѣ съ сеймомъ, покинуло позицію подъ Модлиномъ, чтобы, оставивъ всякую надежду на борьбу, переправиться черезъ Вислу подлѣ Плоцка, обойти позиціи русскаго войска и направиться на юго-западъ. Въ крайнемъ случаѣ, прусская граница была недалеко, и этотъ крайній случай скоро представился. Со всѣхъ сторонъ стекались русскіе для преслѣдованія поляковъ. Видя безвыходность своего положенія, польское войско открыто взбунтовалось противъ своихъ начальниковъ и потребовало сраженія; но судьба его была уже рѣшена. 5-го октября 1831 года, 24,000 армія съ 95 орудіями перешла прусскую границу близъ Швидцебно и положила оружіе, которымъ владѣла такъ мужественно и такъ несчастливо. Этимъ окончился одинъ изъ актовъ великой трагедіи. 1 ноября императоръ Николай объявилъ общую амнистію, изъ которой исключались только зачинщики революціи, участвовавшіе въ убійствахъ и рѣзнѣ съ 15 августа, члены сейма, постановившіе отрѣшеніе императорской династіи, и всѣ тѣ офицеры, которые не хотѣли покориться послѣ заключенія варшавской капитуляціи. Большая часть предводителей польскаго возстанія бѣжала за границу отъ амнистіи и наказанія, оставивъ за собою долги и состоянія. Круковецкій былъ поселенъ въ одномъ изъ городовъ Россіи, гдѣ и умеръ, всѣми презираемый. Гораздо строже была наказана вся страна за участіе въ возмущеніи. У Польши была отнята конституція, и документы касавшіеся ея, какъ историческій памятникъ, перевезены въ С.-Петербургъ. Вмѣсто нея былъ установленъ органическій статутъ 26 февраля 1832 г. Польское войско было распущено, а вмѣсто сейма учрежденъ государственный совѣтъ, членовъ котораго назначалъ самъ императоръ; отдѣльнымъ областямъ предоставлены ограниченныя собранія. Во главѣ правленія этого вновь покореннаго государства стоялъ Паскевичъ «князь Варшавскій», побѣдитель, фельдмаршалъ русскаго войска; имѣнія бѣжавшихъ конфискованы и по большей части розданы русскимъ. Надъ тѣми, которые успѣли бѣжать, назначенъ военный судъ, приговорившій однихъ къ каторжной работѣ въ Россіи, другихъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Бѣглецы разсѣялись по всей Европѣ, находя помощь и поддержку въ гуманныхъ пожертвованіяхъ европейскихъ либераловъ, неправильно и неясно понимавшихъ причины гибели ихъ злополучныхъ братьевъ. Безпокойные заговорщики, «польскіе эмигранты» уже по своему безнадежному положенію должны были наводить страхъ на европейскія государства, и грозить существующему законному порядку ежеминутнымъ противодѣйствіемъ. Эта толпа, готовая по первому сигналу начать открытую ожесточенную борьбу, толпа, у которой вездѣ и нигдѣ были приготовлены оружіе и припасы, началомъ броженія для окружавшаго ее европейскаго общества, она готова была вредить при первой возможности, поджигать воспламеняющіеся элементы общества, и надѣясь и проклиная, вымаливать пособія, милостыни; ничему не учась и ничего не забывая, она скиталась по Европѣ безъ опредѣленной цѣли, не имѣя опредѣленнаго положенія. Но судьбы Божіи неисповѣдимы: возстаніе Польши, причинивъ огромный вредъ ей самой, принесло бѣдствія, не малыя заботы тремъ державамъ, нѣкогда раздѣлившимъ ее. Для Россіи усмиреніе Польши вооруженной силой и присоединеніе ея къ имперіи не принесло ни богатства, ни новаго могущества. Напуганные революціоннымъ движеніемъ умы европейскихъ правителей обращались къ императору Николаю съ надеждой, что онъ при случаѣ поможетъ имъ справиться съ порывистымъ, все увлекающимъ потокомъ революціи. Замѣчательно, что первая помощь была подана султану Махмуду, престолъ котораго еще не переставалъ колебаться отъ ударовъ, нанесенныхъ ему русской державой въ войну 1828—1829 года.

3. Турція.

Послѣ потери Греціи, для Турціи самый важный вопросъ заключался въ ея отношеніяхъ къ Египту, и, безъ сомнѣнія, въ этомъ таилась не послѣдняя причина реформъ, предпринятыхъ султаномъ Махмудомъ; чтобы сохранить свой авторитетъ относительно Египта, надобно было возвысить и упрочить политическое положеніе Турціи, ослабленной значительными внѣшними потерями и внутренними неурядицами. Но въ странѣ, гдѣ сильные и знатные сановники привыкли къ самовластію и необузданному произволу, гдѣ старинные, освященные привычкою безпорядки, дѣлали для избранныхъ жизнь пріятною, всякое законное ограниченіе, всякій законный порядокъ, приближающійся къ европейской администраціи, былъ ненавистенъ, и потому нововведенія султана на каждомъ шагу встрѣчали сопротивленіе и пробуждали неудовольствіе.

Египетскій паша съ корыстною цѣлью посылалъ въ Грецію свои вспомогательныя войска, но теперь съ досадой и сожалѣніемъ убѣдился, что ни одна изъ его надеждъ не осуществилась. Онъ не извлекъ изъ похода въ Грецію никакой существенной пользы; европейскія державы вмѣшались въ дѣло, и Ибрагимъ-паша, уступая ихъ превосходству въ военномъ искусствѣ и силѣ, принужденъ былъ очистить земли, такъ недавно имъ опустошенныя и залитыя кровью... За помощь, оказанную египетскимъ пашею, султанъ расплатился тѣмъ, что назначилъ Ибрагимъ-пашу намѣстникомъ острова Кандіи, предоставивъ ему сперва покорить и усмирить возставшихъ жителей. Ибрагимъ-паша, опытный въ этомъ дѣлѣ, безъ большихъ усилій задушилъ волненіе въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1831 года. Но, несмотря на видимыя неудачи, тайная цѣль египетскаго паши все-таки была достигнута: могущество Турціи значительно пошатнулось отъ долгой и ожесточенной борьбы съ Греціей, а потомъ отъ войны съ Россіей, во время которой египетскій паша оставался на своихъ нильскихъ берегахъ спокойнымъ, безучастнымъ зрителемъ. Онъ дожидался удобной минуты, чтобы вынудить у Порты какихъ либо новыхъ, выгодныхъ для него уступокъ; при разстроенномъ положеніи Турціи дожидаться пришлось недолго.

Обладаніе Сиріей во всѣ времена для Египта составляло предметъ первой важности; самостоятельно Египетъ безъ Сиріи существовать не можетъ: или эти двѣ страны должны составлять одно цѣлое, или Египетъ принужденъ довольствоваться тѣмъ, что составляетъ провинцію болѣе сильной и обширной державы; Мехмедъ-Али мечталъ о томъ, чтобы составить самостоятельное египетское государство; онъ понималъ значеніе Сиріи для Египта и потому помышлялъ о томъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ присоединить ее. Между сирійскимъ пашею Абдалай и Мехмедомъ-Али произошли несогласія и неудовольствія, которыя подали поводъ къ открытой борьбѣ. Феллахи нильской дельты, недовольные египетскимъ управленіемъ, тысячами выселились въ Сирію, гдѣ паша ихъ охотно пріютилъ и поселилъ. Такая потеря рабочихъ рукъ для египетскаго паши была очень чувствительна; онъ смотрѣлъ на Египетъ какъ на свою вотчину, что въ нѣкоторомъ смыслѣ такъ и было, потому что всякими хитростями, правдами и неправдами онъ пріобрѣлъ большую часть поземельныхъ владѣній въ свою личную собственность, и поэтому потеря рабочихъ рукъ сильно отозвалась для него тѣмъ, что поля остались необработанными и доходы, слѣдовательно, уменьшились. Мехмедъ-Али жаловался султану, но получилъ въ отвѣтъ: «феллахи не рабы египетскаго паши, они подданные Высокой Порты и потому имъ предоставлена полная свобода селиться въ границахъ Турецкой имперіи тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится».

Но Мехмедъ-Али съ своей стороны такъ легко не отказывался отъ своихъ мнимыхъ правъ, рѣшеніе султана не понравилось ему, и онъ рѣшился силою оружія отстоять свои интересы. Въ ноябрѣ 1831 пріемный сынъ паши, Ибрагимъ съ отборнымъ 20,000 войскомъ, отлично вооруженнымъ, и съ арабской кавалеріей, вторгнулся въ Сирію. Газа, Яффа, Іерусалимъ отворили передъ нимъ ворота, и онъ безъ сопротивленія явился передъ Акрой. Здѣсь заперся Абдалла-паша; египетское войско осадило крѣпость съ суши, а флотъ, вышедшій изъ Александріи въ

числѣ 27 кораблей, напалъ въ тоже время съ моря. Но осада шла медленно и вяло; султанъ, ободренный этимъ, еще въ декабрѣ прислалъ комиссаровъ къ намѣстнику и требовалъ очищенія Сиріи. Паша, по своему обыкновенію, разсыпался въ увѣреніяхъ въ своей вѣрноподданнической преданности султану; но въ то же время настоятельно требовалъ, чтобы изъ четырехъ пашаликовъ, на которые распадалась Сирія, а именно на Дамаскъ, Алеппо, Аданъ и Акра—два были присоединены къ Египту, а именно Дамаскъ и Акра. Но Порта не могла согласиться на это и тоже начала вооружаться, и такимъ образомъ война между двумя пашами сдѣлалась войною государственною. Намѣстникъ или паша Алеппо, Мехмедъ собиралъ и вооружалъ войско; къ нему на помощь предназначалось регулярное государственное войско, которое должно было придти къ началу весны 1832 года, подъ командою сераскиръ-паши Гуссейна; осада Акры шла вяло; султанъ издалъ фирманъ, по которому Мехмедъ-Али и сынъ его Ибрагимъ лишались своего званія намѣстниковъ и пашей, если немедленно не откажутся отъ своего неповиновенія и не покорятся волѣ султана. Но ни тотъ, ни другой не покорились, напротивъ ясно показали, что они не намѣрены отказаться отъ своихъ видовъ на Сирію, а можетъ быть, замышляли что нибудь худшее; тогда султанъ прибѣгнулъ къ сильнѣйшей мѣрѣ: надъ Мехмедомъ-Али и его сыномъ, какъ надъ измѣнниками предъ султаномъ и пророкомъ, произнесено было проклятіе и смертный приговоръ.

Безполезныя и безсильныя угрозы! Акра сдалась, и побѣжденный Абдалла-паша, какъ военно-плѣнный, отосланъ былъ въ Египетъ въ Александрію. Ибрагимъ-паша не терялъ времени; онъ повелъ свои войска отъ Акры къ Дамаску, который отдался ему безъ сопротивленія, и онъ занялъ его отъ имени отца своего. Отсюда направился онъ къ Бальбеку и въ сѣверную часть Сиріи на встрѣчу султанскому войску. Оно состояло изъ 60 тысячъ человѣкъ и 100 пушекъ, было сформировано на европейскій манеръ и составляло радость и надежду своего основателя султана; оно выступило изъ Константинополя 19 апрѣля. Начальство надъ войскомъ поручено было сердарю Гуссейнъ-пашѣ, человѣку глубоко преданному султану, но вялому и нерѣшительному, потратившему много времени въ медленныхъ движеніяхъ и переходахъ. Близъ города Гаматъ авангардъ турецкой арміи вмѣстѣ съ войскомъ алеппскаго паши, всего около 20,000 чел., встрѣтились съ Ибрагимъ-пашею, у котораго на лицо было 16,000 человѣкъ; произошла битва, въ которой турки были разбиты. Въ сущности еще ничего не было потеряно, потому что главное войско не принимало участія въ сраженіи, но разбито было отборное войско; духъ войска упалъ и изъ разбитаго корпуса сообщился цѣлому составу арміи; къ этому присоединились болѣзни, недостатокъ и нужда. Народонаселеніе кругомъ обнаружило враждебное настроеніе, такъ что Гуссейнъ приготовился къ отступленію въ Киликію, черезъ горный проходъ Амана: дѣло происходило на той же самой мѣстности, которую прославили походы Александра Великаго за 334 л. до Р. Х., окончившіеся битвой при Иссѣ. Горный проходъ Бейланъ находится между отвѣсными скалами, на высотѣ 5000 ф.; при небольшой осмотрительности и при умѣньѣ, его можно было бы защищать; но когда надъ скалами, надъ головами проходящаго по дефиле войска показались египетскіе стрѣлки, деморализованное турецкое войско бѣжало въ паническомъ страхѣ и не дѣлало даже попытокъ отстаивать крѣпости Киликіи, такъ что Ибрагимъ-паша безъ борьбы занялъ 11 августа Адану и всѣ горные проходы и ущелья; такимъ образомъ отъ него зависѣло нести войну дальше въ сосѣднія области, или безопасно удержать за собою свое завоеваніе. Къ концу лѣта 1832 года Сирія и Киликія находились въ рукахъ египтянъ.

Въ Константинополѣ царствовало крайнее недоумѣніе. По стариннымъ турецкимъ обычаямъ, Гуссейнъ едва ли сохранилъ бы голову на плечахъ, но при теперешнемъ правительствѣ лишился только мѣста, и на его мѣсто назначенъ былъ великій визирь Решидъ-Мехмедъ-паша, родомъ черкесъ, незнакомый съ европейскимъ военнымъ искусствомъ, но хорошо знакомый съ тактикою своего противника еще со времени осады Миссолунги, когда они дѣйствовали заодно. Усиленныя военныя приготовленія дѣлались съ той и съ другой стороны. Турецкое войско опять ободрилось: сирійскія племена, встрѣтившія Ибрагима, какъ освобо-

дителя отъ турецкаго владычества, вскорѣ убѣдились, что и онъ умѣетъ налагать подати и набирать войско противъ воли, и стали неподатливы. Положеніе Ибрагима сдѣлалось опасно и сомнительно, потому что онъ былъ такъ далеко отъ прямыхъ сношеній и отъ прямой помощи своего отца и повелителя. Но онъ рѣшился смѣло вторгнуться въ сосѣднюю провинцію; и въ Анатоліи точно также, какъ въ Сиріи, народонаселеніе, измученное и истощенное доспотическимъ правленіемъ османновъ, встрѣтило его какъ своего избавителя. Онъ почти безпрепятственно дошелъ до Коніи (Иконіи), которая сдалась ему 18 ноября 1832 года; тутъ египетское войско, непривычное къ зимнимъ походамъ и холодамъ, необыкновенно рано наступившимъ, нашло неожиданный отдыхъ и зимнія квартиры. Египетское войско отдохнуло и устроилось; теперь Ибрагиму-пашѣ оставалось одно желаніе, какъ можно скорѣе встрѣтиться съ турками и сразиться съ ними; главнокомандующій турецкими войсками, какъ бы въ угоду Ибрагиму, желалъ того-же, не смотря на все неблагоразуміе этого желанія. 21 декабря войска встрѣтились. Густой туманъ покрывалъ долину; по несчастной случайности, великій визирь попался въ ряды египетскаго войска и взятъ былъ въ плѣнъ. Болѣе семи часовъ длилась битва; до полудня сражались вяло, но послѣ полудня турки выказали отчаянную храбрость, къ тому же они превышали египтянъ числомъ; но Ибрагимъ своими распоряженіями опять вырвалъ побѣду у турокъ и окончательно разметалъ ихъ войско. Теперь путь къ Босфору былъ открытъ сыну Мехмедъ-Али, оставалось воспользоваться удобной минутой; очевидный перевѣсъ, повсюду пріобрѣтенный Ибрагимомъ, подѣйствовалъ на народъ; невольно родился вопросъ: не рѣшено ли въ совѣтѣ высочайшей мудрости Аллаха, вопреки сказанію корана, отнять у османовъ господство и вручить его египтянамъ: да и у самого Мехмедъ-Али родилась мысль, не предназначено ли аравитянамъ обновить калифатъ, и въ его лицѣ занять мѣсто одряхлѣвшей османской расы.

Великая Порта не знала, что дѣлать. Ея европейскіе друзья покинули ее и Мехмеду-Али съ этой стороны нечего было опасаться. Съ Франціей египетскій паша находился въ самыхъ лучшихъ дружескихъ отношеніяхъ; и не мудрено: для французовъ въ этой странѣ, вновь открытой для цивилизаціи, предстояло богатое поприще для достиженія богатствъ и почестей; французскіе искатели приключеній умѣли льстить самолюбію паши, увѣряя его, что онъ одинъ понимаетъ духъ своего и французскаго народа, что онъ яснѣе всѣхъ видитъ потребности Египта и одинъ можетъ руководить имъ и что онъ, по личному образованію, можетъ занять почетное мѣсто въ Европѣ. Такія увѣренія нравились, и отношенія съ Франціей были упрочены. Пруссія, по своему положенію, находилась такъ далеко отъ Египта, что не могла имѣть на него вліянія, да къ тому же она не вдавалась въ восточныя дѣла. Австрія выказывала сдержанность, а Англія была недѣятельна: вѣдь, Порта сама отказала ей во всякомъ вмѣшательствѣ, а тутъ никому и въ голову не приходило, чтобы зло такъ быстро распространилось и такъ сильно охватило все. Теперь только Порта убѣдилась въ томъ, что положеніе ея критическое, что она должна искать чужой помощи и что все спасеніе ея зависитъ отъ посторонняго вмѣшательства, откуда бы оно ни явилось, хотя бы даже отъ Россіи, той державы, войско которой два года тому назадъ чуть не взяло столицы.

Такое положеніе Турціи представляло значительныя выгоды для Россіи, и она съумѣла воспользоваться имъ. Но Турція все-таки еще не походила на безсильную добычу, которою могли воспользоваться сосѣди: съ нею надобно было обходиться осторожно и великодушно отказаться отъ непосредственной выгоды, какую можно было бы извлечь изъ ея затруднительнаго положенія въ настоящемъ, чтобы воспользоваться посредственной, какая со временемъ можетъ представиться. Въ политическихъ видахъ было—не давать Мехмеду-Али не въ мѣру усиливаться, не допускать, чтобы планы его осуществились, и чрезъ то Турецкая имперія обновилась бы новою династіей. Всего этого Россія достигла тѣмъ, что, какъ добрая сосѣдка, не отказала въ своей помощи стѣсненной Турціи и своимъ безкорыстіемъ пристыдила остальные европейскіе кабинеты. Въ тотъ именно день, когда жребій судьбы былъ брошенъ на равнинахъ Коніи, 21 декабря, русскій посланникъ, генералъ-лейтенантъ Муравьевъ, возобновилъ предложеніе своего импера-

тора—прислать Турціи въ помощь свою армію. Послѣ непродолжительной нимости между французскимъ и русскимъ вліяніемъ, султанъ Махмудъ однакожъ принялъ помощь русскаго императора; 5 января 1833 года Муравьевъ поспѣшилъ въ Александрію къ Мехмедъ-Али, а полковникъ Дюгамель отправился въ Кутаи, чтобы посмотрѣть, въ какомъ положеніи находятся остатки разбитой турецкой арміи; оттуда намѣревался проѣхать до Коніи къ Ибрагиму-пашѣ для переговоровъ. Французскій повѣренный въ дѣлахъ уже предупредилъ Ибрагима-пашу о намѣреніи русскаго дипломатическаго агента и—опять завѣряя въ своей покорности и неизмѣнной вѣрности султану, и въ глубокомъ уваженіи, какое чувствуетъ къ императору русскому— онъ однакожъ отклонилъ всякое вмѣшательство Россіи и наотрѣзъ отказался вступать въ какіе бы то ни было переговоры, потому что онъ, какъ исключительно военный, ничего не смыслитъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ. Такъ же точно не удалась попытка Муравьева у Мехмедъ-Али; вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ, въ Александрію прибылъ Халиль-паша, адмиралъ, съ предложеніемъ отъ султана забвенія всего прошлаго и пашалыка Акры. Мехмедъ-Али принялъ посланника своего повелителя, султана, со всевозможными почестями и съ блистательною торжественностью, но отвергнулъ его предложенія. Оба паши, отецъ и сынъ, съ невообразимымъ двоедушіемъ не знали границъ для своего обмана: Ибрагимъ-паша написалъ султану подобострастное письмо, въ которомъ сожалѣлъ о побѣдѣ при Коніи извинялся во вредѣ, причиненномъ турецкимъ войскамъ, и просилъ позволенія расположиться на зимнія квартиры въ окрестностяхъ Бруссы, далеко за Кутаи, на большой дорогѣ къ Мраморному морю и Босфору.

Для Россіи дипломатическая неудача въ Египтѣ была очень пріятна, а Турціи оставалось, послѣ дипломатическаго посредничества, принять ея вооруженную помощь. Когда въ Босфорѣ уже ожидали появленія русскаго флота, тогда только встрепенулся французскій посланникъ, баронъ Руссинъ, только что прибывшій изъ Франціи; чтобы не пускать русскихъ въ Босфоръ, онъ предложилъ султану свое посредничество и въ тоже время протестовалъ противъ появленія русскаго флота въ Босфорѣ. Но время было уже пропущено: 20 февраля въ Босфоръ вошли 4 русскихъ линейныхъ корабля, 5 фрегатовъ и 2 корвета подъ начальствомъ контръ-адмирала Лазарева.

Французскій посланникъ возобновилъ свой протестъ и съ своей стороны поторопился уладить дѣло; онъ уже увеличилъ мирныя предложенія противъ Муравьева — предлагалъ, кромѣ пашалыка Акры, еще намѣстничество Триполиса, но присовокупилъ замѣчаніе—если предложеніе это будетъ отвергнуто, то Франція на это будетъ смотрѣть, какъ на личную обиду. — Мехмедъ-Али запугать было трудно. Онъ отвѣчалъ, что Сирія и Анатолія въ его рукахъ, что народонаселеніе этихъ странъ ему преданс, что онъ помириться можетъ только, если султанъ уступитъ ему всѣ четыре пашалыка Сиріи, что по его мнѣнію это очень умѣренное требованіе; онъ давалъ шесть дней времени, если же по истеченіи этого срока миръ не будетъ заключенъ, то прибавилъ онъ надменно: я дамъ моему сыну повелѣніе двинуть войска впередъ. Къ чему поведетъ возобновленіе военныхъ дѣйствій, не трудно было предвидѣть: египетское войско, состоявшее изъ 70,000 человѣкъ, было въ отличномъ положеніи, тогда какъ турецкое войско превратилось въ бродящія шайки мародеровъ, противъ которыхъ собственно турецкія села и города должны были защищаться.

Это непріятное рѣшеніе пришло въ Константинополь 26 марта. Султанъ просилъ о второй эскадрѣ русскаго флота, стоявшаго наготовѣ въ Севастополѣ; диванъ со страхомъ и съ недовѣрчивостью смотрѣлъ на русскій вспомогательный флотъ, да и европейскіе представители частію раздѣляли это опасеніе, и англійскій посланникъ вмѣстѣ съ французскимъ рѣшились дѣйствовать энергически. Между тѣмъ вторая русская эскадра вошла въ Босфоръ и высадила 5,000 человѣкъ на азіатскій берегъ, за ними вскорѣ послѣдовали другіе, такъ что въ самое короткое время на азіатскомъ берегу набралось 13,000 человѣкъ; русскій императоръ присылалъ помощь съ благороднымъ прямымъ безкорыстіемъ, но турецкій диванъ не довѣрялъ его честнымъ намѣреніямъ и послалъ Решидъ-бея съ французскимъ уполномоченнымъ г. Варенномъ въ главную квартиру Ибрагима-паши, находившуюся въ Кутаи. 14 апрѣля, въ тотъ самый день, когда третья эскадра русскаго флота вхо-

дила въ Босфоръ, Варенпъ возвратился съ извѣстіемъ, что есть возможность уладить дѣло мирнымъ путемъ. Англійскій посланникъ, лордъ Понсонби, теперь тоже готовъ былъ употребить свое вліяніе; онъ преимущественно настаивалъ на томъ, чтобы султанъ согласился на всѣ уступки для того, чтобы развязаться съ опаснымъ соперникомъ; и султанъ наконецъ, 5 мая 1833 года, согласился на миръ, заключенный въ Кутаи; по этому трактату побѣдоносному вассалу были сдѣланы почти всѣ уступки, которыхъ онъ требовалъ. Намѣстникъ египетскій получилъ три сирійскихъ пашалыка, но четвертый Адану въ Киликіи вмѣстѣ съ горными дефилеями Тавра уступлены въ формѣ, которая въ сущности мало измѣняла дѣло; эту провинцію султанъ уступалъ не намѣстнику, а сыну его Ибрагиму, подъ скромнымъ названіемъ мугассиля, т. е. генеральнаго сборщика податей. Египтяне прекратили военныя дѣйствія и отступили; мирный договоръ со стороны Турціи былъ выполненъ честно и съ необыкновенною точностію: теперь дѣло было въ томъ, чтобы добромъ выпроводить русское вспомогательное войско; въ помощи его больше не нуждались. Русскіе вышли изъ запутанныхъ турецкихъ дѣлъ съ честью и съ сохраненіемъ своего благороднаго и безкорыстнаго характера; Мехмедъ-Али, султанъ и европейскіе посредники не допустили ихъ употребить оружіе, но все-таки они сами такъ энергически дѣйствовали, потому что опасались русскаго оружія. Между тѣмъ какъ египтяне привели Порту на край погибели, а мнимые друзья султана покинули ее въ минуту опасности, а потомъ кое-какъ выхлопотали миръ, по которому Турція потеряла четыре провинціи и навсегда утратила часть своего могущества, одна только Россія великодушно предложила свою помощь, и когда она была принята, безъ замедленія и честно прислала свои войска, когда же помощь оказалась болѣе ненужной, русскіе безпрекословно удалились и удовольствовались вѣжливостями и благодарностями, которыми султанъ ихъ щедро осыпалъ.

Однакожъ, они удалились не совсѣмъ съ пустыми руками. Не прошло двухъ недѣль послѣ того, какъ русскій флотъ вышелъ изъ Босфора, какъ обнаружилась тайна, до тѣхъ поръ очень тщательно скрываемая: узнали, что между Турціей и Россіей заключенъ, 26 іюня, оборонительный и наступательный союзъ. Союзъ этотъ подписанъ былъ на малбазійскомъ берегу, въ маленькомъ мѣстечкѣ, между главнокомандующимъ вспомогательнымъ корпусомъ, графомъ Александромъ Орловымъ и султанскими уполномоченными; этотъ договоръ состоялъ изъ шести статей и утвержденъ былъ предварительно на восемь лѣтъ. Адріанопольскій миръ вновь подтверждался, обѣ державы обязались помогать другъ другу по первому требованію; но къ этому присовокуплялась тайная статья, долгое время остававшаяся тайною для остальныхъ европейскихъ державъ и подававшая поводъ къ самымъ страннымъ предположеніямъ; въ этой статьѣ просто-на-просто Россія отказывалась отъ всякой матеріальной помощи для себя со стороны Порты, но за то: «высокая Порта, вмѣсто всякой помощи деньгами, или войсками, въ необходимомъ случаѣ, въ силу этого договора, обязывалась, для пользы Россіи, запереть проливъ Дарданельскій, т. е. ни подъ какимъ предлогомъ не пропускать черезъ него иностранныя суда».

Нечего было долго отыскивать и догадываться, противъ кого направленъ этотъ союзъ между сильною и слабою державой. Августа 27, французскій посланникъ при константинопольскомъ дворѣ подалъ ноту, въ которой выражалъ сожалѣніе своего правительства о томъ, что Турція подписала договоръ 8 іюля; почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ высказался лордъ Понсонби, съ прибавкою, что флотъ англійскій съ своей стороны всѣми силами будетъ поддерживать мнѣніе посланника. Вѣнскій и берлинскій дворъ покорились неизбѣжному и признали договоръ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, относительно важнаго восточнаго вопроса: обѣ великія западныя державы—Англія и Франція—поднялись противъ восточныхъ и сѣверныхъ—Россіи, Австріи и Пруссіи; это былъ новый священный союзъ съ тою только разницею, что первый голосъ въ немъ и первенство изъ нечистыхъ и даже неловкихъ рукъ Меттерниха перешли къ энергическому русскому императору Николаю и къ его разсудительному совѣтнику Нессельроде. На востокѣ встрѣтились интересы Англіи и Россіи. Политика Англіи потерпѣла цѣлый рядъ неудачъ на востокѣ; она осмотрительно и неторопливо принялась исправлять

ихъ. Не послѣднее мѣсто въ числѣ нареканій, какія дѣлали вигамъ за ихъ управленіе съ 1832—40 года, занималъ упрекъ за безсильную политику ихъ на востокѣ. Давидъ Уркварть (Urquhart), путешествовавшій въ эти годы на востокѣ, взялъ на себя задачу ясно выставить слабость англійской политики, особенно относительно происковъ Россіи, какъ онъ называлъ русскія сношенія; онъ состоялъ секретаремъ въ свитѣ англійскаго посланника лорда Понсонби; въ декабрѣ 1834 года онъ былъ отправленъ назадъ въ Лондонъ; тамъ онъ обнародовалъ свою брошюру «объ отношеніяхъ Англіи, Франціи, Россіи и Турціи»; сочиненіемъ своимъ онъ обратилъ вниманіе своихъ соотечественниковъ на опасное положеніе, какое Россія пріобрѣтаетъ на востокѣ.

Мы не будемъ въ разсказѣ своемъ упоминать о подробностяхъ изворотливой и трудной борьбы англійско-русской политики на этой скользкой и невѣрной почвѣ; объ этомъ будемъ говорить въ свое время, въ связи съ другими происшествіями. Миръ на востокѣ длился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; только тамъ и сямъ, напр. въ Босніи и Албаніи бывали отдѣльныя возстанія. Отношенія Порты къ Россіи оставались дружественныя: конвенція, заключенная въ 1834 году, окончательно сгладила и уровняла всѣ недоразумѣнія, существовавшія еще со времени заключенія адріанопольскаго мира; между прочимъ часть военныхъ издержекъ, которую Турція еще не успѣла выплатить, ей была прощена: но пока остальная не будетъ выплачена Россіи, русскій гарнизонъ оставался еще въ Силистріи; въ 1836 году, по новой конвенціи между обѣими державами, и это недоразумѣніе было устранено въ пользу Турціи.

Миръ между Мехмедъ-Али и султаномъ нѣсколько лѣтъ не нарушался; но султанъ Махмудъ съ жадностью прислушивался къ извѣстіямъ о томъ, съ какимъ неудовольствіемъ жители уступленныхъ по мирному договору въ Кутаи провинцій переносили свою участь; они очень скоро убѣдились, что египетское иго нисколько не легче турецкаго, и очень печалились о томъ, что перемѣнили одно на другое. Султанъ Махмудъ воспользовался внутреннимъ спокойствіемъ государства для того, чтобы поставить войско на хорошую ногу и пріобрѣсть опять силу, способную внушать уваженіе; чтобы достигнуть этого, онъ за помощью обратился къ Пруссіи, къ державѣ менѣе всего заинтересованной въ этомъ дѣлѣ. Фридрихъ Вильгельмъ III согласился на желаніе султана и далъ позволеніе нѣсколькимъ штабъ- и оберъ-офицерамъ отправиться въ Турцію для обученія войска; между этими офицерами находился Гельмутъ Мольтке (1835 г.), тогда еще ничѣмъ не подавшій повода къ тѣмъ военнымъ надеждамъ, какія впослѣдствіи осуществилъ. Но услуги, какія онъ оказалъ Портѣ, обратили на него вниманіе султана, и ему захотѣлось пріобрѣсть еще много такихъ же дѣятелей; въ 1837 году еще нѣсколько офицеровъ отправилось въ Турцію. Султанъ цѣнилъ услугу, какую ему оказывала Пруссія, и выказалъ свое дружеское расположеніе къ ней тѣмъ, что назначилъ въ Берлинъ постоянное посольство, такое, какое уже было въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ.

Цѣль, съ какою дѣлались военныя приготовленія въ Турціи, не была тайною для Европы и дожидались только, когда у нея опять начнется борьба съ непокорнымъ вассаломъ на берегахъ Нила. Не задолго до кончины Махмуда, въ 1839 году, вновь загорѣлась война, и «восточный вопросъ» чуть не сдѣлался поводомъ ко всеобщей западно-европейской войнѣ. Но прежде чѣмъ приступить къ этому разсказу, намъ слѣдуетъ бросить взглядъ на положеніе дѣлъ во Франціи и въ тѣхъ странахъ, которыя болѣе сѣверныхъ и восточныхъ подчинились ея вліянію, а именно въ Швейцаріи, на Апенинскомъ и Пиренейскомъ полуостровѣ.

С. РОМАНСКІЕ НАРОДЫ.

1830—1840.

Новый король Франціи, избранный достаточнымъ, промышленнымъ, миролюбивымъ среднимъ сословіемъ, немедленно по возшествіи на престолъ поторопился заявить всѣмъ европейскимъ дворамъ, что перемѣна правленія во Франціи ни въ какомъ случаѣ не поведетъ за собою нарушенія европейскаго мира. Въ іюльскую революцію въ нѣкоторыхъ молодыхъ и горячихъ головахъ, правда, возникала идея, воспользоваться этимъ случаемъ и опровинуть трактаты 1815 года, которые все еще казались оскорбительными и унизительными для націи, считавшей себя всегда первенствующей; были дальновидные люди, предполагавшіе возможнымъ, при перемѣнѣ правленія, отнять силою оружія завоеванныя области и границею государства сдѣлать Рейнъ, что, по ихъ мнѣнію, утвердило бы новый тронъ и дало бы ему блескъ, который заставилъ бы забыть тѣ не совсѣмъ прямыя и чистыя средства, какими онъ былъ достигнутъ; но Людовикъ Филиппъ и его совѣтники не такъ смотрѣли на свое назначеніе. Французскій посланникъ въ Лондонѣ, князь Талейранъ, поспѣшилъ подтвердить, отъ имени новаго правительства, всѣ мирные договоры 1815 года; при другихъ дворахъ повторилось тоже. И такимъ образомъ миръ не былъ нарушенъ, что въ глазахъ крайнихъ радикаловъ хотя и не было заслугой Людовика Филиппа, но въ глазахъ благоразумныхъ— напротивъ, потому что только такимъ путемъ революція во Франціи, не разрушая, могла благодѣтельно дѣйствовать на остальныя европейскія государства. Непосредственное вліяніе ея обнаружилось, кромѣ Бельгіи и Польши, на романскихъ южныхъ государствахъ, къ которымъ на этотъ разъ надобно причислить и Швейцарію, хотя въ ней романскаго племени всего только полмилліона жителей, а германскаго пять четвертыхъ. Находясь между романскими и германскими государствами, Швейцарія уже съ давнихъ поръ болѣе подчинялась вліянію Франціи, нежели раздробленной и разъединенной Германіи, болѣе занятой своими личными отношеніями и интересами, нежели тѣмъ, что дѣлается въ сосѣдней, незначительной горной странѣ.

1. Швейцарія.

Общій характеръ внутренняго состоянія Швейцаріи съ 1815—30 года показывалъ въ ней болѣе общаго, родственнаго, племеннаго сходства съ германскими народами. Система союзной конституціи была столько же недѣятельна, какъ и германская. Швейцарскій союзный сеймъ (Bundestag), называвшійся здѣсь федеральнымъ сеймомъ (Tagsatzung), собирался въ опредѣленные сроки попеременно то въ Цюрихѣ, то въ Бернѣ, то въ Люцернѣ, смотря по тому, за которымъ изъ этихъ первенствующихъ городовъ была очередь; тутъ происходили споры, ссоры и обыкно-

венно, ничѣмъ не рѣшивъ дѣла, члены расходились. Общихъ дѣлъ и интересовъ было мало; каждый изъ кантоновъ распоряжался самъ своимъ внутреннимъ управленіемъ и ревниво, не хуже какого либо мелкаго или крупнаго германскаго владѣнія, оберегалъ свои права и преимущества; здѣсь не было общей монеты, общаго вѣса и мѣры, не было общихъ таможенныхъ постановленій. Значеніе, какое въ Германіи имѣло дворянское и княжеское достоинство, здѣсь присвоивали себѣ старинныя семейства средняго сословія, патриціи федераціи, мало-по-малу образовавшіеся въ этой странѣ свободы и равенства, гдѣ, какъ въ кантонѣ Ури, конституція первоначально имѣла чисто демократическія формы; здѣсь еще строже и неумолимѣе, чѣмъ въ Германіи, противодѣйствовали всякому нравственному прогрессу, слѣдили за тѣмъ, чтобы развитіе не внесло въ жизнь новыхъ формъ: но стѣсненіе становилось тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ меньше были кантоны и чѣмъ ограниченнѣе взгляды вліятельныхъ лицъ. Этимъ духомъ преобладанія патриціевъ пользовалось правительство для своихъ личныхъ выгодъ и для видовъ своихъ ближайшихъ кліентовъ. Правда, существовали и народные представители; верховный совѣтъ, какъ называли эту корпорацію, былъ избираемъ пожизненно въ одномъ кантонѣ, въ другомъ только по правиламъ очень возвышеннаго ценза, въ третьемъ ему предоставлялось право пополнять число членовъ по своему выбору; но въ сущности управленіе кантональное не было предоставлено верховному совѣту; оно было въ рукахъ *малаго* избраннаго совѣта, гдѣ преимущественно господствовали патриціи, со всѣмъ своимъ деспотизмомъ, какъ это всегда бываетъ при олигархіяхъ. Таможенныя стѣсненія между кантонами были сильнѣе даже, чѣмъ въ Германіи; деньги одного кантона, напримѣръ, не ходили въ другомъ; о равныхъ гражданскихъ правахъ во всѣхъ кантонахъ не было и помину; каждый изъ 21 кантоновъ старался сбыть на руки своихъ сосѣдей тѣхъ изъ несчастныхъ, обнищавшихъ гражданъ, которые хотя и были кореннымъ уроженцами Швейцаріи, но непосредственно не приписаны были ни къ той, ни къ другой мѣстности. Къ привиллегированному вліянію на правленіе патриціевъ присоединилось еще вліяніе духовенства; ни въ какомъ государствѣ папскій нунцій не игралъ такой роли, какъ въ этой странѣ: здѣсь онъ для католическаго народонаселенія составлялъ послѣднюю инстанцію, гдѣ былъ представителемъ верховной духовной и свѣтской власти. Такъ іезуиты, вскорѣ послѣ возстановленія ихъ ордена Піемъ VII, нашли здѣсь для себя безопасное гнѣздо: въ октябрѣ 1817 года фрейбургскій кантональный совѣтъ призвалъ ихъ въ свой городъ и отдалъ имъ въ полное распоряженіе Михайловскую коллегію и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ имъ руководить всѣмъ народнымъ образованіемъ. Отсюда іезуиты, по своему обыкновенію, быстро распространялись во всѣ стороны.

Не смотря на такое строго консервативное начало, политика австрійской реакціи и здѣсь находила причину подозрительно слѣдить за всѣми движеніями; въ ея глазахъ это все-таки была республика, еще хуже—собраніе многихъ республикъ. Очарованіе свободы, хотя бы она являлась только тѣнью истинной свободы, было не больше какъ слово, звукъ, но она все-таки покоилась на этихъ горахъ: это была страна нейтральная, естественное, богатое всякими закоулками убѣжище для всѣхъ несчастныхъ, гонимыхъ подозрительною и могущественною полиціей Германіи, контрареволюціей Италіи, Испаніи и Франціи, для всѣхъ тѣхъ, которые въ своемъ домѣ на родинѣ считали себя не въ безопасности. Вотъ причина, почему иностранныя державы осыпали Швейцарію требованіями о выдачѣ скрывавшихся въ ней неспокойныхъ людей, о томъ, чтобы установлено было наблюденіе надъ печатью; Швейцарію наводнили шпіоны; правительства различныхъ державъ готовы были свои увѣщанія подкрѣпить дѣйствіемъ: установить свою собственную строгую цензуру, свою наблюдательную полицію, и при случаѣ, даже вмѣшаться во внутреннія распоряженія, какъ это случилось, напримѣръ, съ профессоромъ Трокслеромъ въ Люцернѣ: помимо его правъ отставленъ былъ его доцентъ за то, что онъ осмѣлился говорить о «правителѣ и народѣ» въ духѣ ученія Мильтона и Буханана, слѣдовательно, въ духѣ противномъ ученію одного изъ главныхъ проповѣдниковъ и главныхъ софистовъ реакціи, бернскаго профессора и патриція Карла Людовика Галлера. Но съ другой стороны, чѣмъ непосредственнѣе чувствовалось давленіе при мелочныхъ государственныхъ отношеніяхъ, тѣмъ

непосредственнѣе было и противодѣйствіе. Общества и народныя собранія, какъ напримѣръ «Общество Зофинговъ (Zofinger-Verein), Гельветское общество» и болѣе всего неистребимое на этой почвѣ Общество вольныхъ стрѣлковъ, были въ полномъ ходу и имѣли возможность безпрепятственно распространять свои воззрѣнія; это обнаружилось уже на федеральномъ сеймѣ 1827 года въ томъ, что нѣсколько кантоновъ наотрѣзъ отказались продлить рѣшеніе (conclusum) 1823 года, по которому, согласно настоятельнымъ требованіямъ союзныхъ державъ, были введены особенно строгое наблюденіе за прессой и полицейскій надзоръ за иностранцами. Гораздо раньше «великой недѣли Парижа» въ маленькомъ Тессинскомъ кантонѣ произошла полная, радикальная перемѣна въ конституціи: введено было чисто-народное правленіе.

Когда парижскій кризисъ разразился, никто изъ жителей Швейцаріи не скрывалъ отъ себя, что и Швейцарія готовится къ важному внутреннему перевороту. Въ 1830, сентября 20, первенствующій городъ Бернъ призывалъ союзное правительство къ удвоенному вниманію и къ усиленной осторожности; но главный и отдѣльный совѣтъ Берна, испуганный прошеніемъ городскаго совѣта Бургдорфа и тѣмъ, что собственная милиція его недостаточно надежна, принужденъ былъ составить національную, или гражданскую гвардію и учредить чрезвычайную комиссію для того, чтобы она передавала ему желанія народа или его потребности касательно перемѣны законовъ конституціи; изъ 299 членовъ главнаго и отдѣльнаго совѣта Берна, 200 принадлежали къ семействамъ привиллегированныхъ общественнымъ мнѣніемъ патриціевъ. Повсюду въ Швейцаріи замѣтно было броженіе, вездѣ выражалась потребность въ измѣненіи стариннаго законодательства, въ отмѣнѣ тягостныхъ злоупотребленій, въ возстановленіи первоначальныхъ правъ: правительства кантоновъ нигдѣ не могли противодѣйствовать съ надлежащею силою бурнымъ народнымъ собраніямъ, очень часто готовымъ превратиться въ вооруженныя экспедиціи противъ центральной столицы союза. Движеніе уже было въ полномъ ходу, когда 23 декабря 1830 года собрался федеральный сеймъ, созванный первенствующимъ городомъ Берномъ.

Правительственныя лица, подъ предлогомъ сохраненія независимости союзной территоріи, рѣшились составить довольно значительный корпусъ войска, но съ тайною цѣлью противодѣйствовать движеніямъ противуконституціоннымъ: положено было сдѣлать двойной наборъ для союзной арміи, которая этимъ достигла бы цифры 65,000. Но Цюрихъ объявилъ, что внутренней реформы нечего опасаться и что напротивъ ее скорѣе слѣдуетъ желать, тѣмъ болѣе, что это мнѣніе согласно съ убѣжденіемъ кантона, у котораго реформа уже была въ полномъ ходу; мнѣніе Цюриха поддержали 11 кантоновъ и положено было, что федеральный сеймъ не имѣетъ ни права, ни намѣренія вмѣшиваться во внутреннія распоряженія отдѣльныхъ кантоновъ.

Но бернскіе патриціи не считали себя побѣжденными. Они попытались образовать надежный корпусъ волонтеровъ, при чемъ преимущественно разсчитывали на распущенныхъ во Франціи какъ солдатъ, такъ и офицеровъ швейцарскаго отряда. Но народонаселеніе очень недружелюбно смотрѣло на эту попытку, и раздраженіе его со дня на день принимало болѣе грозный характеръ; еще въ январѣ 1831 года произошло столкновеніе между возставшими и правительственными войсками, при чемъ послѣднія потерпѣли пораженіе. Въ верховномъ совѣтѣ происходили долгія и бурныя совѣщанія, которыя кончились тѣмъ, что положено было: такъ какъ въ настоящее время совѣтъ не пользуется довѣріемъ народа, то ему остается только разойтись, а народу избрать новый законодательный совѣтъ, которому и слѣдуетъ поручить составить новую форму правленія. Представители важныхъ гражданскихъ домовъ удалились отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла; они втайнѣ льстили себя надеждою, что неспособность плебеевъ къ государственнымъ дѣламъ неминуемо обнаружится и тогда они получатъ блестящее удовлетвореніе за нанесенное имъ въ настоящую минуту оскорбленіе. Но предположеніе ихъ не оправдалось, государство не распалось на части; черезъ три мѣсяца, іюня 26-го 1831 года законодательный совѣтъ окончилъ порученную ему работу; а 31 іюля была принята новая конституція, по большинству голосовъ жителей кантона; правленіе патриціевъ замѣнено было правленіемъ на-

роднымъ. Старинныя судебныя и административныя учрежденія были замѣнены новыми. Въ кантональной кассѣ нашлась экономія въ десять милліоновъ франковъ, которые были собраны недальновидными и необоротливыми правителями и лежали безъ употребленія въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Новая конституція, въ теченіе этого года, была введена во многихъ кантонахъ, пока въ Бернѣ все еще разсуждали о перемѣнахъ и приготовлялись къ нимъ; такъ конституція измѣнилась и принята была въ Фрейбургѣ 27 января, въ Люцернѣ 1 февраля, въ Солотурнѣ 14 марта, въ Цюрихѣ 30 марта, въ Сенъ-Галленѣ 1 апрѣля, въ Тургау 26 апрѣля, въ Ааргау въ началѣ мая, въ Валлисѣ 14 мая, въ Шафгаузенѣ 2 іюня. Основное начало всѣхъ конституцій было одно: расширеніе правъ (большаго) верховнаго совѣта и исправленіе системы выбора членовъ этого совѣта. Въ Сенъ-Галленѣ демократическій принципъ дошелъ до того, что предложено было каждый проектъ закона впередъ представлять на обсужденіе отдѣльныхъ общинъ и приходовъ. Перемѣны почти повсюду произведены были безъ кровопролитія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принуждены были прибѣгнуть къ хитрости и причислить тѣхъ, которые не хотѣли подавать голоса, къ тѣмъ, которые подавали голосъ за конституцію, чтобы тѣмъ пріобрѣсть значительное большинство согласныхъ.

Но это движеніе въ отдѣльныхъ кантонахъ, возвысившее ихъ значеніе, не послужило однакожъ къ тому, чтобы скрѣпить весь союзъ кантоновъ въ одно органическое цѣлое; этого нельзя было достигнуть при стремленіи германскаго племеннаго духа къ самостоятельности и къ раздробленію; и такое стремленіе только вызвало къ существованію нѣсколько отдѣльныхъ, незначительныхъ штатовъ. Въ кантонѣ Базелѣ всегда недовольное и завистливое сельское народонаселеніе, справедливо, или нѣтъ, считало себя притѣсненнымъ и презираемымъ, сравнительно съ городскимъ; законодательная реформа, по его мнѣнію, вырабатывалась слишкомъ медленно; оно было недовольно тѣми уступками, какія законодательная комиссія предполагала сдѣлать, но требовало, чтобы городское и сельское народонаселеніе въ верховномъ совѣтѣ имѣли своихъ представителей, не какъ до сихъ поръ 90 : 60, но сообразно съ поголовною численностью населенія. Составилось 4 января 1831 года народное собраніе въ мѣстечкѣ Листаль, отстоящемъ отъ Базеля на три часа пути; это собраніе предложило базельскому законодательному совѣту суточный срокъ для того, чтобы онъ принялъ это несправедливое въ предполагаемомъ видѣ требованіе и нѣкоторыя другія, столько же несообразныя; но такъ какъ законодательный совѣтъ медлилъ, то установилось отдѣльное революціонное правительство, которое силою принудило нѣсколько приходовъ приступить къ этому рѣшенію. Такъ какъ богатый торговый городъ Базель ни подъ какимъ видомъ не могъ безусловно согласиться на требованія Листаля, дѣло дошло до открытой, вооруженной вражды, и кантональное войско заняло Листаль (6 января). Федеральный совѣтъ оказался безсильнымъ, чтобы окончить несогласіе; базельское правительство отстаивало свое право занять мѣстечко войскомъ и требовало, чтобы зачинщики возстанія были наказаны; между тѣмъ совѣтъ продолжалъ законодательную реформу; въ февралѣ она была окончена и подвергнута народному голосованію, принята и введена. Но раздраженіе между партіями не прекращалось. Въ августѣ опять вспыхнуло возстаніе и въ Листалѣ установилось новое правленіе, а правительственныя войска опять подступили, но принуждены были отступить отъ помнутно возрастающаго наплыва сельскаго народонаселенія. Опять посредникомъ явился федеральный совѣтъ. Но базельскій главный совѣтъ не соглашался сдѣлать уступки сельскому населенію, которыхъ федеральный совѣтъ отъ него требовалъ, и хотѣлъ принудить сельское народонаселеніе къ совершенной покорности тѣмъ, что предложилъ совершенно отдѣлить его управленіе отъ городскаго. Сельскія общины взглянули на этотъ вопросъ съ другой, неожиданной точки зрѣнія: вмѣсто того, чтобы испугаться такого отдѣленія, онѣ безпрекословно на него согласились; большая часть приходовъ присоединилась къ отдѣлившимся и 18 марта 1832 года они образовали свой новый кантонъ. Конституція союза оказалась недостаточно сильной, чтобы распутать, или предотвратить подобныя неурядицы, разразившіяся броженіемъ цѣлыхъ округовъ; ничего добраго отъ такого состоянія дѣлъ ожидать нельзя было, поэтому со всѣхъ сторонъ начали выстав-

лять необходимость во-время пересмотрѣть и исправить конституцію всего союза и конституціи отдѣльныхъ кантоновъ.

Нѣсколько кантоновъ составили отдѣльный союзъ: Бернъ, Ааргау, Тургау, Сенъ-Галленъ, Солотурнъ, Цюрихъ и Люцернъ; они заключили между собою семикантонный конкордатъ (Siebenerconcordat), съ цѣлью общими силами поддерживать и охранять свои преобразованныя конституціи; въ федеральномъ совѣтѣ они настояли на томъ, чтобы назначена была особая комиссія, которая имѣла бы право предлагать проекты для преобразованія союзныхъ постановленій; въ тоже время 14 сентября 1832 г. настояли на томъ, чтобы рѣшеніе объ отдѣленіи города Базеля отъ сельскаго населенія кантона Базеля было утверждено, но въ то же время положено было, чтобы впередъ въ отношеніяхъ къ цѣлому союзу, оба отдѣленія кантона Базеля относились къ нему, какъ одинъ. Противъ такого рѣшенія нѣсколько кантоновъ приняли свои мѣры предосторожности, въ числѣ ихъ Швицъ, у котораго внѣшніе округи тоже отдѣлились отъ городскаго; кантоны: городъ Базель, Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Валлисъ, Нейенбургъ, заключили въ Сарненѣ особый союзъ, въ которомъ союзники постановили и обязались не посылать представителей въ федеральный совѣтъ (Tagsatzung), если въ него допущены будутъ представители отъ сельскихъ приходовъ Базеля и отъ внѣшнихъ округовъ Швица. Въ 1833 году марта 11 собрался федеральный совѣтъ въ Цюрихѣ; сарненскіе союзники не явились; да и нѣкоторые другіе кантоны отказались принимать участіе въ совѣщаніяхъ, касающихся измѣненій союзной конституціи. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ, проекты, представленные комиссіей, были непріятны, потому что предлагали отмѣнить ручательство въ содержаніи монастырей и другихъ подобныхъ учрежденій; для иныхъ предложенныя перемѣны были недостаточно радикальны; какъ бы то ни было, но чрезвычайный федеральный совѣтъ разошелся 15 мая, ничего не сдѣлавъ и ничего не достигнувъ.

Но 1 іюля опять собрался узаконенный срочный федеральный съѣздъ изъ 17 кантоновъ и двухъ полукантоновъ—сельскаго базельскаго и внѣшнихъ округовъ Швица; сарненскіе союзники особо засѣдали въ Швицѣ. Между тѣмъ какъ толковали о томъ, чтобы примирить возникшія враждебныя отношенія, пришло извѣстіе о вооруженномъ нападеніи центральнаго, или древняго Швица на внѣшніе округи и города Базеля на сельскія общины. Только теперь федеральный съѣздъ рѣшился принять энергическія мѣры. Въ нѣсколько дней собралось союзное швейцарское войско въ 20,000 человѣкъ; изъ нихъ отрядъ въ 6,000 человѣкъ занялъ Кюснахтъ, откуда между тѣмъ вооруженныя силы Швица отступили. Вторженіе городскихъ войскъ Базеля въ сельскія общины окончилось 3 августа кровавой и несчастной для городскихъ жителей битвой; федеральныя войска не успѣли придти во время, чтобы помѣшать сраженію; федеральный съѣздъ положилъ, 5 августа, поставить союзные гарнизоны въ Базелѣ и въ Швицѣ съ тѣмъ, чтобы они занимали эти пункты до тѣхъ поръ, пока несогласія не прекратятся, а 12 августа, сарненскій союзъ былъ разорванъ. Сарненскіе союзники, скрѣпя сердце, подчинились неизбѣжному, Швицъ принужденъ былъ дать всѣмъ своимъ округамъ одинаковыя права, и раздвоенные округи кантона опять соединились въ одно цѣлое. Такимъ же образомъ окончились безпорядки въ Валлисѣ, гдѣ нижняя французская часть кантона вооружилась на горную—верхнюю, нѣмецкую часть, и гдѣ дѣло дошло уже до раздѣленія страны на два кантона; но верхній, горный Валлисъ сдѣлалъ всевозможныя уступки и дѣло уладилось. Отдѣленіе Листаля отъ Базеля осталось въ полной силѣ и кантонъ распался на городъ Базель и на округъ Базель, и кантональныя имущества раздѣлены были поровну между обѣими частями, что само по себѣ, разумѣется, было вовсе несправедливо, потому что большая часть этого имущества было чисто городское.

Такія энергическія мѣры какъ бы истощили всю дѣятельность федеральнаго совѣта; пересмотръ союзной конституціи и необходимыя исправленія въ законодательствѣ отложены были до другаго, болѣе удобнаго времени. Но въ 1835 году выработалось, однакожъ, соглашеніе касательно союзнаго войска и таможенныхъ пошлинъ, и внутреннее спокойствіе въ слѣдующіе за тѣмъ годы не нарушалось; только относительно Франціи возникли нѣкоторыя недоразумѣнія, зависѣвшія отъ характера трудныхъ обстоятельствъ, съ которыми правленію Людовика Филиппа

приходилось бороться. Когда же въ 1839 году цюрихскій университетъ предложилъ каѳедру доктору Д. Ф. Штраусу, сочиненіе котораго «Жизнь Іисуса» повсюду пробудило толки, неудовольствія и открытую борьбу, тогда и вся консервативная партія Швейцарскаго союза возстала на либерализмъ вольнодумцевъ, начались несогласія, составившія прелюдію къ тѣмъ тяжкимъ неустройствамъ, которыя въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія повели за собою преобразованіе отношеній швейцарскихъ кантоновъ.

2. Италія.

Потокъ реакціи, въ полной силѣ развернувшійся въ концѣ третьяго десятка текущаго столѣтія, который готовъ былъ во Франціи смыть всѣ, пріобрѣтенныя духомъ свободы, преимущества, затопилъ и въ Италіи всякое свободное стремленіе. Австрійцы, а гдѣ ихъ небыло, боязнь ихъ вмѣшательства сдерживала всякое движеніе мысли и слова; австрійское вліяніе составляло какъ бы низшую полицейскую сторону управленія, высшая, но все-таки полицейская, власть была въ Римѣ, въ рукахъ ордена іезуитовъ, которымъ папа Левъ XII возвратилъ полную царственную власть. Оба, и это государство, и эта церковь, не допускавшія свободнаго, добровольнаго повиновенія, но требовавшія слѣпой, рабской покорности, нуждались другъ въ другѣ и работали другъ для друга, пытаясь подавлять всякое проявленіе нравственнаго духа свободы и облагороживая все, что заслуживало порицанія, жертвуя всѣмъ въ пользу церкви и защищаемыхъ ею правилъ. Едвали можно было найти въ Италіи честнаго человѣка, въ глазахъ котораго отношенія австрійскаго правительства къ италіянскимъ дѣламъ показались бы справедливыми, но съ другой стороны было очень много глубоко честныхъ людей, считавшихъ дѣломъ правымъ и богоугоднымъ преслѣдовать и уничтожать все то, что противорѣчило средневѣковымъ воззрѣніямъ на церковь и ея служителей, все, что пыталось отдѣлить божеское отъ человѣческаго и не принимало того и другаго за одно и то же.

Въ самой Австріи воззрѣніе на религію вообще было лишено возвышенной точки зрѣнія; тамъ съ цинизмомъ употребляли церковь и ея служителей полицейскими агентами для правительственныхъ цѣлей; въ Галиціи, напримѣръ, употребляли орденъ іезуитовъ на то, чтобы усилить въ народѣ политически-католическій элементъ, въ ущербъ грекo-россійскому; въ Ломбардіи ихъ назначеніе было подводить контра-мины подъ минами, взрытыми тайными обществами; въ коренныхъ нѣмецкихъ территоріяхъ и въ Венгріи іезуиты пока не находили для себя удобной и производительной почвы; во Франціи, напротивъ, духъ католичества нашелъ сильную партію; самый умный и самый проницательно-послѣдовательный органъ его— іезуиты, вполнѣ овладѣли королемъ и могли располагать силами значительной и могущественной партіи. Неизвѣстно, вышелъ ли планъ декретовъ, обнародованныхъ Карломъ X и его министрами, первоначально изъ римской куріи, или только онъ согласовался въ своихъ основныхъ чертахъ съ духомъ тамошнихъ угнетателей; какъ бы то ни было, но въ новѣйшее время привыкли приписывать вліянію іезуитовъ всякое дѣйствіе властолюбія, проявлявшагося въ духѣ католицизма; во всякомъ случаѣ, походъ, предпринятый Карломъ X и его министрами противъ либеральнаго движенія, вполнѣ согласовался съ духомъ, царившимъ въ Римѣ.

Этотъ походъ, кѣмъ бы онъ ни былъ затѣянъ, во всякомъ случаѣ былъ веденъ съ недостаточною предусмотрительностью и послужилъ только на то, чтобы привести зачинщиковъ его во Франціи къ конечной гибели. Но замѣчательнѣе всего то, что успѣхъ революціи во Франціи на этотъ разъ вызвалъ революцію въ Церковной области.

Сила, все еще заявлявшая претензію на управленіе міромъ, выказала полную неспособность ввести хотя бы самый поверхностный порядокъ въ управленіе ничтожною областью, имѣвшей несчастіе служить основаніемъ для трона всемірнаго властителя. Народъ стоналъ подъ невыносимой тяжестью налоговъ и отъ совершенной неспособности духовенства, въ рукахъ котораго находилась ближайшая власть; въ каждомъ распоряженіи этихъ правительственныхъ органовъ выказывалось полное невѣжество и совершенное незнаніе потребностей народа и тѣхъ

средствъ, какими можно было бы поднять его благосостояніе. Церковная область управлялась путаницей законовъ, изданныхъ въ теченіе многихъ столѣтій; гражданское и духовное судопроизводство и судебныя мѣста были перепутаны; на каждомъ шагу встрѣчались духовныя лица, а религія при этомъ находилась въ совершенномъ упадкѣ; вездѣ были шпіоны и доносчики, противъ которыхъ народъ самовольно употреблялъ кинжалъ и пулю. О первенствѣ въ дурномъ управленіи съ Церковной областью могло соперничать только одно государство—герцогство Модена; и здѣсь народное образованіе было въ рукахъ іезуитовъ, цензура съ варварскою строгостью гонялась за мыслями и словами; полицейская власть была распространена до крайнихъ предѣловъ: никому, безъ ея вѣдома и согласія, не позволено было переѣзжать съ мѣста на мѣсто въ чертѣ границъ небольшаго государства съ поверхностью въ 106 кв. миль.

Не могло быть и помысла объ исправленіи, путемъ мирныхъ соглашеній, такихъ безпорядковъ въ Церковной области. Погруженные въ дѣла универсальнаго управленія католическимъ міромъ, папа и его духовные совѣтники не имѣли времени и охоты заняться ближайшими своими подданными; они были обречены зрячими глазами не видѣть и чуткими ушами не слышать того, что дѣлалось непосредственно передъ ними; поэтому могла ли имъ придти на умъ потребность реформы?—Папы перемѣнялись, слѣдовали одинъ за другимъ, но система правленія оставалась неизмѣнной, неисправленной и неисправимой. Папа Левъ XII умеръ 10 февраля 1829 года, ему наслѣдовалъ Пій VIII, такой же ревнитель католицизма, какъ его предшественникъ; онъ умеръ 30 ноября 1830 года, но передъ кончиной успѣлъ еще принять посланника французскаго и услышать отъ него утѣшительную вѣсть, что новый король, Людовикъ Филиппъ,—вѣрный сынъ церкви и особенный вѣсъ поставляетъ въ томъ, что и онъ потомокъ Людовика Святаго; за Піемъ на папскій престолъ взошелъ командоръ ордена Камалдуловъ, кардиналъ Капелларн, подъ именемъ Григорія XVI, строгій монахъ, извѣстный своею ученостью и какъ жаркій защитникъ ультрамонтанскаго образа мыслей; но всѣ эти перемѣны, какъ мы уже замѣтили, не перемѣнили ничего въ народномъ бытѣ жителей Церковной области.

Италія, гдѣ только была хотя малѣйшая возможность, привѣтствовала французскую революцію громкими изъявленіями восторга, гдѣ этого нельзя было — тихою семейною радостью; но вездѣ на нее смотрѣли съ надеждой и ожиданіемъ. Начальники тайныхъ обществъ находились въ сношеніяхъ съ Лафайеттомъ и другими представителями либеральной партіи; всѣ они увѣрены были, что теперь невозможно болѣе вооруженное вмѣшательство Австріи въ странахъ, подчиненныхъ ей непосредственно; если бы, однакожь, такого рода попытка повторилась, то неминуемо надобно было ожидать протеста и вмѣшательства со стороны Франціи. Съ такими надеждами начались волненія: февраля 3, 1831 года, сорокъ человѣкъ заговорщиковъ собрались въ Моденѣ, въ домѣ одного изъ своихъ сообщниковъ—Чиро Менотти, съ цѣлью нечаянно напасть на герцогскій дворецъ, овладѣть герцогомъ, а все дальнѣйшее, положили они, придетъ своимъ порядкомъ. Но герцогъ, достигшій большаго совершенства во всѣхъ отрасляхъ обмана и хитрости, зналъ о существованіи заговора и о его цѣли; онъ входилъ въ личныя сношенія съ Менотти и умѣлъ его увѣрить въ томъ, что и ему австрійская полицейская система противна, но что онъ только по принужденію подчиняется ей. Такимъ образомъ вышло, что не заговорщики напали на герцога, а наоборотъ герцогъ напалъ на домъ заговорщиковъ: послѣ отчаяннаго сопротивленія ихъ осилили: но на слѣдующій день герцогъ однакожь бѣжалъ въ Мантую и увезъ съ собою раненаго Менотти. Извѣстіе о томъ, что произошло въ Моденѣ, дошло къ 4 часамъ пополудня въ тотъ же день, въ Болонью; здѣсь, въ горнилѣ всѣхъ либеральныхъ мнѣній, нѣсколько сотъ молодыхъ людей—студентовъ, адвокатовъ и т. п. провозгласили *независимость Италіи*. Волненіе возрастало, испуганный пролегатъ составилъ комиссію изъ знатнѣйшихъ жителей города, которой далъ самое обширное полномочіе и организовалъ національную гвардію. Самъ онъ уѣхалъ; въ то же время пришло извѣстіе, что конклавъ въ Римѣ избралъ на папскій престолъ Григорія XVI; комиссія приняла характеръ временнаго правительства города и провинціи Болоньи, а вмѣсто папскихъ атрибутовъ на знаменахъ явп-

лись цвѣта къ е д и н о й соединенной Италіи—бѣлый, зеленый и красный; это было сигналомъ къ общему волненію, которое быстро распространилось по всѣмъ провинціямъ Церковной области; оно перешло даже на ту сторону Апеннинъ: города Перуджіо и Сполето послѣдовали примѣру Болоньи, а въ Чивита-Веккія начали приготовлять корабль, чтобы, въ случаѣ нужды, увезти вновь избраннаго папу съ почвы, колебавшейся у него подъ ногами. Но революціонное движеніе областей не нашло сочувствія въ столицѣ и ближайшихъ ея окрестностяхъ; за то оно распространилось по сю сторону Апеннинъ, также и на Парму, откуда эрцгерцогиня Марія-Луиза, прежняя императрица французовъ, послѣ смѣлаго сопротивленія, принуждена была бѣжать въ Ломбардію, 13 февраля. Въ Анконѣ, на Адріатическомъ морѣ, комендантъ крѣпости началъ вести съ патріотами переговоры о сдачѣ крѣпости, но его гарнизонъ разбѣжался, не дожидаясь почетной капитуляціи, а комендантъ достался въ руки возставшимъ.

Такимъ образомъ освободились провинціи Церковной области и два маленькія герцогства; но примѣру этому не посмѣли послѣдовать ни Неаполь, ни Сардинія и того меньше австрійско-италіянскія области. Новое революціонное правительство издало декретъ, которымъ призывало къ оружію всѣхъ поголовно, отъ 18 до 50 лѣтняго возраста; но организація войска шла медленно, безъ особаго рвенія; за то съ несравненно большимъ жаромъ принялись за исправленіе администраціи и за судопроизводство, въ которомъ тысячи злоупотребленій ожидали дѣятельной реформы; кромѣ того, нужно было отмѣнить тяжкіе и безполезные налоги. Какъ будто въ папскихъ областяхъ не было волненія, а царствовалъ полный миръ, революціонное правительство созвало представителей изъ всѣхъ областей, принявшихъ участіе въ возстаніи для обсужденія конституціи. Февраля 26 открылось засѣданіе въ Болоньѣ; представители возставшихъ провинцій декретомъ объявили независимость свою отъ куріи подъ названіемъ соединенныхъ итальянскихъ провинцій и назначили комиссію для составленія конституціи для этихъ вновь сформированныхъ штатовъ. Конституція была очень скоро составлена: правительство должно было находиться въ Болоньѣ, оно должно было состоять изъ президента и семи отвѣтственныхъ министровъ, изъ законодательнаго совѣта, составленнаго изъ представителей десяти провинцій, которымъ однакожъ предоставлялось внутреннее управленіе; первымъ президентомъ избранъ былъ адвокатъ Вичини.

При видѣ такого движенія, австрійское войско, подъ начальствомъ фельдмаршала Бентгейма, 5 марта перешло границу герцогства Модена, а 6 заняло Феррару, на что Австрія имѣла еще признакъ права, на основаніи существующаго договора. Этимъ пока удовольствовались. Болонское собраніе въ первомъ порывѣ ужаса закрыло засѣданія, но вскорѣ оно вновь получило приглашеніе собраться; но засѣданія не успѣли открыться, когда австрійцы сбросили маску; они между тѣмъ уже поставили гарнизонъ въ Моденѣ и Пармѣ; наконецъ, 19 марта австрійскій главнокомандующій, генералъ Фримонъ, издалъ прокламацію, въ которой говорилось о просьбѣ о помощи его святѣйшества папы у австрійскаго императора; уже 21 австрійскіе полки заняли Болонью, тогда какъ начальникъ италіянскихъ войскъ генералъ Цуккі (Zucchi) въ тоже время отступалъ по дорогѣ къ Римини, а правительство переведено было въ Анкону. Австрійцы преслѣдовали отступающихъ; они еще со времени своихъ легкихъ побѣдъ въ Неаполѣ привыкли съ пренебреженіемъ смотрѣть на италіянское, мало обученное и не привыкшее къ повиновенію войско. Но на этотъ разъ начальникъ авангарда, генералъ Менгенъ, на себѣ испыталъ, что италіянцы не всегда бѣгутъ безъ оглядки: ему пришлось вынести рядъ отважныхъ и стойкихъ сопротивленій арьергарда италіянской арміи. Но противустоять превосходству австрійскихъ войскъ не было никакой возможности; оно безостановочно шло впередъ; ему оставалось недалеко до Анконы, укрѣпленія которой были стары, развалились и не представляли возможности вынести осаду.

Но между тѣмъ дѣла приняли совершенно неожиданный оборотъ. Временное правительство сдѣлало богатое пріобрѣтеніе: папскій эмиссаръ (legatus a latere) кардиналъ Бенвенути, уполномоченный его святѣйшествомъ, прибылъ въ отдѣлившіяся провинціи съ тѣмъ, чтобы посредствомъ контра-революціи возстановить прежнее положеніе дѣлъ; онъ явился примирителемъ. Временное пра-

вительство добровольно передало ему правленіе, заручившись, однакожь, впередъ полною амнистіей въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова. Поступокъ этотъ былъ вполнѣ своевременнымъ, потому что и для папы австрійское вмѣшательство было только необходимымъ зломъ, отъ котораго ему хотѣлось бы поскорѣе отдѣлаться; надобно было ожидать, что и французы наконецъ подадутъ признаки жизни и сочувствія; но всѣ эти разсчеты оказались немногосторонними и невѣрными. Австрійцы отказались отъ перемирія, котораго Бенвенути отъ нихъ требовалъ, отказались подъ очень остроумнымъ предлогомъ, потому что въ сущности не было никакой войны съ законнымъ папскимъ правительствомъ; 19 они заняли Анкону, хотя на стѣнахъ ея, вмѣсто знамени съ италіянскими народными цвѣтами, развѣвался папскій гербъ. Значительное число болѣе всего замѣшанныхъ въ возстаніи успѣло бѣжать; генералъ Цукки, такъ почетно и такъ славно отстоявшій честь италіянскаго оружія, и нѣкоторые другіе бѣжали на лодкахъ, но были пойманы въ открытомъ морѣ и отвезены въ Венецію, гдѣ генерала, какъ австрійскаго дезертира, присудили къ смертной казни, но, по австрійскому милосердію, онъ получилъ помилованіе съ 20-лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ.

Въ Римѣ не радостно было принято такое возстановленіе папскаго авторитета. Но изъ опасенія, какъ бы Франція не вмѣшалась въ дѣло, австрійцамъ пришлось отказаться отъ слишкомъ явной и безпощадной мести; общественное мнѣніе и пресса во Франціи высказывали явный и смѣлый протестъ противъ вторженія австрійцевъ въ италіянскія земли; такое участіе было пробуждено не столько сочувствіемъ къ стремленію италіянцевъ къ независимости, сколько досадой на австрійское вмѣшательство, что и обнаружилось въ протестѣ, поданномъ въ Римѣ. Кромѣ того возстаніе въ Папской области разоблачило передъ цѣлымъ свѣтомъ дурное и безпорядочное внутреннее ея управленіе; иностранные посланники въ Римѣ открыто составили конференцію, въ которой разбирали всѣ недостатки администраціи, составили подробный меморандумъ и 21 мая 1831 года представили его кардиналу-статсъ-секретарю, для основательнаго пересмотра. Но такія дѣла здѣсь рѣшались скоро и давно принятымъ способомъ; декретомъ отъ 5 іюля обѣщаны были всѣ требуемыя реформы: приходскіе, окружные, провинціальные совѣты и центральный совѣтъ; дано было предписаніе выработать проектъ о реформахъ законодательства. На первый разъ, временно самъ папа избралъ членовъ главнаго совѣта, а членовъ приходскихъ и провинціальныхъ совѣтовъ назначали его легаты; но въ главномъ курія рѣшилась не уступать: т. е. ни подъ какимъ видомъ не допускать свѣтскихъ людей на высшія правительственныя должности; курія знала, что при системѣ правленія, глава котораго былъ неизмѣняемъ и непогрѣшимъ, народъ удовольствуется нѣкоторыми видимыми и поверхностными реформами. Австрійскія войска удалились, потому что они во всякую данную минуту, при малѣйшей надобности, могли возвратиться; они очистили Папскую область 2 іюля.

Но не успѣли они уйти, какъ волненіе опять поднялось въ папскихъ легатствахъ. Вмѣсто австрійцевъ, въ Анкону и Римини вступили папскія войска—это былъ сбродъ и бродяги, подобранные на улицахъ Рима, или бывшіе галерные невольники, или помилованные разбойники, поступившіе папское войско. Для мирныхъ жителей, всякая иностранная интервенція была лучше, чѣмъ попасть въ руки этихъ шаекъ; въ Болоньѣ рѣшились показать твердость; національная гвардія опять была созвана и вооружена и все народонаселеніе города рѣшилось не пускать за свою черту этого постыднаго папскаго войска и, въ случаѣ нужды, противиться ему открытою силой. Вслѣдъ за этимъ папское правительство опять принялось за обманчивую игру въ мнимыя реформы, которыхъ требовала Франція; на первый разъ сдѣлали перемѣны въ судопроизводствѣ; перемѣны эти, вѣроятно, были улучшеніями, потому что хуже, того, какъ было, невозможно было ничего придумать. Но подобная полу-реформа никогда не можетъ удовлетворить народа, хотя короткое время надѣявшагося на радикальную перемѣну всѣхъ условій жизни; къ тому же, въ народѣ недоставало вѣры въ искренность правительственныхъ попытокъ къ улучшенію и поэтому броженіе не прекращалось; ноября 21 изданъ былъ эдиктъ объ учрежденіи финансоваго правленія, въ которое для провѣрки счетовъ положено было назначить трехъ свѣтскихъ членовъ. Когда

этотъ эдиктъ былъ обнародованъ, въ Болоньѣ партія недовольныхъ насмѣялась надъ нимъ и всенародно сожгла его. Этотъ поступокъ истощилъ остатокъ терпѣнія папы; онъ назначилъ кардинала Альбани, человѣка съ очень крутымъ нравомъ, апостолическимъ комиссаромъ въ Болонью и снабдилъ его самыми обширными правами; кромѣ того готовы были двинуть войска, подъ начальствомъ полковника Барбіери и Цамбони, на непокорное народонаселеніе сѣверныхъ провинцій. Революція вновь началась. Декабря 24 въ Болоньѣ собрались сословные представители—члены городскихъ правительственныхъ учрежденій, начальники національной гвардіи—и постановили созвать новый конгрессъ на 5 января 1832 года; но въ тоже время декретомъ рѣшено было послать депутацію къ папѣ. Послѣ безполезныхъ переговоровъ папскія войска, для него, чтобы конгрессъ состоялся, двинулись впередъ; національная гвардія при встрѣчѣ съ ними была окончательно разбита и разсѣяна; въ Чезена и особенно въ Форли папскіе полки хозяйничали по-своему; безъ всякаго повода, безъ разбора, кто правъ, кто виноватъ, они убивали и грабили; не остановились даже передъ святыней церковной, выносили все цѣнное, похищали даже священные сосуды. Кардиналъ Альбани не былъ въ силахъ обуздать ихъ и нашелся вынужденнымъ призвать на помощь австрійскія войска изъ Ломбардіи, противъ своихъ же; они прибыли 28 января; жители встрѣтили ихъ, то какъ освободителей; австрійцы во второй разъ заняли Болонью. Папскія войска встрѣчены были градомъ камней и грязи; они должны были сидѣть въ казармахъ и никуда не показываться; если бы папскій солдатъ показался гдѣ нибудь въ одиночку, не смотря на то, что народъ былъ обезоруженъ, за жизнь его все-таки нельзя было бы поручиться.

Успѣхи австрійскаго оружія обратили на себя вниманіе французовъ, и они вышли изъ своего бездѣйствія. Французская эскадра явилась въ Адріатическомъ морѣ, и въ ночь съ 22 на 23 февраля французскій отрядъ высадился на берегъ и занялъ Анкону. Происшествіе это было для большинства неожиданнымъ, и пробудило радостныя надежды, которыя впослѣдствіи не осуществились, но во всякомъ случаѣ, дессантъ былъ встрѣченъ съ шумнымъ изъявленіемъ восторга. Подъ сѣнью трехцвѣтнаго знамени апостолическій комиссаръ началъ свое царство ужаса, котораго даже Римъ не могъ одобрить. Въ конгрессѣ царственныхъ союзниковъ попытались было образумить папское правительство, но совѣты и указанія ни къ чему не вели, даже Меттернихъ называлъ это правительство самымъ глупымъ, такъ гдѣ же было чему нибудь научить его? Конференціи окончились, и дѣла приняли свой старый, обычный складъ.

Въ Церковной области еще тлѣло образованіе, но его постарались затушить: римскій университетъ, напримѣръ, былъ закрытъ, или находился подъ спудомъ вліянія духовенства и его приверженцевъ; вещественный порядокъ поддерживался наемными войсками—швейцарцевъ, въ рядахъ которыхъ служили еретики.

Объ остальной Италіи тоже нельзя сказать много утѣшительнаго: къ бѣдствіямъ отъ австрійскаго управленія и отъ домашней тиранніи, какъ, напримѣръ, отъ худшаго изъ деспотовъ — Франца, герцога моденскаго, присоединилось еще новое бѣдствіе. Холера съ 1835 до 1838 года прошла по всему Апеннинскому полуострову: повсюду производила опустошенія; но ужаснѣе всего свирѣпствовала въ Сициліи и въ Римѣ, гдѣ невѣжество, предразсудки и ханжество не умѣли и не хотѣли противудѣйствовать ей, гдѣ моръ отъ этой повальной болѣзни дошелъ до крайнихъ предѣловъ и вызвалъ страшныя послѣдствія. Лучше было положеніе Пармы и Тосканы, не принимавшихъ участія въ возстаніи 1831 года. Въ окраинныхъ государствахъ Италіи, въ Неаполѣ и Сардиніи, противоположность развивалась все болѣе и болѣе отчетливо.

Въ Неаполѣ на престолъ взошелъ король Фердинандъ II ноября 8, 1830 года, въ самое критическое время; въ письмѣ къ Людовику Филиппу, сдѣлавшемся извѣстнымъ, онъ писалъ съ особенной энергіей, что онъ „раздѣляетъ образъ мыслей, внушенный князю Меттерниху его долголѣтней опытностью и оказавшійся дѣйствительнымъ и благодѣтельнымъ.“ Онъ сознавалъ, что народъ, ему подвластный, имѣетъ право на честное управленіе, и поэтому не безуспѣшно старался учредить для него такое; ему удалось еще другое, не менѣе трудное дѣло; правда, онъ не совсѣмъ прямыми и похвальными путями достигъ сліянія въ полити-

ческомъ и административномъ отношеніи острова Сициліи съ материкомъ; финансовая система была приведена въ порядокъ; морская торговля начала подниматься и приносила выгоды; частная жизнь короля была безупречна. Но народная масса жила своею прежнею жизнью, народное образованіе равнялось нулю; нищенство достигло чудовищныхъ размѣровъ; положеніе тюремъ и многихъ другихъ государственныхъ учрежденій оставалось въ томъ же варварскомъ состояніи, какъ прежде.

Гораздо важнѣе была перемѣна правленія, наступившая нѣсколько позже въ Піемонтѣ. На престолъ взошелъ Карлъ-Альбертъ 27 апрѣля 1831 г. и съ нимъ началась новая династическая линія. Это былъ человѣкъ, въ какомъ Италія нуждалась въ этотъ періодъ своего развитія. Это не былъ народный правитель въ тѣсномъ смыслѣ слова, но это былъ человѣкъ совѣстный, умный, вполнѣ проникнутый пониманіемъ своего положенія, опасностей и отвѣтственности на немъ лежащей: это былъ строгій католикъ, но противникъ іезуитовъ, съ твердостію отстаивавшій свою независимость отъ австрійскихъ притязаній, однакожъ, не доходя до открытой вражды съ этими сильными сосѣдями. Онъ твердо противился всѣмъ преждевременнымъ требованіямъ конституціи, но дѣятельно и обдуманно принялся за практическія реформы; онъ трудился для будущаго, вводя хорошія правительственныя учрежденія, и наблюдая строгую государственную экономію, привелъ систему финансовъ въ отличное положеніе; онъ далъ своему государству силу, образовавъ прекрасное войско, по образцу прусскаго.

Французы заняли Анкону по соглашенію съ Австріей, поэтому спокойствіе не нарушалось и двѣ сильныя державы наперерывъ занялись строгимъ полицейскимъ надзоромъ за недовольными. Толпа польскихъ эмигрантовъ, соединившихся съ партіей недовольныхъ изъ Савойи, подъ начальствомъ польскаго генерала Ромарино вторглась въ Савойю, надѣясь, при помощи либеральнаго элемента въ Италіи, поднять страну; но ихъ предпріятіе окончилось плачевно. Иногда мимолетное впечатлѣніе подвижнаго италіянскаго народа обманывало правительство на счетъ истиннаго настроенія общества; такъ напримѣръ, народъ ликовалъ, когда новый императоръ австрійскій короновался желѣзной ломбардской короной, 3 сентября 1838 года, и когда по этому случаю объявлена была амнистія; лживыя манифестаціи газетъ также обманывали правительство на счетъ настоящаго настроенія умовъ, какъ святыню, какъ залогъ будущаго глубоко скрывая свое чувство ненависти къ иностраннымъ поработителямъ и ихъ приверженцамъ; въ тайнѣ между тѣмъ возрождались старинныя общества, только въ новой формѣ; для нихъ нашелся неутомимый дѣятель, средоточіе всѣхъ замысловъ — геніальный агитаторъ, генуэзецъ Джузеппе Мадзини; онъ въ 1832 году составилъ новое общество подъ много-обѣщающимъ именемъ Молодой Италіи.

3. Испанія и Португалія.

Въ Испаніи, благодаря вліянію молодой супруги Фердинанда VII, относительное положеніе партій значительно измѣнилось. Старинные кастильскіе законы о престолонаслѣдіи были возобновлены и получили особенный вѣсъ и практическое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ въ королевской семьѣ родилась принцесса; это событіе случилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ іюльской революціи (10 октября). И то и другое событіе воскресило надежды либераловъ. Въ Парижѣ оказывали имъ покровительство, особенно пока Фердинандъ VII не призналъ новаго короля; здѣсь при сочувствіи общества образовался совѣтъ изъ предводителей этой партіи: герцога Торено, Мартинеца-де-ла-Роза, Калатравы, Истурица, Мендизабала и др.; при новомъ правителѣ Франціи имъ нечего было опасаться вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Испаніи, какъ это было въ 1823 году. Самъ Фердинандъ сталъ въ натянутое положеніе къ апостолической партіи, утвердивъ прагматическую санкцію; онъ черезъ это лишалъ эту партію всѣхъ надеждъ на будущее, потому что она все упованіе свое возлагала на донъ Карлоса; но іюльская революція опять пробудила въ королѣ опасенія со стороны либераловъ

и нѣкоторое время онъ надѣялся упрочить престолонаслѣдіе за своей дочерью, не входя въ союзъ съ этой ненавистной для него партіей.

Въ сентябрѣ 1832 года король сильно захворалъ; его духовникъ и министръ Каломардо, воспользовавшись крайнею слабостію короля, когда онъ не могъ читать декретовъ, а только подписывалъ ихъ, подсунули ему для подписи актъ, измѣнявшій прежнія его постановленія на счетъ престолонаслѣдія и назначавшій донъ Карлоса наслѣдникомъ. Вслѣдъ за этимъ король впалъ въ глубокій, смертный обморокъ, изъ котораго никакъ не ожидали, чтобы онъ могъ очнуться; и въ одно и тоже время были сдѣланы двѣ прокламаціи разомъ; въ одной объявлялось, что королева Марія Христина принимаетъ регентство, вмѣсто своей малолѣтней дочери Изабеллы, а во второй объявлялось о восшествіи на престолъ донъ Карлоса. Но Фердинандъ былъ еще живъ; онъ, подобно Тиверію, проснулся отъ своего столбняка и узналъ, а частію услышалъ, что случилось. Онъ тотчасъ отставилъ духовника и распустилъ министерство; Каломардо бѣжалъ изъ государства; король на время своей болѣзни регентство передалъ своей супругѣ, королевѣ Маріи Христинѣ.

Она сообразила, что можетъ успѣть въ своемъ предпріятіи только тогда, когда ея дѣло сдѣлается дѣломъ большой и сильной партіи: она составила министерство подъ предсѣдательствомъ Цеа-Вермудеца, котораго съ этой цѣлью вызвала изъ Лондона; 7 октября она опубликовала всепрощеніе всѣмъ политическимъ преступникамъ, находящимся подъ арестомъ, или заключеннымъ въ тюрмахъ, а 15 того же мѣсяца амнистія распространена была и на всѣхъ эмигрантовъ за границей; въ тоже время поторопилась на всѣ значительныя мѣста назначить приверженцевъ конституціи. Въ январѣ 1833 года король на столько поправился, что самъ могъ опять приняться за управленіе государствомъ. Онъ утвердилъ всѣ распоряженія своей супруги, приказалъ кортесамъ принести присягу его дочери Изабеллѣ, какъ законной наслѣдницѣ престола, и велѣлъ имъ утвердить законъ о престолонаслѣдіи.

Инфантъ донъ Карлосъ между тѣмъ удалился въ Португалію къ своему единомышленнику дону Мигуэлю, откуда онъ слѣдилъ за всѣми распоряженіями короля и протестовалъ послѣ каждаго акта, который издавался въ ущербъ его правъ на наслѣдство престола; 18 мая 1832 года Фердинандъ II неаполитанскій присоединилъ свой протестъ къ его протестамъ. Въ Испаніи старинныя партіи приняли новыя названія: либеральная партія начала называться христиносами, а абсолютистическая карлистами; все было готово къ междоусобной войнѣ, когда 29 сентября 1833 года скончался Фердинандъ VII, не успѣвъ даже исповѣдаться и причаститься Св. Таинъ и не принявъ предсмертнаго елеепомазанія; такъ окончилъ онъ свою постыдную жизнь, исполненную грѣховъ.

Наслѣдница его, донна Изабелла II, должна была до 18 лѣтъ оставаться подъ опекой матери, которой въ управленіи помогалъ совѣтъ регентства; но этимъ распоряженіямъ апостолическая партія противупоставила своего короля Карла V. На исторической аренѣ опять появились старинные предводители Гверилльясовъ и Мериносовъ и другія личности. Въ городахъ рѣшительный перевѣсъ брали христиносы, тогда какъ сельское народонаселеніе и черное духовенство, властвовавшее въ немъ, стояло за донъ Карлоса. Возстаніе началось въ областяхъ, примыкавшихъ къ Пиринеямъ, въ мало населенныхъ, своеобразныхъ владѣніяхъ басковъ, въ Бискайи, Джупускоа, Алава; гдѣ прежде всего отстаивали свои fueros, т. е. провинціальныя привиллегіи, въ числѣ которыхъ первое и самое видное, т. е. выгодное мѣсто занимала торговля контрабандою, а она-то именно подвергалась опасности, если и эти провинціи будутъ включены въ таможенную линію, проводимую со стороны Франціи, какъ этого ожидать можно и должно было отъ Вермудеца. Кромѣ того у басковъ были свои судебныя формы и свои законы, напр. подати, рекрутская повинность и введеніе гарнизона въ укрѣпленныя мѣста зависѣли отъ согласія провинціальныхъ выборныхъ; но вообще говоря положеніе этихъ провинцій было хорошее; духовенство пользовалось здѣсь уваженіемъ и имѣло вліяніе, но это не была клерикальная тираннія, какъ въ остальныхъ провинціяхъ Испаніи. Вооруженныя толпы заняли Вильбао 3 октября, а Витторію 7; на-скоро составлена была юнта во имя короля Карла; вся страна

вооружилась; нашелся искусный предводитель для этого народнаго войска, Ѳома Зумалакарегги по происхожденію бискаецъ, офицеръ королевскихъ войскъ, отличавшійся во всѣхъ дикихъ и опасныхъ предпріятіяхъ народной междоусобной войны, человѣкъ непобѣдимаго безстрашія и примѣрной честности, не запятнавшій своего имени ни однимъ безчестнымъ поступкомъ.

На это возстаніе регентша отвѣчала тѣмъ, что наложила секвестръ на всѣ имѣнія претендента на тронъ, 19 октября, а 26 ноября лишила его всѣхъ титуловъ и всѣхъ званій. Неаполитанка недолго оплакивала потерю своего супруга: раньше года послѣ смерти короля она уже въ декабрѣ вышла замужъ за Фернандо Муньоца, горниста своей лейбъ-гвардіи; но для этой страны, привыкшей видѣть самыя необыкновенныя вещи, однимъ скандаломъ больше или меньше не составляло большой разницы; пока конституціонная партія нуждалась въ регентствѣ и въ регентшѣ, ей все было прощено. Послѣ того, какъ Цеа Вермудецъ оставилъ министерство, 15 января 1834 года, составилось новое, либеральное министерство, подъ предсѣдательствомъ Мартинеца де-ла-Роза; оно обнародовало 10 апрѣля новую конституцію, составленную по образцу французской хартіи, Estatuto real; по ней предполагалось двѣ палаты: первая Proceres, изъ епископовъ и грандовъ, пожизненныхъ нотаблей, а во вторую—Procuradores члены по цензу избирались на три года; бюджетъ предполагалось назначать на двухгодичный срокъ, палатамъ предоставлялось право совѣщательнаго голоса въ законодательствѣ, но безъ права предлагать законы, свободы печати не допускалось и министры неотвѣтственные. Но эстатуто оказалось не удовлетворительнымъ; либеральная партія, какъ и всегда, раздѣлилась на умѣренныхъ (Moderados) и на прогрессистовъ (Progressistos), въ глазахъ которыхъ несчастная конституція 1812 года, не способная ни жить, ни умереть, все-таки оставалась идеальной.

Междоусобная война, между тѣмъ, продолжалась и уже охватила весь Пиринейскій полуостровъ, потому что и въ Португаліи борьба за корону рѣшалась оружіемъ.

Грубая тиранія донъ Мигуэля тамъ навлекла на себя не только негодованіе своего народа, но онъ успѣлъ также оскорбить французскихъ и англійскихъ подданныхъ и тѣмъ вооружить противъ себя эти двѣ державы. Онѣ принудили Португалію дать имъ удовлетвореніе, какъ мы это покажемъ далѣе. Униженіе, вынесенное похитителемъ престола, придало смѣлости противной партіи, которая уже и безъ того запаслась внѣшнею дѣятельною помощью. Въ Бразиліи въ апрѣлѣ 1831 г. произошло возстаніе, принудившее донъ Педро I отказаться отъ престола въ пользу малолѣтняго сына своего, донъ Педро II. Теперь онъ могъ рѣшить задачу въ Европѣ, которая какъ будто только и дожидалась его: ему надобно было возвратить престолъ своей дочери Маріа да Глоріа и въ тоже время освободить Португалію отъ тирана, угнетавшаго ее. Герцогъ Браганцскій—какъ теперь назывался донъ Педро—при содѣйствіи Англіи и Франціи, навербовалъ себѣ небольшой отрядъ войска и флотъ и съ этой незначительной силой явился, въ мартѣ 1802 года, въ Терцейра, гдѣ регентство, имъ установленное, еще поддерживало права королевы. Отсюда съ отрядомъ въ 7500 ч. отплылъ онъ въ Португалію, присталъ въ окрестностяхъ Опорто и 8 іюля овладѣлъ этимъ богатымъ торговымъ городомъ. Ему, однакожь, не удалось пробудить сочувствія народа къ своему дѣлу и потому онъ не хотѣлъ отважиться на рѣшительный походъ къ столицѣ; онъ только съ трудомъ могъ въ Опорто отбиваться отъ гораздо сильнѣйшаго войска дона Мигуэля, которымъ командовалъ французскій изгнанникъ, алжирскій завоеватель, маршалъ Бурмонъ. Лѣтомъ 1833 года, всѣ средства герцога Браганцскаго были истощены и только отчаянное рѣшеніе могло дать дѣлу другой оборотъ; а не то на предпріятіе его въ защиту праваго дѣла могли смотрѣть, какъ на необдуманную и безцѣльную попытку искателя приключеній. Онъ сдѣлалъ заемъ у города Опорто, удовлетворилъ требованія англійскаго кондоттіери, Сарторіуса, находившагося у него на службѣ, отпустилъ его и замѣстилъ его капитаномъ Чарльсомъ Непиромъ (Napier). На его корабли посадилъ онъ отрядъ въ 3000 человѣкъ подъ начальствомъ герцога Терцейра и генерала Вилла Флоръ и послалъ его на югъ съ цѣлью попытать счастья въ провинціи Альгарвіи. Удача превзошла ожиданія: провинція Альгарвія немедленно

приняла сторону донъ Педро и королевы; корабли подъ командой Непира поплыли обратно къ Опорто; на высотѣ Санъ-Винценто Непиръ напалъ на флотъ донъ Мигуэля 5 іюля и одержалъ блистательную побѣду; ему достались 5 военныхъ кораблей съ 280 пушками; экипажи кораблей, 3200 человѣкъ солдатъ и матросовъ, перешли на службу къ донъ Педро. Эта побѣда придала мужество герцогу Терцейра и онъ рѣшился на отважное предпріятіе: съ 1200 чел. солдатъ и нѣсколькими отрядами волонтеровъ, пошелъ онъ прямо на Лиссабонъ. Когда незначительное войско это явилось передъ городомъ, 23 іюля, испуганное появленіемъ его войско донъ Мигуэля обратилось въ бѣгство, и городъ отдался безъ сопротивленія; содержавшіеся въ заключеніи приверженцы королевы были освобождены; они провозгласили Маріа-да-Глоріа королевой, и четыре дня спустя, донъ Педро торжественно вступилъ въ столицу, которую онъ нѣкогда покинулъ десятилѣтнимъ мальчикомъ; онъ немедленно принялъ регентство, вмѣсто своей дочери. До сихъ поръ она жила и воспитывалась въ Парижѣ, теперь же она возвратилась въ свое отечество, а въ сентябрѣ была ея торжественная коронація.

Не смотря на это, новое правительство было не прочно. Регентъ мало понималъ потребности и отношенія Португаліи; умѣренность не была удѣломъ торжествующей партіи, какъ это всегда водится при революціяхъ южныхъ народовъ, а между тѣмъ только черезъ нее можно было умиротворить и успокоить раздраженные умы. Донъ Мигуэль сохранилъ большую часть своего войска и пополнилъ его крестьянами, преданными духовенству и руководимыми имъ, да различнымъ сбродомъ, какой при волненіяхъ всегда всплываетъ на поверхность гражданской жизни; онъ съ этимъ войскомъ расположился близъ Коимбры, на верховьяхъ Таго, и нѣсколько разъ придвигался до Лиссабона. Въ такомъ положеніи находились на Пиринейскомъ полуостровѣ два представителя духовнаго абсолютизма. Донъ Мигуэль и донъ Карлосъ оба вели борьбу съ малолѣтними королевами, случайно сдѣлавшимися главами либеральной партіи.

Въ глазахъ Англіи, Португалія имѣла больше значенія, а въ глазахъ Франціи — Испанія, но для той и другой изъ этихъ державъ строгій нейтралитетъ сдѣлался невозможенъ. Если даже откинуть негодованіе, пробуждаемое въ свободномъ, привыкшемъ къ законности народѣ недостойнымъ и жестокимъ правленіемъ донъ Мигуэля, который находилъ адское наслажденіе въ томъ, чтобы терзать и мучить жертву, попавшуюся въ его когти, отъ злобы котораго даже ближайшіе родственники не считали себя въ безопасности — полная побѣда такого человѣка равнялась бы для Англіи потерѣ всякаго вліянія на Португалію и была бы въ тоже время конечною гибелью конституціоннаго начала въ этомъ краю, что противорѣчило бы естественному чувству симпатіи цѣлаго англійскаго народа и партіи виговъ, стоявшей у кормила государства. Къ тому же средній промышленный, торговый классъ народа не могъ допустить этого; потому что оно неизбѣжно повело бы за собою прекращеніе всѣхъ торговыхъ сношеній къ Португаліею, что неминуемо отозвалось бы и на самой Англіи. Къ тому же въ сущности Англія давно уже вышла изъ нейтральнаго положенія: вѣдь, англійскій военачальникъ и англійскіе матросы выиграли сраженіе при мысѣ Санъ-Винцентѣ.

Отношенія *новаго* французскаго правительства къ Испаніи были почти такія же: Людовикъ Филиппъ былъ естественный союзникъ королевы Изабеллы, потому что ихъ права на престолъ были одинаковыя — у обоихъ они основывались на нарушеніи правъ законнаго престолонаслѣдія, хотя у одной рука короля и отца дала толчекъ этимъ правамъ, тогда какъ у втораго они были нарушены волею народа, но результатъ былъ одинъ и тотъ же; враги Людовика Филиппа во Франціи, легитимисты въ Испаніи, и приверженцы клерикальной партіи въ цѣлой Европѣ были на сторонѣ дона Карлоса. Успѣхъ португальскаго претендента, съ одной стороны, неминуемо велъ за собою успѣхъ испанскаго, на сторонѣ котораго въ данномъ случаѣ было много шансовъ; съ другой — трудно было найти болѣе удобный случай, чтобы противупоставить легитимистской солидарности восточныхъ державъ Европы либеральное начало западныхъ и тѣмъ упрочить тронъ Франціи. Это единство интересовъ вызвало *четвертый союзъ* между Испаніей и Португаліей, Англіей и Франціей; союзъ этотъ заключенъ былъ въ то самое число 12 апрѣля 1834 года, когда христиносы подъ начальствомъ е-

нерала Квезедо потерпѣли пораженіе близъ Борунда въ Наваррѣ, отъ генерала Цумалакарегги, самаго искуснаго изъ карлистскихъ генераловъ. По смыслу заключеннаго четвертаго союза (Quadrupelalliauz), регентъ португальскій и регентша испанская соединялись, чтобы общими силами изгнать обоихъ претендентовъ; съ этой цѣлью испанскій корпусъ долженъ былъ присоединиться къ португальскимъ войскамъ; предпріятіе это поддерживала Англія своимъ флотомъ, а Франція, въ случаѣ нужды, должна была прислать вспомогательное войско.

Рѣшеніе не заставило себя ждать. Мая 12 войско донъ Мигуэля потерпѣло окончательное пораженіе на высотахъ Ассейра отъ соединеннаго испанско-португальскаго войска, а 26 того же мѣсяца оба союзника, донъ Мигуэль и донъ Карлосъ, окруженные превосходными силами, принуждены были, близъ Эворы въ провинціи Алентейо, подписать капитуляцію. Донъ Мигуэль согласился отказаться отъ своихъ претензій, получилъ пожизненную пенсію въ 100,000 талеровъ, могъ ихъ проживать, гдѣ угодно, только не на почвѣ Португаліи и Испаніи; онъ обѣщался никогда не касаться королевскихъ правъ своей племянницы, и на англійскомъ военномъ кораблѣ отправился въ Геную; съ донъ Карлосомъ обошлись тоже милостиво, и онъ отплылъ въ Англію.

Въ Португаліи все успокоилось. Донъ Педро созвалъ кортесовъ и возстановилъ конституцію 1826 года; монашескіе и рыцарскіе ордена были уничтожены, равно какъ и многія злоупотребленія; іезуиты принуждены были покинуть Португалію; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ преобразованіе правительственныхъ и общественныхъ формъ производилось спокойно, съ умѣренностію, безъ чувства мести къ павшимъ противникамъ; главною задачею правительства было ввести строгую законность. Въ сентябрѣ 15 дня государственные чины признали 15 лѣтнюю королеву совершеннолѣтнею, потому что слабое здоровье донъ Педро мѣшало ему заниматься дѣлами. Нѣсколько дней спустя, 24 числа, скончался донъ Педро, на 37 году своей жизни; это былъ честный, правдивый и смѣлый человѣкъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ молодая королева обручилась съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, сыномъ усыновленнаго императоромъ Наполеономъ принца Евгенія; но супружество это было непродолжительное; герцогъ скончался въ мартѣ 1835 года, а королева уже въ апрѣлѣ 1836 года, вторично вступила въ супружество съ герцогомъ Фердинандомъ Кобургскимъ. Одинъ изъ братьевъ бельгійскаго короля женился на наслѣдницѣ княжескаго венгерскаго дома Когари и поэтому дѣти, родившіяся отъ этого брака, были римско-католическаго вѣроисповѣданія, что и дало возможность одному изъ сыновей этой династіи, богатой хорошо воспитанными сыновьями, соединиться бракомъ съ католическою королевою.

Донъ Мигуэль не успѣлъ высадиться въ Генуѣ, какъ поторопился написать протестъ противъ капитуляціи въ Эворѣ и послѣдующихъ затѣмъ событій, но королева даже не обратила вниманія на его заявленія. Гораздо больше хлопотъ надѣлало ей возстаніе демократической партіи въ 1836 году, окончившееся только въ 1838 году введеніемъ новой конституціи. Нѣтъ возможности говорить о всѣхъ частныхъ волненіяхъ, тѣмъ болѣе, что они не представляютъ интереса для всемірной исторіи; во всѣхъ этихъ волненіяхъ побудительной причиной не было извѣстнаго принципа, дѣло не шло объ измѣненіи той или другой стороны законодательства, но почти всегда возстаніе производилось для удовлетворенія честолюбія нѣкоторыхъ лицъ, которыя хотя всегда и поднимали знамя революціи подъ тѣмъ, или другимъ соціальнымъ предлогомъ, но въ сущности для удовлетворенія личныхъ выгодъ и личныхъ интересовъ, вовсе не похвальныхъ и не заслуживавшихъ уваженія. Безчисленные перевороты, возстанія, перемѣны министровъ и законодательствъ въ Испаніи и Португаліи живо напоминаютъ тотъ калейдоскопъ политическихъ партій въ Византійской имперіи, когда вмѣсто политическихъ цѣлей символомъ и причинами возстаній служили цвѣта правящихъ колесницами на гипподромѣ, или въ циркѣ; сегодня въ гонькѣ за властью побѣждали голубые, завтра зеленые и тѣ и другіе раздавали государственныя должности, какъ легкую добычу, своимъ кучерамъ и конюхамъ; по временамъ у этихъ властителей разгоралося чувство мести и они охлаждали его въ крови противниковъ, одѣтыхъ въ враждебные цвѣта; народъ съ возрастающимъ сочувствіемъ, какъ на всякое драматическое представленіе, смотрѣлъ на эту борьбу страстей, на поперемѣнное возвышеніе и паденіе

дѣйствующихъ лицъ; страсти его тоже разгорались, онъ по временамъ увлекался ими, но вообще такъ погруженъ былъ въ созерцаніе того, что вокругъ него дѣлалось, что позабывалъ о своихъ дѣйствительныхъ нуждахъ и обязанностяхъ, а главное, позабывалъ тяжкій усидчивый трудъ, при которомъ народы только могутъ достигнуть свободы.

Не такъ скоро и не такъ легко, какъ въ Португаліи, возвратилось спокойствіе въ Испанію, если только оно возвратилось. Донъ Карлосъ тайно оставилъ Англію, никѣмъ не узнанный проѣхалъ черезъ Францію и явился 10 іюля 1834 года въ Наваррѣ въ Элисондѣ. Онъ изъ капитуляціи въ Эворѣ вынесъ только ту выгоду, что она помогла ему, покинувъ безплодную во всѣхъ отношеніяхъ почву Португаліи, окольными путями черезъ Англію и Францію пробраться опять на почву Испаніи, подготовленную къ возстаніямъ. Онъ опять призвалъ своихъ приверженцевъ къ оружію. Слѣдствіемъ этого возстанія было то, что королева-регентша еще тѣснѣе примкнула къ либеральной партіи; мадридская чернь по своему тоже обнаруживала свои либеральныя стремленія: когда въ іюлѣ 1834 года холера появилась въ Мадридѣ съ особенною силою, народъ началъ кричать, что она происходитъ отъ того, что пьютъ воду изъ отравленныхъ колодцевъ, и не зная кого обвинить, обвинилъ монаховъ; чернь ворвалась въ монастыри и перебила нѣсколько мирныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ отшельниковъ; ужасы эпидеміи совсѣмъ отуманили дикую, невѣжественную массу, не находившую въ религіи источника свѣта, утѣшенія и нравственной опоры. Если мы вспомнимъ, что самый свѣтъ для этихъ темныхъ людей былъ тьмою, то что же такое для нихъ была тьма? Они безнадежно и безсознательно слѣдовали влеченію своихъ скотскихъ стремленій и поэтому, въ минуту раздраженія, бросились на своихъ учителей и нравственныхъ руководителей.

Военное счастье по большей части было на сторонѣ карлистовъ, частію отого, что у нихъ были лучшіе предводители, частію оттого, что подъ знамена его изъ цѣлой Европы стекались легитимистскіе мечтатели и искатели приключеній, не находившіе у себя дома пищи для своей дѣятельности. Въ сентябрѣ 1843 года кортесы обнародовали постановленіе, по которому донъ Карлосъ навсегда лишался правъ на престолъ, и въ тоже время на мѣсто Родилла безуспѣшно сражавшагося до сихъ поръ съ Цумалакарегги, назначенъ былъ генералъ Мина; принявъ начальство надъ войскомъ, онъ съ жестокостью и энергически поступалъ съ инсургентами, попадавшимися ему въ руки. Онъ не задумываясь сжигалъ цѣлыя деревни и разстрѣливалъ пятаго изъ попавшихся ему въ плѣнъ; но физическія силы покинули Мину; онъ началъ хворать и въ мартѣ слѣдующаго года сдалъ команду по причинѣ слабости здоровья; начальство надъ арміей принялъ бывшій военный министръ Вальдецъ. Ему дано было необыкновенное полномочіе; у него въ рукахъ были двѣ крайности: помилованіе, или истребленіе; но и при этомъ дѣло не подвигалось впередъ. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Біскайи и Наваррѣ христиносы могли держаться только въ городахъ; отъ постоянныхъ пораженій, въ рядахъ ихъ замѣтно было ослабленіе дисциплины и воинственный духъ совершенно упалъ; при одномъ появленіи страшнаго противника Цумалакарегги они готовы были бѣжать. Онъ былъ особенно силенъ своимъ нравственнымъ убѣжденіемъ, а такой человѣкъ, какъ онъ, честно и безкорыстно преданный своему дѣлу, являющійся посреди людей корыстныхъ, невольно беретъ надъ ними перевѣсъ и неудержимо, помимо ихъ воли, увлекаетъ ихъ своимъ авторитетомъ и примѣромъ: ему не было равнаго въ предусмотрительности, въ мужествѣ и въ способности понимать народъ и войско и обращаться съ ними: онъ умѣлъ дѣйствовать такъ, какъ никто другой не умѣлъ, и готовъ былъ переносить лишенія, готовъ былъ отказаться отъ самаго необходимаго въ такой мѣрѣ, въ какой никто другой не умѣлъ отказываться; когда нужно было, или считалось нужнымъ, онъ умѣлъ выказать жестокость не хуже любаго испанца.

Въ іюлѣ 1835 года министерство Мартинеца перемѣнено было на министерство Торено, съ болѣе либеральнымъ колоритомъ, чѣмъ предшествовавшее. Такъ какъ регентша не въ силахъ была достигнуть своей цѣли, то она обратилась къ могущественнымъ союзникамъ и просила ихъ интервенціи. Формальнаго вмѣшательства Франція не могла и не хотѣла предпринять; она не хотѣла повторять

экспедиціи 1823 года, но Людовикъ-Филиппъ, по соглашенію подписанному 28 іюля 1835 года, уступилъ своей союзницѣ наемный африканскій иноземный легіонъ, а Англія предоставила ей право вербовать у себя солдатъ. Уже въ іюлѣ присталъ къ Сан-Себастіану корабль съ транспортомъ перваго батальона англійскихъ волонтеровъ; за этимъ транспортомъ послѣдовали другіе и корпусъ этотъ возросъ до 10,000 человѣкъ, которые примкнули къ испанскому войску, подъ начальствомъ генерала Эвенса. Осенью явился французскій и португальскій вспомогательные корпуса; хотя все это были хорошо организованные и вооруженные отряды, но они принесли меньше пользы, чѣмъ отъ нихъ ожидали, оттого, что сами испанцы очень холодно и недѣятельно относились къ дѣлу, ссорились между собою, а еще болѣе съ иностранными войсками, продовольствіе которыхъ, въ странѣ уже давно лишенной всякаго порядка, было далеко не обезпечено. Присутствіе иностранцевъ во враждующихъ партіяхъ придало только войнѣ характеръ большей жестокости, нежели до этого времени. Донъ Карлосъ, или вѣрнѣе, монахи и фанатики, составлявшіе его свиту и дворъ, дали приказаніе разстрѣливать каждаго иностранца, который попадется съ оружіемъ въ рукахъ, а это, само собою разумѣется, со стороны христиносовъ вызвало подобную же месть. При осадѣ Бильбао 18 іюня 1835 года, Цумалакаррегги былъ опасно раненъ и умеръ нѣсколько дней спустя; мѣсто его заняли новые, не такіе способные предводители—Эразо, Морено, Виллареалъ и др.; они при хорошо настроенномъ войскѣ еще нѣкоторое время дѣйствовали успѣшно; въ Каталоніи около этого же времени явился между карлистами, новый искусный полководецъ—Кабрера. Вновь назначенный главнокомандующимъ войска христиносовъ, Мина, захватилъ въ сѣверныхъ областяхъ мать Кабреры и приказалъ ее разстрѣлять; это довело Кабреру до неистовства: онъ издалъ безумную прокламацію, оканчивавшуюся словами: «на 40 дней грабежа и смертоубійства обрекаю тѣхъ, кто окажетъ сопротивленіе карлистамъ;» на безжалостную жестокость Мины онъ отвѣчалъ такимъ же варварствомъ, приказавъ перестрѣлять 24 женщинъ, попавшихся въ лагерѣ либераловъ. Числомъ карлисты были слабѣе, самъ претендентъ былъ человѣкъ съ умомъ ограниченнымъ; вокругъ него предводители неспособные, съ каждымъ днемъ дѣлавшіе его положеніе болѣе и болѣе сомнительнымъ; но диверсія, происшедшая въ лагерѣ противниковъ, дала имъ возможность вздохнуть свободнѣе.

Прогрессисты еще не позабыли своего идеала—конституціи 1812 года. Они не могли удержаться отъ желанія пустить ее въ ходъ, пользуясь слабостію регентши, и тѣмъ привели запутанное положеніе дѣлъ въ еще худшее положеніе. Въ августѣ составилась въ Барцелонѣ юнта въ такомъ духѣ; за нею вскорѣ послѣдовали другія; августа 16 вспыхнуло въ возмущеніе Мадридѣ: требовали перемѣны министерства; требованія поддерживалъ корпусъ волонтеровъ изъ прогрессистовъ, приближавшійся къ Мадриду подъ начальствомъ графа де-лосъ-Навасъ; регентша послала имъ на встрѣчу свое войско, но оно немедленно передалось на сторону прогрессистовъ; тогда ей нечего было медлить; она распустила министерство Торено и передала дѣла управленія радикалу Мендезабалу. Онъ предложилъ партіи побѣдителей значительныя уступки: обѣщалъ созвать палаты для обсужденія новаго закона о выборахъ, согласился на уничтоженіе всѣхъ монастырей, не имѣвшихъ болѣе двѣнадцати совѣщательныхъ членовъ въ конвентѣ монастырскомъ; монастырскія имѣнія и доходы конфискованы были въ пользу казны, для покрытія государственныхъ долговъ, какъ очень простодушно было обѣщано. Новое министерство также не долго существовало. Въ маѣ 1836 года оно уступило мѣсто новому, болѣе умѣренному, подъ предсѣдательствомъ Истурица; онъ распустилъ кортесовъ и попытался обуздать прогрессистовъ, обратившись опять къ Англіи и Франціи за помощью. За этимъ вновь начался рядъ возстаній въ провинціяхъ и въ Мадридѣ: но то, что въ столицѣ не удавалось, удалось въ увеселительномъ замкѣ, Ла-Гранья, гдѣ въ то время находился дворъ. Туда въ ночь съ 12 на 13 августа 1836 года отправился полкъ милиціи съ требованіемъ возстановить конституцію 1812 года. Гвардейскій полкъ, занимавшій караулы, присоединился къ мятежникамъ; передъ регентшей явилась депутація изъ двѣнадцати человѣкъ съ угрозами, которымъ она должна была покориться. Она признала конституцію 1812 года, составила новое министерство, подъ предсѣдательствомъ

Калатравы; въ число министровъ вошелъ опять Мендезабалъ; прежніе министры искали спасенія въ бѣгствѣ, а посланники трехъ великихъ сѣверныхъ державъ покинули Мадридъ. Кортесы были вновь созваны октября 1836 года и начали свои совѣщанія, точно будто на почвѣ Испаніи вовсе не было карлистовъ; кортесы дѣлали планы измѣненій въ конституціи 1812 года, что протянулось до іюня слѣдующаго года; къ 18 іюня 1837 года выработались статьи болѣе умѣренной конституціи, но все-таки на основаніяхъ идеальной: рядомъ съ господствомъ народа, предполагалась свобода печати, свобода сходокъ и совѣщаній, судъ присяжныхъ, но королевской власти предоставлялось полное право в е т о; признавалась система двухъ палатъ, сената и палаты депутатовъ; эти измѣненія были приняты регентшей и она ихъ клятвенно подтвердила.

Такое раздвоеніе и такіе безпорядки въ лагерѣ христиносовъ могли быть очень выгодны для карлистовъ; въ открытомъ полѣ, они воспользовались своимъ положеніемъ и пріобрѣли значительный перевѣсъ. Одинъ изъ предводителей донъ Карлоса, генералъ Гомецъ успѣшно дѣйствовалъ въ Андалузіи, а самъ онъ одержалъ значительную побѣду близъ Гуэско въ Арагоніи, и съ главными силами своими уже приближался къ Мадриду. Опасность для столицы была велика: но ее успѣлъ отразить Валдемеро Эспартеро, до сихъ поръ занимавшій только низшія военныя должности, но теперь, августа 1837 года, при отчаянномъ положеніи дѣлъ, поставленный во главѣ войска; въ это же самое время и въ Андалузіи христиносы пріобрѣли нѣкоторыя выгоды: генералъ Нарваецъ разбилъ генерала Гомеца. Донъ Карлосъ былъ уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадрида, но опрокинутый Эспартеро принужденъ былъ отступить; при этомъ худо дисциплинированное войско его, не привыкшее къ повиновенію, разбѣжалось. Эспартеро съ твердостію и знаніемъ дѣла умѣлъ внушить войску регентши новый, небывалый духъ, преобразовалъ его, ввелъ строгую дисциплину, тогда какъ въ карлистскомъ лагерѣ все ярче обнаруживалась неспособность предводителей, безпорядокъ и безначаліе среди подчиненныхъ. Нѣсколько времени военное счастіе колебалось. Близъ Гуэрта-дель-Реи (14 октября 1837 года) Эспартеро опять разбилъ карлистовъ; неудовольствіе, возникшее при этомъ между генераломъ Марото и донъ Карлосомъ, дало христиносамъ рѣшительный перевѣсъ. Положеніе претендента было отчаянное; чтобы сдержать войско, въ лагерѣ карлистовъ, вмѣсто военныхъ совѣтовъ, вмѣсто твердаго начальства человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ—титулъ главнокомандующаго войсками былъ формально присвоенъ Пресвятой Богородицѣ, Дѣвѣ Маріи; Марото, послѣ продолжительнаго колебанія, наконецъ рѣшился на измѣну и вошелъ въ тайные переговоры съ Эспартеро. Августа 26 оба предводителя увидѣлись, обо всемъ условились, а 31 августа того же 1839 года состоялся договоръ въ Вергара: Марото и большая часть начальниковъ карлистовъ признали королеву Изабеллу, а Эспартеро съ своей стороны обѣщалъ употребить все свое вліяніе на то, чтобы бискайскіе фуэросы были утверждены. Войско карлистовъ, около 22 батальоновъ, положило оружіе и было распущено; донъ Карлосъ бѣжалъ 15 сентября во Францію, и Людовикъ-Филиппъ назначилъ ему Буржъ мѣстомъ жительства. Кортесы утвердили фуэросы бискайскихъ провинцій и съ 6 іюля 1840 года, когда самый замѣчательный изъ карлистскихъ предводителей, Кабрера, съ остатками своего войска, съ отрядомъ въ 5,000 человѣкъ, тоже перешелъ за границу Франціи, междоусобную войну можно было считать оконченною. Съ этихъ поръ Эспартеро сдѣлался самымъ популярнымъ и самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ Испаніи.

4. Франція.

Іюльская революція, установивъ новый престолъ, покончила свое дѣло. Въ разговорѣ съ Сальванди въ Пале-Роялѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до революціи, Людовикъ Филиппъ высказалъ мнѣніе, что самое большое несчастіе государей заключается въ томъ, что они не знаютъ подвластныхъ имъ народовъ, что они искусственно удалены отъ ихъ стремленій и духовной жизни, не могутъ замѣчать

преобладающаго въ нихъ направленія. Можетъ быть онъ былъ и правъ; но во всякомъ случаѣ, что до него лично касалось, то онъ могъ противупоставить всѣмъ трудностямъ, его ожидавшимъ, то великое преимущество, что самъ хорошо былъ знакомъ съ народомъ, самъ долгое время принадлежалъ къ его массѣ, могъ со стороны слѣдить за всѣми внутренними и внѣшними отношеніями европейской политики, не принимая въ ней никакого личнаго участія, судить совершенно безпристрастно, наблюдая со стороны, какъ простой пассажиръ на поѣздѣ; такъ онъ самъ о себѣ выразился въ разговорѣ съ Сальванди.

Относительно иностранныхъ державъ, сравнительно, положеніе не было очень затруднительное. Строгая система священнаго союза уже давно была нарушена, и теперь никто изъ государей пальцемъ не шевельнулъ, чтобы поддержать законныя права старшей линіи, вызвавшей своими необдуманными поступками критическое положеніе Франціи, изъ котораго она вышла еще довольно удачно, полузаконнымъ королевствомъ. Изъ великихъ державъ, Англія раньше другихъ и безъ всякаго колебанія признала Людовика Филиппа королемъ; у прочихъ дворовъ чрезвычайные посланники его также нашли дружественный пріемъ. На вѣнскомъ конгрессѣ Австрія уступила Пруссіи охрану самой опасной части границъ, а именно, прилежащихъ къ Франціи; поэтому при первой вѣсти о возстаніи въ Парижѣ, Пруссія тотчасъ сдѣлала первое воззваніе къ ландверу: повсюду закипѣла дѣятельность, со всѣхъ концовъ обязанные собирались подъ свои знамена; въ виду могущихъ произойти пограничныхъ безпокойствъ, мѣра эта была въ высшей степени благоразумнаго. Графу Лобо (Lobau), прибывшему съ официальнымъ объявленіемъ о вступленіи Людовика Филиппа на престолъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Бернсторфъ, отвѣчалъ, что Пруссія не имѣетъ никакихъ причинъ отказываться отъ признанія его, и увѣренъ, что оно послѣдуетъ одновременно съ австрійскимъ и русскимъ. Въ Вѣну съ тѣмъ же извѣстіемъ прибылъ генералъ Белліаръ; здѣсь относительно герцога Рейхштадтскаго его успокоивали тѣмъ, что во Франціи вѣроятно у него не найдется и двухъ—трехъ приверженцевъ и потому опасаться его нечего; что же касается Меттерниха, то онъ болѣе заботился о спокойствіи и мирѣ, нежели о томъ, чтобы проводить и защищать какой либо образъ мыслей, или систему; въ своихъ совѣщаніяхъ съ генераломъ попалъ онъ на ту самую мысль, какую высказалъ Людовикъ Филиппъ; съ однимъ властелиномъ Франціи, съ старымъ королемъ Карломъ X, покончили, оставалось теперь справляться со вторымъ—съ Лафайеттомъ и какимъ либо тихимъ, мирнымъ способомъ отдѣлаться отъ него. Императоръ австрійскій, Францъ обѣщался признать Людовика Филиппа, но на всякій случай началъ дѣлать приготовленія въ Италіи.

Гораздо труднѣе было уладиться съ Россіей; императоръ Николай имѣлъ отвращеніе ко всякой революціи и ко всему, что напоминало конституціонное начало. Людовикъ Филиппъ, при содѣйствіи русскаго посланника Поццо-ди-Борго, написалъ императору письмо, въ которомъ оправдывалъ и какъ бы извинялъ свои поступки въ дни іюльскаго переворота. «Пусть ваше величество, говорилось между прочимъ въ этомъ документѣ, не упуститъ изъ виду, что, пока во главѣ правленія стоялъ Карлъ X, я оставался его самымъ вѣрнымъ и преданнымъ подданнымъ, и что только съ того мгновенія, когда законы потеряли свою силу, когда королевское званіе потеряло свой авторитетъ, я согласился выслушать требованія народа и считалъ своею обязанностію выполнить желаніе націи»; письмо это оканчивалось выраженіемъ лестной надежды, что Франція найдетъ въ могущественномъ русскомъ императорѣ Николаѣ себѣ естественнаго и сильнаго союзника. На этотъ актъ императоръ отвѣчалъ очень холодно и формально, что онъ не перестаетъ питать надежду, что Провидѣніе увѣнчаетъ успѣхомъ старанія его величества на пользу французскаго народа, что онъ приметъ во вниманіе желаніе Людовика Филиппа сохранить мирныя и дружественныя отношенія со всѣми государствами Европы, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, съ своей стороны, желаетъ того-же; но замѣчательно, императоръ Николай въ своемъ отвѣтѣ не снизошелъ къ обычной формѣ назвать новаго короля братомъ; не смотря на это маленькое колебаніе, дальнѣйшихъ послѣдствій оно не имѣло; это было только нарушеніе этикета. Но что значило это, въ сравненіи съ тѣмъ вліяніемъ и тѣмъ

умѣніемъ, какія показалъ Людовикъ Филиппъ въ трудную минуту въ полной силѣ разыгравшейся революціи, какъ онъ обуздалъ ее и тѣмъ заслужилъ признательность собственныхъ подданныхъ и сосѣдей.

Самою трудною задачею для Людовика Филиппа оставалось — обуздать и успокоить народный духъ. Сначала всѣ были довольны паденіемъ старшей линіи Бурбоновъ: самой большой виной въ глазахъ народа ей вмѣнялась то, что она во Францію и на престолъ возвратилась при помощи штыковъ иностранцевъ; этого французы не могли ни простить, ни забыть. Напротивъ, теперь у нихъ былъ король—котораго, хорошо или дурно—но они сами себѣ избрали. Людовикъ Филиппъ вполнѣ вошелъ въ свою роль и отлично выполнялъ ее: съ зонтикомъ подъ мышкой, онъ разгуливалъ по улицамъ Парижа, при встрѣчѣ съ тѣмъ, или другимъ блузникомъ—воиномъ дней іюльской революціи, онъ останавливался, ласково протягивалъ ему руку, пожималъ грубую руку работника и простодушно разговаривалъ съ нимъ, какъ настоящій французскій буржуа; званіе камергеровъ при дворѣ было отмѣнено и на мѣсто ихъ явились адъютанты; всякій придворный блескъ и великолѣпіе были уничтожены, не было придворнаго церемоніала, не было королевской гвардіи, не было швейцарцевъ; его сыновья по прежнему учились въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Когда по временамъ подъ окнами Пале-Рояля раздавались звуки марсельезы, онъ, не думая долго, показывался на балконѣ, слушалъ съ удовольствіемъ и рукою билъ тактъ; онъ не уставалъ принимать депутацію за депутаціей, являвшіяся изъ провинцій съ разными либеральными рѣчами и предложеніями, и всегда отвѣчалъ имъ въ томъ же тонѣ. Онъ очень благоразумно допускалъ то, чего отмѣнить и чему помѣшать не могъ; такъ позволилъ онъ Лафайетту организовать національную гвардію во всѣхъ городахъ и департаментахъ Франціи; самъ, въ мундирѣ національной гвардіи, сдѣлалъ большой смотръ 60,000 парижской національной гвардіи и собственноручно раздалъ ей знамена; непзмѣннымъ правиломъ при образованіи національной гвардіи положено было, чтобы экипировка и вооруженіе было на собственный счетъ поступающихъ въ составъ этого войска; такимъ образомъ безъ большаго труда изъ него устранили самый опасный и самый безпокойный элементъ—людей праздныхъ и бѣдныхъ и самое поступленіе въ національную гвардію подвергли цензу, довольно строгому и непзбѣжному.

Королевскимъ декретомъ отъ 11 августа окончательно составлено было министерство: Дюпонъ, другъ и единомышленникъ Лафайетта, назначенъ былъ министромъ юстиціи; генералъ Жераръ военнымъ министромъ, графъ Моле и герцогъ Броліо назначены были министрами—первый иностранныхъ дѣлъ, а второй просвѣщенія, оба съ либеральнымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи. Графъ Себастіани, прежде извѣстный какъ честолюбивый интригантъ, сдѣлался настоящимъ придворнымъ уклончивымъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ былъ морскимъ министромъ; богатый банкиръ баронъ Лупъ сдѣлался министромъ финансовъ; Гизо, писатель, исполненный глубокихъ знаній, но человѣкъ холодный, строгій, любящій порядокъ, назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; кромѣ того въ министерство поступили еще четверо, но безъ портфелей, а именно; Лафиттъ, Казиміръ Перье, Дюпень старшій и Биньонъ. Король на первое время поставилъ себѣ задачей всѣми силами сглаживать противоположности, такъ рѣзко обозначавшіяся съ теченіемъ времени въ развившихся партіяхъ, начиная отъ полу-легитимистовъ по всѣмъ ступенямъ и видоизмѣненіямъ, до полуреспубликанцевъ. Людовику Филиппу хотѣлось согласить всѣ эти разнородные элементы и заставить ихъ дѣйствовать для одной общей цѣли. Онъ зналъ, что долженъ браться за дѣло съ особенною осторожностью, и потому до времени не высказывалъ своего личнаго взгляда на вещи и спокойно дожидался благопріятной минуты. Въ популярности Лафайетта онъ пока еще нуждался, чтобы устранить всѣ первоначальныя трудности положенія; потрясенія отъ революціоннаго движенія особенно сильно отзывались на торговлѣ, промышленности и на всей производительной части народонаселенія.

Тѣ классы народа, которые преимущественно отдавали свою кровь и жизнь въ дни іюльской революціи, менѣе всѣхъ воспользовались ею; люди, съ отважнымъ самоотверженіемъ сражавшіеся за идеи, были работники, ремесленники низшаго

разряда, бѣдняки, которыхъ съ этихъ поръ, въ отличіе отъ людей достаточныхъ, купцовъ, фабрикантовъ, крупныхъ ремесленниковъ граждане (bourgeois*), начали называть народомъ (peuple); они удовольствовались очень малымъ. Остановка производства на многихъ фабрикахъ—неизбѣжное слѣдствіе небезопаснаго и безпокойнаго времени, оставила многихъ рабочихъ безъ работы и безъ хлѣба; пять милліоновъ франковъ, назначенныхъ для постройки общественныхъ зданій, хотя и дали нѣкоторымъ рабочимъ возможность избѣжать голодной смерти, но въ сущности принесли мало пользы, это была капля холодной воды на раскаленный кирпичъ, и такъ же безслѣдно исчезли, какъ она. Немного дѣйствительнѣе была помощь 30 милліоновъ франковъ, назначенныхъ для поддержанія промышленниковъ; о раненыхъ въ теченіе трехъ іюльскихъ дней заботились на сколько можно было; они лежали въ больницахъ и во временныхъ госпиталяхъ; для оставшихся вдовъ и сиротъ убитыхъ, тоже кое-что сдѣлали, но гораздо больше щедрости выражалось въ пламенныхъ изъявленіяхъ удивленія и благодарности; выбивали медали въ честь воиновъ трехъ дней, декретомъ положено было воздвигнуть тріумфальныя ворота въ память этого событія; принцы и принцессы королевскаго дома посѣщали раненыхъ и умирающихъ въ больницахъ и приносили имъ утѣшеніе, сочувствіе и подарки. Но нужды и неудовольствія народа такими по большей части невещественными средствами и пожертвованіями устранить нельзя было. Чтобы отвлечь и развлечь вниманіе народа, пытались прибѣгать и къ другимъ, столько же недѣйствительнымъ средствамъ; такъ напримѣръ уничтожили торжественное помиловеніе Людовика XVI въ день его казни, возобновили церковь св. Женевьевы, подъ названіемъ Пантеона, съ пышною надписью: «Благодарное отечество своимъ великимъ мужамъ». Замѣченнымъ въ народѣ неудовольствіемъ думали воспользоваться люди, мечтавшіе повторить весь трагическій ужасъ революціи 1789 года; они, подъ новымъ названіемъ «общества друзей народа», вздумали воскресить старинный клубъ якобинцевъ: но полиція ихъ выслѣдила, и судебнымъ приговоромъ безъ большихъ хлопотъ и затрудненій, мечтатели были распуганы, а общество ихъ уничтожено.

Но не только эти радикалы, но и большинство средняго класса (bourgeoisie) горячо требовали жертвы; имъ надобно было на комъ нибудь излить свое негодованіе, утолить свою месть; общественное мнѣніе указывало на несчастныхъ, неудачныхъ министровъ Карла X, бывшихъ причиною всей неурядицы, причинившихъ своею необдуманностію столько несчастій и такъ самовольно подвергнувшихъ имущество и личную безопасность гражданъ гибели; изъ министровъ пятеро попались въ руки правительства, а именно: Полиньякъ, Перонне, Гернонъ, Ранвиль и Шантелозъ. Ихъ отвезли подъ стражей въ Венсенъ, а палата, отъ 29 сентября, составила обвинительный актъ въ государственной измѣнѣ; взволнованное общественное мнѣніе отыскивало для нихъ достойнаго наказанія и находило смертную казнь единственно приличной. Но это нисколько не согласовалось съ одной стороны съ человѣколюбіемъ Людовика Филиппа, съ другой съ его политическимъ взглядомъ: онъ зналъ, что иностранные кабинеты этого одобрить не могутъ и что они примутъ это съ очень дурной стороны; онъ рѣшился не допускать казни и придумалъ, что лучше всего можетъ спасти и защитить ихъ, если совсѣмъ отмѣнитъ смертную казнь; можно ли было придумать что нибудь лучше этого для начала новаго царствованія въ странѣ, гдѣ насиліе такъ часто преобладало, гдѣ человѣкъ сегодня мятежникъ и измѣнникъ, завтра дѣлался министромъ и королемъ? Съ этою цѣлью король предложилъ еще 17 августа на обсужденіе палатъ проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни; въ октябрѣ начались пренія. Господинъ Кератри краснорѣчиво и сильно защищалъ этотъ законъ и при этомъ смѣло и умно указывалъ на тѣхъ, которые раньше другихъ воспользуются но-

*) Вотъ какъ Лун-Бланъ опредѣляетъ гражданъ и народъ, въ своей Histoire de dix-ans: «Par bourgeois j'entends l'ensemble des citoyens qui possédant des instruments de travail ou un capital travaillent avec des ressources qui leur sont propres et ne dependent d'autrui que dans une certaine mesure. Le peuple est l'ensemble des citoyens qui ne possédant pas de capital dependent d'autrui completement et en ce qui touche aux premières nécessités de la vie.

вымъ закономъ; въ этомъ случаѣ Лафайеттъ, человѣкъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ съ рыцарски-честнымъ характеромъ, прямо и смѣло поддерживалъ этотъ проектъ закона. Палата приняла законъ и съ своей стороны выразила желаніе, чтобы онъ внесенъ былъ въ законодательный кодексъ уголовныхъ законовъ; король охотно далъ свое согласіе. Такой неожиданный поворотъ дѣла произвелъ 18 октября сильное волненіе въ народѣ; оно возрастало съ каждымъ мгновеніемъ, и наконецъ вся бушующая толпа направилась въ Венсеннъ, чтобы силою вырвать несчастныхъ и насытиться ихъ кровью; только благодаря твердости коменданта они были спасены: онъ клятвенно обѣщался взорвать цитадель на воздухъ въ ту минуту, когда бунтовщики проникнутъ въ замокъ.

Сначала измѣненіе въ министерствѣ сдѣлано было въ духѣ либерализма и приверженцевъ Лафайетта. Честный, либеральный Лафайеттъ, столько же довѣрявшій новому королю, сколько своимъ собственнымъ силамъ, былъ сдѣланъ первымъ министромъ; Брольи, Гизо, графъ Моле, Перье, Дюпенъ, Биньонъ вышли изъ министерства; это были защитники строгаго порядка, несогласные дѣлать новыя уступки революціонной партіи. Остальные остались; на мѣсто Брольи назначенъ былъ адвокатъ Мерильу, по ходатайству Дюпона, мѣсто Гизо занялъ человѣкъ очень незначительный, графъ Монталиве; король выигралъ при перемѣнѣ, назначивъ на мѣсто Моле министромъ иностранныхъ дѣлъ генерала Мезона, вовсе ничѣмъ не выдающагося человѣка и неспособнаго къ выполненію своей обязанности, но удобнаго тѣмъ, что онъ лично не мѣшалъ королю и его опытному посланнику князю Талейрану въ Лондонѣ направлять политическія отношенія къ остальнымъ державамъ, причемъ согласіе съ Англіей дѣлалось его главною точкою опоры. Нѣсколько недѣль послѣ того, какъ установилось министерство, въ немъ опять произошли важныя перемѣны: на мѣсто генерала Жерара назначенъ былъ военнымъ министромъ маршалъ Сультъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ наполеоновскихъ ветерановъ, а вмѣсто Мезона иностранное министерство было поручено генералу Себастіани. Первое назначеніе было какъ бы отвѣтомъ на военныя приготовленія восточныхъ державъ, вызванныя бельгійскимъ революціоннымъ движеніемъ и грознымъ броженіемъ въ Италіи; черезъ перемѣну министра иностранныхъ дѣлъ, король пріобрѣталъ человѣка еще болѣе подходящаго къ его стремленіямъ. По характеру и образу мыслей Себастіани назначеніе его было какъ бы завѣреніе въ мирѣ, равно какъ назначеніемъ Сульта могло выказать воинственный духъ; впрочемъ воинственное настроеніе восточныхъ державъ вскорѣ нашло пищу гораздо ближе у себя и доступнѣе той, какую имъ могли доставить неурядицы въ Бельгіи. Не долго пришлось опасаться войны; опасность, возникшая по поводу бельгійскаго вопроса, была устранена тѣмъ, что Франція начала дѣйствовать заодно съ Англіей и отказалась отъ своихъ претензій посредственно, или непосредственно присоединить къ себѣ Бельгію.

Между тѣмъ слѣдствіе, производимое надъ министрами Карла X, было окончено; ихъ перевезли въ Люксамбургскій дворецъ. Процессъ ихъ въ палатѣ перовъ начался 15 декабря. Приготовили большую военную силу, линейные полки и національную гвардію, подъ начальствомъ Лафайетта, ручавшагося за спокойствіе и порядокъ. Благодаря этимъ мѣрамъ предосторожности, спокойствіе города только въ теченіе одного дня не было нарушено; все оставалось тихо, не смотря на то, что раздраженіе между жителями города было общее; во дворцѣ шелъ процессъ, за государственныя мѣры и неудачныя постановленія обвиняли нѣсколькихъ человѣкъ, скорѣе слабыхъ и несчастныхъ, чѣмъ преступныхъ; они и теперь отстаивали свою жизнь въ долгой и упорной борьбѣ. Вся драма послѣднихъ лѣтъ царствованія Карла X день за днемъ, по словамъ свидѣтелей, очевидцевъ и дѣятелей, разбиралась въ рѣчахъ за и противъ; разоблачались до тѣхъ поръ тайныя подробности, и цѣлый рядъ событій и ошибокъ прошелъ передъ глазами судей, защитниковъ, обвинителей и обвиняемыхъ и наконецъ передъ очень небольшимъ числомъ допущенныхъ привиллегированныхъ зрителей; здѣсь, какъ и во многихъ процессахъ оказалось, что обвиняемые, при всѣхъ своихъ личныхъ недостаткахъ: при упрямствѣ, недальновидности, недостаткѣ соображенія, дѣйствовали неосмотрительно, какъ не вмѣру усердные слуги лица, или принципа; а вовсе не были чудовищами, какими ихъ считали взволнованныя народныя массы,

преувеличенныя опасенія и отзывы прессы и приверженцы противной партіи. Съ особенной силой говорилъ бывшій министръ Мартиньякъ, защищавшій князя Полиньяка; онъ по обыкновенію краснорѣчивыхъ ораторовъ употреблялъ риторическіе обороты, но между прочимъ выставилъ одинъ изъ самыхъ неопровержимыхъ доводовъ, говоря, что нельзя подвергать суду министровъ изгиннаго отвѣтственнаго короля и начинать ихъ процесса; самая революція не есть законное явленіе ни по одной изъ статей хартіи, поэтому нельзя судить бывшихъ министровъ по законамъ конституціи, однажды нарушеннымъ, тѣмъ болѣе, что они были только орудіями короля; вслѣдствіе совершившейся революціи въ отношеніи предшествовавшаго ей министерства можно дѣйствовать по чувству мести, а не судить по законамъ. По приговору палаты перовъ, произнесенному поздно вечеромъ 20 декабря, Полиньякъ съ лишеніемъ гражданскихъ правъ былъ осужденъ на пожизненное тюремное заключеніе; чтобы не произвести волненія въ народѣ, распущенъ былъ слухъ о томъ, будто всѣхъ подсудимыхъ приговорили къ смерти.

Но вскорѣ распространилось извѣстіе о настоящемъ рѣшеніи, и тогда волненіе готово было вспыхнуть; чернь не могла примириться съ мыслью, что ее обманули и что жертвы готовы выскользнуть у нея изъ рукъ; чтобы спасти заключенныхъ отъ ярости народной, ихъ подъ сильнымъ конвоемъ отправили въ Венсенскій замокъ; народъ бушевалъ безъ цѣли; но волненіе его ничѣмъ не кончилось, у него недоставало вождей; эта безслѣдная попытка послужила только къ тому, чтобы еще болѣе упрочить консервативное начало. Это обнаружилось частью въ томъ, что правительству удалось устранить неудобнаго во многихъ отношеніяхъ Лафайетта; эта цѣль была достигнута тѣмъ, что предложенъ былъ новый проектъ устройства національной гвардіи. При преніяхъ, возникшихъ по этому поводу, ясно выказалась вся несообразность существованія одного верховнаго начальника для всей національной гвардіи Франціи — впослѣдствіи такое исключительное положеніе главнокомандующаго могло бы послужить во вредъ королю и королевству, если бы оно выпало на долю не такому испытанно-вѣрному, честному и способному человѣку, каковъ былъ Лафайеттъ. Небольшаго труда стоило, чтобы, окружая его фиміамомъ похвалъ и благодарности, нравственно убѣдить генерала сознать свое положеніе и заставить добровольно отказаться отъ него; онъ увидѣлъ, что при новомъ устройствѣ національной гвардіи, онъ теряетъ власть надъ нею, а затѣмъ, само собою разумѣется, онъ не захотѣлъ принять почетнаго титула главнокомандующаго; при существующихъ обстоятельствахъ это могло почесться даже оскорбительнымъ для него и потому онъ отказался отъ титула, лишеннаго значенія.

Онъ сказалъ королю, разыгрывавшему роль неутѣшнаго, что настоящая система правленія не согласна съ его образомъ мыслей, и потому онъ не хочетъ и не можетъ дѣйствовать въ ея духѣ; въ одно время съ нимъ отъ должности отказался министръ юстиціи Дюпонъ. Его мѣсто заступилъ Мерильу, занимавшій должность министра народнаго просвѣщенія, а его портфель былъ отданъ еще ничѣмъ не отличившемуся адвокату Барту.

Съ каждымъ днемъ ожидали, что Людовикъ Филиппъ распуститъ палату депутатовъ, лишь только она окончитъ нѣкоторыя предварительныя работы, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ новый законъ о выборахъ; казалось, такой мѣры требовали обстоятельства, въ какихъ находилось правительство, стоявшее не твердо одной ногой на прочной почвѣ законности, а другой на волканической — революціи. Но королю надобно было держаться депутатовъ, столько же содѣйствовавшихъ послѣднему перевороту, сколько онъ самъ; большинство депутатовъ въ нѣкоторомъ смыслѣ были его сообщники, раздѣлявшіе его образъ мыслей и убѣжденій. Чтобы выиграть время, палата разсуждала и спорила о довольно неважныхъ вопросахъ, касающихся до внутреннихъ реформъ и внѣшнихъ политическихъ отношеній; такимъ образомъ вышло, что еще до того, какъ приступить къ заключительному годичному пренію о новомъ законѣ, о выборахъ, предложенъ былъ проектъ новаго общиннаго устройства, впрочемъ не такой либеральный, какимъ былъ предложенный Мартиньякомъ, въ 1849 году. Но еще раньше чѣмъ палата приступила къ обсужденію этого закона, было опять волненіе, нарушившее общее спокойствіе; оно произошло по случаю заупокойной це-

ремоніи, устроенной легитимистами въ церкви Сенъ-Жерменъ л'Оксерруа, въ память герцога Беррійскаго (14 января 1831 года); буйная толпа черни святотатственно ворвалась въ храмъ и предалась постыднымъ неистовствамъ; правительство дѣйствовало вяло и холодно; чернь не удовольствовалась первымъ буйствомъ; на другой день она напала на архіепископскій дворецъ и ужасно опустошила его. Этимъ случаемъ воспользовались, чтобы отдѣлаться отъ послѣднихъ приверженцевъ Лафайетта, еще занимавшихъ значительныя должности, а именно: отъ префекта полиціи Боде и префекта Сенскаго департамента Одилонъ-Барро. Въ февралѣ наконецъ состоялся законъ объ устройствѣ общинныхъ совѣтовъ; въ него положено было избрать опредѣленное число лицъ, по количеству налоговъ, какіе они несутъ; изъ нихъ правительство избирало меровъ и предоставило себѣ исключительное право отставлять ихъ. Каждое постановленіе общиннаго совѣта получало силу только послѣ утвержденія правительствомъ.

Тоже самое стремленіе—исключительно предоставить власть среднему, болѣе богатому сословію,—выказавшееся въ законѣ общиннаго устройства, еще яснѣе и рѣшительнѣе обнаружилось въ проектѣ новаго закона о выборахъ, предложенномъ правительствомъ; по этому закону число избирателей, изъ лицъ обложенныхъ самыми высокими податями, было удвоено противъ числа предположеннаго въ проектѣ 1830 года; но коммиссія палаты депутатовъ съ своей стороны напротивъ не только не удвоила ценса для избираемыхъ, но понизила избирательный ценсъ съ 1800 на 750 франковъ, а ценсъ избирателей съ 300 фр. на 240 ф.; слѣдовательно, съ насмѣшкой замѣчали въ легитимистскихъ кружкахъ, іюльская революція принесла не больше и не меньше 60 франковъ выгоды. Гораздо основательнѣе было предложеніе, сдѣланное правительствомъ, отдавать при выборахъ предпочтеніе (c a p a c i t é): членамъ французской академіи, уволеннымъ высшимъ чинамъ изъ офицеровъ арміи, судьямъ, нотаріусамъ, докторамъ и вообще людямъ, получившимъ высшія университетскія ученыя степени; но это предложеніе правительства не было принято. Палатѣ же удалось выторговать нѣсколько франковъ для пониженія ценса, а именно низвести его на 500 и на 200; при такихъ условіяхъ законъ былъ принятъ, 9 марта, и палата ожидала, что ее распустятъ, но дѣло опять затянулось; въ тотъ же день министерство Лафитта попросило объ увольненіи и получило его.

Причина этого измѣненія таилась, кромѣ личныхъ отношеній, въ томъ способѣ, съ какимъ велись политическія отношенія къ иностраннымъ государствамъ. Правительство неоднократно высказывало свое неизмѣнное правило о н е в м ѣ ш а т е л ь с т в ѣ во внутреннія дѣла другихъ государствъ, однакожъ предполагая при этомъ, что и остальныя великія державы будутъ держаться того же правила. Лафиттъ и Себастіани въ палатѣ высказали это очень ясно и опредѣленно, точно также, какъ Лафайеттъ въ своемъ достопамятномъ разговорѣ съ Александромъ Гумбольдтомъ; придерживаясь этого правила, имѣвшаго двѣ стороны, мирную и воинственную, при бельгійскомъ и при польскомъ вопросѣ, хотя и дошли до послѣдней границы, за которой уже начинается вмѣшательство, т. е. война, но далѣе не пошли и этой пограничной черты не переступали. Во главѣ партіи, жаждавшей войны, стоялъ генералъ Ламаркъ, но по бельгійскому вопросу его и другихъ алармистовъ успокоивали тѣмъ, что присоединеніе Бельгіи къ Франціи, хотя, можетъ быть, и согласовалось бы съ желаніемъ цѣлаго народа, но имѣло ту великую невыгоду, что поссорило бы Францію съ Англіей и возбудило бы неудовольствіе во всѣхъ остальныхъ государствахъ Европы; къ томуже для Бельгіи другимъ путемъ достигнуто было все то, чего можно было достигнуть, не подвергая ея большой опасности. Касательно Польши другое оправданіе: ее отъ Франціи отдѣляетъ половина ширины европейскаго материка и вмѣшательство въ ея дѣла неудобно уже по одному тому, что оно равнялось бы возобновленію наполеоновской системы военной политики. Совсѣмъ не таковы были отношенія къ Италіи. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, маршалъ Мезонъ съ убѣжденіемъ поддерживалъ мнѣніе, что ни Франціи, ни Австріи не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла Италіи; но между тѣмъ тамъ вспыхнуло волненіе въ герцогствахъ и въ Романьи; Меттернихъ съ своей стороны рѣшительно объявилъ, что Австрія неизбѣжно приметъ участіе въ италіянскихъ дѣлахъ, не смотря ни на что, и готова нести всякія послѣдствія сво-

его поступка. Депеша посланника Людовика Филиппа съ извѣстіемъ объ этомъ, въ высшей степени важномъ рѣшеніи, была отправлена министру Себастіани, но онъ не сообщилъ ея первому министру—Лафитту и тотъ только случайно узналъ о ней изъ газетъ: это произошло отъ того, что король рѣшился оставаться спокойнымъ зрителемъ, даже и тогда, когда бы Австрія вооруженной силой вмѣшалась въ итальянскія дѣла; Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ нарушать своей политики мира, и поэтому Лафитту оставалось или подать въ отставку, или дѣйствовать открыто, вопреки тому, что онъ нѣсколько разъ и съ силой высказывалъ передъ своими соотечественниками.

На мѣсто его, по королевскому декрету отъ 13 марта 1831 года, назначенъ былъ Казимиръ Перье министромъ внутреннихъ дѣлъ и президентомъ совѣта министровъ. Казимиръ Перье, человѣкъ пылкій, гордый, властолюбивый, съ большой энергіей, но еще съ большимъ честолюбіемъ, принялъ министерство только съ условіемъ, что король не будетъ присутствовать въ совѣтѣ министровъ, какъ это до сихъ поръ дѣлалось, и что депеши, касательно политическихъ сношеній съ иностранными дворами, будутъ предлагаемы на разсмотрѣніе ему, президенту совѣта министровъ. Онъ послѣ этого твердою рукою взялся за дѣла; прочія измѣненія въ составѣ министерства не имѣли важности; Себастіани остался на своемъ мѣстѣ; съ его взглядомъ на внѣшнюю политику, Перье въ существенныхъ чертахъ былъ согласенъ.

Очень ясно и твердо развилъ Перье свой образъ мыслей и программу дѣйствій въ первомъ засѣданіи палаты: онъ говорилъ, что іюльская революція носитъ на себѣ печать строго-консервативнаго характера—цѣль ея состояла въ томъ, чтобы уничтожить беззаконность и насиліе; она положила начало свободѣ, основанной на законахъ, но теперь ей опять угрожаютъ безпорядки и волненія: поэтому вся задача правительства заключается въ томъ, чтобы охранять ее. Для поддержанія свободы прежде всего необходимо сохранить миръ; но на установленномъ принципѣ невмѣшательства еще лежитъ священная обязанность не начинать войны, когда начало это будетъ нарушено другимъ какимъ либо государствомъ; Франція должна дорожить кровью сыновъ своихъ и беречь ее; она принадлежитъ ей одной. Эти слова нашли сильную поддержку въ мнѣніи военнаго министра, маршала Сульта, который сказалъ, что для того, чтобы начать войну, надобно принести большія матеріяльныя жертвы, тогда какъ въ настоящее время денежныя средства министерства даютъ ему возможность и то съ трудомъ, въ должномъ устройствѣ содержать войска только въ мирное время. Не было больше помину о мнимой арміи въ 500 тысячъ человѣкъ линейныхъ полковъ и милліона національной гвардіи; за военнымъ министромъ на трибунѣ появился министръ финансовъ баронъ Луи и далъ еще большій вѣсъ мирному настроенію; онъ раскрылъ передъ палатой существующій значительный дефицитъ въ нѣсколько милліоновъ франковъ и тутъ же предложилъ новый проектъ закона о возвышеніи налоговъ на земли и на патенты, чтобы этимъ способомъ погасить существующій дефицитъ. Засѣданіе окончилось тѣмъ, что канцлеръ предложилъ проектъ закона, направленный противъ уличныхъ скопищъ, законъ несравненно строже всего того, что когда либо было публиковано во времена имперіи и реставраціи для сохраненія порядка и спокойствія въ городѣ.

Система безусловнаго невмѣшательства нашла сильнаго противника въ лицѣ Лафайетта,—онъ осязательно доказалъ, что правительство такою политикою подвергаетъ опасности честь Франціи и явно противорѣчитъ своему, прежде выраженному образу мыслей, и что восточныя великія державы всегда готовы идти въ крестовый походъ съ анти-либеральною цѣлью, но что Франція въ этомъ не можетъ сочувствовать имъ. Слова его произвели сильное впечатлѣніе на слушателей и оно увеличилось еще отъ неловкой и плачевной манеры, съ какою Себастіани защищалъ свою политику. Въ палатѣ раздался взрывъ хохота, когда министръ въ третій разъ повторилъ свою фразу: «война—война со всѣми своими ужасами», но и сама палата, или покрайней мѣрѣ большинство ея членовъ не желали войны со всѣми ея ужасами, съ ея жертвами, опасностями и безпорядками какіе вслѣдствіе ея могли явиться внутри государства; правительство все это знало и пока воспользовалось временемъ, чтобы учредить въ государствѣ новый

строгій административный порядокъ. Циркуляры напоминали префектамъ, что существуютъ законы касательно безопасности и спокойствія страны, что эти законы надобно строго исполнять и слѣдить за тѣмъ, чтобы мнѣнія и убѣжденія партій, хотя и не подлежащія за выраженіе ихъ отвѣтственности, тотчасъ были подвергнуты судебному преслѣдованію, какъ скоро можно будетъ видѣть, что они отъ словъ переходятъ къ дѣйствіямъ, нарушающимъ эти постановленія; вмѣстѣ съ этимъ разосланы были циркуляры отъ всѣхъ министровъ, предписывавшіе всѣмъ чиновникамъ выйти изъ «association nationale», цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы противодѣйствовать «иностранцамъ и Бурбонамъ», и члены которой обязались съ своей стороны дополнять въ этомъ смыслѣ то, что правительственныя мѣры упускали бы изъ виду; цѣлый рядъ отставокъ сопровождалъ эту мѣру и давалъ ей особенную силу. Въ это же время нѣсколько республиканцевъ были оправданы судомъ присяжныхъ, что еще болѣе раздражило такого властолюбиваго человѣка, какъ Перье, и заставило его прибѣгнуть къ еще болѣе строгимъ мѣрамъ.

Наконецъ 3 мая 1831 года палата была распущена и къ 23 іюля назначены новые выборы. Очень незамысловатымъ способомъ надѣялись устранить слѣдствія расширеннаго избирательнаго права; налоги повысили на 50 процентовъ; для составленія списковъ избирателей, основаніемъ взяты были податные списки 1830 года, такъ что въ сущности цензъ для избирателей, положенный въ 200 франковъ, теперь увеличенный 50 процентами, составлялъ 300 франковъ. При новыхъ выборахъ настоящее правительство, по образцу Виллеля и почти каждаго новаго французскаго правительства, пустило въ ходъ огромное могущество своего чиновническаго люда. Множество летучихъ брошюръ и статеекъ поддерживали желанное направленіе; самъ король объѣздилъ значительное количество департаментовъ; особенный вѣсъ полагали въ томъ, что во внѣшней политикѣ можно было указать на нѣкоторый успѣхъ.—Для Польши Франція, правда, ничего не могла сдѣлать, потому что каждое, сколько нибудь серьезное заступничество возбудило бы только неудовольствіе и вражду трехъ сосѣднихъ съ ней державъ; и въ Бельгіи нельзя было приписать успѣха реформы французской политикѣ; каждый ясно чувствовалъ, что вопросъ былъ разрѣшенъ, и бельгійскимъ королемъ избранъ герцогъ Кобургскій, только при дѣятельномъ содѣйствіи и стараніяхъ Англіи; за то въ Италіи обнаружились слѣды политическаго вліянія Франціи, на которое указывалъ Себастіани: между Франціей и Австріей шли переговоры о томъ, чтобы папа согласился на нѣкоторыя уступки въ пользу своихъ возставшихъ провинцій; но вся энергія иностранной политики Франціи обрушилась на тирана Португаліи, дона-Мигуэля, который оскорбилъ и наложилъ руку на французскихъ подданныхъ и отказалъ имъ въ удовлетвореніи. Іюля 11 французскій флотъ вошелъ въ устье Таго и принудилъ 8 военныхъ кораблей, составлявшихъ весь наличный флотъ дона-Мигуэля, спустить свой флагъ передъ французскимъ. Извѣстіе объ этомъ событіи пришло въ Парижъ въ тотъ день, когда король приступилъ къ открытію новой палаты депутатовъ.

Тронная рѣчь въ общихъ выраженіяхъ коснулась внутренняго состоянія и управленія Франціи, но за то довольно подробно изложила свои отношенія къ иностраннымъ державамъ и свой взглядъ на внѣшнюю политику. Указано было, что австрійское войско, по требованію французскаго правительства, оставило Папскую область; что Бельгія признана самостоятельнымъ королевствомъ всѣми великими европейскими дворами, между прочимъ, по настоянію Франціи; французское трехцвѣтное знамя,—съ жаромъ читалъ король,—развѣвается на укрѣпленіяхъ Лиссабона. Польша тоже не была забыта: король увѣрялъ что не щадилъ трудовъ, чтобы мирно кончить ожесточенную борьбу ея, что онъ предлагалъ свое посредничество и просилъ о томъ же великія, смежныя съ Россіей и Польшей державы... Относительно успѣховъ въ Португаліи король неправильно выразился: — трехцвѣтное знамя развѣвалось *не на стѣнахъ*, а *подъ стѣнами* Лиссабона; но на эту ошибку не стоило обращать вниманія, гораздо хуже было все, что относилось къ Польшѣ, тутъ каждое слово было—неправдой.

Перье недовѣрчиво смотрѣлъ на палату депутатовъ. Избраніе Лафитта на мѣсто президента ему кое-какъ удалось устранить, тѣмъ неменѣе онъ не могъ помѣшать, избранію Дюпона въ вице-президенты, и поэтому самъ просилъ о

своемъ увольненіи. Но настроеніе палаты и все положеніе дѣлъ измѣнилось, когда голландцы вступили въ Бельгію и французское правительство нашло удобный случай выказать свое энергическое вмѣшательство въ ея дѣла: сильное войско, подъ начальствомъ генерала Жерара, выступило въ походъ въ Бельгію. Августа 9 въ палатѣ начались пренія о составленіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь; съ нѣкотораго времени такого рода пренія сдѣлались любимымъ занятіемъ парламентскихъ совѣщаній на материкѣ Европы, потому что по поводу адреса можно было обо всемъ говорить, спорить, все доказывать и опровергать, тогда какъ въ Англіи такого рода пренія употреблялись очень рѣдко, въ крайне необходимыхъ случаяхъ. Въ англійскомъ и французскомъ парламентахъ характеръ рѣчей существенно различался: въ Англіи говорили сдержанно, по возможности взвѣшивая каждое выраженіе и приберегая самый энергическій оборотъ рѣчи для окончательнаго, рѣшительнаго вывода мнѣнія; французы напротивъ находили особенное удовольствіе въ преувеличеніяхъ, въ остроумныхъ антитезахъ, въ многословныхъ рѣчахъ, наполненныхъ общими взглядами и теоретическими воззрѣніями, что придавало рѣчамъ французскихъ государственныхъ людей характеръ рѣчи адвоката, а каждаго адвоката, въ глазахъ неразумной массы народа и въ ихъ собственныхъ, возводило на степень государственнаго человѣка. Всѣ стремленія Перье, вся цѣль его стараній заключалась въ словахъ: «хартія и миръ»; хартіей палата депутатовъ была довольна, да и отъ мира не отказывалась, хотя это и не было политикой смѣлой, достойной удивленія цѣлью и ужь далеко не героическою, но по крайней мѣрѣ она согласна была съ достоинствомъ Франціи и была, можетъ быть, единственная, соотвѣтствующая интересамъ ея внутренняго благосостоянія, и слѣдовательно, самая для нея необходимая; ее выставляли и поддерживали вдохновенными и краснорѣчивыми рѣчами. Себастіани представилъ палатѣ въ ясной картинѣ, какъ іюльская революція безъ войны, безъ насилія, однимъ примѣромъ, произвела реформы въ Саксоніи, въ курфюршествѣ Гессенскомъ, въ Брауншвейгѣ и въ Швейцаріи; на италіянскихъ происшествіяхъ онъ почти не останавливался, а на счетъ Польши только замѣтилъ, что не слѣдуетъ мѣшать только что начавшимся переговорамъ. Однакожь онъ отказался показать достовѣрные акты для подтвержденія своихъ словъ; съ противной стороны говорили Могуэнь, Биньонъ, Лафайеттъ въ защиту Польши; послѣ долгихъ преній, во время которыхъ со стороны правительства высказывалась *надежда*, а со стороны оппозиціи *увѣренность*, что польскій народъ не погибнетъ въ борьбѣ, что онъ сохранитъ свою индивидуальность; наконецъ та и другая сторона согласились на уступки и въ заключеніе положено было, что надобно допустить (assurance) *предположеніе*, что все окончится къ лучшему. Такимъ выводомъ обѣ стороны остались довольны. Почти такой же результатъ имѣли пренія относительно статьи адреса, касавшейся внутреннихъ дѣлъ государства; и здѣсь послѣ долгихъ и жаркихъ рѣчей—за и противъ—удовольствовались довольно общими мѣстами.

По случаю извѣстія о капитуляціи Варшавы опять начались было жаркія пренія, и Себастіани, раздраженный противорѣчіемъ, произнесъ жосткое выраженіе: онъ сказалъ, что въ Варшавѣ теперь царствуетъ порядокъ и тишина; но парижане на пораженіе, понесенное Польшей, смотрѣли какъ на національное несчастіе: театры были закрыты, по улицамъ бушевалъ народъ и готовъ былъ къ грознымъ волненіямъ; министры должны были избѣгать оскорбленій; въ палатѣ шли жаркія пренія между Тьеромъ, Гизо, Себастіани съ одной стороны и Могуэнемъ, Ламаркомъ, Лафайеттомъ и Одилонъ Барро съ другой; но спокойствіе опять было возстановлено декларацією правительства.

Нѣсколько недѣль спустя начались совѣщанія о будущемъ устройствѣ и положеніи палаты перовъ; въ этихъ совѣщаніяхъ для людей опытныхъ и прозорливыхъ обнаруживалась внутренняя слабость монархіи. Главный вопросъ состоялъ въ томъ — должно ли быть достоинство пера наслѣдственнымъ. Очень остроумно и здраво разсуждали Тьеръ, Ройе-Колларъ и Гизо, защищая наслѣдственность званія пера. Ихъ основная мысль была слѣдующая, что хорошее государственное устройство не можетъ быть ни чисто монархическимъ, ни чисто аристократическимъ, ни чисто демократическимъ; аристократія немыслима безъ наслѣдственности правъ, и королевство невозможно безъ посредствующей могущественной верхней палаты

между королемъ и могущественною первой палатой демократіи; что вѣчно измѣняемому подвижному непрочному элементу народныхъ представителей надобно противупоставить основанную на твердыхъ началахъ порядка незыблемую аристократію, имѣющую значительный перевѣсъ въ общественной жизни, — какъ выразился Ройе-Колларъ. Но самое большое зло заключалось въ томъ, что старинная французская аристократія, частію по своей винѣ, частію гибельнымъ взрывомъ революціи, была вырвана изъ Франціи и потеряла всякое значеніе въ мнѣніи народа; а однажды вымершаго, съ корнемъ истребленнаго сословія нельзя возсоздать никакими постановленіями, никакимъ законодательствомъ; къ тому же среднее сословіе (bourgeoisie), возраставшее съ 1789 года и особенно укрѣпившееся въ послѣднюю, іюльскую революцію, не хотѣло допустить существованія новой аристократіи; въ этомъ на его сторонѣ была вся народная масса, для которой выросшее въ бурю революціи р а в е н с т в о имѣло обаятельную силу и стояло несравненно выше с в о б о д ы, охраняемой строго разграниченными общественными сословіями. На основаніи такого воззрѣнія, наслѣдственность достоинства перовъ была отвергнута большинствомъ 386 голосовъ противъ 40. Хотя правительство раздѣляло воззрѣніе меньшинства, однакожь вполнѣ предоставило рѣшеніе палатѣ.

Чтобы провести этотъ законъ въ палатѣ перовъ, принуждены были королевскимъ декретомъ создать 36 новыхъ перовъ; тутъ законъ прошелъ въ своемъ полномъ составѣ, съ незначительнымъ большинствомъ 34 голосовъ; онъ предоставлялъ королю право назначать перовъ пожизненно, только связалъ его извѣстными категоріями, изъ которыхъ можно было избирать перовъ (27 декабря). Изъ числа присутствующихъ перовъ 13 отказались отъ своихъ мѣстъ потому, что для палаты впереди не предвидѣлось никакой свободной дѣятельности. Впрочемъ, тутъ была правда: палата могла выказывать сопротивленіе только въ неважныхъ случаяхъ и распоряженіяхъ, какъ, напримѣръ, палата перовъ не согласилась на требованіе палаты депутатовъ, касательно отмѣненія заупокойной церковной церемоніи въ день кончины Людовика XVI; перы также не допустили возобновленія закона о разводѣ, отмѣненнаго во время реставраціи по духу ложнаго благочестія; но во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ палата перовъ была безсильна.

Возсозданіе аристократіи не удалось; въ тоже время глубокая пропасть между среднимъ сословіемъ (bourgeoisie) и народомъ, между с о б с т в е н н и к а м и и бѣднымъ, р а б о ч и м ъ к л а с с о м ъ съ каждымъ днемъ открывалась все болѣе и болѣе. Застой въ торговлѣ, обнаружившійся въ 1830 и 31 годахъ вслѣдствіе революціи, особенно ощутителенъ былъ въ Ліонѣ; ткачи на шелковыхъ фабрикахъ страдали отъ низкой платы: работая цѣлый день, не заработывали столько, чтобы скудно существовать; а законы строго запрещали собираться на сходки и послѣ общаго соглашенія, прекращать работу, чтобы такимъ дружнымъ протестомъ заставлять богатѣющихъ ихъ трудомъ фабрикантовъ войти съ ними въ соглашеніе и возвысить ихъ задѣльную плату. Не находя исхода изъ своей нужды, рабочіе взбунтовались, и подняли черное знамя, съ надписью: «Жить работой, или умереть за нее!» Возстаніе быстро распространилось и охватило высоты рабочаго города Ла-Круа-руссъ, который господствуетъ надъ Ліономъ; въ концѣ ноября весь Ліонъ уже былъ въ рукахъ фабричныхъ рабочихъ, которые однакожь вели себя смирно и съ достоинствомъ.

Это происшествіе вызвало всю ужасающую энергію такого человѣка, каковъ былъ Казимиръ Перье. По телеграфу во всѣ стороны полетѣли приказанія войскамъ идти на Ліонъ: 20,000 пѣхоты и 6,000 кавалеріи, подъ начальствомъ маршала Сульта, подступили къ Ліону, 3 декабря; старшій сынъ короля, герцогъ Орлеанскій, находился при главной квартирѣ маршала. Въ городѣ поставленъ былъ 20,000-ный гарнизонъ; 10,000 рабочихъ, неліонскихъ уроженцевъ, были изгнаны изъ города, а остальные принуждены были покориться игу своихъ фабрикантовъ; но такимъ скорымъ и военнымъ способомъ нельзя было рѣшить трудной задачи, казавшейся легкой только для неопытныхъ демагоговъ и мечтательныхъ идеалистовъ: но рѣшить которую можетъ только, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ истинный духъ христіанской любви къ человѣчеству и просвѣщенная, исполненная сочувствія къ человѣчеству наука государственнаго правленія.

Въ настоящемъ случаѣ, задачи не разрѣшила ни военная сила, ни странный заказъ шелковыхъ матерій на 600,000 ф. для поправленія бѣдственнаго положенія рабочихъ, сдѣланный Людовикомъ Филиппомъ, черезъ сына своего герцога Орлеанскаго.

Вслѣдъ за этимъ возстаніемъ, то тутъ, то тамъ вспыхивали волненія то съ республиканскимъ, то съ легитимистическимъ колоритомъ, но правительство безъ большаго труда подавляло ихъ и они какъ бы служили только доказательствомъ того, на сколько министръ внутреннихъ дѣлъ необходимъ въ дѣлѣ управленія. Дѣйствіе втораго вторженія австрійцевъ въ Романію было парализовано замѣчательно энергическимъ появленіемъ французскаго войска, двинутаго по распоряженію Перье къ Анконѣ.

Въ палатѣ, между тѣмъ, дѣло нерѣдко доходило до горячихъ сценъ и личныхъ оскорбленій между министрами и членами палаты; такъ напримѣръ, при опредѣленіи личнаго королевскаго бюджета (liste civil), уменьшеннаго до двѣнадцати милліоновъ; но въ пылу преній графъ Монталиве употребилъ выраженіе—п о д д а н ы х ъ; ребяческое самолюбіе французовъ не могло вынести подобнаго оскорбленія, забушевало и стало въ оборонительное положеніе; тѣмъ не менѣе положеніе Перье со дня на день становилось прочнѣе. Но холера съ марта мѣсяца начала свирѣпствовать въ Парижѣ; первыми жертвами ея сдѣлались многіе изъ гостей бала, даннаго въ театрѣ большой оперы, по случаю карнавала; 16 мая 1832 замѣчательный по своей энергіи и уму Перье тоже умеръ отъ холеры; онъ въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ властвовалъ во Франціи; король не очень сильно оплакивалъ его кончину, потому что съ тайнымъ неудовольствіемъ подчинялся своему непреклонному министру.

Людовикъ Филиппъ не годился для роли, которую навязывалъ ему Перье; онъ не могъ быть только символомъ порядка и королевскаго титула, онъ стоялъ выше этого. Послѣ смерти Перье, король немедленно опять явился предсѣдателемъ совѣта министровъ, который съ небольшими измѣненіями оставался тѣмъ же самымъ, какимъ былъ при Перье; на мѣсто Перье министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Монталиве; онъ циркуляромъ объявилъ, что правительство не измѣнилось и что кабинетъ остается въ томъ же составѣ, какой имѣлъ 13 марта.

Но двѣ партіи зашевелились: либеральная въ печатныхъ заявленіяхъ и республиканская въ своихъ сходкахъ. Подъ руководствомъ Лафитта, около 150 депутатовъ обнародовали о т ч е т ъ, въ которомъ обвиняли существующую систему правленія за то, что она все добытое іюльской революціей и самую Францію выдаетъ ея врагамъ. Затѣмъ, по случаю похоронъ генерала Ламарка, бывшаго жирондиста и полуреспубликанца подобно Лафайетту (5 іюня), обѣ партіи соединились для сильной демонстраціи, изъ которой, какъ это во Франціи часто водится, похоронная музыка постепенно перешла въ марсельезу, а съ нею явилась и кровавая сцена, произведенная республиканцами. Но правительство приготовило значительное войско; хотя національная гвардія сперва и оторопѣла при видѣ краснаго знамени и якобинскаго колпака, явившихся въ похоронной процессіи, однако волненіе не имѣло слѣдствій: за недостаткомъ вождей изъ него не сдѣлалась революція. Городскіе промышленные жители были крайне раздражены этими нескончаемыми волненіями, отнимавшими всякое свободное развитіе у ремесла и торговли; все мирное народонаселеніе было настроено въ пользу короля; когда онъ на слѣдующій день, 6 іюня, въ сопровожденіи блистательнаго штаба, верхомъ проѣзжалъ вдоль бульваровъ, между вытянутыми вдоль улицы линейными войсками и національною гвардіей, его привѣтствовали восторженными кликами. Онъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ принялъ депутацію представителей, которые обнародовали свой отчетъ; онъ холодно и спокойно объяснилъ свою систему правленія и настаивалъ на своемъ либеральномъ образѣ мыслей: если онъ въ послѣднее время утратилъ народную любовь, говорилъ онъ, то это можно только приписать клеветамъ, которыми его преслѣдуютъ. Что же касается до возмущенія, то онъ предоставляетъ закону судить его и наказывать за него.

Въ пять часовъ по полудни покончили съ остатками отчаянныхъ возставшихъ; они укрылись было въ угловомъ домѣ на улицѣ Сенъ-Мартенъ и Сенъ-Мерри; у нихъ уже не оставалось ни искры надежды, но они еще сопротивлялись

по упрямству и по дерзкой отвагѣ, свойственнымъ парижской уличной черни. На этотъ разъ національная гвардія почти исключительно принимала участіе въ битвѣ и понесла самыя сильныя потери; поэтому она была крайне раздражена и требовала примѣрнаго наказанія мятежниковъ и энергическихъ мѣръ для сохраненія общественнаго спокойствія; на этотъ разъ желаніе ея было исполнено. Еще 6 числа, когда побѣда уже окончательно была на сторонѣ законнаго порядка, Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи; такъ какъ многіе воспитанники политехнической школы, несмотря на строгое запрещеніе, принимали участіе въ похоронной процессіи Ламарка, школа была закрыта; такъ какъ многіе изъ служащихъ въ артиллеріи національной гвардіи принимали участіе въ возмущеніи, то артиллерія была распущена; многихъ легитимистовъ и демократовъ арестовали; генералъ-прокурорамъ поставлено было въ обязанность строго слѣдить за печатью. Въ одно время съ этимъ возобновилось преслѣдованіе странной секты сенсимонистовъ; вообще это — характеристическое явленіе времени, которое многими прямыми и кривыми путями стремилось къ созданію общественнаго положенія на болѣе естественныхъ и правильныхъ началахъ, чѣмъ то, на какомъ оно находилось.

Имя свое общество заимствовало отъ графа Сенъ-Симона, род. въ 1760 году; это былъ потомокъ древняго дворянскаго рода; умъ его былъ увлеченъ разными въ то время мечтательными теоріями, онъ имѣлъ склонность къ фантастическимъ и мистическимъ идеямъ и мало-по-малу выработалъ новую религію, очень заманчивую для тѣхъ классовъ общества, гдѣ нужда и лишенія заставляютъ желать улучшенія своего быта; тутъ, какъ обыкновенно, между необразованнымъ слоемъ общества, съ неустановившимися понятіями, новая теорія, полупонятная, съ преувеличенными надеждами и планами на счастье и матеріальное довольство, нашла многихъ послѣдователей. Сочиненіе Сенъ-Симона появилось только послѣ смерти его; «новое христіанство» заключало въ себѣ ученіе, серьезно занятое тѣмъ, чтобы развивать заповѣдь о любви къ ближнимъ; но въ этомъ ученіи, какъ и въ ученіи анабаптистовъ и другихъ мечтателей, христіанскія понятія ограничивались болѣе физическимъ благосостояніемъ, нежели духовнымъ, царство ихъ было отъ міра этого, а не инаго; въ немъ обѣщалось — всю массу человѣчества вести къ совершенствованію и счастію, посредствомъ верховной руководящей силы, новаго папства; каждаго человѣка, по мѣрѣ его способностей, вопреки существующему общественному порядку, обѣщалось возвести на ту степень дѣятельности, какая свойственна ему; слѣдовательно, существующій общественный строй неминуемо долженъ уступить мѣсто новому. Сенъ-Симонъ придумалъ особаго рода государство, на манеръ Платонова, въ которомъ будутъ существовать только три различныхъ класса: художниковъ, ученыхъ и промышленниковъ, обнимающіе три главнѣйшія свойства человѣческой природы и служащіе представителями ихъ: чувства, ума и воли. Современно съ Сенъ-Симономъ сковалъ другой мечтатель родственную предъидущей теорію: Карлъ Фурье, сынъ суконнаго продавца, родился въ 1772 году; онъ служилъ сидѣльцемъ въ лавкѣ: на досугѣ изъ глубоко прочувствованной и продуманной, хотя и неисполнимой мысли построилъ матеріальную исполинскую фантасмагорію, распадавшуюся на подчиненныя несообразности; онъ хотѣлъ всю Францію раздробить на множество общинъ, или фаланстерій; каждое изъ такихъ обществъ должно было состоять изъ 1500 или 1800 членовъ, между которыми должны были находиться представители всѣхъ человѣческихъ отраслей дѣятельности, и вслѣдствіе этого каждая фаланстерія должна была составлять нѣчто отдѣльное, цѣлое, вполнѣ независимое и вполнѣ удовлетворяющее всѣмъ своимъ потребностямъ.

Сенъ-Симонъ умеръ въ 1825 году, но онъ оставилъ значительное число восторженныхъ послѣдователей своего ученія; послѣ іюльской революціи они выступили съ своими фантастическими теоріями. Въ одной изъ самыхъ людныхъ частей Парижа, по воскресеньямъ, начали они проповѣдывать свое ученіе; они привлекали огромное количество слушателей своею странною теоріею, одушевленіемъ, съ какимъ толковали ученіе о новой мудрости своего учителя, и болѣе всего мѣткимъ критическимъ разборомъ существующаго общественнаго порядка. Демагоги недальняго полета прежде обыкновенно давали толпѣ избитыя изреченія демократіи,

толковали о свободѣ, равенствѣ и разсыпали другія громкія слова—камни вмѣсто хлѣба; эта секта давала больше, хотя и немногимъ лучше, но тутъ была какая нибудь пища, они давали—новую религію. Сенъ-симонисты не дремали: они раздавали брошюры, издавали газеты, собирали деньги, и многіе, отличавшіеся впослѣдствіи какъ отважные спекуляторы, начали свою дѣятельность, какъ жаркіе послѣдователи и распространители ученія Сенъ-Симона. Въ данную минуту съ ними случилось самое лучшее, чего они могли желать: имъ открылась возможность публично высказать начала своего ученія и развить ихъ; но вновь изданнымъ полицейскимъ постановленіемъ строго запрещалось всякое собраніе въ домахъ, на которомъ присутствовало бы больше 20 человѣкъ, безъ предварительнаго позволенія полиціи; этого правила сенъ-симонисты не исполняли и поэтому ихъ начальниковъ, во второй разъ, потребовали къ отвѣту; во внутреннемъ устройствѣ секты между тѣмъ по случаю раздачи денегъ, произошли несогласія, но представители ея, воспользовавшись судебнымъ преслѣдованіемъ, публично излагали свое ученіе, защищали его и кстати защищали свой образъ дѣйствій. Ихъ «старшій отецъ», нѣкто (Enfantine) Анфантинъ выказалъ при этомъ много сноровки и умѣнія. По-крайней мѣрѣ самая шаткая, критическая часть его изложенія произвела сильное впечатлѣніе на слушателей: онъ сильно налегалъ на недостаточное стараніе правительства устранить общественное зло, котораго никто изъ присутствовавшихъ не могъ отвергать; онъ говорилъ объ исправительныхъ заведеніяхъ, гошпиталяхъ, рабочихъ домахъ и тюрьмахъ; указывалъ на цѣль своего общества, стремившагося къ исправленію этого общественнаго зла посредствомъ возобновленія и измѣненія коренныхъ основъ человѣческаго общества; на первомъ мѣстѣ стояло новое распредѣленіе личной собственности, при которомъ съ наслѣдственными правами на богатство не были бы связаны, какъ въ текущее время, наслѣдственное бездѣйствіе и наслѣдственныя несчастія; но, какъ во всѣхъ подобныхъ фантасмагорическихъ сектахъ, и здѣсь не упустили изъ виду привлекать массу потворствомъ низшимъ физическимъ стремленіямъ порочной чувственности; это низкое безнравственное стремленіе облекали въ громкую фразу «эмансипаціи плоти», которая и внѣ круга этихъ сектаторовъ привела многихъ къ постыдному паденію. Анфантенъ былъ осужденъ и общество исчезло, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самыхъ ярыхъ изъ его вождей; но практически-настроенная часть этой общины, помышлявшая преимущественно о перемѣнахъ въ распредѣленіи состояній между людьми и объ уничтоженіи правъ на наслѣдство, продолжала дѣйствовать на низшіе, бѣднѣйшіе слои народа, волновала ихъ и частію достигла разъединенія во французскомъ обществѣ, еще болѣе усилила уже существующую вражду между партіями и раздѣлила большинство народонаселенія на враждебные другъ другу лагери.

Хотя правительству и удалось погасить попытки республиканскихъ движеній, партія эта все-таки имѣла много приверженцевъ, несмотря на то, что выродки ея, подобно только—что описаннымъ, вредили ей въ общественномъ мнѣніи. Тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе, что министерство въ своемъ настоящемъ составѣ не можетъ надѣяться на сочувствіе со стороны палаты депутатовъ, и поэтому Людовикъ Филиппъ рѣшился приступить къ новому, болѣе прочному измѣненію въ министерствѣ, обнародованному «Монитеромъ» 11 октября 1832 года. Самъ король назвалъ его системой середины — le juste milieu—между двумя политическими крайностями; предсѣдателемъ въ совѣтѣ министровъ назначенъ былъ военный министръ маршалъ Сультъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ—Тьеръ, просвѣщенія—Гизо, финансовъ—Гюманъ—промышленникъ изъ Эльзаса; герцогъ Броліо принялъ иностранное министерство; де Риньи, Бартъ и д'Аргу сохранили министерства—морское, юстиціи и общественныхъ работъ. Въ тоже время въ достоинство перовъ возведено было больше 62 новыхъ лицъ, при чемъ особенное вниманіе обращено было на то, чтобы это были люди съ особенно замѣчательными способностями, или знаменитости, посредствомъ нихъ король хотѣлъ поднять павшій авторитетъ этой корпораціи.

На Людовика Филиппа ходили всевозможныя клеветы, въ числѣ такихъ очень обидныхъ для него и на которую онъ жаловался была молва—что онъ готовъ *дѣло революціи предать легитимистамъ*. Но въ 1832 году онъ совершенно опровергнулъ эту выдумку. Изгнанный король сначала спокойно

переносилъ свою участь и безропотно покорился ей. Но, мало-по-малу, послѣдовалъ примѣру всѣхъ бѣглецовъ, началъ съ жадностью ловить всѣ извѣстія затруднительномъ положеніи новаго правительства и, основываясь на этомъ, сталъ питать нѣкоторыя надежды: какъ будто возвращеніе для него было возможно; заблуждаясь этой надеждой онъ объявилъ, что его актъ отреченія уничтожается тѣмъ, что съ противной стороны не исполнены условія, составлявшія ограниченіе отреченія. Но пока этимъ и ограничился протестъ Карла X. Онъ оставался спокойно на своемъ мѣстѣ, ничего не предпринимая; не этого хотѣла и надѣялась герцогиня Беррійская; слѣдуя стариннымъ французскимъ обычаямъ, она объявила себя регентшею, вмѣсто малолѣтняго сына своего Генриха V, и не смотря на свое невыгодное положеніе, не теряла надежды, при помощи вандейцевъ и все еще очень сильной партіи легитимистовъ, достигнуть своей цѣли. Она отправилась въ Италію къ герцогу Моденскому, не признавшему новаго короля французскаго, и осталась при его дворѣ; отсюда она вела дѣятельную переписку съ представителями своей партіи и наконецъ, когда считала минуту удобною, сѣла на корабль и отправилась къ южнымъ берегамъ Франціи. Ей удалось высадиться незамѣченною въ апрѣлѣ 1832 года; съ своею незначительною свитою и малочисленными приверженцами она сдѣлала попытку овладѣть Марселемъ, окончившуюся плачевно: ей пришлось бѣжать и переодѣвшись перебираться изъ одного мѣста въ другое; такъ прошла она Францію и въ маѣ достигла Ванден; изъ замка Плассакъ она сдѣлала воззваніе къ роялистамъ, кровью не разъ запечатлѣвшимъ свою вѣрность престолу; она надѣялась пробудить въ нихъ сочувствіе къ себѣ и къ своему сыну, надѣялась стать твердо на этой почвѣ, не разъ обагренной кровью сыновъ ея. Но съ 1793 года многое перемѣнилось; вся страна распалась на два лагеря: въ одномъ находились землевладѣльцы, купившіе національныя недвижимыя собственности, и правительственныя войска, въ другомъ приверженцы старины, роялисты, готовые умереть за законнаго короля; да и самая почва стала ужь не тою, какая была прежде: она была изрѣзана широкими и удобными дорогами; исчезли тропинки, обрывы горъ и кусты, столько содѣйствовавшіе прежней народной войнѣ. Однако возстаніе вспыхнуло, были подвиги геройскаго мужества, самоотверженія и непреклонной преданности, но возстаніе все-таки въ короткое время было подавлено; только въ руки побѣдителей не досталась смѣлая предводительница, потому что въ Вандеѣ не нашлось предателей, которые бы показали, гдѣ герцогиня скрывается. Но нашелся крещеный жидъ, какъ говорится въ старинной вестготской пословицѣ, не омытый водой крещенія; этого человѣка употребляла она для важныхъ посольствъ и вѣрила въ его преданность, но онъ измѣнилъ и продалъ ее. За 50,000 франковъ открылъ онъ ея убѣжище и послѣ того, какъ получилъ деньги отъ Тьера, указалъ, гдѣ она скрывается. Ее поймали и въ ноябрѣ отвезли въ замокъ Блей (Blaye), на островокъ въ устьѣ Жиронды. Неизбѣжныя обстоятельства принудили ее тутъ обнаружить свою послѣднюю, самую дорогую тайну: оказалось, что она была въ тайномъ супружествѣ съ сицилійскимъ графомъ Луккеза-Паллн; у нея въ крѣпости, въ присутствіи полицейскихъ и докторовъ, родилась дочь 9 мая 1833 года; когда герцогиня выздоровѣла, ей возвратили свободу; она уже перестала быть опасной. Напрасно начальники легитимистической партіи выставляли весь разсказъ объ этомъ происшествіи какъ клевету и бросали свою рыцарскую перчатку къ ногамъ каждаго, утверждавшаго противное, они не могли возстановить павшаго политическаго значенія герцогини; ея дѣятельность окончилась; такое супружество считалось оскорбительнымъ не только для всего семейства, но и для всей партіи и потому всѣ отвернулись отъ бывшей герцогини. Но это трагическое происшествіе, окончившееся такъ мѣщански и прибавило блистательныхъ лучей славы къ царствованію Людовика Филиппа.

Въ томъ же году счастливая случайность освободила Людовика Филиппа отъ другаго опаснаго соперника: герцогъ Рейхштадтскій, бывшій король римскій, скончался въ Вѣнѣ 22 іюля. А 19 ноября 1832 года опять открыты были засѣданія палатъ. По дорогѣ во дворецъ Бурбоновъ (palais Bourbon) кто-то выстрѣлилъ въ короля, но промахнулся; виновника не открыли. Но происшествіе это послужило только къ тому, чтобы доставить королю самую восторженную встрѣчу въ

палатѣ—*при такихъ обстоятельствахъ*, воскликнулъ Одиллонъ Барро, *не можетъ быть больше оппозиціи*». Тронная рѣчь произвела очень благопріятное впечатлѣніе, потому что король Людовикъ Филиппъ могъ указать на успѣхъ французскаго оружія въ Нидерландахъ; тамъ французское войско, вмѣстѣ съ англійскимъ, подъ начальствомъ маршала Жерара, стояло передъ цитаделью Антверпена. Въ палатѣ депутатовъ на сторонѣ оппозиціи было рѣшительное меньшинство; кандидатъ средней партіи, пріятный для правительства, генералъ-прокуроръ Дюпень-старшій, самолюбивый краснобай, являвшійся слугою и приверженцемъ каждаго правительства, способнаго раздавать мѣста и положенія, былъ избранъ президентомъ; при его содѣйствіи составленный отвѣтный адресъ былъ только отголоскомъ тронной рѣчи. На сторонѣ правительства былъ человѣкъ замѣчательный — Тьеръ; онъ зналъ, какъ надобно дѣйствовтаь, чтобы имѣть палату депутатовъ на своей сторонѣ; онъ особенный вѣсъ и настоящее господство въ палатѣ приписывалъ *большинству* голосовъ; въ его глазахъ это было настоящимъ народнымъ правленіемъ и при случаѣ онъ не преминулъ выставить это въ своей рѣчи въ палатѣ; но онъ не объяснилъ, какими путями можно было пріобрѣтать это большинство голосовъ.

Въ эти засѣданія палатъ предложено было нѣсколько очень важныхъ проектовъ законовъ: законъ о народномъ образованіи и обученіи, составленный подъ руководствомъ строго научнаго, просвѣщеннаго благороднаго направленія, Гизо; кромѣ того проектъ о преобразованіи департаментскаго управленія, котрымъ воскрешался неудавшійся проектъ Мартиньяка. Но и теперь проектъ послѣдняго закона не былъ принятъ; характеристическою чертою этого предложеннаго правительствомъ проекта было, чтобы каждая власть была ограничена и направляема совѣщательными совѣтами: рядомъ съ префектомъ стоялъ генеральный совѣтъ, съ су-префектомъ—окружной совѣтъ, съ меромъ каждой общины—общинный совѣтъ; но каждому изъ этихъ совѣтовъ предоставлялось только совѣщательное, а не исполнительное право; лица въ эти совѣты могли быть избираемы, также какъ представители въ палату депутатовъ, изъ привиллегированнаго класса, платящаго самыя большія повинности. Потребность въ реформѣ учебной и образовательной системы была крайне необходима: изъ шести милліоновъ дѣтей, достигшихъ возраста, въ который можно было учиться, только два милліона пользовались общественнымъ школьнымъ обученіемъ; изъ молодыхъ людей, записавшихся и поступившихъ въ войско, больше половины не знали грамоты. Іюльское правительство, не опиравшееся на духовенство, главная сила котораго заключалась въ невѣжествѣ народа, тотчасъ обратило вниманіе на этотъ предметъ. Гизо предложилъ открыть двоякаго рода народныя школы; въ однѣхъ учителямъ наименьшая плата назначалась въ 200 фр. жалованья, за что они должны были учить читать, писать, ариѳметикѣ и закону Божію; въ школахъ высшаго разряда, жалованья учителямъ назначалось не меньше 400 франковъ; эти должны были преподавать начальныя понятія изъ геометріи, физики, географіи и исторіи; частныя школы открывать могъ всякій, кто могъ получить отъ мера свидѣтельство въ нравственно—хорошихъ правилахъ и въ достаточномъ знаніи въ наукахъ. Каждому приходскому священнику вмѣнялось въ обязанность быть членомъ учплищнаго совѣта, потому что безъ содѣйствія или еще хуже, при открытомъ сопротивленіи духовенства, ничего нельзя было бы сдѣлать. Законъ этотъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ, но принесъ меньше пользы, чѣмъ можно было ожидать, потому что посѣщеніе школы не было обязательнымъ, хотя и было государственною, но не понудительною мѣрою, какъ въ Германіи. Эта понудительная школьная мѣра была бы спасительна и неоцѣненна для Франціи, народъ которой, преданный политическимъ страстямъ, долженъ подвергнуться строгому школьному ученію, чтобы яснѣе понимать свое относительное положеніе; напрасно въ палатѣ и въ печати отвергли такую мѣру, какъ противную либеральнымъ понятіямъ, хотя въ сущности истинный либерализмъ долженъ быть основанъ на глубоко нравственныхъ началахъ. Апрѣля 25 палаты были закрыты, но немедленно за тѣмъ опять созваны для новой сессіи. Въ ней Тьеръ, сдѣлавшійся между тѣмъ министромъ общественныхъ зданій и сооруженій, объявилъ, что правительство рѣшилось окружить Парижъ обширнымъ поясомъ отдѣльныхъ фортовъ и укрѣпленій, чтобы такимъ способомъ,—такъ льстилъ себя опыт-

ный ораторъ и мыслитель,—сдѣлать Францію непобѣдимой, а Парижъ неприступнымъ. Въ политикѣ французской все еще таилась надежда вернуться къ традиціямъ временъ Людовика XIV, революціи и Наполеона, т. е. къ надеждѣ рано или поздно разорвать трактаты 1815 года и опять овладѣть рейнскими провинціями; хотя эти желанія глубоко таились и не высказывались, но они существовали и выразились отчасти въ этой системѣ укрѣпленій, которая была бы примѣнима при наступательной политикѣ Людовика XIV, но противорѣчила миролюбивымъ воззрѣніямъ Людовика Филиппа; на Францію такая мѣра внѣшнихъ укрѣпленій Парижа подѣйствовала очень неблагопріятно; повсюду пробудились неудовольствіе и подозрительность: думали, что проектированныя укрѣпленія назначаются не для защиты отъ внѣшняго врага, но — оборонительною мѣрою отъ враждебныхъ партій внутри государства и отъ вѣчно готоваго вспыхнуть возстанія. Напрасно Тьеръ въ своихъ рѣчахъ выбивался изъ силъ, чтобы доказать противное: ему никто не хотѣлъ вѣрить.

Враждебное настроеніе республиканской партіи между тѣмъ возрастало со дня на день; съ одной стороны ее раздражали преслѣдованія, направляемыя генералъ-прокуроромъ Персилемъ противъ представителей и самыхъ уважаемыхъ членовъ республиканской партіи, какъ на политическомъ поприщѣ, такъ и въ печати; съ другой стороны надежды ея питались постояннымъ предпочтеніемъ и оправданіями, какое находили республиканцы въ судѣ присяжныхъ. Редакторы органа республиканской трибуны Годфруа Каваньякъ и Арманъ Марра, призванные къ суду передъ палатой депутатовъ, дерзко защищали и отстаивали выраженіе, которымъ они заклеймили палату депутатовъ: они говорили «что это продажная корпорація»; доказательствомъ своихъ словъ приводили они биржевыя спекуляціи, которыми депутаты занимаются съ такимъ успѣхомъ: какъ люди знакомые съ политическимъ положеніемъ дѣлъ, стоящіе почти во главѣ правительственныхъ распоряженій, они лучше другихъ могли знать, по крайней мѣрѣ на сутки раньше всѣхъ остальныхъ смертныхъ, на какія бумаги цѣны должны повыситься, на какія упасть, и сообразно съ этимъ они спекулировали; кромѣ того указывали на огромную сумму, поглощавшуюся на тайныя потребности государства; указывали на пошлины съ ввоза иностранныхъ произведеній и на преміи при вывозѣ, обращавшіяся исключительно въ пользу крупныхъ домовъ привиллегированнаго класса избирателей, т. е. нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ изъ 32 милліоновъ; но самое дурное въ этихъ упрекахъ было то, что они имѣли основаніе. Республиканская партія опять зашевелилась и понемногу собирала свои силы: она составила о б щ е с т в о ч е л о в ѣ ч е с к и х ъ п р а в ъ; по существующимъ и еще не отмѣненнымъ тогда законамъ временъ наполеоновскихъ, слѣдовало доносить объ обществахъ, число членовъ которыхъ было больше двадцати вслѣдствіе этого, чтобы не допосить, оно распадалось на отдѣленія, изъ которыхъ ни одно не превышало 20 членовъ, но такихъ отдѣленій въ одномъ Парижѣ, около половины 1833 года, было не менѣе 163. Во главѣ этого общества стояли люди замѣчательные, какъ напримѣръ, генералъ Лафайеттъ, нѣсколько извѣстныхъ адвокатовъ, депутатовъ, журналистовъ; всѣ члены общества упражнялись въ стрѣльбѣ и фехтованьи, составилась общая касса, которая увеличивалась отъ правильныхъ взносовъ. Общество это въ короткое время распространилось по всей Франціи, преимущественно по большимъ городамъ; въ это же время теоретически развилась система народнаго управленія, въ болѣе опредѣленныхъ и правильныхъ формахъ; неудивительно послѣ этого, что это общество нашло много послѣдователей и приверженцевъ; на воспріимчивый французскій народъ сильно и возбудительно дѣйствовали ихъ прокламаціи, развивавшія свою теорію. «Изъ числа 32½ милліоновъ жителей Франціи, говорилось между прочимъ, въ государствѣ насчитывается болѣе 500,000 тунеядцевъ, утопающихъ въ роскоши и лѣни, около милліона счастливыхъ рабовъ и 31 милліоновъ илотовъ, парій, великихъ страдальцевъ, отъ рожденія обреченныхъ на всякія тѣлесныя страданія и лишенія и на смерть духовную. Королевская власть въ состояніи переносить счастіе и несчастіе изъ одного класса въ другой, отъ одной личности на другую; но одна республика способна истребить самый корень зла и каждому изъ своихъ членовъ безраздѣльно предоставить свою долю наслажденія и счастія. Одна только республика можетъ создать правительство, не требующее

никакой представительности, никакихъ лишнихъ издержекъ: не будетъ даже войска: оно будетъ составлено изъ тѣхъ же гражданъ. Большихъ повинностей не будетъ; самъ рабочій будетъ назначать себѣ задѣльную плату по добровольному соглашенію съ антрепренеромъ. Необходимые и неизбѣжные расходы по управленію будутъ покрываться налогами на все лишнее, на предметы роскоши; сборщики податей и фискалы не будутъ болѣе тяготѣть надъ пролетаріями и бѣдными, не будутъ ущитывать у нихъ каждый ломоть хлѣба и каждый глотокъ воды, подкрашенный краснымъ виномъ.»

Дѣйствительно, пролетаріямъ и бѣднякамъ ничего лучшаго и желать не оставалось: какое блаженство, что перестанутъ облагать пошлиной подкрашенную воду и усчитывать число выпитыхъ стакановъ, но лучше всего, что вмѣсто водицы, безъ мѣры отпускать будутъ хорошее цѣльное вино.

Но можно ли было ожидать много добра въ будущемъ для народа, лучшіе люди котораго, какъ Лафайетъ, Каваньякъ, Гарнье Пажъ и другіе, такою недостойною лестью домогались благосклонности худшаго изъ деспотовъ—народа; это было тѣмъ опаснѣе, что правительство съ своей стороны не употребляло никакихъ радикальныхъ мѣръ для исцѣленія глубокихъ нравственныхъ язвъ, существованія которыхъ самъ народъ, при своемъ высокомѣрномъ обольщеніи, даже и не сознавалъ. Правительство во Франціи составляло только одну партію, а республиканцы другую; полныя великаго значенія слова: Франція, свобода и отечество звучали только, какъ украшеніе рѣчи, а внутренней силы у нихъ больше не было.

Когда же въ декабрѣ 1833 года опять открылись засѣданія палаты, республиканская партія открыто выступила. Правительство на ея демонстрацію отвѣтило тѣмъ, что издало постановленіе, по которому розничная продажа газетъ, громогласное выкрикиванье продавцовъ ихъ на улицахъ, площадяхъ и перекресткахъ ограничивались позволеніемъ отъ полиціи; законъ этотъ былъ принятъ большинствомъ голосовъ; въ мартѣ 1834 года обнародованъ былъ новый законъ, запрещавшій всякое публичное собраніе «какого рода бы оно ни было,» безъ предварительнаго на то разрѣшенія полиціи; за нарушеніе этого закона назначены были строгія наказанія и обвиняемые предавались полицейскому суду, а не суду присяжныхъ, но въ очень важныхъ случаяхъ палатѣ перовъ предоставленъ былъ судъ надъ ними, какъ надъ нарушителями общественнаго спокойствія и безопасности. Законъ этотъ возбудилъ сильнѣйшую оппозицію. При преніяхъ, возникшихъ затѣмъ, не премнули министрамъ доказать, что они теперь показываютъ драконовскую строгость и преслѣдуютъ то, что они прежде сами допускали и чѣмъ сами пользовались; эти возраженія все-таки повели къ смягченію закона и къ перемѣнѣ въ министерствѣ. Бартъ и д'Аргу вышли изъ министерства; отъ герцога Броліо самъ король отдѣлался, потому что этотъ гордый сознаніемъ величія французскаго имени человѣкъ не раздѣлялъ его миролюбиваго воззрѣнія на политическія отношенія къ прочимъ государствамъ: по случаю непріятнаго разногласія съ Сѣвероамериканскими Соединенными Штатами и по поводу несоразмѣрно большихъ требованій, возникшихъ еще во времена континентальной системы, былъ заключенъ договоръ отъ 4 іюля 1831 года. Герцогъ былъ того мнѣнія, что однажды данное обѣщаніе необходимо исполнить; но къ величайшему и общему удивленію, палата отвергла его и когда наконецъ потребовали ратификацію договора, то она была отвергнута большинствомъ восьми черныхъ шаровъ. Герцогъ оставилъ министерство, мѣсто его занялъ морской министръ, адмиралъ Риньи; министромъ юстиціи назначенъ былъ ревностный гонитель прессы, генералъ-прокуроръ Персиль.

Въ Ліонѣ вспыхнуло второе возмущеніе, но на этотъ разъ съ чисто политическимъ оттѣнкомъ; правительство неловкими мѣрами раздражило народъ и вызвало возстаніе и кровавую битву, длившуюся до 15 апрѣля, шестеро сутокъ съ очень небольшими промежутками, и повергшую этотъ промышленный городъ, не смотря на то, что миръ со всѣми сосѣдями царствовалъ, въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій, со всѣми неизбѣжными съ войною ужасами. Въ Парижъ дошли невѣрныя, преувеличенныя извѣстія объ успѣхахъ возстанія въ Ліонѣ и вызвали здѣсь волненія, длившіяся 13 и 14 апрѣля и послужившія только къ тому,

чтобы заставить правительство и палату депутатовъ соединиться въ противуреволюціонныхъ мѣрахъ. Проектъ закона, составленный канцлеромъ Персилемъ, клонился къ тому, чтобы впередъ предотвращать всякое волненіе: по этому закону строго запрещалось, безъ полицейскаго позволенія сохранять у себя оружіе; смертная казнь назначалась за возстаніе вооруженной силой и каторжная работа за безоружное участіе въ возстаніи; маршалъ Сультъ въ то же время добился предписанія объ усиленіи войска—на 36,000 человѣкъ. Около этого же времени скончался, 20 мая, Лафайетъ; съ этимъ человѣкомъ республиканская партія лишилась одного изъ своихъ замѣчательнѣйшихъ вождей — человѣка всѣми любимаго, имя котораго принесло республиканской партіи больше пользы, нежели его личныя качества, никогда, ни въ какихъ отношеніяхъ не выполнившихъ того, чего отъ него ожидали его приверженцы.

Правительство распустило палату подъ впечатлѣніемъ усмиреннаго, неудавшагося возстанія. Новые выборы начались; но республиканцы и рѣшительные либералы были устранены и потому большинство членовъ принадлежало къ партіи умѣренныхъ, во всѣхъ важныхъ случаяхъ оставшихся на сторонѣ правительства, и очевидно готовыхъ подчиниться руководству Тьера; онъ былъ опытенъ, имѣлъ не только теоретическія знанія, необходимыя для правителя, но основывалъ свою теорію на наблюденіяхъ: онъ отлично владѣлъ словомъ и всегда, всякое дѣло умѣлъ выставить съ такой стороны, какая ему казалась лучшею и выгоднѣйшею; онъ умѣлъ говорить со всякимъ и говорить такъ, чтобы слова его были пріятны, но въ случаѣ нужды умѣлъ тоже самыя горькія и ядовитыя замѣчанія высказывать, облекая ихъ въ самыя утонченныя и привлекательныя формы; очень часто основаніемъ его одушевленныхъ рѣчей служилъ холодный и строгій разсчетъ.

Іюля 31 начались засѣданія палатъ. На дѣлѣ онѣ однакожь не оказались такими послушными оружіями, какъ того ожидали. Въ партіи, по видимому преданной Тьеру, были люди очень серьезно помышлявшіе о томъ, какъ бы имъ самимъ сдѣлаться министрами; въ ряду ихъ Дюпенъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ; въ странѣ, гордой равенствомъ правъ своихъ гражданъ, каждый считаетъ себя вправѣ домогаться министерскаго званія. Маршалъ Сультъ просилъ о своемъ увольненіи іюля 17; на его мѣсто назначенъ былъ маршалъ Жераръ; послѣ адреса палатъ, въ которомъ говорилось о примиреніи партій, онъ просилъ у короля всеобщей амнистіи, но не получилъ королевскаго согласія и потому также просилъ объ увольненіи 27 октября. Такимъ образомъ наступило положеніе, извѣстное подъ названіемъ министерскаго кризиса: ноября 11, 1834 года, въ «Монитерѣ» напечатано было извѣстіе объ увольненіи де Риньи, Дюшателя, Тьера, Гизо и Гутмана; на мѣсто ихъ набрано было новое министерство, во главѣ котораго стоялъ бывшій статсъ-секретарь Наполеона—Маретъ—герцогъ Бассано; но въ этомъ министерствѣ не было особенно выдающихся людей, это были посредственности, подобныя той, какая преобладала въ умѣренной партіи палаты депутатовъ; королю казалось, что при содѣйствіи этого министерства ему легче будетъ управлять государствомъ, чѣмъ при такихъ самостоятельныхъ и обширно развитыхъ людяхъ, каковы были Гизо, или Тьеръ. Но ему очень скоро пришлось убѣдиться на опытѣ, что умному человѣку гораздо легче имѣть дѣло съ умными людьми, чѣмъ съ напыщенными посредственностями; уже черезъ нѣсколько дней ему пришлось распустить министерство и призвать обратно прежнее. Предсѣдателемъ опять былъ назначенъ одинъ изъ наполеоновскихъ маршаловъ—Мортье—герцогъ Тревизскій. Въ такомъ составѣ было министерство, когда вновь открылось засѣданіе палатъ, послѣ очень непродолжительнаго закрытія ихъ. Тьеръ объявилъ, что настоящее положеніе дѣлъ еще не позволяетъ издать манифеста о всеобщей амнистіи; палата осталась этимъ довольна и больше не настаивала. Но Мортье оставилъ министерство, и опять произошло колебаніе; король долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы сохранить остальныхъ министровъ, и по этому согласился на ихъ требованіе — избрать президентомъ совѣта министровъ герцога Броліо и отдать ему портфель министерства иностранныхъ дѣлъ.

Съ его вступленіемъ въ должность, вопросъ о вознагражденіи Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ былъ вновь поднятъ. Разрѣшеніе этого вопроса

было затруднено посланіемъ президента Соединенныхъ Штатовъ Джаксона, написаннымъ конгрессу въ Вашингтонѣ и своимъ тономъ вызвавшимъ самое непріязненное настроеніе: дипломатическія сношенія между обоими государствами были прерваны и можно было ожидать войны. Теперь же, палаты согласились вступить въ переговоры (18 апрѣля 1835) и, сохраняя только приличія, приняли объяснительную записку, касательно грубой выходки президента Штатовъ, въ сущности же уступили и согласились выплатить требуемое вознагражденіе. Послѣ этого палаты занялись дѣятельнымъ преслѣдованіемъ и уничтоженіемъ республиканской партіи; для тайныхъ правительственныхъ цѣлей потребовалась прибавочная сумма въ 1,200,000 франковъ и ее разрѣшили. Число лицъ, замѣшанныхъ въ послѣднемъ волненіи и арестованныхъ, весною 1835 года еще простиралось до 1300 человѣкъ; обвиняемые буянили передъ судомъ палаты перовъ, какъ одержимые бѣсомъ; апрѣльскій процессъ шелъ вяло, медленно, съ возмутительными сценами: но въ это время новое, неслыханное преступленіе довело раздраженіе до крайнихъ предѣловъ.

Іюля 28, въ день годовщины революціи, возведшей Людовика-Филиппа на престолъ, онъ дѣлалъ большой смотръ войскамъ. 30,000 линейныхъ войскъ и 20,000 національной гвардіи были разставлены вдоль бульваровъ. Король со своимъ штабомъ дошелъ до 8-послѣдняго легіона, стоявшаго на бульварѣ Тампль, вдругъ послышался грохотъ взрыва и вся сцена превратилась въ мѣсто побоища. Градъ пуль полетѣлъ въ свиту короля: офицеры, національные гвардейцы, зрители, два генерала, одинъ изъ нихъ маршалъ Мортье, тяжело пораженные, въ крови лежали на землѣ; одинъ король, настоящая цѣль этого адскаго умысла, и сыновья его, остались невредимы. Онъ спокойно продолжалъ путь свой, ни на мгновеніе не потерявъ присутствія духа; убійцу схватили; онъ прикрѣпилъ свою а д с к у ю м а ш и н у—двадцать пять ружейныхъ стволовъ—къ подвижному станку—но выстрѣливъ изъ нихъ, нечаянно самъ ранилъ себя и потому попался; преступникъ, корсиканецъ родомъ, Фіески, при слѣдствіи показалъ, что не имѣлъ настоящихъ сообщниковъ и что причина замышляемаго убійства у него была совсѣмъ не политическая; это былъ человѣкъ потерянный, много мыкавшійся по свѣту, много жившій и съ безнравственнымъ образомъ мыслей: онъ часто встрѣчался съ недовольными, много разговаривалъ съ ними, самъ былъ недоволенъ собою и другими и пришелъ къ мысли предпринять такое капитальное убійство.

Но случай былъ удобный и минутное настроеніе такого рода, что нельзя было отказаться отъ того, чтобы употребить это происшествіе въ свою пользу, и правительство придумало новыя, болѣе дѣйствительныя мѣры противъ партіи переворотовъ, о которой нельзя было сказать, гдѣ ея начало и гдѣ конецъ. Августа 4 герцогъ Броліо предложилъ палатѣ три проекта законовъ, которые сопровождалъ жаркою рѣчью, послѣ которой народу оставалось мало существенной свободы, дарованной хартіею. По смыслу этихъ новыхъ законовъ, каждое оскорбленіе королевскаго величества, каждое печатное покушеніе на принципъ управленія и на форму правительства равнялось преступленію противъ спокойствія и безопасности государства и вело на судъ въ палату перовъ; залоги для изданія политическаго журнала, равно какъ и штрафы, были возвышены — залогъ для журнала въ Парижѣ съ 50,000 фр. на 100,000 фр.; театральныя представленія и выставки картинъ подчинили позволенію министра, или префекта. Проектъ втораго закона измѣнялъ судъ присяжныхъ. Для рѣшенія дѣла достаточно было ничтожнаго большинства голосовъ — семи противъ пяти, вмѣсто до сихъ поръ полагавшагося большинства восьми противъ четырехъ; по проекту третьяго закона судебнымъ мѣстамъ предоставлялось право, по требованію, неявившихся къ суду приводить въ него насильно, или даже осуждать ихъ, не выслушавъ оправданія. Большинство членовъ сочувствовало этимъ законамъ; по ихъ фанатическому стремленію къ порядку и спокойствію, чѣмъ строже и неумолимѣе была мѣра, оберегающая ихъ, тѣмъ пріятнѣе являлась она имъ; престарѣлый Ройе-Колларъ высказалъ глубокую истину, говоря о существующемъ злѣ, съ которымъ приходилось бороться; онъ говорилъ, что оно родилось не вчера и не третьяго дня, что оно есть неизбѣжное слѣдствіе цѣлой цѣпи насилій революцій надъ существующимъ порядкомъ, отъ которыхъ Франція страдаетъ болѣе 50 лѣтъ; но, къ несчастію, этими словами

онъ только охарактеризовалъ отчаянное и неисцѣлимое свойство зла. Палата сочувствовала предложеннымъ мѣрамъ и 9 сентября 1835 проекты законовъ были утверждены.

Два дня спустя палату закрыли. Утвержденіе этихъ *сентябрскихъ законовъ* показываетъ высоту власти, достигнутой Людовикомъ Филиппомъ. Вся сила оппозиціи этими строгими постановленіями была сломана на будущее время. Многіе изъ провинціальныхъ журналовъ прекратились совсѣмъ, или измѣнили свой характеръ и свой языкъ. Остальные дворы Европы съ этихъ поръ начали смотрѣть благосклоннѣе и съ большимъ довѣріемъ на царствованіе Людовика Филиппа, потому что казалось, ему удалось усмирить революціонную партію такъ, какъ этого никогда не удавалось реставраціи. Въ тронной рѣчи, произнесенной 29 декабря 1835 года, при новомъ открытіи засѣданія палатъ, король говорилъ о своихъ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми европейскими державами.

Въ Испаніи, гдѣ междоусобная война свирѣпствовала, какъ мы уже видѣли, французская политика вполнѣ согласовалась съ англійскою и можно было на четверной союзъ Англіи, Франціи, Испаніи и Португаліи смотрѣть, какъ на союзъ, противопоставленный тройному священному союзу; но Людовикъ Филиппъ отклонилъ прямое и непосредственное вмѣшательство Франціи въ пользу регентши и ея дочери, хотя часть его министерства, особенно Тьеръ и герцогъ Броліо, этого желали. Извѣстія о положеніи дѣлъ въ Алжирѣ въ настоящее время также были хорошія. Послѣ долгаго, нерѣшительнаго колебанія наконецъ положено было удержать за собою завоеваніе Карла X; успѣхи генераловъ, смѣнявшихся очень часто, были сомнительные, потери значительныя. Попытка привлекать туда поселенцевъ, раздавая имъ земли, еще плохо удавалась; покоренныя племена съ негодованіемъ переносили иноземное владычество и только номинально считались подданными Франціи. Но вскорѣ тамъ появился достойный соперникъ французовъ, молодой старшина Абдъ-эль-Кадеръ; какъ марабутъ, или поборникъ исламизма, онъ сдѣлался извѣстенъ въ нѣсколькихъ племенахъ арабовъ въ провинціи Оранъ, его единодушно избрали эмиромъ Маскары; сначала онъ обманывалъ французовъ своими мирными и дружественными заявленіями, но вскорѣ сталъ во главѣ своихъ соотечественниковъ и повелъ ихъ на борьбу съ *невѣрными*. Уже въ 1835 году сбросилъ онъ съ себя маску и въ теченіе многихъ лѣтъ оставался самымъ опаснымъ врагомъ Франціи, не усмиреннымъ ни однимъ пораженіемъ въ открытомъ полѣ; и здѣсь, какъ вездѣ, французы доказали, что они вполнѣ неспособны къ тому, чтобы заводить колоніи и устраивать ихъ управленіе. Но на этотъ разъ тронная рѣчь могла указать на нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ генераломъ Клозель; въ той же рѣчи было изложено вообще, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее положеніе Франціи въ очень утѣшительной картинѣ.

Можно было надѣяться, что управленіе герцога Броліо утвердилось на долгое время; но оно пало по случаю финансоваго вопроса, казавшагося ничтожнымъ. Министръ финансовъ Гюманъ, къ величайшему удивленію не только палаты, но и министровъ, внесъ вопросъ объ уменьшеніи процентовъ на государственный заемъ; это было вполнѣ противно образу мыслей и дѣйствій короля, преимущественно опиравшагося на обладателей рентъ, составлявшихъ значительный классъ народонаселенія Парижа. Неспокойный министръ былъ уволенъ; но палата завладѣла его мыслью; главы умѣренной партіи: Пасси, Созе, Дюфоръ сдѣлались ея защитниками и одинъ изъ ихъ приверженцевъ, Гуэнь, внесъ вопросъ объ уменьшеніи процентовъ въ палату; по большинству голосовъ, вопреки желаніямъ и стараніямъ министерства, вопросъ этотъ допущевъ былъ къ соображенію и разсмотрѣнію. Министерство подчинилось баллотировкѣ и оставило свои портфели; слѣдствіемъ переговоровъ было новое министерство — Тьера (22 февраля 1836), который по своему политическому взгляду стоялъ ближе къ партіи умѣренныхъ; при этомъ случаѣ онъ отдѣлился отъ своихъ прежнихъ товарищей доктринеровъ, строгихъ послѣдователей Гизо. Ловкій, опытный и честолюбивый адвокатъ принялъ мѣсто предсѣдателя совѣта министровъ и министерство иностранныхъ дѣлъ, но при этомъ не высказалъ своего политическаго направленія, а только оставилъ нѣкоторыхъ министровъ при ихъ частяхъ—министра финансовъ д'Аргу, военнаго министра Мэзонъ и др. и окружилъ себя нѣкоторыми выдающимися вождями

умѣренныхъ. Тьеръ ловкими рѣчами отклонилъ необходимость немедленно согласиться на пониженіе процентовъ и нашелъ поддержку въ приближенныхъ къ нему представителяхъ умѣренной партіи, успѣвшей вытѣснить доктринеровъ и занять ихъ должности. Новое министерство, хотя не отмѣнило сентябрскихъ законовъ, но оставило ихъ въ бездѣйствіи и приняло систему болѣе умѣренную, въ отношеніи къ преслѣдованію политическихъ преступниковъ; въ тоже время на торговыя отношенія и постановленія оно смотрѣло съ болѣе современной точки зрѣнія и ввело болѣе либеральную систему торговыхъ законовъ. Министръ торговли Пасси предложилъ цѣлый рядъ распоряженій о пониженіи пошлинъ, и такимъ образомъ положилъ начало къ измѣненію тѣсной запретительной системы ограниченія, которая подавляетъ промышленность цѣлаго народа въ пользу нѣкоторыхъ крупныхъ промысловъ, или вѣрнѣе, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вѣтвей промышленности. Такимъ путемъ во французскую палату депутатовъ внесенъ былъ великій, всеобъемлющій вопросъ, уже давно волновавшій Англію и составляющій одинъ изъ выдающихся вопросовъ всемірной исторической важности текущаго столѣтія: вопросъ о таможенныхъ ограниченіяхъ и о свободной торговлѣ. Одинъ изъ ораторовъ, графъ Жоберъ поддерживалъ систему огражденія и ограниченія тѣмъ, что указывалъ, какъ отъ строгаго исполненія таможенныхъ законовъ зависитъ существованіе общественнаго порядка, что торговля и промышленность столько же нуждаются въ исключительномъ покровительствѣ законовъ для крупныхъ промышленниковъ, сколько нуждаются въ немъ землевладѣльцы для охраненія своей собственности; то что онъ говорилъ и доводы, какіе приводилъ были хотя неосновательны, но искренни, потому что онъ самъ былъ и графомъ, и желѣзно-заводчикомъ. Другой ораторъ Эдинъ-Гридэнь, фабрикантъ шерстяныхъ матерій и суконъ, находилъ, что при рѣшеніи вопросовъ подобнаго рода, надобно прежде всего имѣть въ виду пользу массы народной, и всего того, что даетъ ей средство пріобрѣтать деньги, слѣдовательно, надобно покровительствовать промысламъ; третій доказывалъ, что система охраненія содѣйствовала развитію множества отраслей промышленности, которыя неминуемо должны были бы уничтожиться, когда бы система измѣнилась; всѣ рѣчи, всѣ подобныя возраженія раздавались еще около десяти лѣтъ въ защиту неправаго дѣла; но не стотря на то, идеи развивались, истина и справедливость побѣдоносно проникали все дальше и дальше и снимали оковы, стѣснявшія свободную народную дѣятельность. И Тьеръ попыталъ свое ораторское искусство надъ этимъ вопросомъ; онъ, какъ искусный софистъ, краснорѣчиво и подробно опровергалъ побочные вопросы, чѣмъ отвлекалъ вниманіе слушателей отъ главныхъ вопросовъ, которые и оставались безъ опроверженія; онъ показывалъ, какъ французскіе законы ограждаютъ промышленную дѣятельность вообще, а не отдѣльныя отрасли ея, и какъ безпристрастно поступаетъ правительство; онъ очень краснорѣчиво защищалъ то самое заблужденіе, отъ котораго не могъ отдѣлаться въ теченіе всей своей жизни и которую одинъ изъ поборниковъ свободы торговли, Дюверье де Гораннъ, очень удачно опредѣлилъ словами: «охранительныя пошлины могутъ принести отдѣльнымъ лицамъ непомѣрныя выгоды, потому что онѣ устраняютъ конкуренцію и порождаютъ монополію; но такого рода предпочтеніями благосостояніе государства не увеличивается, а деньги, богатство, только перемѣщается внутри государства; потому что, если одинъ что либо кладетъ въ свой карманъ, другой тоже самъ вынимаетъ изъ своего кармана»; «если я какое либо произведеніе промышленности, говорилъ другой ораторъ, получаю за 6 франковъ изъ за границы, то значитъ оно стоитъ не дороже 6 франковъ, если же я за него плачу 10 фр., то значитъ я за него фабриканту плачу 4 франка пошлины, и если онъ вслѣдъ за тѣмъ у меня покупаетъ бутылку бордосскаго вина за 4 франка, выходитъ, что я емувино отдалъ даромъ»; очень точно замѣтилъ Ламартинъ, что при обсужденіи этого вопроса дѣло касается свободы, составлявшей исходную точку революціи 1789 года—потому что и здѣсь, и тамъ говорилось о привиллегіяхъ и монополіяхъ. Но почти вся палата состояла изъ такихъ привилегированныхъ лицъ. Какъ бы то ни было, но пошлины были уменьшены, хотя и оставались еще довольно значительными; правительство доказало не только сохраненіемъ ихъ, но и своими дѣйствіями въ продолженіе всѣхъ преній, что вполнѣ заслуживаетъ довѣренность этихъ привил-

легированныхъ лицъ, въ которыхъ оно само нуждалось. Государственное, домашнее хозяйство такимъ образомъ уладилось безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, и спокойствіе общественное не было нарушено даже тогда, когда нѣсколько дней послѣ закрытія засѣданій палатъ 25 іюня, опять была попытка на жизнь короля; но на этотъ разъ министерство было благоразумнѣе; оно приняло дѣло такъ, какъ оно было, т. е. смотрѣло, какъ на покушеніе личное, а не проявленіе цѣлаго заговора; на убійство покусился какой-то Алибо, лавочный сидѣлецъ изъ Перпиньяна; онъ не былъ орудіемъ какой либо партіи: замыселъ его можно было объяснить только общимъ духомъ времени, общей политической атмосферой, тяготѣвшей надъ Франціей и воспламенившей его пылкую и ненормально развитую голову; Алибо, также какъ его предшественникъ Фіески, былъ осужденъ на смерть и казненъ.

Министерство Тьера было тоже недолговѣчно, хотя онъ въ своемъ воззрѣніи на политику и въ своемъ образѣ дѣйствій согласовался съ политической точкой зрѣнія Людовика Филиппа и съ консервативнымъ настроеніемъ европейскихъ кабинетовъ. Онъ допустилъ, чтобы послѣдній остатокъ польскаго королевства, вольный городъ Краковъ, былъ, по общему соглашенію трехъ соединенныхъ покровительствующихъ державъ, занятъ войсками; по требованію русскаго посланника онъ распустилъ польскій комитетъ въ Парижѣ, составлявшій средоточіе для всѣхъ польскихъ эмигрантовъ; онъ не помѣшалъ, когда дѣло зашло о томъ, чтобы съобща съ другими державами Европы потребовать отъ Швейцаріи высылки политическихъ бѣглецовъ, которые туда стекались со всѣхъ концовъ Европы и подъ вліяніемъ Джузеппе Мадзини составили тамъ общеевропейское тайное общество, называвшееся Молодой Европой; такъ какъ въ этой Европѣ каждая нація имѣла своихъ представителей, свою будущность, свои особыя права и свои особенныя потребности, то она еще подраздѣлялась на молодую Италію, молодую Германію, молодую Польшу, молодую Швейцарію и молодую Англію. Буйные и безпокойные члены молодой Европы, одушевленные понятой и непонятой теоріей Мадзини, этого проповѣдника, глубоко убѣжденнаго въ непреложности своихъ идей, были однакожъ неудобны и для самой Швейцаріи, поэтому первенствующій городъ Бернъ на требованіе французскаго посланника отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ, что можно было удовольствоваться его отвѣтомъ; но Тьеръ 18 іюля 1836 года послалъ Союзу такую грозную ноту, что оскорбленное чувство народной гордости и чести вспыхнуло и Швейцарія готова была взяться за оружіе.

Путешествіе старшихъ сыновей Людовика Филиппа, герцога Орлеанскаго и Немурскаго въ Берлинъ и въ Вѣну, казалось, окончательно скрѣпило дружественныя отношенія съ легитимистическими дворами Европы. Повсюду ихъ встрѣчали съ почестями и гостепріимною предупредительностью; но попытка вступить въ брачный союзъ съ австрійскою принцессою не удалась, хотя Тьеръ этого сильно домогался и хотя молва объ этомъ уже обѣжала всѣ дворы; первый министръ Франціи изъ этого примѣра вывелъ заключеніе о томъ, на сколько можно довѣрять дружескимъ изъявленіямъ среднеевропейскихъ дворовъ, потому и началъ помышлять о другихъ, болѣе надежныхъ путяхъ. Изъ полумѣръ, принятыхъ въ дѣлахъ Испаніи, онъ думалъ перейти къ энергическому вмѣшательству; это высказалось въ приказѣ генерала Лебо, отданномъ иностранному легіону, который стоялъ на границѣ, каждую минуту готовый переступить черезъ нее; въ приказѣ отдано было повелѣніе привести весь обозъ въ порядокъ, и лишь только отрядъ будетъ усиленъ резервами и подкрѣпленіями, быть готову выступить въ походъ. Но такое энергическое вмѣшательство не согласовалось съ планами короля, и потому министръ подалъ просьбу объ увольненіи, 25 августа 1836. Новое министерство, при существующемъ настроеніи, должно было имѣть характеръ чисто консервативный; оно было набрано только къ 6 сентября 1836 года; во главѣ его находился графъ Моле; самый замѣчательный изъ членовъ былъ Гизо, принявшій опять министерство народнаго просвѣщенія; Персиль сдѣлался министромъ юстиціи, Дюшатель — финансовъ, Гаспарень, префектъ департамента Роны, отличившійся при подавленіи ліонскаго возстанія, принялъ министерство внутреннихъ дѣлъ, королевскій генералъ-адъютантъ Бернаръ—военное министерство.

Новому министерству предстояло довольно запутавшіяся швейцарскія дѣла

привести въ порядокъ. Французскій посланникъ, герцогъ Монтебелло, обратилъ вниманіе бернскаго городскаго совѣта на человѣка, по имени Консель, особенно опаснаго; но вскорѣ оказалось, что этого человѣка найти нельзя; онъ бродилъ подъ различными названіями, входилъ въ сношенія съ французскимъ правительствомъ и отъ него получалъ паспорты на фальшивое имя. У швейцарскаго правительства не достало политической сноровки, чтобы утаить всѣ эти подробности отъ французскаго посланника. Французское правительство приняло это за оскорбленіе, нанесенное ему въ лицѣ посланника, и требовало удовлетворенія, но такъ какъ послѣднее не довольно скоро послѣдовало, издало 1 октября запрещеніе переходить, или переѣзжать черезъ границу, простирающуюся между Швейцаріей и Франціей, но скорѣе болѣе ко вреду послѣдней, нежели первой. Собранъ былъ чрезвычайный федеральный совѣтъ, который послѣ долгихъ и бурныхъ совѣщаній далъ объясненіе; его, если угодно, можно было принять за удовлетвореніе; со стороны французскаго правительства оно такъ и было принято; запретъ на проѣздъ черезъ границу былъ снятъ. Въ сношеніяхъ съ Испаніей ограничились наставленіемъ даннымъ посланнику, чтобы онъ поддерживалъ въ королевѣ желаніе приводить въ исполненіе умѣренныя правила Estatuto-real. Новый министръ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ короля, что либерализмъ, переходящій за границы этой конституціи, можетъ дойти до конституціи 1812 года и сдѣлаться опаснымъ даже для самой Франціи.

Чтобы пріобрѣсти больше популярности, новое министерство, въ день рожденія Людовика-Филиппа, 6 октября, съ его согласія, освободило 63 политическихъ преступниковъ и поставило на видъ, что и впередъ еще предвидятся амнистіи. Этимъ первымъ прощеніемъ воспользовались также министры Карла X, содержавшіеся въ Гамѣ; сначала были освобождены Перонне и Шантелозъ, потомъ князь Полиньякъ и Гернонъ де-Ротвиль. Общественное мнѣніе уже успокоилось и холодно смотрѣло на это помилованіе. Нѣсколько дней спустя, 6 ноября 1836 года, скончался Карлъ X, которому эти самые люди такъ неудачно служили; послѣдніе дни Карлъ X провелъ въ Грацѣ, въ Штиріи, гдѣ австрійское правительство отвело ему замокъ въ полное распоряженіе.

Итакъ и съ этой стороны не было больше опасности; за то съ другой была сдѣлана попытка поколебать іюльскій тронъ; но эта попытка также скоро была подавлена, какъ явилась, и казалось, что этотъ случай ничѣмъ не угрожаетъ въ будущемъ.

Преданія о наполеоновскихъ временахъ были еще живы во Франціи; это царствованіе оставило въ сердцѣ народа глубокое воспоминаніе; военная слава для большинства была обольстительнымъ призракомъ; изъ-за нея забыты были всѣ нужды, всѣ несчастія, всѣ потери, сопряженныя съ походами великаго завоевателя; разсказы о его подвигахъ, какъ драгоцѣнная легенда, какъ единственная поэтическая черта обыденной жизни, съ любовью передавались и въ хижинахъ, и въ дворцахъ отъ отца сыну, отъ дѣда—внуку. Но тотъ слой народонаселенія, которому іюльская революція принесла больше всего выгодъ, вовсе не намѣренъ былъ этимъ наполеоновскимъ воспоминаніямъ и привязанностямъ давать какое бы то ни было вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ; съ кончиною римскаго короля, казалось, исчезла всякая тѣнь опасности; были до того увѣрены, что ея и быть не можетъ, что начали играть наполеоновскими преданіями, и вызывали воспоминаніе о нихъ, когда нужно было брякнуть оружіемъ, чтобы кого либо испугать. Извѣстный министръ и дѣятель Людовика-Филиппа, Тьеръ, самъ увлеченный исторической славой Наполеона, занимался большимъ сочиненіемъ — Консульство и имперія; — первый томъ его появился въ 1840 году и былъ встрѣченъ сочувствіемъ французскаго народа, не переставшимъ благоговѣть передъ своимъ великимъ императоромъ.

Какъ на законнаго наслѣдника наполеоновскихъ притязаній, или, какъ обыкновенно выражаются, наполеоновской идеи, смотрѣлъ на себя третій сынъ бывшаго голландскаго короля, Карлъ Людовикъ Наполеонъ. Два старшихъ сына Гортензіи умерли, одинъ въ 1807 году, а другой въ 1831 году; принцъ Людовикъ Наполеонъ родился въ 1808 году; на седьмомъ году жизни былъ онъ на извѣстномъ Майскомъ полѣ, послужившемъ началомъ второй наполеоновской эры 100 дней; онъ при этомъ случаѣ верхомъ сопровождалъ своего великаго дядю; еще очень молодымъ человѣкомъ онъ, въ 1830 году, вмѣстѣ съ своимъ братомъ при-

нималъ участіе въ возстаніи въ Романьи, счастливо отдѣлался отъ плѣна и съ тѣхъ поръ спокойно жилъ съ своей матерью въ замкѣ Арененбергѣ въ Швейцаріи, въ кантонѣ Тургау. Что онъ человѣкъ недюжинный, уже тогда утверждали всѣ тѣ которые знали его. По крайней мѣрѣ онъ былъ не лѣнивъ, онъ изучалъ военныя науки и пріобрѣталъ многостороннія знанія; такъ какъ онъ пользовался правами швейцарскаго гражданина, то по постановленію исполнительнаго совѣта Бернскаго кантона, онъ въ 1834 году былъ назначенъ артиллерійскимъ капитаномъ. Въ Швейцаріи о правленіи Людовика-Филиппа говорили не иначе, какъ съ негодованіемъ, и это общее настроеніе поддерживало надежды 26 лѣтняго принца-эмигранта; самъ воспитанный въ средѣ народа, онъ видѣлъ, какую обаятельную силу для народа имѣла идея, даже пустое слово — с в о б о д а. Будучи на водахъ въ Баденъ-Баденѣ, онъ познакомился и сошелся съ офицерами страсбургскаго гарнизона; 20 октября 1836 года онъ внезапно явился въ этотъ городъ, отправился къ полковнику Водрѣ, съ которымъ особенно подружился въ Баденѣ, и объявилъ ему, что время дѣйствовать наступило. На слѣдующеее утро, полковникъ Водрѣ созвалъ свой полкъ, 4-й артиллерійскій, случайно тотъ же самый, въ которомъ Наполеонъ началъ нѣкогда, передъ Тулономъ, свою блистательную карьеру; Водрѣ представилъ ему принца, солдаты, еще полные благоговѣнія передъ великимъ именемъ, не могли противустоять его силѣ, и встрѣтили наслѣдника этого имени съ г[illegible]омкими восклицаніями: «да здравствуетъ императоръ!» Полкъ двинулся вдоль городскаго вала къ казармамъ Финкматта, на сѣверной сторонѣ города, гдѣ расположенъ былъ 46 линейный пѣхотный полкъ, на который тоже разсчитывали. По дорогѣ арестовали префекта и коменданта Вуарелля, оставшихся вѣрными своей присягѣ. Толпа народа и артиллеристы пришли къ казармамъ 46 полка; но онъ оказался менѣе воспріимчивымъ и восторженнымъ; наступила минутная пауза, ею воспользовался полковникъ Тальяндіе, постарался образумить увлекшихся солдатъ и напомнилъ имъ ихъ обязанности и ихъ присягу. Кончилось тѣмъ, что принцъ былъ арестованъ; вѣсть о возстаніи распространилась одновременно съ способомъ, какимъ эта безумная попытка была уничтожена. Въ Парижѣ въ королевскомъ совѣтѣ пришли къ убѣжденію, что лучше всего этому происшествію не придавать никакой важности; вмѣсто того, чтобы предать принца суду, или поступить, какъ основатель наполеоновской династіи поступилъ съ несчастнымъ и невиннымъ принцемъ Энгіенскимъ, положено было выпроводить новаго искателя приключеній какъ можно скорѣе въ Америку. Но его соучастниковъ, которыхъ было семеро, подвергли слѣдствію и суду присяжныхъ въ нижне-рейнскомъ департаментѣ. Тутъ, 18 января 1837 года, произнесенъ былъ вердиктъ: подсудимыхъ оправдали и выпустили, а жители города, чтобы надосадить правительству, дѣлали имъ самыя восторженныя овваціи; присяжные оправдали ихъ по очень простому, но логическому выводу: ежели само верховное правительство не наказаннымъ отпускаетъ главнаго виновника, то второстепенныхъ, подчиненныхъ ему преступниковъ не слѣдуетъ подводить подъ топоръ.

Но эта юношеская попытка, достойная необдуманнаго пажа, не нарушила общественнаго спокойствія, также какъ его нарушить не могла новая попытка на жизнь короля, когда онъ, 27 декабря 1837 года, отправлялся во дворецъ Бурбоновъ, для открытія засѣданій палаты. Положеніе государства улучшалось, благосостояніе народа возростало, въ первый разъ со времени іюльской революціи, государственные доходы превышали государственные расходы. Правда, можно было найти нѣкоторые недостатки во внѣшней политикѣ; война съ Абъ-дель Кадеромъ еще продолжалась несвоевременное нападеніе на Константину было отбито и окончилось полнымъ отступленіемъ къ Бонну. Послѣднее обстоятельство можно было свалить на маршала Клозеля, а о внѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ можно было упомянуть только вскользь, или совсѣмъ обойти ихъ; но министры представили на этотъ разъ палатѣ очень неловкіе проекты законовъ. Вмѣсто того, чтобы спокойно и твердо держаться системы примирительной политики, воспользовались страсбургскимъ фарсомъ, чтобы предложить законъ, по которому за такого рода преступленія, совершенныя сообща военными и гражданскими лицами подвергать—военныхъ—военному полевому суду, гражданскихъ—суду присяжныхъ; кромѣ того предложенъ былъ еще проектъ, дополнявшій сентябрскіе законы въ

томъ отношеніи, что оговоренное въ нихъ мѣсто ссылки опредѣлялось островомъ Бурбономъ на Индѣйскомъ океанѣ; по проекту третьяго закона полагалось тяжкое и продолжительное тюремное заключеніе за то, если кто нибудь узнаетъ о заговорѣ и не донесетъ о немъ въ 24 часовый срокъ. Можно сказать, что еще худшее впечатлѣніе произвели проекты двухъ другихъ законовъ, по нимъ требовалось герцогу Немурскому предоставить владѣнія Рамбулье, а принцессѣ Луизѣ, будущей бельгійской королевѣ, въ видѣ свадебнаго подарка, выдать милліонъ франковъ изъ государственнаго казначейства; насмѣшками осыпали корыстолюбіе короля и несообразность его личнаго бюджета (liste civile); одинъ недоброжелательный писатель назвалъ его первымъ гражданиномъ (bourgeois) королевства и высчиталъ, что на вышеозначенныя владѣнія Рамбулье надобно смотрѣть не такъ, какъ это выставляетъ правительство, говоря, что они приносятъ доходу 460,000 франковъ, но что ихъ настоящая стоимость равняется 40 милліонамъ франковъ. Законъ о раздѣленіи судопроизводства для разныхъ преступниковъ на военное и гражданское при общей открытой подачѣ голосовъ былъ принятъ, но при тайномъ голосованіи отвергнутъ большинствомъ 211 голосовъ, противъ 209, что не послужило къ чести всей системы голосованія. Послѣ этого явился вопросъ, отложить ли прочіе проекты законовъ на неопредѣленный срокъ, или поддерживать ихъ; изъ этого возникло разногласіе въ кабинетѣ, вслѣдствіе котораго болѣе рѣшительные люди, какъ напримѣръ Гизо, требовали, чтобы палата была распущена. Персиль и Дюшатель оставили свои должности. Законъ о надѣлѣ продолжали поддерживать съ тою только разницею, что король, вмѣсто надѣла герцогу Немурскому, требовалъ увеличенія надѣла для герцога Орлеанскаго, объ обрученіи котораго съ принцессою Еленой Мекленбургъ-Шверинской, онъ объявилъ палатѣ.

Надѣлъ при такихъ обстоятельствахъ былъ допущенъ палатой. Строгость въ отношеніи государственныхъ преступниковъ смягчилась съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ кабинета доктринеры; за послѣднее покушеніе на жизнь короля преступника Менье, вмѣсто того, чтобы приговорить его къ смертной казни, осудили на ссылку, а 9 мая 1837 года обнародована была очень обширная амнистія, достойная торжества бракосочетанія наслѣдника престола (30 мая). Молодую чету народъ встрѣтилъ съ теплымъ сочувствіемъ, только духовенство роптало, потому что герцогиня была протестантка и когда отъ короля требовали, чтобы она перешла въ католицизмъ, онъ, какъ человѣкъ чуждый предразсудковъ, отказалъ въ этомъ. Общее положеніе дѣлъ казалось до того удовлетворительнымъ, что послѣ утвержденія бюджета, въ іюнѣ, начали помышлять о новыхъ выборахъ; палату распустили 4 октября. Къ выборамъ приступили, но они произошли, не такъ, какъ того ожидали; однакожь въ числѣ депутатовъ было не меньше 178 чиновниковъ, на которыхъ правительство могло разсчитывать.

При открытіи палаты, въ декабрѣ, король въ своей тронной рѣчи могъ указать на возрастающее благосостояніе народа и кромѣ того, на нѣкоторые успѣхи внѣ предѣловъ государства или по крайней мѣрѣ на нѣкоторыя энергическія появленія относительно внѣшнихъ сношеній; генералъ Бюжо въ Алжирѣ отомстилъ за постыдное отступленіе своего предшественника взятіемъ Константины; съ Абъ-дель-Кадеромъ заключенъ былъ договоръ, близъ Тафны, въ маѣ, по которому эмиръ какъ бы подчинялся французскому правительству, обязался платить ежегодную дань натурой и выплатилъ своему побѣдителю, генералу Бюжо, 100,000 франковъ. Негритянская республика Ганти еще со временъ реставраціи имѣла разнаго рода обязательства въ отношеніи Франціи, но не выполняла ихъ, теперь чтобы напомнить о нихъ, отправлена была эскадра; въ Испаніи же, если дѣла не улучшились, то по крайней мѣрѣ и не ухудшились. Отвѣтный адресъ палаты въ вѣжливыхъ оборотахъ рѣчи все это призналъ, но касательно испанскихъ отношеній выразилъ нѣкотораго рода порицаніе; кромѣ того опять упомянуто было о положеніи процентовъ на ренты и тѣмъ вопросу этому дана была новая жизнь. Въ апрѣлѣ 1838 года опять возобновились совѣщанія касательно предложенія, сдѣланнаго Гуэномъ по этому поводу. До сихъ поръ правительство и палата дѣйствовали согласно. Почти вся палата одобрила принципъ наложенія процентовъ, но графъ Молé отнялъ всю силу у рѣшенія палаты, объявивъ, что правительство по этому вопросу безусловно приметъ рѣшеніе палаты, хотя и не почитаетъ этой

мѣры своевременною. Но палата не удовольствовалась простымъ рѣшеніемъ вопроса и утвержденіемъ закона; она присовокупила, что на правительство возлагается при этомъ непремѣнная обязанность въ слѣдующей сессіи отдать отчетъ въ мѣрахъ, какія оно приняло, чтобы привести этотъ законъ въ исполненіе. Министерство должно было согласиться съ палатою депутатовъ и въ другомъ случаѣ, а именно: въ постановленіяхъ касательно проведенія желѣзныхъ дорогъ; палата изъ четырехъ предложенныхъ линій остановилась на одной—изъ Парижа въ Гавръ и постройку ея отдала частной компаніи. Вся эта постройка значительной системы желѣзныхъ дорогъ стоила бы правительству около тысячи милліоновъ франковъ и оппозиція не соглашалась такую значительную сумму отдавать въ руки правительства; въ тоже время многіе члены палаты, сами капиталисты, разсчитывали, что для нихъ лично выгоднѣе отдать предпріятіе въ частныя руки, потому что тутъ все-таки кое-что могло перепасть на ихъ долю.

Налоги и подати были опредѣлены, бюджетъ принятъ, депутатамъ хотѣлось поскорѣе разъѣхаться по домамъ, или въ деревню на лѣтнее время. Неудобный законъ о наложеніи процентовъ поступилъ на разсмотрѣніе палаты перовъ и она его отвергла 25 іюня и такимъ образомъ правительству вновь развязали руки. Удивительнѣе всего то, что послѣ этого хорошія отношенія съ палатой депутатовъ не пострадали.

Въ теченіе нѣкотораго времени казалось, будто сентябрскіе законы забыты и будутъ существовать только по имени, въ архивѣ. Даже само правительство это доказывало: открытъ былъ заговоръ и вмѣсто того, чтобы соучастниковъ подвергнуть суду палаты перовъ, ихъ судили обыкновеннымъ порядкомъ; но вдругъ замѣтили, что правительство опять стало подбирать опущенные поводья и натягиваетъ ихъ туже. Издано было сочиненіе о страсбургскомъ возстаніи; авторъ его, Лети, подвергалъ критическому разбору сомнительныя права на престолъ царствующаго короля и находилъ, что притязанія принца Наполеона не лишены основанія; судьбу книги Лети предоставили рѣшенію палаты перовъ, а оппозиціонные, или съ либеральнымъ характеромъ журналы и газеты подверглись яростному гоненію. Но истинный авторъ этого сочиненія былъ самъ принцъ, который, по возвращеніи изъ Америки, вновь поселился въ Швейцаріи.

Французское правительство настойчиво и рѣзко требовало его высылки. Но принцъ былъ швейцарскимъ гражданиномъ и постоянныя требованія, постоянныя жалобы и выговоры за то, что эмигранты находятъ пріютъ въ Швейцаріи, истощили терпѣніе союзниковъ; дѣло почти дошло до открытой войны; французскія войска уже двинулись къ границамъ. Принцъ Наполеонъ поступилъ такъ, какъ слѣдовало: онъ объявилъ, что намѣренъ выѣхать изъ Швейцаріи, чтобы не подвергать своихъ согражданъ и гостепріимныхъ хозяевъ какимъ либо непріятностямъ. Онъ отправился въ Англію, гдѣ ему нечего было опасаться: французское правительство выказывало энергію только въ отношеніи слабѣйшихъ государствъ. Точно такую же энергію, какъ въ отношеніи Швейцаріи, французское правительство показало въ отношеніи республикъ Мексиканской и Буэносъ-Айреса, въ которыхъ интересы нѣкоторыхъ французскихъ гражданъ пострадали. Устье Ріо-Ла-Платы было объявлено въ блокадномъ положеніи и въ сентябрѣ 1838 года отправлена была эскадра въ воды Мексиканскаго моря. Тронная рѣчь 17 декабря 1838 года съ удовольствіемъ остановилась на этомъ подвигѣ и не поскупилась выставить всѣ выдающіяся стороны этого смѣлаго шага; кромѣ того въ тронной же рѣчи говорилось о томъ, что французскія войска очистили цитадель Анконы одновременно съ выходомъ австрійцевъ изъ легатствъ; въ ней указывалось на предстоящее скорое окончаніе бельгійско-голландскихъ дѣлъ и на окончательное отдѣленіе Бельгіи; успѣшное дѣйствіе четвернаго союза въ Испаніи не было забыто. «Франція, говорилъ между прочимъ король, наконецъ занимаетъ то мѣсто, на какое она имѣетъ право въ ряду своихъ союзниковъ и въ уваженіи цѣлаго свѣта;» онъ хвалился тѣмъ, что, при внѣшнемъ спокойствіи и внутреннемъ согласіи между представителями высшихъ правительственныхъ учрежденій, національное благосостояніе и богатство возрастаетъ: «пусть дѣйствія нашихъ учрежденій докажутъ міру, что при стройномъ и соразмѣрномъ своемъ развитіи конституціонное королевство можетъ соединять благодѣянія свободы съ устойчивостью и незыблемостью постано-

вленій, которыя составляютъ истинное и неотъемлемое могущество государства».

Въ преніяхъ, возникшихъ при составленіи отвѣтнаго адреса, министръ окончательно одержалъ верхъ большинствомъ 221 голоса противъ 208. Но побѣда эта досталась не легко. Различные элементы оппозиціи, противники по взглядамъ и образу мыслей, ревнивые соперники, домогавшіеся верховной власти, какъ Гизо и Тьеръ, соединились противъ правительства, противъ его внѣшней и внутренней политики, употребили въ дѣло весь свой талантъ, чтобы нападать на него, а оно имѣло только одного защитника — графа Молѐ, который однакожь съ большимъ искусствомъ отстаивалъ свою политику. Но 22 января 1839 года, три дня спустя послѣ того, какъ адресъ былъ принятъ, Молѐ оставилъ министерство. Составить новое не удавалось. Король обратился къ маршалу Сульту; онъ согласился принять назначеніе, но только вмѣстѣ съ Тьеромъ, потому что и онъ не хотѣлъ имѣть его своимъ противникомъ; кромѣ того, требовалъ либеральнаго состава министерства. Послѣ колебанія, Молѐ опять принялъ министерство, распустилъ палату 1 февраля и обратился съ апелляціей къ народу; когда же, вопреки надеждамъ и всѣмъ пущеннымъ въ ходъ усиліямъ, выборы опять произведены были противно министерству, оно вторично подало просьбу объ увольненіи (8 марта). Король вновь обратился къ знаменитому воину; тотъ вошелъ въ сношенія съ Тьеромъ и Гизо, но нашелъ, что между ними существуетъ несогласіе, тогда онъ соединился исключительно съ Гизо. Но и между министрами, которыхъ имъ удалось набрать, не было согласія: Поманъ, Созѐ, Пасси и Дюпенъ старшій не могли согласиться во многихъ важныхъ вопросахъ; королю оставался одинъ исходъ: назначить временное правительственное министерство, безъ опредѣленнаго политическаго направленія, и открыть 4 апрѣля засѣданія палатъ безъ тронной рѣчи. Палата выказала желаніе избрать предсѣдателемъ Одилонъ Барро, съ другой стороны партія умѣренныхъ и преданныхъ королю депутатовъ представила своего кандидата Пасси, человѣка менѣе принадлежащаго къ оппозиціи; онъ былъ избранъ большинствомъ 30 голосовъ и король, въ духѣ строго конституціонномъ, поручилъ этому человѣку, отмѣченному довѣріемъ общественнаго мнѣнія, составить новое министерство. Но и такимъ способомъ желанная цѣль не была достигнута; общее неудовольствіе, совершенно несправедливо, обрушилось на короля, котораго и безъ того въ кружкахъ либераловъ упрекали за то, что онъ царствуетъ съ слишкомъ большою л и ч н о с т ь ю, т. е. что онъ показываетъ собственную волю и размышляетъ самъ, тогда какъ имъ хотѣлось бы имѣть въ немъ только орудіе для духа своей партіи и двигать имъ для своихъ честолюбивыхъ цѣлей; знаменательно выраженіе нѣкоторыхъ людей умѣренныхъ и преданныхъ Франціи: «если королевская власть и палата безсильны, то это служитъ доказательствомъ того, что государство готово подчиниться абсолютизму, или что оно созрѣло для формы правленія, совершенно различной и отъ самодержавной, и отъ конституціонной.» Но этотъ логическій выводъ не обращалъ вниманія на третью сторону, а именно: что эта страна и этотъ народъ не с о з р ѣ л и ни для какой формы правленія, что они неподготовлены еще для всякаго прочнаго и продолжительно-установившагося порядка вещей; однакожь, на этотъ разъ, приверженцы этой мистической формы правленія съ своей стороны позаботились о томъ, чтобы, какъ можно скорѣе, окончить министерскій кризисъ.

Когда «общество правъ человѣчества» было распугано въ апрѣлѣ 1834 года, составилось другое революціонное, тайное о б щ е с т в о с е м е й с т в ъ, раздѣлявшееся на с е м е й с т в а; въ каждомъ семействѣ считалось шесть членовъ съ однимъ главою; пять, или шесть семействъ составляли отдѣленіе, а два или три отдѣленія—одинъ кварталъ; тайный совѣтъ, члены котораго оставались неизвѣстными, управлялъ цѣлымъ. Когда же полиціи наконецъ удалось выслѣдить это общество, оно исчезло, но въ скоромъ времени, при неистощимомъ духѣ изобрѣтательности свойственной французамъ, возродилось подъ скромнымъ и незлобивымъ именемъ «о б щ е с т в а в р е м е н ъ г о д а.» Въ этомъ обществѣ, дѣло касалось не однихъ политическихъ вопросовъ и цѣлей. «Должна ли быть политическая, или соціальная революція?» спрашивалось у вновь поступающихъ членовъ; въ сопоставленіи дальнѣйшихъ вопросовъ выражалась неутолимая ненависть «къ новѣй-

шимъ аристократамъ, къ людямъ денежнымъ, банкирамъ, подрядчикамъ, монополистамъ, биржевымъ спекулянтамъ и ростовщикамъ, которые кормятся на счетъ народа»; отвѣтъ на эти вопросы долженъ былъ заключаться въ словахъ: «для насъ необходима соціальная революція и мы должны ее произвести». Для этихъ ослѣпленныхъ ненавистью людей, время, когда существующее правительство такъ шатко и такъ неспособно, казалось вполнѣ удобнымъ для соціальной революціи; они хотѣли тотчасъ же произвести переворотъ и понуждали своихъ вождей дѣйствовать; они не давали имъ покоя, они понуждали Армана-Барбѐ, Мартина-Бербара и Бланки; наконецъ въ воскресенье послѣ обѣда 12 мая возстаніе вспыхнуло. Мятежникамъ удалось печаянно напасть на Отель-де-вилль и занять его. Барбѐ тотчасъ же провозгласилъ республику. Но всей массы общества не было въ сборѣ; нѣкоторые члены тайнаго совѣта обнаружились и тутъ только узнали, что это молодые люди многимъ хорошо извѣстные, но безъ всякаго политическаго вѣса. Послѣ короткаго сопротивленіе безумная попытка къ возстанію была подавлена; Людовикъ-Филиппъ воспользовался этимъ, чтобы составить новое министерство, вполнѣ въ своемъ духѣ.

Опять маршалъ Сультъ далъ этому министерству 12 мая свое знаменитое имя; прочіе члены совѣта министровъ состояли или изъ людей честолюбивыхъ, или изъ раболѣпныхъ выродковъ всевозможныхъ партій и подраздѣленій партій; министромъ финансовъ назначенъ былъ Пасси, юстиціи—Тесте, публичныхъ зданій и строеній—Дюжоръ, просвѣщенія—Вильменъ; всѣ они принадлежали къ партіи умѣренныхъ; министерство внутреннихъ дѣлъ принялъ одинъ изъ друзей Гизо, — Дюшатель, военное—генералъ Шнейдеръ, — торговли—Эвдинъ Гридэнь, морское министерство — адмиралъ Дюперрѐ. Программа, съ которой на слѣдующій день маршалъ явился въ палату депутатовъ, была написана неопредѣленно, въ общихъ выраженіяхъ; требовалась свобода дѣйствія совѣта, отвѣтственныхъ министровъ, упоминалось о стремленіи охранять миръ, не роняя достоинства Франціи, о сохраненіи общественнаго спокойствія въ границахъ закона, а въ отношеніи палаты депутатовъ откровенность и твердость. Палата очень благосклонно встрѣтила новое министерство, отказалась отъ назначенія Тьера кандидатомъ на мѣсто президента, и напротивъ выставила Созѐ, угоднаго министерству. Палата назначила одинъ милліонъ франковъ на тайныя потребности правительства и согласилась отложить разсмотрѣніе вопроса объ уменьшеніи процентовъ до слѣдующей сессіи. Когда же палата вновь собралась 24 декабря 1839 года, тронная рѣчь выставила передъ ней очень пріятную и утѣшительную картину внутренняго состоянія Франціи и ея внѣшнихъ политическихъ отношеній. Въ это время всѣхъ занималъ в о с т о ч н ы й вопросъ; передъ нимъ блѣднѣли всѣ остальные; тамъ положеніе дѣлъ было критическое и опасное не только для него самого, но и для спокойствія и мира всей остальной Европы; вопросъ этотъ придалъ серьезный и грозный оттѣнокъ характеру начинающагося новаго десятилѣтія.

ВТОРОИ ОТДѢЛЪ.

ОТЪ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНІЯ ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА IV

ДО

ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

А. ГЕРМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

1) Германія.

Самое важное событіе 1840 года для Пруссіи безспорно была кончина Фридриха Вильгельма III, 7 іюня, въ Берлинѣ, послѣ сорока-двухъ-лѣтняго царствованія, на 71 году жизни. Это былъ послѣдній изъ монарховъ, составлявшихъ тройственный священный союзъ; съ нимъ оканчивалась эпоха нѣмецкой и прусской исторической жизни. Не хитрый, мѣщански-простой, но честный способъ управленія онъ изъ семейной, домашней жизни перенесъ въ управленіе государствомъ; это былъ человѣкъ серьезный, молчаливый, набожный; счастье не возносило его выше мѣры, а несчастье не подавляло его ниже того, чѣмъ слѣдовало. Это былъ прямой, честный, благоразумный и хозяйственно-распорядительный, хотя далеко не геніальный правитель; онъ принималъ сердечное участіе въ счастіи и несчастіи своего народа, дѣлилъ съ нимъ и радости и печали. Подданные въ его глазахъ составляли его домашнихъ и при ограниченномъ взглядѣ на свои отношенія и обязанности, онъ все-таки управлялъ ими, какъ отецъ семейства; поэтому смерть его оплакивали, какъ оплакиваютъ смерть главы семейства, отца народа.

Но не касаясь его лично, нѣмецкій народъ измѣнился и выросъ вокругъ него. Начиная съ 1815 года, германскій народъ развивался во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, или покрайней мѣрѣ на всѣхъ поприщахъ испыталъ свои силы. Раны, нанесенныя войною, уже давно зажили, благосостояніе возросло, торговля и промышленная дѣятельность развивались; для торговли король много сдѣлалъ, черезъ введеніе германскаго таможеннаго союза (Zollverein); при немъ выросло, развилось и образовалось много людей съ свободнымъ образомъ мыслей. Гдѣ прежде, ко всеобщему удивленію, по мѣстечкамъ два раза въ недѣлю, съ трубными звуками и хлопаньемъ бичей, проѣзжала почта, тамъ теперь, начиная съ тридцатыхъ годовъ, свистѣли и дымились поѣзды желѣзныхъ дорогъ; народъ удивлялся, но сознавалъ пользу ихъ. Между тѣмъ какъ изобрѣтательность, съ году на годъ, предпринимала рѣшеніе новыхъ задачъ въ области промышленности, духовная дѣятельность не отставала отъ матеріальной; умъ въ отвлеченной, чисто духовной сферѣ, дѣлалъ успѣхи, покорялъ одну область изслѣдованія и знанія за другой, критически разсматривалъ и уничтожалъ предразсудки временъ прошедшихъ. Мы перешагнули бы заграницы, намъ поставленныя, какъ наблюдатель и историкъ времени такого недалекаго отъ насъ, еслибы мы вздумали слѣдить за успѣхами и развитіемъ духа человѣка, въ области многообъемлющаго слова;—говоря о литературѣ, здѣсь пришлось бы говорить о трудахъ ученаго, о творчествѣ поэта, или художника, о вліяніи ихъ на общество и государство; надобно было-бы показать какое вліяніе на протестантскую часть Германіи имѣли школы, высшія заведенія и университеты, въ эту подготовительную эпоху существованія Германіи. Замѣтимъ только, что новое направленіе было совершенно противоположно направленію, непосредственно слѣдовавшему за войною за независимость; тогда мечтательное направленіе стремилось къ прошед-

шему, удивлялось ему и въ духѣ, такъ называемаго старому романтизма представляло въ увлекательно-идеальномъ видѣ, теперь размышленіе взвѣшивало все, сомнѣвалось во всемъ, изслѣдовало все, однимъ словомъ на все начало смотрѣть критически; преимущественно въ области исторической изслѣдованія вниманіе было обращено на-то, чтобы изслѣдовать событія, пытаясь узнать, какъ они въ дѣйствительности совершились, и рядомъ съ миѳологіей, религіей и философіей временъ протекшихъ стремились возсоздать прозаическую обыденную жизнь народовъ. То, что Нибуръ началъ относительно исторіи римскаго народа, то продолжали другіе историки въ другихъ историческихъ сочиненіяхъ. Исторію временъ протекшихъ опять начали сопоставлять съ ходомъ событій настоящаго; великую услугу въ этомъ отношеніи оказалъ К. Ф. Шлоссеръ; онъ особенное значеніе для германскаго народа имѣетъ въ томъ отношеніи, что пріучилъ руководящіе круги народа всматриваться въ политическія задачи и отыскивать средства къ разрѣшенію ихъ, научилъ обдумывать существующія государственныя и законодательныя потребности отечества; но къ этому побуждалъ и многое другое съ возрастающей силой и показывало къ чему должны стремиться всѣ интересы и всѣ помышленія народа. Хотя исторія Шлоссера имѣла не очень обширный кругъ читателей, но она для народной жизни принесла больше пользы нежели всемірная исторія Роттека, предназначавшаяся для болѣе обширнаго круга читателей и издававшаяся одно изданіе за другимъ. Въ такомъ же духѣ, какъ Шлоссеръ, смотрѣлъ на исторію одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и выдающихся историковъ и ученыхъ — Г. Г. Гервинусъ; онъ около этого же времени, въ 1842 году, издалъ въ пяти томахъ исторію германской поэзіи и оканчиваетъ свой трудъ желаніемъ, чтобы все раздробленіе Германіи прекратилось и чтобы нѣмцы весь энтузіазмъ, къ которому они способны, обратили на политическую, государственную дѣятельность. «Состязаніе искусства и поэзіи окончено; теперь мы должны поставить себѣ новую цѣль, въ которую еще ни одинъ изъ нашихъ стрѣлковъ не попадалъ, хотя Аполлонъ и не отказалъ намъ въ возможности и здѣсь пріобрѣсти славу и приготовилъ уже побѣдный вѣнокъ.»

а) Пруссія.

Если Германіи суждено было подвизаться на этомъ поприщѣ, то первый толчекъ къ тому должна была дать самая сильная изъ германскихъ державъ—Пруссія; какъ мы видѣли, въ этомъ государствѣ были зачатки всего того, что служитъ основаніемъ свободнаго развитія государственной и общественной дѣятельности. По своему объему и по разнообразію своихъ составныхъ частей, государство это достаточно велико и сильно, чтобы въ немъ происходилъ живительный обмѣнъ разнообразныхъ жизненныхъ дѣятелей: народно-школьное образованіе, судопроизводство, войско, финансы были хорошо устроены; образованное вообще и доброжелательное, хотя въ отдѣльности нѣсколько заносчивое и самодовольное сословіе чиновниковъ управляло народомъ, прилежнымъ, стремящимся къ прогрессу и къ духовному развитію; не смотря на кажущійся абсолютизмъ верховной власти, въ народѣ все-таки таились зачатки самоуправленія; эти зачатки выражались въ ближайшихъ общинныхъ и окружныхъ, провинціальныхъ учрежденіяхъ; здѣсь существовало правильное соотношеніе между королемъ и народомъ; тутъ съ обѣихъ сторонъ было сознаніе, основанное на преданіи, что государство имѣетъ будущность и что роль его еще далеко не выполнена.

Личный характеръ государя въ этомъ государствѣ имѣлъ особенную важность; потому что провидѣніе ему назначило вывести Германію изъ положенія народа, хотя образованнаго, но не цѣльнаго, на степень политическаго единства, и при этой трудной задачѣ ускорить и поддержать его перѣшительные, опасливые шаги; при этомъ процессѣ личность короля была важнѣе, нежели въ какомъ либо маленькомъ государствѣ Германіи, гдѣ государь доставляетъ счастіе и несчастіе только небольшому числу подданныхъ; даже въ Англіи совсѣмъ другое дѣло, тамъ главное парламентъ, а король можетъ не обладать качествами, необходимыми для правителя.

Новый прусскій король взошелъ на престолъ на 45 году своей жизни; на него смотрѣли съ ожиданіемъ, отъ него надѣялись большихъ и существенныхъ перемѣнъ къ лучшему. Фридрихъ Вильгельмъ родился 15 октября 1795 года; мать его уважали, любили и почитали, какъ святую; въ тяжелое время бѣгства и позора дѣтскіе годы принца проходили печально, когда же вспыхнула война за освобожденіе, онъ былъ въ лагерѣ и раздѣлялъ трудности и опасности похода. Онъ получилъ отличное воспитаніе; учителями у него были лучшіе и самые замѣчательные преподаватели въ государствѣ; онъ былъ знакомъ съ науками не поверхностно, а изучалъ ихъ глубоко, имѣлъ ясное и опредѣленное понятіе о ходѣ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, любилъ искусства; самъ отъ природы одаренъ былъ умомъ живымъ и острымъ. Онъ принималъ корону съ одушевленіемъ и понималъ великую отвѣтственность, какую возлагалъ на себя передъ Богомъ и людьми, былъ вполнѣ проникнутъ значеніемъ того великаго, знаменательнаго, полнаго переворотовъ времени, въ которое ему приходилось управлять ввѣренныхъ ему счастіемъ и несчастіемъ подданныхъ. Съ 1823 былъ онъ въ супружествѣ съ баварскою принцессою, но дѣтей у нихъ не было. Онъ любилъ общество самыхъ замѣчательныхъ по уму и знаніямъ людей въ Германіи, приближалъ ихъ къ себѣ и въ сношеніяхъ съ ними съ удовольствіемъ чувствовалъ, что онъ равный имъ по своему духовному развитію; лучшаго правителя нельзя было желать; онъ вполнѣ удовлетворялъ потребностямъ времени и народа, быстро идущаго путемъ прогресса.

Его первыя правительственныя распоряженія соотвѣтствовали напряженнымъ ожиданіямъ народа. Онъ предложилъ старинному товарищу и сослуживцу Шарнгорста и Гнейзенау, генералу Бойену, мѣсто военнаго министра; возвратилъ Эрнесту Морицу Арндту каѳедру при Бонискомъ университетѣ, освободилъ отъ строгаго полицейскаго надзора въ Фрейбургѣ на Унструтѣ стараго основателя общества гимнастовъ Яна и объявилъ 10 августа амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ и слѣдовательно имъ поступкомъ пытался исправить зло, сдѣланное чрезмѣрною строгостью. Въ области католическихъ неурядицъ онъ тоже пошелъ путемъ кротости и примиренія, онъ разрѣшилъ архіепископу гнезненскому возвратиться въ свою епархію, а кельнскому архіепископу предоставлялось право жить, гдѣ ему угодно, только не въ Кельнской архіепископіи. Отъ новаго короля, выказывавшаго столько сочувствія къ потребностямъ времени, ожидали, что онъ рѣшится на важный знаменательный шагъ, на который его предшественникъ только указывалъ, какъ на возможный, а именно: что онъ старой Пруссіи дастъ конституцію съ представителями государственныхъ сословій. Это былъ шагъ, необходимый при измѣненномъ положеніи дѣлъ, шагъ, котораго со всѣхъ сторонъ требовали и къ которому побуждали; можно было предвидѣть, что если король не сдѣлаетъ этого шага добровольно, по внутреннему побужденію, то можетъ наступить время, когда его придется сдѣлать по неволѣ.

Со стороны либеральной партіи не упустили случая посовѣтовать королю приступить къ этой мѣрѣ. По старинному, установившемуся обычаю, при восшествіи новаго государя на престолъ собирался сеймъ, на которомъ король признавалъ и подтверждалъ данныя предками привилегіи и принималъ присягу; прусскій сеймъ съ этой цѣлью былъ открытъ въ Кенигсбергѣ 5 сентября. Хотя это былъ чисто формальный сеймъ только съ цѣлью принести присягу, однакожь на немъ сдѣлано было предложеніе конституціи и предложеніе было принято: къ королю сеймъ обратился съ просьбою, на основаніи предписанія отъ 22 мая 1815 года, обѣщавшаго Пруссіи представительное правленіе, назначить въ Берлинѣ комиссію, пригласить въ нее представителей провинцій и поручить имъ выработать конституцію для прусскаго королевства; въ такомъ смыслѣ написанъ былъ меморандумъ и подписанъ именами людей, имѣвшихъ не малый вѣсъ въ политической жизни государства, тутъ были представители провинцій, давшей имя государству и въ 1813 году содѣйствовавшихъ возрожденію Пруссіи: подписались оберъ-президентъ Шёнъ, оберъ-бургграфъ Бруннекъ и представители дворянства: Фонъ Барделебенъ, фонъ Заукенъ, фонъ Ауерсвальдъ. Когда король явился въ сеймъ 7 сентября, чтобы принять присягу чиновъ, депутаты сейма поднесли ему меморандумъ. Но отвѣтъ, данный Фридрихомъ Вильгельмомъ IV

показалъ, какая пропасть лежитъ между тѣмъ, что у него было въ мысляхъ, и тѣмъ чего просилъ сеймъ. Король отстранилъ отъ себя преобладающее въ адресѣ желаніе общаго народнаго представительства, указалъ на то, что отецъ его, давъ провинціямъ и округамъ представительно-совѣщательное правленіе, исполнилъ законное требованіе народа, основанное на историческомъ ходѣ и развитіи его жизни; онъ намѣренъ продолжать начатое дѣло на тѣхъ же началахъ и на принципѣ сословнаго раздѣленія: «наши вѣрныя сословія, такъ оканчивалъ онъ рѣчь, могутъ вполнѣ положиться на наши намѣренія, касательно учрежденія сеймовъ». Присягу приносили спокойно, ничто не нарушало добраго согласія; король 10 сентября, во время присяги, въ блестящей, импровизированной рѣчи далъ волю своимъ чувствамъ и въ томъ же родѣ говорилъ, когда прочія провинціи прислали въ Берлинъ 15 октября своихъ депутатовъ.

Фридрихъ Вильгельмъ съ упоеніемъ предавался удовольствію высказываться, когда легко воспламенимая душа его чѣмъ нибудь была взволнована; но такія выраженія сокровенныхъ волненій души не нравились глубоко преданнымъ королю людямъ и, дѣйствительно, это было не хорошо: въ этихъ рѣчахъ онъ выходилъ изъ сдержаннаго и серьезнаго настроенія, приличнаго для правителя такого большаго государства. Къ тому же, королевскаго слова нельзя воротить и поэтому его не должно произносить безъ зрѣлаго и долгаго обсужденія; таково было мнѣніе серьезныхъ и строгихъ приверженцевъ старопрусскихъ традицій; изъ всѣхъ рѣчей короля ясно и отчетливо слышалось только одно, что король требуетъ безусловнаго довѣрія къ своимъ намѣреніямъ и что онъ, сравнительно съ отцомъ своимъ, гораздо большій вѣсъ придаетъ своему личному мнѣнію и свою волю ставитъ выше всего. Но на этой-то именно точкѣ и расходились дороги. Органы либеральной партіи, представители независимаго образа мыслей, возрастающаго со дня на день съ большею силой, вовсе не хотѣли слышать королевскаго голоса, а напротивъ требовали, чтобы король прислушивался къ голосу народа, и чтобы онъ нашелъ средство и пути, по которымъ голосъ этотъ вѣрно и безъ всякаго измѣненія могъ бы достигать до его слуха, чтобы долѣе не лишали народа давно обѣщаннаго участія въ правленіи и чтобы было настоящее народное представительство; а король съ своей стороны отвергалъ даже напоминаніе о народномъ представительствѣ. Въ нѣсколькихъ брошюрахъ, изъ которыхъ двѣ появились въ Кенигсбергѣ въ 1841 году, эти требованія были высказаны очень ясно и обстоятельно. Одна изъ нихъ была написана оберпрезидентомъ Шёнъ, подъ заглавіемъ: «Откуда и куда?» Въ ней онъ преимущественно останавливался на томъ, что патріархальныя времена, когда на народъ смотрѣли, какъ на несовершеннолѣтнихъ, ни къ чему не способныхъ, уже прошли; что по своему историческому развитію Пруссія неотразимо указываетъ на необходимость генеральныхъ сословныхъ представителей, которые одни только могутъ дать странѣ раціональную общественную жизнь и дѣятельность, пробудить народъ къ жизни, румяный разсвѣтъ которой забрезжился еще въ 1813 году. Вторая, столько же замѣчательная брошюра называлась: «Четыре вопроса, объясненные восточнымъ пруссакомъ»; написалъ ее кенигсбергскій докторъ Якоби. Вопросы были слѣдующіе: «Чего желаютъ сословія? На чемъ основаны ихъ желанія? Какой отвѣтъ получили они? Что имъ теперь дѣлать?» Отвѣтъ на послѣдній вопросъ былъ коротокъ и ясенъ: «то, чего они до сихъ поръ просили, какъ милости, требовать, какъ доказаннаго неотъемлемаго права.» Брошюра оканчивалась дурно понятымъ текстомъ изъ Ветхаго Завѣта: «Спѣши къ своимъ палаткамъ, Израиль,» въ этомъ текстѣ авторъ хотѣлъ высказать надежду, что и остальныя колѣна монархіи не останутся безмолвными, пойдутъ за тѣмъ, который заговорилъ первый, и не отстанутъ отъ него.

Онъ не ошибся: вопросъ о представительствѣ государственныхъ сословій не переставалъ занимать и тревожить умы. Личное участіе короля въ дѣлахъ, самостоятельное заявленіе его убѣжденій послужили поводомъ къ тревожному волненію умовъ. «Король знаетъ, чего онъ хочетъ,» писалъ Бунзенъ, человѣкъ также не знавшій въ теченіе всей своей жизни чего онъ хотѣлъ, но сочувствовавшій королю, характеръ съ нимъ однородный; въ сущности выраженіе это было совсѣмъ противоположно дѣйствительности. Замѣчательная черта характера этого

государя заключается совсѣмъ не въ томъ, чего онъ хотѣлъ и изъ чего онъ такъ мало выполнилъ; но заслуга его составляетъ то, что при немъ данъ былъ толчекъ началу общественной самостоятельной жизни націи; безспорно государь этотъ сдѣлалъ кое-что хорошее и достойное похвалы, но все-таки не столько, сколько можно было бы ожидать отъ такого остроумнаго, богатаго идеалами, но бѣднаго дѣйствіями правителя; во всякомъ случаѣ, первое время его царствованія, отъ 1840—1848 года, даетъ ему почетное мѣсто въ исторіи Германіи и его надобно отдѣлить отъ позднѣйшихъ его дѣйствій отъ 1848—1861, бросившихъ такую мрачную тѣнь на его распоряженія, изъ-за которыхъ позднѣйшіе, взволнованные наблюдатели позабыли всѐ хорошее отъ него происшедшее. Какъ бы то ни было, но начиная съ его царствованія, духовная дѣятельность прусскаго народа начала развиваться по двумъ отраслямъ—въ политической и духовной дѣятельности.

Фридрихъ Вильгельмъ IV объявилъ, что намѣренъ дальнѣйшее развитіе прусскихъ конституціонныхъ учрежденій основать на «исторической почвѣ и принципѣ» своего предшественника, на провинціальномъ сословномъ представительствѣ. Это придало провинціальнымъ сеймамъ политическое значеніе, какого они до сихъ поръ не имѣли, и какого они никогда впослѣдствіи не получали. Въ февралѣ 1841 года, кромѣ рейнскаго, отсроченнаго мѣстными причинами, открылись провинціальные съѣзды; на обсужденіе ихъ предложены были вопросы, которые заходили за предѣлы тѣхъ вопросовъ, какими они до сихъ поръ занимались. Предположено было составить совѣты и далѣе изъ этихъ частныхъ совѣтовъ образовать общее собраніе, которому предоставлялось совѣщательное право въ дѣлахъ, касающихся потребностей цѣлаго народа. Въ декабрѣ король издалъ постановленіе, дававшее печати гораздо больше свободы. Предписаніемъ отъ 19 августа 1842 года призваны были въ Берлинъ всѣ провинціальные совѣты къ 18 октября—король любилъ назначать для важныхъ дѣлъ дни, чѣмъ нибудь замѣчательные; на этотъ съѣздъ въ повелѣніи указывалось, какъ на шагъ къ дальнѣйшему развитію сословныхъ учрежденій и какъ на необходимое средство къ достиженію единства въ управленіи; къ несчастію, правительство выказало тревожную заботливость и мелочность въ томъ, чтобы впередъ, безъ всякаго повода, отстранить попытку собравшихся совѣтовъ, переступить за черту тѣсно начерченныхъ имъ границъ. Министръ финансовъ, руководившій этимъ съѣздомъ, не позволилъ даже составить благодарственнаго адреса королю: собраніе принуждено было удовольствоваться благодарностью, выраженной въ протоколѣ засѣданія. Замѣчательно, что при обсужденіи вопроса объ обширной постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, изъ среды собравшихся раздалось мнѣніе съ чисто конституціоннымъ взглядомъ; дѣло въ томъ, что постройку желѣзныхъ дорогъ правительство не хотѣло произвести на свой счетъ, а предоставляло ее частнымъ обществамъ, гарантируя только проценты на затраченный капиталъ: гарантировать проценты, говорили по этому случаю въ собраніи, равняется своими послѣдствіями государственному займу, а по закону 17 января 1820 года, заемъ не можетъ быть сдѣланъ безъ согласія и безъ гарантіи государственныхъ сословныхъ чиновъ. Королю не понравилось такое напоминаніе и отпуская совѣты, онъ выразительно замѣтилъ, что они депутаты «независимые совѣтники», но ни въ какомъ случаѣ не представители образа мыслей и понятій, откуда-то вѣтромъ занесенныхъ. Далѣе къ своей цѣли пошелъ онъ путемъ, который былъ хотя не настоящій, но все-таки велъ впередъ. Въ защиту печати и чтобы придать ей болѣе законное теченіе, учрежденъ былъ верховный цензурный судъ (23 февраля 1843 года), составленный изъ ученыхъ и судей; правительство, желая дѣйствовать непосредственно на общественное мнѣніе, снизошло на то, чтобы издавать правительственную газету; но въ тоже время нѣкоторыя либеральныя газеты были запрещены, какъ напримѣръ Лейпцигская Всеобщая Газета (Leipziger Allgemeine Zeitung), а въ маѣ 1845 года были изгнаны баденскіе оппозиціонные депутаты Итцштейнъ и Гекеръ, которые, подъ предлогомъ путешествія для удовольствія, пріѣхали за тѣмъ, чтобы вызывать политическія демонстраціи.

Изъ года въ годъ повторялись слухи о скоромъ конституціонномъ правленіи, писались сочиненія по этому поводу, подавались прошенія; провинціальные

сеймы выражали желанія и надежды, что скоро настанетъ для Пруссіи давно желанное время представительной сословной конституціи; въ высшихъ слояхъ общества и въ правительственныхъ кружкахъ того же самаго пламенно желали и добивались, вели объ этомъ переписку, составляли записки, толковали, но рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ только въ 1847 году.

Февраля 3 обнародованъ былъ королевскій патентъ; онъ хотя и не исполнялъ надежды народа, но по крайней мѣрѣ, давалъ ходъ вопросу. Этотъ патентъ объяснялъ намѣреніе короля, всякій разъ собирать провинціальныя сословія на общій сеймъ, когда того потребуютъ дѣла государственныя: или необходимость сдѣлать новый заемъ, или опредѣлить новыя подати или возвысить уже существующіе налоги; далѣе періодически собирать соединенный сословный совѣтъ, дать совѣщательное право этимъ представителямъ общаго сейма въ общемъ законодательствѣ, содѣйствіе при администраціи по государственному кредиту и предоставить ему право подавать прошенія о внутреннихъ потребностяхъ государства, или отдѣльной части его. Король предоставлялъ себѣ право назначать мѣсто для собранія и срокъ засѣданій; собраніе составляемо было очень просто: изъ отдѣльныхъ провинціальныхъ сеймовъ составлялось нѣчто цѣлое, распадавшееся на курію господъ и на сословную курію; первую составляли совершеннолѣтніе принцы королевскаго дома, прежніе государственные чины германской имперіи и прочіе владѣтельные князья, имѣвшіе право голоса, или коллективное право голоса, графы и бароны; во второй куріи остальные члены провинціальныхъ сеймовъ, депутаты рыцарства, городовъ и сельскихъ общинъ.

Съ точки зрѣнія патріархальнаго образа правленія, патентъ этотъ дѣйствительно былъ великимъ королевскимъ даромъ; но въ немъ все-таки заключалась тяжкая ошибка: онъ давалъ слишкомъ много, или слишкомъ мало. Король хотѣлъ дать и давалъ широкой рукой, но не хотѣлъ сознаться, что этимъ патентомъ онъ все-таки ступаетъ на новую почву. На языкѣ вѣрныхъ подданныхъ называется милостію все то, что государь дѣлаетъ: такъ и должно быть, когда народъ на своего государь смотритъ, какъ на неоспоримое, неизмѣнное средоточіе королевства, на олицетвореніе верховной власти, «милостію Божіей» поставленной во главѣ народа; но въ сущности то, что дѣлаетъ государь, должно быть проявленіемъ государственной потребности, выраженной въ формѣ свободнаго рѣшенія того, который за дѣла свои отвѣчаетъ единому Богу; то, или другое хорошо для государства не потому, что монархъ этого хочетъ, но потому, что то, или другое пригодно и полезно для государства. Если король рѣшался дать народу конституцію, то онъ обязанъ былъ дать ее вполнѣ, такъ, чтобы она сдѣлалась основнымъ государственнымъ закономъ, одинаково обязательнымъ для народа и для короля. Вотъ почему даръ королевскій—патентъ—былъ принятъ не съ полнымъ удовольствіемъ. Въ либеральныхъ кружкахъ прямо поставили вопросъ: принимать ли его или отвергнуть? Летучая статья съ этимъ заглавіемъ, написанная въ Бреславлѣ совѣтникомъ юстиціи, Генрихомъ Симономъ, разбирала этотъ вопросъ и пришла къ отрицательному заключенію; авторъ нашелъ, что патентъ противорѣчитъ законамъ 22 мая 1815 года и 17 января 1820 года, которые открывали поприще для либеральныхъ доктринъ съ неопровержимымъ требованіемъ правъ и законности.

Къ 11 апрѣля 1847 года собраніе явилось въ полномъ составѣ; торжественное открытіе происходило въ бѣломъ залѣ королевскаго дворца въ Берлинѣ. При входѣ короля, все собраніе поднялось и стоя выслушало длинную получасовую рѣчь короля. Онъ указывалъ на сеймъ, какъ на довершеніе великаго зданія сословныхъ правъ и преимуществъ, восемь основныхъ столбовъ котораго воздвигнуты были еще покойнымъ королемъ; онъ исходилъ, какъ естественное слѣдствіе изъ закона 7 января 1820 года; далѣе обѣщался онъ часто и охотно собирать этотъ сеймъ, если настоящее засѣданіе его дастъ ему право надѣяться, что онъ это можетъ дѣлать, не нарушая высшихъ обязанностей правителя. Далѣе рѣчь его приняла характеръ полемическій относительно тѣхъ, которые хотятъ естественное отношеніе между государемъ и подданными превратить въ условное; «никакая сила въ мірѣ, продолжалъ онъ, и голосъ его зазвенѣлъ отъ волненія, — не

принудитъ меня это естественное отношеніе измѣнить въ условное и, прибавилъ онъ, въ конституціонное—«я никогда не допущу, чтобы между Господомъ Богомъ въ небесахъ и между этой страною былъ помѣщенъ листъ исписанной бумаги, который разыгрывалъ бы роль втораго провидѣнія, чтобы управлять нами черезъ свои параграфы, чтобы замѣнить и уничтожить древнюю, святую вѣрность присягѣ.» Затѣмъ, обозрѣвая положеніе государства, онъ нашелъ причину быть довольнымъ и выразилъ свою радость и благодарность—управленіе и судопроизводство были вездѣ удовлетворительныя, дѣло образованія и исправленія разныхъ частей администраціи въ полномъ ходу, науки и искусства процвѣтали, войско находилось въ превосходномъ состояніи; но упоминая о своеволіи прессы и о церковныхъ дѣлахъ, въ голосѣ его слышалось раздраженіе; заговоривъ объ этихъ предметахъ, болѣе всего занимавшихъ и волновавшихъ его, онъ доказывалъ, что дѣла церковныя не подлежатъ суду государственныхъ сословій, онъ не могъ овладѣть своимъ одушевленіемъ, всталъ съ своего мѣста и произнесъ торжественнымъ голосомъ, какъ бы произнося исповѣданіе своего убѣжденія: «я и домъ мой будемъ служить Господу и Богу моему.» Послѣ этого онъ вновь сѣлъ и продолжалъ свою рѣчь; но нѣсколько разъ возвращался къ мысли, что народъ, *его народъ*, вовсе не желаетъ принимать участія въ управленіи черезъ своихъ представителей, что онъ и не думаетъ раздѣлять верховнаго могущества своихъ королей. Назначеніе сословныхъ депутатовъ, продолжалъ онъ излагать свою самимъ неясно понятую теорію, не въ томъ состоитъ, чтобы быть представителями идей современныхъ, или школьныхъ мнѣній, сословные депутаты чисто депутаты нѣмецкіе, представители и хранители собственныхъ правъ; прежде всего на нихъ лежитъ обязанность стоять за права, которыя корона за ними признаетъ; онъ ни подъ какимъ видомъ не созвалъ бы ихъ, увѣрялъ онъ, еслибы могъ предполагать, что у нихъ есть намѣреніе играть роль такъ называемыхъ народныхъ представителей. Сознавая всю чистоту своихъ намѣреній, онъ съ довѣрчивостью обращался *къ своему* народу и предоставлялъ на его усмотрѣніе, справедлива ли та недовѣрчивость и тѣ нареканія, которымъ его подвергаютъ съ перваго дня его царствованія; длинную рѣчь свою онъ окончилъ обращеніемъ къ слушателямъ, уговаривая ихъ «оставаться истинными пруссаками во всѣхъ случаяхъ и на всѣхъ ступеняхъ предстоящихъ сословныхъ засѣданій сейма», если они только намѣрены принести съ собою добрую волю и желаніе все уладить, то онъ въ заключеніе «отъ полноты сердца привѣтствуетъ ихъ!»

Сейму на разсмотрѣніе представленъ былъ цѣлый рядъ законовъ: объ уничтоженіи пошлины на мельницы, на бойню, о введеніи пошлины за ввозъ товаровъ, объ учрежденіи вспомогательной кассы и банка для раздачи рентъ, о разрѣшеніи государственнаго займа для того, чтобы имѣть возможность провести линію желѣзной дороги, которая связывала бы восточныя провинціи, страдавшія отъ недостатка путей сообщенія, съ столицей. Король надѣялся, что сеймъ, безъ дальнихъ околичностей, примется за эти полезныя работы и такимъ образомъ, согласно съ его мнѣніемъ, *сословныя учрежденія* будутъ спокойно и соразмѣрно развиваться. Но въ этомъ дѣлѣ, надобно сознаться, онъ очень неловко выбралъ самый несчастный способъ, чтобы проводить свои идеи: въ своей нестройной и безконечно длинной рѣчи, онъ затронулъ великіе современные вопросы, насильственно выдвинулъ ихъ на первый планъ и оставилъ безъ всякаго разъясненія. Сообразно ли съ цѣлью было созвать сеймъ, въ которомъ находилось все лучшее, заключавшееся въ народѣ: дворяне, капиталисты, ученые, однимъ словомъ цвѣтъ государства, открыть это собраніе самымъ торжественнымъ образомъ длинною рѣчью, которая такъ и требовала отвѣта — въ этой рѣчи обращаться къ цѣлому народу, высказывать передъ нимъ откровенно все таившее въ его душѣ, что могло бы принести честь частному человѣку, но, что безъ всякой нужды, подвергало короля критическому разбору его подданныхъ; но еще хуже, въ заключеніе сказать этому многолюдному собранію, чтобы оно не думало воображать, что оно олицетворяетъ, представляетъ народъ — это выраженіе было непоправимой ошибкой. Въ то время, когда король выражалъ свой образъ мыслей, такъ опредѣленно о важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ, это блестящее собраніе должно было молчать и удовольствоваться тѣмъ, что ему позволено было толковать о вспомогатель-

ныхъ кассахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, и то не какъ народнымъ представителямъ, не отъ имени народа, точно будто въ Пруссіи только и сословій, что рыцари, крестьяне, а городовъ и народа нѣтъ. Послѣ этого можно ли было предположить, чтобы ходъ совѣщаній пошелъ путемъ, угоднымъ королю?

Яснѣе всѣхъ сознавали свою цѣль и свои желанія члены прирейнскихъ и восточно-прусскихъ провинцій, но стремленія ихъ были діаметрально противоположны намѣреніямъ короля. Эти депутаты составляли зерно оппозиціи, которая вскорѣ усилилась членами прочихъ провинцій. Вожди этой оппозиціонной партіи рѣшились употреблять королевскій даръ какъ средство для достиженія настоящей конституціи, которой опасался и не хотѣлъ неясный идеализмъ короля, но которая, при положеніи дѣлъ въ XIX столѣтіи, становилась прямою необходимостью. Человѣкъ старинно-прусскаго имени, преданный своему отечеству, графъ Шверинъ, сдѣлалъ предложеніе подать королю адресъ; по его мнѣнію, онъ долженъ заключать въ себѣ: благодарность за то, что король создалъ общій сословный органъ, почтительно выразить нѣкоторыя сомнѣнія, касательно отдѣльныхъ положеній патента, разсматривая ихъ съ точки зрѣнія права. Маршалъ сейма, князь Гогенцольмсъ-Лихъ не противорѣчилъ этому плану, хотя адресъ не входилъ въ права сейма; онъ назначилъ для составленія адреса комиссію, но выбиралъ въ нее такъ неловко, что членомъ докладчикомъ очутился одинъ изъ рейнской оппозиціонной партіи, краснорѣчивый эренфельдскій фабрикантъ Бекератъ. Адресъ очень краснорѣчиво расточалъ похвалы и благодарность королю, но въ тоже время говорилъ о государственныхъ сословныхъ правахъ сейма, пріобрѣтенныхъ имъ, о сохраненіи этихъ сословныхъ правъ, основывая ихъ на часто приведенныхъ выше законахъ и утверждаясь на нихъ, какъ на незыблемой почвѣ правъ. Бодельшвингъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣчалъ, что государственный совѣтъ еще не взвѣсилъ и не обсудилъ вопроса, имѣетъ ли еще не вполнѣ установившаяся корпорація другія права, кромѣ тѣхъ, какія присудилъ ей законодатель, давшій жизнь этой корпораціи, т. е. по существующимъ государственнымъ постановленіямъ—король; мнѣніе это министръ выражалъ отъ своего имени. Гораздо менѣе зыбко, чѣмъ упомянутая нами почва правъ, было то, что говорилъ Лудольфъ Кампгаузенъ, членъ кёльнскаго совѣта, по поводу путаницы, какая неминуемо должна произойти отъ этого сплетенія и совмѣстнаго дѣйствія пяти различныхъ собраній, какъ того требовали правила патента — соединенные совѣты провинціальныхъ сеймовъ, сословныя куріи, господскія куріи, общія собранія и т. д.; далѣе увѣрялъ онъ, гораздо прямѣе къ цѣли ведетъ собраніе государственныхъ чиновъ, по старинным законамъ; что для народа оно принесетъ больше пользы и что такой сеймъ будетъ дѣйствительнымъ представительствомъ народа. Адресъ еще измѣнился и окончательно былъ принятъ въ засѣданіи соединенныхъ курій большинствомъ 484 голосовъ противъ 107, но при окончательномъ составленіи его принято было во вниманіе замѣчаніе Ауэрсвальда; по его совѣту выпущены были всѣ указанія на тѣ или другія права представительныхъ сословій, ограничились только желаніемъ, чтобы сословныя права вообще сохранялись во всей своей силѣ; оппозиція должна была согласиться на декларацію этихъ правъ въ протоколѣ и довольствоваться этимъ. Ожидали, что адресъ вызоветъ немилость королевскую, а при пессимистическомъ настроеніи не только въ сеймѣ, но еще гораздо больше внѣ его, многіе здѣсь и тамъ втайнѣ желали даже, чтобы такъ случилось. Но король на этотъ разъ послѣдовалъ доброму совѣту и воздержался отъ всякаго выраженія неудовольствія; онъ возразилъ, что другой формы для сейма, кромѣ данной патентомъ 3 февраля, не знаетъ, но хотя основанія его и неприкосновенны, но все-таки форма сейма не безусловно и не окончательно рѣшена и онъ, съ своей стороны, готовъ выслушать предложенія, какія сословные представители ему могутъ сдѣлать, но приметъ ихъ только въ формѣ просьбы и даетъ обѣщаніе разсмотрѣть и взвѣсить ихъ. На желаніе, чтобы сеймъ собирался періодически, отвѣчалъ онъ, какъ ему казалось, къ всеобщему удовольствію, что сеймъ, во всякомъ случаѣ, непремѣнно будетъ созванъ черезъ четыре года. Несчастное понятіе: приближалось время, когда правители могли считать себя счастливыми, если государственныя учрежденія существуютъ недѣли и дни.

Сеймъ продолжался до конца іюня, и ему представлялись случаи по поводу различныхъ просьбъ и даже нѣкоторыхъ правительственныхъ проектовъ, отданныхъ на его обсужденіе, затрогивать важные политическіе вопросы, судить и спорить о нихъ. Нѣкоторые проекты финансовыхъ учрежденій были очень знаменательны; либеральной оппозиціонной партіи, во главѣ которой кромѣ рейнскихъ представителей—Ганземана, Бекерата, Мевиссена, Кампгаузена, преимущественно стоялъ вестфальскій фрейгеръ Георгъ фонъ Бинке, по поводу этихъ проектовъ пришлось говорить о законѣ 1820 года, касавшемся государственнаго займа вообще. Законъ этотъ по своему значенію есть основной конституціонный законъ, нѣчто въ родѣ прусской magna charta. Сеймъ въ общемъ собраніи обѣихъ курій значительнымъ большинствомъ голосовъ отвергнулъ предложеніе правительства принять на себя гарантію учреждаемыхъ земскихъ рентныхъ банковъ, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы устроить кредитную систему для сельскихъ жителей; еще чувствительнѣе для правительства было то, что вопросъ о займѣ для постройки желѣзныхъ дорогъ тоже не былъ принятъ. Требовалось согласіе сейма на заемъ въ 30 милліоновъ для постройки восточной линіи желѣзной дороги; провести эту дорогу было существенно необходимо: благосостояніе восточныхъ провинцій Пруссіи зависѣло отъ этого и никто того не отвергалъ. Но этотъ случай казался удобнымъ для того, чтобы принудить правительство къ дальнѣйшимъ уступкамъ на пути къ введенію конституціонной формы правленія. «Дѣлай то что должно, и не бойся никого,» воскликнулъ Бинке, но до тѣхъ поръ, пока настоящее законоположеніе, 3 февраля, не будетъ согласоваться съ закономъ 1820 года, напечатаннымъ въ томъ же самомъ собраніи законовъ, пока государственныя сословныя права не будутъ опираться на твердую почву, т. е. пока никакая внѣшняя сила не будетъ въ состояніи опрокинуть ихъ, или измѣнить — до тѣхъ поръ не подамъ я голоса въ пользу займа для государственныхъ потребностей.» 360 членовъ противъ 179 отвергли государственный заемъ, и въ числѣ этихъ отрицательныхъ голосовъ было 65 депутатовъ изъ восточно-прусскихъ провинцій, принесшихъ, слѣдовательно, выгоды своихъ согражданъ въ жертву политическимъ убѣжденіямъ. Король откланялся сейму 24 іюня. При этомъ собраніи сейма строго соблюдено было правило—дозволять ему только совѣщательный голосъ; нѣсколько предложеній, съобща сдѣланныхъ обѣими куріями, были приняты во вниманіе, но гораздо большее число и гораздо важнѣйшіе были обойдены молчаніемъ. Собраніе сейма послѣ жаркихъ преній приступило къ выборамъ членовъ для отдѣльнаго совѣта, впрочемъ, не допуская въ него ярыхъ радикаловъ, какимъ напримѣръ былъ Бинке; къ выборамъ допущено было только 158 человѣкъ; іюня 26 закрытъ былъ первый соединенный сеймъ, однако не самимъ королемъ, но сеймовымъ комиссаромъ фонъ Бодельшвингомъ.

При этомъ онъ очень вѣрно замѣтилъ: «Каждый мыслящій человѣкъ можетъ понять, что слѣдствія отъ соединеннаго сейма принесли отечеству менѣе пользы, чѣмъ можно было ожидать; но какъ бы то ни было, это все-таки первостатейное событіе.» Это собраніе сейма, какъ бы тамъ король ни смотрѣлъ на него, не было составлено изъ представителей нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сословій, но оно представляло весь народъ, который стремился выбиться изъ устарѣлаго порядка вещей—къ болѣе возвышенной, свободной, раціональной и разумной дѣятельности; народъ на столько развился, что не могъ довольствоваться тѣмъ, чтобы одинъ король, или случайно избранные имъ совѣтники, направляли ходъ государственной жизни: настоящій сеймъ своимъ блестящимъ составомъ, множествомъ людей талантливыхъ, краснорѣчивыхъ ораторовъ, особенно развитыхъ духовно, доказалъ, что народъ уже подготовленъ, что онъ достаточно созрѣлъ для участія въ дѣлахъ, касающихся самыхъ существенныхъ вопросовъ его жизни и благосостоянія; уже въ 1811 году Фр. фонъ Гарденбергъ замѣтилъ, при тогдашнемъ собраніи нотаблей, что народъ прусскій уже на столько подготовленъ, что посредствомъ представительнаго правленія отъ него можно требовать «не слѣпаго повиновенія, но повиновенія по убѣжденію.» Это-то и составляетъ главное зерно конституціоннаго и парламентскаго образа управленія государствомъ:— ежели народъ черезъ своихъ представителей способенъ сознательно управлять государствомъ, и особенно, ежели какой либо народъ образованъ и нравственно развитъ въ такой

мѣрѣ, что способенъ принимать убѣжденія и не довольствоваться одною подачей голосовъ, и если требуетъ участія въ правленіи, то онъ подготовленъ къ нему. Главное условіе это было выполнено прусскимъ народомъ, и по этому не справедливо было бы не давать ему правъ, какими другія, меньшія и совсѣмъ маленькія государства Германіи давно уже пользовались. Король сильно ошибался, говоря, что листъ исписанной бумаги хотятъ насильно протѣснить между королемъ, даннымъ Господомъ Богомъ, и государствомъ; не въ томъ дѣло, что на этомъ листѣ написано, но въ томъ, что правительство и народъ изъ написаннаго сдѣлаютъ. И библія только исписанная бумага, но не для всѣхъ, и кто сказалъ королю, что не самъ Господь Богъ нашъ на небеси, Тотъ, который управляетъ сердцами народовъ, какъ горными потоками, хотѣлъ возвести народъ на ту ступень, на которой онъ не можетъ довольствоваться тѣмъ, чтобы воля одного — Давида, или Соломона, съ которыми льстецы сравнивали короля—направляла его судьбы; можетъ быть, въ Его совѣтѣ положено было, чтобы соединенными усиліями, совмѣстнымъ стараніемъ правительства и народа, общія судьбы государства были опредѣлены и направлены?

Для такой роли трудно было бы найти человѣка, болѣе Фридриха Вильгельма IV способнаго достойно ее выполнить; если бы ему суждено было сдѣлаться правителемъ совсѣмъ г о т о в а г о, конституціоннаго государства, тутъ онъ могъ бы двигать и одушевлять народъ своими вдохновенными, исполненными чувства рѣчами, дѣйствовать на него возбудительно и придать новую жизнь всѣмъ начаткамъ его правильно организованной жизни. Но Фридриху Вильгельму суждено было жить въ переходную эпоху, которая снимала узду со всѣхъ противоположностей и вызывала бурю событій, отбрасывавшую его и государство, которымъ онъ управлялъ, далеко отъ предначертанной цѣли, которой, при попутномъ вѣтрѣ, онъ надѣялся и могъ бы достигнуть.

Свидѣтельствомъ того, что судьбы германскаго народа уже не зависѣли исключительно отъ ихъ государей, могло служить обстоятельство, что церковно-религіозныя отношенія къ нимъ тоже измѣнились.

Надобно сознаться, что въ Германіи религіозные вопросы во всѣ времена были серьезно разсматриваемы, что ими занимались глубоко и ихъ зрѣло обсуживали, за нихъ боролись съ убѣжденіемъ и съ твердою преданностью. На югѣ и у народовъ романскаго племени христіанство приняло характеръ чисто обрядный, который въ низшихъ классахъ народа сохранилъ только внѣшнія черты христіанства и съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе носилъ на себѣ печать началъ истиннаго ученія Христова; во многихъ мѣстахъ простой народъ мало отличался отъ язычниковъ новѣйшаго рода. При такомъ положеніи дѣлъ о наукахъ не могло быть и рѣчи; кто въ тѣсномъ смыслѣ душой и тѣломъ не могъ съ вѣрою предаваться этому обрядному христіанству, тотъ совсѣмъ переставалъ о немъ помышлять, отвергалъ его, какъ старинное, ни на чемъ не основанное заблужденіе, а только подчинялся нѣкоторымъ внѣшнимъ формальнымъ обрядамъ, безъ всякаго сочувствія къ нимъ, чтобы только избавиться отъ непріятностей, какія могли бы произойти, если не исполнять этихъ церковныхъ требованій. Въ такомъ положеніи церковь была во Франціи и Испаніи, даже въ Италіи и въ непротестантскихъ земляхъ Германіи и въ Англіи; господствующая англиканская церковь послѣдней тоже препятствовала дальнѣйшему развитію и изслѣдованіямъ въ области религіознаго ученія. Совсѣмъ не то было въ протестантской Германіи: тамъ великая борьба идей началась еще съ XVI столѣтія и съ малыми перерывами не давала умамъ оставаться въ бездѣйствіи.

Мы видѣли, что съ тѣхъ поръ, какъ миръ былъ утвержденъ, умственное движеніе опять началось и толчекъ, данный въ концѣ прошедшаго столѣтія Кантомъ, Лессингомъ и другими, продолжалъ дѣйствовать и въ настоящемъ; гегелевская философія, пытаясь постигнуть міръ силою размышленія и объяснить его, въ тоже время старалась согласить съ ними религіозныя понятія откровенія: нѣкоторое время казалось, что вѣра въ истины откровенія и выводы ума, высказанные въ положеніяхъ этой философіи, согласуются между собою; казалось, что безусловно признанныехристіанствомъ догматы въ существенныхъ чертахъ оправдываются глубоко философскими изслѣдованіями міроваго процесса, надъ которыми трудился

философъ. До начала царствованія Фридриха Вильгельма IV философія эта имѣла сильное вліяніе на руководящіе кружки чиновниковъ, судей, учителей и богословъ; для однихъ это было глубокое убѣжденіе, данное наукой и размышленіемъ, для другихъ, это было дѣломъ моды, или притворства, особенно до тѣхъ поръ, пока первый министръ самъ принадлежалъ къ послѣдователямъ гегелевской философіи. Но обманчивый призракъ на-вѣки прочно утвержденнаго единства вѣры и знанія, полной гармоніи религіи и философіи, вскорѣ разлетѣлся, и противоположности ясно и рѣзко выступили.

Король былъ воспитанъ въ истинно религіозномъ духѣ, въ душѣ его таился неисчерпаемый источникъ поэзіи; онъ долго и ревностно занимался изслѣдованіемъ серьезныхъ вопросовъ церкви, поэтому гегелевская философія не могла привлекать его и выводы ея, при дальнѣйшемъ критическомъ развитіи, доводили до результатовъ, пугавшихъ его. Министромъ духовныхъ дѣлъ назначилъ онъ тайнаго совѣтника Эйхгорна, человѣка съ большими достоинствами, часто непризнанными, друга Шлейермахера, но совершенно не соотвѣтствующаго настоящему своему назначенію. Онъ раздѣлялъ убѣжденіе короля, что критическое направленіе философіи болѣе угрожаетъ христіанству, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ; онъ былъ убѣжденъ, что основаніемъ народнаго обученія должно быть воспитаніе религіозное, и поэтому принята была система народнаго образованія, противорѣчившая альтенштейнской системѣ. Напрасно короля и министра упрекали въ слѣпомъ фанатизмѣ; какъ это въ богословскихъ дѣлахъ всегда бываетъ, та и другая сторона все преувеличивала: одни боялись, что христіанство, церковь и государство въ опасности, другіе,—что опасность угрожаетъ наукамъ и свободному мышленію; одни называли своихъ противниковъ атеистами, другіе—фанатиками, отсталыми карбонаріями. Ненависть богослововъ, направлена была на школьныхъ ученыхъ и обратно; споръ этотъ еще болѣе ожесточался оттого, что король уже не былъ, какъ прежде, авторитетомъ при назначеніи той, или другой религіи для своего народа, но между тѣмъ отъ него зависѣли мірскія преимущества, съ нею связанныя; такъ, онъ назначалъ на значительныя должности, давалъ ордена, деньги и почести, преимущественно такимъ лицамъ, религіозное направленіе которыхъ ему и его министрамъ нравилось. По этой причинѣ нѣкоторыя правительственныя постановленія короля, сдѣланныя безъ малѣйшаго злаго умысла, все-таки пробудили неудовольствіе въ народѣ; такъ напримѣръ, учрежденіе евангеліевскаго епископства, совершенно по образцу такого же епископства въ англиканской церкви въ Англіи, пробудило ропотъ въ Пруссіи. Одни видѣли въ этомъ очень опасный шагъ—въ протестантскихъ земляхъ учредить епископіи, другіе, гораздо основательнѣе, находили, что есть дѣла гораздо важнѣе этого, и что король тратитъ только свое время и свои силы на рѣчи, переписки, игру диллетанта въ различныя идеи и на мечтательныя предпріятія, а на дѣло у него времени недостаетъ. Неудовольствіе на министра возрастало и при 300 лѣтнемъ юбилеѣ Кенигсбергскаго университета, въ 1844 году, выразилось въ враждебной для него демонстраціи; но лично на короля это не простиралось; онъ въ день юбилея положилъ основаніе новому зданію для университета, по своему обычаю говорилъ съ жаромъ, хорошо произнесъ рѣшеніе, принятое съ восторгомъ, растолкованное каждымъ по своему: «Этотъ университетъ, сказалъ онъ, есть источникъ, горнило свѣта — пусть же его лозунгомъ будетъ лозунгъ моего отца, мой и моего народа: в п е р е д ъ!»

При словѣ впередъ, у Фридриха Вильгельма, между прочимъ, была мечта о преобразованіи евангелической церкви на свой ладъ; верховнымъ представителемъ—«е п и с к о п о м ъ» онъ считалъ себя, по лютеранскому воззрѣнію на церковь; далѣе онъ мечталъ «о преобразованіи церкви изъ самой себя», объ «органическомъ разчлененіи ея изъ основнаго существеннаго жизненнаго начала ея»; въ подобныхъ благозвучныхъ, благородныхъ, но неясно сознанныхъ стремленіяхъ и идеяхъ заключались его мечты о реформахъ. Преслѣдуя этотъ планъ, въ 1843 году въ восточно-прусскихъ провинціяхъ учреждены были сначала окружные синоды, которымъ въ протоколахъ предложено было выражать свои желанія, свои замѣчанія и предположенія новыхъ мѣръ; эти протоколы должны были служить матеріаломъ для занятія провинціальныхъ синодовъ, созванныхъ осенью

1844 года. Продолжая свой планъ обобщенія въ религіозномъ, также какъ и въ политическомъ устройствѣ управленія, онъ въ 1846 году созвалъ въ Берлинъ генеральный синодъ изъ 37 духовныхъ лицъ, 38 свѣтскихъ, но тоже не позволилъ имъ являться въ видѣ представителей, и какъ нотабли церкви съ совѣщательной свободой, но безъ правъ, потому что и здѣсь повторилось тоже, что въ сеймѣ: королю хотѣлось что нибудь дать, даже много дать, но въ сущности ничего не давать. Засѣданія генеральнаго синода, подъ предсѣдательствомъ министра духовныхъ дѣлъ, длились отъ 2 іюня до 29 августа; изъ этихъ совѣщаній ничего непосредственно хорошаго не вышло, но за то было то посредственно хорошее, что они дали поводъ къ свободному обмѣну мыслей, при чемъ король могъ вполнѣ отдаться влеченію своего живаго ума, толковать о серьезныхъ, въ высшей степени важныхъ вопросахъ и разсматривать ихъ вмѣстѣ съ людьми, замѣчательными по своимъ глубокимъ знаніямъ; могъ говорить, говорить и не рѣшаться ни на одну, особенно важную правительственную мѣру. Не было однакожь рѣчи ни о какомъ принужденіи въ вопросѣ совѣсти, напр., тѣмъ лютеранскимъ приходамъ, которые не хотѣли принадлежать къ соединенной церкви, не запрещалось идти избраннымъ путемъ; въ генеральномъ бреславскомъ синодѣ они съ 1841 года имѣли свою отдѣльную верховную церковную лютеранскую коллегію.

Но сильно заволновались тѣ, которые отклонились совершенно въ противоположную сторону отъ первенствующей церкви государства. Попытки короля изъ внутреннихъ жизненныхъ началъ евангелической церкви создать новое самоуправленіе—раздражали этихъ приверженцевъ старинныхъ церковныхъ порядковъ; не находя болѣе привычныхъ своихъ опоръ, они опасались дѣйствительныхъ или воображаемыхъ опасностей для церкви; къ нимъ пристали, какъ это всегда водится во времена волненій, такіе люди, которые всегда готовы пристать ко всякой оппозиціи, лишь бы она направлена была противъ существующаго порядка. Не можетъ ли евангелическая господствующая церковь, при непосредственномъ содѣйствіи христіански настроеннаго короля и его правовѣрнаго министра, преобразуясь сама изъ себя, сдѣлаться насильственною для другихъ? Эти опасенія громко высказывались въ собраніяхъ городскихъ представителей, въ частныхъ общественныхъ кружкахъ и т. д., гдѣ ихъ высказывали не случайно; тамъ о нихъ шумѣли подъ этимъ впечатлѣніемъ люди прозванные темными; въ Евангелической Церковной Газетѣ, тупымъ оружіемъ яростно, но неутомимо ратовалъ берлинскій профессоръ Генгстенбергъ; противъ него, какъ оппозиція, образовалось общество, съ самаго начала объявившее себя друзьями свѣта, хотя у многихъ изъ его членовъ свѣта не было, даже на столько, на сколько онъ брезжился у Генгстенберга; но многіе изъ нихъ дѣйствовали по своему глубокому убѣжденію; сначала составилось очень маленькое общество изъ лицъ духовнаго званія; мало-по-малу оно разросталось и сдѣлалось почти народнымъ собраніемъ; во главѣ этого движенія, нашедшаго сочувствіе и приверженцевъ въ среднемъ сословіи, стоялъ саксонскій сельскій священникъ Улихъ; это не былъ человѣкъ глубоко ученый, но честный, готовый на всякую жертву изъ-за идеи и обладавшій необыкновенною способностью руководить подобными народными волненіями. Споръ этотъ получилъ новую силу и дальнѣйшее развитіе оттого, что другой пасторъ Вислиценусъ въ Галлѣ въ одномъ изъ собраній друзей свѣта въ Кётенѣ, въ 1844 году, догматически поставилъ вопросъ, занимавшій умы: «Что составляетъ норму нашего вѣрованія: писаніе или его духъ?» Магдебургская консисторія отняла приходъ у Вислиценуса, апрѣля 1846 года; подобно ему и другіе пасторы потеряли свои мѣста, или должны были выносить притѣсненія и ограниченія со стороны церковныхъ правительственныхъ мѣстъ; эти люди, раздраженные преслѣдованіемъ, образовали свободные приходы, изъ которыхъ нѣкоторые даже окончательно отвергали христіанское ученіе и пробавлялись довольно водянистой общей моралью; нѣкоторые на христіанство смотрѣли, какъ на религію ума и гуманности, и перетолковывали его основные догматы по своему произволу. Эдиктъ о вѣротерпимости, отъ 30 марта 1847 года, пришелся имъ очень кстати; въ этомъ эдиктѣ выражалось основное правило, что извѣстныя гражданскія права не зависятъ отъ извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, или отъ извѣстнаго признан-

наго и утвержденнаго правительствомъ религіознаго общества. Это постановленіе было столько же благоразумно, сколько христіански-гуманно. Всѣ эти церковные расколы и уклоненія, какъ бы поверхностны они ни были, или какъ бы они ни уклонялись отъ прямаго, христіанскою вѣрою признаннаго—пути, все-таки доказывали, что въ нѣмецкомъ народѣ, еще нетронутою, лежитъ способность сочувствовать религіознымъ вопросамъ и религіознымъ движеніямъ, и если устранить свѣтскую полицію, и допустить, чтобы духовные споры и духовные вопросы были разрѣшаемы духовнымъ оружіемъ, то духовная жизнь и дѣла вѣры господствующей церкви отъ того только выиграютъ. Эти несогласія и пренія чуть было не повредили истинно благодѣтельной дѣятельности общества Густава-Адольфа (Gustav-Adolphstiftung), основаннаго въ столѣтній юбилей битвы при Люценѣ; оно постепенно разросталось и сдѣлалось обширнымъ обществомъ; цѣль его состояла въ томъ, чтобы помогать матеріально и поддерживать всѣми средствами существованіе евангелическихъ приходовъ въ католическихъ земляхъ, чтобы дать имъ возможность сохранять правила евангелическаго вѣроисповѣданія; въ сущности, это общество было создано для того, чтобы отстаивать права евангелическихъ общинъ отъ преобладающаго могущества католиковъ; вотъ почему этому обществу надобно было оставаться неприкосновеннымъ посреди раздоровъ и расколовъ самой евангелической церкви. Кенигсбергское главное собраніе членовъ общества послало въ Берлинъ 1846 года, въ члены генеральнаго собранія общества, проповѣдника Руппа, но послѣ того, какъ онъ отрекся отъ анаѳемъ аѳанасьевскихъ символовъ и черезъ слишкомъ вольное толкованіе христіанскихъ догматовъ навлекъ на себя неудовольствіе своихъ начальниковъ, онъ частію добровольно, частію по принужденію отказался отъ «Консисторіальной церкви.» Съ очень незначительнымъ меньшинствомъ голосовъ его не признали какъ законнаго члена собранія; это вызвало цѣлый потокъ протестовъ и всевозможныхъ преувеличеній, справедливыхъ въ томъ отношеніи, что этимъ актомъ общество запрещаетъ пользоваться своими собраніями и сущностью своихъ учрежденій для постороннихъ цѣлей. Но вообще направленіе засѣданій общества отличалось своимъ благоразуміемъ, умѣренностью и на столько же обще-христіанскимъ тактомъ, на сколько оно показывало евангелическаго рвенія.

При видѣ этихъ нескончаемыхъ несогласій и преній въ евангелической церкви, католическая съ гордостью и даже съ жалостью смотрѣла на нее, не признавая ее даже церковью, а называя ее общиной, или ареной для всевозможныхъ проявленій духа отрицанія и протеста. Но духъ отрицанія и протеста проникъ и въ это убѣжище мира, не допускавшее никакого противорѣчія, никакого возраженія, никакой свободы и слѣдовательно, неразрывно съ нею связанныхъ плодотворныхъ противорѣчій, ведущихъ къ разъясненію и дальнѣйшему развитію истины.

Въ августѣ 1844 года епископъ трирскій Арнольди выставилъ для поклоненія вѣрующихъ—хитонъ Іисуса Христа, вытканный изъ одного куска; по преданію, эта часть одежды Спасителя чудеснымъ образомъ сохранилась и послѣ многихъ странствованій попала наконецъ въ трирскій каѳедральный соборъ; изъ всѣхъ католическихъ государствъ: изъ рейнскихъ провинцій, Вестфаліи, Бельгіи, Франціи шли пилигримы, или въ одиночку, или цѣлыми процессіями, вслѣдъ за своими священниками, чтобы поклониться святынѣ и помолиться ей. Разсказывали о чудесахъ, совершавшихся надъ вѣрующими; но въ это время одинъ шлезвигскій приходской священникъ, Іоаннъ Ронге, написалъ опроверженіе. Изъ Силезіи онъ написалъ открытое письмо къ трирскому епископу, въ которомъ обвинялъ его въ преднамѣренномъ подлогѣ. Самъ Ронге нѣсколько времени разыгрывалъ роль Лютера XIX столѣтія; недовольные и изгнанные изъ церкви католики собирались къ разстриженному священнику; во всѣхъ концахъ Германіи нашлись сочувствующіе ему люди и посылали ему адресы, или сами спѣшили къ нему. Около этого же времени католическій викарій Іоаннъ Черскій въ Шнейдемюле въ Познани, основалъ христіански-апостолическую общину; въ своихъ основныхъ чертахъ она придерживалась постановленій старой католической церкви; между тѣмъ вокругъ Ронге образовалась община чисто раціональнаго и вовсе не католическаго характера; кромѣ той общины, которая возникла подлѣ него на мѣстѣ

его жительства, онъ въ своихъ поѣздкахъ основалъ еще множество подобныхъ обществъ.

На съѣздѣ въ Лейпцигѣ, на Пасху 1845 года, члены этого общества постановили свое исповѣданіе вѣры; они отвергли папскую власть, священникамъ предоставили правъ быть женатыми, обѣдни положено не служить, посты уничтожены, какъ у протестантовъ; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они сохранили догматы христіанской вѣры, только съ раціональнымъ характеромъ; они отвергали божественное происхожденіе Спасителя, также какъ ученіе о первородномъ грѣхѣ и искупленіи его, а на Іисуса Христа смотрѣли, какъ на необыкновенно чистаго и благороднаго человѣка. Нашлось довольно много людей, которые ожидали переворота въ дѣлахъ церкви отъ этого нарушенія духа христіанскаго, вопреки убѣжденіямъ всѣхъ послѣдователей великаго Божественнаго Слова; думали, что съ новымъ ученіемъ явится новая нѣмецко-католическая церковь; въ этомъ движеніи принимали участіе люди, далеко не дюжинные; за этимъ волненіемъ осталось названіе нѣмецко-католическаго; отъ него ожидали пользы даже такіе великіе умы, какъ Гервинусъ. Но вскорѣ оказалось, что подъ видомъ религіозныхъ вопросовъ общество больше занималось политическими; это общество походило на почву, на которой сѣмя быстро всходитъ, но не пускаетъ глубокихъ корней и также скоро пропадаетъ, какъ выростаетъ. Во время путешествія Ронге по южной Германіи его встрѣчали съ изъявленіемъ громкаго восторга; его и приверженца его Довіата при въѣздѣ осыпали цвѣтами, вездѣ для нихъ приготовляли торжественные обѣды; вездѣ находились у нихъ, если не ярые послѣдователи, то по крайней мѣрѣ любители волненій, охотники до всякой оппозиціи, какого бы рода она ни была. Молодой Довіатъ, игравшій роль Меланхтона у этого новаго Лютера, не имѣлъ съ настоящимъ Меланхтономъ ничего общаго, кромѣ молодости; говоря о пирахъ, приготовленныхъ для встрѣчи Ронге, онъ писалъ: «за бокаломъ шампанскаго и за жаркимъ изъ дикой козы, мы сочиняемъ всемірную исторію.» Но всѣ эти разнообразныя движенія могли заставить правительство задуматься не на шутку и предвидѣть, что несмотря на разнообразныя поприща, служившія ареной для того или другаго общества, даже такое, какъ общество гимнастовъ, мало-помалу перейдетъ въ политическое. Всѣ эти волненія и всѣ общества преимущественно держались въ сѣверной Германіи и находились въ связи съ новой жизнью, къ которой личная дѣятельность Фридриха Вильгельма и преимущественно его рѣчи пробудили Пруссію. По мѣрѣ того, какъ преобладаніе Пруссіи возрастало, вліяніе Австріи болѣе и болѣе отступало и выражалось только въ отрицательномъ и совершенно непроизводительномъ характерѣ ея.

b. Австрія.

Въ Австріи вмѣсто императора, составлявшаго жалкую противоположность по своему духовному развитію съ прусскимъ королемъ, князь Меттернихъ продолжалъ управлять государствомъ, но въ виду проявленія повсюду пробуждающейся духовной и нравственной жизни германскаго народа онъ не зналъ, что ему дѣлать, и потому оставался въ полной бездѣйственности. Не глубоко задуманными интригами, съ цѣлью возстановить католическое народонаселеніе, чтобы оно противодѣйствовало развивающемуся духу либерализма въ прусскихъ владѣніяхъ, слабыми попытками помѣшать распространенію разраставшагося съ каждымъ днемъ таможеннаго союза, о политическомъ значеніи котораго наконецъ догадались въ Австріи, вотъ все чѣмъ Меттернихъ старался ослабить и задержать развивающуюся силу Пруссіи и помѣшать ея вліянію на южно-германскія области. По наружному виду въ Австріи все оставалось по-старому. Народное образованіе и народное обученіе оставались въ рукахъ духовенства и оно по-прежнему старалось держать своихъ учениковъ на той степени невѣжества, которую находило пригоднымъ для своихъ цѣлей; постоянное, неутомимо-смѣлое стремленіе впередъ на поприщѣ научныхъ изслѣдованій, которыми отличались германскіе университеты и академіи, мелочная, кропотливая и незамѣтная работа въ гимназіяхъ, распространеніе полезныхъ знаній въ низшихъ классахъ народа черезъ учрежденіе

и распространеніе элементарныхъ школъ, все это осталось безъ слѣда вліянія на Австрію. Безчисленному множеству періодическихъ серьезныхъ изданій по разнымъ отраслямъ наукъ, появлявшихся въ сѣверной Германіи, Австрія могла противупоставить только одинъ литературный журналъ: «Wiener Jahrbücher der Litteratur,» издававшійся съ 1818 года, по желанію и подъ вліяніемъ Меттерниха; въ области поэзіи и беллетристической литературы былъ такой же застой; пробавлялись именами, почти неизвѣстными въ остальной Германіи, какъ Аѳанасія Грюна, Николая Ленау, драматическаго писателя Грильпарцера, или очень недалекими мѣстными классиками—Бейерле и Кастелли; въ то время, какъ въ Пруссіи политическихъ и литературныхъ газетъ въ сороковыхъ годахъ ежегодно выходило до 405, въ Австріи было только 26. Все, что печаталось въ Австріи, должно было подвергаться разсмотрѣнію цензора, не ограничиваемаго даже цензурнымъ уставомъ, и потому своевольно не только исключаемы были мысли изъ сочиненія, но очень часто своенравный цензоръ ихъ передѣлывалъ въ діаметрально противоположное тому, что говорилъ авторъ. Полицейскій надзоръ за печатью былъ до того строгъ, что литература совсѣмъ обѣднѣла, никто больше не хотѣлъ писать. Раздраженные авторы начали прибѣгать къ отчаяннымъ и непозволительнымъ мѣрамъ: свои брошюры политическаго содержанія, правда, не глубокія, а только шумныя, отправляли они въ Лейпцигъ и Гамбургъ и тамъ отпечатанныя, наравнѣ съ другою контрабандою, тайкомъ ввозили въ имперію и распространяли въ огромномъ количествѣ; эти брошюры читали всѣ, даже люди, приставленные къ тому, чтобы препятствовать ихъ распространенію, и съ злобною радостью разсказывали объ ихъ содержаніи; въ сущности всѣ тяготились настоящимъ положеніемъ дѣлъ и желали перемѣны. «Такъ, какъ дѣла идутъ,»—стояло въ книгѣ «Австрія и ея будущность», появившейся въ 1841 году и написанной фрейгеромъ Адріаномъ, членомъ высшей вѣнской аристократіи,—«не можетъ долго продолжаться въ Австріи, такое положеніе не можетъ просуществовать даже періодъ человѣческой жизни, — это не мое личное убѣжденіе, но такъ думаютъ всѣ, и подданные и правители; этого одного факта, казалось бы, достаточно, чтобы вызвать переворотъ, который неминуемо долженъ произойти въ самомъ короткомъ времени.»

Оно такъ и вышло. Народный духъ, возставшій десять лѣтъ спустя и чуть не разрушившій этого дряблаго и плохо сплоченнаго государства, уже теперь началъ показывать нетерпѣніе. Открытое возстаніе было только въ Галиціи, вслѣдствіе новаго заговора польскаго дворянства въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ, съ цѣлью возстановить польское королевство въ его прежнихъ границахъ. Возстаніе положено было начать 21 февраля 1846 года. 14 собрались заговорщики въ Познань, чтобы условиться о послѣднихъ подробностяхъ и сдѣлать послѣднія распоряженія; но полиція была уже предувѣдомлена и арестовала зачинщиковъ, въ числѣ ихъ былъ будущій военачальникъ и предводитель польскаго національнаго войска, Мѣрославскій. Но эта неудача не обезкуражила заговорщиковъ, главная нить дѣйствій которыхъ оставалась въ рукахъ польскаго комитета въ Парижѣ. Въ послѣднемъ обломкѣ Польскаго королевства, въ вольномъ городѣ Краковѣ произошло волненіе и верховной властью завладѣлъ докторъ Тиссовскій; незначительный австрійскій отрядъ, призванный прежнимъ правительствомъ, не могъ держаться противъ огромнаго числа вооруженныхъ крестьянъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ; австрійцы выступили и временное правительство могло безпрепятственно, на свободѣ, разсылать свои манифесты. Но русскія и австрійскія войска подступили въ достаточной силѣ и положили конецъ безцѣльному волненію: они заняли Краковъ 3 марта; къ нимъ подоспѣли еще прусскіе полки; а противъ возстанія въ Галиціи, въ рукахъ австрійскаго правительства было очень простое и очень дѣйствительное средство: не употребляя въ дѣло никакихъ энергическихъ правительственныхъ мѣръ, оно могло одно возстаніе потушить другимъ. Въ восточныхъ округахъ Галиціи сельское населеніе, греческаго вѣроисповѣданія, ненавидѣло своихъ пришлыхъ господъ и владѣльцевъ, по большей части поляковъ и католиковъ. «Смерть злому и гордому поляку» былъ припѣвъ любимой народной пѣсни; здѣсь въ народѣ таилась и кипѣла глубокая ненависть къ своимъ помѣщикамъ; правительству стоило только ослабить постоянный гнетъ, и эти дикія разнузданныя силы народнаго мщенія сами найдутъ направленіе,

выгодное для правительства. Чернь возстала и погасила свою ненависть въ потокахъ крови, въ пожарахъ и всевозможныхъ неистовствахъ, на которыя чиновники смотрѣли сложа руки; 19 февраля толпа вооруженныхъ крестьянъ вошла ви Тарновъ и привела съ собою длинный поѣздъ телегъ, нагруженныхъ плѣннымъ дворянами, и представила искаженные мученическою смертью трупы убитыхъ; чиновники принуждены были принять и тѣхъ, и другихъ. Послѣ этого, три восточныя державы, не взирая на безсильные протесты западныхъ державъ и какъ бы на зло имъ, возвратили вольный городъ Краковъ Австріи, которой онъ когда-то принадлежалъ и которая, какъ это значилось въ циркулярѣ 7 марта, подписанномъ кн. Меттернихомъ, лучше остальныхъ державъ умѣла справляться съ своими поляками; и въ самомъ дѣлѣ, происшествія въ тарновскомъ округѣ это ясно показали.

Не такъ легко можно было справиться съ венгерцами. Сеймъ, открытый 6 іюня 1839 года, правда, прошелъ безъ всякихъ видимыхъ результатовъ; магнаты еще могли перевѣшивать стремленія депутатовъ; аристократическое начало законодательства еще преобладало надъ демократическимъ, но оппозиція, на манеръ западно-европейской, только въ болѣе страстной формѣ и съ языкомъ энергическимъ и пылкимъ, мало-по-малу усиливалась и пріобрѣтала большій вѣсъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ органомъ оппозиціи сдѣлался Людовикъ Кошутъ въ своемъ журналѣ «Pesti-Girlap» (1841 г.). Латинскій языкъ былъ изгнанъ изъ парламента и судебныхъ и правительственныхъ учрежденій и повсюду замѣненъ народнымъ языкомъ мадьяръ; сохраненіе этой аристократіи входило въ соображенія демократически-либеральной партіи; въ Венгріи мадьяръ больше остальнаго народонаселенія; мадьяръ тогда насчитывалось 4 милліона, а остальныхъ было только $3^1/_2$ милліона, въ томъ числѣ — 2 милліона славянъ, 800,000 нѣмцевъ, 500,000 валаховъ и 200,000 евреевъ.

Оппозиція, основанная на чувствѣ національнаго самосознанія, распространялась по цѣлой Европѣ и усиливалась; ея вліяніе обнаружилось на Богеміи и въ меньшей степени на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствахъ Германіи. Богемскіе чины въ 1845 году собрали свои права и привиллегіи, которыми до сихъ поръ еще пользовались и защищали ихъ нижне-австрійскіе чины, въ слѣдующемъ году сдѣлали тоже и также настаивали, чтобы и они сохраняли свою силу; эта почтительная и нетребовательная оппозиція покрайней мѣрѣ этимъ добилась того, что придворная канцелярія въ Вѣнѣ уже не могла больше молчаніемъ отвѣчать на всѣ жалобы и прошенія сеймовъ. Но никому и въ умъ не приходило, что скоро наступитъ пора, когда племена будутъ требовать разрѣшенія вопросовъ, столько же важныхъ, сколько трудныхъ, но до сихъ поръ выражаемыхъ только въ почтительной формѣ прошеній. Австрійское правительство въ отношеніи своихъ итальянскихъ, богемскихъ, германскихъ и венгерскихъ провинцій употребляло одну и туже систему бездѣйствія, проволочекъ и либо обѣщаніями, либо угрозами пыталось отдѣлываться отъ требованій своихъ подданныхъ. Приближавшіяся бури, первые предвозвѣстники которыхъ уже прошумѣли надъ Австріей, въ непродолжительномъ времени должны были разразиться надъ непрочнымъ кораблемъ государственнаго устройства, слѣпой и глухой кормчій котораго на бѣду еще спалъ.

c) Прочія германскія государства и «великій день совѣта».

Меттернихъ оказался не менѣе тугоухимъ и въ отношеніи внѣ германскихъ событій; какъ онъ не понималъ движенія мадьяровъ, богемцевъ и италіянцевъ, такъ онъ не понималъ и того, что происходитъ въ остальныхъ германскихъ государствахъ. Попытка короля прусскаго сговориться съ нимъ, при личномъ свиданіи, объ исправленіи общегерманской конституціи—ни къ чему не привела, потому что такое исправленіе потребовало бы долгой и серьезной работы, тогда какъ устарѣлый Меттернихъ теперь опасался каждаго труда и избѣгалъ его, хотя бы дѣло шло о переливаніи изъ пустаго въ порожнее. Онъ преимущественно утѣшалъ себя фактомъ, что центральная комиссія *союзнаго дня* или *сейма* неуто-

мимо продолжаетъ свою безполезную, но въ тоже время и нешумную дѣятельность, одинаково изъ года въ годъ, и что въ отдѣльныхъ сеймахъ незначительныхъ союзныхъ государствъ, хотя много шумѣли, но сдѣлали тоже много полезнаго въ матеріальномъ отношеніи; противъ этого Меттерниху нечего было возражать, потому что онъ не сознавалъ тѣсной связи, существующей между матеріальнымъ и духовнымъ прогрессомъ; онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что либеральная оппозиція нигдѣ не пріобрѣла очевидныхъ успѣховъ и преимуществъ. Сохраненіе существующаго порядка вещей было столько же въ интересахъ второстепенныхъ германскихъ государствъ, сколько и въ интересахъ первенствующихъ и самой Австріи; въ цѣломъ нѣмецкомъ народѣ безспорно существовало желаніе соединиться въ одно цѣлое, была потребность народнаго единства, но этому общему стремленію противорѣчило столько частныхъ интересовъ, что можно было разсчитывать—пройдутъ нескончаемые десятки лѣтъ, прежде чѣмъ это единеніе будетъ достигнуто; союзная форма, связывавшая съ 1815 года Германію, основанная на преобладающей въ теченіе столѣтій въ ней центробѣжной силѣ, казалось, дѣлала неисполнимой мечтой всякую попытку создать изъ этихъ раздробленныхъ, разрозненныхъ осколковъ одинъ цѣлый народъ.

Такъ могло казаться неглубокому и невнимательному наблюдателю. Но на самомъ дѣлѣ съ сороковыхъ годовъ всѣми частями германскаго народа овладѣла постоянное стремленіе впередъ; его можно было не замѣчать, или не обращать на него вниманія, потому что оно было всеобщимъ, а ошибаться въ его цѣлости можно было только потому, что на нѣкоторыхъ точкахъ этотъ прогрессъ являлся какою-то безцѣльною агитаціей, и въ началѣ этого десятилѣтія вообще, онъ носилъ характеръ въ высшей степени безобидный, кроткій, нетребовательный и скромный. Но въ своихъ частностяхъ Германія 1840 года нисколько не походила на Германію 1815 года; при возрастающемъ благосостояніи народа, обмѣнъ идей производился быстрѣе и въ сознаніи каждой единицы, составляющей частицу цѣлаго, накоплялась сила для новой дѣятельности; у многихъ на всѣхъ ступеняхъ гражданскаго общества просыпалось сознаніе того, чѣмъ нація, къ которой онъ принадлежалъ, нѣкогда была и чѣмъ она можетъ быть. Свободно или принужденно, положительно или отрицательно, но со всѣхъ сторонъ являлись силы, дѣйствовавшія возбудительно на духъ національности.

Въ концѣ лѣта 1840 года новыя запутанныя отношенія на востокѣ, поставили Францію и Германію въ очень натянутое положеніе и чуть было не довели этихъ государствъ до войны между собою. Облако хотя и разсѣялось на политическомъ горизонтѣ, но послужило къ тому, чтобы дать новый толчекъ чувству національности Германіи. Въ народной массѣ опять зашевелился патріотизмъ и опять на улицахъ и въ поляхъ раздался старинный припѣвъ: «Нѣтъ, не отдадимъ имъ нашего свободнаго нѣмецкаго Рейна»; пѣсня сама по себѣ не имѣла значенія, ее сложилъ народный поэтъ, безъ большаго одушевленія, но народъ сочувствовалъ припѣву и не переставалъ повторять его. Но люди опытные и глубокіе мыслители не могли удержаться отъ тревожнаго опасенія, при мысли, вынесетъ ли борьбу это чудовище, сшитое изъ лоскутковъ, называвшееся Германскимъ союзомъ, устоитъ ли оно при столкновеніи съ народомъ, составляющимъ одно сплошное цѣлое, одну массу, подчиненную одной волѣ. Опасность прошла, но настроеніе, ею вызванное, осталось и выказывалось различными способами: то какъ несоразмѣрная надежда на великую будущность, то какъ злобное раздраженіе и недовольство настоящимъ. Въ первые годы этого десятилѣтія преобладалъ оптимистскій взглядъ на вещи, и направленіе это въ лицѣ короля Фридриха Вильгельма IV нашло оратора, исполненнаго энтузіазма, фантастическихъ мечтаній и стремленій, и въ этомъ случаѣ, опять онъ оказался настоящимъ нѣмцемъ, легко поддающимся мечтательному энтузіазму.

Въ это время между многими другими предпріятіями и планами этого короля-мечтателя, его особенно занимала мысль докончить постройку кельнскаго собора, этого величайшаго готическаго зданія на нѣмецкой землѣ. Когда на сеймѣ рейнскихъ провинцій его просили о помощи для окончанія этого зданія, онъ очень охотно согласился дать денегъ и далъ ихъ; изъ всѣхъ рѣчей, имъ произнесенныхъ, самою дѣйствительною была рѣчь, произнесенная имъ 4 сентября

1842 года, когда онъ въ присутствіи блестящаго собранія положилъ первый камень при возобновленіи работъ. Въ своихъ пламенныхъ словахъ онъ сравнивалъ этотъ храмъ, наконецъ окончательно достроивающійся, съ германскимъ народомъ, общественное положеніе котораго тоже надобно было бы достроивать. «Германія строитъ своды этихъ вратъ—пусть также милость Божія построитъ для Германіи врата къ новой великой эпохѣ; духъ, одушевляющій насъ при этой постройкѣ, тотъ же самый, который 29 лѣтъ тому назадъ расторгнулъ наши оковы, отвратилъ позоръ рабства отъ нашего отечества, не попустилъ иноземцамъ завладѣть этими берегами; насъ и тогда и теперь одушевляетъ тотъ же духъ единства и силы; пусть врата кельнскаго собора сдѣлаются для насъ тріумфальными вратами къ новой эпохѣ возрожденія. Я молю Бога, чтобы кельнскій соборъ возносился надъ этимъ городомъ, надъ Германіей до конца дней, надъ временами и народами, полными мира человѣческаго и мира божественнаго.» Тоже самое слышалось въ застольномъ возгласѣ во время обѣда, по этому случаю данному: «за процвѣтаніе Германіи, нашего единаго великаго отечества!» произнесъ скупой на слова король виртембергскій Вильгельмъ; между множествомъ тостовъ, послѣдовавшихъ за этимъ, одинъ былъ можно понять, но его повторяли изъ края въ край, онъ переходилъ изъ устъ въ уста: «не Австрія, не Пруссія, а одна великая Германія незыблемая, какъ ея горы!» воскликнулъ эндгерцогъ Іоаннъ, дядя императора австрійскаго; изреченіе это долго оставалось любимымъ для полныхъ восторженнаго чувства, но лишенныхъ здравомыслія любителей преувеличенныхъ, мечтательныхъ теорій объединенія Германіи; какъ оказалось позже, они служили только однимъ изъ препятствій къ достиженію политическаго единства Германіи и ничѣмъ не содѣйствовали ему. Но и самый тостъ былъ неправильно перетолкованъ: онъ въ дѣйствительности былъ такъ произнесенъ: «пока Пруссія и Австрія, пока вся остальная Германія, гдѣ только слышится нѣмецкая рѣчь, останется дружна и согласна въ своихъ стремленіяхъ, до тѣхъ поръ мы будемъ незыблемы и тверды, какъ скалы нашихъ горъ»—этотъ тостъ былъ до такой степени тривіаленъ, что даже самъ Меттернихъ не нашелъ бы причины что нибудь замѣтить въ немъ.

Но это торжественное настроеніе длилось не долго, хотя и часто возобновлялись случаи, при которыхъ оно могло бы повторяться; такіе случаи были при праздникахъ гимнастовъ (Turnfeste) и другихъ, чисто германскихъ народныхъ празднествахъ—пѣвцовъ, стрѣлковъ и т. д. Идея объединенія Германіи продолжала дѣйствовать безостановочно, хотя и незамѣтно; она проявлялась въ разныхъ учрежденіяхъ: — таможенный союзъ расширился и утвердился; въ апрѣлѣ 1842 года къ нему присоединился Люксембургъ, въ январѣ 1840 года Брауншвейгъ; благодѣтельное вліяніе обобщенія торговли выказалось особенно ясно на берлинской мануфактурной выставкѣ 1844 года; въ дѣлахъ церкви тоже не дремали; въ 1846 году въ Берлинѣ созвана была конференція евангелической церкви; почти всѣ протестантскія государства Германіи прислали своихъ депутатовъ; совѣщанія происходили, но они имѣли мало вліянія на общество, въ которомъ пессимистическое направленіе все болѣе и болѣе становилось замѣтнымъ. Безграничное разглагольствованіе о политикѣ сдѣлалось любимымъ занятіемъ; о политическихъ дѣлахъ судили вкривь и вкось въ гостинницахъ, за пивомъ; въ южной Германіи ни одинъ такой разговоръ не оканчивался безъ того, чтобы онъ не своротилъ на политику; матеріала для этого было больше, чѣмъ нужно, и все болѣе и болѣе увеличивался по мѣрѣ того, какъ критическій духъ народа развивался и примѣнялся къ политическому состоянію государства. Германскіе крошечные штаты всегда доставляли пищу для сатирическихъ выходокъ неразборчивой публики, засѣдавшей въ пивныхъ за кружкою любимаго напитка: то издѣвались надъ княземъ Рейсъ, увеличившимъ свою полицію четырьмя городовыми; или въ шутку представляли, какъ въ восемь часовъ по утрамъ старый князь Антонъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій выходилъ на плоскую крышу своего дворца, подобно новому Поликрату, и бралъ въ руки подзорную трубу, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ его государствѣ, внимательно осматривалъ его и тотчасъ дѣлалъ распоряженія: лакеи бѣжали во всѣ стороны; тутъ пара куръ, тамъ какія нибудь коровы, забывъ границу свободы, имъ предоставленной, забирались на чужую собственность и нарушали гражданскую безопасность и спокойствіе княжества.

Гораздо крупнѣе были иныя опасенія и насмѣшки надъ тѣмъ, какъ велико-герцогское гессенское правительство всполошилось вслѣдствіе плотины, построенной близъ Бибериха и которая могла затруднить плаваніе по Майнцу; чтобы помочь горю, гессенское правительство рѣшилось на быструю, хотя и не законную мѣру: въ глазахъ союзнаго сейма оно приказало набросать въ Рейнъ огромное количество камней, выше Бибериха, чтобы этою энергическою мѣрою сдѣлать нассауекую пристань негодною: только благодаря дѣятельному посредничеству австрійскаго посланника, президента сейма, дармштадтцевъ уговорили повытаскать свои камни изъ Рейна. Подобныя пустыя распри обнаруживались почти во всѣхъ мелкихъ владѣніяхъ раздробленнаго Германскаго союза; крупныя государства страдали отъ другихъ, крупнѣйшихъ недуговъ: общее неудовольствіе глухо бродило и увеличивалось оттого, что несмотря на дѣятельность оппозиціи, на ея заявленія, застой государственныхъ дѣлъ не измѣнялся; мысль о революціи, о нѣмецкой революціи стала чаще и чаще проявляться. «Когда въ извѣстномъ государствѣ, таинственно поговаривали то тутъ, то тамъ,—два глаза закроются, много перемѣнится!» Эти два глаза принадлежали Людовику Филиппу, а перемѣны для Германіи ждали извнѣ, отъ революціи, какая вѣроятно вспыхнетъ во Франціи послѣ Людовика Филиппа; въ извѣстныхъ нѣмецкихъ кружкахъ революціонныя мысли были не новостью, но ново было то, что революціонныя идеи проникали въ слои общества, гдѣ привыкли безропотно и покорно нести то, чего измѣнить не могли. На проявленіе нетерпѣнія имѣло вліяніе, между прочимъ, съ каждымъ годомъ все и болѣе увеличивающееся выселеніе въ сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты; въ 1844 году тамъ уже насчитывалось пять милліоновъ нѣмцевъ, и въ томъ же году еще выселилось до 43,000 человѣкъ, въ слѣдующемъ году въ Америку отправилось 67,000 чел.; въ 1847 году изъ Германіи выѣхало 110,000 чел. Республиканскія идеи проникали въ эту постоянно наплывающую массу; у многихъ переселенцевъ въ Европѣ остались родственники и друзья; переписка съ ними шла довольно дѣятельная; письма заатлантическія приносили съ собою идеи свободы и сообщали ихъ низшему германскому классу народа, который такимъ путемъ пріобрѣталъ понятіе о томъ, что на землѣ есть страна, гдѣ за каждымъ словомъ и за каждымъ шагомъ не слѣдитъ полиція, гдѣ не составляютъ протоколовъ, не спрашиваютъ паспорта, нѣтъ высылки за границу, нѣтъ визы паспорта, нѣтъ поминутнаго требованія въ судъ. При многихъ случаяхъ обнаружилось, что этотъ, до сихъ поръ пассивно покорный народъ уже пересталъ преклоняться передъ каждымъ чиновникомъ; нѣсколько шумныхъ народныхъ сценъ носили на себѣ признаки характера свободы, по которымъ правительство могло бы замѣтить, что духъ времени положилъ на нихъ свою печать.

Но къ числу такихъ проявленій ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести попытку покушенія на жизнь Фридриха Вильгельма IV, сдѣланную однимъ уволеннымъ отъ должности бургомистромъ,—Чехъ. Эта попытка ни въ какомъ случаѣ не была выраженіемъ духа партіи и еще менѣе народнаго духа, ее надобно приписать личному заблужденію человѣка, который за несправедливость, причиненную ему бюрократіей, вздумалъ мстить своему королю. Но этого нельзя было сказать о волненіяхъ, возникшихъ въ августѣ 1845 года въ Лейпцигѣ; въ нихъ ясно видно было революціонное начало, въ этомъ смыслѣ ихъ оцѣнивали и на нихъ смотрѣли радикалы цѣлой Германіи. Въ Саксоніи партія любителей свѣта получила большій противъ прежняго объемъ и какъ вездѣ, такъ и здѣсь, политика сдѣлалась главнымъ предметомъ разсужденій, а религія совершенно второстепеннымъ. Министерство издало постановленіе отъ 17 іюля 1845 года, по которому запрещались всѣ публичныя собранія для совѣщаній по дѣламъ церкви; такія постановленія въ отношеніи евангелической церкви министерство имѣло нѣкоторое право издавать, потому что оно составляло какъ бы главу, епископію, господствующей церкви, тогда какъ въ отношеніи католической этимъ правомъ не пользовался даже самъ государь. Евангелическая церковь протестовала, ссылаясь на свою присягу, не позволявшую ей допускать что бы то ни было, что противорѣчило основнымъ правиламъ Аугсбургскаго исповѣданія; было бы гораздо благоразумнѣе и болѣе сообразно съ духомъ христіанства постараться путемъ соглашенія и совѣщанія и закона отстранить такія безразсудныя ограниченія. По мудрому

и милосердому ученію евангельскому повелѣно: позволить плевеламъ расти безпрепятственно, вмѣстѣ съ пшеницей, на нивѣ ученія Господня до великаго дня жатвы; потому что на нивѣ многія ядовитыя и безполезныя травы сначала походятъ на пшеницу, а напротивъ многія былинки, сначала похожія на плевелы, впослѣдствіи отъ хорошаго ухода оказываются доброю пшеницею; если предоставить грубымъ человѣческимъ рукамъ полоть ниву Господню, онѣ вмѣстѣ съ сорною травою вырвутъ и пшеницу, а иногда, можетъ быть, даже выдергаютъ всю пшеницу и оставятъ только сорныя травы... Повсюду затѣвали протесты; въ пивныхъ, въ трактирахъ собирали подписи, особенно дѣятельно этимъ занимались въ Лейпцигѣ, гдѣ оживленная книжная торговля содѣйствовала развитію безпокойнаго литературнаго пролетаріатства; здѣсь воспользовались этимъ случаемъ, чтобы жаловаться на духовное угнетеніе, представляли все въ преувеличенномъ видѣ, плакались на притѣсненія и волновали народъ. Надобно было на кого нибудь направить общее неудовольствіе; для этого избрали брата короля, принца Іоанна, человѣка одареннаго большимъ умомъ и образованнаго, глубокаго почитателя и знатока произведеній Данта, но толпѣ его выставили, какъ человѣка темнаго, враждебнаго всякому умственному развитію. Какъ главный начальникъ всеобщинной гвардіи, онъ прибылъ въ Лейпцигъ 12 августа 1845 года, съ цѣлью, по примѣру прошлыхъ годовъ произвести смотръ городской общиной гвардіи; онъ остановился въ отелѣ «Пруссія» и обѣдалъ; внезапно разъяренная толпа съ дикими возгласами и съ криками: «да здравствуетъ Ронге, долой іезуитовъ!» окружила отель и градъ камней посыпался въ окна и въ стѣны дома. Полиція ничего не могла сдѣлать, толпа приперла ее и поставила въ очень стѣсненное положеніе; отрядъ стрѣлковъ поспѣшилъ къ ней на выручку; толпа пропустила солдатъ, но сомкнулась тотчасъ же и начала кидать въ солдатъ камнями; раздраженные и перераненные стрѣлки не вытерпѣли и стрѣляли въ народъ; многіе были ранены, а семеро убито. Возстаніе разрослось и охватило цѣлый городъ; на слѣдующее утро принцъ уѣхалъ, а войско стянулось въ старинную цитадель; городъ остался въ рукахъ народа и его двусмысленныхъ вождей. Но волнующіяся и бушующія народныя силы обуздалъ Робертъ Блумъ, человѣкъ, одаренный способностью повелѣвать; его выдвинуло нѣмецко-католическое движеніе; онъ возвысился надъ толпою своимъ замѣчательнымъ умомъ и необыкновенно-блестящимъ краснорѣчіемъ. Онъ не упустилъ случая и по образцу великихъ учителей революціонныхъ движеній, французовъ, учредилъ большую и торжественную демонстрацію: въ торжественной процессіи, въ память павшихъ, положено было отправиться въ ратушу, показать городскому совѣту все величіе народа и предъявить его требованія. Эти требованія были значительны: удалить изъ города все войско, а наблюденіе за порядкомъ и охраненіе городскаго спокойствія поручить общинной гвардіи; требовали немедленнаго вывода стрѣлковъ, пролившихъ кровь мирныхъ гражданъ, назначить строгое слѣдствіе, чтобы разобрать происшествія наканунѣ и учредить торжественное погребеніе падшихъ. Цѣлую недѣлю царствовалъ народный трибунъ, самъ себя возведшій на степень правителя; городъ волновался, самодержавный народъ собирался массами въ домъ стрѣлковъ и тамъ происходили совѣщанія, но къ чести возставшихъ надобно признаться, что въ городѣ никакихъ безчинствъ не дѣлали. Король съ достоинствомъ отвѣчалъ на адресъ лейпцигскаго правительства; назначилъ слѣдствіе и его производили строго; нѣсколько литераторовъ были изгнаны изъ города и государства, гарнизонъ значительно усиленъ, народныя собранія и всякаго рода общества были строго запрещены, цензурный надзоръ значительно увеличенъ. Внѣшнее спокойствіе вполнѣ возстановилось, но внутреннее неудовольствіе и броженіе втайнѣ все болѣе и болѣе распространялись; въ народѣ пробудилась даже потребность въ подобныхъ политическихъ броженіяхъ, онъ съ жадностью ловилъ все, что походило на протестъ; на улицахъ и въ домахъ повторяли стихотвореніе, представлявшее послѣднія происшествія, какъ новую варѳоломеевскую ночь: авторъ гораздо лучше понималъ риторику ненависти, нежели значеніе истинной поэзіи.

Гораздо важнѣе по своимъ слѣдствіямъ было происшествіе, случившееся въ Баваріи нѣсколько лѣтъ спустя; оно вызвало общественное раздраженіе и чуть было не подвергло самого короля опасности. Король Людовикъ все болѣе и болѣе

удалялся отъ либеральныхъ стремленій первыхъ годовъ своего царствованія и подчинялся ультрамонтанскому вліянію. Съ ноября 1837 года, князь Валленштейнъ былъ уволенъ и новымъ, чисто ультрамонтанскимъ министерствомъ руководилъ нѣкто фонъ Абель; онъ сдѣлался покровителемъ католическихъ интересовъ, и всей политики Баваріи, на зло всей протестантской Германіи, далъ оттѣнокъ чисто католическаго характера и ввелъ даже противный народному духу обычай колѣнопреклоненія. Такъ какъ Абель былъ человѣкъ умный и энергическій, то ему удалось пріобрѣсти большинство голосовъ въ палатѣ; это было тѣмъ удобнѣе и легче, что покровительствомъ изящнымъ искусствамъ можно было ослѣпить общественное мнѣніе и при не совсѣмъ прямой и откровенной манерѣ управлять финансами заставить народъ вѣрить, что всѣ затраты съ этою цѣлью дѣлаются только изъ остатковъ, послѣ покрытія всѣхъ необходимыхъ потребностей. Въ 1846 году вліяніе министра столкнулось съ вліяніемъ женщины, испанской танцовщицы Лолла Монтесъ, которой удалось завлечь короля въ свои искусно разставленныя сѣти. Искательница приключеній не довольствовалась подчиненной ролью любовницы короля, но требовала пріѣзда ко двору, и король хотѣлъ возвести ее въ званіе графини; но для этого нужно было сдѣлать ее баварской подданной и получить отъ министровъ ими утвержденный и подписанный актъ. Этого акта министры не захотѣли ни выдавать, ни подписывать, и даже въ февралѣ 1847 года написали королю докладную записку, въ которой ясно изложили текущія обстоятельства и вещи, называя ихъ своимъ именемъ. Чувство національной баварской гордости, писали они, глубоко оскорблено тѣмъ, что Баваріей управляетъ иностранка, поведеніе которой заклеймено общественнымъ мнѣніемъ; слава и счастье короля, даже самое значеніе королевскаго сана подвергаются черезъ то опасности. Король, не будучи въ силахъ овладѣть своею страстью, нашелъ, что пора покончить съ царствованіемъ іезуитовъ въ Баваріи; онъ распустилъ свое ультрамонтанское министерство, которое такимъ образомъ сошло съ поприща своей дѣятельности съ честью, чего бы не случилось, еслибы обстоятельства сложились иначе; король составилъ новое министерство, во главѣ котораго сталъ статскій совѣтникъ Мауреръ, человѣкъ съ умѣренно-либеральнымъ направленіемъ. Онъ съ грустью видѣлъ необходимость изъ-за общаго дѣла рѣшиться на непріятное средство; онъ выдалъ, вновь произведенной графинѣ Ландсфельдъ, актъ, требуемый королемъ.

Народонаселеніе Мюнхена не могло оставаться хладнокровнымъ зрителемъ; февраля 10 собралась огромная народная масса и съ жаромъ и криками требовала уничтоженія даннаго Маурeромъ акта, требовала уничтоженія общества аллемановъ и немедленнаго удаленія графини; не довольствуясь этимъ, буйная толпа напала на домъ Лоллы-Монтесъ и принялась его разламывать. Лолла Монтесъ, причина всего этого волненія, нашла за лучшее поскорѣе уѣхать, чтобы гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ продолжать свои похожденія.

Здѣсь народное волненіе, можно сказать, нарочно было вызвано, но въ другихъ мѣстахъ, по случаю дурнаго урожая въ 1846 году, и по причинѣ дороговизны хлѣба оно тоже вспыхивало, но вездѣ, по какому бы поводу волненія ни случались, характеръ въ нихъ всегда былъ одинъ и тотъ же. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что около этого же времени возникъ національный вопросъ, имѣвшій роковое значеніе для всего нѣмецкаго народа и доказавшій до какой степени центральный органъ управленія Германіей не достигаетъ своего назначенія и до какой степени онъ не способенъ направлять народную жизнь въ минуты трудныхъ временъ, къ которымъ очевидно приближались.

d. Шлезвигъ-голштинскій вопросъ.

Съ 1842 года, со времени великаго пожара, отъ 5 до 8 мая, превратившаго въ кучу пепла болѣе 4000 зданій Гамбурга, вниманіе всего германскаго народа было обращено на сѣверъ; въ 1846 году именно тамъ поднялся запутанный вопросъ, при разрѣшеніи котораго нѣмецкое національное чувство выказалось во всей

силѣ и въ теченіе 20 лѣтъ попеременно то достигало высшей степени славы, то опять падало въ бездну стыда.

Вопросъ этотъ сосредоточивался на земляхъ, находящихся по ту сторону Эльбы, на герцогствахъ Голштиніи и Шлезвигѣ. Оба герцогства не велики: въ первомъ не больше 160 кв. миль съ 500,000 жит., а во второмъ при такомъ же числѣ квадратныхъ миль не болѣе 400,000 жит. Границу обоихъ герцогствъ составляетъ Эйдеръ. На южныхъ городскихъ воротахъ «стараго города» Рендсбурга съ давнихъ временъ стоитъ изреченіе «Eidora Romani terminus imperii»; это изреченіе, по которому Эйдеръ составляетъ границу римской имперіи, долгое время считалось историческимъ догматомъ. Вслѣдствіе этого самаго догмата, въ 1815 году къ Германскому союзу присоединена была имперская Голштинія, тогда какъ герцогство Шлезвигъ осталось датскимъ владѣніемъ; никто не спорилъ и не противорѣчилъ противъ такого распредѣленія, потому что Шлезвигъ никогда не причислялся къ Германіи; у обоихъ герцогствъ съ давнихъ поръ были различные ленные владѣльцы. Голштинія составляла лепное владѣніе германскихъ императоровъ, а Шлезвигъ—датскихъ королей; голштинскія войска въ военное время отправлялись къ императорскому войску, а шлезвигское присоединялось къ датскому. Какъ бы то ни было, но это насильственное дѣленіе расторгало то, что по своей природѣ должно было составлять одно цѣлое: южная часть Шлезвига была чисто нѣмецкая и по языку, и по образу мыслей, и по происхожденію; средняя часть Шлезвига населена смѣшаннымъ племенемъ; городскіе жители преимущественно нѣмцы, а сельскіе датчане; сѣверная же часть Шлезвига исключительно населена датчанами. Кромѣ того германское племя черезъ свою литературу и черезъ общее народное развитіе брало перевѣсъ надъ датскимъ вездѣ, гдѣ сталкивалось съ нимъ. Итакъ—Шлезвигъ былъ чисто пограничной страною, и какъ по первому взгляду на карту можно видѣть, это—пограничная земля чрезвычайно важная по своему значенію: если интересы обоихъ герцогствъ соединить, то они взвѣшиваютъ интересы всей остальной Даніи, и если бы имъ начать борьбу между собою, то неизвѣстно, могла ли бы Данія противиться оружію соединенныхъ герцогствъ.

Отношенія этихъ земель, съ начала тридцатыхъ годовъ, начали привлекать общее вниманіе Европы. Несогласія по случаю правительственныхъ мѣръ между датскимъ правительствомъ и прелатами и рыцарствомъ герцогствъ уже существовали давно. Іюльская революція и здѣсь оказала свое вліяніе; совѣтникъ Лорисонъ, ландфогтъ острова Силтъ, настойчиво говорилъ о необходимости конституціи и главное, объ общей конституціи для обоихъ герцогствъ. Этотъ человѣкъ былъ удаленъ отъ должности, но въ Копенгагенѣ ясно понимали опасность и опять принялись за мысль о томъ, чтобы на провинціи Шлезвигъ и Голштинію положить датское клеймо.

Но нельзя было не уступить требованіямъ времени и стремленію къ конституціонному началу: въ маѣ 1831 года, Даніи обѣщана была конституція съ сословными представителями, но съ тѣмъ, чтобы каждая изъ четырехъ частей Даніи—острова, Ютландія, Шлезвигъ и Голштинія имѣли своихъ отдѣльныхъ представителей. Борьба становилась серьезнѣе: одна партія въ Даніи постановила себѣ программой дѣйствій—поддерживать старинное пограничное право владѣнія до Эйдера; но противъ нея возстала нѣмецкая партія и герцогства, основывавшія свои требованія на писанныхъ документахъ и на осязательныхъ правахъ національностей, вслѣдствіе которыхъ оба герцогства домогались одинаковой конституціи съ предоставленіемъ болѣе обширныхъ правъ сословіямъ. Датская партія въ 1838 году одержала незначительную побѣду: та часть народонаселенія Шлезвига, которая говоритъ исключительно по-датски, при незначительномъ большинствѣ голосовъ, предложила замѣнить употреблявшійся въ администраціи нѣмецкій языкъ—датскимъ. Король Фридрихъ скончался 3 декабря 1839 года, наслѣдникъ его, Христіанъ VIII, принялъ предложенный законъ и утвердилъ его: положено было, чтобы съ 1 января 1841 года все судопроизводство и дѣлопроизводство вмѣсто нѣмецкаго производилось на датскомъ языкѣ. Но дворянство, духовенство и чиновники, по большей части нѣмцы по происхожденію, или по крайней мѣрѣ датчане, воспитывавшіеся въ кильскомъ университетѣ, были недовольны этимъ распоряженіемъ; у нихъ родилось подозрѣніе, что правительство

намѣрено уничтожить нѣмецкій элементъ и замѣнить его датскимъ, и потому считали своею обязанностію принять мѣры, пока еще есть время. Вопросъ этотъ самъ по себѣ трудно было бы разрѣшить, но тутъ онъ еще болѣе и болѣе запутывался; къ нему присоединился вопросъ о правѣ на наслѣдство престоломъ; до поры до времени это еще былъ вопросъ, подлежащій разбору ученыхъ, по которому суждено было въ непродолжительномъ времени сдѣлаться дѣломъ людей практическихъ. Царствовавшій домъ состоялъ изъ ограниченнаго числа членовъ; самъ король былъ уже старъ, единственный сынъ его, кронпринцъ Фридрихъ, человѣкъ уже зрѣлаго возраста; онъ равно, какъ и дядя его, братъ царствующаго короля, были бездѣтны. Если бы предположить, что эта линія вымерла, тогда по существующему въ Даніи, такъ называемому королевскому закону, наслѣдовать должна была-бы женская линія; въ Голштиніи же, по старинному имперскому закону, на престолъ ближайшее право имѣла младшая линія Ольденбургскаго дома, съ мужской стороны, а именно изъ дома Шлезвигъ-Голштейнъ-Зондербургъ,—линія герцоговъ Аугустенбургъ. Какая участь ожидала Шлезвигъ, было неизвѣстно: ему или приходилось раздѣлить участь Даніи или слѣдуя старинным повывѣтрившимся пергаментамъ, соединиться съ Голштейномъ, и тогда оба герцогства навѣки составили бы нераздѣльное цѣлое и Шлезвигъ сдѣлался бы только частью Голштиніи. Тотъ и другой способъ разрѣшенія вопроса можно было оправдывать множествомъ основательныхъ юридическихъ доказательствъ; по этому случаю, какъ это всегда водится, подняли цѣлую тучу архивной пыли, затемнившей до того глаза изслѣдователей, что никто ничего не могъ разобрать. Этотъ вопросъ сдѣлался современнымъ вопросомъ, жизненнымъ для живыхъ людей и живыхъ народовъ, который слѣдовательно неминуемо долженъ былъ разрѣшиться насильственно, силою оружія.

Сначала желанія нѣмецкой партіи ограничивались только тѣмъ, чтобы оба герцогства оставались нераздѣльными, и въ 1841 году въ голштинскомъ и шлезвигскомъ сеймахъ депутаты значительнымъ большинствомъ голосовъ требовали, чтобы оба сейма были соединены въ одинъ. Но нѣмецкая партія недовольствовалась этимъ; взявшись за дѣло, она хотѣла довести его до конца, утверждала необходимость неразрывнаго государственнаго соединенія Шлезвига съ Голштиніей и требовала его; она намѣревалась покончить это дѣло прежде, чѣмъ поднимется затруднительный вопросъ о наслѣдствѣ престола; но пресса шла впередъ, она не упускала изъ вида и этого обстоятельства и очень горячо защищала права Аугустенбургскаго дома.

Не одна только нѣмецкая партія заботилась о своихъ выгодахъ: датская тоже была на-сторожѣ. Копенгагенскій бургомистръ, Алгринъ Уссингъ, предложилъ въ 1844 году въ Рескильдѣ собранію датскихъ чиновъ меморандумъ, въ которомъ просилъ короля торжественно обнародовать, что на основаніи коренного закона Lex regia королевство Датское и герцогства Шлезвигъ, Голштейнъ и Лауенбургъ, составляя одно неразрывное цѣлое, такимъ же цѣлымъ должны быть переданы въ наслѣдство; вслѣдъ за этимъ голштинскіе чины подали королю адресъ 21 декабря того же года. Въ немъ по принятому обычаю, короля называли королемъ-герцогомъ; въ адресѣ очень ясно доказывались основныя постановленія герцогствъ, какъ казалось, съ неопровержимою ясностью и силой: герцогства, говорилось, самостоятельныя государства; по наслѣдству они могутъ переходить только по мужской линіи, но во всѣхъ случаяхъ составляютъ одно неразрывное цѣлое.

Король назначилъ комиссію, выбранную изъ нѣмецкихъ и датскихъ знающихъ и опытныхъ людей, чтобы они разсмотрѣли претензіи и законы престолонаслѣдія герцогствъ; по окончаніи работъ комиссіи, король издалъ открытое письмо отъ 8 іюля 1846 года; въ немъ онъ объявлялъ, что послѣ тщательнаго разсмотрѣнія донесенія комиссіи онъ еще болѣе утвердился въ мнѣніи, что какъ для Шлезвига, такъ и для Лауенбурга королевскій законъ о престолонаслѣдіи долженъ оставаться въ полной силѣ; что же касается до нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей Голштиніи, то этого о нихъ сказать нельзя; но въ письмѣ за тѣмъ находилось милостивое королевское обѣщаніе заботиться и впередъ о спокойствіи, счастіи и безопасности своихъ вѣрныхъ подданныхъ и при томъ всѣ стремленія его будутъ

обращены на то, чтобы со всѣхъ сторонъ признана была неприкосновенность и цѣлость соединеннаго датскаго государства.

Этотъ отвѣтъ принятъ былъ за насмѣшливый вызовъ; датская партія принялась опять за свою опасную и смѣлую игру. Но брошенная противной партіей перчатка была тотчасъ же поднята. Въ большихъ народныхъ собраніяхъ, въ Неймюнстерѣ, въ іюлѣ, и въ Норторфѣ, въ сентябрѣ, волненіе продолжало свое дѣло и быстро разросталось; положено было не признавать государственнаго единства съ Даніей, нѣмцы хотѣли быть и оставаться нѣмцами, повиноваться датской королевской власти только до тѣхъ поръ, пока престолъ занятъ будетъ правителемъ изъ мужескаго колѣна Ольденбургскаго дома; всѣ выказали готовность защищать эти положенія всѣмъ своимъ достояніемъ и до послѣдней капли крови; вотъ мысли и чувства, выражавшіяся во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ на народныхъ собраніяхъ. Послано было войско, чтобы разогнать второе народное собраніе. Съ соотвѣтственной этому настроенію энергіей дѣло это защищалось и въ сословномъ собраніи. Голштинскіе представители, собравшіеся въ Итцагое, обратились съ своими претензіями къ германскому союзу 3 августа; шлезвигскіе чины обсуживали дальнѣйшія предложенія: толковали о присоединеніи герцогства къ германскому союзу, объ окончательномъ отдѣленіи управленія герцогствъ отъ датскаго, о введеніи конституціоннаго порядка въ Шлезвигѣ-Голштиніи съ депутатами, которымъ дано было бы право опредѣлять и разрѣшать налоги и подати и предоставить чинамъ, вмѣсто совѣщательнаго голоса, утвердительный. Предложенныхъ правительствомъ законовъ не разбирали; когда же королевскому сеймовому комиссару возвращены были прошенія подъ предлогомъ, что они составлены не по формѣ, тогда большинство членовъ собранія съ предсѣдателемъ, адвокатомъ Безелеръ во главѣ, отказались участвовать въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ.

Это движеніе возбудило живѣйшее сочувствіе въ остальной Германіи. При этомъ вопросѣ опять проснулось такъ долго дремавшее національное чувство Германіи; по этому поводу зашумѣли и захлопотали газеты, начались толки и пересуды въ обществѣ; вся Германія всколыхнулась; точно будто она предчувствовала, что затронутъ вопросъ, таившій въ себѣ всю будущность всей массы германскаго племени. Появилось безчисленное множество адресовъ со всѣхъ концовъ Германіи, отъ университетовъ, всевозможныхъ собраній, обществъ, корпорацій; отовсюду относились сочувственно къ братьямъ, дѣйствовавшимъ на сѣверѣ, и вскорѣ не было въ Германіи ни деревеньки, ни мѣстечка, гдѣ бы не раздавалась народная патріотическая пѣснь Шлезвигъ-Голштейна; германскіе частные сеймы, слѣдуя примѣру брауншвейгскаго частнаго сейма, одинъ за другимъ въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ обѣщали всѣми силами охранять самостоятельность нѣмецкихъ герцогствъ; нѣкоторые изъ германскихъ государей патріотовъ, какъ напримѣръ всегда легко воспламеняющійся король Людовикъ Баварскій, не стѣсняясь громко выражали свое сочувствіе къ національному дѣлу; другіе, какъ великій герцогъ Ольденбургскій, были ближе заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и должны были отстаивать свои личныя права, затронутыя открытымъ письмомъ датскаго короля; но болѣе всѣхъ Пруссія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за постепеннымъ развитіемъ этого дѣла. Вѣдь тамъ, по ту сторону Эльбы лежала потерянная германская корона, ее можно было отыскать и надѣть.

Надобно признаться, что въ адресахъ и на народныхъ собраніяхъ не очень точно и строго юридически взвѣшивали права и притязанія заинтересованныхъ; не скупились на живописныя выраженія и громкія фразы, такъ что позднѣйшіе, злонамѣренные критики находятъ и находили возможность все шлезвигъ-голштинское движеніе назвать изобрѣтеніемъ либерализма, или радикализма и осмѣять его; но если серьезнѣе всмотрѣться въ это движеніе, то оно получаетъ гораздо важнѣйшій смыслъ, оно служитъ доказательствомъ пробужденія народнаго духа сильнаго и великаго народа.

Самая опасная сторона этого движенія заключалась въ томъ, что эта пробуждающаяся національность не находила органа способнаго руководить массами; единственный даровитый въ этомъ направленіи человѣкъ въ Германіи былъ однакожъ вовсе неспособенъ возрастать и измѣняться, сообразно съ возрастающими

потребностями и стремленіями своихъ соотечественниковъ. Въ теченіе 30 лѣтъ со дня учрежденія великаго союзнаго дня, или всеобщаго союзнаго сейма, онъ не оказалъ никакихъ важныхъ услугъ, а только ревностно исполнялъ должность сыщиковъ. Полицейскія мѣры, которыми онъ особенно заявилъ свою дѣятельность, мало-по-малу сами собою исчезли, потому что не находилось противъ кого ихъ можно было бы употреблять; страхъ внушаемый союзнымъ сеймомъ тоже мало-по-малу исчезъ и въ народѣ осталось только безграничное презрѣніе къ этому учрежденію. Теперь же, совершенно неожиданно, собранію этому предложенъ былъ вопросъ такой важности, какъ шлезвигъ-голштинскій, а сеймъ, не смотря на свою недолговѣчность, уже носилъ на себѣ всѣ признаки одряхленія. Первый проектъ разрѣшенія предложеннаго вопроса, отъ 17 сентября 1846 года, ясно показалъ, что Германія въ тогдашнемъ своемъ составѣ не въ силахъ разрѣшить такого вопроса. Союзный сеймъ охотно сочувствовалъ и признавалъ патріотическое движеніе, выказавшееся по этому поводу въ нѣмецкихъ союзныхъ государствахъ,—но въ сущности рѣшеніе ограничилось только Голштиніей; въ проектѣ стояло: послѣ того, какъ его величество король датскій выразился, что ему никогда въ умъ не приходило ограничивать самостоятельности герцогства Голштиніи и что онъ при устройствѣ престолонаслѣдія не позабудетъ герцогства и правъ его агнатовъ, равно какъ и правъ его сословій на подачу просьбы,—все это только укрѣпляетъ собравшихся членовъ союзнаго сейма въ рѣшеніи спокойно и съ надеждой ожидать дѣйствій его величества датскаго короля и исполненія обѣщаннаго, въ открытомъ письмѣ отъ 8 іюля, утвержденія правъ и преимуществъ представителей герцогствъ, ихъ агнатовъ и введенія правильнаго, основаннаго на законныхъ правахъ, представительства Голштиніи.

Это объявленіе было достойнымъ сколкомъ, объявленій древняго Регенсбургскаго имперскаго сейма. Вопросъ былъ поставленъ относительно Шлезвига, а вовсе не Голштиніи, а тутъ вопросъ этотъ превратился въ голштинскій вопросъ; союзный сеймъ не могъ и не умѣлъ разрѣшить его, оставался одинъ способъ окончательно распутать это дѣло, а именно—разсѣчь его мечемъ.

2. Швейцарія.

Подобныя же затрудненія возникали и здѣсь. И въ Швейцаріи, гдѣ не было государя, котораго, какъ козла очищенія, можно было за все и про все осыпать упреками и жалобами, давно загорѣвшаяся борьба между іезуитами и радикалами продолжалась; къ той и другой сторонѣ принадлежало множество лицъ, которыя не имѣли, съ одной стороны, ничего общаго съ іезуитами и даже не были католиками, а съ другой стороны такихъ, которыя никогда не были радикалами и нисколько не сочувствовали имъ. При пересмотрѣ законодательства, произведеннаго въ кантонѣ Ааргау въ 1841 году, партія ультрамонтановъ была пересилена; попытка ихъ поднять народъ и произвести переворотъ силою не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Набатный колоколъ прежде всего зазвучалъ въ монастыряхъ, такъ называемыхъ, свободныхъ общинъ; правительство воспользовалось этимъ и закрыло восемь монастырей кантона, въ которыхъ находилось небольше какихъ нибудь духъ сотъ монаховъ и монахинь, а монастырскія имѣнія были конфискованы въ пользу общественной кассы. Между этими закрытыми монастырями было нѣсколько, основанныхъ еще Габсбургскимъ царствующимъ домомъ; нѣсколько католическихъ кантоновъ протестовало, къ ихъ протесту Австрія присоединила свой,—ааргаускій кантональный совѣтъ считалъ достаточнымъ возстановить три женскихъ монастыря и этимъ покончить все дѣло. Но это происшествіе раздражило только противную партію, и въ одномъ изъ трехъ первенствующихъ мѣстъ кантона Люцерна, католическая консервативная партія. подъ предводительствомъ Зигварта Мюллера и одного богатаго крестьянина, Петра Лей, произвела вол-

неніе и одержала верхъ. Занявши правительственныя мѣста, католики открыто начали защищать іезуитовъ, на ихъ сторонѣ было большинство народа, что ясно выказалось при общемъ голосованіи, 24 октября 1844 года, по которому двѣ трети всего народонаселенія призывало іезуитовъ въ кантонъ и поручало имъ воспитаніе юношества кантона Люцерна. Радикальное меньшинство народонаселенія, подъ руководствомъ доктора Штейгера, рѣшилось употребить силу. Но планъ его былъ открытъ, зачинщиковъ арестовали и когда изъ сосѣднихъ кантоновъ прибыли толпы вооруженныхъ и призванныхъ на помощь волонтеровъ, они узнали, что предпріятіе не удалось, и спокойно возвратились домой. Раздраженное кантональное правительство Люцерна употребило въ дѣло всю строгость законовъ противъ возмутителей общественнаго спокойствія; всѣ сколько нибудь опасавшіеся подвергиуться терроризму, а такихъ набралось около 1,200 человѣкъ, поспѣшно бѣжали изъ кантона. Но они надѣялись въ скоромъ времени опять возвратиться въ отечество; они начали набирать приверженцевъ: имъ легко было пробудить въ сосѣднихъ кантонахъ всеобщее отвращеніе къ ненавистной партіи, завладѣвшей верховною властью. Вопреки формальному, но безсильному запрещенію кантональныхъ совѣтовъ, повсюду собирались вооруженные отряды волонтеровъ, составили войско и подъ начальствомъ бернскаго уроженца Оксенбейна и аргаускаго изгнанника Ротпельца ворвались въ предѣлы Люцерна, 30 марта 1845 года. Къ вечеру они прибыли къ городу, но жители Люцерна приготовились встрѣтить незваныхъ гостей и уже запаслись вспомогательными отрядами изъ Швица, Ури и Унтервальдена. На успѣхъ разсчитывать нельзя было; по этому, пользуясь ночью, волонтеры спѣшили оставить границы Люцерна, но тутъ ихъ встрѣтили фанатическіе, раздраженные крестьяне и произвели въ ихъ рядахъ побоище. Около 104 человѣкъ было убито, а 1,700 человѣкъ, въ числѣ ихъ и Ротпельцъ, попались въ плѣнъ; ихъ перевязали и отвели въ городъ. Кантональный совѣтъ назначилъ выкупъ, по которому плѣнники могутъ быть освобождены, въ отношеніи же люцернскихъ подданныхъ, правительство поступило съ крайнею строгостью. Докторъ Штейгеръ приговоренъ былъ къ смерти, но ему удалось очень ловко обмануть своихъ тюремщиковъ и спастись бѣгствомъ; партія іезуитовъ и католиковъ свирѣпствовала; кого нельзя было преслѣдовать открыто, тотъ падалъ подъ ножемъ тайныхъ убійцъ, какъ напримѣръ Петръ Лей, павшій жертвой убійства, 20 іюля.

Побѣда осталась на сторонѣ іезуитовъ и они воспользовались ею: въ то самое время, когда орденъ іезуитовъ во Франціи долженъ былъ закрыть всѣ свои коллегіи, въ Фрейбургѣ іезуитамъ поручены были всѣ народныя школы кантона. Не смотря на всѣ эти преимущества, положеніе ордена все-таки было критическое: предводитель того корпуса волонтеровъ, о которомъ мы говорили полковникъ Оксенбейнъ, сталъ во главѣ кантональнаго правленія Берна; по этому семь сильнѣйшихъ, почти исключительно католическихъ кантоновъ: Люцернъ, Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Цугъ, Валлисъ и Фрейбургъ составили между собою оборонительный союзъ, прозванный противниками Зондербундъ (отдѣльный союзъ). Общій сеймъ кантоновъ постановилъ считать его распущеннымъ. Но это неудалось сразу; къ предложенію, сдѣланному Цюрихомъ — расторгнуть Зондербундъ — пристало только $10^1/_2$ голосовъ, недоставало, слѣдовательно, около двухъ голосовъ, чтобы желаніе было исполнено.

Одинъ изъ недостающихъ голосовъ подала Женева; въ ней между тѣмъ произошла революція, и посланникъ ея до этого подавалъ голосъ за отстрочку. Отъ 6 до 9 октября городъ этотъ находился въ осадномъ положеніи; повсюду строили баррикады; 9 числа правительственныя войска потерпѣли пораженіе, были изгнаны, радикальная партія взяла верхъ, и устроилось временное правительство, подъ предсѣдательствомъ Джемса Фези; оно поторопилось подать свой голосъ въ пользу цюрихскаго предложенія. Кантонъ Гальскій тоже уступилъ и іезуиты были вытѣснены изъ одного гнѣзда; попытка добиться того же въ кантонѣ Фрейбургѣ не удалась. Дѣла запутывались все болѣе и болѣе, становилось несомнѣннымъ, что они могутъ довести до междоусобной борьбы, единственнаго способа возста-

новить здоровье и силу всей федераціи. Общій федеральный сеймъ собрался въ Бернѣ: радикальная партія составляла большинство, и 20 іюля 1847 года, постановлено было уничтожить Зондербундъ, по смыслу своему совершенно противный коренному общему федеративному устройству Швейцарскаго союза. Но семь кантоновъ Зондербунда, разсчитывая на австрійскую помощь, не подчинились постановленію федеральнаго сейма, равно какъ и тогда, когда сеймъ потребовалъ удаленія іезуитовъ, опредѣленіемъ отъ 3 сентября. Федеративные комиссары, посланные въ непокорные кантоны съ тѣмъ, чтобы внушить имъ чувство долга, нигдѣ не были допущены въ кантональные совѣты. Кантоны съ своей стороны предложили уничтожить Зондербундъ, если вопросъ объ іезуитахъ сдѣлается вопросомъ церкви и рѣшеніе его предоставлено будетъ папѣ, рѣшеніе котораго не трудно было предвидѣть и предсказать: когда же федеральный сеймъ, какъ этого ожидать слѣдовало, отвергнулъ предложеніе, тогда кантоны Зондербунда объявили, что они больше не будутъ присылать своихъ представителей на федеральный сеймъ. По смыслу верховнаго закона каждаго государственнаго учрежденія, по закону самосохраненія, федеральный сеймъ долженъ былъ силою оружія принудить непокорные кантоны къ повиновенію. Ноября 4 дня, экзекуція была рѣшена: женевецъ Дюфуръ назначенъ былъ предводителемъ 30,000 союзной арміи; только города Базель и Невшатель не прислали своихъ войскъ.

Первое нападеніе было сдѣлано на Фрейбургъ. Такъ какъ кантонъ этотъ отрѣзанъ былъ отъ прочихъ кантоновъ Зондербунда, и напротивъ, окруженъ враждебными ему областями: Берномъ, Валлисомъ, то онъ увидѣлъ все свое безсиліе и принужденъ былъ покориться. Городъ сдался на капитуляцію 14 ноября, выговоривъ себѣ личную безопастность жителей и неприкосновенность ихъ имущества; 21 того же мѣсяца примѣру Фрейбурга послѣдовалъ Цугъ. Іезуиты въ Фрейбургѣ очень во-время убрались изъ города, но прекрасное зданіе ихъ коллегіи было разрушено разсвирѣпѣвшей толпой солдатъ. Небольшую удачу имѣли пастухи кантона Ури; на ихъ постъ, стоявшій на горномъ проходѣ Сен-Готарда, напалъ отрядъ тессинцевъ, но былъ отбитъ и тессинцы принуждены были стремглавъ бѣжать съ горы; этотъ ничтожный успѣхъ ободрилъ остальные, еще непокорные кантоны. Ихъ войско, подъ начальствомъ генерала Салисъ-Соліо, окопалось близъ Гисликона между Цугомъ и Люцерномъ; здѣсь-то напалъ на него Дюфуръ 23 ноября. Происходила сильнѣйшая стрѣльба, но убитыхъ было мало, многочисленныя войска союза были употреблены на то, чтобы почти окружить враговъ; но послѣдніе не дождались, чтобы кругъ сомкнулся, и поспѣшно отступили. Люцернъ сдался на капитуляцію послѣ того, какъ Зигвартъ Мюллеръ и находившіеся въ городѣ іезуиты поспѣшно удалились: во главѣ правительства стали радикалы и недавно приговоренный къ смерти докторъ Штейгеръ. Послѣ этого и остальные кантоны перестали сопротивляться. Ноября 25 покорились Швицъ и Унтервальденъ, а 26 Ури, 29 самый отдаленный изъ кантоновъ-Валлисъ: междоусобная война продолжалась три недѣли.

Условія мира были тяжелы для побѣжденныхъ. Виновные кантоны должны были заплатить военныя издержки и принять гарнизоны. Радикальная реакція была столько же жестока, какъ предшествовавшая ей католическая; здѣсь вполнѣ повторилось тоже, что бываетъ при всякой борьбѣ въ незначительныхъ государствахъ, гдѣ не только партія враждуетъ съ партіей не изъ-за однихъ убѣжденій, но гдѣ отдѣльныя личности предаются личной мести. Приверженцы разогнаннаго Зондербунда подверглись гоненіямъ; ихъ сажали въ тюрьмы, конфисковали ихъ имѣнія и съ публичнаго торга продавали частную собственность ихъ; но въ общемъ ходѣ развитія федеральной жизни Швейцаріи, борьба эта принесла свою пользу, потому что принудила приступить къ основательной реформѣ всего законодательства федераціи, выказавшаго свои недостатки во время послѣднихъ происшествій. Волненія эти зародились и разрѣшились въ границахъ союзныхъ кантоновъ безъ посторонняго вмѣшательства и потому могли быть для нихъ полезны; къ тому же иностраннымъ державамъ было достаточно дѣла у себя дома и ни одной изъ нихъ неудобно было бы вмѣшаться въ мелкую вражду кантоновъ между собою.

3. Англія.

Между тѣмъ какъ броженіе происходило съ 1840 до 1848 года въ Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи, и вспышками своими показывало, что опасный кризисъ приближается, Англія сравнительно наслаждалась спокойствіемъ. Вопросы о парламентской реформѣ и объ эмансипаціи католиковъ были разрѣшены удовлетворительно; правда, были многіе другіе вопросы, неизбѣжные при дѣятельной и самобытной жизни великаго народа; ихъ обсуживали, о нихъ горячо спорили, ихъ изслѣдовали, углублялись, въ нихъ отыскивали для нихъ новыя точки зрѣнія; палаты волновались и горячились но онѣ не касались основныхъ началъ политическаго государственнаго быта, и величайшее счастіе для страны заключалось въ томъ, что престолъ и королевская корона оставались всторонѣ отъ всѣхъ волненій и преній духа партій. Во всѣхъ слояхъ народа одинаково сочувствовали домашнему счастію королевскаго дома; королева вышла замужъ 10 февраля 1840 г. за мужественно-прекраснаго, образованнаго и во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго принца Альберта Саксенъ-Кобургскаго; когда же у молодой четы родился сынъ, принцъ Валлійскій, 9 ноября 1841 года, тогда общая радость была полная: наслѣдственность престола была обезпечена.

Менѣе довольны были министерствомъ; оно не умѣло противопоставить матеріальнымъ требованіямъ и вопросамъ достаточно твердости; особенно неудовлетворительно было состояніе финансовъ; министръ финансовъ—канцлеръ, при открытіи сессіи парламента въ 1841 г., принужденъ былъ, не смотря на мирное время, выставить дефицитъ почти въ два милліона. Очевидно было, что этотъ составъ министерства не въ силахъ былъ разрѣшить великаго вопроса о лигѣ антихлѣбнаго закона, и что оно вообще не въ состояніи было успѣшно вести внутреннія дѣла государства; поэтому сэръ Робертъ Пиль прямо выставилъ въ палатѣ, 4 іюня, недовѣрчивость заслуженную министерствомъ; въ засѣданіи присутствовало 623 члена; программа эта была принята большинствомъ одного голоса. Министерство Мельбурна, чтобы удержаться, попыталось распустить парламентъ, 23 іюня: но это ни къ чему не повело; составились новые выборы и при нихъ Англія и княжество Валлійское выставили большинство 104 депутатовъ съ консервативнымъ направленіемъ; этого большинства не могли пошатнуть даже болѣе успѣшные для виговъ выборы въ Ирландіи и Шотландіи. Августа 19 собрался парламентъ въ новомъ составѣ и воля народа тутъ обнаружилась очень ясно: въ обѣихъ палатахъ, при значительномъ большинствѣ, принятъ былъ адресъ, написанный въ оппозиціонномъ духѣ; въ немъ излагалось ея величеству, что настоящій составъ министерства не пользуется довѣріемъ парламента. Уже 30-го пришло отъ королевы заявленіе о томъ, что она всегда принимала совѣты парламента, поэтому и теперь готова выслушать ихъ и приступить къ необходимымъ мѣрамъ, чтобы составить новую администрацію. Партія тори получила перевѣсъ, и во главѣ всѣхъ, далеко превышая всѣхъ своихъ сверстниковъ, сталъ сиръ Робертъ Пиль; прочіе министры были, кромѣ герцога Веллингтона, Гольбёрнъ (Goulbourn) министромъ финансовъ, лордъ Эльбору—индійскихъ дѣлъ, лордъ Абердинъ—иностранныхъ дѣлъ, сиръ Джемсъ Грагамъ—внутреннихъ дѣлъ; лордъ Станлей, лордъ Линдгорстъ, лордъ Уарнклифъ; кромѣ того, хотя и безъ портфелей, Сидней Гербертъ и Эдуардъ Гладстонъ. Послѣдній, очень образованный и ученый человѣкъ, отличался значительнымъ ораторскимъ талантомъ; онъ поступилъ въ министерство въ качествѣ вице-президента торговаго департамента.

Это министерство управляло дѣлами государства съ сентября 1841 года до іюня 1846 года. Вскорѣ стало замѣтно, что во главѣ правленія стоитъ чело-

вѣкъ знающій, твердый, богатый изобрѣтательнымъ и находчивымъ умомъ, человѣкъ совѣстливый и даровитый. Прежде всего надобно было привести въ порядокъ государственные финансы; въ нихъ оказывался ежегодный дефицитъ въ два съ половиною милліона фунтовъ; въ то же время народъ терпѣлъ крайнюю нужду; надобно было положить конецъ постояннымъ волненіямъ и возстаніямъ, вспыхивавшимъ то тутъ, то тамъ; они обыкновенно вели за собою самыя безобразныя своеволія, а за ними шли нескончаемыя слѣдственныя комиссіи, ежедневно обнаруживавшія самыя возмутительныя подробности. Особенно много шуму надѣлало возстаніе въ графствѣ Валлійскомъ; оно произошло по случаю сборовъ подорожныхъ пошлинъ и разразилось у заставъ и домовъ для сбора дорожныхъ податей. Зимою 1842 года толпа заговорщиковъ, переодѣтыхъ въ женское платье, нападала на заставы и дома сторожей, разоряла и грабила ихъ; это темное общество называлось страннымъ именемъ «Ревекки и ея дочерей»; лозунгомъ ихъ было изреченіе одной изъ книгъ Моисеевыхъ: «благословили Ревекку и сказали ей: да обладаетъ твое сѣмя вратами враговъ твоихъ.» Сначала они распиливали только шлагбаумы, но вскорѣ пошли дальше—къ поджигательствамъ и убійствамъ, остававшимся по большей части тайными, по той причинѣ, что большинство народонаселенія сочувствовало имъ. Но этимъ не ограничивались безпорядки, были покушенія важнѣе: нѣсколько рязъ стрѣляли въ королеву; секретарь сэръ Робертъ Пиля умеръ отъ раны ружейной пулей; въ него кто-то выстрѣлилъ на улицѣ; говорили, что выстрѣлъ попалъ въ него случайно, что онъ предназначался министру. Пиль принялъ это выраженіе общаго неудовольствія, эти признаки глубокаго народнаго страданія, не какъ какой нибудь неловкій и недальновидный нѣмецкій, или французскій министръ: онъ не спустилъ стаи полицейскихъ сыщиковъ, но задумался надъ этими признаками и приступилъ къ важнымъ и глубоко обдуманнымъ реформамъ. Въ тронной рѣчи, произнесенной 3 февраля 1842 года, при открытіи парламента, онъ объявилъ, что палатамъ прежде всего надлежитъ заняться тѣмъ, чтобы истребить зло ежегоднаго дефицита, и требовалъ отъ палатъ, чтобы онѣ серьезно занялись пересмотромъ законовъ, касательно ввоза хлѣба и другихъ предметовъ иностранной торговли. Затѣмъ Робертъ Пиль провелъ биль черезъ обѣ палаты, значительно понижавшій хлѣбную пошлину. При этомъ случаѣ вновь поднялся знаменательный вопросъ о свободѣ торговли вообще, и между прочимъ лордъ Мельбурнъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ утверждавшій, что уничтоженіе пошлины на хлѣбъ было бы самымъ безразсуднымъ дѣломъ, какое можно было бы предложить, теперь напротивъ всенародно утверждалъ, что свобода торговли имѣетъ за себя всѣхъ здравомыслящихъ людей, въ ней заключаются истинныя выгоды человѣчества и противъ нея могутъ быть только люди съ закоренѣлыми предразсудками и рутинными привычками.

Чтобы уничтожить дефицитъ, Робертъ Пиль не прибѣгалъ, какъ его предшественники, къ займу, или къ разнымъ увертками; онъ рѣшился выступить съ смѣлымъ и откровеннымъ планомъ: онъ предложилъ на три, а если понадобится, и на пять лѣтъ брать пошлину съ доходовъ. Рѣчь, въ которой онъ 11 марта изложилъ свой планъ, можетъ считаться образцовою для серьезнаго, глубокомысленнаго политика и государственнаго человѣка и она вполнѣ соотвѣтствовала важности предмета. Онъ упоминалъ о жертвахъ, принесенныхъ Англіей во время великой европейской войны, указывалъ на великіе подвиги, совершеные тогда на морѣ и на сушѣ: «Теперь я говорю съ вами послѣ двадцати-пятилѣтняго мира. Я предлагаю на ваше разсмотрѣніе финансовое затруднительное положеніе, въ которомъ мы находимся, и твердо вѣрю и надѣюсь, что, по примѣру своихъ отцовъ и предшественниковъ, вы прямо и безбоязненно посмотрите этимъ затрудненіямъ въ лицо и не откажетесь принести такія же жертвы, какія принесли ваши предки; я знаю, вы не откажетесь поддержать общественный кредитъ.» По его плану пошлинъ съ доходовъ, всякій доходъ свыше 150 фунтовъ стерлинговъ облагался пошлиною. Благодаря этой мѣрѣ дефицитъ государственный долженъ былъ, въ самое короткое время, превратиться въ излишекъ и тогда остатки государственныхъ доходовъ можно будетъ употребить на то, чтобы облегчить нѣ-

которые налоги на торговлю и промышленность и такимъ образомъ открыть для народа новые источники пріобрѣтенія; предположено было изъ 1200 предметовъ, обложенныхъ пошлиною, облегчить плату на 750. Виги, подъ руководствомъ лорда Джона Росселя, поставили сильную оппозицію этому проекту, но Пиль, при своемъ несравнимомъ мужествѣ и ясномъ взглядѣ на вещи опровергнулъ ихъ оппозицію; при значительномъ большинствѣ голосовъ биль о налогѣ съ доходовъ прошелъ черезъ обѣ палаты и 5 апрѣля 1842 года началъ свое дѣйствіе; по этому закону: «бѣдные ничего не платили, а вся тяжесть налога падала на тѣхъ, у кого было достаточно силы, чтобы нести его бремя.» Въ тоже время изданъ былъ новый тарифъ, поднявшій промышленность; эти мѣры вскорѣ выказали свое несомнѣнно-благодѣтельное вліяніе.

Такъ продолжалъ дѣйствовать министръ, медленно, неторопливо, но неуклонно приближаясь къ одной цѣли; наконецъ наступило время, когда онъ нашелъ возможность примѣнить свою главную господствующую мысль къ послѣднему, важнѣйшему предмету, главному источнику жизни и пропитанія народа, а именно: къ закону о хлѣбѣ.

Но жизнь и потребности народа не скоро измѣняются; онѣ зависятъ отъ многихъ, глубоко скрытыхъ источниковъ; нигдѣ реформы не идутъ такъ медленно, какъ въ Англіи, потому что ихъ связываютъ тѣсныя парламентскія учрежденія, и каждое постановленіе, прежде чѣмъ получитъ силу, должно выдержать борьбу, должно быть доказано и оправдано. Какъ бы то ни было, но страданія и нужды народа не были оставлены безъ вниманія, и сессіи 1843 года преимущественно занялись отыскиваніемъ источниковъ, чтобы помочь имъ. Прежде всего надобно было обратить вниманіе на невѣжество народной массы и на средства, какъ отвратить недостаточное воспитаніе дѣтей простолюдиновъ. Дѣло церкви было бы тутъ—выказать свою заботливость и свое вліяніе, но духовенство дѣйствовало вяло; нѣсколько отдѣльныхъ фабрикантовъ, понимая необходимость образованія и обученія, заводили школы для дѣтей своихъ рабочихъ, кабинеты для чтенія книгъ, залы для лекцій, бани и учрежденія для отдыха и развлеченія, строили образцовые дома для помѣщенія рабочихъ и т. д.; но это были исключенія, и вообще въ этомъ отношеніи богатѣйшая въ мірѣ страна представляла мало утѣшительнаго. Въ то время, какъ различныя церкви и религіозныя общества терялись въ догматическихъ тонкостяхъ, въ то время, какъ англиканская церковь приняла католическій оттѣнокъ направленія чрезъ ученіе доктора Пюси и его многочисленныхъ послѣдователей въ Оксфордѣ и другихъ мѣстахъ, а въ Шотландіи отъ господствующей церкви отдѣлилась с в о б о д н а я ц е р к о в ь, въ 1843 году, тысячи-тысячъ дѣтей фабричныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ выростали въ полномъ невѣжествѣ, въ совершеннѣйшемъ незнаніи самыхъ основныхъ и простыхъ истинъ христіанскаго ученія. Въ этомъ случаѣ помощи можно было ждать только отъ государственной системы народаго обученія; но элементарное образованіе народа можетъ быть благотворно только въ такомъ случаѣ, если основано на религіозномъ обученіи; а между тѣмъ къ нему господствующая церковь не хотѣла допускать диссидентовъ, а диссиденты въ свою очередь не могли и не хотѣли допускать въ свои школы принадлежащихъ къ господствующей церкви. Итакъ, народное образованіе оставалось въ жалкомъ положеніи и ограничивалось, по большей части, тѣмъ хорошимъ, что придумывали нѣкоторые дѣятельные, одушевленные желаніемъ общаго блага, фабриканты, нѣкоторые полные самоотверженнаго энтузіазма друзья человѣчества, какъ изъ свѣтскаго, такъ и изъ духовнаго званія, и наконецъ кое-какими попытками церковной партіи; правительство сочувствовало потребностямъ и страданіямъ простаго народа, парламентъ назначилъ отъ себя комиссію, чтобы изслѣдовать положеніе рабочихъ и обращеніе съ ними въ каменноугольныхъ копяхъ и въ рудникахъ; комиссіей открыты были ужасающія подробности; но приступить къ радикальной реформѣ нельзя было, и правительство вынуждено было удовольствоваться закономъ, по которому могло назначать отъ себя инспекторовъ для надзора за рудниками, и положено было не употреблять въ каменноугольныхъ копяхъ женщинъ и дѣтей моложе 10 лѣтняго возраста.

Вообще, надобно однакожь замѣтить, что нація развивалась, что прогрессивное стремленіе къ совершенству было ей не чуждо, потому что изъ чувства человѣколюбія и христіанскаго долга, высшіе достаточные классы народонаселенія заботились объ улучшеніи быта фабричныхъ и сельскихъ рабочихъ; объ этомъ имъ кромѣ того нужно было думать и потому, что личныя выгоды фабрикантовъ и землевладѣльцевъ были связаны съ болѣе основательнымъ умственнымъ развитіемъ простаго народа. Положеніе Ирландіи не улучшалось, ей какъ будто суждено было вращаться въ одномъ и томъ же безотрадномъ кругу.

О'Коннель опять возобновилъ свою репиль-агитацію, потому что онъ убѣдился насколько виги неспособны предпринимать что бы то ни было; когда же верховная власть перешла въ руки тори, онъ, само собою разумѣется, нашелъ ихъ еще менѣе способными для своихъ цѣлей. Плохой урожай 1842 года и послѣдовавшая за нимъ неимовѣрная дороговизна хлѣба довели ирландцевъ до самаго бѣдственнаго положенія; возобновившаяся при этихъ обстоятельствахъ агитація была тѣмъ сильнѣе: но на этотъ разъ у нея не было твердо-опредѣленной цѣли, не было разумнаго политическаго стремленія. Это была агитація съ одною цѣлью волновать народъ, и важнѣе всего, самъ народный трибунъ не вѣрилъ тѣмъ смѣлымъ надеждамъ, какими обольщалъ народныя массы, не вѣрилъ въ возможность учредить національный ирландскій парламентъ. Но не смотря на свою безцѣльность, агитація происходила тѣмъ съ большею силою и тѣмъ въ болѣе обширныхъ объемахъ: по десяткамъ, по сотни тысячъ народу собиралось на чудовищные митинги и эти массы въ нѣмомъ, благоговѣйномъ молчаніи терпѣливо выслушивали повтореніе однѣхъ и тѣхъ же рѣчей, однихъ и тѣхъ же обѣщаній. То агитаторъ воздвигалъ гоненіе на англійскія мануфактурныя произведенія, то составлялъ общества, которыя бы давали слово для куртокъ и платья не покупать англійскаго сукна, а довольствоваться ирландскимъ; общества составлялись, но очень часто оказывалось, что члены его не нуждались ни въ англійскомъ, ни въ ирландскомъ сукнѣ для своихъ камзоловъ, потому что обходились безъ нихъ; то совѣтовалъ онъ своимъ слушателямъ спорныя дѣла между ирландцами разрѣшать свободнымъ выборнымъ импровизированнымъ ирландскимъ судомъ для того, чтобы избѣжать непріятной необходимости подвергаться суду англійскихъ судей; то пытался онъ дать новый толчекъ той или другой народной партіи, то дурачилъ народъ какими нибудь несбыточными планами и надеждами, то подготовлялъ его къ выборамъ въ ирландскій парламентъ; какъ бы и что бы онъ ни говорилъ народу, въ чемъ бы ни убѣждалъ его, но ему вѣрили, его слушали съ живымъ сочувствіемъ и готовы были по его знаку на все. Правительство довольствовалось тѣмъ, что держалось строго закона. Но О'Коннель не унимался и его арестовали 14 октября 1843 года; можетъ быть, это событіе нисколько не противорѣчило его желаніямъ, потому что фактически помѣшало ему приступить къ выполненію своихъ громкихъ обѣщаній. Его обвиняли въ составленіи заговора, въ возстаніи, въ поощреніи незаконныхъ собраній и въ томъ, что самъ онъ устраивалъ эти народныя собранія. Онъ и девятеро приверженцевъ его, арестованныхъ съ нимъ, въ одно и тоже время были поставлены передъ судомъ присяжныхъ. Мая 30, 1844 года произнесенъ былъ приговоръ, осуждавшій О'Коннеля къ годичному тюремному заключенію и къ денежной пенѣ въ 2000 фунтовъ стерлинговъ. О'Коннель подалъ апелляцію въ палату лордовъ; онъ былъ убѣжденъ, что и эта палата подтвердитъ рѣшеніе и тѣмъ дастъ ему достаточно матеріалу для будущихъ жалобъ и громкихъ рѣчей. Но палата лордовъ уничтожила приговоръ по причинамъ, чисто юридическимъ. Этимъ оказала она ему очень плохую услугу: ему возвратилъ свободу верховный, а именно саксонскій судъ и тѣмъ лишилъ его возможности распространяться на своей любимой темѣ объ угнетеніи Ирландіи саксонскимъ племенемъ, о несправедливости саксонскихъ учрежденій и т. д. Народъ ликовалъ по случаю освобожденія О'Коннеля, одинъ праздникъ слѣдовалъ за другимъ, но роль его была сыграна, ему нечего было дѣлать: новая радикальная партія «молодая Ирландія» поднималась надъ народнымъ уровнемъ и своими стремленіями заставляла позабыть о безцѣльной агитаціи О'Коннеля

его дѣйствія начали разсматривать ближе и съ болѣе критической стороны и открыли, что онъ, этотъ освободитель народовъ, самъ былъ далеко не примѣрнымъ и не гуманнымъ землевладѣльцемъ въ отношеніи своихъ фермеровъ; новый голодъ приближался для несчастнаго народа, требовавшаго отъ него хлѣба, а не камней, которыми онъ угощалъ его; онъ видѣлъ свое положеніе и оцѣнилъ его: это еще болѣе разстроило его надорванное здоровье; онъ рѣшился отдохнуть отъ волненій и развлечься; для этого онъ поѣхалъ путешествовать, но умеръ въ Генуѣ 15 мая 1847 года.

Голодъ, свирѣпствовавшій въ Ирландіи, могъ бы доказать этой странѣ, что ей нечего помышлять объ окончательномъ отдѣленіи отъ богатой Англіи, безъ которой она ни въ какомъ случаѣ не могла бы вынести всѣхъ ужасовъ голода и безъ помощи которой она обойтись не могла. Самое большое зло въ глазахъ ирландцевъ было то, что на ихъ островѣ англиканская церковь есть господствующая; Пиль это видѣлъ и понималъ, но не смотря на свою опытность, на свой обширный государственный смыслъ, не могъ рѣшиться его устранить. По чувству справедливости онъ, 3 апрѣля 1845 года, просилъ у парламента значительнаго увеличенія содержанія для католической духовной семинаріи въ Майнотѣ и провелъ это предложеніе, несмотря на живѣйшую оппозицію, которую встрѣтилъ въ неблагоразумномъ упрямствѣ тори, не хотѣвшихъ жертвовать никакою малостью для поддержанія «религіозныхъ заблужденій», какъ будто дѣло государственныхъ людей разбирать, что истинно, что ложь въ дѣлѣ совѣсти. Кромѣ того, по его настоянію учреждены были три коллегіи, въ которыхъ безъ различія вѣроисповѣданій, молодые люди могли найти возможность къ высшему академическому образованію.

Эти благоразумныя мѣры Пиль провелъ при помощи виговъ и либеральной партіи, потому что большая часть тори отступилась отъ него, какъ отъ человѣка, который измѣнилъ чисто-консервативному направленію. Еще большее негодованіе возбудилъ онъ противъ себя, когда опять затронулъ важный вопросъ объ уничтоженіи хлѣбной пошлины.

Волненіе въ пользу закона объ отмѣнѣ хлѣбной пошлины между тѣмъ продолжалось съ полной силой и лига ежедневно усиливалась и распространялась. При каждой новой парламентской сессіи, президентъ Вилліе повторялъ свое предложеніе о составленіи комитета изъ членовъ обѣихъ палатъ для того, чтобы разсмотрѣть и изслѣдовать дѣйствительныя выгоды отъ пошлинъ на привозимый хлѣбъ и отъ слѣдствій, какія должно ожидать при совершенной отмѣнѣ ихъ; и каждый разъ большинство голосовъ, противныхъ этой мѣрѣ, уменьшалось. Между тѣмъ обнаруживались благодѣтельныя послѣдствія отъ торговой и финансовой системы перваго министра: благосостояніе народа видимо улучшалось. Налогъ на доходы оказался въ высшей степени выгоднымъ; весь дефицитъ былъ покрытъ и за 1845 годъ можно было ожидать остатка въ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; несмотря на это, Пиль полагалъ продлить эту пошлину еще на три года, потому что онъ опять на сто предметовъ ввоза предложилъ уничтожить пошлину. Опять, при помощи партіи виговъ, одержалъ онъ верхъ; онъ нашелъ, что наступило время къ рѣшительному шагу — освободить хлѣбъ отъ пошлины. Дурной урожай текущаго года еще яснѣе показалъ необходимость этой мѣры; но консервативная партія вмѣстѣ съ людьми своекорыстными, создавшими это стѣсненіе и могущественно поддерживавшими его, опять воспротивились очевидной общественной пользѣ. Даже въ самомъ составѣ министерства произошло разногласіе въ мнѣніяхъ; оно было распущено въ декабрѣ 1845 года, но такъ какъ представитель виговъ, лордъ Джонъ Россель, не въ состояніи быть составить министерства, способнаго держаться, то прежнее, съ небольшими измѣненіями, опять стало во главѣ правленія. Января 19 были открыты сессіи 1846 года. А 27 въ рѣчи, длившейся четыре часа, Пиль съ своею обычною точностію и ясностію изложилъ свой планъ дѣйствій; опять предлагалъ онъ уничтожить цѣлый рядъ пошлинъ, а другія уменьшить; въ числѣ послѣднихъ самое важное мѣсто занимала хлѣбная пошлина; по принципу его нисходящей скалы пошлинъ, приходилось, что въ трехлѣтній срокъ хлѣбная пошлина будетъ окончательно уничтожена. Опять насту-

пила долгая и жаркая борьба между глубоко-укоренившимися предразсудками и медленно созрѣвшимъ, но крѣпко утвердившимся сознаніемъ правоты требованія. Пиль ясно и просто, но съ достоинствомъ разсказалъ, какъ онъ самъ, въ теченіе большей части жизни, вмѣстѣ почти со всею аристократіей и парламентомъ ошибался, и какъ онъ постепенно созналъ истину; онъ очень скромно, но съ радостью объяснилъ, что доволенъ тѣмъ, что не закрылъ своего ума отъ ученія, какое даетъ опытъ, и что теперь наслаждается слѣдствіями пріобрѣтеннаго знанія: «Увеличивающаяся и возрастающая довѣренность», говорилъ онъ парламенту, «какою моя система пользуется, проистекаетъ оттого, что торговля и промышленность освобождены отъ лишнихъ и ненужныхъ тягостей; гдѣ я прежде видѣлъ недовольство и ропотъ, тамъ я вижу теперь удовольствіе и спокойствіе, гдѣ прежде было волненіе, тамъ теперь царствуетъ миръ.» Онъ не упустилъ случая, чтобы не сказать, со всею благородною откровенностію, которая отличала его, что первые шаги къ выполненію великаго дѣла измѣненія хлѣбнаго закона были сдѣланы Ричардомъ Кобденомъ; самъ министръ выразилъ свое удивленіе передъ тѣмъ, съ какою примѣрною послѣдовательностью, благоразумною умѣренностію и осмотрительностію были сдѣланы первыя попытки, чтобы поколебать вкоренившійся законъ.

Хлѣбный билль прошелъ по всѣмъ инстанціямъ законодательнаго пути и наконецъ 27 іюня получилъ королевское подтвержденіе. Дѣло Пиля было покончено; онъ сошелъ съ политическаго поприща, частію потому, что съ этихъ поръ могъ вести дѣло только при помощи тѣхъ, которые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ были его противниками. Билль, касавшійся положенія дѣлъ въ Ирландіи, подалъ ему благовидный предлогъ оставить свое мѣсто; онъ воспользовался имъ и съ честью оставилъ свою должность. Соотечественники проводили его съ сожалѣніемъ, они признавали его заслуги: онъ своею умѣренностію и своимъ великимъ административными талантами помогъ отечеству прожить трудное время, время бурнаго и нетерпѣливаго прогресса, время, каждый моментъ котораго приносилъ съ собою что нибудь новое. Вспомнимъ одинъ изъ нихъ, чтобы соразмѣрно судить объ остальныхъ: желѣзныя дороги своимъ быстрымъ развитіемъ измѣнили образъ сообщенія и потребовали новаго законодательства, новаго государственнаго хозяйства, породили новые вопросы—но Пиль оставался спокоенъ и твердъ, онъ безъ сильныхъ потрясеній перевелъ общество, исполненное предразсудковъ, представлявшее самые странныя противорѣчія, опасныя для его внутренняго существованія, перевелъ это общество со старой почвы на новую. Послѣ Пиля королева призвала къ дѣятельности виговъ, глава которыхъ былъ лордъ Джонъ Россель; въ новомъ министерствѣ, имъ составленномъ, портфель иностранныхъ дѣлъ достался лорду Пальмерстону, самому замѣчательному изъ новыхъ министровъ.

Внѣшняя политика Англіи въ описанное нами время была очень искусная; само собою разумѣется, при большомъ, всемірномъ растяженіи Англіи, при ея владѣніяхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, она не могла оставаться вездѣ миролюбивою. Въ 1840 году къ безчисленному количеству колоніальныхъ владѣній Англія прибавила еще новую, объявивъ Новую Зеландію своею собственностію, послѣ того, какъ съ старшинами туземныхъ племенъ маори подписанъ былъ актъ уступки и принятія новозеландцевъ въ подданство. Дальнія австралійскія колоніи въ послѣднее десятилѣтіе получили для Великобританіи особенное значеніе; туда преимущественно направился потокъ эмиграціи; туда болѣе всего привлекало сходство австралійскаго климата съ европейскимъ, но еще больше вновь открытыя золотыя розсыпи, представлявшія заманчивый способъ обогащенія; вотъ существенныя причины, открывшія доступъ европейской цивилизаціи въ эту часть свѣта, до тѣхъ поръ мало посѣщаемую европейскими колонистами. Въ томъ же году 1840—1842 недоразумѣнія съ Китаемъ были поводомъ къ войнѣ, не принесшей однакожь много чести англичанамъ. Китайское правительство не хотѣло позволять англичанамъ ввозить опіумъ, шедшій изъ Индіи въ большомъ количествѣ, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ окончилась монополія остъ-индской компаніи (1834 г.). Китайцы наложили строгое запрещеніе на опіумъ; когда же англійскіе контрабан-

дисты, не смотря на запрещеніе, съ безстыдствомъ продолжали торговать своимъ вреднымъ товаромъ, правительство конфисковало опіумъ; но когда и это не могло остановить неурядицы, китайцы приступили къ болѣе энергическимъ мѣрамъ. Они отправили своего комисара въ Кантонъ, гдѣ англійскіе контрабандисты принуждены были выдать ему болѣе 20,000 ящиковъ съ опіумомъ. Такой ударъ, нанесенный корыстолюбію англійскихъ купцовъ, не могъ пройти безъ громкихъ жалобъ на притѣсненіе, безъ волненія и безъ того, чтобы не старались поджигать англійское правительство противъ китайскаго; сначала англійское правительство очень здраво смотрѣло на вещи: «если англійскіе подданные, говорило оно, позволяютъ себѣ куда-бы то ни было ввозить товары, запрещенные въ той странѣ, то они сами виноваты, если при этомъ понесутъ убытокъ, и сами отвѣчать должны за послѣдствія нарушенія законовъ китайскаго, или другаго какого государства. Но капитанъ Эліотъ, крейсировавшій въ Китайскомъ морѣ, принялъ дѣло контрабандистовъ къ сердцу и сталъ смотрѣть враждебно на мѣры самоохраненія, принятыя китайцами; онъ рѣшился силою оружія защищать своихъ соотечественниковъ—контрабандистовъ. Онъ вызвалъ изъ Индіи военные корабли; дѣло дошло до битвы: хотя китайцы прятались за свои смѣшныя стѣны изъ папье-машѐ и нацѣливали безвредныя деревянныя пушки, но когда дѣло дошло до рукопашной битвы, они защищались съ мужествомъ отчаянія. 4 іюля 1840 года англійскій флотъ явился близъ группы острововъ Чуфанъ, близъ восточнаго берега Китая, и война загорѣлась; при этой борьбѣ на вѣсы съ одной стороны положено было значеніе манджурской династіи, съ 1644 года управлявшей огромной Китайской имперіей, съ другой обаяніе, производимое на Азію англійскимъ именемъ. Напрасно китайцы прибѣгали къ проволочкамъ, хитрымъ переговорамъ—оружію слабыхъ; но не смотря на всѣ ихъ увертки, Кантонъ былъ взятъ, 27 мая 1841 года, и англійскій главнокомандующій Поттингеръ, прибывшій на мѣсто дѣйствія, 9 августа 1841 года, выразилъ твердое намѣреніе: такъ какъ война между Китаемъ и Англіей вспыхнула, то не обращая вниманія ни на какія торговыя, или иныя отношенія, вести ее энергически и съ силою, пока китайцы не будутъ принуждены заключить миръ, выгодный для Англіи. Но не смотря на постоянныя побѣды англійскихъ войскъ при встрѣчѣ съ китайскими, дѣло все-таки шло медленно, пока наконецъ англійскія войска не явились передъ Нанкиномъ, лѣтомъ въ 1843 году, что привело дѣло къ рѣшительному концу. Августа 26 того же года, мирныя условія были заключены между тремя китайскими уполномоченными и однимъ англійскимъ комиссаромъ. За англичанами признано было право, кромѣ Кантона, безпрепятственно вести торговлю еще въ трехъ другихъ гаваняхъ. Островъ Гонгъ-Конгъ былъ уступленъ Англіи и китайцы принуждены были, по срокамъ, выплатить, кромѣ 6 милліоновъ долларовъ вознагражденія за уничтоженный опіумъ, еще 21 милліонъ долларовъ военныхъ издержекъ. Необдуманные люди, пропагандисты христіанскаго ученія радовались, что такимъ образомъ миссіонерамъ открывается путь въ государство, до сихъ поръ такъ строго оберегаемое отъ европейскаго вліянія, но они и не подумали, что христіанство, проводимое нечистымъ путемъ и насиліемъ беззаконія, не дѣлаетъ чести народу, который ученіе мира и любви къ ближнимъ распространяетъ потоками крови и грудами пепла и развалинъ.

Гораздо благороднѣе и честнѣе вела себя въ отношеніи Китая, Россія, единственное государство, оспаривавшее первенство Англіи въ Китаѣ; русскій императоръ, не дожидаясь соглашенія съ китайскимъ, строго запретилъ отъ себя торговлю опіумомъ, въ виду его вреднаго, растлѣвающаго вліянія на потребителей. Тонкая и дальновидная политика Россіи повсюду воздвигала препятствія англійской и послѣдней постоянно приходилось бороться съ нею; опасливые политики въ Англіи и внѣ ея предѣловъ, со страхомъ смотрѣли на дальній азіатскій горизонтъ и предвѣщали, что рано или поздно, черезъ 20, 50, или 100 лѣтъ неминуемо должно произойтп столкновеніе между англійскимъ и русскимъ могуществомъ въ Азіи, вызванное одинаковыми интересами этихъ великихъ державъ. Русское и англійское вліянія уже боролись другъ съ другомъ на промежуточной станціи, особенно въ Афганистанѣ. Персидскій шахъ Мухамедъ-Мирза съ 1834

до 1837 года, пытался овладѣть Г е р а т о м ъ, столицею и главнымъ городомъ сѣверозападныхъ владѣній Афганистана; правитель Герата, султанъ Камрамъ просилъ помощи у англичанъ и они для его защиты послали къ нему нѣсколько англійскихъ офицеровъ. Англичане предполагали, что персіяне были подучены русскими и что только поддавшись русскому вліянію рѣшились напасть наЕратъ; во всякомъ случаѣ, въ виды англійской политики не входило допускать, чтобы персіяне овладѣли такою важною станціей на пути къ Индіи, какою былъЕратъ, хотя по всѣмъ соображеніямъ, какъ политическимъ, такъ и географическимъ, Афганистанъ скорѣе долженъ быть союзнымъ съ Россіей, нежели съ Англіей. Но англичане не такъ разсуждали; они не хотѣли видѣть персіянъ въЕратѣ, послали сильный военный флотъ въ Персидскій заливъ и требовали, чтобы шахъ снялъ осаду съ Герата. При этомъ случаѣ особенно ясно обозначилось значеніе Афганистана, какъ естественнаго внѣшняго укрѣпленія для Индіи, и выяснилась необходимость на сѣверѣ и западѣ Индіи обезопасить себя надежными союзниками. Народонаселеніе Афганистана было магометанскаго вѣроисповѣданія, а въ индобританскихъ владѣніяхъ труднѣе всего было справляться съ тою частью народонаселенія, которая исповѣдовала магометанскую вѣру; индусы вообще были мягче и покорнѣе.

Весь Афганистанъ, при Ахметъ-Шахѣ въ 1747 году соединившійся въ одно государство—занималъ около 12,000 к. миль поверхности—и раздѣлялся на нѣсколько небольшихъ ханствъ, или княжествъ, въ числѣ которыхъ К а б у л ъ былъ самымъ значительнымъ. Тамъ царствовалъ Достъ-Магометъ, человѣкъ энергическій и властолюбивый; онъ принадлежалъ къ семейству Барукчіевъ; онъ имѣлъ больше сочувствія къ русско-персидскому союзу, при ихъ помощи, какъ всякій честолюбивый правитель, помышлялъ о возможности распространить свои владѣнія въ сторону богатой и обширной Индіи и потому на англичанъ смотрѣлъ, какъ на своихъ коренныхъ враговъ. Послѣдніе, съ своей стороны, въ изгнанномъ шахѣ Суджи, изъ рода Ахмеда, нашли себѣ готовое оружіе. Индійскій генералъ-губернаторъ, лордъ Ауклэндъ, заключилъ съ нимъ союзъ, далъ ему англійское вспомогательное войско и въ августѣ 1839 года, возвелъ его на престолъ предковъ въ Кабулѣ; Достъ-Магометъ бѣжалъ въ Персію. На это распространеніе англійскаго могущества, Россія отвѣчала тѣмъ, что послала экспедицію въ Хиву, небольшое ханство на востокъ отъ Каспійскаго моря, разбойническія племена котораго нападали на русскіе торговые караваны, грабили ихъ, а людей продавали, или брали въ неволю. Но время для экспедиціи было выбрано неудачное и экспедиція понесла неудачу отъ ужасныхъ степныхъ, снѣжныхъ мятелей; не смотря на это ханъ испугался и, опасаясь повторенія нападенія, прислалъ въ Петербургъ посольство съ просьбою о мирѣ; далъ обѣщаніе всѣми силами заботиться о безопасности русскихъ каравановъ и подъ страхомъ смертной казни запретилъ нападенія на нихъ. Англичане съ своей стороны не могли удержаться въ Кабулѣ вмѣстѣ съ своимъ претендентомъ. Въ 1841 году произошло возстаніе, подъ начальствомъ Акбара, сына Достъ Магомета: англійскій гарнизонъ, подъ начальствомъ Эльфинстона, принужденъ былъ отступить, но въ горныхъ тѣснинахъ Кейбера на него напали афганистанцы и по большей части изрубили его. На слѣдующій годъ англичане отомстили за гибель своихъ товарищей и соотечественниковъ: ворвались въ Афганистанъ, взяли Кабулъ и сожгли его, но въ началѣ слѣдующаго, 1843 года, Достъ Магометъ самъ возвратился въ Кабулъ и англійскій гарнизонъ принужденъ былъ очистить Афганистанъ. За то господство англичанъ расширялось въ собственной Индіи, они въ томъ же году покорили племена государства Синдъ, на востокъ отъ средняго Инда, и продолжая, съ оружіемъ въ рукахъ, борьбу съ туземными племенами, подвигались въ область Пятирѣчья (Пенджабъ) и такимъ образомъ утвердились и въ западной части великаго Индійскаго полуострова. Впрочемъ эти войны для насъ не имѣютъ непосредственнаго всемірно-историческаго интереса, также какъ и война съ кафрами въ годахъ 1846 и 1847; онѣ имѣютъ только значеніе, какъ доказательство неудержимаго и постояннаго распространенія европейской расы и ея вліянія на остальныя части свѣта; но объ этомъ, въ

въ главныхъ чертахъ, мы поговоримъ позже, въ своемъ мѣстѣ. Гораздо важнѣйшее значеніе имѣетъ общій ходъ внѣшней политики Англіи при разнообразныхъ, вновь возникающихъ вопросахъ въ жизни европейскихъ государствъ.

Изъ нихъ въ двухъ Англія принимала живѣйшее и непосредственное участіе, а именно въ греческомъ и бельгійскомъ вопросахъ и оба были разрѣшены такъ, что желаніе Англіи могло быть удовлетворено. Испанскія и португальскія дѣла при содѣйствіи Франціи приняли тоже такой оборотъ, что Англія могла успокоиться; но явилось новое, болѣе запутанное отношеніе, имѣвшее дальнѣйшее, не совсѣмъ пріятное вліяніе на отношенія Англіи и Франціи и которое повело за собою возобновленіе войны между султаномъ Махмудомъ и его опаснымъ вассаломъ вице-королемъ египетскимъ; разъясненіе этихъ отношеній привлекаетъ наше вниманіе къ восточнымъ дѣламъ.

В. ВОСТОКЪ.

1. Турція.

Въ то время, какъ европейскіе кабинеты заботились о томъ, чтобы на Востокѣ поддержать отношенія государствъ въ томъ видѣ, какъ они опредѣлены были въ кутаискомъ мирѣ, 1833 года, и всѣ одинаково опасались возобновленія военныхъ дѣйствій, которыя въ каждую данную минуту могли поднять восточный вопросъ и пожалуй зажечь общеевропейскую войну; въ это-то время, болѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи заинтересованный, султанъ Махмудъ только и думалъ о томъ, какъ бы ему поскорѣе отомстить своему сильному и гордому вассалу; онъ ни на минуту не обманывался видимою покорностью и льстивыми рѣчами египетскаго паши, и завѣтная мечта султана состояла въ наслажденіи унизить и покорить своего врага окончательно, или по крайней мѣрѣ поставить его въ то же покорное положеніе, въ какомъ онъ былъ до заключенія унизительнаго для Порты мира. Султанъ, при помощи прусскихъ инструкторовъ, работалъ надъ возсозданіемъ и преобразованіемъ своего войска; онъ съ удовольствіемъ слѣдилъ за тѣмъ, съ какимъ ропотомъ и негодованіемъ Сирія переноситъ египетское иго, нисколько не менѣе турецкаго тяготѣвшее надъ нею; онъ съ жадностью ловилъ извѣстія о частыхъ волненіяхъ въ Сиріи; онъ собралъ и снарядилъ войско въ Анатоліи, которому, 14 апрѣля 1839 г., приказалъ,, подъ начальствомъ сераскира-паши, Гафиса, перейти Тавръ и направиться на югъ прямо на встрѣчу египетскимъ войскамъ. Іюня 9 1839 года, была объявлена война египетскому пашѣ; Мехмета-Али и Ибрагима-пашу султанъ объявилъ возмутителями, лишенными всякихъ гражданскихъ правъ; къ жителямъ Сиріи написанъ былъ манифестъ (фирманъ), приглашавшій ихъ стать подъ знамена своего законнаго государя, тѣни Бога на землѣ.

Гафисъ-паша двинулся впередъ; въ это время изъ Александріи пришло повелѣніе Ибрагимъ-пашѣ тоже идти впередъ и начать военныя дѣйствія. Первое столкіновеніе произошло близъ Низиба на правомъ берегу средняго Евфрата (24 іюня). Оба войска были не особенно хороши, но египетское имѣло то преимущество передъ турецкимъ, что имъ командовалъ опытный и даровитый военачальникъ Ибрагимъ-паша; битва была непродолжительная и кончилась рѣшительнымъ пораженіемъ турокъ; они отступили, но египтяне напирали на нихъ и отступленіе въ скоромъ времени превратилось въ полное бѣгство. На сколько рѣшеніе этой битвы зависѣло отъ случайностей, можно видѣть изъ примѣра небывалаго и неслыханнаго въ военной исторіи: тогда какъ побѣда египетскаго войска была уже рѣшена, цѣлые батальоны побѣдоноснаго войска перебѣгали къ разбитому турецкому, чтобы вмѣстѣ съ нимъ разбѣжаться, разсыпаться и такимъ образомъ убѣжать отъ ненавистнаго солдатства.

Извѣстіе объ этомъ пораженіи уже не застало Махмуда; онъ скончался 30 іюня 1839 года; его похоронили въ простомъ гробѣ, сколоченномъ изъ сосновыхъ досокъ; этого требуютъ религіозныя правила Ислама, по которымъ смерть

всѣхъ уравниваетъ и потому мертвымъ не позволено отдавать почестей, чтобы ничѣмъ ихъ не выдѣлять другъ передъ другомъ. На престолъ, только что потерпѣвшій сильный толчекъ отъ пораженія своего лучшаго войска, одного только способнаго къ войнѣ, взошелъ шестнадцатилѣтній юноша Абдулъ-Меджидъ; онъ родился 19 апрѣля 1823 года и выросъ въ сералѣ, въ совершенномъ бездѣйствіи, и на всю жизнь остался ничтожнымъ, незамѣтнымъ, безсильнымъ и безхарактернымъ человѣкомъ, и составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ твердымъ и полнымъ силы Махмудомъ, у котораго достало смѣлости наложить руку на дряблую, полуразвалившуюся Турцію и попытаться произвести въ ней реформу.

Абдулъ-Меджидъ началъ свое царствованіе при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Почти въ одно и тоже время съ извѣстіемъ о пораженіи войска при Евфратѣ пришло другое, не менѣе непріятное: великій адмиралъ имперіи Ахметъ-Фецъ, повѣренный и другъ Махмуда, рѣшился на измѣну; онъ передалъ весь флотъ своего повелителя—султана его врагу Мехмеду-Али, и начальникъ французской эскадры, расположенной въ Дарданельскомъ проливѣ, адмиралъ Лаландъ, содѣйствовалъ ему, чтобы совершить измѣну.

Такимъ образомъ новый султанъ безпомощно, безъ сухопутнаго войска, безъ флота и безъ денегъ, стоялъ лицомъ къ лицу съ своимъ могущественнымъ и гордымъ вассаломъ, готовымъ довершить то, что ему за семь лѣтъ передъ тѣмъ не удалось. Онъ по своему обыкновенію опять прикинулся вѣрноподданнымъ, преданнымъ и покорнымъ султану; во всѣхъ его провинціяхъ торжествовали восшествіе на престолъ новаго султана, вездѣ устраивались по этому поводу народные праздники, паша съ своимъ восточнымъ краснорѣчіемъ называлъ его незапятнаннымъ, чистымъ алмазомъ, драгоцѣннѣйшимъ изъ камней востока, утреннею росою счастія и т. д. Для себя же отъ новаго султана требовалъ онъ только наслѣдственнаго обладанія Сиріей, Египтомъ, Аданой, Санджалетомъ, Марахомъ на сѣверотъ Адана и того, чтобы личный врагъ его, великій визирь Хозревъ-паша былъ лишенъ мѣста и изгнанъ. У него была тайная надежда пойти по дорогѣ, пробитой столькими счастливцами на востокѣ: сдѣлаться сначала нѣчто въ родѣ майоръ-дома или эмиръ-аль-омра султана, свою династію поставить объ руку съ династіей Махмуда и потомъ, при случаѣ, совсѣмъ сдвинуть ее съ мѣста, сбросить и такимъ образомъ обновить и пересоздать царство правовѣрныхъ. Но хуже всего для молодаго султана было то, что многіе въ Константинополѣ, по примѣру великаго адмирала, уже измѣнившаго султану, смотрѣли на египетскаго пашу, какъ на человѣка, самимъ Аллахомъ избраннаго и предназначеннаго выполнить это великое назначеніе во славу Аллаха и пророка его. Во второй разъ ему видимо покровительствовало небо, во второй разъ ему дарована была побѣда надъ султаномъ и на это смотрѣли, какъ на явное знаменіе воли Аллаха. Еслибы онъ стоялъ одинъ противъ султана, еслибы посторонняя сила не вмѣшалась, вѣроятнѣе всего, что ходъ событій оправдалъ бы гордыя надежды паши.

Надобно было выждать, какъ европейскія державы посмотрятъ на это предпріятіе, допустятъ ли онѣ совершиться такому важному перевороту въ Османской имперіи.

Россія ясно понимала положеніе дѣлъ въ Турціи; ея выгоды были сопряжены съ тѣмъ, чтобы Турція оставалась въ томъ же положеніи, въ какомъ до сихъ поръ находилась. Слабость и неподвижность ея были желаннымъ явленіемъ для сильной и энергической Русской имперіи; борьба съ сильнымъ вассаломъ, противъ котораго всегда могла понадобиться помощь сѣвернаго великана, было положеніе для нея выгодное: почему же не повториться тому же, что однажды было? почему во второй разъ не оказать ей помощи и не получить за то больше выгодъ, нежели въ первый разъ получила. Къ тому же Россія не должна была допускать, чтобы арабская династія одержала полную побѣду; она при своей молодой дѣятельности могла бы поднять и обновить, хотя бы на короткое время дряхлую Турцію и сдѣлаться если не опасною сосѣдкой для Россіи, то по крайней мѣрѣ безпокойною. Напротивъ, выгоды Англіи, Австріи и Пруссіи, для послѣдней не на столько, на сколько для двухъ первыхъ, требовали, чтобы Турція окрѣпла и чрезъ то сдѣлалась независимѣе отъ Россіи. Этого можно было достигнуть самымъ простымъ и безопаснымъ способомъ, оставалось

только поддержать существующую династію противъ преобладающаго и возрастающаго могущества египетскаго паши.

Въ сущности интересъ Франціи требовалъ того же, но эта держава здѣсь, на востокѣ, какъ и вездѣ, шла своимъ собственнымъ, Богъ вѣсть на чемъ основаннымъ, путемъ и даже не оправдываемымъ никакими причинами. На этотъ разъ гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ первый, она приняла сторону Мехмедъ-Али, на котораго въ Парижѣ смотрѣли, какъ на поборника цивилизаціи на востокѣ и реформаторскія стремленія котораго дѣйствительно дали хлѣбъ и богатство многимъ французскимъ искателямъ приключеній. Египетъ подалъ поводъ французскимъ ораторамъ и политикамъ играть громкими и смѣлыми идеями и выраженіями: они выставляли въ привлекательномъ свѣтѣ пашу и требовали, чтобы Франція взяла его подъ свое покровительство, мечтали о возрожденіи турецкой имперіи, при помощи и содѣйствіи Франціи, при мудромъ и энергическомъ правленіи египетскаго вице-короля, но не давали себѣ полнаго отчета въ томъ, какими средствами можно выполнить эту задачу и выполнима ли она вообще.

Такое положеніе дѣлъ было исполнено противорѣчій и опасностей для всѣхъ, сколько нибудь прикосновенныхъ къ нему: это было на столько же опасно для Порты, какъ и для Мехмедъ-Али, для Россіи и для Англіи столько же, сколько для другихъ европейскихъ державъ; положеніе это длилось, потому что у Порты не было средствъ сдѣлать рѣшительнаго шага, да и вице-король египетскій съ своей стороны не имѣлъ такихъ значительныхъ средствъ, какъ прикидывался, чтобы предпринять, что нибудь окончательное. При этомъ положеніи дѣлъ Порта, чтобы привлечь симпатію либеральной Европы, по совѣту своего умнаго министра Решидъ-паши, при большомъ торжествѣ, издала свой величайшій статутъ о реформѣ, извѣстный гатишерифъ-гюльгане (2 ноября 1839 года). Этимъ статутомъ султанъ даровалъ всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ исключенія, какого бы племени и какого бы вѣроисповѣданія они ни были, полную безопасность жизни, чести и состоянія; касательно мусульманъ, которымъ однимъ только дозволено было носить оружіе, ненавистную военную повинность сократилъ на четыре и на пять лѣтъ; онъ этимъ же постановленіемъ уничтожилъ злоупотребленія своихъ предшественниковъ монополіи,—откупы на подати, конфискацію имѣній — и наконецъ, если-бы это было твердо введено, то гатишерифъ могъ бы считаться величайшимъ нововведеніемъ восточныхъ государствъ — имъ положено было, что смертный приговоръ можетъ быть впередъ произнесенъ и исполненъ только послѣ строгаго судебнаго слѣдствія и законнаго приговора.

Въ январѣ 1840 года, Австрія выступила съ предложеніемъ созвать конференцію изъ европейскихъ державъ для того, чтобы обсудить турецко-египетское столкновеніе. Такая конференція дѣйствительно состоялась въ Лондонѣ, и отъ пяти европейскихъ державъ Портѣ отправлена была нота. Но Франція продолжала идти своею отдѣльною дорогой. Министерство, установившееся здѣсь, съ марта 1840 года, и въ которомъ самое большее вліяніе имѣлъ Тьеръ, открыто принимало сторону Мехмедъ-Али. Министерство требовало для него Сиріи и Египта въ наслѣдственное владѣніе, съ положеніемъ почти вполнѣ независимымъ. Еслибы послушать всѣ толки, какіе были, то нужно было бы все поставить вверхъ дномъ, чтобы выполнить ихъ требованія; журналы начали свою филиппику противъ Германіи и Англіи, и опять нашлись охотники, повторявшіе изреченіе Наполеона I, что Средиземное море есть одно изъ озеръ Франціи. Но Средиземное море также невозможно было сдѣлать озеромъ Франціи, какъ нельзя было-бы земной шаръ сдѣлать островомъ, принадлежащимъ Франціи; прочія четыре державы, исключая Франціи, соединились въ четверной союзъ, по которому обязались защищать цѣлость Турціи и принудить вицекороля возвратить султану Сирію. Мехмедъ-Али постоянно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило на лондонскомъ совѣщаніи, изо дня въ день его извѣщали о ходѣ дѣлъ и такъ какъ онъ не очень довѣрялъ вліянію Франціи и ея силѣ, то считалъ гораздо полезнѣе для себя войти въ непосредственныя сношенія съ султаномъ. Къ тому же дѣла его въ Сиріи не были очень благопріятны для него: англійскіе агенты, переодѣтые купцами, возмутили противъ египтянъ племена ливанскія, друзовъ и ма-

ронитовъ; даже французы, не смотря на свои громкія рѣчи и воинственный духъ, оставшись одни, чувствовали себя не совсѣмъ хорошо и подъ рукой совѣтовали пашѣ покончить свою распрю съ султаномъ; но паша не могъ согласиться на уступки, которыхъ отъ него, черезъ Порту, требовали европейскія союзныя державы; до сихъ поръ счастье было на его сторонѣ и избаловало его, могъ ли онъ такъ легко отказаться отъ своихъ преимуществъ? Онъ не могъ даже рѣшиться обратно выдать турецкаго флота.

Вслѣдствіе этого, Порта и четыре союзныя державы рѣшились прибѣгнуть къ силѣ, чтобы добиться своего. Фирманъ, изданный султаномъ, опять объявилъ египетскаго пашу предступникомъ, лишеннымъ покровительства законовъ. Англія и Австрія предложили ему соединенными силами начать военныя дѣйствія; тылъ ихъ отъ Франціи оберегала Пруссія, стянувшая значительныя военныя силы въ свои рейнскія провинціи; Россія съ своей стороны, въ родѣ резерва, тоже придвинула войска къ своей западной границѣ.

Соединенный англо-австрійско-турецкій флотъ, подъ начальствомъ англійскаго вице-адмирала сэръ Роберта Стаффордъ, въ сентябрѣ 1840 года явился передъ Бейрутомъ; на соединенномъ флотѣ находился сиръ Чарльсъ Непиръ, извѣстный своею отважностью и знаніемъ въ морскомъ дѣлѣ. Сулейманъ-паша, родомъ французъ, по фамиліи Сэвъ, начальникъ порта и города, отказался сдать его, но не могъ воспротивиться высадкѣ турецкаго дессанта, сдѣланнаго въ недальнемъ разстояніи отъ гавани. Это обстоятельство увеличило отвагу и ярость возмутившихся ливанскихъ племенъ, которыя только что были усмирены Ибрагимъ-пашею; Сулейманъ-паша, видя опасность своею положенія, очистилъ Бейрутъ еще до начала правильной осады; войско Ибрагима-паши съ каждымъ днемъ рѣдѣло, бѣгства и дезертирство увеличивались непомѣрно; а 10 октября онъ потерпѣлъ пораженіе близъ Калебъ-Меданы, въ предгоріяхъ Ливана; съ египтянами тутъ сражался корпусъ, составленный изъ друзовъ, англичанъ и австрійцевъ, начальствовалъ имъ нѣмецъ, Іохмусъ, гамбурскій уроженецъ, находившійся въ турецкой службѣ. Но союзныя войска дѣйствовали вяло; между сэръ Стаффордомъ и австрійскимъ военачальникомъ Вандіера, возникли несогласія, отчего произошло замедленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, которою однакожъ Ибрагимъ-паша съ своимъ ослабленныхъ войскомъ воспользоваться не могъ. Сэръ Чарльсъ Непиръ напалъ со стороны моря на Акру и обстрѣливалъ ее до тѣхъ поръ, пока она не сдалась союзникамъ; послѣ этого Ибрагимъ-паша уже не сомнѣвался въ томъ, что Сирія для него потеряна, и убѣдился, что если не хочетъ попасться въ плѣнъ съ остатками своего войска, то долженъ поспѣшно ретироваться. Онъ такъ и сдѣлалъ, и прошелъ по странѣ, наполненной возставшими противъ него племенами, имѣя въ тылу турецкое войско, которое гналось за нимъ, какъ стая собакъ; онъ по дорогѣ оставлялъ пушки, военные снаряды и обозы, и прибылъ въ Александрію, какъ бѣглецъ.

Мехмедъ-Али теперь сдѣлалъ новыя предложенія Портѣ: онъ готовъ былъ возвратить Адану, Тарсъ, Кандію, равно какъ священные города Мекку и Медину, которые захватилъ, и удовольствоваться Египтомъ, какъ наслѣдственнымъ владѣніемъ, а Сирію удержать за собою, какъ пожизненное ленное владѣніе. Но все это теперь было поздно, онъ, правда, могъ еще нѣкоторое время продержаться, тѣмъ болѣе, что союзники тоже не спѣшили; дѣятельнѣе всѣхъ былъ коммандоръ сэръ Чарльсъ Непиръ, покончившій колебанія четырехъ союзныхъ войскъ. Онъ съ своею эскадрою явился передъ Александріей и обложилъ ее, увидѣлся съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Богосъ-беемъ, разъяснилъ ему положеніе дѣлъ безъ всякихъ прикрасъ и 27 ноября заключилъ соглашеніе, условныя статьи котораго, хотя и не были заранѣе опредѣлены союзными кабинетами, и хотя онъ не имѣлъ никакого полномочія, но въ сущности онѣ впослѣдствіи все-таки были приняты и утверждены почти въ такомъ видѣ, какъ составлены первоначально. Мехмедъ-Али долженъ былъ удовольствоваться довольно сносными условіями мира и то не по ходатайству своихъ многорѣчивыхъ французскихъ друзей, а благодаря спокойной и дальновидной политикѣ Россіи. Казалось, будто бы египетскій паша судьбу свою вручилъ милосердію султана. Сирія была уже въ рукахъ турокъ, а турецкій флотъ, стоившій такъ много денегъ Египту и принесшій ему такъ мало пользы, былъ возвращенъ Портѣ; 11 января 1841 года, чтобы принять его, нарочно при-

сланъ былъ въ Александрію турецкій уполномоченный; кромѣ того паша обязался платить султану ежегодную дань въ 7 милліоновъ франковъ, уменьшить свою армію, признавать всѣ договоры, заключенные Портою съ иностранными державами, обязательными и для Египта, подданные котораго въ своихъ правахъ и обязанностяхъ будутъ впередъ сравнены съ другими подданными высокой Порты. При этихъ условіяхъ султанъ соглашался оставить египетскій пашалыкъ въ наслѣдственное владѣніе дому Мехмедъ-Али; султанъ обѣщался за себя и за своихъ наслѣдниковъ присылать инвеституру при надлежащемъ для этого фирманѣ каждому новому наслѣднику, начиная съ Ибрагима-паши, но всегда старшему въ родѣ.

Такимъ образомъ до поры до времени, рѣшился восточный вопросъ. Вице-король съ пунктуальною точностію выполнялъ статьи договора и явился даже въ январѣ 1846 года въ Константинополь, чтобы представиться Абдулъ-Меджиду, который принялъ его чрезвычайно вѣжливо. Надобно приписать неутомимой дѣятельности англійскаго министра лорда Пальмерстона, что миръ 1841 года былъ заключенъ такъ благопріятно для Турціи и что онъ убѣдилъ даже Россію отказаться отъ нѣкоторыхъ преимуществъ, предоставленныхъ ей миромъ 1833 года. Вслѣдъ за этимъ миромъ, европейскія державы, въ томъ числѣ и Франція, гдѣ между тѣмъ Тьеръ уже вышелъ изъ министерства, заключили Дарданельскій договоръ; въ немъ пять преобладающихъ державъ, съ цѣлью доказать султану свое уваженіе къ его верховнымъ правамъ государя, согласились не проводить черезъ Дарданеллы и черезъ Босфоръ военныхъ кораблей.

Далѣе, до 1848 года, Турція не представляетъ никакого интереса для исторіи европейскихъ народовъ. Гатишерифъ-дюльгане съ своими попытками реформъ не остался безъ послѣдствій; но мусульманская часть народонаселенія не могла подавить въ себѣ зависти и негодованія за то, что племена ненавистныхъ райевъ были сравнены въ своихъ правахъ съ правовѣрными, и то тутъ, то тамъ настроеніе это было причиной неслыханнаго самоуправства и жестокихъ насилій. Порта по большей части оставляла ихъ безнаказанными, частію оттого, что во главѣ правленія стоялъ великій визирь самъ съ закоренѣлыми старинными понятіями, частію оттого, что хотя во главѣ правленія и стоялъ человѣкъ, понимающій потребность реформы и сочувствующій ей, но у правительства не доставало средствъ и силы, чтобы наказывать за совершенное преступленіе. Такъ напримѣръ, Ливанъ почти постоянно былъ поприщемъ ожесточенной опустошительной междоусобной войны: враждебные мусульманскіе друзы на юго-востокъ отъ Ливана дѣлали частые, кровожадные и гибельные набѣги на своихъ, менѣе воинственныхъ сѣверо-западныхъ сосѣдей маронитовъ; ихъ вѣрованіе носило на себѣ какой-то отпечатокъ христіанскихъ понятій и потому они, находили сочувствіе у европейскихъ кабинетовъ, особенно у французскаго, который во всѣ времена смотрѣлъ на себя, какъ на оплотъ католическаго христіанства на востокѣ. Портѣ стоило величайшихъ усилій дать какую-нибудь организацію горнымъ племенамъ и тѣмъ спасти, хотя на время, разъяренныхъ враговъ отъ самоистребленія и отъ гибельныхъ слѣдствій междоусобной борьбы. Но Портѣ приходилось, по крайней-мѣрѣ однажды въ годъ, на себѣ испытывать, что всякій разъ, когда ей являлась надобность распутывать одинъ изъ безчисленныхъ запутанныхъ вопросовъ касательно своихъ подданныхъ, мусульманъ или христіанъ, все равно, то приходилось объяснять свои мѣры то одной, то всѣмъ пяти покровительствующимъ Турціи державамъ. Такой надзоръ, безъ сомнѣнія, былъ для Порты очень непріятенъ, но имѣлъ ту хорошую сторону, что заставилъ отмѣнить много варварскихъ учрежденій; такъ напримѣръ, въ 1843 году, одинъ молодой армянинъ сначала перешелъ въ магометанскую вѣру, но потомъ опять возвратился къ христіанской; его осудили, какъ ренегата, на смертную казнь и дѣйствительно казнили; по этому поводу единодушно заропотали всѣ европейскіе союзники-покровители и принудили султанское правительство если не окончательно отмѣнить этотъ законъ, то, по-крайней-мѣрѣ, сдѣлать его недѣйствительнымъ. Но такое постоянное протекторство европейскихъ державъ и ихъ вмѣшательство повели за собою то, что авторитетъ правительства въ глазахъ мусульманскаго народонаселенія совершенно упалъ, а христіанское, надѣясь на заступничество, становилось требовательнѣе и непокорнѣе; отношенія между турками и христіанами

отъ этого дѣлались враждебными и еще болѣе ожесточались отъ постоянныхъ столкновеній между тѣми и другими; христіане еще болѣе раздражали мусульманъ демонстраціями, какія дѣлали при всякомъ удобномъ случаѣ; такъ, напримѣръ, во время посѣщенія великаго князя Константина Николаевича въ 1845 году Константинополя, греческіе христіане выказывали свою радость и свое сочувствіе самыми громкими и неудержимыми изъявленіями восторга. Но сильнѣе всего турецкое правительство чувствовало гнетъ отъ европейскихъ державъ при своихъ отношеніяхъ къ Греціи; при этомъ терпѣніе истощалось даже у самыхъ невозмутимыхъ поклонниковъ Магомета.

2. Грецiя.

Новое королевство уже довольно ясно доказало, что оно не можетъ оправдать тѣхъ великихъ надеждъ, какія оно внушало. Впрочемъ и пространство земли, имъ занимаемое, всего около 700 кв. миль, съ неполнымъ милліономъ жителей, ставило это миніатюрное королевство на степень очень незначительныхъ государствъ; въ народѣ же не было тѣхъ добродѣтелей, какими основываются государства. Самолюбивые, лживые, безсильные и болѣе всего жадные до денегъ, греки тѣснились вокругъ своихъ вождей, или старшинъ, распадаясь на отдѣльныя кучки, и наконецъ всѣ эти незначительныя партіи вмѣстѣ, страдавшія изъ-за личныхъ интересовъ, окружали безсильнаго короля. Послѣ того, какъ они вытѣснили баварскихъ совѣтниковъ королевскихъ, которые, сказать мимоходомъ, тоже рады были оставить классическій Парнасъ и Геликонъ, греки начали свободнѣе распоряжаться. Въ этой несчастной странѣ никто не дѣлалъ своего дѣла; никто не занимался медленнымъ, но честнымъ трудомъ земледѣльца, или промышленника, никто въ этихъ первыхъ, прямыхъ источникахъ не отыскивалъ народнаго благосостоянія; напротивъ, всѣ интриговали, спорили горячо и враждовали другъ съ другомъ, или пользовались для своекорыстныхъ цѣлей государственными постановленіями и занимаемыми должностями. Не довольно того, что сами греки тутъ грязли въ своекорыстныхъ интригахъ, но и представители трехъ покровительствующихъ Портѣ европейскихъ державъ спорили между собою и интриговали другъ передъ другомъ. Вмѣсто того, чтобы греческимъ правительственнымъ людямъ заниматься устройствомъ своего народа, исправлять жалкое состояніе его финансовъ — тамъ было около 25 милліоновъ долга, при четырехъ милліонахъ дохода и $4^1/_2$ милліонахъ расхода,—они тѣшились игрою въ политику: то посылали помощь возставшимъ жителямъ Крита, то затѣвали между греками, разсѣянными по Турціи, заговоры, или учреждали вооруженныя банды, которыя дѣлали разбойничьи набѣги со стороны Ѳессаліи и Эпира на турецкія владѣнія. Но болѣе всего повода къ волненіямъ подавали греческіе подданные, въ видѣ торговцевъ, негоціантовъ, или землевладѣльцевъ, находившихся въ турецкихъ областяхъ. Въ Аѳинахъ во главѣ правленія становились то русскіе приверженцы: Катакази, Метаксасъ, то англійскій—Маврокордато; но въ августѣ 1844 года онъ долженъ былъ уступить соединенной интригѣ французской и русской партій, и во главѣ министерства сталъ Колеттисъ; онъ по невообразимой, чисто греческой дерзости, вздумалъ между греческимъ народонаселеніемъ турецкихъ областей производить выборы въ члены для палаты депутатовъ, существовавшей съ 1845 года въ молодомъ королевствѣ. Положеніе Турціи тоже было печально: на ея границы нападали греческія разбойничьи шайки; въ турецкихъ областяхъ хозяйничали и волновали народъ греческія гетеріи; иностранныя державы ихъ открыто поддерживали; съ аѳинской трибуны палаты депутатовъ, съ мальчишескою горячностью, ораторы громили сосѣднее государство; все это Турція видѣла, но ни въ комъ, кромѣ Англіи, не находила поддержки и на всѣ безчинства принуждена была смотрѣть съ полнымъ бездѣйствіемъ. Очень хорошо положеніе дѣлъ характеризуетъ ничтожный по своему поводу споръ, возникшій по причинѣ правилъ этикета между Греціей и Турціей и длившійся весь 1846 годъ. Представитель турецкаго правительства въ Аѳинахъ былъ фанаріотъ, по имени Музурусъ; онъ отказался визировать пас-

портъ для поѣздки въ Константинополь одному греку, извѣстному тѣмъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ разбойническихъ набѣгахъ на турецкія земли, но теперь по происканъ Колеттиса занималъ почетную должность флигель-адъютанта короля; по требованію Колеттиса король принужденъ былъ на одномъ придворномъ балѣ сдѣлать довольно строгое замѣчаніе турецкому уполномоченному за такое нарушеніе уваженія къ лицамъ, состоящимъ на непосредственной его придворной службѣ. Порта не вынесла оскорбленія, нанесеннаго ея полномочному представителю, и потребовала удовлетворенія въ двухъ-суточный срокъ; но удовлетворенія не послѣдовало въ назначенный срокъ; тогда Турція прервала всѣ дипломатическія сношенія съ Греціей и рѣшилась прибѣгнуть къ силѣ; между кабинетами покровительствующихъ державъ по поводу этого началась самая дѣятельная переписка. Къ силѣ прибѣгать Турціи было не трудно; она начала съ того, что запретила всѣмъ греческимъ судамъ плавать по турецкимъ морямъ, приставать къ границамъ Турціи и вести торговлю съ ея жителями; проходъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ былъ для грековъ окончательно закрытъ. Крайній срокъ, когда рѣшеніе это должно было быть приведено въ исполненіе, былъ уже назначенъ; но въ это время Коллетисъ умеръ и положеніе дѣлъ измѣнилось. Король Оттонъ обратился за совѣтомъ и рѣшеніемъ къ императору Николаю Павловичу; царь рѣшилъ такъ: чтобы, по желанію Порты, греческій кабинетъ написалъ Музурусу письмо, въ которомъ выражалось бы сожалѣніе о случившемся; это было исполнено министромъ, занявшимъ мѣсто Коллетиса, въ декабрѣ 1847 года. На нѣкоторое время такимъ образомъ было возстановлено довольно сносное положеніе между обоими государствами. Для Греціи полученный урокъ былъ очень полезенъ. Значеніе турецкой имперіи возрастало по мѣрѣ того, какъ симпатія, пробужденная Греціей, охладѣвала; къ тому же вскорѣ весь западъ европейскаго материка представлялъ картину такой дикой неурядицы, въ сравненіи съ которой положеніе Турціи могло показаться примѣрнымъ по своему спокойствію и порядку.

3. Россія.

Россія, только третью своего огромнаго протяженія находясь въ Европѣ, и по своей исторіи и по своей жизни составляетъ отдѣльный самобытный, не похожій на остальной европейскій міръ, управляемый своими законами, тоже не похожими на законы прочихъ европейскихъ государствъ. Россія по своему протяженію въ четыре раза больше протяженія остальныхъ европейскихъ державъ, вмѣстѣ взятыхъ; она завлючаетъ въ себѣ пестрое, разнообразное, разноплеменное народонаселеніе, разнообразное и по языку, и по степени образованіи, и по религіознымъ понятіямъ. Многіе изъ инородныхъ племенъ, входящихъ въ составъ Русской имперіи, находятся еще въ періодѣ до-историческаго существованіія предавшись насущнымъ житейскимъ заботамъ о пріобрѣтеніи, они живутъ мирною, неизмѣнною жизнію, по обычаямъ, по преданію, переходящимъ отъ отца къ сыну, отъ одного поколѣнія къ другимъ, нанизывая прожитой годъ къ году, пока изъ отдѣльныхъ годовъ не составятся десятки, сотни и наконецъ тысячелѣтія; такая жизнь есть частная жизнь, однообразная, отмѣчаемая только перемѣнами, происходящими въ тѣсномъ семейномъ кругу, или въ родной деревнѣ и много-много въ родномъ племени, и по большей части ограничивающаяся перемѣнами отъ вліянія внѣшней природы на жизнь человѣческую. Жизнь государства, въ составъ котораго входитъ много подобныхъ элементовъ, задерживается, общія перемѣны въ немъ происходятъ медленнѣе; здѣсь стрѣлка, указывающая моменты развитія, движется медленнѣе, но въ то же время спокойнѣе и равномѣрнѣе; здѣсь нельзя ожидать переворота въ одну великую недѣлю, въ три дня, какъ это мы видѣли въ западной Европѣ; но если мы сравнимъ такую государственную жизнь по пятидесятилѣтіямъ, или по столѣтіямъ, то увидимъ, какіе огромные успѣхи сдѣлала здѣсь цивилизація, на сколько государственное развитіе подвинулось впередъ и на сколько все измѣнилось. При огромномъ объемѣ, при

недостаточныхъ путяхъ сообщенія, при рѣдкомъ народонаселеніи и недостаточномъ развитіи его, Россія болѣе всего нуждается въ твердомъ и дѣятельномъ образѣ правленія; для нея необходима самодержавная власть ея государей, она столько же необходима здѣсь, сколько была необходима въ огромномъ государствѣ Кира и Александра Великаго; она тамъ и здѣсь все сдерживала и одна предотвращала распаденіе государства на части. Но при такомъ составѣ раждается у правящей силы потребность все объединять, сглаживать выдающіяся національности составныхъ частей своихъ провинцій. Этотъ законъ объединенія и сглаживанія національностей особенно ясно и болѣзненно отозвался на Польшѣ; тоже самое начало, но только въ несравненно меньшей степени, можно сказать едва замѣтно, проявляется и въ пріобрѣтенной отъ Швеціи части Финляндіи и на Прибалтійскихъ нѣмецкихъ провинціяхъ. Императоръ Николай ясно сознавалъ необходимость объединенія націй, находящихся подъ однимъ и тѣмъ же его скипетромъ, и потому въ такомъ смыслѣ направлялъ свои дѣйствія; первый самый прямой путь для объединенія различныхъ національностей заключается въ томъ, чтобы религіозныя понятія племенъ были одинаковы, а если они не одинаковы, то по возможности стараться сдѣлать ихъ такими. Менѣе всего при такомъ взглядѣ можно допускать религіозныя понятія, которыя служатъ не только знаменемъ національности, но еще національности враждебной господствующей религіи и господствующему племени, да еще кромѣ того, заставлявшей народъ тяготѣть къ какому нибудь внѣшнему центру и слѣдовательно, всѣми силами пытаться отдѣлиться отъ преобладающей государственной массы: въ такомъ отношеніи къ Россіи находились Прибалтійскія губерніи, по преобладающему въ нихъ духу протестантизма тяготѣвшія къ Германіи, и Польша, по своему католическому настроенію смотрѣвшая на Римъ, или на Францію. Постоянныя волненія въ Польшѣ преимущественно были возбуждаемы духовенствомъ; поэтому не удивительно, что русское правительство, чтобы искоренить зло, прямо дѣйствовало на католическую церковь и на ея представителей въ Польшѣ, по большей части главныхъ виновниковъ непокорности народа. Для вѣрнѣйшаго объединенія мирнымъ путемъ, или способомъ добровольнаго соглашенія, императоръ Николай издалъ законъ, по которому дѣти, происшедшія отъ брака католика, или лютеранина съ одной стороны и греко-россійскаго вѣроисповѣданія съ другой неизбѣжно должны быть православнаго греко-россійскаго вѣроисповѣданія; тотъ же самый законъ простирался и на всѣхъ иныхъ послѣдователей христіанскихъ религій при бракосочетаніяхъ съ православными. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ религіозное объединеніе съ Россіей пошло своимъ особеннымъ путемъ: крестьяне страдали во-первыхъ отъ насилія помѣщиковъ, а во-вторыхъ еще болѣе отъ насилія пасторовъ; чтобы освободиться отъ одного изъ этихъ гнетовъ, они массами принимали греко-россійское вѣроисповѣданіе, освобождавшее ихъ отъ тяжкой обязанности платить за всѣ требы слишкомъ много и подчиняться другимъ тягостнымъ отношеніямъ къ своимъ пасторамъ. Въ Финляндіи крестьяне тоже начали переходить въ православіе: между ними распространился ложный слухъ, будто всѣ, перешедшіе въ православіе, получатъ имѣнія своихъ землевладѣльцевъ. Евреи расползались по Россіи и разносили съ собою вредные элементы для народной жизни, по этому правительство нашло необходимымъ запретить имъ въѣздъ во внутреннія чисто русскія губерніи и въ столицы и чтобы ихъ, хотя по наружному виду, сравнять съ прочими окружающими ихъ жителями, въ 1846 году запретили имъ носить свой народный костюмъ. Въ господствующей православной церкви произошло также очень важное пововведеніе: указомъ отъ января 1842 года положено было отобрать у монастырей приписанныя къ нимъ имѣнія и замѣнить ихъ ежегоднымъ казеннымъ содержаніемъ, отпускаемымъ чистыми деньгами.

Отношенія Россіи къ римскому папскому престолу были самыя плохія, но на это императору нечего было обращать вниманія; папа Григорій XVI ограничивался тѣмъ, что отъ времени до времени громко жаловался на печальное положеніе римской церкви въ Россіи, но протесты его оставались безъ послѣдствій; здѣсь римская курія на себѣ испытала, какъ недѣйствительны ея требованія и претензіи, если у нея нѣтъ средствъ поддерживать ихъ силой. Даже соглашеніе, заключенное императоромъ Николаемъ и папой Піемъ IX, въ 1847 году, не при-

несло съ собою значительныхъ измѣненій въ положеніи римско-католической церкви въ Россіи: правда, римско-католическимъ епископамъ назначены были, сравнительно, очень большіе доходы, папѣ предоставлялось право каноническаго поставленія духовныхъ лицъ, но императоръ предоставилъ себѣ право выбора. Допускать дальнѣйшія реформы императоръ Николай не находилъ нужнымъ и считалъ ихъ несвоевременными; но тѣмъ не менѣе онъ не избѣгалъ труда; онъ постоянно объѣзжалъ свое государство и вездѣ пытался лично вникать въ подробности своего народа и въ матеріальномъ отношеніи сдѣлалъ многое, чтобы улучшить его благосостояніе: при немъ значительно возвысились различныя отрасли промышленности, развилось пароходство по морямъ и рѣкамъ; при немъ положено было начало системы желѣзныхъ дорогъ; во всемъ этомъ видно вліяніе западно-европейскаго духа прогресса, но императоръ изъ всѣхъ нововведеній всегда выбиралъ только то, что считалъ особенно необходимымъ и пригоднымъ для своего народа. При немъ началось обсуживаніе самой важной мѣры въ государственной жизни Россіи, а именно: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія, но вопросъ этотъ только былъ поднятъ; еще не сдѣлано было ничего для окончательнаго его разрѣшенія. Впрочемъ была уже одна попытка: апрѣля 14 1842 года изданъ былъ указъ, по которому землевладѣльцы и помѣщики входили въ соглашенія съ своими крестьянами и предоставляли имъ право выкупа; это былъ указъ о временно-обязанныхъ крестьянахъ; еще нѣсколько указовъ, изданныхъ въ 1847 и въ 1848 годахъ, дозволяли временно-обязаннымъ крестьянамъ покупать поземельную собственность; но и здѣсь повторилось нѣчто похожее на то, что было въ древней Римской имперіи: многіе крѣпостные при знатныхъ, сильныхъ и богатыхъ помѣщикахъ занимались торговлей, или фабричной промышленностію и сами пріобрѣтали значительное богатство, но отказывались отъ предлагаемой имъ воли на томъ основаніи, что считали себя независимѣе и сильнѣе подъ охраной знатнаго и могущественнаго имени своихъ господъ.

Внѣшняя политика Россіи отражала въ себѣ основныя черты и правила внутренняго состоянія государства и основныя правила его управленія. Тѣмъ сторонамъ народной жизни, какихъ императоръ не хотѣлъ видѣть у себя, тѣмъ онъ противодѣйствовалъ и внѣ предѣловъ своего государства. Политика Россіи не могла сочувствовать и содѣйствовать стремленію къ свободѣ, такъ сильно обнаруживавшемся въ этотъ періодъ времени; но за то желаніе расширить свою власть императоръ ясно выказывалъ. Между тѣмъ вліяніе русской политики, если подъ этимъ разумѣть живительную силу обмѣна идей и стремленій, постепенно упадало по мѣрѣ того, какъ народная дѣятельность западной Европы возрастала и крѣпла. Возстаніе въ Познани еще разъ заставило соединенныя державы священнаго союза дѣйствовать сообща, но Австрія все болѣе и болѣе подозрительно смотрѣла на своего могущественнаго сосѣда; Меттернихъ не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи къ русскому императору и втайнѣ смотрѣлъ на него недружелюбно, готовясь при первой потребности спустить на него съ цѣпи своихъ поляковъ; Пруссія все еще поддерживала съ Россіей родственныя отношенія, но той тѣсной дружеской связи, какая существовала при Фридрихѣ Вильгельмѣ III, давно уже не было; царствующій король гораздо болѣе сочувствовалъ Англіи, нежели Россіи. Фридрихъ Вильгельмъ IV, человѣкъ богатый идеями, склонный къ фантазіямъ, не имѣлъ склонности къ военнымъ занятіямъ и къ войнѣ, поэтому не могъ сочувствовать императору Николаю, исключительно преданному всему, что на себѣ носило отпечатокъ военнаго; короля гораздо больше занимали церковно-богословскіе вопросы, онъ интересовался научнымъ и художественнымъ движеніемъ германской жизни и упускалъ изъ виду ея военную силу. Если вліяніе Россіи нѣсколько ослабѣло въ Пруссіи, тѣмъ сильнѣе оно становилось во второстепенныхъ державахъ германскаго союза, родственно-связанныхъ посредствомъ царствующихъ въ нихъ домовъ съ императорскимъ, такъ, напримѣръ, съ вюртембергскій наслѣдный принцъ въ 1846 году вступилъ въ бракъ съ дочерью императора, великою княжною Ольгою Николаевной.

Россія взяла подъ свое покровительство, если не формально, то нравственно, консервативное начало въ Европѣ, такъ какъ Франція защищала революціонное; если это было и не такъ, то главное, на обѣ державы всѣ европейскіе народы

смотрѣли съ этой точки зрѣнія; надобно было дать Германіи время оправиться, окрѣпнуть и вырости, чтобы она нашла возможность освободить Европу отъ обоихъ этихъ принциповъ, колебавшихъ ее въ теченіе столькихъ десятилѣтій. Императоръ Николай самъ проникнутъ былъ почти такимъ-же убѣжденіемъ и смотрѣлъ на свое назначеніе, какъ поборника законности; вотъ почему онъ не любилъ Людовика-Филиппа; онъ видѣлъ въ лицѣ его воплощеніе враждебнаго ему революціоннаго духа, хотя въ сущности французскій король въ своей политикѣ никогда не выказывалъ этого стремленія. Разница въ образѣ мыслей англійскаго и русскаго правительствъ, особенно пока во главѣ англійскаго министерства стояли тори, скорѣе выказывалась въ различіи интересовъ, нежели въ различіи принциповъ, потому что конституція Англіи разсчитана и примѣнима только для нея одной и не годится ни для какого другаго государства, поэтому она никогда и не старалась распространять ее на другія государства; но когда во главѣ англійскаго правленія стали виги, подъ руководствомъ министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Пальмерстона, тогда различіе въ воззрѣніи на вещи выказалось гораздо рѣзче, опредѣленнѣе и имѣло вліяніе на отношенія европейской жизни. Когда Краковъ предполагалось лишить независимости и присоединить его къ Австріи, Англія протестовала вмѣстѣ съ Франціей, какъ противъ дѣла противнаго Вѣнскому договору; когда же вспыхнула междоусобная война Зондербунда въ Швейцаріи, между партіями радикальною и іезуитскою, Пальмерстонъ открыто принялъ сторону первой, а императоръ Николай второй.

Поприще, на которомъ происходило столкновеніе и борьба противоположностей, преимущественно былъ востокъ, Турція и азіатскія области, хотя дѣло здѣсь еще и не доходило до открытой борьбы. Въ Константинополѣ, въ Персіи, въ Афганистанѣ, въ Китаѣ русское и англійское вліянія повсюду сталкивались; но чувствительнѣе для Россіи было противодѣйствіе Англіи на Кавказѣ, гдѣ все еще длилась нескончаемая борьба русскаго войска съ горными племенами черкесовъ, или, какъ они сами себя называютъ, а д и г ѣ. Военныя дѣйствія на Кавказѣ длились еще съ конца XVIII столѣтія и занимали почти все пространство, населенное черкесами, т. е. съ одной стороны весь горный склонъ до Кубани, съ другой до прибрежья Чернаго моря; пользуясь удобнымъ случаемъ, черкесы дѣлали набѣги на русскія границы и уводили жителей въ горы въ неволю, увозили туда награбленное имущество и угоняли скотъ. Но съ 1829 года, съ тѣхъ поръ, какъ восточный берегъ Чернаго моря находился во власти Россіи и съ тѣхъ поръ, какъ тамъ начали воздвигать укрѣпленія, можно было предвидѣть, что борьба окончится и непокорное племя принуждено будетъ отказаться отъ своей дикой свободы. Черкесская торговля была уже стѣснена, они только тайкомъ, съ большими затрудненіями могли промѣнивать невольниковъ и невольницъ на оружіе, военные снаряды и соль. Съ году на годъ русскія войска все далѣе и далѣе проникали въ ихъ горныя твердыни, находившія поддержку въ товарахъ, привозимыхъ англійскими кораблями. Одинъ изъ такихъ кораблей «Л и с и ц а», нагруженный солью, порохомъ, пулями и оружіемъ, въ 1836 году, былъ выслѣженъ русскимъ военнымъ кораблемъ, близъ границъ черкесскихъ, и попался въ плѣнъ; этотъ случай заставилъ о себѣ много говорить, но важныхъ послѣдствій онъ не имѣлъ. Съ 1839 года въ одномъ изъ западныхъ чеченскихъ племенъ явился предводитель, достойный вниманія, Ш а м и л ь; онъ организовалъ сопротивленіе и съумѣлъ возбудить религіозный энтузіазмъ, наравнѣ съ патріотическимъ и воинственнымъ; его первоначальныя дѣйствія были очень успѣшны, и онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ русскими войсками: на его сторонѣ были силы природы: горные глетчеры, необозримыя снѣжныя поля, со всѣми ужасами альпійской горной страны; невозможность передвигать по горамъ значительныя массы войска и добывать для нихъ съѣстныхъ припасовъ, потому что возить съ собою провіантъ на долгое время было невозможно; правда, русская армія въ этой горной войнѣ пріобрѣтала опытность и на дѣлѣ проходила трудную школу лишеній, но это было плохое утѣшеніе, на столько же недостаточное, какъ степная война съ Абдъ-эль-Кадеромъ была для Франціи. Иначе значенія во всемірной исторіи эта борьба не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что окончаніе ея можно было предвидѣть.

С. РОМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

1. Испанія.

Романскія государства, по своей подвижной измѣнчивости, составляютъ полнѣйшій контрастъ съ сравнительной неподвижностью Россіи. Между тѣмъ, какъ здѣсь, начиная съ 1812 года, иностранною внѣшнею политикою руководилъ все одинъ и тотъ же человѣкъ, — въ Испаніи, напримѣръ, въ теченіе 25 лѣтъ, отъ 1833 — 1858 г. перебывало 61 министръ иностранныхъ дѣлъ, при 47 министрахъ президен-тахъ, 78 министровъ финансовъ и 95 военныхъ министровъ *).

Междоусобная война прекратилась въ 1840 году, съ удаленіемъ остатковъ войска карлистовъ во Францію. Первымъ человѣкомъ въ Испаніи, хотя на текущее время первымъ, сдѣлался предводитель побѣдоноснаго войска христиносовъ—Эспартеро; королевскимъ декретомъ онъ возведенъ былъ въ званіе Duque de la Vittoria, герцога Побѣды. Онъ соединился съ прогрессивною оппозиціей противъ существующаго министерства, принудилъ регентшу подтвердить свои требованія и 29 сентября 1840 года торжественно вошелъ въ Мадридъ. Но раздраженная такою требовательностію регентша, удалившаяся въ Валенсію, сложила съ себя регентство 12 октября и съ неудовольствіемъ предоставила прогрессистамъ и ихъ вождю право распоряжаться дѣлами управленія. 8 мая 1841 года кортесы провозгласили его регентомъ, но недовольная этимъ Марія Христина протестовала противъ этого изъ Парижа, гдѣ она тогда находилась. Начальники партіи умѣренныхъ (Moderados) Цеа Вермудецъ, Мартинецъ де ла Роза, Торено и генералы О'Доннель и Нарваецъ тотчасъ собрались вокругъ нея и начали интриговать противъ регента. Эта партія теперь начала опираться на духовенство; папа принялъ ихъ сторону и 1 марта 1841 года, обнародовалъ въ провинціяхъ, подчиненныхъ карлистамъ, аллокуцію (воззваніе), въ которой протестовалъ противъ упраздненія монастырей и лишенія ихъ недвижимой собственности; немного спустя, въ циркулярномъ посланіи отъ 22 февраля 1842 г. предписалъ всему католическому міру произносить молитвы о спасеніи испанской церкви Послѣднее было вызвано распоряженіемъ испанскаго правительства: кортесы приняли проектъ министерства и издали законъ іюля 1841, по которому всѣ церковныя имущества дѣлались національною собственностію; всѣ церковныя недвижимыя имѣнія положено было продать, а для всѣхъ издержекъ церкви и монастырей назначалась сумма въ 5 милліоновъ рублей серебромъ. Но эта насильственная мѣра не могла исправить плачевнаго положенія финансовъ; корень этого зла находился несравненно глубже; во всякомъ случаѣ, надобно сознаться, что регентъ, какъ военный, привыкшій повелѣвать, управлялъ государствомъ съ достаточной силой и осмотрительностью: онъ обратилъ вниманіе на устройство

*) Баумгартенъ. Исторія Испаніи.

водянаго сообщенія посредствомъ каналовъ, и пролагалъ дороги, для удобнѣйшей ѣзды и передвиженія войска, заключалъ торговые договоры, включилъ Бискайскія провинціи въ испанскую таможенную линію, вообще онъ старался поднять и устроить государство: масса народонаселенія, привыкшая къ постоянной борьбѣ партій, къ нескончаемымъ битвамъ изъ-за того, кому стоять у кормила правленія, равнодушно относилась къ тому, стоялъ ли во главѣ правленія Вальмедеро, или Памфило, Эспартеро, или Нарваэцъ; вслѣдствіе анархіи, существовавшей въ верхнихъ слояхъ общества, самостоятельность общинъ развивалась болѣе и болѣе, и подъ ближайшимъ управленіемъ своихъ аюнта-міентосъ, сельское народонаселеніе спокойно занималось своимъ дѣломъ. Но духъ партій не дремалъ и не давалъ регенту времени продолжать начатыя реформы. Въ декабрѣ 1842 года, въ Барцелонѣ, произошло возстаніе, распространявшееся все далѣе и далѣе. Партія христиносовъ, только подъ новымъ именемъ, возобновила старую борьбу; генералы Примъ и Серано издали декретъ, лишавшій Эспартеро званія регента, и въ іюнѣ начальство надъ войскомъ инсургентовъ принялъ Нарваэцъ, человѣкъ энергическій и даровитый. Партія инсургентовъ возрастала и Мадридъ достался имъ въ руки, 3 іюля; Эспартеро долженъ былъ сѣсть на англійскій корабль и искать себѣ пріюта внѣ предѣловъ Испаніи. Роли опять перемѣнились: недавніе побѣдители должны были спасаться, или были изгнаны изъ отечества, а изгнанники возвращались со всѣхъ сторонъ; составилось новое національное правительство изъ партіи модерадосъ; во главѣ его сталъ Лопецъ; онъ созвалъ кортесы на 13 октября 1843 года. Выборы въ кортесы всегда производятся въ духѣ преобладающей партіи. Молодая королева, достигшая 14 лѣтняго возраста, была объявлена совершеннолѣтнею и присягнула конституціи. Но 26 февраля 1844 года возвратилась въ Испанію достойная мать ея Христина, которая въ чужихъ земляхъ успѣла сдѣлаться набожной и примирилась съ папой. Ея бракосочетаніе съ герцогомъ Ріансаромъ, бывшимъ лейб-гвардейцемъ, было обнародовано и получило церковное освященіе; продажа церковныхъ и монастырскихъ имѣній была пріостановлена. Въ маѣ генералъ Нарваэцъ занялъ мѣсто министра-президента и составилъ новое министерство; управленіе получило правильный ходъ, составлена была конституція, въ духѣ модерадосъ; она въ своихъ основныхъ чертахъ была сколкомъ съ французской хартіи. Члены сената назначались королевой и положеніе ихъ было почти такое же, какъ положеніе французской палаты перовъ; римско-католическое вѣроисповѣданіе признано было господствующимъ, правительство обязалось содержать духовенство; въ январѣ 1845 года кортесы постановили законъ, удвоивавшій сумму, назначенную на духовенство, послѣ чего папа, въ мартѣ того же года, призналъ Изабеллу королевой. Въ маѣ обнародована была новая конституція и засѣданіе кортесовъ закрыто. Новые кортесы, избранные на основаніи новой конституціи, открыли свои засѣданія въ октябрѣ.

Опять на время возстановленъ былъ миръ и въ отдѣльныхъ кружкахъ начались толки о томъ, чтобы окончательно умиротворить край, черезъ бракосочетаніе молодой королевы съ сыномъ ея дяди, донъ Карлосомъ; дядя королевы отказался отъ своихъ сомнительныхъ правъ на воображаемый престолъ, въ пользу своего сына 18 мая 1845 года. Но королева Христина еще до этого уже рѣшилась войти въ родственный союзъ съ Людовикомъ Филиппомъ, который никакимъ образомъ не хотѣлъ видѣть на престолѣ какого либо потомка старшей линіи. Ловкій и разсчетливый политикъ настоялъ на томъ, чтобы королева Изабелла вышла замужъ за своего двоюроднаго брата инфанта Франца де Ассиза, а сестра ея, инфанта Луиза вышла замужъ за его сына Антонія, герцога Монпансье. Но какъ ни былъ онъ разсчетливъ, но ошибся въ одномъ отношеніи, онъ не ожидалъ, чтобы у королевы были дѣти. Рожденіе принца опрокинуло всѣ надежды герцога Монпансье, вопросъ объ испанскихъ родственныхъ сочетаніяхъ съ французскимъ царствующимъ домомъ породилъ много толковъ при европейскихъ дворахъ, но вскорѣ все было забыто, все померкло передъ болѣе важнымъ событіемъ, черезъ которое самъ устроитель всѣхъ испанскихъ бракосочетаній съ дальними политическими видами потерпѣлъ болѣе всѣхъ.

2. Португалія.

Политическія отношенія въ Португаліи, въ существенныхъ чертахъ своихъ, походили на испанскія. И здѣсь, при безпрерывныхъ возстаніяхъ и волненіяхъ, дѣло шло не о благостояніи и интересахъ народныхъ, но здѣсь теперь, какъ съ незапамятныхъ временъ, перемѣны производились изъ-за удовлетворенія духа партій или еще вѣрнѣе ихъ предводителей. Января 19, 1842 года въ Опорто опять вспыхнуло возстаніе, предводитель и зачинщикъ котораго требовалъ возобновленія хартіи, данной донъ Педро въ 1826 году; тоже самое движеніе, съ тѣмъ же требованіемъ повторилось въ Лиссабонѣ; королева обратила на него вниманіе, приняла эту конституцію и поставила зачинщиковъ волненія, герцога Терцейра и великаго магистра португальской масонской ложи, Коста-Кабраль, во главѣ министерства. Этотъ порядокъ вещей продержался до апрѣля 1846 года. Побѣжденная партія между тѣмъ отдохнула и собралась съ силами, къ тому же очевидно было доказано, что перемѣна конституціи ни на волосъ не измѣнила и не исправила положенія дѣлъ. Достаточно было самаго незначительнаго повода, чтобы произошло возстаніе: издано было постановленіе, по которому мертвыхъ погребать можно было только съ полицейскимъ свидѣтельствомъ; этого было достаточно, чтобы въ сѣверныхъ провинціяхъ произошло возстаніе, которое возрастало быстро, отъ приставшихъ къ инсургентамъ людей безземельныхъ, оставшихся безъ занятій; вскорѣ волненіе дошло до Коимбры. Мая 25 въ Лиссабонѣ произошла схватка между народомъ и войсками; министры оставили свои должности, Кабраль бѣжалъ и составилось новое правительство, подъ предсѣдательствомъ Палмелы. Еще въ теченіе того же года, опять вслѣдствіе безпокойствъ, составилось новое министерство съ направленіемъ абсолютистическимъ, подъ предсѣдательствомъ Салданга, но противъ него установилось конституціонное правительство въ Коимбрѣ и Опорто. Два раза, ноября 16 близъ Хава и декабря 22 близъ Торресъ-Ведрасъ произошли столкновенія и каждый разъ конституціонная партія потерпѣла пораженіе. Коимбра, главная точка ея операціонной линіи, попалась въ руки абсолютистовъ. Междоусобная война продолжалась. Королева, чтобы успокоить партіи, обѣщала амнистію, созвала кортесы и составила министерство изъ умѣренныхъ, но инсургенты не переставали волноваться; тогда вслѣдствіе конвенціи между Англіей, Франціей и Испаніей, іюня 1847 года, испанскія войска перешли черезъ границу Португаліи; при содѣйствіи представителей этихъ трехъ державъ, основываясь на положеніяхъ хартіи, составилось новое министерство изъ людей умѣренной партіи, но въ декабрѣ того же года оно должно было уступить другому министерству, подъ управленіемъ Салданга; такъ измѣненіе слѣдовало за измѣненіемъ, были постоянныя потрясенія, безъ цѣли и безъ послѣдствій и даже безъ всякаго значенія, только отражавшіяся на непосредственныхъ дѣятеляхъ—предводителяхъ партій и людяхъ къ нимъ близкихъ. Португалія походила на волканъ, постоянно выбрасывавшій шлаки, тучи дыма, пепла и ненужные камни, постоянно колебавшій почву и мѣшавшій мирнымъ занятіямъ ея жителей.

3. Италія.

Происшествія въ Испаніи и въ Португаліи возбуждали мало интереса въ остальной Европѣ; выдвигающіяся и падающія тамъ личности для читателей газетъ, по ту сторону Пиренеи, были только пустыми именами, съ которыми не соединялось никакого яснаго представленія. Совсѣмъ не въ такомъ положеніи была Италія. Въ Европѣ и особенно въ Германіи, съ возрастающимъ интересомъ, хотя и безъ большаго сочувствія, смотрѣли на полуостровъ, судьбы котораго такое долгое время связывались съ судьбой Германіи и будущность которой, го-

раздо болѣе, чѣмъ воображали, сплеталась съ ея будущностью. Возстаніе 1830 и 31 года въ Папской области не сообщилось ни одному изъ крупнѣйшихъ итальянскихъ государствъ: въ Тосканѣ, Неаполѣ, Піемонтѣ, какъ мы видѣли, оно было вполнѣ подавлено; какъ казалось, все пошло своимъ обычнымъ путемъ; въ 1838 году французскія и австрійскія войска оставили Папскую область. Между тѣмъ въ Италіи, также какъ въ Германіи, духъ національный былъ пробужденъ и тихо работалъ, дѣлая шагъ за шагомъ, завоевывая одну сторону жизни за другой. При развитіи этого духа національности, Италія имѣла много преимуществъ передъ Германіей: зло, противъ котораго ей надобно было бороться, лежало передъ ея глазами; цѣль, къ которой народъ долженъ былъ стремиться, была очень проста и осязательна: Италія должна была освободиться отъ иноземнаго владычества. Всѣ стремленія людей мыслящихъ сходились на этомъ желаніи, оно было причиной всѣхъ заговоровъ, всѣхъ тайныхъ обществъ и собраній; все это были орудія для достиженія одной великой цѣли, соединяющей въ себѣ всю нравственную и умственную жизнь народа, смотрящаго съ упованіемъ и непреклонной вѣрой на будущность Италіи.—Въ Германіи мы видѣли проявленіе безсильнаго пессимизма, ограничивавшагося тѣмъ, что ораторы за кружкой пива разбирали ошибки и неудобства правительственныхъ мѣръ, толковали о нихъ и изощряли на нихъ свое остроуміе, или посмѣивались надъ союзнымъ совѣтомъ, или надъ своими и сосѣдними правителями и наконецъ не щадили даже и своей собственной, частной жизни; много-много, если эти политики пускались философствовать и выводили мудрое философское заключеніе, что судьба предназначила Германіи, взамѣнъ ея недостаточнаго политическаго единства и значенія въ Европѣ, сдѣлаться великимъ народомъ, способнымъ идеями своими оплодотворить весь міръ и, на подобіе грековъ, быть нравственными его руководителями. Такого безплоднаго пессимизма въ Италіи не было и не могло быть въ этомъ воспріимчивомъ, пылкомъ народѣ сангвиническаго темперамента. Можетъ быть итальянцы скорѣе нѣмцевъ должны были бы на жизнь смотрѣть съ мрачной стороны, страданія ихъ были несравненно тяжелѣе, прогрессъ между ними меньше замѣтенъ, ихъ положеніе могло казаться безнадежнымъ; но ничего этого незамѣтно было въ Италіи: сколько бы заговорщиковъ ни погибало въ тюрьмахъ — на мѣсто одного всегда являлись десятки новыхъ, до тѣхъ поръ, пока вовсе не стало надобности въ заговорахъ, потому что весь народъ былъ въ заговорѣ, всѣ другъ друга понимали безъ словъ и безъ знаковъ.

Различныя партіи, у которыхъ также была одна общая цѣль, — свергнуть иностранное австрійское владычество, различными путями пошли къ одной цѣли: партія р а д и к а л о в ъ, организованная и руководимая Мадзини, превратилась въ фанатическихъ поборниковъ, ненавидѣвшихъ существующій порядокъ вещей до крайнихъ предѣловъ его и не отступавшихъ даже передъ тайнымъ убійствомъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы преслѣдовать царствующія лица, или измѣнниковъ своей партіи. Партія л и б е р а л о в ъ дѣйствовала умѣреннѣе; она всѣ свои надежды возлагала на итальянскихъ правителей, исполненныхъ духа національной независимости, и на дружественныя, готовыя къ помощи иностранныя державы, какъ Англія, или Франція; она разсчитывала на европейскія смуты, которыя предвидѣлись, и не теряя терпѣнія, разбирала существующій порядокъ дѣлъ, работала надъ измѣненіемъ того, что было для нея возможно, и вообще старалась располагать свои дѣйствія такъ, чтобы воспользоваться всякой удобной для ея цѣли случайностью.

Успѣхъ превзошелъ ихъ ожиданія: потому что и здѣсь, также какъ въ Германіи, все, что бы ни возрастало на духовной, или на матеріальной и промышленной почвѣ, все принимало политическій оттѣнокъ: и литература, и развивающаяся торговля, и желѣзныя дороги — несмотря на то, что папа Григорій XVI положилъ интердиктъ на это порожденіе сатанинскаго духа; — подобно желѣзнымъ дорогамъ и пораженныя такимъ же интердиктомъ, какъ онѣ, развивались нѣкоторыя науки, для успѣшнѣйшаго распространенія и обобщенія которыхъ и здѣсь, какъ въ Германіи, составлялись то здѣсь, то тамъ собранія и главные дѣятели переѣзжали изъ одного мѣста въ другое. Такъ собирались конгрессы натуралистовъ: въ 1839 году въ Пизѣ, 1840—въ Туринѣ, въ 1841—во Флоренціи;

всѣ эти съѣзды вполнѣ понимали свое политическое значеніе, но члены ихъ держали себя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ и съ осмотрительною тонкостью, доведенной итальянцами, въ виду политическаго положенія отечества, до такого совершенства, что даже австрійская полиція не могла найти въ нихъ ничего предосудительнаго; такой миролюбивый, чисто научный характеръ съѣздовъ на столько успокоилъ австрійское правительство, что оно само, желая сдѣлаться популярнымъ, по предложенію придворнаго и государственнаго канцлера, тоже немного смыслившаго въ естественныхъ наукахъ, собрало конгрессъ натуралистовъ въ 1842 году въ Падуѣ и въ 1844 году въ Миланѣ. Въ 1845 году конгрессъ собрался даже въ Неаполѣ и всякій разъ при значительномъ увеличеніи членовъ. Такія собранія были строго запрещены только въ Церковной области. Не смотря на такое ретроградное настроеніе духовенства, одинъ патріотическій священникъ, далеко опередившій свое время и ставшій выше настоящаго положенія вещей, Винценцо Джіоберти написалъ сочиненіе: о примать итальянцевъ, въ которомъ онъ папѣ назначилъ завидную роль: стать во главѣ воскресшей, благодатной, но теперь глубоко павшей Италіи и принести для нея и для цѣлаго міра новую эру благоразумной и плодотворной свободы. Онъ воображалъ себѣ папу во главѣ итальянскаго союза, безъ австрійскаго вмѣшательства, но въ его глазахъ папа долженъ былъ сдѣлаться посредникомъ и распространителемъ либеральныхъ идей и разсужденій, судьей между государями и народами; эту мечту свою онъ изложилъ въ пылкой рѣчи и пламенными красками написалъ ее на стѣнахъ своей тюрьмы. Книга эта произвела потрясающее дѣйствіе: мысль о единствѣ Италіи нашла множество такихъ, которые рядомъ съ патріотическимъ чувствомъ, видѣли тутъ религіозное и поклонялись очищенной, просвѣтленной и освященной идеѣ папскаго величія.

Но изъ всего удивительнаго, удивительнѣе всего было то, что нѣсколько лѣтъ спустя, мечта эта чуть было не превратилась въ дѣйствительность.

Іюня 1-го, 1846 года колоколъ Капитолія возвѣстилъ Риму о кончинѣ царствующаго папы; 13-го собрались кардиналы и были заключены въ конклавъ Квириналскаго дворца; 17-го загремѣли пушки съ крѣпости св. Ангела и загудѣли колокола на всѣхъ безчисленныхъ колокольняхъ Рима; они объявили «городу и міру», что новый папа взошелъ на святительскій престолъ. Избранъ былъ кардиналъ Іоаннъ-Марія-Мастаи, подъ именемъ папы Пія IX. Пію IX было всего 54 года. Онъ родился 13-го мая 1792 года въ Синигаліи и происходилъ изъ дворянскаго семейства, Феретти; онъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ добрый и кроткій; его очень любили въ его епископствѣ Фаэнца и разсказывали о немъ много прекрасныхъ поступковъ; его наружность вполнѣ соотвѣтствовала молвѣ о его добродушіи; привѣтливая улыбка, предупредительныя манеры, шутливость дѣлали его обращеніе пріятнымъ, но важнѣе всего было то, что онъ не былъ ни австрійскимъ кандидатомъ, ни кандидатомъ реакціонной партіи. Итальянская патріотическая партія съ удивительнымъ политическимъ инстинктомъ съумѣла изъ этого кроткаго, мирнаго человѣка создать папу въ духѣ мечтательнаго папы Джіоберти и онъ сдѣлался, или вѣрнѣе, въ его воображаемой миѳической личности явилось орудіе великаго народнаго движенія, болѣе и болѣе охватывавшаго всѣ умы, настроенные къ высокимъ патріотическимъ стремленіемъ.

Каждая мѣра, какую новый папа утверждалъ, была растолкована въ этомъ смыслѣ, и либеральныя понятія и чувства свободно высказывались, прикрываясь восклицаніемъ: Evviva Pio nono, да здравствуетъ Пій IX! Слѣдуя влеченіямъ своего добраго сердца, Пій IX издалъ декреты всеобщей амнистіи и тѣмъ сохранилъ многимъ болѣе или менѣе невиннымъ жизнь, свободу и возможность счастія въ кругу своихъ семействъ, но партія Джіоберти, или сочувствующіе его теоріи приняли это за выраженіе сочувствія къ ихъ собственнымъ идеямъ и какъ залогъ того, что папа въ душѣ раздѣляетъ стремленія этихъ несчастныхъ жертвъ самовластія и потому освободилъ ихъ изъ тюрьмы.

Декретъ папы поэтому во всей Италіи произвелъ полный энтузіазмъ онъ, въ свою очередь, глубоко обрадовалъ добраго, дѣтски кроткаго и незлобиваго папу, но у него недоставало проницательности, чтобы замѣтить политическую цѣль за этими шумными проявленіями восторга. Либералы съ напряженнымъ

вниманіемъ слѣдили за дѣйствіями папы; уничтожалъ ли онъ какое либо злоупотребленіе между своими приближенными, замѣнялъ-ли какого либо ненавистнаго народу легата такимъ, котораго любили, или назначалъ какое либо свѣтское, всѣми уважаемое лицо въ законодательную комиссію, во всемъ видѣли подтвержденіе мнѣнія, что папа самъ либералъ, самъ сочувствуетъ теоріи Джіоберти; фантазія заинтересованныхъ разыгрывалась и самыя смѣлыя надежды казались выполнимыми. Когда же съ другой стороны изданъ былъ декретъ противъ: «обманчиваго прогресса, способнаго разрушить спокойное развитіе парода», папу извиняли тѣмъ, что эта мѣра вынуждена особеннымъ его положеніемъ. Какъ бы то ни было, но изданы были повелѣнія, дѣйствительно доказывавшія прогрессъ на этой неплодотворной почвѣ: изданъ былъ очень нестѣснительный законъ о цензурѣ, марта 1847 года, а 14 апрѣля того же года, былъ учрежденъ—Consulta di Stato—государственный совѣтъ, членовъ котораго правительство намѣревалось избирать изъ нотаблей, которыхъ каждый легатъ и делегатъ изъ своего округа долженъ былъ, въ числѣ трехъ, представлять для выбора; предполагалось этому совѣту собираться въ Римѣ и принимать участіе въ управленіи. Въ іюнѣ составленъ былъ совѣтъ министровъ точь въ точь, какъ во всякомъ новѣйшемъ конституціонномъ государствѣ; все это было въ сущности не много, но важно было не то, что дѣлалось, а то мнѣніе, какое имѣли о сдѣланномъ, или какое о немъ распространялось. Со всѣхъ сторонъ присылали адресы въ покорности, удивительныя изъявленія сочувствія, даже со стороны протестантовъ и магометанъ; поминутно приходили извѣстія о благодарственныхъ и радостныхъ торжествахъ; волненіе, скрывающее свой истинный характеръ подъ такою привѣтливою маскою, обманывало папу и усиливалось помимо его воли. Іюля 5 явилась къ нему депутація отъ народа съ просьбою устроить національную гвардію; онъ не могъ отказать въ этой просьбѣ и такимъ образомъ обнажилъ обоюдо-острый мечъ: сегодня пригодный на то, чтобы держать народъ въ порядкѣ и въ повиновеніи, а завтра, или въ иной разъ, при первомъ удобномъ случаѣ, готовый свергнуть правительство и существующій порядокъ вещей, если оно не въ духѣ, или не во вкусѣ народномъ. Іюля 30 эта Guardia civica была учреждена во всѣхъ городахъ Церковной области.

Эта видимая и искусственная, скорѣе чѣмъ естественная гармонія между либералами и папою едва-ли могла долго продержаться, но неловкая политика Австріи позаботилась о томъ, чтобы это отношеніе скрѣпилось и еще просуществовало нѣкоторое время. Меттернихъ съ досадой и опасеніемъ смотрѣлъ на итальянскія дѣла, которыя по временамъ принимали враждебный характеръ противъ реакціи и ея приверженцевъ: санфедистовъ и грегоріанцевъ. Іюня 17, 1847 года, по распоряженію австрійцевъ, къ величайшему удивленію папскаго правительства, 800 человѣкъ кроатовъ и 60 венгерскихъ гусаръ съ нѣсколькими орудіями вошли въ Феррару и 13 августа заняли главные караулы въ городѣ и при городскихъ воротахъ. Папа протестовалъ противъ этого расширенія правъ на содержаніе карауловъ, хотя и предоставленное Австріи по вѣнскому трактату на крѣпость Феррару, но далеко не въ такой степени. Изъ-за этого началась переписка между Вѣной и Римомъ, положеніе между обоими государствами сдѣлалось натянутымъ и можно сказать, что самъ Меттернихъ прогонялъ папу въ лагерь національной партіи. Отвѣтомъ со стороны папы на дерзкое занятіе Феррары было: онъ отправилъ уважаемаго всѣми прелата Корболи въ Туринъ и во Флоренцію съ тѣмъ, чтобы установить итальянскій таможенный союзъ. Предварительныя условія этого союза были заключены 17 ноября, но въ то же время Австрія, видя свое критическое положеніе, заключила въ декабрѣ 1847 года наступательный и оборонительный союзъ съ герцогомъ моденскимъ Францомъ V и съ потомкомъ Бурбоновъ, Карломъ Людовикомъ II, царствующимъ въ Пармѣ.

Происшествіе въ Феррарѣ пробудило зависть Франціи, которая при подозрительномъ содѣйствіи Англіи внимательно слѣдила за каждымъ проявленіемъ народнаго духа въ Италіи и за каждымъ шагомъ Австріи. Напряженное состояніе умовъ возрастало: между тѣмъ какъ партія прогрессистовъ въ Римѣ пыталась овладѣть государственнымъ совѣтомъ и преобразовать его въ совершенно либерально-конституціонномъ духѣ, волненіе, зачинщикомъ котораго, почти противъ

своей воли и убѣжденія, былъ папа, постепенно продолжало разростаться, проникало въ сосѣднія государства и усиливалось въ нихъ.

Во Флоренціи и въ прочихъ городахъ Тосканы народъ выразилъ свое стремленіе къ либеральнымъ нововведеніямъ посредствомъ громкихъ и пышныхъ празднествъ, въ честь либеральнаго папы; хотя тосканское правительство было умѣренное и въ высшей степени доброжелательное и кроткое, но оно все-таки было абсолютистическое и потому народъ былъ имъ не доволенъ, жаждалъ конституціи и хотѣлъ показать національное сочувствіе въ главѣ католицизма и Италіи. Когда же герцогъ изъ дома Бурбоновъ въ Луккѣ уступилъ громкимъ и неотступнымъ требованіямъ своихъ подданныхъ и далъ имъ національную гвардію, и въ Тосканѣ стали требовать того же и такъ настойчиво, что 4 сентября она введена была также и въ областяхъ великаго герцогства; во время благодарственныхъ торжествъ по этому поводу, въ Ливорно, Пизѣ и Флоренціи повсюду виднѣлись флаги и знамена итальянскихъ цвѣтовъ: краснаго, бѣлаго и зеленаго. Правительство поставлено было въ затруднительное положеніе: съ одной стороны требованія преобладающей партіи увеличивались, съ другой стороны Австрія не переставала предлагать свою военную силу, чтобы удержать народъ въ должномъ повиновеніи. Лукка около этого времени, въ 1847 году, была присоединена къ Тосканѣ, а герцогъ лукскій, послѣ кончины эрц-герцогини Маріи Луизы, принялъ правленіе въ Пармѣ; онъ, равно какъ герцогъ моденскій, именно около этого времени, какъ мы видѣли, укрылся подъ покровительство Габсбургскаго дома.

Такое положеніе дѣлъ непосредственно угрожало спокойствію Піемонта и поэтому затрудненія для его правительства увеличились. Но король Карлъ Альбертъ, по прежнему, сохранялъ осторожность и спокойное достоинство истиннаго политика и государственнаго человѣка. Онъ съ прежнею неутомимостью продолжалъ работать надъ реформами; за исправленнымъ гражданскимъ кодексомъ (въ 1837 году) послѣдовало собраніе уголовныхъ постановленій (въ 1840 году); онъ ввелъ новое раздѣленіе всей страны и исправилъ систему администраціи (1843), но главное, онъ усовершенствовалъ и исправилъ воинскую систему; на войско изъ 75 милліоновъ франковъ дохода ежегодно употреблялось 25 милліоновъ; онъ съумѣлъ держать въ уздѣ партію Мадзини, за что предводитель ихъ питалъ къ нему непримиримую ненависть; даже бурное либеральное движеніе, проявившееся со времени возшествія на престолъ Пія IX, на него не имѣло вліянія и не помѣшало ему идти своимъ, однажды принятымъ путемъ. Онъ оставлялъ безъ вниманія, когда при немъ нарочно превозносили либеральное направленіе папы и тѣмъ думали заставить и его послѣдовать этому направленію. «Я дожидаюсь своей звѣзды!» стояло на девизѣ его герба, и онъ спокойно выжидалъ; чѣмъ бурнѣе шумѣли народныя волны, тѣмъ крѣпче и тѣмъ невозмутимѣе держалъ онъ въ своихъ рукахъ руль государственный; онъ сохранилъ свою гордую независимость и отъ притязаній либераловъ, и отъ австрійцевъ. Онъ ясно видѣлъ свое положеніе, и національная партія оцѣнила и уважила его. Въ это время другъ друга понимали безъ словъ, безъ предварительнаго соглашенія; король кому-то изъ своихъ приближенныхъ сказалъ, что въ близкомъ будущемъ предвидитъ національную войну, и изреченіе это съ быстротою переходило изъ конца въ конецъ государства. Но, если этой войнѣ быть, то Австрія должна была начать ее; этого мнѣнія держался король и онъ не отступалъ отъ него; его не сбивали съ толку ни слишкомъ ясныя указанія и намеки преобладающей партіи патріотовъ, ни каррикатуры, которыми наводнили Италію съ цѣлью осмѣять его нерѣшительность.

Въ виду возможности итальянской войны, кабинеты европейскіе нашли необходимымъ обратить большее вниманіе на положеніе дѣлъ въ Италіи. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ швейцарскомъ вопросѣ о Зондербундѣ, Англія и Австрія являлись противныхъ мнѣній и между обоими государствами завязалась оживленная переписка. Что касалось Меттерниха, то онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ за 30 лѣтъ передъ этимъ; договоры Вѣнскаго конгресса были альфой и омегой его мудрости. «Италія», очень мудро повторялъ онъ въ нотѣ, отъ 2 августа 1841 года, посланной къ четыремъ великимъ державамъ Европы, «Италія, не что иное, какъ географическое названіе». Итальянскій полуостровъ состоитъ изъ

отдѣльныхъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ, границы и основныя коренныя правила существованія которыхъ опираются на народномъ правѣ,— фраза эта была бы очень умѣстна въ учебникѣ географіи, но которая была непримѣнима при настоящемъ положеніи вещей. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ на эту ноту указаніемъ на необходимость въ реформахъ, чтобы не довести народной массы до отчаянія и не заставить ее прибѣгнуть къ революціи; онъ присовокуплялъ совѣтъ, чтобы Австрія, пользуясь своимъ вліяніемъ на Неаполь, побудила его правительство тоже приступить къ реформамъ, которыя здѣсь столько же нужны, сколько въ Церковной области; при этомъ случаѣ онъ не скрылъ отъ Австріи, что Англія и Піемонтъ уже соединены прочнымъ дружескимъ союзнымъ договоромъ отъ 11 сентября. Но послѣднее слово въ этой перепискѣ осталось за Австріей; Меттернихъ писалъ отъ 14 декабря: «Духъ переворота, который подъ знаменемъ реформы уже ворвался въ нѣкоторыя государства полуострова, сдѣлалъ ненависть и месть къ Австріи своимъ военнымъ крикомъ и лозунгомъ: mot d'ordre et de ralliement.» Онъ затянулъ опять старую пѣснь о духѣ переворота, только на новый ладъ. Вѣрнѣе было бы, если бы онъ сказалъ наоборотъ: реформа— былъ военный призывный крикъ, собиравшій всѣ племена Италіи, а цѣль, съ которой они не спускали глазъ, къ которой стремились: изгнаніе иноземцевъ, или вѣрнѣе австрійцевъ изъ Италіи. Въ одномъ отношеніи былъ онъ правъ: какія бы реформы ни давало австрійское правительство италіанцамъ, они оставались бы недовольны и не успокоились бы, потому что это не избавляло ихъ отъ австрійскаго владычества.

Яснѣе всего это выражалось въ частяхъ Италіи, подвластныхъ Австріи. Послѣ тридцатилѣтняго управленія, которое по меньшей мѣрѣ было не хуже прежняго французскаго, дѣло дошло до того, что полиція не въ силахъ была держать народа въ границахъ кажущейся покорности, и нѣкоторой тишины можно было добиваться только солдатами. Австрійскіе чиновники и офицеры были исключены изъ итальянскаго общества; въ концѣ года началась война за освобожденіе, но началась она нѣкотораго рода балаганною выходкою. Въ Миланѣ на стѣнахъ домовъ явилось повелѣніе, данное тайнымъ комитетомъ итальянскихъ дѣятелей, которымъ всякое куреніе табаку итальянцамъ строго запрещалось, съ 1 января 1848 года. Вспоминая начало войны за независимость Сѣверо-американскихъ Штатовъ, гдѣ подобнымъ же запрещеніемъ на чай причиненъ былъ значительный убытокъ англійской торговлѣ, здѣсь хотѣли причинить убытокъ австрійской торговлѣ табакомъ, дававшей ежегодный доходъ Австріи въ четыре милліона лиръ. Правительство на это распоряженіе отвѣчало другимъ очень неумѣстнымъ: всѣмъ австрійскимъ чиновникамъ и гарнизону предписано было курить на улицахъ. Это довело до кровавыхъ сценъ въ Миланѣ, въ Падуѣ, въ которыхъ университеты были закрыты, и въ другихъ ломбардскихъ городахъ, гдѣ стояли гарнизоны. Гораздо серьезнѣе была просьба, поданная императору миланскою центральной конгрегаціей отъ 14 января, въ ней просили о различныхъ реформахъ; но такъ какъ содержаніе просьбы было извѣстно прежде, чѣмъ она была подана, то и отвѣтъ на нее предупредилъ ее; декретомъ отъ 9 января, императоръ объявлялъ, что онъ никакихъ реформъ и никакихъ уступокъ дѣлать не намѣренъ, потому что его ломбардо-венеціанскіе подданные уже получили отъ него все, въ чемъ имѣли надобность. Три дня спустя, революція съ новой силой вспыхнула на южной оконечности италіянскаго полуострова, на непокорномъ островѣ Сициліи. Туда не доставала австрійская сила; возстаніе уже долгое время тамъ подготовлялось и о началѣ его, какъ о какомъ-то праздникѣ, были всѣ заранѣе предувѣдомлены; началось оно въ Палермо, 12 января. Первый день прошелъ въ незначительныхъ схваткахъ между взволновавшимся народомъ и королевскими войсками; и въ слѣдующіе дни ничего рѣшительнаго не произошло, потому что народъ не имѣлъ достаточно оружія. Вечеромъ 15 числа пришелъ неаполитанскій военный флотъ, состоявшій изъ девяти военныхъ пароходовъ, подъ начальствомъ графа Аквила, брата короля; 16 числа онъ высадилъ значительное войско. Дѣлалъ онъ нѣсколько попытокъ войти съ городомъ въ переговоры, но прерывалъ ихъ опять, чтобы обстрѣливать его; комитетъ, руководившій возстаніемъ, объявилъ Аквилѣ о единодушномъ рѣшеніи народа, не

класть оружія до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ возвращена его собственная конституція, клятвенно подтвержденная королемъ и признанная европейскими державами. Напрасно генеральный штатгальтеръ, герцогъ де Майо, сыпалъ обѣщаніями и дѣлалъ уступки, народъ не хотѣлъ слушать его и 25 числа возобновилось бомбардированіе города; битва продолжалась цѣлый день, а ночью генералы объявили штатгальтеру, что войска должны непремѣнно отступить; въ туже ночь отступленіе началось и было почти окончено; тоже самое повторилось и въ другихъ городахъ Сициліи: Джирдженти, Катанѣ, Калтанизеттѣ, Трапани и др.; народъ вездѣ остался побѣдителемъ; какъ всегда и вездѣ, во всѣхъ народныхъ волненіяхъ, особенно въ странахъ южныхъ, и тутъ бывали примѣры неслыханной жестокости, великодушія и самопожертвованія. Революціонный комитетъ принялъ характеръ и титулъ временнаго правительства, во главѣ его стоялъ испытанный въ бояхъ за независимость Сициліи, опытный воинъ Руджіеро Сеттимо.

Это возстаніе сильно подѣйствовало на либеральную партію въ Неаполѣ; казалось, ей стоило только серьезно взяться за дѣло, чтобы сдѣлать правительство уступчивымъ. Опытъ оправдалъ это предположеніе: произошла сильная демонстрація, народъ толпился и шумѣлъ, слышались возгласы: «да здравствуетъ король и конституція!» Король Фердинандъ былъ человѣкъ умный; онъ понялъ, что опасность отъ возстанія можно отвратить, давши народу конституцію; онъ это и сдѣлалъ и восторженная благодарность народа показала, какъ своевременно она была дана, и тѣмъ заслужилъ честь быть первымъ изъ италіянскихъ монарховъ, рѣшившихся на этотъ шагъ. Свободно-мыслящіе люди, какъ Карлъ Поэріо и Боцелли, многіе годы выжившіе въ тюрьмѣ, куда ихъ засадили по законамъ абсолютизма, теперь были освобождены и даже получили званіе министровъ; февраля 10 конституція была обнародована, а 24, въ тотъ самый день, когда въ иномъ мѣстѣ произошла перемѣна, потрясшая Европу, король, принцы и высшія должностныя и правительственныя лица присягнули конституціи.

Но Сицилія не удовольствовалась этой конституціей. Главная, господствующая часть народонаселенія только и мечтала объ отдѣленіи Сициліи. Революціонный комитетъ въ Палермо подчинилъ своей власти всѣ освободившіеся города, даже Мессину, еще не окончившую борьбу съ королевскими войсками и находившуюся подъ пушками цитадели, занятой неаполитанскимъ гарнизономъ; 3 февраля всѣ возставшіе сицилійскіе города, по предложенію комитета, выразили свое неудовольствіе конституціей и требовали своего отдѣльнаго, сицилійскаго парламента съ конституціей 1812 года.

Разразившаяся въ Сициліи революція вызвала и въ остальной Италіи революціонныя движенія. Въ Туринѣ представители прессы, при первомъ извѣстіи о томъ, что происходило въ Неаполѣ и въ Сициліи, сошлись въ общемъ засѣданіи и одинъ изъ начальниковъ піемонтскихъ либераловъ, графъ Кавуръ, предложилъ собранію войти съ просьбою къ королю о томъ, чтобы онъ даровалъ своему государству конституцію. Туринскій городской совѣтъ, равно какъ и нѣсколько другихъ городскихъ совѣтовъ присвоили себѣ эту мысль и высказали свое предложеніе. Король Карлъ Альбертъ, какъ опытный государственный человѣкъ, очень хорошо видѣлъ опасность для королевскаго авторитета уступать шумнымъ и настойчивымъ требованіямъ массы и дать конституцію тогда, когда ее требуютъ, но послѣ зрѣлаго разсужденія все-таки нашелъ лучше и выгоднѣе уступить, а 8 февраля онъ обнародовалъ основныя черты предполагаемой конституціи—основаніе статута; замѣчательнѣе всего то, что хотя римско-католическое вѣроисповѣданіе признавалось господствующей, государственной религіей, но при этомъ объявлена была всеобщая вѣротерпимость и далѣе, основываясь, слѣдовательно, на этомъ, за вальденцами признаны были гражданскія права. Этотъ оборотъ дѣла былъ встрѣченъ восторженною благодарностью народа и благодарственными торжествами; особенно замѣчателенъ изъ нихъ былъ большой и замысловатый праздникъ братства въ Туринѣ, при чемъ, по желанію осторожнаго короля, на улицахъ и въ процессіяхъ позволено было выставлять только знамена и флаги съ цвѣтами Сардиніи, но запрещены были общеиталіанскіе.

То же самое движеніе обнаружилось и въ Тосканѣ; уступая ему, 11 февраля,

въ правительственной газетѣ было объявлено, что великій герцогъ имѣетъ намѣреніе дать своимъ подданнымъ тѣ залоги къ благосостоянію и развитію свободной дѣятельности, для принятія которыхъ народъ уже достаточно созрѣлъ и подготовленъ постепенными реформами, въ теченіе послѣдняго времени безпрестанно производившимися; здѣсь народъ принялъ эту вѣсть радостно и пытался въ празднествахъ выразить свой восторгъ; но при этомъ случаѣ съ благодарностью вспоминали объ Англіи, такъ ясно и такъ открыто одобрявшей, черезъ свой органъ, лорда Пальмерстона, направленіе принятое правительствомъ для введенія конституціонной формы правленіе; только Австрія съ своимъ Меттернихомъ не одобряла его; Меттернихъ, по своему ослѣпленію, все еще не замѣчалъ, что народы оставили старую пробитую колею и неудержимо устремились по новой.

Въ Римѣ тѣснили папу, требовали отъ него, чтобы онъ усилилъ вообще въ управленіи элементъ свѣтскій, а преимущественно въ министерствѣ, и—противодѣйствовалъ вліянію іезуитовъ, отъ которыхъ ожидали только дурнаго для всего, что называется свободой и что имѣетъ хотя малѣйшее отношеніе къ ней; на папу все еще смотрѣли, какъ на источникъ этого всеобщаго либеральнаго движенія, и по этому отъ него прямо и требовали выполненія предполагаемыхъ усовершенствованій. Папа обратилъ вниманіе на эти требованія и составилъ новое министерство, въ которомъ нѣсколько важныхъ отраслей было поручено людямъ свѣтскаго званія. Но когда пришли извѣстія объ обѣщанныхъ конституціяхъ въ Туринѣ и Тосканѣ, уступки, сдѣланныя папой, уже не удовлетворяли больше народа; и здѣсь всѣ области, вслѣдъ за Болоньей, потребовали конституціи; папа колебался, не зная, на что рѣшиться, но въ это время катастрофа произошла въ Парижѣ.

Къ радостнымъ празднествамъ въ Туринѣ примѣшивались печаль и различныя печальныя демонстраціи, потому что именно около этого времени, февраля 23, пришло извѣстіе, что въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ обнародованы были права сословій. Здѣсь 5 милліоновъ коренныхъ жителей подчинялись ненавистному иноземному игу, противъ котораго весь итальянскій народъ, какъ одинъ человѣкъ, негодовалъ и каждую минуту готовъ былъ протестовать. Очень часто Меттерниховское управленіе хвалили за то, что оно, совершенно не по образцу большей части національныхъ итальянскихъ правительствъ, заботилось о матеріальныхъ интересахъ покоренной страны. Въ продолженіе долгаго мира промышленная и земледѣльческая дѣятельность возросли въ этомъ благословенномъ краѣ; въ этомъ даже сознаются самые жаркіе патріоты и приписываютъ это улучшеніе австрійскимъ стараніямъ, но ни человѣкъ, ни народъ не можетъ довольствоваться однимъ хлѣбомъ; если бы управленіе было и во сто кратъ лучше, если бы чиновники не занимались сами шпіонствомъ и не водились со шпіонами, система, сказать мимоходомъ, почти неотвратимая при настоящихъ отношеніяхъ, если бы цензура не слѣдила за проявленіемъ каждой, сколько нибудь независимой мысли,— все-таки итальянцы не были бы довольны, они не признавали бы надъ собою иноземнаго правительства, распоряжавшагося ими по праву завоевателя. Не смотря на бдительность полиціи и на постепенно возрастающее количество войска, возстаніе все-таки организовалось. Старый маршалъ Радецкій оказался дальновиднѣе Меттерниха, когда онъ утверждалъ, что революція въ Италіи уже приготовляется и что управлять ею нельзя иначе, какъ военнымъ способомъ; совѣтъ его былъ принятъ и военная сила самымъ грубымъ образомъ противодѣйствовала демонстраціи противъ куренія табаку.

Такъ тянулись дни и отношенія въ Италіи; во всѣхъ гарнизонныхъ городахъ повторялись столкновенія съ жителями изъ-за табаку; все народонаселеніе Ломбардо-венеціанскаго королевства было болѣзненно раздражено, частію домашними отношеніями, частію происшествіями во всей остальной Италіи; жители съ упованіемъ смотрѣли на Англію и сознавали въ душѣ, что общаго итальянскаго движенія теперь уже не остановитъ больше никакая сила, что хотя и могутъ быть частныя помѣхи, но общаго стремленія къ независимости, къ сверженію иноземнаго владычества ничто не можетъ остановить, и Италія неудержимо пойдетъ къ своей цѣли. При такомъ всеобщемъ настроеніи, извѣстіе о февральскомъ переворотѣ въ Парижѣ подѣйствовало, какъ искра, брошенная въ открытый боченокъ съ порохомъ.

4. Франція.

Министерство, образованное Людовикомъ Филиппомъ 12 мая 1839 года, опять подъ предсѣдательствомъ маршала Сульта, продержалось не долго. Палатѣ депутатовъ предложенъ былъ проектъ о томъ, чтобы надѣлить имѣніемъ герцога Немурскаго, по случаю его брака съ принцессой Кобургской, но при подачѣ голосовъ, проектъ этотъ отвергнутъ былъ большинствомъ 226 голосовъ противъ 200 (20 февраля 1840 года). Вслѣдствіе этой неудачи министерство было распущено, и король поручилъ Тьеру набрать новое. Марта 1 списокъ новыхъ министровъ былъ уже составленъ: самъ Тьеръ принялъ предсѣдательство и портфель министерства иностранныхъ дѣлъ, извѣстный ученый Ремюза—министерство внутреннихъ дѣлъ, Вивьенъ—юстиціи и духовныхъ дѣлъ, Кузенъ—народнаго образованія и обученія, Кюбьеръ—военный департаментъ; имена остальныхъ министровъ не имѣютъ никакого значенія для всемірной исторіи. Это было министерство, навязанное королю неизбѣжными потребностями парламента. Но Тьеръ, довольный вновь достигнутой властью, касательно внутренней политики держался въ колеѣ, пробитой его предшественниками; онъ, подобно имъ, требовалъ и получалъ огромныя суммы для тайныхъ издержекъ, ему также отпускались неизбѣжные милліоны на то, чтобы оживить постройку желѣзныхъ дорогъ и придать строителямъ необходимое мужество для окончанія ихъ. Онъ лучше всякаго другаго министра владѣлъ даромъ слова и ясно излагалъ дѣло; онъ любилъ во время занять и поразить своихъ соотечественниковъ какимъ нибудь неожиданнымъ и пріятнымъ для нихъ зрѣлищемъ. Къ числу ихъ безспорно принадлежитъ освященіе памятника-колонны, поставленной въ честь павшихъ въ іюльской революціи; тѣла, или вѣрнѣе кости ихъ были помѣщены въ склепѣ подъ монументомъ; поставлена была эта колонна на прежней площади Бастиліи; но еще болѣе впечатлѣнія произвела церемонія, сопровождавшая перевезеніе тѣла Наполеона I съ острова Св. Елены. Англійское правительство не дѣлало ни малѣйшихъ препятствій при исполненіи этого намѣренія. Но когда Гизо, французскій посланникъ въ Лондонѣ, съ этимъ предложеніемъ явился къ лорду Пальмерстону и изложилъ ему желаніе своего правительства, англійскій министръ не могъ подавить насмѣшливой улыбки, но передалъ желаніе это палатѣ и немедленно получилъ ея согласіе; одинъ изъ сыновей короля, принцъ Жуанвильскій, на фрегатѣ «La belle poule», отправился на островъ Св. Елены, чтобы взять оттуда останки Наполеона и тѣмъ исполнить самое пламенное желаніе усопшаго: чтобы кости его покоились на почвѣ Франціи, которую онъ такъ горячо любилъ.

Этого мгновенія выжидалъ принцъ Людовикъ Наполеонъ, все еще жившій въ Англіи; онъ считалъ это мгновеніе удобнымъ для того, чтобы повторить свою попытку возстановить павшую наполеоновскую имперію. Попытка, предпринятая безъ предварительнаго размышленія и безъ необходимой подготовки, неудалась—даже смѣшнымъ образомъ. Въ окрестностяхъ Булони пристали 6 августа въ 4 ч. утра принцъ съ толпою такихъ же искателей приключенія, какъ онъ самъ; онъ и друзья его не жалѣли шампанскаго во время переѣзда, чтобы поддержать и увеличить свое мужество. Они обратились къ нѣкоторымъ таможеннымъ сторожамъ и къ часовымъ при городской заставѣ и уговаривали ихъ пристать къ великому и правому дѣлу, но безуспѣшно; послѣ этого они отправились въ казармы 42 линейнаго полка, но и здѣсь не нашли ни сочувствія, ни помощи. Пора было возвратиться на морской берегъ: полиція ихъ замѣтила; принцъ и нѣкоторые изъ его приверженцевъ успѣли вскочить въ лодку, которая должна была ихъ отвезти на «Kastl of Edimbourg», привезшій ихъ незадолго передъ тѣмъ. Но къ несчастію лодка опрокинулась и принцъ во время былъ спасенъ гнавшимися за нимъ полицейскими. Онъ былъ отправленъ въ Парижъ и преданъ суду палаты перовъ; здѣсь онъ защищался очень смѣло и рѣзко, говоря: «я являюсь защит-

никомъ народнаго дѣла, дѣла великой имперіи, великаго принципа, дѣла царственнаго народа, но я потерпѣлъ пораженіе—Ватерлоо.»—Его присудили къ пожизненному тюремному заключенію. Въ темницѣ Гама отвели ему тѣ же самыя комнаты, въ которыхъ жилъ князь Полиньякъ. Но весь процессъ, также какъ и всѣ подробности предпріятія, между дѣйствующими лицами котораго былъ также живой орелъ, которому предназначена была роль, не произвели никакого впечатлѣнія и казались смѣшными; только нѣсколько лѣтъ спустя, когда человѣкъ этотъ въ своихъ рукахъ держалъ судьбу Франціи и пріобрѣлъ такой значительный вѣсъ въ Европѣ, начали съ любопытствомъ разбирать и читать прокламаціи, разсыпанныя имъ въ Булони въ тотъ неудачный для него утренній часъ; уже въ нихъ—принцъ намѣревался опираться на истинныхъ интересахъ и на волѣ народныхъ массъ; онъ давалъ слово не успокоиться до тѣхъ поръ, пока въ рукахъ его не будетъ мечъ Аустерлица и пока европейскія націи не стекутся опять подъ знамена Франціи, а французскій народъ не получитъ своихъ прирожденныхъ ему правъ; главою своего временнаго правленія назначалъ онъ тогдашняго министра—президента Тьера. Казалось, что и онъ самъ не прочь былъ бы для себя самого поднять мечъ Аустерлица.

Неловкость, съ какою Франція вела восточный вопросъ, была причиной, что она наконецъ была всѣми покинута и осталась одна; четверной союзъ, заключенный 15 іюля, при чемъ особенно ясно выказалось, какъ Франція осталась одна, произвелъ во Франціи самое непріятное впечатлѣніе; общественное мнѣніе ея смотрѣло на это, какъ на смертельную обиду, за которую слѣдуетъ требовать удовлетворенія, немедленнаго блестящаго удовлетворенія; сначала и король былъ того же мнѣнія, но впослѣдствіи измѣнилъ его. Удовлетвореніе это, такъ выражалась очень опредѣленно и рѣзко пресса, должно, по крайней мѣрѣ, состоять въ томъ, чтобы рейнскія провинціи были вновь завоеваны, что, какъ мы знаемъ, составляло постоянную и ближайшую цѣль всѣхъ желаній и стремленій безпокойнаго и честолюбиваго народа; ему всегда казалось, что это такъ удобно и такъ легко исполнить. Принялись за военныя приготовленія, объявленъ былъ заемъ въ 100 милліоновъ франковъ, Парижъ начали укрѣплять и необходимая для этого сумма денегъ немедленно была разрѣшена палатой, тогда какъ до сихъ поръ она королю постоянно въ этомъ отказывала.

Однакожь, послѣ зрѣлаго размышленія, оказалось, что дѣло затѣваемое совсѣмъ не такъ просто, какъ оно казалось, что трудно и невозможно предпринять борьбу съ цѣлой Европой, при одномъ только союзникѣ и съ такимъ ослабленнымъ, каковъ былъ вице-король египетскій; втораго союзника, могущества котораго ни взвѣсить, ни опредѣлить нельзя и котораго обозначаютъ однимъ многозначительнымъ и все-таки ничего не опредѣляющимъ словомъ революція,—ни король, ни господствующіе классы общества не хотѣли и боялись призывать, а между тѣмъ только въ ней пришлось бы искать опоры, если бы борьба съ самаго начала оказалась безнадежною. Отступленіе началось: французскій флотъ, подъ предлогомъ—имѣть его въ минуту надобности подъ рукою—былъ призванъ съ востока, отъ береговъ Левантскихъ; въ тоже время, чтобы замаскировать это отступленіе, послана была нота отъ 8 октября; въ ней говорилось: «что Франція не признаетъ отрѣшенія Мехмедъ-Али отъ должности паши, произнесенное надъ нимъ султаномъ, и требуетъ для вице-короля египетскаго полнаго наслѣдственнаго обладанія Египтомъ; если же союзныя державы и Турція не согласятся исполнить этого требованія, то Франція на это будетъ смотрѣть, какъ на причину къ войнѣ. Эта смѣшная нота громко и настойчиво требовала того, что давно уже было дано и что было уже утверждено; но она подала королю поводъ отдѣлаться отъ своего министерства, глава котораго, Тьеръ, былъ ему далеко не симпатиченъ.

29 октября 1840 года составилось новое министерство, которому маршалъ Сультъ опять далъ свое имя, но дѣйствительнымъ главою котораго былъ Гизо, до сихъ поръ занимавшій должность французскаго посланника при лондонскомъ дворѣ; его серьезный, положительный характеръ и консервативный образъ мыслей болѣе приходились по вкусу короля, нежели безпокойная подвижность прежняго министра. Въ существенныхъ составныхъ чертахъ новое министерство было повто-

реніемъ министерства 12 мая 1839 года: Дюшатель былъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Гюманъ—финансовъ, Тесте—публичныхъ работъ, Виллемень—народнаго просвѣщенія; все министерство носило на себѣ печать консервативнаго характера и оставалось такимъ не смотря на то, что подчиненные составные элементы его измѣнялись до великой катастрофы, въ половинѣ текущаго столѣтія, измѣнившей весь ходъ европейской жизни.

Тронная рѣчь 5 ноября была однакожь произнесена въ довольно мирномъ духѣ. Восточный вопросъ пришелъ къ желанному окончанію, и союзъ Дарданельскій, отъ 13 іюля 1841 года, поставилъ Францію опять въ число великихъ европейскихъ державъ. На долю оппозиціи выпало только легкое утѣшеніе—заклеймить министерство, которому въ наслѣдство достались великія ошибки политики Тьера, названіемъ иностраннаго министерства.

Между тѣмъ фрегатъ, посланный за останками великаго Наполеона, уже возвратился. Пароходъ съ гробомъ шелъ вверхъ по Сенѣ; близъ Корбевуа его дожидалась великолѣпная похоронная колесница. Поѣздъ двинулся, при неумолкаемомъ громѣ орудій и при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей Парижа, между выстроившимися рядами національной гвардіи и линейныхъ полковъ, при стеченіи необозримой массы любопытныхъ, изъ среды которыхъ то тутъ, то тамъ раздавался яростный возгласъ: «Месть Европѣ!» Такимъ образомъ тѣло довезено было до назначеннаго для него мѣста покоя въ домѣ Инвалидовъ (15 декабря). При воинственномъ настроеніи умовъ, волновавшихся въ теченіе этого года, такъ богатаго пустымъ шумомъ и безполезными рѣчами, укрѣпленіе Парижа, однакожь, подвигалось безъ всякихъ затруднительныхъ противорѣчій; во всякое другое время это было бы поводомъ къ нескончаемымъ преніямъ. Тьеръ воспользовался мгновеніемъ, когда воинственные клики народа и журналовъ заглушали голосъ строгой критики, пустилъ дѣло объ укрѣпленіи Парижа въ ходъ и провелъ его незамѣтно. Теперь же оставалось, волей, или неволей, довести его до конца; но чтобы уничтожить подозрѣніе, будто эти укрѣпленія возводились единственно для того, чтобы противупоставить военное могущество народному своеволію, а вовсе не въ защиту отъ непріятельскаго нападенія,—эти первоначальные отдѣльные форты, въ угоду неспокойному народонаселенію Парижа, безъ всякой особенной надобности, приняліись соединять другъ съ другомъ посредствомъ канавъ и валовъ. Для выполненія этого обширнаго плана потребовалась огромная сумма по крайней мѣрѣ въ 140 милліоновъ франковъ; но восторженные патріоты смотрѣли на эти укрѣпленія, какъ на вѣрный оплотъ для непобѣдимой Франціи.

Итакъ, министерство Тьера дорого обошлось Франціи. Министръ финансовъ Гюманъ принужденъ былъ объявить палатѣ депутатовъ о дефицитѣ за 1840 и 1841 годъ въ 412 мил. франковъ, за 1842 и дальнѣйшіе годы въ 115 милліоновъ франковъ и присовокупилъ къ этой печальной картинѣ чрезмѣрныхъ расходовъ замѣчаніе, что такимъ образомъ хозяйничать невозможно, ежели не хотятъ довести государство до окончательнаго разоренія. Заемъ въ 450 милліоновъ франковъ покрылъ минутныя текущія потребности, а окончательнаго исправленія финансовъ надѣялись достигнуть черезъ увеличеніе доходовъ, вслѣдствіе возрастанія народонаселенія, и для этого назначена была новая ревизія народа; плохимъ признакомъ народнаго политическаго развитія можно считать, что изъ-за такой общественной и необходимой мѣры, какова перепись народная, во многихъ мѣстахъ дѣло дошло до сопротивленія общиннымъ совѣтамъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Тулузѣ, Клермонъ-Ферранъ въ Оверни, произошли серьезныя волненія.

Но не въ одной этой формѣ выразилось сопротивленіе правительственнымъ распоряженіямъ. Пресса всѣхъ партій, и легитимистической, и оппозиціонной, и радикальной, съ возрастающимъ раздраженіемъ ратоборствовала противъ министерства, которое съ твердостію держалось въ границахъ законности; но хуже всего было то, что этотъ духъ оппозиціи проникъ во всѣ, самыя радикальныя учрежденія; такъ, напримѣръ, судъ присяжныхъ оправдывалъ подсудимыхъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда нарушеніе какого либо закона было неоспоримо доказано; въ такой мѣрѣ сознаніе законности было подавлено духомъ политической агитаціи. По временамъ, когда случай представлялся, можно было бросить взглядъ на положеніе и на нравственное состояніе низшихъ слоевъ народа; они тоже

находились въ возбужденномъ состояніи: распространенныя между ними идеи и сочиненія привели ихъ въ броженіе; все толковало и волновалось, очень часто не понимая самихъ себя и не понимая своихъ агитаторовъ, иногда въ свой чередъ тоже неуяснившихъ себѣ своей цѣли; но слѣдствіемъ такого возбужденія былъ духъ крайняго недовольства между низшими слоями общества, очень часто превращавшагося въ ненависть къ существующему общественному строю; такая ненависть иногда охватывала людей восторженныхъ и горячихъ такъ всецѣло, что заставляла ихъ рѣшаться на кровавыя дѣла. Движимый подобнымъ настроеніемъ, нашелся убійца, который покусился на жизнь герцога Омальскаго, 13 сентября 1841 года, когда онъ, по возвращеніи изъ Алжира, во главѣ своего полка вступалъ въ Парижъ. Въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ выстрѣлили изъ ружья въ ту группу, въ которой ѣхалъ принцъ, но пуля ранила только лошадь, а всѣ люди остались цѣлы. Виновный, рабочій Кениссе, былъ арестованъ, и во время процесса и слѣдствія обнаружилось, какими идеями пробавлялось большинство низшаго рабочаго сословія.

Сессіи, открытыя 27 декабря того же года, подали опять поводъ, хотя и неумѣстный, къ неудовольствіямъ. Вслѣдствіе переговоровъ, которые шли между пятью могущественнѣйшими державами, для уничтоженія торговли невольниками, 20 декабря 1841 года, подписано было соглашеніе, извѣстное подъ именемъ соглашенія пяти державъ, по которому военнымъ кораблямъ предоставлялось право задерживать и осматривать купеческіе корабли. Казалось бы проще всего, чтобы это право безразлично распространялось на всѣ корабли вообще и, слѣдовательно, не могло бы быть обиднымъ ни для одного изъ государствъ; но ребячески щекотливое самолюбіе французовъ возмутилось, они не хотѣли подчиниться общему правилу и видѣли въ желаніи своего правительства также признать право осмотра купеческихъ кораблей, признакъ того, что чужестранное министерство подчиняется Англіи. Пренія были жаркія, и Гизо былъ принужденъ отказаться подписать лондонское соглашеніе, подъ опасеніемъ потерять свое министерство, или уронить его.

Правительство нашло самую слабую поддержку въ палатѣ депутатовъ, вслѣдствіе чего, послѣ закрытія сессій, 13 іюня 1842 года, оно нашлось вынужденнымъ распустить палату. Между тѣмъ какъ новые выборы шли, неожиданный, жестокій ударъ поразилъ іюльское королевство, уничтоживъ династическія надежды Орлеанской линіи; опять будущность Франціи покрылась мрачными, грозовыми облаками. Іюля 13, герцогъ Орлеанскій, человѣкъ ближайшій къ престолу, намѣревался отправиться въ Нёльи, загородный замокъ Орлеанскаго дома; но пріѣхавши въ Елисейскія поля, лошади его чего-то испугались и начали бѣситься, возжи выпали изъ рукъ кучера; принцъ хотѣлъ выскочить, чтобы помочь ему, поскользнулся на подножкѣ, и его съ силою бросило на мостовую. Онъ потерялъ сознаніе; безчувственнаго отнесли въ ближайшій домъ; королю и прочимъ членамъ королевскаго семейства послали извѣстіе объ этомъ несчастіи; они поспѣшили къ раненному, но принцъ уже не приходилъ въ себя и черезъ 4 часа его уже не стало.

Принцъ былъ прямой, честный и добрый человѣкъ; можетъ быть, ему легче было бы выполнить свое назначеніе и разрѣшить выпавшую на его долю задачу, нежели то было возможно отцу его, которому мѣшало его прошедшее, его слишкомъ большое мудрствованіе и преклонныя лѣта; но всѣ надежды Людовика Филиппа погибли вмѣстѣ съ гибелью Фердинанда Филиппа, герцога Орлеанскаго. Лишь только выборы были окончены и начались засѣданія новой палаты, въ которой отношеніе партій осталось почти такое же, какое было въ предъидущей, то первымъ дѣломъ, внесеннымъ въ палату, былъ проектъ о регентствѣ, въ случаѣ, еслибы на престолъ взошелъ малолѣтній король; при легкомъ, подвижномъ и измѣнчивомъ характерѣ французскаго народа надобно было напередъ подумать о престолонаслѣдіи, тѣмъ болѣе, что королю было уже 69 лѣтъ, а графу Парижскому всего 4 года. Законъ о регентствѣ, предложенный правительствомъ, назначалъ герцога Немурскаго регентомъ. Но этого сына Людовика Филиппа менѣе всего любили въ народѣ; либеральная оппозиція съ своей стороны предложила въ регентши герцогиню Орлеанскую, которая, по своему личному характеру, столько же, сколько и по парламентскимъ соображеніямъ, скорѣе всего годилась

для роли регентши; въ 15 сессіяхъ разбирался этотъ вопросъ; при этомъ поэтъ Ламартинъ съ поэтическимъ увлеченіемъ и краснорѣчиво защищалъ материнскія права, между тѣмъ какъ Тьеръ, разсчитывавшій опять войти въ число правительственныхъ лицъ, защищалъ предложеніе министерства. Оно было наконецъ принято большинствомъ 310 голосовъ противъ 94. Послѣ этого, засѣданія палатъ были прекращены; онѣ опять собрались только въ январѣ для своихъ обычныхъ совѣщаній. Сессіи въ этомъ году были спокойнѣе и прошли для короля счастливѣе предъидущихъ; двое изъ его дѣтей, принцесса Клементина и принцъ Жуанвильскій, вступили въ бракъ, а другой сынъ его, принцъ Омальскій, подъ начальствомъ и руководствомъ генерала Бужо отличился въ битвахъ въ Алжирѣ, гдѣ удалось оттѣснить опаснаго противника Франціи, эмира Абдъ-эль-Кадера, въ марокскія владѣнія. Въ сентябрѣ королева Викторія посѣтила Людовика Филиппа въ его замкѣ Э (Eu); это была первая коронованная особа, рѣшившаяся на такое посѣщеніе; всѣ остальныя европейскія державы не оказывали достаточнаго уваженія полузакопному королю французскому, и тѣмъ существенно вредили ему и, можно даже сказать, подрывали прочность его престола. Въ слѣдующемъ году король отдалъ визитъ королевѣ въ Виндзорскомъ замкѣ; это дружеское согласіе (entente cordiale), установившееся между Англіей и Франціей, составило часть программы министерскихъ рѣчей, или, вѣрнѣе, было поводомъ для нападенія на оппозицію.

Легитимистская партія негодовала за то, что такимъ образомъ сильнѣйшая держава Европы какъ бы освящаетъ узурпатора и признаетъ его право на престолъ; легитимисты воспользовались этимъ поводомъ, чтобы произвести шумную демонстрацію; они убѣдили своего короля, Генриха V, герцога Бордосскаго, обыкновенно жившаго въ Фросдорфѣ, близъ Вѣны, предпринять путешествіе въ Лондонъ. Вскорѣ отель на Бельгравъ-Скуарѣ, гдѣ поселился герцогъ Бордосскій, сдѣлался мѣстомъ поклоненія для всей легитимистической партіи Франціи въ теченіе всего ноября 1843 года. Туда отправлялось высшее дворянство и сельскіе дворяне Вандеи и Бретани, и даже простолюдины, безъ которыхъ такая выставка легитимистовъ не могла обойтись; ремесленники и крестьяне отправлялись въ Лондонъ на деньги партіи, являлись на поклонъ къ графу Шамбору — какъ назывался герцогъ въ Англіи, гдѣ его не принимали ко двору, — удостоивались ласковаго слова, улыбки, или взгляда своего короля безъ королевства и возвращались назадъ во Францію. Въ тронной рѣчи очень благоразумно воздержались отъ всякаго намека на эту во всякомъ случаѣ безвредную демонстрацію, при которой главное заинтересованное лицо не подало ни малѣйшаго признака особенныхъ правительственныхъ, или начальническихъ способностей. За то со стороны палаты было довольно необдуманно касаться этого предмета. Въ своемъ адресѣ королю она говорила: «общественная совѣсть клеймитъ позоромъ всякую демонстрацію, заслуживающую порицанія или наказанія. Наша іюльская революція, наказывая за нарушеніе клятвенно даннаго слова, освятила и возвысила святость данной присяги»; гораздо лучше было бы умолчать о святости присяги, потому что въ числѣ этихъ членовъ были многіе, уже не разъ нарушавшіе святость присяги и которымъ предстояло еще не одинъ, а много разъ нарушить ее. Поднялась сильнѣйшая буря въ палатѣ депутатовъ, когда самый краснорѣчивый и самый талантливый изъ вождей легитимистической партіи упрекнулъ министра Гизо въ томъ, что онъ самъ нѣкогда бѣжалъ въ Женеву и передался въ лагерь враговъ Франціи для того только, чтобы черезъ поле битвы при Ватерлоо возвратиться во Францію. Долгое время длился шумъ; когда же наконецъ Гизо могъ заговорить, онъ съ истинно французскою находчивостью и оборотливостью низложилъ своего противника словами: «пусть себѣ враги мои нагромождаютъ одно обвиненіе на другое, они никогда не въ состояніи поднять ихъ на высоту моего презрѣнія къ нимъ».

Новую причину къ бурнымъ нападеніямъ оппозиціи, въ ораторахъ которой было много таланта, но мало правды, подало то выраженіе тронной рѣчи, въ которомъ упоминалось о дружескомъ согласіи Франціи съ Англіей, но которое вовсе не согласовалось съ причиной спора, возникшаго между партіями и этими державами.

Адмиралъ Дюпети-Туаръ въ маѣ 1842 года сдѣлалъ незначительное завоеваніе на далекомъ Великомъ океанѣ, присоединивъ къ Франціи небольшую группу Маркизскихъ острововъ; принявъ ихъ во владѣніе, онъ отправился потомъ къ островамъ Товарищества, гдѣ королева, управлявшая безоружными и незлобивыми подданными, отдала свои острова подъ покровительство и протекторство Франціи 9 сентября 1842 года. Но это не понравилось англійскому миссіонеру и консулу Притчарду. По его внушеніямъ, королева Помаре вскорѣ выказала желаніе свергнуть съ себя это покровительство Франціи; но адмиралъ шутокъ не любилъ: онъ немедленно отрѣшилъ королеву отъ престола и острова принялъ во владѣніе Франціи. Онъ поступилъ своевольно, безъ согласія своего правительства, и оно хотѣло поправить его грубую ошибку тѣмъ, что возстановило отношенія и королеву въ ихъ прежнемъ положеніи. Этого было для оппозиціи довольно, чтобы бросить старинное обвиненіе на Гизо въ томъ, что онъ хуже Полиньяка: тотъ только утратилъ с в о б о д у Франціи, а этотъ потерялъ ея ч е с т ь. Палатѣ депутатовъ предложено было выразить свое неудовольствіе министерству, но предложеніе это было отвергнуто. Оппозиція должна была удовольствоваться тѣмъ, что вдоволь нашумѣлась и накричалась въ газетахъ и объявила подписку для покупки и поднесенія почетнаго меча храброму адмиралу, который такъ славно защитилъ имя и честь Франціи въ борьбѣ съ безсильною и малозначущею королевою дикарей и съ упрямымъ англійскимъ миссіонеромъ.

Но во всей этой исторіи для французскаго самолюбія особенно досадно и обидно было то, что куда бы французы ни кинулись, гдѣ бы ни появились, вездѣ они встрѣчали противодѣйствіе Англіи и вездѣ ея бдительное вниманіе имъ мѣшало. Тоже самое повторилось при запутанныхъ отношеніяхъ съ Марокко, неизбѣжнаго слѣдствія ихъ положенія въ сѣверной Африкѣ. Разбитый и обращенный въ бѣгство Абдъ-эль-Кадеръ, подобно Югуртѣ, нѣкогда искавшему помощи у мавританскаго короля противъ римлянъ, теперь старался поднять противъ Франціи марокскаго императора, Мулей-Абдергама; его подданные, какъ истинные мусульмане, жаждали войны съ невѣрными гяурами и понуждали его принять участіе въ судьбѣ Абдъ-эль-Кадера и помочь ему въ борьбѣ съ Франціей. Вскорѣ оба войска, уже съ оружіемъ въ рукахъ, стояли на границахъ другъ передъ другомъ. Французы укрѣпились на спорной почвѣ; между тѣмъ какъ шли переговоры, произошла битва, при которой и вслѣдствіе которой французы перешли черезъ марокскую границу и осадили марокскій городъ Уджу. Сынъ султана съ войскомъ приближался съ одной стороны, а съ другой принцъ Жуанвильскій съ эскадрой направился къ берегамъ Марокко. Но войны до сихъ поръ все еще не объявляли; англійское правительство съ неудовольствіемъ слѣдило за дальнѣйшимъ распространеніемъ французскихъ владѣній на сѣверномъ берегу Африки и потому, пользуясь ультиматумомъ, присланнымъ отъ французскаго правительства къ султану марокскому, попыталось начать переговоры. Между тѣмъ какъ принцъ Жуанвильскій бросилъ якорь передъ Тангеромъ и ждалъ, чѣмъ все разрѣшится, получилъ онъ извѣстіе 4 августа, что султанъ, по настоянію англійскаго посланника, послѣдовавшаго за нимъ въ Тангеръ, принимаетъ ультиматумъ французскій, но такъ какъ заявленіе это было сдѣлано безъ надлежащей формальности, то принцъ подумалъ, что не худо было бы дать марокскому султану, а можетъ быть и англичанамъ, урокъ: онъ пушками разметалъ укрѣпленія гавани Тангера, 6 августа, а 15 и Могадору, находящуюся на югъ отъ Тангера. Сухопутныя войска въ это время тоже сблизились. Лагерь султанова сына, Мулей-Магомета, находился близъ рѣки Исли; маршалъ Бюжо, ничего незнавшій объ успѣшномъ посредничествѣ Англіи, въ виду непріятеля, съ войскомъ въ 10,000 человѣкъ перешелъ черезъ рѣку и послѣ четырехчасовой битвы разогналъ и разметалъ превосходное численностію варварійское войско.

Война была рѣшена; марокская армія не могла больше выйдти въ поле. Марокскій императоръ просилъ мира и получилъ его на тѣхъ условіяхъ, которыхъ прежде не хотѣлъ допускать, чѣмъ и подалъ поводъ къ начатію военныхъ дѣйствій: Абдъ-эль-Кадеръ долженъ былъ оставить Марокко, и границы были опредѣлены въ пользу французовъ. О вознагражденіи военныхъ издержекъ не было рѣчи, всякую уплату, какъ бы велика или мала она ни была, говорилъ герцогъ Ислій-

скій, и хотя бы марокскій султанъ сто разъ обѣщался внести ее, все-таки не была бы и не могла быть заплачена и за деньгами пришлось бы идти новою войною. Органъ министерства: Journal des Débats, очень картинно и ловко отнесся объ этомъ и эта фраза впослѣдствіи часто повторялась: «Франція сама довольно богата; она можетъ заплатить за свою славу!» Но между французскимъ народомъ, сначала отуманеннымъ восторгомъ отъ своей побѣды, такое безкорыстіе однакожь, пробудило ропотъ и неудовольствіе, потому что его приписывали англійскому вліянію, которое все еще считали огромнымъ, тѣмъ болѣе, что опять поднялись переговоры по поводу Отаитскихъ дѣлъ. А именно: королева Помаре послѣ того, какъ французскій адмиралъ свергнулъ ее отъ престола, переѣхала на англійскій военный корабль, между тѣмъ англійскій консулъ Притчардъ, какъ французы его обвиняли, поощрялъ туземцевъ къ ихъ пассивному сопротивленію французамъ; за это они его внезапно арестовали. Сэръ Робертъ Пиль жаловался на это грубое оскорбленіе и послѣ переписки, длившейся нѣкоторое время, французское правительство согласилось выплатить миссіонеру 1,000 фунтовъ стерлинговъ вознагражденія за нанесенную обиду.

Хотя дѣло это само по себѣ не имѣло значенія, но оно подало поводъ къ сильному нападенію на правительство, когда въ концѣ декабря 1844 года опять собрались палаты и засѣданія опять были открыты. Въ палатѣ перовъ громче всѣхъ возставалъ графъ Молѐ, а въ палатѣ депутатовъ Тьеръ; оппозиція долго и стойко держалась; правительство побѣдило ее только при незначительномъ большинствѣ голосовъ 213 противъ 205. Народъ однакожь остался крайне раздраженъ противъ правительства; его національная гордость, особенно сильно раздутая событіями отъ 1789 до 1815 года и еще болѣе подогрѣтая пышными патріотическими рѣчами оппозиціи, находила, что ея политическія отношенія къ Англіи недостаточно переполнены уваженія къ національному величію французскаго народа. Не смотря на такое общее раздраженіе, сессіи однакожь сравнительно спокойно доведены были до конца. Нападеніе Тьера, требовавшаго, чтобы существующіе законы касательно іезуитовъ наконецъ были строго исполнены, было отражено тѣмъ, что палаты объявили, что онѣ предоставляютъ правительству исполненіе законовъ, ими утвержденныхъ. Надобно замѣтить, что живучій орденъ іезуитовъ былъ какъ бы нечувствителенъ ко всякому оружію, которое правительство употребляло противъ него: такъ и теперь, послѣ іюльской революціи, пользуясь всѣми случаями и всѣми обстоятельствами, іезуиты опять съ свойственною имъ ловкостію добились большаго вліянія. Папа послѣ нѣкотораго колебанія и сопротивленія, однакожь очень благоразумно рѣшился войдти въ соглашеніе съ правительствомъ; онъ черезъ генерала іезуитскаго ордена патера Ротана далъ наставленіе членамъ ордена, вслѣдствіе котораго они или закрыли свои учебныя заведенія и монастыри, или перемѣнили ихъ имена: но такая перемѣна была только внѣшняя, потому что сущность ученія и внутреннія стремленія и могущество остались тѣже самыя, объ ихъ измѣненіи ни тогдашняя, ни позднѣйшая Франція не помышляла.

Сессіи палатъ и въ 1846 году прошли тихо и спокойно. Только по временамъ по поверхности парламентской жизни пробѣгала рябь современныхъ не очень важныхъ событій и возмущала ихъ гладь; таковы были: возстаніе въ Краковѣ и происшествія въ Галиціи; бѣгство принца Людовика Наполеона изъ крѣпости Гамъ и нѣсколько попытокъ на жизнь короля Людовика Филиппа, какихъ въ это время уже насчитывалось двѣнадцать. Большинство членовъ палатъ крѣпко держалось за правительство; когда же, послѣ закрытія сессій, палата депутатовъ была распущена и послѣ новыхъ выборовъ опять на короткое время собралась 19 августа, оппозиція для своего кандидата на мѣсто президента могла собрать только 18 голосовъ, хотя кандидатъ этотъ былъ человѣкъ извѣстный—Одилонъ Барро. Итакъ, значительное большинство членовъ палаты, такое большинство, какого правительство можетъ быть еще никогда не имѣло, было совершенно предано министерству. Передъ такимъ составомъ палаты правительство могло выступить съ своимъ проектомъ объ испанскомъ брачномъ союзѣ и только при такомъ составѣ оно могло одержать дипломатическую побѣду, тѣмъ болѣе, что англійское вліяніе было устранено не совсѣмъ прямымъ и честнымъ путемъ. Свадьба герцога

Монпансье съ инфантою Луизой Фердинандой не должна была произойти одновременно съ бракосочетаніемъ королевы съ ея двоюроднымъ братомъ, такъ рѣшено было между французскимъ, англійскимъ и испанскимъ правительствами, когда тори были во главѣ правленія въ Англіи; но лордъ Пальмерстонъ представилъ другаго претендента на руку Изабеллы, принца Кобургскаго, что было несогласно съ желаніемъ Франціи, противорѣчило прежнему соглашенію и потому французское правительство считало себя въ правѣ дѣйствовать самостоятельно не сносясь съ англійскимъ. Напрасно доказывалъ Тьеръ, и совершенно основательно, что такой непрямой поступокъ уничтожитъ существующее согласіе между Англіей и Франціей и въ такое именно время, когда три сѣверныя державы заключили между собою союзъ, подтвердившій окончательное истребленіе остатковъ Польши; но слова Тьера были напрасны, палата депутатовъ большинствомъ 284 голосовъ противъ 84 была за благопріятный отвѣтный адресъ на тронную рѣчь

Въ такомъ смыслѣ, положеніе дѣлъ могло казаться удовлетворительнымъ; такъ принималъ его и король, равно какъ первый министръ его, который съ тѣхъ поръ, какъ старый маршалъ Сультъ пересталъ по имени быть президентомъ совѣта министровъ, лично сталъ во главѣ управленія. И чего же болѣе, вѣдь все дѣлалось такъ, какъ постановлено было хартіей, воля народная и воля всего государства въ ней была выражена въ такомъ-то §; на основаніи его производились выборы; на этихъ-то выборахъ такъ ясно обнаруживались *законныя требованія народа*; а между тѣмъ по этимъ самымъ выборамъ большинство всегда было за это министерство, слѣдовательно, министерство это было прямымъ выраженіемъ народной воли и вполнѣ согласовалось съ требованіями большинства.

Такъ оно казалось, но не такъ было на самомъ дѣлѣ; большинство въ палатѣ депутатовъ вовсе не было выраженіемъ народной воли и представительное правленіе во Франціи съ давнихъ поръ не сдѣлало ни одного шага впередъ къ совершенствованію, какъ бы это должно было быть въ томъ случаѣ, если конституція народа идетъ объ руку съ его развитіемъ и съ его потребностями. Существующія постановленія о выборахъ предоставляли это право очень ограниченному числу избирателей, и потому правительству, при его необыкновенномъ могуществѣ, было не трудно, по своему желанію, направлять корпораціи избирателей и слѣдовательно допускать въ депутаты только людей, на которыхъ оно могло разсчитывать; оно этого достигало простымъ путемъ подкупа; спачала это дѣлалось осторожно, незамѣтно, но мало-по-малу, все открытѣе, съ большею дерзостью, въ очень обширномъ размѣрѣ и подкупомъ, даже ничѣмъ не замаскированнымъ. Ежели какой либо избирательный округъ представлялъ депутата, пріятнаго правительству, это отзывалось на округѣ или увеличеніемъ суммъ на училищное вѣдомство, или прибавкою содержанія для какого нибудь благотворительнаго общественнаго заведенія, или на улучшеніи путей сообщенія и т. п.; депутатъ, дѣйствующій въ духѣ правительства, извлекалъ изъ своего положенія личныя выгоды: для своихъ знакомыхъ, родственниковъ—племянника, зятя и т. п. онъ могъ выхлопотать повышеніе, мѣсто въ министерствѣ, или доставить кому либо изъ близкихъ какой нибудь подрядъ, или концессію, а еще важнѣе, могъ удовлетворить своему собственному честолюбію, достигнуть вожделѣннаго счастія вдѣть въ петличку ленточку почетнаго легіона; если же въ число депутатовъ попадались чиновники, тогда дѣло еще болѣе упрощалось: награждать ихъ вѣрность можно было различными путями. Эта система была ясна, какъ день, и такого рода подкупы не трудно было замѣтить, оттого французское остроуміе печатно и повесно потѣшалось надъ ними; всегда гораздо легче осмѣивать порокъ, чѣмъ досадовать на него и отыскивать средства къ его исправленію; не отступали также передъ инымъ способомъ; выставляли его со скандалезной стороны, чтобы сдѣлать его понятнѣе для всѣхъ и каждаго. Но скандалезная сторона нравилась и скандалы слѣдовали одинъ за другимъ; такъ напримѣръ управленіе военной гавани Рошфоръ основано было на цѣлой системѣ постыднаго обмана и грабительства низшихъ и высшихъ должностныхъ лицъ, при немъ состоящихъ; арсеналъ въ Тулонѣ сгорѣлъ, когда наряжена была коммисія, чтобы ревизовать управленіе, и причина, и виновники пожара остались неизвѣстны; въ хлѣбныхъ магазинахъ

военнаго министерства оказался недочетъ въ 28,000 центнеровъ; одинъ изъ низшихъ чиновниковъ военнаго министерства, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, старался обратить вниманіе начальства на безчестное управленіе директора, но на его доносъ не обратили вниманія, его безъ дальнѣйшихъ церемоній, безъ суда, отставили отъ должности, и онъ умеръ въ нищетѣ. Но самый большой скандалъ надѣлалъ процесъ Тесте-Кубьеръ, въ которомъ замѣшаны были два бывшихъ министра: одинъ изъ нихъ, генералъ Кюбьеръ, перъ Франціи, въ 1841 году помогъ одному адвокату Тесте получить отъ тогдашняго министра общественныхъ работъ концессію для одного горнаго завода; при этомъ адвокатъ свою благодарность выразилъ подаркомъ въ 94,000 франковъ подъ благовиднымъ предлогомъ пая въ этомъ предпріятіи. Толки, пробужденные этими происшествіями, были причиной, что общественное вниманіе было обращено на другое преступленіе, которое при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ осталось бы въ отчетахъ уголовныхъ дѣлъ и не заставило бы говорить о себѣ: герцогъ Пралень, человѣкъ, принадлежащій къ высшему дворянству, перъ Франціи, умертвилъ свою жену самымъ безчеловѣчнымъ образомъ; это была дочь маршала Себастіани; преступникъ былъ арестованъ, процессъ начался, но не кончился, потому что виновный отравилъ себя въ тюрьмѣ, чтобы избѣжать гласнаго суда.

Печально, если подобныя преступленія случаются между высшими, образованнѣйшими классами народа! Но еще печальнѣе и еще хуже, если даже подобныя преступленія могутъ быть прессой употреблены съ политическою цѣлью, выставляя ихъ, какъ доказательства неслыханной порчи нравовъ въ высшихъ привилегированныхъ, руководящихъ сословіяхъ; такимъ образомъ они отнимали у французскаго общества возможность вглядѣться въ свой бытъ и убѣдиться, что порча нравственности не составляетъ исключительной особенности одного класса общества, а что она равномѣрно распространяется на цѣлый народъ и, слѣдовательно, лучшіе нравственные вожди его должны отыскивать средства ко всеобщему исправленію. Напротивъ того, значительное число пишущихъ людей было исключительно занято тѣмъ, чтобы распространять вредный, преступный взглядъ на вещи между низшими слоями общества, менѣе всего способными собственнымъ разсужденіемъ оцѣнить предлагаемыя имъ ученія.

Правда, народъ имѣлъ право роптать: законодательство и администрація находились въ рукахъ богатыхъ и знатныхъ; эти господствующіе классы, не слѣдуя обязанностямъ истинно хорошаго законодательства и правленія, не заботились о томъ, чтобы улучшить бытъ той части народонаселенія, которая носитъ многозначущее названіе рабочаго класса, обязаннаго работать, чтобы поддерживать свое жалкое существованіе и не смотря на почти непосильный трудъ, вырабатывать такъ мало, что въ состояніи только покрывать свои текущія нужды, не имѣя возможности сберегать что бы то ни было на черный день; никто изъ высшихъ лицъ не заботился о томъ, чтобы законодательныя и правительственныя мѣры, на сколько возможно, возвысили нравственное и умственное положеніе этой части народонаселенія, начиная съ матеріальнаго ихъ быта, и довели его до того, чтобы трудомъ, достаточно вознагражденнымъ, бережливостію и духомъ хозяйственной распорядительности рабочіе достигли существованія, болѣе сообразнаго съ достоинствомъ человѣческимъ. Въ палатѣ, гдѣ владѣльцы промышленныхъ предпріятій въ обширныхъ размѣрахъ, гдѣ крупные землевладѣльцы и чиновники имѣли право голоса и рѣчи, рабочее сословіе не имѣло представителя и правительство о немъ какъ бы забыло; оно забыло, что кромѣ установленныхъ хартіей представителей, кромѣ привилегированнаго, освященнаго законами кружка жестокосердыхъ фарисеевъ,—въ грязи, въ копоти и пыли мастерскихъ и фабрикъ существуютъ справедливыя желанія, неотвратимыя нужды, вопіющая нищета; и если, какъ въ 1840 году, несчастные рабочіе, нуждой и притѣсненіями доведенные до отчаянія, пытались возстаніемъ поправить свое положеніе,—правительство, не разобравъ дѣла, грубымъ насиліемъ подавляло возстаніе. При такомъ положеніи дѣлъ не мудрено, что люди мечтательные, демагоги—грубѣйшими или утонченнѣйшими ученіями поджигали страсти недовольной толпы, наполняли головы извращенными понятіями и доводили ихъ до крайняго раздраженія. Мы уже говорили объ извращенныхъ теоріяхъ Сенъ-Симона и Фурье; по ихъ слѣдамъ, въ

началѣ сороковыхъ годовъ, пошелъ нѣкто Кабе въ своемъ сочиненіи: Путешествіе въ Икарію; въ немъ описываетъ онъ заоблачную республику, въ которой нѣтъ ни денегъ, ни собственности, ни торговли, въ которой республика раздаетъ ремесленные инструменты и сырые матеріалы, распредѣляетъ работы и поровну раздѣляетъ все сработанное между всѣми своими членами. Въ менѣе фантастической, въ болѣе доступной, человѣческой и даже научной формѣ выразилъ Луи Бланъ свою, тоже ложную теорію соціалистическаго устройства общества, въ сочиненіи: «Объ организаціи труда» (1842 г.); этому сочиненію предшествовало другое: его исторія первыхъ десяти лѣтъ царствованія Людовика Филиппа; въ немъ онъ съ враждебной точки зрѣнія представилъ короля и буржуазію, которая возвела его на престолъ. Въ своемъ сочиненіи объ организаціи труда, онъ, въ противоположность тому, что онъ называетъ индивидуализмомъ, предложилъ, чтобы общество было одарено достаточнымъ могуществомъ, чтобы оно черезъ заемъ пріобрѣло достаточныя средства для заведенія національныхъ мастерскихъ и фабрикъ самыхъ важныхъ отраслей промышленности — въ число ихъ включалось земледѣліе, и оно должно было организоваться подобнымъ же образомъ; предполагалось завести всевозможные заводы и мастерскія въ обширныхъ размѣрахъ, и чтобы оборотный капиталъ государство отпустило для нихъ безъ процентовъ. Заработная плата для всѣхъ предполагалась одинаковая; право на наслѣдство предоставлялось только въ одномъ колѣнѣ отъ отца къ дѣтямъ; имѣніе лицъ, не оставлявшихъ прямыхъ наслѣдниковъ, должно было переходить государству. Законодатель при этомъ не сообразилъ, что при его національныхъ мастерскихъ, если бынѣ были учреждены на самомъ дѣлѣ личная промышленность не могла бы выдержать конкуренціи и слѣдовательно была бы заглушена, погибла бы и изъ государства непремѣнно вышла бы фантастическая республика—Икарія. Но чего его радикальное преобразованіе общества не могло, или не хотѣло окончательно высказывать, не хотѣло или не смѣло доводить до послѣднихъ выводовъ, или покрайней мѣрѣ умалчивало о нихъ, то высказалъ Прудонъ, человѣкъ съ болѣе обширнымъ взглядомъ на вещи и съ умомъ болѣе проницательнымъ; онъ самъ выросъ въ нуждѣ и лишеніяхъ, пріобрѣлъ собственнымъ трудомъ обширное знаніе въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ наукъ; въ его сочиненіяхъ часто повторяются парадоксы, поразительные по своей смѣлости, даже дерзости. Но у всѣхъ этихъ инноваторовъ одно мнѣніе и одно чувство было общее — ненависть къ значенію королевской власти, символу существующаго общественнаго порядка вещей, противъ котораго они вели свою войну; всѣ лучшія мечты и надежды ихъ сосредоточивались на ужасной, полной революціи, въ обширномъ смыслѣ слова. Мысль о переворотѣ и надежда на полное измѣненіе существующаго, одушевляли многихъ изъ народной массы и поддерживали ихъ ненависть къ настоящему положенію всего окружающаго, поддерживали ихъ мечты о будущемъ; дикая фантазія ихъ разыгрывалась, и они готовы были предаться ей, чтобы достигнуть всей необузданности своихъ желаній. Во многомъ сходились соціалисты съ радикалами оппозиціонной стороны палаты депутатовъ, даже съ нѣкоторыми изъ умѣренныхъ, и они тоже играли съ мыслью и съ надеждой на революцію, съ тою только разницею, что представляли себѣ революцію политическую, мирную, а вовсе не дикую соціальную революцію.

Въ продолженіе нѣкотораго времени радикальная, или республиканская оппозиція шла объ руку съ такъ называемою династическою оппозиціей. Онѣ встрѣчались на одной и той-же мысли, на одномъ и томъ же требованіи: онѣ желали устранить, или уничтожить тѣ большіе недостатки въ государствѣ и въ обществѣ, отъ которыхъ всѣ слои общества одинаково страдали; начать это общее исправленіе хотѣли онѣ съ той же самой точки, съ которой, 15 лѣтъ тому назадъ, исправленіе тѣхъ же золъ началось въ Англіи, а именно съ реформы избирательнаго способа, т. е. все равно что тамъ съ парламентской реформы. Но ходъ этой перемѣны въ той и другой странѣ шелъ различнымъ путемъ.

Нѣсколько разъ въ палатѣ депутатовъ уже поднимался вопросъ о реформѣ существующаго избирательнаго закона. Еще во времена реставраціи жаловались,

что въ числѣ депутатовъ находится слишкомъ большое количество служащихъ правительству, т. е. чиновниковъ, и въ 1834 году, въ продолженіе нѣкотораго времени, легитимисты и республиканцы сообща волновались и требовали измѣненія закона о выборахъ; надобно замѣтить, что тогда еще въ разумныхъ головахъ легитимистовъ, но не радикаловъ, родилась мысль—существующій плутократическій способъ выборовъ замѣнить правомъ общей подачи голосовъ. Въ 1842 году депутатъ Дюко предложилъ мысль объ увеличеніи числа избирателей черезъ установленіе избирательныхъ способностей (capacité); тоже самое предложеніе было повторено въ 1845 году адвокатомъ-евреемъ Кремье, который съ этого времени тоже находился въ числѣ плохихъ правителей Франціи; собрался конгресъ журналистовъ; на немъ рѣшено было привести въ дѣйствіе всеобщую агитацію прессы. Радикальная оппозиція, съ своей стороны, шла къ своей цѣли, къ общей подачѣ голосовъ; во главѣ радикальной партіи, съ 1842 года, стоялъ человѣкъ, далеко не первостепенныхъ способностей, адвокатъ Ледрю-Ролленъ; радикалы хотѣли выдвинуть народъ въ ущербъ буржуазіи, и доставить ему господство. Династическая, лѣвая сторона находилась подъ руководствомъ Одилонъ Барро и Тьера, котораго съѣдала зависть къ Гизо и который, сознавая свои правительственныя способности, чувствовалъ, что онъ во главѣ министерства былъ бы на своемъ мѣстѣ; онъ постоянно занимался политикой, постоянно принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, но постоянно держалъ себя такъ, чтобы всецѣло не отдаваться ни одной партіи; при этой агитаціи онъ удовольствовался тѣмъ, что предложилъ законъ, исключавшій чиновниковъ совершенно или частію изъ палаты депутатовъ. Министръ-президентъ, упрямый Гизо, столько-же увѣренный въ своей непогрѣшимости, сколько Тьеръ въ своей, на этотъ разъ сдѣлалъ грубѣйшую ошибку: вмѣсто того, чтобы пойти на встрѣчу требованіямъ о реформѣ и дѣйствительно содѣйствовать ей, онъ круто отвергнулъ ее; министерство, по примѣру своего, уже нѣсколько устарѣлаго короля, спряталось за букву закона и упустило удобную минуту стать во главѣ движенія, которое, не будучи подавлено, возрастало и вскорѣ разразилось ураганомъ, разметавшимъ и тронъ, и министерство.

Въ сессіяхъ 1846 года вопросъ о реформѣ избирательной системы опять поставленъ былъ на первый планъ. Одинъ изъ друзей Тьера, Ремюза, опять предложилъ проектъ объ исключеніи чиновниковъ изъ палаты депутатовъ; началось серьезное и жаркое парламентское преніе изъ-за этого, и 17 марта Тьеръ по этому поводу произнесъ одну изъ своихъ самыхъ длинныхъ рѣчей. Онъ, какъ всегда, говорилъ много о себѣ и о своихъ заслугахъ при воздвиженіи престола въ дни іюльской революціи, говорилъ съ неуваженіемъ о новѣйшихъ роялистахъ, о слишкомъ горячихъ приверженцахъ правительственной партіи, смотрѣвшей на нихъ, творцовъ іюльскаго престола, какъ на теперешнихъ враговъ его: но какъ прежде, такъ и теперь, онъ остался вѣренъ своему изреченію: «король царствуетъ (régne), но онъ не управляетъ рулемъ государства». Какъ во всѣ времена для блага Франціи, онъ и теперь желаетъ, чтобы установилось истинное представительное правленіе, какъ въ Англіи, гдѣ каждый, самый могущественный изъ министровъ все-таки исполняетъ только волю народа — просвѣщенную волю національнаго разума. Исключеніе чиновниковъ изъ палаты депутатовъ есть шагъ къ достиженію этой цѣли; но изгнать чиновниковъ изъ такой палаты депутатовъ, какъ существующая, было дѣло почти невозможное, это значило бы пробить брешь въ цѣлой системѣ злоупотребленій, ничего больше. Какъ бы то ни было, но это было бы все-таки что нибудь; какъ надобно было ожидать, предложеніе Ремюза было отвергнуто большинствомъ 232 голосовъ противъ 184.

Когда палата была распущена, составлена была коммиссія изъ депутатовъ съ самыми различными направленіями, и они занялись составленіемъ проекта закона о выборахъ, съ которымъ оппозиція хотѣла попытать счастія при вновь избранной палатѣ депутатовъ. Соотвѣтственно этому рѣшенію Дювержье-де-Гораннъ, при открытіи сессій 1847 года, предложилъ свой проектъ о реформѣ избирательнаго закона; онъ предлагалъ: уменьшить принимаемую норму налоговъ съ 200 франковъ на 100 франковъ для избирательнаго права голоса, допустить большее число способныхъ къ избирательству, увеличить число депутатовъ, дове-

сти до 459, т. е. на 79 депутатовъ больше. Четверо сутокъ длились жаркія пре-нія, но кончилось тѣмъ, что предложеніе было отвергнуто 252 голосами противъ 154; ту же участь потерпѣлъ Ремюза съ своимъ проектомъ: не допускать въ депутаты извѣстной категоріи чиновниковъ. Сами министры не желали этого закона и объявили, что оставятъ свои должности, если проектъ объ исключеніи чиновниковъ будетъ принятъ: напрасныя опасенія; сама палата депутатовъ не желала возобновленія преній и ни въ какомъ случаѣ не приняла-бы этого закона и безъ такого заявленія со стороны министерства; существующій законъ о выборахъ былъ для нея гораздо удобнѣе и спокойнѣе.

Недовольная такимъ рѣшеніемъ, пресса продолжала дѣлать свои замѣчанія, публиковала свои зажигательныя статьи; агитація продолжалась; династическая оппозиція была недовольна и вообще дѣло, покончeнное въ палатѣ депутатовъ, не было рѣшено въ обществѣ. Въ дурномъ управленіи и въ безчисленныхъ злоупотребленіяхъ по всѣмъ его отраслямъ, оппозиція находила пищу для своихъ обвиненій, и была тѣмъ сильнѣе, что у нея были сильные и краснорѣчивые вожди и что она стояла за правое дѣло; она защищала нравственныя правила противъ порчи подкупа, всю націю противъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ привиллегированныхъ лицъ; но такой агитаціи, при легко воспламеняющемся, измѣнчивомъ и увлекающемся характерѣ народномъ, невозможно было держать въ границахъ законности, какъ мы это видѣли въ Англіи. Замѣчательно и характеристично, что во время празднества, даннаго друзьями реформы, на который собралось 1200 человѣкъ въ окрестностяхъ Парижа въ Шаторужъ, 9 іюля 1847 года, на этомъ первомъ изъ банкетовъ реформы не провозглашали обычнаго тоста за здоровье короля, для того, чтобы не вызвать разногласія въ рядахъ оппозиціи; совсѣмъ не то бываетъ въ Англіи, странѣ истинной свободы, въ странѣ, гдѣ конституція крѣпко стоитъ на своемъ законномъ основаніи: тамъ, при всякомъ общественномъ торжествѣ, первый тостъ всегда принадлежитъ королю; этотъ знакъ почитанія напоминаетъ всѣмъ партіямъ, что въ государствѣ есть власть, стоящая выше всѣхъ интересовъ партій и до которой никто коснуться не можетъ. Послѣ закрытія сессій такіе банкеты слѣдовали одинъ за другимъ, нескончаемою вереницей, во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Франціи, и на всѣхъ произносились рѣчи болѣе или менѣе зажигательныя, вездѣ составляли просьбы о реформѣ и сотни и тысячи подписывали ихъ. Тогдашнія событія и волненія въ Италіи со времени восшествія на престолъ Пія IX, борьба между іезуитами и радикалами въ Швейцаріи послужили къ тому, чтобы усилить волненіе во Франціи, что между прочимъ, кажется, отъ времени до времени составляетъ необходимое условіе ея существованія. Коммиссія, составленная изъ депутатовъ для обсужденія вопроса объ избирателяхъ и объ условіяхъ выборовъ, съ удовольствіемъ видѣла, что дѣло подвигается и что даже въ самомъ Парижѣ, ко времени открытія засѣданій палатъ, предполагалось дать нѣсколько банкетовъ друзей реформы. Радикальная часть оппозиціи радовалась при извѣстіи, что правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы префектъ полиціи не допускалъ подобныхъ банкетовъ въ Парижѣ. Люди, стоявшіе близко къ трону, какъ принцъ Жуанвильскій, начали смотрѣть на все это съ болѣе серьезной точки зрѣнія; они находили, что король старъ, что онъ потерялъ свою прежнюю проницательность; но никто еще не предполагалъ возможности близкой катастрофы. Декабря 28, 1847 года Людовикъ Филиппъ, по своему обыкновенію, самъ открылъ засѣданіе палатъ. Одно мѣсто въ тронной рѣчи доказывало, что онъ, или недоступенъ былъ для добраго совѣта, или что его первый министръ до такой степени убаюкивалъ себя вѣрою въ невозмутимое спокойствіе и безопасность своего положенія, что уже неспособенъ сталъ давать добрые совѣты. «Посреди волненія, говорилъ король, и существующаго раздраженія умовъ, поддерживаемаго и возбуждаемаго враждебными и слѣпыми страстями, насъ оживляетъ и единственно поддерживаетъ убѣжденіе, что мы въ конституціонной монархіи и въ единомысліи великихъ государственныхъ силъ находимъ вѣрное средство побѣждать всѣ сопротивленія».—Совершенно безполезно было бросать вызовъ этимъ страстямъ, безъ сомнѣнія враждебнымъ, но вовсе не такимъ слѣпымъ, какъ предполагали Людовикъ Филиппъ и его министръ.

Вызовъ, сдѣланный правительствомъ, былъ принятъ въ высшей степени раздраженной оппозиціей. Начались пренія изъ-за отвѣтнаго адреса; народъ съ величайшимъ вниманіемъ и съ возрастающимъ волненіемъ слѣдилъ за ходомъ ихъ. На него даже не произвело никакого впечатлѣнія извѣстіе о томъ, что многолѣтній врагъ французскаго владычества въ Африкѣ, Эмиръ-Абдъ-эль-Кадеръ попался въ руки французовъ; напротивъ, недовольные и въ этомъ случаѣ нашли оружіе противъ правительства: нашли, когда разобрали всѣ подробности дѣла, что противъ побѣжденнаго эмира поступили вѣроломно и вовсе невеликодушно, даже безчестно.

Послѣ заключенія мира между Марокко и Франціей, по условію котораго Абдъ-эль-Кадеръ предоставлялся собственнымъ силамъ, онъ свое оружіе обратилъ противъ своего негостепріимнаго союзника, но бороться съ его сильнѣйшимъ войскомъ ему было не по средствамъ; послѣ одного столкновенія онъ былъ оттѣсненъ и заброшенъ во французскія владѣнія; здѣсь стѣсненный со всѣхъ сторонъ и доведенный до отчаянія, онъ предложилъ генералу Ламорисьеру свою покорность, если ему обѣщанъ будетъ свободный проѣздъ въ Сирію, или Египетъ. При этомъ не было бы для Франціи никакой опасности, потому что роль эмира была уже кончена, а на слово его можно было бы положиться, потому что мусульмане и особенно арабы держатъ данное обѣщаніе; генералъ Ламорисьеръ принялъ условіе, а герцогъ Омальскій, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ уже занимавшій мѣсто намѣстника, подтвердилъ соглашеніе; но парижскій совѣтъ министровъ отвергнулъ договоръ и приказалъ перевезти эмира во Францію, какъ военнопленнаго.

На это обстоятельство сначала не обратили вниманія: такъ всецѣло все погружено было въ великую парламентскую борьбу, поглотившую всѣ силы и весь интересъ думающей и читающей части народа. Всѣ стороны управленія подвергались критическому разбору. Ламартинъ долженъ былъ предать на судъ оппозиціи свою поэтическую, литературную и историческую дѣятельность; но онъ хотѣлъ блистать, какъ тонкій политикъ и государственный человѣкъ, также какъ блисталъ какъ поэтъ и какъ краснорѣчивый историкъ; онъ началъ осуждать политику Франціи въ отношеніи италіянскаго волненія, и главное—нейтралитетъ, въ которомъ она осталась, когда австрійцы заняли Феррару, Тосканское и Моденское герцогства; Гизо возбудилъ общее громкое негодованіе оппозиціи, когда онъ для оправданія политическихъ мѣръ правительства ссылался на необходимость держаться договоровъ 1815 года и тѣмъ не только не опровергнулъ обвиненія, но возбудилъ цѣлую бурю возраженій. Столько же упрекали правительство за то, что при швейцарскомъ спорѣ партій, оно сообща съ Австріей приняло сторону іезуитовъ и попыталось дѣло іезуитовъ сдѣлать дѣломъ Франціи. Гизо, какъ строго вѣрующій консерваторъ и протестантъ, въ жаркой рѣчи выставилъ, какъ ему ненавистенъ швейцарскій радикализмъ. Тьеръ съ своей стороны тоже напалъ на министерство за несообразныя финансовыя распоряженія; и причина къ тому была достаточная: въ теченіе 17 лѣтняго мира, который постоянно пытались сохранять часто даже съ небывалой уступчивостью, государственный долгъ возросталъ, уже достигъ огромной цифры пяти тысячъ милліоновъ франковъ и все еще продолжалъ возрастать, потому что ежегодный дефицитъ прибавлялъ къ нему новую долю, а конца дефициту не предвидѣлось. Но болѣе всего раздражалъ оппозицію способъ, какъ правительство себя держало при вопросѣ о реформѣ избирательнаго закона; оно, дѣйствительно, сдѣлало грубѣйшую ошибку, оставаясь въ упрямомъ бездѣйствіи, при манифестаціяхъ на банкетахъ реформы и въ отношеніи самихъ банкетовъ. Съ этой-то точки зрѣнія само правительство бросило вызовъ оппозиціи въ тронной рѣчи. Но ея нападеніе ни къ чему не повело; одинъ изъ депутатовъ изъ консервативной партіи попытался было дѣйствовать примирительно, выразивъ надежду, что правительство ни въ какомъ случаѣ не откажется содѣйствовать прогрессу; 12 февраля 1848 года былъ готовъ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь въ благопріятномъ и согласномъ съ нею смыслѣ; при голосованіи за адресъ было 2 голосъ, противъ него 3 голоса—оппозиція отказалась подавать голоса.

На слѣдующій день было частное собраніе либеральныхъ депутатовъ, совѣщавшихся о томъ, что дальше предпринять. Сдѣлано было предложеніе, чтобы оппозиціонные депутаты вслѣдствіе обиднаго замѣчанія въ тронной рѣчи, теперь

подтвержденнаго и повтореннаго, хотя въ уменьшенномъ видѣ, въ отвѣтномъ адресѣ всею массою вышли изъ палаты; но потомъ рѣшено было не прибѣгать къ такой крутой мѣрѣ, а сдѣлать менѣе затруднительною демонстрацію: устроить банкетъ реформы въ самомъ Парижѣ; рѣшеніе это было объявлено 14 февраля; всѣ дѣловые люди взволновались; они понимали, что такого рода демонстрація неминуемо доведетъ до столкновенія съ правительствомъ; опасенія были основательны.

Былъ назначенъ совѣтъ, составленный изъ представителей города Парижа, изъ членовъ различныхъ оппозиціонныхъ партій, уполномоченныхъ центральной избирательной комиссіи и изъ редакторовъ самыхъ значительныхъ оппозиціонныхъ газетъ и журналовъ; имъ поручено было заняться нужными приготовленіями для этого главнаго общественнаго собранія друзей реформы; нѣсколько дней совѣтъ не подавалъ о себѣ ни малѣйшаго признака жизни, наконецъ 19 февраля было объявлено, что 22-го состоится обѣдъ, а какъ мѣсто для этого пира—назначался одинъ изъ садовъ въ Елисейскихъ поляхъ. Было предположеніе, собраться всѣмъ въ обычномъ сборномъ мѣстѣ оппозиціонныхъ депутатовъ, на площади Магдалины и оттуда, въ торжественной процессіи, отправиться въ Елисейскія поля; національная гвардія, хотя безъ оружія, но въ мундирахъ, по батальонамъ и легіонамъ должна была выстроиться шпалерами вдоль улицъ и тѣмъ придать торжественность всему шествію—олицетворить силу, снабженную всѣми средствами дѣйствовать, но сдерживающую себя съ намѣреніемъ. Но мало-по-малу устроителямъ демонстраціи самимъ стало страшно тѣхъ послѣдствій, какія они могли вызвать; столичная масса народа, выведенная изъ обычнаго покоя, легко могла сбросить съ себя всякое руководящее вліяніе, или подчиниться вліянію такихъ людей, для которыхъ демонстрація въ предѣлахъ законности не что иное, какъ ребяческая шутка, или только предлогъ, скрывающій болѣе важные и опасные замыслы; 20 числа въ оппозиціонныхъ газетахъ появилась статья, приглашавшая всѣхъ къ умѣренности, къ соблюденію строго-законныхъ формъ; между устроительнымъ совѣтомъ и министерствомъ начались даже переговоры съ цѣлью предупредить всѣ дальнѣйшія манифестаціи. На слѣдующій день, 21, газеты объявили программу предполагавшагося торжества, при чемъ демонстративная комиссія объявляла о своихъ распоряженіяхъ, точно будто какое либо правительственное учрежденіе; до сихъ поръ министерство оставалось спокойно, но тутъ оно задало себѣ вопросъ: какъ себя держать? Противупоставить ли этой опасной демонстраціи простыя полицейскія мѣры предосторожности, или въ виду могущихъ произойти безпорядковъ запастись достаточною военною силою, которая могла бы возстановить законную власть, если бы на нее кто нибудь осмѣлился покуситься? Только подъ вечеръ, въ послѣдній день, ясно поняли положеніе дѣлъ и рѣшились на то, съ чего слѣдовало бы начать: допустить банкетъ друзей реформы, но съ тѣмъ, что правительство подвергнетъ законному преслѣдованію всякаго, кто будетъ виновенъ въ противозаконномъ поступкѣ въ своихъ рѣчахъ, или на дѣлѣ; въ виду же того, что собраніе на площади Магдалины, съ участіемъ національной гвардіи, «въ силу закона о публичныхъ собраніяхъ на площадяхъ и улицахъ», подлежало предварительному разрѣшенію полиціи, которое, однако, никѣмъ небыло спрашиваемо, то и рѣшено не допускать этой процессіи. Такъ отвѣчалъ Дюшатель въ палатѣ депутатовъ подъ вечеръ 21 числа на запросъ Одиллонъ Барро, что правительство намѣрено предпринять, относительно празднества, назначеннаго на слѣдующій день.

Это объявленіе смутило оппозиціонный лагерь. Послѣ окончанія засѣданія вечеромъ собрались члены оппозиціи, чтобы рѣшить что дѣлать, и, не смотря на противорѣчіе Ламартина и нѣкоторыхъ другихъ, было рѣшено покориться необходимости и отмѣнить предположенное торжество. Они замаскировали свое отступленіе тѣмъ, что послали въ газеты объявленіе, въ которомъ говорилось: «оппозиція, отказываясь отъ банкета, подаетъ тѣмъ примѣръ подвига великой умѣренности, но все-таки за нею остается другой великій подвигъ твердости и справедливости, который она не преминетъ исполнить въ свое время»; далѣе высказывалось намѣреніе подать обвиненіе противъ министерства: «потому что оно измѣнило чести и интересамъ Франціи, въ пользу иноземцевъ, исказило основныя постановленія хартіи, ограничило права гражданъ, систематически развило взя-

точничество и подкупы, ввело торговлю общественными должностями и многое другое; это все были громкія фразы, частію основательныя, но оставшіяся все-таки однѣми только фразами. Въ тоже самое время люди, считавшіеся и считавшіе сами себя людьми дѣла, или по крайней мѣрѣ готовыми дѣйствовать, не обращая вниманія ни на что, способные ко всякимъ насильственнымъ мѣрамъ, собрались въ залахъ редакціи радикальной газеты «Reforme». Тутъ были и литераторы этой партіи—Флоконъ, Этьенъ Араго, Луи-Бланъ, Эдгаръ Кине, и главные предсѣдатели тайныхъ обществъ, какъ Лагранжъ и др.; извѣстіе, что банкетъ отмѣненъ, привело ихъ въ бѣшенство; они не жалѣли бранныхъ выраженій на оппозицію, называли ее трусливою, неисправимою буржуазіей, ничѣмъ не лучше остальной, и рѣшились попытаться, нельзя ли достигнуть чего нибудь съ взволнованной массой народа, которая, во всякомъ случаѣ, соберется на мѣста, гдѣ должны были произойти торжественная процессія и банкетъ. Но слишкомъ большихъ надеждъ и у нихъ не было, они положили, чтобы при демонстраціяхъ, какія могутъ случиться, слово республика не было произнесено и чтобы все ограничивалось восклицаніями: «да здравствуетъ реформа и долой министерство Гизо!»

День, назначенный для праздника, 22 число, прошелъ безъ всякихъ важныхъ происшествій. Читали объявленія отъ префекта полиціи, выставленныя на углахъ улицъ, и отказы оппозиціонной партіи, напечатанные въ утреннихъ газетахъ; не смотря на это, по улицамъ бродили кучки любопытныхъ и преимущественно собирались на мѣста, назначенныя для торжества; между любопытными, хотя въ незначительномъ количествѣ, были члены тайныхъ обществъ. Толпа народа потянулась къ палатѣ депутатовъ, засѣданіе которой однакожь еще не открылось; если же толпѣ случалось встрѣчаться съ войскомъ, которое, сказать мимоходомъ, почти нигдѣ не показывалось, кучи народа кричали: «да здраствуетъ реформа; долой министерство!» и разбѣгались. Во внутреннихъ кварталахъ города, куда вся народная масса къ вечеру стянулась, почти въ сумерки построили двѣ—три баррикады; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли столкновенія; шумъ и гамъ продолжались до полуночи, но остатокъ ночи прошелъ спокойно.

Но вопреки ожиданіямъ, на слѣдующій день оказались, что волненіе усиливается. Восклицанія: «долой министерство!» становилось громче и въ народѣ появились уже вооруженные. Встревоженному правительству пришла на умъ несчастная мысль призвать на помощь національную гвардію. Нехотя, медленно, не въ полномъ составѣ и съ ропотомъ сходилась гвардія на свои сборные пункты. Либеральная буржуазія очевидно была недовольна министерствомъ и явно сочувствовала волненію, изъ массы которой все еще раздавались крики: да здравствуетъ реформа! и—долой министерство! Неохота гвардіи отозвалась и на линейныхъ войскахъ. Но до серьезныхъ столкновеній дѣло не дошло; только въ разныхъ мѣстахъ были демонстраціи, въ которыхъ національная гвардія принимала участіе; къ вечеру разнеслась молва, будто министерство просило объ увольненіи и получило его.

Это была правда; настроеніе національной гвардіи открыло глаза королю; онъ убѣдился, что неудовольствіе народа очень серьезно—и въ теченіе дня, послѣ обѣда рѣшился на эту мѣру. Гизо самъ отправился въ палату депутатовъ и объявилъ ей, что выходитъ изъ министерства и что король на его мѣсто призываетъ графа Моле; но что до составленія новаго министерства, старое будетъ заботиться о сохраненіи общественнаго порядка и о соблюденіи законовъ.—Король, между тѣмъ, не сговорился съ графомъ Моле, и отложилъ свое рѣшеніе до слѣдующаго дня, потому что не предвидѣлъ опасности отъ замедленія.

Казалось, будто опасность и въ самомъ дѣлѣ миновала. Извѣстіе объ отставкѣ Гизо было встрѣчено съ полнымъ восторгомъ; вѣдь только хотѣли измѣненія министерства и были убѣждены, что вслѣдъ за нимъ непремѣнно будетъ реформа избирательной системы. Когда насталъ вечеръ, окна были освѣщены свѣчами и лампами, народъ шумными толпами бродилъ по улицамъ и бульварамъ въ самомъ веселомъ настроеніи, любуясь импровизированной иллюминаціей, которая съ минуты на минуту разливалась все дальше и дальше. Грозныя восклицанія замолкали и замѣнились говоромъ и радостнымъ смѣхомъ, всѣ веселились по случаю этой побѣды, нестоившей ни капли крови. Только изрѣдка то

тутъ, то тамъ, при встрѣчѣ съ полицейскими, раздавался крикъ: «долой, прочь муниципальную гвардію»; но тѣмъ все и ограничивалось; о революціи не было и помину.

Но въ этомъ гніломъ государствѣ анархія всегда готова выступить изъ своихъ закоулковъ и предъявить свои права на господство; уличная чернь здѣсь часто рѣшаетъ судьбу народа и трона; здѣсь часто личные интересы предъявляютъ свои права и, пользуясь удобной минутой, устраиваютъ свои дѣла и отношенія; страшный, всемогущій случай здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, господствуетъ и все ломаетъ, все опрокидываетъ.

Около восьми часовъ вечера огромная масса народа, двигавшаяся взадъ и впередъ по бульварамъ, стѣснилась и остановилась на бульварѣ Капуциновъ, передъ отелемъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, республиканцы хотѣли себя потѣшить тѣмъ, что сдѣлаютъ передъ домомъ низвергнутаго министра демонстрацію и тѣмъ облегчатъ свою противъ него накипѣвшую злобу. Тутъ случилась толпа Лагранжа, опытнаго заговорщика и заклятаго республиканца, съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Передъ зданіемъ находился караулъ изъ пятидесяти человѣкъ линейныхъ пѣхотныхъ солдатъ. Въ то время, когда народъ тутъ стѣснился, совершенно неожиданно раздался выстрѣлъ; кто выстрѣлилъ? зачѣмъ? въ кого выстрѣлили? былъ ли то случайный, или злонамѣренный выстрѣлъ, съ цѣлью вновь вызвать только что улегшееся раздраженіе?—осталось неизвѣстно и никогда никто тутъ не могъ доискаться правды. Но дѣйствіе этого выстрѣла было ужасное. Караулъ думалъ, что на него готовится нападеніе: неизвѣстно, было ли дано приказаніе стрѣлять, или нѣтъ, но залпъ изъ пятидесяти ружей, нацѣленныхъ прямо въ густую толпу, раздался; народъ сыпнулъ во всѣ стороны, но крики мести, изступленнаго негодованія, проклятій, возрастали, разливались изъ улицы въ улицу, усиливались, и вскорѣ весь народъ, внѣ себя отъ ярости, забушевалъ: часъ революціи насталъ, ея дѣятели заликовали.

Многіе изъ самыхъ ярыхъ агитаторовъ поспѣшили туда, гдѣ произошелъ несчастный случай. Трупы мужчинъ, женщинъ и дѣтей еще лежали тутъ; ихъ положили на повозки и повезли по улицамъ; толпа разъяреннаго народа съ криками и ругательствами слѣдовала за ними и постоянно возрастала, наконецъ, прибывъ къ редакціи радикальнаго журнала, le National, гдѣ въ то время собрались нѣкоторые вожди республиканской партіи, остановилась; между тѣмъ по улицамъ города слышались неистовые крики мести и вездѣ взывали: къ оружію! Съ колокольни церкви Сенъ-Жермень-о-Пре уже слышались тревожные звуки набата.

При извѣстіи о случившемся, король опять послалъ за графомъ Моле, но такъ какъ онъ отказался придти, за Тьеромъ. Этотъ явился во дворецъ въ полночь; онъ сказалъ, что только при помощи Одилонъ Барро, главнаго представителя партіи, требовавшей реформы, онъ еще надѣется усмирить волненіе. Король согласился, чтобы Одилонъ Барро вошелъ въ министерство; Тьеръ отправился къ себѣ съ тѣмъ, чтобы попытаться составить министерство. Гизо, остававшійся на ночь въ тюльерійскомъ дворцѣ, еще подписалъ повелѣніе, назначавшее герцога Исли, маршала Бюжо, главнокомандующимъ гарнизона и національной гвардіи Парижа. Маршалъ тотчасъ явился на призывъ и немедленно принялъ необходимыя мѣры, чтобы исправить ошибки своихъ предшественниковъ: Тибюргъ, Себастіани и Жакмино, которые, безъ плана, или по ложному плану, разбросали войска безъ всякой надобности; онъ призвалъ къ себѣ начальниковъ отдѣльныхъ частей войска и объяснилъ имъ главныя черты своего плана: «но пуще всего», сказалъ онъ имъ, «не вступайте ни въ какіе переговоры, а не то вы пропали». Твердая рука схватила поводья, которые уже волочились по землѣ.

Но возстаніе съ своей стороны не оставалось безъ дѣла. Одна баррикада за другой, какъ по волшебству, выростала изъ земли и лишь только была окончена, какъ покрывалась вооруженными; но до сихъ поръ никто еще не произносилъ слова: республика. Вооруженная сила войска не мѣшала народу; солдаты устали, были не въ духѣ, у нихъ не было опредѣленной команды; только съ появленіемъ любимаго маршала, пользовавшагося ихъ довѣріемъ, они опять обо-

дрились и охотно двинулись, куда было приказано. Если бы, опираясь на свое правое дѣло, войско дѣйствовало энергически и безъ всякихъ оглядокъ, все могло бы еще поправиться, іюльскій тронъ былъ бы спасенъ, а народъ избавился бы отъ многихъ ожидавшихъ его несчастій, дѣйствовать прямо и энергически можно было, потому что дѣло было правое, не было ни малѣйшей надобности въ революціи и никакого повода къ ней. Къ несчастію, не было человѣка отважнаго и рѣшительнаго, готоваго пожертвовать своею популярностію, готоваго на самыя крайнія мѣры, готоваго всѣмъ жертвовать для достиженія одной цѣли.

Тьеръ и Одилонъ Барро явились рано поутру, 24 числа, въ тюльерійскій дворецъ. Король согласился на всѣ ихъ предложенія: распустить палату депутатовъ, произвести избирательную реформу и войску приказать прекратить огонь; жителямъ Парижа возвѣщено было обо всемъ этомъ уже въ восемь часовъ утра прокламаціей, которая оканчивалась словами: свобода, порядокъ, единство и реформа; ее подписали Одилонъ Барро и Тьеръ. Прокламація не произвела никакого впечатлѣнія; возстаніе все еще продолжалось, не принимая никакого опредѣленнаго характера; никто не зналъ, чего народъ хочетъ и, вѣроятно, самъ онъ менѣе всего зналъ это, но продолжалъ волноваться и готовиться къ битвѣ; очевидно было, если дать волненію волю разростись, то никто не могъ сказать напередъ, остановится ли онъ передъ тономъ. Бедо, по собственному усмотрѣнію, вопреки послѣднему повелѣнію маршала, прекратилъ стрѣльбу и вступилъ въ переговоры съ народомъ, а тутъ еще явились министры съ своими безумными предложеніями, отнять у войска всякую способность дѣйствовать и предоставить возмутителямъ право дѣлать, что имъ угодно. Нѣсколько часовъ спустя, между 10 и 11 часомъ, народъ уже овладѣлъ Пале-роялемъ и вымещалъ свою безсмысленную злобу на книгахъ и художественныхъ произведеніяхъ. По другую сторону улицы стоялъ Шато-д'О, охраняемый отрядомъ муниципальной гвардіи; онъ не стрѣлялъ, вошелъ въ переговоры съ возставшими и далъ имъ слово не открывать огня; но когда толпа передъ домомъ возрастала и переходила всѣ фазисы раздраженія, наконецъ, неистово начала требовать выдачи оружія, солдаты отказались выдать его; когда же толпы начали тѣсниться ко входу и врываться въ дверь, они насилію противопоставили законную силу. Нѣсколько сотъ шаговъ въ сторонѣ, на площади Каруселя, стояло нѣсколько полковъ, но безумное повелѣніе не стрѣлять сковывало ихъ и лишало возможности дѣйствовать; они предоставили несчастныхъ осажденныхъ собственной защитѣ, и несчастные храбрецы, которые въ этотъ роковой день одни стояли за честь французскаго имени и старались исполнить свой долгъ, отчаянно защищали свою жизнь, но превосходное число нападающихъ задавило и осилило ихъ; всѣ до послѣдняго человѣка погибли отъ звѣрской жестокости побѣдителей.

Неумѣстный приказъ, какъ мы видѣли, сковалъ защитниковъ законности и существующаго порядка; онъ распространялся и на защитниковъ Тюльери. Король, наконецъ, воспрянулъ отъ своей беззаботной увѣренности и съ ужасомъ узналъ, что рядомъ съ дворцомъ отдѣльные солдаты уже входятъ въ сношенія съ возставшими и братаются съ ними. Королева, раздраженная всеобщей апатіей, настоятельно требовала, чтобы король сѣлъ на лошадь, лично принялъ начальство надъ войсками и спасъ честь своего престола; онъ исполнилъ ея требованіе и въ сопровожденіи своихъ сыновей, герцоговъ Немурскаго и Монпансье, проѣхалъ по рядамъ войска, выстроеннаго во дворѣ тюльерійскаго дворца; но линейные полки молчали, не привѣтствовали его обычнымъ крикомъ, а національная гвардія встрѣтила его крикомъ: реформы! реформы! Онъ смутился, не сказалъ ни одного слова, способнаго пробудить ихъ чувства преданности и вѣрности своему долгу, и возвратился во дворецъ, печальный, взволнованный и упавшій духомъ; тамъ никто не зналъ, что дѣлать, что посовѣтовать. Всѣ члены королевской фамиліи собрались въ залу; нѣсколько преданныхъ депутатовъ, перовъ и генераловъ стояли тутъ же, не зная на что рѣшиться; народная толпа уже была передъ рѣшеткой тюльерійскаго дворца и требовала пропуска, подъ предлогомъ подачи просьбы; маршалъ Бюжо встрѣтилъ ихъ въ воротахъ и добромъ уговорилъ воротиться и отказаться отъ подачи просьбы: но въ это время непрошеный, незваный и безъ доклада въ королевскую залу вошелъ

человѣкъ, никогда не затруднявшійся въ томъ, что дѣлать и на что рѣшиться, смѣлый, даже дерзкій журналистъ, редакторъ журнала «Presse»—Эмиль Жирарденъ. Онъ прямо и рѣзко объявилъ королю, что ничто болѣе не можетъ спасти королевскаго трона и что личное спасеніе его зависитъ отъ немедленнаго отреченія отъ престола. Смѣлый авантюристъ принесъ съ собою проектъ прокламаціи; между нимъ и королемъ начался разговоръ, къ которому окружающіе прислушивались и пристали. Королева, не падая духомъ, противорѣчила горячо, нѣкоторые совѣтовали королю отказаться отъ престола, но настойчивѣе всѣхъ младшій сынъ короля, герцогъ Монпансье; король колебался, по настойчивому требованію одного изъ присутствующихъ удалось вырвать у короля знакъ согласія; нѣсколько трусовъ тотчасъ же выбѣжали, чтобы попытаться, не усмирить ли это согласіе бушующія народныя волны и не прекратитъ ли дальнѣйшее кровопролитіе. Людовикъ Филиппъ сѣлъ, чтобы написать актъ отреченія отъ престола; онъ еще не окончилъ, когда въ залу вошелъ маршалъ Бюжо; онъ горячо оспаривалъ намѣреніе короля отказаться отъ престола, представлялъ, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ, равняющемся проигранной битвѣ, такое вынужденное отреченіе ни къ чему не послужитъ. Король готовъ былъ ободриться, готовъ былъ попытаться показать энергію, но вторично его начали уговаривать и убѣждать и онъ вторично взялъ перо въ руки и дописалъ актъ отреченія отъ престола; но регентства не захотѣлъ предоставить герцогинѣ Орлеанской, потому что по закону регентомъ признанъ былъ герцогъ Немурскій.

Актъ объ отреченіи, нѣсколько минутъ спустя, исчезъ въ карманѣ одного изъ самыхъ ярыхъ республиканскихъ вождей, Лагранжа. Маршалъ Жераръ, еще назначенный Людовикомъ Филиппомъ главнокомандующимъ войска, на мѣсто Бюжо, хотѣлъ сообщить актъ отреченія наплывающимъ народнымъ массамъ; онъ подалъ его для прочтенія Лагранжу, тотъ жадно схватилъ его, пробѣжалъ глазами, сложилъ и, со словами: «этого недовольно!» положилъ въ карманъ.

Сдѣлавшись добровольно частнымъ человѣкомъ, Людовикъ Филиппъ приготовился оставить тюльерійскій дворецъ. Онъ надѣлъ статское платье, подалъ королевѣ руку и, въ сопровожденіи герцогини Немурской и ея дѣтей, прошелъ черезъ садъ тюльерійскаго дворца на площадь Конкордіи, гдѣ уже стояли готовыя двѣ наемныя кареты—королевскихъ нельзя было достать, потому что королевскій маршалъ двора былъ уже въ рукахъ возставшихъ. Подъ охраной эскадрона кирасиръ кареты поѣхали по направленію къ Сенъ-Клу.

Герцогиня Орлеанская, мать Людовика Филиппа II, осталась во дворцѣ и совѣщалась съ нѣкоторыми депутатами и военными о томъ, что ей дѣлать; ей присовѣтовали: вмѣстѣ съ сыновьями отправиться въ палату депутатовъ и тамъ требовать, чтобы права ея старшаго сына были признаны и утверждены. Она съ своими обоими сыновьями, съ герцогомъ Немурскимъ и съ незначительною свитою, только что успѣла направиться къ палатѣ депутатовъ, какъ тюльерійскій дворецъ уже достался въ руки республиканцевъ; а путь былъ вовсе недолгій изъ дворца, вдоль рѣки къ мосту Людовика XVI, на другомъ концѣ котораго, на лѣвомъ берегу Сены, находился дворецъ Бурбоновъ и въ немъ палата депутатовъ. Дворецъ былъ захваченъ хитростью: одинъ изъ республиканскихъ предводителей, съ толпою приверженцевъ, былъ передъ воротами Тюльери и обманулъ коменданта, сказавъ ему, что приступъ немедленно начнется и что тогда ни за что отвѣчать нельзя; комендантъ смутился, отступилъ; толпа республиканцевъ ворвалась, оттѣснила національную гвардію, и баррикадные борцы, опьяненные успѣхомъ, очутились въ королевскомъ дворцѣ, готовые повторить сцены разоренія и грабежа 30 іюля 1830 года.

Былъ полдень, почти 1 часъ; герцогиня покинула дворецъ Бурбоновъ, гдѣ встрѣтили ее то же сомнѣніе и та же нерѣшительность, какая проводила изъ Тюльери. Тутъ не было рѣчи о какомъ бы то ни было правильномъ совѣщаніи; депутаты взволнованные, нерѣшительные ходили группами туда и сюда, толковали, спорили, размахивали руками; Тьеръ показался было на минуту, но также не зналъ, что присовѣтовать и, сказавъ: «приливъ все растетъ, растетъ, растетъ!» ушелъ; изъ девяти министровъ-президентовъ на лицо не было ни одного сколько нибудь спокойнаго, увѣреннаго въ себѣ. Герцогиню встрѣтили депутаты

громкимъ крикомъ радости; палата депутатовъ надѣялась, что она что нибудь скажетъ, дастъ какой нибудь совѣтъ—но она осталась нѣма и блѣдна, не смотря на то, что депутатъ Дюпень только что толковалъ ей въ тюльерійскомъ дворцѣ о роли, какую Марія Терезія разыграла въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но у нея не было силъ пошевелить языкомъ, она молча сѣла съ обоими сыновьями своими на кресла, находящіяся подлѣ ораторской каѳедры. Послѣ непродолжительной, мучительной паузы, прерываемой только возрастающимъ шумомъ съ дворья, нѣкоторые смѣльчаки изъ народной массы наполнили галлереи и ворвались въ залу совѣщаній, чтобы облегчить задачу для здѣсь собравшейся законной, легальной Франціи. Дюпень, силою, можно сказать, выдвинутый на каѳедру, требовалъ, чтобы признанъ былъ королемъ внукъ Людовика Филиппа и чтобы регентство предоставлено было герцогинѣ; Ламартинъ замѣтилъ, что изъ вниманія къ ней, вопроса этого не слѣдуетъ разбирать въ ея присутствіи. Она хотѣла удалиться, но куда ей, несчастной, было идти? Она на полдорогѣ остановилась и сѣла на пустую скамью въ самой срединѣ залы; одинъ изъ депутатовъ республиканской партіи, Маненъ, взошелъ на каѳедру; онъ отвергнулъ регентство герцогини, на основаніи существующаго закона о регентствѣ, и, хотя не логически, но въ виду положенія, въ которомъ ни о какомъ регентствѣ не могло быть рѣчи, все-таки очень благоразумно предложилъ учредить временное правительство. Затѣмъ на каѳедру взошелъ Одилонъ Барро, только что появившійся въ залѣ собранія; но рѣчь его лишена была точности и вертѣлась на общихъ мѣстахъ: «іюльскій престолъ, говорилъ онъ, теперь опирается на голову дитяти и женщины». Вслѣдъ за нимъ на каѳедрѣ появился легитимистъ Ларошжакелень, считавшій мгновеніе удобнымъ предаться духу мести, давно уже кипѣвшей въ немъ, и принести дань своей партіи. «Палата, воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ, обращаясь къ депутатамъ, теперь ничего больше не значитъ, ровно ничего»; на его слова раздался отвѣтный бурный шумъ и возгласы народа, толпы котораго тѣснились въ залу изъ всѣхъ входовъ: это все были солдаты національной гвардіи, студенты, рабочіе, которые затѣмъ и пришли, чтобы здѣсь покончить дѣло, начатое въ тюльерійскомъ дворцѣ, стѣны котораго были свидѣтелями оргій, какимъ предаваться можетъ только необразованный народъ, обуянный всей необузданностью и своеволіемъ страстей и разгоряченный виномъ, въ изобиліи почерпнутымъ изъ королевскихъ подваловъ; чернь, опьяненная виномъ и небывалымъ, непредполагаемымъ и неожиданнымъ успѣхомъ, не признавала надъ собой никакой больше власти. Но нечего намъ останавливаться на грустныхъ и недостойныхъ человѣчества сценахъ грабежа и разрушенія. Тронъ въ глазахъ бунтовщиковъ былъ не иное что, какъ кусокъ дерева, обитый бархатомъ и шелковой матеріей; матерія же эта пригодна была только на то, чтобы изъ нея надѣлать кокардъ, или якобинскихъ шапокъ, а дерево летѣло въ окно, слѣдомъ за зеркалами, люстрами и канделябрами, куда ихъ выбрасывала разсвирѣпѣвшая толпа. Впослѣдствіи выхваляли эту революцію за то, что во время этого дня мало, или почти ничего не было украдено и унесено изъ тѣхъ драгоцѣнностей, какія находились въ тюльерійскомъ дворцѣ и могли быть похищены народомъ; надобно же было хоть за что нибудь похвалить эту ничтожнѣйшую изъ всѣхъ революцій, которая могла удаться только вслѣдствіе необычайнаго стеченія обстоятельствъ, ошибокъ, неисполненія долга и другихъ, не менѣе грубыхъ случайностей. Къ тому же толпы, бродившія по заламъ дворца, по большей части состояли изъ людей, скорѣе готовыхъ изрубить въ куски тронъ и выкинуть его изъ окна, нежели украсть пятифранковую монету; а низшіе слои защитниковъ баррикадъ, по чутью, напали на то, что для нихъ было дороже всего — на вино въ погребахъ, гдѣ и пили, и бушевали, сколько душѣ угодно. Были и такіе, которые добивались хронологической извѣстности; они остановили часы на павильонѣ часовъ (pavillon d'horloge); стрѣлка показывала $1^1/_2$, время, когда окончилась возможность установить свободу на законномъ основаніи.

Когда въ тюльерійскомъ дворцѣ уже нечего было больше дѣлать, тогда одинъ капитанъ національной гвардіи, Дюнойе, сдѣлалъ предложеніе идти въ палату депутатовъ, «чтобы преслѣдовать идею королевской власти въ убѣжищѣ, въ которомъ тѣнь ея скрылась»; на площади Конкордіи стояло 8000 человѣкъ

войска, но оно не шевельнулось и позволило шумящей толпѣ идти своимъ путемъ и такимъ образомъ море народа, наростая волна за волной, одна мутнѣе и грязнѣе другой, ввалилось въ палату депутатовъ и затопило ее. Первые проникли въ нее въ то время, когда говорилъ Ларошжакелень; они гремѣли и потрясали оружіемъ и, находясь еще въ преддверіи зала, дотого напугали нѣкоторыхъ депутатовъ, что они поторопились уйти, пока еще не всѣ выходы заняты; наконецъ, Ледрю-Ролленъ могъ заговорить: онъ именемъ народа, который въ настоящую минуту господствовалъ въ Парижѣ, требовалъ, чтобы составлено было временное правительство и національный конвентъ, чтобы упрочить будущность Франціи. Вслѣдъ за нимъ заговорилъ Ламартинъ, по обыкновенію своему живо и цвѣтисто: онъ началъ съ того, что бросилъ нѣсколько словъ состраданія и сочувствія несчастію, выпавшему на долю королевскаго семейства, но потомъ тоже требовалъ, чтобы назначено было «правительство крайней необходимости, правительство неизбѣжной нужды и обстоятельствъ», а потомъ уже подумать объ устройствѣ правленія на прочныхъ основаніяхъ, такого, какое окажется лучшимъ, «какое можно будетъ извлечь изъ національнаго права, изъ національнаго сознанія того понятія о царственной верховной власти народа, изъ которой истекаетъ всякій порядокъ, всякое чувство свободы и правды», но онъ еще не окончилъ своей рѣчи, какъ грянулъ ружейный залпъ и въ залу ворвалась новая толпа съ шумомъ, гамомъ и криками: «да здравствуетъ республика, долой палату». Это были уже истые республиканцы; одинъ изъ нихъ приложился изъ ружья въ Ламартина и только тогда опустилъ стволъ, когда ему растолковали, что это великій поэтъ Ламартинъ, и что его не слѣдуетъ убивать. Въ сумятицѣ спасались депутаты; герцогиня послѣдовала ихъ примѣру, но сперва ей пришлось еще вытерпѣть смертельный страхъ за дѣтей: ихъ оттѣснили отъ нея и она не скоро опять сошлась съ ними. Герцогъ Немурскій, во все это время игравшій жалкую нѣмую роль, въ сосѣдней комнатѣ добылъ себѣ мундиръ солдата національной гвардіи, надѣлъ его и такимъ образомъ спасся бѣгствомъ.

Самое ограниченное число депутатовъ: Ламартинъ, Дюпонъ-де-л'Еръ, Ледрю-Роллень, Арагонъ, Кремьё и другіе остались въ залѣ, въ этомъ болѣе чѣмъ сборномъ обществѣ; когда имъ кое-какъ удалось возстановить нѣкоторый порядокъ, они составили временное правительство. Они посадили стараго Дюпона на мѣсто президента; Ламартинъ заставилъ присутствующихъ, какіе подъ рукою случайно оказались, писать имена лицъ для составленія будущаго временнаго правительства на листкахъ, употребляемыхъ для голосованія; потомъ составилъ изъ всѣхъ этихъ именъ списокъ, который президентъ громко прочиталъ, а присутствующій на мѣстѣ царственный народъ своими болѣе громкими, или слабыми криками одобренія подтверждалъ, или нѣтъ, составъ новаго временнаго правительства. Избраны были: Дюпонъ-де-л'Еръ, Ламартинъ, Араго, Гарнье-Пажѣ, Ледрю-Роллень, Кремьё; вслѣдъ за старикомъ Дюпономъ, подъ прикрытіемъ сотенъ двухъ или трехъ вооруженныхъ, новое правительство, отправилось въ Отель-де-виль и предоставило толпѣ распоряжаться въ залѣ собранія депутатовъ; она новую республиканскую эру начала съ того, что разорвала, разстрѣляла и изрубила въ куски портретъ бывшаго короля вмѣстѣ съ рамкой.

Такимъ образомъ буйная толпа черни въ нѣсколько часовъ измѣнила судьбу царствующаго короля и дала великому народу новое правительство и новые законы, къ которымъ онъ впослѣдствіи долженъ былъ примѣнять свою жизнь. Во имя власти царственнаго народа, надъ истинною независимостью народа, надъ его законною безопасностью и свободой, толпа черни грубо насмѣялась, хуже чѣмъ могла бы насмѣяться самая отчаянная олигархія, или самый закоренѣлый деспотизмъ. Рядъ непонятныхъ, постыдныхъ ошибокъ со всѣхъ сторонъ вызвалъ слѣдствія этого бурнаго дня; этого происшествія поутру того самаго дня, въ который оно совершилось, никто не предугадывалъ, мало кто опасался и еще менѣе кто желалъ.

Одинъ древній философъ замѣчаетъ, что революціи происходятъ вслѣдствіе ничтожныхъ поводовъ, но никогда не происходятъ изъ за ничего незначащихъ причинъ; если же взвѣсить отношенія Франціи, то надобно сказать, что выгоды, принесенныя этой революціей, не стоили того, чтобы производить ее. Для Фран-

ціи эта революція была только новымъ шагомъ къ паденію; это было новое потрясеніе, при которомъ, слѣдомъ за неограниченной свободой, шло неограниченное самовластіе. Но главное значеніе этой революціи заключается въ томъ вліяніи, какое она имѣла на остальную Европу, преимущественно на Германію и на Италію. Она своимъ примѣромъ дала толчекъ тѣмъ жизненнымъ началамъ, которыя таились въ нихъ, произвела въ нихъ броженіе, длившееся нѣсколько лѣтъ и окончившееся радикальнымъ измѣненіемъ существующаго порядка вещей. Въ этомъ состояніи броженія очистилось и просвѣтлилось народное сознаніе и передъ Европой, послѣ поры смутъ и волненій, явилось политическое единство двухъ національностей — италіянской и германской, предназначенныхъ дать совершенно иную форму всему европейскому жизненному строю.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ОТЪ НАЧАЛА

ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ 1848 Г.

ДО

СМЕРТИ ФРИДРИХА VII, КОРОЛЯ ДАНІИ.

1848 — 1863.

Введеніе.

Миръ, завоеванный Европой въ 1813 — 1815 году и которому законоположенія вѣнскаго конгресса придали форму торжественнаго договора, обнимаетъ кромѣ нѣкоторыхъ чисто-мѣстныхъ исключеній, время средней человѣческой жизни; такимъ благомъ Европа не наслаждалась со временъ римскихъ императоровъ; спокойно текла жизнь народовъ въ первой половинѣ XIX столѣтія, но тутъ во Франціи весьма незначительное смятеніе, вслѣдствіе непостижимыхъ ошибокъ и необъяснимаго сцѣпленія обстоятельствъ, привело государство къ полной революціи. Въ теченіе одного дня, плохо укоренившееся королевское правительство, отчасти само виновное въ происходившемъ, было свергнуто, отмѣнено и на его мѣстѣ учрѣждена республика. Все это произошло вопреки монархическому порядку вещей, который по договорамъ 1815 года долженъ былъ служить основнымъ закономъ государственной жизни Европы; какъ это случилось, никто не съумѣлъ бы объяснить; оставалось очевидно одно, именно: того, что было сдѣлано, нельзя перемѣнить, что на этотъ разъ революція не ограничилась, какъ въ 1830 году, соглашеніемъ съ правительствомъ, а просто устранила его.

Этому обстоятельству сообщило огромную силу съ одной стороны непомѣрное значеніе, приданное державами, составлявшими священный союзъ, и ихъ приверженцами, однообразію политическаго состоянія всѣхъ европейскихъ государствъ, съ другой стороны разногласіе, возбужденное ими же между правительствами и народами, между правителями и подданными. Въ сущности для Пруссіи и Австріи, для Германіи и Россіи, для Англіи и Америки было рѣшительно все равно, при какой формѣ правленія лучше живется Франціи—республиканской или монархической; еслибъ, кромѣ того, отношенія между правителями и подданными въ собственныхъ ихъ государствахъ были болѣе правильныя, еслибъ монархическое начало, опираясь на «доказательство ума и силы», могло имѣть болѣе благодѣтельное вліяніе на внутреннее благосостояніе государствъ, то конечно, на совершившуюся во Франціи катастрофу смотрѣли бы гораздо равнодушнѣе. Правильныя отношенія царствовали только въ Англіи, да въ нѣсколькихъ мелкихъ государствахъ, какъ-то: Норвегіи, Швеціи, Голландіи и Бельгіи, которыя сравнительно принимали малое участіе въ общественной жизни Европы и для которыхъ происходящія въ ней перемѣны не могли имѣть непосредственнаго значенія. Въ остальной Европѣ и преимущественно въ Германіи и Италіи, правители и подданные находились въ болѣе или менѣе явномъ несогласіи и только въ самыхъ благопріятныхъ, рѣдкихъ исключеніяхъ относились одинъ къ другому съ совершеннымъ равнодушіемъ. Правительства подозрительно смотрѣли на народъ, опасаясь въ немъ найти глубоко укоренившіяся революціонныя силы; съ нѣкоторыхъ поръ народъ представлялся имъ неспокойной, гонимой злыми духами, волнующейся массой, готовой при первомъ удобномъ случаѣ, не размышляя, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ, подпасть вліянію агитаторовъ,

отдаться въ руки оппозиціонныхъ ораторовъ, стать ихъ слѣпымъ, довѣрчивымъ орудіемъ для уничтоженія мира, спокойствія и порядка. Движимыя этимъ представленіемъ, правительства старались, гдѣ было только возможно, отмѣривать народамъ самую скудную долю ихъ политическихъ правъ; вездѣ гдѣ это удавалось устранить ихъ отъ политическихъ идей, а гдѣ они болѣе, чѣмъ этого хотѣлось ихъ правителямъ, овладѣвали политической жизнью, давать имъ чувствовать если не бичъ, то по-крайней-мѣрѣ очень строгія удила. Народъ, съ своей стороны также очень несправедливо, представлялъ себѣ своихъ правителей людьми непомѣрно строгими, безполезными, готовыми отнять у него то, что ему принадлежитъ по праву, людьми, которые не хотятъ слышать ни одного свободнаго слова, и злоупотребляютъ своей властью. Италію безпощадно угнетало чужеземное владычество, въ Германіи, гдѣ положеніе дѣлъ было скорѣе комичное чѣмъ печальное, недостатокъ въ гласности и желаніи понимать другъ друга значительно улучшали отношенія. Передовое государство Германіи, Пруссія колебалась подъ вліяніемъ странныхъ и неясныхъ сомнѣній между конституціонализмомъ и абсолютизмомъ; среднія и малыя государства, въ которыхъ введена была конституціонная форма правленія не умѣли пользоваться незрѣлыми плодами своей новой государственной жизни.

Австріей безсильно управлялъ сонмъ устарѣвшихъ хитрыхъ и непривыкшихъ мыслить людей; въ то время, когда правительство, боявшееся всякаго свободнаго слова, со страхомъ удерживало прогрессъ власти, народъ при сознаніи своей возрастающей силы, развивающейся проницательности, увеличивающагося благосостоянія, требовалъ своихъ правъ, или если гдѣ не было благосостоянія то, приписывалъ недостатокъ его правительству, взваливалъ на него всю отвѣтственность, требовалъ его наряду съ прочими возможными и невозможными притязаніями. Слова Наполеона, который сказалъ, что черезъ 50 лѣтъ Европа сдѣлается республиканской, или казацкой державой, запали въ сердца многихъ, которые постарались употребить зависѣвшую отъ нихъ власть, чтобы противодѣйствовать исполненію пророчества; періодъ сильныхъ столкновеній, революціонныхъ и реакціонныхъ движеній, большихъ и своеобразныхъ катастрофъ, становился неизбѣжнымъ для Европы, пока она сдѣлалась достаточно приготовленной, чтобъ изъ различныхъ противоположныхъ требованій, столкновеній съ всевозможными партіями и силами, дать свободѣ и ея притязаніямъ болѣе широкое здравое примѣненіе, уложить ее въ болѣе основательныя границы законнаго порядка.

Между тѣмъ какъ общее возбужденіе, находя себѣ исходъ въ новой парижской революціи, призывало къ открытой борьбѣ успувшіе въ совершенномъ бездѣйствіи элементы, между тѣмъ какъ могучіе удары потрясали государственную и общественную жизнь всей Европы, возбуждались тысячи новыхъ вопросовъ, заставляя всѣхъ и каждаго высказывать свои желанія, свои мысли, заботиться о своихъ, естественныхъ и выработанныхъ образованіемъ потребностяхъ и интересахъ,—въ той жеЕвропѣ возникало хаотическое броженіе самыхъ разнообразныхъ силъ, начинался продолжительный кризисъ, который долженъ былъ обновить старѣющуюся часть свѣта, ускорить распаденіе нѣкоторыхъ расшатавшихся уже, отдѣльныхъ государствъ и народовъ, пробудить другіе къ новой, великой, міровой жизни исторической. Можно смѣло утверждать, что это движеніе, вызывая изъ прошедшаго и находя въ немъ тысячи могучихъ двигательныхъ силъ, болѣе чѣмъ какое либо другое затронуло разнообразные вопросы—церковные, государственные, общественные, касающіеся народнаго хозяйства, наукъ и искусствъ, передало ихъ на судъ общественнаго мнѣнія, и такимъ образомъ имѣло глубокое, многостороннее, благодѣтельное вліяніе на народы, пробудившіеся къ новой жизни. Народное повѣрье говоритъ, что одинъ дуракъ спроситъ больше, чѣмъ могутъ на это отвѣтить десять мудрецовъ: съумашедшій годъ, которымъ начинается этотъ отдѣлъ исторіи, въ теченіе своихъ 366 дней предложилъ столько задачъ, сколько не могло разрѣшить цѣлое столѣтіе здравыхъ годовъ.

Промежутокъ, обнимающій время между 1848—1863 годами, въ концѣ которыхъ былъ разрѣшенъ великій германскій вопросъ, положившій начало новой эпохѣ, можетъ быть раздѣленъ на три періода. Изъ нихъ п е р в ы й обнимаетъ собственно революціи 1848—1852 года, бурные натиски противъ существующаго

порядка вещей, полное уничтоженіе его въ нѣкоторыхъ государствахъ, несовершенное въ другихъ и неполное возстановленіе его въ остальныхъ; въ заключеніе этого періода является установленіе императорской монархіи подъ скипетромъ Наполеона III, созданной въ самомъ жерлѣ этой революціи. Второй періодъ, ознаменованъ относительнымъ миромъ, въ продолженіе котораго утихаютъ бурные потоки болѣе сильной или слабой реакціи; послѣдствіемъ ея является австро-итальянско-французская война, окончившаяся миромъ при Виллафранкѣ. Слѣдствіемъ мира является освобожденіе Италіи, ея сила и уничтоженіе могущества австрійской реакціи.

Третій періодъ оканчивается смертію Фридриха VII Датскаго (ноября 1863), событіемъ, опять возбудившимъ германскій вопросъ, который неожиданнымъ и удивительнымъ образомъ необычайно скоро создалъ могущественное, самобытное, политическое государство въ самомъ центрѣ континента, изъ элементовъ прежней разрозненной, разъединенной, несогласной Германіи; способствовалъ учрежденію новаго государственнаго строя, который не скоро будетъ нарушенъ, благодаря своимъ здоровымъ, глубоко обдуманнымъ основаніямъ. Со времени 1848 года всемірная исторія получаетъ необыкновенно богатое и многостороннее развитіе и тому способствуетъ особенно широкая, быстро возрастающая потребность общаго обмѣна идей. Но въ то время, когда являются многосторонніе внутренніе нравственные потребности, извнѣ все болѣе и болѣе стараются сьуживать границы ихъ; оба направленія, кажется, стремятся къ безконечному.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

А. ГЕРМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

I. Англія, Нидерланды, Скандинавія.

Три государства, или три группы государствъ—Англія, Нидерланды и Швеція съ Норвегіей—имѣли то несомнѣнное преимущество передъ остальной Европой, что парижскія волненія не имѣли на нихъ никакого непосредственнаго вліянія, хотя и коснулись ихъ довольно многостороннимъ образомъ. Данія, принадлежавшая къ группѣ скандинавскихъ государствъ, приняла серьезное участіе въ германскомъ вопросѣ.

Карлъ Іоаннъ, король Швеціи, умеръ въ 1844 году и ему наслѣдовалъ сынъ его Оскаръ I. Въ лицѣ его, новая династія твердо укоренилась въ Швеціи; Оскаръ, по своему собственному побужденію, предложилъ вопросъ о преобразованіи конституціи, встрѣченный немедленнымъ противодѣйствіемъ со стороны дворянства и духовенства. Государству, вмѣсто политическихъ реформъ, были предоставлены матеріальныя преобразованія, какъ напр. построеніе цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ и т. п. Затѣмъ, въ 1847 году приступлено къ реформѣ конституціи; работы по ней двинулись довольно быстро подъ вліяніемъ общаго потока идей въ 1848 г., но опять пріостановились, когда всеобщее вниманіе было отвлечено отъ внутреннихъ обстоятельствъ дѣлами внѣшней политики, именно—отношеніями Германіи къ Даніи, пробудившими завѣтныя мечты, бродившія въ умахъ сѣверной молодежи о единствѣ всей Скандинавіи. Реакціонное движеніе вернулось опять къ реформѣ государственной конституціи, пропустивъ удобную для этого минуту и ничего не сдѣлавъ для нея. Норвегія продолжала втихомолку свое счастливое, частное существованіе; бурная, подвижная жизнь Европы не обезпокоила ея далекихъ тихихъ береговъ. Отношенія ея къ Швеціи сдѣлались болѣе благопріятными, частію вслѣдствіе личныхъ достоинствъ короля, который внушалъ больше любви и довѣрія, чѣмъ его предшественникъ, частію и изъ сознанія той непреложной истины, что Норвегіи, вслѣдствіе ея близкаго географическаго, если можно сказать, тѣснаго союза съ близлежащей Швеціей, шведское правительство приносило несравненно больше благосостоянія, чѣмъ прежнее владычество Даніи. Бельгія и Голландія, въ которыхъ пробушевала уже и успѣла окончиться революція, не принимали непосредственнаго участія въ общей жизни Европы. Блестящимъ доказательствомъ превосходной конституціи Бельгіи и необыкновенно мудраго правленія короля Леопольда I можетъ служить миръ и спокойствіе, царствовавшіе въ Бельгіи въ теченіе 1848—1852 г., когда въ остальной Европѣ революція пошатнула нѣсколько древнѣйшихъ троновъ. При первыхъ раскатахъ грома, король объявилъ совѣту министровъ, что онъ готовъ покинуть тронъ и сдѣлаться частнымъ человѣкомъ, если народъ перестанетъ довѣрять ему. Это сообщеніе сдѣлалось тотчасъ же извѣстнымъ въ народѣ, который непритворными искренними демонстраціями доказалъ, что здѣсь не король нуждается въ государствѣ, а государство въ королѣ. Въ Голландіи существенная реформа произошла безъ особенныхъ столкновеній. Вильгельмъ I отказался отъ престола въ 1840 году, въ пользу сына своего Вильгельма II, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ, какъ

частный человѣкъ, наслаждаясь своими несмѣтными богатствами. Финансы государства находились въ менѣе блестящемъ состояніи, нежели его собственные; они замѣтно улучшились во время царствованія его сына, которому удалось установить хорошія отношенія съ Бельгіей и счастливо покончить борьбу изъ-за конституціи. 1848 годъ окончательно помогъ королю, и 3 ноября 1848 года проектъ новой конституціи былъ оконченъ. Либеральная партія однако взяла верхъ только при послѣдующемъ королѣ—Вильгельмѣ III, который вступилъ на престолъ въ 1849 году. Въ октябрѣ того же года, новый король обратился къ извѣстному либералу между государственными людьми, Торбеку, и поставилъ его во главѣ министерства. Торбекъ издалъ цѣлый рядъ самыхъ благотворныхъ законовъ, которые дали значеніе новой конституціи, привели государство въ самое удовлетворительное состояніе, и отняли у остальной Европы всякій поводъ къ разсужденіямъ, спорамъ и консультаціямъ по поводу Голландіи.

Англія, какъ одна изъ великихъ державъ, должна была имѣть значительное вліяніе на жизнь Европы. Она представляла завидный и въ тоже время поучительный примѣръ страны, которая пережила уже свое революціонное движеніе, въ которой уже улеглись преждевременныя несогласія между королевскимъ и народнымъ правомъ, которая несмотря на дико возбужденное время, пробуждавшее въ народахъ новыя стремленія, новыя идеи, новыя силы, ограничилась благотворными движеніями на пути къ прогрессу, не нарушая ни на одну минуту спокойнаго механизма своихъ государственныхъ учрежденій. Въ свою очередь она предложила самое радушное гостепріимство цѣлому ряду высокихъ изгнанниковъ, принадлежавшихъ ко всевозможнымъ національностямъ, партіямъ и идеямъ. Первымъ изъ нихъ явился 3-го марта король Франціи, Лудовикъ-Филиппъ.

Отъ начала 1848 до 1852 года, страной управляло либеральное министерство. Извѣстія, получаемыя изъ сосѣдняго государства, дѣлали много шума, но не имѣли почти никакого вліянія на страну, хотя хартисты и ирландскій союзъ воображали, что волненія на континентѣ призываютъ и ихъ къ новой дѣятельности. Большая демонстрація, произведенная хартистами въ Лондонѣ 10 апрѣля 1848 года, прошла спокойно, безъ кровопролитія и не имѣла ни малѣйшаго вліянія. — Городской полиціи, усиленной помощью волонтеровъ изъ гражданъ, записавшихся на этотъ день въ число констаблей, удалось сохранить порядокъ и спокойствіе въ городѣ, не прибѣгая къ военной силѣ, приготовленной на всякій случай. Въ Ирландіи дѣло дошло до дикихъ, свирѣпыхъ рѣчей и уголовныхъ слѣдствій по дѣлу государственной измѣны; чтобы усмирить движеніе, правительство должно было прибѣгнуть къ довольно обыкновенной въ Ирландіи мѣрѣ—пріостановленію акта Habeas-corpus.

«Юной Ирландіи» не доставало вождя, который-бы. какъ нѣкогда О'Коннель, умѣлъ управлять бушующими силами и вести ихъ къ опредѣленной, достижимой цѣли. Англія въ продолженіе этого періода не сдѣлала большихъ успѣховъ на пути политическаго прогресса; даже такое незначительное предложеніе, какъ допущеніе евреевъ въ парламентъ, не могло быть проведено. Сколько разъ палата общинъ ни давала на это свое согласіе, столько же разъ палата лордовъ упорно отвергала его. Напротивъ того въ отношеніи свободы торговли, былъ сдѣланъ широкій шагъ отмѣненіемъ законовъ, касавшихся до навигаціи. Сэръ Робертъ Пиль, неутомимо боровшійся за эту идею противъ значительнаго меньшинства протекціонистовъ, представителями которыхъ въ палатѣ лордовъ былъ лордъ Станлей, а въ палатѣ общинъ Веніаминъ д'Израэли, умеръ въ іюлѣ 1850 года, вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лошади. Благосостояніе государства возрастало видимымъ образомъ, налоги на бѣдныхъ были уменьшены и между тѣмъ, какъ на материкѣ, вслѣдъ за всеобщимъ возбужденіемъ, послѣдовало общее глубокое утомленіе и разслабленіе, Англія могла устроить на своей свободной почвѣ всемірную выставку, собрать у себя дома произведенія искусствъ, торговли и промышленности народовъ цѣлаго міра. 1-го мая 1851 года, въ Гайдъ-паркѣ была открыта первая всемірная выставка. Около шести милліоновъ посѣтителей съ удивленіемъ осматривали хрустальный дворецъ, это чудное временное украшеніе самаго живописнаго изъ парковъ столицы; впослѣдствіи изъ матеріаловъ хрустальнаго дворца,

было выстроено въ Сиденгамѣ близъ Лондона, другое зданіе—чудо искусства, науки и изящества для поученія народовъ XIX столѣтія, спекулятивный и торговый духъ котораго могъ за пичтожную плату доставить самымъ бѣднымъ и неимущимъ постоянное, высшее въ мірѣ чистѣйшее паслажденіе, котораго не можетъ доставить ни одно земное могущество.

2. Германія.

а. Начало революціи; мартъ и апрѣль 1848 года.

Иное зрѣлище представляла Германія. Парижская февральская революція такъ сильно подѣйствовала на Германію, какъ будто она пронеслась по ней, а не по Франціи, какъ будто достаточно было одного раската грома, чтобы превратить мирную, спокойную страну въ арену бѣснующихся, разнузданныхъ страстей; казалось, что въ самыхъ отдаленныхъ деревняхъ раздался звукъ трубъ и литавръ, что судьбы міра призывали всѣхъ и каждаго къ участію въ политическихъ переворотахъ, къ полному всеобщему освобожденію.

Въ средѣ людей, составлявшихъ либеральную оппозицію въ германскихъ и преимущественно южно-германскихъ палатахъ, составилось и укоренилось мнѣніе, что слѣдуетъ воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы вынудить управительствъ уступки въ смыслѣ либеральной системы. То, чего имъ прежде недоставало, именно поддержки со стороны всей массы народа, являлось теперь въ нежданномъ размѣрѣ, выражаясь общимъ движеніямъ, вызваннымъ парижскими происшествіями. Извѣстное единомысліе было уже достигнуто и раньше парижской революціи, собраніемъ депутатовъ либеральной оппозиціи, произшедшимъ 10 октября 1847 года, на горной дорогѣ близъ Геппенгейма. Движенію давала извѣстную силу неизвѣстность, въ которой находились всѣ умы—чѣмъ окончится и къ чему приведетъ революція во Франціи. Окончаніемъ ея могла быть или великая европейская война, или соціалистическія попытки къ низверженію всякаго существовавшаго порядка; чтобы противодѣйствовать и тому и другому, являлась потребность удовлетворенія народа, посредствомъ поспѣшныхъ, многосторонніхъ либеральныхъ признаній, соединеніемъ въ одно цѣлое всѣхъ силъ Германіи дѣйствительными формами единства, и вооруженіемъ всѣхъ гражданъ поголовно; эта послѣдняя мѣра казалась болѣе настоятельной, чѣмъ это было въ дѣйствительности, въ виду общаго возбужденнаго настроенія въ данную минуту и безсилія меньшихъ государствъ относительно внѣшняго врага, а также вслѣдствіе умныхъ соображеній вождей движенія.

Такъ напримѣръ, 27 февраля, толпа гражданъ, собранная на чистомъ воздухѣ въ Мангеймѣ подъ предсѣдательствомъ Итцштейна, осадила баденскія палаты, съ требованіями объ исходатайствованіи народнаго представительства при Германскомъ союзѣ, полной свободы печати, суда присяжныхъ и общаго вооруженія; на слѣдующій день тоже самое произошло и въ Карльсруэ; 29 жители Штутгарта въ огромномъ количествѣ подписали адресъ такого же содержанія и представили его королю виртембергскому; ихъ примѣру послѣдовало множество различныхъ городовъ и мѣстностей. Съ каждой минутой повсемѣстно и равномѣрно возрастало въ массахъ народа сознаніе силы и значенія движенія и его собственнаго могущества. Просьба, задуманная и поданная такимъ рѣшительнымъ большинствомъ народа, очень категорически высказывала народныя желанія. Ей дали очень удачное названіе настоятельнаго требованія (Sturm-petition), на которое правительства не могли отвѣчать ни отказомъ, ни полусогласіемъ. Чиновной администраціи, съ союзнымъ сеймомъ во главѣ ея, это движеніе казалось нетерпимымъ. 1-го марта депутаты, собранные во Франкфуртѣ, обратились съ слѣдующимъ воззваніемъ къ германскому народу: «Германія должна занять ту ступень въ ряду государствъ, которую ей предоставила Европа». Два дня спустя, было обнародовано рѣшеніе, по которому каждому входящему въ составъ союза государству, дозволялось отмѣнять цензуру и допускать свободу печати; 9-го, при-

нятые германскими корпораціями цвѣта—черный, красный и золотой были объявлены цвѣтами союза и наконецъ 10-го, рѣшено пригласить правительства выслать во Франкфуртъ людей удостоенныхъ общественнымъ довѣріемъ, для участія въ предстоящихъ совѣщаніяхъ, на счетъ пересмотра законовъ, касавшихся управленія союзомъ, на основаніяхъ болѣе соотвѣтствующихъ духу времени и народа. Между тѣмъ, какъ въ самомъ центрѣ и въ главѣ союзнаго сейма происходили такія неожиданныя и удивительныя событія, собравшаяся 5 марта въ Гейдельбергѣ либеральная партія выбрала семь представителей, которымъ поручила составить проектъ новой конституціи для новой Германіи. Это были Гейнрихъ фонъ-Гагернъ, Итцштейнъ, Велькеръ, виртембергскій римлянинъ, и другіе; мечты объ единствѣ Германіи получали опредѣленныя формы въ этихъ горячихъ головахъ, не знавшихъ границъ своимъ предположеніямъ, не останавливавшихся въ своемъ смѣломъ стремленіи ни передъ какими бурными переворотами. Они требовали верховнаго предсѣдателя союза, съ отвѣтственными министрами, государственной и народной палатъ, общаго войска, общаго представительства для внѣшнихъ сношеній, торговой политики, гражданскаго и уголовнаго законодательства, неприкосновенности свободы.

Въ малыхъ и среднихъ государствахъ союза либеральная партія вскорѣ овладѣла бушующимъ движеніемъ народовъ, которое тамъ и сямъ разразилось сценами насилія, разыгравшимися у ступеней троновъ. Въ Мюнхенѣ, буйныя собранія, поддерживаемыя повсемѣстно распространяемыми адресами и поджигаемыя разнообразными нелѣпыми слухами, то о движеніи на Баварію австрійскаго войска, то о прибытіи извѣстной испанской танцовщицы, вызвали прокламацію короля, подписанную уже 6 марта всѣми принцами Виттельсбахскаго дома; въ ней король обѣщалъ народу немедленное созваніе палатъ, немедленную же отмѣну цензуры, единство Германіи, народное представительство при союзномъ сеймѣ, пересмотръ союзной конституціи; вслѣдъ за первой слѣдовала другая прокламація, въ которой говорилось о принесеніи присяги войскомъ народной конституціи и о перемѣнахъ въ министерствѣ въ чисто либеральномъ духѣ. 20-го того же мѣсяца, король Людовикъ отказывался отъ престола въ пользу своего сына Максимиліана II-го, который, открывая 22 марта палату депутатовъ, обѣщалъ, въ своей тронной рѣчи, свято исполнить основанія манифеста 6-го марта; немедленно было составлено новое министерство изъ представителей либеральной партіи.

Въ Вюртембергѣ, послѣ того какъ попытки народа силой принудить правительство замѣнить тогдашнее бюрократическое консервативное министерство Шлейера чисто реакціоннымъ, рушились при самомъ началѣ ихъ, король призвалъ въ свой совѣтъ представителей либеральной оппозиціонной партіи, Фридриха Ремера, Павла Пфитцера, Гоппельта и Дювернуа, программа котораго (11 марта) далеко не удовлетворяла требованіямъ народа. То же самое, или почти то же самое происходило и въ остальныхъ государствахъ; въ однихъ смятеніе и безпокойство царствовали дольше, въ другихъ короче; теченіе событій и послѣдствія, вызванныя ими, были повсемѣстно одни и тѣ же.

Въ Саксоніи, король Фридрихъ Августъ II попытался было противодѣйствовать движенію, центромъ котораго былъ Лейпцигъ; онъ отказался было обращать вниманія на событія, которыя, вмѣсто его обязанностей союзнаго государя и представителя саксонской конституціи, хотѣли предписывать ему обязанности инаго рода; но въ виду угрожающаго состоянія города, не находя поддержки ни въ комъ, преслѣдуемый даже въ Дрезденѣ настойчивыми требованіями, онъ сдался наконецъ и, 16-го марта, созвалъ новое министерство, во главѣ котораго стоялъ профессоръ фонъ-деръ-Пфордтенъ; оно немедленно обнародовало желанную прокламацію, въ которой король на все соглашался.

Почти то же самое происходило и въ Ганноверѣ. Король Эрнестъ Августъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ издалъ прокламацію 15-го марта, въ которой объявлялъ, что хотя не можетъ дать своего согласія на народное представительство при Германскомъ сеймѣ, но что онъ употребитъ всѣ свои силы, чтобы высокое собраніе союзнаго сейма дѣйствовало въ германскихъ дѣлахъ съ большимъ усердіемъ и большей энергіей, чѣмъ это было до сихъ поръ. Нѣсколько дней спустя Эрнестъ Августъ одумался. Онъ назначилъ новое министерство съ докто-

ромъ Стюве, бургомистромъ Оснабрюка, во главѣ; въ тоже время онъ согласился на представительство народа въ союзѣ и на другія современныя требованія. Болѣе горькія слова пришлось услышать курфюрсту Гессенскому отъ своихъ оскорбленныхъ подданныхъ. Въ то время какъ онъ не хотѣлъ выслушать депутацій, собравшихся для поддержанія высказанныхъ въ Касселѣ требованій и желаній народа, ему былъ поданъ 9 марта ультиматумъ; въ немъ говорилось: «что народъ требуетъ должнаго, онъ хочетъ чтобы его будущее было лучше прошедшаго»; въ теченіе трехъ дней упомянутыя требованія должны были быть исполнены; «народная коммиссія», предлагая этотъ ультиматумъ, грозила вооруженной силой, успѣвшей уже собраться въ городахъ; 11-го, курфюрстъ далъ свое согласіе, именно въ то время, когда народъ хотѣлъ идти приступомъ на дворецъ. Тамъ и сямъ народное волненіе перешло должныя границы.

Въ Оденвальдѣ, въ вюртембергскомъ мѣстечкѣ, смежномъ съ Франціей, возстаніе вспыхнуло между крестьянами; въ Баденѣ, собравшіеся близъ Штоккаха революціонеры рѣшили вооружить поголовно весь народъ; въ рѣчахъ ихъ играли большую роль несуществующія злоупотребленія феодальныхъ налоговъ и притѣсненія простаго народа. Зачинщики движенія, съ пользой изучившіе исторію первой французской революціи, примѣняли ее къ дѣлу; имъ помогали толпы французскихъ эмиссаровъ, пришедшихъ изъ-за Рейна и распространявшихъ безпокойныя изъѣстія и слухи между южно-западной частью германскаго населенія, слухи заставлявшіе организовать народное войско; молодые и пожилые брались за первое попавшееся имъ подъ руки оружіе, громко трубили въ трубы, серьезно учились военному искусству, какъ будто отечеству грозило вторженіе какихъ нибудь гунновъ или монголовъ; старики и дѣти, стекаясь на безцѣльныя собранія, съ жаромъ толковали о томъ, какая роль выпадетъ на ихъ долю, какое участіе примутъ они въ этой «великой эпохѣ», такъ неожиданно застигнувшей ихъ врасплохъ. Между тѣмъ положеніе дѣлъ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, не смотря на ликованье по случаю «трудомъ добытаго», которое принесло существенную пользу только содержателямъ гостиницъ въ Южной Германіи; они одни пожинали золотую жатву въ теченіе этого медоваго мѣсяца молодой свободы Германіи.

Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, партія радикаловъ и идеологовъ-республиканцевъ брала положительный верхъ надъ блуждающими умами народа; рѣшительный перевѣсъ придалъ имъ оборотъ, который начинали получать дѣла въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Сношенія между двумя дворами, по поводу германскихъ обстоятельствъ, были прерваны, и лишены силы вслѣдствіе самаго хода событій; парижское движеніе 1830 года не имѣло большаго непосредственнаго вліянія на Австрію; этотъ новый приливъ революціоннаго волненія безпрепятственно хлынулъ черезъ искусственныя границы и плотины и угрожалъ своимъ напоромъ трону, который здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, служилъ символомъ государственнаго единства; оно проникло во всѣ жилы этого неестественнаго государственнаго быта; напрасно, какъ въ пробитомъ бурею кораблѣ, старались съ невѣроятными усиліями выкачивать воду изъ одного мѣста, она съ удвоенной силой вторгалась въ другихъ мѣстахъ.

Увѣренность въ томъ, что дѣла не могутъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ, была распространена здѣсь повсемѣстно раньше, чѣмъ пришли извѣстія о парижской катастрофѣ. Ужасныя раны, которыми страдало государство, сдѣлались наконецъ извѣстны всѣмъ. Вѣна, какъ и другія больныя государства, прибѣгла къ единственному средству, долженствовавшему излѣчить ее—конституціи. Но въ Австріи болѣзнь принимала до того острый характеръ, частію вслѣдствіе недостаточности въ финансахъ, частію вслѣдствіе разнообразнаго состава государства изъ самыхъ противоположныхъ элементовъ, что дѣйствительнѣйшія средства не помогали ей и не имѣли времени испробовать на ней свои цѣлебныя силы. Либеральная партія, выражавшаяся собраніями весьма миролюбиваго характера, какъ напримѣръ нижне-австрійскимъ обществомъ промышленности, къ которому принадлежали студенты и профессоры вѣнскаго университета, также какъ и фабричные рабочіе изъ предмѣстій Вѣны, выразила свои желанія въ формѣ адресовъ, поданныхъ на имя императора и предстоящаго собранія нижнеавстрійскихъ депута-

товъ; въ нихъ заключались просьбы объ опубликованіи государственнаго бюджета, о періодическомъ созваніи палаты представителей изъ всѣхъ странъ и областей, открытомъ судопроизводствѣ, о законахъ печати и сообразномъ времени общинномъ управленіи. Императоръ по обыкновенію принялъ адресы съ свойственнымъ ему добродушіемъ; при совершенной несостоятельности правительственныхъ дѣятелей, вопросъ былъ разрѣшенъ голосомъ самого народа; 13 марта, въ день собранія прежнихъ жалкихъ нижнеавстрійскихъ депутатовъ, громадная процессія двинулась къ дому занимаемому депутатами, такъ называемому «земскому дому» (Landhaus). Между солдатами и густыми толпами народа не обошлось безъ столкновенія, когда толпы его ворвались въ земскій домъ и выгнали изъ него засѣдавшихъ въ немъ депутатовъ. Извѣстія о стычкѣ съ солдатами и стрѣльбѣ ихъ по народу, съ быстротою молніи распространились по городу и побудили остальныхъ гражданъ къ принятію дѣятельнаго участія въ борьбѣ; къ вечеру этого бурнаго дня, разгоряченный народъ забылся до такой степени, что подалъ императору адресъ, съ требованіями объ отставкѣ князя Меттерниха, отозваніи войска и вооруженіи народа. Старый князь, покинутый дворомъ не смотря на всю свою политику, не зналъ что ему предпринять и нашелъ лучшимъ удалиться.

Въ тотъ же день народу роздано оружіе, хранившееся въ арсеналахъ, и въ самой Вѣнѣ учреждена національная гвардія. Революція готова была вспыхнуть, но 15-го марта, въ тотъ день, когда Кошутъ явился въ Вѣнѣ съ требованіями венгерцевъ, былъ объявленъ императорскій манифестъ, написанный въ смыслѣ и духѣ новаго конституціоннаго правленія, съ свободой печати, немедленнымъ созваніемъ представителей отъ всѣхъ провинцій, и т. д., вызвавшій и здѣсь какъ вездѣ безсмысленное, безумное ликованье; напрасно старался народъ обмануть себя въ важности и серьезности заданныхъ проблемъ этой шумной медовой недѣлей новѣйшаго времени. 18-го марта во время одной изъ поѣздокъ императора, которому всунули въ руки черно-красно-желтое знамя, между тѣмъ какъ такое же развѣвалось на соборѣ св. Стефана, народъ въ чаду радости выпрягъ лошадей изъ коляски своего государя, въ то именно время когда войска выходили изъ дворца (Hofburg), оставляя защиту его и особы императора на руки вновь сформированной національной гвардіи.

Въ тотъ самый день въ Берлинѣ, на подобіе парижскихъ событій, было произведено умышленное волненіе, сопровождавшееся безполезнымъ, безцѣльнымъ кровопролитіемъ, послужившее во вредъ отечественному развитію Германіи, которое именно здѣсь должно было развиваться, здѣсь окончательно быть разрѣшено. Въ Берлинѣ давно сознали всю несостоятельность конституціи союзнаго сейма. Въ своей памятной запискѣ отъ 20 ноября 1847 г. военный уполномоченный при союзномъ сеймѣ, генералъ фонъ-Радовицъ, ясно изъяснилъ недостатки ея и единственное возможное средство для исцѣленія ея. „Германскій союзъ“, такъ говорилось въ запискѣ «Германія и Фридрихъ Вильгельмъ IV», ничего не сдѣлалъ въ продолженіе своего 32 лѣтняго существованія; матеріальныя потери, причиненныя этимъ бездѣйствіемъ, неисчислимы, но нравственныя несравненно больше ихъ; если для Германіи возможенъ еще новый, удовлетворяющій всѣмъ потребностямъ порядокъ, то надобно обратить вниманіе на стремленія народовъ къ великому германскому обобщенію, которое давно уже овладѣло чувствами всѣхъ. Это стремленіе германскаго народа совпадаетъ съ жизненными потребностями Пруссіи, могущество которой можетъ возрастать только въ крѣпкомъ и тѣсномъ обобщеніи ея съ остальной Германіей. Слѣдовательно Пруссія должна быть связана съ лучшими силами Германіи, и только въ возрожденной Германіи она будетъ чувствовать себя на своемъ мѣстѣ. Иными словами, Пруссія должна и на политическомъ поприщѣ руководить Германіей на пути къ новому единству въ духѣ нынѣшняго столѣтія, какъ она это сдѣлала уже въ области народнаго хозяйства. Особенно трудно и почти невозможно было разъяснить возникавшія по этому случаю отношенія къ Австріи, которая и при обыкновенныхъ обстоятельствахъ приняла бы предлагаемое весьма неохотно; ей можно было дать одинъ совѣтъ подчиниться общему стремленію, которое заставляло всѣхъ и все покидать обычную колею.

Достигнуть этой высокой цѣли политическаго единства центральной націи Европы, можно было единственно только тогда, когда сю должна была руководить Пруссія,—государство твердо стоявшее на своихъ основаніяхъ. Движеніе, начатое въ остальной Германіи, въ свою очередь охватило и Пруссію. То что произошло въ прирейнскихъ городахъ, Кельнѣ, Дюссельдорфѣ и Аахенѣ, повторилось съ большею или меньшею силой въ Бреславлѣ и Кенигсбергѣ. Въ Берлинѣ, безпокойныя толпы народа собирались въ Тиргартенѣ, гдѣ, подъ защитой импровизированныхъ палатокъ, народные ораторы возбуждали толпу своими задорными рѣчами; ими овладѣвало соревнованіе сравниться съ Австріей, они не могли спокойно подумать о томъ, что въ Берлинѣ не было еще революціи, когда въ Вѣнѣ она была уже въ полномъ разгарѣ. 14 марта королевскимъ манифестомъ объявлялось о созваніи соединеннаго сейма, 27 апрѣля въ видахъ достиженія дѣйствительнаго и существеннаго возрожденія германскаго союза, прочія современныя требованія, относившіяся до проекта свободы, связанной съ конституціей, должны были поступить на обсужденіе сейма, и получить правильныя, или узаконенныя формы. Однако неожиданныя повсемѣстныя происшествія помѣшали такому разсудительному спокойному ходу дѣлъ; безпрерывно повторявшіяся столкновенія войска съ толпами народа поддерживали общее возбужденіе, а получаемыя изъ Вѣны извѣстія заставляли рѣшиться на крайнія мѣры. Онѣ послѣдовали 18-го марта; въ манифестѣ, по которому король предписывалъ соединенному сейму собраться въ Берлинѣ на 2-е число апрѣля, была необыкновенно ясно и отчетливо выражена программа новаго времени, проектъ ея былъ приведенъ въ исполненіе, только по истеченіи двадцатилѣтней борьбы, полной ошибокъ, заблужденій, кризисовъ и упорнаго сопротивленія. Въ программѣ говорилось о преобразованіи Германіи изъ союза государствъ въ союзное государство, о союзномъ представительствѣ, составленномъ изъ депутатовъ всѣхъ странъ, у которыхъ введено конституціонное начало, необходимое для этого предположенія, учрежденіе общей германской обороны, германскаго флота, германскаго союзнаго суда; права для всѣхъ германцевъ считаться членами одной отчизны, и безпрепятственно переѣзжать изъ одного германскаго государства въ другое; предполагалось учредить общій германскій таможенный союзъ, одинаковыя единицы мѣры и вѣса, одинаковую монетную пробу, и наконецъ свободу печати. Все это объявлялъ король какъ программу правленія могущественнѣйшаго германскаго государства, въ особомъ актѣ, подписанномъ имъ самимъ, прусскимъ принцемъ, всѣми министрами и нѣкоторыми почетными лицами. Все было предвидѣно, все соглашено заранѣе; и что еще несравненно важнѣе, можно было вполнѣ ожидать добровольнаго пожертвованія своей части правъ неограниченнаго государя, на пользу и блескъ Германіи со стороны короля, который по собственному желанію предложилъ и составилъ эту программу. Но вышедшій изъ береговъ потокъ народнаго движенія увлекалъ въ своемъ стремленіи множество нечистыхъ элементовъ, которые не могли удовольствоваться вышеизложеннымъ мирнымъ развитіемъ дѣлъ. Черезъ всѣ ворота Берлина въ продолженіе послѣднихъ недѣль и дней, въ городъ лились потоки французскихъ и польскихъ революціонныхъ эмиссаровъ, привыкшихъ къ смятеніямъ и испытанныхъ въ уличныхъ побоищахъ. Встрѣчаемыя сочувствіемъ черни, эти толпы тотчасъ принимались за дѣло; торговля и промышленность остановились вслѣдствіе безпокойствъ; праздные рабочіе не хотѣли работать, а требовали дѣла; всѣ гнались за новизной, которая могла бы поддерживать движеніе, ставшее необходимостью для большинства. Въ народѣ, неизвѣстно откуда, зараждается мысль отправиться къ дворцу, благодарить короля за его обѣщанія, въ тоже время другіе приступаютъ къ постройкѣ баррикадъ, вѣроятно для того чтобы, если представится случай, воспользоваться благодарственной процессіей для открытаго возстанія и бунта. Дворецъ былъ, какъ водится, старательно защищенъ войскомъ; въ 10 часовъ толпы народа хлынули на площадь; король вышелъ на балконъ; пока при видѣ его раздаются единодушные и восторженные крики, сзади то тамъ, то здѣсь слышатся требованія объ удаленіи войска. Солдаты, чинно, но спокойно стараются очистить площадь, все болѣе и болѣе занимаемую толпами народа, поджигаемаго нѣсколькими разгоряченными молодыми людьми; тогда, неожиданно для большей части дѣйствующихъ, повторяются на-

рижскія происшествія, имѣвшія такое сильное значеніе для французскаго короля въ ночь съ 23 на 24 февраля. Раздаются два выстрѣла, сдѣланные неизвѣстно кѣмъ и откуда; впослѣдствіи ихъ объяснили несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ отъ давки и тѣсноты въ рядахъ солдатъ. Пули не задѣли никого, а мысль объ измѣнѣ могла проснуться только въ головахъ народа, опьяненнаго самымъ временемъ; ею-то и воспользовались зачинщики. Какъ въ Парижѣ, раздаются крики «намъ измѣнили, къ оружію!» На всѣхъ улицахъ изъ-подъ земли выростаютъ подготовленныя барикады, на которыхъ вскорѣ раздаются слова команды на польскомъ и французскомъ языкѣ. Повторяется безсмысленная, кровавая парижская уличная рѣзня. Битва продолжается съ трехъ часовъ пополудни до слѣдующаго утра; крики осаждающихъ, выстрѣлы, воззванія революціонеровъ и громкія ура войскъ раздаются въ теченіе всей ночи; ясный лунный свѣтъ то тамъ, то здѣсь смѣшивается съ красноватымъ заревомъ пожаровъ. Берлинская рѣзня только тѣмъ отличалась отъ парижской, что здѣсь не было, какъ во Франціи, офицеровъ и солдатъ, которые измѣнили бы долгу и передались на сторону бунтовщиковъ. Солдаты побѣдоносно отбивали улицу за улицей; къ несчастію, король, осаждаемый со всѣхъ сторонъ всевозможными совѣтами и слѣдуя своему слабому дѣлившемуся на двѣ части сердцу приказалъ въ 2 часа ночи, 19 марта, пріостановить стрѣльбу и обратился съ прокламаціей къ „своимъ добрымъ берлинцамъ“, которые именно въ эту минуту не стоили, да и не могли понять его кроткихъ словъ. Если бы полуусмиренное уже возстаніе было послѣдовательно, основательно и твердо уничтожено, и въ тоже время честно исполнены возвѣщенныя обѣщанія, то можно было смѣло надѣяться, что на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ будетъ упроченъ авторитетъ отечественнаго королевства; можно было предвидѣть что вышедша изъ границъ, стремящееся куда-то общество, бродящая Германія,— «корабль безъ путеводной звѣзды, посреди бури», — какъ выразился объ Италіи одинъ изъ ея поэтовъ, опять войдетъ въ законныя границы и вновь возродится. Къ сожалѣнію, все пропало безслѣдно въ эту несчастную ночь. Король на долгое время остался подъ вліяніемъ слабости, охватившей его въ рѣшительную минуту; распространяемыя повсюду съ намѣреніемъ клеветы, находившія себѣ отголосокъ и поддержку въ потокахъ пролитой крови, подорвали популярность прусскаго короля, необходимую для выполненія и окончанія великаго предпріятія; въ тоже время консервативныя силы потеряли къ королю довѣріе послѣ полумѣръ съ которыми онъ круто повернулся назадъ на пути законнаго возстановленія мира и порядка.

Революціонная партія, обманувшая горожанъ, задумала праздновать одержанную побѣду недостойнымъ человѣчества тріумфальнымъ шествіемъ; революціонеры принесли ко дворцу на открытыхъ носилкахъ нѣсколькихъ убитыхъ и принудили короля показаться на балконѣ. Между тѣмъ какъ они торжествовали, побѣдоносное войско покидало Берлинъ, предоставляя вооруженнымъ гражданамъ занимать караулы и сторожевые посты. Въ два часа, король издалъ постановленіе, въ которомъ объявлялъ объ образованіи новаго министерства, составленнаго изъ членовъ либеральной партіи: фонъ-Арнимъ, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, ф. Ауэрсвальдъ внутреннихъ дѣлъ, и графъ Шверинъ министромъ вѣроисповѣданій; 20-го числа король даровалъ общую амнистію, 21-го въ изданной прокламаціи онъ объявилъ, что принимаетъ «старинные почтенные цвѣта германскаго народа», и въ тотъ же день проѣхалъ по городу, являясь народу въ качествѣ «вождя германскаго народа на дни опасности». У короля и у окружавшихъ его принцевъ, министровъ и генераловъ была надѣта на рукѣ трехцвѣтная повязка. Королевская свита окружала одного изъ гражданъ Берлина, который тоже верхомъ держалъ трехцвѣтное германское знамя. «Пруссія идетъ на встрѣчу Германіи», говорилось въ повсемѣстно распространяемыхъ прокламаціяхъ; король намѣревался дать случай государямъ и депутатамъ Германіи, вмѣстѣ и членамъ прусскаго сейма, приступить къ общему собранію. Но это было уже не современно. Принцъ Прусскій, братъ короля, самолюбіе и здравое пониманіе дѣлъ котораго напрасно заставляло противиться отозванію войска, во главѣ его покинулъ Берлинъ, и на время поселился въ Англіи. Чтобы спасти его дворецъ отъ насилій и грабежа народа, король былъ вынужденъ прибить на стѣнахъ его доску

съ надписью — „народная собственность“. 22-го числа революціонная партія причинила королю новыя неудовольствія. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ глубоко и неисцѣлимо пораженъ; страшная сцена омрачила его свѣтлый разумъ, и что хуже всего, на вѣки сломила силу и энергію его правленія; Берлинъ былъ предоставленъ буйной, недостойной уличной черни, охрана его передана въ руки вялой, недѣятельной національной гвардіи. Министерства мѣнялись одно за другимъ, но ни одно изъ нихъ не могло поставить государства Фридриха Великаго въ то положеніе, въ которомъ оно должно было находиться въ эту критическую эпоху. Прокламація короля отъ 21 числа, въ которой онъ говорилъ, что въ дни тревоги и опасности онъ станетъ во главѣ соединеннаго отечества, вызвала только насмѣшку. Никому однако не хотѣлось отказаться отъ свѣтлыхъ политическихъ надеждъ, направленныхъ на созданіе новаго германскаго государства; собственно говоря, его мечтали создать изъ ничего, изъ совершеннаго хаоса. 31-го марта въ то время когда собраніе союзнаго сейма измѣнило свой первобытный характеръ вслѣдствіе вступленія въ него новыхъ либеральныхъ членовъ и когда оно предписало приступить къ выборамъ учредительнаго національнаго собранія отъ всего германскаго народа, по примѣру гейдельбергскаго собранія въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, 5-го марта, состоялось свободное собраніе народныхъ представителей и нотаблей; богатое новыми политическими понятіями и построеніемъ новыхъ словъ, время дало ему названіе «предварительнаго парламента» (Vorparlament). Между 500 членами оказалось только 2 австрійца, тогда какъ пруссаковъ было 141, баденцевъ 72 и т. д. Собраніе подъ предсѣдательствомъ гейдельбергскаго профессора Миттельмайера рѣшило въ теченіе 4-хъ дней многосторонніе и многозначащіе вопросы и постановило резолюціи: относительно допущенія Шлезвига, также какъ и Восточной и Западной Пруссіи, въ германскій союзъ, вознагражденія Польши за раздѣлъ ея и, какъ всякое собраніе тогдашняго времени, не останавливаясь ни передъ какими границами, предложило самую свободную избирательную систему для выборовъ въ германскомъ парламентѣ. Между тѣмъ благомыслящей партіи удалось одержать верхъ и не допустить республиканцевъ до исполненія ихъ плановъ. Во главѣ республиканцевъ стояли нѣкоторые баденскіе и гессенскіе депутаты: адвокатъ Зицъ изъ Майнца и баденцы Фридрихъ Гекеръ и Густавъ Струве; опираясь на поддержку черни Франкфурта и сосѣднихъ городовъ, они старались посредствомъ республиканскихъ демонстрацій имѣть вліяніе на собраніе, запугивать его и по крайней мѣрѣ добиться того, чтобы „предварительный парламентъ“ объявилъ себя постояннымъ. Такимъ образомъ на дѣлѣ установилось бы постоянное революціонное направленіе, съ помощью котораго они могли надѣяться управлять и дѣйствовать на собраніе при помощи уличныхъ сообщниковъ. Но собраніе отвергло это предложеніе большинствомъ 368 голосовъ противъ 143; оно удовольствовалось полуреволюціонной мѣрой, избравъ только 50 временныхъ выборныхъ; они должны были взять подъ своего рода опеку союзный сеймъ, которому, вслѣдствіе его прошедшаго, все еще нельзя было вполнѣ довѣриться. Предсѣдателемъ пятидесяти выборныхъ (Fünfziger ausschus) былъ Суаронъ (Soirons) изъ Мангейма; между остальными членами находились нѣкоторые новые представители либеральной партіи изъ разныхъ государствъ, какъ наприм. Францъ Раво изъ Кельна и другіе. Выборные вступили въ дѣловыя сношенія съ сеймомъ. Въ планахъ и проектахъ будущей германской конституціи теперь не было недостатка; прежняя коммисія, составленная изъ 17 уполномоченныхъ, преданныхъ совѣту германскаго союза, выработала между прочимъ, при содѣйствіи профессора Дальмана, проектъ, въ которомъ права союза были поставлены въ весьма узкихъ опредѣленныхъ границахъ; въ тоже время проектъ семнадцати упустилъ самое важное условіе будущей конституціи, именно созданіе новаго органа, который могъ бы, согласно порученіямъ правительствъ, входить въ сношенія съ новымъ національнымъ собраніемъ; такимъ образомъ предложенія семнадцати теряли признакъ правительственнаго характера. Конгрессъ изъ государей, который имѣли въ виду Пруссія и Австрія не состоялся; въ народѣ и въ умахъ политическихъ дилеттантовъ, въ рукахъ которыхъ въ данную минуту находился народъ, господствовала несчастная идея—все создавать и все дѣлать самимъ безъ вмѣшательства правительствъ; германскіе бюргеры дрожали и падали духомъ при

одной мысли устраненія ихъ государей, но въ тоже время имъ нравилось раздражать свои правительства и ихъ бюрократическіе органы, обезпадеживать ихъ и въ тоже время давать ихъ чувствовать свою силу.

Съ другой стороны, республиканская партія, собравшаяся въ Франкфуртѣ, не вдругъ отказалась отъ своихъ плановъ. Въ Баденѣ, въ этомъ маленькомъ государствѣ, гдѣ въ головахъ большинства идеи о свободѣ засѣли и далеко повели народъ на пути къ свободѣ, революціонное движеніе принимало все больше и больше чисто-радикальный характеръ. Изъ Парижа толпа рабочихъ, не находившая себѣ больше дѣла во Франціи, готовилась возвратиться въ Германію; 1-го апрѣля, одинъ изъ предводителей ея, довольно извѣстный стихотворецъ, но человѣкъ съ посредственнымъ талантомъ и довольно двусмысленной репутаціей, Георгъ Гервегъ написалъ баденцамъ открытое письмо; въ немъ онъ возвѣщалъ, что для него и его послѣдователей республика—дѣло священное—что они не подчинятся монархическому большинству, и что наученные опытомъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать на барикадахъ, они идутъ въ Баденъ, чтобы съ помощью своей революціонной опытности, поддержать народное возстаніе, безъ котораго въ Германіи не можетъ обойтись новѣйшее время. Предводителемъ возстанія былъ баденскій депутатъ Фридрихъ Гекеръ, даровитый, остроумный ораторъ, любимецъ толпы, человѣкъ съ неудовлетвореннымъ самолюбіемъ; онъ не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы увлекать толпу, и для этой цѣли охотно надѣвалъ театральный костюмъ народнаго вождя: сѣрую калабрійскую шляпу съ пѣтушьими перьями, носилъ огромные пистолеты за поясомъ и высокіе охотничьи сапоги. Послѣ необходимыхъ приготовленій, 17 апрѣля, возмутившіеся перешли близъ Констанца баденскую границу; въ то время когда паническій страхъ овладѣлъ всѣми, одинъ изъ депутатовъ, Мати не потерялъ присутствія духа, остановилъ 8 апрѣля на станціи желѣзной дороги въ Карльсруэ одного изъ зачинщиковъ возстанія, доктора Фиклера, и посадилъ его подъ арестъ, именно тогда, когда Фиклеръ отправлялся на мѣсто военныхъ дѣйствій. Возставшіе смѣнили управленіе констанцкаго округа, которому пересталъ довѣрять народъ, и заставили правительственнаго директора Истера взять на себя званіе намѣстника новаго республиканскаго правительства. Въ это же время во Франкфуртѣ рѣшились остановиться наконецъ на мѣрахъ, которыя давно слѣдовало предпринять. Вюртембергскія войска изъ Шварцвальда, баварскія изъ Линдау двинулись усиленнымъ маршемъ противъ возставшихъ, между тѣмъ какъ съ сѣвера шла гессенъ-дармштадтская армія, подъ начальствомъ генерала Фридриха фонъ Гагерна. Онъ напалъ при Кандернѣ на возставшихъ подъ предводительствомъ Гекера, который надѣялся и разсчитывалъ, что войска при первомъ столкновеніи перейдутъ на его сторону. Генералъ Гагернъ, честный, благородный патріотъ, верхомъ подъѣхалъ къ возмутившимся и ласково уговаривалъ ихъ, не проливая крови, отказаться отъ своихъ замысловъ и раскаяться въ нихъ; его слова не нашли сочувствія: въ то самое мгновеніе, когда онъ, поворотивъ лошадь, поскакалъ къ рядамъ своихъ войскъ, раздался залпъ, и Гагернъ палъ первой жертвой этой разнузданной, безсмысленной и измѣнической междоусобной войны. Въ битвѣ, эти незванные бойцы, сражавшіеся вокругъ знамени, котораго не вручало имъ ни отечество, ни свобода, оказались менѣе состоятельными. Не прошло и часа, какъ они были разбиты на голову. Четыре дня спустя войска взяли Фрейбургъ, въ которомъ укрѣпились было возмутившіеся; 27-го, полроты вюртембергцевъ открыли въ деревнѣ Доссенбахъ отрядъ Гервега, около 1000 человѣкъ, и съ помощью подошедшаго войска генерала Миллера, частью разогнали возставшихъ, частью взяли ихъ въ плѣнъ. Гервегъ спрятался подъ брезентомъ телеги, которой правила его храбрая жена, и этимъ спасъ свое жалкое существованіе. Гекеру и Струве также удалось бѣжать. 30-го апрѣля они издали въ Страсбургѣ прокламацію, въ ней они объявляли, что «большинство звѣрскихъ, издалека нахлынувшихъ наемщиковъ успѣло пока одержать верхъ надъ республиканскимъ оружіемъ и заставить народъ принять ненавистное ему правительство.» Въ то же время они извѣщали о правильно-организованныхъ приготовленіяхъ новаго, будущаго возстанія.

в. Германское національное собраніе 18 мая 1848 г.—18 іюня 1849 г.

Во всѣхъ почти частяхъ Германіи, кромѣ чешскихъ провинцій Богеміи, начались и продолжались при общемъ живомъ участіи выборы представителей перваго германскаго парламента; всеобщее вниманіе съ надеждой было обращено на это собраніе, открывшееся 18-го мая во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, которое должно было согласить союзный сеймъ, съ комитетомъ пятидесяти выборныхъ. При звонѣ всѣхъ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при громкихъ крикахъ радости всего населенія, торжественно тянулось шествіе представителей проснувшагося отъ глубокаго сна народа, изъ Имперскаго зала въ Ремерѣ, къ церкви св. Павла, назначенной для этихъ засѣданій; отовсюду неслись жаркія молитвы народа за успѣхъ начинаемаго, глубокія сердечныя желанія избраннымъ исполнителямъ великаго дѣла; отъ этого собранія всѣ единодушно ожидали возстановленія единства націи; въ народныхъ воспоминаніяхъ, болѣе патріотическихъ нежели вѣрныхъ, ей казалось, что это единство существовало когда-то именно въ той самой формѣ, къ которой она теперь стремится. Отъ него ожидали учрежденія конституціи «на широкихъ демократическихъ основаніяхъ», съ одной стороны соблюденіе узаконенныхъ авторитетовъ, съ другой-свободы и правъ народа въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ этого требовали когда либо тысячи ораторовъ, которые сами не знали чего они хотятъ; при этомъ однако являлась необходимость строгаго единства исполнительной власти: однимъ словомъ, созданія одного большаго государства, въ немъ опять-таки отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое не хотѣло лишать себя чего бы то ни было и въ тоже время готово было жертвовать полудюжиной или даже цѣлой дюжиной другихъ. Въ поэтическихъ пламенныхъ рѣчахъ давно умолкшаго Уланда, этого чистаго незапятнаннаго патріота и великаго поэта, который заговорилъ наконецъ, одушевляемый великимъ дѣломъ, единство Германіи представлялось въ видѣ громаднаго собора съ двумя колоссальными башнями, Пруссіей и Австріей, и тысячью другихъ самыхъ разнообразныхъ причудливыхъ башенъ и крошечныхъ башенекъ. Этому собранію, поддерживаемому такъ очевидно энтузіазмомъ 40 милліоновъ людей, казалось достанетъ силы и могущества—уничтожить своимъ дуновеніемъ всякое дѣйствительное противодѣйствіе.

Народъ долженъ былъ гордиться собраніемъ, въ составъ котораго вошли лучшіе люди Германіи, которое привлекло представителей разнообразнѣйшихъ партій всѣхъ дѣятелей двигающихъ силъ народа, и такимъ образомъ представило полную, богатую картину многосторонности превосходствъ жизненной силы германскаго народа. 586 депутатовъ, людей мыслящихъ и по большей части умѣренныхъ, изъ нихъ болѣе 100 профессоровъ и литераторовъ, множество юристовъ, генераловъ, духовныхъ, чиновниковъ и сравнительно меньше всего купцовъ и фабрикантовъ, принимали въ немъ живое участіе. Антипатіи и разногласіе умолкли передъ общимъ дѣломъ; австрійскій депутатъ сидѣлъ рядомъ съ прусскимъ, тирольскій крестьянинъ, или католикъ возлѣ либеральнаго адвоката изъ Бадена, или Гессена, прусскаго юнкера или дворянина; всѣ были одушевлены одной и той же идеей. Огромнымъ большинствомъ голосовъ 305 изъ 350 былъ выбранъ президентомъ собранія Гейнрихъ фонъ Гагернъ, человѣкъ испытанной опытности въ государственныхъ дѣлахъ, чистаго характера, идеальныхъ стремленій, достойный по своему патріотизму и во всѣхъ отношеніяхъ способный занять предлагаемое мѣсто; одно имя его могло служить ручательствомъ, что большинство присутствующихъ не сойдетъ съ указаннаго пути, не выйдетъ изъ границъ конституціонной монархіи.—Мало-по-малу одна за другою, стали возникать трудности, мѣшавшія развитію великаго плана. Подъ вліяніемъ современныхъ обстоятельствъ собраніе сдѣлало, быть можетъ очень естественную, но тѣмъ не менѣе большую ошибку; оно не съумѣло стать съ перваго раза въ соглашенія съ правительствами; говорилось очень много о власти народовъ, забывая въ то же время, что правительства составляютъ часть тѣхъ самыхъ народовъ; и кромѣ

того никому не приходило въ голову мѣшать созванію одновременно мѣстныхъ представительныхъ собраній, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствахъ. Мужамъ государственнымъ, какъ напримѣръ Мати, у которыхъ, не смотря на общій водоворотъ понятій, сохранился свѣтлый положительный умъ, хотѣлось рядомъ съ національнымъ собраніемъ удержать и союзный сеймъ, для того чтобы въ законномъ правильномъ обмѣнѣ дѣлъ согласовалось единство съ множествомъ, новое съ старымъ, желаемое съ дѣйствительнымъ; за то остальнымъ не хотѣлось даже и слушать о пресловутомъ сеймѣ и они съ бодрымъ, веселымъ духомъ принялись строить новое государство на облакахъ.

Особенно рѣзко выступили недоразумѣнія между партіями, когда дѣло коснулось объ учрежденіи, въ помощь всемогущему собранію, временной исполнительной «центральной власти» (Centralgewalt). Было предложено нескончаемое множество проэктовъ, и наконецъ послѣ восьмидневныхъ преній съ блестящими рѣчами рѣшено избрать, «государственнаго представителя» монархическаго представителя, но назначеннаго по волѣ и выбору самаго собранія. «Я рѣшаюсь на смѣлую попытку», говорилъ на шестой день преній фонъ Гагернъ, «и подтверждаю что мы сами должны избрать «центральную власть». Выборы состоялись 27 іюня, и большинствомъ 436 голосовъ противъ 58, которые достались Гагерну, и 32 принадлежавшихъ баденскому полуреспубликанцу Итцштейну, пали на эрцгерцога Іоанна австрійскаго шестидесяти шестилѣтняго принца, пользовавшаго ея большою популярностью. Одни были довольны этимъ выборомъ уже потому, что избранникъ былъ принцъ, другіе что онъ хотя и принцъ, но отличался открытымъ, простымъ обращеніемъ, также какъ и его жена; одни радовались тому, что онъ католикъ и принадлежитъ къ Габсбургскому дому, другіе не придавали всему этому особеннаго значенія; всѣ вообще были довольны уже тѣмъ, что онъ, имѣя свои опредѣленныя преимущества, не будетъ мѣшать ходу дальнѣйшихъ окончательныхъ постановленій. Эрцгерцогъ, извѣщенный депутаціей изъ семи членовъ, охотно принялъ предложеніе; 11-го іюля онъ пріѣхалъ изъ Вѣны въ Франкфуртъ и тотчасъ же занялся составленіемъ министерства; министромъ иностранныхъ дѣлъ онъ назначилъ бывшаго австрійскаго посланника при союзномъ сеймѣ фонъ Шмерлинга, самаго отчаяннаго австрійца въ душѣ, какимъ былъ и самъ эрцгерцогъ, но также какъ и онъ, очень искусно умѣвшаго скрывать это, гдѣ оно было необходимо. Военнымъ министромъ былъ назначенъ прусскій генералъ фонъ Пейкеръ, гамбургскій еврей, адвокатъ Гекшеръ получилъ управленіе министерствомъ юстиціи, къ великой радости Франкфурта и всей южной Германіи, которая всегда черезчуръ высоко цѣнила въ своихъ государяхъ ихъ популярность и кажущееся безпритязательное обращеніе съ окружающими. 13 іюля, въ послѣдній разъ собралось засѣданіе союзнаго сейма, а въ августѣ, избраны и остальныя лица для занятія «государственныхъ министерствъ (Reichsministerien). Во главѣ всѣхъ министровъ находился сводный братъ англійской королевы князь Лейнингенскій, въ то время какъ отдѣльные департаменты вручались управленію людей, избранныхъ съ особымъ вниманіемъ, народными представителями.

Въ это горячее время, по каждому вопросу, на каждое дѣло являлось достаточное количество способныхъ дѣятелей. Первыя попытки, на которыхъ государственная власть испробовала свою силу, оказались неудовлетворительными. Государственный военный министръ предписалъ всѣмъ союзнымъ войскамъ участвовать на торжественномъ парадѣ 6-го августа и принесть присягу государственному представителю. Въ мелкихъ государствахъ все было исполнено въ точности; въ тоже время однако позаботились, чтобы, вслѣдъ за виватомъ государственному представителю, былъ провозглашенъ виватъ властителю страны; людямъ недовѣрчивымъ и подозрительнымъ показалось даже, что вторыя привѣтствія звучали громче, съ большимъ единодушіемъ и единогласіемъ нежели первыя. Граждане Брауншвейга принудили своего герцога исполнить требованія союзнаго государства. Король ганноверскій, неохотно подчинявшійся современнымъ требованіямъ и обстоятельствамъ, послѣ долгой переписки съ государственнымъ министерствомъ о настоятельномъ положеніи національнаго собранія, допустилъ свое министерство объявить наконецъ о вынужденномъ у него неизбѣжномъ признаніи центральнаго правительства. Между тѣмъ въ Австріи, которой приходилось заниматься болѣе серь-

ешными дѣлами нежели парадами, на приказаніе военнаго министра не было обращено вниманія; Пруссія въ свою очередь тоже уклонилась и отъ парада и отъ присяги, подъ тѣмъ предлогомъ, что войскамъ объявлено уже 29 іюля объ избраніи государственнаго представителя. Это не было слѣдствіемъ вліянія короля или правительства, оно не было вынуждено и уваженіемъ къ общему настроенію всѣхъ офицеровъ: врожденное, здравое патріотическое чувство и желаніе всего прусскаго народа принадлежать дѣйствительному великому государству, а не способствовать существованію воображаемаго медіатизированнаго королевства, заставило Пруссію смотрѣть съ недовѣріемъ на событія во Франкфуртѣ. Прусскій народъ начиналъ уже помышлять о возстановленіи черно-бѣлаго знамени, затѣсненнаго, отодвинутаго на послѣдній планъ черно-красно-золотыми цвѣтами. Національное собраніе не имѣло достаточно силы, чтобъ принудить Австрію или Пруссію повиноваться ему; съ этого времени начала мерцать мысль, что выборъ долженъ наконецъ пасть на которую нибудь одну изъ этихъ двухъ могущественныхъ державъ. По всей вѣроятности, сами обстоятельства руководили выборомъ; еще немногіе сознавали пока, что единство Германіи возможно только въ присоединеніи ея къ Пруссіи и отдѣленіи отъ Австріи; эта здравая мысль нескоро должна была войти въ сознаніе массъ народовъ и помочь имъ достичь настоящаго плода, который долженъ былъ привести ихъ къ обсужденію системы германскихъ основныхъ правъ, этой великой хартіи, magna Charta свободы германскихъ народовъ. Въ воображеніи многихъ она должна была составить величайшее и значительнѣйшее достояніе націи, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ дѣло общей конституціи не вполнѣ удовлетворяло всѣмъ требованіямъ. Конечно, случилось такъ, какъ оно и должно было случиться, что вмѣстѣ съ потерей единства была утрачена свобода; на дѣлѣ исполнились слова поэта: «свобода возможна только при могуществѣ.»

Между тѣмъ разногласія и противорѣчія кое-какъ были смягчены. 14 августа государственный представитель получилъ приглашеніе на соборное празднество въ Кельнѣ, гдѣ и встрѣтился съ прусскимъ королемъ. Онъ не могъ пожаловаться на пріемъ, приготовленный ему въ качествѣ католическаго принца, преобладающимъ католическимъ народонаселеніемъ. Въ тоже время, выраженія радости и демонстраціи при проѣздѣ Фридриха Вильгельма имѣли чисто прусскій характеръ; только въ Рейнскихъ провинціяхъ и именно въ Дюссельдорфѣ, національная гвардія отказалась принять участіе въ торжественныхъ проводахъ короля въ его дальнѣйшей поѣздкѣ въ Кельнъ. При встрѣчѣ присутствовали члены франкфуртскаго парламента съ своимъ президентомъ; Фридрихъ-Вильгельмъ, во время представленія ему Гагерномъ членовъ парламента, сказалъ между прочимъ, что онъ вполнѣ увѣренъ, что они никогда не позабудутъ о томъ, что въ Германіи есть государи, къ которымъ принадлежитъ и онъ. Во всемъ остальномъ празднество, какъ это всегда бываетъ въ образованномъ обществѣ, обошлось вполнѣ благополучно. Король, придерживаясь своей прежней извѣстной рѣчи, сказанной на этомъ же мѣстѣ, пилъ за здоровье строителей великаго храма германскаго единства и ихъ вдительнаго зодчаго, затѣмъ онъ пилъ за здоровье эрцгерцога, который отвѣчалъ тѣмъ же: «дай Богъ намъ, сказалъ король, нѣсколько свободныхъ народовъ, нѣсколько свободныхъ государей.»

Случившееся нѣсколько дней спустя происшествіе заставило Германію проснуться отъ сновидѣній, къ суровой дѣйствительности, и обратить вниманіе на дѣла внѣшней политики; 26 августа датское и прусское правительства заключили перемиріе въ Мальмё при посредствѣ Швеціи.

Грозное движеніе, охватившее Германію вслѣдствіе февральской революціи, должно было привести натянутое положеніе дѣлъ въ герцогствахъ къ рѣшительному и быстрому кризису; они были пунктомъ, на которомъ пробуждающаяся Германія должна была испробовать впервые свое могущество и свои военныя силы. Собраніе въ Рендсбургѣ, 18 марта, шлезвигскихъ и гольштинскихъ депутатовъ потребовало, отъ своего герцога, короля Фридриха датскаго, кромѣ общихъ народныхъ правъ, общей конституціи для Шлезвига-Голштейна и присоединенія Голштиніи къ германскому союзу. Король согласился на желанія Голштейна, и въ тоже время объявилъ, что Шлезвигу будетъ дарована свободная конституція,

сообразно съ конституціей всѣхъ датскихъ провинцій, съ которыми онъ будетъ составлять одно цѣлое. Подъ вліяніемъ собравшагося передъ дворцомъ 22 марта населенія Копенгагена, король назначилъ министрами Орла Лемана и Чернинга, извѣстныхъ представителей такъ называемой партіи датчанъ Эйдера; эта партія называлась такъ потому, что она желала чтобы границы всѣхъ провинцій Даніи простирались до Эйдера, рѣки отдѣлявшей Шлезвигъ отъ Гольштиніи. Въ отвѣтъ на эту демонстрацію въ Килѣ было учреждено 24 марта временное правительство, составленное изъ представителей бывшей германской оппозиціи, принца Фридриха фонъ-Аугустенбургскаго, графа Ревентлова и нѣкоторыхъ другихъ. Они объясняли движеніе въ Копенгагенѣ возмущеніемъ черни, которая принудила своего короля а ихъ герцога, стать во враждебныя отношенія къ подвластнымъ ему герцогствамъ; король больше не свободенъ; для поддержанія и стремленія правъ страны, и самаго герцога они отъ имени его будутъ временно управлять ходомъ дѣлъ. Крѣпость Рендсбургъ была немедленно вооружена, а шлезвигъ-голштинскія войска добровольно признали надъ собой начальство временнаго правительства. „Война началась, датчанинъ отодвигается къ своимъ прежнимъ дѣдовскимъ границамъ“, писалъ принцъ Фридрихъ въ своемъ приказѣ по арміи отъ 27 марта; въ то время когда поселяне брались за оружіе, чтобъ драться за независимость своего отечества, изо всѣхъ концовъ Германіи стекались одушевленные борцы, готовые въ качествѣ волонтеровъ поддерживать эту, находившуюся въ опасности сѣверную страну.

Здѣсь именно представлялся случай, когда король прусскій могъ выполнить на дѣлѣ свою прокламацію отъ 21 марта. Онъ написалъ къ герцогу Аугустенбургскому письмо, въ которомъ онъ высказалъ тройственное признаніе правъ; именно что герцогства представляются самостоятельными, тѣсно связанными государствами, въ которыхъ должна царствовать мужеская линія; въ тоже время онъ объявлялъ, что готовъ защищаться отъ чьихъ бы то ни было нападеній и притязаній. Союзный сеймъ съ своей стороны призналъ и узаконилъ происшедшее, допустилъ въ свою среду одного представителя отъ герцогствъ и поручилъ королю прусскому защищать ихъ, т. е. начать войну съ Даніей.

Военныя дѣйствія уже начались. На сѣверо-западъ отъ Фленсбура при Бау, большинство датчанъ одержало верхъ надъ плохо дисциплинированнымъ возмутившимся шлезвиго-голштинскимъ войскомъ и въ тоже время овладѣло моремъ; съ горестью и печалью узнала Германія, что почти весь отрядъ, составленный изъ кильскихъ студентовъ и волонтеровъ общества гимнастовъ, разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Незначительная часть ихъ потянулась къ Шлее, ожидая съ нетерпѣніемъ подкрѣпленія со стороны пруссаковъ. Подъ предводительствомъ генерала Врангеля, прусскія войска перешли границы, радуясь случаю, который доставлялъ имъ возможность отомстить за ударъ, нанесенный ихъ отечеству 18 марта. 23 апрѣля прусская гвардія съ свойственной ей храбростью напала на земляныя укрѣпленія Данневирка, выбила изъ нихъ гарнизонъ и, овладѣвъ городомъ, прогнала непріятельское войско изъ Шлезвига; 24 апрѣля ганноверскія войска одержали побѣду при Оверзе и осадили Фленсбургъ. 2-го мая Врангель перешелъ готландскую границу близъ Кольдинга. Датчане сдали крѣпость Фридерицію и отступили на островъ Финенъ. Во всякомъ случаѣ борьба была неравная, борьба договъ съ рыбами, какъ замѣтилъ остроумный король Фридрихъ Вильгельмъ IV. Датчане объявили въ блокадномъ положеніи длинный морской берегъ Пруссіи, которая въ теченіе 30 лѣтняго мира не успѣла обзавестись военнымъ флотомъ. Пользуясь этой мѣрой, датчане захватывали, гдѣ могли, германскіе торговые корабли, взрывали ихъ и такимъ образомъ безнаказанно наносили неисчислимый вредъ германской торговлѣ. Съ своей стороны генералъ Врангель наложилъ на ютландцевъ контрибуцію въ 2 милліона и объявилъ имъ, что они будутъ отвѣчать за всякій ущербъ, нанесенный германской торговлѣ. Кромѣ того онъ грозилъ жечь ютландскія деревни за каждый сожженный датчанами домъ на германскомъ берегу. Этотъ энергическій способъ веденія войны возбудилъ негодованіе въ прочихъ государствахъ, которыя не были довольны новыми государственными началами и формами Германіи, и которыя ясно сознавали не совсѣмъ благопріятное положеніе ихъ въ этой войнѣ.

Оба сѣверныя государства признали себя угнетенными, и послѣ многихъ лѣтъ, опять пробудилось вновь общее скандинавское патріотическое чувство. Императоръ Россіи Николай I былъ недоволенъ возстаніемъ герцогствъ, въ тоже время онъ не хотѣлъ допустить мысли объ усиленіи могущества Германіи на морѣ. Точно также лордъ Пальмерстонъ, желавшій въ началѣ борьбы порѣшить споръ раздѣломъ Шлезвига на двѣ части, такъ чтобы обоимъ враждебнымъ государствамъ достались провинціи, принадлежавшія имъ по языку и національностямъ, отступилъ отъ своего первоначальнаго плана и сталъ все болѣе и болѣе недружелюбно относиться къ возвышенію и силѣ Германіи. Подъ вліяніемъ всего этого генералъ Врангель получилъ приказаніе очистить Ютландію. Государство, состоявшее изъ 40 милліоновъ жителей должно было уступить другому изъ 2 милліоновъ. Датчане изъ своихъ приморскихъ укрѣпленій на Альзенѣ дѣлали высадки на твердую землю; въ одной изъ нихъ имъ пришлось очень плохо. Врангель стянулъ свои войска, состоявшія изъ прусскаго, ганноверскаго и брауншвейскаго отрядовъ, чтобы отрѣзать датчанамъ возвращеніе на островъ и уничтожить ихъ. Около семи часовъ длилось ожесточенное сраженіе при Дюппелѣ, послѣ котораго датскія войска, хотя и съ большой потерей, но не вполнѣ уничтоженныя, отступили къ Зондербургу.

Отдѣльные случаи храбрости и мужества не могли однако помѣшать войнѣ быть вполнѣ непопулярной, въ виду тѣхъ страшныхъ убытковъ, которые терпѣли приморскія провинціи при совершенномъ отсутствіи флота. Государственный представитель 1 августа отдалъ приказаніе, по которому 36,000 отрядъ преимущественно изъ уроженцевъ южно-германскихъ провинцій долженъ былъ двинуться на помощь сѣверу. Это распоряженіе было встрѣчено съ радостью и глубокое одушевленіе царствовало между полками, двигавшимися на сѣверъ, при звукахъ шлезвигъ-голштинскихъ національныхъ пѣсенъ; но ни эта поддержка, ни усиленныя пожертвованія, въ родѣ пивныхъ и пищенскихъ пфенниговъ, вызванные патріотическимъ желаніемъ построить германскій флотъ, не измѣняли существующаго порядка дѣлъ. 21 августа, государственный министръ Шмерлингъ объявилъ парламенту объ этихъ начинаніяхъ, между тѣмъ 26 на южномъ берегу Швеціи въ Мальме, отъ имени Германіи было подписано семимѣсячное перемиріе между Даніей и Пруссіей. Въ договорѣ упоминалось: что блокада прекращается; захваченныя и отведенные въ гавани корабли, будутъ съ обѣихъ сторонъ освобождены; войска обоихъ государствъ оставятъ герцогство. Законная власть остается въ своей силѣ; изданныя съ 17 марта узаконенія отмѣняются. Два представителя будутъ назначены отъ Шлезвига датскимъ и два отъ Голштиніи прусскимъ правительствомъ; что же касается до пятаго члена отъ соединеннаго правительства, то его назначаютъ по общему согласію оба государства. Гольштинскій контингентъ будетъ поставленъ на мирную почву, а шлезвигскій будетъ распущенъ до кадроваго состава. Извѣстіе о перемиріи вызвало во всѣхъ странахъ, исключая тѣхъ именно, которыя непосредственно страдали отъ него, неудержимый въ своемъ родѣ, довольно основательный ропотъ. Народъ пожиналъ то, что было посѣяно правительствами и слѣдовательно и имъ самимъ въ теченіе 30 лѣтъ. Послѣ жестокихъ жаркихъ преній, парламентъ большинствомъ 238 противъ 231 голоса, отвергъ перемиріе (5-го сентября). Государственное министерство подало въ отставку, а профессоръ Дальманъ, который своими патріотическими жаркими рѣчами боролся противъ перемирія, получилъ отъ государственнаго представителя приглашеніе составить новое министерство. Ему не удалось привести къ окончанію полученное порученіе, да никто бы и не съумѣлъ преодолѣть всѣ трудности. Всѣ, у кого былъ здравый свѣтлый взглядъ, ясно видѣли и сознавали, что парламентъ съ его импровизированной государственной властью, съ его посланниками которыхъ не хотѣли признать главнѣйшія государства Европы, на дѣлѣ не имѣлъ никакого значенія, никакой силы. Не смотря на это, 16 сентября, парламентъ принялъ перемиріе большинствомъ 258 голосовъ противъ 236. Важнѣйшій современный германскій вопросъ былъ, худо или хорошо, на дѣлѣ разрѣшенъ Пруссіей.

Обычное, глубоко гнѣздившееся настроеніе южной Германіи требовать всевозможныхъ средствъ отъ Пруссіи и въ тоже время самой ничѣмъ не жертвовать, дало при этомъ случаѣ новый толчекъ республиканской демократической

партіи. Послѣ апрѣльскаго пораженія она продолжала дѣятельную агитацію; повсемѣстно неутомимо, неслышно работали агитаторы, распространяя свои теоріи въ клубахъ, народныхъ собраніяхъ, въ палатахъ депутатовъ и стараясь вездѣ, гдѣ только можно, дѣйствовать на войско и отвращать его отъ исполненія долга. Неутомимая партія старалась даже во время франкфуртскаго конгресса образовать въ средѣ его особое общество, они воспользовались печатью, чтобы возбуждать массы народа громкимъ неумѣренно жесткимъ языкомъ, направленнымъ противъ того, что они называли кичливой реакціей; повсюду гдѣ военные, выведенные изъ терпѣнія насмѣшками и оскорбленіями, брались за оружіе, ихъ встрѣчали неудержимыя насмѣшки, грубая брань и въ тоже время всякая шумная выходка бѣснующейся черни вызывала неумѣренныя похвалы, признавались достойнымъ дѣломъ самодержавнаго народа. Даже самый выборъ государственнаго представителя казался имъ «возвратомъ къ среднимъ вѣкамъ», хотя большинство слушавшей ихъ и довѣрявшей имъ публики, повсей вѣроятности не знали когда были средніе вѣка, до, или послѣ Рождества Христова. Хоры и галереи церкви св. Павла съ трудомъ вмѣщали людей этого сорта, въ то время какъ представители ихъ, необузданные ораторы лѣвой стороны говорили свои рѣчи, они пользуясь всякимъ случаемъ, всякимъ недоразумѣніемъ въ собраніи, поддерживали его неистовыми криками, шумомъ и топотомъ. Это случилось напримѣръ по поводу вопроса о допущеніи въ парламентъ Гекера, избраннаго однимъ изъ баденскихъ избирательныхъ округовъ.

Теперь, казалось, наступило благопріятное время опять испытать силу и могущество «демократическихъ идей.» 17 сентября въ день постановленія втораго рѣшенія парламента, по поводу перемирія въ Мальме, на городскомъ выгонѣ близъ Франкфурта, собралось огромное стеченіе народа. Ораторы говорили самыя ожесточенныя, озлобленныя рѣчи; адвокатъ Зитцъ требовалъ, чтобы народъ—онъ принималъ слушавшую его толпу за германскій народъ,—объявилъ лѣвую сторону единственнымъ законнымъ парламентомъ; другой ораторъ, одинъ изъ членовъ лѣвой стороны, Людвигъ Симонъ изъ Трира, утверждалъ, что наступило время говорить съ представителями правой стороны съ высоты баррикадъ, съ тѣми именно представителями, которыхъ еще одинъ изъ этихъ ораторовъ, почерпавшихъ свою мудрость въ неясныхъ и мрачныхъ воспоминаніяхъ первой французской революціи, называлъ измѣнниками чести, долга, свободы и отечества.

На слѣдующій день между толпами народа и вызваннымъ франкфуртскимъ сенатомъ войскомъ, закипѣла жестокая уличная битва, длившаяся весь день. Пока ожесточенныя толпы дрались на барикадахъ, бѣшеная чернь, разгоряченная политическими фразами, какъ прежде спиртными напитками, искала и нашла жертвъ для утоленія своей звѣрской ярости. Двое депутатовъ большинства, князь Лихновскій и генералъ Ауэрсвальдъ, которые имѣли неосторожность поѣхать на встрѣчу приближавшейся прусской арміи, попали близъ Эйхгеймскихъ воротъ въ руки разъяренной черни, которая безжалостно умертвила ихъ. Въ 11 часовъ вечера, войска овладѣли барикадами и возставшіе искали спасенія въ бѣгствѣ; Франкфуртъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Попытки произвести революцію не ограничились однимъ только Франкфуртомъ; такъ напримѣръ въ Зигмарингенѣ владѣтельный князь, не желая быть свидѣтелемъ шума и буйствъ, выѣхалъ изъ города, а народъ провозгласилъ республику, выбравъ президентомъ ея бездарнаго и ничтожнаго адвоката Вирта; все это походило на шутку, придуманную отъ скуки жителями бездѣйственной, сонной резиденціи крошечнаго государства. Въ Вюртембергѣ республиканскимъ движеніемъ управлялъ обанкрутившійся фабрикантъ Рау; въ Баденѣ дѣло дошло до схватокъ съ толпами волонтеровъ подъ начальствомъ Густава Струве и Карла Блинда.

Въ «Республиканскомъ Правительственномъ Листкѣ», издаваемомъ этими двумя вздорными головами, объявлялось отъ 22 сентября, что всѣ, до тѣхъ поръ существовавшія подати, взимаемыя государствомъ, церковью и дворянами владѣльцами земли, также какъ и другія «средневѣковыя службы», отмѣняются и взамѣнъ ихъ устанавливается прогрессивный налогъ на доходы, не распространяющійся на неимущихъ. По этому случаю было устроено замѣчательное и смѣшное шествіе: впереди шла толпа музыкантовъ, а за ними несли красное знамя, потомъ двигались 300 хорошо

и 1500 худо вооруженныхъ человѣкъ, передъ каретой запряженной четырьмя лошадьми, въ которой ѣхала жена Струве, и наконецъ самъ гражданинъ Струве съ своимъ генеральнымъ штабомъ, сопровождаемый самой пестрой разнообразной чернью. Аристократическое слово „господинъ“ было замѣнено во всѣхъ клубахъ и демократическихъ пивныхъ лавочкахъ благозвучнымъ словомъ „гражданинъ“ (Bürger). Такъ въѣхалъ этотъ поѣздъ 24 сентября, въ Штауфенъ, мѣстечко въ нѣсколькихъ часахъ отъ Фрейбурга въ Брейсгау, въ которомъ оно однакоже не могъ оставаться такъ, какъ къ нему подвигался баденскій генералъ Гофманъ съ войскомъ и орудіями. Въ три часа послѣ обѣда, началось обратное шествіе въ Тодтенау, гдѣ Струве посовѣтовалъ своему отряду спасаться бѣгствомъ. Самъ онъ бѣжалъ одинъ изъ первыхъ, но, не успѣвъ достигнуть швейцарской границы, былъ схваченъ съ толпой приверженцевъ и отвезенъ въ заключеніе въ Брухзаль.

Для усмиренія анархіи, правительство употребило всѣ зависѣвшія отъ него средства. Это удалось ему вполнѣ и оно выказало всю свою силу. 24 сентября было опять созвано и возстановлено въ прежнемъ составѣбывшее государственное министерство и парламентъ принялся за свои совѣщанія. Казалось безпокойный шумный эпизодъ вполнѣ умолкъ и все пришло въ прежнее состояніе; но общій видъ собранія глубоко пострадалъ. Полное надеждъ и идеальныхъ стремленій, настроеніе мартовскихъ дней уступило мѣсто здѣсь ненависти и злобѣ партій, тамъ совершенной безнадежности въ зажиточныхъ и промышленныхъ классахъ, неудержимому стремленію къ миру и спокойствію, купленному какою бы то ни было цѣною. Лѣвая сторона высказала предложеніе, чтобы парламентъ былъ распущенъ и вновь созванъ къ 18 октября. Предложеніе, имѣвшее единственною цѣлью озлобить и возбудить большинство, было, какъ и слѣдовало ожидать, отвергнуто; съ другой стороны въ средѣ большинства родилось, развилось и нашло себѣ поддержку въ другихъ кружкахъ мнѣніе позаботиться, раньше чѣмъ о чемъ либо другомъ, о серьезномъ охраненіи Германіи отъ владычества надъ нею и преобладанія въ ней демократическаго начала.

Переговоры и постановленія по поводу перемирія въ Мальмё ясно показали въ чемъ заключаются главнѣйшія трудности новаго состава Германіи, и установленія конституціи для этой новой Германіи; и все яснѣе и яснѣе становилось для тѣхъ, которые не ограничивались подобно лѣвой сторонѣ только нападками на государей, реакцію и камарилью, что исходная точка вопроса лежитъ глубоко въ отношеніи къ Австріи и Пруссіи, или правильнѣе сказать—въ отношеніяхъ Австріи къ Пруссіи. Тѣ, которые рѣшались называть вещи неуклонно своими именами, тогда еще говорили, что опаснѣйшій врагъ единства Германіи есть не многочисленность ея, а двойственность и что слѣдовательно весь германскій конституціонный вопросъ есть ничто иное какъ вопросъ о силѣ и могуществѣ, между Австріей и Пруссіей.

Пруссіи и Австріи, рядомъ съ участіемъ въ дѣлахъ Германіи приходилось заниматься своими частными дѣлами, своими битвами, своей судьбой. Прежде всего возникалъ вопросъ будетъ ли впредь существовать Австрія. Древнедунайское государство скрипѣло и трещало во всѣхъ своихъ скрѣпахъ, казалось много разъ, что оно готово распасться на составныя части. Мы будемъ впослѣдствіи говорить о войнахъ, которыя касаются до несчастнаго утвержденія могущества Австріи въ Италіи. Венгрія въ теченіе нѣсколькихъ бурныхъ дней завоевала свою національную независимость, къ которой она давно уже стремилась съ полнымъ сознаніемъ. 15 марта въ Вѣнѣ явилась депутація, о которой успѣлъ во время возвѣстить прискакавшій изъ Венгріи палатинъ эрцгерцогъ Стефанъ. Отъ имени собравшагося въ Пресбургѣ имперскаго сейма, депутація ходатайствовала о дарованіи Венгріи особаго венгерскаго министерства, которое должно было засѣдать въ Пештѣ и давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ имперскому сейму. Въ Вѣнѣ, гдѣ въ это время никто не могъ собраться съ мыслями, депутація была принята съ восторгомъ; императоръ безпрекословно согласился на всѣ требованія: онъ обѣщалъ имъ собственнаго вице-короля, самостоятельное министерство. Кошутъ который во всемъ этомъ дѣлѣ игралъ первую роль, могъ объявить наконецъ опьяненному радостью народу, что то, что до сихъ поръ было только жаркими, патріотическими, завѣтными мечтами, обратилось наконецъ въ настоящую

дѣйствительность, и что Венгрія будетъ наконецъ управляема Офеномъ, а не Вѣной. Наконецъ новое министерство было составлено изъ Батіани, Сечени, Кошута и Деака, и съ новымъ усердіемъ имперскій сеймъ, охваченный могучими буйными силами, которыя здѣсь какъ и вездѣ овладѣли общимъ направленіемъ, занялся приведеніемъ общихъ началъ свободы въ опредѣленныя формы органическихъ законовъ: открытыхъ засѣданій, закона о печати, закона о національной гвардіи, одинаковаго права голоса для всѣхъ депутатовъ. Множество давно желанныхъ реформъ были приняты послѣ бурныхъ обсужденій. Такъ напримѣръ прошло предложеніе о самостоятельности администраціи страны; 11 апрѣля императоръ утвердилъ и узаконилъ постановленія имперскаго сейма. Одна изъ трудностей заключалась въ томъ, что имперскій сеймъ отказывался принять соотвѣтствующую часть общаго австрійскаго государственнаго долга, основываясь на мнѣніяхъ и доводахъ уличныхъ демагоговъ, которые доказывали, что долгъ этотъ былъ заключенъ безъ соизволенія имперскаго сейма и для удовлетворенія цѣлей чуждыхъ потребностямъ страны. Между тѣмъ въ тогдашнее время мало заботились о платежѣ долговъ, а въ это самое время, Венгрія достигла того, къ чему стремился господствующій въ ней народъ—мадъяры.

Обѣщанная имперіи новая конституція была окончательно обработана, приведена въ порядокъ и 25 апрѣля торжественно объявлена народу. Законъ о вольностяхъ и «пріобрѣтенныхъ трудомъ правахъ» ясно опредѣлялся самъ собою въ этой конституціи, какъ и во всѣхъ остальныхъ того времени, дарованныхъ самими правительствами, или вытребованныхъ народами; это была полная свобода личности, вѣроисповѣданія и совѣсти; свобода рѣчи и печати, отвѣтственность министровъ передъ имперскимъ сеймомъ, распадавшимся на сенатъ и палату депутатовъ; принесеніе присяги конституціи чиновниками, національной гвардіей и войскомъ. Всѣ входящія въ составъ имперіи государства,—кромѣ Италіи и Венгріи, которыя не были упомянуты въ перечисленіи провинцій, должны были образовать одну нераздѣльную конституціонную монархію; всѣмъ народамъ обезпечивалась неприкосновенность ихъ національности.

Эта конституція, вслѣдствіе естественныхъ или придуманныхъ причинъ, не встрѣтила сочувствія въ полунѣмецкихъ или вовсе ненѣмецкихъ провинціяхъ, какъ то: Богеміи, Галиціи и др. Еще недружелюбнѣе встрѣтили ее политическіе дилетанты, которые въ Вѣнѣ, какъ и въ другихъ городахъ, управляли народнымъ движеніемъ; эти государственные люди центральнаго комитета, принадлежавшіе преимущественно къ національной гвардіи или студенческимъ корпораціямъ. Ихъ ребяческое доктринерство находило конституцію составленною на недостаточно свободныхъ основаніяхъ. Они преимущественно нападали на первую палату, на цензъ, какъ необходимое условіе права избранія и права быть избраннымъ, на косвенность выборовъ и преимущественно на то, что эта конституція дарована государству императоромъ, по соглашенію его съ министрами. Вскорѣ императора начали осаждать въ Гофбургѣ просьбами объ учредительномъ собраніи; настроеніе умовъ было до того возбуждено, что жалкое извѣстіе о томъ, что австрійскій посланникъ при англійскомъ дворѣ сдѣлалъ визитъ пріѣхавшему въ Лондонъ князю Меттерниху, послужило поводомъ къ бурной народной демонстраціи 3 мая; безстыдная толпа кинулась къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Финкельману и такъ надоѣла ему грубыми рѣчами и криками, что онъ рѣшился наконецъ передать въ руки этихъ «самозванныхъ посланниковъ народа» просьбу объ отставкѣ. Анархія торжествовала; 15 мая движеніе приняло угрожающій характеръ; послышались новыя требованія, объ отозваніи войска, установленіи одной палаты, права избирательства безъ ценза, и наконецъ все что было придумываемо народными ораторами для возбужденія народа, облеклось въ форму и къ сожалѣнію было выслушано и принято министромъ внутреннихъ дѣлъ Пиллерсдорфомъ, который не съумѣлъ во время одуматься и помочь себѣ. Два дня спустя, въ городѣ распространилось важное извѣстіе: императоръ со всѣмъ своимъ семействомъ покинулъ Вѣну, безъ вѣдома министровъ. 19 мая онъ при неудержимыхъ изъявленіяхъ радости въѣзжалъ въ главный городъ Тироля, въ вѣрный Инспрукъ. 3 іюля императоръ издалъ манифестъ, помѣченный двумя министрами, Вессенбергомъ и Добльгофомъ; въ немъ значилось, что его возвращеніе въ Вѣну и открытіе им-

перскаго сейма будутъ зависѣть отъ полнаго возстановленія мира и порядка въ Вѣнѣ.

Мы не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ частныхъ перемѣнахъ, происходившихъ въ анархической Вѣнѣ, вызванныхъ дѣйствіями императора. Съ трудомъ успѣли противоставить что-то въ родѣ временнаго правительства противъ этой бѣснующейся, безпрерывно напирающей разнузданной силы; наконецъ 8-го іюля министерство, составленное изъ людей съ демократическимъ направленіемъ, Добльгофа, Шварцера и Баха, подъ предсѣдательствомъ намѣстника императора, и въ тоже время, избраннаго государственнаго представителя Германіи, эрцгерцога Іоанна, успѣло открыть въ Вѣнѣ, 22 іюля, австрійскій учредительный имперскій сеймъ. Это было весьма оригинальное собраніе: въ числѣ 383 членовъ находилось 92 крестьянина, изъ нихъ многіе худо говорили и худо понимали нѣмецкій языкъ, обязательный для веденія и хода дѣлъ; оно болѣе всего напоминало смѣшеніе языковъ при построеніи Вавилонской башни; въ тронной рѣчи, кромѣ громкихъ общихъ фразъ о богатствѣ народовъ, составлявшихъ австрійскую монархію, о тѣсномъ союзѣ съ Германіей, объ утвержденіи полученной свободы, о возрожденіи отечества, не было сказано ничего. Со времени открытія сейма настроеніе умовъ сдѣлалось гораздо спокойнѣе; благопріятныя извѣстія изъ Италіи, о томъ, что побѣдоносное войско возвратилось въ Миланъ, способствовало возстановленію авторитета правительства, и наконецъ 12 августа императоръ, сдаваясь на просьбы и убѣжденія присланной ему отъ имперскаго сейма депутаціи, согласился возвратиться въ Вѣну.

Между тѣмъ на горизонтѣ сбирались новыя тучи. Въ Богеміи, также какъ и въ Венгріи, вспомнили, что страна должна быть самостоятельной, что существуетъ богемскій народъ, «корона Венцеслава», также какъ и въ Венгріи «корона Стефана». Съ требованіями своей конституціи для земель «короля Венцеслава» собирались въ Прагѣ богемцы, моравы и силезцы. Вскорѣ имъ овладѣли безумныя мечты о великомъ будущемъ, о назначеніи славянскихъ народовъ, о братствѣ и соединеніи всѣхъ славянъ не только въ Австріи, но и во всѣхъ государствахъ. Новооткрытая нація не удовольствовалась мечтами и 4-го мая чешскій національный комитетъ въ Прагѣ созвалъ славянскій парламентъ; когда отъѣздъ императора изъ Вѣны въ Инспрукъ, открылъ широкое поле для всевозможныхъ демократическихъ выходокъ и опытовъ, въ Прагѣ составилось временное правительство, во главѣ котораго сталъ президентъ Богеміи графъ Лео Тунъ; особенно замѣтную роль играли его сотрудники, профессоры Ригеръ и Палацкій. Они отправили къ императору въ Инспрукъ депутацію, которая испрашивала согласія на предпринятое ими дѣло. Съ панславизмомъ было не трудно справиться; на конгрессѣ славянъ, состоявшемся въ Прагѣ 31 мая, подъ предсѣдательствомъ Палацкаго, поднялось такое смятеніе языковъ, что волей или неволей пришлось прибѣгнуть къ нѣмецкому языку, чтобы понимать другъ друга. Гораздо яснѣе понимали члены конгресса тенденціи ненависти славянъ къ нѣмцамъ, эти стремленія почти безсознательно выразились вскорѣ ужасающимъ возстаніемъ въ Прагѣ. 12 іюня началось побоище, длившееся три дня. Австрійскій комендантъ города князь Виндишгрецъ, жена котораго была убита залетѣвшей въ окно пулей, напрасно обращался къ разъяренной толпѣ съ уговорами и предложеніями; инсургенты, которыми не управлялъ никакой авторитетъ, не хотѣли слушать его. 15 іюня войска вышли изъ города, заняли ближнія горы, и съ высоты ихъ бомбардировали городъ въ теченіе шести часовъ; возстаніе начало успокоиваться и 17-го было водворено спокойствіе. Съ этой стороны можно было надѣяться на тишину и миръ. 30-го августа нѣмцы, численность которыхъ была гораздо меньше численности чеховъ, собрали конгрессъ въ Теплицѣ, на которомъ они отказывались отъ солидарности съ чехами, и высказывались за раздѣленіе по языку присутствовавшихъ на сеймѣ государствъ. Однакоже къ возставшимъ, въ Прагѣ отнеслись такъ какъ слѣдовало, безъ особенной жестокости, чтобы не раздражать симпатіи славянъ, которые на имперскомъ сеймѣ составляли большинство и въ другихъ случаяхъ приносили большую пользу австрійскимъ интересамъ.

Этотъ другой случай была Венгрія. Маджіары не могли долго оставаться удовлетворенными такъ легко и быстро пріобрѣтенной національной независимостью.

Съ свойственной духу венгерскаго народа ловкостью, политическимъ тактомъ и умѣньемъ, они принялись ковать желѣзо, пока оно было горячо; вскорѣ однако оно стало жечь имъ руки. Въ государствахъ, принадлежавшихъ венгерской коронѣ, Сербіи, Банатѣ, Кроаціи и Трансильваніи, венгерское племя рядомъ со всѣми этими славянами, румынами и нѣмцами составляетъ меньшинство; всѣ эти національности неохотно соглашались подчиниться господству маджаровъ, которые нисколько не убавили своей жестокости и суровости съ тѣхъ поръ, какъ перестали зависѣть отъ Вѣны. Новое министерство было составлено почти исключительно изъ маджіяръ; между ними находился Лудвигъ Кошутъ. Живыми рѣчами, ловко льстившими страстямъ господствовавшаго племени, Людвигъ Кошутъ съумѣлъ подчинить своему вліянію даже правительство, не скрывая въ тоже время своей ненависти ко всему не маджіарскому. Сравнительно слабѣйшія національности могли съ трудомъ противодѣйствовать этой высокомѣрной непависти, опираясь также какъ и Венгрія на старые пергаменты и на связь съ Вѣной—этимъ центромъ тяжести Австрійской имперіи. Дѣло дошло уже до непріязненныхъ отношеній между маджіарами съ одной стороны и сербами и кроатами съ другой, когда 5-го іюля былъ открытъ новый сеймъ въ Пресбургѣ послѣ того, какъ императоръ утвердилъ заключенія прежняго имперскаго сейма. Кошутъ открыто требовалъ, чтобъ сражавшіяся въ Италіи венгерскія войска были отозваны назадъ, такъ какъ австрійскія побѣды въ Италіи могли подвергнуть опасности независимость Венгріи и ея новую свободу; это было невозможное, безумное, неисполнимое требованіе до тѣхъ поръ, пока въ старой Австріи были генералы, солдаты и патріоты. Дерзость маджіаровъ принудила дворъ и преимущественно военную партію, въ руки которой, благодаря анархіи, все болѣе и болѣе переходила власть, вступить въ тѣсный союзъ съ немаджіарскими элементами Венгріи. Новый банъ Кроаціи, Іеллашичъ немедленно объявилъ, что онъ хочетъ подчиняться императору въ Инсбрукѣ, а не венгерскому министерству въ Пештѣ. Въ началѣ это сопротивленіе, весьма благопріятное для Габсбургскаго дома, было поддерживаемо имъ втайнѣ; наступило наконецъ время, когда его можно было дѣлать открыто. Усмиреніе возстанія въ Прагѣ и движенія въ Вѣнѣ, побѣды въ Италіи, все это давало новую силу, новое могущество военной партіи, окружавшей императора, а также и всѣмъ тѣмъ, кому не была выгодна анархія. Борьба началась вновь въ Банатѣ; венгерское правительство выставило 200,000 гонведовъ, или милиціонеровъ, и дало широкой рукой денежныя средства, въ видѣ бумагъ, выпущенныхъ на 42 милліона, для того чтобы поскорѣе потушить противодѣйствіе смертельно ненавистныхъ южныхъ славянъ. Кошутъ считалъ необходимымъ для своихъ интересовъ поддерживать демократическіе элементы въ Вѣнѣ, и передать правленіе въ руки комитета общественнаго спокойствія (Sicherheits ausschuss). Онъ разсчитывалъ на непависть германскихъ племенъ къ славянамъ и на вліяніе ораторства радикаловъ, которые въ Вѣнѣ, въ Франкфуртѣ и въ остальной Германіи достигли своихъ цѣлей.

Въ началѣ сентября имперскій сеймъ послалъ депутацію въ Вѣну. Она требовала ни больше, ни меньше какъ отозванія венгерскихъ полковъ на ихъ родину для того чтобы сражаться съ «бунтовщиками», удаленія «камарильи» отъ императорскаго двора и переѣзда императорскаго семейства въ Пештъ,—для того чтобы «король» своимъ личнымъ присутствіемъ могъ узаконить политику венгерскаго правительства. 120 депутатовъ отправились въ 60 экипажахъ на аудіенцію въ Шенбруннъ; ихъ отпустили съ отказомъ, и они увидѣли собственными глазами, что ихъ самостоятельность ничего не значила. Не смотря на это, нѣкоторые изъ депутатовъ при выходѣ изъ дворца надѣли революціонные значки, красныя перья и ленты на шляпы, красныя ленточки въ петлицы платья; въ тотъ же день Аграмская газета напечатала манифестъ императора, который благодаря минутѣ слабости или коварства возстановлялъ бана въ его почестяхъ и достоинствахъ. Это было объявленіемъ войны. 11-го сентября банъ перешелъ съ своимъ войскомъ черезъ Дунай; онъ зналъ что дѣлалъ и не заботился больше объ императорѣ, предоставляя ему пока вести двойную игру. Въ изданной имъ прокламаціи онъ называлъ себя другомъ народа, свободы и Австріи, онъ объявлялъ что программа его дѣйствій будетъ поддержаніе «единственной, могуществен-

ной и свободной Австріи, непремѣннымъ условіемъ которой должны быть согласныя министерства: «военное, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ»; прокламація заключалась виватомъ конституціонному королю и императору. Во главѣ венгерскаго войска стоялъ палатинъ Венгріи эрцгерцогъ Стефанъ; было очевидно, что членъ Габсбургскаго дома не можетъ идти противъ бана, который явно былъ въ добромъ согласіи съ тѣми, которые руководили императоромъ; эрцгерцогъ оставилъ командованіе войскомъ и сложилъ съ себя свое званіе 24 сентября, такъ какъ онъ не могъ сдѣлать никакихъ измѣненій въ политикѣ противъ Венгріи; онъ удалился въ свой замокъ на Ланѣ и жилъ въ немъ какъ частное лицо. Это принудило дворъ не скрывать больше своихъ плановъ; императоръ предложилъ барону Бай составить новое венгерское министерство и манифестомъ, который, не будучи помѣченъ ни однимъ министромъ, довольно характерично объяснялъ этимъ современное положеніе дѣлъ, потребовалъ, чтобы войска бана и Венгріи положили оружіе; въ тоже время онъ назначилъ графа Ламберга королевскимъ комиссаромъ и главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ Венгріи. Ламбергъ принялъ порученіе, которое обрекало его на вѣрную смерть: онъ былъ узнанъ когда достигъ Пешта и переѣзжалъ черезъ мостъ на Дунаѣ; разъяренная толпа народа тотчасъ же кинулась на него, безжалостно умертвила и, не довольствуясь его смертью, потащила по улицамъ трупъ несчастной жертвы, исколотый, изрубленный, обезображенный ударами тысячи штыковъ, сабель и косъ; натѣшившись надъ нимъ, они повѣсили его въ одной изъ улицъ (28 сентября). Нѣсколько дней спустя венгерскій офицеръ гонведовъ Артуръ Георгей, застрѣлилъ графа Зичи, одного изъ венгерскихъ аристократовъ, за то что онъ распространялъ прокламацію Іеллашича и переписывался съ однимъ изъ его полковниковъ.

Ярко запылала вражда между обѣими частями имперіи, австрійско-славянской и венгерской. Манифестомъ отъ 3-го октября императоръ распустилъ венгерскій сеймъ, назначилъ бана намѣстникомъ въ Венгріи и подчинилъ его власти всѣ войска. Венгерскій сеймъ съ своей стороны объявилъ императорскій манифестъ противнымъ конституціи и потому незначащимъ и въ тоже время приказалъ схватить бана какъ государственнаго измѣнника.

Несмотря на это у Венгріи, въ Вѣнѣ, нашлись дѣятельные и дѣйствительные союзники. Они сознавали, что если императорскимъ войскамъ удастся покорить маджіаръ, то вмѣстѣ съ этимъ должно окончиться торжество революціи въ Вѣнѣ. Симпатіи къ маджіарамъ, какъ къ старымъ противникамъ абсолютизма, подкрѣплялись менѣе чистыми побужденіями и довели Вѣну 6-го октября до народнаго бунта, во время котораго войско и національная гвардія стали другъ противъ друга. Народъ не хотѣлъ дозволить отправленія войскъ, которыя энергическій военный министръ Латуръ посылалъ на помощь бану, когда въ рядахъ послышался ропотъ; кровь лилась ручьями на площади св. Стефана, даже въ самомъ соборѣ и въ 4 часа пополудни ожесточенная толпа ринулась къ дому военнаго совѣта, чтобы выместить на военномъ министрѣ свою злобу и ненависть. Собравшіеся тамъ министры успѣли скрыться. Латуръ былъ тотчасъ же отысканъ; напрасно нѣкоторые изъ толпы вели переговоры о спасеніи министра, напрасно предлагали они взять его на свою поруку, звѣрскіе наемщики буйной демагогіи докончили начатое: они дикимъ образомъ умертвили человѣка, которой мужественно вышелъ имъ на встрѣчу, и повѣсили тѣло его на фонарномъ столбѣ противъ зданія военнаго совѣта. Ожесточенная чернь ворвалась также и въ залу засѣданій имперскаго сейма, но не застала славянскихъ депутатовъ, которые успѣли бѣжать. Въ семь часовъ осажденныя въ арсеналѣ войска сдались на капитуляцію мятежникамъ и послѣдовали за остальными войсками, которыя еще наканунѣ покинули Вѣну, предоставивъ городъ власти безчинствующей революціи.

Впрочемъ иначе нельзя было и поступать. Въ 7 часовъ утра императоръ съ своимъ дворомъ во второй разъ покинулъ Шенбруннъ и отправился по дорогѣ въ Ольмюцъ. Онъ обратился къ имперскому сейму манифестомъ, въ концѣ котораго говорилъ, что покидаетъ окрестности столицы для того, чтобы вдали отъ нея найти средства помочь угнетенному народу. Австрійское правительство было разорвано на куски, одна часть его находилась въ Ольмюцѣ, другая въ Вѣнѣ; рѣшеніе его даль-

нѣйшей участи покоилось въ военныхъ лагеряхъ, готовившихся биться не на жизнь, а на смерть.

Венгріи удались ея планы; она ожила на одно мгновеніе. Іеллашичъ, стоявшій съ войскомъ между Рабомъ и Пресбургомъ, готовый дать сраженіе венгерцамъ, узнавъ о вѣнскихъ происшествіяхъ, двинулся съ войскомъ къ Вѣнѣ. Такимъ образомъ безумные вѣнскіе демократы, изъ-за любви къ Венгріи, призвали врага на свою шею: 9 октября банъ былъ отъ Вѣны на разстояніи двухъ почтовыхъ станцій. Рѣшеніе дѣлъ висѣло на волоскѣ. Толпы національной гвардіи изъ Граца, Бадена, Брюнна и другихъ окрестностей тянулись въ Вѣну, между тѣмъ какъ изъ нея по всѣмъ дорогамъ бѣжали всѣ тѣ, которые не хотѣли, или не могли приносить себя въ жертву темному и по всей вѣроятности заранѣе проигранному дѣлу. Между бѣглецами было множество славянскихъ депутатовъ имперскаго сейма, которые когда-то проповѣдывали въ Прагѣ, что пока въ Вѣнѣ будетъ господствовать анархія, нельзя ожидать отъ сейма основательныхъ прочныхъ постановленій. Изо всѣхъ министровъ въ Вѣнѣ оставался только министръ финансовъ; впрочемъ ихъ не было также и у императора въ Ольмюцѣ. Его повелѣнія выходили въ свѣтъ не помѣченными; но на это мало обращали вниманія и генералы слѣдовали имъ и слушались ихъ, хорошо понимая, что теперь не время обращать вниманіе на конституціонныя формальности. Гарнизонъ Вѣны подъ начальствомъ графа Ауэршперга, соединился съ войскомъ бана; изъ Моравіи съ своей стороны двинулся князь Виндишгрецъ во главѣ войска, чтобы вмѣстѣ съ предъидущими дѣйствовать противъ столицы имперіи. Въ числѣ скромнаго меньшинства покорныхъ находившихся въ Вѣнѣ можно было назвать остатки имперскаго сейма, около 200 депутатовъ, части студентовъ, предводителей національной гвардіи и учрежденный 7-го октября общинный совѣтъ.

Городъ сталъ приготовляться къ защитѣ; надѣялись на поголовное возстаніе поселянъ (Landsturm) и окрестныхъ жителей Вѣны, которые единодушно поднимутся на защиту геройской столицы, на венгерцевъ, на симпатіи германскихъ и всѣхъ вообще демократовъ. Въ разжигающихъ и ободряющихъ воззваніяхъ не было недостатка. 10-го октября въ тотъ день, когда Кошутъ съ восторгомъ былъ избранъ президентомъ комитета народной обороны и получалъ неограниченную власть, венгерскій сеймъ послалъ своимъ вѣнскимъ друзьямъ адресъ, исполненный пламенныхъ словъ и громкихъ проклятій на общаго притѣснителя Іеллашича; въ тоже время лѣвая сторона франкфуртскаго парламента, въ адресѣ къ жителямъ Вѣны, выразила удивленіе ихъ высокому одушевленію и поручила нѣкоторымъ изъ членовъ своей партіи, кромѣ крайнихъ австрійскихъ депутатовъ, делегатамъ Фребелю и Роберту Блуму выразить имъ личное удивленіе и благодарность франкфуртской лѣвой стороны. Подобныя же посланія посыпались со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ надобно замѣтить что въ остальной Австріи возстаніе не нашло дѣятельной помощи и сочувствія кромѣ ближайшихъ окрестностей Вѣны. Императоръ, прибывшій въ Ольмюцъ 14 октября, встрѣтилъ тотъ же восторженный пріемъ какъ и въ Инсбрукѣ; на слѣдующій день восторгъ былъ общій, когда явился императорскій манифестъ, помѣченный Вессенбергомъ; въ немъ императоръ, обращаясь «къ своимъ народамъ» и мѣстному населенію преимущественно, еще разъ повторялъ свое императорское обѣщаніе, что онъ не измѣнитъ намѣренія даровать народу прежде обѣщанныя льготы за его вѣрноподданическіе дѣйствія; это было единственное важное для крестьянъ пріобрѣтеніе. Манифестомъ отъ 16-го октября онъ объявлялъ своимъ народамъ, что передаетъ главное командованіе всѣми войсками фельдмаршалу князю Виндишгрецу, за исключеніемъ арміи находившейся въ Италіи подъ начальствомъ Радецкаго; манифестъ отъ 17 октября объявлялъ о занятіи Виндишгрецомъ мостовъ ири Кремзѣ и Штейнѣ и о возстановленныхъ такимъ образомъ сношеніяхъ съ войсками бана.

Германскій государственный представитель напрасно попытался было уладить дѣло, отправленіемъ депутатовъ Велькера и Мосле въ качествѣ государственныхъ комиссаровъ. Изъ Пассау они послали прокламацію, въ которой предлагали свое посредничество; ихъ незначащія слова безслѣдно прозвучали въ этомъ бурномъ хаосѣ современныхъ событій. Вѣна не обратила на нихъ вниманія; князь Виндишгрецъ, къ которому они явились въ главную квартиру при Ломмерсдорфѣ въ

ночь съ 21 на 22 октября, не захотѣлъ взглянуть на ихъ вѣрительныя граматы. Ограниченный отъ природы фельдмаршалъ не могъ разувѣриться, что эти люди не демократы. Въ Ольмюцѣ ихъ пригласили къ императорскому столу, но въ тоже время отклонили ихъ вмѣшательство.

23 октября вечеромъ князь Виндишгрецъ занялъ Гетцендорфъ, деревню неподалеку отъ Вѣны. Слолицей командовалъ бывшій офицеръ арміи, незадолго передъ этимъ оставившій службу для поэзіи, и котораго революціонное движеніе поставило во главѣ защиты города. Настоящимъ же защитникомъ столицы былъ польскій генералъ Бемъ; это былъ одинъ изъ выдающихся польскихъ эмигрантовъ, который искалъ случая проливать ненавистную ему кровь враговъ своего отечества и потому не щадилъ своей собственной. Князь Виндишгрецъ могъ надѣяться овладѣть городомъ послѣ перваго рѣшительнаго нападенія своего превосходнаго по числу войска. Вмѣсто этого, недальновидный фельдмаршалъ немедленно потребовалъ отъ города, чтобъ онъ подчинился ему и выдалъ извѣстное количество зачинщиковъ; послѣднимъ срокомъ было назначено 26 октября; 27 должно было начаться нападеніе. Городъ не сдался, въ немъ не доставало авторитета, который былъ для этого необходимъ. 24 числа начались военныя дѣйствія по всѣмъ линіямъ и продолжались 25-го.

Въ это самое время начались переговоры общиннаго совѣта съ Виндишгрецомъ, возстаніе студентовъ, протесты сейма, въ отвѣтъ на письмо Вессенберга, который извѣщалъ, что императоръ перенесъ собраніе сейма въ Кремзіеръ въ Моравіи. Самымъ предпріимчивымъ изъ защитниковъ оставалась только надежда на венгерцевъ, что они явятся въ рѣшительную минуту на помощь своимъ братьямъ, какъ они это обѣщали передъ Богомъ и людьми въ своей прокламаціи отъ 10 числа. Но венгерцы не являлись; 26 и 27 число прошли въ переговорахъ; они не привели ни къ чему, такъ какъ ни студенты, ни рабочіе не согласились положить оружіе. 28 начался приступъ, который три дня тому назадъ привелъ бы къ болѣе легкимъ результатамъ. Съ обѣихъ сторонъ сражались съ ожесточеніемъ, въ предмѣстьяхъ приходилось брать домъ за домомъ, улицу за улицей. Въ 11 часовъ вечера были взяты Леопольдштадтъ и Егерцейль и императорскія войска расположились бивуакомъ на гласисѣ самаго города. Въ воскресенье 29, не было сраженія; князь Виндишгрецъ возобновилъ переговоры съ депутаціями отъ общиннаго совѣта, и опять настаивая на безусловной сдачѣ города, потерялъ время на мелочахъ; вечеромъ того же дня явилась еще одна депутація съ извѣщеніемъ о сдачѣ города. Тотчасъ же стали класть оружіе; множество возмутившихся, не надѣявшихся на помилованіе, спаслись бѣгствомъ; на другой день 30, рано утромъ, войска строились на гласисѣ чтобы занять городъ, когда неожиданное происшествіе измѣнило теченіе дѣлъ. Къ Вѣнѣ подходило венгерское войско; его замѣтили съ сторожевыхъ постовъ на колокольнѣ церкви св. Стефана. Густой столбъ дыма, поднявшійся съ вершины колокольни, возвѣстилъ городу о неожиданномъ событіи.

Венгерцы, медлившіе до сихъ поръ идти на помощь подъ предлогомъ ожиданія требованій со стороны сейма, рѣшились наконецъ двинуться къ Вѣнѣ. Черезъ границу перешло только 18,000 человѣкъ, т. е. четыре регулярные полка и народная милиція. Они двигались черезъ Швехатъ, гдѣ, не доходя трехъ часовъ пути до Вѣны на нихъ напалъ Іеллашичъ въ превосходномъ числѣ. Съ колокольни св. Стефана былъ видѣнъ дымъ ихъ пушекъ; въ то время какъ тамъ съ 9 часовъ шла битва, отчаянные революціонеры въ Вѣнѣ, рабочіе, національная гвардія и нѣкоторая часть студенческаго легіона, водрузили красное знамя на бастіонахъ стараго города и возобновили прерванное сраженіе. Около часу Іеллашичъ разбилъ венгерцевъ, которые сражались довольно спокойно; несмотря на это ворота Вѣны оставались запертыми; студенты и мобили казалось рѣшились защищаться до послѣдней крайности; но ихъ ряды мало-по-малу стали рѣдѣть и только въ шесть часовъ вечера 31 числа, послѣ четырехъ часовой битвы императорскія войска ворвались въ городъ.

Безумно-геройское сопротивленіе противъ 90,000 войска было окончено; со стороны городскаго населенія насчитывали до 3,000 жертвъ. Это конечно должно было повлечь за собою месть и ненависть. 1-го ноября князь издалъ

прокламацію, въ которой объявлялъ Вѣну въ осадномъ положеніи, извѣщалъ, что распускаетъ національную гвардію и академическій легіонъ, приказывалъ всѣхъ и каждаго положить оружіе, въ теченіе 48 часовъ, грозилъ военнымъ судомъ на мѣстѣ тѣмъ, которые станутъ возбуждать солдатъ къ нарушенію присяги. Аресты, заключенія въ тюрьмы и разстрѣливанье пошли своимъ чередомъ, а жестокость и звѣрство солдатъ, сознававшихъ свое господство во взятомъ городѣ, не знали границъ и соотвѣтствовали варварскимъ приказаніямъ ихъ командировъ. Революція была побѣждена, уничтожена въ одномъ изъ своихъ значительнѣйшихъ центровъ; чтобы Германія не сомнѣвалась больше въ значеніи своихъ надеждъ, 9 ноября делегатъ лѣвой стороны франкфуртскаго парламента Робертъ Блумъ былъ по приговору военнаго суда разстрѣлянъ, между тѣмъ какъ его товарищъ Фребель бѣжалъ и этимъ спасъ жизнь, которою жертвовалъ въ борьбѣ противъ нераздѣльности Австрійской монархіи.

Нераздѣльность Австрійской монархіи стала задачей новѣйшей политики; первой побѣдой ея было покореніе Вѣны. Главной поддержкой и защитницей этой политики было войско; между тѣмъ однакоже наступило время, когда правительство опять должно было руководствоваться дѣйствительной политической программой. Во главѣ новаго правительства сталъ извѣстный своими подвигами на военномъ и дипломатическомъ поприщѣ, князь Феликсъ Шварценбергъ, человѣкъ большаго ума и весьма двусмысленныхъ правилъ. Льстецы и жалкіе приверженцы прозвали его геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, за безразсудный и часто дерзкій образъ его дѣйствій; болѣе безпристрастное потомство отдаетъ ему довольно двусмысленную хвалу, за то что онъ съ смѣлымъ видомъ, при помощи ужасныхъ средствъ, умѣлъ спасти гибнувшій порядокъ вещей въ государствѣ, не измѣняя въ дѣйствительности основнаго порядка вещей. Онъ самъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ министровъ и завѣдывалъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Стадіонъ, министерствомъ юстиціи завѣдывалъ Александръ Бахъ, выдвинувшійся впередъ благодаря своимъ демократическимъ направленіямъ; онъ слѣдуя требованіямъ времени добровольно отказался отъ своихъ убѣжденій и перемѣнилъ ихъ на другія; министромъ финансовъ былъ назначенъ Краусъ, министромъ торговли и публичныхъ работъ Брукъ, уроженецъ Рейнскихъ провинцій, человѣкъ замѣчательнаго ума и способностей, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ требованіямъ современной эпохи, для которой было недостаточно только простой честности. Программа правительства 27 ноября казалось, приняла въ руководство худо понятое слово—свобода. Она походила на подтасованныя, поддѣльныя карты, которыми правительство безъ зазрѣнія совѣсти ловко играло въ этой новой трудной игрѣ. Настоящій и дѣйствительный смыслъ стремленій новаго правительства заключался въ слѣдующихъ словахъ: «могучей центральной власти, быстромъ усмиреніи междоусобной войны въ Венгріи, поддержаніи и сохраненіи неприкосновенности нераздѣльной, австрійской монархіи». Чтобы съ успѣхомъ придти къ исполненію заданной программы, требовалось сдѣлать дальнѣйшіе шаги. 2 декабря министръ-президентъ объявилъ собравшемуся въ Кремзіерѣ государственному сейму о совершившемся въ Ольмюцѣ государственномъ, имѣвшемъ всемірное значеніе, событіи. Императоръ Фердинандъ отрекся отъ трона, его братъ эрцгерцогъ Францъ Карлъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, а вмѣсто его императоромъ Австріи, подъ именемъ Франца-Іосифа I провозглашенъ 18-ти лѣтній сынъ его, наканунѣ только объявленный совершенно-лѣтнимъ.

Въ Пруссіи народное движеніе имѣло почти такой же характеръ и такой же ходъ какъ въ Австріи; вслѣдствіе болѣе здороваго, сильнаго и въ цѣломъ, болѣе благоустроеннаго состава государства, Пруссія гораздо менѣе Австріи пострадала отъ потрясеній сопряженныхъ съ внутренними волненіями. Единственный чужеземный элементъ, тѣсно связанный съ Пруссіей—поляки, были усмирены безъ особеннаго труда. Въ числѣ различныхъ требованій, обращенныхъ къ королю во время мартовскихъ дней, было и требованіе о возстановленіи великаго герцогства Варшавскаго. Фридрихъ Вильгельмъ согласился замѣнить прусскіе цвѣта древне-польскими; должно было отдѣлить земли, принадлежавшія къ германскому союзу, отъ земель входившихъ въ составъ Польши; все это однако не могло произойти безъ возстанія Польши, безъ котораго броженіе 1848 года

было бы неполнымъ. Въ концѣ апрѣля поднялось возмущеніе, во главѣ котораго стоялъ предводитель войска Мѣрославскій. Но уже 7 мая прусскія войска такъ ловко окружили временное правительство и главную силу возставшихъ, что имъ приходилось или сдаться, или перейти на русскую территорію. Они предпочли сдаться; войско же, собравшееся въ Бромбергскомъ округѣ, было разбито генераломъ Гиршфельдомъ при Эксинѣ. Въ остальной Пруссіи борьба, какъ и въ прочей Германіи, ограничилась побѣдой демократическаго, или конституціоннаго начала.

2 апрѣля въ Берлинѣ собрался соединенный сеймъ, который уже 10 числа закрылъ свои засѣданія, такъ какъ тотчасъ же было рѣшено, что новая конституція будетъ обсуждаться не сеймомъ, а новымъ, по новымъ же избирательнымъ законамъ, избраннымъ національнымъ собраніемъ; вслѣдъ за закрытіемъ сейма было приступлено къ необходимымъ приготовленіямъ для новаго собранія. Оно состоялось 22 мая, спустя четыре дня послѣ открытія франкфуртскаго парламента. Еслибъ даже строители этого зданія были болѣе опытные люди, то и тогда оно бы не могло удержаться на той колеблющейся, зыблющейся почвѣ, на которой оно было построено. Между 350 членами собранія, въ составъ которыхъ вошло 68 крестьянъ и 28 ремесленниковъ, было гораздо менѣе талантливыхъ и замѣчательныхъ людей чѣмъ во франкфуртскомъ парламентѣ; оно находилось подъ давленіемъ демократической партіи и не могло сопротивляться желанію ея вмѣшиваться въ дѣла исполнительной власти, которая сама была очень слаба, благодаря взглядамъ и характеру короля. Тѣмъ болѣе большинство ихъ не могло противодѣйствовать поползновеніямъ демократовъ входить въ сношенія съ столичными демагогами и ихъ приверженцами въ средѣ черни и бюргерства.

Съ другой стороны предводители собранія, между которыми самымъ замѣчательнымъ и уважаемымъ за умъ и государственныя способности былъ Бенедиктъ Левъ Вальдекъ, знали и понимали ясно, что противодѣйствующія консервативныя силы, временно подавленныя, имѣютъ большое вліяніе въ государствѣ, и на этомъ основаніи предполагали удерживать ихъ системой запугиванья; въ тоже время они хотѣли формировать и поддерживать различными льготами во вновь образующейся конституціи Пруссіи демократическій элементъ, какъ противувѣсъ консервативному. Съ этой цѣлью они отвергли предложенный правительствомъ планъ конституціи, чтобы вмѣсто него установить демократическую систему собственнаго издѣлія. Созваніе подобнаго сейма, рядомъ съ франкфуртскимъ парламентомъ, было само по себѣ большой ошибкой; оно ослабило энергію правительства и парализовало ему возможность вмѣшиваться и имѣть вліяніе на общегерманскія дѣла; къ тому же между смѣняющимися одинъ за другимъ министрами, не нашлось ни одного гиганта, который силой своей воли съумѣлъ бы поддерживать короля, руководить собраніемъ, удерживать въ должныхъ границахъ чернь, и который понялъ бы германскій вопросъ такъ ясно, чтобы знать чего ему хочется и какую роль должна играть въ немъ сама Пруссія.

Въ такомъ безпокойномъ положеніи дѣлъ прошло все лѣто. Вслѣдъ за безцѣльнымъ безпокойствомъ, между народомъ отъ недостатка работъ открылась нужда, безденежье; они въ свою очередь повлекли за собой смятеніе и неудовольствія. Вскорѣ повторились безпорядки и волненія между рабочими; 30 мая возбужденныя толпы собрались передъ домомъ министра публичныхъ работъ и съ громкими криками требовали себѣ работы; недовольнымъ роздали по десяти грошей на человѣка, но это вмѣсто усмиренія, должно было неминуемо привести ихъ въ другой разъ на площадь. Въ провинціяхъ, въ деревняхъ, повсюду останавливались работы, народъ толпами валилъ въ города, преимущественно направляясь въ Берлинъ, гдѣ революція каждому могла дать дѣло, а въ особенномъ случаѣ, доставить какое нибудь выходящее изъ ряда развлеченіе, какъ напримѣръ грабежъ, нападеніе на арсеналъ 15-го іюня, гдѣ каждый въ волю могъ разбивать и разрушать, пока не явилось войско, чтобы усмирить безпорядки. Министры смѣнялись одинъ за другимъ; 20 іюня Кампгаузенъ оставилъ министерство, его замѣстилъ предводитель оппозиціи изъ Рейнскихъ провинцій, Давидъ Ганземанъ. Вмѣстѣ съ нимъ другія министерства были заняты Рудольфомъ фонъ-Ауэрсвальдомъ, графомъ Швериномъ, Родбертусомъ, Мильде, генераломъ фонъ-

Шрекенштейномъ. Но этотъ новый выборъ министерства не исправилъ положенія дѣлъ въ государствѣ; у него также какъ и у прежняго не было ни опредѣленнаго плана дѣйствій, ни яснаго пониманія политики; къ тому же шлезвигская война была ведена такъ неправильно, что бросила весьма непріятную тѣнь на дѣйствія правительства. Около 1-го іюля возобновились безпорядки между рабочими; 7-го числа войско возвратилось въ Берлинъ, гдѣ также какъ и въ прочихъ городахъ не обошлось безъ столкновеній съ простымъ народомъ. Національное собраніе, подъ вліяніемъ демократической партіи, считало вполнѣ законнымъ всякое оскорбленіе нанесенное народомъ войску, и вздумало наоборотъ принимать каждое опротивленіе солдатъ, какъ оскорбленіе достоинства новаго правительства Пруссіи—народа. На основаніи этихъ установившихся убѣжденій, 9 августа національное собраніе предложило военному министру, чтобъ онъ сообщилъ офицерамъ постановить себѣ правиломъ чести отказаться отъ прежнихъ реакціонныхъ стремленій и если это несовмѣстно съ ихъ понятіями, выходить въ отставку; недостойное предложеніе было внесено 7 сентября въ собраніе депутатомъ Штейномъ. Оно было принято большинствомъ 219 голосовъ противъ 142; министерство въ свою очередь не согласилось принять его и принуждено было подать въ отставку; 21 апрѣля было образовано новое, во главѣ котораго сталъ военный министръ генералъ Пфёль. Но и это министерство не принесло и не могло принести никакой пользы государству; дѣла оставались въ томъ же положеніи, столкновенія не прекращались, демократы; чувствуя себя на ненадежной почвѣ въ Франкфуртѣ, мало-по-малу перебрались въ Берлинъ и избрали его центромъ своихъ дѣйствій; 26 октября былъ созванъ большой конгрессъ демократовъ и члены правой стороны національнаго собранія увидѣли, что они со всѣхъ сторонъ подавлены грубыми товарищами которые самовластно безъ чьего бы то ни было позволенія, взялись за чужое дѣло. 30 октября, во время засѣданія собранія въ театрѣ, толпы дикой черни въ продолженіе цѣлой ночи осаждали зданіе и своими яростными криками наводили ужасъ на членовъ.

Между тѣмъ въ цѣлой Германіи, которую только горсть хвастуновъ и обманщиковъ провозгласила «созрѣвшей» для образованія общей республики, медленно, но съ неотразимой силой совершался переворотъ въ общественномъ мнѣніи. Достаточные, зажиточные классы, на мгновеніе увлеченные бурей политической дѣятельности, утомились безконечными волненіями, вѣчными выборами, народными собраніями, безцѣльной, никому ненужной политикой и мало-по-малу стали возвращаться къ постояннымъ, обычнымъ занятіямъ, составляющимъ первую, самую важную, жизненную потребность германскихъ бюргеровъ. Это консервативное направленіе развилось всего сильнѣе въ Пруссіи. Во всѣхъ классахъ народа, между чиновниками, духовными, потомственными дворянами, крестьянами, ремесленниками и военными, преобладалъ честный, прямой элементъ и каждый изъ нихъ былъ возбуждаемъ въ свою очередь неразумнымъ, лишеннымъ правильныхъ политическихъ идей и взглядовъ резонерствомъ демократовъ, которые для каждой ступени общества держали на готовѣ свою особенную приманку. Несмотря на это, все болѣе и болѣе просыпалось въ этихъ кружкахъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ своихъ угнетенныхъ частныхъ потребностей, общее государственное сознаніе, что въ Пруссіи, этомъ могущественномъ большомъ государствѣ, богатомъ историческимъ прошедшимъ, совершалось что-то иное, чѣмъ въ маленькихъ государствахъ; въ нихъ монархическія соглашенія въ обыкновенное время хотя и развивались тихо и незамѣтно, но не на такихъ здравыхъ, прочныхъ основаніяхъ общихъ дѣяній, общихъ страданій, какъ въ Пруссіи.

Эти консервативные и сознательно монархическіе элементы, ядро могучей консервативной противуреволюціонной партіи, избрали своимъ сборнымъ пунктомъ и органомъ газету Neue Preussische Zeitung; издатель ея, человѣкъ искусный, ловкій, съ твердыми, непоколебимыми правилами, осмѣлился выставить на заголовкѣ ея старый прусскій крестъ рядомъ съ девизомъ: «впередъ, съ Божіею помощью за короля и отечество». Повсюду стали искать сильныхъ энергическихъ людей, способныхъ помочь королю и въ случаѣ надобности натянуть ослабѣвшія бразды правленія. Время вполнѣ благопріятствовало предполагаемому; сначала въ Франкфуртѣ, а потомъ и въ Вѣнѣ была усмирена революція. Во Франціи, какъ и вездѣ

высказывались въ довольно двусмысленныхъ симптомахъ шаткость и непрочность общаго согласія; на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ король согласился дать отставку Пфёлю и его министрамъ и (1 ноября) призвалъ графа Бранденбурга, побочнаго сына Фридриха Вильгельма II, составить новое министерство. Графъ Бранденбургъ не отличался особенными умственными способностями, но въ тоже время былъ человѣкъ рыцарской преданности, замѣчательной честности и твердости. Вмѣстѣ съ нимъ министерство внутреннихъ дѣлъ было поручено графу Мантейфелю, военное генералъ-маіору фонъ-Строта, духовныхъ дѣлъ Ладенбергу, финансовъ Кюне и юстиціи Кискеру. Большинство членовъ національнаго собранія ясно понимало, къ чему ведутъ эти перемѣны; оно рѣшило подать королю протестъ; депутація передала адресъ, въ которомъ говорилось, что собраніе не имѣетъ довѣрія къ новому правительству; король принялъ адресъ, но не захотѣлъ говорить о немъ съ депутатами. Когда онъ повернулся, чтобы выйти изъ залы, одинъ изъ депутатовъ Іоганнъ Якоби имѣлъ безтактность сказать слѣдующую избитую фразу: «что несчастіе королей состоитъ въ томъ, что они никогда не хотятъ знать истины». Онъ забылъ, что скорѣе несчастіе королей состоитъ въ томъ, что они часто не могутъ знать истины, между тѣмъ какъ печальная участь не желать слышать истины—постигаетъ по большей части всѣхъ возбужденныхъ приверженцевъ и предводителей партій. Понятно что сказанная неудачная фраза служила выраженіемъ пустой болтливости, а не геройства; суровымъ демократамъ приходилось оплакивать неловкость неискуснаго подражателя французовъ, который компрометировалъ начатое дѣло. Рѣшительный разрывъ съ революціей послѣдовалъ 8 ноября, вслѣдствіе приказанія короля отложить засѣданія національнаго собранія до 27; мѣстомъ засѣданій назначенъ Бранденбургъ, вмѣсто Берлина. Національное собраніе, желая во всемъ подражать Франціи 1789 года, попробовало было сопротивляться королю. Президентъ прочиталъ приказаніе короля и обратился къ членамъ съ вопросомъ: продолжать ли имъ засѣданія или прекратить ихъ. 252 члена высказались утвердительно, а остальные вслѣдъ за министрами покинули залу. Въ тоже время было высказано желаніе продолжать засѣданія въ Берлинѣ, не перенося ихъ въ Бранденбургъ, и объявлено, что король не имѣетъ права противъ желанія собранія, распускать его, откладывать его засѣданія, или переносить ихъ въ другое мѣсто; на слѣдующій день была издана прокламація, возвѣщавшая о рѣшеніи собранія энергически протестовать и сопротивляться противъ министерства Бранденбурга, нанесшаго государству подобный ударъ. Вопросъ о правѣ былъ самъ по себѣ сомнителенъ; нельзя было однакоже сомнѣваться, что люди подавшіе голосъ за принесеніе благодарности всего государства бойцамъ 18-го марта, и которые при всякомъ случаѣ взывали къ неодолимому могуществу революціи, не имѣли ни малѣйшаго права удивляться тому, что въ борьбѣ между демократіей и королевской властью, вмѣстѣ съ перемѣной вѣтра, королевская власть захватывала въ свои руки и пользовалась тѣмъ, что доставляло ей безцѣльное превышеніе власти самой демократіи. Здѣсь не въ такой сильной степени было противодѣйствіе какъ въ Австріи, но и здѣсь повторилось съ ними въ родѣ того, что совершалось почти въ тѣ же самые дни (9 ноября) съ честнымъ, прямымъ Робертомъ Блумомъ, который палъ въ Бригитенау подъ выстрѣлами австрійскихъ стрѣлковъ. Онъ умиралъ съ мужествомъ, умиралъ за тотъ же неясный идеалъ свободы, за который боролось большинство этихъ людей; но кто подымаетъ мечъ, долженъ отъ меча и погибнуть; тамъ, гдѣ нарушенъ существующій порядокъ вещей, гдѣ разорвано право, тамъ противныя партіи бьются не разбирая оружія, онѣ берутъ все что попадается въ руки народа, когда онъ вышелъ изъ границъ мира и спокойствія, охраняющихъ на мирной почвѣ уваженіе къ королевскому достоинству и къ правамъ народа; только рука Всемогущаго можетъ направить народъ, въ которомъ не увяли еще жизненные корни, къ позднѣйшему пониманію дѣла.

Попытка продолжать засѣданія въ Берлинѣ неудалась; 15-го ноября въ происходившемъ въ залѣ Миленца національномъ собраніи рѣшили предложить народу отказать министрамъ въ согласіи на распредѣленіе налоговъ. 10-го числа въ Берлинъ возвратился генералъ Врангель во главѣ значительнаго войска; берлинская національная стража была распущена безъ кровопролитія, предложеніе

отмѣнить налоги, осталось безъ послѣдствій, и 27 числа, національное собраніе открыло свои засѣданія въ Бранденбургѣ, гдѣ уже собралась большая часть оппозиціонной партіи. Только къ 1-му декабря собраніе достигло наконецъ числа, надлежащаго для постановленія, законнымъ порядкомъ заключеній, но не смотря на эту формальность оно не могло начать своихъ дѣйствій. 5-го числа собраніе было распущено королевскимъ манифестомъ. Въ тоже время король силою своей власти издалъ начала конституціи, при составленіи которой предварительныя работы и предложенія національнаго собранія, также какъ и постановленія франкфуртскаго парламента, были надлежащимъ образомъ приняты во вниманіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, путемъ обычнаго законоположенія былъ назначенъ пересмотръ положеній, предоставленный двумъ палатамъ, которыя въ непродолжительномъ времени должны были быть созваны. Вновь предложенная конституція была понятнѣе, доступнѣе, болѣе соотвѣтствовала цѣли, чѣмъ прежняя, порожденная радикальнымъ доктринерствомъ національнаго собранія; въ тоже время она была достаточно либеральной. Если она была выраженіемъ, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, истинной политической необходимости, вынуждена внутреннимъ сознаніемъ короля, то положеніе дѣлъ неминуемымъ образомъ должно было повернуться къ лучшему и короля нельзя было конечно упрекнуть, что онъ, въ виду рѣшительнаго переворота въ германскомъ вопросѣ, устранилъ отъ этого дѣла безплодную жалкую корпорацію учредительнаго національнаго собранія. Сообразно съ новой конституціей были созваны въ Берлинѣ утвержденныя ею палаты, къ 26 февраля 1849 года.

Такъ покончила побѣдоносно правительственная власть въ Австріи и Пруссіи съ народнымъ движеніемъ. Кромѣ признаній, съ трудомъ добытыхъ въ мартовскіе дни и запечатлѣнныхъ на бумагѣ, демократическій принципъ былъ уничтоженъ въ обоихъ большихъ германскихъ государствахъ, и монархическое начало было побѣдоносно утверждено въ нихъ, не говоря конечно о жертвахъ, сопряженныхъ съ его возстановленіемъ. Оставался пока нерѣшеннымъ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ вопросовъ—вопросъ объ общей германской конституціи.

8 октября національному собранію въ Франкфуртѣ былъ предложенъ проектъ конституціи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ выработанъ совѣщательной коммиссіей; 20-го числа начались совѣщанія, послѣ того какъ собраніе почти исключительно занималось обсужденіемъ и постановленіемъ «основныхъ правъ германскаго народа», этого подобія «изъясненія человѣческихъ правъ», о которомъ такъ усердно разсуждало первое французское національное собраніе. Пренія были прерваны различными случайностями; между прочимъ парламентъ пытался было примирить возникшія въ Пруссіи недоумѣнія. Было рѣшено войти съ предложеніемъ къ центральной власти, чтобы она требовала о назначеніи въ Берлинѣ новаго министерства, пользующагося довѣріемъ народа, и чтобы въ тоже время было уничтожено постановленіе объ отмѣнѣ налоговъ. Посредничество не удалось. Бассерманъ, секретарь государственнаго министерства, посланный имъ въ Берлинъ, разыгралъ еще болѣе жалкую роль чѣмъ государственные коммисары Велькеръ и Мосле въ Ольмюцѣ; разница состояла въ томъ, что тогдашнія дѣла шли впередъ не смотря на прокламаціи государственнаго представителя и протесты лѣвой стороны, между тѣмъ какъ германскій конституціонный вопросъ развивался все болѣе и болѣе, хотя и съ весьма неутѣшительной ясностью.

Проектъ 8 октября представлялъ въ извѣстной степени интенсивное единство и потому былъ принятъ въ существенныхъ своихъ пунктахъ. Государственной власти было предоставлено исключительное представительство Германіи и ея отдѣльныхъ государствъ при иностранныхъ дворахъ, учрежденіе и распоряженіе союзной вооруженной силой Германіи, назначеніе посланниковъ и консуловъ, генераловъ и офицеровъ арміи и флота, законодательство касающееся таможни, монетъ, почтъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и т. п.; вслѣдъ за этимъ важнѣйшимъ пунктомъ было постановленіе, по которому никакая часть германскаго государства съ негерманскими землями, не можетъ быть присоединена ни къ какому государству; въ случаѣ если германское государство вмѣстѣ съ не германскимъ, управлялся властью, соединенной въ одномъ лицѣ, то это обстоятельство должно быть обусловлено на началахъ чистаго соединенія лицъ.

Было ясно какъ день, что программа новаго австрійскаго министерства будетъ рѣзко противорѣчить во всѣхъ пунктахъ съ этими основными началами, что

вообще австрійская монархія, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ улечься въ предложенныя рамки. Эта конституція имѣла извѣстный смыслъ, только въ томъ случаѣ, если Австрія будетъ исключена изъ тѣснаго союза съ Германіей и такимъ образомъ государственная исполнительная власть, логическимъ порядкомъ, въ такой, или другой формѣ перейдетъ въ руки Пруссіи, составленной почти исключительно изъ племени германскаго происхожденія, кромѣ весьма незначительнаго процента поляковъ. Къ этому слѣдовало прибавить, что Пруссія вслѣдъ за отпаденіемъ Австріи составляла большую половину всей соединенной Германіи. Слѣдуетъ отнести къ чести здраваго человѣческаго смысла національнаго собранія, что около половины членовъ не отшатнулись отъ вышеизложенныхъ предложеній. Представителемъ этой политической комбинаціи, единственно возможной формы германскаго единства, былъ тогдашній президентъ парламента, Гейнрихъ фонъ-Гагернъ. 17 декабря представитель государственнаго министерства австріецъ Шмерлингъ отказался отъ своего званія; это былъ весьма мудрый шагъ: онъ избавлялъ Австрію отъ необходимости высказать положительныя мнѣнія объ ея отношеніи къ новой формѣ Германіи. Онъ мало-по-малу обратился въ представителя Австріи при центральномъ правительствѣ, а Гагернъ вмѣсто него занялъ мѣсто предсѣдателя въ государственномъ министерствѣ. Въ составъ его программы входило: признаніе отдѣленія Австріи, которая вслѣдствіе объявленія 27 ноября не могла войти въ составъ вновь основываемаго германскаго союза. Соглашеніе о будущемъ союзѣ германскаго союзнаго государства съ Австріей оставить на будущее время, а теперь ограничиться посольскими сношеніями, т. е. отношеніями между отдѣльными независимыми государствами. Предметомъ этихъ сношеній не могъ и не долженъ былъ быть вопросъ о конституціи германскаго союзнаго государства, иными словами—установленіе Германіи, какъ союзнаго государства, безъ Австріи. Это была единственно возможная и правильная программа. Правдивый, честный Гагернъ сдѣлалъ одну только ошибку: онъ предложилъ это парламенту уже 18-го числа, не дождавшись, чтобы австрійское правительство и его приверженцы перестали сами по себѣ хозяйничать во Франкфуртѣ, что неминуемымъ образомъ должно было случиться, такъ какъ они не могли предложить никакихъ мѣръ, удовлетворяющихъ дѣйствительнымъ требованіямъ единства германскаго народа.

Въ отношеніи австрійскаго правительства вопросъ былъ значительно упрощенъ: ему оставалось только разбирать, или отрицать предложенную программу. Въ такомъ именно духѣ и издалъ 26 декабря австрійскій министръ-президентъ свою ноту; онъ упорно объявлялъ въ ней, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ мѣста, занимаемаго ею въ соединенномъ союзѣ, и что вопросъ о германской конституціи можетъ быть разрѣшенъ только путемъ соглашенія съ германскими правительствами, «между которыми императорское правительство занимаетъ первое мѣсто». Каждому было ясно, на что намекала нота; и хотя въ позднѣйшей нотѣ отъ 17 декабря 1849, упоминалось еще о директоріи и о народной палатѣ, но и тогда просвѣчивало личное мнѣніе австрійскаго кабинета ни въ какомъ случаѣ не допускать возможности дѣйствительнаго единства. Однако положеніе его было довольно прочное, на сторонѣ его въ Франкфуртѣ находился государственный представитель, принцъ австрійскаго дома, довольно значительная толпа австрійскихъ депутатовъ, недопускавшихъ рѣшенія вопроса ни въ демократическомъ, ни въ прусскомъ духѣ. Къ нимъ же присоединялось большинство южногерманскихъ и другихъ разновидностей преимущественно всей лѣвой стороны, которая въ своемъ политическомъ бездѣйствіи ожидала спасенія только отъ новой общей революціи. Внѣ собранія повторился странный союзъ обѣихъ крайнихъ партій лѣвой и правой стороны; онъ нашелъ могучаго союзника въ массѣ тѣхъ, которые занимались политикой подъ вліяніемъ только личныхъ чувствъ и настроеній, а не серьезнаго обсужденія и для которыхъ „исключеніе изъ союза 8 милліоновъ нѣмцевъ“ представлялось «величайшимъ національнымъ преступленіемъ». Между тѣмъ партія, которая добивалась наслѣдственной императорской короны для Гогенцоллерновъ, двигала впередъ свои дѣла и ей удалось по крайней мѣрѣ организовать сначала замкнутый кружокъ для достиженія этой цѣли; кромѣ того она усилилась присоединеніемъ къ ней нѣкоторыхъ бывшихъ ея противниковъ.

Съ 11-го по 13-е января отношенія къ Австріи были серьезной помѣхой для начала существенныхъ преній, и государственному министерству большинствомъ 261 противъ 224 голосовъ, было разрѣшено желанное полномочіе—вступить въ сношенія съ Австріей. Пренія, касавшіяся параграфовъ конституціи, именно до главы правительства, подали большія надежды; предложенія партикуляристовъ и федералистовъ объ образованіи государственной директоріи, составленной изъ 6 королевствъ, съ различными измѣненіями, съ очереднымъ предсѣдательствомъ Австріи и Пруссіи и т. п., были отброшены также какъ и предложенія республиканцевъ, о «государственномъ верховномъ представителѣ» и избираемости «всѣхъ нѣмцевъ» въ это званіе. Параграфъ, въ которомъ говорилось, что званіе верховнаго государственнаго представителя должно быть предоставлено одному изъ царствующихъ германскихъ государей, былъ принятъ 19 января, 258 голосами противъ 211, а вслѣдъ за нимъ большинствомъ 214 противъ 205 прочли и слѣдующій параграфъ о дарованіи верховному главѣ титула «императора германцевъ». Между тѣмъ нѣкоторыя изъ незначительныхъ германскихъ государствъ, одно вслѣдъ за другимъ, высказали желаніе, что они готовы подчиняться наслѣдственному верховному представителю и принести всѣ необходимыя жертвы его самодержавію, которыхъ потребуетъ подобное союзное государственное единство. Великій герцогъ Леопольдъ Баденскій былъ первымъ изъ государей, который сдѣлалъ это предложеніе 8-го января; 25 января къ нему присоединилось еще 17 государей, а 24 февраля число ихъ достигло до 28; особенно важное значеніе имѣло объявленіе австрійскаго императора; онъ, вслѣдствіе событій, начавшихся покореніемъ Вѣны, даровалъ своему государству конституцію, которая согласно своимъ началамъ объявляла австрійскую монархію, вмѣстѣ съ Венгріей и Италіей, однимъ нераздѣльнымъ конституціоннымъ государствомъ. На основаніи вышеизложенныхъ данныхъ, противникъ наслѣдственно-императорской партіи, баденскій депутатъ Велькеръ представилъ собранію 12 марта настоятельное требованіе принять предложенную конституцію въ томъ видѣ, въ которомъ она была представлена, и обойдти второе и третье чтеніе ея, предоставивъ слѣдующему собранію сейма сдѣлать въ ней нѣкоторыя необходимыя измѣненія и вручить наслѣдственное императорское достоинство прусскому королю. Это былъ единственный достойный отвѣтъ на требованія 7 марта; дѣла клонились къ развязкѣ, возбужденіе народа достигало крайнихъ предѣловъ, и опять начали собираться съ силами самыя разнообразныя партіи; партія отрицанія, австрійскіе депутаты, которые подъ видомъ германскаго патріотизма проповѣдывали австрійскія стремленія и хлопотали о личныхъ разсчетахъ, партикуляристы, ультрамонтаны и демократы съ особенной энергіей протестовали противъ предложенія Велькера, которое и было отвергнуто 21 марта большинствомъ 283 голосовъ противу 252. Обсужденія по поводу конституціи продолжались, слѣдовательно, законнымъ путемъ.

Съ крайними натяжками, большинствомъ 267 противъ 263, провела партія единства, предложеніе о наслѣдственности императорскаго званія. 27 числа совѣщанія по вопросу о конституціи были вполнѣ окончены, и параграфы, касавшіеся избранія императора, окончательно утверждены. Великій день 28 числа былъ назначенъ для избранія императора. На засѣданіи присутствовало 538 членовъ. Началась подача голосовъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые по одиночкѣ протестовали и громко подавали отдѣльныя мнѣнія. Президентъ Симсонъ объявилъ о результатахъ: 290 головъ высказались въ пользу короля Фридриха Вильгельма IV; при колокольномъ звонѣ, торжественной рѣчью привѣтствовалъ его президентъ Симсонъ, какъ перваго избраннаго императора Германіи; 248 членовъ уклонились отъ выбора, изъ нихъ 100 были австрійскіе депутаты; по законамъ конституціи они съ 7 марта не принадлежали уже къ членамъ національнаго собранія. Положенія государственной конституціи были довершены избраніемъ императора и объявлены на слѣдующій день во всеобщее свѣдѣніе. Права отдѣльныхъ государствъ были измѣнены незначительно. Такъ напримѣръ они лишились права имѣть собственныхъ своихъ посланниковъ, между тѣмъ какъ имъ была предоставлена возможность содержать собственныя войска, назначать по своему усмотрѣнію полководцевъ. Верховная власть сама утверждала и издавала законы; импе-

раторъ пользовался властью съ помощью отвѣтственныхъ министровъ, объявлялъ войну и заключалъ миръ, созывалъ и распускалъ государственный сеймъ, который распадался на двѣ палаты:—государственную и народную. Первая въ количествѣ 192 членовъ составлялась изъ представителей отдѣльныхъ государствъ, на половину избранныхъ правительствомъ, на половину народными представителями отдѣльныхъ государствъ; члены должны быть не моложе 30 лѣтъ и принадлежать къ тому государству, представителями котораго они состоятъ. Народная палата составляется изъ членовъ, избранныхъ свободными и непосредственными выборами; на 100,000 человѣкъ приходится одинъ депутатъ; избирателемъ можетъ быть всякій безпорочный нѣмецъ, достигшій 25-лѣтняго возраста; избраннымъ каждый 30 лѣтній гражданинъ; обѣ палаты должны собираться ежегодно. Чтобы сдѣлать нѣкоторыя уступки требованіямъ демократовъ, императору было предоставлено только ограниченное вето (suspensiv veto); т. е. если какое нибудь рѣшеніе будетъ принято безъ всякихъ измѣненій обѣими палатами въ трехъ послѣдовательныхъ засѣданіяхъ, то оно при окончаніи послѣдней сессіи дѣлается закономъ и пріобрѣтаетъ силу; это предложеніе имѣло весьма мало практическаго значенія при извѣстныхъ данныхъ, такъ какъ оно съ самаго начала, во первыхъ, ограничивало авторитетъ представителя верховной власти, а во вторыхъ придавало конституціи чисто демократическій характеръ, особенно ясно выраженный въ шестомъ прибавленіи программы, озаглавленномъ громкой и хвастливой фразой: «основныя права германскаго народа». Несдерживаемый либерализмъ постановлялъ безусловную свободу печати, неограничиваемую ни условіями, ни поручительствами, ни государственными налогами; полную свободу совѣсти и свободу вѣроисповѣданій, отсутствіе господствующей религіи; каждое религіозное общество должно было управлять своими дѣлами самостоятельно; пользованіе гражданскими правами независимо отъ религіозныхъ догматовъ, свободу наукъ и изученія ихъ, свободу народнаго образованія, почти безграничное право организаціи собраній, сходокъ и союзовъ. Подобныя основанія демократическихъ началъ конституціи народа были до того неопредѣленно и широко задуманы, что съ ними было вполнѣ несовмѣстно учрежденіе какого бы то ни было трона; существованіе дворянъ, чиновниковъ, докторовъ философіи и т. п. посреди простаго народа, который носилъ громкое лаконическое имя «нѣмцевъ», казалось невозможнымъ. «Дворянство въ видѣ сословія не существуетъ», «всѣ титулы, не связанные съ какою нибудь извѣстной должностью, уничтожены и не должны быть никогда возстановлены». Конституція въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ мы ее представили, не могла начать и продолжать своего существованія, потому что она не соотвѣтствовала дѣйствительнымъ потребностямъ, и парламентъ впалъ въ ошибку очень обыкновенную во всѣхъ подобнаго рода собраніяхъ: онъ вышелъ изъ того мнѣнія, что народъ дѣлается свободнымъ съ той минуты, когда по законамъ своей конституціи онъ объявленъ свободнымъ. Между тѣмъ однако слѣдовало помочь себѣ: народомъ овладѣла живая радость, когда онъ узналъ, что основанія и программа конституціи окончательно рѣшены; когда же пришло извѣстіе, что вслѣдствіе подачи голосовъ, 28 марта рѣшено, въ чьи руки должна перейти верховная власть, то въ умахъ всѣхъ и каждаго несмотря на безполезно потраченное время, зародилась мысль о возможности созданія германскаго государства на дѣлѣ, а не въ фантазіи; это съ новой силой возникшее стремленіе къ единству должно было опрокинуть противодѣйствія, которыя выростали со всѣхъ сторонъ.

с. Возрожденіе союзнаго сейма.

Фридрихъ Вильгельмъ IV не былъ въ силахъ управлять судьбами Германіи. Онъ не могъ поставить Пруссіи, этого вновь созданнаго силами германскаго народа государства, на указанное ей исторіей первое мѣсто между прочими германскими народами; вмѣсто того чтобы собрать вокругъ нея разрозненные члены соединеннаго отечества, ему суждено было привести ее къ смѣшной катастрофѣ, гораздо худшей чѣмъ при Іенѣ; съ паденіемъ Пруссіи должны были окончательно

рухнуть всѣ надежды германскаго народа. 3 апрѣля большая депутація отъ парламента, состоявшая изъ президента Симсона и многочисленныхъ членовъ, явилась къ королю, чтобъ объявить ему о павшемъ на него выборѣ; король отвѣчалъ рѣчью, въ которой старался отклонить отъ себя возложенное на него званіе. Фридрихъ Вильгельмъ принималъ депутацію въ рыцарскомъ залѣ Берлина, окруженный министрами и принцами королевскаго семейства. Въ ихъ призваніи, сказалъ онъ, ему слышится голосъ представителей германскаго народа, оно имѣетъ для него особенную цѣну; если онъ послѣдуетъ ему, то это заставитъ его принести тяжкія жертвы, оно наложитъ на него тяжелыя обязанности; онъ самъ не произнесетъ окончательнаго рѣшенія, пока не получитъ свободнаго совѣта и добраго согласія коронованныхъ представителей Германіи. «Правительствамъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ представится случай доказать на общемъ совѣщаніи, принесетъ ли новая конституція пользу, какъ частностямъ, такъ и цѣлому — доставятъ ли дарованныя мнѣ права силу, чтобы крѣпкой рукой управлять судьбами нашего великаго германскаго отечества, возможность достойно выполнить надежды своихъ народовъ».

Такимъ образомъ король въ одно и тоже время соглашался и нѣтъ. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстно изъ частныхъ обнародованныхъ писемъ что то, что онъ по всей вѣроятности принялъ бы изъ рукъ единогласно предлагавшихъ ему германскихъ «верховныхъ властей», въ числѣ которыхъ была и Австрія, того онъ не хотѣлъ и не могъ принять отъ «революціи». Этимъ словомъ онъ хотѣлъ выразить все хорошее и дурное, выработанное событіями мартовскихъ дней 1848 года, и не могъ найти достаточно словъ, чтобы высказать негодованіе, пробуждаемое въ немъ этимъ страшилищемъ «революціей». Его не особенно сильно огорчало желаніе революціонеровъ ограничить самодержавіе, даже и не то что онъ оказался безсильнымъ противъ тѣхъ памятныхъ дней 19 марта, но онъ простить не могъ революціи и революціонерамъ, того, что они заставили его, человѣка, съ теплой душей съ честной рѣчью, съ высокими идеями, о предстоящихъ дѣлахъ войдти съ ними въ сношенія, дать имъ свое королевское согласіе. Съ другой стороны Фридрихъ Вильгельмъ былъ настолько прозорливъ, преданъ отечеству и одушевленъ патріотизмомъ къ Германіи, чтобъ видѣть, что сила, могущество и единство ея могутъ развиваться только въ томъ направленіи, на которое указывалъ франкфуртскій парламентъ, составленный изъ людей неоспоримаго достоинства и ума. Такимъ образомъ король незамѣтно дошелъ до самой безполезной, противорѣчащей себѣ политики, если только можно называть этимъ словомъ образъ его дѣйствій. Онъ терялъ нетолько императорскую корону, но и почетное мѣсто въ исторіи; никто не могъ бы имѣть на нихъ основательныхъ, справедливыхъ притязаній, если-бъ вслѣдъ за прекрасными словами и благородными желаніями послѣдовали смѣлыя рѣшенія и королевскія дѣйствія. 3 апрѣля министерство издало циркуляръ ко всѣмъ аккредитованнымъ посланникамъ Пруссіи при германскихъ дворахъ, о томъ что король изъявилъ согласіе стать во главѣ германскаго союзнаго государства, составленнаго изъ тѣхъ отдѣльныхъ государствъ, которыя добровольно присоединятся къ нему. Онъ долженъ былъ замѣстить верховнаго государственнаго представителя, выразившаго желаніе, 29 марта, сложить съ себя это званіе. Къ сожалѣнію, этимъ желаніемъ не съумѣли тотчасъ же воспользоваться. По полученіи циркуляра, германскія власти должны были немедленно прислать своихъ уполномоченныхъ для ближайшаго разсмотрѣнія дѣла. Министерство объявило объ этомъ рѣшеніи обѣимъ палатамъ для того, чтобы не было никакого, даже косвеннаго принужденія, или вліянія на германскія правительства, такъ какъ король утверждалъ, что германская конституція, можетъ состояться только путемъ соглашенія.

Отвѣтъ короля привелъ въ недоумѣніе франкфуртскій парламентъ; дѣла находились въ безнадежномъ положеніи. Предполагая, что Фридрихъ Вильгельмъ дѣйствительно желалъ того, о чемъ онъ во всеуслышаніе объявлялъ, именно что онъ изъ чрезмѣрной честности полагалъ непремѣннымъ условіемъ получить согласіе всѣхъ германскихъ государей, можно было надѣяться на благопріятный исходъ. 14 апрѣля представители 28 правительствъ передали уполномоченному Пруссіи при центральномъ правительствѣ общую ноту, въ которой они объявляли, что признаютъ государственную конституцію и прусскую имперію; въ то же время

они извѣщали, что обсужденіе отдѣльныхъ постановленій конституціи должно быть отложено въ виду опасности, угрожавшей отечеству дальнѣйшей потерей времени. Въ числѣ согласившихся правительствъ недоставало конечно Австріи, также какъ и старыхъ враговъ германскаго союза, могущественныхъ представителей рейнскаго союза, Баваріи, Саксоніи, Вюртемберга и Ганновера; Австрія испытывала въ Венгріи пораженіе за пораженіемъ, что же касается до государей рейнскаго союза, то у нихъ противодѣйствіе, приняло открыто династическій характеръ, долженствовавшій уступить энергическому требованію народовъ. Упрямый вюртембергскій король «съ обычнымъ добродушіемъ», которымъ онъ любилъ похвастаться, охарактеризовалъ свое противодѣйствіе государственной конституціи словами: «я не могу подчиняться какому нибудь Гогенцоллерну.» Онъ съумѣлъ приноровиться къ обстоятельствамъ, когда 25 апрѣля обѣ камеры, за которыми стоялъ весь вюртембергскій народъ, подвинутый въ этомъ случаѣ патріотизмомъ, а не революціоннымъ крайнимъ направленіемъ, предложили вмѣсто короля назначить регентство; тоже самое случилось въ Саксоніи и въ Ганноверѣ и въ части Баваріи; пользуясь минутнымъ безсиліемъ Австріи, Пруссія могла бы легко покончить съ ними и быть увѣренной въ своихъ силахъ, такъ какъ 21 апрѣля вторая камера въ Берлинѣ по предложенію Родбертуса признала законоправность германской конституціи, большинствомъ 179 голосовъ, противу 159.

Прусское правительство не успѣло воспользоваться своими преимуществами. Оно распустило 27 апрѣля всю вторую палату и въ нотѣ, адресованной 28 числа германскому центральному правительству, измѣнило условное отклоненіе короля отъ выбора въ безусловное; при этомъ оно объявило, что если національное собраніе не можетъ придти къ соглашенію съ прочими правительствами, то эти въ свою очередь счетомъ 35 должны создать германскую конституцію; мысль эта была вполнѣ невыполнимая; гораздо легче было соединить подъ одной властью народы или національное собраніе, нежели всѣ «правительства». Нота пролила печальный свѣтъ на современное положеніе дѣлъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV не хотѣлъ принимать короны ни изъ рукъ революціи, ни изъ рукъ людей умѣренныхъ, здравомыслящихъ, обдумавшихъ дѣло со всѣхъ точекъ зрѣнія, составлявшихъ франкфуртскій парламентъ; онъ не хотѣлъ брать ея и отъ германской націи, страстно кинувшейся ему на встрѣчу, не хотѣлъ вести народа усталаго отъ революцій, стремившагося всею силою своей воли отдѣлаться отъ нихъ, высказывавшаго это желаніе безчисленными собраніями, по вопросу о государственной конституціи; не захотѣлъ вести его къ правому и признанному законнымъ состоянію, естественной потребности этого спокойнаго и прямаго народа. Не хотѣлось ему принимать короны изъ рукъ государей, изъ которыхъ 28 изъ 35 ясно видѣли грозившую Германіи опасность, ни изъ рукъ своего народа, готоваго принести на пользу Германіи больше жертвъ, чѣмъ самъ король. Исторія должна сожалѣть, что онъ, слѣдуя своей исполненной противорѣчій, неясной фантастической политикѣ, опять предалъ большую часть Германіи анархіи, ввергнулъ ее въ бездну революціоннаго движенія. Революціонная партія пріобрѣтала, такимъ образомъ, дѣйствительное преимущество, основаніе или предлогъ, вокругъ котораго она могла группироваться — законность государственной конституціи, имѣвшую такую же силу, какъ законность нѣкоторыхъ династій. На сторонѣ партіи радикаловъ, еслибъ они вздумали во имя государственной конституціи водрузить какое нибудь новое знамя, была теперь партія умѣренныхъ и благомыслящихъ, этихъ новыхъ легитимистовъ законнаго порядка, въ которыхъ не было недостатка въ Германіи. Развѣ въ самомъ дѣлѣ конституція недостигла совершенства, вполнѣ законнымъ образомъ? Спокойно, добровольно, безъ внѣшняго побужденія, обсуждали и постановляли ее мужи, посланные для этой цѣли во Франкфуртъ, удостоенные народнаго довѣрія, съ согласія и по приказанію своихъ правительствъ. Кромѣ этого національное собраніе продолжало существовать; какимъ образомъ могло оно покончить начатое, если самъ народъ обращался къ нему? Никогда еще не было болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ къ общему возстанію, какъ въ данную минуту. Движеніе, задуманное сперва очень честно въ пользу государственной конституціи, вдалось въ радикальныя крайности, и вскорѣ попыталось овладѣть франкфуртскимъ собраніемъ. Парламентъ, отвергнутый съ одной стороны прусскимъ пра-

вительствомъ, которое много содѣйствовало условіямъ выполненія конституціи, съ другой стороны, выдерживавшій натискъ радикальныхъ элементовъ внѣшнихъ и внутреннихъ, находился въ весьма стѣсненномъ положеніи, трудности выростали съ каждымъ днемъ. 4 мая весьма незначительное большинство, указывавшее однакоже на начинавшееся преобладаніе партіи радикаловъ надъ народами и правительствами, потребовало въ пзъясненномъ имъ заключеніи, о приведеніи въ дѣйствіе узаконенной конституціи германскаго народа. Въ ней однако не было уже больше нужды; повсемѣстно организованныя народныя собранія овладѣли ходомъ дѣлъ и въ то время когда съ одной стороны народонаселеніе Палатината, собравшееся въ огромномъ множествѣ для признанія императора, отказалось принять государственную конституцію и давало обѣщаніе повиноваться баварскому правительству, съ другой, часть народнаго собранія учреждала временное правительство, склоняла войско на свою сторону и принимала мѣры для вооруженія народа, въ Дрезденѣ вспыхнуло возстаніе. Саксонскій король измѣнилъ составъ министерства въ чисто консервативномъ духѣ, распустилъ палаты и на приглашенія признать германскую государственную конституцію отвѣчалъ отказомъ, основываясь на томъ, что если оба большія государства Австрія и Баварія не признали ея, то признаніе его, Фридриха-Августа, не можетъ помочь дѣлу. Положеніе его съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ; около 4 король вмѣстѣ съ своими министрами Бейстомъ и Рабенгорстомъ былъ вынужденъ бѣжать въ Кёнигштейнъ, между тѣмъ какъ возставшіе послѣ отчаянной битвы на барикадахъ, въ продолженіе цѣлой ночи, установили временное правительство, составленное изъ двухъ членовъ палатъ Чирнера и Гейбнера и радикала Тодта, бывшаго совѣтника правительства. Съ трудомъ отбивалось саксонское войско отъ разъяренной толпы возмутившихся, къ которымъ безпрерывно подходили подкрѣпленія изъ окрестныхъ городовъ Дрездена, Лейпцига, Пирны и т. п. 5 мая вечеромъ на помощь войску явился полкъ прусскихъ солдатъ, а во время ожесточенной битвы, почти безпрерывно длившейся въ продолженіе нѣсколькихъ дней, одинъ за другимъ подоспѣли батальоны пруссаковъ. 9 числа около полудня войско овладѣло всѣмъ городомъ. Въ числѣ убитыхъ и захваченныхъ въ плѣнъ находилось множество чужестранцевъ, преимущественно поляковъ, между прочимъ былъ захваченъ русскій эмигрантъ Бакунинъ. Несмотря на пораженіе съ одной стороны, возстаніе дѣлало новые успѣхи съ другой; повсюду въ Гессенѣ, Баденѣ, на Рейнѣ, во Франкфуртѣ, въ Вюртембергѣ, въ части Баваріи, народныя собранія грозно требовали оружія и немедленнаго введенія государственной конституціи. 8 мая вспыхнуло возстаніе въ Эльберфельдѣ; прибывшія изъ Дюссельдорфа и Кельна войска потерпѣли совершенное пораженіе; 9 произошло сраженіе при Дюссельдорфѣ, въ Эрефельдѣ собраніе членовъ ландвера отказалось слѣдовать призыву и приказаніямъ министерства Бранденбурга. Ихъ примѣру послѣдовали ландверы Кельна, Гагена и Изерлона; для довершенія полной картины возстанія, революція началась и въ Баденѣ, хотя это было противно всѣмъ понятіямъ чести и правоты, такъ какъ баденское правительство безусловно и добровольно признало всѣ основанія государственной конституціи. Несмотря на это въ Раштадтѣ и Фрейбургѣ мятежъ вспыхнулъ между солдатами; они братались съ возставшимъ народомъ и ландверомъ, нанося неслыханныя дерзости офицерамъ и начальству, пьянствуя и безчинствуя въ питейныхъ домахъ и на улицахъ. 14 возстаніе достигло высшихъ размѣровъ въ Карльсруэ гдѣ взбунтовался мѣстный гарнизонъ. Великій герцогъ бѣжалъ съ семействомъ; незначительные остатки вѣрнаго присягѣ войска послѣдовали за нимъ и вся страна подпала подъ власть правительства, составленнаго изъ депутатовъ баденскаго народнаго собранія, во главѣ котораго находился Брентано, другъ Гекера. 17 мая революціонныя правительства Бадена и Палатината заключили оборонительный и наступательный союзъ; въ Вюртембергѣ броженіе достигло высшей степени. Правительства не могли уже надѣяться на вѣрность и покорность своихъ войскъ; 27 числа огромныя толпы народа въ Рейтлингенѣ (Вюртембергѣ) потребовали присоединенія къ повсемѣстно разгорѣвшейся революціи: неизбѣжная опасность грозила парламенту, который рѣшился наконецъ перенести свои засѣданія изъ Франфурта въ Штутгардтъ.

10 мая министерство Гагерна вышло въ отставку, а парламентъ тратилъ слова даромъ, протестуя 188 голосами, противу 147 противъ нарушенія Пруссіей «государственнаго мира» въ Саксоніи. Большая часть членовъ отказалась уже отъ участія въ національномъ собраніи и оно приняло чисто-радикальный характеръ; постановленіемъ отъ 12 мая оно потребовало: «обязательства всей вооруженной силы Германіи», въ пользу государственной конституціи. Австрійскій представитель эрцгерцогъ Іоаннъ, понявшій наконецъ свою роль и переставшій помышлять объ отреченіи, шелъ прямо къ цѣли. Не обращая вниманія на окружающее, онъ 16 мая составилъ новое министерство. Принявшіе въ немъ участіе люди, по большей части вполнѣ неизвѣстные и неподготовленные, не могли тяготиться жалкой ролью, выпадавшей на ихъ долю; докторъ Гревель, одинъ изъ членовъ крайней правой стороны, бывшій прусскій совѣтникъ юстиціи стоялъ во главѣ этого смѣшнаго министерства, обезсмертившаго свое существованіе на страницахъ исторіи полнымъ бездѣйствіемъ и совершеннымъ ничтожествомъ. Генералъ Іохмусъ, бывшій авантюристъ, сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, остроумный ганноверскій адвокатъ Детмольдъ, смотрѣвшій на это званіе какъ на удивительную, рѣдкую шутку, былъ назначенъ министромъ юстиціи, министромъ финансовъ— богатый гамбургскій негоціантъ Меркъ; генералъ-лейтенантъ гессенскихъ войскъ, князь Витгенштейнъ получилъ управленіе военнымъ министерствомъ; для производства всѣхъ дѣлъ по всѣмъ министерствамъ былъ назначенъ одинъ письмоводитель. Очевидно, что подобный составъ министровъ не могъ разрѣшить современныхъ затрудненій. Уже 5 апрѣля австрійское правительство отозвало своихъ представителей, такъ какъ вмѣсто того чтобы согласно инструкціи, данной имъ, противиться единству Германіи, они содѣйствовали ему. 14 мая Пруссія отозвала своихъ депутатовъ, 21 Саксонія своихъ, 23 Ганноверъ своихъ представителей. 21 остатки партіи за наслѣдственность императорскаго званія въ количествѣ 90 человѣкъ, съ Гагерномъ во главѣ ихъ, отказались отъ участія въ парламентѣ, послѣ того какъ они, истощивъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, для проведенія и выполненія государственной конституціи, увидѣли наконецъ, что они безсильны сдѣлать что нибудь полезное въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ оставалась только лѣвая сторона, но и она чувствовала себя не на мѣстѣ, въ Франкфуртѣ, послѣ столкновенія въ Палатинатѣ инсургентовъ съ великогерцогскими гессенскими войсками.

30-го мая Карлъ Фогтъ предложилъ перенести засѣданія изъ Франкфурта въ Штутгардтъ; становилось весьма вѣроятнымъ, что это рѣшеніе поможетъ потушить революцію въ Виртембергѣ, гдѣ обыкновенно дѣло не успѣвало за рѣшеніемъ. 6-го мая собраніе въ количествѣ 104 членовъ начало свои засѣданія въ Штутгардѣ подъ предсѣдательствомъ прусскаго депутата Леве. Мѣстное правительство, состоявшее пока изъ мартовскихъ министровъ 1848 года, уступило имъ залу собранія депутатовъ, а національная гвардія отдала имъ воинскія почести. Послѣ безчисленныхъ, безполезныхъ рѣчей, было назначено государственное регентство, цѣлью котораго было опять проведеніе государственной конституціи; въ составъ его вошелъ гессенскій уроженецъ, радикалъ, профессоръ Фогтъ, который впослѣдствіи отказался отъ своихъ германскихъ патріотическихъ убѣжденій, Францъ Раво изъ Кельна, Гейнрихъ Симонъ изъ Бреславля, Фридрихъ Шюлеръ изъ Цвейбрюкена, и извѣстный членъ вюртембергской палаты адвокатъ Бехеръ. У регентства кромѣ прокламаціи не было другихъ средствъ. Въ Штутгардѣ, этомъ центрѣ консерваторовъ-бюргеровъ, партія радикаловъ чувствовала себя не на мѣстѣ; вюртембергское правительство, находившееся въ безвыходномъ положеніи между жалкой безнадежной революціей и обязанностями въ отношеніи собственнаго народа, рѣшилось на слѣдующее: когда 28 іюня собраніе, у котораго была отнята зала депутатовъ, подъ предводительствомъ трехъ безупречныхъ мужей, президента Леве, вюртембергскаго члена Шотта, и перваго между живыми поэтами Германіи Лудвига Уланда, этого въ высшей степени честнаго человѣка, доводившаго патріотизмъ до фанатизма, направилось около трехъ часовъ по полудни къ манежу Фритца, чтобы въ немъ продолжать свои засѣданія, оно нашло всѣ пути къ нему занятыми войскомъ. Барабанный бой заглушилъ слова протестовавшаго президента; солдаты стали тѣснить членовъ собранія, и они должны были возвратиться въ отель Маркара, изъ котораго только-что вышли. Дѣло не дошло

до перенесенія дальнѣйшихъ засѣданій въ Карльсруэ; большая часть Бадена находилась уже въ рукахъ прусскаго войска.

Такъ покончилъ свое существованіе первый германскій парламентъ, къ которому, спустя даже много времени, укрывшіеся по разнымъ угламъ радикалы и реакціонеры относились съ враждой и упреками. Они были вполнѣ несправедливы; собраніе какъ въ зеркалѣ отражало темное, подвергшееся броженію, запутанное направленіе мнѣній, гнѣздившихся въ груди разрозненной въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ націи, едва оно нашло было путеводную нить, которая одна могла вывести ее изъ запутаннаго лабиринта, какъ явилось неожиданное препятствіе, разстроившее всѣ планы и разсчеты. О немъ осталось только великое и славное преданіе и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ жалкое управленіе, въ рукахъ котораго судьба оставила Германію въ теченіе лишнихъ двадцати лѣтъ; оно продолжалось до тѣхъ поръ, пока Богу угодно было сбросить съ народа вѣковую слабость; дать ему силу взяться за острый мечъ, наточенный Фридрихомъ Великимъ; слабый потомокъ его не осмѣлился взять его въ свои руки и имъ разсѣчь гордіевъ узелъ, котораго не могла бы распутать мудрость не только этого, но и какого бы то ни было другаго парламента. Въ этомъ случаѣ какъ и во многихъ другихъ повторилась опять неизмѣнная и неотразимая неудача. Но дѣла двигались не съ такой быстротой, какъ этого слѣдовало ожидать при столкновеніи кое-какъ набранныхъ скопищъ, между которыми лучшую часть составляли взбунтовавшіеся линейные полки, съ нарочно вооруженными замѣчательными по своей дисциплинѣ войсками. Палатинатъ покорился безъ особеннаго сопротивленія. 13 іюня прусскій корпусъ подъ начальствомъ принца прусскаго занялъ страну; 14 осадилъ Кейзерслаутернъ, 15 Лудвигсгафенъ и 17 обложенный инсургентами Ландау. 18 въ тотъ самый день, когда въ Штугартѣ скончался парламентъ полуестественной, полунасильственной смертью, вся революціонная армія числомъ около 8 тысячъ человѣкъ отступила подъ предводительствомъ польскаго генерала Шнайде въ Баденъ; за нею 20, послѣдовалъ 25-тысячный прусскій отрядъ подъ начальствомъ принца прусскаго и генерала Гиршфельда. Съ большею храбростью, съ большимъ успѣхомъ сражались баденскіе инсургенты подъ предводительствомъ Мѣрославскаго, противъ смѣшаннаго корпуса подъ начальствомъ генерала Пейкера; но надежды на присоединеніе Вюртемберга исчезли, хотя мечтательная и безпокойная часть народонаселенія стремилась къ инсургентамъ. 25 утромъ баденское временное правительство удалилось въ Офенбургъ и около полудня прусскія войска заняли Карльсруэ; баденскій отрядъ отступилъ въ Оберландъ послѣ пяти-часовой битвы при Дурлахѣ. Съ удивительной быстротой и энергіей, о которой давно позабыли въ медленномъ Баденѣ, двинулись къ Раштадту прусскія войска безъ особеннаго отдыха. Временное правительство, въ которомъ давно уже не было никакого единства, начало свои засѣданія въ Фрейбургѣ вмѣстѣ съ смѣшнымъ «учредительнымъ собраніемъ», безъ котораго даже безразсудные радикалы не могли обойтись въ этомъ затруднительномъ положеніи. 28 іюня дѣла зашли такъ далеко, что диктаторъ Брентано, не чувствуя въ себѣ силы бороться съ обстоятельствами и сознавая, что успѣхъ невозможенъ, отказался отъ своего званія; его поступокъ назвали «измѣной противъ отечества», а вслѣдъ за появленіемъ вновь извѣстнаго злополучнаго Струве, была учреждена слѣдственная коммиссія, необходимое послѣдствіе затруднительнаго положенія всѣхъ радикальныхъ партій. Баденцы еще разъ остановились 29 и 30 за Мургомъ; при штурмѣ Муггена битва длилась безъ перерыва въ продолженіе 12-ти часовъ. 1 іюня началась осада Раштадта, въ которомъ укрылась часть инсургентовъ: 20,000 пруссаковъ съ фонъ-Гребеномъ во главѣ ихъ, обложили крѣпость, между тѣмъ какъ главный корпусъ подъ начальствомъ принца Прусскаго и соединенныя войска подъ командою Пейкера отодвинули остатки революціоннаго отряда въ Шварцвальдъ. Пограничныя мѣстечки Швейцаріи переполнились бѣглецами, членами государственнаго регентства, бывшаго парламента, членами и сообщниками революціонныхъ правительствъ, провинившимися солдатами и т. п.

Мѣрославскій, оказавшійся хорошимъ вождемъ, и Струве искали спасенія въ Швейцаріи; 9 и 11 перешли швейцарскую границу отдѣльные отряды съ своими

полковниками Бленкеромъ, Гёгге и Зиглемъ, а когда въ Страсбургѣ явился выписанный изъ Америки главный предводитель революціоннаго движенія, имя котораго имѣло чарующее вліяніе на массы, Фридрихъ Гекеръ, то все уже было покончено. 23 сдался Раштадтъ, ожидая милости, или немилости. Послѣднее взяло верхъ: въ Маннгеймѣ, Раштадтѣ и Фрейбургѣ работали изо всѣхъ силъ прусскіе военные суды; они съ особеннымъ рвеніемъ преслѣдовали прусскихъ подданныхъ, участвовавшихъ въ возмущеніи. Много было разстрѣлянныхъ и весьма мало помилованныхъ. Многіе изъ нихъ умирали не за вполнѣ честныя дѣла, но за то всѣ мужественно встрѣтили смерть. 18 числа великій герцогъ возвратился въ Карльсруэ. Планъ Австріи окружить и захватить революціонное войско и такимъ образомъ принять участіе въ экзекуціяхъ, а не въ битвахъ рушился о непоколебимую твердость принца прусскаго, который объявилъ имъ, что великій герцогъ баденскій искалъ помощи только у Пруссіи.

Такимъ образомъ окончился одинъ изъ актовъ трагедіи. Возстаніе было подавлено, правительства могли успокоиться на нѣкоторое время, но что изъ всего этого должно было выйдти—оставалось неразъясненнымъ. Мощная рука Пруссіи, ея несравненное войско побѣдили революцію въ ту минуту, когда опасность достигла высшей степени, когда ни одно изъ правительствъ южной Германіи не могло довѣриться своему войску. Король саксонскій, великій герцогъ баденскій, зигмарингенскіе принцы, властители Нассау и Гессена, короли вюртембергскій и баварскій, всѣ они были обязаны спасеніемъ сѣверо-германской державѣ, побѣдоносныя войска которой заняли Германію отъ Бельта до Бодензее. Когда Фридрихъ Вильгельмъ отказался принять корону изъ рукъ революціи—никогда прусское могущество не было такъ значительно въ Германіи, и германская нація менѣе щепетильная чѣмъ черезчуръ щекотливый Фридрихъ Вильгельмъ, была готова принять свое единство изъ ея рукъ; она и теперь бы не отказалась отъ нея, въ какой бы формѣ она ни представилась. Но теперь дѣла приняли иной оборотъ; послѣдній актъ мировой трагедіи окончился жалко, какъ какой нибудь водевиль. Не прошло одного года, какъ это могущественное государство, владѣвшее непобѣдимымъ войскомъ, удивительнымъ порядкомъ финансовой системы, далеко распространенными симпатіями и надеждами всего германскаго народа, было покорено безъ битвы, покрыто стыдомъ, обезчещено, повергнуто въ прахъ и вынуждено вымаливать себѣ, устами презрѣннѣйшаго изъ министровъ право дальнѣйшаго политическаго существованія, у многократно разбитой въ безчисленныхъ битвахъ съ своими собственными мятежниками, Австріи.

Посмотримъ какимъ образомъ произошелъ этотъ необъяснимый переворотъ; нашему поколѣнію суждено было пережить эпоху величайшей слабости и высочайшей славы Германіи.

Фридрихъ Вильгельмъ не хотѣлъ руководить дѣломъ Германіи, которое къ несчастію въ дѣйствительности принималъ слишкомъ близко къ сердцу. Между тѣмъ какъ онъ отказывался принять императорскую корону изъ рукъ франкфуртскаго парламента, силу и власть котораго онъ оспаривалъ, онъ въ тайнѣ души своей раздѣлялъ мысли и понятія, руководившія собраніемъ и вполнѣ гармонировавшія съ его идеями; онъ желалъ также, насколько его идеологическое существо было способно желать—чтобъ Пруссія стала во главѣ соединенной Германіи. Но онъ льстилъ себя тщетной надеждой, привести свои мысли въ исполненіе путемъ свободнаго соглашенія всѣхъ германскихъ правительствъ, не исключая и Австріи, къ которой онъ относился съ непостижимой честностью. Когда онъ рѣшился 13 мая придти на помощь находившимся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ южногерманскимъ государямъ, онъ единовременно объявилъ въ своей прокламаціи, что хочетъ употребить всѣ силы для возстановленія государственной конституціи, основанной на началахъ, выработанныхъ въ Франкфуртѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями. Съ этой цѣлью онъ заключилъ 26 мая съ Ганноверомъ и Саксоніей особенный союзъ, такъ называемый **союзъ трехъ королей**, контръ-агенты котораго предложили общій проектъ германской конституціи. Основаніемъ ея были: сохраненіе за прусской короной значенія первенствующей державы; вмѣстѣ съ этимъ учрежденіе коллегіи государей, съ правомъ шести голосовъ, распредѣленныхъ на подобіе древняго имперскаго округа (Reichskreis). Установленіе государственнаго

сейма, раздѣленнаго на 2 палаты, и союзнаго суда; предоставленіе всѣмъ права участвовать на выборахъ, по избиратели также какъ и въ Прусіи должны были раздѣляться на три класса, по состояніямъ. Обѣ камеры, вмѣстѣ съ представителемъ государственной власти и комиссіей государей, образуютъ законодательную власть. Наслѣдственная имперская партія франкфуртскаго парламента, была готова поддерживать этотъ проектъ, въ которомъ по крайней мѣрѣ былъ несохраненъ первоначальный планъ франкфуртской конституціи: именно наслѣдственность верховнаго главы государства въ лицѣ могущественнаго изъ германскихъ государей, совмѣстно съ парламентской конституціей. На народномъ собраніи въ Готѣ 26 іюня 130 членовъ изъ 148 присутствовавшихъ, высказались въ пользу предложенной тремя королями конституціи. Казалось теперь, когда былъ водворенъ порядокъ въ южной Германіи, наступило время привести въ дѣйствіе новый «союзъ» и выработанную имъ конституцію. До конца сентября къ «союзу трехъ королей» приступило еще 21 государство, это служило явнымъ доказательствомъ, что большинство государей не раздѣляло потребностей народовъ; съ Мейнингеномъ, Липпе, Вальдекомъ, Франкфуртомъ и Любекомъ велись переговоры; напротивъ того Вюртембергъ и Баварія отказывались отъ присоединенія, но и въ этомъ случаѣ прусское правительство оказалось до того мягкимъ и снисходительнымъ, что оно уклонялось отъ малѣйшей попытки дѣйствовать посредствомъ своего вліянія на этихъ государей. Около того же времени въ іюнѣ 1849 года, когда чернила, которыми былъ написанъ договоръ, не успѣли еще высохнуть, въ Лондонѣ было уже извѣстно, что ни Ганноверъ, ни Саксонія ни на одно мгновеніе не намѣревались быть вѣрными «союзу» (Union), что они приступили къ нему какъ довольно цинически выражались государственные люди обоихъ королевствъ, только для того «чтобы увѣрить свой народъ, будто они серьезно хотятъ единства Германіи».

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда наконецъ Австрія на столько отдохнула и окрѣпла, чтобы опять принять дѣятельное участіе въ германскихъ обстоятельствахъ. 22 ноября 1848 года имперскій сеймъ вмѣстѣ съ 248 депутатами открылъ вновь свои засѣданія по повелѣнію императора въ моравскомъ главномъ городѣ; приверженцы оппозиціонной партіи, потерпѣвшіе полную неудачу въ Вѣнѣ, мало-по-малу стали направляться къ мѣсту засѣданій. Печально, будто со времени прошлой зимы не совершилось ничего ужаснаго, начало опять собраніе свои жалкія разсужденія объ основныхъ правахъ австрійскаго народа, первымъ пунктомъ котораго стояло положеніе: 1) «Вся власть государства исходитъ изъ народа». Выборные къ 1 марта 1849 г. составили проектъ конституціи, по которому между прочимъ въ случаѣ принятія обѣими палатами какого нибудь закона, императору представлялось только право ограниченнаго в е т о (suspensiv veto). Нѣсколько дней спустя имъ самимъ и ихъ пустой болтовнѣ было сказано безусловное в е т о. 7 марта правительство рѣшилось дѣйствовать. Министръ Стадіонъ пріѣхалъ въ Кремзіеръ, а вслѣдъ за нимъ пришли изъ Ольмюца два баталіона гренадеръ; они заняли городокъ и осадили залу, въ которой происходили засѣданія; такимъ образомъ депутаты очутились въ заключеніи; никто однакоже не мѣшалъ имъ разъѣхаться по мѣстамъ своихъ жительствъ. Въ тотъ же день въ силу императорской власти было объявлено объ узаконеніи новыхъ началъ конституціи, составленной для всѣхъ провинцій, входившихъ въ составъ австрійской монархіи; мы не будемъ распространяться о заключавшихся въ ней основныхъ и избирательныхъ правахъ, потому что эта статья не только никогда не была приведена въ дѣйствіе, но и преднамѣренно никогда не должна была существовать; болѣе важно было то обстоятельство, что вся австрійская монархія включая въ нее Венгрію, Кроацію, Трансильванію, до военныхъ границъ Ломбардіи и Венеціи, должна была составлять одно нераздѣльное и недѣлимое государство.

Венгрія не была еще пока провинціей нераздѣльной имперіи, какъ это утверждали постановленія конституціи. Послѣ покоренія Вѣны князь Виндишгрецъ назначилъ 14-ти дневный срокъ, въ теченіе котораго венгерская армія должна была иоложить оружіе; новое министерство и молодой императоръ постановили прежде всего заняться окончаніемъ венгерской войны. Ихъ встрѣтило упорное и

съ давнихъ поръ побѣдоносное сопротивленіе. 15 декабря 1848 г. венгерскій сеймъ объявилъ отреченіе императора Фердинанда неимѣющимъ силы, и отказался признать Франца-Іосифа императоромъ, такъ какъ по венгерскимъ законамъ никто не могъ вступить на королевскій тронъ Венгріи, не будучи къ этому призванъ самимъ народомъ. Борьба въ самомъ началѣ благопріятствовала австрійцамъ. 5-го января 1849 года австрійскія войска подъ предводительствомъ князя Виндишгреца и Іеллашича двинулись въ Пешту, между тѣмъ какъ сеймъ и комитетъ народной защиты бѣжали въ Дебречинъ; только стоявшій съ своимъ отрядомъ въ Трансильваніи генералъ Пухнеръ, уже въ началѣ февраля обратился къ помощи русскихъ войскъ, занимавшихъ Валахію, чтобъ раздѣлаться съ польскимъ генераломъ Бемомъ, который бѣжалъ изъ Вѣны и, ставъ во главѣ нѣсколькихъ шаекъ, усиленныхъ польскимъ отрядомъ, началъ самостоятельную войну съ врагами Польши. Самаго способнаго изъ австрійскихъ генераловъ, сражавшагося на сѣверѣ близъ Кашау, Георгей заставилъ отступить 9 февраля; въ тоже время медленный Виндишгрецъ, засѣвъ съ войсками въ столицѣ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ожидалъ полнаго покоренія страны, казавшагося ему несомнѣннымъ, послѣ изданія безчисленнаго множества прокламацій. Пока онъ ожидалъ, венгерцы успѣли организовать военныя силы; военный министръ Клапка, самый замѣчательный изъ передовыхъ людей Венгріи, оказалъ ей въ этомъ случаѣ несомнѣнныя услуги. Слѣдствіемъ этого были пораженія австрійцевъ, слѣдовавшія одно за другимъ. Около половины марта Германштадтъ достался Бему, и генералъ Пухнеръ вмѣстѣ съ штабомъ и остаткомъ своего войска бѣжалъ черезъ границу въ Валахію; 2-го апрѣля былъ разбитъ Шликъ при Гатванѣ, 6 банъ, при Изачегѣ и Гёдёлё; вслѣдствіе этого князь Виндишгрецъ былъ вынужденъ, какъ онъ это объявилъ въ своемъ знаменитомъ 34 бюллетенѣ, соединить армію въ концентрированной позиціи впереди Пешта: «движеніе, добродушно прибавлялъ онъ, за которымъ непріятель послѣдуетъ съ большой поспѣшностью». Георгей былъ правъ, когда онъ приписывалъ свои удачи и побѣды князю Виндишгрецу и бану. Военный совѣтъ, засѣдавшій въ Ольмюцѣ, рѣшился отозвать князя Виндишгреца и поручить главное командованіе другому великому истребителю войска—барону Вельдену; новая побѣда, одержанная венгерцами при Наги Сарло (19 апрѣля), принудила австрійцевъ отступить къ границамъ и серьезно подумать о защитѣ и прикрытіи Вѣны. Отуманенный этой удачей, собранный въ Дебречинѣ сеймъ сдѣлалъ весьма неудачный шагъ: по предложенію Кошута онъ объявилъ габсбурго-лотарингскій домъ лишеннымъ правъ на корону Венгріи и на вѣчныя времена изгнаннымъ изъ нея, а Венгрію съ сосѣдними землями, свободнымъ независимымъ государствомъ; объявленіе объ учрежденіи республики послѣдовало не тотчасъ же, но оно было написано въ одно время съ объявленіемъ независимости. Подобными безумными заключеніями венгерцы вышли изъ границъ національной законности, и дали своимъ противникамъ право и поводъ смотрѣть на домашнее дѣло, какъ на дѣло общеевропейское, и представить передъ всѣмъ свѣтомъ, будто монархія убита революціей. Вскорѣ габсбургскій домъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ послѣднему, крайнему средству: онъ принялъ помощь, добровольно присланную ему императоромъ Россіи. 19 апрѣля 60.000 русскій корпусъ подъ начальствомъ генераловъ Лидерса и Энгельгарда вступилъ въ Трансплованію, а Австрія добровольно и радостно признала свою безпомощность. Возстаніе Венгріи, говорилось въ изданной прокламаціи, въ настоящемъ развитіи его, оказывается соединеніемъ всѣхъ силъ обще-европейской революціонной партіи; въ интересахъ и для пользы всѣхъ государствъ Европы императоръ Францъ-Іосифъ находитъ неизбѣжнымъ поддерживать другъ друга противъ распущенности всѣхъ элементовъ общественнаго порядка; въ виду этихъ важныхъ основаній Его Величество принялъ во вниманіе вооруженную помощь императора Россіи. Вскорѣ однакожь военная помощь оказалась недостачной. Между тѣмъ несмотря на горькія неудовольствія между венгерскими предводителями Кошутомъ и Георгеемъ, польскими и венгерскими вождями, не смотря на затруднительныя денежныя обстоятельства, Венгрія по прежнему оставалась побѣдительницею; 23 апрѣля венгерскіе гусары опять вошли въ Пештъ; одержанная ими 26 числа побѣда при Пушта Геркали, принудила австрійцевъ снять осаду съ крѣпости Коморнъ, а 21 мая Георгею удалось послѣ двоекратнаго

неудачнаго штурма, взять Офенъ, въ которомъ до сихъ поръ держались австрійцы подъ начальствомъ генерала Генци; въ то время какъ 2200 взятыхъ въ плѣнъ солдатъ и 80 офицеровъ направлялись къ мѣсту своего заключенія, Дебречинъ, временное правительство переѣзжало въ Пештъ. Австрія находилась въ крайнемъ положеніи. Въ день штурма Офена, молодой австрійскій императоръ, принявшій на себя 5 мая главное командованіе войскомъ, имѣлъ свиданіе въ Варшавѣ съ императоромъ Россіи Николаемъ, во время котораго былъ окончательно рѣшенъ планъ военныхъ дѣйствій противъ Венгріи. 3 іюня первый русскій корпусъ вошелъ въ Пресбургъ. Между тѣмъ война съ Италіей была окончена и такъ какъ вслѣдствіе этого явилось лишнее войско, то не было недостатка и въ генералахъ. Австрійское правительство выбрало самаго жестокаго изъ нихъ генерала Гайнау, и предоставило ему неограниченное полновластіе. Съ своей стороны русскій императоръ передалъ главное командованіе войскомъ знаменитому побѣдителю Карса и Варшавы, Паскевичу, который въ изданной имъ прокламаціи, уговаривалъ венгерцевъ раскаяться и покориться. Счастіе было перемѣнчиво; 28 іюня русско-австрійская армія въ присутствіи Франца-Іосифа, взяла крѣпость Раабъ; два дня спустя австрійцы сдали на капитуляцію крѣпость Арадъ. 3 іюля русскіе осадили Дебречинъ, а 9-го венгерское правительство опять покинуло Пештъ и перебралось въ Чегединъ; напротивъ, 14 іюля въ тотъ день когда австрійцы заняли Пештъ, венгерскій генералъ Феттеръ разбилъ на голову бана Іеллашича, а 17 Георгей одержалъ побѣду надъ русскими, при Вайценѣ. Несмотря на это, положеніе венгровъ съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе безнадежнымъ. Австрійцы и русскіе располагали силою въ 275,000 человѣкъ съ 600 орудіями; 5-го они дали сраженіе при Чёрекѣ, 9 августа при Темесварѣ. 6 августа Австрія заключила миръ съ Сардиніей и поэтому могла располагать новыми силами. 11 Кошутъ сложилъ съ себя званіе диктатора и передалъ его Георгею. Георгей своимъ упрямымъ необузданнымъ характеромъ, нанесъ больше вреда Венгріи чѣмъ пользы на полѣ битвы своими замѣчательно-геніальными военными способностями. Новый диктаторъ издалъ прокламацію и объявилъ въ ней о шагѣ, котораго нельзя было уже избѣгнуть, если Венгрія только не хотѣла подобно Польшѣ безполезно проливать кровь своего народа въ борьбѣ съ невозможнымъ. Онъ тяжко согрѣшилъ противъ своего отечества предложеніемъ сложить оружіе передъ русскими, не захотѣвъ обратиться къ Австріи, у которой онъ могъ выговорить для своей отчизны довольно снисходительныя условія, вмѣсто того чтобы безъ всякой пользы и цѣли вызвать безпощадную месть австрійцевъ: 13 августа, на полѣ при Вилагосѣ положили безусловно оружіе передъ русскимъ войскомъ 20,000 человѣкъ пѣхоты, 2,000 конницы и 130 орудій. «Венгрія, писалъ Паскевичъ императору Николаю, лежитъ у ногъ Вашего Величества». Онъ не преминулъ подсыпать соли на рану нанесенную австрійской гордости, упомянувъ объ единственномъ условіи, предложенномъ Георгеемъ, именно чтобы армія сложила оружіе непремѣнно передъ русскимъ войскомъ, а не передъ австрійскимъ. Георгей былъ отправленъ въ заключеніе въ Клагенфуртъ, между тѣмъ какъ остальные офицеры и солдаты выданы Гайнау; съ своей стороны императоръ Николай отвѣчалъ приказомъ, въ которомъ не упомянулъ даже объ Австріи. «Тамъ гдѣ непріятель отважился ожидать васъ, тамъ вы и побѣдили его, писалъ онъ, и преслѣдуя бѣглецовъ вамъ удалось увидѣть рѣдкое зрѣлище; вся непріятельская армія положила передъ вами оружіе, и подчинилась безусловно нашей милости». Съ этими словами передалъ императоръ Николай Австріи принадлежавшее ей государство.

И это было то государство, передъ которымъ потомокъ Фридриха Великаго, только что побѣдившій и обуздавшій революціонное движеніе, смиренно вложилъ въ ножны свой побѣдоносный мечъ.

Въ продолженіе всего тяжкаго времени, когда Австрія не имѣла больше силъ удерживать за собой дунайскую позицію въ виду возмутившейся Венгріи, когда ей приходилось завоевывать свое положеніе въ Италіи, для упроченія положенія Фридриха Вильгельма въ Германіи нужно было только нѣсколько словъ. Нельзя не сознаться, что въ этомъ случаѣ Австрія вела тайную и хитрую игру. Она предписала эрцгерцогу Іоанну остаться во Франкфуртѣ, когда тотъ выразилъ

желаніе удалиться съ поля дѣйствія; она же въ письмѣ къ государственному представителю, стала открыто на сторону существовавшаго пока еще германскаго союза; когда 3 апрѣля 1849 года прусское правительство предложило образовать союзное государство, съ главой выбранной изъ прусскаго дома, Австрія торжественно отказалась принимать какое бы то ни было заключеніе, происшедшее изъ переговоровъ Пруссіи съ уполномоченными другихъ державъ, и объявила, что не хочетъ подчиняться какому бы то ни было изъ государей Германіи, въ рукахъ котораго будетъ сосредоточена верховная власть; она же неуклонно и неизмѣнно дѣйствовала съ этой точки зрѣнія. Во время берлинскихъ конференцій, съ 12 по 29 мая австрійскій уполномоченный Прокешъ-Остенъ держался все время въ сторонѣ, пока Пруссія настаивала на болѣе тѣсномъ союзѣ; въ то же время она попыталась было польстить общественному мнѣнію Германіи обѣщаніемъ, пристать къ германскому союзу со всѣми зависѣвшими отъ нея народами и землями, Германія была до того добродушна, что спокойно приняла эту насмѣшку за истину.

Австрія хорошо знала, съ какимъ противникомъ она имѣетъ дѣло. Когда прусское правительство въ своей нотѣ отъ 23 мая предложило государственному представителю распустить національное собраніе и уступить центральную власть Пруссіи, эрцгерцогъ, бывшій во Франкфуртѣ чѣмъ-то въ родѣ австрійскаго префекта, осмѣлился въ довольно рѣзкомъ отвѣтѣ объявить Пруссіи, что онъ не признаетъ ни за какой державой на землѣ права, смѣщать его съ ввѣреннаго ему поста; Пруссія тотчасъ же извинилась, говоря, что она никогда не думала предлагать этого и что отвѣтъ его императорскаго высочества основанъ на достойныхъ сожалѣнія недоразумѣніяхъ. Точно также трусливо обращалась Пруссія съ союзниками Австріи, Баваріей и Вюртембергомъ, которыя не хотѣли признавать «союза» трехъ королей и тѣснаго союза Германіи; подобныя же отношенія существовали и между Пруссіей съ Ганноверомъ и Саксоніей, когда они заключили между собой союзъ—одна съ измѣнническими намѣреніями, другія съ тайной оговоркой отдѣлиться отъ него, если Бавaрія не приметъ въ немъ участія. Въ Берлинѣ всякій, кто здраво и ясно понималъ положеніе вещей, видѣлъ и сознавалъ, что всѣ вышеименованныя государства враждебно относятся, если не къ единству Германіи, то къ Пруссіи. Пруссія, или правильнѣе Фридрихъ Вильгельмъ IV обращался съ Австріей съ необыкновеннымъ великодушіемъ; это можно было бы допустить въ сношеніяхъ частныхъ лицъ между собою; въ настоящемъ же случаѣ это было преступленіемъ противъ долга и обязанностей короля первой германской державы. Троны Бадена, Саксоніи, Вюртемберга и Баваріи были твердо скрѣплены прусской кровью; принося ее въ жертву, король не доставлялъ своему народу ни болѣе прочнаго, ни болѣе значительнаго положенія въ ряду германскихъ государствъ; въ тоже время онъ доводилъ уваженіе къ Австріи до крайнихъ предѣловъ; онъ терпѣливо выжидалъ окончанія войны съ Италіей, прекращенія междоусобицы въ Венгріи, чтобы когда у нея вполнѣ развяжутся руки, самому помочь ей наложить ярмо на всю Германію. Это именно случилось въ сентябрѣ 1849 года по поводу соглашенія съ Шварценбергомъ въ Вѣнѣ, такъ называемаго интерима, объ учрежденіи въ Германіи временнаго уложенія, по которому до окончательной, дѣйствительной разработки германской конституціи, два австрійскіе и два прусскіе коммисара должны были составить во Франкфуртѣ центральное правительство для управленія общими германскими дѣлами. Членамъ этого правительства—министру иностранныхъ дѣлъ прусскому коммисару Радовицу, внутреннихъ дѣлъ тоже прусскому оберъ-президенту Бетхеру—военному, австрійскому фельдмаршалу фонъ Шенгальсу и министру финансовъ барону Кюбеку, передалъ 30 декабря государственный представитель, это олицетворенное ничтожество Австріи, свою верховную власть. Тайный смыслъ этого интерима было возстановленіе древняго союзнаго сейма, за который сначала тайно, а потомъ явно твердо стояла Австрія, и которое быть можетъ было бы наилучшимъ исходомъ для Пруссіи, еслибъ она приняла ее безъ дальнѣйшихъ оговорокъ и тѣмъ еще болѣе упрочила свое положеніе, и безъ того уже довольно прочное въ германскомъ союзѣ, благодаря учрежденному ею таможенному союзу и своей внутренней силѣ; никому не пришла геніальная мысль, что строго выполненная эгоистично

прусская политика, одна только въ состояніи привести Германію къ полному единству ея. Прусскій дворъ и приверженцы его дѣлились на двѣ партіи, одна изъ нихъ держалась политики соединенія, доведенной «до крайнихъ предѣловъ возможнаго», другая соединенія, для возможно скораго уничтоженія малѣйшихъ отпрысковъ революціи, и въ видахъ возстановленія стариннаго порядка вещей въ Германіи; къ несчастію король довѣрчиво выслушивалъ обѣ партіи и одна политика перекрещивалась съ другой, одна губила другую.

Все это конституціонное блужданіе привело наконецъ къ тому, что 6 февраля 1850 года король Фридрихъ Вильгельмъ IV присягнулъ конституціи, измѣненной по соглашенію съ палатами; въ тоже время казалось, что въ дѣлахъ Германіи сдѣланъ гигантскій шагъ созваніемъ въ Эрфуртѣ сейма союзныхъ государствъ; въ самомъ же дѣлѣ не смотря на мысль руководившую имъ это былъ вполнѣ безполезный поступокъ. Наступало время, когда Саксонія и Ганноверъ помышляли объ измѣнѣ; они не дождались даже окончанія обязательнаго года. 25 февраля Ганноверъ, а 27 Саксонія отказались отъ участія въ союзѣ трехъ королей; правительство послѣдняго, на свиданіи въ Мюнхенѣ съ баварскимъ и вюртембергскимъ согласилось установить новый проектъ съ участіемъ народныхъ представителей изъ 300 членовъ, избирасмыхъ черезъ посредство палатъ отдѣльныхъ государствъ; Австрія примкнула къ этому проекту, когда ей дозволили вступить въ союзъ съ полнымъ контингентомъ подвластныхъ ей государствъ. Между тѣмъ 20 марта, въ Эрфуртѣ на дѣлѣ открылись засѣданія сейма, рѣчью генерала фонъ-Радовица, этого значительнѣйшаго представителя союзной политики, при прусскомъ кабинетѣ. Чтобы двигаться наконецъ впередъ, собраніе признало 17 апрѣля конституцію въ томъ видѣ, какъ она была предложена «союзомъ» трехъ королей, съ уступкой отдѣльныхъ совѣщаній; это было сдѣлано и противъ сильнаго реакціоннаго меньшинства, также какъ и противъ желанія реакціонной партіи въ прусскомъ министерствѣ; 29 апрѣля собраніе внезапно было отложено, чтобы больше никогда не быть созваннымъ.

Уже 26 числа, австрійское правительство сбросило съ себя маску и слѣдуя давно задуманному плану, открыто перешло на сторону стариннаго союзнаго сейма. Оно предложило всѣмъ членамъ германскаго сейма, прислать къ 10 мая своихъ посланниковъ во Франкфуртѣ. Королевства и иностранные члены союза, а изъ среднихъ государствъ оба Гессена, послѣдовали приглашенію; Пруссія отвѣчала созваніемъ союзныхъ государей въ Берлинѣ и протестомъ противъ возобновленія союзнаго сейма.

Къ несчастію, это были пустыя слова, не имѣвшія существеннаго значенія. Даже самыя вѣрныя союзныя правительства сошли съ истиннаго пути; другія, какъ напримѣръ Гессенъ и Нассау, одно за другимъ искали мира и спокойствія въ присоединеніи къ партіи союзнаго сейма, который по понятіямъ Австріи не былъ отмѣненъ, а только на время отложенъ. Эта партія была до такой степени высокомѣрна, что король Вильгельмъ Вюртембергскій, сохранившій свой тронъ благодаря только вмѣшательству Пруссіи въ дѣла сосѣдняго съ нимъ Бадена, открылъ засѣданія палатъ слѣдующей, самоувѣренной фразой: «безпристрастная исторія не будетъ мечтать о цѣляхъ и стремленіяхъ, лежавшихъ въ основаніи союза 25 мая» (союзъ трехъ королей), «германское союзное государство, прибавилъ онъ, есть сновидѣніе и одно изъ опаснѣйшихъ сновидѣній; истинная крѣпость и согласіе, истинное развитіе и свобода націи, лежатъ въ основаніи сохраненія и заботы о самостоятельности и своеобразности ихъ главнѣйшихъ родовъ». Безпристрастная исторія знала уже и тогда, что баварскій министръ фонъ-деръ-Пфордтенъ приготовилъ проэктъ, въ которомъ онъ для усиленія этихъ главныхъ родовъ предложилъ общее медіатизированіе небольшихъ государствъ въ пользу большихъ королевствъ. Пруссія въ свою очередь удовольствовалась тѣмъ, что отозвала своего посланника отъ двора «суроваго Шваба», получившаго королевское достоинство изъ рукъ Наполеона. Теперь, когда дѣло было быстро покончено съ «опаснѣйшимъ изъ сновидѣній» 1848 года, съ стремленіями къ единству Германіи, германскимъ государямъ и ихъ придворнымъ хватило смѣлости, покончить съ болѣе ужасной для нихъ мечтой народовъ,—о новой свободѣ. Мартовскія министерства падали одно за другимъ. Тамъ, гдѣ во время безпорядковъ была

учреждена новая конституція по соглашенію съ камерами, избранными подъ вліяніемъ господства радикальнаго движенія, или по радикальнымъ избирательнымъ законамъ, съ нетерпѣніемъ ожидали удобнаго случая, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ вполнѣ отмѣнить эту конституцію; въ тѣхъ же государствахъ какъ напр. въ Вюртембергѣ, гдѣ за недостаточностію законности или малочисленностью демократической партіи не могли еще придти къ окончанію конституціонныхъ постановленій, рѣшено было считать ихъ недѣйствительными. Было доказано, что всѣ ищутъ блага своего отечества, или какъ серьезно увѣряли министры, желаютъ общаго соглашенія; такъ какъ его несмотря ни на какія усилія нельзя было найти, то не оставалось инаго выбора, какъ обратиться къ до-мартовской признанной старой мѣстной конституціи своихъ государствъ, какъ именно и сдѣлала соединенная Германія, обратившись опять къ своей старой до-мартовской, и если это можно опять сказать, признанной союзной конституціи. Это обращеніе совершилось безъ особеннаго труда, хотя и со всевозможными хлопотами и разнообразными протестами. Въ то самое время, когда ожившая Австрія налагала ярмо союзнаго сейма на утомленную Германію, на сѣверѣ окончилась народная война, которая оттого велась такъ медленно, что Пруссія заботилась о первенствѣ идеальной и воображаемой Германіи, а не о пользѣ и выгодахъ дѣйствительнаго германскаго государства, т. е. Пруссіи.

26 февраля 1849, года Данія объявила о заключеніи перемирія и въ то время когда Австрія просила у копенгагенскаго кабинета о командированіи датскаго адмирала, для преобразованія австрійскаго флота, государственное министерство въ Франкфуртѣ двинуло противъ датчанъ три дивизіона государственнаго войска. Отрядъ, составленный изъ пруссаковъ, баварцевъ, вюртембергцевъ и т. п., двинулся 23 марта въ Гольштинію подъ предводительствомъ прусскаго генерала фонъ Притвица. 3 апрѣля датчане открыли военныя дѣйствія на островѣ Альзенѣ, а нѣсколько дней спустя по всей Германіи раздались крики торжества при извѣстіи о побѣдѣ, одержанной 5 апрѣля, въ гавани Экернфёрдѣ нѣсколькими береговыми прусскими батареями надъ тремя датскими военными кораблями. Съ гордостью разсказывали другъ другу въ Германіи о подробностяхъ этой прекрасной существенной побѣды, о надеждахъ основанныхъ на ней: говорилось съ жаромъ о томъ, какъ въ 8 часовъ утра три корабля, одинъ 48 пушечный линейный корабль, другой 46 пушечный фрегатъ и 10 пушечный пароходъ, начали обстрѣливать двѣ береговыя четырехъ пушечныя батареи; какъ къ стоявшему близъ нихъ отряду герцога Эрнеста Кобургскаго пришла на помощь пассауская батарея, которая вскорѣ разбила кожухи на колесахъ парохода и тѣмъ заставила его удалиться съ поля сраженія; около часу линейной корабль «Христіанъ VIII» сѣлъ на мель, а на фрегатѣ «Гефіонъ» руль былъ разбитъ на двое; оба капитана просили о капитуляціи и имъ было даровано двухчасовое перемиріе; въ пять часовъ, батареи, получивъ новый запасъ боевыхъ снарядовъ, опять открыли огонь. «Христіанъ VIII» снявшійся съ мели опять сѣлъ на нее и принужденъ былъ вмѣстѣ съ фрегатомъ сдаться нѣмецкому войску; пока хлопотали о перевозкѣ 1300 человѣкъ взятаго въ плѣнъ экипажа, въ 7½ часовъ вечера капитанъ «Христіана VIII» взорвалъ на воздухъ свой корабль вмѣстѣ съ остававшимися на немъ 200 матросами. Германія, забывъ о современныхъ печаляхъ, предалась безграничной радости; особенно громко торжествовали маленькія государства Германіи, такъ какъ всѣ они, не исключая самаго незначительнаго изъ нихъ Рейсъ-Грейца, принимали участіе въ славной побѣдѣ: къ тому же Германіи пришлось оплакивать одного только убитаго, нѣхотинца изъ Рейса. Не думала и не надѣялась тогда многострадальная Германія, что ей будетъ суждено водрузить знамя новой Германіи на бастіонахъ Парижа, и что флаги ея будутъ развѣваться на французскихъ берегахъ Атлантическаго океана.

Вслѣдъ за первыхъ славнымъ днемъ, послѣдовали и другіе; 13 баварцы и саксонцы штурмовали укрѣпленія Дюппеля; 29 германское войско перешло границу Ютландіи при Бонинѣ, и 23 нѣмцы одержали славную побѣду при Кольдингѣ. 7 мая послѣ 7 часовой битвы при Зюдсо, датчане отступили къ Фридериціи, которую нѣмецкія войска 10 мая окружили и стали обстрѣливать. Въ тоже время въ Франкфуртѣ рухнула верховная государственная власть; прусское празд-

тельство нотою отъ 18, взяло въ свои руки вопросъ о войнѣ и переговорахъ, потому что верховная власть, какъ оно объявило министерству Гревеля, «не имѣетъ уже достаточно силы для взвѣшиванія мира или войны». Но у кого нѣтъ довольно характера, чтобы своевременно захватить въ свои руки цѣлое, тотъ не справится и съ частью его; Пруссія не съумѣла удержать за собой и этого положенія. Грозныя ноты Россіи и Франціи принудили ее остановить дальнѣйшее движеніе по Ютландіи; 5 іюня шлезвиго-голштейнская армія потерпѣла тяжкое пораженіе отъ вышедшихъ изъ слабо осаждаемой Фридериціи войскъ; результатомъ сраженія были 1500 взятыми въ плѣнъ нѣмцевъ, 2800 убитыми и 28 потерянныхъ орудій. 10 іюля между Пруссіей и Даніей было заключено новое перемиріе, на основаніи котораго черезъ Шлезвигъ протянута демаркаціонная линія; сѣверная часть герцогства оставалась занятой шведскими войсками, а южная прусскими; управленіе ими поручено двумъ коммиссарамъ, одному датскому Тиллишу и одному прусскому графу фонъ Эйленбургу. Начатые мирные переговоры окончились 2 іюля 1850 г. года, на основаніи ихъ Шлезвигъ отходилъ къ Даніи; отношенія 1848 были опять возстановлены въ прежнемъ видѣ, благородная кровь была пролита напрасно.

Шлезвигъ-Голштейну было предоставлено самому вести дальнѣйшую войну и опять покорять Шлезвигъ, изъ котораго по окончаніи перемирія удалилось временное правительство. Шведскія и прусскія войска покинули страну и оставили свободное поприще для начала новыхъ битвъ.

Еще разъ шлезвиго-голштейнская 30,000 армія съ 72 орудіями, подъ начальствомъ бывшаго генерала прусской службы, Виллизена явилась на мѣсто сраженія. Кровавая битва при Идштедтѣ, невдалекѣ отъ Шлезвига, гдѣ 24 и 25 іюля 1850 сражалось 26,000 шлезвиго-голштинцевъ подъ командою Виллизена и 40,000 датчанъ подъ начальствомъ Крона, окончилась пораженіемъ нѣмцевъ. 2 августа представители Англіи, Россіи, Франціи и Швеціи подписали протоколъ, въ которомъ объявлялось, что входившія въ составъ государства его королевскаго величества короля Даніи, земли и провинціи, должны быть сохранены въ совершенной неприкосновенности; къ этому протоколу присоединилась и Австрія. Дѣло не было еще вполнѣ окончено, когда прусскій посланникъ Бунзенъ отказался принять въ немъ участіе; но онъ не могъ надѣяться на успѣхъ, такъ какъ все болѣе и болѣе усиливавшаяся партія контръ-революціи въ своей безумной ненависти ко всему что имѣло отношеніе къ событіямъ 1848 года, до того забыла всякую національную честь и стыдъ, что радостно привѣтствовала побѣду датчанъ надъ шлезвигъ-голштинскими «бунтовщиками», какъ побѣду монархическаго начала надъ демократическимъ, или какъ они не краснѣя прибавляли — республиканскимъ. Наступило время, когда переполнилась мѣра стыда. Италія и Венгрія были покорены; Австрія шла на то, чтобы окончательно покорить своихъ германскихъ «бунтовщиковъ», страну Фридриха Великаго. 2 сентября Австрія открыла въ Франкфуртѣ собранія старинаго союзнаго сейма, съ условіемъ допустить присоединеніе къ нему тѣхъ государствъ, которыя до сихъ поръ еще оставались приверженными «союзу трехъ королей» (Union). Курфюрстъ гессенскій болѣе чѣмъ какой либо государь обрадовался случаю, возстановить прежній порядокъ вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ отомстить своимъ подданнымъ за ихъ противодѣйствіе. Съ этой цѣлью онъ обратился къ помощи своего министра Гассенпфлуга, который распустилъ собраніе, лишь только оно не утвердило представленный имъ финансовый планъ. 4 сентября Гассенпфлугъ издалъ распредѣленіе налоговъ, которое по существовавшимъ законамъ мѣстной конституціи, не могло быть принято безъ согласія депутатскаго собранія. Депутаты отъ сословій протестовали, страна отказывалась отъ платежа налоговъ, и наряженные суды оправдали депутатовъ, какъ этого и слѣдовало ожидать отъ честныхъ людей; чиновники, слѣдуя присягѣ, отказались повиноваться клятвопреступному правительству; офицеры также остались вѣрными присягѣ. Въ виду рѣшительнаго строго-законнаго положенія страны, курфюрстъ бѣжалъ 12 сентября черезъ границу со всѣмъ своимъ дворомъ, громко умоляя о помощи засѣдавшій въ Франкфуртѣ союзный сеймъ. Вѣрный своему прошедшему, сеймъ согласился помочь ему. Такимъ образомъ явился по крайней мѣрѣ кургессенскій вопросъ; это было послѣднее мгновеніе, когда Пруссія могла возвратить утраченное положеніе. Въ сущности Гессенъ принадлежалъ къ берлинскому «союзу», хотя

на дѣлѣ онъ и обратился за помощью къ союзному сейму. Пруссіи слѣдовало сдѣлать энергическое усиліе, чтобы спасти честь своей націи и будущность всей Германіи. 26 сентября былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ генералъ фонъ Радовицъ—человѣкъ, который примѣнилъ къ дѣлу идеи прусско-германскаго союза; этотъ выборъ былъ сдѣланъ для неоспоримаго доказательства твердости и нерушимости союзной политики германскаго союзнаго государства; этой политики нельзя было оспаривать даже съ точки зрѣнія договоровъ 1815 года, слѣдовательно и законныхъ основаній союзнаго сейма; въ области политики она воспроизводила то, что было сдѣлано полезнаго для экономическихъ началъ Германіи, установленіемъ таможеннаго союза; въ то же время она вполнѣ отвѣчала существеннымъ понятіямъ о единствѣ Германіи; съ одной стороны она соотвѣтствовала требованіямъ Пруссіи, при ея болѣе тѣсномъ сближеніи съ германскими государствами, съ другой потребностямъ мелкихъ государствъ отъ принятія ими участія въ выгодахъ и благосостояніи, проистекавшихъ отъ общности дѣлъ и стремленій; для поддержанія этой политики наконецъ, за ней стояло могучее войско, болѣе сильное чѣмъ австрійское, превосходившее своей правильной организаціей, порядкомъ и внутреннимъ духомъ, войска Вюртемберга и Баваріи. Для разсужденія о противодѣйствіи этому направленію члены австрійской партіи назначили съѣздъ въ Брегенцѣ съ 10 до 14 октября. На немъ присутствовали юный императоръ австрійскій, король баварскій и старый король вюртембергскій. Послѣдній, надѣвъ австрійскій мундиръ, былъ самымъ ревностнымъ изъ нихъ, онъ ненавидѣлъ Пруссію съ той непонятной антипатіей, съ какой ненавидѣлъ надменный, замкнутый въ своемъ партикуляризмѣ вюртембергскій народъ Пруссію, или тотъ призракъ, который онъ принималъ за Пруссію. Какъ король, онъ терпѣть не могъ династіи Гогенцоллерновъ за то, что она возвысилась надъ другими династіями, и въ томъ числѣ надъ вюртембергской; кромѣ того онъ съ его затаеннымъ честолюбіемъ не могъ позабыть о томъ, что когда то въ смутное время необдуманная молодежь предназначала его къ той золотой коронѣ, отъ которой явно отказывался Гогенцоллернъ, втайнѣ надѣясь и желая получить ее. Но его особенно пугало и безпокоило, что ненавистная династія умѣла стать на твердую ногу въ близкомъ сосѣдствѣ съ Вюртембергомъ съ тѣхъ поръ какъ принцы Гогенцоллернъ Зигмарингенскіе и Гехингенскіе, наскучивъ безцѣльнымъ ничтожествомъ и бездѣйствіемъ, добровольно присоединились къ Пруссіи 7 декабря 1849 года и съ согласія прусскихъ палатъ вошли въ составъ государства 12 марта 1850 года. Король вюртембергскій началъ словами: «когда императоръ приказываетъ, тогда мы двинемся». На первомъ собраніи было рѣшено постановить заключеніе союза несмотря на отсутствіе Кургессена и занять это государство австрійско-баварской арміей. Съ своей стороны Пруссія заняла принадлежавшія ей согласно договору этапныя дороги, и 24 октября отозвала свои войска изъ Бадена. Фридрихъ Вильгельмъ напрасно старался склонить своего царственнаго зятя императора Николая къ принятію участія въ союзной политикѣ. 26 октября произошло въ Варшавѣ свиданіе императора Россіи съ Францемъ-Іосифомъ, прибывшимъ туда въ сопровожденіи князя Шварценберга. Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ туда же графа Бранденбурга. Императоръ Николай былъ недоволенъ отсутствіемъ Фридриха-Вильгельма: «я приглашалъ сюда моего королевскаго зятя», сказалъ онъ при встрѣчѣ съ графомъ Бранденбургомъ. Императоръ весьма немилостиво отзывался о министрахъ короля и назвалъ гессенцевъ бунтовщиками, которыхъ слѣдовало изрубить. Графъ Бранденбургъ возвратился въ Берлинъ и донесъ о происшедшемъ; по совѣту министровъ онъ притворился больнымъ и легъ въ постель, съ которой уже не вставалъ. Въ бреду горячки онъ требовалъ, чтобъ ему дали мечъ и щитъ. Ему грезилось, что онъ, призванный, какъ честный дворянинъ и рыцарь для спасенія отечества отъ господства разнузданныхъ демагоговъ, успѣвъ поставить его на высокую точку, долженъ былъ теперь спокойно смотрѣть какъ оно стремится къ своей погибели. Унизить Пруссію, а затѣмъ уничтожить ее (avilir la Prusse et puis la demolir), было программой австрійскаго министра, министра несостоятельнаго государства, который въ своей дерзкой самонадѣянности воображалъ, что онъ говоритъ отъ имени сильной могущественной монархіи; 2 ноября состоялся рѣшительный совѣтъ министровъ. Радовицъ представилъ свою программу: противо-

поставить въ Кургессенѣ одну силу другой, вслѣдъ за этимъ поставить всю армію на военную ногу, созвать палаты, обратиться съ манифестомъ къ прусскому народу. Король же рѣшился принять предложенія, не захотѣлъ взять на себя отвѣтственность; онъ утверждалъ теперь также какъ и прежде, что онъ не Фридрихъ II; программа не была принята, и Радовицъ отказался отъ своего поста. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Отто фонъ-Мантейфель, будущій министръ внутреннихъ дѣлъ. Онъ довершилъ начатое Шварценбергомъ дѣло — уничтоженія Пруссіи. 3 ноября онъ увѣдомилъ Вѣну о томъ, что не будетъ противодѣйствовать выполненію постановленій союза касательно Кургессена и Шлезвигъ-Голштейна, въ которомъ въ свою очередь тоже разыгралась революція; вслѣдъ за тѣмъ вопросы о германской конституціи должны были рѣшаться на частныхъ конференціяхъ. Этимъ не удовольствовались; Австрія потребовала признанія союзнаго сейма, и уничтоженія «трехъ королей Берлинскаго союза» (Union). Въ тоже время началась мобилизація прусской арміи, такъ какъ съ своей стороны Австрія продолжала вооруженія; 8-го на гессенской территоріи въ Бронзелѣ при Фульдѣ отступавшія войска генерала фонъ-деръ Грёбена обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами съ аванпостами австробаварскаго войска подъ начальствомъ князей Турна и Таксиса, жертвой ихъ пала бѣдная лошадь трубача. 15-го числа прусскій кабинетъ объявилъ въ весьма цвѣтистыхъ фразахъ коллегіи союзныхъ государей объ уничтоженіи ихъ союза; этотъ поступокъ высказалъ въ принципѣ начала политики подчиненія Австріи. 21 собрались члены прусскихъ палатъ, и засѣданія ихъ были открыты довольно сильной и значительной тронной рѣчью; палаты все еще надѣялись на мужественную поддержку, которая могла бы измѣнить все положеніе дѣлъ. Но Шварценбергъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами; австрійскій посланникъ въ Берлинѣ потребовалъ чтобы прусское войско очистило Гессенъ въ теченіе 48 часовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ отказался принять корону изъ рукъ революціи, его министръ пошелъ дальше: онъ добровольно сдѣлалъ первый шагъ къ легитимаціи: онъ послалъ телеграмму австрійскому первому министру, въ которой просилъ его о личномъ свиданіи и вслѣдъ за этой вторую, въ которой извѣщалъ о выѣздѣ не дожидавшись отвѣта на первую. 29 ноября въ Ольмюцѣ Мантейфель подписалъ условія подчиненности, такъ называемые Ольмюцкіе пункты: отреченіе отъ правъ на союзъ, отреченіе отъ военныхъ конвенцій заключенныхъ съ Баденомъ, Ангальтомъ, Мекленбургомъ и Брауншвейгомъ, отозваніе черезъ посредство прусскихъ коммиссаровъ Шлезвигоголштейнской арміи за Эйдеръ. Австрія дѣлала уступку, которая кромѣ насмѣшки, вводила Пруссію въ убытокъ:—прусскій баталіонъ долженъ былъ содержать гарнизонъ въ Касселѣ: онъ могъ наблюдать за выполненіемъ Австріей и Баваріей постановленій союзнаго сейма.

Австрія одержала полную побѣду, не вынувъ меча изъ ноженъ.

27-го, Гассенпфлугъ и его курфюрстъ возвратились назадъ. Подъ защитою войскъ присланныхъ для усмиренія, распоряжались и разоряли они вмѣстѣ съ солдатами какъ враги свою несчастную страну. Точно такимъ же образомъ былъ усмиренъ и Шлезвигъ Голштейнъ. Кромѣ пораженія при Идштедтѣ и неудачнаго штурма датской крѣпости Фридериксштадта здѣсь не произошло ничего замѣчательнаго. 6-го января 1851 года, согласно Ольмюцкимъ пунктамъ, пріѣхали въ Киль австро-прусскіе коммиссары. Они требовали распущенія Шлезвиго-Голштинскаго національнаго собранія, отозванія и уменьшенія арміи, прекращенія военныхъ дѣйствій. Послѣ нѣкотораго сопротивленія національное собраніе принуждено было уступить и разойтись, такъ какъ занимавшія Кургессенъ ненавистныя имъ австрійскія войска готовы были двинуться на Шлезвигъ-Голштейнъ; штатгальтеры графъ Ревентловъ и Безелеръ, а также и генералъ Горетъ командовавшій войскомъ послѣ пораженія Вилизена, сложили съ себя свои должности а войско было распущено. Не смотря на это австрійцы подъ командою генерала Легедига продолжали двигаться на сѣверъ. Прусскіе піонеры построили мостъ на Эльбѣ, по которому должны были проходить чужеземцы въ Голштинію; и два прусскихъ баталіона должны были сложа руки смотрѣть, какъ одна за другой сдавались датчанамъ крѣпости Фридрихсортъ и Рендсбургъ со всѣми находившимися съ нихъ военными запасами.

Вопросъ о германской конституціи умолкъ. Открытыя въ Дрезденѣ 23 декабря 1850 года «свободныя конференціи», во время которыхъ слѣдовало окончательно разработать этотъ вопросъ, окончились послѣ многократныхъ усидчивыхъ и тяжкихъ работъ 15-го мая 1851 года, оставивъ послѣ себя огромную кучу ничего не стоющихъ протоколовъ, какъ свидѣтельство ихъ ничтожества, или какъ они имѣли остроуміе выражаться «драгоцѣнный матеріалъ» для дальнѣйшихъ разслѣдованій. Уже 27 марта 1851 года Фридрихъ-Вильгельмъ IV предложилъ государствамъ остававшимся еще вѣрными союзу, относиться къ союзному сейму который въ полномъ надлежащемъ составѣ открылъ свои засѣданія въ Франкфуртѣ 30 мая того же года.

Казалось, что все вернулось къ старому порядку. 23 сентября того же года возвратился въ Вѣну изъ изгнанія типическій представитель домартовской эпохи, старый князь Меттернихъ. Торопливо спѣшили въ маленькихъ и среднихъ государствахъ Германіи, возстановить старый порядокъ дѣлъ, ничтожнѣйшія жалчайшія придворныя должности и мѣста. Войска сняли германскія кокарды, а противъ трехъ цвѣтовъ по прежнему воздвиглись дѣтски безсмысленныя гоненія и злоба; тѣ у кого хранились еще трехцвѣтныя черныя, красныя и золотыя ленты должны были старательно прятать ихъ безмѣрно; ничтожный мелочной полицейскій надзоръ ожилъ опять и распространявшаяся повсюду съ возрастающей новой силой тиранія стала находить поддержку, и въ этой недостойной человѣчества формѣ воспроизводить единство Германіи; горе было путешественнику если онъ не успѣлъ запастись паспортомъ украшеннымъ семью печатями, помѣченнымъ на каждой изъ станцій гдѣ онъ останавливался, который бы свидѣтельствовалъ о его политической безвредности. Бюрократія мстила съ удвоенной дерзостью за страхъ испытанный ею и за трусость выказанную въ смутное время; къ политической реакціи присоединилось и церковное отвратительное лицемѣрное ханжество, распространившееся по преимуществу между протестантскими приходами и которое низвело ихъ и органы ихъ на степень полицейскихъ учрежденій. Не простое узкое самодовольство стараго чиновничества, управлявшаго ограниченными понятіями своихъ необразованныхъ подданныхъ, а сознательный духъ мщенія, мелочной злобы, радости при видѣ зла, одушевлялъ современныхъ правителей; они познали силу и могущество народнаго движенія и по этому обращались со всѣмъ, что представлялось имъ желаніемъ народа, съ ужасающей ненавистью или съ циническимъ презрѣніемъ.

Духъ ненависти и презрѣнія ко всѣмъ народнымъ стремленіямъ, или либеральнымъ взглядамъ, особенно характеризовалъ дѣятельность возстановленнаго союзнаго сейма. Прусскія провинціи Пруссіи и Познани не вошли въ составъ союза, также какъ и Австрія со всѣми своими провинціями, которой не удалось провести упрямо задуманный планъ войти всѣмъ своимъ контингентомъ въ союзъ и образовать огромное среднеевропейское государство, готовое поддерживать всевозможныя неправды и беззаконія; знаменитыя дрезденскія конференціи на отрѣзъ отказали Австріи въ ея просьбѣ, 3-го октября 1851 года. 7-го января 1852 года достойное собраніе рѣшило уничтоженіе германскаго флота; корабли изъ которыхъ онъ былъ составленъ были проданы 18 августа того же года съ аукціона статскимъ совѣтникомъ Ольденбургской службы др. Анибаломъ Фишеромъ; славное дѣло, доставившее е муисторическую извѣстность; 27 марта сеймъ объявилъ кургессенскую конституцію 1831 года несовмѣстной съ законами союза, отмѣнилъ ее и въ тоже время предложилъ курфрюсту составить новую сообразную требуемымъ условіямъ, и представить ее собранію депутатовъ для окончательнаго соглашенія. Новый проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе только рыцарской куріи и не былъ одобренъ ею: несмотря на это онъ былъ принятъ союзнымъ сеймомъ и 23 апрѣля 1852 г. объявленъ всему государству. Сейму не суждено было разрѣшить шлезвиго-голштейнскаго дѣла. Съѣхавшіеся представители кабинетовъ Копенгагена, Вѣны и Берлина въ декабрѣ 1851 года выразили, что датская монархія должна разсматриваться какъ одно цѣлое въ ея тогдашнемъ составѣ. Голштейнъ сохраняетъ депутатовъ своей провинціи, и остается въ тѣхъ же самыхъ бывшихъ отношеніяхъ къ Германіи; герцогство Шлезвигское какъ отдѣльная часть всей датской монархіи, должно сохранить какъ кон-

стиуцію, такъ и прежнія отношенія къ королевству Даніи. Союзный сеймъ утвердилъ 3 іюня 1852 года положенія выработанныя на съѣздѣ. Между прочимъ соединенная Европа, въ составъ которой не вошла Германія, успѣла овладѣть ходомъ дѣлъ. 8-го мая 1852 года въ Лондонѣ былъ подписанъ протоколъ Англіею, враждебно относившейся какъ къ Германіи, такъ и къ тогдашнему прусскому правительству, Россіею, Австріею, Франціею, Швеціею и представителемъ одного изъ германскихъ государствъ Пруссіи, Бунзеномъ, патріотизмъ котораго, не останавливаясь ни передъ дружбой къ его королевскому другу, ни къ берлинскому правительству, не помѣшалъ ему прибавить свое имя подъ этимъ новымъ актомъ, служившимъ для униженія Пруссіи и Германіи. Вышепоименованныя державы объявляли, что въ разсужденіе высокой важности, которую имѣло сохраненіе всей датской монархіи на равновѣсіе и миръ Европы, онѣ положили: ст. 1) что онѣ согласны утвердить порядокъ престолонаслѣдія, предложенный тогдашнимъ королемъ; именно что послѣ его смерти корона должна перейти на принца Христіана Шлезвигъ-Голштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскаго; ст. 2) принципъ цѣлости и полности датской монархіи признается постояннымъ; ст. 3) обязательства Голштейна и Лауэнбурга къ германскому союзу должны быть сохраняемы въ цѣлости; прочія державы приглашались приступить къ этому договору. На засѣданіяхъ союзнаго сейма, протестовала Баварія, слѣдовавшая до сихъ поръ за Австріею въ дѣлахъ германскаго вопроса, и Ольденбургъ, за то что протоколъ не признавалъ достаточности правъ герцога Аугустенбургскаго, а со стороны союзнаго сейма не послѣдовало согласія на утвержденіе статьи, касавшейся соединенной Даніи; о томъ же, что не существовало соединенной Германіи, въ томъ явнымъ свидѣтельствомъ служилъ самъ союзный сеймъ.

Такъ жалко и смѣшно окончилось великое движеніе, цѣлью котораго было созданіе новой Германіи, новаго германскаго государства. Германская государственная конституція, германскій флотъ, германское могущество и германская честь, все это всплыло какъ сновидѣніе, и какъ сновидѣніе же исчезло.

Обыденныя нужды, вчерашнія и сегодняшнія, которыя по словамъ поэта «будутъ годиться завтра, какъ онѣ годились сегодня» (morgen gilt weils heute hat gegolten) получили опять свои права, свою законность. Глубокое отчаяніе овладѣло умами всѣхъ и въ 1851 году число эмигрантовъ изъ Германіи достигло ужасающей цифры 113,000 человѣкъ. Вся сила вдохновенія, ума, и если можно сказать отчаянія, разбилась о суровую дѣйствительность, измучилась въ безполезныхъ попыткахъ, создать изъ великаго образованнаго народа, занимающаго середину материка, одно великое политическое государство; не многіе продолжали еще надѣяться и утѣшать себя мыслію, что и Римъ былъ выстроенъ ни въ одинъ день. Никто не замѣчалъ могучихъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ этотъ промежутокъ времени, такъ какъ всеобщее вниманіе было обращено на рухнувшія надежды, которыя своими обломками покрывали повсюду землю. Никто не смѣлъ еще подумать о томъ, что современному поколѣнію придется быть свидѣтелемъ паденія господства Габсбургскаго дома и возобновленія германской имперіи съ неподражаемой славой и блескомъ.

Между тѣмъ начавшееся во Франціи во имя свободы движеніе окончилось съ совершенно противоположными результатами; ловкій и смѣлый искатель приключеній добылъ себѣ корону въ мутномъ потокѣ безцѣльной и безполезной революціи.

Б. РОМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

I. Франція.

а. Революція до избранія Людовика-Наполеона президентомъ французской республики.

Мы должны перейти къ исторіи парижской революціи въ то мгновеніе, когда поздно вечеромъ 24 февраля, буйныя сцены, происходившія въ залѣ засѣданій дворца Бурбоновъ, окончились назначеніемъ временнаго правительства. Члены этого временнаго правительства отправились въ Отель-де-вилль; съ великимъ трудомъ, послѣ страшныхъ усилій, пробрались они черезъ несмѣтную толпу, собравшуюся на площади, къ лѣстницѣ зданія. Но и внутри его бушевалъ неудержимый потокъ безцѣльной возбужденной толпы народа; наконецъ послѣ немалаго труда удалось нѣсколькимъ человѣкамъ, которыхъ случай превратилъ въ членовъ временнаго правительства, пробраться, благодаря одному изъ чиновниковъ ратуши, хорошо знакомому съ расположеніемъ ея, въ небольшую комнату, незанятую пока буйною толпою. Вскорѣ временное правительство, созданное во дворцѣ Бурбоновъ, дополнилось членами другаго, учрежденнаго въ редакціонномъ помѣщеніи національнаго собранія и реформы; въ числѣ ихъ находился Луи-Бланъ, этотъ доктринеръ соціализма, и бывшій слесарскій ученикъ Альбертъ, какъ представитель новой аристократіи, сословія рабочихъ, поступавшей однако весьма демократическимъ образомъ. Немедленно было составлено нѣсколько прокламацій и выброшено толпѣ черезъ окно: одна изъ нихъ была обращена къ народу, въ средѣ котораго была провозглашена республика, съ тою только оговоркой, что окончательное рѣшеніе относительно ея должно быть предоставлено всей націи; другая къ войску съ приглашеніемъ «поклясться въ вѣрности народу, въ любви къ государственной конституціи». Вслѣдъ за этимъ были распредѣлены министерства: Ламартинъ взялъ на себя веденіе иностранныхъ дѣлъ, Ледрю-Ролленъ—внутреннихъ дѣлъ, Маненъ, министерство публичныхъ работъ, Араго, морское министерство; мэромъ Парижа былъ назначенъ Гарнье-Пажесъ, префектомъ полиціи Коссидіеръ, выказавшій свои способности, въ своемъ богатомъ происшествіями прошломъ посреди заговоровъ и уличныхъ побоищъ. Трудно доставался каждый шагъ по пути къ порядку посреди непрекращавшагося смятенія. Во время ночи, послѣдовавшей за этимъ непостижимымъ днемъ, народъ опять, безъ цѣли и смысла принялся строить баррикады, разорять казармы и отыскивая въ нихъ остатки войскъ отнимать у нихъ оружіе и оскорблять ихъ всевозможнымъ образамъ. По Отель-де-вилю сновали взадъ и впередъ толпы разгорячennаго народа, грозя каждую минуту конечной гибелью временному правительству. Каждые полчаса Ламартинъ былъ вынужденъ благодаря своему краснорѣчію, а еще болѣе присутствію духа и физической силѣ, поддерживать правительство противъ вторженія

то той, то другой толпы, которыя съ крикомъ и гамомъ предлагали одно требованіе за другимъ. Подобное же смятеніе царствовало въ продолженіе слѣдующаго дня; съизнова послѣ небольшаго отдыха начали собираться передъ ратушей толпы народа, посреди котораго развѣвалось красное знамя; они обращались къ временному правительству съ настойчивыми требованіями, которыя одни были безсмысленнѣе другихъ. Въ теченіе всего дня Ламартинъ храбро выдерживалъ характеръ. На одно изъ этихъ безсмысленныхъ требованій, было дано многознаменательное согласіе, подписанное въ видѣ декрета двумя членами временнаго правительства, Луи-Бланомъ и Гарнье-Пажесомъ, въ которомъ правительстве обязывалось выплатить «рабочимъ» милліонъ, слѣдуемый въ концѣ мѣсяца на содержаніе короля; въ томъ же декретѣ признавалось «право на работу», по которому временное правительство французской республики считалось обязаннымъ доставлять работу, каждому изъ гражданъ. Этими уступками надѣялись купить миръ и спокойствіе, во время которыхъ можно было бы осмотрѣться и устроиться. 26-го, волненіе опять достигло высшихъ границъ; множество студентовъ и національныхъ гвардейцевъ и т. п. окружили Отель-де-виль, чтобы защищать временное правительство отъ натиска и нападенія буйной толпы. 27 числа республика была торжественно провозглашена на площади Бастиліи; баррикады исчезли почти мгновенно; даже съ толпами наполнявшими Тюльери, покончили довольно скоро и легко; «величію» народа конечно было нанесено нѣкоторое оскорбленіе, условіемъ, что тѣмъ, которые занимали дворецъ, позволятъ удалиться безпрепятственно, не осматривая ихъ кармановъ.

Признаніе республики и ея временнаго правительства, успѣвшаго установиться въ Парижѣ, не встрѣтило ни малѣйшаго противодѣйствія въ остальной Франціи. Члены королевскаго семейства покинули Францію и разъѣхались во всѣ стороны; Герцогиня Орлеанская отправилась въ Бельгію, остальные спокойно уѣхали въ Англію, такъ какъ временное правительство съ своей стороны способствовало ихъ бѣгству. Довольно долгое время республиканцы боялись, чтобъ находившіеся въ Африкѣ оба сына Лудовика-Филиппа, герцогъ Жуанвильскій, командовавшій флотомъ, и герцогъ Омальскій, стоявшій въ главѣ 100.000 арміи, несдѣлали попытокъ къ возстановленію монархіи; но монархія не успѣла достаточно укорениться во Франціи, чтобы внушить народу и войску вѣрность и преданность къ себѣ. Оба принца сложили съ себя командованіе, которое отъ имени республики взялъ на себя генералъ Каваньякъ.

Казалось, какъ будто этой династіи никогда не бывало во Франціи: пэры и депутаты, генералы и префекты, судьи и чиновники, наперерывъ одни передъ другими торопились признать новое правительство; впрочемъ это было единственное средство, чтобы какъ нибудь привести въ порядокъ господствовавшій повсюду хаосъ.

Одно мгновеніе казалось возможнымъ, дать новый исходъ неуспокоившемуся еще броженію умовъ, объявленіемъ внѣшней войны,—овладѣть положеніемъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣшательствомъ въ внѣшнюю политику. Этой неосновательной мысли не раздѣляли передовые умы Франціи; исполненіе ея вызвало бы новыя неисчислимыя опасности для Франціи, не говоря уже о томъ, что она противорѣчила какъ благородству энтузіазма, такъ и правильности политическаго взгляда Ламартина. Ламартинъ, въ рукахъ котораго въ данную минуту находились всѣ политическіе интересы Франціи, также какъ и судьбы остальной Европы, издалъ краснорѣчивый манифестъ, утвержденный правительствомъ, въ которомъ хотя и принималъ ненавистный для французовъ трактатъ 1815 года, какъ совершившійся фактъ, не имѣвшій въ глазахъ республики ни малѣйшей законности, однакоже объявлялъ законными и признанными утвержденныя имъ территоріальныя отношенія; вмѣшательство въ дѣла Швейцаріи или Италіи признавалось республикой, какъ поводъ къ войнѣ. Правительство должно было наконецъ видѣть какъ оно не прибѣгая къ крайнему средству, къ войнѣ, успѣло усмирить массы парода, врученныя ея попечительству революціей, которыя она какъ безчеловѣчная мать безжалостно бросила на улицѣ. Часть революціонеровъ нашла убѣжище въ полиціи, которую пришлось преобразовать съ первыхъ же дней. Новый префектъ полиціи Коссидіеръ употребилъ на организацію полиціи самые противные ей элементы

какъ напримѣръ приверженцевъ Горы (montagne) и республиканскихъ гвардейцевъ; они, не смотря на свои убѣжденія и наружный видъ отлично исполняли дѣло.

Кромѣ того изъ среды здоровыхъ и сильныхъ ремесленниковъ и рабочихъ была образована національная гвардія (mobilgarde); съ обычной ловкостью французовъ и ихъ энергическимъ духомъ корпораціи, который съумѣли вдохнуть ей, національная гвардія повсюду выказала себя, какъ полезное и надежное войско, которое помогло линейнымъ войскамъ оправиться отъ дважды, понесенныхъ ими въ послѣднее время тяжкихъ неудачъ. Однако вышедшаго изъ настоящихъ границъ общества нельзя было удержать полицейскими преобразованіями, нельзя было обуздать и слѣпой толпы, волнуемой и поджигаемой темными, неясными идеями по большей части злонамѣренныхъ демагоговъ. Раньше всего чувствовался недостатокъ въ деньгахъ, а между тѣмъ іюльская монархія оставила финансы въ весьма жалкомъ положеніи. Это положеніе, конечно, во стократъ ухудшилось во время революціи, къ которой никто не былъ приготовленъ; въ то время какъ она заставляла всплывать могучіе и буйные элементы народа, въ тоже время постепенно исчезало сознаніе общей безопасности, а вслѣдъ за ней рушилась мирная—спокойная дѣятельность, это основное начало существованія и благосостоянія милліоновъ людей. Являлась необходимость лечить одно зло другимъ, чинить дыры лохмотьями; поэтому первый подарокъ, который могла дать новая свобода странѣ и народу, была—надбавка 45% на прямые налоги, съ помощью которыхъ Гарнье Пажесъ, имѣвшій достаточно храбрости взять въ свои руки управленіе министерствомъ финансовъ, надѣялся покрыть необходимѣйшія нужды. Но что должно было дѣлаться съ тысячами людей, у которыхъ катастрофа отняла всякую возможность добывать работу; съ фабричными, фабрики которыхъ закрылись, лишившимися мѣстъ прикащиками, художниками, учителями, ремесленниками, услугъ которыхъ никто не искалъ, такъ какъ каждый ограничивался строго необходимымъ. Было провозглашено право работы, и волей—неволей республика должна была сдержать данное слово. Министру публичныхъ работъ было разрѣшено приступить къ національнымъ работамъ, для которыхъ въ самомъ непродолжительномъ времени стеклось отъ 80, до 100,000 человѣкъ народа. Принуждены были занимать эти толпы, между которыми находились люди принадлежавшіе когда-то къ иному, лучшему кругу, безцѣльными и безполезными земляными работами, такъ какъ другихъ не имѣлось. Они зарабатывали дневную плату, сегодня копая рвы и завтра же засыпая ихъ; работа, отнимавшая у себя все, что есть высокаго, облагораживающаго въ самыхъ низкихъ степеняхъ ея, именно сознаніе пользы, необходимости труда; работа, которая изъ прилежныхъ дѣлала ничтожныхъ лѣнтяевъ. Рядомъ съ этимъ занятіемъ развивалось еще иное болѣе опасное занятіе: подъ предсѣдательствомъ Луи Блана, которому его безумное сочиненіе объ организаціи труда доставило громадную популярность, засѣдалъ въ Люксамбургскомъ дворцѣ, бывшемъ мѣстѣ засѣданій палаты пэровъ, рабочій парламентъ, въ которомъ съ неумолимой рѣзкостью говорились соціалистическія рѣчи о всевозможныхъ безсмыслицахъ и пустякахъ. Луи Блану, человѣку сильнаго ума и большихъ знаній, соревновалъ въ его неправильномъ направленіи министръ внутреннихъ дѣлъ Ледрю Ролленъ, основавшій всѣ свои правительственныя знанія на воспоминаніяхъ первой французской республики, дорогой всему французскому народу.

Онъ наводнилъ страну гражданскими комиссарами, которымъ было поручено поддерживать и оживлять въ департаментахъ Франціи республиканскій духъ и патріотическія чувства; съ этой цѣлью имъ было дано неограниченное полномочіе прибѣгать къ помощи вооруженной силы и смѣнять, по мѣрѣ надобности, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ чиновниковъ. Правительство разсчитывало, что оно будетъ имѣть нужду въ республиканскихъ чувствахъ народа, при предстоявшихъ выборахъ конституціоннаго собранія; съ этой цѣлью министръ народнаго просвѣщенія Карно старался развить ихъ въ изданномъ имъ циркулярѣ, въ которомъ онъ предлагалъ своимъ чиновникамъ, распространять между крестьянами выдумку, что для того чтобъ быть представителемъ, необходимо имѣть кромѣ состоянія, извѣстное образованіе. Нельзя не упомянуть, что министры республики не скупились раздавать щедрой рукой мѣста своимъ приверженцамъ; гоньба за

мѣстами, выпрашиванье и выжиданье наградъ и подачекъ сдѣлались общей, самой естественной потребностью. Прежде чѣмъ можно было приступить въ порядкѣ къ выборамъ въ собраніе, которое должно было полноправно рѣшить начала будущей конституціи Франціи, правительство должно было защищать и ограждать свое жалкое существованіе отъ нападеній буйной черни и господствовавшихъ въ Парижѣ клубовъ. Въ этихъ клубахъ, также какъ и въ безчисленныхъ газетахъ, являвшихся каждое мгновеніе на этой огненной почвѣ и также скоро исчезавшихъ, наполнивъ атмосферу зловредными и ядовитыми испареніями, каждая дикая мысль, всякое безобразное движеніе находили себѣ отголосокъ; каждая правительственная мѣра, каждый случайный слухъ давали поводъ къ уличнымъ манифестаціямъ: такъ напримѣръ, когда 14 марта правительство отмѣнило существовавшія до тѣхъ поръ отличія на мундирахъ національной гвардіи, на основаніи того, что при правительствѣ свободы, равенства и братства нельзя терпѣть такихъ аристократическихъ учрежденій, какъ напримѣръ медвѣжьи шапки гренадеръ и вольтижерскихъ ротъ,—это распоряженіе вызвало протестъ со стороны гренадеръ и вольтижеровъ; они отправили депутацію для защиты притѣсненнаго правительствомъ головнаго ихъ убора; это заявленіе со стороны революціонныхъ клубовъ и ихъ представителей, какъ напримѣръ Бланка Барбеса, Распайля, Кабе, Собріе и др., дало поводъ къ другой, болѣе серьезной контръ-демонстраціи; они возобновили опять попытку съ помощью черни захватить въ свои руки управленіе республикой. Предстоявшіе выборы не соотвѣтствовали ихъ желаніямъ; они не могли ошибаться на счетъ большинства членовъ національнаго собранія съ монархическими стремленіями; они много разъ высказывали, что въ такомъ случаѣ ни за что не согласятся подчиниться волѣ народа: республика, говорили они, должна стоять выше всего, даже выше права и законности голосовъ. Такимъ образомъ они изъ этой формы правленія дѣлали что-то въ родѣ божественнаго права, какъ легитимисты съ своей стороны. Они, какъ и Ледрю Ролленъ, разсчитывали на помощь и содѣйствіе членовъ самаго правительства. 1 апрѣля несмѣтныя толпы двинулись отъ Марсова поля къ Отель-де-вилю, съ красными знаменами и якобинскими шляпами. По прежнему они увидѣли, что Отель-де-виль былъ окруженъ національной гвардіей и мобилями; вмѣсто того чтобъ осаждать его своими требованіями, какъ они сначала хотѣли, они обратились съ просьбой допустить ихъ предводителей къ правительству, для того чтобы передать ему патріотическіе дары народа, т. е. небольшую сумму денегъ, собранную на Марсовомъ полѣ. Еще разъ правительству удалось одержать побѣду, и придать мужества гажиточнымъ классамъ народа, особенно скопленіемъ огромнаго множество національныхъ гвардейцевъ и нѣсколькихъ линейныхъ полковъ, призванныхъ въ Парижъ по этому важному обстоятельству и удержанныхъ пока въ немъ. Національная гвардія получила знамена изъ рукъ тогдашняго военнаго министра Араго, на которыхъ и принесла присягу въ вѣрности республикѣ.

27 апрѣля состоялись во всей Франціи выборы для національнаго собранія. Временное правительство постановило, чтобы на 40,000 человѣкъ былъ избираемъ одинъ депутатъ, что составляло для всей Франціи, вмѣстѣ съ 11 депутатами отъ колоній, всего 900 депутатовъ. Правомъ избранія пользовался всякій французъ, достигшій 21 года; избраннымъ могъ быть каждый, 25 лѣтній гражданинъ. Выборы служили доказательствомъ полной побѣды партіи порядка. Даже въ Парижѣ соціалисты потерпѣли совершенное пораженіе, несмотря на учрежденіе національныхъ мастерскихъ, парламента рабочихъ въ Люксамбургѣ, установленіе революціоннаго центральнаго правительства и «клуба клубовъ.» Ламартинъ, замѣчательнымъ способностямъ котораго, можно было приписывать сохраненіе порядка въ государствѣ въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, былъ избранъ въ десяти избирательныхъ округахъ и число голосовъ избиравшихъ его дошло до двухъ милліоновъ.

4 мая было открыто національное собраніе. Временное правительство имѣло безтактность и недостатокъ вкуса предписать депутатамъ являться не иначе какъ въ костюмѣ членовъ конвента. Собраніе объявило для всеобщаго свѣдѣнія, что оно признаетъ временное правительство, которое успѣло уже передать ему захваченное имъ полновластіе, и въ тоже время громко провозгласило объявленіе, что

республика, вмѣстѣ съ ея символомъ—свободой, равенствомъ и братствомъ, признается какъ непремѣнная и постоянная государственная форма Франціи, а французы приглашаются позабыть прежнія несогласія и раздоры и образовать одно, нераздѣльное семейство. Не больше значенія имѣло и немедленно выполненное предложеніе провозгласить республику въ колоннадѣ Palais Bourbon, въ виду народа, собравшагося на противоположномъ берегу Сены на площади Согласія. Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ обычнымъ предварительнымъ парламентскимъ занятіямъ, временное правительство, Ламартинъ и вслѣдъ за нимъ и другіе министры подали собранію отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Отечественный поэтъ, несомнѣнныя заслуги котораго были забыты впослѣдствіи, въ то время когда ко всему, что было идеальнымъ, стали относиться измѣннически, завистливо, человѣкъ незаслуженно и несправедливо отодвинутый на задній планъ, могъ похвалиться, что два тяжелые послѣдніе мѣсяца прошли благополучно для народа безъ ущерба имуществамъ, безъ арестовъ, наказаній, пролитія крови: «мы можемъ сегодня же, сложивъ съ себя диктаторство, выйти на рынокъ, въ толпу, и никому не вздумается спросить у насъ что мы сдѣлали съ тѣмъ, или съ другимъ гражданиномъ»; съ большей правотой могъ онъ съ гордостью упомянуть и о томъ, что, будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ съумѣлъ отклонить отъ Франціи войну. Каждый изъ министровъ представлялъ болѣе или менѣе яркую картину своихъ удачъ. Даже министръ финансовъ Гарнье Пажесъ нашелъ возможность представить въ концѣ года излишекъ доходовъ въ 46 милліоновъ франковъ. Задача людей, случайно ставшихъ во время сумятицы во главѣ правительства, была хотя и не вполнѣ легкая, но сравнительно далеко незамысловатая. Главнѣйшимъ дѣломъ ихъ было сохраненіе и вооруженіе силъ порядка противъ напора буйной анархіи; они могли отложить, отодвинуть пока въ сторону, предоставить національному собранію всѣ трудные вопросы, и изъ нихъ первый великій вопросъ—окончательной организаціи новой Франціи, который въ сущности оставался въ прежнемъ своемъ видѣ. Собраніе было настоящимъ государемъ Франціи, оно же и должно было дѣйствовать.

Сначала ему вздумалось учредить новое правительство. Явилось предположеніе назначить Ламартина временнымъ президентомъ его, онъ отклонилъ предложеніе; съ свойственной ему прозорливостью, онъ предвидѣлъ, что скоро наступятъ такія обстоятельства, когда и онъ, мастеръ своего слова, не будетъ въ состояніи добиться желаемаго. Рѣшено было учредить что-то въ родѣ директоріи, — исполнительную коммисію изъ пяти членовъ; 10 мая: были избраны Араго, Гарнье Пажесъ, Мари, Ламартинъ и Ледрю Ролленъ. Вслѣдъ за этимъ, коммисія занялась назначеніемъ министровъ; между прочими находились Кремье, министръ юстиціи; онъ игралъ значительную роль во время безпорядковъ 24 февраля; онъ присутствовалъ при отъѣздѣ короля и впослѣдствіи разсказывалъ: «что онъ упряталъ королевство въ дорожную карету.» Каваньякъ былъ назначенъ военнымъ министромъ, а Карно министромъ народнаго просвѣщенія. Ходомъ дѣлъ какъ національнаго собранія, такъ и правительства, вскорѣ овладѣла партія умѣренныхъ республиканцевъ, изъ которыхъ многіе, какъ напр. Одилонъ Барро, были прежде приверженцами династіи, а впослѣдствіи сдѣлались республиканцами. Было довольно трудно сочувствовать настоящему, и отказаться отъ идеальныхъ мечтаній и фантастическихъ подражаній первой республикѣ. Министерство, составленное изъ людей съ передовыми стремленіями, во главѣ котораго по прежнему стоялъ непрактическій Луи Бланъ, было отклонено. При подобномъ ходѣ дѣлъ конечно никто не обращалъ вниманія и не принималъ въ разсчетъ соціалистической партіи народа и его предводителей. Они сами сознавали, что партія порядка сильна и что Франціей опять будетъ управлять правительство, что конечно не очень нравилось имъ. У нихъ не было поводовъ и причинъ нападать на національное собраніе и на его исполнительную власть. Они избрали изъ нихъ самый далекій изъ вопросовъ, именно польскій вопросъ. Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, французы менѣе другихъ способны усвоивать себѣ понятія и особенности другихъ національностей; въ тоже время они самые плохіе колонисты. Напротивъ Франція глубоко убѣждена въ томъ, что ея призваніе, ея великая задача въ мірѣ распространять между всѣми народами идеи свободы и горячо слѣдить за разви-

тіемъ ея преимущественно въ Польшѣ, которая по своему географическому положенію настолько отдалена отъ нея, что нельзя и думать о серьезномъ вмѣшательствѣ въ ея дѣла. Къ тому же поляки по своей легкомысленности, рыцарской храбрости, страстности увлеченій и боязни всякой мало-мальски серьезной политической работы, находятся въ близкомъ родствѣ съ французами. Временное правительство одарило польскихъ эмигрантовъ, ожидавшихъ возстановленія Польши какъ неизбѣжнаго слѣдствія февральской революціи, цѣлымъ потокомъ громкихъ фразъ, ласковыхъ словъ и небольшою суммою денегъ. Надежды на успѣхъ возстанія Польши рушились, и опять послѣ неудачи вернулись бѣглецы во Францію, въ коротко знакомую имъ страну, къ знакомымъ революціоннымъ клубамъ, въ которыхъ они составляли значительное большинство. 10 мая одинъ изъ членовъ, передалъ національному собранію адресъ отъ множества поляковъ, въ которомъ они приглашали Францію исполнить ея святое назначеніе—«освободить сестру изъ-подъ меча враговъ.» Депутатъ, родомъ полякъ, прибавилъ, что національное собраніе должно ходатайствовать за Польшу, при франкфуртскомъ парламентѣ.

15 мая въ день назначенный для преній по этому вопросу, около полудня носѣтители и члены клубовъ собрались на площади Бастиліи и вмѣстѣ съ прихлынувшимъ громаднымъ стеченіемъ народа, около 100,000 человѣкъ, двинулись по улицамъ Парижа. Генералъ, командовавшій войсками, расположенными на площади Согласія, не смотря на все свое желаніе не могъ сопротивляться имъ и удержать ихъ; точно также вскорѣ долженъ былъ открыть имъ доступъ во внутренность зданія палатъ, защищавшій входы и выходы въ него, батальонъ мобилей. Такимъ образомъ, подобно 24 февраля, буйныя толпы революціонеровъ наводнили залу засѣданій національнаго собранія. Тотчасъ же они принудили президента Буше прочесть адресы въ пользу Польши. Вслѣдъ за первымъ требованіемъ послѣдовали и дальнѣйшія. Народъ, захвативъ залу засѣданій, казалось, не хотѣлъ выходить изъ нея. Бланки, одинъ изъ предводителей народа, объявилъ, что необходимо тотчасъ же доставить хлѣбъ народу, двинуть остановившіяся работы— при этомъ не затруднялись прибѣгать къ довольно страннымъ мѣрамъ, остановкѣ самой важной изъ государственныхъ работъ, работы конституціоннаго собранія; другой изъ народныхъ предводителей, депутатъ Барбесъ требовалъ отъ собранія, чтобъ оно объявило, что народъ въ этотъ день сдѣлалъ многое на пользу и благо отечества, что впрочемъ нетрудно было и сдѣлать. Послѣ невыразимаго смятенія и шума въ переполненномъ залѣ, Барбесъ взялся за дѣло съ болѣе практической точки зрѣнія; онъ предложилъ издать декретъ о наложеніи на богатыхъ пошлины въ милліардъ, для того чтобы имѣть средства вести войну за освобожденіе Польши; часа черезъ два, во время которыхъ безпорядокъ и анархія достигли высшихъ размѣровъ, одинъ изъ депутатовъ Губеръ сквозь гамъ и крикъ объявилъ присутствовавшимъ, что во имя обманутаго своими же представителями народа, національное собраніе должно считаться распущеннымъ. Президентъ и большинство членовъ покинули поле битвы, на которомъ новая революція принялась пародировать 24 февраля и установлять новое временное правительство. Въ этихъ занятіяхъ они были непріятно поражены извѣстіемъ о движеніи войскъ, къ помощи которыхъ между тѣмъ успѣлъ обратиться президентъ республики. Возмутившіеся не дождались прибытія солдатъ и кинулись къ Отель-де-вилю, которымъ и овладѣли послѣ недолгаго сопротивленія. Тамъ учредили новое правительство, состоявшее изъ Бланки, Барбеса, Альберта, Луи Блана, Прудона, Кабе, всѣхъ представителей соціалистическихъ фантазій; однимъ изъ первыхъ занятій ихъ, былъ проектъ объявленія войны «сѣверныхъ державамъ,» въ случаѣ если онѣ не согласятся приступить немедленно къ возстановленію Польши. Все это дало правительству возможность собрать національную гвардію и мобилей.

До того бѣденъ и несостоятеленъ былъ этотъ болтливый народъ, что не нашлось никого кромѣ Ламартина, который и въ этомъ случаѣ, какъ и въ предъидущихъ, съумѣлъ дѣйствовать энергически. Къ нему присоединился и Ледрю Ролленъ, хотя пустой, но по крайней мѣрѣ не безумный человѣкъ. Оба стали во главѣ національныхъ гвардейцевъ и мобилей и одушевляемые восклицаніями наполнявшей улицы буржуазіи, направились къ Отель-де-вилю безъ малѣйшаго сопротивленія. Предводители возстанія, по всей вѣроятности очень довольные не-

вольнымъ окончаніемъ своего сумазбродства, сдались безпрекословно. Порядокъ былъ возстановленъ и на прочихъ пунктахъ и 21 мая было отпраздновано торжество дружбы и согласія, на которомъ передъ достойными сожалѣнія почетными гостями, вслѣдъ за статуей свободы, которую тащили быки съ вызолоченными рогами, тянулось безконечно длинное шествіе вооруженнаго и невооруженнаго народа.

Между прочимъ на переднемъ планѣ общественныхъ интересовъ явилась, до сихъ поръ мало обращавшая на себя вниманіе личность. Во время первыхъ дней февральской революціи въ Парижъ пріѣхалъ герой страсбургскихъ и булонскихъ приключеній, Лудовикъ Наполеонъ Бонапартъ, вернувшійся опять изъ Лондона по первому намеку временнаго правительства. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, выдававшій себя письменно и на словахъ законнымъ наслѣдникомъ идей Наполеона, былъ избранъ представителемъ четырехъ избирательныхъ округовъ, въ томъ числѣ и города Парижа, въ которомъ въ послѣднее время обнаружилось новое политическое явленіе, явная приверженность къ бонапартизму. Чтобы противодѣйствовать ему, исполнительная коммисія предложила привести въ исполненіе изданные въ 1816 и 1832 законы объ изгнаніи изъ Франціи семейства Бонапартовъ, въ отношеніи одного изъ нихъ, именно Лудовика-Наполеона Бонапарта, между тѣмъ какъ двое другихъ Петръ и Жеромъ были членами національнаго собранія; 13 іюня собраніе высказалось въ пользу дѣйствительности выбора Лудовика-Наполеона, на томъ основаніи, что для республики недостойно опасаться какого нибудь претендента и потому, что Луи Бланъ, изучившій этотъ вопросъ основательно, такъ какъ онъ написалъ пять томовъ объ исторіи Франціи въ промежутокъ времени между 1830—1840 годами, утверждалъ положительно о совершенной невозможности возстановленія какого бы то ни было трона, или династіи во Франціи.

Это рѣшеніе повело за собою натянутое положеніе между собраніемъ и исполнительною комиссіею. Впрочемъ у Людовика-Наполеона было довольно соображенія, чтобы довольствоваться пріобрѣтеннымъ и выжидать удобнаго времени для дальнѣйшихъ попытокъ; для него довольно и того, что теперь заставилъ говорить о себѣ: въ посланіи къ президенту національнаго собранія онъ объявилъ, что онъ, до поры до времени, отказывается отъ возвращенія во Францію для того, чтобы имя его не послужило поводомъ къ волненіямъ: «надѣюсь, спокойствіе въ скоромъ времени окончательно будетъ возстановлено, и мнѣ тогда можно будетъ возвратиться, чтобы занять скромное мѣсто послѣдняго изъ мирныхъ гражданъ Франціи, гдѣ я всѣ свои душевныя и умственныя силы употреблю на то, чтобы содѣствовать счастію и спокойствію моего отечества».

Неизвѣстно, предвидѣлъ ли онъ, что національныя мастерскія не могутъ оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ находились, и что необходима въ нихъ перемѣна, или катастрофа, ближайшія слѣдствія которой онъ, какъ человѣкъ умный, предвидѣлъ. Въ началѣ іюня число рабочихъ, получавшихъ за самую ничтожную работу сравнительно большую плату, возросло уже на 117,000 чел.; частные промышленники энергически возобновили работы по всѣмъ самымъ разнообразнымъ отраслямъ промышленности, но національныя мастерскія отнимали у нихъ производительную работу и силу и оттого частныя предпріятія страдали; въ видахъ же государственнаго строя, въ этихъ національныхъ мастерскихъ таилось иное, гораздо худшее зло: это были какъ бы революціонные центры, въ которыхъ всегда готовое скопище недовольныхъ могло, въ каждую данную минуту, взяться за оружіе и явиться на баррикадахъ; къ тому же эта масса тунеядцевъ ежедневно возрастала, крѣпла и организовалась, сознавая свою силу. При первыхъ признакахъ того, что у правительства родилась мысль закрыть эти скопища тунеядства, между рабочими національныхъ мастерскихъ обнаружилось неудовольствіе: когда же, іюня 20, министръ общественныхъ работъ потребовалъ еще кредита на три милліона франковъ, чтобы бросить ихъ въ эту бездонную пропасть національныхъ мастерскихъ, тогда національное собраніе очень открыто и прямо высказало свое неудовольствіе; не оставалось сомнѣнія въ томъ, что послѣдній часъ мастерскихъ приближается. Но рабочіе не дождались этого часа, по одному объявленію «Монитера», по которому всѣхъ годныхъ для военной службы рабочихъ предполагалось завербовать въ солдаты. Вечеромъ 22 числа

рабочіе національныхъ мастерскихъ высыпали на площадь Пантеона, гдѣ послѣ горячихъ преній, совѣщаній и споровъ положено было, чтобы всѣ опять собрали туда же на слѣдующее утро, но съ оружіемъ въ рукахъ.

Экзекуціонная комиссія была вооружена; и слѣпой могъ предвидѣть столкновеніе. Еще заранѣе выписанъ былъ изъ Алжира генералъ Евгеній Каваньякъ, человѣкъ, съ энергическимъ характеромъ, прямымъ, честнымъ республиканскимъ образомъ мыслей; ему вмѣстѣ въ военнымъ министерствомъ передано было главное начальство надъ всѣми вооруженными силами Парижа. Линейнаго войска въ Парижѣ находилось 25,000 чел., кромѣ того вполнѣ надежной подвижной гвардіи (garde mobile) и полиціи, тоже около 20,000 чел.; кромѣ этого постояннаго войска, для защиты Парижа была подъ руками національная гвардія, а для стройнаго веденія уличной войны, вслучаѣ новаго возмущенія черни и баррикадъ, былъ выработанъ и утвержденъ подробный планъ военныхъ дѣйствій; республика воспользовалась при составленіи своего плана ошибками предъидущихъ правительствъ, дважды потерпѣвшихъ пораженіе при столкновеніи съ народомъ.

Несмотря на то, что казалось, было все приготовлено и предвидѣно, побѣда въ начавшейся борьбѣ съ рабочими досталась не легко. Рабочіе національныхъ мастерскихъ подчинились тоже новаго рода дисциплинѣ, безъ которой массы ихъ не могли бы дѣйствовать, ихъ порядокъ былъ вынужденъ ихъ многолюдствомъ. Поутру 23 числа рабочіе стекались на указанное мѣсто. На этотъ разъ они дѣйствовали самостоятельно; ими не командовалъ ни одинъ изъ выдающихся политическихъ двигателей; люди подобные Луи-Блану, которые видѣли въ нихъ представителей массы рабочихъ, трудящихся и страдающихъ, уже давно исчезли и оставили ихъ, потому что не нашли въ нихъ того, что предполагали въ нихъ видѣть. Массы рабочихъ наполняли площадь и стягивались по берегамъ Сены, на мостахъ и бульварахъ; начальствовалъ ими Пужоль; онъ далъ приказаніе строить баррикады. Работа закипѣла; никто не мѣшалъ ей; казалось, будто правительство позволяетъ волненію развиваться и разростаться съ цѣлью разомъ покончить съ нимъ. Каваньякъ съ своимъ войскомъ находился подлѣ дворца національнаго собранія; а своихъ подчиненныхъ генераловъ, Бедо, Ламорисьера и Дамема, расположилъ на различныхъ пунктахъ Парижа: Бедо предоставилъ защиту Отель-де-вилля и его окрестностей, Ламорисьеру—пространство между Отель-де-виллемъ и Тюльерійскимъ дворцомъ, а Дамему лѣвый берегъ Сены съ Люксамбургскимъ дворцомъ. Около полудня первая схватка завязалась на баррикадѣ близъ Портъ-Сенъ-Дени; на этотъ разъ войско съ народомъ не имѣло ничего общаго, никакихъ переговоровъ, никакихъ дружественныхъ изъявленій; даже всякая попытка къ примиренію была отвергнута: Араго, Ламартинъ и др., желавшіе предотвратить кровопролитіе, пытались было войти въ переговоры съ возмутившимися, успокоить и образумить ихъ, но слова ихъ встрѣчены были дикими возгласами и ругательствами возмутившихся: но ночь наступила, ничего рѣшительнаго не произошло.

На слѣдующій день, съ наступленіемъ утра, битва возобновилась. Главная квартира инсургентовъ находилась на площади Пантеона; въ ихъ власти были предмѣстья: Тампль, Сенъ-Жакъ, Сенъ-Антуанъ, слѣдовательно вся восточная часть города, и нападеніе преимущественно направлено было на Отель-де-виль. Національное собраніе, въ виду предстоящей опасности, не расходилось и объявило свое засѣданіе безпрерывнымъ; около 9 часовъ утра оно получило извѣстіе, что Отель-де виль находится въ большой опасности. Дѣло было въ высшей степени серьезное и мѣры приняты были энергическія, на какія не отважились бы ни Карлъ X, ни Людовикъ Филиппъ: Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, а вся исполнительная власть всецѣло вручена была Каваньяку. Извѣстіе объ этомъ распоряженіи встрѣчено было съ полною радостью: свобода съ своими представителями до того надоѣла народу, что онъ былъ радъ-радехонекъ видѣть диктаторскую власть въ рукахъ одного человѣка, все равно, въ рукахъ кого; при такомъ условіи какъ бы дѣлалось свободнѣе; Каваньякъ не задумался энергически употребить въ дѣло данную ему власть. Къ вечеру главная и сильнѣйшая позиція возставшихъ, Пантеонъ, былъ уже въ рукахъ войска, равно какъ и большая часть лѣваго берега Сены; Отель-де-вилю не угрожала больше опасность;

національная гвардія сначала колебалась, показывала большую вялость и неохоту, но теперь не уступала въ рвеніи остальнымъ войскамъ; изъ окрестностей въ Парижъ стягивались подкрѣпленія; положено было въ національномъ собраніи, особенно между Каваньякомъ и Ламартиномъ, еслибы сверхъ всякаго чаянія, инсургенты все-таки одержали верхъ, то отступить изъ столицы и временное правительство перевести въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ. Теперь дѣло шло не о династіи, а о существованіи государства и общества. Опасность была велика.

Еще разъ сдѣлали попытку миролюбиво окончить дѣло, но опять безуспѣшно; съ той и съ другой стороны раздраженіе достигло такой ярости, что нельзя было и думать о какомъ бы то ни было примиреніи. Вотъ почему 25 числа пролито было еще больше крови, чѣмъ наканунѣ. Наканунѣ, т. е. 24, генералъ Дамемъ, начальствовавшій на лѣвомъ берегу Сены, былъ смертельно раненъ; мѣсто его занялъ генералъ Бреа, онъ сдѣлалъ непростительную ошибку: близъ заставы въ Фонтенбло, началъ переговоры съ возмутившимися и съ небольшой свитой самъ отправился къ нимъ; его вѣроломно окружили, схватили и посадили подъ арестъ, но нѣсколько минутъ спустя къ нему ворвалась бѣшенная толпа и умертвила его и его спутниковъ. Центромъ командовалъ также уже четвертый начальникъ: генералъ Бедо былъ тяжело раненъ; начальство принялъ Дювильс, но онъ былъ убитъ наповалъ, равно какъ и занявшій его мѣсто Негрье, павшій нѣсколько часовъ позже него; дѣйствіе пріостановилось; въ ожиданіи новаго начальника штурмъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ былъ прекращенъ; пользуясь минутной остановкой, архіепископъ парижскій, повинуясь христіанскому чувству, вздумалъ явиться миротворцемъ и, полагаясь на свое духовное значеніе, прямо пошелъ къ возмутившимся, но поплатился жизнію за свое рвеніе. Вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами духовнаго званія въ облаченіи пошелъ онъ прямо на сильнѣйшую изъ баррикадъ, при самомъ началѣ предмѣстья; его привѣтствовали съ криками радости; онъ усовѣщевалъ возставшихъ, которые вскорѣ согласились начать переговоры; но по какому-то неизвѣстному случаю непріязненныя дѣйствія возобновились; барабанщикъ пробилъ невѣрно сигналъ; началась перестрѣлка и пуля, должно быть солдатская, поразила архіепископа сзади; инсургенты въ ужасѣ и со слезами подняли обожаемаго пастыря, внесли его въ домъ и съ уваженіемъ и съ любовью заботились о немъ; но 27 онъ скончался въ своемъ архіепископскомъ дворцѣ; послѣднія слова его были: «дай Богъ, чтобы моя кровь была послѣдняя теперь пролитая!» Послѣ Негрье начальство принялъ генералъ Перрѣ; возмутившіеся на этой точкѣ сами вздумали войти въ переговоры и поздно ночью послали депутацію къ Каваньяку. Но теперь было ужь слишкомъ поздно: отъ генерала Ламорисьера пришло донесеніе, что предмѣстье Тампль, послѣ жесточайшей битвы, при которой дома брали штурмомъ и сжигали ихъ, было очищено; Каваньякъ требовалъ отъ уцѣлѣвшихъ инсургентовъ немедленной и безусловной покорности и давалъ имъ только до 10 часовъ утра времени все обдумать.

Но тутъ на одной родной почвѣ встрѣтились два интереса, два враждебныя другъ другу общества; инсургенты не могли рѣшиться принести повинную голову и въ 10 часовъ началось обстрѣливанье послѣдняго ихъ оплота: баррикады Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Къ полудню и оно было занято, хотя въ сосѣднихъ улицахъ еще до вечера продолжалась перестрѣлка; но какъ бы то ни было возстаніе было подавлено. Невозможно съ точностью опредѣлить числа жертвъ; но приблизительно можно полагать, что погибло около 50,000 человѣкъ; во всякомъ случаѣ это была самая кровопролитная уличная битва, когда либо обагрявшая кровью Парижъ. Со стороны регулярнаго войска однихъ генераловъ убито было семеро, а ранено пятеро. Множество инсургентовъ въ продолженіе битвы и въ теченіе слѣдующихъ дней были взяты въ плѣнъ и пойманы. На первое время ихъ помѣщали въ казематахъ укрѣпленій; въ національномъ собраніи сдѣлано было предложеніе, всѣхъ рабочихъ попавшихся въ руки правительства съ оружіемъ въ рукахъ, перевезти въ одну изъ отдаленныхъ французскихъ колоній; а ихъ было больше 15,000 человѣкъ. Это было самое человѣколюбивое предложеніе: такимъ образомъ ихъ спасали по крайней-мѣрѣ отъ мести національной гвардіи, которая на нихъ смотрѣла, какъ на своихъ злѣйшихъ вра-

говъ; къ тому же инсургенты вызвали всеобщее негодованіе своими жестокостями, съ которыми обращались съ попадавшимися въ ихъ руки военными; такимъ образомъ вызвали противъ себя такую ненависть, что имъ нечего было ожидать ни малѣйшей пощады.

Іюля 28 Каваньякъ въ національномъ собраніи сложилъ съ себя полномочіе. Ему объявлена была благодарность за услуги, имъ оказанныя всему народу, и тутъ же вручена была исполнительная власть. Нельзя было обойтись безъ сильной руки, твердо укротившей волненіе; если республика была возможна, то при критическомъ положеніи дѣлъ она была только возможна при твердомъ управленіи. Каваньякъ составилъ свое министерство изъ политическихъ друзей, такихъ же раціоналистовъ, какъ онъ самъ; но прежде всего необходимо было установить твердый порядокъ, а потомъ только можно было помышлять о свободѣ. Національныя мастерскія, само собою разумѣется, были закрыты, а ихъ учредители, Луи-Бланъ и др., нашли необходимымъ оставить Францію. Полиція оказывала особенную бдительность и строгость; нѣсколько легіоновъ національной гвардіи, во время битвы дѣйствовавшіе нерѣшительно и неохотно, были распущены; осадное положеніе Парижа продлили на неопредѣленное время; строгій надзоръ былъ учрежденъ за печатью: поручительство и залоги для газетъ опять возобновлены; Карлъ X и Людовикъ-Филиппъ потеряли престолъ изъ-за менѣе жесткихъ и строгихъ мѣръ. Но инаго исхода не было: надобно было, во что бы то ни стало, подавлять эти враждебныя силы, которыя не хотѣли подчиняться общему строю государственнаго порядка и стремились разрушивъ все, на развалинахъ прошедшаго создать совершенно новый порядокъ вещей; вскорѣ оказалось что Франція изъ опасенія именно этого переворота готова была выносить не сравненно больше стѣсненій и подчиненій, чѣмъ какую нибудь военную диктаторскую власть, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, или мѣсяцевъ.

Одушевленіе, вызванное февральскою революціей, давно уже прошло. Общее чувство было тревожно; всѣ болѣе, или менѣе сознавали критическое положеніе Франціи, не только въ политическомъ, но и въ финансовомъ отношеніи. Мечты объ экономіи и о сбереженіяхъ давно уже разлетѣлись: съ увѣренностью можно было предвидѣть дефицитъ отъ 3 до 400 милліоновъ; анархія, хотя безспорно и была подавлена, но ея элементы таились въ народѣ; на существующую государственную форму правленія народъ, смотрѣлъ недовѣрчиво, потому что она не исполнила ни одного изъ своихъ обѣщаній. Чѣмъ болѣе умы успокоивались отъ ужаса, охватившаго ихъ въ іюльскія смуты, тѣмъ яснѣе сознавали, что Каваньякъ не выполняетъ общественныхъ требованій, что онъ самъ только временная мѣра. При новыхъ выборахъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ни одинъ изъ нихъ не палъ на человѣка съ ч е с т н ы м ъ р е с п у б л и к а н с к и м ъ образомъ мыслей, на сторонѣ котораго былъ Каваньякъ и его друзья.

Въ числѣ вновь выбранныхъ находился Людовикъ Бонапартъ, на этотъ разъ онъ безъ дальнихъ околичностей принялъ избраніе и 26 сентября въ первый разъ явился въ собраніе депутатовъ. Онъ прочиталъ короткую рѣчь: онъ говорилъ, что употребитъ всѣ свои старанія и силы, чтобы доказать республикѣ свою благодарность за то, что она возвратила ему отечество. Любопытство, съ которымъ ожидали перваго появленія п р е т е н д е н т а, было удовлетворено; нашли, что въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, ничего такого, что производитъ впечатлѣніе на толпу, или на палату, составленную изъ людей, въ какомъ нибудь отношеніи выдающихся; съ этихъ поръ вошло въ моду съ пренебреженіемъ говорить о ничтожествѣ характера и способностей претендента. Нашли, что наступило время, когда съ полною безопасностью можно отмѣнить всѣ постановленія, существующія противъ Бонапартовъ.

Для дальнѣйшей судьбы этого незамѣтнаго депутата, на котораго каждый сколько нибудь замѣчательный ораторъ и адвокатъ смотрѣлъ, какъ на ничтожество, годное только на то, чтобы имъ помыкать сколько и какъ угодно, для дальнѣйшей судьбы его было важно, что онъ не принималъ никакого участія въ борьбѣ рабочаго сословія съ среднимъ—достаточнымъ, что онъ не былъ принужденъ примыкать къ той, либо къ другой сторонѣ и даже не высказывался, которой изъ двухъ больше сочувствуетъ; онъ вышелъ на сцену какъ человѣкъ со-

всѣмъ новый, осѣненный славой имени, передъ которымъ Франція привыкла преклоняться и которое сулило ей надежды, уже столько разъ обманувшія ее въ прежнія царствованія. Подобно Октавіану, онъ молчалъ и дожидался; это было очень благоразумно съ его стороны; онъ не выдавался впередъ и не высказывался даже при главной работѣ собранія при окончательномъ составленіи конституціи для Франціи.

Чтобы подготовить всѣ необходимые для этого дѣла матеріалы, еще въ маѣ была назначена коммиссія, составленная изъ представителей всѣхъ существующихъ во Франціи партій. 4 сентября начались пренія; но къ величайшему удивленію замѣтили, что парламентскіе дебатты ведутся съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде и въ народѣ не возбуждаютъ такого интереса, какой возбуждали прежде. Это не трудно объяснить: прежде парламентскія пренія служили главнѣйшимъ политическимъ возбудительнымъ средствомъ, столько же необходимымъ для буржуа и рабочаго, какъ его рюмка коньяку, или чашка крѣпкаго кофе; теперь же частію привыкли къ волненіямъ инаго рода и потому парламентскія казались безцвѣтны, частію и парламентскія рѣчи и споры положительно надоѣли, частію же ожидали окончательнаго рѣшенія вопроса о формѣ правленія, какую приметъ французское общество, отъ иныхъ причинъ и случайностей, а не отъ парламентскихъ толковъ, споровъ и рѣчей. А между тѣмъ не было недостатка въ вопросахъ, глубоко затрогивающихъ интересы людей мыслящихъ и патріотовъ; былъ вопросъ о правахъ рабочихъ, который такъ скоро и легко былъ разрѣшенъ временнымъ правительствомъ; объ уничтоженіи смертной казни, или о необходимости сохранить ее; за политическія преступленія она была уже отмѣнена; толковали о томъ, какъ распредѣлять подати и налоги, просто ли по наличному состоянію, или прогрессивно увеличивая ихъ по мѣрѣ увеличенія состоянія; разсуждали о системѣ правленія, объ одной, или о двухъ палатахъ, о поголовной подачѣ голосовъ и о непосредственныхъ выборахъ. Для текущаго времени самый важный вопросъ заключался въ томъ: какимъ образомъ выбирать президента французской республики. Рѣшено было ограничить правительство одною палатою, составленною изъ лицъ, назначенныхъ прямымъ, непосредственнымъ выборомъ. Назначеніе этой палаты собранія состояло въ томъ, чтобы олицетворять царственное значеніе Франціи: послѣ этого было логично предоставить выборъ президента республики этому собранію для того, чтобы избѣжать столкновенія между законодательною и исполнительною властью. Очень рѣзко, какъ будто будущее лежало открыто передъ его глазами, Феликсъ Піа, очертилъ опасности другаго пути: онъ представилъ могущество, какое будетъ имѣть президентъ избранный при значительномъ большинствѣ голосовъ непосредственно самимъ народомъ, при поголовномъ голосованіи;— такой президентъ всегда можетъ сказать, что онъ больше каждаго изъ начальниковъ и депутатовъ, потому что каждый изъ нихъ избранъ въ депутаты только отъ одного своего департамента, тогда какъ онъ избранъ всею Франціею, къ тому же можетъ сказать: каждый изъ васъ представитель одной части народа, тогда какъ я представляю цѣлый народъ; онъ указывалъ на то, что такой президентъ не захочетъ подчиниться палатѣ и тѣмъ ограниченіямъ, какія налагаетъ конституція, тогда какъ эта самая конституція, могъ бы онъ прибавить, ставитъ его во главѣ всего управленія и дастъ ему такое могущество въ странѣ на столько централизованной, какъ Франція: «не надобно испытывать Бога, прибавилъ онъ, но еще меньше надобно испытывать людей.» Другими словами, онъ отвергалъ возможность республиканскаго образа правленія для Франціи, которая отъ народа и отъ каждаго изъ его представителей въ отдѣльности требуетъ самообладанія и самопожертвованія въ пользу закона, на что французы никогда не были и не будутъ способны. — При этомъ случаѣ было сдѣлано предложеніе лишить права быть избранными на мѣсто президента всѣхъ родственниковъ близкихъ и дальнихъ династій и семействъ, когда либо царствовавшихъ во Франціи; этимъ случаемъ Людовикъ Наполеонъ воспользовался, чтобы протестовать, какъ на клевету, на названіе претендента, которымъ его заклеймили. Предложеніе было отвергнуто и рѣшено было приступить къ избранію будущаго президента посредствомъ общей всенародной подачи голосовъ.

Ноября 4-го конституція была окончательно утверждена большинствомъ 739 голосовъ, противъ 30, а 12-го тогдашнимъ президентомъ національнаго собранія Армандъ Марра (Armand Marrast) всенародно и торжественно объявлена на площади Согласія. Введеніе въ конституцію напоминало нѣкоторымъ образомъ конституцію 1791 года тѣмъ, что и здѣсь прежде всего, рѣчь шла о правахъ человѣческихъ и о теоретическомъ возвращеніи на основныя правила, служащія фундаментомъ для новой республики: свобода, равенство и братство, законы, гораздо старше всѣхъ существовавшихъ когда либо законовъ. Но вмѣсто того, чтобы объяснять права народа вообще, въ конституціи очень предусмотрительно, но очень недѣйствительно, помѣщенъ былъ совѣтъ строго исполнять самыя необходимыя обязанности: «граждане обязаны любить отечество, служить республикѣ, защищать ее до послѣдняго мгновенія жизни»; — уничтоженіе замѣщенія одного другимъ въ войскѣ на службѣ было отвергнуто 663 голосами противъ 140—«они должны нести государственную тягость, сообразно съ ихъ состояніемъ; они должны снискивать себѣ способы жизни своимъ собственнымъ трудомъ, экономіей и предусмотрительностью обезпечивать себѣ будущность.»—Далѣе выражено царственное могущество французскаго народа, права и преимущества его тутъ же высчитывались; въ числѣ этихъ преимуществъ первое мѣсто занимала свобода совѣсти и безплатное элементарное обученіе въ школахъ. Четвертый изъ главныхъ отдѣловъ конституціи говорилъ о національномъ представительномъ правленіи, о законодательной власти, порученной одному избранному народомъ собранію; избирательное право представлялось каждому природному французу, достигшему 21 года; избранъ можетъ быть безразлично всякій, достигшій 25-лѣтняго возраста; всего полагалось 750 членовъ собранія, его сессіи продолжаться должны были три года. Пятый отдѣлъ регулировалъ исполнительную власть. Назначался одинъ президентъ, непосредственно народомъ выбранный на четыре года, и послѣ четырехъ-лѣтняго промежутка опять пріобрѣтавшій право быть вновь выбраннымъ. Президентъ начальствовалъ надъ войскомъ, но не лично; ему предоставлялось право назначать служащихъ по войску и по внутреннему управленію; ему дано было право миловать; ему предоставлялось заключать союзы, объявлять войну, но съ согласія національнаго собранія, рѣшенія котораго онъ обязанъ приводить въ исполненіе; въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ собранія, президенту предоставлялось право возвращать его собранію съ требованіемъ пересмотрѣть его и если надобно перерѣшить; если бы онъ отложилъ національное собраніе, или распустилъ его, онъ самъ лишался званія президента. Вотъ самыя главныя черты конституціи: она распадалась на двѣнадцать главныхъ отдѣленій и строгое соблюденіе и охраненіе ея отдавалось подъ покровительство патріотическаго чувства всего французскаго народа.

b) Президентство Людовика-Наполеона Бонапарта.

Для избранія перваго президента французской республики назначено было 10 декабря; очень скоро сдѣлалось ясно, что на лицо есть только два претендента, серьезно домогавшіеся этого мѣста—настоящій представитель и защитникъ интересовъ правительства, генералъ Каваньякъ, и стразбургскій и булонскій искатель приключеній, претендентъ гражданинъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ. На сторонѣ перваго были всѣ сторонники чистой, честной, основанной на законности республики (la république honnête); противниками ихъ были всѣ, не сочувствовавшіе такой строгой республикѣ и тяготившіеся настоящими отношеніями и настоящимъ положеніемъ дѣлъ и правительства. Въ пользу Людовика Наполеона соединялось все: за него прежде всего были крестьяне, въ домахъ и душахъ которыхъ еще до сихъ поръ жила память о великомъ и славномъ родоначальникѣ этого дома; кромѣ того крестьяне негодовали на новое безглавное неосязаемое республиканское правительство, особенно за то, что оно увеличило подати и налоги на 45%; за него была также не малая партія искателей приключеній — старинныхъ и новѣйшихъ временъ, надѣявшіяся слѣдомъ за нимъ подви-

нуться на жизненномъ поприщѣ; для нихъ онъ былъ новымъ солнцемъ, въ лучахъ котораго можно согрѣваться и расти; за него были многіе изъ побѣжденныхъ въ февралѣ, какъ-то Тьеръ, Моле, Монталамберъ, Одиллонъ-Баро, которые, полагаясь на его безхарактерность и отсутствіе личныхъ достоинствъ, надѣялись, прикрывшись имъ, опять захватить кормило государственное и направлять его туда, куда имъ хотѣлось, куда было удобнѣе и выгоднѣе; за него были также многіе изъ побѣжденныхъ въ іюльское волненіе, хоть бы изъ-за того только, чтобы надосадить Каваньяку и его приверженцамъ. Въ ловко составленномъ воззваніи къ избирателямъ, какъ полагаютъ, написанномъ Тьеромъ, онъ обратился къ французскому народу, и говорилъ: «хотя самъ онъ еще ничего не успѣлъ сдѣлать для отечества, но имя его можетъ служить символомъ порядка и безопасности; онъ отказывался отъ всякаго личнаго честолюбія: увѣрялъ, что вся честь и слава его будетъ состоять въ томъ, чтобы по истеченіи четырехъ лѣтъ, передать своему наслѣднику государственный строй, сплоченный въ одно могучее цѣлое—*свободу, ничѣмъ не нарушенную*. Далѣе указывалъ онъ на цѣлый рядъ необходимыхъ реформъ: на уменьшеніе расходовъ, уменьшеніе налоговъ и податей, на земледѣльческія предпріятія съ цѣлью дать работу людямъ въ настоящее время праздным; на средства обезпечить рабочихъ въ старости и болѣзни, на исправленіе стѣснительныхъ законовъ, касающихся ремесленной и промышленной дѣятельности; на уменьшеніе числа должностей, раздаваемыхъ непосредственно отъ правительства. Въ этомъ воззваніи было кое-что для каждаго класса народа: обѣщалъ сохранять м и р ъ, тѣмъ болѣе достижимый, что ни внутри, ни внѣ государства не было враговъ; облегчались военныя повинности, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ заботливость о національномъ достоинствѣ, т. е. о постоянномъ войскѣ; онъ указывалъ на свое прошедшее: «я, на себѣ испытавшій изгнаніе и заточеніе, *всѣми силами души своей призываю день*, въ который отечество *н а ш е*, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, можетъ отмѣнить всѣ изгнанія, позволить своимъ поддапным возвратиться къ роднымъ очагамъ, уничтожить всѣ до единаго слѣды нашихъ гражданскихъ распрей.»

Франція догадалась, откуда это воззваніе, и успѣхъ превзошелъ ожиданія. 7,300,000 человѣкъ подавали голоса, изъ нихъ 5,430,000 были за Людовика Наполеона, 1,448,000 за Каваньяка, кромѣ того 370,000 за Ледрю-Роллена, 37,000 красныхъ за Распайля и 17,000—за Ламартина, такъ быстро упала его популярность. 20 декабря произошла торжественная сцена введенія вновь избраннаго президента въ его должность. Каваньякъ торжественно, въ полномъ собраніи, сложилъ съ себя должность, а новый президентъ также торжественно принялъ ее; онъ произнесъ клятву, которую повторялъ за Армандомъ Марра, предсѣдателемъ національнаго собранія: «передъ лицомъ Божіимъ и французскаго народа клянусь остаться вѣренъ единой нераздѣльной демократической республикѣ и исполнять всѣ обязанности, возложенныя на меня конституціей.» Когда онъ началъ рѣчь свою, обращенную къ присутствующимъ членамъ собранія, онъ повторялъ: «мои обязанности мнѣ ясно указаны закономъ, и я ихъ исполню, какъ честный человѣкъ;» рѣчь свою онъ окончилъ ловкимъ оборотомъ: «будемте сынами отечества, а не сынами какой либо партіи, и мы, при помощи Божіей, сдѣлаемъ хоть что нибудь доброе, если намъ не удастся совершить что нибудь великое.» Послѣ этого онъ взялъ генерала Каваньяка за руку и сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ, задушевныхъ словъ, потомъ съ большою свитою отправился во дворецъ Элизе Бурбонъ, назначенный какъ жилище президента и уже совершенно устроенный для этого.

Новый президентъ поступалъ осмотрительно и осторожно. Онъ сознавалъ всю шаткость своего положенія; къ тому же у него на шеѣ сидѣло національное собраніе, большинство членовъ котораго, было далеко не на его сторонѣ. Онъ составилъ свое первое министерство изъ людей, принадлежащихъ къ различнымъ партіямъ: кабинетъ-предсѣдателемъ и министромъ юстиціи назначилъ онъ Одиллона-Барро; начальство надъ альпійской арміей, занимавшей наблюдательный постъ на границахъ Италіи, но не получавшей приказанія двинуться за-границу, поручилъ онъ маршалу Бюжо; генерала Шангарнье назначилъ командовать національной гвардіей и первой военной дивизіей.

Вскорѣ обнаружилось, что между президентомъ и національнымъ собраніемъ нѣтъ полнаго согласія; но общественное мнѣніе было на сторонѣ президента; потому что расположеніе и управленіе національнаго собранія надоѣло французамъ. Уступая обстоятельствамъ, и побуждаемое къ тому многочисленными адресами, національное собраніе декретомъ отъ 14 февраля 1849 года сдѣлало предложеніе въ трехмѣсячный срокъ покончить избраніе новаго законодательнаго собранія, послѣ чего настоящее законодательное собраніе должно будетъ разойтись. Но выборы еще не были кончены, когда внѣшнія политическія обстоятельства привлекали къ себѣ вниманіе людей мыслящихъ и заняли ихъ въ первый разъ, послѣ долгаго застоя, внѣшними дѣлами.

Хотя Франція, не смотря на миролюбивый характеръ манифеста, опубликованнаго Ламартиномъ, очень дѣятельно вооружалась и придвинула войска къ границамъ Италіи и Германіи, но все-таки это движеніе не заключало въ себѣ ничего опаснаго и серьезнаго для спокойствія пограничныхъ странъ. Правительство принуждено было вооружиться и усиливать свое войско, потому что такимъ образомъ могло упрятывать въ солдатскихъ рядахъ людей непокорныхъ, готовыхъ къ возстаніямъ, или привыкшихъ къ бродяжничеству и бездѣйствію. Но у него и въ помыслахъ не было начать войну съ Германіей, потому что такая неосторожность могла бы тогда же повести къ соединенію Германіи въ одно цѣлое и поставить во главѣ ея Пруссію. Правительство французское не увлекалось пышными выходками нѣмецкихъ республиканцевъ, не вѣрило въ ихъ горячее заявленіе братскаго сочувствія къ сосѣдней свободной, уже утвердившейся республикѣ, читало горячіе адресы, но не дѣйствовало и подозрительно выжидало, что дальше будетъ; касательно Италіи, Франція занимала положеніе наблюдательное, далеко не исполненное симпатіи къ притѣсненному народу; къ тому же она не могла выйти изъ того полумирнаго положенія, въ какое сама себя поставила; пока Австрія строго держалась въ своихъ границахъ и довольствовалась только тѣмъ, что отстаивала свои территоріи отъ притязаній сардинскаго короля, который, какъ мы увидимъ, задалъ себѣ задачу стремиться къ объединенію Италіи, до чего, сказать мимоходомъ, Франціи не было ни малѣйшаго дѣла. Мая 24, 1848 года національное собраніе поручило исполнительной коммиссіи въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными державами и *впередъ* соображаться съ желаніями и цѣлями собранія; а желанія клонились къ тому, какъ это тутъ обнаружилось, состоять съ Германіей въ братскомъ союзѣ, заботиться о возстановленіи независимой Польши и освободить Италію; тогда было еще такое время, когда можно было тѣшиться подобными желаніями и при случаѣ высказывать ихъ. Но вскорѣ подобныя мечтательныя теоріи должны были уступить интересамъ жизни дѣйствительной, предъявившей свои права: въ самой Франціи пришлось съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать государство отъ своевольныхъ притязаній анархіи, и генералу Каваньяку довольно дѣла было у себя дома; ему некогда было помышлять о возстановленіи Польши и объ освобожденіи Италіи. При немъ не могло быть рѣчи о республиканской пропагандѣ; вошли даже въ болѣе тѣсныя дружественныя сношенія съ Россіей, державой чисто монархической; республиканскій посланникъ генералъ Лефло былъ отлично принятъ въ Петербургѣ и дворъ оказывалъ ему исключительное вниманіе; съ Англіей отношенія были самыя хорошія; съ Германіей не было ни дружественныхъ, ни враждебныхъ столкновеній, въ отношеніи ея царствовало полное равнодушіе; положеніе самой Германіи было чисто хаотическое и никто не могъ предугадать, что изъ него выйдетъ: посланникъ германскаго союза въ Парижѣ господинъ фонъ Раумеръ разыгрывалъ роль самую незамѣтную и безпритязательную. Самую опасную точку представляла Италія, Австрійское правительство дѣйствовало умно и осторожно: оно пользовалось своими побѣдами и успѣхами на столько, чтобы не раздражать французской обидчивой взыскательности; но когда король сардинскій во второй разъ взялся за оружіе, съ тайной надеждой на помощь Франціи, тогда оказалось, что дѣло его дѣйствительно будетъ проиграно, если сосѣдняя республика не поможетъ ему; къ тому же общее сочувствіе было на его сторонѣ и въ національномъ собраніи громче прежняго раздались крики, требующіе войны для освобожденія Италіи.

Людовикъ-Наполеонъ, при самомъ началѣ своего президентства, объявилъ о своемъ миролюбивомъ настроеніи. Онъ старался доказать Франціи, также какъ иностраннымъ державамъ, что съ именемъ Наполеона вовсе не соединяется понятіе о войнѣ и завоеваніяхъ. Итальянскій вопросъ былъ затронутъ въ національномъ собраніи отъявленными республиканцами, какъ Ледрю-Ролленъ; съ жаромъ и раздраженіемъ краснорѣчія, онъ доказывалъ, что теперь уже пропущено благопріятное время, что Сардинія разбита и обезсилена, что если Франція хотѣла принимать участіе въ судьбѣ Италіи, то его надобно было принимать раньше, во время; единственное доступное для Франціи средство, во избѣжаніе войны съ коалиціей европейскихъ державъ, въ настоящее время было: помѣшать Австріи распространить свои италіянскія области, чего она впрочемъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, казалось, вовсе не хотѣла; а для этого, даже безъ полномочія національнаго собранія, не даннаго министерству, надобно временно занять французскими войсками часть сѣверной Италіи.

Кромѣ того правительство и во главѣ его новый президентъ республики не могли устоять противъ искушенія хотя что нибудь предпринять въ Италіи, чтобы не предоставлять исключительно Австріи распоряжаться въ ней. Папа вслѣдствіе революціонныхъ движеній бѣжалъ изъ Рима и до сихъ поръ еще не возвращался въ него: но при наступившей антиреволюціонной реакціи можно было предвидѣть, что отливомъ, послѣдующимъ за революціоннымъ приливомъ, его принесетъ обратно на папскій престолъ, вмѣстѣ со всею тиною и водорослями мелководья обыкновенно окружающими его; было ясно, если Франція не возьмется за это дѣло, то найдется какая либо другая держава, хоть бы наприм. Австрія, и она будетъ готова на это. Чтобы предупредить такую диверсію въ пользу папы со стороны Австріи, французское правительство рѣшилось предложить ему свои услуги. Людовикъ-Наполеонъ отлично понималъ, что при этомъ не заслужитъ лавровъ, но зналъ, что этимъ пріобрѣтетъ благосклонность клерикальной партіи, все еще очень могущественной во Франціи. Одиллонъ-Барро 16 апрѣля 1849 года, потребовалъ кредита для интервенціи въ римскихъ дѣлахъ и нисколько при этомъ не скрывалъ, что дѣло идетъ о возвращеніи папы на святительскій престолъ, что, говорилъ онъ, невозможно безъ дѣятельной помощи Франціи, и что впрочемъ нисколько не противорѣчитъ основнымъ французскимъ политическимъ принципамъ. Послѣднее выраженіе могло показаться загадочнымъ, но онъ хотѣлъ въ немъ указать на то, что возстановленный папа дастъ своимъ подданнымъ либеральныя учрежденія; потребованный кредитъ былъ утвержденъ большинствомъ 395 голосовъ противъ 283. Но экспедиція не совсѣмъ такъ окончилась, какъ ожидали. Подробности ея будутъ разсказаны въ своемъ мѣстѣ, онѣ принадлежатъ къ изложенію италіянскихъ отношеній и событій; 26 апрѣля генералъ Удино съ 10,000 чел. войска присталъ къ Чивита-Веккіа, а 30, въ полной вѣрѣ въ свое превосходство и въ непобѣдимость французскаго оружія, приступилъ къ городу; но изъ садовъ Ватикана на французовъ посыпалась картечь и показала имъ, что безъ борьбы дѣло не обойдется; тутъ французскіе солдаты пріостановились, построились и приготовились къ приступу, но римскіе республиканцы, подъ начальствомъ Джузеппе Гарибальди отбили ихъ съ большимъ урономъ; нѣсколько французскихъ отрядовъ, слѣпо ринувшихся впередъ, были отрѣзаны и взяты въ плѣнъ. Весь уронъ французовъ полагаютъ отъ 6 до 700 человѣкъ.

Пораженіе, нанесенное презрѣнными и неопасными врагами, пробудило всеобщее негодованіе. Національному совѣту сдѣлано было предложеніе призвать президента къ отвѣтственности за нарушеніе §§ конституціи, по которому Франція никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не должна была поднимать оружія для угнетенія чужаго народа (la France n'attentera jamais à la nationalité d'un peuple). Но, что такое національность, или народъ?—Какъ бы то ни было, но предложеніе было отвергнуто. Но оно все-таки было причиной, что отношенія между президентомъ и собраніемъ сдѣлались хуже; начали распускаться слухи, будто президентъ составляетъ планы, совершенно противные существующему порядку вещей и что онъ пытается посвятить въ нихъ и привлечь къ нимъ людей, занимающихъ высокія должности и генераловъ;—указывали между прочимъ на генерала Шангарнье, подъ начальствомъ котораго находилась вся вооруженная сила

Парижа; подозрѣніе это находило пищу въ поступкахъ Людовика-Наполеона: онъ окружилъ себя настоящимъ дворомъ и превратилъ въ роскошный дворецъ мѣсто своего жительства; онъ сыпалъ деньгами безъ счету и безъ разбору, приближенные обращались съ нимъ съ подобострастіемъ, не какъ съ гражданиномъ-президентомъ, но какъ съ принцемъ.

У національнаго собранія не было ни энергіи, ни достаточной силы, чтобы вступить въ борьбу. Дни его были сочтены. 13 мая состоялись выборы для новаго законодательнаго собранія; первое его засѣданіе было 28. При назначеніи предсѣдателя происходило голосованіе. Дюпень, занимавшій это мѣсто столько времени при Людовикѣ-Филиппѣ, имѣлъ на свою долю 336 голосовъ, Ледрю-Ролленъ, кандидатъ монтаньяровъ, какъ ихъ называли радикалы, все еще не бывшіе въ состояніи отдѣлаться отъ воспоминанія первой французской революціи, имѣлъ у себя 181 голосъ; генералъ Ламорисьеръ, умѣренный республиканецъ—67; изъ этого видно, что большинство членовъ законодательнаго собранія состояло изъ людей съ монархическимъ образомъ мыслей, изъ орлеанистовъ и легитимистовъ. Но монархію гораздо легче опрокинуть, нежели возсоздать. Въ извѣстіи сообщенномъ президентомъ, по американскому образцу, собранію онъ не упустилъ изъ вида римской экспедиціи. Генералъ Удино, раздраженный понесеннымъ пораженіемъ, осадилъ городъ, продолжавшій сопротивляться. Іюня 11 Ледрю-Ролленъ повторилъ свое предложеніе подвергнуть суду и отвѣтственности президента и его министровъ за римскія дѣла; но Одиллонъ-Барро отвѣчалъ ему, что въ настоящее время часть французскаго оружія передъ Римомъ требуетъ продолженія военныхъ дѣйствій и на основаніи этого предложеніе было отвергнуто собраніемъ. Въ пылу парламентскихъ преній послѣдовавшихъ за тѣмъ, Ледрю-Ролленъ въ горячности зашелъ слишкомъ далеко, утверждая, что онъ и его партія готовы были 110 статью конституціи, ввѣренную храненію патріотизма всего французскаго народа, въ случаѣ нужды отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ; 13 іюня горсть такихъ патріотовъ попыталась было, въ самомъ дѣлѣ, примѣнить его фразу къ дѣлу, но ихъ разогнали безъ большаго труда и безъ кровопролитія. Подобная же попытка въ Ліонѣ, происшедшая отъ ложнаго извѣстія объ удачномъ возстаніи въ Парижѣ, могла быть подавлена только послѣ восьмичасовой ожесточенной битвы. Слѣдствіемъ обоихъ этихъ возстаній было то, что правительство пріобрѣло новую силу и получило новое оружіе противъ возмутителей; издано было очень строгое постановленіе противъ клубовъ; право сходокъ и собраній было еще строже ограничено и хуже всего то, что дало властямъ возможность безъ разбора вырывать пшеницу вмѣстѣ съ плевелами.

Наступило время, когда реакція повсюду пріобрѣтала верхъ: на границахъ Франціи—въ Баденѣ и въ Пфальцѣ, волненіе, не столько вызванное германской конституціей, сколько произведенное подъ предлогомъ ея основаній, было подавлено. И Римъ наконецъ, послѣ двухмѣсячной осады, былъ взятъ: слѣдомъ за французами, безъ всякихъ ограниченій и условій, въ Римъ возвратился папа и все его паиство. Въ Парижѣ опять произошло препіе по этому поводу; горячились, шумѣли безъ всякихъ послѣдствій; дѣла пошли не такъ, какъ того желали: но что же за бѣда въ томъ?—12 августа усталое собраніе разошлось, предварительно снабдивъ правительство еще очень строгимъ закономъ противъ печати. Президентъ отлично воспользовался каникулами, данными ему прекращеніемъ парламентскихъ сессій... Мысль, что республика долго просуществовать не можетъ, невольно приходила всякому. Бурбоны уже окончательно сошли со сцены, орлеанская линія въ данное время могла выставить одного малолѣтняго претендента; за то въ рукахъ Людовика-Наполеона находилась сила, на его сторонѣ были чиновники и офицеры, потому что онъ одинъ могъ ихъ награждать и повышать; отъ него одного они могли ожидать чего нибудь, а не отъ многоголоваго, несогласнаго между собою республиканскаго и въ сущности безсильнаго правительства. Мысль о возобновленіи имперіи была мысль новая, очень заманчивая, можетъ быть даже спасительная; она начала мелькать то тамъ, то сямъ, по чаще всего въ рядахъ войска, которое съ самаго начала было, какъ бы приготовленная для нея колыбель. Для тѣхъ, кто умѣлъ наблюдать, кто не былъ преднамѣренно слѣпъ, неспособность президента перестала быть дѣломъ

рѣшеннымъ. Покрайней мѣрѣ въ римскомъ дѣлѣ онъ сдѣлалъ такой рѣшительный шагъ, что на время привлекъ даже симпатію либеральной партіи: онъ написалъ 18 августа письмо своему адъютанту Эдгару Нею, въ которомъ говорилъ языкомъ очень самостоятельнымъ и исполненнымъ энергіи. Французская республика, говорилось въ письмѣ, не затѣмъ послала свои войска въ Римъ, чтобы подавить свободу Италіи: «скажите главнокомандующему, генералу Ростолану—заступившему мѣсто Удино—что подъ сѣнью трехцвѣтнаго знамени нельзя себѣ позволять ничего такого, что могло бы исказить характеръ нашего вмѣшательства. Я понимаю свѣтскую власть папы не иначе, какъ въ видѣ всеобщаго и безусловнаго всепрощенія, какъ введенія въ правительственныя учрежденія мірянъ, какъ управленія, основаннаго на либеральныхъ началахъ и какъ введенія Code Napoleon. Не смотря на это энергическое заявленіе, возстановленному папѣ ни на одно мгновеніе въ умъ не приходило взять эти требованія въ соображеніе при своихъ учрежденіяхъ, но еще менѣе исполнить ихъ; онъ противупоставилъ имъ самое дѣйствительное изъ оружій своего арсеналасплу, лѣни—и тѣмъ безопаснѣе могъ отдаться этой политикѣ бездѣйствія, что при возобновленіи засѣданій французскаго законодательнаго собранія, открывшихся въ октябрѣ 1849 года, вниманіе было обращено совсѣмъ на другое. Тьеръ въ своемъ отчетѣ, на римскій вопросъ смотрѣлъ съ старофранцузской точки зрѣнія; онъ считалъ цѣлью французской внѣшней политики поддерживать въ Италіи и въ Германіи несогласіе и раздробленіе; въ своей рѣчи не только не остановился на основныхъ положеніяхъ письма отъ 18 августа, но сдѣлалъ даже хуже, не упомянувъ о немъ вовсе. Большинство членовъ собранія, безъ дальнихъ разговоровъ, утвердило издержки на римскую экспедицію. Собраніе при этомъ выказало, что оно не сочувствуетъ президенту: оно не обратило ни малѣйшаго вниманія на политическое направленіе, имъ высказанное въ письмѣ къ Нею, очень просто оставило его всторонѣ и въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ показало, что власть президента и власть собранія враждебны другъ другу и долго просуществовать рядомъ не могутъ. Законодательное собраніе при этомъ случаѣ показало, что оно никакого вниманія не обращаетъ на президента, а онъ съ своей стороны доказалъ, что не боится его: извѣстіе, сообщенное собранію отъ 11 октября, давало знать, что президентъ распустилъ министерство Одилона Барро и назначилъ новое. Имена лицъ, составившихъ это новое министерство, поразили удивленіемъ и пробудили недовѣрчивость—это все были имена неизвѣстныя, не пользовавшіяся парламентскою знаменитостью, все имена, пока еще темныя; личный банкиръ президента—Фульдъ—сдѣланъ былъ министромъ финансовъ, Руэ—юстиціи, генералъ Гопуль—военнымъ министромъ; еще удивительнѣе показался рѣшительный тонъ, которымъ увѣдомленіе это было написано. «Чтобы утвердить республику, чтобы возвести имя Франціи на ту высоту славы, въ средѣ иностранныхъ державъ, какое ей подобаетъ, писалъ президентъ, надобно, чтобы во главѣ правительства стояли люди, понимающіе цѣли и опредѣленное направленіе ясно выраженной политики; далѣе, находилъ онъ, внутреннее положеніе Франціи неудовлетворительнымъ:» при существующей неурядицѣ, стояло дальше въ объявленіи, которое походило на молнію и громъ, грянувшій изъ безоблачнаго неба,—Франція въ страхѣ и въ смятеніи отыскиваетъ опору въ твердой рукѣ и волѣ того, кого она сама избрала 10 декабря. Но дѣйствіе этой воли будетъ для нея только тогда ощутительно, когда между президентомъ и его министрами будетъ существовать полное согласіе въ идеяхъ, въ убѣжденіяхъ и во взглядѣ на вещи и когда законодательное собраніе само примкнетъ къ національному способу воззрѣнія, выраженному этимъ единодушнымъ народнымъ выборомъ.» Одно имя Наполеона заключаетъ въ себѣ цѣлую программу системы управленія, въ немъ содержится понятіе: внутри государства, порядокъ, законный авторитетъ, религія, народное благо, при внѣшнихъ сношеніяхъ съ иностранными державами—сохраненіе національнаго достоинства.» Тутъ сбылось все, что Піа высказалъ во время преній изъ за выбора президента и что тогда казалось преувеличеннымъ и невѣроятнымъ.

Очевидно, президентъ замышлялъ произвести переворотъ, то, что французы такъ ловко называютъ coup d'état; онъ очень спокойно, ничѣмъ не смущаясь, все подготовлялъ для этой цѣли; законодательное собраніе понимало и видѣло это,

ло ничего не могло сдѣлать, чтобы предотвратить катастрофу. Людовикъ Наполеонъ съ удивительною ловкостью умѣлъ пользоваться всѣми обстоятельствами. Родственникъ президента, сынъ бывшаго вестфальскаго короля, Жеромъ Наполеонъ, безтактный человѣкъ, но съ сильными страстями, съ демократическимъ, хотя довольно эластическимъ образомъ мыслей, но съ талантомъ, подалъ проектъ объ амнистіи всѣмъ, принимавшимъ участіе въ іюльскомъ волненіи и еще содержащимся въ заключеніи, но законодательное собраніе ничего не хотѣло слышать о милосердіи и примиреніи и не приняло проекта. Президентъ воспользовался своимъ правомъ миловать и употребилъ его въ дѣло, помиловавъ три четверти несчастныхъ, ожидавшихъ своей участи, а ихъ было еще 1900 человѣкъ.—Собраніе съ неудовольствіемъ смотрѣло на дѣйствія президента и помогало министрамъ только тогда, когда дѣло шло о какихъ нибудь строгихъ притѣснительныхъ полицейскихъ мѣрахъ. Правительство потребовало для префектовъ полномочія отставлять учителей элементарныхъ школъ, когда замѣтятъ, что они, или *по образу мыслей, или по способу преподаванія* недостойны занимаемаго ими мѣста: собраніе безъ колебанія отдало это обоюдоострое оружіе въ руки префектовъ полиціи. Въ январѣ 1850 года былъ представленъ на разсмотрѣніе проектъ закона о народномъ обученіи, составленный однимъ изъ бывшихъ министровъ—Фаллу: проектъ этотъ былъ пропитанъ ультрамонтанскимъ духомъ; между прочимъ онъ въ верховномъ училищномъ совѣтѣ предоставлялъ четыре мѣста епископамъ; хотя верховный надзоръ за образованіемъ и обученіемъ оставался въ рукахъ правительства, но было постановлено, что каждое духовное лицо по желанію можетъ занять учительское мѣсто, не подвергаясь никакимъ дальнѣйшимъ испытаніямъ и экзаменамъ. Защиту этого проекта съ одной стороны принялъ на себя Монталамберъ, ревностный католикъ, но человѣкъ образованный, благородный и съ изящнымъ вкусомъ, который не былъ въ состояніи поддаться вліянію грубаго ультрамонтанскаго направленія, съ другой стороны явился Тьеръ, который собственно для себя могъ обойтись безъ особенно строгихъ религіозныхъ понятій и убѣжденія котораго, были также независимы, какъ убѣжденія Вольтера, или другихъ *ésprits forts* этого времени, но который вовсе былъ не прочь употребить церковь, какъ орудіе для того, чтобы наложить узду на непокорныя, и буйныя народныя массы. Послѣ утвержденія этого закона, послѣдовавшаго 15 марта самая большая часть простаго народа во Франціи осталась тѣмъ же, чѣмъ была прежде: незнающимъ слѣпымъ народомъ, половина котораго, безъ разбора вѣрила въ то, что ему говорили приходскіе священники, между тѣмъ какъ другая половина также безъ разбора повторяла мнѣнія перваго встрѣчнаго демагога и упрямо держались ихъ; хуже всего было то, что въ народной массѣ не было стремленія къ познанію истины, а если оно и встрѣчалось, то ничто не поддерживало и не развивало его.

Палата вообще показывала большую раздражительность противъ каждаго оппозиціоннаго движенія, особенно, если оно шло снизу вверхъ. Марта 10 происходили дополнительные выборы на мѣсто депутатовъ, замѣшанныхъ въ происшествіи іюньскаго возстанія и при этомъ избраны были три человѣка, принадлежащіе въ крайней оппозиціи лѣвой стороны: Карно, де Флотъ и извѣстный писатель Евгеній Сю, романы котораго: «Парижскія Тайны» и «Вѣчный Жидъ» съ жадностью читались не только во Франціи, но и всею читающею публикой всей Европы. Эти выборы не могли служить признакомъ силы республиканскаго, или соціалистическаго образа мыслей и убѣжденій избирателей, они скорѣе были выраженіемъ ребяческаго раздраженія парижскаго народонаселенія, которое не можетъ удержаться отъ того, чтобы неудовольствіе свое тѣми, кто стоитъ во главѣ правленія, не выразить тѣмъ, чтобы на зло имъ выбрать такихъ депутатовъ, которые были бы остальнымъ непріятны, или мѣшали бы имъ. Но такая демонстрація только раздражала большинство членовъ законодательнаго собранія и они подъ вліяніемъ этого настроенія тѣмъ охотнѣе соглашались на предложенныя правительствомъ мѣры, клонящіяся къ тому чтобы стѣснять и угнетать постоянно поднимающійся и грозный призракъ соціализма. Такимъ образомъ утвержденъ былъ законъ, дававшій правительству право запрещать даже избирательныя собранія, если отъ нихъ можетъ произойти волненіе, угрожающее общественному спокой-

ствію. Еще изданъ былъ законъ, повелѣвавшій подписывать имя сочинителя въ газетахъ и журналахъ подъ статьями политическаго, философскаго и религіознаго содержанія—такимъ образомъ уничтожался голосъ анонимнаго наблюдателя и мыслителя, касательно всѣхъ текущихъ вопросовъ и слѣдовательно лишили газеты всей ежедневной живой занимательности; за нарушеніе этого закона полагался штрафъ отъ 500 до 1000 франковъ: но главное, общество такимъ образомъ лишалось правдиваго и неподкупнаго сужденія людей честныхъ и знающихъ дѣло. Собраніе этимъ не ограничилось: оно понуждало правительство ограничить общее избирательное право, которое было камнемъ преткновенія для большинства членовъ собранія и неудобство котораго имъ только-что пришлось почувствовать отъ дополнительныхъ парижскихъ выборовъ;—но этого ограниченія нельзя было достигнуть прямымъ законодательнымъ путемъ, по этому къ нему надобно было добираться извилистой тропинкой софистическихъ искусственныхъ изворотовъ. Средство однакожь было незамысловатое: право голоса имѣлъ, какъ извѣстно, каждый кто могъ доказать, что онъ въ теченіе шести мѣсяцевъ прожилъ на томъ мѣстѣ гдѣ онъ хотѣлъ быть избирателемъ; по новому проекту, составленному по желанію большинства депутатовъ и выработанному министромъ внутреннихъ дѣлъ Баромъ, время, проведенное на одномъ мѣстѣ, съ шестимѣсячнаго срока измѣнено было на трехлѣтній; чтобы имѣть право голоса, избиратель долженъ былъ доказать квитанціями, что онъ въ теченіе трехъ лѣтъ жилъ въ избирательной мѣстности, и что во все время исправно платилъ подати. Палата, или вѣрнѣе большинство ея членовъ, смотрѣло на этотъ законъ, какъ на свое личное дѣло и потому защищало его съ величайшимъ жаромъ и такъ настойчиво, что законъ былъ утвержденъ. Закономъ этимъ отъ выборовъ исключалась большая масса народа, по способу своей дѣятельности, обязанная вести непостоянную жизнь, каковы всѣ фабричные и поденные работники, которыхъ нужда и работа въ различныхъ мѣстностяхъ постоянно гоняетъ съ одной стороны въ другую, смотря по тому, гдѣ какой заработокъ найдется. Кромѣ того, изъ числа избирателей еще исключалось значительное количество простаго народа, небрежнаго и недальновиднаго здѣсь, какъ и вездѣ, и на столько не запасливаго, чтобы съ политическими цѣлями сберегать квитанціи: такимъ образомъ огромная масса народа лишалась своего избирательнаго права. Собраніе, въ томъ числѣ и дальновидный умный Тьеръ, не предчувствовали, что, извращая и обходя законъ избирательнаго права, они сами себя связывали по рукамъ и по ногамъ и отдавали себя въ полную власть президента. Роковой законъ этотъ голосовали 31 мая 1850 года и утвердили; президентъ съ своей стороны считалъ себя въ правѣ требовать награды за свою податливость: онъ потребовалъ, на уплату своихъ чрезвычайныхъ издержекъ, кредита въ 2,400,000 франковъ, слѣдовательно, сумму вдвое больше его годичнаго содержанія; съ незначительнымъ большинствомъ 46 голосовъ собраніе утвердило кредитъ и тѣмъ дало деньги на покупку льна, изъ котораго веревка была свита, которою его связали.

Августа 11 сессіи были пріостановлены на трехмѣсячный срокъ, но оставленъ былъ постоянный совѣтъ, составленный изъ избранныхъ съ этой цѣлью депутатовъ. Непосредственно послѣ этого Людовикъ Наполеонъ объѣхалъ значительную часть Франціи. Въ Ліонѣ его особенно хорошо приняли; тутъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ честь его, онъ немного приподнялъ маску, которою прикрывался: онъ говорилъ, что всегда, во всякое время готовъ исполнять волю народа, все равно—повелитъ ли онъ ему отказаться отъ своего положенія, или твердо стоять на немъ и защищать его права. Но не повсюду смотрѣли на президента одинаково благосклонно и не вездѣ его такъ хорошо принимали; не смотря на то, департаментскіе совѣты, собравшіеся осенью, очень открыто и единодушно говорили о необходимости пересмотра конституціи. Но разные несомнѣнные признаки ясно показывали, что мирнымъ, законодательнымъ путемъ недалеко уйдешь. Неудовольствіе существующимъ порядкомъ было общее, и противъ него всѣ готовы были составлять заговоры: радикалы громко кричали, что считаютъ законъ 31 мая, ограничивающій избирательное право, для себя не обязательнымъ, потому что законъ этотъ явно противорѣчитъ фундаментальному смыслу конституціи; орлеанская партія, послѣ кончины Людовика-Филиппа, 26

августа того же года, въ Клермонтѣ, отправлялась туда на поклоненіе гробу бывшаго короля, въ значительныхъ массахъ и при этомъ удобномъ случаѣ завязывались интриги, и партія распространила свои замыслы все болѣе и болѣе; легитимисты въ то же самое время спѣшили въ Висбаденъ, чтобы принести присягу герцогу Бордосскому, развернувшему древне-французское бѣлое знамя съ лиліями. Бонапартисты безъ таинственности и ложной скромности, какою облекалъ себя президентъ, громко проповѣдывали, что настоящее положеніе дѣлъ существовать не можетъ и что необходимо призвать на престолъ величайшее, знаменитѣйшее имя французской исторіи. Тогда же поднялись толки о возможности *сплава*, или примиренія, сліянія старшей и младшей отрасли королевскаго дома, т. е. соединенія бурбонскихъ и орлеанскихъ правъ на престолъ; мысль эта очень сильно занимала, между прочимъ Гизо, служившаго и той и другой линіи; вотъ, какъ предполагалось это соединеніе: герцогъ Бордосскій былъ послѣдній изъ потомковъ старшей линіи и бездѣтенъ; отъ него зависѣло отказаться отъ своихъ правъ на французскій престолъ въ пользу ближайшаго по правамъ на него, графа Парижскаго, внука Людовика Филиппа; съ другой стороны считали справедливымъ и возможнымъ, чтобы орлеанская линія признала права герцога Бордосскаго и спокойно дожидалась, чтобы наслѣдство престола, по естественному ходу вещей, перешло къ ней послѣ смерти послѣдняго изъ Бурбоновъ. Но предположеніе это, несмотря на свою простоту, представляло затрудненіе, которое невозможно было устранить. Символомъ герцога Бордосскаго было бѣлое знамя съ лиліями и съ понятіемъ о наслѣдственной монархіи; символомъ орлеанскаго дома было трехцвѣтное знамя, съ понятіемъ о верховномъ господствѣ царственнаго народа; всѣ попытки уговорить герцога признать за народомъ общее право выборовъ, или дать ему участіе въ правленіи, подъ какимъ бы то ни было видомъ, не имѣло успѣха; онъ неуклонно держался идеи наслѣдственности монархіи, переходящей преемственно, *милостію Божіей*, и не хотѣлъ дѣлать ни малѣйшей уступки духу времени и народа. Такихъ твердо установившихся мнѣній и такихъ наслѣдственныхъ убѣжденій у президента не существовало; къ тому же, самое положеніе его давало ему средства и указывало способы, какимъ путемъ вѣрнѣе можно достигнуть цѣли.

Онъ осенью часто дѣлалъ смотры и маневры въ лагеряхъ при Сатори и Сенъ-Моръ, и при этомъ очень явно, и даже ничѣмъ не замаскировывая свои дѣйствія, добивался благосклонности солдатъ и офицеровъ; напрасно совѣтъ, составленный палатой, протестовалъ противъ такихъ домогательствъ, но это ни къ чему не служило. Генералъ Шангарнье не поддавался общему увлеченію войска, и въ приказѣ, отданномъ по полкамъ, запретилъ встрѣчать президента крикомъ: «vive l'Empereur!» Кричать перестали, но дѣло отъ этого не перемѣнилось.

Ноября 11, 1850 года вновь были открыты засѣданія собранія. Посланіе президента отъ 12 на этотъ разъ было очень скромное: «мы принуждены согласиться, что судьба великаго народа не должна зависѣть ни отъ страстей, ни отъ нечаянности, ни отъ насилія», говорилось въ рѣчи. Несмотря на такое завѣреніе, обоюдная недовѣрчивость продолжала существовать, равно какъ и неудовольствіе въ различныхъ слояхъ общества, недовольство настоящимъ порядкомъ вещей; каждый сколько нибудь внимательный наблюдатель сознавалъ, что такъ не можетъ, да и не должно оставаться. Января 10, 1851 года президентъ назначилъ новый составъ министерства: кромѣ нѣкоторыхъ оставшихся въ немъ членовъ, какъ-то Бароша, Руэ, Фульда, назначены были вновь Друэнь де-Люисъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, генералъ Рейнъ де-Сенъ-Жанъ д'Анжели—военнымъ. Первой заботой новаго министерства было лишить генерала Шангарнье начальства надъ національной гвардіей и постояннымъ войскомъ въ Парижѣ, за то, что онъ показалъ слишкомъ большую преданность національному собранію. Эта мѣра въ отношеніи генерала, на котораго монархическая партія смотрѣла, какъ на новаго Монка — какого, само собою разумѣется, легче было бы выкопать, чѣмъ подходящаго къ такой роли короля, — мѣра эта въ національномъ собраніи вызвала настоящую бурю недовѣрчивости и негодованія къ новому министерству; намекамъ и прямымъ нападеніямъ на бонапартистовъ не было конца, но министерство выслушивало ихъ спокойно и отвѣ-

чало на нихъ указаніемъ на интриги орлеанистовъ и легитимистовъ. Несмотря на свое, наружное спокойствіе министерство все-таки должно было уступить общему неудовольствію собранія, и Людовикъ Наполеонъ, дѣйствовавшій очень хитро и осмотрительно, составилъ новое министерство изъ лицъ, не выразившихъ никакого опредѣленнаго политическаго направленія, объявляя, что они вступаютъ въ министерство только временно, для того, чтобы не было застоя въ дѣлахъ, пока наконецъ можно будетъ окончательно составить министерство пріятное парламенту. Само собою разумѣется, что ораторы и предводители партій съ жадностью бросились на жалкое министерство и начали терзать его: но толку отъ этого вышло мало; краснорѣчивыя слова и рѣчи мало дѣйствовали, ихъ ѣдкость уже притупилась, въ нихъ недоставало надлежащаго достоинства и за ними слѣдили не болѣе, какъ настолько, чтобы узнать настроеніе партій, ея силу и тактику, какой она придерживалась, чтобы по нимъ соображать дальнѣйшій ходъ своихъ собственныхъ дѣйствій.

Только послѣ двухмѣсячнаго промежутка времени Наполеонъ составилъ новое министерство, въ которое, однакожъ, вошли опять тѣ личности, противъ которыхъ національное собраніе особенно сильно протестовало 15 января и которыя пробудили въ немъ недовѣрчивость, а именно: Руэ, Фульдъ и Барошъ. Но на этотъ разъ національное собраніе не выразило своей недовѣрчивости къ нимъ; начались опять очень жаркія пренія по поводу одной рѣчи президента, произнесенной имъ на торжественномъ праздникѣ въ Дижонѣ; въ ней онъ въ сильныхъ выраженіяхъ жаловался на національное собраніе и окончилъ словами: «если французскій народъ сознаетъ, что управлять имъ нельзя безъ того-же народа, то пусть онъ только прямо это скажетъ; мое мужество и моя энергія всегда готовы служить ему». Генералъ Шангарнье, какъ депутатъ, воспользовался случаемъ, чтобы выместить на президентѣ свою досаду за увольненіе; онъ въ очень жесткихъ и желчныхъ выраженіяхъ отзывался о Людовикѣ Наполеонѣ и показалъ крайнее незнаніе положенія дѣлъ; онъ утверждалъ, между прочимъ, что въ цѣлой французской арміи не найдется ни одной роты солдатъ, готовой поднять оружіе за президента, и окончилъ словами: «публицисты Франціи, разсуждайте въ мирѣ, не бойтесь, ничто не помѣшаетъ вамъ!» Между тѣмъ партія бонапартистовъ не переставала хлопотать о пересмотрѣ конституціи, адресы по этому поводу градомъ сыпались на собраніе, и оно наконецъ было вынуждено пустить вопросъ этотъ на обсужденіе: но по существующимъ законамъ, такой вопросъ могъ быть только допущенъ въ палату при согласіи большинства трехъ четвертей присутствующихъ членовъ. Начались пренія и при этомъ такіе легитимисты, какъ Берье, открыто объявили, что Франція по своему историческому ходу событій, по своимъ правамъ и по своему внутреннему убѣжденію—монархія; такія завѣренія не годились для того, чтобы поддержать колеблющуюся республику, и послужили только для того, чтобы еще болѣе пошатнуть ее; при голосованіи 446 голосовъ требовали пересмотра конституціи, а 278 были противъ этого. Безъ сомнѣнія, это было значительное большинство голосовъ, но все-таки не большинство законныхъ трехъ четвертей, слѣдовательно, положеніе дѣла только ухудшилось. Ежели само законодательное собраніе мѣшало произвести пересмотръ законовъ, не смотря на то, что большинство его членовъ и народа сознавало потребность его, то въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ понятіе о повиновеніи существующимъ законамъ такъ много разъ было потрясено революціями и частыми возстаніями, при подвижномъ характерѣ народа, всегда готоваго предаться первой вспышкѣ негодованія, — очень вѣроятно было предположеніе, что если собраніе не приступитъ къ пересмотру конституціи добровольно, то его припудятъ къ тому силой. Изъ всѣхъ денартаментскихъ собраній, осенью, до 80, выразили свое желаніе, чтобы пересмотръ законодательства былъ предпринятъ.

Время избранія новаго президента приближалось, и партіи, враждебныя бонапартистамъ, съ крайнимъ замѣшательствомъ и досадой видѣли, что у нихъ нѣтъ кандидата, способнаго занять это мѣсто. У нихъ противъ Наполеона былъ только одинъ тотъ параграфъ конституціи, по которому одного и того-же президента выбрать вторично можно было только послѣ четырехлѣтняго промежутка времени.

Но что дѣлать въ такомъ случаѣ, если народъ, вопреки существующимъ законамъ, его опять выберетъ? А это могло случиться: если тѣ милліоны людей, которые по закону 31 мая лишены права подачи голосовъ, не смотря на то, что по основнымъ правиламъ конституціи этого сдѣлать нельзя было, если они теперь, слѣдуя приглашенію, явятся ко всеобщей подачѣ голосовъ? Въ этой странѣ, по преимуществу странѣ случайностей, могъ произойти самый невѣроятный изъ всѣхъ возможныхъ случаевъ: при выполненіи величайшаго изъ преимуществъ, даннаго народу конституціей, при общей подачѣ голосовъ, могъ быть нарушенъ законъ высочайшаго дарованнаго ему права.

Съ взглядомъ опытнаго политика Людовикъ Наполеонъ понялъ самую крѣпкую точку своей позиціи, которая въ тоже время была самой слабой—законодательнаго собранія. Онъ чрезъ свое министерство потребовалъ отъ національнаго собранія отмѣненія избирательнаго закона 31 мая, потому что, какъ при ближайшемъ исчисленіи оказалось, болѣе трехъ милліоновъ избирателей чрезъ этотъ законъ лишились своего избирательнаго права. Поднять этотъ вопросъ равнялось вѣрному средству морально убить національное собраніе; оно во всякомъ случаѣ теряло: соглашалось-ли оно на отмѣну закона 31 мая, или нѣтъ, все равно, потому что популярность принца-президента возрастала отъ одного того, что онъ являлся народнымъ покровителемъ, возстановителемъ общаго избирательнаго права, того общаго права подачи голосовъ, какъ гораздо позже замѣтилъ одинъ наблюдатель, которое въ себѣ таитъ консервативное стремленіе и консервативную силу, какой никакой демократическій теоретикъ въ немъ не предполагалъ и не предвидѣлъ. Но министерство напрямикъ отказалось отъ исполненія желанія Наполеона и не захотѣло хлопотать объ отмѣнѣ закона 31 мая, который нѣкоторые изъ членовъ министерства сами предложили, или сами защищали и поддерживали. Наполеонъ распустилъ министерство и составилъ новое, самый замѣчательный членъ котораго былъ военный министръ Леруа Сентъ-Арно, человѣкъ рѣшительный, смѣлый, жестокій, ни передъ какимъ средствомъ не отступающій, отважный искатель приключеній; исполненіе своей должности онъ началъ съ того, что издалъ циркуляръ ко всѣмъ военнымъ начальствующимъ, въ которомъ предписывалъ войску безусловную покорность, показывалъ необходимость самой строгой военной дисциплины и отдалъ приказаніе снять со стѣнъ казармъ вывѣшенный декретъ отъ національнаго собранія, въ которомъ оно себѣ предоставляло право, въ случаѣ надобности, непосредственно распоряжаться войсками.

Президентъ съ своей стороны не тратилъ понапрасну времени, онъ воспользовался своимъ обширнымъ правомъ назначать и увольнять чиновниковъ по своему усмотрѣнію, что въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ централизація правительственной власти выработана въ такомъ обширномъ объемѣ, привело его къ предположенной цѣли и облегчило выполненіе задуманной имъ катастрофы, coup d'état.

c. Переворотъ 2 декабря 1851 года и возсозданіе имперіи.

Итакъ, когда засѣданія національнаго собранія возобновились 4 ноября 1851 года, президентъ, въ очень пространномъ посланіи, изложилъ необходимость отмѣнить законъ 31 мая, объ ограниченіи избирательнаго права: «Когда всеобщее право подачи голосовъ будетъ возстановлено, говорилъ онъ, это будетъ значить, что у междоусобной войны отнято будетъ знамя, вокругъ котораго недовольные собирались, у оппозиціи отнятъ послѣдній аргументъ; это значить, дать Франціи возможность устроить себѣ такой государственный бытъ, который будетъ ручаться за ея спокойствіе». Собраніе молча выслушало рѣчь президента, значеніе которой ему было ясно; но не смотря на свою многоголовость оно ничего не могло предпринять и должно было вложить голову въ петлю, которую подставлялъ ему президентъ. Ноября 13, не обращая вниманія на поспѣшность вопроса, послѣ короткаго совѣщанія, предложеніе президента отвергнуто было большинствомъ голосовъ. Затѣмъ правительство внесло въ собраніе проектъ объ измѣ-

неніи правилъ выборовъ въ муниципальныя должности, предлагая допускать къ выборамъ лица, шесть мѣсяцевъ прожившія въ избирательной мѣстности: національное собраніе, вѣрное своимъ принципамъ, декретомъ, шестимѣсячный срокъ измѣнило въ двухгодичный.

Въ обоихъ случаяхъ монтаньяры, слѣдуя своимъ убѣжденіямъ, приставали къ мнѣнію правительства и подавали голоса за его предложенія. Но черезъ короткое время радикаламъ представился случай вполнѣ отомстить консерваторамъ за ненавистный законъ 31 мая. Національное собраніе предвидѣло опасность, висящую надъ его головою съ тѣхъ поръ, какъ военный министръ отнялъ у него право распоряжаться войсками; собраніе чувствовало крайнюю необходимость приготовить себѣ какую нибудь защиту въ минуту переворота; черезъ своихъ квесторовъ оно требовало, чтобы за нимъ утверждено было право распоряжаться войсками, отнятое у него генераломъ С. Арно. Ноября 17 вопросъ этотъ былъ предложенъ на обсужденіе. Лѣвая сторона на этотъ разъ пристала къ бонапартистамъ подъ тѣмъ предлогомъ, что не согласна отдавать еще и вооруженную силу въ руки постановленію 31 мая; съ очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ требованіе было отвергнуто; это пораженіе во всей наготѣ выставило безсиліе и отсутствіе единства и неспособность національнаго собранія, равно какъ и неспособность къ дальнѣйшему существованію самой конституціи, вызвавшей его къ жизни.

Рѣшительная минута наступала; если бы квесторское требованіе національнаго собранія было принято, президентъ принужденъ былъ бы немедленно, при дневномъ свѣтѣ, взяться за оружіе. И, надобно замѣтить, онъ былъ готовъ къ этому; но теперь ему было удобнѣе: «можетъ быть, такъ лучше,» сказалъ онъ по своему обыкновенію лаконически, когда ему донесли, что квесторское требованіе отвергнуто. Президентъ приготовлялъ все нужное, чтобы произвести переворотъ; но онъ привлекъ къ этому дѣлу очень ограниченное число повѣренныхъ: первый изъ нихъ былъ Морни, молочный братъ президента, человѣкъ смѣлый, ловкій и находчивый; военный министръ Сентъ-Арно, подобно президенту стѣсненный долгами, которому оставалось поправить дѣла свои отчаянною попыткою, поставивъ все на карту; онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ вполнѣ пригодный къ роли, ему предазначенной; и наконецъ прежній унтеръ-офицеръ, Персиньи, повѣренный Людовика Наполеона еще со времени его попытки въ Стразбургѣ и Булони; съ этими людьми Людовикъ Наполеонъ условился о всѣхъ подробностяхъ затѣваемаго переворота; при выполненіи задуманнаго плана разсчитывали на префекта полиціи, Мона, и на командира первой дивизіи парижскаго гарнизона, генерала Маньяна.

Молва о предполагаемомъ государственномъ переворотѣ много разъ распространялась, но такъ какъ тревога всякій разъ оказывалась напрасной, то наконецъ привыкли смотрѣть на нее, какъ на пустую выдумку, и опять предавались полной безпечности. На ночь съ 1 на 2 декабря, въ Елисейскій дворецъ, было приглашено большое общество; президентъ въ этотъ вечеръ былъ особенно разговорчивъ и любезенъ, но по словамъ другихъ, въ этомъ обществѣ была смертная скука; въ полночь гости разошлись по домамъ; когда же жители Парижа проснулись на слѣдующее утро, переворотъ уже былъ совершенъ.

Ночью въ 3 часа, префектъ полиціи призвалъ къ себѣ нѣсколько полицейскихъ комиссаровъ и сказалъ имъ, что государственный переворотъ уже произошелъ, удостовѣрился въ ихъ готовности исполнять его повелѣнія и приказалъ имъ арестовать человѣкъ около ста—членовъ законодательнаго собранія и нѣкоторыхъ другихъ предводителей партій, важныхъ своимъ вліяніемъ. Около шести часовъ утра всѣ аресты были произведены; въ тоже время войска заняли нѣсколько важныхъ пунктовъ въ городѣ, на тотъ случай, еслибы началась уличная война, то чтобы имѣть въ своихъ рукахъ господствующія точки; въ то же время къ домамъ, на перекресткахъ и на улицахъ, прибиты были прокламаціи; въ нихъ президентъ объявлялъ народу и войску о томъ, что случилось и что впередъ будетъ. По мѣрѣ того, какъ парижане просыпались, они на улицахъ читали декретъ, отъ имени французскаго народа, что законодательное собраніе распущено, что общее право выбора и подачи голосовъ возстановлено, что Парижъ и десять

ближайшихъ къ нему департаментовъ, объявлены въ осадномъ положеніи и что весь французскій народъ призывается къ своимъ древнѣйшимъ собраніямъ, для того, чтобы объявить свою верховную волю. Въ прокламаціи, обращенной къ народу, президентъ обвинялъ національное собраніе въ томъ, что оно — горнило заговоровъ, что оно пыталось лишить его власти, самимъ народомъ ему дарованной, что собраніе подвергало опасности спокойствіе Франціи и потому — «я дѣлаю народъ, единственную, извѣстную мнѣ, царственную власть Франціи, судьею между мною и національнымъ собраніемъ, я предоставляю дѣло честному и свободному выбору цѣлой націи; если вы хотите, чтобы болѣзненное состояніе Франціи продолжалось.... тогда выберите на мое мѣсто другаго.... потому что я не хочу стоять во главѣ правительства.... которое меня приковываетъ къ рулю, въ то время, когда корабль государства стремится къ своей гибели; если же вы вѣрите въ меня, то дайте мнѣ средства выполнить великую задачу, которую вы на меня возложили». — Какъ средства для выполненія задачи, онъ указывалъ: на десятилѣтнее регентство, на то что выборъ министровъ долженъ исключительно зависѣть отъ главы государства; на парламентъ, составленный изъ двухъ палатъ, сенатъ и законодательный корпусъ; это—основаніе законодательства, при которомъ Франція уже однажды была счастлива, — таже конституція, какая была во времена консульства, въ VIII году; теперь отъ французскаго народа зависитъ, хочетъ ли онъ этой конституціи, или нѣтъ и ему остается объявить свою волю, при подачѣ голоса простымъ, но яснымъ: да, или нѣтъ. Во второй прокламаціи, Людовикъ Наполеонъ обращался къ войску, которое въ этой странѣ, какъ нѣкогда въ древнемъ Римѣ, въ эру междоусобныхъ войнъ, вмѣстѣ съ римскимъ простымъ народомъ, на вѣсы судьбы Рима всегда опускало самую тяжелую гирю; далѣе онъ говорилъ: «мы соединены неразрывными узами — у насъ одно общее прошедшее, исполненное славы и несчастія; въ будущемъ, наши стремленія также будутъ общими: мы будемъ заботиться о величіи, счастіи и спокойствіи нашего общаго отечества — Франціи».

Аресты всѣ были покончены; изъ генераловъ были арестованы: Шангарнье, Каваньякъ, Ламорисьеръ, полковникъ Шарра и др., изъ числа депутатовъ: Берье и Тьеръ; говорятъ, что Тьеръ въ своемъ великомъ, историческомъ сочиненіи, порицалъ Наполеона за то, что онъ при государственномъ переворотѣ, имъ произведенномъ 18 брюмера, не облегчилъ себѣ дѣла тѣмъ, что не арестовалъ самыхъ важныхъ предводителей партій; это мѣсто послужило въ пользу новѣйшему Наполеону и навело его на мысль дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ. По большей части, арестованныхъ захватили спящими и полусонныхъ перевозили въ мѣсто заключенія. Однакожь, нѣкоторая часть депутатовъ, въ обыкновенное время, явилась въ засѣданіе палаты. Призвали предсѣдателя Дюпена; ему уже не въ первый разъ въ жизни пришлось быть въ подобныхъ отношеніяхъ и онъ не растерялся; онъ очень слабо протестовалъ, когда въ залу собранія явились солдаты, по приказанію Морни, съ тѣмъ, чтобы очистить залу отъ депутатовъ; предсѣдатель Дюпенъ при этомъ съ цинизмомъ воскликнулъ: «право на нашей сторонѣ, это ясно; но у этихъ господъ сила, и намъ остается только разойтись по домамъ»; онъ съ этими словами поспѣшно вышелъ, съ тѣмъ, чтобы перейти на службу къ новому господину, которому теперь предоставлена была власть раздавать почести—вѣдь къ этому онъ уже такъ привыкъ, это былъ одинъ изъ многихъ. Вскорѣ въ національное собраніе явилась еще толпа депутатовъ, но ихъ встрѣтили солдаты, съ ружьями на перевѣсъ и съ направленными на нихъ штыками; третья часть депутатовъ собралась къ Одилонъ Барро; они могли придумать только безсильный протестъ, что они и сдѣлали. Еще разъ сошлось около 200 членовъ палаты въ меріи десятаго городскаго округа, прежде назначеннаго сборнымъ пунктомъ; здѣсь по предложенію Беррье, еще не арестованнаго, рѣшено было издать прокламацію, въ которой приглашали всѣхъ чиновниковъ и всѣхъ имѣвшихъ какое бы то ни были общественное вліяніе, подъ опасеніемъ наказанія за нарушеніе присяги и измѣны, повиноваться исключительно предписаніямъ національнаго собранія, но ни въ какомъ случаѣ, не исполнять повелѣній Людовика Наполеона, лишившагося своего президентскаго мѣста. Начальникомъ войскъ, въ томъ же приказѣ, назначался генералъ Удино, далеко не по-

пулярный предводитель римской экспедиціи. Все это были пустыя слова; явилась полиція, и такъ какъ собравшіеся депутаты объявили, что добровольно не разойдутся, и уступятъ только силѣ, ихъ согнали во дворъ, окружили солдатами и въ повозкахъ, въ которыхъ обыкновенно возятъ преступниковъ, они препровождены были въ безопасное мѣсто, гдѣ ихъ продержали до тѣхъ поръ, пока все было кончено, и потомъ выпустили. Подобнымъ образомъ положенъ былъ конецъ попыткамъ государственнаго суда, который въ такомъ случаѣ, какъ настоящій, по 68 и 69 параграфу конституціи, немедленно долженъ былъ собраться; современно съ этимъ военные караулы были разставлены подлѣ большихъ типографій ежедневныхъ газетъ и журналовъ; дѣйствія редакцій были разъединены и поэтому не было никакого единства въ печатныхъ протестахъ и, слѣдовательно, всякое сопротивленіе оказалось недѣйствительнымъ. Первый день переворота — Аустерлицкой битвы и день коронаціи Наполеона, былъ успѣшенъ для президента; онъ именно это число выбралъ для своего coup d'état, чтобы заставить думать, что для него священны дни, отмѣченные въ исторіи великаго его предшественника. 3 декабря попытались прибѣгнуть къ обычной уловкѣ, къ уличной битвѣ, къ баррикадамъ и къ народнымъ волненіямъ; но за дѣло взялись вяло, потому что масса народонаселенія Парижа смотрѣла на переворотъ холодно, безъ радостнаго энтузіазма и безъ негодованія, какъ на что-то неизбѣжное и само по себѣ понятное; но въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанскомъ все-таки набралось нѣсколько десятковъ людей отважныхъ; дѣло дошло до схватки и одинъ изъ депутатовъ лѣвой стороны, Бодень, былъ убитъ; 4 продолжали, однакожь, строить баррикады и сопротивленіе какъ бы усиливалось; но на этотъ разъ, изъ черни явилось мало охотниковъ до борьбы; простому народу много разъ объясняли и толковали, что онъ уже два раза, для средняго сословія, голыми руками таскалъ каштаны изъ огня и всякій разъ ничего не пріобрѣталъ, кромѣ ранъ и потери жизни и что каждый разъ среднее сословіе жертвовало имъ для своей пользы; ученіе на этотъ разъ пошло впрокъ, и чернь почти не принимала участія въ начавшейся борьбѣ. Войска въ Парижѣ набралось до 80,000 человѣкъ; ему въ изобиліи раздавали денегъ и вина, и такимъ образомъ разгоряченные солдаты въ послѣ обѣденное время, 4 числа, произвели безполезную и безсовѣстную бойню, на бульварѣ Пуасоньеръ: войско тамъ находившееся, безъ всякаго повода и безъ нужды принялось стрѣлять въ толпу мирныхъ гражданъ на улицахъ и на показывавшихся въ окнахъ домовъ; убитыхъ было много. Новый порядокъ дѣлъ, въ нѣкоторыхъ департаментахъ встрѣтилъ было сопротивленіе, но оно было немедленно подавлено; убитыхъ не считали; наградами, увеличеніемъ содержанія и блестящими обѣщаніями Людовикъ Наполеонъ привлекъ на свою сторону чиновниковъ, отдѣльныхъ начальниковъ войска, офицеровъ и всѣхъ солдатъ вообще. Духовенство, такое вліятельное на низшее, сельское сословіе вообще, онъ съумѣлъ тоже привлечь тѣмъ, что отдалъ ему церковь Женевьевы и пантеонъ, со временъ революціи 1791 оспариваемый у духовенства; этимъ онъ показалъ свою приверженность церкви, которую республика только терпѣла, потому что иначе поступать нельзя было; со стороны же духовенства всякая монархія была предпочтительнѣе республиканской формы правленія; всѣмъ государственнымъ и окружнымъ чиновникамъ и должностнымъ лицамъ запрещено было по воскресеньямъ заниматься дѣлами, и еще много другихъ подобныхъ постановленій были изданы въ томъ же духѣ; вскорѣ, съ каѳедръ церквей и со ступеней алтарей, раздавалось: domine fac salvum Napoleonem, какъ незадолго передъ тѣмъ слышалось: domine fac rempublicam, или salvum fac regem. Января 1,1852 года и папа въ посланіи къ генералу, командовавшему войскомъ въ Римѣ, произнесъ свое благословеніе на дѣло, совершенное 2 декабря.

Основные законы консульскаго правленія были подвергнуты голосованію 21 и 22 декабря. Правда, подача голосовъ была не свободная, какъ это само собою разумѣется, но все-таки она можетъ служить вѣрнымъ выраженіемъ того, чего хотѣло большинство или правильнѣе, чего по своему минутному настроенію хотѣло преобладающее большинство французскаго народа; къ такому настроенію народъ пришелъ различными путями: одни черезъ неясное сознаніе своихъ потребностей, или вслѣдствіе воспоминаній, другіе вслѣдствіе отвращенія, внушеннаго безплод-

ными парламентскими преніями, третьи вслѣдствіе равнодушія и покорности судьбѣ, предоставляя ей распоряжаться, какъ она хочетъ; какъ бы то ни было, тѣмъ, или другимъ путемъ, но всѣ пришли къ одной цѣли и поэтому ее можно было почесть выраженіемъ общей народной воли. Послѣ голосованія оказалось, что «да» было 7.500,000, а «нѣтъ» 650.000 въ цѣлой Франціи; въ одномъ Парижѣ было 196,000 да и 95,000 «нѣтъ;» послѣ переворота президентъ учредилъ совѣщательную комиссію; ей поручено было разобрать подачу голосовъ и сосчитать ихъ; когда все приведено было въ ясность и результатъ сообщенъ президенту, онъ отдалъ приказаніе освободить арестованныхъ 3 декабря депутатовъ и генераловъ. Вечеромъ 31 декабря, весь дипломатическій корпусъ собрался къ Наполеону, чтобы поздравить его съ счастливымъ окончаніемъ дѣла; при этомъ случаѣ его называли мужемъ, укротившимъ революцію и спасшимъ общество; Хотя личность Людовика Наполеона не совсѣмъ соотвѣтствовала желаніямъ европейскихъ дворовъ, но во всякомъ случаѣ приверженцы реакціи были довольны его удачей. Въ государственномъ строѣ Франціи явился теперь центръ, вокругъ котораго группировались льстецы, охотники до денегъ и до почестей, софисты, ораторы и т. п. люди, составляющіе обыкновенную принадлежность всякаго правительства. Во главѣ духовенства явился архіепископъ парижскій Сибуръ, чтобы принести свое поздравленіе принцу-президенту, какъ его теперь называли съ началомъ новаго года новый, повелитель Франціи поселился въ Тюльерійскомъ дворцѣ, древнемъ жилищѣ французскихъ королей, а 14 января 1852 года въ силу голосованія 20 и 21 декабря, онъ, по дарованному ему народомъ праву, приступилъ къ составленію новой конституціи для Франціи.

По этой конституціи обширное могущество сосредоточилось въ рукахъ главы правленія; ему ввѣрялась вся административная и вся судебная власть, точно такая, какая въ чисто-монархическихъ государствахъ присвоена королямъ. По этимъ постановленіямъ президентъ объявленъ былъ отвѣтственною главою государства, отвѣтственнымъ передъ французскимъ народомъ; ему предоставлялось право рекомендовать народу послѣ себя преемника. Ему исключительно предоставлена была инициатива предлагать законы. Законодательная власть была въ рукахъ президента, сената имъ самимъ назначаемаго и законодательнаго корпуса, составленнаго изъ лицъ, указанныхъ народомъ и выбранныхъ общею подачей голосовъ. Но то, что опредѣлялось и что разбиралось на совѣщаніяхъ этихъ послѣднихъ двухъ корпорацій оставалось тайной, недоступной публикѣ; законодательный корпусъ разрѣшалъ налоги и соглашался на предложенные ему законы, или отвергалъ ихъ и могъ дѣлать нѣкоторыя измѣненія въ проектированныхъ законахъ, если только государственный совѣтъ допускалъ эти измѣненія. Сенатъ разсматривалъ только, согласны ли новые законы съ конституціоннымъ духомъ всего законодательства. Роль сенаторовъ и членовъ законодательнаго корпуса была очень жалкая, но за то лицамъ, рѣшавшимся принять ее на себя, жалованье назначалось очень значительное: сенатору 30.000 франковъ, а депутату — члену Corps législatif 15,000 франковъ. Такимъ образомъ кончилась революція, вызванная негодованіемъ на порчу нравственности черезъ системы подкуповъ Людовика Филиппа, его министра Гизо и др.

Принцъ-президентъ составилъ свое министерство изъ людей, вполнѣ ему преданныхъ; министромъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто Морни, назначенъ былъ Персиньи. Выборы депутатовъ въ члены законодательнаго корпуса происходили 29 февраля. По смыслу новой конституціи, правительство прямо рекомендовало въ депутаты своихъ кандидатовъ во всѣхъ 261 избирательныхъ округахъ; такъ какъ эти указанные правительствомъ кандидаты находили себѣ сильную поддержку во всей административной сѣти, назначаемой правительствомъ и зависѣвшей отъ него, начиная съ высшаго до самаго низшаго члена, до какого нибудь полеваго сторожа, то неудивительно, что выборы были сдѣланы вполнѣ согласно съ желаніемъ новаго правительства. Декретомъ 22 января были конфискованы всѣ имѣнія Орлеанскаго дома, бывшія коронными, а остальныя, частныя имѣнія, составляющія собственность Орлеанскаго дома обязательно должны быть проданы въ теченіе годичнаго срока; далѣе новымъ декретомъ положено было, что всѣ офицеры національной гвардіи впередъ исключительно будутъ назначаемы прави-

тельствомъ, равно какъ и назначеніе меровъ во всѣ округа и приходы также зависѣть будетъ отъ правительства; третьимъ декретомъ пресса подчинялась правительству, безъ разрѣшенія котораго впередъ ни одна газета не могла появляться въ свѣтъ и это разрѣшеніе послѣ двухкратнаго предупрежденія всегда могло быть отнято.

29 марта происходило первое открытіе сената и законодательнаго корпуса и въ тоже время новая конституція получила свою силу, и диктаторству пришелъ конецъ. Но принцъ въ своей рѣчи, произнесенной при открытіи говорилъ, какъ монархъ, хотя еще крѣпко держался названія республики. «Постараемся всѣми силами поддерживать республику, она никому не мѣшаетъ, но можетъ всякому доставить спокойствіе и безопасность», но въ тоже время указывалъ на возможность «когда нибудь потребовать для себя отъ Франціи новаго титула, посредствомъ котораго могущество, ему данное однажды, на всегда было бы упрочено».

Три великія государственныя корпораціи засѣдали три мѣсяца. Сенатъ, по власти, предоставленной ему конституціей, назначилъ президенту ежегодное содержаніе въ 12 милліоновъ франковъ,—извѣстіе, очень утѣшительное для его кредиторовъ. Законодательный корпусъ по схемѣ, не допускавшей дѣятельнаго контроля, установилъ бюджетъ, въ которомъ между другими издержками назначались 80 милліоновъ съ цѣлью дать работу нуждающимся рабочимъ. Послѣ этого президентъ предпринялъ путешествіе по Франціи; повсюду его встрѣчали и привѣтствовали съ восторгомъ, если восторгомъ можно называть настроеніе, составленное изъ опасенія чего либо худшаго, подогрѣтаго посторонними, далеко непохвальными средствами и основаннаго на нескончаемомъ рядѣ клятвопреступленій и другихъ подобныхъ политическихъ преступленій; какъ бы то ни было, но общія восторженныя привѣтствія со всѣхъ сторонъ только понуждали его къ послѣднему, еще пока отложенному шагу—къ возстановленію имперіи.

Сенатъ былъ созванъ въ Парижъ на 4 ноября и ему предложено было возстановленіе имперіи. Въ причинахъ, требовавшихъ этого возстановленія, было сказано: что оно будетъ залогомъ спокойствія для народа, удовлетвореніемъ его интересовъ и его законной гордости; имперія замыкаетъ эпоху революцій и возстановляетъ то, что Европа 37 лѣтъ тому назадъ, опрокинула своими соединенными усиліями; для сената, который долженъ былъ произнести свое мнѣніе на этотъ счетъ, вовсе не нужно было подробнаго изложенія причинъ, вызывающихъ эту мѣру; для его членовъ было довольно и того, что каждому отпускалось 30,000 франковъ жалованья, чего же больше,—такъ изподтишка парижане насмѣхались надъ сенаторами. Къ 7 числу заключеніе сената было уже готово, которое опять предложено было на рѣшеніе народа черезъ новый плебисцитъ; получено было 7.800,000 «да» и 253,000 «нѣтъ» и такимъ образомъ уже 21 ноября имперія была принята. Новый императоръ, не смотря на то, что назначеніе его зависѣло отъ общей народной подачи голоса, все-таки присвоилъ себѣ династическую отмѣтку, назвавъ себя Наполеономъ III—а именно: Наполеонъ III милостію Божіею и волею народа императоръ французовъ, какъ онъ былъ провозглашенъ войскомъ и прокламаціями 2 декабря 1852 года.

Итакъ, революція здѣсь окончилась тамъ же, гдѣ она началась; она разрѣшилась событіемъ, котораго не могъ предугадать самый смѣлый умъ въ то время, когда первыя извѣстія о февральскомъ переворотѣ 1848 г. облетѣли Европу, а теперь все окончилось точкой діаметрально противоположной исходной. Переворотъ начался негодованіемъ противъ конституціоннаго фиктивнаго правительства, и первымъ стремленіемъ волненія была расширить избирательныя права; но какъ это часто бываетъ въ странѣ, гдѣ народъ походитъ на открытый боченокъ пороха, фитиль поднесли къ нему слишкомъ близко и на воздухъ взлетѣло все конституціонное правительство, съ палатою перовъ, депутатовъ, министерствомъ и т. д. Короткое время Франція и остальная Европа отуманивали себя и тѣшились громкимъ названіемъ французской республики; но свобода, худо понятая и неоцѣненная въ должной мѣрѣ, не могла пустить корней въ почву, дурно подготовленную, мало разрыхленную и дурно орошенную; въ ней не нашлось бы ни одной партіи, которая для общаго блага готова была бы отказаться отъ своихъ убѣжденій и подчиниться тому, что большинство націи или ея представителей

нашло бы самымъ пригоднымъ для счастія и спокойствія страны. Для одной партіи выше всего стояла республика, для другой королевство, упроченное представителемъ даннымъ Божіей милостію; для той и другой личный интересъ далеко перевѣшивалъ всеобщее право голоса, но хуже всего было то, что нація, призванная къ величайшей въ мірѣ свободѣ, опредѣлить для себя систему правленія черезъ свободное выраженіе своей воли, сама не знала, чего ей хочется и что для нея нужно; она своею нерѣшительностію доказала, что народъ не знаетъ, какая форма правленія для него лучшая, и что опредѣлять форму правленія менѣе всего народъ можетъ черезъ общую подачу голоса. Итакъ невѣроятное свершилось: искатель приключеній, дважды выставившій себя съ смѣшной стороны передъ всей Франціей, теперь сѣлъ на тронъ, воздвигнутый потребностью спокойствія дѣятельной и трудолюбивой части французскаго народа, и подкрашенный славнымъ и блестящимъ именемъ дяди; Наполеону оставалось только смѣло воспользоваться критической минутой, и дерзко взойти на тронъ, имъ самимъ поставленный на еще не забытомъ возвышеніи. О свободѣ при этомъ новомъ порядкѣ вещей не могло быть и рѣчи; какъ бы въ насмѣшку оставлено было право всеобщей подачи голоса; республиканцы съ безсильнымъ бѣшенствомъ сознавались, что они побѣждены и обмануты; такъ какъ радикалы часто бываютъ ребячески странны, когда предаются своимъ страстямъ, то они отъ ненависти перешли къ презрѣнію и старались похитителя престола выставить съ смѣшной стороны. Предводители радикальной партіи старались революцію выказывать съ самой лучшей стороны, какъ принципъ, достойный уваженія и похвальный, а Наполеона Викторъ Гюго, Луи Бланъ и другіе называли Наполеономъ маленькимъ, старались сдѣлать его смѣшнымъ и презрѣннымъ, или выставляли его какъ кровожаднаго деспота, клятвопреступника и измѣнника. Но не имъ его было находить ничтожнымъ, жестокимъ, кровожаднымъ и коварнымъ; кто на революцію такъ легко смотритъ, какъ они, тому нечего удивляться, если другіе затѣваютъ coup d'état также скоро и безъ всякихъ упрековъ совѣсти; кто безъ колебанія, не задумываясь готовъ нарушить клятву въ вѣрности, данную какому либо государю, тотъ не долженъ удивляться, что найдутся люди, для которыхъ слово, данное республикѣ, нисколько необязательно.

2. Италія.

а) Отъ начала возстанія Милана, до битвы при Кустоцѣ и до перемирія.

Совсѣмъ иной характеръ лежитъ на современныхъ съ восшествіемъ на престолъ Наполеона событіяхъ въ Италіи. Здѣсь борьба началась не вслѣдствіе недоразумѣній, или случайностей; здѣсь не было нѣсколькихъ горячихъ и честолюбивыхъ людей, которые въ одну ночь втолкнули великую націю на революціонную почву, куда она вовсе и не думала попасть; здѣсь, напротивъ, былъ народъ, настрадавшійся отъ иноземнаго притѣснительнаго владычества и отъ своей домашней неурядицы и притѣсненій, здѣсь былъ народъ, съ вниманіемъ выжидавшій удобной минуты для того, чтобы съ бою взять свое національное существованіе и выбиться изъ тягостнаго состоянія, котораго не могли оправдать ни долголѣтнее владычество, ни акты, ни пергаменты.

Какъ мы уже видѣли, событія въ Италіи были подготовлены, когда февральская катастрофа произошла въ Парижѣ и когда пришло извѣстіе, что тамъ за горами, въ центрѣ угнетенія, въ Вѣнѣ, вспыхнуло возстаніе и что, уступая его всесильному вліянію, князь Меттернихъ принужденъ былъ бѣжать, человѣкъ, котораго вся Италія ненавидѣла и проклинала. 13 марта началась вѣнская революція; 18-го на углахъ улицъ и на перекресткахъ Милана прилѣплена была телеграмма, извѣщавшая объ уступкахъ, сдѣланныхъ императоромъ. Давно желанное мгновеніе, указанный Богомъ часъ насталъ; въ 10 часовъ утра, по городу ходили писанные листы съ различными зажигательными требованіями;—временнаго правительства, учрежденія національной гвардіи, нейтралитета австрійскихъ

войскъ; два часа спустя, возстаніе было уже въ полномъ ходу. Народъ овладѣлъ губернаторскимъ домомъ, и графъ О'Доннель, который управлялъ вмѣсто вице-короля эрц-герцога Райнера, наканунѣ уѣхавшаго изъ Милана, далъ муниципальному совѣту право учредить національную гвардію. Но во главѣ австрійскаго войска стоялъ 82-лѣтній старикъ, рѣшительный и смѣлый воинъ—фельдмаршалъ графъ Радецкій. Онъ родился въ Богеміи 2 ноября 1766 года, и отличился уже въ 1788 году въ войнѣ съ турками, подъ начальствомъ Лаудона, въ 1813 году онъ назначенъ былъ начальникомъ австрійскаго генеральнаго штаба, а съ 1831 года занималъ должность губернатора Ломбардіи. Его не поразила нечаянность событій, которыя онъ предвидѣлъ; въ десять минутъ весь гарнизонъ былъ вооруженъ; губернаторскій домъ былъ отнятъ у возставшихъ; уступки О'Доннеля объявлены уничтоженными, городъ поставленъ въ осадное положеніе. Битва серьезно загорѣлась въ улицахъ и длилась все воскресенье 19 числа безпрерывно. Возставшимъ помогали жители, какъ и чѣмъ могли, и въ домахъ, и съ крышъ домовъ, и изъ оконъ; это была прямая, честная, но ожесточенная битва; въ ней не происходили утонченныя жестокости, и не было примѣровъ театральнаго мужества. Чтобы облегчить уходъ за раненными и имѣть болѣе независимости въ дѣйствіяхъ и легче добывать нужный для войска провіантъ, Радецкій оставилъ городъ, и стянулъ свои полки на городскихъ валахъ; онъ такимъ образомъ обложилъ городъ, и блокадой этой надѣялся привести жителей къ покорности. Но звукъ набатнаго колокола распространялъ по окрестностямъ извѣстіе о начавшемся въ городѣ возстаніи; съ вершины миланскаго собора развѣвалось трехцвѣтное знамя и говорило о томъ, что произошло въ городѣ. Радецкій вскорѣ понялъ, что посреди страны, всецѣло взволновавшейся, ему не довести съ своими 10,000 австрійцами до покорности города, въ которомъ 160,000 жителей; онъ понялъ, что надобно отказаться отъ Милана, если хочетъ удержать Ломбардію для своего императора. Къ тому же вооруженные отряды начали показываться въ окрестностяхъ города и число ихъ быстро возрастало; надобно было опасаться, что въ непродолжительномъ времени къ нимъ присоединится піемонтское войско и опасность отъ этого удвоится. Военная честь войска была спасена пятидневною, ожесточенною битвою, во время которой голодные, лишенные всего необходимаго солдаты дѣлали больше, чѣмъ отъ нихъ можно было требовать. Принимая все это въ разсчетъ, главнокомандующій далъ наконецъ 22-го приказаніе и отступилъ съ 15,000 войска, 50 орудіями, нѣсколькими сотнями раненыхъ, и съ семействами чиновниковъ и офицеровъ, но все-таки захватилъ съ собою, въ видѣ заложниковъ, человѣкъ 70 знатнѣйшихъ итальянскихъ аристократовъ. Апрѣля 2, онъ прибылъ безпрепятственно и никѣмъ не преслѣдуемый въ Верону. Здѣсь онъ остановился и началъ дѣлать свои распоряженія: онъ послалъ приказаніе всѣмъ отдѣльнымъ постамъ и гарнизонамъ городовъ стягиваться въ Верону, а генералу Вольгемутъ приказалъ занять Мантую; по мѣрѣ того какъ Радецкій съ австрійцами шелъ впередъ, за ними раздавались неистовые крики радости, по случаю бѣгства австрійцевъ, и слышались проклятія имъ; всѣ жители полуострова были встревожены и взволнованы предчувствіемъ великихъ событій, отъ которыхъ зависѣла участь всей страны.

Вторая столица австрійской Италіи—Венеція тоже освободилась. Здѣсь не было Радецкаго, чтобы бороться съ возстаніемъ. Комендантомъ Венеціи былъ графъ Цихи, говоря о которомъ шутники замѣчали, будто для итальянцевъ, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, достаточно поставить палку; въ его распоряженіи находилось 6,000 войска, но больше половины его составляли италіянцы; когда при извѣстіи о вѣнскомъ возстаніи народъ зашевелился, губернаторъ города, графъ Пальери, желая предотвратить кровопролитіе и безпокойства, разрѣшилъ учредить національную гвардію. Но вскорѣ слабость его обнаружилась, тогда недовольные стали настойчивѣе и смѣлѣе, и требовательность ихъ возрастала; 22 марта подписалъ онъ соглашеніе, по которому все гражданское и все военное управленіе предоставлено было временному правительству, все неиталіанское войско обязывалось выступить, оставляя за собою всѣ военные запасы. Уже 23 назначено было временное правительство, подъ предсѣдательствомъ президента Даніила Манена; итакъ, благодаря ничтожеству австрійскаго начальства, въ рукахъ

венеціанцевъ очутился городъ, со всѣми фортами, съ 30,000 мушкетами и казенныхъ денегъ нѣсколько милліоновъ франковъ.

Возстаніе за независимость Италіи распространялось съ быстротою огня, попавшаго въ груду соломы и подгоняемаго сильнымъ вѣтромъ; въ самое короткое время оно охватило всѣ области Италіи. Герцогъ Моденскій бѣжалъ 20 числа; герцогъ Пармскій считалъ для себя выгоднѣе покориться: онъ преклонился передъ трехцвѣтнымъ знаменемъ и при этомъ выразилъ сожалѣніе, что до сихъ поръ принужденъ былъ служить Австріи и теперь очень радъ своему освобожденію. Во Флоренціи великій герцогъ не считалъ себя вправѣ противиться общему желанію. «Часъ воскресенія Италіи наступилъ неожиданно», говорилъ онъ въ прокламаціи къ народу; въ другой прокламаціи къ войску, отъ 5 апрѣля онъ также прямо высказывалъ свое сочувствіе: «къ святому дѣлу итальянской независимости», на призывъ которой со всѣхъ сторонъ шумно стекались защитники. При извѣстіи о томъ, что въ Вѣнѣ провозглашена республика (21 марта), народонаселеніе Рима въ пылу своего восторга дѣлало тѣ-же демонстраціи, какъ вездѣ; общее возбужденіе усиливалось, сообразно съ противорѣчащими другъ другу извѣстіями о битвѣ въ Миланѣ; дикія народныя силы бушевали; чтобы отвлечь ихъ и дать имъ иное направленіе, плохія папскія войска и быстро усиливающіеся отряды гражданскихъ, вновь сформированныхъ защитниковъ отдали подъ начальство генерала Дурандо и отправляли къ сѣвернымъ границамъ Церковной области. Марта 30 папа обнародовалъ прокламацію ко всѣмъ народамъ Италіи, въ которой, правда, много наговорилъ, но ничего не сказалъ; однакожъ, народъ, полный энтузіазма, принялъ слова папы, какъ какое нибудь изреченіе оракула, и толковалъ его такъ, какъ того требовало минутное состояніе дѣлъ и минутное настроеніе народа. «Событія,» говорилось въ прокламаціи, «такъ быстро слѣдовавшія другъ за другомъ въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, не—дѣло рукъ человѣческихъ; горе тому, кто въ этомъ вѣтрѣ, дробящемъ столѣтніе дубы и кедры, не слышитъ голоса Господня»... Взволнованный народъ и въ этомъ случаѣ, къ величайшему неудовольствію папы, обратился противъ іезуитовъ; ему было гораздо пріятнѣе, что временное правительство Милана и Венеціи немедленно позволило мѣстнымъ епископамъ и архіепископамъ возобновить сношенія съ папскимъ престоломъ. Времена были тяжкія; надобно было принимать все, что представлялось, не слишкомъ разбирая, что и откуда приносится.

Неаполь, наравнѣ съ прочими областями Италіи; тоже былъ увлеченъ общимъ движеніемъ. Апрѣля 3 король Фердинандъ назначилъ министерство, составленное преимущественно изъ людей либеральныхъ и патріотовъ; во главѣ его сталъ патріотъ, извѣстный историческій изыскатель престарѣлый Карлъ Троя; это былъ человѣкъ вполнѣ пригодный для того, чтобы занять мѣсто перваго министра въ это время всеобщаго либеральнаго движенія Италіи; онъ могъ указать на свое долгое изгнаніе, вынесенное черезъ притѣсненіе реакціи, какъ на право на теперешнее довѣріе народа. Въ своей программѣ дѣйствій онъ обѣщался стоять за трехцвѣтное знамя, и обѣщался содѣйствовать различнымъ исправленіямъ и усовершенствованіямъ только-что данной конституціи, а главное всѣми силами содѣйствовать начавшейся національной войнѣ за освобожденіе; изъ Неаполя поспѣшили вереницы волонтеровъ въ сѣверную италіанскую армію; но чернь, всегда готовая къ волненіямъ и ко всякаго рода безчинствамъ, осталась въ Неаполѣ, благоразумно опасаясь неизбѣжныхъ на войнѣ опасностей, и предпочитая безнаказанно предаваться домашнимъ революціоннымъ неурядицамъ. Но мобилизація войска шла что-то медленно, а между тѣмъ, національная партія на сѣверѣ болѣе всего разсчитывала на неаполитанскій флотъ, который, сравнительно съ незначительнымъ австрійскимъ, могъ не мало содѣйствовать успѣху народнаго дѣла. Самъ король очень неохотно приступилъ къ новой политикѣ; онъ чувствовалъ, что если она принесетъ когда нибудь плоды, то ужь навѣрное не для него, а для кого нибудь другаго.

Направлять борьбою за независимость могъ несомнѣнно только одинъ человѣкъ, король Сардинскій, Карлъ Альбертъ, бывшій карбонарій 1821 года, пропитанный либеральными идеями. Если бы въ немъ даже не было глубоко вкоренившейся ненависти къ Австріи, если бы его не понуждало честолюбіе, наслѣдствен-

ное въ его семействѣ, принять участіе въ борьбѣ за независимость Италіи, для него это было бы, какъ выразился одинъ изъ его министровъ въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ, простымъ дѣломъ самосохраненія; потому, что еще задолго до начала борьбы съ обѣихъ сторонъ, какъ съ австрійской, такъ и съ сардинской смотрѣли на это, какъ на неизбѣжную необходимость, и будь это иначе, то въ Вѣнѣ и въ Туринѣ почли бы это невозможнымъ, неестественнымъ. Армія была поставлена на военную ногу, и 24 объявлено, что она идетъ на помощь въ Ломбардію, чтобы выполнить обязанность, какую «братья могутъ ожидать отъ братьевъ», полагаясь на помощь Божію, «даровавшую Италіи Пія IX»; два дня спустя, піемонтское войско вступало въ Миланъ. Король шелъ за первымъ отрядомъ со всѣми военными силами, какія ему въ такое короткое время удалось собрать. Карлъ Альбертъ не обманывался, онъ съ перваго раза видѣлъ, что война будетъ очень серьезная. Извѣстія, какими тѣшились опьяненные легкимъ успѣхомъ ломбардцы, будто австрійское войско въ полномъ разстройствѣ, будто его вовсе нѣтъ, вскорѣ оказались ложными. Радецкій занялъ за Минчіо позицію, знаменитую въ военной исторіи, характеристическую своимъ твердымъ положеніемъ между крѣпостями: Пескіера, Мантуа, Верона и Леньяно; она занимаетъ поверхность земли въ какихъ нибудь 18 □ миль и ограничивается озеромъ Гардскимъ, рѣками Эчь и Минчіо. Здѣсь-то на правомъ берегу Минчіо, близъ городка Джото 8 апрѣля дѣло дошло до первой серьезной битвы; обѣ стороны выказали достойное похвалы мужество, но австрійцы принуждены были отступить передъ сильнѣйшей непріятельской артиллеріей и потеряли нѣсколько человѣкъ плѣнными; можно себѣ представить, съ какою радостью въ цѣлой Италіи встрѣчено было извѣстіе объ этой незначительной побѣдѣ, которую народная молва преобразила въ значительную и важную побѣду. Гораздо серьезнѣе и важнѣе было дѣло, происшедшее 6 мая при Санта-Лучіа, деревенькѣ на юго-западъ отъ Вероны; со стороны австрійцевъ было 30,000 войска, а піемонтское, между тѣмъ, уже возросло до 40,000; оно находилось въ удобной позиціи и вело оборонительную битву, которая однако жь окончилась въ 4 часа послѣ обѣда отступленіемъ піемонтцевъ. Ввечеру оба войска находились опять на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какія занимали по утру; но этотъ ничтожный успѣхъ возвратилъ австрійскому войску его самоувѣренность, тогда какъ на сторонѣ противниковъ, многочисленные волонтеры и еще болѣе многочисленные крикуны въ клубахъ и въ обществѣ упали духомъ отъ этой первой неудачи, начали кричать и своими разглагольствіями пошатнули довѣріе, какимъ пользовался Карлъ Альбертъ.

Уже съ этихъ поръ въ итальянскомъ лагерѣ явилось первое самое могущественное зло — недостатокъ единства. Рядомъ съ піемонтской монархической партіей явилась республиканская, которая столько же ненавидѣла Карла Альберта, на сколько онъ съ своей стороны платилъ ей тѣмъ же; эта партія здѣсь подобно тому, какъ и въ Германіи, всегда являлась несвоевременно тамъ, гдѣ ей въ данную минуту вовсе не слѣдовало быть. Военное значеніе волонтеровъ, большими массами стекавшихся со всѣхъ концовъ Италіи, пока еще не было важно; они не знали ни строя, ни военныхъ обязанностей, а между тѣмъ ихъ претензіи были велики, они не хотѣли подчиниться строевой дисциплинѣ, играли какъ бы въ солдаты и думали только о томъ, какъ бы получше нарядиться. Но хуже всего этого было то, что въ такую роковую пору, когда вся Италія должна-бы была предаться одной мысли объ освобожденіи, когда она должна была-бы напрягать съ этой цѣлью всѣ свои силы, между ея сынами происходила безконечная борьба, между мадзинистами и конституціонными, и ходъ этихъ преній привлекалъ къ себѣ всю силу и все вниманіе общества; происходили волненія, агитаціи, разглагольствія въ то время, когда бы всѣмъ слѣдовало дѣйствовать самимъ, или по крайней мѣрѣ другимъ не мѣшать что нибудь дѣлать. Жители Пармы, значительнымъ большинствомъ голосовъ, объявили, что намѣрены присоединиться къ Піемонту; напротивъ, области лежащія на югъ отъ Аппенинъ, составлявшія также часть герцогства, объявили, что намѣрены присоединиться къ Тосканѣ; Венеція осталась самостоятельной республикой, что болѣе всего вредило общему дѣлу Италіи. Съ передавшимися итальянскими войсками, принадлежавшими къ австрійскому войску, не знали, что дѣлать, а примѣръ ихъ не нашелъ послѣдователей;

но когда Карлъ Альбертъ дѣлалъ попытку поступать съ миланцами и съ жителями другихъ городовъ такъ, какъ въ древнія времена Пирръ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, поступалъ съ тарентинцами, онъ встрѣчалъ неудовольствіе и сопротивленіе.

О союзѣ съ иностранными державами, по существу вещей, возможному только съ Англіей и съ Франціей, никто довольно серьезно не подумалъ. Возстаніе налетѣло, какъ буря, революція вѣнская и ея слѣдствія казались такъ благопріятны, что сначала никому и въ умъ не приходила возможность, чтобы Италія своими собственными средствами одна не справилась съ Австріей. Своей единственной союзницѣ, отъ которой она могла-бы ожидать помощи, т. е. отъ французской республики, опьяненные первымъ успѣхомъ, итальянцы на намекъ о помощи, отвѣчали: «Италія одна справится»! Italia faràda se; на дѣятельную помощь Англіи ни въ какомъ случаѣ нельзя было разсчитывать. Италіянцы не хотѣли помощи отъ Франціи, оттого, что они болѣе или менѣе опасались, чтобы за вмѣшательство Франціи не пришлось слишкомъ дорого заплатить; къ тому же на сколько впередъ можно было предвидѣть, они говорили себѣ: времени еще довольно и помощь отъ Франціи всегда можно призвать, и тогда, когда она понадобится; что это послѣднее средство, къ которому всегда можно будетъ прибѣгнуть тогда, когда, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, дѣла пойдутъ особенно плохо. Съ другой стороны французская рдспублика тоже не находила надобности самовольно вмѣшиваться въ дѣло, когда ея помощи никто не ищетъ не проситъ. Ламартинъ отказался формально одобрить Карла Альберта за то, что войска его двинулись въ Ломбардію; онъ, также какъ и Бастидъ, съ 11 мая принявшій завѣдываніе французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не хотѣли, чтобы на предѣлахъ Франціи находилось могущественное Италіанское государство; удовольствовались тѣмъ, чтобы снарядить сильный наблюдательный корпусъ на границѣ, которому дано было громкое названіе альпійской арміи. Въ Германіи, которая впослѣдствіи сдѣлалась самою дѣятельною и лучшею союзницей Италіи, въ то время положеніе дѣлъ было такое хаотическое, что никто не видѣлъ возможности, чтобы между обоимѣ государствами было что нибудь общее. Нѣмецкая демократическая партія, безъ сомнѣнія, сочувствовала итальянцамъ, но только по причинамъ, основаннымъ на невыработанныхъ революціонныхъ теоретическихъ началахъ; но это было только меньшинство; большинство же смотрѣло на положеніе Австріи въ итальянскихъ областяхъ какъ на нѣкотораго рода дѣло народной національной чести, и радовалось побѣдамъ Радецкаго, какъ нѣмца, или полунѣмца. Швейцарія получила депешу 6 апрѣля отъ Піемонта, въ которой ей предлагался оборонительный и наступательный союзъ; но федеральный совѣтъ, по внушенію союзнаго сейма, отклонилъ это предложеніе; Швейцарія не хотѣла и не могла выйти изъ занимаемаго ею нейтралитета, и дѣйствительно, въ такія опасныя времена, какъ тѣ, какія настали, нельзя было обойтись безъ крайней осторожности. Смѣшна была причина, какую федеральный совѣтъ выставлялъ, почему онъ остается въ бездѣйствіи: онъ приводилъ ту причину, что послѣ войны Зондербунда федерація должна собраться съ силами; такая извинительная причина была также неумѣстна, какъ если-бы кто нибудь захотѣлъ извиняться въ своемъ отсутствіи тѣмъ, что за полгода передъ тѣмъ у него шла изъ носу кровь. Для Италіи мелькнула было другая надежда: покончить италіанскія дѣла съ Австріей полюбовно. Нѣкоторымъ изъ вліятельныхъ людей въ Австріи пришла мысль, не лучше-ли будетъ разомъ, навсегда отдѣлаться отъ италіанскихъ владѣній, также какъ она уже освободилась отъ бельгійскихъ, и что у императора, не смотря на это, останется еще довольно много прекрасныхъ областей, а рѣшать останется еще довольно много важныхъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ при министерствѣ Фикельмонта, начались переговоры, дѣятельное участіе посредничества при этомъ принимала Англія; посыпались меморандумы, тайныя посланія, замѣтки, совѣты и т. п. переписка. Іюня 13 министръ Везенбергъ изъ Инсбрука, написалъ письмо тогдашнему президенту Ломбардіи, графу Казати; въ немъ онъ предлагалъ начать переговоры, основаніемъ которыхъ было бы полное отдѣленіе Ломбардіи отъ Австріи съ условіемъ, чтобы она на себя взяла пропорціональный австрійскій государственный долгъ. Но предложеніе это

было довольно рѣзко отвергнуто; расположенная въ пользу войны придворная партія и офицеры арміи вздохнули свободнѣе, повсюду въ обширныхъ областяхъ имперіи царствовала анархія и хаосъ; но за то здѣсь въ арміи Радецкаго былъ полный порядокъ, приказанія отдавались ясно и опредѣленно, повиновеніе было точное и цѣль была всякому ясна; войско сознавало необходимость съ боя взять справедливый и почетный миръ и чрезъ то стать на твердую точку, съ которой и остальныя государства почерпнутъ необходимую силу и опору.

Изреченіе Italia farà da se уже потеряло свой первоначальный смыслъ; первое разочарованіе пришло изъ Рима, гдѣ легенда, составленная пылкими итальянцами о Піѣ IX, мало-по-малу померкла передъ доказательствами неотразимой и печальной дѣйствительности. Папа Пій, какъ глава католическаго, христіанскаго міра и какъ итальянскій государь, смотрѣлъ на то, что до сихъ поръ сдѣлано, какъ на крайній предѣлъ возможнаго, за который заходить нельзя и не должно: всегда смѣшанное народонаселеніе Рима, а теперь составленное еще изъ большаго числа иностранныхъ элементовъ, обременяло его своими требованіями, бурными предложеніями и часто неосновательными теоріями: между тѣмъ, какъ въ одной части народонаселенія таились чисто средневѣковыя убѣжденія, и она негодовала за то, что папа, по чисто человѣческому чувству, приказалъ уничтожить стѣну, отдѣлявшую жидовскій кварталъ отъ остальныхъ частей города; другая часть римлянъ была пропитана новѣйшими соціалистическими и коммунистическими идеями парижской фабрикаціи и карикатурила извѣстное право работы, предаваясь пока въ обширнѣйшемъ размѣрѣ праву полной безпечности и лѣни. Папа уже давно упустилъ изъ своихъ рукъ господство надъ всею народною массою и надъ ея представителями; генералъ Дурандо самовластно издалъ, 5 апрѣля, прокламацію къ войску, въ которой говорилъ, что оно должно съ своими братьями ломбардцами дѣлить и опасности, и побѣду, что оно должно съ Карломъ Альбертомъ соединить свое оружіе, освященное и благословенное самимъ папою, для искорененія изъ общаго отечества враговъ Божіихъ и враговъ Италіи. Это вовсе не согласовалось съ желаніемъ папы, который намѣревался удержать войска у себя подъ рукою; но вышло еще хуже. Генералъ Дурандо стоялъ близъ р. По, на самой границѣ; его войска волновались и настойчиво требовали, чтобы ихъ переправили черезъ рѣку и повели на враговъ. По приказанію Карла Альберта, но противъ своей инструкціи, Дурандо рѣшился 21 апрѣля на этотъ рѣшительный шагъ. Министры этимъ воспользовались и требовали отъ папы, чтобы онъ объявилъ войну Австріи. На счетъ нравственной стороны вопроса, говорили они, Господь Богъ внушитъ папѣ правыя мысли и рѣшенія, но на счетъ политической — крайняя, неотвратимая потребность указываетъ на необходимость принять дѣятельное участіе въ національной борьбѣ. Но папа, вполнѣ преданный своимъ первосвященническимъ воззрѣніямъ и правиламъ, поступилъ такъ, какъ слѣдовало поступить первосвященнику, а не свѣтскому государю; въ аллокуціи (обращеніи) отъ 29 апрѣля, которой ни одинъ изъ его министровъ прежде не видалъ, высказалъ онъ рѣшеніе, діаметрально противоположное тому, какого хотѣли министры. Онъ говорилъ, что двинулъ свои войска на границу только для защиты церковной области, «если же теперь», стояло дальше, «нѣкоторые и требуютъ, чтобы мы, наравнѣ съ другими государями и народами Италіи, начали войну съ Австріей, то мы находимъ необходимымъ прямо и ясно объявить, что это вовсе несогласно съ нашими намѣреніями и цѣлями». Онъ думалъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, составить союзъ изъ италіанскихъ государей и послалъ къ нимъ приглашенія съ этою цѣлью, прислать въ Римъ своихъ уполномоченныхъ; Карлъ Альбертъ, между тѣмъ, требовалъ, чтобы папское правительство прислало своихъ уполномоченныхъ въ военный совѣтъ. Министры, вслѣдъ за папскою аллокуціей, подали въ отставку; римскій муниципальный совѣтъ сдѣлался органомъ общаго неудовольствія и волненія, онъ подалъ адресъ папѣ, въ которомъ было сказано, что отъ него, представителя и посланника мира, никто не требуетъ, чтобы онъ побуждалъ римскій народъ къ войнѣ, но его только просятъ, чтобы онъ не мѣшалъ тѣмъ, которымъ самъ предоставилъ временныя мірскія дѣла, заботу о войнѣ и военныхъ дѣйствіяхъ; это, другими словами, значило: чтобы онъ, хоть на время, отказался отъ гражданской власти и удовольствовался пока одною духовною. Почти также

думало и новое министерство Маміани, составленное имъ 4 мая; но папа смотрѣлъ на вещи съ иной точки зрѣнія. Оставаясь въ своихъ границахъ, онъ не оставался вполнѣ чуждымъ итальянскому дѣлу. За два дня передъ тѣмъ, онъ написалъ австрійскому императору письмо, въ которомъ уговаривалъ его прекратить войну; такъ какъ ему нѣтъ ни малѣйшей надежды когда-либо пріобрѣсть любовь и преданность жителей Ломбардіи и Венеціи, то гораздо лучше будетъ, если благородная германская нація признаетъ итальянскую своею равноправною сестрою. На сколько собственное положеніе самому папѣ казалось непрочнымъ, видно изъ того, что онъ въ тоже время написалъ неаполитанскому королю письмо и спрашивалъ его, найдетъ ли онъ почетный пріемъ въ Неаполѣ, еслибы положеніе дѣлъ въ Римѣ приняло такой оборотъ, что ему пришлось бы покинуть его. Но самый недальновидный наблюдатель могъ увѣриться, что за аллокуціей отъ 29 апрѣля неминуемо должна настать реакція, что и показали неаполитанскія происшествія.

Въ Неаполѣ члены парламента были выбраны 15 апрѣля, а на 15-е мая назначено было первое засѣданіе; выборы пали преимущественно на людей съ умѣреннымъ образомъ мыслей Въ этотъ самый день, пока между королемъ и членами парламента происходили пренія на счетъ формулы присяги, въ городѣ вспыхнуло возстаніе, безсмысленное и безцѣльное, похожее на ребяческую затѣю неразумныхъ мальчишекъ; гвардія и швейцарцы взялись за оружіе и въ крови потушили возстаніе; въ теченіе дня войско поперемѣнно получало то приказаніе, то отмѣну приказанія, но окончательно раздраженное всевозможными насмѣшками и оскорбленіями черни, предалось своему чувству мщенія и безъ милосердія, и безъ разбора купалось въ потокахъ крови. Король вдругъ ободрился, почувствовавъ, что онъ побѣдилъ; и то ужь слишкомъ долгое время, съ затаенной злобой, сносилъ онъ то и подчинялся тому, чего измѣнить не могъ; онъ отпустилъ своихъ министровъ, сказавъ имъ, что пора милосердія миновалась, а депутатамъ, которымъ не удалось даже вступить въ свой парламентъ, далъ онъ приказаніе немедленно разойтись по домамъ; онъ чувствовалъ безконечное наслажденіе въ сознаніи, что онъ первый изъ государей, побѣдившій революцію и который на дѣлѣ показалъ, какъ это легко, если только приняться за дѣло съ надлежащей стороны и съ достаточною строгостью. Затѣмъ назначилъ онъ себѣ новое министерство изъ умѣренно-либеральныхъ людей, потому что все-таки не намѣренъ былъ нарушать конституціонной системы правленія; 16 мая отправлено было предписаніе генералу Вильгельму Пѣпе, начальствующему неаполитанскою 14-ти-тысячною воспомогательною арміею, вступившею въ Болонью, на помощь Карлу Альберту и уже вошедшею въ общій операціонный планъ, чтобы генералъ немедленно возвратился со всею ввѣренною ему арміей въ Неаполь, гдѣ король нуждается въ войскѣ, для того, чтобы держать въ покорности республиканскихъ возмутителей и «для защиты конституціонной системы государственнаго устройства;» точно такое же повелѣніе было отправлено флоту, отъ 24 числа, и тѣмъ положенъ былъ конецъ блокадѣ Венеціи. Большинство неаполитанскаго войска безпрекословно послѣдовало предписанію; но самъ Пепе и вмѣстѣ съ нимъ 1,500 человѣкъ остались при сѣверной арміи; нѣкоторые офицеры, волнуемые двумя совершенно противоположными чувствами и не будучи въ состояніи предаться одному изъ нихъ, пытались самоубійствомъ рѣшить вопросъ, ихъ терзавшій, и слѣдовательно ни на что не рѣшиться.

Въ остальной Италіи народъ изливалъ свою ярость кощунствомъ и всякими оскорбленіями, какими могъ обременять имя, портретъ, или гербъ Фердинанда; но это не измѣнило положенія дѣла. Но, какъ бы тамъ словами ни вертѣли, ни прятали за ними сущности дѣла, ни папа, ни король неаполитанскій, не принимали участія въ борьбѣ за освобожденіе Италіи. Это было чрезвычайно важно, потому что характеръ всей войны существенно измѣнился: если Карлъ Альбертъ останется побѣдителемъ, не смотря на всѣ препятствія и опасности, воздвигавшіяся передъ нимъ, и слѣдовательно устоитъ итальянская національность, тогда наступитъ послѣдній часъ свѣтской власти папскаго престола и падетъ тронъ неаполитанскаго короля; интересы теперь такъ рѣшительно и такъ рѣзко выставили свои противоположности, что о соглашеніи и о примиреніи ихъ не могло быть и

мысли. Папа и король сами себя поставили въ такое положеніе, что должны были желать австрійцамъ побѣды, потому что ихъ войско сражалось противъ революціи и ихъ пораженіе повело бы за собою ихъ собственное паденіе. Это было дѣйствительно такъ: рядомъ съ пораженіемъ Австріи, шла потеря свѣтской власти папы потеря всѣхъ выгодъ, связанныхъ съ этою властью, равно какъ и ниспроверженіе неаполитанскаго престола; и окончательное паденіе Бурбоновъ; хотя судьба уже обозначила судьбу этихъ государей, но она еще была впереди, и несчастной странѣ суждено было пройти долгимъ, тяжкимъ путемъ горя и испытанія.

Боевыя силы Радецкаго до сихъ поръ были слишкомъ слабы, чтобы предпринять наступательное движеніе, но въ теченіе мая пришли подкрѣпленія, такъ что въ концѣ мая у него налицо было 50,000 человѣкъ; піемонтское войско, готовое противустать ему, имѣло не болѣе 60,000 настоящихъ, годныхъ солдатъ. Карлъ Альбертъ пропустилъ въ бездѣйствіи три безцѣнныхъ недѣли. Продовольствіе войска, возложенное по смыслу договора на Ломбардію, было въ лучшемъ положеніи, чѣмъ до сихъ поръ; кромѣ того, изъ Алессандріи подвезена была осадная артиллерія, посредствомъ которой началось, съ 18 мая, обстрѣливанье Пескіеры, на южномъ концѣ озера Гарда. Крѣпость была полуразрушена; Радецкій находился въ такомъ положеніи, что не могъ безопасно подвергать своей арміи опасности, но при отчаянномъ положеніи Пескіеры все таки принужденъ былъ перейти въ наступательное движеніе. На правое италіянское крыло, занятое тосканцами, было сдѣлано первое нападеніе, 29 числа, близъ Куртатоне; они были разбиты, но на другой день, 30-го, произошла главная битва близъ Джіотто и окончилась тѣмъ, что нападеніе австрійцевъ было отбито и въ тотъ же день, въ 4 часа по полудни, Пескіера выставила бѣлый флагъ. Весь гарнизонъ, около 2000 человѣкъ и 150 пушекъ, достались побѣдителямъ; кромѣ того, австрійцевъ въ битвѣ пало до 1000 человѣкъ; хотя это сраженіе не было такое важное, какъ италіянцы его выставляли, но все таки успѣхъ его былъ значителенъ.

Но Карлъ Альбертъ былъ очень недалекій полководецъ, главное нерѣшителенъ и не умѣлъ пользоваться своимъ успѣхомъ. Казалось, какъ будто его тяготило сознаніе, что онъ взялъ на себя задачу, превышавшую его силы; на полѣ битвы онъ выказывалъ храбрость и смѣлость, неимѣвшія себѣ равныхъ, но у него недоставало качества, почти необходимаго въ его положеніи—умѣнья пріобрѣсти популярность ласкою, предупредительностью и похвалою, во время сказанною, поднять мужество своего войска и умѣнья привлечь къ себѣ народонаселеніе. Совсѣмъ не такимъ былъ Радецкій: онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ, стоящій выше его; кромѣ того, у него въ генеральномъ штабѣ былъ баронъ Гессъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный его помощникъ. Извѣстія изъ Вѣны были неблагопріятныя; присылка помощи пріостановилась; войско Радецкаго было единственное, заслуживающее довѣренности императора; при такомъ положеніи дѣлъ на генеральную битву нельзя было отваживаться; избѣгая ея, Радецкій пошелъ за Эчь, а 10 іюня напалъ на отдѣльный корпусъ папскаго войска, подъ начальствомъ Дурандо; близъ Виченцы произошла упорная битва, и папскій генералъ былъ оттѣсненъ въ городъ. Дурандо находился въ отчаянномъ положеніи: его окружало несравненно сильнѣйшее войско, отъ короля помощи не было; въ полночь онъ послалъ парламентеровъ съ предложеніями о сдачѣ, и капитуляція была утверждена поутру 11 числа. Для Австріи важнѣе всего было отдѣлаться отъ лишнихъ враговъ, поэтому папскому войску предоставлены были разныя льготы: ему предоставлена была свобода, со всѣми военными почестями, съ оружіемъ, какъ регулярнымъ полкамъ, такъ и волонтерамъ, безпрепятственно перейти черезъ По и удалиться въ свои предѣлы, съ обязательствомъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не подымать оружія противъ Австріи; жителямъ Виченцы было предоставлено на произволъ оставаться въ городѣ, или слѣдовать за папскимъ войскомъ. Радецкій вполнѣ воспользовался всѣми выгодами своей побѣды, не запятнавъ ея безполезной жестокостью; послѣ этого онъ занялъ свою прежнюю позицію близъ Вероны: черезъ удачное нападеніе на Виченцу, онъ очистилъ свою операціонную линію и присоединилъ къ своему корпусу 12,000 человѣкъ изъ подкрѣпленія, которое фельдмаршалъ-лейтенантъ Вельденъ велъ изъ Австріи, такъ что теперь и числен-

ная сила его войска превосходила піемонтское, въ которомъ насчитывалось не болѣе 45,000 человѣкъ.

Послѣ отступленія папскаго войска, вполнѣ надежныхъ у Карла Альберта осталось только піемонтское и незначительные корпуса изъ мелкихъ италіянскихъ герцогствъ, ломбардскіе волонтеры, да солдаты венеціанской республики, до сихъ поръ не принимавшіе никакого участія въ войнѣ. Хуже всего было то, что вездѣ и всѣ занимались политикой, кричали и шумѣли, какъ будто все шло какъ нельзя лучше, а дѣла никто не хотѣлъ дѣлать. Но нашелся одинъ человѣкъ, примѣръ котораго могъ бы образумить; Джузеппе Гарибальди предназначено было играть великую роль въ трудномъ и медленномъ дѣлѣ освобожденія и объединенія Италіи; въ это время онъ въ первый разъ выступилъ на свое поприще; онъ былъ уроженецъ Ниццы; въ дни заговоровъ и тайныхъ обществъ былъ дѣятельнымъ членомъ ихъ и принужденъ былъ, отъ Карла Альберта, бѣжать въ Южную Америку; тамъ онъ успѣлъ прославиться въ битвахъ съ тираномъ Буэносъ-Айреса—Розасомъ; когда же до Гарибальди дошло извѣстіе о томъ, что въ Италіи загорѣлась война за свободу, онъ вернулся на родину съ нѣсколькими изъ своихъ приверженцевъ. Онъ высадился въ Генуѣ; тутъ встрѣтила его республиканская мадзиниствая партія, смотрѣвшая на него, какъ на своего и намѣревавшаяся назначить ему важную роль въ своей всемірной борьбѣ противъ всѣхъ тирановъ вообще; онъ выслушалъ ихъ громкія фразы, высказалъ имъ множество очень мѣткихъ и горькихъ истинъ и вмѣсто того, чтобы ополчаться противъ всесвѣтной тираніи, отправился туда, гдѣ происходила осязательная борьба съ Австріей, въ главную квартиру короля, который принялъ его очень вѣжливо, но далъ ему только невидное назначеніе составлять въ Миланѣ отряды волонтеровъ, такъ что въ эту эпоху войны Гарибальди не представилось случая выказать свой талантъ, какъ искусному и опытному предводителю волонтеровъ.

Позади сражающейся арміи все еще продолжали болѣе заниматься будущей политической организаціей Италіи вообще, нежели текущими, минутными потребностями военной силы. Даже въ Туринѣ конституціонныя направленія опять зашевелились и распространились; 18 мая созваны были піемонтскія палаты, въ которыхъ открыто принялись критически разбирать военныя дѣйствія; вмѣсто того, чтобы прямо приступить къ тому, чтобы назначить необходимыя суммы для военныхъ издержекъ и затѣмъ разойтись по домамъ, предоставивъ ружьямъ и пушкамъ толковать о дальнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Милапцы сначала очень благоразумно постановили удовольствоваться временнымъ правительствомъ и разсужденіе о томъ, въ какой политической формѣ устроить свое дальнѣйшее существованіе, отложить до окончанія войны, которую думали очень скоро покончить; но теперь поднялся вопросъ о немедленномъ присоединеніи Ломбардіи къ Піемонту и тотчасъ приступили къ его рѣшенію: общее голосованіе произведено было 29 мая и огромное большинство, почти 600,000 противъ столькихъ же сотенъ, требовало немедленнаго присоединенія къ Піемонту. Вслѣдствіе этой, такъ ясно выраженной народной воли, піемонтское правительство и ломбардское заключили соглашеніе, 13 іюня, по которому предполагалось составить законодательное собраніе изъ представителей всѣхъ частей верхне-италіянскаго королевства; но рядомъ съ этимъ занимались несвоевременными и ни къ чему неведущими ложными финансовыми постановленіями, а вооруженіе производилось вяло, многія важныя должности были заняты или неспособными, или дурными людьми. Еще менѣе пользы было отъ новой венеціанской республики; хотя президентъ ея, Манинъ, умѣлъ держать въ порядкѣ шумныя и раздражительныя толпы, а главное удерживать ихъ отъ насилія и жестокости въ отношеніи нѣмцевъ, поселившихся въ Венеціи, но тѣмъ не менѣе тамъ ничего не дѣлалось, чтобы приготовиться къ серьезной военной борьбѣ и къ правильному составленію войска. И здѣсь тоже нашлась довольно сильная партія, требовавшая немедленнаго присоединенія къ Піемонту. Манинъ хотѣлъ изъ Венеціи образовать самостоятельную республику и потому обѣщалъ составить конституціонное собраніе, которому предоставлено будетъ разобрать и рѣшить форму дальнѣйшаго существованія республики. Къ 18 іюля собраніе было созвано въ Венецію, но между тѣмъ часть венеціанской территоріи была занята австрійскими войсками, подъ командою

Вельдепа; далѣе можно было опять выжидать и медлить. Наконецъ, 3 іюля, конституціонное собраніе окончательно составилось и, не смотря на постоянное и ясно обнаруживаемое желаніе Мапена, удержать республиканскую форму правленія, рѣшено было немедленно слиться съ Піемонтомъ, большинствомъ 127 голосовъ противъ 6. Депутація съ этимъ извѣстіемъ отправилась къ Карлу Альберту; онъ отослалъ ее въ Туринъ, гдѣ уже съ любовью и рвеніемъ занимались ученымъ разрѣшеніемъ всѣхъ конституціонныхъ вопросовъ; тамъ толковали: должно ли быть такое соединеніе пока только теоретически-юридическое, или его возможно уже привести практически въ дѣло; далѣе толковали о томъ, можно ли, до составленія законодательнаго собранія, издавать законы, или нѣтъ, и о тому подобныхъ мелочахъ. Между тѣмъ составлено было общее министерство, въ которое назначены были члены и изъ ломбардцевъ, и изъ венеціянцевъ; но Радецкій избавилъ ихъ отъ труда давать отвѣты на эти вопросы.

Послѣ послѣднихъ столкновеній, опять нѣсколько недѣль прошло безъ всякаго серьезнаго сраженія: но около середины іюля обнаружилось движеніе въ обоихъ лагеряхъ. Опасеніе, что интриги мадзинистовъ помѣшаютъ дальнѣйшему ходу военныхъ дѣйствій, съ одной стороны, заставило Карла Альберта выйдти изъ своего бездѣйствія, а Радецкаго, съ другой стороны, понуждали опасенія, что англійское посредничество, работавшее особенно дѣятельно, добьется того, что италіянскій вопросъ будетъ разрѣшенъ миролюбиво, на что и австрійское министерство все болѣе и болѣе склонялось. Карлъ Альбертъ занималъ растянутую операціонную линію, простиравшуюся на востокъ отъ Риволи и озера Гарда, на западъ до По; Радецкій повелъ на нее атаку въ разныхъ пунктахъ, отъ 23 до 25 іюля. Сраженіе, происшедшее въ послѣдній день, 25 числа, называется битвою при Кустоццѣ, по имени деревеньки, находящейся на полдорогѣ между Вероной и Минчіо; битва длилась девять часовъ, при палящемъ лѣтнемъ зноѣ, и окончилась пораженіемъ піемонтскаго войска, во главѣ котораго, какъ всегда, король и его сыновья дѣлали чудеса храбрости; при безпрерывныхъ арьергардныхъ сраженіяхъ, во время отступленія, они тоже бились съ честью, и піемонтское войско заслужило полное уваженіе, хотя часть его, вслѣдствіе неосмотрительныхъ распоряженій, необыкновеннаго утомленія и подавляющаго чувства недавняго пораженія, разбѣжалась. При такомъ положеніи нельзя было думать о томъ, чтобы еще разъ остановиться и дать отпоръ; августа 3 король прибылъ въ Миланъ, а слѣдомъ за нимъ разбитое войско; пѣхота была въ печальномъ положеніи, но кавалерія и артиллерія въ отличномъ. Народонаселеніе города, по обычаю всѣхъ романскихъ народовъ, не хотѣло посмотрѣть своей неудачѣ прямо въ лицо, а до сихъ поръ тѣшило себя фантастическими представленіями; но тутъ вдругъ увидѣло всю горькую правду; черезъ короткое время издали послышались пушечные выстрѣлы, доносился гулъ сражающихся и приближеніе враговъ, шедшихъ по пятамъ за разбитымъ піемонтскимъ войскомъ: съ каждымъ мгновеніемъ они были ближе и ближе! Въ городѣ началось безцѣльное волненіе и то тутъ, то тамъ принялись строить баррикады; король остановился подлѣ Римскихъ воротъ, въ отелѣ Сентъ-Жоржъ и собралъ у себя военный совѣтъ. Вопросъ состоялъ въ томъ: принять-ли отчаянную битву въ миланскихъ улицахъ, какъ народъ того, очевидно, хотѣлъ, или на время оставить Ломбардію и начать переговоры съ побѣдителемъ. Первый способъ былъ хорошъ, чтобы дать обильную пищу демократическимъ газетамъ; но послѣдній способъ былъ единственно-благоразумнымъ и въ самую настоящую минуту у офицеровъ сардинскаго войска, шевельнулось разумное территоріальное патріотическое чувство. Идея о единой, великой Италіи была прекрасна, спору нѣтъ, но изъ-за нея нельзя было бросать того, что было въ рукахъ и что можно было сохранить для будущаго благопріятнѣйшаго времени, а именно: здоровое и крѣпкое піемонтское королевство. Два піемонтскіе генерала, въ полночь, отправились въ Сентъ-Донато, по дорогѣ изъ Лоди въ Миланъ, въ главную квартиру Радецкаго. Онъ былъ готовъ принять условія, на которыхъ они сдавали ему городъ; но извѣстіе о начавшихся переговорахъ поставило на ноги тѣхъ пылкихъ народныхъ вождей, людей по большей части безъ имени и часто сомнительной честности, которые готовы были рисковать жизнью, но въ послѣднее мгновеніе все таки умѣли спасать ее, предоставляя своимъ подчиненнымъ отдѣлываться отъ

побѣдителя, какъ хотятъ и какъ умѣютъ. Условія, поставленныя піемонтскимъ военнымъ совѣтомъ, были согласны съ чувствомъ чести и найдены были такими же миланскимъ муниципальнымъ совѣтомъ и временнымъ правительствомъ, но показались простымъ предательствомъ нѣкоторымъ членамъ «оборонительнаго комитета». Въ городѣ опять раздались звуки набатнаго колокола, и безчисленныя, густыя толпы черни начали тѣсниться передъ дворцомъ Гренни, гдѣ находился въ то время Карлъ-Альбертъ, а между чернью послышались восклицанія, что надобно арестовать короля. Начали стрѣлять въ окна, въ комнаты дворца, пока наконецъ вѣсть объ этихъ безчинствахъ не достигла до піемонтскаго войска, расположившагося на городскомъ валу. Офицеры немедленно объявили, что силою намѣрены освободить своего короля изъ недостойнаго плѣна; генералъ Бафа тотчасъ взялъ батальонъ гвардіи и роту берсальеровъ и ночью явился съ ними передъ дворцомъ, разогналъ чернь, освободилъ короля и его сына и проводилъ ихъ въ другое помѣщеніе, поближе къ валу.

Король послѣ этого тотчасъ приказалъ подписать согласіе о сдачѣ города; миланскій подеста сдѣлалъ тоже 5 августа. Выговорено было, что городъ останется въ цѣлости и неприкосновенности; кому изъ жителей угодно будетъ оставить его, тотъ до 8 часовъ слѣдующаго дня можетъ выходить изъ него безпрепятственно, по дорогѣ къ Маджентѣ. Піемонтское войско обязывалось немедленно оставить городъ и по опредѣленному заранѣе маршруту отправиться черезъ Течино. 6 числа, въ 8 часовъ утра, австрійское войско должно было занять Римскія ворота, а въ полдень самый городъ, въ который торжественно вступитъ: маршалу казалось, что это удовлетвореніе онъ обязанъ былъ дать своему войску.

Все такъ и произошло. Отступавшее піемонтское войско и бѣжавшіе изъ Милана жители могли еще видѣть за собою, какъ австрійскія знамена приближались къ городу и вскорѣ развернулись на соборѣ, потому что вступленіе австрійскаго войска, по просьбѣ миланскихъ нотаблей, было ускорено, такъ какъ чернь воспользовалась страхомъ и перѣшительностью жителей и принялась уже грабить.

Радецкій взялъ въ свои руки верховное гражданское и военное управленіе. Онъ употреблялъ свою власть, какъ человѣкъ, который въ тяжкіе дни честно выполнялъ свою обязанность, на отвѣтственности котораго лежитъ сохраненіе дорого купленнаго имени полководца, честь храбраго войска и великаго государства; между солдатами соблюдалась строжайшая дисциплина. Но какъ бы австрійцы примѣрно ни вели себя, а на почвѣ Италіи сѣмя примиренія не могло уже болѣе взойти.

Нѣсколько дней спустя, между обѣими враждующими сторонами было заключено шестинедѣльное перемиріе. Демаркаціонную линію составляла граница обоихъ государствъ; ломбардскія крѣпости, области Пармы, Модены и городъ Піаченца должны быть очищены отъ сардинскаго войска и отъ союзныхъ италіянскихъ контингентовъ; положено было, чтобы сардинскія войска выступили также изъ Венеціи и области, ей принадлежащей, и чтобы морскія силы тоже оставили ее. Личная независимость и собственность жителей предоставлялась покровительству Австріи. Въ теченіе шестинедѣльнаго перемирія предполагалось начать мирные переговоры; если же невозможно будетъ къ тому сроку окончить дѣла, то перемиріе можетъ быть возобновлено по обоюдному соглашенію, или прекращено, и тогда военныя дѣйствія могутъ вновь начаться, но только недѣлю спустя послѣ срока, назначеннаго для перемирія.

Но прямой и дѣтски-простодушный и правдивый патріотъ-фанатикъ Гарибальди смотрѣлъ на перемиріе какъ на измѣну отечеству и не хотѣлъ признавать договора; онъ съ тысячью преданныхъ ему отважныхъ, на все готовыхъ волонтеровъ удалился въ предгорія Альповъ и тамъ на свой страхъ продолжалъ начатую народную войну. Радецкій не презиралъ и не оставлялъ безъ вниманія никакого врага, какъ бы слабъ и ничтоженъ онъ ни былъ, и успокоивался только тогда, когда ему удавалось окончательно разбить и побѣдить его. Такъ и теперь: онъ съ значительнымъ военнымъ корпусомъ отрядилъ противъ Гарибальди генерала д'Аспре; ничтожная горсть отважнаго Гарибальди таяла отъ безпрестанныхъ столкновеній съ императорскими войсками, и доведенные до отчаяннаго положенія партизаны бѣжали наконецъ въ Швейцарію, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ, 26 августа.

b) Ходъ событій до возобновленія военныхъ дѣйствій, отъ августа 1848 года до марта 1849 года.

На *противоположномъ* концѣ Италіянскаго полуострова, въ Сициліи, также подготовлялось пораженіе для національной партіи. 15 марта сицилійскій парламентъ собрался въ Палермо; президентомъ избранъ былъ Руджіеро Сеттимо, одинъ изъ тѣхъ многихъ благородныхъ, безкорыстныхъ и честныхъ патріотовъ, какими италіянцы, по справедливости, могутъ гордиться. Попытки войти въ соглашеніе съ Фердинандомъ, королемъ неаполитанскимъ, оказались безуспѣшными; поэтому парламентъ почти единодушно рѣшилъ лишить престола бурбонскую линію; большинство членовъ парламента состояло изъ людей съ конституціонно-монархическимъ образомъ мыслей, и очень немного было лицъ съ чисто республиканскимъ направленіемъ. Въ парламентѣ, 13 апрѣля, торжественно составленъ и подписанъ былъ актъ, по которому Фердинандъ и вся его бурбонская династія навсегда лишались правъ на сицилійскій престолъ, по что Сицилія возведетъ на него одного изъ италіянскихъ владѣтелей, лишь только конституція будетъ составлена и реформа окончательно утверждена. О какомъ бы то ни было неаполитанскомъ принцѣ не могло быть и рѣчи послѣ ужасовъ истребленія 15 мая, вся возмутительная сторона которыхъ была еще усилена и преувеличена въ извѣстіяхъ, дошедшихъ до Палермо. Англія, принимавшая живѣйшій интересъ въ дѣлахъ Сициліи, торопила парламентъ приступить къ выборамъ; но парламентъ прежде всего постарался окончить реформу конституціи 1812 года въ обширнѣйшемъ демократическомъ смыслѣ, и у короны отняты были существеннѣйшія права в е т о, и въ случаѣ надобности право распустить камеры; пока производились реформы, высматривали и совѣщались о томъ, кому бы отдать корону; затѣмъ *приступили къ выбору короля*; 11 *іюля*, въ 2 часа ночи, *окончена была* подача голосовъ. Вторая палата и палата перовъ были согласны: онѣ единодушно избрали втораго сына Карла Альберта, принца Альберта Амедея Савойскаго, герцога Генуэзскаго. Извѣстіе объ этомъ избраніи тотчасъ было отправлено на сѣверъ съ англійскимъ пароходомъ.

Карлъ Альбертъ получилъ это извѣстіе передъ самымъ сраженіемъ при Кустоццѣ; для него избраніе это представляло новое затрудненіе: если онъ дастъ свое согласіе на то, чтобы сынъ его принялъ предлагаемую ему корону, то это неминуемо, къ существующей войнѣ съ Австріей, поведетъ за собою войну съ Неаполемъ. Сицилійскихъ депутатовъ принялъ король и сынъ его только 27 августа; но ни тотъ, ни другой не отвѣчали утвердительно и опредѣленно.

Ходъ событій и воля короля Фердинанда еще болѣе прежняго отчуждали его отъ интересовъ общеиталіянскихъ и отъ вопросовъ, волновавшихъ всѣхъ патріотовъ Италіи. Іюля 1 произошло открытіе неаполитанскаго парламента, безъ всякой пышности, какъ какого нибудь писнаго правительственнаго учрежденія. «Мною подтвержденныя и освященныя либеральныя учрежденія, прежде чѣмъ получатъ свою силу, должны быть ограждены и оплодотворены внутренними прочными законами,—стояло въ тронной рѣчи, которую читалъ министръ, въ ней ни слова не говорилось объ италіянской войнѣ и о волновавшемъ всѣхъ положеніи дѣлъ въ Сициліи. Адреса отвѣтнаго, поданнаго второю палатой, король не принялъ, потому что въ немъ преимущественно затронуты были эти вопросы, по предложенію прежнихъ министровъ Тройи и Поэріо. Но тутъ, на бѣду, съ сѣвера, съ мѣста военныхъ дѣйствій, одно худое извѣстіе слѣдовало за другимъ, и мужество патріотической и либеральной партіи упало; на побѣды Австріи смотрѣли, какъ на побѣды реакціи; хотя въ это время въ самой Австріи происходило что-то похожее на переворотъ, на преобладаніе конституціоннаго начала, но Австріи до того не довѣряли, что на движеніе это смотрѣли, какъ на притворное, только кажущееся, а не дѣйствительное; вскорѣ реакціонная партія въ Неаполѣ рѣшительно взяла верхъ; черни, нѣсколько времени наряжавшаяся въ національные и либеральные цвѣта, теперь опять подняла знамя Бурбоновъ и готова была

опять постоять за самодержавнаго короля, если не мечемъ, то по крайней мѣрѣ кинжаломъ и дубиной. Палаты были опять распущены 5 сентября и засѣданія ихъ отложены; но, пока Сицилія не была покорена и возстаніе въ ней не было подавлено, реакція въ Неаполѣ не могла считаться окончательной. Король уже твердо рѣшился вновь покорить островъ; давно уже подготовлялъ необходимыя для того мѣры. Его войска все еще занимали Мессину и нѣкоторые форты; во всѣ эти мѣста были отправлены подкрѣпленія; генералъ Филанджіери съ 12,000 корпусомъ, стоялъ близъ Реджіо, съ другой стороны пролива, и готовъ былъ перейти его по первому приказанію. Съ 3 сентября, въ теченіе 5 дней, происходило изъ цитадели бомбардированіе древняго многолюднаго и прекраснаго города Мессины; разрушеніе было ужасное, имущество жителей погибало, но мужество ихъ отъ этого не слабѣло, а одушевленная любовь къ отечеству и непримиримая ненависть къ притѣснителямъ возрастала. Сентября 6 переправился Филанджіери на островъ и присоединилъ свой отрядъ къ нападавшимъ изъ цитадели войскамъ. Въ самый разгаръ битвы женщины, дѣти и безпомощные старики уносили изъ города то, что было цѣннаго. Англійскіе и французскіе военные корабли были переполнены бѣглецами; въ побоищахъ, вперемежку съ переговорами и новыми обстрѣливаніями, прошло двое сутокъ; вечеромъ 7 числа, послѣ невообразимыхъ ужасовъ звѣрства, побѣдители заняли городъ и принялись грабить то, что уцѣлѣло отъ пожара. Эти военные подвиги доставили королю нѣкотораго рода извѣстность въ Европѣ, а въ государствѣ прозвище короля бомбы il Re Bomba, и побѣдоносная реакціонная партія торжествовала. Пожаръ длился до 10 числа; начальники французской и англійской военной эскадры въ водахъ Сициліи, адмиралъ Бодень и Паркеръ намѣревались уже принять сторону сицилійцевъ; французскій адмиралъ написалъ своему правительству, что они до сихъ поръ держались въ строжайшихъ границахъ нейтралитета, но что наконецъ священные законы человѣколюбія заставляютъ ихъ вмѣшаться въ дѣло; они, какъ люди, знакомые съ военнымъ ремесломъ, возмущены безчеловѣчною жестокостію, съ какою здѣсь ведется война, «нарушающая всѣ обычаи цивилизованныхъ народовъ». Посланники обѣихъ державъ въ Неаполѣ сдѣлали свои представленія королю, опиравшемуся на свое королевское право и на трактатъ 1815 года, и объяснили ему настоящую точку зрѣнія; въ Сицилии оба адмирала тоже заговорили и принудили обѣ сражающіяся стороны заключить перемиріе, особенно пріятное сицилійцамъ. Затѣмъ обѣ нейтральныя державы пытались, пока длилось перемиріе, устроить миръ между враждебными сторонами. Сицилійскіе депутаты говорили французскому министру иностранныхъ дѣлъ о своемъ желаніи провозгласить республиканскую форму правленія на своемъ островѣ. Бастидъ на это замѣтилъ имъ, что даже Франція не созрѣла для того, чтобы быть республикой, тѣмъ менѣе Сицилія способна къ этому. Лордъ Пальмерстонъ, черезъ брата своего лорда Темпль, отправленнаго въ Неаполь чрезвычайнымъ посланникомъ, предложилъ королю личное соединеніе обоихъ королевствъ, именно такъ, чтобы вѣнчать на королевство одного изъ сыновей Фердинанда и тѣмъ начать окончательное устройство положенія Сициліи. Но этого одинаково не хотѣли ни въ Неаполѣ, ни въ Сициліи. Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Европѣ вообще было въ высшей степени неблагопріятное для либеральной партіи и для всѣхъ тѣхъ, которые противились угнетеніямъ. Опять могучій потокъ, поднятый чувствомъ независимости и сознанія правъ своихъ, долженъ былъ улечься въ своихъ границахъ до удобнѣйшаго времени, и хотя лордъ Пальмерстонъ 6 марта 1849 года въ англійскомъ парламентѣ громко утверждалъ, что Сицилія вполнѣ права, вооружаясь въ защиту признанной ею консистуціи 1812 года, но право должно было уступить силѣ, и право, поддерживаемое только словами, не имѣло никакого значенія. Февраля 28 Фердинандъ сообщилъ посланникамъ западныхъ державъ свои окончательныя условія замиренія съ Сициліей: онъ предоставлялъ ей собственную конституцію, отдѣльное управленіе, отдѣльный парламентъ и амнистію виновнымъ въ возстаніи, но обязывалъ Сицилію къ уплатѣ военныхъ издержекъ; кромѣ того предоставлялъ себѣ право поставить неаполитанскіе гарнизоны въ пяти важнѣйшихъ городахъ острова; въ числѣ ихъ были Палермо и Мессина. Но онъ вскорѣ еще болѣе ограничилъ Сицилію; по острову распространилась вѣсть объ этихъ усло-

віяхъ; явилось возраженіе: положимъ, эти уступки со стороны короля достаточны, говорили сицилійцы, но кто поручится за то, что Фердинандъ, этотъ потомокъ вѣроломныхъ предшественниковъ, въ точности исполнитъ данныя обѣщанія? На этотъ вопросъ никто не могъ отвѣчать. Вновь всѣ партіи взволновались и вновь мысль объ отчаянной, неумолимой борьбѣ взяла перевѣсъ; въ обѣихъ палатахъ, также какъ во всѣхъ слояхъ общества, слышалось одно общее восклицаніе: в о й н а на жизнь и на смерть.

Но на бѣду ненависть превышала силу физическую. Въ виду могущественнаго, всѣмъ нужнымъ снабженнаго врага, у Сициліи не было флота, самаго существеннаго оружія для борьбы острова, тогда какъ большая часть городовъ были приморскіе. Въ офицерахъ и волонтерахъ недостатка не было, но за то оказывался существенный недочетъ въ регулярномъ войскѣ и въ оружіи: вмѣстѣ съ Мессиной, Сицилія потеряла 200 пушекъ, а это была невознаградимая потеря; кромѣ того не было военныхъ снарядовъ и денегъ. Какъ бы велика и какъ бы смертельна ни была ненависть, но она не могла вознаградить всѣхъ этихъ недостатковъ. Начальство надъ возставшими принялъ на себя неутомимый слуга революціи, полякъ Мѣрославскій.

29 марта 1849 года окончился срокъ перемирія. Военныя дѣйствія возобновились на югъ отъ Мессины; вскорѣ пришло извѣстіе объ австрійскихъ побѣдахъ въ сѣверной Италіи, и мужество неаполитанскаго войска возросло. Военныя дѣйствія сицилійцевъ напротивъ были неудачны; нѣсколько дней послѣ возобновленія войны, они потеряли Таормину, гдѣ находились ихъ главные магазины. Мѣрославскій *не имѣлъ военнаго таланта своего противника* Филанджіери; войска не были обучены, а состояли изъ худо вооруженныхъ, недисциплинированныхъ отрядовъ волонтеровъ, вовсе неприготовленныхъ къ борьбѣ съ регулярными войсками; они отступали передъ нимъ, и наконецъ, во время защиты Катаньи, Мѣрославскій былъ тяжело раненъ. У подошвы Этны произошла *ожесточенная битва, 6 апрѣля, въ великую пятницу* на страстной недѣлѣ; и тутъ, какъ вездѣ, главную силу неаполитанскаго войска составляли швейцарскіе наемные полки, а неаполитанскіе солдаты не уступали имъ только во время погони за бѣгущими и во время грабежа взятыхъ съ бою городовъ. Сиракузы сдались флоту, а Филанджіери, нѣсколько времени спустя, двинулся внутрь острова, вслѣдъ за окончательно разсыпавшимся войскомъ возставшихъ. При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ правительство, парламентъ и жители Палермо потеряли мужество. Французскій и англійскій посланники старались склонить короля къ милости, и уговорить его къ большей умѣренности; онъ обѣщалъ дать Сициліи собственную конституцію и вице-короля, амнистію всѣмъ, исключая зачинщиковъ и предводителей возстанія, признать долгъ, сдѣланный революціоннымъ временнымъ правительствомъ. Апрѣля 17 парламентъ согласился разойтись; министры готовы были принять уступки и условія короля, но когда предводители разныхъ частей вооруженныхъ силъ предложили продолжать до послѣдней крайности защиту родины и сопротивленіе неаполитанскому войску, они подали въ отставку. Вся масса простаго народа и всѣ достаточные жители Палермо были нѣмы и убиты страхомъ; президентъ временнаго правительства Руджіеро Сеттимо попытался ободрить ихъ, но такъ какъ это ему не удалось, то онъ сложилъ свою отвѣтственность передъ муниципальнымъ совѣтомъ Палермо. Болѣе всѣхъ замѣшанные въ возстаніи и слѣдовательно тѣ, которымъ грозила наибольшая опасность, не желая попасться въ руки Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ, бѣжали заблаговременно съ острова въ Піемонтъ, во Францію, въ Англію и т. д. Муниципальный совѣтъ отправилъ къ Филанджіери депутацію съ повинной головой; онъ между тѣмъ приближался къ Палермо, встрѣчая только изрѣдка то тамъ, то здѣсь недостойныхъ себя противниковъ въ анархіи, царствовавшей повсемѣстно.

Мая 15 занята была неаполитанскими войсками цитадель города Палермо и важнѣйшіе посты въ немъ; въ то же время флотъ обложилъ городъ съ моря. Данъ былъ приказъ, чтобы все оружіе, находящееся въ городѣ, было представлено въ теченіе двухъ сутокъ; по истеченіи этого срока, принялись обыскивать дома и безъ суда разстрѣливали тѣхъ, у кого въ домѣ находили оружіе и военные снаряды. А 22 мая Филанджіери издалъ прокламацію, возможную только гдѣ нибудь на

Востокѣ, а вовсе не въ европейскомъ государствѣ, гдѣ она могла показаться кощунствомъ; въ прокламаціи говорилось, что король, въ святилищѣ души своей, вмѣстилищѣ всѣхъ добродѣтелей, положилъ въ святомъ совѣтѣ своей совѣсти дать имъ намѣстникомъ драгоцѣннѣйшій перлъ своей короны, своего первороднаго сына, наслѣдника счастливаго, богоспасаемаго королевства Обѣихъ Сицилій—ангела кротости, о достоинствахъ котораго здѣсь не можетъ быть рѣчи.

Но этотъ перлъ сицилійскаго королевскаго вѣнца не явился на островъ, и настоящимъ штатгальтеромъ сдѣлался Филанджіери; много ли потеряла Сицилія отъ этой перемѣны—неизвѣстно. Объ уступкахъ и преимуществахъ, выговоренныхъ англійскимъ и французскимъ посредниками, не было больше помина. Во главѣ французскаго правленія стоялъ теперь Людовикъ-Наполеонъ, и онъ очень хладнокровно смотрѣлъ на такое нарушеніе обѣщанія; англійскій кабинетъ подалъ королю ноту, отъ 16 сентября 1849 года, въ которой напоминалъ объ обѣщанной конституціи для Сициліи. На это неаполитанское министерство отвѣчало, что въ Сициліи теперь все спокойно, положеніемъ своимъ народъ доволенъ, король полновластенъ; чего же больше?

Непосредственнѣе, чѣмъ на южную Италію, подѣйствовала битва при Кустоццѣ на средне-италіянскія государства. Австрійское войско, подъ начальствомъ князя Лихтенштейна, опять возвратило Францу V Моденское герцогство; герцогъ возвратился въ свою столицу 10 августа, предварительно обнародовавши амнистію, которая однакожь не простиралась на тѣхъ, кто содѣйствовалъ революціи; части герцогства, присоединившейся къ Тосканѣ, на первое время герцогъ не требовалъ обратно. Австрійскій отрядъ, подъ начальствомъ графа Турна, занялъ Парму, но такъ какъ герцогъ предпочиталъ остаться лучше въ Германіи, то на мѣсто его назначенъ былъ намѣстникъ и установлено временное военное правительство. Очень незавидно было положеніе дѣлъ въ Тосканѣ. Великій герцогъ очень охотно сохранилъ бы пріобрѣтенную имъ область и оставилъ бы умѣренное большинство членовъ въ своихъ палатахъ, рядомъ съ такимъ же умѣреннымъ министерствомъ; но здѣсь, также какъ въ незначительныхъ государствахъ Германіи, шумная, волнующаяся уличная охлократія парализовала законную власть правительства. Все государство было наполнено иноземными искателями приключеній, людьми по большей части очень сомнительнаго характера, которые бѣжали, или отъ австрійской, или отъ неаполитанской реакціи. При помощи такихъ людей, глава здѣшнихъ демократовъ, Гверацци и присоединившійся къ нему полупомѣшанный патеръ Гавацци, учредили отдѣльный штатъ въ Ливорно, а ливорнцы, т. е. всякій сбродъ, поселившійся въ Ливорно и получившій право гражданства отъ города, отказались принять губернатора, котораго правительство прислало имъ изъ Флоренціи; они объявили, что если имъ не будетъ данъ губернаторъ по сердцу, то они объявятъ себя независимой республикой. Имъ послали другаго губернатора, мечтателя Монтанелли, который утверждалъ, что Іисусъ Христосъ есть первый демократъ въ мірѣ; но такъ какъ въ Италіи повсюду были несогласія и споры, то онъ думалъ, что настало время приступить къ общему объединенію Италіи, и для этого началъ съ того, чтобы предложилъ созвать общее законодательное италіянское собраніе. Какъ безсмысленна и безцѣльна ни кажется эта идея, если взять въ соображеніе происшествія въ сѣверной Италіи и тотъ оборотъ, какой приняли дѣла королевства Обѣихъ Сицилій, но всетаки ее нѣкоторымъ образомъ можно оправдать и объяснить, если взять въ соображеніе положеніе дѣлъ, въ октябрѣ 1848 года, въ Вѣнѣ: это время совпадаетъ съ убійствомъ Латура и Ламберга; какъ бы то нибыло, но Италія гораздо больше нуждалась въ военной организаціи, нежели въ законодательномъ собраніи. Великій герцогъ находился въ очень затруднительномъ положеніи и не зная, что начать, составилъ чисто радикальное министерство, готовое принять всякій проектъ, лишь бы онъ былъ либеральный. Рядомъ съ этимъ развивался проектъ о лигѣ между италіянскими государями; Франція сочувствовала и содѣйствовала ему, потому что здѣсь одинаково опасались и австрійскаго преобладанія, и піемонтскаго, также не находили удобнымъ допускать слишкомъ явнаго протекторства Англіи въ дѣлахъ Сициліи.

Но попытка и надежда извлечь для Италіи выгоду изъ запутаннаго положенія Австріи исчезли передъ неисходнымъ и непонятнымъ хаосомъ римскихъ отношеній; умѣренное, основанное на законности, конституціонное начало вездѣ принимается трудно, но здѣсь оно оказалось совершенно невозможнымъ: здѣсь, между первосвященническимъ абсолютизмомъ и между республиканскимъ радикализмомъ не могъ втѣсниться третій, умѣренный принципъ, если же онъ и втѣснился, то существовать долго не могъ. 5 іюня 1848 года собрались римскія палаты; напрасно патріоты пытались изъ этого двойственнаго государства составить нѣчто разумное, цѣлое; напрасно пытались изъ папы, этого главы всѣхъ вѣрующихъ католиковъ на земномъ шарѣ, въ томъ числѣ и Австріи, сдѣлать конституціоннаго, еще больше—италіянскаго государя. Противорѣчащія начала поминутно обнаруживались, не было даже возможности составить надлежащую тронную рѣчь; кое-какъ подвинченная и подстроенная программа была все, съ чѣмъ могъ Маміами предстать передъ палатами и на которую онѣ отвѣчали такимъ же принужденнымъ и неискреннимъ адресомъ. Посреди такого безплоднаго колебанія пришло извѣстіе о томъ, что 14 іюля городъ Феррара занятъ австрійскими войсками, подъ начальствомъ князя Лихтенштейна, подъ предлогомъ подать помощь гарнизону цитадели и усилить доставленіе съѣстныхъ припасовъ со стороны города. Папа протестовалъ противъ этого; но громкій голосъ негодующихъ клубовъ (circoli), настоятельнѣе народа требовавшихъ, чтобы папа поднялъ оружіе въ защиту Италіи, провозгласилъ своего рода крестовый походъ за освобожденіе ея; но не легко было сбить съ толку, не легко подвинуть папу на то, чего онъ не хотѣлъ; а тутъ на бѣду пришло еще извѣстіе о пораженіи при Кустоццѣ. Извѣстіе это поразило, какъ громомъ, тѣмъ сильнѣе, что ему предшествовалъ ложный слухъ о побѣдѣ италіянцевъ, а воспріимчивые, живые южные народы такъ легко переходятъ отъ необузданнаго восторга къ живѣйшей печали, къ отчаянію и унынію. Августа 1 плачевное и ничтожное министерство Маміами, много разъ просившее объ увольненіи, наконецъ получило его. Палата послѣ этого подала папѣ адресъ, въ которомъ горячо просила о томъ, чтобы онъ принялъ участіе въ войнѣ за независимость, и члены съ благородною готовностью предлагали для этого свою жизнь и имущество, до послѣдняго сантима; между тѣмъ папа образовалъ новое министерство, замѣчательнѣйшій человѣкъ котораго былъ графъ Пеллегрино Росси, министръ юстиціи; но кромѣ его въ этомъ министерствѣ были и другіе достойные члены. Пеллегрино Росси былъ уроженецъ Каррары, онъ молодость провелъ во Франціи и, можно сказать, воспитался тамъ на дипломатическомъ поприщѣ; ему было 61 годъ, когда онъ сдѣлался римскимъ министромъ; съ нимъ во главѣ управленія наконецъ опять явился настоящій государственный человѣкъ. Онъ, какъ истинный патріотъ, стремился также къ освобожденію Италіи и для него это была окончательная цѣль жизни, изъ-за которой онъ готовъ былъ пожертвовать свѣтскимъ величіемъ папы; но въ то же время онъ былъ твердымъ и основательнымъ противникомъ радикализма, въ которомъ видѣлъ опасное препятствіе къ достиженію своей завѣтной цѣли; онъ находилъ, подобно всякому здравомыслящему человѣку, что монархическое правленіе не только полезно, но крайне необходимо для Италіи. Его съ самаго начала встрѣтили недружелюбно и съ недовѣрчивостью, потому что онъ въ теченіе нѣкотораго времени былъ посланникомъ Людовика-Филиппа, что въ 1848 году равнялось почти преступленію. Съ этою перемѣною министерства совпало появленіе въ Кампаньи австрійскаго корпуса въ 12,000 чел., подъ начальствомъ барона Вельдена; очень высокомѣрная прокламація предшествовала войску; смыслъ ея заключался въ словахъ: «горе тому, кто осмѣлится намъ противиться!» Войско расположилось въ окрестностяхъ Болоньи; папа опять протестовалъ противъ такого нарушенія правъ собственности; англійскій и французскій посланники тоже протестовали, и вѣроятно австрійцы также очистили бы Романью, какъ очистили Феррару, но, при возбужденномъ состояніи народонаселенія, произошло событіе, предупредить которое могло только быстрое удаленіе австрійцевъ, какъ этого и требовало правительство. Нѣсколько австрійскихъ офицеровъ отправились въ Болонью, но чернь ихъ умертвила, затѣмъ началась перестрѣлка, и 8 августа загорѣлась настоящая битва; полное возобновленіе военныхъ дѣйствій можно было предупредить только тѣмъ, что папскіе упол-

номоченные уговорили австрійцевъ заключить перемиріе, а 15 въ Ровиго, по обоюдному соглашенію, австрійцы очистили Папскую область. Необдуманная, безцѣльная экспедиція австрійцевъ поставила папу и его министерство въ чрезвычайно затруднительное положеніе; никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы папскій протестъ отъ 6 августа былъ искрененъ, и радикалы, въ числѣ ихъ одинъ бонапартистъ, князь Канино, особенно громко кричали; для нихъ австрійская экспедиція представляла обильный матеріалъ для обличительныхъ рѣчей въ палатѣ, на площадяхъ и въ газетахъ. Кромѣ того, по удаленіи австрійцевъ, всѣ ужасы анархіи ринулись на Болонью и на остальныя легатства, потому что для борьбы съ пришельцами пришлось вооружить простой народъ, всегда готовый къ безчинствамъ и разбоямъ. Честные и трудолюбивые люди взялись тоже за оружіе, чтобы въ минуту опасности отстаивать свою родину, но послѣ удаленія австрійцевъ, они вернулись къ своимъ занятіямъ и спрятали оружіе; одна ничѣмъ незанятая, лѣнивая черпь не покидала оружія и употребляла его для своей дикой прихоти; только лишь постепенно и съ трудомъ удалось обезоружить и успокоить эту взволновавшуюся общественную тину.

17 сентября 1848 года Росси получилъ титулъ перваго министра, главы министерства, названнаго по его имени. Люди умѣренные и благоразумные надѣялись, что теперь опять дѣла придутъ въ какой нибудь порядокъ и что на ходъ отношеній, какъ внутренней, такъ и внѣшней жизни, будутъ смотрѣть болѣе здраво, чѣмъ до сихъ поръ. Какъ мы говорили, Росси сочувствовалъ Италіи не менѣе всякаго другаго, но понималъ, что освобожденіе ея и еще болѣе объединеніе не могутъ произойти въ одинъ день и одинмъ бурнымъ натискомъ, и еще менѣе черезъ безполезныя, шумныя демонстраціи, необдуманные набѣги и выходки партизанской войны; замѣчательно, что онъ для достиженія своей цѣли пошелъ свѣтлымъ путемъ цивилизаціи; чтобы сблизить и объединить разнохарактерные элементы Италіи, онъ началъ съ того, что вошелъ въ сношенія съ общинами, съ компаніями и капиталистами на счетъ постройки желѣзныхъ дорогъ, что во всякомъ случаѣ было для черни, да и не для нея одной, болѣе полезнымъ и патріотическимъ дѣломъ, нежели убійство какихъ нибудь неизвѣстныхъ австрійскихъ офицеровъ. Затѣмъ онъ занялся устройствомъ финансовъ и для улучшенія ихъ употребилъ свое знаніе и свою опытность; проценты, такъ давно неуплаченные по государственному займу, были выплачены; знающихъ людей, недуховнаго званія, назначалъ онъ на мѣста, до тѣхъ поръ составлявшія доходныя статьи для духовенства; по всѣмъ отраслямъ управленія дѣлалъ онъ приготовленія къ реформамъ, здѣсь болѣе нужнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Но такія распоряженія не могли нравиться въ этомъ вертепѣ, составленномъ изъ всѣхъ шлаковъ, выкинувшей реакціи и радикализма, партій совершенно противоположныхъ другъ другу, но одинаково неспособныхъ подчиниться стройному общественному порядку; для нихъ нововведенія Росси и его дѣятельнаго помощника, военнаго министра генерала Цукки, пытавшагося твердыми мѣрами охранять общественное спокойствіе, были ненавистны.

Папа желалъ добра своимъ подданнымъ, на сколько при своемъ положеніи онъ могъ вникнуть въ сущность дѣлъ и на сколько могъ понимать положеніе и потребности своихъ подданныхъ; какъ бы то ни было, но онъ надавалъ Росси много обѣщаній, сдѣлалъ ему много уступокъ, хоть на словахъ, и со всѣмъ этимъ запасомъ Росси намѣревался явиться передъ палатами, которыя опять созваны были на 15 ноября, и должны были, послѣ долгаго промежутка времени, вновь начать свои совѣщанія. Но въ то время, когда онъ вышелъ изъ кареты и поднимался по лѣстницѣ парламента, чтобы идти для открытія засѣданій, неизвѣстный человѣкъ поразилъ его смертельно кинжаломъ; убійца скрылся въ толпѣ, шумно и грозно обступавшей дворецъ парламента. Это кровавое дѣло послужило сигналомъ къ революціи, и у папы не было подъ руками средствъ обуздать ее: войска были ненадежны, палаты показывали нерѣшительность и трусость, изъ незначительнаго числа членовъ, находившихся на лицо большая часть разбѣжалась. Курія не знала, что дѣлать, что противопоставить буйству черни, и волны ея безпрепятственно разлились по Риму и овладѣли имъ. Шумными толпами валилъ разъяренный народъ изъ Квиринала по всѣмъ направленіямъ, выстрѣлы сыпались,

пули долетали даже до передней папы, который мгновенно превратился въ плѣнника; въ эти минуты общаго страха и опасности, папѣ остались вѣрными только его швейцарцы; они выстрѣлами и штыками держали чернь въ почтительномъ разстояніи отъ папы; онъ съ мужествомъ мученика ожидалъ своей участи и въ полной безпадежности на человѣческую помощь, воскликнулъ: «неужели у неба нѣтъ болѣе молній и грома, чтобы защитить меня!» Безсильный управиться съ волненіемъ, папа уступилъ и согласился на министерство, составленное изъ радикаловъ, подъ предсѣдательствомъ адвоката Галлетти. Но у этого министерства не было никакой власти и настоящая сила и настоящее управленіе были въ рукахъ радикальнаго клуба «Circolo Romano» подъ предсѣдательствомъ какого-то Стербини. Никто не осмѣливался порицать убійства Росси, тѣмъ менѣе начать судебное изслѣдованіе и произвести слѣдствіе; въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Ливорно, былъ даже народный праздникъ по случаю избавленія отъ Росси. Палаты, равно какъ и другія закономъ установленныя правительственныя учрежденія, были равны нулю; онѣ должны были молча выслушивать хвастливыя рѣчи какого нибудь князя Канино, который ораторствовалъ «о мудрости великаго римскаго народа», о «благородныхъ, энергическихъ стремленіяхъ этой первой въ мірѣ страны.» Особенно хорошо характеризуетъ тогдашнее настроеніе и тогдашнее безсиліе палаты слѣдующій случай: папѣ былъ предложенъ адресъ, составленный въ духѣ смиренія и покорности; сначала онъ былъ принятъ палатами — значительнымъ большинствомъ голосовъ, но когда радикалы выразили свое неудовольствіе и несогласіе, требуя вторичнаго полнаго голосованія, тогда депутаты, изъ опасенія прогнѣвить террористовъ, занимающихъ галлереи, при вторичномъ голосованіи, повторившемся нѣсколькими часами позже перваго, отвергли адресъ, тоже большинствомъ голосовъ. Папа покорялся неизбѣжному и не пытался даже отвращать того, чего отвратить нельзя было, но онъ началъ подумывать о помощи иностранной и посматривать, куда бы ему, въ случаѣ надобности, уѣхать. Онъ рѣшился удалиться въ Неаполь; 24 ноября, подъ вечеръ, переодѣвшись, папа счастливо обманулъ плохую бдительность разставленной передъ Квиринальскимъ дворцомъ городской стражи, счастливо добрался до церкви Латеранской Божіей Матери, сѣлъ въ карету баварскаго посланника, графа Шпора и выѣхалъ изъ Рима, предоставивъ его революціи и ища спасенія въ самой строгой реактивной партіи.

Хотя двое главнѣйшихъ противниковъ въ сѣверной Италіи, Австрія и Піемонтъ, на время отдыхали и положили оружіе но за то тѣмъ дѣятельнѣе занимались италіянскимъ вопросомъ прочія державы западной Европы. 1 сентября 1848 года, послѣ долгихъ разсужденій, Австрія наконецъ приняла посредничество Англіи и Франціи въ дѣлахъ сѣверной Италіи, но пыталась проволакивать дѣло и выиграть время, что было очень легко при несоразмѣрной требовательности ломбардо-венеціянскихъ патріотовъ, очень громко заявлявшихъ права свои; что касается военнаго положенія австрійцевъ въ сѣверной Италіи, то лучшаго и желать нельзя было. Чтобы примирить враждебныя партіи, лордъ Пальмерстонъ не скупился ни на увѣщанія, ни на просьбы, ни на предостереженія; онъ одинаковый интересъ принималъ и въ Австріи, и въ Италіи; ему нужно было сохранить силу и самостоятельность той и другой державы: одна ему нужна была противъ Россіи, другая — противъ Франціи. Германскій союзъ попытался было при этомъ случаѣ возвысить свой голосъ въ семьѣ европейскихъ государствъ, но онъ остался безъ вниманія. Австрія твердо держалась своей военной позиціи въ Италіи, не смотря на осенніе бури, бушевавшія въ Вѣнѣ, и на слѣдовавшія за тѣмъ тяжкія волненія и упорную борьбу въ Венгріи; войска Радецкаго оставались въ Италіи, и онъ, ничѣмъ не смущаясь, продолжалъ свои строгія военныя мѣры управленія: бралъ контрибуціи, ставилъ экзекуціи и т. п. Онъ отлично понималъ, что участіе Англіи въ судьбѣ Италіи ограничится кабинетнымъ посредничествомъ, а участіе Франціи будетъ не опасно на дѣлѣ, хотя очень шумно и громко на словахъ; къ тому же, желанія Франціи ограничивались возстановленіемъ пограничной линіи, существовавшей до начала войны; далѣе этого не шли также и надежды и желанія Австріи. Со времени назначенія князя Шварценберга въ министерство, военная и дѣятельная придворная партія взяла перевѣсъ въ министерствѣ, потому что Шварценбергъ самъ, до

своего назначенія, лично принималъ участіе въ италіянской войнѣ и отличался въ ней; даже получивъ новое назначеніе, князь продолжалъ жить въ воинственной атмосферѣ италіянскихъ битвъ: онъ утверждалъ, что нѣтъ возможности распутать австрійскихъ вопросовъ, этого клубка всевозможныхъ путаницъ, и что легче всего раздѣлаться съ ними, если обнажить мечъ вторично и однимъ ударомъ разомъ разрубить его; но пока онъ оттягивалъ только время, потому что надѣялся сперва покончить съ венгерскимъ вопросомъ и потомъ ужъ заняться италіянскимъ.

Въ Туринѣ тоже говорили, что война не окончена, что придется собраться съ силами и начать второй походъ, за тѣмъ, чтобы отнять Ломбардію у Австріи и не оставлять ей Венеціи. Пораженіе при Кустоццѣ ни на волосъ не измѣнило настроенія Италіи и образа мыслей италіянцевъ. При возобновленномъ управленіи Австріи, Ломбардія, какъ двѣ капли воды, походила на Нидерланды во время владычества Альбы, хотя, сказать мимоходомъ, Радецкій по природѣ своей былъ человѣкъ вовсе не кровожадный, даже не жестокій. Обѣщанія дать Италіи конституцію которыми въ Вѣнѣ тѣшили себя и другихъ, не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія ни на Радецкаго, ни на италіянцевъ: тотъ и другіе знали другъ друга, знали домъ Габсбургскій и тогдашнія жизненныя потребности и условія Австріи были имъ хорошо извѣстны. «Лишь только миръ и спокойствіе достаточно будутъ обезпечены», говорилось въ одной прокламаціи императора, отъ 9 октября 1848 года, «будетъ приступлено къ свободному выбору депутатовъ всѣхъ областей Ломбардо-Венеціянскаго королевства и засѣданія ихъ начнутся въ городѣ, заблаговременно назначенномъ»; контрастомъ этой прокламаціи можетъ служить прокламація Радецкаго, обнародованная 11 ноября: 1) члены бывшаго временнаго правительства, 2) руководящіе члены народнаго комитета 3) тѣ лица, которыя произвольно стали во главѣ республики, или своими поступками, своимъ состояніемъ, или своими умственными способностями выдвинулись въ революцію, или содѣйствовали ей, подвергаются чрезвычайной денежной контрибуціи; если же они въ шестинедѣльный срокъ не внесутъ требуемой суммы, то имѣнія ихъ конфискуются. Радецкій опозорилъ этой прокламаціей свое честное имя воина и не постыдился присовокупить къ ней, что кровныя деньги, такимъ образомъ вымолженныя, или полученныя черезъ продажу конфискованныхъ имѣній, пойдутъ на богоугодныя дѣла, на помощь бѣднымъ и нуждающимся, пострадавшимъ отъ войны мирнымъ жителямъ. Въ то же время налоги были усилены до крайнихъ предѣловъ и такъ какъ многіе не въ состояніи были платить ихъ, то у несчастныхъ отбирали имущество и продавали его за безцѣнокъ; такъ какъ гражданскихъ чиновниковъ нельзя было употреблять для такихъ понудительныхъ мѣръ, то откомандировывали для этого офицеровъ съ солдатами, и эти жестокіе сборщики податей скорѣе походили на разбойниковъ, грабившихъ безсильныхъ и безотвѣтныхъ поселянъ. Англійскіе корреспонденты сообщали неслыханныя вещи. То, что можно доказать судебными писанными актами—ужасно: такъ, однажды утромъ нашли куклу, повѣшенную передъ окнами одного австрійскаго инженера; у куклы въ рукахъ была угрожающая записка. Фельдмаршалъ, оскорбленный такимъ неуваженіемъ къ австрійскому военному, издалъ приказаніе: поставить въ домахъ улицы, на которой стоялъ домъ инженера, цѣлый батальонъ солдатъ на квартиры; если же въ теченіе одной недѣли не будетъ отысканъ виновникъ этого революціоннаго поступка, и если онъ не будетъ выданъ правосудію, то домовладѣльцы упомянутой улицы, всѣ вмѣстѣ, облагаются штрафомъ въ 100,000 лиръ и въ домахъ размѣщены будутъ два батальона солдатъ. Безумное требованіе осталось неисполненнымъ; но изъ города бѣжалъ всякій, кто могъ бѣжать, эмиграція возрастала ужасно; раздраженіе увеличивалось и къ прежде бывшей ненависти прибавлялась новая, непримиримая, которая рано или поздно должна была принести свой гибельный плодъ. Въ такомъ положеніи были жители Милана, почти въ такомъ же въ остальныхъ, значительныхъ городахъ Италіи; Венеція еще оставалась независима, и въ нее со всѣхъ сторонъ стекались недовольные, отчаяные, взбѣшенные бѣглецы. Порядокъ, не смотря на это, тамъ сохранялъ: Манинъ твердою рукою держалъ народъ въ повиновеніи; новымъ собраніемъ депутатовъ онъ былъ утвержденъ въ своей диктаторской власти.

Въ Піемонтѣ, послѣ пораженія при Кустоццѣ, все вниманіе было обращено на то, чтобы пополнить войско и привести его въ положеніе, годное для дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій. Король держалъ себя съ достоинствомъ: онъ въ высшей степени обладалъ твердостью, необходимой для того, чтобы переносить удары судьбы, и эта пассивная добродѣтель была свойственнѣе его характеру, чѣмъ смѣлость и предпріимчивая находчивость полководца. Народъ тоже не упалъ духомъ; его поддерживали: незавидныя, колеблющіяся, внутреннія неурядицы, потрясавшія Австрію въ теченіе всѣхъ осеннихъ мѣсяцевъ, постоянно возобновлявшіяся усилія посредническихъ державъ, пытавшихся упрочить миръ, венгерская война, далеко неудачная для Австріи, а извѣстія о притѣсненіяхъ, поминутно приходящія изъ Ломбардіи, поджигали народную ненависть къ австрійцамъ. Хотя Генуа была главною квартирой всей республиканской мадзинистской партіи, но она все таки не рѣшалась пристать къ общему дѣлу Италіи и помогать ей въ борьбѣ за независимость; мадзинисты дѣйствовали нечестно; гдѣ только могли, они старались отвлекать солдатъ отъ своей обязанности, поселяя въ нихъ неповиновеніе, представляли Карла-Альберта измѣнникомъ отечеству и ставили его въ непріятное и трудное положеніе въ одно и то же время бороться съ Австріей и съ происками радикальной партіи. Такъ какъ составленное королемъ министерство, послѣ пораженія при Кустоццѣ, не могло твердо опираться на палаты и вообще встрѣчало мало сочувствія, то король распустилъ его и составилъ новое, изъ довольно либеральныхъ элементовъ, но все-таки въ перемежку съ умѣренными лицами, подъ предсѣдательствомъ Джіоберти. Въ программѣ его, отъ 16 декабря, говорилось: «мы будемъ защищать нашу національность, т. е. нашу независимость отъ внѣшнихъ нападеній; мы будемъ стремиться къ объединенію полуострова, къ развитію и распространенію нашихъ учрежденій въ демократическомъ духѣ», но въ тоже время останавливались на томъ, чтобы крѣпко держаться монархическаго образа правленія, такъ необходимаго для благосостоянія и счастья всей Италіи. Это министерство сдѣлало попытку примирить папу съ тѣми, въ рукахъ которыхъ находился Римъ, облегчить ему возможность съ достоинствомъ нести свой національный и священническій санъ; король его пригласилъ къ себѣ въ Піемонтъ; но Карлъ Альбертъ не обошелъ вниманіемъ всѣхъ партій италіянскихъ, онъ даже неаполитанскаго короля не исключилъ изъ своего воззванія ко всѣмъ государямъ Италіи, чтобы соединенными силами противо-дѣйствовать иностранному владычеству. Но усилія его были тщетны они разбились о твердыя противоположности личныхъ интересовъ. Папа, тайно бѣжавшій изъ Рима и скрывшійся въ неаполитанскую крѣпость Гаэту, писалъ оттуда, именно около этого времени письмо къ своему милому сыну, молодому императору австрійскому и просилъ у него помощи. Въ Римѣ составилось законодательное собраніе и постановило, 9 февраля 1849 года, что папа фактически и юридически лишается временнаго господства надъ Римскою областью, образъ правленія которой впередъ будетъ чисто демократическій, подъ славнымъ нѣкогда названіемъ Римской республики; въ это же самое время возрастающій и усиливающійся республиканскій терроризмъ въ Тосканѣ принудилъ великаго герцога передаться во враждебный лагерь. «Австріецъ Леопольдъ», какъ герцога называли радикалы, оставилъ Флоренцію 7 февраля; когда же извѣстіе объ его отъѣздѣ разнеслось по городу, 8 числа, тамъ произошло почти то же самое, что въ Римѣ: при шумѣ, крикѣ, не столько народа, сколько членовъ клубовъ и ихъ приверженцевъ, при напрасныхъ попыткахъ полиціи водворить спокойствіе и порядокъ, народъ волновался и учреждено было временное республиканское правительство—тріумвиратъ изъ Гверацци, Монтанелли и Мадзини; они не жалѣли грозныхъ словъ и восклицаній, на ихъ бумагахъ струплась кровь, но въ дѣйствительности они не пролили ея ни капли. Карлъ Альбертъ предложилъ великому герцогу свою помощь, чтобы вновь овладѣть престоломъ, но Леопольдъ отказался отъ предложенной помощи и предпочелъ раздѣлить участь папы.

с. Второй походъ и второе пораженіе. Реставраціи отъ марта 1849 года до лѣта 1852 года.

При такихъ обстоятельствахъ Карлъ Альбертъ опять началъ военныя дѣйствія. Какая бы тамъ участь ему ни выпала, все-таки было лучше, чѣмъ метаться въ политической путаницѣ. Все, что бы ни принесла война, даже то, что принесъ мартъ — смерть на полѣ битвы, плѣнъ, отреченіе отъ престола — все равно что, но все было лучше этого хаоса, который безъ пользы истощалъ и поглощалъ всѣ нравственныя и физическія силы. Это рѣшеніе высказалъ король въ тронной рѣчи, при открытіи засѣданій парламента; это было рѣшеніе отчаяннаго; къ тому же шансы въ этомъ году были не такъ благопріятны, какъ въ прошедшемъ: хотя число войска было значительно: оно доходило до 120,000 человѣкъ, тогда какъ у Радецкаго было немногимъ больше 70,000 чел. Но Карлъ Альбертъ, или не могъ, или не хотѣлъ лично принять начальства надъ войскомъ, и онъ сперва было попытался призвать себѣ фельдмаршала изъ Парижа, но такъ какъ это не удалось, то команда поручена была поляку Хржановскому; онъ родился въ 1788 году и сражался уже при Лейпцигѣ и при Ватерло съ Наполеономъ, послѣ этого, въ 1828 году, былъ сдѣланъ подполковникомъ русской арміи во время осады Варны въ Турціи, а теперь получилъ команду надъ сардинской арміей; къ нему помощникомъ и начальникомъ штаба назначенъ былъ итальянецъ Ламармора, братъ сдѣлавшагося впослѣдствіи извѣстнымъ Александра Ламармора; начальникомъ Ломбардскаго легіона назначенъ былъ тоже полякъ, или полуполякъ Ромарино, человѣкъ очень сомнительной честности, уже съ дурной стороны выставившій себя во время неудачной экспедиціи волонтеровъ въ 1833 году. Марта 12 было объявлено о прекращеніи перемирія, а 20 съ полудня должны были возобновиться военныя дѣйствія.

На этотъ разъ окончательное рѣшеніе произошло необыкновенно скоро. Радецкій обманулъ своего противника; онъ сдѣлалъ видъ, будто по примѣру прошлаго года, намѣренъ начать съ того, что предварительно выведетъ войска изъ Ломбардіи; онъ стянулъ всѣ свои пять корпусовъ къ Павіи и 20, ровно въ полдень, по тремъ мостамъ перевелъ армію черезъ Тессино. Онъ ночевалъ уже на піемонтской почвѣ; первая битва произошла при Мортарѣ, на сѣверо-западъ отъ Павіи, 21 числа, и несмотря на примѣрную храбрость піемонтскаго войска, она окончилась ихъ пораженіемъ; но самый главный, окончательный ударъ былъ нанесенъ два дня спустя, 23, при Новарѣ, городѣ съ 20,000 жителей, находящемся по прямой линіи на западъ отъ Милана, между Тессиномъ и Сесіа; здѣсь находилась главная піемонтская армія, около 51,000 чел. и была главная квартира Хржановскаго. Радецкій болѣе всего домогался генеральнаго сраженія, потому что Австріи не по силамъ было вести долгую, выжидательную войну; ему надобно было сразиться, потому что отъ рѣшительной битвы этой зависѣло болѣе, чѣмъ одна судьба Италіи. До 6 часовъ вечера бились съ той и другой стороны съ ожесточеніемъ, но ни одна не брала перевѣса, но тутъ подоспѣлъ къ Радецкому генералъ Турнъ съ свѣжими войсками, съ третьимъ корпусомъ; онъ усилилъ ими всю свою боевую линію и повелъ ее на новую, еще болѣе отважную атаку; лѣвымъ крыломъ командовалъ гр. Бенедекъ и ген. Дегенфельдъ, центромъ — эрцгерцогъ Альбрехтъ, а правымъ крыломъ д'Аспре и Аппель. Нѣсколько венгерскихъ батальоновъ гренадеръ, еще до начала битвы просили Радецкаго, для испытанія ихъ вѣрности, поставить ихъ на самый опасный пунктъ, и они доказали свою преданность; при наступленіи сумерекъ піемонтское войско начало немного подаваться. Пули и на этотъ разъ пощадили короля, не смотря на то, что онъ бросался туда, гдѣ онѣ болѣе всего поражали, онъ какъ-бы искалъ смерти: генералъ Дурандо силою повернулъ его лошадь и вывелъ изъ самой жаркой схватки; только къ восьми часамъ вечера перестрѣлка мало-по-малу прекратилась. Въ теченіе ночи, всѣ піемонтскія войска послѣ несчастнаго дня, голодныя, изможденныя и раненыя, но исполненныя злобы и ожесточенія къ побѣди-

телю, были втѣснены въ узкія улицы небольшаго города; король былъ въ крайнемъ положеніи; онъ послалъ своего министра Кадорна и одного генерала въ главную квартиру побѣдителя для того, чтобы выхлопотать перемиріе. Парламентеровъ встрѣтили высокомѣрно и дерзко; оказывать великодушіе побѣжденному врагу не было въ правахъ генераловъ габсбургскаго дома; кромѣ того тутъ явился представитель и посланникъ отъ такого короля, ненависть къ которому кипѣла во всемъ австрійскомъ войскѣ; ему не могли простить того, что онъ принялъ сторону возставшихъ, и что онъ явился поборникомъ идеи, не только ненавистной для австрійцевъ, но хуже, опасной для нихъ, и они это въ тайникѣ души своей сознавали. Начальникъ штаба, баронъ Гессъ, какъ утверждаютъ, имѣлъ довольно дерзости и неблагородства, чтобы намекнуть: такъ какъ сардинскому королю нельзя вѣрить на слово, то отъ него надобно потребовать наслѣднаго принца заложникомъ. Карлъ Альбертъ думалъ, что личная ненависть къ нему служитъ помѣхой при переговорахъ, и потому дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ. Поздно ночью въ дворцѣ Беллини въ Новарѣ произошла потрясающая душу сцена. Въ присутствіи нарочно собранныхъ адъютантовъ, нѣсколькихъ генераловъ и министра Кадорна король торжественно положилъ руку на голову колѣнопреклоненнаго передъ нимъ старшаго сына своего, герцога савойскаго, благословилъ его и объявилъ его законнымъ королемъ и наслѣдникомъ своимъ, подъ именемъ короля Виктора Эммануила II: многознаменательное соединеніе именъ въ тяжкую годину пораженія, только что постигшаго Италію. Самъ же, въ сопровожденіи двухъ только слугъ, сѣлъ въ дорожную карету и отправился по дорогѣ въ Верчелли; только 19 апрѣля появился онъ опять въ Опорто, въ Испаніи, подъ видомъ частнаго человѣка.

Марта 24, поутру, въ 11 часовъ, новый король имѣлъ свиданіе съ Радецкимъ на фермѣ, близъ Новары. Постановлены были статьи перемирія: привести піемонтскую армію въ положеніе мирнаго времени, очистить Венецію и герцогства отъ піемонтскихъ войскъ, распустить корпусъ волонтеровъ; далѣе — австрійцы, въ числѣ 17,000 чел. должны занять область между Сесіей, Тессиномъ и По, въ крѣпости Алессандріи составить смѣшанный гарнизонъ изъ 3,000 австрійцевъ и столькихъ же піемонтцевъ; таковы были статьи перемирія, предшествовавшія мирному договору.

Перемиріе было куплено умѣренною цѣною и великодушное пожертвованіе Карла Альберта было принесено не даромъ. Со стороны австрійцевъ надобно считать грубѣйшей ошибкой то, что они приняли жертву этого врага своего; съ этихъ поръ на него стали смотрѣть, какъ на мученика за освобожденіе Италіи, и всѣ его недостатки и ошибки были этимъ самопожертвованіемъ сглажены и искуплены; поэтому извѣстіе о смерти его, послѣдовавшей 26 іюля, было встрѣчено въ Италіи съ живѣйшимъ сочувствіемъ и передъ памятью его благоговѣли. Онъ взялъ на себя великую задачу, и хотя былъ не въ силахъ выполнить ее, но смѣло и честно подвергалъ изъ-за нея опасности свою жизнь и жизнь своихъ сыновей. Гораздо чувствительнѣе самаго пораженія оскорбляла и угнетала его клевета, распространенная о немъ мадзинистами, которые, надобно сознаться, гораздо больше австрійцевъ были причиной его неудачи и того, что ему не выпала доля привести въ исполненіе начатаго великаго дѣла освобожденія Италіи; къ счастію, клеветы, распространенныя мадзинистами, не глубоко вкоренились въ италіянцахъ и не затмили благодарнаго чувства. Какъ-бы то ни было, но Карлъ Альбертъ съумѣлъ свои интересы и интересы своего дома слить съ интересами Италіи, онъ умеръ за Италію, за пробуждающіяся идеи національнаго единства, за идеи новаго времени, восходящаго въ сіяніи кровавой, утренней зари, тогда какъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ другія коронованныя лица или вовсе не умѣли взяться за дѣло, или послѣ грубыхъ, неудачныхъ попытокъ все бросали и опять впадали въ ничтожество своей обыденной придворной жизни; великая заслуга Карла Альберта состоитъ въ томъ, что онъ спасъ для Италіи ея драгоцѣннѣйшее благо — вѣру въ единую національную монархію, и умирающаго въ послѣднія минуты приближенные справедливо утѣшали тѣмъ, что память о немъ будетъ символомъ будущаго величія и единства Италіи. Итакъ на сардинскомъ престолѣ сѣлъ молодой человѣкъ, несмотря на пораженіе, гордо и

смѣло смотрѣвшій впередъ, и несклонившій своей головы подъ ударомъ судьбы. Ему представляли, что если онъ пристанетъ къ австрійской политической системѣ, то условія мира и самый миръ будутъ легче и прочнѣе; но онъ на это не согласился и потому условій мира было очень трудно постановить; нѣсколько разъ и съ той и съ другой стороны готовы были прервать переговоры и опять взяться за оружіе. Наконецъ, 6 августа 1849 года, миръ былъ подписанъ въ Миланѣ. Всѣ договоры, существовавшіе до 1 марта 1848 года, были вновь подтверждены и получили силу; границы, опредѣленныя вѣнскимъ конгрессомъ, возстановлены: на всѣ территоріи далѣе ихъ, король сардинскій отказывался отъ всякихъ претензій и за себя, и за своихъ наслѣдниковъ; военныхъ издержекъ Піемонтъ обязывался заплатить очень умѣренную сумму въ 75 милліоновъ ліръ.

Пораженіе Піемонта, неполучившаго своевременной помощи отъ новыхъ республикъ Рима и Тосканы, повело за собою возстановленіе стараго порядка вещей и въ остальныхъ мелкихъ государствахъ Италіи. Въ Римѣ дѣятельность новаго правительства была преимущественно направлена противъ духовенства. Монастыри превращались въ казармы, папскихъ лошадей превратили въ артиллерійскихъ, и онѣ прекрасно таскали республиканскія пушки; карнавалъ 1849 года прошелъ очень мирно и въ большомъ порядкѣ, безъ солдатъ, безъ сбировъ и жандармовъ. Папа изъ Гаэты торжественно протестовалъ 14 февраля противъ лишенія престола, но въ Римѣ онъ не произвелъ этимъ не малѣйшаго впечатлѣнія; никто не шевельнулъ рукою, чтобы поддержать, или возвратить прежній образъ правленія. На этомъ папа не остановился: онъ призывалъ къ оружію четыре сильнѣйшія католическія государства: Австрію, Францію, Испанію и Неаполь, и просилъ моральной и физической помощи отъ всѣхъ прочихъ вѣрныхъ католиковъ Европы — только къ Піемонту не было обращенія, его папа не удостоивалъ этой чести—онъ приглашалъ свою паству употребить стараніе, чтобы вновь водворить его на святительскомъ и монаршемъ престолѣ. По этому поводу началась живѣйшая переписка между католическими дворами; въ Римѣ между тѣмъ дѣла, какъ ни въ чемъ не бывало, шли своимъ порядкомъ. Въ началѣ марта 1849 года въ Римъ прибылъ Іосифъ Мадзини; онъ на мѣсто павшаго священничества установилъ новое революціонное, мечтательное священничество; оно, подобно предъидущему, частію хитростію, частію сплою, старалось околдовать и увлечь простой народъ, посредствомъ каррикатурной смѣси христіанскихъ и республиканскихъ соціалистическихъ идей; поминутно раздавались фразы «Богъ и народъ», «Римъ, судьбою предназначенный быть властелиномъ міроваго единства» и т. п. все громкія, ни на чемъ неосновавныя побрякушки. Говорили много, но ничего не дѣлали; возобновленіе борьбы въ сѣверной Италіи не мѣшало новому революціонному папѣ-демагогу праздновать обычнымъ способомъ великіе, освященные религіознымъ воспоминаніемъ дни: онъ зналъ, что для римлянъ равняется жизненной необходимости, чтобы въ положенный день совершилось установленное: освѣтить гробницу апостоловъ въ Великую пятницу и храмъ Воскресенія въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, но къ этимъ торжествамъ считалъ необходимымъ присовокупить нѣкоторыя республиканскія усовершенствованія, напр. чтобы во время фейерверка часто повторялось соединеніе цвѣтныхъ огней въ республиканскихъ сочетаніяхъ, а именно зеленаго, бѣлаго и краснаго.

Произошло несчастное для Италіи сраженіе при Новарѣ; слѣдствіемъ его было то, что приближенные папы въ Гаэтѣ сбросили съ себя конституціонную маску, никого болѣе не обманывающую. Первый совѣтникъ Пія IX, кардиналъ Антонелли, требовалъ отъ католическихъ государствъ немедленнаго и безусловнаго возвращенія намѣстника Христова въ Римъ. На то, отъ чего отказался Каваньякъ, новый президентъ французской республики согласился: хотя онъ еще въ 1830 году въ борьбѣ противъ свѣтской власти папы пріобрѣлъ свою первую военную опытность, но теперь, какъ мы уже видѣли, онъ съумѣлъ, подъ видомъ услуги, оказываемой клерикальной партіи, стремиться къ достиженію высшихъ политическихъ цѣлей, состоявшихъ въ томъ, чтобы не допустить Австрію своевольно одной распоряжаться судьбою Италіи. Но принимаясь за дѣло, президентъ не видѣлъ всей его трудности. Новая римская республика получила значительное подкрѣпленіе въ лицѣ превосходнаго полководца Джузеппе Гарибальди, который въ началѣ

апрѣля привелъ въ Римъ отборный отрядъ изъ 400 волонтеровъ. Гарибальди, человѣкъ глубоко честный и нравственный, пылкій и безкорыстный патріотъ, проникнутый пламенной любовью къ Италіи, отличался своею неустрашимостью, какъ простой воинъ, и опытностью полководца; онъ, подобно новому Серторію, строгою дисциплиной столько же, сколько благородствомъ характера имѣлъ самое лучшее вліяніе на окружающихъ; онъ ихъ очищалъ и облагораживалъ примѣромъ; своею простотою и безкорыстіемъ онъ успѣлъ даже понравиться монахамъ и имѣлъ между ними много горячихъ приверженцевъ. Генералъ Удино, высадившійся 24 апрѣля съ своимъ корпусомъ въ Чивита-Веккіи, приблизился къ Риму, какъ-бы съ намѣреніемъ защитить его отъ австрійской и неаполитанской интервенціи; но когда онъ убѣдился, что эта полуправда ни къ чему не ведетъ, онъ рѣшился, какъ мы это видѣли, 30 числа, къ открытому нападенію, худо обдуманному и плохо разсчитанному и потому окончившемуся пораженіемъ. Римъ ликовалъ; энтузіазмъ римлянъ выразился иллюминаціей, братской заботливостью и материнскимъ уходомъ за раненными; правда, не обошлось и безъ убійствъ и безъ оскорбленій противъ настоящихъ, или мнимыхъ враговъ отечества и противъ іезуитовъ; плѣнныхъ французовъ, къ величайшей досадѣ ихъ главнокомандующаго, въ доказательство братскаго сочувствія между обѣими республиками, безъ дальнихъ толковъ освободили, но сперва въ тріумфѣ и при изъявленіяхъ различныхъ сочувственныхъ и дружескихъ увѣреній, проводили по городу.

Хотя о прибытіи испанцевъ было повѣщено, но они не явились; за то неаполитанское войско, подъ начальствомъ генерала Ланца, придвинулось къ Риму; король Фердинандъ поспѣшилъ отправить свое войско, потому что съ недовѣрчивостью и завистью смотрѣлъ на вмѣшательство Франціи. Но и для него Гарибальди съ своимъ отрядомъ волонтеровъ и съ ломбардскими волонтерами сдѣлался страшнымъ; онъ при Палестринѣ 9 мая встрѣтилъ и разбилъ неаполитанское войско, а 19 настигъ при Велетри отступающихъ и вторичное пораженіе ихъ было еще чувствительнѣе перваго. Прекрасно и нарядно одѣтая неаполитанская гвардія научилась уважать плохо-одѣтыхъ гарибальдійцевъ съ ихъ круглыми шляпами; но страшнѣе всѣхъ сдѣлался для нихъ самъ Гарибальди: казалось, ни пуля, ни сабля не имѣли на него вліянія, и мнѣніе это утвердилось, а патеры не думали истреблять его и предлагали плохое утѣшеніе, увѣряя, что онъ въ союзѣ съ сатаною и потому ни пуля, ни сабля, ни кинжалъ не берутъ его; они въ защиту отъ сатаны и его союзника обвѣшивали себя образками и амулетами, но это имъ не помогало. Счастливѣе были австрійцы; послѣ сильной битвы и послѣ значительныхъ потерь, они, 16 мая, заняли Болонью; хотя городъ сильно пострадалъ отъ бомбардированія, но австрійцы готовы были его и прилежащую къ нему область удержать за собою.

Удино находился передъ Римомъ; лордъ Пальмерстонъ совѣтовалъ временному правительству войти въ соглашеніе съ французами, а черезъ нихъ съ папой, чтобы такимъ образомъ спасти и обезпечить самыя необходимыя и важнѣйшія реформы: но частію неподатливость Мадзини, считавшаго себя столько же непогрѣшимымъ, какъ и папа, частію преувеличенныя требованія французовъ помѣшали состояться соглашенію. 21 іюня, послѣ двухмѣсячной осады, французы, черезъ пробитыя бреши проникли въ городъ. Напрасно тріумвиратъ, управлявшій городомъ, взывалъ къ жителямъ: «возстань, Римъ! возстань, римскій народъ, въ твоемъ всемогуществѣ!» — народъ не возставалъ и французовъ вытѣснить нельзя было; одинъ только Гарибальди съ своими волонтерами отстаивалъ каждую пядь земли; наконецъ 1 іюля онъ вошелъ въ законодательное собраніе и объявилъ, что больше нечего дѣлать, что защищать Римъ больше нельзя. Мадзини, вѣрный своей роли, поутру 2 числа, обнародовалъ въ Капитоліи только что оконченную республиканскую конституцію церковной области; въ то же время Гарибальди собиралъ своихъ отважныхъ волонтеровъ на площади св. Петра и повелъ ихъ по городу черезъ форумъ, бывшій такимъ образомъ свидѣтелемъ новаго, оригинальнаго, но небезславнаго тріумфальнаго шествія, и черезъ Porta St. Giovanni вышелъ по дорогѣ къ Тиволи. Онъ провелъ свой отважный отрядъ по горнымъ, непроходимымъ тропинкамъ, подвергаясь всевозможнымъ нуждамъ и лишеніямъ, черезъ всю покоренную Италію, съ дерзкимъ намѣреніемъ войти въ еще непокоренную Ве-

нецію; но было поздно, этого сдѣлать уже не было никакой возможности, и Гарибальди принужденъ былъ распустить отрядъ своихъ вѣрныхъ волонтеровъ; самъ онъ спасся какимъ-то чудомъ, на радость всѣхъ благородныхъ и сочувствующихъ ему людей; можно сказать, онъ проскользнулъ между штыками австрійцевъ, жаждавшихъ овладѣть имъ: чтобы онъ никакъ не ушелъ, солдатамъ розданы были фотографическія карточки Гарибальди.

Между тѣмъ къ Риму подошло неаполитанское и испанское войска, но французы устранили то и другое, и сами вступили въ Римъ, 3 іюля; 31 тріумвиратъ изъ кардиналовъ принялъ на себя правленіе; папа обнародовалъ амнистію, изъ которой однако жь исключилъ 283 человѣка, и наконецъ, 12 апрѣля 1850 года опять въѣхалъ въ свою столицу черезъ тѣ самыя городскія ворота, черезъ которыя вышелъ Гарибальди.

Итакъ, духовенство опять взялось за управленіе государствомъ; въ этой роли, если можно сказать, оно сдѣлалось еще хуже, чѣмъ было, и исторіи до нашего ближайшаго отдѣла, до 1852 года, нечего говорить о Римѣ. Могущественныхъ союзниковъ и помощниковъ своихъ папа осыпалъ вѣжливостями и благодарностью, и когда въ Парижѣ совершился переворотъ, посредствомъ котораго Наполеонъ взошелъ на пустой тронъ, папа освятилъ его дѣйствіе и начинаніе своимъ высокимъ архипастырскимъ благословеніемъ; но либеральныя слова и идеи французскаго освободителя не производили никакого впечатлѣнія на папу; онъ гораздо больше сочувствовалъ Фердинанду II; этотъ, не менѣе папы Пія, вѣрилъ въ средне-вѣковыя права и преданія и держался ихъ. Для иностранцевъ Римъ опять получилъ свой прежній характеръ; они опять могли любоваться пышнымъ великолѣпіемъ папы и поклоняться ему; но они не заглядывали за кулисы, въ пустую государственную кассу и въ переполненныя тюрьмы.

Нѣсколько долѣе Рима противилась венеціанская республика св. Марка, превосходной силѣ Австріи и роковой судьбѣ своей. Положеніе города, ходъ событій въ Венгріи, ободряли народныхъ предводителей, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Кошутомъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившихъ за успѣхами и неудачами венгерцевъ. Важный фортъ Мальгерь держался до 26 мая; онъ былъ весь разрушенъ и наконецъ оставленъ своими защитниками, но городъ все еще держался; помня свое великое прошедшее, онъ достойно противился соединеннымъ усиліямъ трехъ страшныхъ враговъ: австрійцамъ, холерѣ и голоду. 13 августа произошла капитуляція Георгея при Вилагошѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ умерла для Венеціи всякая надежда на помощь со стороны Венгріи; а 22, послѣ 24 дневнаго бомбардированія, Венеція наконецъ сдалась. Предводителямъ народа Манену и генералу Вильгельму Пенѣ позволено было удалиться на французскомъ или англійскомъ кораблѣ.

Великій герцогъ Тосканскій, отказавшійся отъ помощи Піемонта, обратился 26 февраля 1849 года изъ Гаэты, гдѣ находился, къ императору Францу Іосифу съ просьбою о помощи. Послѣ битвы при Новарѣ получилъ онъ отвѣтъ: письмо начиналось довольно рѣзкимъ и назидательнымъ выговоромъ за прошедшее; ему представляли, какъ могъ онъ, эрцгерцогъ австрійскій, отречься отъ знаменитаго и славнаго имени своего дома, отъ правилъ ему присущихъ и пристать къ партіи либераловъ; ему не давали никакихъ надеждъ и обѣщаній, держали въ неизвѣстности и намекали, что ему слѣдовало бы отказаться отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу сына. Но около этого времени во Флоренціи произошло движеніе въ его пользу; республика была ниспровергнута, и жители опять предлагали Леопольду, какъ конституціонному правителю, занять свой престолъ. 12 апрѣля установлено было умѣренное временное правительство. Но надежда флорентинцевъ, такимъ образомъ, избѣгнуть австрійскаго вмѣшательства, не сбылась. Самъ великій герцогъ прежде всего хотѣлъ примириться съ Австріей; въ его глазахъ это было важнѣе, чѣмъ примиреніе съ своимъ народомъ; а со стороны Австріи вмѣшательство въ тосканскія дѣла было уже рѣшено. Подъ начальствомъ генерала д'Аспре австрійское войско сначала заняло Флоренцію, а потомъ непокорное Ливорно. Только 27 іюля возвратился самъ герцогъ. Министерство болѣе всего заботилось о сохраненіи конституціи и о томъ, чтобы уменьшить численную силу австрійскаго корпуса, который, надобно замѣтить, держался въ самыхъ

строгихъ границахъ справедливости и дисциплины. Австрія вполнѣ обуздала революцію и находилась теперь по повластной распорядительницей судебъ италіянскихъ государствъ; въ іюлѣ 1850 года великій герцогъ принужденъ былъ отправиться въ Вѣну, гдѣ уже разсуждали о томъ, какъ быть съ тосканской конституціей; князь Шварценбергъ ничего не хотѣлъ слышать о конституціи, бывшей причиной войны между Австріей и Италіей, какъ онъ утверждалъ. Великій герцогъ возвратился во Флоренцію и, 23 сентября 1850 года, въ тосканской правительственной газетѣ было напечатано, что обстоятельства еще не позволяютъ приступить къ возстановленію конституціонныхъ органовъ правительства, — что реформы въ управленіи, въ границахъ установленныхъ конституціей, непремѣнно будутъ произведены, но собраніе народныхъ представителей откладывается на неопредѣленный срокъ; другими словами, это значило, что весь конституціонный порядокъ управленія отлагается. Но 6 мая 1852 года конституція была окончательно уничтожена. Одновременно съ уничтоженіемъ конституціи, во Флоренціи возрастало вліяніе духовенства. Очень характеризуетъ это время переписка между Леопольдомъ и папой; послѣдній находитъ много несообразностей въ управленіи и въ обычаяхъ флорентинцевъ, и между прочимъ находитъ крайне предосудительнымъ, что доктора изъ жидовъ и протестантовъ лечатъ больныхъ католиковъ; но такъ какъ въ Леопольдѣ здраваго смысла нельзя было подавить окончательно, то онъ уступилъ только частью: онъ настаивалъ, чтобы докторамъ изъ жидовъ позволено было лечить только жидовъ, или много-много протестантовъ. Но къ счастію, въ Тосканѣ было много хорошихъ древнихъ обычаевъ, предохранившихъ ее отъ того, чтобы она не пала окончательно и не стала на степень Церковной области, или Неаполя — въ этихъ двухъ государствахъ не считали даже нужнымъ отмѣнять конституціи, она уничтожилась сама собою: палатъ не собирали, и никто никому никакого отчета не давалъ.

Гораздо свирѣпѣе была реакція въ Пармѣ, гдѣ австрійцы, подъ начальствомъ фельдмаршала-лейтенанта Штюрмера хозяйничали нѣкоторое время. Но еще хуже австрійцевъ былъ новый герцогъ Карлъ III, въ пользу котораго отецъ отказался отъ престола. Герцогъ Карлъ былъ человѣкъ ограниченнаго ума, жадный къ деньгамъ, грубый; онъ царствовалъ въ духѣ деспотовъ XVIII столѣтія: онъ домогался любви и преданности простаго народа, а люди образованные и просвѣщенные не были въ безопасности, потому что самъ герцогъ и приближенные его, также какъ и во многихъ мелкихъ государствахъ Германіи, гдѣ это самое повторялось, въ каждомъ знающемъ и образованномъ человѣкѣ видѣли приверженца конституціи, или, что въ ихъ глазахъ было одно и то же, якобинца.

То же самое, или нѣчто худшее происходило въ Моденѣ; тамъ, даже по понятіямъ князя Шварценберга, зашли ужь слишкомъ далеко; князь, подобно многимъ, всѣми силами стремился къ предположенной цѣли и не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы достигнуть ея; въ глазахъ его недостатокъ энергіи въ противникѣ былъ желаннымъ явленіемъ, чтобы добиться своего минутнаго успѣха; онъ съ цинизмомъ выказывалъ полное презрѣніе къ всякимъ общечеловѣческимъ идеямъ; но тутъ онъ все-таки сознавалъ, что вліянію побѣжденнаго Піемонта надобно противупоставить какое нибудь иное оружіе, и что недостаточно ему мѣшать одними полицейскими придирками и безсмысленными притѣсненіями.

Однако убѣжденіе, что всѣ неудачи и притѣсненія не потушили искры свободы, національнаго чувства и стремленія къ единству Италіи въ Піемонтѣ, равно какъ и въ остальной Италіи, была горечь, отравлявшая полный кубокъ успѣха, который палила себѣ реакція. Во всѣхъ отношеніяхъ казалось, будто Италія сдѣлалась такою, какою была прежде. Бурное возстаніе въ одиночку, раздробленно, безъ общаго плана и безъ общаго предводителя было отбито и подавлено по всей линіи. Казалось, будто всѣ жертвы, принесенныя на поприщѣ слова, въ потокахъ чистой и нечистой крови, пролитой на поляхъ битвъ и въ отдѣльныхъ столкновеніяхъ, потеря имущества, свободы, счастія цѣлой жизни, все это пропало безполезно, потому-что положеніе Италіи было хуже и безнадежнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было.

Въ Германіи всѣ революціонныя движенія были тоже подавлены, а вмѣстѣ съ ними уничтожены и придавлены надежды и желанія, чтобы раздробленныя

части націи слились въ одно, достойное существованія цѣлое политическое тѣло; но тутъ по крайней мѣрѣ не было иноземнаго владычества, и при возстановленіи стараго порядка вещей, оставалось много своего, хорошаго, что способствовало дальнѣйшему развитію народа больше, нежели жалкое существованіе цѣлаго.

Во Франціи революцію, вспыхнувшую противъ кроткаго, умѣреннаго и въ цѣломъ способнаго къ дальнѣйшему совершенствованію правленія, вспыхнувшей случайно, отъ избытка своеволія, окончилась учрежденіемъ деспотическаго насилія, за которымъ шла общая порча, подкупы и продажность совѣсти, сравнительно съ которой, подкупы и продажность, вооружившія революціонное движеніе 24 февраля, были чистѣйшимъ ребячествомъ; но народъ признавалъ въ своихъ комиціяхъ этотъ образъ правленія и былъ доволенъ тѣмъ, что можетъ безопасно наслаждаться своимъ имуществомъ, которое въ глазахъ его, рядомъ съ военною славою, цѣнилось выше всего на свѣтѣ; онъ далѣе чувствовалъ, что составляетъ строго ограниченное національное единство племени, и пользуется неоцѣненными пріобрѣтеніями революціи 1789 года: всеобщимъ равенствомъ передъ закономъ, равенствомъ передъ закономъ въ показаніяхъ и свидѣтельствахъ и т. п. преимуществами, пріобрѣтенными потоками крови и сохранившимися у него; ничего подобнаго не осталось у несчастной Италіи. Она опять—хуже, безпомощнѣе, безнадежнѣе прежняго подпала жестокому иноземному владычеству, владычеству Австріи, еще усиленному и ухудшенному прихотливой тиранніей вассальныхъ туземныхъ правителей и государей и соправительствомъ духовенства, отчужденнаго отъ родины и отъ семьи, которое безъ духа національнаго сознанія, безъ духа личной свободы предается только одной страсти—властолюбію и въ ней ищетъ вознагражденія за все утраченное имъ человѣческое. Но хуже всего было то, что эти мелкіе тираны нѣкоторое время принуждены были смириться и дрожать передъ угнетенными, участь которыхъ походила, если повторить сравненіе одного изъ древнихъ ораторовъ, на участь бѣглыхъ рабовъ, опять пойманныхъ и отданныхъ своимъ прежнимъ владѣльцамъ-мучителямъ. Несчастный, угнетенный народъ платилъ за все это ненавистью, возраставшей и усилившеюся въ огромныхъ размѣрахъ, въ теченіе этой поры страданія. Воспоминаніе объ этомъ времени не угасало потому, что новыя насилія поддерживали и усиливали ненависть до такой степени, что не смотря на всѣ ужасы реставраціи, она обнаруживалась то въ Миланѣ, то тутъ, то тамъ почти немедленно послѣ пораженія. Австрійцамъ въ Италіи предстояла борьба съ семиголовой гидрой, у которой на мѣсто одной отрубленной головы, немедленно выростала другая: но здѣсь въ Италіи не помогало даже то средство, которое употреблялъ полубогъ Геркулесъ, т. е. онъ мечемъ отрубалъ голову одной рукой, а раскаленной головнею другой прижигалъ пораненное мѣсто. Такъ напримѣръ въ несчастномъ городѣ Брешіа, огонь и мечъ свирѣпствовали достаточно, но переломить народнаго духа не могли; по ложному извѣстію отъ 1 апрѣля 1849 года, будто побѣда при Новарѣ осталась за италіянскими войсками, народонаселеніе возстало противъ австрійскаго гарнизона; но генералъ Гейнау вскорѣ подавилъ волненіе и свирѣпствовалъ въ городѣ несказанно; не тутъ только это повторялось, а вообще вездѣ: но ни грубая сила, ни лесть, ни хитрость, ни амнистіи, ни суровыя полицейскія постановленія, ни казни не могли пригнуть къ землѣ итальянскаго духа свободы, и ненависть къ притѣснителямъ съ каждымъ днемъ возрастала, а вмѣстѣ съ нею и живительная сила надежды на избавленіе.

3. Пиринейскій полуостровъ.—Испанія и Португалія.

Странный контрастъ съ волнующимся Аппенинскимъ полуостровомъ, въ эти годы, представляло спокойствіе на Пиринейскомъ. Въ цѣлый періодъ времени, начиная съ 1815 года, въ Испаніи не было такого спокойствія, какъ отъ 1848 до 1852 года, именно въ то время, когда по ту сторону Пиринеевъ, въ остальной Европѣ, гораздо древнѣйшіе троны колебались, или совсѣмъ падали. Между тѣмъ какъ въ это самое время исторія другихъ народовъ есть въ тѣсномъ смыслѣ исто-

рія народа, или исторія преобладающихъ въ его массахъ идей, страстей и заблужденій, обусловливающихъ ходъ событій гораздо неотразимѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать распоряженія кабинетовъ, направляемыхъ государственными совѣтами и государственными людьми,—здѣсь, въ Испаніи, историческое развитіе приняло характеръ чисто частной дворцовой исторіи, и слово камарилья, во многихъ случаяхъ повторяемое безъ настоящаго пониманія, только какъ средство для поднятія массы народной, дожидающейся только повода къ волненію, здѣсь, въ Испаніи, это слово имѣло осязательное, дѣйствительное значеніе: оно означаетъ приближенныхъ государя, смотря по обстоятельствамъ, или близкихъ родственниковъ, или любимцевъ, или патеровъ, или монахинь, или камеристокъ, которымъ въ какіе нибудь полчаса удавалось отрѣшать отъ мѣста такихъ могущественныхъ министровъ, противъ которыхъ парламентская оппозиція напрасно истощала всѣ свои средства, и такимъ образомъ давали всему управленію совершенно противоположное направленіе.

Бракъ, устроенный отеческою предусмотрительностью Людовика Филиппа, не повелъ ни къ чему хорошему. Молодая королева, подобно своей матери, имѣла очень страстную, хотя не совсѣмъ тонко чувствующую изящное природу; съ этой то кипучей южной натурой, политика Людовика Филиппа соединила слабаго и не соотвѣтствующаго ей инфанта донъ Франциска де-Ассиза; онъ ей не нравился и вскорѣ между супругами произошли неудовольствія и явный разрывъ. Королева обратила свою благосклонность на молодаго офицера Серрано, принадлежавшаго къ партіи прогрессистовъ; это стѣснило вліяніе королевы-матери, Маріи Христины, которая вслѣдствіе неудовольствія отправилась опять во Францію. Партія прогрессистовъ подняла голову и интригами своими удалила партію умѣренныхъ; главный вождь прогрессистовъ, Эспартеро, опять сталъ во главѣ министерства; но въ октябрѣ внезапно все перемѣнилось: прогрессистическое министерство было распущено и составилось опять министерство изъ умѣренныхъ, подъ предсѣдательствомъ возвратившагося изъ Парижа генерала Нарваэца; онъ примирилъ королевскую чету; любимецъ королевы, съ титуломъ генералъ-капитана, отправленъ былъ въ Гранаду, а королева-мать опять возвратилась въ Мадритъ.

Въ такомъ положеніи находилась Испанія во время февральскаго переворота въ Парижѣ. Въ то время, когда въ остальной Европѣ, даже въ чинной, благоустроенной Германіи, черезъ отраженіе, тоже забушевала буря, правители растерялись, не зная, что дѣлать и подъ впечатлѣніемъ ужаса, или повыскакали изъ ввѣреннаго имъ управленію государственныхъ судовъ, чтобы только спасти свою жизнь, или насильственно были повыкиданы изъ нихъ,—здѣсь, въ Испаніи, шумѣвшая во Франціи буря никого не испугала; къ переворотамъ и волненіямъ здѣсь привыкли и потому никто не терялъ головы. Здѣсь недоставало того всемогущаго двигателя, который тамъ поднималъ и волновалъ народы; здѣсь не распространялись тѣ новѣйшія идеи, которыя тамъ уже давно бродили во всѣхъ слояхъ общества и у однихъ достигли уже полной зрѣлости, у другихъ были еще въ зачаточномъ состояніи и потому именно дѣйствовали особенно сильно. Тамъ революція походила на разрушительную силу природы, давно подготовленную неизбѣжнымъ ходомъ событій и потому разразившуюся со всею неотразимой силой необходимости; здѣсь же революціонныя движенія сдѣлались явленіемъ обычнымъ, часто повторявшимся, слѣдовательно люди дальновидные и осторожные, какъ Нарваэцъ, могли заранѣе вычислять его силу и продолжительность и потому могли, въ случаѣ надобности, направлять его, умѣрять, или и совсѣмъ предотвращать. И въ Мадритѣ надѣялись воспользоваться общимъ духомъ и движеніемъ, чтобы для прогрессистовъ получить нѣкоторыя дальнѣйшія уступки; однакожь Нарваэцъ отклонилъ это требованіе и распустилъ кортесы на неопредѣленное время, но прежде позаботился о томъ, чтобы запастись необходимыми полномочіями. Въ Мадритѣ произошло 26 марта 1848 года демократическое возстаніе, но онъ твердо и скоро потушилъ его, также какъ въ маѣ бунты, вспыхнувшіе между солдатами въ Мадритѣ и въ Севильѣ. Самая дурная сторона этихъ возстаній была та, что можно было подозрѣвать въ нихъ участіе англійскаго посланника Литтона Больвера, особенно во время мадритскаго волненія; политическая система генерала Нарваэца не нравилась тогдашнему вождю всей внѣшней политики Англіи, лорду Пальмер-

стону, который выразилъ свой взглядъ въ особой нотѣ. Началась переписка въ маѣ, дошедшая до того, что обѣ державы отозвали своихъ посланниковъ; но дальше непріязнь не пошла. Одинъ изъ карлистскихъ предводителей, Кабрера, считалъ время благопріятнымъ для всевозможныхъ возстаній и волненій, слѣдовательно и для попытки въ пользу карлистовъ; и потому въ концѣ лѣта 1848 года водрузилъ въ Каталоніи свое старинное знамя, надѣясь, что къ нему соберутся достаточныя силы партизановъ. Но когда самъ претендентъ, графъ Монтемолень, весною 1849 года, намѣревался принять личное начальство надъ возставшими и самъ отправился туда, его на пути остановила французская полиція и не пустила черезъ границу, а въ апрѣлѣ и самъ Кабрера принужденъ былъ бѣжать изъ Испаніи черезъ границу во Францію. Казалось, дѣло претендента окончательно проиграно, потому что легитимистическія стремленія уже отошли совсѣмъ на второй планъ, и даже Австрія и Пруссія признали королеву Изабеллу.

Испанія ободрилась и чувствовала приливъ гордости, когда папа обратился къ ней съ просьбой прислать ему помощь противъ революціи и очистить Римъ—святыню отъ святотатственныхъ похитителей. Нарваэцъ продержался довольно долгое время, не смотря на то, что его личныя качества и его энергія были вовсе не по вкусу многимъ изъ придворныхъ и потому они дѣлали неоднократныя попытки, чтобы свергнуть его. На самую драгоцѣнную изъ испанскихъ колоній, на Кубу, флибустьеры изъ Соединенныхъ Штатовъ дѣлали безпрерывныя нападенія, потому что американцы вообще мало уважаютъ собственность европейскихъ государствъ на территоріяхъ, принадлежащихъ къ Америкѣ; но чтобы защищать свои границы, испанская колонія вооружилась, подъ начальствомъ генерала Лопеца (1850); по этому поводу отношенія Испаніи къ Соединеннымъ Штатамъ сдѣлались очень натянутыми; этимъ воспользовались придворные враги Нарваэца и наконецъ приготовили его паденіе, въ январѣ 1851 года. Новое министерство, подъ предсѣдательствомъ Браво Мурилло, при началѣ обѣщало много: экономію, нравственное исправленіе правительственныхъ лицъ, честность и правдивость въ исполненіи законовъ, безпристрастное правосудіе и т. д., въ дѣйствительности же поступало въ чисто реактивномъ смыслѣ, вполнѣ согласномъ съ повсюду наступившей въ Европѣ реакціей. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами Нарваэцъ всегда умѣлъ дѣйствовать самостоятельно и съ достоинствомъ; новое же министерство начало съ того, что заключило конкордатъ съ папой, сдѣлавъ ему значительныя уступки и предоставивъ бонапартистамъ обширное поприще для вмѣшательства. Попытка, сдѣланная 2 февраля 1852 года противъ жизни королевы, только-что подарившей Испаніи наслѣдника престола, 20 декабря, заставила правительство еще рѣшительнѣе слѣдовать реакціоннымъ правиламъ и не упускать никакихъ мѣръ, ведущихъ къ этой цѣли; поэтому, когда кортесы собрались, 1 декабря 1852 года, и предсѣдателемъ избрали Мартинеца де ла Роза, противника реакціи,—королева распустила камеру и объявила, что намѣрена приступить къ составленію проекта для пересмотра законодательства; при этомъ, между прочимъ, было составлено законоположеніе, какое могло придти на умъ только людямъ, искусившимся во всякаго рода изворотахъ и уловкахъ, а именно: что государственный бюджетъ долженъ быть однажды навсегда установленъ и можетъ быть измѣненъ только съ согласія трехъ главныхъ законодательныхъ факторовъ: короля, сената и палаты депутатовъ. Министерство даже не могло провести этого проекта и поэтому, 11 декабря, оно откланялось и уступило мѣсто новому, одномыслящему съ нимъ министерству... Но все это не живая исторія народной жизни и едва ли можетъ пробудить больше интереса, чѣмъ генеалогическая перечень какого нибудь царствующаго дома, какого либо отдаленнаго кочующаго племени. Справедливо замѣчали, что вообще число людей, *непосредственно* соприкосновенныхъ къ политическимъ событіямъ, сравнительно съ цѣлымъ населеніемъ государства очень незначительно; это особенно относится къ Испаніи. На простой народъ мало дѣйствовали перемѣны, происходившія въ верхнихъ правительственныхъ слояхъ; онъ по возможности держался подальше отъ правительственныхъ и государственныхъ людей и отъ ихъ интересовъ и тѣмъ съ большею энергіей дѣйствовалъ въ своей ближайшей ограниченной средѣ, въ общинахъ и въ корпораціяхъ, и на нихъ сосредоточивалъ свои интересы; какъ бы тамъ ни было, но достовѣрно то, что не

смотря на безпрерывныя путаницы и перемѣны въ политическомъ существованіи Испаніи, народъ въ матеріальномъ отношеніи шелъ впередъ и началъ даже то тутъ, то тамъ проводить желѣзныя дороги.

О Португаліи въ эту эпоху можно еще меньше найти что сказать, чѣмъ объ Испаніи. Въ Европѣ мало кто интересовался португальскими дѣлами и мало кто зналъ, какая разница между сентябристами и кабралистами; мало кто поблагодарилъ бы, еслибы имъ сказать, что сентябристы португальскіе походятъ на прогрессисто въ Испаніи и что ихъ португальскій предводитель Салданга играетъ почти такую же роль, какую Эспартеро въ Испаніи, а кабралисты соотвѣтствуютъ испанскимъ модерадосамъ и названіе свое получили отъ португальскаго Нарваэца, Коста-Кабраля, графа Томара. Одинъ правитель смѣнялъ другаго: съ декабря 1847 года до іюня 1849, управлялъ государствомъ, именемъ королевы, Салданга, а съ этого времени до мая 1851 года, графъ Томара; затѣмъ произошла военная революція, но безъ большаго кровопролитія, и во главѣ правительства опять очутился Салданга; при немъ начались пренія объ одномъ дополнительномъ законѣ конституціи и онъ не былъ еще утвержденъ, какъ королева Марія да Глорія скончалась, 15 ноября 1853 года, и супругъ ея, вдовый Фердинандъ, принялъ на себя регентство, вмѣсто малолѣтняго короля Донъ-Педро V.

С. ВОСТОКЪ.

1. Россія.

Потокъ революціонный, разразившійся съ необыкновенною силою и заливший двѣ трети Европы, достигшій на этотъ разъ до Берлина и Вѣны, не дошелъ до Россіи, раздѣлился и улегся раньше. Собственная Россія не довольно тѣсно соединена съ остальною Европой, чтобы сотрясаться отъ ея потрясеній и волноваться отъ ея волненій; къ тому же, масса русскаго народонаселенія не была проникнута тѣми же идеями и тѣми же стремленіями, какъ западная Европа, и не чувствовала тѣхъ потребностей, какія могли бы нарушить спокойствіе Россіи и взволновать ее подобно Франціи, Италіи и Германіи. Россія могла быть уязвлена только съ одной стороны, со стороны Польши, которая гораздо болѣе раздѣляла мысли и чувства западной Европы; во всемъ остальномъ государствѣ, казалось, ничто не было въ состояніи взволновать густыхъ массъ народа; къ тому же всѣ стремленія правительства, всѣ помыслы императора Николая были устремлены на то, чтобы устранить отъ своихъ подданныхъ всякое вліяніе запада и для этого придуманы были всѣ мѣры огражденія, какія можно было придумать. Опасеніе, чтобы политическія, западно-европейскія идеи не проникли въ Россію, было не такъ велико, какъ опасеніе, чтобы вслѣдъ за ними не проникли соціалистическія идеи, которыя вездѣ гибельны, но несравненно гибельнѣе въ Россіи, гдѣ ни дворянство, ни малочисленное среднее сословіе, ни жители городовъ, ни низшее сословіе, по большей части находившееся въ крѣпостномъ состояніи, не были приготовлены къ борьбѣ съ ними. Безъ сомнѣнія, русскому правительству было не все равно, какой образъ правленія установится въ сосѣдственныхъ съ нею государствахъ: ограниченный или республиканскій, или строго монархическій, и потому, естественно, прежде всего надобно было держать подданныхъ въ строго-оборонительномъ положеніи.

Но такая выжидательная и оборонительная политика не согласовалась съ характеромъ императора; монархическій абсолютизмъ, глубоко вкоренившійся въ немъ, сдѣлался какъ бы существенною частью его личности и потому всякое нарушеніе или всякая попытка ниспровергнуть это начало, въ его глазахъ была равносильна личной обидѣ. Такъ, въ 1830 году, первая мысль, явившаяся у него, состояла въ томъ, чтобы вооруженной силой противодѣйствовать революціи, потому что этотъ способъ дѣйствія скорѣе и вѣрнѣе велъ къ цѣли. Приказомъ военному министру, отъ 8 марта 1848 года, повелѣлъ онъ поставить часть войска на военную ногу: «чтобы, когда потребуютъ того обстоятельства, противопоставить достаточно надежную силу распространяющемуся потоку анархіи», а 26 былъ опубликованъ манифестъ къ русскому народу, въ которомъ не очень-то пощажено было личное достоинство его нѣмецкихъ сосѣдей и союзниковъ. Въ манифестѣ говорилось, что возстаніе и анархія, возникшія во Франціи, распространились на

сосѣдственныя съ нею германскія земли и даже коснулись союзныхъ съ Россіей государствъ—Австріи и Пруссіи и, какъ кажется, угрожаютъ даже границамъ Россіи, но въ честь русскаго имени и неприкосновенности русской границы, каждый русскій съ старинным народным кличемъ: «за вѣру, царя и отечество!» съумѣетъ побѣждать своихъ враговъ. Манифестъ оканчивался словами пророка Исаіи, вполнѣ въ характерѣ императора: «Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»

Но вооруженіе и грозный манифестъ оказались ненужными, потому что никто не осмѣливался нападать на Россію и касаться ея вѣры и царя. На этотъ разъ даже и Польша не шевелилась, потому что февральская революція застала ее врасплохъ, со стороны Франціи, на этотъ разъ, еще меньше помощи можно было ожидать, чѣмъ въ 1830 году, а возстаніе въ прусской Польшѣ было подавлено ею самою, безъ посторонней помощи, послѣ очень непродолжительной и нетрудной борьбы. Къ счастію, императоръ Николай и его приближенные вскорѣ сообразили, что непосредственное вмѣшательство вооруженной рукою въ хаотическое движеніе Европы, въ 1848 году, не принесетъ никакой пользы консервативнымъ началамъ, какъ нѣкогда, въ 1792 году, вооруженное вмѣшательство Европы, во внутреннюю борьбу Франціи, не только не принесло пользы консервативному началу въ государствѣ, но окончательно содѣйствовало скорѣйшей гибели его. Можетъ быть думали, что съ теченіемъ времени настанетъ пора, когда вмѣшательство Россіи принесетъ больше пользы; на запросы иностранныхъ державъ, касательно манифеста, даны были удовлетворительныя объясненія, всѣ недоразумѣнія окончились дипломатическою перепискою, а русское войско, придвинутое къ границамъ, составляло наблюдательный корпусъ, на досугѣ слѣдившій за тѣмъ, чтобы ничего запрещеннаго не перевозили черезъ границу.

Смуты и волненія на западѣ дали императору возможность обратить свое вниманіе на юго-востокъ и воспользоваться тамъ, чѣмъ можно было.

Хотя Турція вообще не принимала участія въ революціи, разыгравшейся между западными народами Европы, но правовѣрные мусульмане радовались невзгодамъ, постигшимъ невѣрныхъ франковъ; но не то было въ придунайскихъ княжествахъ, связанныхъ постоянными сношеніями съ Австріей и Венгріей, подготовленныхъ связями, какія даетъ воспитаніе и чтеніе сочиненій, съ Парижемъ и съ остальною Германіей, откуда вмѣстѣ съ книгами пришли къ нимъ и новѣйшія идеи и убѣжденія. Здѣсь, сначала въ Яссахъ, столицѣ Молдавіи, произошло возстаніе противъ царствующаго князя Стурдзы, отъ него въ апрѣлѣ революціоннаго года собраніе нотаблей потребовало болѣе точнаго исполненія коренныхъ государственныхъ законовъ, выраженныхъ въ „органическомъ регламентѣ“, нѣкоторыхъ нетерпящихъ отлагательства усовершенствованій, и отмѣненія боярскаго совѣта, подчиненнаго, также какъ и самъ господарь, вполнѣ вліянію Россіи. Князь Стурдза, въ отвѣтъ на это почтительное и честное представленіе, отвѣчалъ арестами и насиліемъ въ отношеніи тѣхъ, которые подписались подъ представленіемъ; часть обиженныхъ и оскорбленныхъ обратилась съ просьбою о заступничествѣ къ Портѣ, которая сначала приняла ихъ дѣло къ сердцу и готова была принять ихъ сторону, но вскорѣ, уступая требованіямъ Россіи, приняла въ отношеніи ихъ, или равнодушное, или враждебное положеніе. Комиссаръ, присланный отъ Порты въ Яссы, не мѣшалъ комиссару гарантирующей державы, какъ Россія называла себя въ отношеніи дунайскихъ княжествъ, распоряжаться, какъ ему заблагоразсудится, и при содѣйствіи русскаго генерала Дюгамеля либеральныя стремленія, бывшія въ тоже время враждебными Россіи, были подавлены. Подобнымъ образомъ, хотя съ нѣкоторыми особенностями, окончились дѣла въ Валахіи. Здѣсь господарь, князь Бибеско, не подчинявшійся русскому вліянію, не задумался содѣйствовать либеральному началу, и либеральныя демонстраціи, бывшія въ Букарестѣ также, какъ въ Яссахъ, нашли открытое сочувствіе въ господарѣ. Радикалы, особенно польскіе эмиссары, жатва которыхъ уже цвѣла и созрѣвала въ цѣлой Европѣ, проникли сюда и волновали народъ противъ Россіи; демонстраціи приняли такой характеръ, что русскій генеральный консулъ Коцебу принужденъ былъ бѣжать въ Фокшаны. Но на этомъ не остановились либералы, они тѣснили господаря, требуя, чтобы онъ, не взирая на органическій регламентъ, далъ княжеству

конституцію, по образцу европейскихъ. Господарь уступилъ имъ, но вскорѣ убѣдился, что для радикаловъ и этого было недостаточно; радикалы здѣсь, какъ и вездѣ въ странѣ необразованной, не приготовленной къ умѣренной свободѣ, выказывали неумѣренность въ требованіяхъ и произволъ, не хотѣвшій ограниченія закономъ и подчиненія ему; господарь счелъ за лучшее удалиться изъ государства; вслѣдъ за тѣмъ революціонная партія, того только и ждавшая, установила временное правительство и требовала, чтобы Порта признала его.

Но слабое министерство, во всемъ уступавшее въ Молдавіи, между тѣмъ было распущено и смѣнилось министерствомъ Решидъ-паши, имя котораго равняется значенію успѣховъ внутри государства и умѣнью съ достоинствомъ держаться въ политическихъ сношеніяхъ съ иностранными державами. Онъ могъ бы воспользоваться либеральнымъ настроеніемъ Европы, въ тоже время враждебной Россіи и слѣдовательно, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, дружественной въ отношеніи Турціи, и основываясь на этомъ расположеніи пріобрѣсть для нея значительныя выгоды; но послѣдовательныхъ политическихъ дѣйствій въ странѣ, такъ мало входившей въ движеніе европейской жизни, нельзя было ожидать. Комиссаръ Порты, Сулейманъ-паша, былъ командированъ въ Букарестъ съ порученіемъ распустить временное правительство. Онъ не встрѣтилъ ни малѣйшей трудности: румынскіе либералы съ величайшею готовностью исполнили требованіе турецкаго правительства: когда же комиссаръ приступилъ къ составленію новаго правительства, намѣстничества, или каймакаміи, черезъ выборы, тогда, съ согласія Порты, вновь избраны были три члена только-что распущеннаго временнаго правительства. Петербургскій кабинетъ смотрѣлъ недружелюбно на то, что дѣлалось въ Валахіи, и выжидалъ случая вооруженной силой возстановить старый порядокъ вещей. Но достаточной причины для вторженія не являлось, тогда русскій кабинетъ рѣшился дѣйствовать, не выжидая болѣе: 10 іюля русское войско перешло черезъ Прутъ и сначала заняло Яссы, столицу Молдавіи; въ тоже время на Порту дѣйствовалъ русскій посланникъ убѣжденіемъ, чтобы заставить ее ввести съ своей стороны войска въ Валахію и выбить у валаховъ, посредствомъ самихъ турокъ, дружбу, какую они питали къ нимъ. Порта уступила. Сулейманъ паша былъ отозванъ, а въ сентябрѣ 1848 года былъ туда отправленъ Фуадъ-эффенди, съ строжайшей инструкціей, согласно желанію Россіи, возстановить органическій регламентъ во всей силѣ, безъ измѣненій; но когда намѣстникъ и его совѣтъ показали нерѣшительность и представили затрудненія, войска, стоявшія на-готовѣ, перешли черезъ Дунай и подъ начальствомъ Омеръ-паши заняли Букарестъ.

Итакъ, 40,000 отличнаго русскаго войска находилось въ дунайскихъ княжествахъ; правительство думало черезъ нихъ остановить революціонное движеніе, распространяющееся на юго-востокъ, но, какъ мы видѣли, въ 1849 году его дѣятельности представилось обширное поприще. Въ западной Европѣ происходила реакція съ необыкновенною силою. Необузданная радикальная партія своими эксцентричностями заставила консервативное начало собрать всѣ свои силы и отстаивать свое существованіе; волей-неволей, либералы должны были примкнуть къ ней и содѣйствовать ей. Это произошло во Франціи и въ Германіи безъ того, чтобы потребовалась посторонняя помощь; но въ Австріи дѣла пошли такъ, что правительство принуждено было просить у Россіи помощи въ обширнѣйшемъ размѣрѣ. Для русскаго народа никакого интереса не заключалось въ томъ, погибнетъ ли Австрія въ борьбѣ съ своими собственными подданными, или выйдетъ невредима изъ этой борьбы, но самъ императоръ, по личному чувству и по убѣжденію, былъ непримиримый врагъ всякаго возстанія. При могущественной помощи русскаго войска, австрійская имперія остановилась на краю гибели, революція была окончательно подавлена, и императоръ русскій, не довольствуясь тѣмъ, что усмирилъ внутреннія волненія въ Австріи, рѣшился возвратить ей ея прежнее политическое положеніе относительно остальныхъ германскихъ державъ; съ русскою помощью, Австрія остановила прусско-германское стремленіе къ реформамъ, обезоружила шлезвигъ-гольштинцевъ, гессенскія земли, связанныя по рукамъ и по ногамъ, возвратила ихъ прежнему государю; великій союзный сеймъ былъ опять возстановленъ. Николай Павловичъ насладился полнымъ успѣхомъ своихъ политическихъ замысловъ; Австрія сознавала, что значитъ имѣть такого могущественнаго союзника, но боя-

лась его, завидовала ему и не могла чувствовать къ нему благодарности. Въ Пруссіи напротивъ король и партія, имѣвшая на него вліяніе, смотрѣли на униженіе Варшавы и Ольмюца, на постыдное пораженіе въ славной исторической жизни, почти какъ на почетъ. Теперь, увѣренный въ успѣхѣ, императоръ Николай могъ спокойно помышлять о томъ, чтобы въ предѣлахъ Турціи найти себѣ вознагражденіе за жертвы, принесенныя для Германіи; къ тому же традиціонная племенная вражда, еще со временъ Петра Великаго существовавшая между Россіей и Турціей, побуждала его идти на Турцію.

2. Турція и Греція.

Въ апрѣлѣ 1849 года, когда венгерская война была еще не окончена, въ Константинополь явился флигель-адъютантъ императора, генералъ Граббе, съ тайнымъ порученіемъ, а 1 мая уже былъ подписанъ актъ Балта-Лиманскій, такъ названный по лѣтнему помѣщенію великаго визиря на берегахъ Босфора; по этому договору Россія получала опять то положеніе, какое ей предоставлено было договоромъ Гункьяръ-Искалесси По этому договору положено было, чтобы въ обоихъ дунайскихъ княжествахъ избраны были новые господари, рядомъ съ ними учреждены диваны для назначенія бюджета и для того, чтобы слѣдить за государственными финансами; во всемъ прочемъ органическій регламентъ долженъ былъ оставаться въ полной силѣ. До окончательнаго устройства дѣлъ въ княжествахъ и для поддержанія въ нихъ спокойствія, обѣ совѣщающіяся державы должны были содержать въ княжествахъ достаточную военную силу, а русскіе и турецкіе комиссары, въ видѣ совѣтниковъ, находиться при вновь избранныхъ господаряхъ. Договоръ былъ заключенъ на семилѣтній срокъ: слѣдовательно въ дунайскихъ княжествахъ Россіи предоставлены были права, одинаковыя съ Турціей, законнымъ сюзереномъ княжествъ: Россія находилась въ такомъ положеніи, что могла воспользоваться своими выгодами, на сколько возможно было, и совершенно иначе, чѣмъ ими пользовалась Порта.

Во время венгерскаго возстанія Порта, по свойству всѣхъ слабыхъ, играла двусмысленную роль. Вообще сочувствовали возставшимъ и радовались первымъ неудачамъ, какія встрѣтили тамъ генерала Людерса, вступившаго изъ Валахіи въ Трансильванію, въ декабрѣ 1848 года. Въ Константинополѣ находился комитетъ, который занимался тѣмъ, что вербовалъ волонтеровъ для венгерской арміи и отправлялъ ихъ туда.

Но венгерское возстаніе не могло противостоять превосходной силѣ соединенныхъ императорскихъ войскъ, и когда оно было подавлено, тогда, основываясь на одной изъ статей мирнаго трактата при Кучукъ-Кайнарджи, въ 1774 году, потребовали отъ Турціи выдачи всѣхъ венгерскихъ бѣглецовъ, по большей части спасшихся въ Турцію; это было частію изъ желанія отомстить тѣмъ, которые такъ затруднили побѣду, частію изъ желанія наказать Порту за ту двусмысленную роль, какую она играла во время венгерскаго возстанія. Но Порта отговаривалась прежними примѣрами, со временъ прежнихъ возстаній Венгріи, когда бѣглецы тоже спасались на турецкой землѣ и ихъ тоже не выдавали; къ тому же Турція, опасаясь общественнаго мнѣнія Европы, не рѣшалась исполнять должности сыщика и ловить преступниковъ съ тѣмъ, чтобы отдавать ихъ въ руки палачамъ; настоятельныя требованія русскаго посланника Титова и австрійскаго—Штюрмера ни на волосъ не могли подвинуть дѣла; даже довольно требовательное письмо, присланное въ сентябрѣ 1849 г. съ нарочнымъ офицеромъ гвардіи, отъ самого императора Николая, не могло побѣдить упрямства Порты, тѣмъ болѣе, что англійскій посланникъ, сэръ Стафордъ Каннингъ, французскій и даже прусскій посланникъ, графъ Портальсъ, присоединившіеся къ нему, поддерживали ея рѣшеніе. Абдулъ-Меджидъ написалъ собственноручное, очень вѣжливое письмо императору, въ которомъ онъ съ большою деликатностью чувства показывалъ всю нравственную невозможность исполнить требованіе императоровъ. Но такъ какъ своихъ гостей онъ выдать не могъ, то обѣщался по крайней мѣрѣ строго слѣдить за

ихъ дѣйствіями и намѣреніями, пока они въ Турціи; Фуадъ-эффенди, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ петербургскаго двора, лично повезъ письмо султана, оставшееся тайною для посланниковъ. Этимъ отвѣтомъ дѣло и покончилось, и оказалось совсѣмъ лишнимъ, что въ октябрѣ въ Дарданеллахъ явилась англійская военная эскадра; съ австрійцами еще долгое время продолжалась переписка по этому поводу, пока и Шварценбергъ наконецъ не успокоился, убѣдившись, что не было возможности удовлетворить своему чувству мести. Мало-по-малу эмигранты разсѣялись; нѣкоторые, менѣе замѣшанные, или менѣе замѣтные вернулись въ Венгрію, когда дѣла тамъ приняли болѣе человѣческій ходъ; нѣкоторые, подобно Бэму, приняли исламизмъ и такимъ образомъ слились съ турками и потеряли всякое значеніе для Европы; самые же значительные, какъ Кошутъ и другіе предводители, удалились въ Англію, или въ Сѣверную Америку.

Время отъ 1848 до 1852 прошло для Турціи довольно спокойно. Нельзя сказать, чтобы не было мѣстныхъ волненій, или мѣстныхъ возстаній, неизбѣжныхъ въ такомъ государствѣ, каково Турція, но ни одно изъ нихъ не зашло далеко и не имѣло значенія для цѣлаго. Выборъ господарей въ дунайскихъ княжествахъ произведенъ былъ безъ особенныхъ волненій, сообразно съ постановленными правилами въ Балта-Лимана; въ Валахіи избранъ былъ братъ Бибеско, князь Стирбей, а въ Молдавіи—Григорій Гика; въ 1850 году, по желанію Порты, часть окупаціоннаго войска была выведена изъ княжествъ.

Отношенія Порты къ Египту стали лучше въ томъ отношеніи, что въ ноябрѣ 1848 года умеръ Ибрагимъ-паша, и новый вице-король, племянникъ его, Аббасъ-паша никогда не поднималъ оружія на Турцію и вообще показывалъ больше покорности, чѣмъ его предшественникъ, наполнившій Европу славою своихъ подвиговъ и шумомъ своего оружія. Кромѣ того въ этой странѣ Порта опиралась на вліяніе своихъ союзниковъ и помощниковъ-англичанъ, которые ни на минуту не выпускали изъ глазъ эту страну, тѣмъ болѣе важную для нихъ, что уже неоднократно заходила рѣчь о прорытіи Суэцскаго перешейка и объ учрежденіи чрезъ него судоходнаго канала. Но выполненіе этого проекта еще было далеко, и англичанъ не столько занималъ самъ проектъ, безспорно представлявшій неисчерпаемыя выгоды для такой всесвѣтной торговой націи, какова англійская, но тутъ еще много значило то, что вѣчная соперница Англіи, Франція сильно интересовалась этимъ проектомъ, что Англіи казалось крайне подозрительнымъ. Какъ бы то ни было, но планъ суэцскаго канала представлялъ еще громадныя препятствія, и потому съ большей энергіей взялись за болѣе выполнимый проектъ соединить желѣзною дорогой Александрію, Каиръ и Суэцъ.

Но для Порты и для остальной Европы возникалъ запутанный вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, имѣвшій самыя важныя слѣдствія для Турціи и для всей Европы. Святыми мѣстами, какъ всѣмъ извѣстно, называютъ нѣкоторыя мѣста въ Іерусалимѣ и въ его окрестностяхъ, освященныя преданіемъ и историческою памятью о земной жизни, дѣяніяхъ, смерти и воскресеніи нашего Спасителя, Господа Іисуса Христа. Представители различныхъ христіанскихъ религій, исключая и протестантской, со всѣми ея подраздѣленіями, помнившими слово: не искать живаго между мертвыми,— раздѣлили между собою обладаніе этими различными, освященными воспоминаніемъ мѣстами; но монахи никакъ не могли подѣлиться, безпрестанно спорили другъ съ другомъ и враждовали безконечно, то изъ-за совмѣстнаго права на пользованіе, или совмѣстнаго права обладанія извѣстною дверью, или извѣстнымъ склепомъ, или пещерой; но всѣ эти права были неясны: то католики, то греки, то армяне, то сирійцы объявляли свои претензіи и спорили, и ссорились. Такъ въ 1847 году, между римско-католическимъ и греческимъ духовенствомъ произошли споры и несогласія изъ-за Вифлеема, мѣста рожденія Іисуса Христа; причемъ исчезла одна изъ серебряныхъ звѣздъ, прикрѣпленныхъ надъ святымъ, памятнымъ христіанству мѣстомъ. Похитителя нельзя было отыскать и звѣзда окончательно исчезла; въ 1848 году было у всѣхъ державъ довольно дѣла, и никто не обращалъ вниманія на споръ. Однакожъ споръ, въ которомъ принимали живѣйшее участіе двѣ клерикальныя партіи сильнѣйшихъ христіанскихъ общинъ, одинаково дорожившихъ святынею, не могъ оставаться безъ послѣдствій. Времена перемѣнились: повсюду опять начали

обращать вниманіе на обряды и религіозныя формы; клерикальная партія во Франціи, видя, что она необходима для новаго правителя, намѣревалась воспользоваться выгодою своего положенія, чтобы черезъ Наполеона добиться успѣха на этой отдаленной, но важной въ духовномъ отношеніи точкѣ земнаго шара; къ тому же, къ политикѣ римскаго духовенства относится правило по временамъ возбуждать религіозный энтузіазмъ своей паствы какимъ нибудь новымъ интересомъ, или требованіемъ, или спорнымъ пунктомъ, или новой догматической тонкостью, показать въ новомъ свѣтѣ тотъ или другой предметъ, или чѣмъ нибудь подобнымъ занимать любознательность вѣрующихъ; на этотъ разъ интересъ клерикальной партіи сошелся съ интересомъ тогдашняго президента Франціи, желавшаго своей внѣшней политикой занять умы. Нѣтъ надобности слѣдить по всѣмъ извилинамъ за начавшимся споромъ, который имѣетъ историческое значеніе только по послѣдствіямъ, отъ него происшедшимъ. Въ нотѣ отъ 28 мая 1850 года, французскій кабинетъ объявилъ очень большія требованія, и предъявлялъ обширныя права католиковъ на обладаніе Святыми мѣстами; французскій посланникъ при константинопольскомъ дворѣ, генералъ Опикъ съ большимъ авторитетомъ поддерживалъ требованія, выраженныя въ нотѣ. Но когда онъ замѣтилъ, что всѣ остальныя державы противъ него, онъ удалился, а новый посланникъ, маркизъ де-Лавалетъ, началъ говорить гораздо мягче, и съ турецкой стороны назначена была смѣшанная комиссія для того, чтобы разобрать это дѣло и, составивъ отчетъ, повергнуть его на рѣшеніе султана. Казалось на первый разъ, что дѣло обойдется миролюбиво, но русскіе не могли потерпѣть, чтобы греческая церковь должна была уступить римской и пострадать отъ этой уступки: императоръ Николай въ октябрѣ 1851 года написалъ письмо, пока еще очень миролюбивое, въ которомъ требовалъ, чтобы въ Іерусалимѣ все осталось такъ, какъ было прежде. Порта тотчасъ распустила комиссію и тѣмъ оскорбила Францію; посланникъ съ твердостію объявилъ, что прекратитъ всѣ дипломатическія сношенія, если къ 24 декабря не послѣдуетъ никакого рѣшенія. Наконецъ только въ февралѣ 1852 года вышло рѣшеніе султана; сущность его заключалась въ томъ, что всѣ права и привиллегіи сохраняются и впредь въ такомъ видѣ, какъ было прежде; но католикамъ предоставляется храненіе ключей отъ трехъ главныхъ входовъ въ Виѳлеемскую церковь св. Маріи, и если-бы въ настоящее время у нихъ одного изъ ключей не доставало, то немедленно доставить его; слѣдовательно главный вопросъ заключался въ этомъ одномъ недостающемъ ключѣ. Эта уступка удовлетворила французскаго посланника, слѣдовательно храненіе ключа, отпираніе и запираніе однѣхъ дверей, которыми пользовались греки и православные, впередъ зависѣло отъ католиковъ; но недовольно того, что французскій посланникъ былъ удовлетворенъ, надобно было удовлетворить и русскаго. Султанъ издалъ фирманъ, которымъ утверждалъ права грековъ на пользованіе правами, какія они имѣли въ Святыхъ мѣстахъ. Въ это время Лавалетъ былъ въ отсутствіи, когда же онъ вернулся въ Константинополь, въ августѣ 1852 года, онъ подалъ протестъ противъ фирмана; но послѣ объясненій извинился нотой, отъ октября 1852 года, и объявилъ, что претензій больше не имѣетъ. Но съ Россіей не такъ легко было поладить, неудовольствія возрастали. Русскій генеральный консулъ въ Палестинѣ и Сиріи требовалъ отъ турецкаго комиссара, отправленнаго на мѣсто дѣйствія: покончить это преніе изъ-за ключа такъ, чтобы онъ всенародно и торжественно причиталъ фирманъ, данный грекамъ въ подтвержденіе ихъ правъ; но комиссаръ этого не могъ сдѣлать, потому что Порта только что обязалась французскому посланнику этого не дѣлать; Франція завѣряла Порту въ своей дружбѣ, тогда какъ отношенія ея къ Россіи становились болѣе натянутыми, и можно было предвидѣть разрывъ. Петербургскій кабинетъ отозвалъ миролюбиваго и осторожнаго Титова, и на мѣсто его назначилъ посланникомъ человѣка крутаго — Озерова, съ порученіемъ растолковать одну изъ статей кучукъ-кайнарджійскаго трактата, относившуюся только до константинопольскихъ христіанъ и до русскихъ, отправлявшихся на поклоненіе къ Святымъ мѣстамъ, теперь же предположено было ей дать такое толкованіе, какъ-бы статья эта даетъ императору русскому право покровительствовать всѣмъ православнымъ греческимъ христіанамъ въ Турціи, т. е. право покровительства надъ 10 милліонами турецкихъ подданныхъ. 15 декабря послѣдовало наконецъ второе, окон-

чательное рѣшеніе султана по іерусалимскому вопросу; онъ дѣлалъ уступки и тѣмъ и другимъ. Рѣшеніе это постановило, чтобы фирманъ, по требованію Россіи, былъ прочитанъ грекамъ торжественно въ Іерусалимѣ, но въ тоже время спорный ключъ, тоже всенародно, врученъ былъ римско-католическому духовенству, находящемуся подъ покровительствомъ Франціи. Франція, въ которой новый императоръ только-что сѣлъ на престолъ, и еще не утвердился на немъ, удовольствовалась рѣшеніемъ, хотя оно по своему значенію равно было нулю; новый французскій императоръ видѣлъ, что тутъ на Востокѣ возникаютъ недоразумѣнія и запутанности, при которыхъ онъ можетъ надѣяться на разныя для себя выгоды. Императоръ Николай, опираясь на свое могущество, пошелъ дальше, не предвидя роковаго будущаго.

Вниманіе Англіи по прежнему было устремлено на восточныя дѣла и, можетъ быть, предвидя, или предчувствуя сцѣпленіе болѣе серьезныхъ и важныхъ обстоятельствъ, она рѣшилась покончить, какъ можно скорѣе и какъ можно миролюбивѣе, непріятности, опять выдвинувшія Грецію на короткое время, и не съ почетной для нея стороны, на первый планъ европейскихъ интересовъ. Непріятный споръ произошелъ изъ-за финансовыхъ отношеній: изъ-за долговыхъ обязательствъ, въ которыя Греція, во время войны за независимость, вошла съ англійскими торговыми домами. Греки и не думали платить долговъ; потомкамъ Ахайскаго и Этолійскаго союзовъ, было не до того, чтобы заняться земледѣліемъ и позаботиться о томъ, чтобы пріучить эллиновъ честнымъ трудомъ пріобрѣтать себѣ довольство и независимое положеніе: нѣтъ, тутъ только и думали о кабинетной интригѣ, о перемѣнѣ министерства, о воззваніяхъ къ родственнымъ племенамъ въ сосѣдней Турціи, о пробужденіи пан-элленическихъ стремленій и неудовольствій жителей Іоническихъ острововъ — вотъ чѣмъ исключительно занимались политики вновь пробудившейся къ жизни Греціи. Наконецъ терпѣніе Англіи выведено было изъ границъ особенно тѣмъ, что греки своевольничали, надѣясь на помощь и заступничество Россіи. При возстаніяхъ, поминутно волновавшихъ Грецію, англійскіе подданные потерпѣли значительныя имущественныя потери; одинъ изъ нихъ, португальскій еврей по рожденію, но англійскій подданный по присягѣ, по имени Пачифико предъявилъ требованіе на вознагражденіе убытковъ въ 800,000 драхмъ. При неподатливыхъ должникахъ мягкія мѣры ни къ чему не ведутъ: это давно доказанная истина; когда же въ этомъ случаѣ всѣ убѣжденія истощились, 11 января 1853 года, явился англійскій военный флотъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Паркера, передъ пирейской гаванью; онъ назначилъ суточный срокъ для исполненія своихъ требованій. Греческое министерство, опираясь на доводы своихъ юристовъ, нашедшихъ требованія незаконными, отказалось платить; адмиралъ съ своей стороны не признавалъ рѣшенія греческихъ юристовъ и принялся употреблять силу: онъ обложилъ гавань, конфисковалъ военныя и купеческія суда, которыхъ свезли до 200 въ гавань Саламина; Греція протестовала противъ этого насилія и отправила дипломатовъ въ столицы покровительствующихъ ей державъ; французское правительство взялось быть посредникомъ, Россія выслушала жалобы грековъ и послала въ сильныхъ выраженіяхъ ноту англійскому двору, въ которой требовала объясненія политики лорда Пальмерстона, и протестовала противъ насилія въ отношеніи грековъ; Германія готова была сочувствовать протесту, потому что политика Пальмерстона не нравилась, и тамъ сдѣлалось даже модой порицать ее открыто и тайно. Но Англія, не смотря на общее неудовольствіе, не уступала, она только немного ослабила блокаду, но не отпустила захваченныхъ судовъ, а уменьшила только свои требованія на 330,000 драхмъ. Дѣлать нечего, Греція заплатила ихъ. Въ виду потерь, понесенныхъ Греціей черезъ эту блокаду, Россія объявила, что отсрочиваетъ Греціи уплату должной ей суммы на неопредѣленное время, и не требуетъ теперь ничего. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ это маленькое государство въ эту пору не представляетъ ничего такого, что заслуживало-бы, съ точки зрѣнія всемірнаго интереса историческаго развитія жизни человѣчества, того, чтобы быть разсказано и замѣчено. Король вступилъ въ бракъ; но у него дѣтей не было. Неизвѣстно, удалось ли королю уговорить своего младшаго брата, Адальберта, принять послѣ него на себя всѣ неудобства и тягости этого престола, но

для той или другой цѣли, король очень часто уѣзжалъ изъ Греціи, предоставляя въ свое отсутствіе супругѣ-королевѣ вести государственныя дѣла. Въ Европѣ уже привыкли видѣть, что Россія распоряжается въ Греціи, какъ дома, и мало-по-малу свыклись съ мыслью, что при первомъ удобномъ случаѣ, на престолъ греческій взойдетъ одинъ изъ великихъ князей русскаго императорскаго дома. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ протоколъ отъ 20 ноября 1852 года, въ которомъ покровительствующія Греціи державы Англія, Франція и Россія подтвердили, что было уже сказано въ 40 статьѣ греческой конституціи, отъ марта 1844 года, что наслѣдникъ греческаго престола, кто-бы онъ ни былъ, долженъ принадлежать къ греческому вѣроисповѣданію.

3. Австрія.

Прежде, чѣмъ мы пойдемъ далѣе, бросимъ еще взглядъ на Австрію, спасенную могущественною, безкорыстною помощью императора Николая изъ бури революціи; казалось, ее должна бы привязывать самая искренняя благодарность и дружба къ своему избавителю; такъ думалъ и Николай, и разсчитывалъ на Австрію, какъ на вѣрную союзницу и на самую надежную опору того высокаго и могущественнаго положенія, какое онъ занималъ въ этотъ достопамятный періодъ европейской жизни XIX столѣтія.

Борьба, какую Австрія вела изъ-за существованія, въ 1848 и 1849 годахъ, имѣетъ въ себѣ что-то поразительное. Австрія была на краю погибели; ей надобно было разомъ отстаивать себя и на югѣ, и на востокѣ, и на сѣверѣ; въ одномъ мѣстѣ открыто биться съ оружіемъ въ рукахъ, въ другомъ предотвращать отпаденіе, или бороться съ возстаніемъ, охватившимъ даже ея столицу; при этомъ государственные финансы были въ самомъ печальномъ положеніи, постоянная перемѣна министерства, при совершенно-неспособномъ, одряхлѣвшемъ государѣ, за которымъ сначала слѣдовалъ юноша, еще не достигшій полнаго развитія; къ этому надобно прибавить, что въ этомъ государствѣ есть много племенъ, но нѣтъ національнаго единства, способнаго противустоять всѣмъ случайностямъ, въ минуту общей опасности, какая именно теперь была: удивительно было бы, если бы Австрія собственными силами, собственной энергіей и съ собственнымъ войскомъ вышла побѣдительницей изъ великой борьбы; но въ одномъ, самомъ важномъ пунктѣ Австрія не могла обойтись безъ иноземной помощи: она только русскими штыками усмирила Венгрію, противъ которой сама была безсильна, а съ другой стороны, въ Германіи одержала верхъ только вслѣдствіе непонятнаго слабодушія противника, который, по словамъ Тацита, «самъ ринулся въ рабство»; въ Италіи Австрія одержала верхъ черезъ безумное разногласіе въ непріятельскомъ лагерѣ; но во всѣхъ трехъ случаяхъ, въ Венгріи, въ Германіи и въ Италіи Австрія только во зло употребила пріобрѣтенныя выгоды, на горе и на несчастіе побѣжденныхъ народовъ, въ своемъ же государствѣ австрійское правительство употребило свой успѣхъ для того, чтобы уничтожить всякое стремленіе къ свободѣ и къ прогрессивному духовному развитію. Казалось, будто Австрія изъ большой борьбы, которую вела, неприкосновенно вынесла свои три основныя начала, три общественныя стороны своего существованія, указанныя ей ея прошедшимъ: ея положеніе въ Германіи, въ Италіи и на Дунаѣ.

Но австрійцы не любили заглядывать далеко впередъ и заботиться о томъ, что будетъ; менѣе всего любили это тѣ выходцы и геніальные выскочки, которые стояли у государственнаго кормила. Какими бы средствами ни былъ пріобрѣтенъ успѣхъ, но онъ былъ пріобрѣтенъ и этого довольно; оставалось только вполнѣ воспользоваться имъ. Въ мартѣ 1849 года была дана новая конституція, общая для всей австрійской имперіи; ее подписали: новый императоръ, его мать и министры: Шварценбергъ, Бахъ, Краусъ, Стадіонъ, Брукъ и другіе; къ этимъ подписямъ присоединили еще подпись считавшагося либераломъ Шмерлинга, послѣ того какъ онъ окончилъ свое франкфуртское порученіе. Основанія новаго законоположенія: конституціонная монархія, одна цѣлая, нераздѣльная съ Венгріей,

Ломбардіей и Венеціей; всѣмъ племенамъ имперіи предоставлена равноправность; въ цѣлой имперіи одинаковыя пошлины, налоги и свободная внутренняя торговля; всѣ подданные пользуются одинаковыми гражданскими и политическими правами, независимо отъ религіи, какую они исповѣдуютъ; кромѣ того еще много поземельныхъ и народныхъ вольностей и правъ; правленіе ограниченное парламентомъ изъ двухъ палатъ—в е р х н е й и н и ж н е й; послѣдняя составляется путемъ косвенныхъ выборовъ на каждые 100,000 жителей по одному депутату, избранному народомъ, на десятилѣтній срокъ, черезъ народные сеймы отдѣльныхъ коронныхъ областей; потому что въ этой богоспасаемой странѣ, подобно мечтательному устройству Германіи 1848 года, предстояли двѣ свободы: свобода имперская и кромѣ того свобода, предоставленная каждой коронной области; тутъ была тоже возможность выборовъ, къ чему такъ жарко стремились мечтатели и поборники свободы 1848 года; въ заключеніе всего императоръ, во время коронаціи, обязывался клятвенно подтвердить конституцію; кажется, все было въ порядкѣ. Кто въ то время осмѣлился бы сомнѣваться въ искренности дарованной конституціи, тотъ обидѣлъ бы п о ч т е н н ы х ъ мужей, составлявшихъ ее; теперь, когда побѣда правительства была полная, когда все было спокойно, что могло мѣшать привести ее въ исполненіе?

Но конституція все еще не вводилась; ее ожидали терпѣливо. Сначала всѣ вѣрили въ имя графа Стадіона, сына министра 1809 года, извѣстнаго по своему духу независимости, желанію реформы и новой Австріи; но онъ вскорѣ впалъ въ неизлѣчимую душевную болѣзнь и министерство иностранныхъ дѣлъ перешло въ руки ловкаго, безнравственнаго выскочки, поднявшагося въ послѣдніе годы, Александра Баха: чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ, онъ предоставилъ полную власть высшему духовенству—лучшее средство окончательно разстроить государство; духовенство не замедлило воспользоваться предоставленной ему властью; оно начало съ того, что потребовало возвращенія въ полное безотчетное пользованіе такъ называемаго религіознаго фонда, состоявшаго изъ 80 милліоновъ, который долженъ былъ находиться въ фондахъ иностранныхъ, но никакъ не въ австрійскихъ государственныхъ бумагахъ, что было только началомъ того, что было послѣ; 18 апрѣля 1850 года было отмѣнено учрежденіе, по которому папскія повелѣнія могли быть обнародоваемы только послѣ предварительнаго императорскаго утвержденія (Placet). Молодой императоръ провелъ часть этого труднаго времени въ лагерѣ Радецкаго и до тѣхъ поръ показывалъ только преобладающую склонность къ военному званію; кромѣ того, по примѣру всѣхъ членовъ Габсбургскаго дома, онъ выказывалъ чрезвычайно большую религіозную склонность, еще болѣе поддерживаемую эрцгерцогиней Софіей, матерью его, самою ревностною католичкою изъ цѣлаго семейства; молодаго императора окружали люди, ненавидѣвшіе смертельно все, что напоминало революцію; изъ нихъ никто, и менѣе всѣхъ Шварценбергъ понималъ, что нужно дѣлать для того, чтобы обновить Австрію, хотя всѣ они то и дѣло что толковали объ этомъ; при такихъ обстоятельствахъ понятно, почему ничего не дѣлалось на пути прогресса и реформы; если бы самъ императоръ былъ даже старше, имѣлъ больше опытности, болѣе зрѣлое сужденіе и, главное, больше желанія ввести конституцію, онъ вѣроятно все-таки не успѣлъ бы въ этомъ при тѣхъ условіяхъ, которыя ему мѣшали и его связывали. Кромѣ того, еслибы даже желаніе реформы и намѣреніе ввести ее когда либо дѣйствительно было у правительства, то теперь не было недостатка въ причинахъ и предлогахъ не только отсрочить ее, но и совсѣмъ отказаться отъ нея; можно было выставить, что конституція была составлена въ неспокойное время, что ея достоинства сомнительны, и еще болѣе сомнительна возможность выполнить ее. И дѣйствительно, никто не былъ вполнѣ доволенъ конституціей. Нѣкоторые говорили, что конгломератъ народовъ Австріи не распадается только при монархически-абсолютной власти, объ руку съ которой должно стоять могущественное и богатое дворянство и крѣпко, сильно организованное духовенство, въ родѣ того, какое было при Миттернихѣ; его мудрость въ послѣднее время опять выставлялась на показъ и служила примѣромъ, и онъ самъ съ сентября 1851 года опять появился въ Вѣнѣ; другіе, какъ напримѣръ чешскій народный вождь Палацкій утверждали, что Австрія можетъ существовать только,

какъ федеративная союзная держава, и что тяготѣніе всей общественной жизни должно совершаться въ каждой отдѣльной части націй, изъ которыхъ состояла Австрійская имперія; и потому требовали національныхъ сеймовъ, національныхъ судебныхъ мѣстъ, національныхъ министерствъ, а общему правительству хотѣли предоставить только финансы, сношенія съ иностранными державами и право войны и мира; эта оппозиція противъ единства государственнаго управленія, первоначально явившаяся въ королевствѣ Богеміи и въ чешской національности, нашла послѣдователей и повторялась на всемъ пространствѣ Австрійской имперіи, въ каждомъ крупномъ и мелкомъ племени, даже въ каждой частицѣ народа. Отовсюду посыпались претензіи, жалобы и просьбы, отъ кроатовъ, сербовъ, румыновъ и поляковъ, но болѣе всѣхъ требовательной явилась старинно-консервативная партія въ Венгріи, которая всегда оставалась вѣрна императору, объ руку съ нимъ боролась съ возстаніемъ и содѣйствовала прекращенію его.

Эти магнаты одни осмѣливались возвышать голосъ въ защиту своей несчастной родины, гдѣ реакція свирѣпствовала неутомимо, потому-что побѣда ей досталась здѣсь труднѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Въ октябрѣ 1849 года крѣпость Комориъ, до тѣхъ поръ не покорявшаяся, наконецъ сдалась на капитуляцію; надъ покоренной страной властвовалъ фельдмаршалъ Гайнау, побочный сынъ курфюрста гессенскаго, Вильгельма I, достойный сынъ своего отца: его кровавое судилище было устроено въ Пештѣ и Арадѣ; ужасы его кровавыхъ приговоровъ возобновляли память о средневѣковыхъ, страшныхъ гоненіяхъ; онъ не щадилъ никого, какъ-бы высоко ни стоялъ тотъ, на кого его ненависть была направлена; такъ 6 октября 1849 года онъ велѣлъ разстрѣлять графа Людовика Баттіани, котораго обвиняли за то, что онъ дѣлалъ, будучи первымъ министромъ Венгріи, и за постановленія, какія онъ издавалъ, съ согласія и за подписью императора-короля и палатината; многихъ приговаривалъ Гайнау къ висѣлицѣ, не находя ихъ достойными м и л о с т и умереть отъ свинца и пороха; многихъ онъ изгонялъ, многихъ присуждалъ къ пожизненному тюремному заключенію, тысячами насильно отдавалъ въ солдаты. Когда этотъ новый герцогъ Альба, если только сравненіе это не дѣлаетъ слишкомъ много чести этому грубому солдату, достаточно пропиталъ землю кровью казненныхъ, его наконецъ лишили верховнаго начальства, 8 іюля 1850 года. Но поступками своими онъ пробудилъ къ себѣ общее презрѣніе и ненависть не въ одной только Австріи; фельдмаршалъ Гайнау въ томъ же году отправился въ Лондонъ; осматривая достопримѣчательности столицы, онъ, между прочимъ, посѣтилъ большой пивоваренный заводъ Барклея и Перкинса: рабочіе узнали его, бросились на него и избили. Австрійское правительство и вслѣдъ за нимъ всѣ сочувствующія реакціи личности считали за личное оскорбленіе обиду, нанесенную ихъ лучшему и надежнѣйшему орудію, и пришли отъ этого происшествія въ крайнее негодованіе; но за то овваціи, которыми встрѣчали и провожали въ Лондонѣ работниковъ съ пивоварни, превосходили всякое вѣроятіе, и при нихъ постоянно съ цинизмомъ указывали на то, что хотя такая кулачная расправа и не совсѣмъ въ порядкѣ вещей, но все-таки она во сто кратъ лучше того, какъ б а р о н ъ Г а й н а у билъ плетьми женщинъ и дѣтей.

Бѣшеныя расправы Гайнау окончились; но положеніе страны отъ этого не измѣнилось; духъ остался тотъ же; опаснѣе была теорія, созданная австрійскимъ правительствомъ и выставляемая имъ при каждомъ удобномъ случаѣ: „что прежняя венгерская конституція уничтожена самою революціей“. — Власть была въ рукахъ правительства и оно могло пользоваться ею; для древне-консервативной партіи въ Венгріи, которая одна еще могла поднимать голосъ въ дѣлахъ, касающихся Венгріи, вся задача состояла въ томъ, чтобы послѣ усмиренія возстанія не дана была странѣ новая форма правленія, и поэтому она болѣе всѣхъ противодѣйствовала конституціи, которая изъ королевства Венгріи намѣрена была сдѣлать австрійскую провинцію.

Эти соединенныя неблагопріятныя обстоятельства отнимали у конституціи ея жизненную силу и превращали ее въ пустое слово. Императорская декларація отъ 31 декабря 1851 года отмѣнила конституцію 4 марта со всѣми ея основными правами, судомъ присяжныхъ и выборами и т. д. Это случилось четыре недѣли

спустя послѣ переворота во Франціи. Итакъ Австрія отказалась завершить пережитое ею критическое время учрежденіемъ новаго законоположенія. Это повторилось вездѣ, исключая Пруссіи, какъ мы это покажемъ далѣе; послѣдняя не смотря на свое плачевное пораженіе, она все-таки сдѣлала шагъ впередъ въ политической области; она совершила трудный переходъ отъ абсолютной монархіи къ конституціонной; но кромѣ Пруссіи насиліе вездѣ торжествовало, и въ концѣ 1852 года вся Европа подчинилась преобладающему вліянію петербургскаго кабинета; можно было полагать, что священный союзъ воскресъ съ новой, неотразимой силой, еще большей, чѣмъ первоначально. Но европейская жизнь уже получила такой энергическій толчекъ, что остановиться не могла, по крайней мѣрѣ въ ней не могло быть такого застоя, какой былъ во времена, послѣдовавшія за Вѣнскимъ конгрессомъ: первое движеніе, обнаружившееся въ Европѣ, сопровождалось устраненіемъ русскаго вліянія.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

ОТЪ НАЧАЛА ВТОРОЙ ИМПЕРІИ ДО НАЧАЛА ИТАЛІЯНСКОЙ ВОЙНЫ.

Отъ 1852 до 1859 года.

Годы 1848 — 1852, приближавшіеся ровно къ половинѣ столѣтія, замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ произошелъ критическій переворотъ въ жизни европейскихъ народовъ. На первый взглядъ поверхностному наблюдателю покажется, что не произошло никакихъ великихъ перемѣнъ. Карта Европы, въ концѣ этого времени, являлась такою же, какою была передъ тѣмъ; съ нея только исчезли два незначительныя государства—оба Гогенцоллерна; въ Италіи, Германіи и Австріи, не смотря на внѣшнюю и внутреннюю войну, составъ территоріальный и пограничная линія остались или возстановлены были въ томъ видѣ, въ какомъ были въ 1815 году; вся поверхность Европы была спокойна и гладка, но тѣмъ бурнѣе кипѣло внутри ея, тѣмъ сильнѣе были послѣдствія недавно совершившихся событій. Всѣ противорѣчащія начала, долго скрывавшіяся въ тайникахъ глубины европейской жизни, подогрѣтыя и вскипяченныя лихорадочнымъ жаромъ революціи, всплыли на поверхность; изъ тишины кабинета мыслителя, изъ темныхъ закоулковъ заговоровъ и тайныхъ обществъ, изъ одинокой комнаты философа, они выведены были на рынокъ общественнаго мнѣнія, на каѳедру парламентскихъ преній и на шумное поле сраженія. Тысячи-тысячъ людей, прежде спокойно занимавшихся своими дѣлами, или своею работой для насущнаго хлѣба, теперь насильственно и неотразимо были втянуты въ водоворотъ общественныхъ дѣлъ, пристрастились къ этой жизни, исполненной волненія, или были поставлены въ такія обстоятельства, что уже не могли отказаться отъ интереса, какой принимали въ ходѣ общественныхъ дѣлъ. Каждая теорія, касательно государственнаго, церковнаго и общественнаго быта, находила послѣдователей, составляла свою партію, имѣла претензію привести свои начала въ исполненіе и признавала только критику, основанную на фактическомъ опытѣ, съ практическими доказательствами. Броженіе этихъ тысячеобразныхъ противорѣчій продолжалось; оно не улегалось отъ времени; напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ нашли возможность публично высказываться, казалось, путаница мнѣній, теорій и системъ еще возрастала. Если при первоначальныхъ волненіяхъ преобладала теорія конституціоннаго либерализма, то вскорѣ вслѣдъ за нею явились такіе люди, которые шли дальше и дико проповѣдывали поклоненіе иному идеалу свободы, или, вѣрнѣе сказать, иному идолу свободы.

Между тѣмъ какъ такіе вольнодумцы отъ одного положенія, отъ одного отрицанія переходили къ другому, и къ очевидной нелѣпости доходили или въ теоріи, или тамъ и сямъ въ попыткахъ обнаженной и непривлекательной дѣйствительности, они сами впадали въ тиранію. Свобода въ человѣческомъ обществѣ, говорилось мыслителями противоположнаго лагеря, невозможна безъ твердаго правительства, безъ опредѣленнаго порядка; но этотъ порядокъ не можетъ быть созданъ изъ ничего; главныя основы порядка уже готовы, ихъ утвер-

дили и освятили столѣтія, они переданы нашему поколѣнію сотнями предшествовавшихъ ему поколѣній; для Европы, по крайней мѣрѣ, монархическая форма правленія есть прирожденная, это главная колонна, поддерживающая зданіе государственнаго порядка.

Сначала, въ первомъ порывѣ опьяненія, установили такъ называемую демократическую монархію съ однопалатной системой правленія, съ безконечными выборами, съ безграничною свободой слова и печати, съ полнымъ правомъ составленія обществъ и собраній, однимъ словомъ, монархію, сравнительно съ которой бельгійская или норвежская могла казаться самодержавной; но мало-по-малу рядомъ съ замолкавшими похвальными словами этой демократической монархіи, начали понемногу возвышаться голоса, замѣчавшіе, что народу предоставлено слишкомъ много свободы, что гораздо лучше было-бы ограничить ее, что гораздо лучше держаться давно испытанныхъ, историческихъ данныхъ—королевства, христіанства, существующихъ религій. Но прежде всего для противодѣйствія революціи надобно было оживить христіанскій духъ благочестія. Весь политическій хаосъ понятій, при которомъ любой крикунъ или публицистъ считаетъ себя способнымъ управлять милліонами людей, такая надменная самонадѣянность произошла отъ самообольщенія человѣческаго разума, возгордившагося до того, что не хочетъ подчиниться высшему авторитету христіанской религіи. Въ этомъ была доля правды; либерализму дѣйствительно не доставало силы религіознаго чувства и увлеченія; какъ-бы то ни было, но онъ могъ-бы возвратиться къ всеобщимъ принципамъ христіанства. Но здѣсь, со стороны консервативной, пошли дальше, они были недовольны тѣмъ, что спокойно допускалось обще-христіанское міросозерцаніе, какъ оно укладывалось въ ученіи субъективистовъ, но съ новымъ жаромъ напирали на едино-правое, историческое пониманіе христіанства въ его главныхъ подраздѣленіяхъ и требовали, чтобы либералы пристали къ одному изъ этихъ историческихъ вѣроисповѣданій. Но, дойдя до этой точки, опять явились люди, съ чувствомъ самосознанія своихъ личныхъ достоинствъ, въ сознаніи своихъ послѣдовательныхъ умозаключеній, хотя и не при логической послѣдовательности мышленія: они доказывали, что и на этомъ еще нельзя останавливаться. О церкви, во множественномъ числѣ, они и слышать не хотѣли; настоящій авторитетъ, къ которому человѣчество стремится, который составляетъ существенную потребность времени, оставшагося безъ точки опоры, можетъ быть только одинъ общій для христіанства. Есть только одна церковь—католическая, одна видимая на землѣ, одна оставшаяся неизмѣнною въ теченіе тысячелѣтнихъ переворотовъ, волненій и бурь. Всѣ прочія такъ называемыя церкви, не что иное, какъ явленія человѣческаго разума, возставшаго противъ божественнаго авторитета—да, это возстаніе, или правильнѣе сказать—революція, революція, происшедшая триста лѣтъ тому назадъ, которую украсили названіемъ реформаціи. Крѣпко сплоченный, неразрывный организмъ католической церкви, замкнутый конечною властью папы—такъ толковали ярые приверженцы консервативной партіи—одинъ только представляетъ вѣрный оплотъ противъ революціи; правда, революція проникла даже въ самое святилище католицизма, чтобы поглотить этотъ верховный авторитетъ, какъ она уже поглотила всѣ прочіе, но напрасно она разверзла врата ада, пасть ея притупилась о скалы правды, (такъ хвалились консерваторы съ гордостью), на нихъ покоится обѣтованіе, что адъ ихъ никогда поглотить не въ силахъ.

Такъ волновалась, шумѣла и боролась одна партія съ другою, хотя внѣшнее спокойствіе было возстановлено; и этой борьбы нельзя было прекратить ни кроткими, ни насильственными мѣрами. Борьба эта производилась открыто въ ежедневныхъ стычкахъ, въ безпрерывныхъ единоборствахъ, на глазахъ цѣлаго свѣта; самое очевидное слѣдствіе этого великаго движенія было во сто кратъ усилившаяся дѣятельность прессы и ея ежедневное значеніе; всѣ противоположныя партіи высылали своихъ поборниковъ на арену газетъ и журналовъ, и состязались тутъ въ своемъ всеоружіи. На первое время консервативная партія взяла было перевѣсъ; потокъ ея неудержимо стремился впередъ; либеральной прессѣ пришлось бороться съ нею изо всѣхъ силъ, имѣя противъ себя и вѣтеръ, и теченіе; но черезъ нѣсколько лѣтъ непрестанныхъ усилій, она до того окрѣпла,

что всѣ крупныя и мелкія средства, направляемыя противъ нея, оказались безсильны.

Если идея свободы особенно окрѣпла оттого, что она въ послѣдніе годы повсюду, а болѣе всего въ Германіи, отъ неопредѣленныхъ стремленій и желаній перешла къ опредѣленнымъ, что стремилась къ извѣстной цѣли, къ тому, чтобы домогаться извѣстныхъ правъ, извѣстныхъ законовъ, то не менѣе важно было и то, что въ двухъ великихъ культурныхъ націяхъ—въ нѣмецкой и итальянской идея о національномъ единствѣ наполнила сердца въ невиданномъ до тѣхъ поръ обширномъ размѣрѣ и все опредѣленнѣе высказывалась. Она, подобно идеѣ свободы, была угнетаема, но отъ этого именно угнетенія получила большую силу; во время критическаго положенія европейскихъ державъ въ Италіи, Германіи и въ Венгріи, въ одно и тоже время, съ одинаковою страстью, домогались политической свободы и національнаго единства, и вездѣ эти оба стремленія были одновременно подавлены; когда умы немного успокоились, когда реакція развернулась въ полной силѣ, тогда она народамъ принесла великую пользу: они убѣдились, что одно изъ этихъ благъ не можетъ существовать безъ другаго, что они вмѣстѣ возвышаются и вмѣстѣ падаютъ. Въ Германіи и Италіи подъ гнетомъ притѣсненій и страданій дошли до сознанія, что свобода можетъ быть только національною свободой и что мнѣніе, будто есть выборъ между тѣмъ, какъ дойти до свободы, поведетъ-ли къ ней единство, или на оборотъ свобода поведетъ къ единству, ложно, но что то и другое неразрывно связано, одна пополняетъ другое, и только вмѣстѣ съ обоими можно достигнуть желанной цѣли. Въ тоже самое время, когда въ народахъ такъ сильно развилось сознаніе особенностей и отличительныхъ свойствъ различныхъ національностей, когда развилась мысль, что каждый народъ можетъ достигнуть счастія только своеобразнымъ способомъ и развиваться можетъ только своимъ путемъ, тогда, съ другой стороны, народы начали сближаться болѣе, чѣмъ когда либо, и у нихъ возникло чувство европейскаго единенія въ такой силѣ, въ какой оно не обнаружилось даже во время всеобщаго вооруженія противъ владычества Наполеона. Движеніе 1848—1852 годовъ тѣмъ-то и важно, и тѣмъ-то особенно сильно, что оно было общее: вездѣ одна и та же сила обусловливала его, тѣ же противоположныя начала боролись между собою, и пораженіе въ собственномъ отечествѣ вознаграждалось побѣдой въ сосѣдственной странѣ, или если не вознаграждалось, то по крайней мѣрѣ доставляло утѣшеніе и поддерживало мужество.

Въ 1852 году казалось, что либеральныя попытки и стремленія повсюду потерпѣли окончательное и всеобщее пораженіе: реакція торжествовала въ полной мѣрѣ; даже въ Англіи въ февралѣ того же года партія виговъ потеряла свой перевѣсъ, должна была уступить новому министерству, составленному изъ тори, подъ предсѣдательствомъ графа Дерби. Значитъ, послѣдняя опора либераловъ пала, послѣдняя позиція ихъ была взята; австрійскій посланникъ въ Лондонѣ, извѣщая свое правительство объ этомъ событіи, не находилъ достаточно словъ, чтобы выразить свою радость; казалось, въ цѣлой Европѣ существовало полнѣйшее согласіе между консервативными интересами. Казалось, ничто не могло нарушить этого единогласія. У новаго французскаго императора и у австрійскаго правительства была одна общая забота—подавлять революціонныя силы. Въ Пруссіи гораздо меньше причины было опасаться революціоннаго движенія, но тамъ во главѣ правленія стояла партія, для которой орудіе ея, министръ Мантейфель, изобрѣлъ очень примѣнимую ко всему и ничего не значущую поговорку о «революціи въ халатѣ и въ спальныхъ туфляхъ,» и тамъ началась очень серьезная борьба съ этимъ привидѣніемъ, съ королемъ во главѣ, который со дня на день все болѣе и болѣе терялъ способность дѣйствительность отличать отъ вымысла. Для Россіи и Англіи непосредственнаго интереса въ этомъ движеніи не было: ни въ Англіи, ни въ Россіи не было настоящей революціи и нечего было опасаться ея; но поэтому самому обѣ эти державы желали сохранить положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они находились; по крайней мѣрѣ въ датско-германскомъ вопросѣ онѣ содѣйствовали интересамъ реактивной стороны. Требовалось не малаго искусства, чтобы найти вопросъ, который былъ-бы въ состояніи нарушить согласіе великихъ державъ: но это удалось неловкой рукѣ, отбивавшей тактъ въ этомъ концертѣ европейской реакціи.

I. Крымская война.

1853—1856.

Несогласія между Россіей и Турціей, до вмѣшательства западныхъ державъ.

Императору Николаю давно уже хотѣлось покончить вопросъ о существованіи Турціи; онъ полагалъ, что наступило время, благопріятное для разрѣшенія восточнаго вопроса, составлявшаго наслѣдственный для русскихъ правителей. Онъ безъ увертокъ и уловокъ по своей прямотѣ, смѣло пошелъ къ своей цѣли: въ январѣ и въ февралѣ 1853 года, удостоилъ онъ англійскаго посланника въ Петербургѣ, сэра Джорджа Гамильтона Сеймура конфиденціальныхъ аудіенцій, въ которыхъ дѣлалъ попытки войти въ соглашеніе съ Англіей, на случай могущаго произойти паденія турецкаго государства—на тотъ случай, какъ онъ выразился, если бы хворый человѣкъ въ Константинополѣ вдругъ умеръ. Къ Англіи русскій государь чувствовалъ уваженіе; это была единственная монархія, кромѣ его собственной, куда революція не заходила; онъ полагалъ, если эти двѣ державы будутъ дѣйствовать согласно, то съ остальнымъ можно сладить; о Пруссіи онъ умалчивалъ, потому что на это у него были свои причины; объ Австріи на возраженіе посланника, сказалъ: «знайте, если я говорю о Россіи, то я въ тоже время говорю и объ Австріи;» Франція должна была бы молча подчиниться, если бы Россія и Англія были согласны. Планъ былъ обширный: въ вознагражденіе за уступки, сдѣланныя Россіи, намекалъ онъ посланнику, Англія могла бы присвоить себѣ Кандію, или Египетъ. Для себя и для Россіи императоръ ничего не хотѣлъ, онъ довольствовался отрицательными выгодами: онъ не хотѣлъ Константинополя, потому что городъ этотъ, по мнѣнію его, вообще не долженъ былъ переходить во владѣніе какой бы то ни было первоклассной державы, равно какъ онъ не долженъ былъ сдѣлаться средоточіемъ новаго византійскаго государства; въ то же время Турція не должна была распадаться въ мелкія республики; Дунайскія княжества, Сербія и Булгарія должны были превратиться въ самостоятельныя державы, подъ русскимъ покровительствомъ. Этотъ планъ очень напоминалъ раздѣленіе Польши; это такъ и показалось англійскому посланнику; онъ отвѣчалъ очень осторожно и очень вѣрно, замѣтивъ, что тотъ больной, о которомъ говоритъ императоръ, еще вовсе не такъ опасно болѣнъ, хотя, правду сказать, онъ много пострадалъ отъ множества лекарей, пользовавшихъ его, но народы и государства живучи и не такъ скоро умираютъ. Лордъ Джонъ Россель въ потѣ отъ 9 февраля отказался входить въ какія бы то ни было соглашенія на случай паденія турецкой имперіи; всѣ предварительныя соглашенія только къ тому и служатъ, чтобы ускорить такое плачевное событіе.

Дипломатическій успѣхъ Австріи, въ это же время пріобрѣтенный отъ переговоровъ съ Портой, казалось, еще болѣе вызывалъ къ энергическому дѣйствію противъ опасно больнаго въ Константинополѣ.

Порта, подъ начальствомъ Омеръ-паши, послала довольно значительное войско противъ черногорцевъ, находящихся подъ турецкимъ верховнымъ владычествомъ, а на дѣлѣ совершенно независимыхъ на своихъ недоступныхъ горныхъ вершинахъ и ущельяхъ и управляемыхъ владыкой; они злоупотребляли своимъ независимымъ и недоступнымъ положеніемъ и дѣлали отъ времени до времени разбойническіе набѣги изъ своихъ Черныхъ горъ на сосѣдніе боснійскія и албанскія селенія и города. Это было старое привычное зло, къ которому притерпѣлись и привыкли: гораздо опаснѣе показалось Портѣ, когда послѣ кончины послѣдняго владыки, племянникъ его Даніилъ, безъ духовнаго сана, съ свѣтскимъ титуломъ князя принялъ правленіе, съ явнымъ намѣреніемъ основать независимое княжество—что при единовѣріи съ Россіей, при явномъ предпочтеніи, оказываемомъ черногорцами Россіи, и при вліяніи, какое она имѣла на своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, казалось туркамъ крайне опаснымъ.

Въ декабрѣ 1852 года турецкое войско двинулось къ Черногоріи; войско было хорошо обучено, хорошо вооружено, многочисленно, и офицеры въ немъ были, по большей части, изъ польскихъ ренегатовъ, принявшихъ исламизмъ; съ такою значительною силою, немногочисленные, но очень храбрые черногорцы долго бороться не могли бы, ихъ всего на всего насчитывалось не больше 150,000 человѣкъ. Но Австрія приняла на себя роль посредницы; славяне-подданные Австріи, заслужившіе благодарность правительства во время венгерской войны, сочувствовали своимъ черногорскимъ соплеменникамъ и теперь за нихъ ходатайствовали; кромѣ того, при безпорядочномъ турецкомъ правленіи, накопилось много пограничныхъ жалобъ на нарушеніе международныхъ правъ, и при этомъ случаѣ ими воспользовались и выдвинули ихъ на первый планъ. Австрія собрала войско въ Далмаціи, придвинула его къ границѣ и послала въ Константинополь для переговоровъ военнаго посланника, фельдмаршала-лейтенанта графа Лейнингена; онъ очень коротко и ясно выразилъ свои требованія, и далъ Портѣ 24 часа времени для окончательнаго рѣшенія; въ случаѣ отказа, объявилъ, что австрійское войско немедленно перейдетъ черезъ границу. Онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Порта отозвала свои побѣдоносныя войска изъ Черногоріи и оставила все въ томъ же положеніи, какъ прежде было; Австрія получила право устроить дорогу съ этапами по турецкимъ владѣніямъ, вдвигающимся въ далматскую береговую полосу, Порта обязалась выдавать польскихъ и венгерскихъ перебѣжчиковъ, даже въ такомъ случаѣ, если они примутъ исламизмъ, и кромѣ того султанъ написалъ извинительное письмо австрійскому императору.

Едва Порта отдѣлалась отъ одного неудобнаго посланника, какъ явился другой, князь Меншиковъ, еще болѣе требовательный, и удовлетворить его было труднѣе; онъ, по порученію императора, прибылъ въ Константинополь 28 февраля 1853 года. Онъ явился очень гордо и взыскательно; отказался отъ переговоровъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-эффенди; потому что въ 1851 году онъ настоялъ на очищеніи дунайскихъ княжествъ и въ дѣлѣ о Святыхъ мѣстахъ особенно усердно былъ на сторонѣ французовъ; къ прочимъ министрамъ являлся безъ должнаго уваженія и даже невѣжливо, въ дорожномъ платьѣ, въ высокихъ и, увѣряютъ даже, грязныхъ сапогахъ. Его требованія относились къ неоконченному еще вопросу о Святыхъ мѣстахъ: хотя дѣло это съ французскимъ правительствомъ, и частію въ пользу его, было покончено и казалось нечего больше поднимать его, но съ Россіей оно оставалось неразрѣшеннымъ и въ каждую данную минуту могло повести къ несогласіямъ. Порта испугалась и просила Францію и Англію, на всякій случай, придвинуть свои средиземные флоты въ турецкія воды, потому что русскія войска собираются въ Бессарабіи все въ большемъ числѣ. Въ то же время Фуадъ-паша, оскорбленный невниманіемъ князя Меншикова, подалъ въ отставку и на мѣсто его былъ назначенъ слабый и нерѣшительный Рифаатъ-паша.

Только 17 марта князь Меншиковъ наконецъ высказалъ претензіи и требованія императора; въ сущности дѣло заключалось въ томъ, что отъ султана требовалось, чтобы уступки, имъ сдѣланныя, были выражены въ формѣ правильно составленнаго договора; но 19 апрѣля, вслѣдствіе дополнительныхъ инструкцій, онъ расширилъ свои требованія и изложилъ ихъ рѣшительнымъ и рѣзкимъ тономъ: во первыхъ требовалъ фирмана, касательно правъ обладанія Святыми мѣстами въ точныхъ выраженіяхъ; во вторыхъ, фирмана о возобновленіи купола надъ храмомъ св. Гроба въ Іерусалимѣ, предоставляя это исключительно греческому патріарху, и въ третьихъ договора, который ручался бы за поддержаніе правъ и привилегій греко-россійскаго вѣроисповѣданія въ Турціи. Особенно раздражала турокъ политическая изворотливость посланника; свои требованія онъ подтверждалъ тѣмъ, что, несмотря на великодушіе и снисходительность своего императора, ему все-таки нужно имѣть удостовѣреніе, что договоръ будетъ исполненъ; но при томъ онъ увѣрялъ, что всѣ эти требованія носятъ чисто религіозный характеръ и ни малѣйшаго политическаго значенія не имѣютъ. Изъ западныхъ державъ Франція первая придвинула флотъ свой къ Греціи и снабдила свои посольства точными инструкціями. Англія выжидала; ея правительство отправило въ Константинополь опытнаго въ восточныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ бывшаго по

ника лорда Страдфорда Редклиффа; по его совѣту, Порта уступила по двумъ первымъ, вовсе не политическимъ статьямъ, не упоминая вовсе о третьей; такимъ образомъ первоначальный вопросъ очень ловко опять выдвинутъ былъ на первый планъ. Послѣ этого 6 мая Меншиковъ подалъ ультиматумъ, въ которомъ онъ опять настаивалъ на договорѣ и приложилъ проектъ договора, заключавшій въ себѣ рядъ статей, которыя должны были, по обоюдному согласію договаривающихся державъ, служить къ поддержанію греко-россійскаго вѣроисповѣданія, къ которому принадлежало большинство христіанскаго народонаселенія Европейской Турціи. Отвѣта Порты на этотъ документъ князь просилъ къ 10 мая, очень хорошо зная, что, согласившись на него, Порта отдавалась на милость и немилость русскаго императора.

Отвѣтъ былъ данъ къ 10 мая. Порта подтверждала свое твердое обѣщаніе не лишать своихъ подданныхъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія предоставленныхъ имъ правъ и привиллегій въ томъ видѣ, какъ они были заранѣе выражены фирманомъ, но отказалась заключать договоръ въ этомъ смыслѣ, потому что это было бы несовмѣстно съ независимостью и достоинствомъ султана. Умозаключеніе было вѣрно: въ Турціи было 10 милліоновъ подданныхъ греческаго вѣроисповѣданія; заключать по поводу ихъ договоръ съ иностраннымъ могущественнымъ государствомъ, который давалъ бы этой иностранной державѣ право вмѣшиваться въ религіозныя отношенія, равнялось бы отреченію отъ верховнаго права господства надъ собственными подданными; министры Абдулъ-Меджида отлично понимали, что таковой договоръ былъ бы началомъ конечнаго паденія. Но русскій посланникъ медлилъ отъѣздомъ, повторилъ свое требованія въ ультимативной формѣ, какъ это необыкновенное требованіе прозвано было въ безобразно канцелярскомъ стилѣ, требовалъ новаго совѣщанія съ визиремъ; день для совѣщанія былъ назначенъ, но нетерпѣливый князь вмѣсто того, чтобы дождаться опредѣленнаго срока явился съ своими требованіями прямо къ султану, который тотъ и выслушалъ, но отослалъ къ визирю. Между тѣмъ произошла перемѣна въ министерствѣ: вмѣсто Рифаатъ-паши министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ Решидъ-паша, самый способный и самый замѣчательный изъ турецкихъ государственныхъ людей. Князь Меншиковъ сдѣлалъ еще попытку склонить министра на свое предложеніе, но получилъ 19 числа тотъ же отрицательный отвѣтъ, который ему уже данъ былъ 10 мая; и по этому князь Меншиковъ вмѣстѣ со всѣми членами русскаго посольства оставилъ Константинополь 29 числа.

Переписка еще нѣсколько времени продолжалась; русскій государственный канцлеръ графъ Нессельроде послалъ еще нѣсколько нотъ съ требованіями, и получилъ на нихъ еще нѣсколько отказовъ, и тогда только императоръ издалъ къ своему народу манифестъ, отъ 26 іюня 1853 года; въ немъ упоминалось о древнемъ священномъ призваніи Россіи защищать святую православную вѣру, далѣе шло увѣреніе въ чувствѣ миролюбія, но къ сожалѣнію далѣе было извѣщеніе, что обстоятельства принуждаютъ императора двинуть свои войска—не для завоеваній, потому что Россія въ нихъ не нуждается, но чтобы заручиться залогомъ, что попранныя права единовѣрцевъ будутъ возстановлены; при характерѣ императора Николая и при общемъ настроеніи реакціи въ Европѣ, поборовшей богопротивную революцію, онъ въ манифестѣ призывалъ имя Божіе, полагалъ свою надежду на Бога и предоставлялъ Ему рѣшеніе, кто правъ, кто виноватъ въ томъ, что мечъ обнажится. Въ берлинской Neue Preussische Zeitung и во многихъ органахъ незначительныхъ германскихъ государствъ съ восторгомъ повторяли манифестъ и удивлялись безкорыстной христіанской любви императора, который не оставляетъ притѣсненныхъ на востокѣ единовѣрцевъ своихъ и тѣмъ совершаетъ дѣло не только душеспасительное, но и богоугодное; они только не обратили вниманіе на то, что тутъ обрядная, внѣшняя религіозная сторона была принята за внутреннюю, догматическую, до которой эти несогласія не касались.

Теперь выяснилось, правильно ли понималъ русскій императоръ свое положеніе относительно европейскихъ державъ и на сколько онъ могъ разсчитывать на ихъ преданность. Начинаемъ съ того, что онъ не взвѣсилъ настоящей мѣрой характера государственнаго переворота, совершившагося во Франціи. Со стороны императора, въ отношеніи къ новому французскому

императору, въ дипломатическихъ сношеніяхъ не употреблялось обращенія династическими домами издавна принятаго «mon cousin», также какъ это не было принято и при перепискѣ съ Людовикомъ Филиппомъ. Дальнозоркій и внимательный новый французскій императоръ замѣтилъ, что хотя члены священнаго союза пользовались услугами его и признавали его, какъ усмирителя революціи и возстановителя общественнаго порядка во Франціи, но вообще относились къ нему свысока, гордо и холодно; также приняты были Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворомъ идеи, которыя онъ имъ сообщилъ черезъ своихъ новѣренныхъ. Кромѣ того онъ видѣлъ, что по восточному вопросу представляется удобный случай нарушить согласіе этихъ первенствующихъ державъ. Одновременно съ очень внушительной нотой отъ 21 марта, посланной въ Петербургъ, какъ мы видѣли, Франція придвинула свой флотъ къ Греціи; гораздо нерѣшительнѣе дѣйствовалъ лондонскій кабинетъ, старавшійся даже настроить Турцію къ уступчивости, а Лордъ Кларендонъ 25 апрѣля даже открыто говорилъ въ парламентѣ, что у русскаго императора нѣтъ никакихъ тайныхъ, дурныхъ намѣреній относительно Порты; несмотря на это англійскому посланнику въ Константинополѣ дано было право, въ случаѣ надобности, призвать англійскій флотъ, находящійся въ Средиземномъ морѣ.

Императоръ Николай имѣлъ право разсчитывать на преданность и благодарность австрійскаго императора, котораго онъ вытащилъ изъ горящаго зданія его государственнаго разстройства; но при кризисѣ, наступавшемъ съ самой опасной для Австріи границы, безпокойство и неувѣренность овладѣли молодымъ императоромъ; Пруссія, во избѣжаніе войны, не очень-то поддерживала мужество этого колеблющагося государя, между тѣмъ посланники трехъ державъ: Англіи, Франціи и Пруссіи собрались для конференціи съ австрійскими министрами, 24 іюля, въ Вѣнѣ и результатомъ этихъ совѣщаній была примирительная нота, одновременно отправленная въ Петербургъ и Константинополь, 2 августа; она очень распространенно и многословно скорѣе обходила затрудненія, чѣмъ разрѣшала ихъ.

На этотъ разъ Турція выказала свою твердость и умѣренность и тѣмъ пристыдила нерѣшительность европейскихъ державъ, которыя зависѣли отъ того, что онѣ какъ бы блуждали въ потемкахъ и частію не понимали опасности, какъ англійское правительство, во главѣ котораго стоялъ нерѣшительный человѣкъ, министръ лордъ Абердинъ, или подобно австрійскому и прусскому, боялись опасности предстоящей борьбы и не хотѣли признаваться въ этомъ. Со стороны Россіи былъ однако сдѣланъ рѣшительный шагъ: 2 іюля 40,000 армія, раздѣленная на два корпуса, подъ командой Людерса и Даненберга, перешла черезъ Прутъ, и подъ начальствомъ главнокомандующаго князя Горчакова, вступила въ Дунайскія княжества. Волненіе въ Константинополѣ было велико: но диванъ все еще не рѣшался немедленно объявить войну. Общее настроеніе въ Дунайскихъ княжествахъ не было въ пользу русскихъ, и вообще нигдѣ въ турецкихъ областяхъ не выказывалось между христіанами особенно горячей любви къ русскимъ и особеннаго желанія стоять подъ ихъ покровительствомъ.

Попытка, сдѣланная западными державами, примирить враждующихъ, не удалась. Порта подвергла вѣнскую ноту строгому, критическому разбору и готова была принять ее, только съ сильными измѣненіями; напротивъ петербургскій кабинетъ принялъ ее, но подвинченному акту далъ толкованіе, которое въ существенныхъ чертахъ согласовалось съ требованіями князя Меншикова. Однако западныя державы не съ этой точки смотрѣли на свою ноту; Англія и Франція заявили, что толкованіе петербургскаго кабинета не согласно съ ихъ намѣреніями и что при такомъ разногласіи онѣ не могутъ настаивать, чтобы Порта приняла вѣнскую ноту. Флоты этихъ двухъ державъ, подъ начальствомъ адмираловъ Гамелина и Дундаса, еще съ 14 іюня стояли на якорѣ въ бухтѣ Бессика близъ Сегейскаго мыса, внѣ Дарданельскаго пролива.

Русское войско, между тѣмъ, продолжая наступательное движеніе, дошло до Дуная и заняло княжества безъ сопротивленія со стороны Порты, еще строго державшейся условій трактатовъ. Она только просила, чтобы посланники обѣихъ западныхъ державъ, въ виду приближающейся опасности, призвали свои военные корабли. Часть флотовъ прошла Дарданеллы и бросила якорь въ Босфорѣ; во

Франціи, но еще больше въ Англіи, возрастало воинственное расположеніе духа: «насъ теченіе несетъ къ войнѣ», долженъ былъ сказать лордъ Абердинъ въ парламентѣ, что впрочемъ не показывало его особенно энергической политики; на замѣчаніе русскаго посланника, барона Брунова, по поводу враждебнаго движенія флота, лордъ Кларендонъ отвѣчалъ: такъ какъ переходъ русскаго войска черезъ турецкую границу фактически нарушилъ миръ, то Англія не считаетъ себя связанною трактатомъ 1841 года, касательно проливовъ. На этомъ пока остановились; съ другой стороны, императору Николаю не удалось привлечь на свою сторону ни Пруссіи, ни Австріи, не смотря на то, что при личномъ свиданіи государей (въ сентябрѣ) въ Ольмюцѣ и въ Берлинѣ, ихъ отношенія были самыя дружественныя. Ободренное сочувствіемъ Англіи и Франціи, турецкое правительство предложило вопросъ о войнѣ своему верховному совѣту—дивану, составленному изъ высшихъ сановниковъ, военныхъ начальниковъ и ученыхъ богослововъ-улемовъ; этотъ совѣтъ составленъ былъ изъ 172 членовъ; они единодушно присудили быть войнѣ, и она была формально объявлена, 4 октября.

Непріязненныя столкновенія между турецкими и русскими войсками начались на Дунаѣ. Омеръ-паша сдѣлалъ своею главною квартирой крѣпость Шумлу; въ концѣ октября перевелъ онъ свое войско на лѣвый берегъ Дуная; при Олтеницѣ и на другихъ пунктахъ произошелъ рядъ битвъ, въ которыхъ русскіе увидѣли, что передъ ними достойные вниманія противники и что Турція вообще сдѣлала шагъ впередъ, какъ на дипломатическомъ, такъ и на военномъ поприщѣ. Въ закавказскихъ областяхъ Россіи также начались военныя дѣйствія, перешедшія на азіятскую почву, но въ текущемъ году, они окончились отступленіемъ турецкой арміи къ крѣпости Карсу. До сихъ поръ полуобнаженный мечь Англіи и Франціи все еще оставался въ покоѣ. Хотя манифестъ императора, отъ 1 ноября, и представлялъ войну неизбѣжною необходимостью въ дѣлѣ вѣрѣ, но циркулярная депеша Нессельроде къ европейскимъ дворамъ опять увѣряла, что императоръ ограничится оборонительною системою; между тѣмъ 30 ноября произошло сраженіе, которое заставило и англійское правительство окончательно взяться за оружіе. Русскій черноморскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Нахимова, вышелъ изъ Севастопольской гавани, мѣста своей обычной стоянки, и крейсировалъ на Черномъ морѣ; онъ подмѣтилъ турецкій флотъ, состоящій изъ семи фрегатовъ, нѣсколькихъ судовъ меньшаго размѣра, да нѣсколькихъ транспортовъ, который отвозилъ съѣстные припасы въ одну изъ крѣпостей восточнаго Черноморскаго прибрежья. Русскій адмиралъ съ своимъ флотомъ настигъ турецкую эскадру въ Синопской гавани и разбилъ и уничтожилъ ее. 4000 турокъ были перебиты; только одинъ корабль кое-какъ спасся и привезъ въ Константинополь печальное извѣстіе о пораженіи.

Это пораженіе турецкаго флота заставило западныя державы рѣшиться; оба соединенные французскій и англійскій флоты получили приказаніе войти въ Черное море; посланники, какъ русскіе, такъ и соединенныхъ державъ получили повелѣніе возвратиться къ своимъ дворамъ.

Даже послѣ сраженія при Синопѣ русскіе могли еще съ честью выйти изъ неумѣстной войны, потому что вѣнская конференція еще разъ сдѣлала попытку возстановить миръ; проектъ этого мира состоялъ въ томъ, чтобы русскія войска очистили дунайскія княжества и чтобы Турція не съ одною Россіей составила договоръ, гарантирующій неприкосновенность правъ ея христіанскаго народонаселенія, п о с ъ о б щ а со всѣми европейскими первоклассными державами; императоръ отвергнулъ предложенное посредничество и въ своемъ ослѣпленіи на счетъ расположенія сосѣднихъ дворовъ, послалъ графа Орлова и барона Будберга въ Вѣну и въ Берлинъ съ тѣмъ, чтобы составить центральный союзъ между тремя сѣверными державами, при чемъ Россія могла только поставить гарантіей выгодъ то, что «въ случаѣ измѣненія отношеній положенія Турціи» императоръ съ своими союзниками договорится о дальнѣйшемъ. На этотъ разъ дальновидность Николая измѣнила ему: спасенная имъ Австрія и дружественная Пруссія отказались отъ предложенія. Еще была, однакожъ, попытка къ общему соглашенію; императоръ Наполеонъ, лучше всѣхъ знавшій, чего онъ хотѣлъ, написалъ 20 января 1854 собственноручное письмо императору Николаю Павловичу; но это была только ловушка, ему разставленная: содержаніе письма было такого рода, что на него

согласиться пельзя было; императоръ русскій оскорбился и отвѣчалъ энергически, указывая на происшествія 1812 года; этого только и нужно было Наполеону, отвѣтъ Николая воспламенилъ военный духъ французовъ.

Февраля 19 оба посланника западныхъ державъ въ Константинополѣ объявили султану, что въ скоромъ времени явятся на мѣсто военныхъ дѣйствій и сухопутныя войска соединенныхъ державъ, для защиты порты; вслѣдъ за этимъ русскому правительству посланъ былъ ультиматумъ, требовавшій очищенія дунайскихъ княжествъ, назначая срокомъ 30 апрѣля. Марта 12 былъ заключенъ наступательный союзъ между Англіей, Франціей и Турціей; западныя державы обязывались дать полную военную помощь, какъ морскими, такъ и сухопутными войсками; Турція съ своей стороны обязалась не начинать никакихъ мирныхъ переговоровъ безъ предварительнаго соглашенія съ союзниками; подробности военныхъ движеній предполагалось рѣшать совѣтомъ трехъ полководцевъ. Дополнительными статьями къ этому договору служили статьи союза, заключеннаго между Англіей и Франціей 10 мая; въ этомъ союзномъ актѣ опредѣлена была общая цѣль войны: возстановленіе прочнаго мира между Россіей и Турціей и тутъ же объявлялось, что ими начинается война безъ всякаго личнаго интереса, а только съ цѣлью упрочить и поддержать европейское равновѣсіе.

в. Европейская война до паденія Севастополя.

Итакъ изъ-за пустыхъ споровъ между монахами, за двери и за ключи, возникла великая европейская война, всколыхнувшая такъ недавно установившееся спокойствіе Европы. Какъ императоръ Николай во всѣхъ своихъ предположеніяхъ, предшествовавшихъ этой войнѣ, ошибся, вскорѣ обнаружилось. Въ двухъ пунктахъ онъ уже убѣдился, что разсчитывалъ не такъ, какъ слѣдовало: во первыхъ турки оказались совсѣмъ не такими презрѣнными врагами, какъ онъ ихъ себѣ представлялъ, и вовсе еще не были при послѣднемъ издыханіи, или даже не умерли, какъ объ нихъ въ послѣднее время говорилось; и во вторыхъ, англійское коалиціонное министерство лорда Абердина вовсе не такъ было предано русскому двору, какъ императоръ предполагалъ, и теперь соединилось съ французами. Съ этихъ поръ начался цѣлый рядъ разочарованій. Не было помину, чтобы диверсія въ пользу Россіи могла произойти въ самой Турціи, а именно: нельзя было надѣяться на возстаніе райевъ. Эмиссары, съ этой цѣлью отправившіеся туда, добились только ничтожнаго возстанія въ окрестностяхъ залива Арты, нѣкоторое время продолжавшагося отъ того, что туда сбѣгались со всѣхъ сторонъ недовольные, неспокойные греки и другіе пролетаріи. Въ Греціи зашевелились интриги при дворѣ короля Оттона, но не въ пользу Россіи, а въ видахъ собственныхъ личныхъ интересовъ, но всѣмъ этимъ интригамъ быстро положенъ былъ конецъ: западныя державы, послѣ безполезнаго ультиматума, отъ 26 мая, высадили войска, занявшія Пирей, и тѣмъ принудили грековъ къ спокойствію.

Гораздо болѣзненнѣе для императора Николая было обстоятельство, что надежды его на дружбу Пруссіи и благодарность Австріи обманулись. На послѣднюю онъ особенно разсчитывалъ: императоры казались дружны; Николай смотрѣлъ на молодаго австрійскаго императора, какъ на сына. Его маленькая статуэтка постоянно стояла на его письменномъ столѣ; во время большихъ маневровъ въ Ольмюцѣ въ сентябрѣ 1853 года, къ величайшему восторгу всей австрійской военной аристократіи, царь въ мундирѣ полка, шефомъ котораго онъ былъ, провелъ его самъ церемоніальнымъ маршемъ мимо молодаго императора; Николай осыпалъ орденами австрійскихъ военныхъ и даже, какъ товарищъ по оружію, сдѣлалъ нѣсколько визитовъ австрійскимъ генераламъ; все это видѣли, записывали и передавали въ европейскихъ газетахъ. Но одновременно съ тѣмъ, когда революція была подавлена, въ австрійскихъ государственныхъ людяхъ опять пробуждалось притихшее на время высокомѣріе: они считали за стыдъ, что пришлось просить защиты противъ своихъ подданныхъ у иностранной державы, и вознаграждали себя безкровными и неопасными побѣдами въ Германіи; въ высшихъ кружкахъ начали толковать о

томъ, что благодарность есть добродѣтель гражданская, но вовсе не политическая, и въ обществѣ носились долгое время съ выраженіемъ одного министра, сказавшемъ, что міръ удивится неблагодарности Австріи. Въ Берлинѣ военный министръ Бонинъ получилъ отставку за выраженіе: «что союзъ съ Россіей въ настоящее время столько же невозможенъ, какъ невозможно было въ Аѳинахъ отцеубійство.» Король и всѣ его приближенные не раздѣляли этого мнѣнія и были крайне раздражены, но большинство тогдашнихъ государственныхъ людей Пруссіи думали такъ: въ ихъ глазахъ интересы Пруссіи до того расходились съ интересами Россіи, что, по ихъ мнѣнію, союзъ съ нею въ такую опасную пору могъ быть для Пруссіи гибеленъ и потому считали его совершенно невозможнымъ. Вѣнскія конференціи, между тѣмъ, продолжались и отъ 9 апрѣля 1854 года, составленъ былъ протоколъ, въ которомъ постановлено было поддерживать неприкосновенность турецкаго государства; отношенія его подданныхъ христіанскаго вѣроисповѣданія упрочить, но не нарушая при томъ верховныхъ правъ султана, какъ государя, и домогаться при всемъ томъ ручательствъ, которыя утвердили бы необходимость существованія Турціи для европейскаго равновѣсія. Въ отдѣльномъ договорѣ отъ 20 того же мѣсяца Австрія и Пруссія гарантировали другъ другу свои владѣнія отъ всякаго могущаго быть на нихъ нападенія; дополнительная статья объявляла, что продолжающееся занятіе Дунайскихъ княжествъ русскими войсками несовмѣстно съ германскими интересами, и потому Австрія обязалась требовать отъ императора Николая, чтобы онъ немедленно вывелъ оттуда войска, а Пруссія съ своей стороны, должна была энергически поддерживать это требованіе; условлено было, что присоединеніе къ Россіи, на что указывали нѣкоторыя мѣры военной администраціи, введенной въ княжества, равно какъ и переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы, въ глазахъ союзниковъ, будетъ равняться началу войны.

Хуже всего для русскихъ было то, что военныя дѣйствія на Дунаѣ шли не такъ успѣшно, какъ того желалъ, надѣялся и предвидѣлъ императоръ. Турки выказывали небывалое мужество, и близъ Журжи и Калафата причинили русскимъ отдѣльнымъ отрядамъ значительный уронъ. Недовольный нерѣшительностію и нераспорядительностію главнокомандующаго, князя Горчакова, государь отозвалъ его отъ арміи, и начальство надъ нею поручилъ тогдашнему знаменитому русскому военному предводителю, князю Паскевичу, но и при немъ успѣха не было. Онъ видѣлъ, что движеніе впередъ неудобно, пока крѣпость Силистрія не будетъ взята, и потому рѣшился вести на нее атаку. Но крѣпость за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ была вновь передѣлана и укрѣплена по всѣмъ правиламъ новѣйшей фортификаціи, нарочно для того приглашенными прусскими военными инженерами, да и защиту крѣпости взялъ на себя опытный прусскій инженеръ, полковникъ Грахъ; нѣсколько штурмовъ 28, 29 мая и 9 іюня, подъ личнымъ начальствомъ Паскевича, были отбиты съ значительными потерями для русскихъ. Самъ престарѣлый фельдмаршалъ былъ сильно раненъ, и команду опять принялъ князь Горчаковъ; онъ снялъ осаду 21 іюня, стоившую очень дорого защитникамъ: но и нападавшіе при ней потеряли 12,000 человѣкъ.

Австрійско-прусская нота, между тѣмъ, была отправлена въ Петербургъ. Отвѣтъ Нессельроде удовлетворилъ Пруссію, но не Австрію. Она незадолго передъ тѣмъ, 14 іюня, заключила съ Портой договоръ о томъ, чтобы сообща занять Дунайскія княжества; такое вѣроломство ставило русскихъ въ самое непріятное и даже опасное положеніе: чтобы не начать войны также и съ Австріей, императоръ Николай принужденъ былъ вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ; русскіе между тѣмъ одержали тамъ побѣду надъ турками въ Добруджѣ, болотной полосѣ, простирающейся между Дунаемъ и Чернымъ моремъ, но не смотря на этотъ успѣхъ, войскамъ пришло повелѣніе оставить Турцію. Непосредственно за русскими съ одной стороны въ княжества двинулся Омеръ-паша съ турецкимъ войскомъ, съ другой — австрійцы, подъ начальствомъ генерала Коронини, перешли границу между Трансильваніей и Валахіей. Императоръ Николай былъ справедливо раздраженъ неслыханною неблагодарностью и вѣроломствомъ молодаго императора, который очень недавно неминуемо погибъ-бы, если-бы мощная рука Николая не поддержала его.

Такой примѣръ подѣйствовалъ на всѣ мелкія государства Германіи; ни одно изъ нихъ не подумало пристать къ руководившей ими до сихъ поръ русской политикѣ. Обѣ преобладающія германскія державы, Австрія и Пруссія, для совѣщанія пригласили всѣхъ членовъ германскаго союза и предложили имъ присоединиться къ прусско-австрійскому наступательному и оборонительному союзу. Но самолюбіе руководящихъ первыхъ министровъ въ Баваріи и Саксоніи, а именно фрейгера фонъ-деръ-Пфортена и фонъ-Бёйста, не могло удовольствоваться подчиненною ролью; они полагали, что больше другихъ смыслятъ въ политикѣ и въ Бамбергѣ составили верховный совѣтъ, въ которомъ рѣшили отказаться отъ присоединенія къ австрійско-прусскому союзу и какъ сильныя, хотя и второстепенныя державы, надѣялись имѣть свое собственное мнѣніе и вѣсъ при разрѣшеніи восточнаго вопроса. Когда мы будемъ спеціально говорить объ исторіи Германіи, еще припомнимъ объ этой неудачной попыткѣ, оставшейся безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Австрія и Пруссія предложили вопросъ объ этомъ союзѣ на разрѣшеніе великому германскому сейму, и всѣ члены его, за исключеніемъ Мекленбурга, подали голоса въ пользу этого австрійско-прусскаго договора.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда западныя державы приготовились принять участіе въ разгорѣвшейся войнѣ. Театромъ военныхъ дѣйствій была теперь исключительно азіатская Турція; тутъ успѣхъ былъ на сторонѣ русскихъ. Съ той минуты, какъ западныя державы вмѣшались въ войну, интересъ ея возросталъ съ каждымъ днемъ и сдѣлался всемірно-историческимъ. Вся западная Европа вооружилась противъ Россіи; это была борьба двухъ совершенно противоположныхъ началъ, даже помимо воли тѣхъ, которые начали борьбу. Европейскіе либералы, съ замираніемъ сердца и съ тайною радостью, издали слѣдили за развивающимся ходомъ событій, надѣясь при этомъ чѣмъ нибудь воспользоваться для себя.

Борьба съ такимъ государствомъ, какъ Россія, была трудна, и англійско-французскія соединенныя силы не бросались въ нее необдуманно. Въ маѣ 1854 года часть англо-французскаго соединеннаго флота вошла въ Балтійское море; цѣлое лѣто прошло въ безплодныхъ попыткахъ и только 16 августа союзному флоту удалось занять крошечную крѣпостцу Бомарзундъ, на одномъ изъ Аландскихъ острововъ, находящихся между западной границей Финляндіи и восточной—Швеціи, при входѣ въ Ботническій заливъ. Хвастливыя объявленія англійскаго адмирала Непира, что онъ въ непродолжительномъ времени займетъ Кронштадтъ, и будетъ слѣдовательно господствовать надъ Петербургомъ и безъ большаго труда возьметъ его, пробудили самое большое сочувствіе и надежды западныхъ державъ, но обѣщанія остались пустыми, хвастливыми заявленіями и мечтами. На этотъ разъ опытомъ дознали, что въ борьбѣ между береговыми укрѣпленіями и корабельною артиллеріею преимущества неминуемо остаются за береговыми орудіями; отбитый союзный флотъ принужденъ былъ ограничиться преслѣдованіемъ купеческихъ судовъ и бомбардированіемъ беззащитныхъ, или плохо укрѣпленныхъ прибрежныхъ мѣстечекъ; другія части исполинскаго соединеннаго флота дѣлали поиски въ Тихомъ океанѣ: гонялись за русскими кораблями, пытались дѣлать нападеніе на Камчатку, но также безуспѣшно, какъ и въ Европѣ. Въ іюнѣ англо-французскихъ войскъ собралось уже много въ Галиполи; въ іюлѣ ихъ въ Варнѣ было уже 50,000 человѣкъ, изъ нихъ 30,000 французовъ и 20,000 англичанъ. Послѣдними командовалъ лордъ Рагланъ, товарищъ по оружію Веллингтона, родившійся въ 1788 году, и въ сраженіи при Ватерлоо лишившійся правой руки, но не сдѣлавшійся оттого неспособнымъ къ войнѣ; хотя ему было 67 лѣтъ, но онъ былъ свѣжъ, бодръ и поражалъ своею неустрашимостью; онъ какъ будто не замѣчалъ опасности, и всегда первый бросался въ нее; французы удивлялись ему. Надъ ними начальствовалъ маршалъ Сентъ-Арно, одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ послѣднемъ государственномъ переворотѣ; онъ отличался своею смѣлостью, постоянною веселостью и игривымъ настроеніемъ ума; но уже съ самаго начала этого похода носилъ въ себѣ зародышъ смертельной болѣзни. Въ этой войнѣ, въ первый разъ со времени крестовыхъ походовъ, французы сражались объ руку съ англичанами и къ тому же въ томъ, и другомъ войскѣ находился членъ царствующаго дома: со стороны англичанъ былъ

герцогъ Кембриджскій, а съ французской—принцъ Наполеонъ, который хотя чертами лица и походилъ на Наполеона перваго, но не обладалъ ни его талантомъ въ военномъ дѣлѣ, ни его охотой къ войнѣ, ни его знаніями.

Столкновеніе однакожъ не тотчасъ произошло. Послѣдовать за русскимъ войскомъ въ бессарабскія степи, для союзниковъ равнялось-бы вѣрной гибели; съ другой стороны, оставаться въ Варнѣ нельзя было; болѣзни ежедневно уносили значительное количество войска; французы показывали нетерпѣніе, и ихъ начальникъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, ознаменовать 15 августа, день св. Наполеона, игравшій не послѣднюю роль во второй имперіи, какою нибудь значительною побѣдою. Онъ поручилъ генералу Эспинассу, одному изъ главныхъ дѣятелей въ государственномъ переворотѣ, выгнать русскихъ изъ Добруджи. Взявши 10,000 войска, послѣдній отправился въ печальную, болотную мѣстность; походъ былъ утомительный и безполезный; французы нигдѣ не встрѣтили ни одного русскаго солдата, только на горизонтѣ видѣли двухъ—трехъ отсталыхъ казаковъ; но тѣмъ не менѣе, когда отрядъ явился въ Кюстенджи, въ немъ не оставалось болѣе 4,500 человѣкъ; остальныхъ унесла холера, которая и по возвращеніи, не переставала свирѣпствовать въ госпиталяхъ и казармахъ. Долѣе оставаться въ Варнѣ не было никакой возможности; ропотъ неудовольствія возрасталъ ежедневно. При такихъ обстоятельствахъ составленъ былъ планъ нападенія на Крымъ, хотя и съ правильной точки зрѣнія, но не достаточно зрѣло обдуманный, и не выработанный на точныхъ данныхъ, безъ вѣрнаго пониманія настоящихъ отношеній и обстоятельствъ, и потому окончившійся послѣ тяжкихъ и безчисленныхъ жертвъ только полууспѣхомъ.

Союзники, послѣ поверхностнаго взгляда на карту и послѣ уроковъ, данныхъ походами Карла XII и Наполеона I, знали, что на исполинскую Россію нападать трудно, что центральныя части ея недоступны, и надобно дѣйствовать только на ея окраины и преимущественно на прибрежныя, морскія. Съ тѣхъ поръ, какъ при Петрѣ Великомъ Россія сознала свое могущество и яснѣе увидѣла себѣ цѣль въ будущемъ, она, естественно, начала всѣми силами стремиться къ пріобрѣтенію приморскихъ границъ, что ей и удалось въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ; хотя эти моря внутреннія и потому не давали ей возможности развернуться, какъ морской державѣ, но во всякомъ случаѣ обладаніе приморскими гаванями въ этихъ моряхъ представляло неисчерпаемыя выгоды: чтобы обезопасить мореплаваніе на Черномъ морѣ, устроена была сильная приморская крѣпость Севастополь, въ юго-западной части Крымскаго полуострова; въ прекрасной и обширной бухтѣ ея могъ безопасно помѣщаться весь русскій черноморскій военный флотъ. Послѣ того, какъ необходимыя, хотя не вполнѣ вѣрныя, свѣдѣнія были собраны, и въ нѣсколько разъ повторявшихся военныхъ совѣщаніяхъ планъ въ общихъ чертахъ былъ опредѣленъ, союзныя войска были посажены на корабли, отъ 3 до 5 сентября 1854, всего 50,000 человѣкъ англійскихъ, французскихъ войскъ и очень маленькій турецкій вспомогательный корпусъ. Переѣздъ былъ благопріятный и 14 транспортъ присталъ на югъ отъ Евпаторіи, на западномъ берегу Крыма; войска высадились безъ всякаго сопротивленія со стороны русскихъ. Союзники надѣялись быстрымъ и нечаяннымъ нападеніемъ захватить Севастополь, но послѣдствія показали, до какой степени разсчетъ ихъ былъ ошибоченъ; какъ примѣръ показывающій, на сколько главнокомандующій Сентъ-Арно убѣжденъ былъ въ успѣхѣ своего предпріятія, можетъ служить прокламація къ войскамъ: въ ней онъ, какъ о достовѣрномъ, говоритъ о своемъ планѣ захватить Севастополь врасплохъ. На короткое, правда, время, но казалось, будто невозможное совершилось: въ послѣднихъ числахъ сентября, европейскіе кабинеты облетѣло извѣстіе о паденіи Севастополя: говорилось, будто внѣшніе форты крѣпости взяты, съ ними 2,000 пушекъ, будто 18,000 русскихъ побито, а 22,000 взяты въ плѣнъ. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, фонъ-Буоль, первый сообщилъ французскому посланнику эту важную новость, только что полученную имъ отъ австрійскаго консула въ Букарестѣ, куда ее привезъ одинъ татаринъ, бывшій турецкимъ курьеромъ. Австрійскій императоръ поздравилъ французскаго съ блистательнымъ успѣхомъ; французскій императоръ, въ свою очередь, однакожъ съ

нѣкоторыми ограниченіями, сообщилъ эту радостную вѣсть войску, во время смотра въ Булони; отсюда она облетѣла цѣлую Европу.

Правда не могла поспѣвать за ложнымъ извѣстіемъ; въ дѣйствительности положеніе дѣлъ было вовсе не такое блистательное. Союзное войско двинулось отъ Евпаторіи 19 сентября, по дорогѣ къ Севастополю, 20-го союзники встрѣтились съ русскимъ войскомъ, расположеннымъ на прибрежныхъ высотахъ и на берегахъ рѣки Альмы; оно находилось подъ командою князя Меншикова. Англичане и французы напали съ фронта, а генералъ Боске, во главѣ 4,000 турокъ и французской дивизіи, обошелъ со стороны моря русскій лѣвый флангъ; произошла жаркая битва, длившаяся нѣсколько часовъ; князь Меншиковъ съ потерею 5,000 чел. долженъ былъ наконецъ отступить къ Бакчисараю, открывъ для союзниковъ дорогу въ Балаклаву, приморскую гавань, на югъ отъ Севастополя.

Эта первая побѣда обрадовала союзниковъ и какъ-бы освятила ихъ союзъ, но слѣдствія дурно обдуманнаго и дурно подготовленнаго предпріятія вскорѣ обнаружились къ полной мѣрѣ. Русскіе очень предусмотрительно потопили при входѣ въ севастопольскую гавань свой флотъ, далеко недостаточный для открытой борьбы съ вражескимъ, тѣмъ сдѣлали севастопольскую гавань вполнѣ недоступною для противниковъ. Союзники принуждены были привозить на корабляхъ всѣ жизненные и военные снаряды; войска у нихъ было недостаточно, и хотя осада Севастополя началась, но окружить городъ, даже съ южной стороны, нечѣмъ было и потому въ крѣпость съ сѣверной стороны былъ свободный доступъ и для подвоза съѣстныхъ припасовъ, и для пополненія гарнизона, и для доставленія военныхъ снарядовъ; кромѣ того, сильное русское войско, подъ начальствомъ князя Меншикова, стояло въ открытомъ полѣ и готово было напасть на союзныя войска; къ тому же холера, завезенная изъ Варны, продолжала уничтожать союзниковъ; маршалъ Сентъ-Арно, вскорѣ послѣ битвы при Альмѣ, тоже захворалъ холерой и сдѣлался ея жертвой; такимъ образомъ онъ сошелъ съ театра дѣйствія, на которомъ игралъ, если не совсѣмъ почетную, то очень важную роль. Главное начальство перешло на человѣка съ ограниченными способностями, на генерала Канробера.

Съ 9 октября началось обстрѣливанье крѣпости со стороны моря и суши, но съ незначительнымъ вредомъ для нея. Оба войска получили подкрѣпленія: но вскорѣ сдѣлалось ясно, что занять городъ нельзя было безъ правильной осады. Но и она, не смотря на безпрерывный рядъ битвъ, на отчаянныя усилія, на безостановочныя осадныя работы, подвигалась медленно. Русскія войска дважды пытались отрѣзать осаждающихъ отъ Балаклавы. 25 октября генералъ Липранди сдѣлалъ нападеніе на Балаклаву; битва длилась пять часовъ, впродолженіи ея отличился англійскій конный отрядъ своимъ блистательнымъ и въ тоже время безразсуднымъ нападеніемъ на высоты, занятыя сильными артиллерійскими и пѣхотными отрядами: но вся эта битва не имѣла благопріятныхъ для русскихъ результатовъ, потому что они недѣятельно воспользовались успѣхомъ своимъ и не продолжали наступленія. Эта битва была какъ-бы введеніемъ въ другую кровопролитнѣйшую, происшедшую 5 ноября подъ Инкерманомъ. Рано утромъ русское войско, человѣкъ въ 60,000, начало наступленіе; до 11 часовъ бились ожесточенно; но и тутъ, какъ при Альмѣ, французы, подъ начальствомъ Боске, рѣшили участь дня: послѣ пятичасовой геройской битвы русскіе начали отступать; на этотъ разъ побѣда была несомнѣнно на сторонѣ союзниковъ. Изъ русскаго войска раненными и убитыми выбыло около 10,000 человѣкъ, у союзниковъ больше 5,000; при ихъ положеніи такія безплодныя побѣды могли быть гибельны.

Между тѣмъ приблизилась зима, самое неблагопріятное время для осады. О штурмѣ Севастополя до поры до времени не могло быть и рѣчи; осенніе дожди, начавшіеся послѣ битвы, превратили лагерь, аппроши и траншеи въ болото; транспортныя суда гибли отъ жестокихъ черноморскихъ зимнихъ бурь; потери во флотѣ были очень значительныя; болѣзни свирѣпствовали въ лагерѣ; болѣе всего пострадали англичане; дурная военная администрація поставила ихъ въ необходимость выносить всѣ невзгоды температуры и всѣ лишенія жизни. Общественное мнѣніе не оставило этого безъ вниманія, и съ безжалостною откровенностію выставило это на свѣтъ. Сравнительно, французы меньше постра-

дали, во первыхъ потому, что у нихъ администрація была лучше, а во вторыхъ потому, что французы, по врожденной своей способности приспособляться ко всему, не теряли ни бодрости духа, ни веселости и устраивались при существующихъ неудобствахъ довольно сносно; но англійскій солдатъ этого не хотѣлъ и не умѣлъ, а англійскіе офицеры, храбрые въ битвѣ, не были довольно ловки и находчивы въ лагерномъ устройствѣ. Въ январѣ 1855 наступили значительные холода; всѣ работы прекратились; однакожь съ моря не переставали подвозить свѣжія войска и вмѣстѣ съ ними достаточное количество всевозможныхъ припасовъ, такъ что довольство въ лагерѣ возрастало. Русскіе во все время не дремали, они воспользовались и зимними непогодами, и зимнимъ отдыхомъ; они неутомимо съ жаромъ строили укрѣпленія, подъ руководствомъ искуснаго инженера, генерала Тотлебена; укрѣпленія выростали въ виду непріятеля, и крѣпость достигла грозной силы.

Вниманіе всей цивилизованной Европы было обращено на этотъ клочекъ земли; всѣ прочія мѣста столкновеній: Балтійское море, восточныя азіятскія воды и прибрежья, сухопутная война въ Азіи по интересу, возбуждаемому ими, отступили передъ грозной борьбою передъ Севастополемъ на второй планъ и возбуждали только мимолетное вниманіе. Союзникамъ удалось привлечь къ своей борьбѣ за цивилизацію,—выраженіе, которымъ они прикрывались и скрашивали свое предпріятіе,—новаго союзника—Виктора Эмануила, короля сардинскаго. Онъ приступилъ къ союзу 26 января, для поддержанія независимости Турціи, и прислалъ ей вспомогательный корпусъ въ 15,000 чел., очень кстати для войска, столько потерпѣвшаго отъ битвъ, отъ болѣзни и отъ всякаго рода лишеній и неудобствъ. Но отправка вспомогательнаго корпуса затянулась, и онъ сѣлъ въ Генуѣ на корабли только въ маѣ 1855 года. Между тѣмъ императоръ Николай тоже собирался съ силами; по цѣлому государству производились вооруженія, дѣлались распоряженія о новыхъ наборахъ, отправлялись подкрѣпленія и шли огромные обозы съ провіантомъ и военными снарядами; но по причинѣ жестокаго зимняго холода, огромныхъ разстояній, бурныхъ, часто непроѣздныхъ дорогъ,—еще болѣе оттого, что люди приставленные къ тому, чтобы заботиться о нуждахъ войска и своевременно доставлять ему все необходимое, употребляли во зло довѣренность своего правительства и частію по лихоимству, частію по непростительной небрежности, изъ огромнаго количества провіанта и т. п. до мѣста назначенія доходила только малая доля.

Война шла убійственная, съ той и другой стороны гибли десятки тысячъ людей; конца ея нельзя было предвидѣть, а императору Николаю, начавшему эту борьбу, не суждено было дождаться ея конца. Нестройный ходъ войны, потери тамъ, гдѣ онъ ихъ не ожидалъ, невозможность преслѣдовать первоначальной цѣли своей, постоянныя неудачи при возрастающемъ наступленіи союзниковъ, невозможность отбить ихъ, горькое сознаніе въ томъ, что войско, съ такою любовью снаряжаемое и лелѣянное, далеко не въ томъ видѣ, какого можно было желать и ожидать, все это тяжелымъ камнемъ лежало на душѣ воинственнаго императора; къ тому же его печалила мысль, что принципъ, который онъ въ теченіе всей жизни защищалъ и поддерживалъ, пошатнулся и готовъ былъ рухнуть. Все это тревожило государя, заботы о войскѣ и о ходѣ военныхъ дѣлъ не переставали волновать его; къ этому прибавилась сильная простуда, и онъ захворалъ, но полагаясь на крѣпкое свое сложеніе, онъ не обращалъ вниманія на болѣзнь; напрасно доктора предостерегали его, напрасно умоляли его беречь себя, но онъ, всетаки, выѣзжалъ и по прежнему занимался дѣлами; морозы были сильные, онъ въ открытыхъ саняхъ ѣздилъ на смотры въ манежъ. Болѣзнь усиливалась; онъ былъ вынужденъ серьезно подумать о своемъ состояніи и прибѣгнуть къ лекарствамъ и къ докторской помощи, но время было пропущено, и всякая помощь оказалась безсильной; не было спасенія; 3 марта по новому стилю или 19 февраля по старому онъ скончался, съ твердостью простившись съ дѣтьми, и, какъ мудрый правитель, устроивши домъ свой и надѣливши совѣтами остающихся послѣ него. Кончина его произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣ европейскія государства. При берлинскомъ и вѣнскомъ дворахъ траурнымъ почестямъ не было конца и мѣры; въ журналахъ и газетахъ восхваляли покойнаго императора, съ жаромъ разбирали его жизнь и горько оплакивали его преждевременную кончину. Въ нѣкоторыхъ

газетахъ изъявленія печали превышали даже мѣру приличія и возможности сочувствовать потерѣ только сосѣдняго народа, а не собственнаго правителя. Изъ этого можно заключить, въ какой мѣрѣ сочувствіе это было искренно. Султанъ, узнавъ о кончинѣ своего могущественнаго врага, съ чисто-восточнымъ достоинствомъ произнесъ: «молю аллаха, который одинаково судитъ и государя, и нищаго, да проститъ онъ императору всѣ его прегрѣшенія!»

Борьба подъ Севастополемъ продолжалась съ одинаковою яростью. Въ концѣ января, по порученію императора Наполеона, передъ Севастополемъ явился генералъ Ніель; онъ нашелъ, что планъ нападенія, которому до сихъ поръ слѣдовали, не годится, и начертилъ новый; по этому плану всѣ усилія должно было направить на часть города, извѣстную подъ названіемъ Матросской, и противъ главнаго укрѣпленія, надъ нимъ господствующаго, на Малаховъ курганъ. Новыя подкрѣпленія постоянно прибывали; въ февралѣ произошла перемѣна министерства въ Лондонѣ; вмѣсто министерства Абердина, во главѣ правленія стало новое энергическое, составленное Пальмерстономъ. Въ началѣ февраля близъ Евпаторіи высадился турецкій вспомогательный корпусъ подъ командой Омеръ-паши; 17 произошло сраженіе, ничѣмъ не кончившееся, или даже не совсѣмъ удачное для русскихъ; извѣстіе это еще болѣе потрясло больнаго императора и состояніе его ухудшилось. Князь Меншиковъ былъ отозванъ отъ войска, а на мѣсто его главнокомандующимъ назначенъ князь Михаилъ Горчаковъ. Послѣднее предсмертное дѣло императора Николая — манифестъ, призывавшій весь русскій народъ къ оружію и повсемѣстное ополченіе. При такихъ обстоятельствахъ на русскій престолъ взошелъ Александръ II, нынѣ счастливо царствующій императоръ; гибельная, несчастная война была въ полномъ разгарѣ, онъ не могъ ее немедленно окончить, хотя ему извѣстно было, какъ недоброжелательно смотрятъ на ея начало подданные его и какъ неудовлетворителенъ ходъ ея. Съ возобновленіемъ весны и военныя дѣйствія усилились. Императоръ Наполеонъ очень серьезно думалъ о томъ, чтобы лично отправиться въ Крымъ, для ускоренія хода осады; но внутреннее состояніе дѣлъ требовало его присутствія во Франціи, настроеніе болѣе, или менѣе вліятельныхъ личностей было таково, что онъ не могъ предпринять путешествія, неминуемо удалившее-бы его на нѣсколько мѣсяцевъ изъ государства, на преданность котораго онъ разсчитывать не могъ. Взвѣсивъ всѣ эти данныя, Наполеонъ отправилъ на мѣсто Канробера, просившаго себѣ увольненія, генерала Пелисье, человѣка энергическаго, твердаго, для котораго гибель нѣсколькихъ тысячъ солдатъ была неважна; онъ сдѣлался еще въ 1846 году извѣстенъ своею жестокостью: онъ преслѣдовалъ возставшее племя арабовъ, загналъ ихъ въ ущелье и въ пещеры Дендера: передъ входами въ пещеру онъ приказалъ навалить груды сыраго дерева и дымомъ задушилъ несчастныхъ, которые не успѣли погибнуть отъ оружія. Лишь только онъ прибылъ къ Севастополю, какъ приказалъ штурмовать нѣкоторыя внѣшнія укрѣпленія, при чемъ союзники потерпѣли большую потерю войска (1 мая); въ тоже время сдѣлалъ распоряженіе, чтобы снаряжена была военная эскадра для нападенія на складочныя мѣста военныхъ припасовъ по берегамъ Чернаго моря. Эскадра была составлена изъ 60 англійскихъ и французскихъ судовъ; мая 24 они напали и взяли Керчь на европейскомъ, а на слѣдующій день Еникалѣ на азіатскомъ берегу и такимъ образомъ проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ достался союзникамъ; но этимъ не окончился вредъ, нанесенный русскимъ: эскадра союзниковъ крейсировала по Азовскому морю и захватывала корабли и припасы, наготовленные массами, а 6 іюня опять вышла въ открытое море.

Въ тоже время крѣпость все болѣе и болѣе тѣснили союзники; они уже завладѣли внѣшними укрѣпленіями и пробились до самыхъ бастіоновъ. Въ день Ватерлооской битвы, 18 іюня, предпринятъ былъ штурмъ на Матросскую слободу и на восточныя укрѣпленія, на сильнѣйшіе бастіоны, — Малаховъ курганъ и Реданъ. Русскіе съ геройскимъ мужествомъ отстаивали ихъ, не жалѣя ни себя, ни враговъ; штурмъ окончательно былъ отбитъ, союзники потеряли 4,800 человѣкъ, въ числѣ ихъ трехъ генераловъ и 600 плѣнныхъ. Послѣ этого князь Горчаковъ съ 48,000 войскомъ попыталъ опять счастья въ открытомъ полѣ; онъ повелъ свои войска противъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ на лѣвомъ берегу рѣчки

Черной; битва началась утромъ рано, при густомъ туманѣ. Въ этотъ день особенно отличились сардинцы, или какъ ихъ по просту называли въ союзномъ лагерѣ италіянцы; битва длилась нѣсколько часовъ съ невыразимымъ ожесточеніемъ, русскіе дѣлали чудеса храбрости, но по причинамъ вовсе не отъ нихъ зависящимъ, а случайнымъ, должны были отказаться отъ своего предпріятія и перейти обратно черезъ Черную, потерявъ очень значительное число убитыми и раненными, какъ увѣряютъ, до 7,000 человѣкъ. Эта удача придала мужество союзникамъ; ихъ работы пошли еще успѣшнѣе, войско требовало штурма и наконецъ 6 сентября новаго, или 26 августа стараго стиля, громкія требованія французовъ исполнились, ихъ повели на штурмъ. 30,000 англичанъ и сардинцевъ расположены были со стороны Черной, чтобы защищать эту линію; англичанами, послѣ смерти лорда Риглана, командовалъ генералъ Симпсонъ; остальное англійское войско, подъ начальствомъ Кодрингтона, устремилось на Редапъ, а французы — на Малаховъ курганъ. Въ полдень двинулись французскія штурмовыя колонны; до 5 часовъ длилась отчаянная защита; русскіе пядь за пядью отстаивали родную землю, но безъ боевыхъ снарядовъ, изувѣченные, покрытые потомъ и кровью, должны были наконецъ уступить этотъ холмъ, избураленный ядрами, не похожій болѣе на стройно-возведенное укрѣпленіе. За то нападеніе англичанъ на Реданъ было отбито. Въ этотъ кровавый день пало много жертвъ и съ той и съ другой стороны: у французовъ пало 7,309 человѣкъ, 4 генерала и 20 штабъ-офицеровъ; у англичанъ 2,446 человѣкъ, со стороны русскихъ потеря раненными и убитыми простиралась до 10,000 человѣкъ. Послѣ взятія Малахова кургана, крѣпость не могла больше держаться, и Горчаковъ перевелъ свои войска по мосту, устроенному черезъ бухту, въ сѣверную часть укрѣпленій и города. На слѣдующій день союзники вошли въ сожженный, разгромленный городъ; имъ досталось 4,000 пушекъ и большіе склады военныхъ и съѣстныхъ припасовъ; осада крѣпости длилась всего 349 дней, срокъ неимовѣрно долгій, при нынѣшнемъ состояніи военныхъ наукъ и при усиліяхъ, какія употребляли союзники.

с. Парижскій миръ.

Честь оружія была спасена; но надежда, что Горчаковъ тотчасъ послѣ паденія Севастополя оставитъ Крымъ, не сбылась. Онъ перевелъ свой штабъ въ Бахчисарай, но продолжалъ держать войско въ боевомъ положеніи и объ отступленіи не помышлялъ. Еще былъ одинъ только дальнѣйшій успѣхъ: союзный флотъ занялъ незначительное укрѣпленіе Днѣпровскаго лимана — Кинбурнъ; но это не имѣло ни малѣйшаго значенія, точно также, какъ бомбардированіе Свеаборга въ Финскомъ заливѣ; это была только пища для газетныхъ извѣстій, но стоило жизни сотнямъ двумъ человѣкъ, а на настоящія, важныя укрѣпленія, Гельсингфорсъ и Кронштадтъ, ничѣмъ не отозвалось. Между тѣмъ русскіе въ Малой Азіи взяли крѣпость Карсъ; ноября 28, 1855 года была подписана капитуляція; этотъ успѣхъ имѣлъ гораздо больше вліянія на начало мирныхъ переговоровъ. Турки съ самаго начала войны дѣйствовали на своихъ кавказскихъ единовѣрцевъ, населявшихъ восточную окраину Чернаго моря и отроги и высоты Кавказскихъ горъ — черкесовъ, абхазовъ и т. д., и довели ихъ до возстанія; Россія подвергалась опасности потерять то, что пріобрѣтала въ теченіе десятковъ лѣтъ цѣною крови и военныхъ трудовъ; но эти волненія не мѣшали русскимъ войскамъ подвигаться въ Малую Азію и начать осаду Карса, крѣпости первоклассной и чрезвычайно важной; гарнизонъ, подъ начальствомъ польскихъ и венгерскихъ офицеровъ, держался храбро; англійскіе инженеры Атвельи и Лэкъ не жалѣли ни своей изобрѣтательности, ни знанія на ея защиту. Омеръ-паша попытался было сдѣлать диверсію, но турецкое правительство не поддержало его, и онъ, будучи отбитъ русскими войсками, вынужденъ былъ отступить къ прибрежью Чернаго моря; въ крѣпости съѣстныхъ припасовъ оставалось только на шесть дней, но турки не рѣшились доходить до послѣдней крайности и сдали крѣпость генералу Муравьеву 28 числа. Пора было приступить къ мирнымъ переговорамъ. Война

похитила десятки, даже сотни тысячъ людей, стопла несмѣтныхъ суммъ, принесла много несчастій частнымъ семействамъ; чего можно было ожидать отъ нея? А между тѣмъ приготовленія къ новой кампаніи дѣлались повсюду: особенно дѣятельно вооружилась Англія; но человѣкъ съ энергической волей не хотѣлъ продолжать войны и вновь призвалъ дипломатическія сношенія на сцену и предоставилъ имъ покончить то, чего не могло сдѣлать оружіе: Наполеонъ дѣятельно занялся мирнымъ проектомъ.

Австрійскія ноты и напоминанія остались безъ послѣдствій; оба кабинета, лондонскій и парижскій, опредѣлили цѣль войны и еще 22 іюля 1854 года постановили предположенія, на какихъ миръ можетъ быть заключенъ; они свои положенія и требованія сжали въ четыре статьи, или пункта: 1) существованіе Дунайскихъ княжествъ, какъ государствъ самостоятельныхъ, не при исключительномъ протекторатѣ Россіи, какъ до сихъ поръ, но при гарантіи всѣхъ европейскихъ первенствующихъ державъ; 2) обезпеченіе свободнаго плаванія въ устьѣ Дуная и придунайскихъ водахъ; 3) ограниченіе русскаго могущества на Черномъ морѣ и 4) покровительство всѣхъ первенствующихъ державъ, наравнѣ съ Россіей, подчиненнымъ Турціи райямъ-христіанамъ—но не покушаясь при томъ на ограниченіе верховныхъ правъ султана, какъ законнаго государя. Германскія государства совершенно соглашались съ этими требованіями и пытались склонить на нихъ императора Николая, но онъ отвергнулъ ихъ. Вслѣдъ за этимъ, Австрія и Пруссія соединились тѣснѣе и старались свои интересы отдѣлить отъ русскихъ; императоръ Николай увидѣлъ, что союзники, на которыхъ онъ по праву могъ надѣяться и разсчитывать, покинули его; тогда онъ 28 ноября 1854 года нотой, посланной въ Вѣну, объявилъ, что онъ принимаетъ четыре вышеозначенные пункта и готовъ на этомъ основаніи приступить къ переговорамъ: онъ надѣялся на благопріятнѣйшее расположеніе въ Пруссіи и въ Германіи, и считалъ возможнымъ отдѣлить ихъ отъ Австріи. Пруссія и германскія государства оставались въ нерѣшительности, выжидая, что будетъ; но Австрія сдѣлала шагъ впередъ: она съ западными державами заключила союзный договоръ, въ которомъ эти три государства обязались не начинать отдѣльно никакихъ мирныхъ переговоровъ съ Россіей и положили, сообразуясь съ ходомъ событій, развить предположенные четыре пункта и оградить ихъ новыми, болѣе строгими требованіями. Защиту придунайскихъ княжествъ, на всякій случай, приняла на себя Австрія; еще положено было: если до конца года миръ не будетъ заключенъ, то три державы вновь войдутъ въ соглашеніе и будутъ совѣщаться о томъ, какими средствами имъ достигнуть положенной цѣли. Другими словами, Австрія предупреждала Россію, что она готова перейти въ наступательное положеніе, и намѣревалась предложить Пруссіи принять участіе въ этомъ новомъ наступательномъ союзѣ.

Но до этого не дошло. Міръ людей образованныхъ все еще удивлялся неблагодарности Австріи и безучастности Пруссіи, покинувшей свою прежнюю союзницу; но, какъ бы то ни было, Россія была покинута всѣми и одна должна была разрѣшать вопросъ. Правда, у нея были искренне преданные приверженцы при берлинскомъ и при незначительныхъ германскихъ дворахъ, однакожь они, при всемъ своемъ желаніи, не могли помочь ей въ дѣлѣ, которому противились всѣ европейскіе кабинеты. Хотя Австрія и остановилась на пути и не приняла дѣятельнаго участія въ войнѣ, но отъ этого положеніе Россіи не сдѣлалось лучше. За то участіе, какое Сардинія приняла въ военныхъ дѣйствіяхъ, могло имѣть важныя послѣдствія, не столько потому, что она прибавила отъ 15—20,000 войска къ союзной арміи, сколько потому, что примѣръ ея могъ подѣйствовать на остальныя романскія государства и увлечь ихъ за собою. Не смотря на всѣ эти обстоятельства, при жизни императора Николая не могло быть и рѣчи о мирѣ, да и послѣ него императору Александру невозможно было тотчасъ перемѣнить политическаго взгляда на ходъ событій. Но теперь, когда съ одной стороны палъ Севастополь, а съ другой Карсъ, наступила благопріятная минута, чтобы прекратить кровопролитіе. Если бы и теперь еще военныя дѣйствія продолжались, то неизвѣстно, чѣмъ бы окончилась борьба и не сдѣлалось-ли бы послѣ нея положеніе участниковъ еще хуже. Императоръ Наполеонъ раскидывалъ свои сѣти еще шире: онъ, 6 ноября, послалъ маршала Канробера въ Стокгольмъ, подъ предлогомъ под-

нести королю Оскару I орденъ почетнаго легіона первой степени; маршалъ остался въ Стокгольмѣ до 21 числа, гораздо больше, чѣмъ нужно было для поднесенія ордена. Англія вооружалась энергически, потому что теперь только воинскій жаръ разгорѣлся въ народѣ съ достаточною силою; ей хотѣлось въ слѣдующую кампанію играть первую роль, такъ какъ до сихъ поръ она играла только второстепенную: успѣшное продолженіе войны со стороны Россіи было гадательно; бороться одной съ сильнѣйшими государствами Европы было дѣломъ больше чѣмъ рискованнымъ, надобно было пользоваться удобной минутой, чтобы заключить миръ и, оставивъ оружіе, заняться внутренними нуждами своего народа и лечить раны, нанесенныя войною. Австрія предложила свое посредничество для скорѣйшаго примиренія враждующихъ сторонъ; къ этому ее побуждала собственная выгода: вооруженный нейтралитетъ, котораго она держалась, велъ за собою значительныя издержки, не представляя возможности ожидать за нихъ вознагражденія. Условившись предварительно съ западными державами и заручившись согласіемъ Пруссіи, австрійскій императоръ отправилъ въ Петербургъ графа Эстергази съ предложеніемъ быть посредникомъ для мирныхъ переговоровъ, на основаніи упомянутыхъ нами четырехъ пунктовъ, но съ различными измѣненіями и дополненіями. Въ одно время изъ Петербурга отправлена была нота министра иностранныхъ дѣлъ, государственнаго канцлера Нессельроде, къ вѣнскому посланнику князю Горчакову, отъ 23 декабря 1855 года, тоже насчетъ возобновленія переговоровъ о мирѣ; 16 января 1856 года графъ Нессельроде прислалъ сказать графу Эстергази, что государь императоръ готовъ начать мирные переговоры, принимая четыре пункта безъ дальнѣйшихъ разсужденій, какъ прелиминарныя основанія для мирныхъ соглашеній.

На основаніи этого, представители Англіи, Франціи, Австріи, Турціи и Россіи съѣхались къ 1 февраля въ Вѣну для конференціи. Австрійскій планъ здѣсь окончательно былъ принятъ и положено было: для дальнѣйшаго совѣщанія и для утвержденія статей мира представителямъ всѣхъ дворовъ собраться въ Парижѣ.

Наполеону III очень льстило, что умиротвореніе великихъ враждующихъ державъ будетъ происходить подъ его покровительствомъ и на его глазахъ; во дворцѣ его министра иностранныхъ дѣлъ, Валевскаго, и подъ его руководствомъ, совѣщанія начались съ 25 февраля. Кромѣ предсѣдателя французскаго посольства при вѣнскомъ дворѣ, Буркене, въ совѣщаніяхъ участвовали: со стороны Австріи графъ Буоль-Шауенштейнъ и баронъ Гюбнеръ, посланникъ при французскомъ дворѣ; со стороны Англіи лордъ Кларендонъ и лордъ Коулей; со стороны Порты великій визирь Али-паша и Джемиль-бей, турецкій посланникъ въ Парижѣ; со стороны Россіи графъ Алексѣй Орловъ и посланникъ при германскомъ сеймѣ баронъ Бруновъ; въ обществѣ этихъ важныхъ и уже извѣстныхъ личностей, къ величайшей досадѣ Австріи, явился скромный, еще ничѣмъ неизвѣстный, въ первый разъ выступавшій на европейскомъ политическомъ поприщѣ, сардинскій министръ иностранныхъ дѣлъ—графъ Камиллъ Кавуръ и посланникъ Виктора Эмануила при тюльерійскомъ дворѣ—маркизъ Вилламарина. Такъ какъ Пруссія во все время борьбы держалась въ сторонѣ и не выставила ни одного солдата въ поле, то ее и не пригласили для участія при составленіи мирнаго договора; пруссаки, хотя втайнѣ и досадовали, но господствующая партія прикидывалась совершенно равнодушной. Только во время седьмаго засѣданія, по предложенію графа Валевскаго, было рѣшено пригласить Пруссію для участія при обсужденіи обще-европейскихъ вопросовъ, такъ какъ безъ нея все-таки нельзя было установить ихъ. Только 18 марта прибылъ Отто Мантейфель, человѣкъ, съумѣвшій своими распоряженіями сильное и крѣпкое государство низвести на степень второстепеннаго, поставить его на одну доску съ Баваріей и Саксоніей, сдѣлать Пруссію лишней въ строѣ европейскихъ государствъ и довести ее до положенія пятаго колеса въ экипажѣ; этотъ-то Мантейфель, вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ при парижскомъ дворѣ, графомъ Гатцфельдомъ, заняли мѣста на раззолоченныхъ креслахъ, за зеленымъ столомъ конференціи. Въ прежнія времена особенно много разговоровъ тратилось на опредѣленіе церемоніала и этикета, на споры о первенствѣ мѣстъ при подобныхъ совѣщаніяхъ; на этотъ разъ не теряли времени на такія формальности; положено было соблюдать алфавитный порядокъ по названіямъ государствъ

при подписаніи протоколовъ и при представленіяхъ ко двору; секретаремъ конгресса и составителемъ протоколовъ былъ г. Бенедетти.

Первыя 19 засѣданій, изъ 24 вообще, конгресса были исключительно предназначены для приведенія въ порядокъ восточныхъ дѣлъ. Слѣдствіемъ ихъ былъ парижскій миръ, подписанный 3 марта; обмѣнъ ратификацій произошелъ торжественно 27 апрѣля 1856 года; перо, которымъ подписанъ былъ мирный договоръ, взято было изъ крыла большаго орла изъ Jardin des plantes. Самыя важныя изъ 34 статей, составлявшихъ договоръ, слѣдующія: очищеніе завоеванныхъ областей, возвращеніе военноплѣнныхъ; Порта принята членомъ въ совѣтѣ европейскихъ державъ и неприкосновенность Османской имперіи гарантирована договаривающимися державами (ст. 7), которыя подтверждаютъ новый законъ о реформѣ, данный султаномъ, предоставляющій одинаковыя права всѣмъ подданнымъ Порты, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, и клонящійся къ улучшенію состоянія подвластныхъ ей народовъ (ст. 9); Черное море объявлено нейтральнымъ, по которому кораблямъ всѣхъ націй дозволено плавать, но изъ которыхъ военные корабли исключены (ст. 11); особеннымъ договоромъ между Россіей и Турціей обозначалось число небольшихъ военныхъ судовъ, которыя та и другая держава обязывались содержать для того, чтобы имѣть полицейскій надзоръ за плавающими судами. Въ Дунаѣ свободное плаваніе, подъ надзоромъ постоянной комиссіи, составленной изъ чиновниковъ, назначенныхъ прибрежными государствами; для контроля каждая изъ этихъ державъ получала право содержать въ устьѣ Дуная по два легкихъ военныхъ судна, а чтобы обезопасить свободное плаваніе по Дунаю и для точнѣйшаго исправленія пограничной линіи, Россія соглашалась уступить незначительную часть Бессарабіи. Молдавія и Валахія сохраняли свою самостоятельность, подъ верховнымъ правомъ сюзерена со стороны Порты и при гарантіи всѣхъ договаривающихся державъ; но ни для одной изъ нихъ не допускалось права исключительнаго протектората. Всѣ княжества вмѣстѣ должны содержать національное войско для охраненія границъ и для внутренней безопасности; въ случаѣ, еслибы тишина и порядокъ въ княжествахъ были нарушены, то Порта обязывалась, съ согласія договаривающихся державъ, найти средства для ихъ возстановленія. Прибавочные, отдѣльные договоры опредѣляли условія, на какихъ запрещалось плаваніе по Дарданеллamъ и черезъ Босфоръ, и было постановлено, что на Аландскихъ островахъ не будутъ возведены укрѣпленія.

Между Франціей, Англіей и Австріей былъ подписанъ еще новый отдѣльный договоръ, дополнявшій договоръ Парижскаго мира; въ немъ еще разъ подтверждалась неприкосновенность и независимость Турціи на будущія времена, и въ немъ союзники обязались всѣми силами поддерживать статьи мира, а на нарушеніе хотя бы одной изъ нихъ смотрѣть, какъ на причину къ войнѣ. Помощь и заступничество, оказанныя Турціи, принесли ей не много пользы: все зависѣло отъ того, приведенъ ли будетъ этотъ договоръ въ исполненіе и приступитъ ли Турція на дѣлѣ къ реформамъ, какія обѣщала. Валевскій мечталъ о томъ, чтобы парижскій конгрессъ, подобно вѣнскому и вестфальскому, оставилъ послѣ себя какое либо постоянное и неизмѣнное воспоминаніе, черезъ постановленіе, касающееся общаго международнаго интереса; онъ придумалъ поднять вопросъ о преобразованіи морскаго права; мнѣнія его были изложены въ протоколѣ отъ 16 апрѣля. Дѣло шло о томъ, чтобы каперство было навсегда отмѣнено и чтобы впередъ, подъ флагомъ нейтральнаго государства, вражескіе товары свободно перевозились по морю, само собою разумѣется, если только товары эти не будутъ состоять въ оружіи и въ военныхъ припасахъ, что должно считаться военною контрабандою, и что блокада можетъ быть обязательною и дѣйствительною въ такомъ только случаѣ, если морская держава, употребляющая ее, достаточно сильна, чтобы фактически не пропускать къ берегу никакого судна.

Миръ былъ заключенъ и опубликованъ, флоты и войска возвратились домой. Теперь, на досугѣ, каждая держава могла сосчитать, вознаграждаютъ ли выгоды войны тѣ огромныя денежныя и невозвратныя жертвы человѣческихъ жизней и крови, ей принесенныя. По словамъ Пальмерстона, Англія потеряла на войнѣ 22,000 человѣкъ и 76 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; Франція, предположительно, лишилась въ войнѣ 70,000 человѣкъ и 1,700 милліоновъ франковъ; о Тур-

ціи не идетъ рѣчь, тамъ не считаютъ ничего: жизнь человѣческая равна 0, а денегъ нѣтъ. Русскіе оставили на севастопольскихъ укрѣпленіяхъ и на крымскихъ поляхъ битвы 100,000 человѣкъ; но сколько кромѣ того погибло отъ переходовъ, отъ недостатковъ, болѣзней и другихъ случайностей?

Турція на этотъ разъ была спасена, но будущее покажетъ, послужило ли спасеніе ей въ пользу. Союзъ, тяготѣвшій надъ Европой, начиная съ вѣнскаго конгресса, и постоянно стремившійся утвердить реакцію и угнетать свободное развитіе народной жизни, былъ окончательно уничтоженъ. Мы увидимъ дальше, какія слѣдствія имѣло это на европейскую жизнь вообще и на развитіе отдѣльныхъ государствъ въ особенности. Франція первая воспользовалась плодами мира: ея императоръ сразу сталъ во главѣ европейскихъ отношеній и сдѣлался руководителемъ ея политики. Наполеонъ III болѣе всѣхъ выигралъ: ему удалось великое дѣло; онъ заключилъ съ Англіей союзъ, выдвинувшій его на первый планъ, и еще болѣе утвердился въ этомъ выгодномъ положеніи тѣмъ, что французскія войска постоянно были впереди, вездѣ въ сраженіяхъ отличались и вездѣ успѣхъ зависѣлъ отъ ихъ мужества; далѣе, Наполеонъ поселилъ смертельную ненависть между Россіей и Австріей и онъ же потрясъ отношенія между Австріей и Пруссіей. Наполеонъ III сталъ на высшую точку своего могущества; всѣ европейскіе дворы льстили ему и ухаживали за нимъ; когда онъ, въ апрѣлѣ 1855 года, посѣтилъ островъ Уайтъ, чтобы сдѣлать визитъ англійской королевѣ, его, недавняго изгнанника, и дворъ, и народъ приняли съ открытыми объятіями: недавній искатель приключеній теперь сдѣлался могущественнѣйшимъ государемъ Европы, желанія котораго были закономъ для цѣлой части свѣта.

Вотъ по этой причинѣ мы должны прежде всего поближе вглядѣться въ исторію Франціи, чтобы въ періодъ этого общаго разслабленія всѣхъ отдѣльныхъ государствъ Европы и ихъ постепеннаго возрожденія слѣдить преимущественно за развитіемъ дѣлъ во Франціи, на которой ясно отразился характеръ ея правителя.

ИСТОРІЯ ОТДѢЛЬНЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ ЕВРОПЫ.

(1850—1859 г.).

А. ЗАПАДНЫЯ ГОСУДАРСТВА.

I. Франція.

У Наполеона были прочно установившіяся политическія воззрѣнія, которыя онъ уже давно, въ общихъ чертахъ, еще въ дни своего изгнанія, высказалъ подъ именемъ «Наполеоновскихъ идей» (1839). Основатель наполеоновской династіи, идеалъ его матери Гортензіи и для него былъ идеаломъ совершенства; все, что въ Европѣ онъ находилъ хорошаго, все, отъ чего можно было ждать пользы, онъ производилъ отъ него, отъ его начинаній и плановъ; народонаселеніе Франціи, съ одной стороны съ чисто-демократическимъ направленіемъ, а съ другой разорванное духомъ партій, безъ сознанія, что авторитетъ необходимъ, нуждалось въ правленіи, которое было бы съ демократическимъ оттѣнкомъ, но въ сущности твердое. Ему надобно было равенство передъ закономъ, для таланта возможность свободнаго развитія, свобода въ работѣ и въ производительности, право на всеобщую подачу голосовъ; никакихъ преимуществъ рожденія; съ другой стороны надобно было, чтобы власть сосредоточивалась въ рукахъ императора, единственнаго представителя всей націи; ограниченіе палатъ и печати, чтобы она не служила органомъ для страстей партій; церковь должна была пользоваться почетомъ и уваженіемъ, но не должна была имѣть вліянія на государственное управленіе; политическая свобода не должна быть основаніемъ, но послѣднею цѣлью этого порядка вещей. У Наполеона было достаточно времени, чтобы дать созрѣть этимъ идеямъ, въ которыя онъ, при своемъ неизворотливомъ, неспособномъ углубляться умѣ, все болѣе и болѣе вдумывался и утверждался. Онъ былъ воспитанъ внѣ предѣловъ Франціи, въ Германіи, возмужалъ въ Швейцаріи, Италіи, Америкѣ и Англіи, поэтому въ немъ не было тѣхъ отличительныхъ свойствъ, какія характеризуютъ французовъ; можетъ быть эта-то особенность, это отсутствіе общенародныхъ свойствъ, равно какъ и нѣкоторыя хорошія, даже добродѣтельныя стороны его и были причиной, что онъ пользовался такимъ перевѣсомъ надъ этимъ безпокойнымъ, страстнымъ, глубоко испорченнымъ народомъ.

Мы видѣли, что въ 1852 году, 2 декабря, новая имперія была провозглашена; совѣтъ сената утвердилъ тѣ измѣненія въ конституціи, какія считалъ необходимыми. При этомъ новомъ государѣ опять появились обычные спутники всякаго трона, придворные чины: опять учредился императорскій домъ съ великимъ раздавателемъ милостынь (Grand aumonier), великимъ маршаломъ двора, великимъ егермейстеромъ, великимъ церемоніймейстеромъ: однимъ словомъ, натворили множество должностей, которыми можно было награждать за оказанныя

услуги и которыя давали и почетъ, и деньги, особенно много послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, маршалъ Сентъ-Арно получалъ жалованья: какъ великій шталмейстеръ 100,000 фр., какъ военный министръ 130,000 франковъ, какъ маршалъ Франціи 40,000 фр., какъ сенаторъ 30,000 фр., слѣдовательно ежегодно 300,000 фр. жалованья; также и многіе другіе получали тоже значительныя суммы. Не смотря однакожъ на подобные расходы, правленіе императора Наполеона, еслибы оно въ другихъ отношеніяхъ было хорошимъ, все-таки могло бы, сравнительно, обойтись Франціи дешевле, чѣмъ республика, у которой, правда, не было ни сенаторовъ, ни придворныхъ чиновъ, но которая все-таки обошлась народу очень дорого.

Вопросъ о томъ, признать ли новаго императора, теперь еще легче и скорѣе разрѣшался, чѣмъ въ 1830 году, когда дѣло шло о томъ, чтобы признать іюльскаго короля. Большое число европейскихъ кабинетовъ обрадовалось, что такою легкою цѣною отдѣлались отъ республики, какъ грозное привидѣніе поднявшейся надъ Франціей и угрожавшей остальной Европѣ. Неаполитанскій посланникъ, представитель самаго легальнаго бурбонскаго двора, первый принесъ свое поздравленіе императору и подалъ ему свои кредитивныя граматы; со стороны англійскаго министерства лордъ Пальмерстонъ, немедленно послѣ декабрской катастрофы, принялъ совершившійся фактъ какъ дѣло рѣшеное и безъ совѣщанія съ прочими министрами призналъ императора. Правда, этотъ поступокъ повелъ за собою паденіе Пальмерстона, но тѣмъ не менѣе англійское правительство не преминуло прислать къ новому императору лорда Коулея съ кредитивами; этому примѣру послѣдовали: Голландія, Бельгія и Сардинія; нѣкоторые незначительные германскіе дворы, какъ Вюртембергъ и Нассау, немедленно поздравили французскаго посланника; Пруссія и Австрія преклонились предъ необходимостью и признали новаго императора, не смотря на то, что Пруссія жестоко страдала отъ легитимистическихъ предразсудковъ, а Австрія не могла забыть, что новый императоръ недавно принималъ участіе въ италіянскомъ возстаніи противъ папскаго и австрійскаго владычества. Даже императоръ Николай не могъ отказать Наполеону въ своемъ признаніи, но не рѣшался, въ обращеніи къ нему, употреблять обычнаго «mon cousin», а замѣнилъ его словами «mon bon ami», какъ это водится при офиціальномъ обращеніи къ президенту Соединенныхъ Штатовъ. Итакъ, Наполеона III всѣ единогласно признали, но протестовалъ одинъ только король, безземельный король, графъ Шамборъ-Генрихъ V, король легитимистической партіи: «до моего послѣдняго вздоха, говорилъ онъ, буду я сохранять врученное мнѣ Богомъ наслѣдственное право на престолъ Франціи; я буду беречь эту гавань спасенія, въ которой одной Франція, послѣ бурь, потрясавшихъ ее, можетъ найти счастіе и спокойствіе».

При всемъ успѣхѣ, съ одной только стороны Наполеону давали чувствовать, что онъ не по праву наслѣдства сидитъ на престолѣ; не смотря на то, что дворы его ласкали, что его осыпали вѣжливостями и предупредительностью, ни одинъ изъ древнихъ царствующихъ домовъ не захотѣлъ породниться съ нимъ, отдать за него свою принцессу. Онъ дѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ, но тутъ въ немъ проснулась гордость выходца,—выходца, вызваннаго изъ среды народа 7 милліонами голосовъ, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ легитимистической Европѣ; онъ женился на дамѣ, нѣсколько двусмысленной репутаціи, но за то совершенно несомнѣнной красоты, на дѣвицѣ Евгеніи де Монтихо, испанкѣ по происхожденію, родословная которой могла указать на нѣсколько великихъ и знатныхъ именъ въ испанской исторіи; это была женщина съ очень поверхностнымъ образованіемъ; по своему невѣжеству она могла служить, съ одной стороны, очень удобнымъ орудіемъ для клерикальной партіи, съ другой, она сдѣлалась законодательницей моды и примѣромъ безполезной расточительности; Людовикъ Наполеонъ, на подобіе своего дяди, считалъ нужнымъ поддерживать въ ней эти стремленія, чтобы отвратить общее вниманіе отъ политики и отъ болѣе серьезныхъ вещей. Бракосочетаніе императора произошло 30 января 1853 года; вѣнчалъ архіепископъ парижскій. Послѣ этого составъ двора былъ полный, и вокругъ него начало собираться общество; въ немъ преобладали новыя имена и люди, выдвинутые переворотомъ; но мало-по-малу блескъ придворной жизни, упрочившееся положеніе царствующаго, потребность имѣть голосъ и значеніе въ ходѣ общест-

венныхъ дѣлъ привлекали ко двору старинныя и даже очень древнія дворянскія фамиліи.

Самъ императоръ не любилъ роскоши, и его частная жизнь оставалась простою, но на придворный блескъ и на роскошь онъ смотрѣлъ, какъ на орудіе для своихъ цѣлей; не его вина, что тронъ въ этой шаткой странѣ долженъ былъ опираться на людей съ шатким образомъ мыслей и съ двусмысленной честностію, которые въ данную минуту также скоро измѣнили ему, какъ измѣнили предшествующему правительству. Для подобныхъ людей надобно было имѣть въ распоряженіи большія деньги, и Наполеонъ сыпалъ ими безъ мѣры и счету. Его liste civile возросъ до 25 милліоновъ франковъ ежегодно, тоже самое, что расходовалъ Наполеонъ I, и вдвое больше того, что шло на содержаніе Людовика Филиппа. Кромѣ того въ его распоряженіе еще давалось $1^1/_2$ мил. фр. на потребности принцевъ императорскаго дома. Сенатъ при этомъ хозяйничаньѣ не забывалъ и себя и палаты депутатовъ: 30,000 получалъ каждый сенаторъ, а 2,500 въ мѣсяцъ каждый депутатъ и каждый членъ законодательнаго корпуса въ теченіи сессій. Такою цѣною были куплены голоса и мнѣнія; это раньше всего отозвалось на ограниченномъ правѣ палаты назначать бюджетъ, право, которое сдѣлалось еще тѣснѣе и окончилось тѣмъ, что палаты и сенатъ давали только согласіе на заемъ и отпускали суммы массами, а дальнѣйшее распредѣленіе ихъ, по частямъ управленія, предоставляли императору и государственному совѣту. Одинъ изъ защитниковъ новаго порядка вещей Тролонгъ, потратилъ много словъ на то, чтобы оспаривать «безспльные предразсудки», «осторожное недоброжелательство», стремившееся къ тому, чтобы ограничить силу, которая отдалась съ безпримѣрною довѣрчивостью пользамъ націи. Разсужденія законодательнаго корпуса только въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ доводились до свѣдѣнія публики; каѳедру изъ палаты депутатовъ вынесли; ораторы говорили съ своихъ мѣстъ; и мѣсто, назначенное для публики, уменьшили, но вскорѣ скука, царствующая въ палатѣ, ограничила и число слушателей—палата опустѣла; послѣ каждаго засѣданія составлялся отчетъ о немъ, подъ руководствомъ и на глазахъ президента палаты, назначеннаго въ эту должность самимъ императоромъ, для того, чтобы эти извѣстія были вполнѣ безпристрастны, а журналамъ дозволено было перепечатывать только эти отчеты, потому-что—такъ объ этомъ выразился императоръ въ своей тронной рѣчи, произнесенной при открытіи сессій 1853 года—«свобода никогда не содѣйствовала къ сооруженію прочнаго политическаго зданія, она только увѣнчиваетъ его, послѣ того, какъ время утвердило его.»

Въ этой недостойной корпораціи продажныхъ людей только изрѣдка, какъбы нечаянно появлялись люди честные, съ независимымъ образомъ мыслей, вовсе не подходящіе къ сонму этихъ рабовъ произвола. Такимъ примѣромъ человѣка самостоятельнаго и потому непріятнаго для императора, можетъ служить г. Монталамберъ, строгій католикъ, но человѣкъ, одаренный сильнымъ и твердымъ характеромъ и съ замѣчательнымъ ораторскимъ дарованіемъ. Въ первые годы царствованія Наполеона, весь интересъ сессій палаты депутатовъ заключался въ томъ, что давали ему возможность, при открытіи ихъ, произносить тронную рѣчь, которую телеграфы тотчасъ сообщали всей Европѣ и давали пищу сотнямъ газетъ разбирать, что онъ сказалъ, о чемъ умолчалъ, что означаетъ его молчаніе, или что онъ хотѣлъ скрыть черезъ высказанное. Тронная рѣчь 2 марта 1854 года, вертѣлась на изысканіи средствъ для прекращенія голода, происшедшаго отъ неурожая въ 1853 году, и объявляла войну за независимость Турціи; императоръ въ мужественныхъ и полныхъ достоинства выраженіяхъ доказалъ необходимость этой войны. Законодательный корпусъ тотчасъ примкнулъ къ благороднымъ идеямъ императора. Законъ о займѣ въ 250 милліоновъ и возвышеніи только что пониженныхъ налоговъ былъ принятъ единодушно, безъ всякаго колебанія. Также безостановочно и спокойно разрѣшались и другія затрудненія и дѣла. Общественное вниманіе было обращено на войну, императоръ могъ разсчитывать, что онъ теперь свободнѣе можетъ заняться внутреннимъ состояніемъ и потребностями Франціи; народъ думалъ только о войнѣ и съ жадностью ждалъ извѣстій о побѣдахъ, которыхъ въ началѣ было очень немного, но все-таки занятіе для безпокойныхъ французовъ было найдено. Армія въ послѣднее время была

блестящей игрушкой, но такъ какъ люди достаточные откупались отъ военной службы, а общественное мнѣніе преимущественно составляется изъ этихъ людей полновѣсныхъ, то потери, какія войска несли въ Турціи и въ Крыму, не такъ сильно отзывались въ народѣ, какъ-бы это могло быть: напротивъ, ходъ военныхъ дѣйствій давалъ пищу для разговоровъ и для ежедневныхъ газетныхъ статей.

На посѣщеніе императора въ апрѣлѣ 1855 года, англійская королева Викторія отвѣчала въ августѣ; она при этомъ почла своимъ долгомъ посѣтить домъ инвалидовъ и поклониться гробу Наполеона I; въ ноябрѣ король Викторъ Эмануилъ съ своимъ министромъ Кавуромъ тоже посѣтилъ Парижъ; а декабря 29 происходило торжественное возвращеніе войска изъ крымскаго похода. «Я встрѣчаю васъ, говорилъ императоръ, также, какъ нѣкогда римскій сенатъ встрѣчалъ свои побѣдоносные легіоны, и считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, что вы заслужили благодарность отечества.» Генералу Канроберу онъ предоставилъ честь быть главнымъ начальникомъ этого тріумфальнаго шествія: «ведите и теперь эту армію, которую вы сохранили для Франціи,» сказалъ онъ ему. Новый маршалъ Франціи, Пелиссье, по примѣру наполеоновскихъ временъ, получилъ титулъ герцога Малахова. Французская армія, въ виду пяти или четырехъ армій, принимавшихъ участіе въ этой войнѣ и соперничавшихъ между собою, оказалась лучше другихъ организованною и ее лучше продольствовали, что, впрочемъ, еще не очень-то много значитъ; успѣхи, ею пріобрѣтенные, въ сущности были умѣренные, но французская публика охотно вѣрила преувеличеніямъ и радовалась, если въ ея глазахъ незначительный успѣхъ представляли и превозносили, какъ величайшую побѣду и геройскій подвигъ. Городъ Парижъ не только столица, но и законодатель общественнаго настроенія, былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, и причина къ тому была уважительная: 15 мая 1855, того же года, когда французское войско больше всего отличалось въ Крыму, въ Парижѣ открыта была вторая всемірная выставка, въ теченіе всего лѣта привлекавшая въ Парижъ множество высочайшихъ, высокихъ и обыкновенныхъ посѣтителей; выставка съ самой выгодной и блестящей стороны развернула образцы туземной внутренней производительности Франціи, своимъ богатствомъ и разнообразіемъ поразила зрителей, заслужила самыя лестныя похвалы, и тѣмъ дала новое рвеніе промышленной дѣятельности. Когда же, въ февралѣ слѣдующаго 1856 года, въ Парижѣ собрался конгрессъ для установленія статей мира, тогда не только парижане, но и вся Франція начала смотрѣть на Парижъ, какъ на центръ образованнаго міра, и опять явилось убѣжденіе, что на престолѣ находится человѣкъ геніальный, способный руководить дѣлами не только Франціи, но и цѣлаго міра. Засѣданія конгресса еще продолжались, когда въ императорскомъ домѣ родился сынъ, наслѣдникъ престола и надежда продолженія династіи. Императоръ, слѣдуя обычаямъ, съ незапамятныхъ временъ усвоеннымъ правителями Франціи, въ своемъ извѣщеніи называлъ только-что родившагося младенца: «сыномъ Франціи.» Папа поспѣшилъ призвать на него благословеніе Божіе, и часъ спустя послѣ появленія его на свѣтъ, по телеграфу послалъ ему свое папское благословеніе. Члены конгресса въ полной парадной формѣ рано утромъ вереницей явились въ тюльерійскій дворецъ для принесенія поздравленія новорожденному и отцу его. Выражая свою радость о совершившемся, императоръ въ своей отвѣтной рѣчи на поздравленія великихъ государственныхъ корпорацій: сената и законодательнаго корпуса, предаваясь естественному чувству заботы и опасенія, не могъ удержаться и выразилъ его въ словахъ: «не смотря на то, что ко мнѣ со всѣхъ сторонъ доносятся единодушные и громкіе клики поздравленій, я не могу удержаться, чтобы не думать о судьбѣ тѣхъ, которые рождались въ этихъ же стѣнахъ, при такихъ же заявленіяхъ всеобщей радости.» Нѣсколько дней спустя, уполномоченные члены конгресса поднесли ему мирный трактатъ: дѣйствительно, въ это время Наполеонъ могъ смотрѣть на себя, какъ на перваго человѣка въ Европѣ.

При такомъ, исключительно выдающемся положеніи императора, законодательная дѣятельность палатъ низошла на декоративную степень на сценѣ общественной его дѣятельности и заслуживала мало вниманія, и члены палатъ всѣми силами старались оставаться въ той роли, какія выпала на ихъ долю.

Новый законъ о рекрутствѣ оставилъ систему замѣщенія неизмѣненною, но прибавилъ большія выгоды и привиллегіи тѣмъ лицамъ, которыя послѣ семилѣтней службы опять захотятъ, по найму, поступать на новое семилѣтіе, взамѣнъ другаго лица; такимъ образомъ еще болѣе прежняго въ арміи развивался духъ ремесла и преторіанизма (1855). Не лучше былъ новый муниципальный законъ: въ общинахъ, состоящихъ изъ 3000 и болѣе душъ, мера и его помощниковъ долженъ былъ назначать самъ императоръ, а въ остальныхъ общинахъ это право предоставлялось префектамъ: не было надобности, чтобы меръ и его помощники были общей подачей голосовъ сперва выбираемы въ члены муниципальнаго совѣта. По новому закону предполагалось назначать ихъ на пятилѣтній срокъ, но они могли быть устранены отъ дѣлъ приказомъ префекта, а отставлены отъ мѣста императорскимъ декретомъ; для нѣкоторыхъ яростныхъ приверженцевъ абсолютизма и этотъ законъ казался слишкомъ либеральнымъ, имъ хотѣлось-бы окончательно отнять у гражданъ право избирать свой муниципальный совѣтъ. Старинный парламентскій духъ Франціи, имѣвшій такое громадное вліяніе на ходъ событій въ теченіе первой половины текущаго столѣтія, теперь какъ-бы замеръ и только чрезъ долгіе промежутки подавалъ нѣкоторые слабые признаки жизни.

Если честолюбіе человѣка самостоятельнаго и свободнаго не находитъ въ своемъ отечествѣ возможности открыто служить ему и словомъ, и дѣломъ, не можетъ находить себѣ награды въ собственномъ сознаніи, въ уваженіи своихъ согражданъ, если ему закрыта возможность высказывать свои убѣжденія въ парламентѣ, въ печати и открыто въ обществахъ, тогда онъ уединяется, а люди, преданные низкимъ и порочнымъ страстямъ, выдвигаются и захватываютъ власть. Также, какъ въ Римѣ временъ Цезаря, во Франціи стремились достигнуть богатства, не потому, чтобы оно давало честному и благородному человѣку возможность облегчать общественныя нужды, двигать общественными и полезными стремленіями и предпріятіями, давать таланту возможность развернуться, но для того, чтобы предаваться роскоши и лѣни, для того, чтобы выставлять ихъ напоказъ и хвастаться ими; вмѣсто того, чтобы стремиться къ достиженію честнаго имени, которое не нуждается въ блесткахъ, гонялись за его призракомъ, за почестью, за пустымъ титуломъ, за ленточкой почетнаго легіона, которыя никогда въ такомъ количествѣ не разсыпались, какъ въ это царствованіе. Эта жажда блеска сдѣлалась настоящимъ водоворотомъ, съ каждымъ мгновеніемъ втягивавшимъ все большее и большее число людей; даже въ производительномъ, промышленномъ, прилежномъ и искусномъ классѣ народа отозвалось это общее стремленіе; многіе нуждались, работали, ограничивали свои расходы съ тѣмъ, чтобы собирать какой нибудь капиталъ, и когда набирали довольно, то остатокъ дней проводили въ бездѣйствіи и удовольствіяхъ. Страсть къ тому, чтобы разбогатѣть скоро и безъ труда, развивалась особенно отъ биржевыхъ спекуляцій и биржевой игры, и эта страсть дошла до такихъ размѣровъ, что императоръ нашелся вынужденнымъ показать, что осуждаетъ ее: поэтъ Понсаръ взялъ эту страсть къ спекуляціямъ сюжетомъ для драмы «Биржа» въ 1856 году и выставилъ всѣ пагубныя стороны ея; императоръ напечаталъ письмо къ автору, въ которомъ хвалилъ его и благодарилъ за сочиненіе; но оно принесло также мало пользы, какъ нѣкогда въ Римѣ законъ о бракахъ, изданный Августомъ. И въ Парижѣ, какъ и въ древнемъ Римѣ, правительство должно было найти занятіе жителямъ, и тому что цѣны на съѣстные припасы съ каждымъ днемъ возрастали. Для этой цѣли императоръ нашелъ способнаго и разумнаго помощника въ префектѣ Гаусманнѣ; онъ нашелъ его въ одномъ изъ департаментовъ, въ должности супрефекта, узналъ и оцѣнилъ его и, не смотря на просьбы императрицы Евгеніи, которая по своему ханжеству не хотѣла допускать возвышенія протестанта, возвелъ его въ должность префекта Сенскаго департамента, въ іюлѣ 1854 года. Съ безпощадною жестокостью приказалъ этотъ представитель новой системы правленія, проводить въ Парижѣ новыя улицы, ломать и перестроивать дома, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нагромоздилъ въ Парижѣ множество построекъ, и вмѣстѣ съ ними нагромоздилъ массу городскихъ долговъ, пропорціональную государственному долгу. Но въ числѣ построекъ есть въ высшей степени полез-

ныя, которыя могутъ служить достойнымъ памятникомъ наполеоновскаго царствованія. Весною 1856 года сильнѣйшія наводненія опустошили департаменты Роны, Саоны и Алье; при этомъ случаѣ императоръ показалъ особенную сочувственную дѣятельность: онъ немедленно отправился на мѣсто опустошенія, и въ письмѣ къ министру общественныхъ работъ и зданій указалъ средства, какія необходимо немедленно употребить, чтобы предотвратить подобныя несчастія и разоренія на будущія времена; благодѣтельныя слѣдствія этого письма вскорѣ обнаружились; начали садить деревья и разводить лѣса на многихъ склонахъ горъ Прованса; предприняты были значительныя общеполезныя работы для предотвращенія наводненій; началась въ обширныхъ размѣрахъ обработка и удобреніе равнинъ между Жирондой и океаномъ; начали исправлять и проводить новыя необходимыя проселочныя дороги по всей Франціи, и наконецъ величайшее вниманіе начали обращать на постройку сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Рожденіе императорскаго принца было поводомъ къ различнымъ праздникамъ, торжествамъ и причудамъ; императоръ и императрица, по старинному обычаю, сдѣлали своими крестниками и крестницами всѣхъ дѣтей, числомъ около 4000, родившихся въ одинъ день съ принцемъ; изготовили огромный крестинный пиръ, на которомъ присутствовало около 86 епископовъ и другихъ лицъ высшаго духовенства, и приказали обычные крестинные конфекты раздать дѣтямъ парижскихъ приходскихъ училищъ. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что по поводу рожденія принца понадобился законъ о регентствѣ. Законъ былъ предложенъ сенату; его дѣло состояло въ томъ, чтобы взвѣсить, соотвѣтствуетъ ли онъ конституціи; но сенатъ вздумалъ было воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выразить свое мнѣніе о существенныхъ чертахъ самаго закона; однакожъ замѣтка, напечатанная въ «Монитерѣ», напомнила, что сенатъ вовсе не палата перовъ. Сенатъ долженъ былъ молча принять это напоминаніе, но досадовалъ и выразилъ свою досаду, по случаю закона о пошлинѣ на лошадей и на экипажи; законъ этотъ былъ законодательнымъ собраніемъ подвергнутъ его разсмотрѣнію: но почтенная корпорація нашла, что онъ нарушаетъ основные принципы 1789 года, подтвержденные статьею 1 конституціи. Законъ о регентствѣ опредѣлялъ считать принца, еслибы онъ до 18 лѣтъ взошелъ на престолъ, малолѣтнимъ; если бы нынѣ царствующій императоръ умеръ, не сдѣлавши никакихъ распоряженій на счетъ регентства, то регентшею быть императрицѣ, матери малолѣтняго принца; если-бы это почему бы то ни было оказалось невозможнымъ, то регентомъ назначался старшій изъ императорскихъ принцевъ, а за нимъ слѣдующій по старшинству. При обсужденіи статьи о присягѣ регентши, поднялось преніе въ сенатѣ о томъ, слѣдуетъ-ли включать въ присягу конкордатъ: но это было отвергнуто незначительнымъ большинствомъ голосовъ; «потому что не хотѣли показывать императрицѣ незаслуженнаго недовѣрія»; причина очень нелѣпая при составленіи такого важнаго закона, но достаточно характеризующая и законодательство, и законодателей, а можетъ быть и народъ, у котораго они существуютъ и у котораго нельзя разсчитывать на прочную будущность.

Человѣкъ, находившійся въ данное мгновеніе во главѣ правительства, отлично понималъ открытыя и тайныя причины неудачъ и гибели предъидущихъ царствованій. Какому нибудь полицейскому шпіону достаточно было указать, что у такого-то подозрительнаго лица въ комнатахъ стоитъ бюстъ Ледрю-Роллена, чтобы погубить его; и старикъ Таксиль Делоръ увѣряетъ, что 3741 отцовъ семействъ вывезено въ Алжиръ. Такое обвиненіе понятно, если припомнить, что во время диктаторства составлены были смѣшанныя комиссіи изъ префектовъ департаментовъ, изъ генеральнаго прокурора и начальника находящейся на лицо военной силы, и что имъ дано было право перваго попавшагося подвергать военному суду и приговаривать, или къ ссылкѣ въ Алжиръ, или въ Каэнну, или высылать за границу, или подвергать полицейскому надзору и т. д.; а надобно замѣтить, что этою властью комиссіи пользовались грубо и жестоко, какъ это всегда бываетъ, если люди понимаютъ, что они служатъ орудіемъ для неправаго дѣла. Однакожъ дни этого крайняго притѣсненія, этого неограниченнаго произвола миновали; дѣйствительно, система запугиванья удалась, но она не убила республиканскаго духа, котораго опасались больше, чѣмъ всякаго другаго духа партій, и

потому оружіе всегда было готово, чтобы противодѣйствовать ему при первыхъ признакахъ жизни. Если умиралъ какой нибудь изъ замѣчательныхъ предводителей партій,—какъ напримѣръ зимою въ 1853 году Арманъ Марра, передъ которымъ Людовикъ Наполеонъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ приносилъ присягу на конституцію, или какъ въ слѣдующемъ году на похоронахъ Ламеннѣ, который изъ лагеря ультрамонтановъ перешелъ въ свободномыслящій,—обыкновенно стеченіе народа было большое, но полиція была тутъ на сторожѣ, готовая подавить всякую демонстрацію, или всякую попытку, способную превратиться въ демонстрацію. Люди мыслящіе, избѣжавшіе преслѣдованій и удалившіеся въ Англію, начали было оттуда вести борьбу съ новою силою; они протестовали въ своихъ брошюрахъ, летучихъ статьяхъ и книгахъ. Викторъ Гюго, нашедшій пищу для своего одушевленія въ радикальномъ стремленіи, не скупился и храбро ратовалъ противъ Наполеона; чтобы быть поближе къ Франціи, онъ поселился на островѣ Джерсей, и пользовался покровительствомъ Англіи, которой острова эти принадлежатъ. Но эмигранты этимъ не удовольствовались: они взялись за составленіе заговоровъ, образовали въ Лондонѣ нѣсколько революціонныхъ комитетовъ, какъ напримѣръ, la commune revolutionnaire; въ нихъ одну изъ главныхъ ролей игралъ Феликсъ Піа. Полиція вскорѣ выслѣдила эти заговоры, если же не находила ихъ, то выдумывала, что они есть, или для того, чтобы передъ трусливыми выказать крайнюю необходимость въ твердомъ и заботливомъ правительствѣ, распускала слухи, что революціонныя общества и комитеты существуютъ и готовятъ гибель нынѣ спокойно процвѣтающей Франціи. Судебнаго преслѣдованія противъ этихъ мнимыхъ преступниковъ не начинали, потому что защитники ихъ, пользуясь неосязаемостью обвиненій, могли бы въ яркомъ свѣтѣ выставить недобросовѣстность обвинителей и дать волю своему негодованію на существующій порядокъ вещей. Новый деспотизмъ однакожъ нашелъ непримиримыхъ враговъ въ фанатизмѣ радикальныхъ республиканцевъ, которые тоже съ своей стороны не останавливались передъ насильственными мѣрами, и поэтому не было недостатка въ покушеніяхъ на убійства, къ которымъ, сказать мимоходомъ, привыкли съ 1830 года. Не смотря на всѣ усилія бдительной парижской полиціи, 29 апрѣля 1855 года одинъ изъ прежнихъ волонтеровъ отряда Гарибальди, нѣкто Піанори, выстрѣлилъ изъ пистолета въ императора, чтобы отомстить ему за уничтоженіе римской республики. Его по закону присудили къ смертной казни, положенной за отцеубійство; онъ взошелъ на эшафотъ съ восклицаніемъ: «да здравствуетъ республика!»—Въ томъ же году вниманіе полиціи было обращено на тайное общество La Marianne, которое само по себѣ и по своимъ развѣтвленіямъ было очень опасно; подъ названіемъ Маріанны заговорщики разумѣли республику; особенно многочисленно и распространено было это общество на югѣ Франціи; тамъ толпа заговорщиковъ, пользуясь ночью съ 26 на 27 августа, вздумала неожиданно напасть на городъ Анжеръ и овладѣть имъ.

Между тѣмъ извѣстія о предполагаемыхъ покушеніяхъ на жизнь императора ежедневно распространялись; въ защиту его отъ опасности, ему угрожавшей, кромѣ полиціи явной и тайной, былъ еще составленъ отрядъ самой тайной полиціи изъ однихъ корсиканцевъ, людей, съ фанатизмомъ преданныхъ дому Наполеона; извѣстно, что для корсиканцевъ имя Наполеона священно; для нихъ это сила—могущественно выдвинувшая ихъ темный, неизвѣстный островъ на свѣтъ Божій и сдѣлавшая его замѣтнымъ для цѣлой Европы. Общество Маріанны существовало и служило поводомъ къ новымъ и новымъ арестамъ и обвиненіямъ; при одномъ изъ дѣлъ, возникшихъ по поводу обвиненія въ участіи въ обществѣ Маріанны, съумѣли припутать Ледрю-Ролленя и, хотя никакихъ осязательныхъ обвиненій противъ него не было, но его присудили къ ссылкѣ. Этими мѣрами достигли того, что республиканская партія скрывалась и не принимала участія въ выборахъ; одни только студенты, эти львы латинскаго квартала, какъ ихъ называло одно стихотвореніе тогдашняго времени, оставались по прежнему неукротимы и по временамъ буйствовали, или производили скандалъ, выгоняя свистками профессоровъ изъ аудиторіи, если они оказывались слишкомъ явными приверженцами правительства.

Менѣе опасности представляла партія роялистовъ; она по прежнему распадалась на подраздѣленія, которыя, не смотря на долгія и громкія разглагольствія, пренія и совѣты, не могли сплотиться въ одно цѣлое. И въ отношеніи роялистической партіи поступали не совсѣмъ нѣжно: сажали подъ арестъ, заключали въ тюрьму и ссылали въ Америку, но сравнительно, это случалось только изрѣдка и съ немногими, потому что въ цѣломъ роялисты подчинялись новому порядку вещей и съ господствующей партіей заодно преслѣдовали демократическую. Легитимисты тоже придерживались своихъ убѣжденій и даже составляли тайное общество: la ligue fédérale; но фанатизмъ роялистовъ и легитимистовъ далеко уступалъ республиканскому и въ жарѣ, и въ выносливости; нѣкоторые ренегаты, или полуренегаты партіи примирились съ имперіей, нѣкоторые ничего не предпринимая досадовали, оставаясь въ своихъ замкахъ или проводя время въ жокей-клубѣ; только много лѣтъ спустя оказалось, что жизнь еще не окончательно погасла въ этой партіи. До поры до времени у нея не доставало такого могущественнаго союзника, каково католическое духовенство, которое при всѣхъ перемѣнахъ и переворотахъ имѣло въ виду только свою пользу или, вѣрнѣе, пользу церкви; на этотъ разъ, какъ всегда, оно съумѣло примѣниться къ обстоятельствамъ, и выгоды его отъ этого нисколько не пострадали—отчего же и дальше не льстить императору, и супругѣ его—испанкѣ; что касалось до легитимистовъ и ихъ короля, если ему суждено было возвратиться во Францію, то нечего было опасаться размолвки съ нимъ; его интересы были слишкомъ тѣсно связаны съ интересами духовенства. Еще менѣе опасеній возбуждали орлеанисты, не смотря на то, что въ средѣ ихъ крылись лучшіе и самые выдающіеся таланты; къ этой партіи принадлежали ученые, парламентскіе ораторы и двигатели парламентскихъ интригъ, оставшіеся теперь безъ дѣла; къ тому же эта партія крайне ослабѣла: самая масса ея, среднее сословіе, буржуазія, ее покинула частію изъ страха навлечь на себя нелюбовь республиканцевъ, частію изъ страха попасться въ когти императорской полиціи. О томъ, чтобы слить интересы легитимистовъ съ интересами орлеанистовъ не было желанія не только между приверженцами тѣхъ и другихъ, но даже и между принцами своихъ домовъ. Предводители партій — Тьеръ, Ремюза, Ластери не хотѣли этого, и потому неоднократныя попытки обѣихъ партій соединиться были неудачны, и слѣдовательно о нихъ не стоитъ говорить. За недостаткомъ настоящихъ заботъ и настоящаго дѣла много времени потрачивалось въ пустыхъ разсужденіяхъ о томъ, какъ принцу Орлеанскому письменно обращаться къ графу Шамбору: слѣдуетъ ли къ нему писать: sire, или monsieur le comte, или mon cousin.

Печать во всѣхъ сосѣднихъ съ Франціей государствахъ, несмотря на цензуру и ограниченія, все-таки служила важнымъ и могучимъ двигателемъ общественной жизни, но здѣсь, во Франціи, распоряженіями Наполеона она была совсѣмъ подавлена. Можно было безъ всякаго труда погубить всякую книгу, запретить любое изданіе; предупрежденія сыпались изъ министерства направо и налѣво. Правда, у каждой партіи оставалась своя газета, но за малѣйшую неосторожность, за всякое необдуманное слово можно было особымъ декретомъ императора прекратить ея изданіе; онѣ кое-какъ тянули свое жалкое существованіе и дѣлались добычей спекуляторовъ бонапартистовъ; явились люди промышленные, смотрѣвшіе на изданіе газетъ, какъ на спекуляцію, затрачивали на это большіе капиталы, и для нихъ журнальная литература была только коммерческимъ дѣломъ, и потому они строго слѣдили за тѣмъ, чтобы въ ихъ газетахъ печаталось все въ дозволенныхъ формахъ, и тѣмъ пріобрѣтали себѣ выгоды и перевѣсъ надъ газетами всѣхъ остальныхъ партій. Около этого времени въ журналахъ появился новый неопредѣленный дѣловой тонъ рѣчи, рядомъ съ офиціальнымъ и политическимъ. Независимые журналы страдали отъ строгаго полицейскаго надзора и отъ предупрежденій. Пока Персиньи оставался министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ іюня 1853 до іюня 1854 года, онъ сдѣлалъ газетамъ 32 предостереженія: одному журналу за то, что онъ слишкомъ хвалилъ извѣстную вѣтвь промышленной дѣятельности, а другія унижалъ; другой журналъ получилъ запрещеніе за то, что хлѣбную пошлину и кассу булочниковъ, придуманныя императоромъ, нашелъ не соотвѣтствующими цѣлямъ; третій журналъ не правился по своему общему на-

правленію, на которое религіозные и гражданскіе авторитеты неоднократно жаловались; четвертый получилъ запрещеніе за то, что помѣстилъ статью, несогласную съ національнымъ чувствомъ и направленіемъ. Билло, сдѣлавшись министромъ послѣ Персиньи, показалъ еще большее рвеніе; при немъ предостереженій и запрещеній было 571, и причины ихъ такія же недостаточныя; въ фельетонѣ одной газеты проскользнули мѣста, обидныя для папы; въ другомъ листкѣ, полемика носила на себѣ характеръ, возбуждающій опасенія и тому подобныя опасныя вещи пробуждали заботу министерства. Обращали вниманіе на двусмысленные намеки, или находили ихъ тамъ, гдѣ съ трудомъ можно было найти даже прямой смыслъ. Послѣ этого, неудивительно, что журналы начали копаться въ грязи, заниматься только скандальными исторіями и обѣгать общественные и политическіе вопросы на столько, на сколько это было возможно. Полною свободой пользовалась только клерикальная пресса, органомъ которой былъ l'Univers; редакторомъ этого журнала былъ Людовикъ Вельо, человѣкъ поперемѣнно принадлежавшій то къ республиканской, то къ легитимистской партіи; онъ сперва былъ орлеанистомъ и сталъ теперь бонапартистомъ; этотъ человѣкъ, отличавшійся прежде статьями, переполненными грубаго матеріализма и богохульства, сдѣлался теперь главою католической партіи; съ нимъ пришлось вступать въ пренія даже такимъ людямъ, какъ Монталамберъ, и отъ него получали наставленія даже епископы.

Духовенство, лишившись своихъ привиллегій и своего независимаго права собственности, черезъ революцію и конкордатъ, состояло теперь на жалованьѣ; оно мало-по-малу теряло свои древне-гальскія права и пыталось утвердить свое положеніе тѣмъ, что неразрывною цѣпью соединилось съ папскимъ престоломъ; оно отреклось отъ своей самостоятельности, и получало направленіе и приказанія отъ святѣйшаго отца. Система общей подачи голосовъ, введенная Наполеономъ и послужившая ему, показала Франціи и всему міру, какое могущественное вліяніе на народъ имѣетъ духовенство; оно само чувствовало свою силу, да и Наполеонъ чувствовалъ ее не менѣе. Законъ о народномъ обученіи, изданный въ 1850 году, былъ составленъ подъ вліяніемъ этой могущественной партіи; въ то самое время, какъ полиція всѣми силами розыскивала собранія и ремесленныя общества и угнетала ихъ, она съ другой стороны всѣми силами покровительствовала духовнымъ обществамъ. Въ своемъ журналѣ l'Univers, Вельо и другіе горячіе приверженцы клерикальной партіи громко требовали, чтобы изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній было изгнано язычество, чтобы вмѣсто Тита-Ливія и Горація, читали сочиненія св. Григорія и св. Ѳомы. Вслѣдствіе этого требованія завязалась жаркая полемика между l'Univers и архіепископомъ парижскимъ, Сибуромъ; отвѣты и тонъ рѣчи журнала сдѣлались до того дерзки и неприличны, что архіепископъ запретилъ своему епархіальному духовенству чтеніе этого журнала; дѣло дошло до Рима: папа оправдалъ дерзкаго памфлетиста за то, что онъ дѣло церкви отстаивалъ цѣлымъ рядомъ меткихъ, остроумныхъ и непоколебимо-дерзкихъ, вымышленныхъ и дѣйствительныхъ статей; въ апрѣлѣ 1853 года архіепископъ признался себя побѣжденнымъ и снялъ запрещеніе.

Несмотря на дружественныя отношенія между императоромъ и духовенствомъ, все-таки существовала граница, за которую они не заходили. Такъ напримѣръ, когда патеръ Лекордеръ, въ церкви св. Роха, началъ читать свои проповѣди и доказывалъ, что Богъ, по своему милосердію, допускаетъ въ мірѣ появленіе деспотовъ и палачей за тѣмъ, чтобы нашлись святые и мученики,—полиція встревожилась, нашла это неприличнымъ и двусмысленнымъ, потребовала объясненія, и доминиканскій проповѣдникъ долженъ былъ сказать, что вовсе не говорилъ этого, но что стенографъ неправильно понялъ слова его и неточно записалъ ихъ. Въ Парижѣ довольно долгое время шла рѣчь о томъ, что папа пріѣдетъ для торжественнаго муропомазанія и коронованія императора; императрица Евгенія болѣе всѣхъ этого желала. Папа соглашался предпринять это путешествіе, но требовалъ за это разныхъ, очень существенныхъ измѣненій въ конкордатѣ; цѣна эта показалась императору слишкомъ дорогою, онъ понималъ, что дай онъ палецъ—за нимъ послѣдуетъ вся рука, поэтому онъ счелъ гораздо выгоднѣе вовремя отнять палецъ, и Парижъ принужденъ былъ отказаться отъ удовольствія видѣть папу и торжественное коронованіе.

Это время во Франціи, такъ же какъ и въ Германіи, отмѣчается тѣмъ, что религіозный духъ и суевѣріе опять обнаружились въ народѣ съ особенною силою. Нѣсколько мальчиковъ. пастуховъ, видѣли даже чудесное появленіе св. Богоматери. Они на горѣ la Salette, въ Дофине, пасли стадо; имъ явилась Богородица съ страннымъ головнымъ уборомъ изъ сахарнаго тѣста; передъ тѣмъ, чтобы уйти, она довѣрила мальчикамъ великую тайну. Мальчикамъ повѣрили безъ дальнихъ изслѣдованій, и епископъ гренобльскій установилъ особыя молитвы, праздникъ и крестный ходъ въ честь св. Маріи Дѣвы Салетской. На политику и на внутреннія распоряженія это видѣніе и сообщенная тайна не имѣли никакого вліянія.

Итакъ, правленіе императора находилось въ хорошихъ отношеніяхъ съ стремленіями клерикальной партіи, и неудивительно, что пути ихъ могли довольно долгое время лежать рядомъ, пока не наступило время имъ разойтись въ разныя стороны. Не такъ легко было ладить съ учеными. Недостойною, характеристическою чертою этого времени можетъ служить то, что вообще придавали слишкомъ большое значеніе каждой демонстраціи, т. е. каждому дѣлу, служившему выраженіемъ оппозиціоннаго настроенія и несогласнаго образа мыслей; если мысль нельзя было высказать прямо, то ее облекали въ намеки, закутывали въ символы и цитаты; пользовались всякимъ случаемъ и изъ такого простаго дѣла, какъ выборъ новаго члена во французскую академію, дѣлали государственное происшествіе и цѣнили, перецѣнивали и чуть не въ микроскопъ разсматривали обычныя при этомъ случаѣ похвальныя и отвѣтныя рѣчи. Надобно признаться, что рѣчи въ академіи имѣли большее противъ прежняго значеніе: во-первыхъ, потому, что при полномъ застоѣ въ парламентѣ, академія осталась единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было говорить публично, а во-вторыхъ, академія есть корпорація, сравнительно, независимая, составленная изъ людей, принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, и потому взглядъ академіи былъ и шире и имѣлъ большее значеніе; вотъ почему протестъ академіи былъ замѣтнѣе; такъ напримѣръ, когда, въ 1854 г., извѣстный легитимистъ, адвокатъ Беррье, былъ избранъ въ число сорока и утвержденъ императоромъ, онъ отказался сдѣлать ему обычный благодарственный визитъ, что произвело очень непріятное впечатлѣніе. Первый явный разрывъ съ академіей произошелъ вслѣдствіе декрета, изданнаго 13 іюля и лишавшаго академію различныхъ, съ давнихъ временъ утвержденныхъ за нею правъ и привиллегій. Корпорація не могла вынести этого равнодушно, роптала, а вслѣдъ за нею и тѣ общества, въ которыхъ академики имѣли вѣсъ. Еще важнѣе было требованіе, чтобы всѣ члены университета приносили политическую присягу въ вѣрности императору и конституціи: это принудило лучшихъ профессоровъ, какъ напр. Гизо и Мишеле, оставить свои каѳедры; кромѣ того покорное орудіе Наполеона, министръ народнаго просвѣщенія Фортуль, сдѣлалъ измѣненія въ системѣ преподаванія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ духѣ абсолютизма и въ клерикальномъ. Законъ объ учебныхъ заведеніяхъ 1850 года, только въ половину удовлетворялъ ультрамонтанскую партію. По ея мнѣнію, преподаваніе должно быть свободно, т. е. правительство не должно вмѣшиваться въ него; но преподаваніе и обученіе должно быть дѣломъ церкви—или, какъ говорилось, дѣломъ семейнымъ, что въ практикѣ было тоже самое, и отчетъ Фортуля за 1853 годъ, въ существенныхъ чертахъ, присвоивалъ себѣ это же самое воззрѣніе: его задача состояла въ томъ, чтобы изъ высшихъ учебныхъ заведеній изгнать иллюзіи и предразсудки XVIII столѣтія. Фортуль умеръ въ 1856 году, но система его продолжалась; Collége de France, императорскимъ декретомъ отъ 8 октября 1857 года, данномъ въ Шалонскомъ лагерѣ, потеряла свое право на самоуправленіе; въ нее назначенъ былъ ректоръ отъ министерства народнаго просвѣщенія. Слѣдствіемъ этихъ распоряженій было то, что ученые негодовали и начали смотрѣть на императора враждебно.

Такимъ образомъ шли дѣла до 1857 года, безъ особенныхъ препятствій и безъ волненій. Но этотъ годъ начался ужаснымъ происшествіемъ: отлученный отъ церкви и очевидно душевно больной священникъ, по имени Бержé, 3 января, послѣ литургіи, въ церкви св. Стефана, умертвилъ парижскаго архіепископа. Февраля 16 начались засѣданія законодательной палаты. Первымъ дѣломъ ея было: назначить герцогу Малахову даръ въ 100,000 фр., потомъ слѣдовали все денеж-

ныя дѣла: продлили привиллегіи французскаго банка на 30 лѣтъ, назначили 12 милліоновъ изъ государственныхъ суммъ, въ распоряженіе префекта барона Гаусмана, который продолжалъ ломать и строить дома, проводить новыя улицы въ Парижѣ, частью въ санитарныхъ видахъ, частью, чтобъ доставить удобства жителямъ, а между прочимъ и съ намѣреніемъ расположить улицы такъ, чтобы, въ случаѣ новаго уличнаго возстанія, его можно было скорѣе подавить; предложено было отпустить нужную сумму денегъ на покупку дома, въ которомъ Наполеонъ I скончался на островѣ св. Елены, чтобы устранить конкуренцію американскаго мечтателя Барнума, домогавшагося того же. Кромѣ того, издано было постановленіе объ ежегодномъ усиленіи войска на 100,000 рекрутовъ, вмѣсто набиравшихся до сихъ поръ 80,000; этимъ и кончились распоряженія законодательнаго корпуса; онъ былъ распущенъ и избирательныя коллегіи должны были начать свое дѣло 24 іюня.

Билльо, министръ внутреннихъ дѣлъ, продолжалъ поддерживать систему офиціальной кандидатуры; народу указывали на кандидатовъ, пріятныхъ правительству, а префекты знали свое дѣло и не нуждались въ особыхъ инструкціяхъ со стороны министерства, чтобы дѣлать угодное ему; они знали, что ордена, жалованье, повышеніе и самое мѣсто ихъ, зависѣли отъ того, будетъ-ли принятъ офиціальный кандидатъ, или нѣтъ. Они не обманули ожиданій правительства: давали самымъ осязательнымъ образомъ должныя наставленія своимъ подчиненнымъ мерамъ, которымъ много содѣйствовали статьи, опубликованныя офиціальными журналами; независимые по своему безсилію не могли бороться съ ними. Духовенство, съ своей стороны, тоже содѣйствовало правительству, только съ ограниченіемъ: если, въ числѣ кандидатовъ, оказывался протестантъ, то его устраняли и на мѣсто его ставили католика, столь же преданнаго правительству. Партія легитимистовъ и орлеанская, держались всторонѣ; республиканцы были несогласны между собою: они не знали—вмѣшаться ли въ борьбу избирателей, или удержаться отъ нея. Республиканскій избирательный комитетъ въ Парижѣ рѣшился на первое и составилъ списокъ своихъ кандидатовъ; при этомъ случаѣ, въ первый разъ упоминается имя молодаго адвоката, Эмиля Оливье, бывшаго во время республики префектомъ Марселя и которому суждено было, впослѣдствіи, играть такую роковую роль въ исторіи Франціи. Правительство не противодѣйствовало этой агитаціи, потому что вскорѣ выставило несогласіе партіи наружу; но какъ бы то ни было, оппозиція въ Парижѣ, въ Бордо, Ліонѣ и Лиллѣ, все-таки провела шесть или семь кандидатовъ; но что значили шесть депутатовъ изъ 267; это можетъ только служить доказательствомъ первыхъ признаковъ пробужденія духа общественной независимости, тѣмъ болѣе, что въ городахъ правительственные кандидаты были избираемы только самымъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ и имѣли противъ себя многихъ недоброжелателей.

Іюля 15, того же года, скончался извѣстный народный поэтъ Беранжѣ. Чтобы предупредить какую нибудь демонстрацію, или даже волненіе, императоръ устроилъ похороны на свой счетъ. «Потому что онъ», какъ извѣщали офиціальные журналы, «хочетъ почтить память этого великаго народнаго поэта, произведенія котораго такъ могущественно содѣйствовали развитію патріотическаго чувства во Франціи и служили опорою славы имперіи»; онъ этимъ пытался честь славы поэта распространить на свое царствованіе и показать, будто пользовался его сочувствіемъ, тогда какъ этого вовсе не было. Какъ бы то ни было, но средство предупредить демонстрацію было найдено: тѣло самаго простаго и самаго народнаго поэта Франціи, который не хотѣлъ получать ни денегъ, ни орденовъ, ни мѣста въ академіи ни отъ одного изъ правительствъ, при немъ мѣнявшихся, искавшихъ его благосклонности, теперь торжественно везли между длинными рядами войска, шпалерами разставленнаго по улицамъ и бульварамъ до самаго кладбища. Въ концѣ того же года умеръ генералъ Каваньякъ въ своемъ помѣстьѣ, въ департаментѣ Сарты; вдова немедленно повезла тѣло его въ Парижъ и съ почестями опустила въ землю, на Монмартрскомъ кладбищѣ; надгробнаго слова не позволено было произносить. Каваньякъ оставилъ по себѣ память человѣка честнаго, правдиваго и благороднаго; онъ былъ одинъ изъ немногихъ, сохранившихъ чистоту нрава въ этомъ испорченномъ періодѣ.

Во Франціи все шло своимъ тихимъ, неизмѣннымъ порядкомъ. Въ августѣ, императоръ и императрица ѣздили въ Англію, въ Осборнъ, для свиданія съ королевой Викторіей, а въ сентябрѣ, русскій и французскій императоры съѣхались въ Штутгартѣ, при дворѣ престарѣлаго короля Вильгельма вюртембергскаго. Вмѣстѣ съ Александромъ II, прибылъ его министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, а съ Наполеономъ—его министръ, Валевскій; полагали, что Австрія пострадаетъ отъ этихъ совѣщаній. Вниманіе населенія города было болѣе обращено на Наполеона, стоявшаго на высочайшей точкѣ своего могущества, нежели на прекраснаго, молодаго, рыцарски благороднаго, русскаго императора, скромно сознававшаго свое достоинство и не выставлявшаго себя на показъ, какъ это дѣлалъ Наполеонъ, постоянно прохаживавшійся по площади съ сигарою въ зубахъ: онъ зналъ, чѣмъ привлечь нѣмецкаго бюргера и чѣмъ понравиться ему.

Въ ноябрѣ, созванъ былъ новый законодательный совѣтъ—corps législatif. Изъ семи оппозиціонныхъ членовъ одинъ, Каваньякъ, умеръ, трое—Кюре, Даримонъ и Эмиль Оливье, принесли предписанную закономъ присягу, трое остальныхъ—Карно, Гудшо и Генонъ отказались отъ нея. Послѣ этого, собраніе членовъ было отсрочено до 18 января 1858 года.

Въ своей отвѣтной рѣчи, на поздравленіе дипломатическаго корпуса съ новымъ годомъ, императоръ выразилъ надежду, что годъ будетъ спокоенъ. Но уже 14 января спокойствіе было нарушено ужаснымъ событіемъ. Въ этотъ день вечеромъ ожидали прибытія императора и императрицы въ театръ Большой Оперы—Grand-Opéra; народъ и полиція, по обыкновенію, столпились при входѣ. Императорская карета появилась въ концѣ улицы Le Pelletier: вдругъ раздался трескъ взрыва, за нимъ тотчасъ второй и третій. Газовые рожки отъ сотрясенія воздуха потухли; когда ихъ вновь зажгли, глазамъ зрителей представилась печальная картина: 141 человѣкъ, какъ потомъ оказалось, были убиты, или ранены, разорвавшимися бомбами; самъ императоръ, противъ котораго направлена была эта новая адская машина, былъ слегка раненъ осколкомъ каретнаго стекла, хотя одна бомба разорвалась непосредственно подъ его каретой; императрица нисколько не пострадала. Въ числѣ раненныхъ, былъ виновникъ этого ужаснаго дѣла; чтобы погубить одного человѣка, оставшагося неприкосновеннымъ, онъ погубилъ около полутораста человѣкъ; это былъ итальянецъ, одинъ изъ римскихъ республиканскихъ вождей, Орсини; при взрывѣ онъ самъ былъ раненъ и лежалъ въ залѣ гостинницы, посреди другихъ раненныхъ, снесенныхъ туда для подачи первой помощи. Орсини съ 1855 года жилъ въ Лондонѣ, придумывая средства, какъ бы отомстить Наполеону, помѣшавшему соединенію Италіи и освобожденію ея. Парижская полиція выслѣдила заговоръ и въ этотъ самый день арестовала одного изъ заговорщиковъ; остальныхъ захватили только теперь, когда несчастіе уже совершилось. Начался процессъ; онъ возбуждалъ всеобщее, горячее сочувствіе, тѣмъ болѣе, что привлекательная наружность главнаго виновника, Орсини, поражала своимъ благородствомъ и красотою; защиту его взялъ на себя Жюль Фавръ; онъ велъ ее съ величайшимъ тактомъ и съ большимъ достоинствомъ. Въ своей защитительной рѣчи, Жюль Фавръ произнесъ многознаменательную фразу, исполненную правды и какъ бы пророческаго значенія: «Не сталь убійцы разрываетъ цѣпи народа: правительства падаютъ только отъ собственныхъ ошибокъ; дни ихъ въ рукѣ Божіей и сочтены Имъ; Онъ одинъ караетъ за нарушеніе святыхъ законовъ своихъ, Онъ одинъ умѣетъ приготовить паденіе во сто кратъ ужаснѣе того, какой можетъ произойти отъ адской машины и всякаго другаго заговора злоумышленниковъ.» Марта 13 былъ исполненъ смертный приговоръ надъ Орсини и его соучастникомъ Піери; Орсини, до послѣдняго мгновенія, сохранилъ величественное, твердое спокойствіе и полное самообладаніе. Въ письмѣ, написанномъ въ тюрьмѣ la Roquette отъ 9 марта, къ императору, онъ чистосердечно признавался въ своемъ заблужденіи, называя его потемненіемъ разсудка (fatale aberration de l'esprit), и просилъ императора, наслѣдника имени и величія Наполеона I, взять подъ свою защиту дѣло, побудившее его къ преступленію, дѣло освобожденія Италіи и сдѣлать его своимъ дѣломъ. Съ разрѣшенія Наполеона, защитникъ Орсини прочелъ письмо это во время одного ихъ засѣданій суда.

Покушеніе Орсини, какъ справедливо замѣтили, было не французское преступленіе, но тѣмъ не менѣе, вся Франція должна была поплатиться за него, и оно повело за собою рядъ притѣсненій и гоненій, сдѣлавшихъ имя Наполеона ненавистнымъ и память о которыхъ неизгладимымъ клеймомъ налегла на всю націю; въ этомъ случаѣ, торжествующая часть народонаселенія показала большую жестокость въ отношеніи угнетенной, чѣмъ съ какою обыкновенно иностранные побѣдители обращаются съ побѣжденными народами.

Въ первомъ пылу раздраженія, Наполеонъ и его партія осыпали Англію упреками за то, что она даетъ убійцамъ пріютъ и оружіе, для выполненія ихъ преступныхъ замысловъ. Приверженцы и служащіе, предсѣдатели высшихъ государственныхъ корпорацій, ежедневно принимали сочувственные адресы, сыпавшіеся отовсюду, и сами сочувствуя общему выраженію соболѣзнованія, горячо и открыто жаловались на гостепріимство, какое ближайшіе сосѣди Франціи оказываютъ виновникамъ дерзкихъ и преступныхъ замысловъ; нѣсколько высшихъ военныхъ подали адресъ, въ которомъ выражались сильное желаніе и убѣдительная просьба вести ихъ на притонъ разбойниковъ и убійцъ; министръ иностранныхъ дѣлъ, Валевскій, послалъ грозную депешу въ Лондонъ, къ французскому посланнику Персиньи; въ ней ему предлагалось потребовать отъ англійскаго кабинета гарантію въ томъ, что подобное покушеніе не повторится лицами, проживающими въ Великобританіи. Въ Англіи, также какъ вездѣ, порицали покушеніе; тутъ знали, что не такимъ путемъ свобода основывается въ какомъ либо краю, но здѣсь чувство уваженія къ правамъ своего собственнаго государства было глубоко и ясно понято; не только министры, но и самъ народъ умѣлъ сохранять и отстаивать достоинство и права своего государства. Лордъ Пальмерстонъ предложилъ было билль объ измѣненіи закона о наказаніи и преслѣдованіи заговорщиковъ, уличенныхъ въ намѣреніи совершить убійство. Первое чтеніе билля прошло при большинствѣ 299 голосовъ противъ 99; но передъ вторымъ чтеніемъ, одинъ изъ независимыхъ либеральной партіи, Мильнеръ Джибсонъ, внесъ многозначительное разрѣшеніе вопроса: онъ выставилъ весь ужасъ и все отвращеніе британцевъ къ подобнаго рода преступленіямъ, изъявилъ полную готовность разсмотрѣть и исправить недостатки, указанные въ англійскомъ законодательствѣ, но прибавилъ: «Нижняя палата порицаетъ правительство за то, что оно предложило палатамъ приступить къ измѣненію одной стороны законодательства прежде, чѣмъ отвѣтило на депешу французскаго правительства отъ 20 января 1858 года.» Палата зашумѣла и большинствомъ 234 голосовъ противъ 215 отвергла билль въ его первоначальной редакціи; министерство Пальмерстона вслѣдъ за этимъ просило объ увольненіи.

Неудача, понесенная въ Англіи, еще болѣе раздражила бонапартистовъ и они своему негодованію дали свободу излиться на побѣжденную партію, внутри государства. Немедленно, послѣ покушенія Орсини, нѣсколько журналовъ и газетъ были запрещены; вся Франція была раздѣлена на пять военныхъ округовъ; во главѣ каждаго изъ нихъ поставленъ былъ маршалъ; центрами этихъ округовъ и мѣстопребываніемъ маршаловъ были: Парижъ, Нанси, Ліонъ, Тулуза и Туръ. Такъ какъ покушеніе, сдѣланное на жизнь императора, напомнило, что есть неточность въ законѣ о регентствѣ, то на всякій непредвидѣнный случай смерти императора, императрица Евгенія прямо назначена была регентшею и совѣтъ регентства былъ тутъ же назначенъ. Января 18 начались засѣданія законодательнаго корпуса. «Въ настоящее время, сказалъ императоръ въ своей тронной рѣчи, опасность не заключается въ преувеличенныхъ прерогативахъ власти, но она таится въ недостаткѣ законовъ предупредительныхъ». Слова эти были поняты; истолкованіемъ ихъ служилъ проектъ закона о безопасности, предложенный на обсужденіе палаты; равно какъ и то, что на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ Билло, назначенъ былъ генералъ Эспинассъ, грубый и неотесанный солдатъ. Этотъ жестокій законъ, равнаго которому мало въ исторіи абсолютизма, уже по второй статьѣ полагалъ тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ и денежную пеню отъ 100 до 2000 фр., за попытку нарушить общественное спокойствіе, или за выраженіе ненависти и презрѣнія къ существующему порядку вещей, или за попытку въ государствѣ, или внѣ его, начать волненіе, или даже

за то, если входить въ сношенія съ заговорщиками, находящимися внѣ имперіи (a pratiqué des manœvres ou entretenu des intelligences); каждый осужденный, на основаніи этого постановленія или подобнаго ему «въ видахъ общей безопасности» (parm ésure de suretć générale) могъ быть, во Франціи или въ Алжирѣ, подвергнутъ заключенію, или же изгнанъ съ французскихъ территорій; этотъ же самый законъ распространялся на каждаго, кто вслѣдствіе происшествій іюня 1848 до іюня 1849, или декабря 1851 года, былъ приговоренъ или къ заключенію, или къ изгнанію, или къ ссылкѣ, но помилованъ, «если серьезныя причины (des faits graves) его опять выставятъ опаснымъ для общественнаго спокойствія.» Чтобы подвергнуться всей строгости закона о безопасности, достаточно было министру внутреннихъ дѣлъ, или префекту департамента, или главному военному начальнику, или главному прокурору, указать на извѣстное лицо, какъ на подозрительное. Этотъ возмутительный законъ, которымъ можно было карать младенца, еще до его рожденія, подвергнутъ былъ голосованію 18 февраля 1858 года, и законодательный корпусъ принялъ его большинствомъ 217 голосовъ противъ 24. Подававшіе голосъ въ пользу этого закона сами чувствовали всю его несообразность, стыдились его и не осмѣливались заводить рѣчи, въ присутствіи президента, съ тремя республиканскими депутатами палаты, возстававшими на него; и сенатъ при такомъ же настроеніи, какъ депутаты, подававшіе голоса за законъ, нашли его вполнѣ соотвѣтствующимъ принципамъ 1789 года, охраненіе которыхъ ему было поручено; въ числѣ немногихъ, осмѣлившихся возвысить голосъ противъ закона, находился генералъ Макъ-Магонъ. Императорскимъ декретомъ отъ 27 законъ этотъ объявленъ былъ дѣйствительнымъ, во всѣхъ областяхъ французской имперіи; слѣдить за строгимъ исполненіемъ его возложено было на министра внутреннихъ дѣлъ и всеобщей безопасности; этотъ человѣкъ, отличившійся на военномъ поприщѣ въ Африкѣ, не задумался принять на себя трудную обязанность министра внутреннихъ дѣлъ, безъ всякихъ приготовительныхъ знаній дѣла, и теперь съ тою же неустрашимостью и необдуманностью, взялся приводить въ исполненіе этотъ законъ. Онъ созвалъ въ Парижъ всѣхъ префектовъ и, въ отдѣльной для каждаго аудіенціи, назначилъ каждому по сколько человѣкъ арестовать. Это было настоящее гоненіе, сопровождаемое раздраженнымъ и непокорнымъ молчаніемъ: un silence sédicieux, какъ выразился Тролопгъ, одинъ изъ продажныхъ приверженцевъ этого времени. Причиной обвиненія было все; очень часто, выгодное мѣсто, занятое человѣкомъ другой партіи, но которое хотѣлось бы отдать бонапартисту, было поводомъ къ какой нибудь невѣроятной клеветѣ, и отца семейства насильно вырывали изъ круга дѣтей, часто ночью, не давая ему времени одѣться, собрать свои пожитки, и при грубыхъ насмѣшкахъ и выходкахъ посылали въ Африку, или въ Каенну. При такихъ обстоятельствахъ можетъ почесться истинною заслугою, что парижане, при выборѣ дополнительныхъ депутатовъ, избрали 27 апрѣля, вмѣсто Гудшо и Карно, двухъ приверженцевъ республиканской партіи: Эрнеста Пикара и Жюля Фавра.

Хотя законодательный корпусъ и подалъ помощь при составленіи закона долгое время тяготѣвшаго надъ Франціей, но все-таки, самъ страдалъ отъ унизительнаго положенія, въ какомъ находился; ни одно парламентское учрежденіе цивилизованной страны XIX вѣка не могло долгое время выносить подобнаго порабощенія. Такъ уже въ 1859 году, по поводу опредѣленія бюджета, послышались робкія противорѣчія и замѣчанія на счетъ назначенія контроля по употребленію финансовъ, тѣмъ болѣе необходимаго, что состояніе ихъ приходило въ значительный упадокъ; пренія и голосованіе однакожь не протянулись болѣе трехъ сутокъ. Немного спустя произошло новое преніе, по случаю закона о наказаніи за присвоеніе, безъ права, какого либо дворянскаго титула. Хотя дворянство было уничтожаемо и угнетаемо цѣлымъ рядомъ революцій, хотя временное правительство въ февралѣ 1848 года объявило, что всѣ дворянскія граматы слѣдуетъ считать уничтоженными, но человѣческая природа вообще и природа французовъ въ особенности не такъ легко измѣняется; по своему прирожденному духу честолюбія, французы пользовались всякимъ случаемъ, чтобы къ своей фамиліи присоединять какое либо ближайшее опредѣленіе, или по мѣсту рожденія, или по названію поземельной собственности, что звучитъ очень хорошо и придаетъ имени какъ бы

дворянскій титулъ. Первый шагъ возсоздать настоящее дворянство, состоялъ въ томъ, что императоръ рѣшился уничтожить эти побрякушки, неимѣющія никакого историческаго значенія. Онъ, какъ во всемъ, и въ этомъ, послѣдовалъ примѣру основателя династіи; проектъ закона былъ составленъ. Его подвергли голосованію, приняли, но это еще не могло создать, или возсоздать дворянства. Древняя аристократія Франціи частію погибла подъ ножемъ гильотины, частію пала отъ меча, частію она затерялась въ новомъ Наполеоновскомъ дворянствѣ, или не могла отдѣлиться отъ него, чтобы собраться съ новыми силами.

Въ теченіе этихъ сессій, дѣло зашло опять о перестройкѣ Парижа. Баронъ Гаусманъ заключилъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ нѣчто въ родѣ трактата, по которому городъ обязался въ десятилѣтній срокъ открыть шесть большихъ, красиво обстроенныхъ улицъ; издержки на этотъ предметъ, доходившія до 180 милліоновъ фран., правительство на одну треть принимало на себя. Для этого приводили причину, истинно цезарскую: эта работа, говорилось, есть не что иное, какъ бюджетъ (liste civile) рабочаго класса народа, потому что на десятилѣтній срокъ даетъ ему обезпеченныя средства къ пропитанію и прибавлялось про себя: разрушеніе старыхъ кварталовъ сотретъ голову змѣю революціи; и къ этимъ причинамъ, высказаннымъ и подразумѣваемымъ, прибавляли пустую фразу, которая во всѣхъ случаяхъ служила заплатой, когда нельзя было придумать чего нибудь лучшаго, что эти постройки и перестройки носятъ на себѣ печать національнаго величія Франціи. Впрочемъ на этотъ разъ нашлось 45 голосовъ, неодобрявшихъ такого употребленія милліоновъ; они могли бы отказъ свой оправдать простымъ фактомъ, что въ той же самой сессіи былъ утвержденъ дополнительный заемъ въ 300,000 фран. для улучшенія учительскаго содержанія въ элементарныхъ школахъ. Для этой первостепенной, неотразимой потребности, важнѣйшей для цивилизованнаго народа, только 300,000 фр., а милліоны для ненужныхъ построекъ!

Іюня 14 министръ, исполнитель закона о безопасности, Эспинассъ, получилъ приказаніе занять свое прежнее мѣсто генералъ-адъютанта при императорѣ, а министерство передать президенту апелляціонной палаты Деланглю; современно съ этимъ учреждено было министерство алжирское и колоніальное и поручено было двоюродному брату императора, принцу Наполеону, человѣку умному и знающему, но съ непостояннымъ характеромъ и несчастному въ своихъ начинаніяхъ; ему также, какъ его предшественникамъ и послѣдователямъ, не удалось положить конецъ ошибкамъ и неудачнымъ попыткамъ колонизаціи въ Алжирѣ и другихъ колоніяхъ. Императоръ по природѣ вовсе былъ человѣкъ не жестокій, и онъ рѣшался прибѣгать къ жестокости только потому, что убѣжденъ былъ въ необходимости, для поддержанія династіи, прибѣгать къ этимъ мѣрамъ; теперь уже онъ опять началъ дѣйствовать умѣреннѣе.

Въ октябрѣ того же года одинъ процессъ привлекъ на себя общественное вниманіе особенно тѣмъ, что могъ служить открытымъ протестомъ и критикой для наполеоновской системы. Г. Монталамбертъ напечаталъ большую статью въ «Correspondent'ѣ», подъ заглавіемъ «разсужденіе объ Индіи и объ англійскомъ парламентѣ»; въ этой статьѣ онъ провелъ параллель между правительственными распоряженіями Англіи и такими же во Франціи, что не трудно было съ знаніемъ дѣла написать императорскому члену правленія; онъ съумѣлъ выставить какъ сограждане дошли до того, что другъ противъ друга питаютъ ненависть и презрѣніе, какъ есть неуваженіе къ законамъ, какъ права на конституціонный авторитетъ императора не тверды, какъ непрочно онъ держится, опираясь на всеобщую подачу голосовъ—эту подачу голосовъ рабскою угодливостію возведенную въ идеалъ свободнаго проявленія народной воли—а между тѣмъ въ народѣ глубоко таится ненависть и презрѣніе ко всѣмъ происками и хитростямъ, какіе употребляются для вынужденія с в о б о д н а г о голоса, вмѣстѣ съ тѣмъ и къ самому императорскому правленію. Недостатокъ такта, съ какимъ говорилъ императорскій прокуроръ, послужилъ къ тому, чтобы возвысить интересъ процесса, уже возбужденный самымъ именемъ подсудимаго: «Франція не боится сравненія съ Англіей», говорилъ этотъ поборникъ Наполеоновскихъ воззрѣній; «у нея есть свобода печати, свобода преподаванія, свобода совѣсти, гражданское равенство, несмѣняемость магистратуры, законодательный корпусъ, составленный въ силу общаго, всенароднаго

выбора; что бы тамъ ни говорили, ни печатали, но я утверждаю, что я нахожусь и живу подъ свободнымъ образомъ правленія». Передъ этой громкой рѣчью однакожь не замолкъ голосъ адвоката Берріе, взявшаго на себя защиту Монталамбера; онъ особенно сильно налегалъ на свободу печати, существующую только на бумагѣ, а въ сущности зависящую отъ правильнаго, или неправильнаго воззрѣнія людей, поставленныхъ на стражѣ слова. Несмотря на жаркую и убѣдительную рѣчь защитника, Монталамберъ приговоренъ былъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію и къ 3,000 фр. пени; издателя журнала также присудили къ наказанію, соотвѣтственному этому. Монталамберъ подалъ апелляцію: Наполеонъ по признательности за 2 декабря имѣлъ неосторожность объявить ему помилованіе; отвѣтомъ на замѣтку «Монитера», гдѣ было напечатано помилованіе, слѣдовало замѣчаніе, что помилованія Монталамберъ не принимаетъ, по очень простой причинѣ, что помилованія быть не можетъ, пока не произнесенъ окончательный приговоръ, и поэтому авторъ, пользуясь своимъ правомъ апелляціи, настаиваетъ на немъ. Апелляціонная инстанція смягчила первоначальный приговоръ, и тогда императоръ, тоже пользуясь своимъ правомъ, все таки помиловалъ обвиненнаго.

Этотъ процессъ имѣетъ историческое значеніе потому, что явно выказалъ, по какому поводу одинъ изъ первоначально добровольно присоединившихся къ императорской системѣ правленія человѣкъ теперь удалился отъ него; но были новыя, гораздо важнѣйшія событія, заставившія просмотрѣть и забыть шумъ, какой произвела эта полемическая, журнальная исторія.

2. Англія.

Успокоительное впечатлѣніе производитъ Англія, если обратить вниманіе на нее, послѣ того какъ оно было утомлено безнадежнымъ внутреннимъ состояніемъ французской имперіи; эта страна вообще всегда являлась смутною, волнующеюся; она такъ часто оставалась безъ государя, но никогда не бывала свободною, потому что народъ ея всегда на ложной почвѣ и ложными средствами гонялся за призракомъ свободы и никогда не находилъ ея. Англія, безъ сомнѣнія, не представляетъ идеала устройства, какимъ ее выставляютъ недовольные прочихъ европейскихъ государствъ: ея государственный и судебный порядокъ все еще страдали отъ тяжкихъ и гнетущихъ злоупотребленій, проистекающихъ отъ глубоко вкоренившейся старинной ржавчины предразсудковъ, вынесенныхъ изъ ея средневѣковаго быта, но имѣвшихъ для народа все очарованіе древней святыни; общественныя сословія все еще отдѣлялись другъ отъ друга очень опредѣленными границами: богатый отдѣлялся отъ бѣднаго, дворянинъ отъ остальнаго человѣчества; кому бы въ то время случилось сравнивать большіе фабричные и промышленные города Франціи и Англіи, тотъ нашелъ бы, что жизнь рабочаго класса народа въ Англіи несравненно труднѣе и бѣдственнѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ, особенно въ эпоху Наполеоновскаго царствованія, народная масса пользовалась особеннымъ вниманіемъ правительства; она входила въ разсчетъ политическихъ соображеній, она служила фундаментомъ для возведенія общественнаго строя, имѣвшаго демократическій оттѣнокъ. Надъ господствующими въ Англіи классами тяготѣла церковь съ своимъ тѣснымъ взглядомъ и одностороннимъ направленіемъ, что составляло разительный контрастъ съ свободнымъ и независимымъ воззрѣніемъ въ научныхъ изысканіяхъ, достигшихъ въ Германіи, даже въ тѣ времена всеобщаго потемнѣнія и угнетенія мысли, высшей степени развитія. Но въ тоже время, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ народомъ Англіи, наблюдателя поражало впечатлѣніе здоровой, крѣпкой, свободно развивающейся народной жизни, и кому въ тогдашней Европѣ хотѣлось ознакомиться съ тѣмъ, что такое истинная свобода, о которой вездѣ столько толковали, тому стоило только пріѣхать въ Англію и всмотрѣться, что такое тамъ свобода личности и уваженіе къ ней. Здѣсь только можно было познать, что свобода—не туманный призракъ, не идеалъ, не политическое понятіе, не нравственное требованіе и т. д., но, что она дѣйствительное, существенное благо, подобно благому подкрѣпи-

тельному морскому дыханію, или возстановляющей силѣ купанья; она даетъ человѣку такія блага, какія не въ состояніи дать ему ни богатство, ни наслажденіе, ни могущество, ни почести, ни похвалы и ласкательства начальства. Здѣсь съ перваго шага чувствовалось благодѣяніе нравственно и хорошо устроеннаго государственнаго быта, не зависящаго, какъ во Франціи или въ Германіи, отъ вездѣсущаго правительственнаго попечительства, но заключающагося въ дѣятельной производительности самого народа, различныя разумныя и ошибочныя силы и стремленія котораго движутся независимо въ парламентѣ, въ печати и въ собраніяхъ и подобно тому, какъ правительство не вмѣшивается въ кругъ ихъ дѣятельности, такъ и они, съ своей стороны, уважаютъ авторитетъ правительства, которое поэтому, хотя и встрѣчаетъ противниковъ въ отечествѣ, но не враговъ

Въ концѣ 1851 и въ началѣ 1852 года казалось, какъ будто и Англія, на свой ладъ, хочетъ поворотить по великому всеобщеевропейскому потоку реакціи, что было очень естественно при всеобщемъ стремленіи Европы съ 1848 года. Быстрый своевольный и, можно сказать, торопливый способъ, какимъ лордъ Пальмерстонъ призналъ новое правительство Франціи, оскорбилъ министра-президента, лорда Джона Росселя, болѣе откровеннаго и истиннаго либерала, нежели лордъ Пальмерстонъ, и который, вѣроятно, питалъ нѣкоторую зависть къ этому выдающемуся человѣку; онъ съумѣлъ возстановить противъ него королеву, и слѣдствіемъ этой интриги, какъ мы уже говорили, было то, что Пальмерстонъ оставилъ службу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство ослабѣло и въ нижней палатѣ произошелъ раздоръ. Въ февралѣ 1852 года виги сошли съ политическаго поприща и глава партіи тори, графъ Дерби, составилъ новое министерство. Кромѣ него самого, выдающейся личностью новаго кабинета былъ Веніаминъ Дизраэли; онъ родился въ 1805 году, заслужилъ извѣстность сперва какъ романистъ, а потомъ въ парламентѣ, какъ искусный, богатый идеями, всегда готовый къ битвѣ, ораторъ, сдѣлавшійся необходимымъ для своей партіи, потому что у него было достаточно искусства и дерзости, чтобы старинному направленію духа торіевъ придать новыя формы, новый колоритъ и найти въ немъ новыя стороны; но вообще этотъ кабинетъ хотя и былъ составленъ изъ посредственностей, но Европа въ немъ видѣла консервативныя начала, поэтому и привѣтствовала его съ удовольствіемъ. Въ Англіи система эта могла существовать только короткое время и то только потому, что сторонники ея отказались отъ древне-торійскихъ началъ, уже непримѣнимыхъ больше, частію оттого, что въ противномъ лагерѣ было несогласіе; но, при первомъ удобномъ случаѣ, поднялись партіи противныя новому министерству. Случай этотъ представился по поводу назначенія бюджета; всѣ либеральныя партіи соединились: либералы-консерваторы, прозванные пилатами по имени того государственнаго мужа, который мирнымъ и незамѣтнымъ путемъ велъ древнюю, закоренѣлую въ своихъ предразсудкахъ Англію на новую почву, виги и наконецъ партія инноваторовъ, враждебная стариннымъ англійскимъ предразсудкамъ, либералы прогресисты или радикалы, со временъ преній изъ-за хлѣбнаго закона, составившіе партію съ цѣлью противодѣйствовать антихлѣбной лигѣ, и въ Англіи извѣстной подъ именемъ манчестерской партіи; итакъ, всѣ эти партіи соединились и были причиной паденія министерства. На мѣсто его составился соединенный изъ разныхъ партій кабинетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Абердина и членомъ котораго опять сдѣлался Пальмерстонъ. Первый министръ, съ сердечнымъ сожалѣніемъ, видѣлъ, что не можетъ воспрепятствовать войнѣ съ Россіей; эта невоинственность выразилась въ той вялости, съ какою война началась и съ какою англичане предоставили однимъ туркамъ вести ее, какъ знаютъ. Когда же, вслѣдъ за тѣмъ, во время крымской экспедиціи, оказались всѣ погрѣшности военной администраціи, народное негодованіе зашумѣло съ постепенно возрастающей силой; съ безпощадною жестокостію обнаруживали всѣ злоупотребленія въ цѣломъ рядѣ народныхъ совѣщаній, а по предложенію одного изъ радикаловъ Ребюка, члена палаты депутатовъ, дѣло подвергнуто было разсмотрѣнію парламентской ревизіонной комиссіи. Здѣсь въ странѣ свободной, считали недостойнымъ скрывать открывшіяся злоупотребленія, а напротивъ, намѣрены были ихъ вывести на свѣтъ Божій, подвергнуть всенародному

обсужденію и, въ открытомъ публичномъ совѣщаніи, найти средства, исправить существующее зло. Министерство откланялось; во главѣ правительства сталъ лордъ Пальмерстонъ; время его наступило; въ февралѣ 1855 года принялъ онъ управленіе новымъ коалиціоннымъ министерствомъ. Когда второй вождь партіи виговъ, лордъ Джонъ Россель, послѣ своей неудачной миссіи въ Вѣнѣ, своимъ неэнергическимъ характеромъ, потерпѣлъ политическую неудачу и вслѣдствіе этого потерялъ популярность, тогда Пальмерстонъ, хотя и окончилъ войну довольно благополучно, но гораздо охотнѣе продлилъ бы ее на годъ, чтобы возстановить славу англійскаго оружія, одинаково не выказавшаго своего превосходства ни на морѣ, ни на сушѣ; англичанъ вездѣ затмѣвали французы и поставили на второй планъ. Новое министерство не удовлетворяло однакожъ потребностямъ либераловъ, потому что не предпринимало никакихъ рѣшительныхъ реформъ; но держалось въ своихъ прежнихъ границахъ. Либералы преимущественно досадовали за то: 1) что пребываніе на островѣ Джерсей было воспрещено французскимъ эмигрантамъ письмомъ, написаннымъ королевой, вслѣдствіе свиданія ея съ французскимъ императоромъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ; далѣе 2) за то, что по настоянію англиканскаго духовенства правительство затруднялось допускать по воскресеньямъ оркестрамъ играть въ паркахъ, что составляло одно изъ немногихъ воскресныхъ удовольствій, доступныхъ рабочему классу—и наконецъ 3) за то, что верхняя палата упрямо противилась поступленію членовъ еврейскаго вѣроисповѣданія въ палату депутатовъ, и что правительство не находило средствъ прекратить это несвоевременное упрямство. Лордъ Пальмерстонъ, подобно многимъ изъ своихъ предшественниковъ, съ особенною ревностью, охранялъ неприкосновенность правъ и чести Великобританіи, и всегда готовъ былъ мстить за дѣйствительное, или мнимое нарушеніе правъ ея подданныхъ, на какой бы точкѣ земнаго шара это ни происходило; онъ считалъ, что національность, какъ магическимъ щитомъ, вездѣ должна охранять англійскаго подданнаго. Въ 1856 году лордъ Пальмерстонъ вслѣдствіе дѣйствительнаго или мнимаго оскорбленія, нанесеннаго британскому флагу въ Кантонѣ, объявилъ войну Китаю, и военныя дѣйствія начались обстрѣливаніемъ Кантона 29 октября. Съ Сѣвероамериканскими Штатами возникли несогласія по поводу права осмотра; съ Персіей произошла размолвка, потребовавшая со стороны Англіи пересмотра трактатовъ; она требовала позволенія учредить англійскія факторіи у Персидскаго залива, концессій въ пользу англійскихъ обществъ для устройства желѣзныхъ дорогъ и готова была придать своимъ требованіямъ особенный вѣсъ вооруженной силой; радикальная партія либераловъ съ неудовольствіемъ смотрѣла на все это и обвиняла перваго министра за то, что онъ черезъ эту политику военной необходимости пытается устранить столь неотложныя реформы во внутреннемъ управленіи. Партія тори, вмѣстѣ съ радикалами въ палатѣ депутатовъ, предложила, 3 марта 1857 года, ноту, осуждающую военное предпріятіе на Кантонъ; Ричардъ Кобденъ предложилъ ее голосовать и она была принята большинствомъ 263 голосовъ противъ 247. Но Пальмерстонъ зналъ, что по этому вопросу на его сторонѣ всѣ торговые интересы востока и всѣ руководящіе классы народа, поэтому онъ рѣшился на крутую мѣру—распустилъ парламентъ. Онъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ: новые выборы дали ему значительный перевѣсъ голосовъ и, слѣдовательно, возможность энергически преслѣдовать военныя предпріятія на востокѣ. Экспедиція противъ Персіи окончилась, при посредничествѣ императора Наполеона, миромъ, заключеннымъ 4 марта 1857 года; самая важная статья его состояла въ томъ, что шахъ отказался отъ области и города Герата, гдѣ съ тѣхъ поръ поставленъ былъ туземный, независимый отъ Персіи, правитель, и въ дѣла Авганистана шахъ обѣщался болѣе не вмѣшиваться.

Миръ былъ заключенъ очень во время; потому что нѣсколько времени спустя въ британской Индіи вспыхнуло ужасное возстаніе; въ первое время всѣ до того были поражены единствомъ и силой возмущенія, что думали — владычеству въ Индіи насталъ послѣдній часъ и что искусно возведенное тамъ зданіе власти потрясено въ своихъ основаніяхъ.

Въ Европѣ, съ давнихъ поръ, распространено и принято мнѣніе, что британское господство въ Остъ-Индіи есть ничто иное, какъ организованная ти-

ранція, съ единственною цѣлью обогащенія, что англійскіе богачи, изъ-за корыстолюбія готовы, безъ зазрѣнія совѣсти, нарушать законы христіанскаго чувства, человѣколюбія и чести; что они на обширныя страны Индіи смотрятъ, какъ на свою вотчину, а на ея жителей, какъ на рабовъ, извлекая изъ нихъ все что можно для удовлетворенія страсти къ пріобрѣтенію. Это несправедливо: вообще взятое, англійское управленіе въ Остъ-Индіи лучше всякаго другаго европейскаго управленія, когда либо бывшаго въ азіатскихъ областяхъ, и несравненно лучше всякаго, когда либо бывшаго, туземнаго правленія на азіатской почвѣ. Купеческое общество, до сихъ поръ управлявшее этой страною, правленіе безпримѣрное въ исторіи, вело дѣла, руководствуясь опытомъ трехъ съ половиною столѣтій, въ обширномъ смыслѣ, не очень тѣснило народъ и онъ съ своей стороны былъ довольно спокоенъ и покоренъ. Непосредственныя и посредственныя владѣнія Остъ-Индской компаніи, подъ верховнымъ покровительствомъ правительства, занимали въ то время поверхность въ 70,000 □ миль, съ народонаселеніемъ въ 160 милліоновъ человѣкъ, посреди нихъ 800,000 великобританцевъ и другихъ европейцевъ походили на капли масла, разлитаго въ обширномъ морѣ. Войска для того, чтобы держать эту массу народа въ повиновеніи, въ 1857 г. насчитывалось всего 330,000 ч.; если прибавить къ нему количество, какое, въ случаѣ потребности, обязаны были выставить ленные владѣтели, то сумма должна была дойти до 700,000 человѣкъ, но чисто европейскаго войска было не больше 50,000 чел.; все остальное были с и п а и, туземцы, обученные европейскому строю и дисциплинѣ и состоявшіе подъ командою англійскихъ офицеровъ. Тѣсной связи между господствующимъ и подчиненнымъ народомъ, само собою разумѣется, не было; ихъ раздѣляла пропасть отъ различія религіи, языка, нравовъ и расы; во всякомъ случаѣ, это было чисто иноземное владычество, которому туземцы подчинялись съ большимъ или меньшимъ отвращеніемъ и надобно замѣтить, что индусы переносили его терпѣливѣе, чѣмъ магометане. Возстаніе не было вызвано какими нибудь особенно грубыми, или неловкими ошибками, или злоупотребленіями, какихъ безъ сомнѣнія было не мало, но совершенно ничтожный случай бросилъ искру, отъ которой разгорѣлся пожаръ возмущенія; какъ горсть европейцевъ могла бороться съ этимъ громаднымъ возстаніемъ и одолѣть его, это по истинѣ величайшее и удивительнѣйшее событіе текущаго столѣтія. Съ февраля 1856 года правительствомъ назначенный генералъ-губернаторъ былъ лордъ Каннингъ, сынъ знаменитаго Георга Каннинга, но самъ далеко невыдающійся изъ ряда людей съ посредственнымъ дарованіемъ.

Съ нѣкотораго времени фанатики различныхъ вѣроисповѣданій Остъ-Индіи предсказывали, что конецъ чужеземнаго владычества приближается и что древняя Индія воспрянетъ въ своемъ могуществѣ; вслѣдствіе этого, то тутъ, то тамъ въ народѣ обнаруживалось безпокойство, но англійскіе офицеры и правительственные чиновники не обращали вниманія на эти движенія. Менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, можно было ожидать волненія въ Бенгалѣ, въ сѣверо-восточномъ изъ трехъ президентствъ, на которыя распадается индобританское государство, потому что пассивный характеръ его народонаселенія какъ будто нарочно былъ созданъ для подчиненія иноземному владычеству. Но именно здѣсь между сипайями существовалъ недостатокъ дисциплины. Причиною окончательнаго возстанія были ружейные патроны, обмазанные бычачьимъ жиромъ и розданные сипайямъ для употребленія. Рогатый скотъ, какъ извѣстно, пользуется въ Индіи большимъ, почти божескимъ, почетомъ, особенно у высшихъ кастъ индусовъ; на сколько индусамъ непріятенъ былъ жиръ рогатаго скота, на столько же отталкивающимъ было для магометанъ свиное сало; тотъ и другое употреблялись для смазыванья патроновъ. Сипайи, принадлежащіе къ высшимъ кастамъ, провѣдали, что такого рода патроны будутъ введены; это ихъ оскорбило, потому что они сочли это посягательствомъ на то, что, по религіознымъ понятіямъ индусовъ, для нихъ стоитъ выше всего, что съ незапамятныхъ временъ служитъ жизненнымъ условіемъ ихъ существованія — они сочли эти патроны посягательствомъ на чистоту касты. До правительства дошло свѣдѣніе о ночныхъ сходбищахъ сипаевъ, о неповиновеніи то тутъ, то тамъ, даже о нѣкоторыхъ волненіяхъ, но никакихъ мѣръ не приняли. Мая 8, третій конный полкъ сипайевъ, расположенный въ Миратѣ,

на сѣверо-востокъ отъ Дели, столицы великаго Могола, отказался принять и употреблять новые патроны. Можетъ быть, энергическія мѣры со стороны, хотя не значительнаго числа, европейскаго мѣстнаго войска предупредили бы возстаніе, но англичане упустили должную минуту; нѣсколько неумѣстныхъ наказаній только раздражили недовольныхъ и когда возстаніе вспыхнуло, ничего больше сдѣлать нельзя было. Мятежники, съ невыразимою яростью, нападали на отдѣльныхъ европейцевъ и ихъ семейства, и съ звѣрскою жестокостью истребляли ихъ. Сипаи, находившіеся въ Дели, гдѣ вовсе не было чисто-европейскаго войска, немедленно присоединились къ возставшимъ и, такимъ образомъ, древняя столица великаго Могола сдѣлалась средоточіемъ возстанія. Въ западномъ президентствѣ, Пенджабѣ, начальникъ края, сиръ Джонъ Лауренсъ, по телеграфу извѣщенный о возстаніи въ Миратѣ и Дели, распорядился лучше и съумѣлъ предупредить возстаніе у себя; онъ немедленно приказалъ обезоружить полки бенгальскихъ сипайевъ, расположенные въ его мѣстностяхъ, и гдѣ бы ни попадался ему одинъ изъ возставшихъ сипайевъ, безъ суда и безъ милосердія, рубилъ имъ головы. Такая жестокость здѣсь при этомъ возстаніи, которое могло вести народонаселеніе только къ безполезному кровопролитію и къ звѣрскимъ выраженіямъ инстинкта дикарей, можетъ почесться долгомъ человѣколюбія; племена, оставшіяся преданными англичанамъ, сами требовали такихъ крутыхъ мѣръ: «вы, англичане», говорилъ одинъ изъ ихъ народныхъ старшинъ, «сначала должны показать намъ, что вы сильны; если вы сумѣете наказать мятежниковъ, тогда, пожалуй, и мы не откажемъ вамъ въ своей помощи!»

Возстаніе, между тѣмъ, распространилось на всѣ гарнизоны президентства Бенгала. Потокъ пламени и убійства расширялся съ каждымъ днемъ; безпомощныя, одиночныя, по большей части, всѣми оставленныя семейства англичанъ съ геройскимъ мужествомъ отстаивали свою жизнь до послѣдняго вздоха; энергія, выказанная этимъ гордымъ, сильнымъ и благороднѣйшимъ изъ германскихъ народовъ, достойна удивленія; если у начальника отряда оставалась горсть солдатъ, на которыхъ можно было положиться, они смѣло встрѣчали сипайевъ вдесятеро многочисленнѣе. Въ центрѣ возстанія, въ Дели, въ іюлѣ было около 60,000 войска и несмотря на это, англійскій генералъ Бернаръ съ отрядомъ въ 6,000 человѣкъ, стоялъ передъ городомъ, гдѣ, кромѣ сипайевъ, насчитывалось около 300,000 жителей. Не проходило дня безъ сраженія; англичане окопались и передъ ихъ укрѣпленнымъ лагеремъ ежедневно громоздились кучи труповъ напрасно нападавшихъ сипайевъ. Ежедневная убыль англичанъ, хотя несравненно меньше, чѣмъ у нападавшихъ, все таки невознаградимо истощала ихъ силы; но мало-по-малу и къ нимъ начали являться подкрѣпленія; его доставилъ Джонъ Лауренсъ, набравшій отрядъ въ Пенджабѣ между Сиками. Къ концу августа англичане могли уже перейти въ наступательное положеніе, особенно потому, что съ каждымъ днемъ подвозъ осадныхъ орудій продолжался; начальство надъ англичанами принялъ генералъ Уильсонъ; начали обстрѣливать городъ. Обстрѣливаніе города безъ промежутковъ, продолжалось три дня и три ночи; 13 сентября оказались бреши, а 14 начался приступъ. Битва была страшная: сипаи, индусы и магометане защищались со всѣмъ изступленіемъ религіознаго фанатизма и отчаянія, они отступали шагъ за шагомъ, сбитыя съ укрѣпленій, продолжали защищаться въ домахъ и на улицахъ, строили баррикады; 6 дней длилась уличная битва при неумолкаемомъ гулѣ артиллерійскихъ выстрѣловъ и при заревѣ пожара; только 20 числа послѣднія толпы возставшихъ оставили городъ и въ безпорядочномъ бѣгствѣ потянулись по обоимъ берегамъ Джумны. Ярость побѣдителей соотвѣтствовала ярости, съ какою мятежники истребляли англійскихъ поселенцевъ: гдѣ въ домахъ находили награбленныя англійскія вещи, тамъ безъ дальняго спроса убивали все мужеское населеніе до послѣдняго младенца; англійскіе офицеры не стыдились предлагать мнѣніе, чтобы городъ былъ изгнанъ, такъ же какъ нѣкогда, во времена Іисуса Навина израильтяне изгоняли, т. е. истребляли, города Хананитянъ. Послѣдній великій Моголъ, изъ дома Тимура, былъ 92 лѣтній падишахъ Багадуръ, старикъ впавшій уже въ дѣтство; его именемъ индусы и магометане издали прокламацію, призывавшую весь народъ къ оружію для религіозной войны съ чужеземными угнетателями отечества; когда Дели былъ взятъ, падишахъ вмѣстѣ

съ возмутителями бѣжалъ; его захватили англичане, заковали въ цѣпи и посадили въ тюрьму, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Двоихъ изъ его сыновей, въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ индѣйцевъ, объятыхъ ужасомъ, застрѣлилъ изъ пистолета дерзкій англійскій офицеръ, лейтенантъ Годсонъ; вообще изъ членовъ семейства падишаха были казнены 24 человѣка. Октября 2, 1857 года генералъ губернаторъ издалъ прокламацію, въ которой извѣщалъ Индію о паденіи Дели; въ ней, между прочимъ, было сказано: «если вы не будете искать помилованія и пощады у милосерднаго законнаго своего правительства, то вы всѣ безвозвратно обречены погибели».

Взятіе Дели было дѣломъ очень важнымъ, но было, кромѣ того, много другихъ пунктовъ, гдѣ ожидали спасенія, или такихъ, гдѣ нечего больше спасать, но гдѣ надобно было мстить. Хуже всего было въ Каунпурѣ на Гангесѣ, гдѣ знатный браминъ, Нена Саибъ, человѣкъ хитрый, съумѣвшій вкрасться въ довѣренность англичанъ, теперь сдѣлался ихъ врагомъ и принялъ начальство надъ возмутившимися. Когда около средины мая и тутъ вспыхнуло возстаніе въ гарнизонѣ, генералъ Уилеръ, съ оставшимися ему вѣрными туземцами и со всѣми англичанами вышелъ загородъ и засѣлъ въ укрѣпленномъ лагерѣ; онъ держался въ немъ, несмотря на ежедневныя яростныя нападенія многочисленныхъ сипайевъ; утомленные рядомъ неудачъ, сипаи уже помышляли о томъ, чтобы отступить къ Дели и соединиться съ тамошними инсургентами; тогда Нена Саибъ, до сихъ поръ скрывавшій свою ненависть къ англичанамъ, подъ личиной преданности, съ хитростью и терпѣніемъ, свойственными индусамъ, рѣшился сбросить съ себя маску: онъ предложилъ генералу Уилеру вступить въ переговоры; положеніе англичанъ было отчаянное и они согласились. Договоръ былъ заключенъ и клятвенно утвержденъ съ той и съ другой стороны. Положено было, англичанамъ сѣсть на лодки и спуститься по рѣкѣ въ Аллагабадъ; этой минуты предатели только и дожидались; лишь только послѣдняя барка отчалила отъ берега, какъ въ нихъ начали стрѣлять; одна часть несчастныхъ пала отъ пуль, другая потонула, остальныхъ приволокли къ берегу, женщинъ и дѣтей отвели въ неволю, а мужчинъ перестрѣляли.

Та же участь грозила гарнизону Лукнова, главнаго города Ауда. Незадолго до возстанія, а именно въ 1855 году, англичане присоединили это королевство къ владѣніямъ ость-индской компаніи; въ Аудѣ насчитывалось до 5 милліоновъ жителей; она находится на лѣвомъ берегу средняго Гангеса. Здѣсь, также по примѣру Бенгала, одинъ изъ полковъ сипайевъ отказался употреблять нечистые патроны. Вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ строгому наказанію виновныхъ, ихъ только распустили; ободренные такою нерѣшительностію со стороны правительства, сипаи тоже взбунтовались и волненіе охватило всѣ мѣстности, сопровождая возстаніе такими же ужасами, какъ и вездѣ въ Индіи; но здѣсь успѣли вовремя вывезти женщинъ и дѣтей. Прочіе туземные гарнизоны послѣдовали примѣру столицы. Сэръ Генри Лауренсъ, братъ начальствующаго въ Пенджабѣ, со своимъ незначительнымъ отрядомъ, оставался въ Лукновѣ, отрѣзанный отъ всякой помощи широкой полосою возставшей окрестности; въ городѣ было до 200,000 жителей; возмутившіеся полки возрастали и недовольные повсюду поднимались; у Лауренса было всего 600 человѣкъ англійскихъ солдатъ и онъ съ этой горстью попытался было двинуться на мятежниковъ, собравшихся въ числѣ 16,000 чел., въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города; но опрокинуть ихъ было невозможно даже для этихъ отважныхъ людей; Лауренсъ собралъ всѣ свои силы, т. е. 900 чел. европейцевъ и 700 вѣрныхъ туземцевъ, и заперся съ ними въ зданіи англійскаго резидентства. Здѣсь они намѣревались держаться до тѣхъ поръ, пока придетъ помощь; но у него было мало припасовъ и еще меньше надежды на выручку, а возстаніе между тѣмъ возрастало.

Къ счастію, въ остальныхъ президенствахъ, въ Бомбеѣ и Мадрасѣ, войска остались вѣрны, или распоряженіями правительства удалось недопустить ихъ до возстанія. Въ Мадрасѣ, при первыхъ признакахъ волненія, взялись за строгость, пустили въ дѣло картечь и казни, а между тѣмъ изъ Персіи возвратились войска послѣ того, какъ тамъ миръ былъ заключенъ и въ эту экспедицію отправленные полки больше не нужны были; вмѣстѣ съ ними прибыли два отличные генерала: Ут-

рамъ и Генрихъ Гавелокъ. Іюня 30 Гавелокъ прибылъ въ Аллагабадъ, принялъ начальство надъ войсками, чтобы вести ихъ противъ Каунпура, гдѣ утвердился Непна Саибъ, а оттуда, на помощь лукновскому гарнизону. У Гавелока въ распоряженіи было всего только 1400 человѣкъ англійской пѣхоты и немного туземной конницы. Не смотря на это, не потерявъ даже ни одного человѣка, онъ одержалъ побѣду при Фаттипурѣ надъ значительнымъ войскомъ возставшихъ, вслѣдъ за тѣмъ вторую побѣду, 16 іюня, въ сосѣдствѣ Каунпура, гдѣ противникомъ его былъ Непна Саибъ; тутъ, при извѣстіи о первой побѣдѣ, Непна Саибъ приказалъ казнить всѣхъ плѣнныхъ, находившихся въ его рукахъ, и казнить самымъ изысканно-жестокимъ образомъ, тутъ были такого рода казни, какихъ европейцу и придумать невозможно. 17 іюня англичане заняли Каунпуръ, и увидѣли изуродованные трупы своихъ соотечественниковъ. Возмущеніе, собственно говоря, не проникло въ простой народъ, а держалось только въ рядахъ саибовъ и въ высшихъ классахъ: большинство простаго народа желало скорѣйшаго возстановленія тишины и порядка, т. е. возстановленія англійскаго владычества, потому что во многихъ мѣстностяхъ индусы и магометане начали враждовать другъ съ другомъ, грабить и убивать; жизнь и достояніе богатаго и бѣднаго были въ опасности отъ хищничества сипайевъ и выпущенныхъ ими на волю преступниковъ, содержавшихся въ тюрьмахъ. «Когда будете вы опять управлять нами»? спрашивали мирные поселяне, «неужели до того времени протянется еще 10 или 15 дней?» Іюля 21 Гавелокъ переправился черезъ Гангесъ и двинулся по дорогѣ въ Лукновъ, но у него всего на всего было только полторы тысячи человѣкъ, истощенныхъ переходами, битвами, знойнымъ климатомъ и болѣзнями; онъ не могъ дойти до своей цѣли и принужденъ былъ возвратиться въ Каунпуръ.

Между тѣмъ въ Лукновѣ дѣла приняли еще болѣе серьезный характеръ: Генри Лауренсъ, во время вылазки, былъ смертельно раненъ. Сиръ Джонъ Пиглесъ принялъ начальство надъ уцѣлѣвшимъ крошечнымъ отрядомъ; въ зданіи резидентства англичане были стѣснены со всѣхъ сторонъ, сосѣдніе дома были наполнены сипайями, они поставили батареи и держали осажденныхъ подъ непрерывнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ; пули, ядра и бомбы обсыпали зданіе. Здѣсь, какъ и вездѣ въ смертельной опасности, высказалась непреклонная энергія англо-саксонскаго характера; до послѣдней степени утомленные безсонницей и постоянной перестрѣлкой, они, съ непоколебимой вѣрностью и религіозною преданностью Богу, твердо стояли за свои права и за отечественное дѣло; всякій охотно и безпрекословно выполнялъ, что ему приказывалось, не отказываясь отъ самаго унизительнаго занятія. Въ 87-дневный срокъ этой первой осады, сипаи только четыре раза пытались идти на приступъ и каждый разъ, даже больные и раненые, вставали съ постелей, трясясь отъ лихорадки, и вмѣстѣ съ здоровыми отражали штурмъ; ни открытое нападеніе, ни подкопы не могли сломить мужества осажденныхъ.

Въ сентябрѣ къ осажденнымъ, тайными ходами, добрался посланный съ извѣстіемъ, что Гавелокъ, во второй разъ двинулся въ путь на выручку осажденныхъ. Отрядъ его состоялъ изъ 2,600 человѣкъ и 17 пушекъ, запряженныхъ слонами; у него были опытные и знающіе помощники: Утрамъ, Гамильтонъ, Нейль и Куперъ. Къ 23-му числу маленькій отрядъ храбрецовъ добрался до Лукнова и находился въ виду его; онъ шелъ медленно, пробиваясь шагъ за шагомъ, при потокахъ тропическихъ дождей, черезъ ряды отчаянныхъ полковъ возставшихъ; они подвигались еле замѣтно. Осажденные издали видѣли и слышали освободителей, съ трепетомъ прислушивались къ перекатамъ ружейныхъ выстрѣловъ, къ рѣзкимъ звукамъ горной дудки, до нихъ доносилась уже музыка горныхъ шотландцевъ. На 88-ой день осады избавители по грудамъ тысячъ павшихъ враговъ, проникли въ полуразрушенное укрѣпленіе и принесли спасеніе своимъ изнемогающимъ братьямъ.

Но надежда была обманчива, прибытіе новыхъ воиновъ не освободило осажденныхъ. Гавелокъ и его храбрецы проложили себѣ кровавый путь по густой массѣ возставшихъ, и соединились съ своими соотечественниками, но вслѣдъ за ихъ проходомъ, прорванныя ими полчища опять смыкались и теперь число осажденныхъ только увеличилось, и черезъ это общее положеніе ухудшилось; вновь

прибывшее войско принесло съ собою провіанта только на трое сутокъ; всѣхъ осажденныхъ теперь оказалось 2,000 человѣкъ. Ихъ общее освобожденіе зависѣло отъ того, успѣшно ли пойдетъ новый наборъ войска, производимый, вновь прибывшимъ генералъ-губернаторомъ, въ Каунпурѣ.

Судьба возстанія рѣшалась. Вся масса народонаселенія Индіи, вообще взятая, не принимала участія въ волненіи и оставалась спокойна; у нея не было ничего общаго съ возставшей дикой силой; послѣдняя бушевала и металась безъ плана, безъ опредѣленной цѣли; между тѣмъ изъ Европы прибывали новыя подкрѣпленія, посредствомъ которыхъ Великобританія рѣшилась поддержать или возстановить свое господство въ Азіи. По мѣрѣ того, какъ войска прибывали въ Калькуту, ихъ высаживали и отправляли вверхъ по рѣкѣ въ Каунпуръ. Ноября 3 новый полководецъ очутился во главѣ свѣжаго войска; его, правда, числомъ было не много, всего 5,000 человѣкъ, но это были отборные, всѣмъ необходимымъ снабженные солдаты. Операціонная линія къ 15-му достигла до Лукнова; а 17-го роговые сигналы дали знать осажденнымъ, чтобы они сдѣлали вылазку; побѣда была полная, и три полководца: сиръ Коллинъ Кампбель, Утрамъ и Гавелокъ соединились. Одинъ изъ нихъ сиръ Генри Гавелокъ, воинъ неустрашимый и глубоко вѣрующій христіанинъ, не вынесъ послѣдствій лишеній и трудовъ; онъ умеръ чрезъ нѣсколько дней послѣ освобожденія; это былъ воинъ временъ протекшихъ, пламенный ревнитель вѣры и, подобно древнимъ шотландскимъ пуританамъ, готовый во имя Христово положить жизнь за свои убѣжденія.

Возстаніе было сломано повсюду, куда появлялись англійскія войска; но оно еще далеко не было кончено. Не было недостатка въ недовольныхъ, готовыхъ оружіемъ искать свободы, но англійскія военныя силы были теперь довольно многочисленны, чтобы начать наступательныя дѣйствія и систематически подавлять и искоренять возмущеніе. Однакожъ дальнѣйшіе планы и движенія принадлежатъ къ военной исторіи британскаго войска, или вѣрнѣе къ исторіи англійскаго господства въ Остъ-Индіи, и въ рамкѣ нашего тѣснаго разсказа, безъ предварительныхъ объясненій, были бы непонятны. Для усмиренія возставшихъ очень важныя препятствія состояли въ огромной площади возставшаго края, изрѣзанной широкими и глубокими рѣками, въ значительныхъ возвышенностяхъ, представлявшихъ отличныя военныя позиціи; также трудно было бороться съ фаталистическимъ спокойствіемъ и твердою рѣшимостью, съ какими сипаи отстаивали свое дѣло и свою жизнь, потому что они знали, что послѣ случившагося имъ нечего ждать пощады. О помилованіи и милосердіи не было рѣчи, послѣ потоковъ невинно пролитой крови; всѣ попадавшіеся въ руки англичанъ плѣнники подвергались казни и смерть для нихъ старались сдѣлать страшнѣе: ихъ привязывали, напримѣръ, къ жерлу пушки, чтобы с д у н у т ь съ лица земли, какъ тогда говорилось. Не смотря на бдительность англичанъ, многимъ сипайямъ, однакожъ, удалось бѣжать въ горныя страны Непала, или въ болотистую мѣстность Рогилькунда на сѣверо-западъ отъ королевства Ауда. Англичанамъ также не удалось захватить своего злѣйшаго и отважнѣйшаго врага Нена Саиба; и наказаніе за его измѣну пришлось предоставить болѣзни, отъ которой онъ умеръ. Въ концѣ 1858 года возстаніе было окончательно подавлено, хотя казни все еще продолжались; на 28 іюля 1859 года лордъ-намѣстникъ назначилъ торжественное благодарственное богослуженіе за усмиреніе края.

Бѣдствія этого ужаснаго возстанія послужили къ тому, чтобы обратить вниманіе англійской законодательной палаты на дѣла Остъ-Индіи. Нижняя палата, вообще не знакомая съ запутанными отношеніями этой обширной страны, населенной послѣдователями различныхъ вѣроисповѣданій, по большей части, враждебныхъ другъ другу, обѣгала необходимость говорить о потребностяхъ этого отдаленнаго края и охотнѣе всего молчала. Но на этотъ разъ дѣла стояли въ такомъ положеніи, что законодательное собраніе не могло больше обходить ихъ. Двойственное правленіе очевидно было не сообразно съ потребностями края: съ одной стороны Индіей управляла торговая компанія съ системой акцій, акціонеровъ, директоровъ и т. д., съ другой стороны—государственное управленіе надзора и контроля (Board of control); пора было положить конецъ этой двойственной системѣ: еще во время возстанія, въ концѣ 1857 года, лордъ Пальмерстонъ съ этой цѣлью

внесъ билль въ парламентъ; это было какъ бы продолженіемъ начатой Пилемъ въ 1784 году реформы индійскаго управленія и предложеннаго имъ проекта закона, по которому совѣтъ директоровъ и собственниковъ-членовъ должно было замѣнить министромъ индійскихъ дѣлъ, съ правомъ занять мѣсто въ кабинетѣ и составить совѣтъ изъ 15 членовъ.

Лорду Пальмерстону не суждено было довести этого дѣла до конца. Мы видѣли, что онъ палъ вслѣдствіе покушенія Орсини и волненій въ французской имперіи, которой онъ показалъ слишкомъ большое сочувствіе. Паденіе это было особенно чувствительно для такого человѣка, какъ Пальмерстонъ, всегда слывшій сильнѣйшимъ оплотомъ британской народной гордости, но теперь поражаемый упрекомъ, что онъ поддался лести императорскихъ придворныхъ и мнимой прямотѣ французскихъ генераловъ и забылъ позаботиться о выгодахъ и о достоинствѣ Англіи, самой независимой и самой ревнивой къ своей чести изъ европейскихъ націй. Торп, хотя и сочувствовали Пальмерстону и не имѣли причины слишкомъ строго судить его дѣйствія, воспользовались однакожъ этимъ обстоятельствомъ, соединились съ радикальными либералами и приготовили его паденіе; но ихъ собственныя минуты были сочтены, потому что либеральнаго правительства, въ эту минуту, быть не могло. Королева поручила лорду Дерби составить новое министерство. Онъ самъ взялъ на себя заботы о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и политическія сношенія съ европейскими дворами; министерство финансовъ и предсѣдательство въ нижней палатѣ онъ поручилъ опять Дизраэли; важную обязанность предсѣдателя въ контрольной комиссіи (Board of control) индійскихъ дѣлъ, въ концѣ февраля, принялъ на себя прежній генералъ губернаторъ Индій лордъ Элленбору. Французскія неурядицы, бывшія причиной паденія министерства Пальмерстона, не имѣли дальнѣйшихъ слѣдствій. Французы вообще такъ безразсудно дѣйствовали въ послѣднее время, что должны были спокойно переносить довольно крупныя непріятности со стороны иностранныхъ дворовъ; въ Англіи начали было процессъ противъ французскаго эмигранта Бернара за то, что онъ былъ замѣшанъ въ орсиніевскую исторію, а именно: помогалъ приготовлять ручныя гранаты; судъ англійскихъ присяжныхъ оправдалъ его, и ему ничего нельзя было возразить, когда онъ во всеуслышаніе объявилъ, что хотя и не думаетъ слѣдовать примѣру Орсини, но считаетъ своимъ долгомъ всѣми силами противодѣйствовать существующему правительству, будетъ составлять заговоры, потому что и самъ-то императоръ только черезъ заговоръ и насиліе достигнулъ того положенія, какое теперь занимаетъ.

Впрочемъ, существованіе министерства изъ партіи тори было не особенно пріятное: оно держалось только несогласіемъ противниковъ и въ его распоряженіи бывало только случайное большинство голосовъ; но собственной самостоятельной консервативной политики, основанной на постоянныхъ убѣжденіяхъ и правилахъ, оно выработать и проводить не могло. По важному вопросу, касательно Индіи, веденіе дѣла предоставлено было нижней палатѣ, которой лордъ Джонъ Россель предложилъ цѣлый рядъ постановленій и резолюцій. Парламентъ обсудилъ и принялъ ихъ; на основаніи ихъ лордъ Станлей, сынъ графа Дерби, заступившій по индійскому контрольному правленію мѣсто лорда Элленбору, предложилъ парламенту индійскій биллъ, принятый большинствомъ голосовъ. Этотъ новый уставъ походилъ на уставъ Пальмерстона; предполагалось учредить новое индійское министерство, съ совѣтомъ изъ 15 членовъ; изъ нихъ коронныхъ 8 членовъ, а со стороны директоровъ остъ-индской компаніи, на первый разъ, 7 членовъ. Вслѣдъ за тѣмъ, 8 августа 1858 года, королева, съ согласія парламента, отмѣнила привиллегіи остъ-индской компаніи, и съ этихъ поръ Индія, для блага своего населенія, поступила въ непосредственное коронное управленіе и составила провинцію Велико-Британіи. Августа 30 въ послѣдній разъ было собраніе управленія остъ-индской компаніи, въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій владѣвшей обширнымъ государствомъ, представляя неслыханное и невиданное въ исторіи явленіе, что купеческое общество владѣетъ страною больше и многолюднѣе того государства, къ которому оно само принадлежитъ. Ноября 1, того же года, при большомъ торжествѣ, было объявлено народамъ Индустана, что королева англійская сама принимаетъ управленіе ихъ краемъ; генералъ-губернаторъ пе-

ренменованъ въ вице-короля (въ набобъ-визиря), чиновники компаніи были утверждены въ званіи королевскихъ чиновниковъ; войска принесли новую присягу своимъ новымъ королевскимъ знаменамъ; а возмутителямъ, непзобличеннымъ непосредственно въ убійствѣ англійскихъ офицеровъ, отъ правительства объявлена амнистія, если они къ январю 1859 года мирно возвратятся къ своимъ обязанностямъ и занятіямъ. По большей части всѣ такъ и сдѣлали, потому что были увѣрены, что слово, данное англійскимъ правительствомъ, будетъ исполнено.

Также, какъ по этому случаю, правительство торіевъ принуждено было идти по пути, начертанному ихъ противниками, и произвести важную, по своимъ послѣдствіямъ, реформу, похоронить одну изъ особенностей древне-англійскаго быта, ея остъ-индскую компанію, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, чтобы не потонуть въ водоворотѣ требованій времени, министерство принуждено было уступать. Такъ, напримѣръ, евреи получили право засѣдать въ парламентѣ, что до сихъ поръ верхняя палата упрямо отвергала, и то, чего ни одно либеральное правительство не могло провести, удалось теперь консервативному министерству, при установленіи новаго билля присяги; 26 іюля 1858 года баронъ Ротшильдъ, какъ депутатъ отъ Сити—лондонской части города,—принятъ былъ членомъ въ нижнюю палату. Лордъ Дерби энергически, твердо и разумно, съ большимъ знаніемъ и тактомъ, велъ политическія сношенія съ европейскими дворами. Іюня 26 окончена была война съ Китаемъ, которую Англія сообща съ Франціей вела съ мая 1857 года. Декабря 29 того же 1857 года, оба соединенныя войска приступомъ взяли Кантонъ; это такъ устрашило китайцевъ, что дало рѣшительный поворотъ дѣлу, и мирный договоръ въ Тяньдзинѣ былъ подписанъ. Китайскій императоръ убѣдился въ своемъ безсиліи, когда 5,000 человѣкъ европейскаго войска приступомъ взяли городъ въ милліонъ и больше жителей; къ тому же, опасное возстаніе въ Манджуріи, противъ царствующей династіи, побуждало императора поскорѣе покончить войну съ иностранцами. Когда же англо-французская эскадра появилась въ устьѣ рѣки Пейхо и готовилась идти вверхъ по теченію, опасенія за цѣлость столицы окончательно побѣдили колебанія императора, и онъ уступилъ. Китай выплатилъ значительную сумму денегъ на покрытіе военныхъ издержекъ; христіанство, на будущее время, дѣлалось терпимымъ въ Китаѣ, европейскимъ резидентамъ впередъ обѣщано было не дѣлать никакихъ затрудненій и тѣмъ болѣе притѣсненій; извѣстное число китайскихъ гаваней дѣлалось доступнымъ для европейскихъ торговыхъ судовъ. Англійскій уполномоченный, лордъ Эльгинъ, вынудилъ у Японіи подобный же трактатъ; но здѣсь онъ нашелъ больше готовности сблизиться съ европейцами, нежели въ Китаѣ.

Относительно короля неаполитанскаго, Фердинанда, засадившаго въ тюрьму нѣсколько англійскихъ инженеровъ, министерство торіевъ показало твердость и требовательность, заслужившія полнаго одобренія даже либераловъ; они, сказать мимоходомъ, очень были довольны министерствомъ: во внѣшней политикѣ оно показывало твердость, самоуваженіе и много такта; при внутреннемъ управленіи министерство тоже нравилось либераламъ: оно дѣлало уступку за уступкой, чтобы задобрить ихъ могущественную партію и продлить свое существованіе; этими уступками министерство до того сдѣлалось популярнымъ, что противники желали ему, какъ можно долѣе оставаться во главѣ правленія; такой порядокъ вещей они считали благопріятнымъ для того, чтобы съ успѣхомъ возобновить вопросъ о парламентской реформѣ. Рано, или поздно, къ этому все-таки надобно было приступить, если законодательству англійскаго государства суждено было соотвѣтствовать общественнымъ потребностямъ народной жизни.

3. Италія.

Въ войнѣ съ Россіей, какъ мы видѣли, Сардинія присоединилась къ западнымъ державамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними бороться съ возрастающимъ могуществомъ этой величайшей изъ европейскихъ державъ. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на умы, хотя приверженцы реакціи пытались выставить его какъ что-то

неважное. Нашлись даже такіе люди, которые съ презрѣніемъ сравнивали союзъ 26 января 1855 года съ постыдными договорами прошедшаго столѣтія, посредствомъ которыхъ германскіе государи продавали кровь и жизнь своихъ подданныхъ англичанамъ и французамъ; но имъ было извѣстно, что Италія только казалась тою-же, какою была во времена Меттерниха; она только наружно была олицетвореніемъ прежняго географическаго понятія о ней; теперь она становилась политическимъ понятіемъ, и союзъ съ западными державами былъ хорошо взвѣшенный и обдуманный шагъ къ давно желанной цѣли—къ единству, къ составленію одного италіянскаго національнаго государства: этой цѣли не скрывали руководящіе патріоты и государственные люди Сардиніи, но открыто признавались въ ней передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Вовсе не двусмысленную, рѣзкую противоположность представляла система управленія въ австрійскихъ областяхъ Италіи и въ Піемонтѣ. Посмотримъ, что дѣлалось въ австрійской Италіи въ десятилѣтнее перемиріе, предшествовавшее великой и окончательной борьбѣ ея за независимость.

Въ Римѣ и въ Церковной области вновь хозяйничало возстановленное духовное правительство, подъ покровительствомъ французскаго войска, расположеннаго въ Римѣ и въ Чивита-Веккіи, и австрійскаго—въ Феррарѣ. Въ первые годы послѣ повсемѣстнаго пораженія либеральной и національной партіи и ихъ надеждъ, глава католичества, папа, воспользовался реакціоннымъ настроеніемъ европейскихъ державъ на столько же, насколько имъ воспользовались реставрированные правители, послѣ великаго низложенія революціонной имперіи въ 1815 году. Такъ какъ повсюду революціонное начало враждовало съ государями и церковью, или, какъ выражались патетически, хотя невѣрно, «противъ трона и алтаря», то съ нѣкоторымъ основаніемъ утверждали, что республиканизму и радикализму основаніемъ служитъ «вражда къ Богу и къ господствующей церкви» и что, слѣдовательно, ему можно противопоставить только тѣсное единеніе съ этой самой церковью. На римской почвѣ, очень справедливо, истинною церковью считалась римско-католическая; она, въ глазахъ ея послѣдователей, была единою истолкователь ницею слова Божія на незыблемыхъ основаніяхъ откровенія Божественнаго, не входящею ни въ какія человѣческія толкованія и недопускающею мудрствованій: она была дальше всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ отъ того, что реакціонерная церковная партія тогдашняго времени называла субъективизмомъ. Римская церковь понимала духъ времени и умѣла пользоваться своими минутными успѣхами и благопріятнымъ для себя временемъ; она противопоставила свои притязанія и требованія универсальнаго господства—основнымъ и жизненнымъ условіямъ національностей и какъ бы для того, чтобы попытать, на сколько папская власть еще сильна въ это столѣтіе, кичливое человѣческими изысканіями въ дѣлахъ религіи столько же, сколько и въ другихъ отрасляхъ знанія, Папа Пій IX, въ 1854 году, призвалъ въ Римъ епископовъ христіанскаго міра для собора, чтобы толковать о безпорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи и постановить ученіе объ этомъ, при свидѣтельствѣ достаточнаго количества учителей церкви, какъ незыблемый и непреложный догматъ церкви. Догматъ этотъ былъ обнародованъ 8 декабря 1854 года; само собою разумѣется, протестантскіе богословы не преминули написать цѣлые томы для опроверженія этого ученія, и всѣ ихъ сочиненія, при этомъ, опирались и ссылались на сочиненіе нѣмецкаго ученаго Шлейермахера: Der christliche Glaube. Но всѣ толки еретиковъ не смущали папу Пія, онъ глубоко вѣровалъ, что только по милосердому заступничеству Пресвятой Дѣвы Маріи освободился онъ отъ революціи и потому, по чувству глубокой признательности къ ней, считалъ своимъ долгомъ, черезъ возстановленіе упомянутаго догмата, доказать ей свою благодарность. Одинъ французскій аббатъ-радикалъ нарочно пріѣхалъ въ Римъ, чтобы протестовать противъ догмата, но папская полиція напомнила ему объ его обязанностяхъ въ отношеніи церкви и выслала его изъ папскихъ владѣній. Епископы повсюду торжественно объявляли догматъ и праздновали это событіе. Простой народъ встрѣчалъ церковныя процессіи съ уваженіемъ, а праздники съ удовольствіемъ; высшіе классы, смотря по степени развитія, или съ вѣрой, или хладнокровно, или съ недовѣрчивостью, отнеслись къ этому; подобно тому, какъ нѣкогда Моритъ Оранскій выразился по случаю возникшаго спора на счетъ ученія о пре-

допредѣленіи: «не знаю», сказалъ онъ, «какого цвѣта предопредѣленіе, сѣраго или голубаго, ему все равно», такъ и теперь большинство образованныхъ людей встрѣтило догматъ равнодушно, а масса, очень спокойно, безъ дальнѣйшаго размышленія, присоединила его къ остальнымъ истинамъ церкви, которымъ вѣрила, или думала, что вѣритъ имъ. За то нѣкоторыя коронованныя лица выказали папѣ свое сочувствіе; такъ, императоръ австрійскій подарилъ папѣ, на сооруженіе въ Римѣ памятника по поводу утвержденія этого ученія, 250,000 флориновъ. Дальнѣйшіе успѣхи католицизма, или, вѣрнѣе сказать, великой идеи о единой христіанской церкви, выродившейся въ могущество, предоставленное іезуитамъ, распространялось все болѣе и болѣе; но пути и средства, употребленные іезуитами, мы разсмотримъ при изложеніи исторіи отдѣльныхъ государствъ, въ жизни которыхъ они занимали не послѣднее мѣсто.

Мірскими дѣлами Церковной области занимался кардиналъ статсъ-секретарь Антонелли, къ большой невыгодѣ народа, такъ какъ дѣла эти постоянно смѣшивали съ католически-духовными интересами, и потому народъ страдалъ. Яковъ Антонелли родился въ 1806 году; онъ происходилъ отъ незнатныхъ и небогатыхъ родителей; непреклонная твердость и жестокость характера соединялись въ немъ съ уклончивостью придворнаго льстеца, свойства необходимаго для того, чтобы выдвинуться въ той сферѣ, въ которую онъ попалъ; онъ съумѣлъ пріобрѣсти привязанность Пія и сдѣлаться для него необходимымъ; пользуясь своимъ вліяніемъ на него, онъ вдохнулъ въ его мягкую душу свою твердость и свое честолюбіе, направленное на то, чтобы возвратить цвѣтущіе дни римской іерархіи и опять воскресить универсальное владычество духовенства. Внутреннее состояніе области не улучшилось: папскія разбойничьи банды или, что все равно, папскіе жандармы, набранные изъ освобожденныхъ изъ тюремъ бандитовъ, должны были разъѣзжать по дорогамъ и пустыннымъ мѣстностямъ, чтобы держать въ страхѣ настоящихъ бандитовъ. Вся система управленія состояла въ притѣсненіяхъ всякаго рода и поборахъ во имя церкви и ея служителей, въ строгомъ искорененіи всего того, что походило на мѣстное самоуправленіе; церкви и монастыри тяготили народъ своими постоянными ссорами и тою массою нищенствующей братіи, которую монастыри держали въ готовности и, по мѣрѣ надобности, пускали въ села и деревни. При настоящемъ положеніи дѣлъ не могло быть и рѣчи о реформахъ, тѣмъ болѣе, что и Франція находила правительственныя распоряженія въ Церковной области превосходными, а французскіе посланники говорили о тѣхъ же злоупотребленіяхъ, которыя побудили теперешняго императора французовъ написать полковнику Нею письмо, о которомъ мы говорили выше, что это только недоразумѣнія или клеветы на итальянскія народныя особенности.

Въ Церковной области производились безконечныя казни и аресты. Въ 1845 г. было 13,000 политическихъ заключенныхъ и до 19,000 политическихъ эмигрантовъ. Даже въ Неаполѣ не было хуже этого, хотя и здѣсь генералы и прежніе министры и депутаты находились въ цѣпяхъ и въ тюрьмѣ, гдѣ преднамѣренно ихъ сажали въ одну камеру съ ворами и убійцами.

Изъ Тосканы австрійскія войска вышли въ маѣ 1855 года; послѣдовавшая затѣмъ свобода однакожь не послужила ни въ пользу народа, ни правительства, общее состояніе отъ этого не улучшилось, ни ухудшилось. Партія національная надѣялась на какую нибудь неожиданную благопріятную перемѣну въ будущемъ, клерикальная пользовалась настоящимъ, а великій герцогъ и его министръ Балдассерони лавировали между тою и другою партіей.

Ужасное событіе доказало, какъ мало можно было довѣрять спокойствію Пармы. Марта 26, въ 1854 году, посреди большаго стеченія народа, по близости отъ дворца, герцогъ Карлъ III былъ заколотъ кинжаломъ; пять дней спустя, таже участь постигла слѣдователя, которому поручено было разобрать это дѣло; убійца остался неизвѣстенъ. Вдова герцога приняла регентство и надѣялась кротостію и мирными мѣрами сохранить престолъ для своего сына; совсѣмъ противоположныхъ правилъ держался герцогъ Францъ V Моденскій; въ его государствѣ преобладало патріархальное правленіе, не щадившее ни плетей, ни палокъ, ни розогъ. Такъ какъ герцогъ былъ бездѣтенъ, то можно было ожидать, что герцогство послѣ его смерти перейдетъ къ Австріи; можетъ быть многіе на это смотрѣли, какъ на обстоятельство еще не совсѣмъ дурное.

Касательно австрійскихъ провинцій въ Италіи, въ Вѣнѣ думали, что память о послѣднихъ событіяхъ уже поросла травой забвенія, и потому полагали, что пора имъ уже изъ военнаго положенія по-маленьку перейти въ мирное. Самъ императоръ, съ своей молодой супругой, явился въ концѣ декабря 1856 года въ Италію, сначала въ Венецію, потомъ, 15 января 1857 года, въ Миланъ, гдѣ онъ прожилъ до начала марта. Императорской четѣ нечего было жаловаться на пріемъ, хотя онъ и не былъ исполненъ такого чрезмѣрнаго энтузіазма, какъ это утверждали нѣкоторыя нѣмецкія газеты, редакторы которыхъ питались крохами, падающими со стола государя. Императоръ обнародовалъ 25 января милостивое всепрощеніе всѣмъ обвиняемымъ, или находящимся подъ арестомъ, за нарушеніе общественнаго спокойствія и т. п. По прошенію престарѣлаго 91 лѣтняго фельдмаршала Радецкаго, императоръ согласился отпустить его на покой, а на мѣсто его генералъ-губернаторомъ Ломбардо-венеціанскаго королевства назначенъ былъ молодой эрцгерцогъ Максимиліанъ, братъ императора, юноша, исполненный возвышенныхъ идеальныхъ стремленій, но отмѣченный судьбою для ужасной доли; въ одно время съ Максимиліаномъ, главнокомандующимъ въ Ломбардо-венеціанское королевство назначенъ былъ добродушный и гостепріимный Джулай. Императоръ былъ очень милостивъ къ италіянцамъ, обходился съ ними съ достоинствомъ, распоряжался очень умно, и были минуты, когда можно было надѣяться, что доброе согласіе между побѣдителями и побѣжденными возстановится. Вслѣдствіе конкордата, заключеннаго съ римской куріей и впослѣдствіи ставшаго роковымъ для имперіи, духовенство сдѣлалось требовательно и дерзко, особенно высшее: архіепископъ миланскій, епископы Бресчіи и другіе начали вмѣшиваться въ дѣла управленія; такъ, напримѣръ, архіепископъ миланскій наложилъ свою собственную цензуру на всѣхъ миланскихъ книгопродавцевъ и типографщиковъ. Этого допустить не могло даже императорское правительство, оно изъ этого увидѣло, что духовенство начинаетъ толковать свѣтское законодательство и, если находитъ это недостаточнымъ, то само открыто нарушаетъ законы.

Но большихъ надеждъ на умиротвореніе края нечего было питать. Здѣсь произошло то, чего ни забыть, ни простить нельзя было. Друзья народа молча покорялись тому, чего перемѣнить не могли; они пользовались тѣмъ, чѣмъ можно было, но ихъ настоящаго образа мыслей не могли перемѣнить ни злыя, ни добрыя времена. Ихъ надежда, ихъ истинное отечество было по ту сторону Тессино, гдѣ настойчиво готовились къ новой борьбѣ и къ новому разрѣшенію прежней задачи.

Королевство Сардинія, послѣ мира въ 1849 году и послѣ событій, за нимъ послѣдовавшихъ, находилось въ очень затруднительномъ положеніи. Реакція на цѣломъ материкѣ Европы торжествовала, надобно было имѣть много мужества, чтобы, подобно Англіи, оставаться единственно честно-либеральнымъ конституціоннымъ королевствомъ. Сардинія выполнила эту задачу. Послѣ несчастнаго сраженія при Новарѣ, предсѣдательство въ піемонтскомъ министерствѣ принялъ на себя маркизъ Массимо д'Азельо (род. 1798 г.), открытый, честный и дальновидный патріотъ. Вслѣдствіе несчастной войны, государство находилось въ критическомъ финансовомъ положеніи, а безумные радикалы, ни за что не хотѣвшіе подчиняться неизбѣжному, поминутно готовы были нарушить внутреннее спокойствіе какою нибудь неумѣстною выходкою и не хотѣли понять, что для того, чтобы государство могло оправиться отъ потерпѣннаго пораженія, ему необходимо спокойствіе и внутри, и внѣ его предѣловъ; но это броженіе умовъ у людей недовольныхъ и нетерпѣливыхъ только увеличивало затрудненія правительства. Самъ король, хорошій, прямой и честный воинъ, съ здоровымъ, крѣпкимъ умомъ, но съ очень обыкновенными дарованіями, предоставилъ управленіе государствомъ людямъ болѣе способнымъ и опытнымъ, а самъ, пока въ немъ не окажется надобности, искалъ развлеченій соотвѣтственно своимъ наклонностямъ. Люди, руководившіе правительственнымъ строемъ, Азельо, Сикарди и др., знали, что нельзя терять ни минуты мирнаго времени, чтобы быть готовыми въ минуту опасности и борьбы, которая неизбѣжна, въ этомъ никто не сомнѣвался, но когда настанетъ эта давно предвидѣнная борьба, никто не могъ этого предсказать; во всякомъ случаѣ было убѣжденіе, что опасность должна найти Сардинію не только госу-

дарствомъ готовымъ для войны, но и государствомъ здоровымъ и крѣпкимъ по своему внутреннему составу. На конституцію смотрѣли, какъ на незыблемую твердыню, какъ на основаніе государственнаго зданія; палату удалось составить изъ людей умѣренныхъ и преданныхъ конституціонному началу. Въ февралѣ 1850 г. палатѣ предложены были законы касательно внутреннихъ потребностей: духовенство, въ гражданскихъ и уголовныхъ случаяхъ, предложено было судить гражданскимъ и уголовнымъ судомъ, наравнѣ съ прочими подданными; работать запрещалось только въ самые большіе праздники; покупка недвижимой собственности, пріобрѣтеніе земель по дарственной записи, духовнымъ корпораціямъ предлагалось допускать только съ разрѣшенія правительства. Между ораторами, защищавшими проекты этихъ законовъ, во второй палатѣ, особенно отличился графъ Камиллъ Бензо ди Кавуръ, которому суждено было занять первенствующее мѣсто во главѣ правительства. Онъ родился 10 августа 1810 года въ Туринѣ; родители его принадлежали къ одному изъ старинныхъ и почтенныхъ домовъ; свою карьеру онъ началъ офицеромъ, потомъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, писалъ въ журналахъ противъ радикаловъ и, какъ человѣкъ независимый по своему собственному положенію, по богатству, по большому запасу знаній, въ какой кругъ и на какое поприще судьба ни бросала его, вездѣ онъ выдѣлялся изъ окружающей его среды. Положеніе Италіи и его родины, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, по своему значенію опасное, но въ тоже время исполненное надеждъ, породило въ немъ благородное одушевленіе и указало ему цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться; впрочемъ, замѣтимъ, Италія никогда не была такъ богата одаренными рѣдкими способностями людьми, какъ въ это именно время.

Большинствомъ 130 голосовъ противъ 27, законы, предложенные Сикарди и прозванные его именемъ, были приняты марта 9; меньшинство состояло изъ радикаловъ, которые думали, что можно однимъ ударомъ ниспровергнуть и папу, и духовенство, и вѣрованія церкви, просуществовавшей тысячелѣтія; къ меньшинству принадлежали и ультрамонтаны. Въ смыслѣ ихъ протестовалъ, 18 марта папскій нунцій, называя новые законы «унизительными для духовенства»; архіепископъ туринскій Франсони пошелъ дальше: онъ запретилъ духовенству своей епархіи, по требованію суда, являться къ отвѣту; но правительство съумѣло доставить силу только-что утвержденнымъ законамъ, и высокомѣрный прелатъ, въ наказаніе за сопротивленіе законамъ, долженъ былъ отсидѣть положенный срокъ въ туринской цитадели. Клерикальная партія заволновалась и изо всѣхъ силъ протестовала противъ нестерпимыхъ притѣсненій; пользуясь свободой печати, она старалась поднять всѣхъ благомыслящихъ и при случаѣ мучила тѣхъ, которые подавали голосъ въ пользу законовъ Сикарди, отказывая имъ въ смертный часъ въ утѣшеніяхъ, какія подаетъ церковь; такъ, министру Санта-Роза отказано было въ св. причащеніи, и онъ умеръ безъ него. 11 октября 1850 года, на мѣсто его, министромъ торговли и сельскаго хозяйства назначенъ былъ К а в у р ъ.

Это былъ человѣкъ, какъ бы созданный для того, чтобы основать единое національное италіянское государство. Онъ сдѣлалъ это цѣлью своей жизни, и сознаніе это удвоило силы, данныя ему природой; онъ доказалъ своимъ примѣромъ, что человѣкъ съ твердымъ убѣжденіемъ, одаренный природой свѣтлымъ умомъ, при парламентскомъ устройствѣ конституціоннаго государства, гораздо могущественнѣе, нежели при абсолютномъ правленіи. Онъ лучше какого нибудь слѣпаго радикала и неглубокаго либерала понималъ, какое могущество заключается въ религіозномъ стремленіи народа и какъ имъ можно воспользоваться, но не допускалъ точки зрѣнія ультрамонтанской партіи и остерегался ея: «ультрамонтанизмъ опаснѣйшій врагъ человѣчества», писалъ онъ еще въ 1842 году. Оскорбленія, какими его осыпали приверженцы этой партіи, его не смущали. Италіянцевъ вообще ультрамонтанскія воззрѣнія менѣе поражаютъ и трогаютъ, чѣмъ остальную католическую Европу, потому что громы Ватикана куются у нихъ передъ глазами. Въ апрѣлѣ 1851 года принялъ на себя Кавуръ еще третье министерство—финансовъ. Человѣкъ этотъ обладалъ исполинскою физическою и нравственною силами; онъ могъ работать, какъ мало кто; подобно государственнымъ людямъ древняго Рима, пріемъ посѣтителей начинался у него очень рано поутру, съ разсвѣтомъ; онъ вскорѣ убѣдился, что еще не уничтожены послѣдствія несчастной войны и на-

ходилъ только одно средство, чтобы исправить ихъ и подготовить матеріальную возможность для выполненія великой задачи, поставленной Сардиніи въ виду всего національнаго единенія Италіи, а именно: возвысить народную дѣятельность рабочихъ силъ государства, и отъ повышенія производительныхъ средствъ его, налогами получать большія выгоды для правительства. Цѣлый рядъ торговыхъ трактатовъ былъ слѣдствіемъ этого воззрѣнія; во многихъ, исполненныхъ пламенной убѣдительности, рѣчахъ высказалъ онъ свой свободный взглядъ на торговую политику; провести свою идею стоило ему большаго труда, потому что даже независящія отъ него препятствія ставила ему сама природа: неудачная жатва, болѣзнь винограда и шелковичныхъ червей уменьшали предметы для вывозной торговли. Слѣдуя своей политикѣ, Кавуръ прежде всего постарался сблизить Піемонтъ съ Англіей: это была драгоцѣнная дружба, хотя плоды, ею принесенные, послѣдовали медленно и дѣйствовали постепенно. Кавуръ заключилъ торговый договоръ даже съ Австріей; онъ смотрѣлъ на жизнь народовъ съ настоящей, разумной точки зрѣнія и понималъ, что она состоитъ не изъ однихъ только политическихъ отношеній, а что въ ней есть много такихъ сторонъ, при которыхъ сближеніе можетъ быть даже между враждебными другъ другу народами и они могутъ дѣйствовать согласно, если даже не взять въ разсчетъ того, что можетъ придти время, когда политическая вражда между Италіей и Австріей больше существовать не будетъ. Такимъ образомъ, правительство Сардиніи, подъ руководствомъ двухъ замѣчательныхъ людей, искусно лавировало между опасностями. Особенно опасно было касаться финансовыхъ злоупотребленій духовенства, но Кавура не остановила опасность: въ королевствѣ было слишкомъ много духовенства; на 227 душъ приходилось по одному монаху или священнику, на 146,000 душъ — по одному епископу; тогда какъ въ Австріи и Бельгіи на 500 человѣкъ жителей приходилось по одному духовному; а на 36 епископовъ и 6 архіепископовъ Піемонта, Бельгія, при народонаселеніи почти равномъ, имѣла только 6 епископовъ; Кавуръ рѣшился сократить число духовенства, но тутъ поднялся вопль обиженныхъ, преимущественно высшаго клира, который заглушалъ менѣе ясныя и отчетливыя жалобы низшаго духовенства, тѣмъ болѣе, что въ пользу его Кавуръ намѣревался употребить излишекъ роскоши и богатства, какимъ пользовался слой высшаго духовенства, тогда какъ низшее, сельское, страдало отъ недостатка и бѣдности. Катастрофа, измѣнившая правленіе во Франціи, отозвалась и на Піемонтѣ и Италіи: союзъ, заключенный Наполеономъ съ ультрамонтанами, подвергалъ независимость Піемонта опасности и надобно было дѣйствовать съ особенной осторожностью, чтобы обойти ее; съ цѣлью не раздражить своихъ недоброжелателей, въ концѣ 1851 года, утвержденъ былъ законъ, ограничивающій свободу газетной печати, относительно отзывовъ о личности иностранныхъ государей; лѣвая сторона палаты заволновалась и кричала, что это измѣна, посягательство на свободу; Кавуръ, пользуясь настоящею, должною минутой, съумѣлъ сгруппировать вокругъ себя всѣ умѣренные элементы правой и лѣвой стороны; такъ, напримѣръ; въ вопросѣ о печати онъ поставилъ Ратацци и его приверженцевъ изъ центра лѣвой стороны противъ Менабреа и правой, къ которой Кавуръ прежде самъ принадлежалъ; онъ примирилъ недовольныхъ тѣмъ, что объяснилъ отъ имени короля и парламента, что ни тотъ, ни другой не намѣрены стѣснять прессы касательно разбора распоряженій внутри государства. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за одиночными парламентскими личностями или за цѣлыми группами, составленными изъ членовъ. Вліяніе Кавура на ходъ дѣлъ возрастало все болѣе и болѣе; онъ мало-по-малу дѣлался средоточіемъ управленія; надобно приписать особенную честь остальнымъ парламентскимъ и политическимъ двигателямъ, что они сознали превосходство этого необыкновеннаго государственнаго человѣка надъ собою и съумѣли подчиниться ему. Правая сторона, консерваторы, подала примѣръ своимъ заявленіемъ, «что въ правительствѣ намѣрена видѣть цѣлую націю, а не одну какую-либо партію». Союзъ Азельо съ Кавуромъ расторгся въ 1852 году, по поводу избранія Ратацци въ президенты палаты депутатовъ; Кавуръ вышелъ изъ министерства; не смотря на это, оно продолжало идти по пути, однажды ему указанному, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво, безъ задней мысли, все впередъ къ извѣстной цѣли. Доказательствомъ этого стремленія къ прогрессу можетъ

служить законъ о гражданскихъ формахъ, опредѣленныхъ при бракосочетаніяхъ; по случаю этого закона, въ іюнѣ и въ іюлѣ того же года, происходили сильнѣйшія пренія въ палатахъ. Новый законъ постановилъ, что послѣ церковнаго обряда, въ теченіе 24 часовъ, неизбѣжно должна слѣдовать гражданская запись, и въ такомъ случаѣ, еслибы священникъ, почему бы то ни было, отказывался вѣнчать, то полагалось заключать, такъ называемый, гражданскій бракъ; не смотря на неудовольствіе и жалобы куріи, законъ былъ принятъ и утвержденъ, частію на томъ основаніи, что она уже принуждена была допустить во Франціи обязательный гражданскій бракъ, и отъ этого не потерпѣла особеннаго несчастія. Въ октябрѣ того же года Азельо отказался отъ своего мѣста, по причинѣ сильнаго разстроеннаго здоровья, и удалился въ свое имѣніе, гдѣ жилъ очень бѣдно представляя рѣдкій примѣръ безкорыстной честности. Передъ тѣмъ, чтобы сойти съ политическаго поприща, Азельо самъ указалъ королю на Кавура, какъ на достойнѣйшаго преемника себѣ; Викторъ-Эмануилъ, умѣвшій оцѣнивать людей, уже давно видѣлъ въ Кавурѣ человѣка, которому предназначена великая роль въ будущемъ. Лично для короля, Кавуръ былъ далеко неудобенъ какъ министръ, тѣмъ болѣе, что король хотѣлъ примириться съ куріей, но Кавуръ наотрѣзъ отвѣчалъ, что ни за какія блага не уступитъ ея требованіямъ; поэтому король пытался обойтись безъ Кавура и на мѣсто Азельо назначилъ Бальбо, одного изъ консерваторовъ; но задача для этого человѣка оказалась сильно трудною, и потому Викторъ-Эмануилъ все-таки принужденъ былъ обратиться къ Кавуру и поставить его во главѣ новаго правительства, 4 ноября 1852 года.

Это былъ шагъ очень смѣлый, потому что Наполеонъ не былъ доволенъ назначеніемъ этого министра, а Австрія и всѣ государства европейской реакціи, въ томъ числѣ и папа, были рѣшительно противъ назначенія Кавура. Австрія была раздражена до крайности: чтобы мстить италіянскимъ провинціямъ за ихъ сочувствіе Кавуру, австрійское правительство воспользовалось замысломъ партіи мадзинистовъ и издало декретъ, по которому предполагалось конфисковать всѣ имѣнія въ Ломбардіи, принадлежавшія италіянскимъ эмигрантамъ; Кавуръ не задумываясь принялъ на себя защиту притѣсненныхъ; онъ составилъ памятную записку, которую адресовалъ кабинетамъ всѣхъ великихъ державъ; въ этой запискѣ онъ ясно выставляетъ, какъ недостаточно, безъ всякаго судебнаго слѣдствія и доказательства, мстить всѣмъ эмигрантамъ за преступленіе, совершенное малѣйшей частицей ихъ. Но время взяться за оружіе еще не пришло и англійская пресса опять позаботилась выставить передъ всею читающей европейской публикой, какъ дурно и несправедливо Австрія поступаетъ въ отношеніи Италіи. Наполеонъ при всемъ этомъ оставался безучастно-холоднымъ; онъ былъ связанъ обстоятельствами: онъ не могъ нарушать добраго согласія съ клерикальною партіей, на сторонѣ которой была Австрія. Да и въ самомъ Піемонтѣ клерикальная партія была еще очень могущественна; это, равно какъ и система финансовъ, отъ которыхъ будущее соединеніе Италіи въ одно государство непрестанно требовало новыхъ и новыхъ жертвъ, составляло самое большое правительственное затрудненіе для Кавура. То и другое понуждало его принять рѣшительныя мѣры противъ могущественнаго еще по своему богатству и вліянію духовенства; къ тому же отовсюду изъ помѣстій и незначительныхъ городовъ и мѣстечекъ являлись просьбы и письма, требовавшія, чтобы онъ уничтожилъ монастыри, уменьшилъ число епископствъ, сократилъ число епархій и отобралъ недвижимую собственность отъ служителей церкви. Требованія были очень опредѣленно выражаемы, но Кавуръ съумѣлъ и тутъ выказать свою умѣренность; онъ рѣшился только на крайне необходимыя ограниченія; но крѣпко отстаивалъ то, что считалъ справедливымъ и должнымъ; онъ увеличилъ жалованье сельскихъ священниковъ и тѣмъ улучшилъ ихъ бытъ и т. п., но однажды сознавъ крайне необходимыя реформы, твердо доводилъ ихъ до окончанія, не смущаясь ни отлученіемъ отъ церкви, ни интердиктами, ни угрозой иностраннаго вмѣшательства. По закону отъ февраля 1855 года были закрыты 334 орденскихъ общинъ съ 4,280 мужескими и 1,100 женскими членами; не смотря на это, все еще оставалось 22 ордена съ 264 монастырями и 40,000 монахами и монахинями. Этотъ огромный остатокъ показываетъ, на сколько необходимъ былъ законъ о закрытіи монастырей. Папа произнесъ отлученіе отъ

церкви на виновниковъ этого закона и на исполнителей его, но въ отлученіи не были поименованы лица, подвергавшіяся ему.

Между тѣмъ политическія отношенія европейскихъ кабинетовъ, по поводу русско-турецкой войны и союза западныхъ державъ, находились въ очень запутанномъ положеніи; оно дало возможность Піемонту значительно поправить свои дѣла. Въ теченіе многихъ лѣтъ это одинокое государство, подобно легкой лодкѣ, прочно построенной, но чрезмѣрно нагруженной, однако безъ течи, боролось на враждебныхъ моряхъ съ противными вѣтрами и всевозможными опасностями; со страхомъ и опасеніями его кормчіе не спускали глазъ съ неба и ловили грозные признаки приближающейся губительной бури; но теперь, враждебныя до сихъ поръ обстоятельства, чуть замѣтно принимали благопріятнѣйшій колоритъ. Великій государственный человѣкъ, стоявшій у кормила правленія, первый замѣтилъ благопріятные признаки и тотчасъ поставилъ паруса свои такъ, чтобы поймать малѣйшее дуновеніе попутнаго вѣтра. Англія чувствовала недостаточность своихъ сухопутныхъ силъ и немедленно прибѣгла къ своему старинному и не разъ испытанному средству, чтобы выйти изъ затрудненія. Января 26 1855 года, какъ мы уже говорили, Сардинія приступила къ англо-французскому союзу для того, чтобы поддержать самостоятельное существованіе Турціи, и послала свое войско подъ Севастополь.

Этотъ союзъ можно назвать смѣлой, но глубоко обдуманной, геніальной мѣрой. Битвы, рядомъ съ англійскими и французскими войсками, могли служить превосходнѣйшей школой для сардинскихъ солдатъ, отправленныхъ туда въ большемъ количествѣ, чѣмъ по договору слѣдовало; эта экспедиція важнѣе всего въ томъ отношеніи, что возстановила самоуваженіе и бодрость въ войскѣ, нравственно униженномъ послѣдними неудачами въ войнѣ за независимость Италіи; военный союзъ этотъ былъ не малымъ одолженіемъ, оказаннымъ западнымъ державамъ, преимущественно Англіи, особенно въ такое время, когда союзъ, хотя и съ второстепенною державою, имѣлъ особенную цѣну въ ея глазахъ и въ тоже время былъ ловкимъ шахматнымъ ходомъ противъ Австріи, двусмысленная, нерѣшительная политика которой черезъ то выступила въ полномъ неблагопріятномъ для нея свѣтѣ. Но главное: Кавуръ черезъ это добился права принимать участіе въ парижскомъ конгрессѣ и, къ величайшей досадѣ Австріи, имѣть въ немъ голосъ. Когда уже статьи мирнаго договора были установлены, тогда Кавуръ въ одномъ изъ засѣданій конгресса, въ рѣзкихъ и яркихъ чертахъ, изложилъ положеніе Италіи, говорилъ о притѣсненіяхъ со стороны Австріи, о томъ, что вопреки народнымъ правамъ, австрійское и, прибавилъ онъ изъ приличія, французское войско занимаетъ Церковную область и требовалъ ихъ удаленія. Австрійскому посланнику, правда, не много усилій стоило опровергнуть это требованіе, но несравненно важнѣе было то, что Англія и императоръ Наполеонъ находили нужнымъ сдѣлать что нибудь для Италіи. Но Англія, какъ и всегда, держалась въ сторонѣ; она не любила рѣшительныхъ мѣръ и отъ нея прямой помощи нечего было ожидать, а императоръ Наполеонъ, хотя и рѣшился принять участіе въ судьбѣ Италіи, но былъ вообще медленъ и не скоро принимался приводить свои рѣшенія въ исполненіе; при такихъ обстоятельствахъ Кавуръ возвратился въ Турінъ, безъ осязательныхъ послѣдствій и выгодъ, съ парижскаго конгресса и уже готовился оставить министерство. Но палаты съ свойственною италіянцамъ проницательностью, понимали положеніе Кавура и предчувствовали, и цѣнили выгоды, имъ пріобрѣтенныя: Кавуръ въ конгрессѣ говорилъ тономъ представителя Италіи, а не одной Сардиніи, онъ стоялъ за италіянскія, а не за сардинскія только выгоды. У Піемонта были союзники, или правильнѣе онъ готовъ былъ вступить въ выгодные для него союзы, тогда какъ Австрія черезъ свою нерѣшительность осталась совсѣмъ одинокая и въ Россіи нажила себѣ смертельнаго врага.

Между Австріей и Піемонтомъ примиреніе было невозможно, и Кавуръ какъ бы наслаждался тѣмъ, что раздражалъ *неуклюжаго быка* подобно бандерильеросу при боѣ быковъ въ Испаніи, запуская ей то тутъ, то тамъ маленькую стрѣлку съ зажженною паклею; австрійскій министръ Буоль-фонъ-Шауенштейнъ, ни воспитаніемъ, ни природой, ни опытами жизни, не былъ подготовленъ къ борьбѣ съ такимъ ловкимъ и увертливымъ противникомъ, какъ Кавуръ; австрій-

скій министръ облегчилъ накипѣвшую досаду нотою, отъ 6 мая, въ которой опять повторялъ старинную пѣсню «о государственныхъ мужахъ, которые, къ стыду своему, не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы призывать къ себѣ на помощь народныя страсти и разрушительную силу народныхъ возстаній». Общее настроеніе духа въ Италіи ободрилось; очевидно было, что приливъ реактивнаго вліянія достигъ высочайшей точки и что отливъ его начинался; либеральныя движенія, придавленныя къ землѣ, теперь мало-по-малу начали шевелиться и приподнимать голову; понемногу утверждалась мысль, что Италія своей свободы должна отыскивать только при помощи савойской династіи, и что всѣ истинные друзья народа должны собираться вокругъ ея знаменъ, а не отыскивать единенія Италіи въ безцѣльныхъ волненіяхъ и возстаніяхъ, въ смыслѣ приверженцевъ Мадзини и его послѣдователей; убѣжденія эти съ каждымъ днемъ находили новую пищу, и распространялись даже въ лагерѣ радикальныхъ либераловъ. Бывшій диктаторъ Венеціанской республики Маненъ, влачившій бѣдственную, полную лишеній, жизнь въ Парижѣ и занимавшійся преподаваніемъ италіянскаго языка, равно какъ и Гарибальди, начали сознавать и признаваться, что съ толпою волонтеровъ нельзя бороться съ такимъ правильно-организованнымъ войскомъ, каково австрійское; многіе другіе друзья народа также свыкались съ мыслью примкнуть къ Сардиніи, но за то были и такіе закоренѣлые республиканцы, которые громко охуждали новое стремленіе и утверждали, что это равняется пожертвованію свободой въ пользу солдатства. Въ августѣ 1857 года мысль о томъ, чтобы свобода и единство Италіи были связаны съ существованіемъ Сардиніи, сдѣлала еще шагъ впередъ; основалося *италіянское національное общество*, членами котораго, въ скоромъ времени, сдѣлались лучшіе и замѣчательнѣйшіе люди Италіи; величайшее достоинство этого общества—истинный прогрессъ человѣческаго развитія—состояло въ томъ, что общество это не прибѣгало къ тайнѣ, къ мистеріямъ и символамъ карбонаровъ и т. п., а всегда дѣйствовало прямо, открыто, черезъ прессу и черезъ свободно и публично произносимыя рѣчи. Король Викторъ Эмануилъ раздѣлялъ желанія и мысли своихъ подданныхъ, но онъ не любилъ долгихъ совѣщаній и разглагольствованій, онъ думалъ и говорилъ такъ: «приготовляйтесь, когда же настанетъ время дѣйствовать—позовите меня!» Великій министръ съумѣлъ всѣ свои и государственныя силы и дѣятельность направить къ одной опредѣленной цѣли; такъ, не смотря на недавнюю борьбу съ Россіей, онъ все-таки съумѣлъ опять сблизиться съ нею и установить хорошія отношенія. Австрійскія газеты и тѣ изъ германскихъ, которыя сочувствовали Австріи, не мало шумѣли потому, что Піемонтъ отдалъ Россіи на арендное содержаніе клочекъ земли, близъ Вилла-Франка, въ окрестностяхъ Ниццы, для учрежденія складочнаго мѣста каменнаго угля, потребнаго для русскихъ пароходовъ, и еще больше обижались тѣмъ, что русскіе великіе князья, при посѣщеніи вдовствующей императрицы, находившейся въ Ниццѣ, нашли приличнымъ посѣтить Виктора Эмануила, а не потрудились доѣхать до Милана, гдѣ въ то время находился австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ. Кавуръ опять попытался соединить царствующихъ италіянскихъ государей въ одинъ общій союзъ, для поддержанія національной политики, но усилія его не имѣли успѣха; даже у Фердинанда Неаполитанскаго и у папы дѣлалъ онъ попытки, но само собою разумѣется безполезныя. Между тѣмъ переписка между Австріей и Піемонтомъ становилась все болѣе и болѣе рѣзкою; Кавуръ даже не старался скрыть, что дѣло идетъ къ разрыву и приближается война. Въ мартѣ 1857 года, оба государства отозвали своихъ посланниковъ; въ томъ же году, Кавуръ требовалъ отъ парламента средствъ для возобновленія крѣпости Александріи, напоминавшей славныя битвы временъ протекшихъ съ тѣми же все тедесками; причиной возобновленія и вооруженія крѣпости выставлялъ то, что австрійцы особенно хорошо укрѣпили Піаченцу, хотя она вовсе имъ и не принадлежитъ. По національной подпискѣ въ Италіи, предложенной Маненомъ, предполагалось собрать для новой крѣпости подарокъ во сто крѣпостныхъ орудій.

Путешествіе австрійскаго императора въ италіянскія провинціи не принесло той пользы, того примиренія, какого онъ отъ него ожидалъ. Казалось, что политика Кавура пострадаетъ отъ покушенія Орсини: можно было ожидать, что

раздраженный императоръ Наполеонъ, вслѣдствіе этого покушенія, будетъ злобствовать на итальянцевъ вообще и получитъ отвращеніе отъ ихъ національныхъ стремленій; во всякомъ случаѣ подобное слѣдствіе было бы несравненно логичнѣе, чѣмъ послѣдовавшее за покушеніемъ Орсини угнетеніе Франціи, которая на этотъ разъ для преступнаго замысла дала только почву и жертвы. Но Людовикъ Наполеонъ менѣе зависѣлъ отъ минутнаго настроенія и отъ нашептываній льстецовъ, нежели люди, рожденные на высшихъ ступеняхъ власти, и передъ нимъ многія отношенія являлись безъ покрова, и онъ независимо составлялъ свои понятія о вещахъ и людяхъ; ознакомившись съ какимъ либо дѣломъ, онъ не легко измѣнялъ своего мнѣнія о немъ; такъ, напримѣръ, онъ знакомъ былъ съ Италіей и самъ нѣкоторое время прожилъ въ атмосферѣ, порождающей отчаянныя попытки; онъ понималъ психологическій ходъ преступнаго замысла Орсини, и потому этотъ человѣкъ произвелъ на него дѣйствіе противоположное ожидаемому. Манера, съ какою преступникъ говорилъ и держался, причины, побуждавшія его къ убійству, сильно подѣйствовали на Наполеона; онъ не могъ забыть словъ, написанныхъ осужденнымъ: «я спокойно иду на казнь, потому что ваше величество одушевлены истинно италіянскими помыслами». Этимъ заключалось письмо къ императору, писанное за два дня до смерти, и, какъ мы говорили, опубликованое по приказанію Наполеона. Кавуръ съ своей стороны поддержалъ благопріятное расположеніе духа императора тѣмъ, что предложилъ и провелъ законъ о томъ, что если пресса будетъ проповѣдовать цареубійство, то виновниковъ подвергать, вмѣсто суда присяжныхъ, прямо обыкновенному уголовному суду. Піемонтскимъ посланникамъ при различныхъ европейскихъ дворахъ, Кавуръ далъ точную инструкцію, какъ имъ указать на то, что преступный замыселъ Орсини свидѣтельствуетъ только о необходимости устранить п р и ч и н у (мотивъ), побуждающій разгоряченныя головы молодыхъ мечтателей къ подобнымъ преступнымъ замысламъ. Лѣтомъ 1857 года происходили новые выборы въ депутаты нижней палаты; напрасно клерикальная партія небо и землю призывала на помощь, чтобы завербовать большинство; она указывала на болѣзнь винограда и шелковичныхъ червей, на наводненія, особенно сильныя въ этомъ году, какъ на кару Божію и на несомнѣнные признаки Его гнѣва, но всѣ старанія были напрасны: они всего только успѣли провести 40 голосовъ, противъ 58 министерскихъ, къ которымъ присоединились 26 голосовъ радикаловъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ.

Нечего скрывать, что для небольшаго 5 милліоннаго народонаселенія Сардиніи положеніе, въ какое ее поставилъ національный вопросъ, представляло безчисленныя лишенія и трудности; съ каждымъ годомъ задача освобожденія и объединенія Италіи становилась труднѣе, требовалось все новыхъ жертвъ и новыхъ денежныхъ затратъ: надобно было отдѣлять новыхъ солдатъ, лишать земледѣліе и ремесла рабочихъ рукъ, отнимать у отдѣльныхъ семействъ нужныхъ членовъ и кромѣ того, надобно было одѣвать, вооружать и обучать это новое войско; Піемонтъ покорялся необходимости и несъ тяжесть. Съ другой стороны Кавуръ могъ указать на блистательныя выгоды отъ его народно-хозяйственной системы управленія; промышленность развивалась, задѣльная плата рабочимъ возвысилась, матеріи для одежды, соль и хлѣбъ сдѣлались дешевле.

Завѣтная мечта Кавура — заключить союзъ съ Наполеономъ — готова была исполниться. Но достигнуть этого нельзя было безъ большихъ пожертвованій, это было ясно; и жертва потребовалась не малая: пришлось уступить Савойю, колыбель королевскаго дома; вступая въ союзъ, у Наполеона вовсе не было намѣренія создавать о д н о италіянское государство; онъ понималъ такъ: усилить Піемонтъ Ломбардіей, пожалуй Венеціей, Моденой и Пармой, но изъ остальной Италіи составить союзъ, на подобіе германскаго союза, оставить папу въ Римѣ, посадить какого нибудь Мюрата на неаполитанскій престолъ и кого нибудь изъ родственниковъ своихъ на тосканскій; впрочемъ первая часть задачи состояла въ томъ, чтобы изгнать австрійцевъ изъ Италіи и расширить предѣлы Піемонта. Въ іюлѣ 1858 года Наполеонъ пригласилъ Кавура въ Пломбіеръ, на минеральныя воды, въ Вогезахъ, и тамъ эти два государственные человѣка долго разсуждали о политическихъ вопросахъ, договаривались и условливались съ глазу на глазъ, безъ лишнихъ свидѣтелей. Роли были распредѣлены; установи-

лось даже родственное сближеніе—между двоюроднымъ братомъ императора, принцемъ Наполеономъ, и дочерью короля Виктора Эмануила, не такого гордаго, какъ остальные легитимистическіе государи Европы. Французская пресса начала ратовать противъ Австріи, противъ ея положенія въ Италіи; но 1 января 1859 года самъ императоръ Наполеонъ приподнялъ маску, за которою скрывался. «Я очень сожалѣю», сказалъ онъ, когда къ нему представился дипломатическій корпусъ, обращаясь къ барону Гюбнеру:—«я очень сожалѣю, что наши отношенія къ вашему правительству въ настоящее время не такъ хороши, какъ были прежде; но прошу васъ сказать своему императору, что мои личныя чувства къ нему остаются неизмѣнно тѣже самыя, какъ и прежде».

Въ этомъ-то заключалось извѣстное привѣтствіе, въ новый 1859 годъ, въ теченіе котораго императоръ Наполеонъ намѣревался рѣшительно вмѣшаться въ судьбу Италіи и поставить французскую имперію во главѣ народовъ латинской расы, какъ тамъ обыкновенно называютъ романскія племена.

4. Испанія, Португалія и Бельгія.

Мы полагаемъ, что тутъ у мѣста посмотрѣть, что дѣлалось у остальныхъ романскихъ народовъ въ ту минуту, когда одинъ изъ членовъ этого большаго семейства смѣло ставилъ свою судьбу въ рѣшительное положеніе, подвергая ее случайностямъ цѣлаго ряда рѣшительныхъ сраженій. Въ то самое время, когда италіянскій полуостровъ серьезно и съ возрастающимъ интересомъ, критически взвѣшивая все, что могло содѣйствовать и противодѣйствовать задуманному плану, готовился къ окончательной борьбѣ за независимость, Пиринейскій полуостровъ коснѣлъ въ положеніи, которое, не смотря на всѣ свои конституціонныя попытки и волненія, можно назвать не историческимъ. На пространствѣ въ 8,436 квадратныхъ миль, по ревизіи 1849 года, находилось до 14 милліонновъ жителей, т. е. по 1654 человѣка на квадратной милѣ. Внѣ европейскихъ владѣній, до 1808 года составлявшихъ почти цѣлую часть свѣта въ 310,000 квадратныхъ миль не было такъ много, они сократились до 5,187 к. м. и неизвѣстно сколько времени этимъ остаткомъ провладѣетъ Испанія; товаровъ и произведеній въ это время вывозилось на 58 милліоновъ, а ежегодный ввозъ, не смотря на то, что туземная промышленность немного поднялась, все-таки простирался до 71 милліона; земледѣліе было въ упадкѣ: изъ всей годной для сельскаго хозяйства земли обработана была только половина; положеніе народнаго образованія было еще въ худшемъ состояніи: изъ всего подростающаго юношества, способнаго учиться, только одна четвертая часть кое-чему училась. Войска, выставляемаго Испаніей, все еще было достаточно: 132,000 сухопутнаго войска, 179 военныхъ судовъ, въ 1853 году было на лицо 125 крѣпостей. Но въ томъ, что въ новѣйшее время составляетъ силу и значеніе европейскаго государства, въ участіи народа въ общей духовной жизни европейскихъ народовъ, въ живомъ участіи его въ ходѣ политической дѣятельности своего и остальныхъ государствъ, въ плодотворномъ столкновеніи противоположныхъ воззрѣній на жизненные вопросы, однимъ словомъ, во всемъ томъ, что выражаетъ духовную, просвѣщенную жизнь народа, во всемъ этомъ, Испанія не только не пошла впередъ, но, напротивъ, пошла назадъ.

Событій этого періода времени въ Испаніи мало и разсказать ихъ легко. Іюля 17, 1854 года, мадридская чернь опять взбунтовалась противъ установившагося правительства, во имя и по наущенію одного прогрессиста, генерала О'Доннеля, на сторонѣ котораго была одна часть войска. Дѣло шло о представительномъ правленіи, децентрализаціи, устраненіи камарильи, о строгомъ исполненіи законовъ и исправленіи ихъ, объ уменьшеніи налоговъ, о національной гвардіи—въ этомъ состояла программа возстанія, преимущественно направленнаго противъ Христины, королевы-матери. Министерство графа Сапъ-Луиса немедленно было распущено, но возставшіе этимъ не удовольствовались, толпа волновалась и требовала, чтобы Эспартеро, этотъ герой и глава либеральной партіи, покинулъ свое уединеніе въ Логроно и опять сталъ во главѣ правительства.

Онъ исполнилъ желаніе народа и въ теченіе нѣкотораго времени, вмѣстѣ съ О'Доннелемъ, управлялъ въ либеральномъ смыслѣ. Королева Христина, недовольная положеніемъ дѣлъ, опять направилась къ границамъ Испаніи. Новые правители, по наружности согласные между собою, опять принялись за прежніе либеральные порядки, опять появились законодательные кортесы; отношенія съ папой сдѣлались натянутыми, и 23 апрѣля 1855 года кортесы постановили приступить къ продажѣ духовныхъ имѣній. Курія немедленно протестовала и не обратила ни малѣйшаго вниманія на побудительныя къ этой мѣрѣ причины, изложенныя правительствомъ въ памятной запискѣ отъ августа 1855 года; въ ней ясно доказывалось, что ни одно изъ европейскихъ государствъ не приноситъ такихъ жертвъ тунеядному духовенству, какъ Испанія, что доказываютъ отчеты: въ нѣкоторыхъ провинціяхъ на монастыри, церкви и духовныя учрежденія расходъ превышаетъ приходъ, доставляемый налогами и другими сборами. Королева противилась этому нововведенію, однакожь утвердила законъ, но большаго значенія законъ этотъ не получилъ, потому что въ Испаніи не могло быть рѣчи о постоянномъ и установившемся правительствѣ, которое приводило бы законы въ исполненіе.

О'Доннель негодовалъ на то, что ему не пришлось воспользоваться выгодами возстанія, и что онъ служилъ только ступенькой для возвышенія популярнаго герцога Витторіа; втайнѣ началъ онъ дѣлать заговоръ противъ дѣла, которому повидимому такъ усердно служилъ. Онъ воспользовался своею властью военнаго министра и назначилъ на самыя важныя и вліятельныя должности людей, ему преданныхъ, съумѣлъ привлечь къ себѣ гарнизонъ Мадрита, при чемъ ему много содѣйствовало королевское имя, и когда онъ все, должнымъ образомъ, подготовилъ, то произвелъ недовольство и споръ въ министерствѣ, вслѣдствіе котораго, въ іюлѣ 1856 года, Эспартеро просилъ о своемъ увольненіи. Королева, привыкшая притворяться, пыталась уговорить перваго министра отъ выраженнаго имъ намѣренія, но такъ какъ онъ *оставался при своемъ*, она притворилась, что крайне сожалѣетъ о его рѣшеніи, но все-таки подписала его увольненіе и поручила О'Доннелю составить новое министерство. Онъ достигъ наконецъ давно желанной цѣли; подъ ничтожнымъ предлогомъ объявилъ 14 іюля всю Испанію въ осадномъ положеніи, и такъ какъ Эспартеро оставался спокойнымъ и безучастнымъ зрителемъ, то партія прогрессистовъ, пытавшаяся возстановить либеральное начало въ Мадритѣ, Сарагоссѣ и другихъ мѣстахъ, очень скоро была усмирена, хотя при этихъ столкновеніяхъ было пролито не мало крови. Эти происшествія не содѣйствовали прочному благосостоянію народа, но все-таки стоили ему крови и жизни многихъ людей; эти волненія приносили также мало пользы и столько же вреда, какъ нѣкогда безконечныя побоища и ошибки между управителями колесницъ цирка въ Константинополѣ, когда сражались изъ-за цвѣта, лошади, или колесницы. Въ Мадритѣ, во время уличной борьбы 16 іюля, пало со стороны гарнизона 1764 человѣка, убитыми и раненными, а со стороны національной гвардіи, 600 чел. Кровь эта была пролита безполезно: у О'Доннеля не было иной побудительной причины, кромѣ возвышенія, а дворъ съ своей стороны соединился съ нимъ только для того, чтобы отдѣлаться отъ прогрессистовъ. Въ августѣ 1856 года декретомъ королевы уничтожалась національная гвардія въ цѣлой Испаніи, а въ сентябрѣ распущены были законодательные кортесы и 15 сентября, декретомъ королевы, опять введена и утверждена была форма правленія 30 мая 1845 года. Нельзя было однакожь разсчитывать на прочную связь между О'Доннелемъ и дворомъ, потому что и онъ самъ когда-то принадлежалъ къ либеральной партіи, но либералы исключили его изъ своей среды за измѣну и предательство и смотрѣли на него не иначе, какъ съ презрѣніемъ; слѣдовательно, его роль скоро была окончена; уже въ октябрѣ того же года, онъ былъ принужденъ уступить свою должность представителю партіи умѣренныхъ, Нарваэцу, герцогу Валенсіи. Прежде всего позаботились о томъ, чтобы возстановить хорошія отношенія съ папою, чего королева особенно сильно желала для спасенія души своей; по причинамъ очень уважительнымъ, запродажи духовныхъ имѣній, успѣвшія состояться, были уничтожены, а секвестръ, наложенный на личную недвижимую собственность королевы Христины, отмѣненъ. За то, въ апрѣлѣ 1857 года, вскорѣ послѣ того, какъ амнистія была объявлена, опять заговорили о многочисленныхъ аре-

стахъ въ Мадритѣ и въ другихъ городахъ, вѣрный признакъ того, что возстаніе опять подготовляется, и въ концѣ іюня возмущеніе дѣйствительно вспыхнуло въ Андалузіи; на этотъ разъ характеръ его, для разнообразія, былъ чисто соціалистическій; волненіе было очень быстро подавлено, а начальникъ его, отставной капитанъ Каро, вмѣстѣ съ 24 сообщниками, попавшими въ руки полиціи, были разстрѣляны 11 іюля. Въ октябрѣ 1857 года, сцена опять измѣнилась: Нарваэцъ былъ уволенъ и составилось умѣренно-либеральное министерство, въ числѣ членовъ котораго опять видимъ Мартинеца-де-ла-Роза и Вермудеца де-Кастро; но и это министерство было недолговѣчно; оно просуществовало только до середины января 1858 г. Династія, казалось, прочнѣе утвердилась на престолѣ, потому что у королевы родился сынъ—принцъ астурійскій; при его крещеніи опять объявлена была амнистія.

Въ исторіи Португаліи мы не встрѣчаемъ даже того интереса, какой придаетъ Испаніи ея объемъ, число ея народонаселенія и ея прошедшее. Португалія, съ точки зрѣнія географической, составляетъ часть Испаніи; это береговая страна, съ устьями всѣхъ значительнѣйшихъ рѣкъ полуострова, это узкая береговая окраина частицы Атлантическаго океана, занимающая въ длину протяженіе въ 106 миль, тогда какъ въ ширину она нигдѣ не проходитъ далѣе 40 миль во внутрь полуострова, такъ что среднимъ числомъ, на каждыя 14 квадратныхъ миль, приходится по одной мили берега; не смотря на свое незначительное географическое протяженіе, Португалія, сравнительно съ крупнѣйшей Испаніей, въ семь разъ тверже и устойчивѣе отстаивала свою самостоятельность. Поверхность Португаліи занимаетъ 1,609 квадрат. миль; народонаселеніе ея немного гуще испанскаго, въ 1850 г. оно доходило до 3,471,000 душъ; слѣдовательно, на одну кв. милю—по 2,095 душъ; земледѣліе и здѣсь было въ дурномъ положеніи: изъ всей удобной почвы, только одна треть была обработана, а двѣ трети пустовали; народное образованіе еще болѣе страдало: изъ всего способнаго и подрастающаго юношества Португаліи, только десятая часть пользовалась самымъ плохимъ и недостаточнымъ обученіемъ; о книжной торговлѣ и типографіяхъ имѣли понятіе только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Исторія здѣсь находитъ мало матеріала для своего разсказа. Ноября 15 въ 1853 году скончалась королева Марія-да-Глоріа, оставивъ послѣ себя несовершеннолѣтняго сына, донъ Педро V; вмѣсто него, регентомъ назначенъ былъ отецъ его, до его совершеннолѣтія, 16 сентября 1855 года. Отъ 7 іюня 1856 года извѣщали изъ Португаліи о новомъ либеральномъ министерствѣ, подъ предсѣдательствомъ маркиза Луле, обѣщавшаго заняться улучшеніями по всѣмъ частямъ управленія; но это дѣло вообще было нелегкое, оно еще болѣе затруднялось преобладаніемъ клерикальной партіи; въ этомъ крошечномъ государствѣ было три архіепископіи и 24 епископства. Осенью 1857 года газеты извѣщали объ эпидемическомъ появленіи желтой лихорадки и ея о силѣ въ Лиссабонѣ, при этомъ народномъ бѣдствіи, молодой король выказалъ человѣколюбіе, твердость и большую распорядительность. Онъ сочетался бракомъ, 29 апрѣля 1858 года, съ германскою принцессою Стефаніей Гогенцоллернъ.

Въ Бельгіи мы находимъ все въ иномъ видѣ; это государство только на половину населено романскимъ племенемъ и подобно Португаліи составляетъ почти исключительно католическое государство средней величины. Протестантскаго элемента и здѣсь, и тамъ — почти нѣтъ: изъ народонаселенія въ 4,426,000 чел. въ 1850 году было только 6,578 протестантовъ. Но сравнивать Бельгію и Португалію по цивилизаціи невозможно. Бельгія, по своему географическому положенію, по дѣятельности своего населенія, по благоразумному правленію своихъ государей, вступившихъ на бельгійскій престолъ въ добрый часъ, всегда принимала живѣйшее и дѣятельное участіе въ прогрессивной работѣ человѣчества, на пути къ высшему развитію. На 536 квадратныхъ миляхъ здѣсь тѣснились 5 милліоновъ жителей, что среднимъ числомъ даетъ густоту населенія въ 8,200 человѣкъ на одну квадратную милю; такъ тѣсно жить можетъ только народъ, въ высшей степени дѣятельный и устойчивый въ трудѣ: по этому земледѣліе, горное дѣло, промышленность и торговля, находятся на высокой степени развитія; къ сожалѣнію, надобно прибавить, что статистика нравственности и школьнаго быта не представляетъ такой отрадной картины. Такъ, напримѣръ,

изъ 100 рекрутовъ 1853 года, 35 человѣкъ были вполнѣ неучи; 9 человѣкъ умѣли или читать, или писать, 22 умѣли и читать и писать, 34 знали грамоту и ариѳметику; этому нечего дивиться, если взять въ соображеніе, что въ Бельгіи было 413 монастырей и въ нихъ 12,000 монаховъ и монахинь. Вліяніе духовенства сильнѣе всего обнаруживалось на земледѣльцахъ, но оно было замѣтно и на городскихъ жителяхъ; оно покровительствовало тому образованію и развитію, которое дѣйствуетъ усиленію торговли и промышленности, но дальнѣйшаго развитія мысли не хотѣло допускать и всѣми силами мѣшало ему. Вотъ почему политическая жизнь Бельгіи сосредоточивается на внутренней борьбѣ двухъ противоположностей; пока надобно было отстаивать независимое существованіе государства, до тѣхъ поръ обѣ противоположныя партіи соединялись и дѣйствовали заодно, но когда побѣда была упрочена, опять каждая изъ нихъ занялась своими личными интересами; тогда какъ внѣшняя политика государства ограничивалась тѣмъ, чтобы ограждать свою независимость отъ сосѣдей и въ общеевропейскихъ дѣлахъ сохранять строгій нейтралитетъ.

Со стороны Голландіи Бельгіи не угрожала болѣе никакая опасность; между обоими государствами установились довольно дружественныя отношенія, выражавшіяся тѣмъ, что каждое предоставляло другому право дѣлать, что ему угодно, и распоряжаться, какъ угодно. Но опасность—рано или поздно быть поглощенной большой сосѣдственной Франціей, постоянно носилась на горизонтѣ и, казалось, роковая минута приближалась со времени катастрофы 2 декабря 1851 года, когда на французскій престолъ опять сѣлъ одинъ изъ Бонапартовъ. Въ это критическое время въ Бельгіи всѣ умы были крайне взволнованы; чтобы заручиться достаточнымъ оплотомъ, король Леопольдъ сблизился съ Англіей и Россіей; въ угоду послѣдней онъ, декретомъ отъ 4 апрѣля 1852 года, уволилъ отъ службы всѣхъ польскихъ офицеровъ, находившихся въ бельгійскомъ войскѣ. Осмотрительный и дальновидный король съумѣлъ стать на довольно хорошую ногу съ новымъ французскимъ правительствомъ; оно, съ своей стороны, не могло помышлять ни о малѣйшемъ посягательствѣ на права или на владѣнія Бельгіи, изъ опасенія, чтобы не поднять противъ себя цѣлой вооруженной коалиціи государствъ, съ Англіей во главѣ. По теоріи своихъ политическихъ соображеній, императоръ Наполеонъ III рѣшилъ въ своемъ умѣ, что династія его прочно утвердится на престолѣ Франціи только-тогда, когда Рейнскія провинціи и Бельгія войдутъ въ составъ французской имперіи; утверждаютъ, будто онъ это очень положительно высказалъ въ Англіи принцу Альберту, въ очень дружественной бесѣдѣ, въ одно послѣ-обѣда, за чашкою кофе. Но ему нечего было торопиться исполненіемъ своихъ намѣреній, поэтому хорошія отношенія съ сосѣдями поддерживались даже въ трудный періодъ крымской войны и послѣдовавшіе за нею дни послѣ покушенія Орсини, когда Франція выказала такую раздражительность относительно сосѣднихъ державъ касательно свободы прессы и пріюта, даваемаго ими эмигрантамъ.

Ни одна изъ обѣихъ, враждовавшихъ внутри государства, партій не брала перевѣса надъ другою на столько, чтобы имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ управленія. Высчитали, что со времени основанія бельгійскаго королевства до 1858 года, пять лѣтъ прошло въ переходномъ направленіи министерства, десять лѣтъ, одиннадцать мѣсяцевъ и 18 дней министерствомъ управлялъ предсѣдатель изъ либеральной партіи, а десять лѣтъ одиннадцать мѣсяцевъ и два дня оно находилось въ рукахъ клерикальной партіи; такимъ образомъ одна партія уравновѣшивала другую, и у короля твердымъ, неизмѣннымъ правиломъ было постановлено, что онъ ни подъ какимъ видомъ не утвердилъ бы закона, который давалъ бы рѣшительный перевѣсъ той или другой партіи. Съ конца октября 1852 года до марта 1855 года, во главѣ управленія стояло умѣренное министерство, подъ предсѣдательствомъ Генриха де Брукрѣ; за нимъ слѣдовало рѣшительно клерикальное съ г. Дедекеромъ (м. внутреннихъ дѣлъ), Нотомба (юстиціи), Виконтомъ Вилленемъ (иностранныхъ дѣлъ). Чисто-клерикальное настроеніе выразилъ послѣдній изъ нихъ, въ своей вступительной рѣчи, словами: «я католикъ и, какъ истинный католикъ, съ довѣрчивостью и покорностью младенца вѣрую всѣмъ истинамъ, которымъ меня учитъ любой катихизисъ»; это все было отлично, пока сохраня-

лась простота и незлобіе младенца. При содѣйствіи этого министерства установлено было церковное и гражданское торжество съ 21 до 24 іюля 1856 года, по случаю двадцатипятилѣтія государственной конституціи; въ провинціяхъ празднества эти тянулись до сентября; праздновать было изъ-за чего, потому что въ эту эпоху безпрерывныхъ волненій и переворотовъ, въ Европѣ было мало государствъ, которыя могли бы похвалиться такимъ долгимъ существованіемъ конституціоннаго правленія, не прерваннаго ни однимъ возстаніемъ. Бельгія, благодаря своему твердому правительству, сдѣлалась какъ бы нейтральною почвою для всѣхъ европейскихъ державъ и потому ее съ особеннымъ удовольствіемъ выбирали для великихъ общеевропейскихъ собраній; такъ, напримѣръ, въ Брюсселѣ собирался международный благотворительный конгрессъ и конгрессъ для установленія свободной торговли.

Клерикальная партія пользовалась своимъ преходящимъ вліяніемъ, чтобы наложить свою печать на высшее образованіе юношества и на общественную благотворительность. Въ первомъ случаѣ, чтобы пріобрѣсть сочувствіе, нескончаемо говорилось о свободѣ научныхъ изысканій, о великомъ значеніи науки; на сколько мысль эта была понята и какъ на нее смотрѣла клерикальная партія, видно изъ одного происшествія 1856 года: нѣкоторые студенты гентскаго университета донесли на одного изъ своихъ профессоровъ юридическаго факультета и естественнаго права, будто онъ отвергаетъ божественность Христа Спасителя; на это министръ Дедекеръ отвѣчалъ: «еслибы это была правда, то я бы отставилъ его отъ должности въ 24 часа». Въ парламентскомъ преніи, на счетъ адреса королю, въ 1856 году, онъ выразилъ свой взглядъ на свободу высшаго университетскаго образованія: «относительная свобода слова профессора должна быть ограничена свободою совѣсти студента и честнымъ конституціоннымъ уваженіемъ къ вѣроисповѣданію семейства»; такимъ образомъ свобода слова профессора была очень относительная и сильно ограниченная абсолютизмомъ церкви. Новый законъ объ экзаменахъ, проведенный большинствомъ клерикальной партіи въ палатѣ, еще ухудшилъ проектъ, предложенный министерствомъ; этимъ закономъ ослаблялось вліяніе правительственныхъ испытаній и устранялось свидѣтельство о зрѣлости, требовавшееся для поступленія въ университетъ, такъ что, для посѣщенія университетскихъ лекцій, достаточно было имѣть даже свидѣтельство отъ нѣкоторыхъ частныхъ заведеній, стоящихъ непосредственно подъ покровительствомъ духовнаго надзора, и они были сравнены съ гимназіями, но, что всего хуже, правительство не имѣло непосредственнаго надзора за ними и не могло слѣдить за направленіемъ и успѣхами учащихся. Этотъ законъ, который, въ самомъ дѣлѣ, создавалъ своего рода свободу въ наукѣ, не смотря на энергическіе протесты со стороны гентскаго, люттихскаго и брюссельскаго университетовъ, все-таки былъ принятъ. Не такъ удобно и счастливо прошелъ законъ объ общественной благотворительности, предложенный на разсмотрѣніе палатъ весною 1857 года. При этомъ случаѣ дѣло также шло о свободѣ, а именно объ устраненіи правительственнаго надзора за различными учрежденіями съ благотворительною цѣлью; предлагалось надзоръ поручить общинамъ, что въ большинствѣ случаевъ значило просто на просто, отдать дѣло, въ руки духовенства. Но, на этотъ разъ, либеральная партія, насчитывавшая въ палатѣ депутатовъ только 40 голосовъ противъ 60 клерикальныхъ, получила неожиданную поддержку со стороны народа, въ которомъ, по этому поводу, обнаружилось сильное волненіе: какъ бы на массу народную ни смотрѣли, но ее все-таки нельзя было назвать слѣпою; число орденскихъ братьевъ и сестеръ съ 1829 года значительно возросло, съ 4,800 монаховъ и монахинь число ихъ возросло до 15,000. Вождь либеральной партіи, Frère-Orban, воскликнулъ, обращаясь къ министрамъ: «если этотъ законъ получитъ силу, если сенатъ его приметъ—то въ цѣломъ государствѣ послышится возгласъ: «долой монастыри!» à bas les couvents!» Въ тотъ же день, 27 мая 1857 года, какъ бы въ подтвержденіе его словъ, на улицахъ раздались ясно слова: «долой камилавки! à bas la calotte!» Волненіе по поводу капуцинскаго закона изъ Брюсселя быстро распространилось по всѣмъ большимъ городамъ, возрастая все болѣе и болѣе; чтобы устранить еще худшія послѣдствія, король отсрочилъ собранія обѣихъ палатъ, а іюня 13 числа 1857 года закрылъ сессіи, начавшіяся еще въ предъидущемъ году.

Когда клерикальная партія оправилась послѣ своего перваго испуга, она была въ бѣшенствѣ за то, какъ она говорила: «что народное волненіе одержало побѣду надъ королевскою властью»; когда же, въ октябрѣ, происходили выборы въ общинные члены и либеральная партія при этомъ одержала несомнѣнный перевѣсъ, тогда клерикальное министерство просило о своемъ увольненіи, и король составилъ новое правительство изъ либеральныхъ элементовъ; самые выдающіеся изъ новыхъ министровъ были: министръ внутреннихъ дѣлъ Рожье, министръ финансовъ Frère-Orban и министръ юстиціи Тетъ. Вторая палата тоже была распущена; новые выборы сопровождались волненіемъ, какого не бывало съ 1848 года. Пораженіе клерикальной партіи было полное: 70 либеральныхъ депутатовъ было избрано, противъ 38 клерикальныхъ. Къ сожалѣнію своему, либеральный кабинетъ, по причинѣ покушенія Орсини, принужденъ былъ начать свою дѣятельность далеко не либеральною мѣрою: за оскорбленіе иностранныхъ монарховъ, виновники преслѣдовались до сихъ поръ только по требованію оскорбленныхъ, но теперь положено было преслѣдовать лицъ виновныхъ или подозрительныхъ по усмотрѣнію министра юстиціи. Да и въ другихъ отношеніяхъ либеральное министерство не пользовалось своимъ успѣхомъ; очень понятно почему: истинный прогрессъ могъ произойти только въ такомъ случаѣ, еслибы вліяніе клерикальной партіи на школы было окончательно уничтожено, но за него ратовали фанатизмъ, привычка и ограниченность учащихъ и учащихся.

Б. ГЕРМАНІЯ.

Мы считаемъ нужнымъ повторить, что годы отъ 1848 до 1852 преимущественно можно назвать критическими, что они какъ бы составляютъ поворотный пунктъ жизни европейскихъ народовъ въ XIX столѣтіи; германскіе народы, находящіеся въ самомъ центрѣ нашей части свѣта, послѣ долгаго, тяжкаго сна въ эти именно годы пробудились къ новой энергической политической дѣятельности и содѣйствовали совершенію этого великаго поворота.

Германскіе народы развивались своеобразно; исходная точка ихъ развитія есть великій переворотъ, совершившійся въ XVI столѣтіи, который мы обозначаемъ однимъ названіемъ — Реформаціи. Пытливый духъ германскаго народа, восходя къ первымъ источникамъ христіанскаго вѣрованія и размышленія, первый воспротивился клерикальной тираніи, деспотически распоряжавшейся у народовъ романскаго племени, преданіями и вѣрованіями церкви; за этимъ протестомъ послѣдовала вѣковая, кровавая борьба, грандіозный характеръ которой далъ новой исторіи и содержаніе, и отличительную особенность. Здѣсь, въ Германіи, въ центрѣ Европы, было поднято знамя религіозной независимости, и преимущественно германская почва служила ареной для долгихъ, кровавыхъ и ужасныхъ побоищъ. Но, нарушая связь и цѣлость единой католической церкви въ большей части Европы, обновляя духъ въ изысканіяхъ и давая ему новую пищу, казалось, это же самое обстоятельство нанесло неисцѣлимую рану политической сущности и единству Германіи. Тридцатилѣтняя война, почти исключительно происходившая въ Германіи, подломила матеріальное благосостояніе народа, уничтожила его политическое единство и открыла доступъ въ нѣмецкую землю чужестранцамъ, указавъ шведамъ и французамъ возможность хозяйничать въ ней. Вестфальскій миръ предоставилъ императору только тѣнь власти, разорвалъ имперскій сеймъ, сдѣлалъ изъ него Corpus Evangelicorum и Catholicorum, раздѣлилъ главнѣйшія права между отдѣльными имперскими чинами и уступилъ обширныя провинціи чужеземцамъ; это чужеземное господство, съ различными видоизмѣненіями, продолжалось до наполеоновскихъ временъ, когда оно достигло своей высочайшей точки и когда даже имя германской имперіи исчезло. Потребовалась соединенная сила всей Европы, чтобы сломить универсальное владычество Наполеона, само частію опиравшееся на раздробленности германскихъ государствъ; въ этой борьбѣ, противъ наполеоновскаго могущества, не мало пользы принесла одна малая частица германской имперіи — Пруссія, именно тѣмъ, что она дѣйствовала согласно, что она составляла нѣчто цѣлое, одноплеменное, одушевленное одною цѣлью.

Въ эту критическую пору пробудилась первая темная идея о единствѣ новаго германскаго государственнаго быта, идея еще вовсе незнакомая великимъ дѣятелямъ въ нѣмецкой литературѣ; есть очень извѣстная въ Германіи эпиграмма, въ которой одинъ изъ нихъ, говоря о Германіи, выражается очень мѣтко и, относительно эпохи, въ которой онъ жилъ, очень вѣрно: «что онъ не знаетъ, какъ найти страну, годную для настоящей жизни». Мечты и надежды восторженной

молодежи составляютъ первые признаки пробужденія Германіи къ сознательной политической жизни. Но эти мечты далеко опередили трезвую дѣйствительность. Касательно своихъ территоріальныхъ владѣній, Германія находилась въ тѣхъ же самыхъ границахъ, въ какихъ ее оставилъ Вестфальскій миръ: границы Германіи 1815 года не были тѣснѣе границъ 1648 года, и чужеземцы, также какъ въ 1648 году засѣдали въ высшемъ совѣтѣ сейма этого новаго политическаго тѣла, созданнаго миромъ 1815 года. Но эти чужеземцы не составляли представителей могущества первостепенныхъ державъ, и съ ихъ стороны объединеніе Германіи не встрѣтило бы препятствія, еслибы къ тому въ ней самой была малѣйшая возможность. Важнѣйшее препятствіе лежало въ самомъ народѣ, и, можетъ быть, еслибы его не было, то не было бы и возрожденія; весь германскій союзъ, созданный изъ обломковъ древней германской имперіи, былъ связанъ слабо, чуть держался и кое-какъ пробавлялся остатками своего 300 лѣтняго развитія. Количество самостоятельныхъ членовъ союза нѣсколько уменьшилось, сравнительно съ тѣмъ, что было въ предъидущемъ столѣтіи, и сохранившіе свою собственную физіономію сдѣлались нѣсколько способнѣе къ жизни; но былъ еще другой врагъ объединенія Германіи, врагъ опаснѣе ея многочленности, это — дуализмъ, тяготѣвшій надъ нею, дуализмъ, состоявшій изъ Пруссіи и Австріи, изъ сѣверогерманскаго и южногерманскаго интереса, изъ протестантской и католической Германіи, изъ прогрессивнаго и консервативнаго начала.

Прежде, только въ головѣ профессоровъ и студентовъ могла родиться мысль о томъ, чтобы изъ хаотическаго состоянія Германіи, черезъ агитаціи и заговоры, могло выйти единство политическаго цѣлаго; эта мечта казалась тѣмъ болѣе недостижимою, что никто въ цѣлой націи, или никто, въ тѣхъ маленькихъ кружкахъ, которые во имя ея, но по своему, разсчитывали на ея будущность, изъ мечтателей не вздумалъ бы, для достиженія этой желанной цѣли, этого вожделѣннаго единства, отказаться отъ единичной свободы. Напротивъ, въ одно и тоже время, всѣ съ одинаковою энергіей стремились къ достиженію національныхъ учрежденій, отдѣльныхъ для каждаго большаго или маленькаго государства, отчего каждое изъ нихъ только тѣснѣе и прочнѣе стягивалось, организовалось и дѣлалось неспособнѣе къ общему соединенію и слѣдовательно представляло большія препятствія. Устанавливался однако огромный и трудный для разрѣшенія историческій вопросъ: черезъ всевозможныя большія и малыя противоположности, состоящія въ религіозномъ воззрѣніи, въ племенномъ различіи, въ различіи относительно могущества отдѣльныхъ частей націи, все-таки соединить этотъ народъ въ одно политическое тѣло, одаренное свободою.

Но не даромъ говорится: пути Провидѣнія неисповѣдимы; мысль, появлявшаяся въ мечтательной головѣ профессоровъ и студентовъ, отъ безумнаго преслѣдованія, отъ чрезмѣрнаго, несоотвѣтственнаго силѣ волненія, гнета, сгустилась и, принявъ осязательныя формы, превратилась въ политическую мысль. Великій союзный сеймъ, этотъ представитель несогласія и безсилія Германіи, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, положилъ основаніе для будущаго единства тѣмъ, что, превратившись для предполагаемой пользы цѣлой Германіи въ полицейскую корпорацію, тѣснившую цѣлую Германію, пробудилъ общую ненависть противъ существующаго порядка вещей. Между тѣмъ, какъ мечтатели въ облакахъ отыскивали будущую единую Германію, настоящее, соединенное, сплоченное въ одно цѣлое, будущее зерно единства Германіи. Пруссія, хотя инстинктивно, но вѣрно и неуклонно шла впередъ къ опредѣленной цѣли; Пруссія во всѣхъ чисто политическихъ вопросахъ, подобно остальнымъ германскимъ государствамъ и еще гораздо больше ихъ, шла по пятамъ Австріи, но въ тоже время дѣйствовала самостоятельно, на единственно вѣрной и прочной почвѣ; она заботилась объ улучшеніи народнаго хозяйства, о торговлѣ и вырабатывала новое явленіе—таможенный союзъ, соединившій всѣ раздробленныя государства въ одной общей цѣли, подготовляя ихъ тѣмъ къ будущему политическому національному единству. Мысль о единствѣ Германіи все болѣе и болѣе вырабатывалась и укрѣплялась; ее не могла выслѣдить и истребить полиція со всѣми своими хитростями и уловками: въ матеріальной области она развивалась посредствомъ торговыхъ путей, черезъ обмѣнъ промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ произведеній; въ идеальной

области—черезъ обмѣнъ произведеній ума человѣческаго, не менѣе разнообразныхъ, обширныхъ и великихъ. Песчинку за песчинкой сносилъ неутомимый, дѣятельный, твердый, умный и предусмотрительный народъ, какъ говоритъ поэтъ, работая въ теченіе срока человѣческой жизни, чтобы положить основаніе для великаго политическаго зданія, которое могло быть досоздано только при новыхъ условіяхъ жизни.

Занятая своимъ дѣломъ, подвигавшимся медленно, но результаты котораго однакожъ уже становились замѣтны для наблюдателя, нація была захвачена врасплохъ французскою революціей. Это событіе возбудительно подѣйствовало на всѣ жизненныя силы народа. Каждый инстинктивно чувствовалъ, что минута дѣйствовать наступила: но оказалось, что готоваго ничего нѣтъ, все надобно создавать и поэтому пришлось импровизировать и нѣмецкое войско, и нѣмецкій флотъ, и нѣмецкую внѣшнюю и внутреннюю политику, нѣмецкое единство и свободу, императора и государство; всѣ эти импровизаціи окончились тѣмъ, что послѣ четырехлѣтняго критическаго колебанія, мая 30, 1851 года, вполнѣ возстановленъ былъ старинный обще-германскій союзный сеймъ.

Въ первые годы послѣ вынесеннаго великаго пораженія, глубокое, безнадежное уныніе овладѣло сердцами, и партіи слагали вину одна на другую. Одни жаловались на своекорыстіе государей, другіе на несообразные поступки мечтательныхъ радикаловъ, а эти, съ своей стороны, неудачу приписывали бездѣйственной слабости готчанъ (Gothær); только постепенно, мало-по-малу, начали достаточною мѣрой цѣнить и взвѣшивать предстоящую для разрѣшенія задачу и сознавать всю ея трудность. Вину неудачи, при спокойномъ воззрѣніи, довольно поровну раздѣлили между государями и народомъ, да и различныя партіи могли каждая на свою долю взять часть общей вины. Можно было бы почесть чудомъ, еслибы народъ, въ теченіе столѣтій летѣвшій по центробѣжной силѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего началъ бы стремиться къ единству по центростремительной силѣ.

Если же это разъ было допущено и сознано, то можно было смотрѣть на критическое колебаніе какъ на что-то ободряющее къ дальнѣйшему развитію идеи національнаго единства. Въ сущности, конституція Германіи была уже очень близка къ своему выполненію: она неудалась, только потому, что въ рѣшительную минуту во главѣ поставленъ былъ не тотъ государь. Фридрихъ Вильгельмъ, король прусскій, вопреки всѣмъ политическимъ соображеніямъ упрямо, стоялъ на томъ, чтобы первое мѣсто, указанное ему ходомъ событій, уступить смертельному врагу своего дома и своего государства. Это былъ неудачный, ошибочный разсчетъ; но то, что погибло отъ этой ошибки, въ другое, удобнѣйшее время могло быть исправлено. Въ этомъ отношеніи особенно важенъ шагъ, сдѣланный къ тому, чтобы исключить Австрію и поставить Пруссію во главѣ одного истиннаго германскаго государства; мысль эта была выражена при новомъ избраніи императора, 28 марта 1849 года, въ торжественномъ актѣ, составленномъ германскимъ національнымъ собраніемъ. На этотъ разъ сама Пруссія не захотѣла стать во главѣ германскихъ государей: очень покорно и тихо присоединилось это могущественное королевство къ среднимъ и малымъ государствамъ Германіи, и первенство предоставило Австріи; но каждый наблюдатель, сколько нибудь вникавшій въ сущность вещей, понималъ, а Австрія и ея вассалы лучше и яснѣе всѣхъ видѣли, что если только Пруссія захочетъ, или, вѣрнѣе сказать, лишь только прусскій король рѣшится употребить могущество Пруссіи въ дѣло, то вокругъ нея немедленно сгруппируются всѣ остальныя германскія государства и новая германская имперія будетъ готова. Всѣ одинаково предчувствовали и опасались этого, и вѣрили, что это рано или поздно случится, и потому всѣ партіи, съ одинаковымъ интересомъ, слѣдили за ходомъ событій въ Пруссіи и обращали на нее больше вниманія, чѣмъ на собственныя отношенія.

Вслѣдствіе этого мы должны разсматривать исторію Германіи съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія: 1) относительно германской политики Австріи, органомъ которой являлся возстановленный общегерманскій сеймъ; 2) относительно отдѣльныхъ государствъ Германіи, кромѣ Пруссіи и, наконецъ, 3) относительно развитія Пруссіи. Отдѣльная исторія Австріи, которую нельзя назвать чисто-герман-

скимъ государствомъ, не принадлежитъ къ этому разряду. На сколько Австрія входила въ составъ Германіи, историческій ходъ ея событій по большей части совпадаетъ съ исторіей германскаго союза и остальныхъ германскихъ государствъ, за исключеніемъ Пруссіи.

1. Нѣмецкая политика Австріи.

Годы съ 1852 — 1859 преимущественно называютъ эпохой реакціи, въ противоположность революціи отъ 1848 — 1852 года. Къ счастію, это было переходнымъ состояніемъ для Германіи, потому что здѣсь не дошло, какъ во Франціи, до полнаго переворота. Монархію здѣсь окончательно не опрокинули, какъ одна изъ существующихъ партій этого хотѣла бы, это было вовсе не въ характерѣ націи, поэтому желаніе и не исполнилось и историческая связь съ прошедшимъ сохранилась въ цѣлости. Слѣдствіемъ этого было, что весь народъ, хотя и раздѣлился на партіи, ярко и рѣзко отдѣлявшіяся другъ отъ друга, но не было того, что приготовила себѣ Франція — народъ не распался на враждебные другъ другу лагери, которые впослѣдствіи не могли бы соединиться для совмѣстнаго дѣйствія на пользу отечества.

Правда, партія, взявшая сначала перевѣсъ, даже съ жестокостью пользовалась своимъ превосходствомъ. Первенствовала въ Германіи Австрія; при содѣйствіи и при помощи могущественной Россіи, она не только достигла гегемоніи, но и держалась на ней. Но дальнѣйшій планъ распространенія господства не удался: частію отъ шаткаго положенія ея въ Италіи и въ Венгріи, частію отъ неудачной попытки свое неправое дѣло соединить съ правымъ дѣломъ Пруссіи и примкнуть къ общегерманскому стремленію къ единству; а все это, большею частію, рухнуло отъ необдуманной и неразсчетливой дерзости Австріи: надобно было имѣть незастѣнчивость руководящаго правительствомъ человѣка, князя Шварценберга, чтобы выказать свои претензіи не только передъ Германіей, но и передъ Европой. Онъ попытался было достигнуть своей цѣли окольными путями, пользуясь минутнымъ пораженіемъ Пруссіи, чтобы довести ее до окончательнаго паденія и временную неудачу ея превратить въ постоянную и неизмѣнную.

Государственные люди Австріи были довольно умны, чтобы понять то, что дѣлается въ Пруссіи: они, въ таможенномъ союзѣ, видѣли прочный фундаментъ для утвержденія прусско-нѣмецкой національности, и потому князь Шварценбергъ не могъ спокойно выносить этой новой затѣи. Въ памятной запискѣ, поданной еще въ концѣ 1849 года, Австрія требовала, чтобы вопросъ о таможенномъ союзѣ сдѣлать вопросомъ союзнаго сейма. Затѣмъ, въ октябрѣ 1850 года, Австрія отмѣнила всѣ таможенные сборы у себя внутри государства и приступила къ пересмотру и измѣненію своего тарифа пограничныхъ пошлинъ и потребовала, чтобы таможенный союзъ (Zollverein) заключилъ съ нею торговый договоръ, который бы получилъ силу съ 1 января 1854 года и вслѣдъ за которымъ послѣдовало бы, съ 1 января 1859 года, полное соединеніе съ обоими таможенными союзами. Пруссія съ своей стороны уже заключила, 1 сентября 1851 года, таможенный договоръ съ такъ называемыми пошлинными союзами Ганновера, Ольденбурга и Брауншвейга. Раздосадованные этимъ, австрійскіе союзники собрались въ Вѣну и подписали 20 апрѣля 1852 года протоколъ, по которому Баварія, Саксонія, Вюртембергъ, оба Гессена, Нассау и Гомбургъ, обязались всѣми силами поддерживать австрійскіе проекты. Этимъ вопросъ о свободѣ торговли былъ сильно скомпрометированъ и политическая будущность Пруссіи, опиравшейся на общегерманской идеѣ единства, поставлена въ нерѣшительное положеніе; къ тому же, мысль о таможенномъ союзѣ съ Австріей оказывалась невыполнимою; и Пруссія, такъ твердо держалась своего выгоднаго положенія, что не было возможности свергнуть ея. Мелкія германскія государства болѣе нуждались въ помощи Пруссіи, нежели Пруссія нуждалась въ нихъ; это было такъ ясно, какъ только что нибудь можетъ быть ясно въ политикѣ. Пруссія потребовала, чтобы договоръ, ею заключенный съ пошлинными союзами, былъ признанъ таможеннымъ союзомъ и

объявила своимъ союзникамъ, что если кто либо изъ нихъ не захочетъ признавать союза, заключеннаго съ нею, того она выключитъ изъ таможеннаго союза; послѣднимъ срокомъ, для объявленія своего мнѣнія, она постановила декабрь 1853 года. Напрасно совѣщались австрійскіе союзники о томъ, какъ имъ вести дѣло, составляли планы, собирались то въ Бамбергѣ, то въ Дармштатѣ, и т. п. Когда же всѣ собрались для совѣщаній въ Берлинъ, 19 апрѣля 1852 года, не могли поддержать своего мнѣнія и уступили Пруссіи: признали ея договоръ съ пошлиннымъ союзомъ и на время отказались отъ намѣренія составить отдѣльный таможенный союзъ съ Австріей, потребовали только, чтобы прусскій таможенный союзъ возобновленъ былъ только на шестилѣтній срокъ и чтобы она за годъ до его истеченія начала совѣщанія о томъ, какъ бы присоединить Австрію къ существующему таможенному союзу. На послѣднее требованіе Пруссія не согласилась, хотя и сама назначила двѣнадцатилѣтній срокъ для таможеннаго союза, а затѣмъ прервала всякіе переговоры съ бамбергскими союзниками. Они послѣ этого обратились въ Вѣну и начали совѣщаться объ устройствѣ южногерманскаго таможеннаго союза и при этомъ выразили странное требованіе: чтобы Австрія гарантировала ихъ ежегодные таможенные доходы. Такіе противники были неопасны для Пруссіи, ей оставалось только сохранять въ отношеніи ихъ твердость и она могла быть увѣрена, что они рано или поздно съ раскаяніемъ возвратятся къ старому союзу, сдѣлавшемуся для нихъ необходимымъ. Обѣ сильнѣйшія германскія державы раньше всего сошлись и начали тайные переговоры; австрійскій министръ фонъ-Брукъ, прусскій подданный по рожденію, самъ пріѣхалъ въ Берлинъ, и здѣсь то, 19 февраля 1853 года, состоялся договоръ, по которому были сдѣланы обоюдныя уступки и облегченія въ таможенной системѣ; прочныхъ обязательствъ, однакожь, на будущія времена не было сдѣлано; апрѣля 14, 1853 года установленъ былъ новый таможенный союзъ на 12-тилѣтній срокъ, начиная съ 1 января 1854 года, и тѣмъ разстраивалась вторая половина Ольмюцкаго предпріятія.

2. Союзный сеймъ и отдѣльныя государства Германіи, исключая Пруссіи.

Матеріальные, хозяйственные интересы Германіи, слѣдовательно, не подчинились вліянію Австріи, но за то въ чисто-политической области этого плачевнаго и безплоднаго времени преобладаніе ея не встрѣчало препятствія. Въ походѣ противъ Пруссіи союзниками Австріи были государства средней величины: Баварія, Саксонія, Вюртембергъ, Ганноверъ и Гессенъ; во всѣхъ этихъ владѣніяхъ, равно какъ и во многихъ другихъ, она могла разсчитывать на полное сочувствіе въ дѣлѣ, касательно противодѣйствія реформѣ германскаго законодательства вообще, и въ тѣсномъ смыслѣ содѣйствовала тѣмъ отдѣльнымъ государствамъ, которыя въ 1848 году пытались уничтожить ее у себя. То и другое находилось въ тѣсной связи между собою, и Австрія всѣми силами поддерживала тѣ государства, которыя старались возстановить прежній порядокъ вещей и устранить изъ своей жизни всѣ такъ называемыя мартовскія пріобрѣтенія 1848 года; для этой цѣли очень удобнымъ орудіемъ для Австріи могъ служить союзный сеймъ. Законоположеніе сейма отъ 23 августа 1851 года подало сигналъ къ этой ретроградной дѣятельности: по его рѣшенію всѣ основныя права, утвержденныя франкфуртскимъ собраніемъ, объявлялись недѣйствительными и въ тоже время предлагалось всѣмъ правительствамъ союзныхъ государствъ строго пересмотрѣть всѣ свои учрежденія и законы, изданные съ 1848 года, чтобы убѣдиться, не противорѣчатъ-ли они основнымъ законамъ союза: если же въ какомъ нибудь изъ нихъ найдется несогласіе съ главнымъ направленіемъ, то его безъ дальнихъ околичностей исключить изъ законодательнаго кодекса. Совѣтъ союза предложилъ для этой работы свою помощь, назначивъ особую комиссію для разсмотрѣнія законовъ. Нѣкоторыя государства не нуждались въ этой помощи, а если и нуждались, то въ очень слабой степени. Въ Баваріи, напримѣръ, не было никакой перемѣны въ цѣломъ законодательствѣ, и можно было удовольствоваться тѣмъ, чтобы уничтожить тѣ свободномыслящія попытки къ перемѣнамъ, которыя появились въ 1848 году;

такъ, напримѣръ, уже полная, почти готовая судебная реформа была отмѣнена и на мѣсто ея были предложены нѣкоторые новые законы, съ цѣлью поддержать и еще прочнѣе утвердить монархическій принципъ государственнаго кореннаго закона (Verfassungurkunde). Законъ о выборахъ, утвержденный въ 1848 году, былъ составленъ законнымъ правительственнымъ порядкомъ; къ счастію, путь этотъ былъ длинный, и министерство фонъ-деръ-Пфордена, при видѣ упынія, овладѣвшаго либеральною партіей, не считало нужнымъ торопиться и заботилось о томъ, чтобы не допускать вмѣшательства союзнаго совѣта въ свои внутреннія отношенія и дѣла; тѣмъ не менѣе министръ этотъ выказалъ большую готовность двинуть баварскія войска, подъ видомъ союзныхъ войскъ, туда, гдѣ нужно было, какъ въ Кургессенѣ, подавить самостоятельность и стремленіе къ независимости. Почти въ такомъ же положеніи находилась Саксонія; временное избирательное правленіе было отмѣнено 15 ноября 1848 года и введенъ старинный законъ избранія государственныхъ чиновъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ 1831 году. Не было недостатка въ протестахъ и въ отдѣльныхъ пассивственныхъ мѣрахъ; но реакція, подъ руководствомъ министра Бейста, была здѣсь гораздо болѣе жестокая, чѣмъ въ Баваріи, гдѣ возстаніе, не такъ какъ въ Саксоніи, не дошло до столицы; вообще же государство спокойно смотрѣло на возстановленіе старинныхъ порядковъ. Не лучше было въ Вюртембергѣ; тамъ не удалось, посредствомъ собранныхъ представителей государства съ цѣлью пересмотрѣть существующія законоположенія, измѣнить ихъ на новыя, болѣе либеральныя. Министръ Линденъ съ своими приверженцами стремился къ старинѣ, и какъ только настало благопріятное время, онъ распустилъ представителей и опять составилъ сеймъ изъ старинныхъ сословныхъ чиновъ. И здѣсь было много шуму, но народонаселеніе Вюртемберга гораздо больше жару выказываетъ на словахъ, чѣмъ какое бы то ни было другое германское племя, у него нѣтъ постоянныхъ, неизмѣнныхъ убѣжденій и потому, послѣ нѣкотораго сопротивленія, оно покорилось старинному тяжеловѣсному ходу управленія государственной машины, которая худо-ли, хорошо-ли, опять исполняла свою обычную работу. Не удалось только отмѣнить законъ о собственности, установленнаго въ 1848 году, потому что на денежныя дѣла вюртембергцы очень туги; крестьяне и мелкіе землевладѣльцы крѣпко держались выгодъ, ими пріобрѣтенныхъ, и пострадавшее отъ того рыцарство, не смотря на свои жалобы, не получило удовлетворенія. Въ Ганноверѣ помѣщики-дворяне больше выиграли. Король Эрнестъ-Августъ скончался 18 ноября 1851 года; ему наслѣдовалъ сынъ его Георгъ V, хотя онъ былъ совсѣмъ слѣпой, но въ тогдашнее время это не могло быть для него препятствіемъ для вступленія на престолъ. Тамошнее деревенское дворянство, рыцарство и провинціальныя сельскія общества, еще болѣе реактивныя, нежели само правительство, требовали возстановленія своихъ правъ и привиллегій, потерпѣвшихъ отъ новой конституціи 1848 года и отъ закона на счетъ реорганизаціи правительства отъ августа 1850 года. Министерство, подъ управленіемъ Шеле, не хотѣвшее признавать ихъ требованій и еще менѣе исполнять ихъ, вышло въ отставку въ ноябрѣ 1853 года; новое министерство, подъ руководствомъ Лютцена, рѣшилось воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы измѣнить то, что ему казалось неудобнымъ въ законодательствѣ 1848 года. Оно устроило такъ, что совѣтъ союзнаго сейма потребовалъ тщательнаго пересмотра конституціи, чтобы рѣшить, вполнѣ ли она соотвѣтствуетъ правамъ и постановленіямъ союза и по возможности согласить съ нимъ всякое разногласіе (въ апрѣлѣ 1855 года). Сословные чины въ іюлѣ выразили свою готовность пересмотрѣть законодательство, чтобы тѣмъ избавиться отъ непосредственнаго вмѣшательства союзнаго собранія. Это желаніе сословныхъ чиновъ было причиной того, что король ихъ распустилъ очень неожиданно и очень рѣзко; хотя онъ при восшествіи на престолъ давалъ свое королевское слово въ неприкосновенности конституціи государства, однакожь отмѣнилъ 1 августа эту самую конституцію, чѣмъ онъ зашелъ даже дальше требованій союзнаго сейма; но, тѣмъ не менѣе, германскій союзный совѣтъ нашелъ это очень похвальнымъ и ни слова не сказалъ въ защиту нарушенныхъ правъ народа. Министерство, съ своимъ предсѣдателемъ Кильмансъегге, было вознаграждено за это нарушеніе конституціи; жалованье каждаго министра, съ 4,000 талеровъ, воз-

высилось до 6,000. Съ дозволенія совѣта союзнаго сейма и даже противно его постановленіямъ правительство пошло еще дальше по однажды избранному пути, и въ 1857 году совершенно своевольно избрало и созвало сословныхъ представителей.

Подобнымъ образомъ почти вездѣ шли дѣла съ тою только разницею, что въ одномъ мѣстѣ съ большею, въ другомъ съ меньшею грубостью, но вездѣ при выраженіи полнаго равнодушія къ клятвенно подвержденнымъ правамъ и къ торжественно данному слову. Въ тѣхъ государствахъ или областяхъ, гдѣ, подобно Франкфурту, нельзя было стоять за монархическое начало, тамъ подъ именемъ характера христіанскаго государства выключали гражданъ отъ вмѣшательства въ политическія отношенія внутри, или внѣ государства. Но самый большой успѣхъ политика реактивная имѣла въ Люксембургѣ, въ Мекленбургѣ и въ Кургессенѣ.

Въ Люксембургѣ правительство коротко и ясно объявило чинамъ, въ 1856 году, что конституція 9 іюля 1848 года вполнѣ противорѣчитъ правамъ союзнаго сейма и потому требуетъ самаго строгаго пересмотра. Объявленіе это было принято государственными чинами безъ спора и они выразили штатгальтеру, принцу Генриху Нидерландскому, что они готовы сообща приступить къ пересмотру законодательства; но онъ избавилъ ихъ отъ лишняго труда: онъ отмѣнилъ конституцію и тотчасъ же издалъ другую, совсѣмъ въ своемъ духѣ. Этимъ нанесено было грубое оскорбленіе всей Германіи, но эта обида не пробудила и тѣни стыда въ совѣтѣ союзнаго сейма и онъ, въ февралѣ 1857 года, объявилъ, что не находитъ достаточнаго повода вмѣшиваться въ подробности внутренняго управленія и предоставляетъ дѣламъ идти своимъ естественнымъ порядкомъ.

Въ Мекленбургъ-Шверинѣ въ 1848 году также отмѣнена была вѣковая, устарѣвшая до смѣшнаго конституція и установлено законодательное избирательное собраніе, подъ предсѣдательствомъ даровитаго и краснорѣчиваго адвоката Морица Виггера; совѣщанія происходили въ Шверинѣ и 10 октября 1849 года, новая конституція, согласно съ желаніемъ великаго герцога и съ основными законами государства, была опубликована. Но лица, лишившіяся части своихъ привиллегій при перемѣнѣ законодательства, отправились въ Стрелицъ, главный городъ меньшаго изъ двухъ великихъ герцогствъ, громко жаловались на постигшую ихъ невзгоду и впослѣдствіи нашли сочувствіе и поддержку даже при вѣнскомъ и берлинскомъ дворахъ. Окончилось тѣмъ, что мнѣніе въ эпоху реакціи утвердилось такое: надобно великаго герцога спасти изъ рукъ демагоговъ. Король прусскій наконецъ предложилъ покончить дѣло третейскимъ судомъ; по своей личной склонности ко всѣмъ обветшалымъ формамъ и обычаямъ, онъ особенно сочувствовалъ устарѣлой мекленбургской конституціи; предложенный судъ былъ принятъ: со стороны великаго герцога былъ назначенъ король ганноверскій, а со стороны дворянства и рыцарства—король прусскій; этотъ третейскій судъ порѣшилъ, что конституція 1849 года не соотвѣтствуетъ потребностямъ и потому отмѣняется; это рѣшеніе было обнародовано 24 сентября 1850 года. Однакожь отъ реформъ не отказывались и положено было приступить къ нимъ «при конституціонномъ содѣйствіи нашихъ вѣрныхъ чиновъ». Въ 1851 году былъ собранъ старинный сеймъ, по стариннымъ образцамъ: въ немъ было несчетное количество дворянъ: изъ числа 120 землевладѣльцевъ только 20 были не дворяне, изъ 36 городовъ только у 22 были представители; при такомъ составѣ сейма, о реформѣ не могло быть и рѣчи. За то политическая и церковная реакціи быстро развивались; во главѣ послѣдней была лютеранская консисторія Клифата. Дѣла съ каждымъ годомъ ухудшались и въ 1853 году нашли даже нужнымъ затѣять противъ вождей мекленбургской демократіи процессъ за измѣну; при этомъ случаѣ пущенъ былъ въ ходъ весь хитро-сплетенный аппаратъ берлинской тайной и явной полиціи, дѣятелемъ которой, къ величайшему стыду, былъ отъявленный клеветникъ и воръ, по имени Генце. Потребныя для дальнѣйшаго развитія дѣла ручныя гранаты и пистоны были найдены имъ; три съ половиною года тянулось слѣдствіе, наконецъ 13 ноября 1856 года произнесено было рѣшеніе слѣдственной канцеляріи въ Гюстровѣ по дѣлу ростокскихъ демократовъ; одинъ изъ нихъ, Морицъ Виггерсъ, явился добровольно къ суду и содержался подъ арестомъ все время слѣдствія; онъ былъ приговоренъ къ трехлѣтнему заключенію въ сми-

рительномъ домѣ, не принимая за наказаніе ареста, вынесеннаго имъ въ теченіе слѣдствія. Въ окт. 1857 г. осужденные были однакожь освобождены: въ то время церковная реакція гонялась за иными словами и мнѣніями, между прочимъ тогда отставленъ былъ отъ должности профессоръ богословія ростокскаго университета—Баумгартенъ.

Общественное мнѣніе не столько занималось тѣмъ, что происходило на сѣверной окраинѣ Германіи, его вниманіе гораздо больше привлекало то, что дѣлалось въ Кургессенѣ. 27 марта 1852 года союзный сеймъ объявилъ, что конституція 5 января 1831 года не согласна съ рѣшеніемъ вѣнскаго заключительнаго акта и по этому отмѣняется; къ этому объявленію прилагался проектъ новой измѣненной конституціи, съ новымъ избирательнымъ закономъ; далѣе: по этому избирательному закону, предлагалось избирать представителей и имъ-то на разсмотрѣніе предложить проектъ новой конституціи. Въ іюлѣ 1852 года выборы были окончены, и были составлены двѣ палаты; но, не смотря на мѣры, принятыя противъ нихъ, онѣ все таки не подчинялись требованіямъ, и потому ихъ распустили 4 января 1854 года; а такъ какъ министръ Гассенпфлугъ не могъ справиться и съ вновь выбранными представителями, то ихъ распустили и онъ продолжалъ управлять государствомъ не обращая никакого вниманія ни на какія палаты. Это неправосудное правительство, хозяйничало безъ зазрѣнія совѣсти: оно соединилось съ церковнымъ фанатическимъ правленіемъ подобнаго же характера, которымъ заправлялъ совѣтникъ консисторіи Вильмаръ, большой знатокъ литературы и самъ замѣчательный писатель, но закоренѣлый фанатикъ въ томъ, что онъ называлъ теологіей фактической, въ противоположность съ теологіей риторической. Къ этой фактической теологіи прихожанъ преимущественно приводили черезъ церковное покаяніе и черезъ понудительное частое посѣщеніе церкви. Система Гассенпфлуга встрѣтила непобѣдимо упрямый протестъ въ обществѣ, а частная месть постигла министра: законы были имъ самимъ попраны и потому они не постигли виновнаго; онъ стоялъ внѣ ихъ круга дѣйствія. На улицѣ Гассенпфлуга встрѣтилъ зять курфюрста, принцъ Изенбургъ, человѣкъ недостойный своего сана; онъ бросился на министра и осыпалъ его ударами. Это было выраженіе печальнаго положенія, въ какомъ находилась нравственность, но тѣмъ не менѣе въ Германіи радовались этой грубой выходкѣ и хвалили за нее, точно также, какъ въ Лондонѣ радовались побоямъ, съ какими на фабрикѣ проводили генерала Гайнау. Но Гассенпфлугъ наконецъ потерялъ расположеніе измѣнчиваго и прихотливаго курфюрста, и получилъ увольненіе въ 1857 году.

Восточный критическій вопросъ, хотя на короткое время, произвелъ нерѣшительность въ дѣйствіяхъ реакціи. До 1854 года все шло своимъ обычнымъ порядкомъ. При восшествіи на престолъ Наполеона, консервативная партія ликовала съ ребяческимъ восторгомъ; названіе страшнаго пугала—республики, исчезало; странно, слово республика внушаетъ консерваторамъ паническій страхъ, а на радикаловъ оно производитъ ребяческій восторгъ; поэтому неудивительно, что уничтоженіе республики въ сосѣдственномъ государствѣ произвело необыкновенную радость въ Германіи. При этомъ имѣли въ виду только антиреволюціонное вліяніе имени Наполеона Бонапарте; къ тому же, для прежнихъ рейнскихъ союзныхъ государей имя это вообще вовсе не такъ непріятно звучало: такимъ образомъ какъ бы являлась новая помощь: съ одной стороны Франція, съ другой Австрія и Россія. Но это отношеніе нѣсколько измѣнилось, когда загорѣлась война по поводу восточнаго вопроса. Франція подняла оружіе противъ Россіи, а Австрія, къ ужасу всей реактивной партіи, чуть было не послѣдовала ея примѣру. Настало критическое время для средней Европы; не въ однихъ только клубахъ и пивныхъ погребахъ пробудилось стремленіе къ почестямъ и къ политическому значенію; министры нѣкоторыхъ германскихъ государствъ средней величины хотѣли принять участіе въ общемъ движеніи европейской политики и видѣть свои имена въ газетныхъ отчетахъ рядомъ съ именами двигателей великихъ державъ: они попытались составить свою отдѣльную союзную нѣмецкую политику, но мы уже видѣли, какая неудача постигла ихъ попытку. Императоръ Николай, вѣруя еще въ родственныя и дружескія связи съ Пруссіей и Австріей, и вслѣдъ за ними и со всею остальною Германіей, разсчитывалъ на помощь съ этой стороны; но онъ жестоко ошибся въ разсчетѣ: въ минуту опасности и род-

ственники, и друзья, и союзники покинули его; хотя мелкія государства сочувствовали ему, но они были безсильны и поневолѣ должны были слѣдовать политикѣ двухъ сильнѣйшихъ, руководящихъ державъ, Пруссіи и Австріи. Эти обѣ державы заключили между собою въ апрѣлѣ 1854 года оборонительный и наступательный договоръ и 25 мая извѣстили объ этомъ совѣтъ союзнаго сейма съ цѣлью, чтобы онъ присоединился къ нему; при этомъ союзники объявили: „что договоръ этотъ заключенъ потому, что несоразмѣрно развивающееся могущество Россіи въ низовьяхъ Дуная, несовмѣстимо съ интересами Австріи и цѣлой Германіи». Это подало поводъ министрамъ баварскому, фонъ-деръ-Пфортену, и саксонскому, Бейсту, случай показать, что и они кое-что смыслятъ въ политикѣ и значатъ при рѣшеніи политическихъ вопросовъ. 25 мая собрались въ Бамбергѣ представители державъ, пріобрѣтшихъ извѣстность еще по случаю таможенныхъ налоговъ и прозванныхъ дармштадской коалиціей. Фонъ-деръ-Пфортенъ въ восточномъ кризисѣ отыскалъ существенный интересъ для германскаго союза, а именно: указаніе на несостоятельность и шаткость греческаго престола, на которомъ сидѣлъ баварскій принцъ. Но этотъ ничтожный интересъ даже здѣсь не нашелъ сочувствія: какъ бы то ни было, но при этомъ случаѣ средней величины и маленькія государства германскаго союза хотѣли имѣть свое собственное мнѣніе и голосъ въ отечественной политикѣ; этотъ голосъ, вслѣдствіе политическаго и частію родственнаго сочувствія, былъ въ пользу русскаго императора. Они разсуждали такъ: 1) если западныя державы требуютъ, чтобы Россія вывела свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ, то справедливость требуетъ, чтобы западныя державы, въ свою очередь, вывели свои войска изъ Турціи; 2) чтобы германскому союзу предоставлено было право голоса при составленіи мирнаго договора; требованія эти были выражены въ нотѣ, посланной къ Пруссіи и Австріи. Но обѣ сильныя державы отклонили эти заявленія и доказали Бамбергской коалиціи ея безсиліе, заставивъ союзный германскій сеймъ приступить къ составленному ими договору, 24 іюня; при этомъ было сказано: «чтобы устранить всякое подозрѣніе, будто союзная Германія не рѣшилась твердо, неизмѣнно и съ соединенными силами, противустоять всѣмъ испытаніямъ, какія будущность можетъ приготовить для ихъ общаго отечества».

Но этихъ испытаній германскій союзъ не дождался. При этомъ случаѣ только выказалось, что германскій союзъ не составляетъ одного политическаго тѣла, готоваго къ самостоятельному и свободному дѣйст ію. Съ этихъ поръ однакожь протекторское вліяніе Россіи на германскій союзъ значительно ослабѣло; а вліяніе это было велико, особенно въ тѣхъ государствахъ, которыя находились въ родствѣ съ императорскимъ домомъ; тамъ къ досадѣ нѣмцевъ на улицахъ поминутно слышался русскій языкъ, а въ праздники русскіе національные цвѣта на знаменахъ и флагахъ, смѣшивались съ нѣмецкими мѣстными, а цвѣта Германіи—черный, красный и золотой—скромно выглядывали только изъ петличекъ студентовъ, да и тамъ были не въ безопасности отъ зоркаго полицейскаго преслѣдованія.

Гораздо приличнѣе политическихъ разсужденій, касательно судебъ иностранныхъ государствъ, для союзнаго сейма, было мелочное полицейское преслѣдованіе *либеральнаго направленія*; *опять 6 іюля 1854 года* изданъ былъ законъ для ограниченія свободы слова, совершенно въ смыслѣ карлсбадскихъ рѣшеній. Существенный смыслъ его заключался въ томъ, что мѣстнымъ правительствамъ предоставлялось неограниченное право поощрять или препятствовать развитію всѣхъ промысловъ, находящихся въ связи съ прессою, т. е. давать, или отнимать концессіи на нихъ. Затѣмъ союзный совѣтъ продолжалъ помогать тѣмъ правительствамъ, реакціонное направленіе которыхъ встрѣчало препятствіе въ своихъ подданныхъ, или гдѣ оно само не показывало склонности къ реакціи, тамъ его къ ней побуждалъ. Но системы этой невозможно было примѣнить ко всѣмъ государствамъ и ко всѣмъ обстоятельствамъ; случались и государи, не соглашавшіеся унижать своего достоинства и выдавать учрежденія 1848 года за проявленіе революціоннаго принужденія, т. е. иначе сказать, сознаваться или въ своей слабости, или въ трусости. Герцогъ кобургъ готскій Эрнестъ II, владѣтель 37 квадратныхъ миль и 149,000 жителей, доказалъ что человѣкъ съ твердымъ характеромъ и правилами, даже въ такое смутное время можетъ твердо отстаивать права свои. Здѣсь также, какъ въ Вюртембергѣ и другихъ мѣстахъ, представители

высшихъ сословій требовали возстановленія своихъ привиллегій и преимуществъ; такъ какъ герцогъ не давалъ имъ удовлетворительнаго отвѣта, то черезъ ихъ происки совѣтъ союзнаго сейма потребовалъ отъ герцога объясненія по этому предмету. Герцогъ, въ своемъ отвѣтѣ, очень ясно и отчетливо высказалъ, что не признаетъ за совѣтомъ союзнаго сейма права вмѣшиваться въ конституцію страны, уже однажды признанную, утвержденную и находящуюся въ полномъ дѣйствіи; но онъ не ограничился этимъ и пошелъ дальше, заявляя, что и онъ при существующемъ настроеніи, могъ бы опрокинуть установленный порядокъ, если бы захотѣлъ нарушить данное слово, вѣрность присягѣ и вѣру; онъ надѣется, заключилъ онъ, что сильнѣйшіе союзники не принудятъ его измѣнить своимъ убѣжденіямъ, обязанностямъ и законамъ, имъ самимъ утвержденнымъ и признаннымъ. Франкфуртскій сеймъ не задумываясь посылалъ вспомогательныя войска государямъ, нуждавшимся въ помощи противъ подданныхъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда государь былъ заодно съ народомъ и гдѣ можно было утвердить свою систему, только изгнавъ его, туда союзная армія не ходила; сначала надобно было взвѣсить, не дастъ ли это смертельнаго удара и самому монархическому принципу. Удовольствовались тайною досадою на герцога и журнальными выходками противъ правителей въ красныхъ колпакахъ якобинцевъ; особенно услужливою газетой въ этомъ случаѣ оказалась берлинская: Neue Preussische Zeitung, стоявшая во главѣ реактивной прессы; къ тому же она на герцога особенно зла была за то, что онъ сдѣлалъ своимъ придворнымъ проповѣдникомъ и совѣтникомъ консисторіи вольнодумнаго и опаснаго по своему направленію теолога, доктора Шварца.

Необыкновенно быстро прошедшій кризисъ 1848 года не оставилъ послѣ себя слишкомъ глубокихъ слѣдовъ. Народная бодрость опять очень скоро оправилась. Въ непродолжительномъ времени, послѣ восточной войны, опять обнаружилось стремленіе впередъ и замѣтно стало, что волна, поднявшаяся въ 1848 году, несмотря на сильное противное дѣйствіе реакціи, все-таки продолжаетъ катиться по данному направленію и теченіемъ своимъ уноситъ поставленную ей преграду. Съ каждымъ днемъ все яснѣе обнаруживалось, что всѣ слои народа, не исключая и тѣхъ, для которыхъ больше всего выгоды принесла реакція, проникнуты духомъ времени и всѣ до глубины души сознаютъ потребности новой эпохи. Въ каждомъ слоѣ общественной жизни показывалось, какъ недостаточно полицейское вліяніе, со всѣми своими тонкостями, въ Германіи, во второй половинѣ XIX вѣка, тогда, какъ во времена карлсбадскихъ резолюцій, она дѣйствовала всесильно. Такъ, напримѣръ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, опять выкопали безконечныя паспортныя проволочки; съ самою тягостною точностью, истинно нѣмецкою, разыскивали все ли въ должномъ порядкѣ въ паспортѣ; отъ инстанціи къ инстанціи разбирали, дѣйствительно ли предъявитель паспорта есть обладатель его, не подложное ли онъ лицо, и это требовалось доказать безчисленными полицейскими и другими писанными свидѣтельствами; но несоразмѣрно возрастающія сношенія вскорѣ показали, какъ невозможенъ такой щепетильный полицейскій надзоръ. Еще обнаружилась слабость полицейскаго реактивнаго направленія, касательно журналовъ и газетъ: несмотря на всевозможныя, невыносимыя придирки и самыя мелочныя притѣсненія, число ихъ увеличивалось, подписка усиливалась и они достигали цвѣтущаго развитія. Въ странѣ, гдѣ элементарное образованіе повсемѣстно, гдѣ высшее образованіе очень развито, тамъ всякая попытка остановить распространеніе новыхъ идей, естественно развившихся отъ движенія, даннаго послѣдними событіями, не представляла ни малѣйшей возможности. Стѣсненія скорѣе раздражали, нежели мѣшали распространенію идей: авторы очень скоро научились проводить свои идеи такъ, что правительство не могло найти причины за что не дозволять ихъ печатанія, а между тѣмъ всякій, мало-мальски развитой читатель, самъ, безъ указанія, понималъ цѣль сочиненія и дѣлалъ дальнѣйшіе выводы и заключенія. Но болѣе всего раздробленіе Германіи содѣйствовало распространенію запрещенныхъ сочиненій: лишь только какая либо книга или брошюра была запрещаема въ одномъ государствѣ, полиція не успѣвала оглянуться, не успѣвала протянуть свою руку, какъ она уже перевезена была черезъ границу и являлась въ сосѣднемъ государствѣ и такъ далѣе, повсюду

ускользая отъ преслѣдованія и повсюду оставляя за собою слѣды своего существованія. Для издателя и книгопродавца такое полицейское гоненіе на сочиненіе было желаннымъ явленіемъ: распространеніе, т. е. продажа книги была обезпечена; она пріобрѣтала такую извѣстность, такую популярность, какой она, можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ, никогда бы не заслужила.

Началась серьезная борьба убѣжденій, противорѣчащихъ другъ другу взглядовъ на жизненныя отношенія и вопросы; борьба уже давно начавшаяся, но теперь разгорѣвшаяся во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, по которымъ намъ однакожь нѣтъ возможности прослѣдить ее. Сначала политическая реакція получила особенный вѣсъ оттого, что она шла рука объ руку съ церковною, которая не только казалась одушевленною религіознымъ духомъ, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и была религіозной. Очень во время было возстановленіе христіанскаго духа въ народѣ, потому что во всѣхъ стремленіяхъ и поступкахъ демократовъ и по большей части у либераловъ замѣтно было совершенное отсутствіе истиннаго христіанскаго смысла; до сихъ поръ вольнодумцы отличались страстью къ кощунству; надобно признаться, что гнетъ, подъ которымъ теперь страдала демократическая партія, на нее благодѣтельно подѣйствовалъ въ томъ отношеніи, что пробудилъ въ ней болѣе серьезныя мысли и далъ ей больше достоинства во всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ формахъ ея дѣйствій; къ тому же постоянныя невзгоды и непріятности разогнали всю сволочь, какая вѣчно тѣснилась вокругъ тѣхъ, на сторонѣ которыхъ былъ хотя минутный успѣхъ и которая теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, толпами бѣжала въ консервативный лагерь. Партія вольнодумцевъ и въ Германіи слѣдовала дурному примѣру, данному французской революціей; раздраженная неумѣстнымъ гнетомъ церкви, она, отрекаясь отъ вліянія церковнослужителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отреклась и отъ ученія Христова, и ободряла каждаго полуобразованнаго школьнаго учителя, разсорившагося съ своимъ приходскимъ священникомъ, или всякаго пустозвона—насмѣхаться и кощунствовать надъ тѣмъ, что лучшіе, благороднѣйшіе люди всегда уважали, или чему большая часть народа поклонялась съ полною вѣрою, или наконецъ, что почиталось даже просвѣщеннѣйшими либералами, какъ святой, дальній отголосокъ, освѣщавшій и согрѣвавшій нѣкогда дни дѣтства и юности; но теперь въ людяхъ съ серьезнымъ настроеніемъ, мысль и сердце опять приближались къ христіанскому воззрѣнію, замѣтно стало религіозное настроеніе, которымъ въ свою очередь клерикальная партія поспѣшила воспользоваться съ своимъ обычнымъ коварствомъ, властолюбивыми замыслами и корыстолюбивыми цѣлями, стараясь пользоваться ими для своихъ политическихъ предначертаній. Съ этой партіей мы познакомимся въ Пруссіи, гдѣ она управляла и королемъ, и государствомъ; но тоже самое явленіе повторилось и въ другихъ мѣстахъ.

Римско-католическая церковь полагала, что благопріятная для нея пора пришла. Представители высшихъ и низшихъ членовъ іерархіи этой церкви гораздо чаще пополняются изъ низшихъ слоевъ народа, чѣмъ это случается съ духовенствомъ протестантскимъ; поэтому въ теченіе революціоннаго движенія 1848 года эта связь между католическимъ духовенствомъ и народомъ нарушалась; оно привыкло пользоваться всякимъ обстоятельствомъ для своей пользы и поэтому здѣсь, какъ и вездѣ, съумѣло направлять свою барку даже при бурныхъ порывахъ волненій. Католическое духовенство извлекало свою пользу изъ всякаго законодательства и изъ параграфа германскаго кореннаго постановленія, въ которомъ говорится: «каждое религіозное общество устраиваетъ свои дѣла и управляется само»; оно не упустило изъ вида также параграфа о свободѣ вѣроисповѣданія и свободѣ совѣсти, о неограниченномъ правѣ составлять и учреждать общества; оно нисколько не стѣснялось тѣмъ, что законы эти установлены р е в о л ю ц і е й: они соотвѣтствовали ея потребностямъ, чего же больше? Нѣмецкіе епископы собрались въ 1848 году въ Вюрцбургѣ, гдѣ они на конференціи громко толковали о томъ, что и церковь готова принять участіе въ возрожденіи отечества; само собою разумѣется, что она, при этомъ случаѣ, выказала свои права на воспитаніе юношества. Но вскорѣ дѣла приняли иной оборотъ: правительства начали отыскивать консервативныхъ дѣятелей; между протестантами нашлось много такихъ людей, которые всѣми силами стремились къ п о т е р я н-

ной церкви; если кто смотрѣлъ на вещи поверхностно, тотъ дѣйствительно, съ нѣкоторымъ основаніемъ, могъ смотрѣть на римскую церковь, какъ на олицетвореніе консервативнаго начала, потому что она сохранила всѣ свои достоинства и недостатки и въ общемъ, и въ частностяхъ такими, какими они были еще въ XV вѣкѣ; кромѣ того она могла похвалиться тѣмъ, что въ эпоху волненія и всеобщаго распаденія, она осталась неизмѣнно и прочно на своемъ основаніи, не потерпѣвъ никакой потери. Но она не довольствовалась похвалами и вѣжливостями: она требовала опредѣленныхъ правъ; если она готова подать помощь свѣтской власти для низложенія революціоннаго начала, то ей нужна награда; пять епископовъ такъ называемой верхне-рейнской церковной провинціи, не оставили сомнѣнія въ томъ, чего они желаютъ и что понимаютъ подъ самостоятельностью церкви, слишкомъ поспѣшно имъ обѣщанной; тутъ надобно замѣтить, что эта civitas Dei, церковь католическая, имѣла въ Германіи свои провинціи, свои судилища, свои наказанія, своихъ воиновъ, точь въ точь, какъ свѣтскія власти, но ихъ области не совпадали съ свѣтскими, и потому рѣшенія церковной провинціи сообщались различнымъ свѣтскимъ правительствамъ. Итакъ католическая іерархія потребовала: 1) свободнаго способа сношеній съ главою своего государства въ Римѣ; 2) чтобы признавали законными папскія и епископскія постановленія, не повергая ихъ предварительно на утвержденіе правительства; 3) свободное управленіе церковнымъ достояніемъ и имѣніями; 4) епископское утвержденіе для учителей закона Божія при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ; 5) учрежденіе епископальныхъ семинарій; 6) признать за епископами исключительное право экзаменовать клерикальныхъ членовъ и избавить ихъ отъ всякаго экзамена посредствомъ лицъ свѣтскихъ, назначенныхъ правительствомъ, 7) предоставить епископамъ право замѣщать всѣ духовныя должности, если только на нихъ какое либо постороннее лицо не имѣетъ доказаннаго права патрона; 8) свободы наказывать членовъ духовенства по церковнымъ законамъ и обычаямъ, издавна существующимъ, не предоставляя виновнымъ права апелляціи къ правительству. Таково было воззрѣніе церкви на указанные выше параграфы и таковы были ея требованія, или, правильнѣе, было начало требованій; всѣ свои отдѣльныя требованія церковь основывала и подкрѣпляла однимъ всеобъемлющимъ правомъ своимъ, какъ церковь съ опредѣленными вѣковыми формами и органами—единая церковь, соединяющая въ себѣ значеніе связующей Богомъ данной власти, какъ учрежденіе божественное, не человѣческое; она предъявляла свои требованія съ настойчивостью и смѣлостью, о какой не имѣли понятія ни запуганныя палаты, ни городскіе совѣты, ни другія какія либо корпораціи, отваживавшіяся на протестъ въ тяжелые дни гоненія. Епископы не дождались согласія правительствъ на свои требованія: въ февралѣ 1852 года они объявили, что во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ они поступать будутъ, какъ будто правительство согласилось на ихъ требованія; когда же правительство отказало имъ въ большей части пунктовъ, тогда они дерзко заявили: «что надобно исполнять волю Божью, а не человѣческую». Такимъ образомъ произошло несогласіе между міровымъ церковнымъ государствомъ и безсильными территоріальными владѣніями. При тогдашнемъ настроеніи правительственныхъ лицъ, торжество римскаго духовенства продолжалось нѣкоторое время. Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ министерство Дальвигка заключило тайное соглашеніе, 23 августа 1854 года, съ майнцскимъ епископомъ фонъ-Кеттелеромъ; вслѣдствіе него этому вождю ультрамонтанизма въ Германіи предоставлялась почти неограниченная свобода дѣйствій; когда же на сеймѣ зашелъ вопросъ объ этомъ соглашеніи, то министръ не постыдился отречься отъ своего поступка. Въ Вюртембергѣ ультрамонтаны воспользовались вліяніемъ женщины на стараго короля, чтобы установить конкордатъ (1857 г.), но пользы отъ него было мало, потому что удобная минута была пропущена. Самое большое поприще для дѣятельности клерикальной партіи представляло великое герцогство Баденское; тутъ римское самоволіе и римская требовательность боролись съ духомъ новѣйшаго времени; послѣ смерти великаго герцога Леопольда I, 24 апрѣля 1852 года, правленіе, вмѣсто неспособнаго наслѣдника Людовика, принялъ на себя, подъ именемъ регента, его младшій братъ Фридрихъ. Архіепископъ фрейбургскій, Германъ Викари, началъ

съ того, что запретилъ обычныя церковныя молитвы за усопшаго герцога, потому что онъ, какъ лютеранинъ, не причастенъ молитвамъ католиковъ за упокой его души; но этимъ Викари не удовольствовался, онъ продолжалъ высказывать свои епископскія требованія, но такъ какъ онъ по своимъ преклоннымъ лѣтамъ не довольно энергически предлагалъ и поддерживалъ ихъ, то молодые, полные жизни и силы фанатизма духовные, придавали ему энергію и помогали ему. Онъ установилъ въ семинаріяхъ экзамены, не допуская на нихъ отъ правительства комиссаровъ, назначалъ, по собственной неограниченной власти, приходскихъ священниковъ, грозилъ отлученіемъ отъ церкви членамъ католическаго верховнаго церковнаго совѣта; на нерѣшительныя замѣчанія со стороны министерства, 31 октября 1853 года, онъ объявилъ, что не можетъ принимать законовъ и исполнять ихъ, если они клонятся къ уничтоженію «постановленій церкви, самимъ Іисусомъ Христомъ утвержденныхъ.» Правительство отдало его подъ надзоръ полиціи и объявило низшему духовенству, что подвергнетъ его наказанію, если оно будетъ исполнять приказанія епископа. Но это не устрашило архіепископа, онъ заставилъ повиноваться себѣ строгими мѣрами — отлученіемъ отъ церкви и интердикціями; борьба загорѣлась, епископъ смотрѣлъ на себя, какъ на мученика воинствующей церкви, папа осыпалъ его похвалами, сочувствіе вѣрующихъ ободряло его къ новымъ усиліямъ, хотя въ дѣйствительности строгія мѣры правительства лично его не касались, а въ видѣ денежныхъ штрафовъ и арестовъ исключительно падали на низшее духовенство. Такимъ образомъ консервативное начало не задумываясь вело народъ прямо къ анархіи. Правительство рѣшилось установить съ Римомъ свои отношенія; начались переговоры: оно уничтожило свое обвиненіе на архіепископа 1854 года, и прекратило всѣ иски на духовенство; но соглашеніе съ Римомъ установить было не легко; дѣло тянулось до 1859 года, когда наконецъ всѣ затрудненія были улажены; но тутъ времена уже измѣнились и всѣ хитро-сплетенныя и тонко-натянутыя петли и нити политики католической куріи порвались, какъ паутина.

Борьба римской церкви и свѣтскихъ властей была борьбою одного государства съ другимъ, и формы этой борьбы были однѣ и тѣже, съ тою только разницею, что то, что по своей сущности было побужденіемъ честолюбія, или матеріальнаго интереса, прикрывалось религіозными названіями и формами; наука не принимала участія въ этомъ дѣлѣ, потому что между постановленіями церкви, ея догматами и свободными изысканіями науки не было ничего общаго. Совсѣмъ не то мы видимъ на почвѣ, гдѣ развивался протестантизмъ. И здѣсь, подобно католической церкви, преобладали правовѣрные, или то, что очень поверхностно называли «позитивнымъ христіанствомъ»; но это направленіе не причиняло правительствамъ такихъ хлопотъ и затрудненій, какъ пропорціонально-католическая. Какъ покорное орудіе реакціи, протестантское духовенство охотно и съ рвеніемъ работало для нея и получало за это свои выгоды; оно оказывало предпочтеніе различнымъ установившимся и непреложнымъ въ этой религіи вѣрованіямъ и ихъ главнѣйшимъ ревнителямъ, также получило возможность преслѣдовать то, что, по мнѣнію этихъ вѣрующихъ, называется ересью и невѣріемъ. Ревнителямъ протестантизма удалось офиціальному міру придать церковный колоритъ: скрѣпя сердце, высшіе государственные люди принудили себя къ исполненію религіозныхъ формальностей, опять въ киркахъ начали появляться не одни только простолюдины. Притворство и ханжество успѣшно развивались въ церкви, въ школѣ, въ области бюрократіи и т. д., но въ земляхъ протестантскихъ ничто не можетъ твердо установиться, его нельзя оправдать, или поддержать наукой; такъ и тутъ на помощь новому направленію явилась новая схоластика, въ защиту исповѣдуемой догматики, но схоластика эта не устояла, и попытки ея оказались безсильными. Даже въ области богословія умъ здѣсь привыкъ идти свободнымъ путемъ мышленія и потому борьба съ схоластикой должна была основываться на изслѣдованіяхъ науки. Попытки посягательства свѣтской власти на религіозные споры оказались недѣйствительными, такъ, напримѣръ, въ Вюртембергѣ одинъ принцъ, далеко не служившій примѣромъ строгой нравственности, вздумалъ принять строгія мѣры противъ распространенія невѣрія въ Тюбингенскомъ университетѣ: подъ этимъ выраженіемъ онъ разумѣлъ лекціи Христіана Фернанда Баура, но

желанія и стремленія строгости остались безъ послѣдствій, не смотря на то, что здѣсь также, какъ въ Мекленбургѣ и Кургессенѣ лютеранскіе пасторы хозяйничали, какъ бы въ XVII вѣкѣ. Остальныя науки освободились отъ всякаго церковнаго и богословскаго гнета, и шли своимъ свободнымъ путемъ изысканій. Профессора, послѣ неудачной попытки въ области политики, опять уединились въ свои кабинеты и принялись за свои ученыя работы, не теряя ни бодрости, ни вѣры, ни надежды на будущія лучшія времена и обстоятельства, какъ это прилично людямъ, руководящимъ учащеюся молодежью. Хотя революціонный кризисъ былъ очень непродолжителенъ, но для значенія и мѣста, занимаемаго наукой въ общественной жизни народа, онъ имѣлъ очень важныя послѣдствія. Пробудилась потребность сблизить науку съ жизнью и доставить ей возможность прямо и непосредственно дѣйствовать на жизнь: вотъ почему свѣтила науки, дѣятели во всѣхъ отрасляхъ знанія: въ естествовѣдѣніи, государственныхъ наукахъ, исторіи, политической экономіи, начали своими изысканіями и изысканіями иностранныхъ ученыхъ дѣлиться съ массою народа языкомъ популярнымъ, понятнымъ и тѣмъ, которые не подготовлены къ высшимъ ученымъ трудамъ, но получили общее образованіе и могутъ сочувствовать общечеловѣческимъ интересамъ. Въ это время съ такимъ направленіемъ появилось такое большое количество сочиненій, что перечесть ихъ не было бы ни малѣйшей возможности; упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно выдающихся: по области естествовѣдѣнія, около этого времени, Александръ Гумбольдъ окончилъ свой „Космосъ“ и издалъ его (1845—1862). На исторію живительно повѣялъ новѣйшій духъ всемірнаго движенія этой эпохи, первый отдѣлъ которой только-что былъ пережитъ и окончился. Рядомъ съ признанными міромъ историками, Леопольдомъ Ранке и Хр. Фр. Шлоссеромъ, сочиненія которыхъ продолжали занимать высокое мѣсто, имъ указанное, и вліяніе которыхъ отразилось на обширномъ кругу читателей, появились новые, подъ вліяніемъ господствующаго направленія; въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаютъ по своей вѣрной характеристикѣ описываемой эпохи: исторія Германіи Людовика Гейзера, со времени смерти Фридриха Великаго, исторія французской революціи Гейнриха Зибеля и римская исторія Ѳедора Момзена; объ исторіи XIX столѣтія Гервинуса мы тѣмъ болѣе обязаны упомянуть, что одно введеніе его въ исторію, заключающее въ себѣ большую часть всего сочиненія, воздвигло на себя полицейское преслѣдованіе. Въ одно время съ этими историческими сочиненіями Германіи, появилась въ Англіи замѣчательная исторія Англіи, Маколея: по своей формѣ столько же, какъ по взгляду и содержанію, она имѣетъ не только величайшее значеніе для Англіи, но и для всего образованнаго міра Европы. Эти и другія подобныя сочиненія распространялись по цѣлой массѣ читающей публики, и не составляли болѣе достоянія замкнутаго круга ученыхъ, и производили глубокое, благотворное вліяніе на классы, пробужденные революціей къ дѣятельной политической жизни.

Возрастающее могущество общественнаго мнѣнія можно считать величайшимъ и самымъ явнымъ прогрессомъ этого времени. До 1848 года самыя важныя дѣла по внутреннему управленію и по внѣшнимъ сношеніямъ дѣлались свѣдома очень ограниченнаго кружка людей, и правительство не любило, чтобы свѣдѣнія о томъ распространялись въ обществѣ; къ тому же то, что дѣлалось въ одномъ государствѣ союза, мало интересовало остальныя державы, лишь бы дѣло не касалось чего нибудь такого, что могло вредить общему интересу.— Теперь это совершенно измѣнилось. Со дня на день, съ году на годъ, съ точекъ зрѣнія всѣхъ разнообразныхъ партій, разбирали и обсуживали всѣ общегерманскіе и европейскіе жизненные вопросы и тѣ, которые касались исключительно того или другаго отдѣльнаго народа, обсуживались публично въ современныхъ изданіяхъ и способомъ, доступнымъ для всякаго читателя; потребность заниматься политикой до того возросла, что тысячи тысячъ людей исключительно этимъ занимались, вопросы житейскіе и государственные сдѣлались любимыми темами для разговора во всѣхъ слояхъ общества. Ежедневныя газеты, съ возрастающимъ искусствомъ, подхватывали эти вопросы, представлявшіеся обществу въ неяснихъ, неопредѣленныхъ формахъ, разработывали ихъ, разъясняли, представляли въ ясныхъ, опредѣленныхъ выраженіяхъ для нихъ оправданія, или воз-

раженія, и тѣмъ старались дать обществу ясный взглядъ на жизнь. Такъ какъ партій и точекъ воззрѣній было много, то всякій, по своему личному убѣжденію или предпочтенію, выбиралъ то, что болѣе всего ему соотвѣтствовало, и находилъ больше опоры и фактовъ для поддержанія своего мнѣнія. Вскорѣ отъ увеличивающагося числа читателей, матеріальныя выгоды присоединились къ нравственнымъ двигателямъ, и пресса сдѣлалась могущественной; притѣсненія и насильственныя мѣры противъ ея развитія только раздражали и сердили ее: хотя то тутъ, то тамъ она въ отдѣльности страдала, но въ цѣломъ это не могло поставить прочныхъ преградъ ея распространенію и ея дѣятельности. Правительства и ихъ партизаны нашли неизбѣжнымъ снизойти на арену публицистической борьбы и постараться привлечь на свою сторону то, что до сихъ поръ презирали и считали безсильнымъ проявленіемъ ума, неразумной массы подданныхъ. Вскорѣ похвала, одобреніе и награда для высшихъ правительственныхъ лицъ потеряли свое значеніе, въ сравненіи съ печатной похвалой и порицаніемъ, служащимъ органомъ народа, посреди котораго имъ приходилось жить, и мнѣніемъ котораго они научились дорожить. Новая жизненная сила проникла въ политическія отношенія и дала новую форму и новую силу государственному направленію, — она такую же реформу произвела, какую сила пера произвела въ промышленномъ и общежительномъ мірѣ: эта нравственная сила заставила себѣ все служить: каждый принципъ, каждую партію, каждое дурное или хорошее дѣло.

Но при печальномъ положеніи настоящаго не чувствовался этотъ прогрессъ; Германія на каждомъ шагу встрѣчала оскорбленія, стыдъ и униженія во внѣшнихъ отношеніяхъ, нарушеніе справедливыхъ требованій и законности внутри, и совершенной безплодности всѣхъ стремленій. Хуже всего было то, что, казалось, не предвидится ни малѣйшей надежды на исправленіе. Радикалы тѣшили себя неопредѣленными ребяческими надеждами на новую революцію; какъ будто она могла принести пользу, при существующемъ состояніи нравственнаго распаденія народа, одинаковаго во всѣхъ слояхъ общества: люди болѣе благоразумные утверждали, что толчекъ къ лучшему можетъ быть данъ только одною изъ великихъ державъ Германіи; нѣкоторые, еще болѣе дальновидные, ожидали этого толчка отъ Пруссіи, считая ее одну способною дать Германіи единство и свободу, по той простой причинѣ, что Пруссія—государство сильное, и въ тоже время чисто-нѣмецкое. Но положеніе этого государства было печальнѣе, нежели всякаго другаго, потому что ни въ одномъ не было такого сильнаго разногласія между тѣмъ, что должно бы быть, и тѣмъ, что было.

3. Пруссія.

Пруссія въ 1853 году заключала въ себѣ 5,100 квадратныхъ мпль съ 17 милліонами жителей, т. е. на 7 почти милліоновъ больше нежели въ 1845 году. Изъ этихъ 17 милліоновъ около 14 было чисто-германскаго племени; со времени присоединенія къ Пруссіи великихъ княжествъ Гогенцоллернъ, владѣнія ея распространились на югъ, и въ нихъ можно было найти представителей всѣхъ племенъ, составляющихъ германскій народъ; тутъ были и франки, и швабы, и саксонцы, и фризы, и лотарингцы, и тюрингенцы; всѣ эти одноплеменные народы сильно перевѣшивали славянскій элементъ, въ 1853 году не составлявшій болѣе 2,800,000 человѣкъ, слѣдовательно, терявшійся въ преобладающей массѣ. Различіе религіи тоже было незначительно: къ господствующей, протестантской причислялось 10 милліоновъ жителей, остальные—католики. Во время царствованія Фридриха-Вильгельма IV, въ сношеніяхъ съ римско-католической церковью, выказывалась даже утонченная вѣжливость, а самъ король очевидно сочувствовалъ ей; такое обращеніе было пріятно для этой церкви; она была довольна своимъ положеніемъ, на сколько она можетъ быть довольна, если неудовлетворено ея неудержимое стремленіе къ господству; но всякая надежда на преобладаніе была у нея отнята все болѣе и болѣе развивающимся общественнымъ и научнымъ образованіемъ народа, сознаніемъ личной независимости въ дѣлахъ совѣсти, и

наконецъ постепеннымъ возрастаніемъ и распространеніемъ изъ восточныхъ провинцій въ западныя—стремленія къ объединенію и сознанія потребности въ одномъ прусскомъ направленіи. Общее культурное развитіе народа находилось въ блистательномъ состояніи; почва, хотя не повсемѣстно плодородная, была обработана наилучшимъ образомъ, да и дурная не оставалась безъ употребленія. Не маловажное мѣсто въ статистикѣ и исторіи Пруссіи занимаетъ утѣшительный взглядъ на общій отчетъ объ обработкѣ почвы; во всей территоріи Пруссіи совершенно неудобной земли было не болѣе какъ на 9%, подъ пашнями, огородами, садами и виноградниками 23%, подъ лугами и пастбищами 25%, подъ лѣсомъ 23%; подъ дорогами, каналами и желѣзными дорогами было также значительное количество, изъ него однѣхъ желѣзныхъ дорогъ было 543 мили, что не мало содѣйствовало удобствамъ и быстротѣ сообщеній. Матеріальному развитію благосостоянія соотвѣтствовало духовное: такихъ людей, которые бы не умѣли ни читать, ни писать, можно было насчитать, въ нѣмецкихъ областяхъ, только единицы; кромѣ 24,000 элементарныхъ училищъ, 400 высшихъ учебныхъ заведеній и 6 вполнѣ организованныхъ университетовъ, народное обученіе еще пополнялось в о й с к о м ъ, гдѣ въ полкахъ находились солдатскія училища, почему подъ ружьемъ стояли все только грамотные люди; общая воинская повинность хотя не создала народнаго войска въ томъ смыслѣ, какъ его понимали демократы-преобразователи 1848 года, но оно было истиннымъ національнымъ войскомъ, основаніемъ котораго служило уже высказанное нами выше стремленіе къ сближенію всѣхъ сословій и къ равномѣрному распредѣленію воинской тягости; къ тому же въ организаціи общей военной повинности мы видимъ прочное и широкое основаніе для развитія, въ лучшемъ значеніи слова, демократическаго начала государственнаго быта. Народонаселенія, которымъ случалось поочередно имѣть на зимнихъ квартирахъ солдатъ различныхъ государствъ, какъ напримѣръ, жителямъ Зигмарингена, въ годахъ 1848 и 1849, поочередно содержать баварскихъ, вюртембергскихъ, австрійскихъ и прусскихъ солдатъ наравнѣ съ собственными — гогенцоллернъ-зигмарингенъ-гехингенъ-лихтенштейнскими, съ величайшимъ и болѣзненнымъ удивленіемъ принуждены были сознаться, что нравственное и общественное развитіе несравненно выше въ рядахъ прусскаго войска. Нѣкоторые наблюдатели, у которыхъ глаза не помутились отъ калейдоскопа перемѣнъ и возстаній тѣхъ годовъ, видѣли больше: они замѣтили у прусскаго войска, также какъ у прусскихъ чиновниковъ, которыхъ послѣ присоединенія встрѣтили съ ненавистью и недовѣрчивостью, истинное національное чувство, патріотизмъ, перешедшій въ ихъ тѣло и кровь, и такъ укоренившійся, что его не было надобности вызывать или поддерживать какими бы то ни было искусственными средствами. Также прочно, какъ войско, было финансовое положеніе государства; доходъ покрывалъ расходъ; государственный долгъ не превышалъ ничтожной суммы въ 150 милліоновъ талеровъ, что крайне мало для такого большаго государства.

Мы видѣли, какъ это сильное государство не занимало должнаго положенія въ ряду европейскихъ державъ; по одному слову короля могло выступить въ поле до 600,000 отлично вооруженнаго и обученнаго войска; но на престолѣ былъ человѣкъ нерѣшительный, недѣятельный, погруженный въ военно-романтическія идеи и скрывавшій свою недѣятельность за громкими фразами; онъ не съумѣлъ пользоваться обстоятельствами; когда судьба, можно сказать, предлагала ему германскую корону, онъ добивался только очень законнаго званія имперскаго полководца; объ руку съ нимъ стояло правительство, составленное изъ людей недалекихъ, безъ чувства благороднаго честолюбія, безъ сознанія собственнаго достоинства; поэтому, естественно, не поддерживаемые патріотизмомъ, они уступали внѣшнему давленію, отступали шагъ за шагомъ и очутились наконецъ въ очень невыгодномъ положеніи; изъ него, безъ сомнѣнія, можно было бы выйти по различнымъ путямъ, но недальновидный, руководящій министръ предпочелъ выбрать изъ нихъ самый унизительный, проходящій подъ я р м о м ъ. Намъ остается прослѣдить, какъ это государство, при постыдномъ правительствѣ, колеблемомъ то тою, то другою партіей, прожило послѣднее и самое печальное

свое пятилѣтіе: но наблюдатель можетъ всегда смотрѣть спокойно на дурное, если предвидитъ и знаетъ, что дальше ожидаетъ его иная утѣшительнѣйшая картина.

Несмотря на то, что все ухудшалось, все стремилось назадъ, была все-таки одна утѣшительная перемѣна: абсолютное государство, вслѣдствіе революціоннаго кризиса, превратилось въ конституціонное. Февраля 6, въ 1850 году, какъ мы уже говорили, король клятвенно утвердилъ новую основную конституцію государства. Хотя изъ нея предварительно были выброшены всѣ демократическія начала, но, по своей сущности, она все-таки давала достаточно прочныя основанія для возведенія истинно прочнаго законоположенія государства. По новой конституціи всѣ пруссаки были уравнены передъ закономъ, сословныя преимущества предоставлены были только членамъ королевскаго дома, княжескаго дома Гогенцоллерновъ и бывшимъ независимымъ имперскимъ владѣльцамъ; послѣдователи различныхъ вѣроисповѣданій пользуются одинаковыми гражданскими правами и преимуществами; личная безопасность, неприкосновенность жилища и имущества, свобода совѣсти; свобода науки и ея распространенія, свобода собираться и составлять общества; неприкосновенность частной переписки по почтѣ; какъ конституціонный представитель государственныхъ сословій, является сеймъ, имѣющій вмѣстѣ съ королемъ законодательную силу; сеймъ раздѣляется на двѣ палаты: первая изъ нихъ, по закону 30 мая 1855 года названная палатою господъ (das Herrenhaus) по закону 3 мая 1853 года и по королевскому рѣшенію 12 октября 1854 года, составлена изъ совершеннолѣтнихъ принцевъ королевскаго дома, изъ членовъ, засѣдающихъ по наслѣдственному праву, и изъ членовъ, избранныхъ королемъ пожизненно. Къ первой категоріи принадлежатъ главы княжескихъ домовъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ и Гехингенъ, представители бывшихъ княжескихъ и графскихъ владѣтельныхъ прусскихъ домовъ, которые принадлежали къ куріи господъ прежнихъ соединенныхъ сеймовъ и такихъ, которыхъ король назначаетъ наслѣдственными членами палаты. Членами пожизненными король назначалъ «представителей древнихъ, утвержденныхъ закономъ, землевладѣльцевъ», представленныхъ въ члены обществами землевладѣльцевъ, по одному члену отъ каждаго изъ шести университетовъ; далѣе, изъ людей, предлагаемыхъ въ члены магистратами городовъ, имѣющихъ отъ короля эту привиллегію, и наконецъ изъ лицъ, заслужившихъ личную благосклонность и довѣренность короля. Вторая палата, или палата депутатовъ (das Haus der Abgeordeten) составлена была изъ 352 членовъ, избираемыхъ черезъ посредствующіе выборы; на каждые 350 душъ коренные избиратели выбирали по одному избирателю, и при томъ избранія эти происходили въ трехъ отдѣленіяхъ, составленныхъ по цензу. Избиратели избирательнаго округа, права которыхъ утверждались и сохраняли свою силу въ теченіе трехлѣтняго періода, наконецъ приступали къ выбору депутата. Избирательное право было очень широко: каждый пруссакъ, съ незапятнаннымъ именемъ, достигшій 24 лѣтняго возраста и не пользующійся пособіемъ изъ кассы для бѣдныхъ, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ какой-либо мѣстности и приписанный къ приходу, пользуется избирательнымъ правомъ; право на избраніе имѣетъ всякій, достигшій 30 лѣтъ и въ теченіе года находившійся въ прусскомъ подданствѣ. Палаты созываются однажды въ годъ, всегда въ ноябрѣ мѣсяцѣ; засѣданія ихъ могутъ быть отсрочены, но только не болѣе какъ на 30 дней и то по одному только разу въ теченіе сессіи; если король распускаетъ вторую палату, то новые выборы должны быть окончены въ 90 дней. Каждая изъ обѣихъ палатъ сама избираетъ себѣ президента и сама устанавливаетъ ходъ и очередь дѣлъ. Чиновники, избираемые въ члены палаты, не должны брать для этого отпуска изъ мѣста своей службы; засѣданія палаты публичны; въ теченіе сессіи, члена палаты, безъ предварительнаго разрѣшенія палаты, нельзя подвергнуть суду или аресту, и за выраженныя въ стѣнахъ палаты мнѣнія они не подвергаются отвѣтственности. И въ остальныхъ отношеніяхъ права народнаго представительства были свободнѣе и обширнѣе, нежели въ большей части другихъ германскихъ государствъ, какъ напримѣръ, въ Вюртембергѣ, гдѣ очень много возились съ своимъ конституціоннымъ правомъ. Раціональный характеръ, вид-

ный въ цѣлой исторіи этого новѣйшаго изъ европейскихъ государствъ, не теряется и въ его конституціи. Обѣимъ палатамъ предоставлялось право, наравнѣ съ правительствомъ, предлагать законы, право подавать адресы королю, право дѣлать запросы правительству, право контролировать систему государственныхъ финансовъ и право назначать новые налоги, равно какъ издавать законы по финансовой части и назначать ежегодно государственный бюджетъ; все это шло сперва черезъ палату депутатовъ, а палата господъ могла или принять, или отвергнуть бюджетъ, но измѣнить его не могла.

Король, не совсѣмъ охотно, клятвенно утвердилъ конституцію, съ нѣкоторыми ограниченіями для себя, надѣясь, какъ онъ говорилъ, что ему найдется возможность управлять при этой конституціи, а также сдѣлана была оговорка дѣлать необходимыя въ ней исправленія; можно почесть чудомъ, что конституція, при настоящемъ положеніи дѣлъ, держалась. Можетъ быть для существованія конституціи можно почесть истиннымъ счастіемъ обстоятельство, вслѣдствіе котораго демократическая партія, недовольная ограниченною свободой, предоставленной представительному народному началу, и ожидая лучшаго отъ революціоннаго принципа, воздержалась отъ вмѣшательства въ дѣла общественныя, и не принимала участія въ выборѣ депутатовъ для второй палаты. Либеральная партія, побѣжденная и обезсиленная, особенно послѣ своихъ неудачныхъ попытокъ въ Эрфуртѣ, однажды рѣшившись на уступчивость, изо всѣхъ силъ старалась выказывать притворное довѣріе, котораго у нея не было, съ цѣлію тѣмъ или другимъ способомъ, спасти конституцію и сохранить ее на будущее время; либералы поэтому держались въ нерѣшительномъ оборонительномъ положеніи, предоставляя волю партіи ультра-реактивной, первенствующій членъ которой были самъ король и покорное орудіе его—министерство, составленное имъ, во главѣ котораго, послѣ удаленія Радовитца—ольмюцскаго ратоборца, стоялъ фрейгеръ фонъ-Мантейфель.

Органомъ этой партіи была газета Neue Preussische Zeitung, основанная въ дни опасности, явившаяся тогда защитницей отъ революціоннаго направленія и сдѣлавшаяся нѣчто въ родѣ сборнаго пункта для оппозиціонныхъ силъ революціи. Теперь же, когда все успокоилось, вокругъ этой точки собиралось все, что своекорыстіе, слѣпой фанатизмъ и честная ограниченность ума могли противопоставить требованіямъ времени. Господствующей идеей этой, бѣдной мыслями, партіи было желаніе подавить революціонное начало; подъ этимъ словомъ разумѣлось все, что противодѣйствовало привиллегіямъ дворянства, единодержавію протестантскаго пасторства, духу касты военнаго офицерскаго сословія и произволу королевской власти, на сколько она оказывалась несовмѣстною съ ихъ интересами. Требовался рядъ великихъ усилій и замѣчательныхъ событій для того, чтобы истинно-консервативные и хорошіе элементы прусскаго дворянства, прусской бюрократіи, духовенства, военнаго сословія очистились и выработались и чтобы истинно разумно-консервативная партія взялась воздвигнуть зданіе государственнаго устройства въ древне-прусскомъ духѣ для противодѣйствія этому новопрусскому духу реакціи. Самою выдающеюся личностью этой партіи былъ профессоръ берлинскаго университета, Фридрихъ Юлій Сталь, еврей по происхожденію, онъ родился въ 1802 году въ Мюнхенѣ, принялъ христіанство въ 1819 году; онъ получилъ ученыя степени въ различныхъ университетахъ, сдѣлался извѣстнымъ черезъ «Философію права съ историческимъ воззрѣніемъ»; въ 1843 году онъ былъ вызванъ въ Берлинъ, умѣлъ приспособиться къ романтическому воззрѣнію короля и далъ новопрусской партіи нѣкотораго рода метафизическое основаніе; онъ далъ точный смыслъ и выраженіе ихъ воззрѣніямъ и защищалъ ихъ смѣлою и искусною рѣчью; это былъ отличный ораторъ, неистощимый діалектикъ и мастеръ черное выставить бѣлымъ, какъ древніе софисты. Имя его въ исторіи науки равно уже забыто, и то, что его партія называла его системой, даетъ ему только мѣсто рядомъ съ предшествовавшими ему доктринерами реакціи — Галлеромъ и де-Метромъ и др.; но какъ бы то ни было, онъ далъ извѣстную опору и видъ болѣе глубокаго воззрѣнія на жизнь и на міровыя требованія, какихъ ни одинъ изъ предъидущихъ руководителей не могъ ей дать, къ фалангѣ которыхъ надобно также причислить пре-

зидента апелляціоннаго суда, Людовика Герлаха, человѣка совѣстливаго и твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ даже и тогда, когда впослѣдствіи вся партія разлетѣлась въ дребезги и отъ нея остались одни только обломки; Герлахъ, въ жизни и въ служебной сферѣ, отличался какъ строгій и неподкупно честный исполнитель закона, но вліяніе его на партію уступало силѣ вліянія Сталя. За этими именами, передовымъ борцомъ и руководителемъ партіи и ея защитникомъ во второй палатѣ былъ редакторъ газеты, Германъ Вагенеръ, искусный парламентскій ораторъ, человѣкъ съ поверхностнымъ образованіемъ, но очень дерзкій, который каждый вопросъ немедленно дѣлалъ вопросомъ принципа и своего противника побивалъ тѣмъ, что его воззрѣнія выставлялъ, какъ революціонныя, а если можно было, то расправлялся съ нимъ еще короче, указывая на него полиціи, какъ на человѣка опаснаго и неблагонамѣреннаго. Поэтому, какой бы способъ ни употреблялся, какъ антиреволюціонный, партія оправдывала его и прикрывала добрымъ намѣреніемъ, какъ плащемъ, всякую измѣну и всякое нравственное униженіе; словомъ—революціонный—обозначалось все, что имѣло какое бы то ни было, близкое или далекое, отношеніе къ перевороту, начавшемуся въ 1789 году и мало-по-малу, насильственнымъ или спокойнымъ путемъ, положившему конецъ господству духовенства и дворянства. На народъ они смотрѣли, какъ на безсловесную массу, раздѣленную на сословія, и не хотѣли признавать, что у него есть права и обязанности къ королю и у короля, наоборотъ, въ отношеніи къ народу; на народѣ только отражался, по словамъ и по теоріи Сталя, блескъ королевскаго величія, а самъ онъ былъ ничто. Не смотря на это, самъ Сталь и большинство партіи, составленное изъ деревенскаго дворянства, чиновниковъ, жаждущихъ повышенія, пасторовъ съ ограниченнымъ умомъ и т. п., не хотѣли, чтобы на престолѣ сидѣлъ неограниченный король; имъ не надобно было царствованія Вильгельма I или Фридриха Великаго, они не хотѣли туго накрахмаленнаго и строго организованнаго чиновническаго правленія, забравшаго въ руки и деревенское дворянство, и пасторовъ, и которое не давало имъ развернуться. Ихъ идеалъ составляла сословная монархія, и самое частое и громкое слово ихъ было историческое право, противопоставленное естественному праву; но историческая память у нихъ восходила только до государства, раздѣленнаго на дворянъ, гражданъ и крестьянъ,—порядокъ вещей, при которомъ больше всего выгодъ доставалось дворянству. Таковыми понятіями, вовсе не романтическими въ примѣненіи, тѣшили они короля и льстили ему; онъ любилъ играть средневѣковыми понятіями, потому что здравая, трезвая дѣйствительность не нравилась ему; но потакая ему съ одной стороны, они, съ другой, находили возможность, для своихъ выгодъ, обходить и извращать законы. Если требовалось содѣйствіе правительства для того, чтобы побѣдить политическаго противника или измѣнить какой либо законъ, истолковать параграфъ законодательства, къ которому обыкновеннымъ путемъ нельзя было добраться, тогда на первый планъ выдвигали права короля, данныя ему самимъ Богомъ, его личное право на корону и сопряженныя съ нею прерогативы и т. д.; если же правительство становилось неудобнымъ, тогда громко и дерзко говорилось объ историческихъ правахъ чиновъ государственныхъ и кстати старались проронить слово о томъ, что нѣкоторые бранденбургскіе дворянскіе дома существовали въ Маркѣ раньше появленія дома Гогенцоллерновъ; но легче всего было во враждебныхъ лицахъ доказывать недостатокъ христіанскаго чувства и даже вражду ихъ къ ученію Христову, или равнодушіе къ нему, индеферентизмъ, субъективизмъ и т. д., потому что большинство этихъ ораторовъ и ратоборцевъ не прошли сами строгой школы религіознаго изученія и развитія, и съ ученіемъ Іисуса Христа знакомы были только по наружнымъ формамъ и по формуламъ историческаго символа вѣры. Сначала эта партія сформировалась для усмиренія необузданныхъ уличныхъ демагоговъ, но мало-по-малу она сгруппировалась и утвердилась въ борьбѣ съ парламентскою демократіей; въ этотъ періодъ развитія появился человѣкъ, великой будущности котораго тогда никто не могъ бы предугадать, это—Оттонъ Бисмаркъ Шёнгаузенъ: онъ началъ свое поприще, какъ жаркій передовой поборникъ этой партіи. Но тутъ она сдѣлала открытіе, что для Пруссіи не столько опасенъ республиканскій духъ, съ которымъ глубоко-монархическое начало всегда можетъ справиться, но что гораздо

опаснѣе для нея либерализмъ, стремленіе къ конституціонному началу, къ парламентской формѣ правленія, что это для нея волкъ въ овечьей шкурѣ, революція во фракѣ и лайковыхъ перчаткахъ, или, какъ Мантейфель выражался, революція въ халатѣ и туфляхъ.

Но конституціи, до поры до времени, надобно было держаться, хотя нѣкоторые сторонники стараго порядка, тотчасъ послѣ того, какъ король клятвенно утвердилъ ее, очень открыто намекали, или даже и прямо высказывали, что король вправѣ отнять то, что онъ далъ по доброй волѣ; они говорили смѣло, потому что знали и чувствовали, что и самъ король Фридрихъ Вильгельмъ въ глубинѣ души такъ думаетъ. Это такой же законъ, какъ и всякій другой, утверждали они, ни больше, ни меньше, и въ собраніи законовъ стоитъ подъ номеромъ такимъ-то, не больше; только при такомъ взглядѣ и убѣжденіи они принесли клятву этому новому законодательству. Но въ сущности эта форма ни на волосъ не стѣсняла ихъ дѣйствій. Ихъ мелочная по цѣлямъ, но могущественная числомъ партія тѣснилась вокругъ правительственныхъ силъ, управляла королемъ и захватила всѣ высшія правительственныя должности; она надѣялась пересмотрѣть и пересоздать конституцію по своему; впослѣдствіи, когда либеральная партія оправилась и вошла въ силу, обѣ партіи примирились; первая видѣла возможность остановить всякое движеніе впередъ, обнаруженное первою палатой, въ которой дворянство преобладало.

Эта партія неограниченно управляла королемъ и государствомъ съ 1850 до 1857 года; она подчинила себѣ внутреннее правленіе и на внѣшнюю политику имѣла, если не безусловное, то, покрайней мѣрѣ, очень сильное вліяніе.

Во внѣшней политикѣ она все еще придерживалась основнаго правила священнаго союза: соединеніе интересовъ Россіи, Австріи и Пруссіи; эта политика еще со временъ Меттерниха клонилась во вредъ Пруссіи, да и теперь не могла принести ей пользы и могла поставить ее въ самое невыгодное положеніе, что и оказалось, когда Россія и Австрія, императоръ Николай и министръ Шварценбергъ вполнѣ вытѣснили Пруссію съ мѣста, занимаемаго ею въ ряду германскихъ государствъ. Но господствующая партія не чувствовала и не понимала униженія своего отечества и съ гордостью несла цѣпи, которыя она позлащала названіемъ консолидарности консервативныхъ интересовъ. «Первое мѣсто въ Германіи принадлежитъ Австріи», говорилъ Фридрихъ Вильгельмъ, «въ то же время первое мѣсто въ Европѣ подобаетъ русскому императору;» о дальнѣйшемъ развитіи прусскаго могущества не было рѣчи; Фридрихъ Вильгельмъ IV доказалъ, что онъ унаслѣдовалъ духъ пріобрѣтенія, свойственный его предкамъ, только тѣмъ, что и онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ частицу нѣмецкой территоріи—гогенцоллернскія владѣнія, княжества Зигмарингенъ и Гехингенъ; безъ сомнѣнія, при состояніи, въ какомъ дѣла находились, пріобрѣтеніе очень двусмысленное по достоинству; въ данную минуту оно могло надѣлать больше хлопотъ, нежели принести пользы.

Три вопроса волновали внѣшнюю политику Пруссіи во время царствованія Фридриха Вильгельма IV: шлезвигъ-гольштинскій, восточный и нейенбургскій вопросы.

Первый изъ нихъ, по своему существенному значенію, долженъ былъ представлять средоточіе, вокругъ котораго слѣдовало сгруппировать всѣ интересы прусской политики; только тутъ съ прусскими выгодами сливались обще-германскія, и съ обще-германскими прусскія. Но господствующая партія не имѣла и понятія о задачѣ для цѣлой Германіи, а о будущности Пруссіи она и не помышляла. Для нея слова и понятія: германскій, демократическій и революціонный, были тождественны, или казались тождественными въ началѣ этого періода, а на шлезвигъ-голштинцевъ она смотрѣла просто какъ на возмутителей; что за дѣло было ей до того, что датскій король, въ рукахъ демократической партіи, самъ былъ ни что иное какъ орудіе, и что Пруссія, во время умиротворенія герцогствъ, играла очень печальную роль. По трактату 8 мая 1852 года лондонскаго протокола дѣло это было рѣшено по ходатайству Россіи и Австріи, въ болѣе удовлетворительномъ для Австріи видѣ, потому что эта держава лучше Пруссіи знала, что для нея выгодно; но унизительнѣе всего для Пруссіи было обстоятельство, что послан-

никъ ея, къ своему униженію, принужденъ былъ подписаться подъ этимъ актомъ. Но этимъ дѣло не окончилось. Не удалось представить всѣхъ ограничивающихъ условій, которыя были необходимы, чтобы безъ протеста предоставить наслѣдство Глюксбургской линіи, на основаніи статей лондонскаго трактата; съ другой стороны, по условію отъ 29 іюля 1852 года, было рѣшено и составленъ актъ, который Данія признала прокламаціей отъ 29 января того же года, что, между прочими постановленіями, каждое изъ герцогствъ получитъ выборное представительное право, съ заключительнымъ правомъ произносить рѣшеніе.

Вопросъ этотъ опять началъ публично обсуждаться, когда Данія не исполнила своихъ обязательствъ. Въ этомъ государствѣ, гдѣ способная къ насилію демократическая партія господствовала надъ безличнымъ королемъ, дѣло шло объ учрежденіи обще-датской монархіи; въ ней герцогства должны были превратиться въ простыя провинціи; разногласіе мнѣній было только въ томъ, слѣдуетъ ли, при расширеніи могущества этого маленькаго островнаго государства, включить всѣ три герцогства, или ограничиться однимъ; такъ какъ Гольштинія и Лауенбургъ, по праву и фактически, не принадлежали Даніи, то находили, что гораздо осторожнѣе и справедливѣе назначить пограничную линію королевства по Эйдеру и затѣмъ уже исключительно заняться окончательнымъ превращеніемъ Шлезвига въ чисто-датскую область. Опыты, выведенные изъ только-что прожитаго времени, придали маленькому и немногочисленному датскому племени смѣлость вызвать этимъ на борьбу народонаселеніе въ 40 милліоновъ, немедленно по окончаніи шлезвигъ-голштинской войны; какъ казалось, Данія и не подозрѣвала, какую опасную борьбу она начинаетъ. Только при сознаніи, въ какомъ плачевномъ положеніи находится Германія, такая мысль могла придти въ голову государственнымъ людямъ Даніи; не надобно было большаго ума для того, чтобы понять, что выгоды Австріи и Даніи тѣ же, а именно, подавить въ герцогствахъ національно-германскій духъ, потому что стремленія его неминуемо должны были тяготѣть къ Пруссіи; очень понятно и каждому ясно было, что Пруссія идетъ въ данную минуту по пятамъ Австріи и что, при каждой попыткѣ освободиться отъ ея вліянія, Австрія, по своей закоренѣлой къ ней ненависти, тотчасъ же сдерживаетъ ее, а средне-германскія и маленькія государства Германіи по завистн мѣшаютъ ей оправиться, и что весь союзный сеймъ, подчиняясь австрійскому вліянію, хотя и говоритъ въ смыслѣ германскаго объединенія и германскихъ выгодъ, но никогда не рѣшится дѣйствовать въ этомъ духѣ, и наконецъ надобно было предполагать, что великія не германскія государства—Россія, Англія, Франція, въ борьбѣ Даніи съ Германіей, примутъ сторону слабѣйшей. Но такая политика Даніи была недальновидная, поверхностная и заносчивая; за нее ей пришлось дорого поплатиться: объяснить ее можно только печальнымъ состояніемъ Пруссіи относительно внѣшней политики, равно какъ и относительно ея внутренняго состоянія.

Въ Копенгагенѣ начали съ того, что преобладающая партія вымещала свою злобу противъ Германіи на ея представителяхъ въ герцогствахъ; сотни чиновниковъ, учителей, проповѣдниковъ-пасторовъ съ нѣмецкимъ направленіемъ или подозрительныхъ въ сочувствіи къ Германіи, лишились своихъ мѣстъ и принуждены были искать убѣжища въ сосѣднихъ нѣмецкихъ земляхъ; Пруссія преимущественно дала имъ пріютъ и средства къ существованію, тогда какъ остальныя германскія государства, особенно южныя, встрѣчали ихъ съ живымъ и громкимъ выраженіемъ сочувствія, но тѣмъ и ограничивались. Съ Голштиніей поступали осмотрительнѣе, совсѣмъ не такъ, какъ съ Шлезвигомъ, гдѣ самымъ насильственнымъ образомъ вводили датскій языкъ: на датскомъ языкѣ говорили проповѣди, по-датски преподавали въ школахъ, и не смотря на сопротивленіе жителей, пытались даже въ обыденныхъ сношеніяхъ вводить датскій языкъ. Съ возрастающею смѣлостью, приказомъ отъ 16 марта 1853 года, округъ, состоящій изъ Рендсбурга и шести деревень, отдѣлили отъ Голштиніи и присоединили къ Шлезвигу. Для виду, осенью 1853 года, былъ собранъ шлезвигскій и голштинскій совѣщательный сеймъ, и вслѣдъ за тѣмъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мнѣніе и протесты этого сейма, обнародована очень неудовлетворительная для обоихъ герцогствъ конституція. 26 іюля 1851 года Фридрихъ VII даровалъ своему соединенному государству общую конституцію; но такъ какъ датскій сеймъ не нашелъ

ея удовлетворительною, то 20 октября 1855 года, послѣ совѣщаній съ датскимъ сеймомъ,—о герцогствахъ никто не заботился и они не имѣли голоса въ совѣщаніяхъ,—была обнародована новая исправленная конституція, утвержденная королемъ, и ее начали приводить въ исполненіе. Эта конституція давала большія преимущества королевскому сейму, который предполагалось собирать каждые два года; но такъ какъ въ немъ должны были участвовать 47 датскихъ, 13 шлезвигскихъ, 18 голштинскихъ и 2 лауенбургскихъ представителей, по большей части назначаемыхъ королемъ, или избираемыхъ сословіями различныхъ частей государства, то представителей герцогствъ всегда было бы меньше и они должны были бы подчиняться преобладающему большинству датской партіи.

Такъ какъ новая конституція въ самыхъ существенныхъ пунктахъ противорѣчила правамъ, прежде предоставленнымъ герцогствамъ, то дѣло дошло до переписки съ великими державами; первую ноту написалъ Мантейфель, отъ 1 іюня 1856 года; переписка длилась до половины 1857 года; единственный результатъ ея состоялъ въ чрезвычайномъ собраніи голштинскихъ сословныхъ чиновъ. Но такъ какъ они пытались сохранить независимость и неприкосновенность своихъ правъ и не соглашались на требованія правительства, домогались равныхъ правъ съ остальными подданными Даніи, то король очень немилостиво закрылъ засѣданіе уже въ августѣ 1857 года. Такъ протянулось пять лѣтъ; герцогства страдали и отъ поборовъ, и отъ самовластія датчанъ; наконецъ, по настоянію Пруссіи и Австріи, дѣло Голштиніи и Лауенбурга, какъ нѣмецкихъ государствъ, принадлежащихъ къ германскому союзу, было перенесено въ собраніе союзнаго сейма. По предложенію Ганновера, дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ по ничтожнымъ честолюбивымъ цѣлямъ, была назначена особая комиссія, давшая отчетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—срокъ неимовѣрно короткій для всякаго дѣла, выходящаго изъ союзнаго сейма. Февраля 11, въ 1858 году, въ общемъ собраніи сейма читали отчетъ и приступили къ собранію голосовъ касательно предложенныхъ комиссіей мѣръ. Датскому правительству было отправлено требованіе: въ Голштиніи и Лауенбургѣ ввести порядокъ дѣлъ, соотвѣтственный кореннымъ законамъ союза, и въ самомъ скоромъ времени дать союзному сейму отчетъ о томъ, что сдѣлано для удовлетворенія потребностей герцогствъ, какъ государствъ, принадлежащихъ къ германскому союзу. Данія продолжала дѣйствовать, не обращая ни малѣйшаго вниманія на это рѣшеніе; государственный сеймъ отпустилъ денегъ на усиленіе войска въ королевствѣ и на укрѣпленіе Копенгагена; только 26 марта правительство собралось написать отвѣтъ союзному сейму; онъ былъ наполненъ ничего не значащими общими мѣстами и неопредѣленными выраженіями и въ концѣ предлагалось начать новые переговоры. Къ 20 мая 1858 года союзный сеймъ опять собрался съ силами и постановилъ новое рѣшеніе, основанное на первоначальномъ, отъ 11 февраля, и потребовалъ въ шестинедѣльный срокъ яснаго и опредѣленнаго объясненія на свои запросы. Назначенный срокъ прошелъ до послѣдняго дня; тогда датское правительство опять написало отвѣтъ, 15 іюля, но въ немъ опять были новыя затаенныя мысли, новыя уловки, ничего не значащія уступки, неопредѣленныя обѣщанія; наконецъ рѣшеніемъ союзнаго сейма, отъ 12 августа, послана была датскому правительству угроза вооруженнаго вмѣшательства союзниковъ, если въ теченіе трехъ недѣль съ его стороны не послѣдуетъ опредѣленнаго объясненія; нѣкоторыя государства, какъ Ганноверъ, Кобургъ-Гота, Ольденбургъ, требовали немедленныхъ энергическихъ мѣръ; пробудившееся общественное мнѣніе Германіи громко и неотступно требовало того же.

Для Пруссіи критическій восточный вопросъ представлялъ удобный случай выпутаться изъ незавиднаго положенія, въ какомъ она находилась при голштинскомъ вопросѣ: для нея было обидно, что государство, съ небольшимъ въ милліонъ жителей, какъ бы издѣвалось надъ германскимъ союзомъ, состоящимъ изъ 40 милліоновъ и имѣющимъ во главѣ государство въ 18 милліоновъ. Не трудно было видѣть, въ какую сторону при восточномъ вопросѣ склонялось общее сочувствіе: большая часть германскихъ государствъ охотнѣе всего съ оружіемъ въ рукахъ пристала бы къ войскамъ императора Николая и смотрѣла бы на эту войну, какъ на новый крестовый походъ противъ поклонниковъ полумѣсяца. Военный министръ Бонинъ, какъ мы уже видѣли, за свое неумѣстное мнѣніе, что союзъ

съ Россіей невозможенъ, получилъ отставку; каждая новая побѣда и удача русскаго оружія встрѣчаема была громкимъ изъявленіемъ сочувствія; когда же императоръ Николай скончался, преданная ему партія выказывала глубокую печаль и трауръ носили почти такой же, какъ по собственномъ государѣ. «Я на колѣнахъ благодарю Бога, писалъ король Бунзену, что Онъ меня удостоилъ милости испытывать глубокую печаль при вѣсти о кончинѣ императора Николая»; особенное впечатлѣніе произвели слова, сказанныя Герлахомъ при общемъ собраніи палатъ; кончину императора Николая въ Пруссіи оплакивали какъ кончину отца; на это противники отвѣчали только насмѣшками и намеками на матеріяльныя потери, понесенныя сторонниками Николая Павловича черезъ его смерть. Во всякомъ случаѣ люди, одушевленные истиннымъ патріотизмомъ, съ глубокимъ сожалѣніемъ видѣли, что лица высокопоставленныя, по своему образованію и вліянію способныя принести пользу отечеству, по чувству ненависти ко всему тому, что напоминаетъ преобладаніе демократическаго начала, выразившагося въ происшествіяхъ 1848 года, готовы были жертвовать самыми существенными выгодами Пруссіи для того только, чтобы не допустить тѣни проявленія либеральнаго направленія. Они готовы были соединить невыгоды Пруссіи съ выгодами иностраннаго государя, даже такого, который, подобно императору Николаю, неоднократно грозилъ двинуть войска въ восточную Пруссію, если она не будетъ исполнять его требованій касательно германскихъ отношеній и дѣлъ.

Однакожь, въ восточномъ вопросѣ не могло быть помысла о союзѣ съ Россіей и поэтому, не смотря на симпатію къ ней, серьезно и не разсуждали объ этомъ союзѣ. Еще менѣе того правительство не хотѣло и не могло согласиться на требованіе либеральной партіи — присоединиться къ западнымъ державамъ, вмѣстѣ съ ними бороться съ могуществомъ Россіи и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отомстить за униженіе, вынесенное въ послѣднее время, и за помощь свою получить отъ западныхъ державъ вознагражденіе на счетъ Даніи, черезъ присоединеніе спорныхъ герцогствъ. Напрасно историкъ въ интимныхъ письмахъ короля, отъ января 1854 года, къ Бунзену, въ которыхъ онъ объясняетъ свою политику, ищетъ слѣдовъ воспоминанія о герцогствахъ, или намека на ихъ существованіе и участь; въ письмахъ нѣтъ и тѣни смѣлой, сознательной политики; революція, какъ страшный призракъ, пугаетъ уже нервно-раздраженный умъ короля, преслѣдуетъ его и заставляетъ видѣть опасность тамъ, гдѣ нѣтъ и тѣни ея; онъ говоритъ, что революція угрожаетъ Австріи, но что онъ готовъ остановить ее; если же ужасы революціи обрушатся на нее, то онъ противъ нея соединится съ Россіей на жизнь и смерть, чтобы спасти австрійскую династію. При такомъ настроеніи Пруссіи оставалось неизбѣжно и покорно отдаться руководству Австріи. Такимъ образомъ объясняется, какъ случилось Пруссіи примкнуть къ трактату отъ 20 апрѣля 1854 года, составленному Австріей; въ одной тайной статьѣ договора было сказано: «что присоединеніе Дунайскихъ княжествъ къ Россіи, или переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай считать причиною къ войнѣ.» Но Россія вывела свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ и тѣмъ была достигнута цѣль союза; въ дальнѣйшихъ поступкахъ Австріи Пруссія не принимала ни малѣйшаго участія, что было очень благоразумно, потому что отъ Австріи ей никакой пользы нельзя было ожидать и было бы крайне необдуманно изъ-за нея навлекать на себя вражду Россіи. Политику Пруссіи этого періода можно назвать выжидательною, хотя сами пруссаки ее называютъ свободною; она во всякомъ случаѣ была лучше всѣхъ предъидущихъ, потому что хотя она и не была дѣятельною относительно иностранныхъ дѣлъ, но по крайней мѣрѣ ничего не портила. Пруссія осталась въ своемъ выжидательномъ положеніи, тогда какъ Австрія, по своему, шла впередъ; въ вѣнскихъ конференціяхъ Пруссія не принимала участія, въ восточномъ вопросѣ ея мнѣнія не спрашивали, въ ея посредничествѣ для мира никто не нуждался и мы видѣли, что мирный конгрессъ собрался въ Парижѣ безъ того, чтобы въ немъ участвовала пятая изъ первостепенныхъ державъ Европы; когда главные вопросы мирнаго договора были уже улажены, тогда только вздумали пригласить Пруссію прислать своего уполномоченнаго. Мантейфель не торопился на приглашеніе и имѣлъ удовольствіе подписать свое имя подъ мирнымъ договоромъ отъ 30 марта 1856 года.

Свободная политика осталась съ пустыми руками; величайшія событія этого времени прошли безъ того, чтобы первое изъ государствъ Германіи чѣмъ нибудь содѣйствовало къ направленію хода событій. Положеніемъ дѣлъ въ Европѣ Пруссія не воспользовалась для того, чтобы поправить дѣла касательно шлезвигъ-голштинскаго вопроса. Пруссія очень равнодушно допустила, чтобы Австрія стала популярною въ Германіи и опять явилась первою руководящею силою ея; допустила, чтобы Россія, на союзъ съ которой возлагала столько надеждъ и такъ гордилась имъ, была ослаблена, чтобы Австрія и Россія сдѣлались враждебными другъ другу и поэтому священный, тройственный, консервативный союзъ рушился; напротивъ, Франція, подъ управленіемъ новѣйшаго Бонапарта, опять заняла первое мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, Австрія домогалась благосклонности императора Наполеона. Франція съ Россіей сблизилась въ такой мѣрѣ, что вскорѣ послѣ заключенія мира русскій посланникъ Будбергъ, отъ имени своего императора, поднесъ Наполеону четыре русскихъ ордена, въ іюнѣ 1856 года; Пруссія, и ни одна другая держава, не хотѣли обращать вниманія на то, что сардинскій министръ и государственный человѣкъ, Кавуръ, указывалъ на больное мѣсто въ Европѣ, изъ-за котораго можетъ возгорѣться новая война, очень важная по своимъ послѣдствіямъ. Не смотря на все равнодушіе прусскаго правительства, было, однакожъ, обстоятельство, отъ котораго кровь волновалась и кипѣла даже у такого человѣка, каковъ былъ первый ея министръ, такъ хладнокровно подписавшій въ Ольмюцѣ униженіе своего отечества. Во время послѣднихъ засѣданій парижскаго конгресса обсуживали различные вопросы и интересы европейскихъ державъ; при этомъ до сихъ поръ молчаливый представитель Пруссіи возвысилъ голосъ и предложилъ вопросъ, очень ничтожный при важныхъ обще-европейскихъ политическихъ соображеніяхъ, но все-таки достойный вниманія великихъ державъ: вопросъ о Нейенбургскомъ дѣлѣ. Картина неумѣстныхъ и неловкихъ дѣйствій Пруссіи въ этомъ дѣлѣ довершаетъ плачевный обзоръ внѣшней политики этого періода управленія, находившагося въ рукахъ мелкаго дворянства.

Нынѣшнее поколѣніе, сжившееся съ идеей соединенія Пруссіи съ остальными германскими государствами, исключая Австріи, въ одно органическое цѣлое, смотритъ какъ на книжный историческій фактъ, что во время войны за наслѣдство испанскаго престола, король прусскій, какъ законный претендентъ, получилъ предпочтеніе между всѣми остальными претендентами на наслѣдственное пріобрѣтеніе княжествъ Нейенбургъ и Валленгинъ и введенъ былъ во владѣніе ими въ 1707, а съ 1713 года постоянно владѣлъ этими княжествами, съ очень короткими перерывами, вслѣдствіе тильзитскаго мира. Княжества Нейенбургъ и Валленгинъ—небольшая область, въ 13 квадратныхъ миль, находящаяся въ горахъ Юры; въ 1856 году въ ней едва насчитывалось 70,000 жителей. На вѣнскомъ конгрессѣ, вслѣдствіе географическаго положенія, княжество это было присоединено, какъ отдѣльный кантонъ, къ швейцарскому союзу; такъ какъ король нидерландскій относительно Люксембурга могъ быть членомъ германскаго союза, такъ и король прусскій, какъ владѣтельный князь Нейенбурга, могъ быть членомъ швейцарскаго союза. Въ такомъ положеніи оставались отношенія, пока тяготѣніе остальныхъ кантоновъ находилось въ ихъ отдѣльныхъ центрахъ; маленькое княжество не имѣло причины жаловаться на свои дѣйствительныя отношенія: оно находило выгоды въ томъ, что оно—и монархія, и республика. Но времена перемѣнились; отношенія не могли болѣе оставаться такими патріархальными, какъ до того времени; радикальная партія негодовала на Нейенбургъ за то, что онъ не захотѣлъ принимать участія въ войнѣ Зондербунда и сохранялъ нейтралитетъ; въ ея глазахъ это происходило отъ вліянія монархическаго начала, и она рѣшилась положить конецъ такому ненормальному положенію; люди болѣе спокойные и безпристрастные также находили, что такое двойственное положеніе навсегда оставаться не можетъ и что оно противно здравому смыслу. Удобная минута незамедлила представиться; во Франціи вспыхнула іюльская революція; толпа волонтеровъ-республиканцевъ изъ Лашодефонъ заставила прусскаго штатгальтера бѣжать изъ Нейенбурга, и революціонное правительство, наскоро составленное, обнародовало, что права прусскаго короля на владѣніе княжествомъ уничтожены.

Прусскій посланникъ при федеральномъ совѣтѣ Швейцарскаго союза протестовалъ; но въ ближайшее къ этому время у Пруссіи, Германіи, Швейцаріи и у цѣлой Европы вообще были дѣла поважнѣе дѣлъ этого княжества. Законное право хотя и было на сторонѣ князя, т. е. прусскаго короля, но существенной пользы, или какого бы то рода выгоды, область эта не представляла для Пруссіи; Фридрихъ Вильгельмъ лично очень высоко цѣнилъ обладаніе этой милой игрушкой. По своему географическому положенію, княжество принадлежало къ Швейцаріи и, какъ составная часть ея, воспользовалось благодѣтельною и важною перемѣной, происшедшей въ ея конституціи въ теченіе критическаго состоянія Европы въ 1848 году.

Преобладающая въ Швейцаріи радикальная партія, пользуясь европейскими волненіями, измѣнила дряблый, непрочный союзъ кантоновъ въ прочно-организованный, правильный союзъ штатовъ; это устройство здѣсь вполнѣ удалось и было соотвѣтственнѣе цѣли, нежели союзъ германскихъ государствъ. На мѣсто федеральнаго совѣта (Tagsatzung) установленъ былъ союзный сеймъ, который обязанъ былъ ежегодно собираться въ Бернѣ, получившемъ названіе союзнаго столичнаго города; союзный сеймъ подраздѣлялся на національный совѣтъ и на совѣтъ чиновъ союза. Члены національнаго совѣта избирались въ 48 избирательныхъ округахъ, на какіе для этой цѣли раздѣлена была территорія Швейцарскаго союза; члены выбирались на трехлѣтній срокъ и на каждые 20,000 жителей приходилось по одному. Члены въ совѣтъ чиновъ союза выбираемы были 22 кантонами, полагая по два депутата на каждый; исполнительная власть предоставлена президенту союза, избираемому ежегодно, въ помощь ему назначенъ союзный совѣтъ, составленный изъ семи членовъ союзнымъ сеймомъ, избираемымъ на три года.

Но Фридрихъ Вильгельмъ не могъ забыть своего вѣрнаго Невшателя, свое владѣньеце близъ Юры, попранное и посрамленное нечестивыми. Во время баварскаго похода въ 1849 году прусскія войска, какъ мы уже говорили, проникли до границъ Швейцаріи, и надобно признаться, тамъ не мало опасались, какъ бы не пришло время разсчета за Невшатель. Но положеніе дѣлъ въ Германіи и сосѣдственныхъ ей земляхъ и отношенія къ Франціи оградили безопасность маленькаго кантона, и Пруссіи, на первое время, пришлось удовольствоваться тѣмъ, что великія европейскія державы признали за прусскимъ королемъ право на княжество Невшатель. Но король прусскій не забывалъ того, къ чему у него лежало сердце, и не отказывался отъ своихъ правъ; въ томъ письмѣ, о которомъ мы уже говорили, отъ января 1854 года, въ которомъ онъ ни слова не говоритъ о шлезвигъ-голштинскихъ дѣлахъ, онъ нѣсколько разъ возвращается къ Невшателю; въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, имъ управляла неотступная боязнь чудовища—революціи; по его настоянію герой Ольмюца обратилъ вниманіе парижскаго конгресса на Невшательскій вопросъ, въ которомъ опять заключалась борьба монархическаго начала съ договорами и учрежденіями революціоннаго, демократическаго союза, нисколько неуважающаго прирожденныхъ правъ государя. Но въ конгрессѣ рѣшались вопросы поважнѣе этого и потому заявленіе министра не нашло сочувствія; надобно было инымъ способомъ приступить къ дѣлу. На жалобы и заявленія невшательскихъ роялистовъ въ Берлинѣ отвѣчали, что они еще не запечатлѣли своей преданности дѣломъ, и потому на ихъ слова мало было обращено вниманія. Они поняли намекъ. Въ городѣ Невшателѣ партія роялистовъ была очень значительна; старинныя семейства Порталесъ, Меронъ и другіе могли съ своей точки зрѣнія указать на много полезныхъ учрежденій, имѣвшихъ начало въ прускомъ управленіи. 3 сентября 1856 года произошло движеніе роялистовъ; подъ начальствомъ графа Порталеса и подполковника Мерона небольшая банда отважныхъ приверженцевъ стараго порядка вещей напала на невшательскій замокъ, завладѣла имъ, арестовала правительство и провозгласила короля прусскаго опять возстановленнымъ княземъ невшательскимъ; но отважная попытка окончилась также быстро, какъ началась. На слѣдующій день республиканцы, подъ начальствомъ полковника Денцлера, опять овладѣли замкомъ и взяли въ плѣнъ 150 роялистовъ. Они могли возстаніе свое оправдать другими подобными же возстаніями въ Венгріи, Польшѣ, Баденѣ, или

въ Шлезвигъ-Голштейнѣ, которые были усмирены оружіемъ; и невшательцы могли бы сказать, что возстали противъ правительства, законность котораго не признаютъ. Причина эта была бы такая же основательная, какъ и тѣ причины. Швейцарскій союзъ не прибѣгнулъ къ крутымъ мѣрамъ, какія неминуемо употребила бы большая часть монархическихъ державъ, но также съ твердостью отказался оставить взятыхъ подъ арестъ возмутителей, совершенно безнаказанными. Такой отказъ возбудилъ въ Берлинѣ громкое негодованіе. Партія, такъ равнодушно смотрѣвшая на свое униженіе и помогавшая ему въ дни Ольмютца, Варшавы и Брнозелла, молча сносившая стыдъ и не приходившая въ отчаяніе, что народная честь пропадаетъ, теперь шумѣла и оплакивала оскорбленіе чести короны и прусскаго достоинства и обиду, нанесенную всему составу германскаго союза, толковала теперь о военной прогулкѣ въ Швейцарію и т. д.; въ отвѣтъ на хвастливую и заносчивую рѣчь берлинцевъ послышалась такая же пустозвонная и хвастливая рѣчь изъ Швейцаріи; въ ней припоминались побѣды при Земпахѣ и Моргартенѣ, и указывалась возможность повторить ихъ; но все это, до поры до времени, ограничилось пустымъ газетнымъ шумомъ; гораздо выгоднѣе для своихъ интересовъ воспользовались обстоятельствами Баденъ, Вюртембергъ и Баварія; на ихъ рынкахъ были еще очень порядочные и хорошо сохранившіеся мушкеты, лежавшіе безъ употребленія со времени всеобщаго народнаго вооруженія Германіи, въ эпоху войны за освобожденіе, но теперь ихъ достали и продавали швейцарцамъ за сходную цѣну. Однакожь, въ 1857 году казалось, дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ; правительство заговорило о мобилизаціи войска; это былъ крайне смѣлый шагъ для существующей не рѣшительной политики; но дальше она не посмѣла идти. Швейцарію, съ другой стороны, не легко было запугать: тамъ никто серьезно не могъ вѣрить въ возможность войны изъ-за вещи, не стоящей пороха: ну, возможно-ли, чтобы Пруссія пошла войною на Швейцарію изъ-за кантона Невшателя? начать войну, которая подняла бы всю Европу на ноги? Это было немыслимо и должно было рушиться само собою по причинѣ своей несообразности; въ рукахъ швейцарцевъ, кромѣ того, заложниками были захваченные роялисты, которыхъ король ни подъ какимъ видомъ не покинулъ бы. Такой залогъ былъ достаточно значителенъ для того, чтобы окончательно распутать и установить обстоятельства, сдѣлавшіяся, при наступившей перемѣнѣ въ конституціи Швейцаріи, совершенно невозможными: могъ ли одинъ изъ кантоновъ еще сохранять подданство къ королю, отдѣленному отъ него такимъ-то количествомъ самостоятельныхъ государствъ: такое отношеніе было немыслимо. Державы, признавшія права короля прусскаго на Невшатель протоколомъ отъ 24 мая 1852 года, опять собрались, 5 марта 1857 года, для новаго совѣщанія по этому поводу; при дѣятельномъ участіи императора Наполеона разбирались эти отношенія, запутанность которыхъ была для него очень пріятна, потому что давала возможность показать свою силу; при его помощи рѣшеніе наконецъ было постановлено, оно вытекало изъ правильнаго, логическаго воззрѣнія на обстоятельства, но было вполнѣ антипатично Фридриху Вильгельму и оскорбило его до крайности. Во время этого спора Швейцарія дѣйствовала спокойно и сохранила свое достоинство при гарантіи Наполеона; содержавшіеся подъ арестомъ роялисты, были освобождены и помилованы, но они должны были дать обязательство не оставлять Швейцаріи до окончательнаго рѣшенія дѣла. 16 мая прусскій король отказался отъ своихъ правъ на Невшатель, съ сохраненіемъ титула, и получилъ въ вознагражденіе милліонъ франковъ. Послѣ того, какъ принципъ такимъ образомъ былъ спасенъ, король, по чувству деликатности, отказался и отъ денежнаго вознагражденія. Единственный похвальный поступокъ въ этой государственной комедіи, былъ тотъ, что въ послѣдней сценѣ послѣдовало всеобщее примиреніе.

Характеристическою чертою эпохи правленія дворянской партіи (Junkerthum) можетъ служить противоположность начальныхъ и конечныхъ дѣйствій ея. Въ началѣ она, безъ борьбы, слѣдуя желаніямъ Австріи, уступила Эльбскія герцогства Даніи, а въ концѣ своего владычества изъ-за Невшателя чуть не начала войны. Но послѣдствія этой политики были гибельны въ томъ отношеніи, что воспоминаніе о ней впослѣдствіи послужило значительной преградой для другаго рода консервативнаго правительства; укоренило въ народѣ недовѣрчивость къ госу-

дарственнымъ силамъ и установило убѣжденіе, что прусское войско создано только для парадовъ, а не для сраженій. Въ этомъ же положеніи, но еще хуже, была внутренняя политика того же правительства; черезъ его распоряженія Пруссія потеряла то выгодное положеніе, какое она занимала въ ряду германскихъ государствъ; эта же политика, кромѣ того, положила начало большимъ препятствіямъ, возникшимъ для Пруссіи на пути къ исполненію великаго ея назначенія, относительно Германіи.

Точки отправленія для правительственныхъ распоряженій внутри государства съ 1850 до 1857 года были слѣдующія: выдача привиллегій дворянству, въ ущербъ остальнымъ сословіямъ государства; полный произволъ чиновниковъ, въ ущербъ юридической точности и справедливости; угнетеніе свободы совѣсти и угнетеніе свободнаго развитія науки, посредствомъ господствующаго вѣроисповѣданія. Когда изъ министерства вытѣснены были разумные и самостоятельные дѣятели и мыслители: Радовитцъ, Ладенбергъ и Бонинъ, въ немъ остались только люди съ очень посредственными способностями, которые безъ борьбы подчинились вліянію господствующей партіи; она въ первой палатѣ на своей сторонѣ имѣла значительное большинство голосовъ, во второй же палатѣ, пока могла опираться на меньшинство, но на очень сильное меньшинство; эта партія вліяла на министерство и понуждала его идти по избранному ею пути, но, къ счастію, ей не удалось дѣлать такихъ быстрыхъ перемѣнъ въ законодательствѣ, какихъ бы ей хотѣлось, слѣдуя своему нетерпѣнію; она не могла сразу передѣлать законовъ, основанныхъ на свободныхъ началахъ.

Въ законодательствѣ перемѣны производились путемъ, указаннымъ и утвержденнымъ конституціей; до 1855 года либеральное большинство второй палаты, очень ясно понимая шаткость своего положенія, со всевозможною осторожностью и уступчивостью, все-таки старалось задерживать слишкомъ поспѣшный ходъ реакціи. Первый ударъ ея былъ направленъ противъ 105 параграфа законоположенія и противъ установленій, основанныхъ на этомъ параграфѣ—противъ закона, касательно уменьшенія реальныхъ повинностей и противъ свободнаго общиннаго, уѣзднаго, окружнаго и провинціальнаго уложенія 11 марта 1850 года, посредствомъ котораго уничтожалось и устранялось множество злоупотребленій въ приходахъ и отнимались всякія личныя льготы, вольности и привиллегіи. Правительство согласилось уничтожить свое собственное дѣло: по королевскому декрету отъ 19 іюня 1852 года было отмѣнено приходское общинное устройство, равно какъ новые уѣздные и провинціальные представители, и осенью того же самаго года возстановлены прежніе провинціальные сеймы (ландтаги); такъ какъ существенная, преобладающая сила въ нихъ была аристократическая, то надѣялись черезъ это преобладаніе дворянскаго элемента не только уравновѣсить народный, но, при удобномъ случаѣ, по мѣрѣ надобности, совершенно устранить народныхъ представителей. Далѣе удалось § 106 замѣнить новымъ закономъ, и на его мѣсто установить общее положеніе, по которому управленіе и представительство приходовъ, округовъ и провинцій будутъ вновь опредѣлены новыми законами; но этихъ новыхъ законовъ, новыхъ городскихъ и сельскихъ общинныхъ порядковъ, даже при тогдашнемъ составѣ второй палаты, оказалось невозможнымъ провести; также палата отвергла предложеніе отмѣнить важную статью законодательства § 42, по которому уничтожались полицейскія права дворянъ-землевладѣльцевъ, ихъ судебныя права и всякія другія привиллегіи, перенесенныя изъ средневѣковой феодальной системы правленія. Но это законоположеніе перестало быть дѣйствительнымъ въ 1855 году, когда господствующая партія и подчиненное ей правительство, пустили въ ходъ всѣ свои способы дѣйствія, чтобы, при новыхъ выборахъ, составить благопріятное себѣ большинство. Это вполнѣ удалось, потому что въ выборѣ средствъ не затруднялись: изъ числа 352 членовъ новой палаты депутатовъ, 215 были чиновники и между ними 125 непосредственно зависящихъ отъ министерства. По находившимся въ числѣ депутатовъ 72 ландратовъ палатѣ придали названіе палаты ландратовъ; она не заслужила почетной памяти въ исторіи прусской администраціи. Избраніе предсѣдательствующихъ лицъ произведено было въ томъ же смыслѣ; при избраніи членовъ различныхъ коммисій, вопреки интересамъ страны и обыкновеннымъ парламентскимъ приличіямъ, члены либеральнаго меньшинства были вполнѣ исключены; полагаясь на свое численное превос-

ходство, палата отвергла требованіе графа Шверина нарядить слѣдствіе, по поводу происшедшихъ неправильностей при выборахъ и нарушенія избирательныхъ правъ и постановленій, должно быть потому, что партія отлично знала какими средствами сама пользовалась для достиженія желаемаго большинства. Эта новая палата обозначила около двадцати параграфовъ конституціи, требующихъ измѣненія или уничтоженія для того, чтобы окончательно *сломить революцію*; одно предложеніе слѣдовало за другимъ, и всякій разъ съ длиннымъ предисловіемъ о необходимости противодѣйствовать всѣмъ революціоннымъ стремленіямъ. Но не всѣ предложенныя измѣненія были приняты, потому что, какъ бы дурно ни было какое нибудь правительство, оно все-таки не можетъ безусловно соглашаться съ часто безумными требованіями партіи, опьянѣвшей отъ успѣха; однакожъ, нѣкоторыя статьи § 42 были устранены, и вслѣдствіе этого помѣщикамъ предоставлена полицейская и судебная власть, затѣмъ подготовленъ цѣлый рядъ постановленій, клонившихся къ тому, чтобы возстановить старинныя злоупотребленія; особенно въ восточной Пруссіи старались искусственно поддержать и возвысить дворянское сословіе, которое, или не хотѣло, или не умѣло поддерживать своего положенія средствами, какими его только можно упрочить въ современномъ государствѣ, а именно: черезъ образованіе и выдающееся развитіе, черезъ дѣятельность и прилежаніе на сельско-хозяйственномъ, административномъ и политическомъ поприщѣ. То, что не удалось при составѣ предъидущей палаты, тѣмъ легче удалось при новой: отмѣненное общинное положеніе замѣнено было новымъ, частію возобновленнымъ старинымъ земскимъ правомъ (Landrecht), или городское устройство сдѣлано подобно прирейнскимъ провинціямъ, выкроенное по французскому образцу. На Рейнѣ, гдѣ дворянство не играло никакой роли, преобладающее вліяніе предоставлено было бюрократіи; она же завѣдывала дѣлами общинными, или по крайней мѣрѣ независимо распоряжалась ими. Но французская выкройка, вышедшая изъ революціонной и наполеоновской эпохи, нравилась партіи и не стѣсняла ея; поэтому она не возставала на нее и въ этомъ случаѣ, какъ вездѣ, нашла готовую фразу для оправданія своихъ дѣйствій. Вагенеръ, человѣкъ никогда не краснѣвшій, никогда не стыдившійся своихъ поступковъ, оправдывалъ бюрократическое направленіе законоположенія рейнскихъ провинцій тѣмъ, что эта часть государства болѣе всего нуждается въ бдительномъ надзорѣ и управленіи.

Во всѣхъ дѣлахъ по внутреннему управленію и въ вопросахъ внѣшней политики съ этихъ поръ правительство и большинство палаты дѣйствовали согласно. «Авторитетъ и большинство шли рука объ руку», какъ замѣтилъ одинъ современникъ. Тѣмъ болѣзненнѣе было поражено правительство, когда оно встрѣтило препятствіе, котораго не ожидало: вслѣдствіе увеличившихся потребностей по управленію, при большемъ числѣ должностныхъ лицъ и чиновниковъ, на нихъ потребовалось большая сумма денегъ, когда же правительство для пополненія финансовъ предложило провинціальнымъ ландтагамъ нѣкоторые новые налоги, оно получило отказъ. Изъ пяти новыхъ статей налоговъ, долженствовавшихъ по меньшей мѣрѣ дать министерству финансовъ $4^1/_2$ милліона талеровъ, только одна была принята, которая могла принести только какихъ нибудь 100,000 талеровъ; всѣ прочія статьи потерпѣли пораженіе, или въ палатѣ депутатовъ, или въ верхней палатѣ. Заодно съ парламентской оппозиціей, направленной противъ свойства этой новой манеры налоговъ, соединилась оппозиція государственныхъ сословій правой стороны, которой очень нравилось ставить правительству препятствія, какъ это водилось съ государственными чинами при прежнемъ порядкѣ вещей.

Приверженцы средневѣковыхъ феодальныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ раболѣпными исполнителями ихъ стремленій, къ уничтоженію всѣхъ пріобрѣтеній прогресса, въ обширномъ смыслѣ слова, не причинили однакожъ столько вреда, какъ можно было бы ожидать; парламентскій духъ, хотя еще очень юный и не достигшій полнаго развитія, въ этой странѣ, какъ и повсюду, создавалъ и разрушалъ медленно, тѣмъ болѣе, что преобладающая партія до 1855 года не имѣла большинства голосовъ либеральной партіи второй палаты на своей сторонѣ; къ тому же система конституціоннаго правленія, по своему характеру, обусловливаетъ медленный

ходъ законодательства, такъ что всякій новый законъ, въ какую бы сторону онъ ни клонился, долженъ пройти по длинному ряду мытарствъ. Такъ что въ сущности, при вредномъ направленіи господствующей партіи, законодательство стояло скорѣе неподвижно, чѣмъ двигалось назадъ. Правда, о дальнѣйшемъ развитіи положеній конституціи: объ отвѣтственности министровъ, о гражданскомъ бракѣ, о народномъ образованіи, само собою разумѣется, не было и помину; съ другой стороны партія, въ упоеніи власти, не считала нужнымъ давать новые законы, или опредѣленно передѣлывать существующіе, когда въ ея волѣ было перетолковывать и объяснять законы по своему произволу, а въ крайнемъ случаѣ просто нарушать ихъ, по мѣрѣ надобности; кромѣ того, люди болѣе глубокомысленные, какъ напримѣръ Сталь, сдѣлали открытіе, что существующая конституція, въ тѣсномъ смыслѣ слова, состоитъ изъ ряда обѣщаній, для которыхъ еще требуются законы исполнительные для того, чтобы они получили силу; вмѣсто того, чтобы, по смыслу конституціонныхъ параграфовъ, считать старинные законы уничтоженными, истолкователи законовъ напротивъ старинными постановленіями дополняли и толковали новыя; такъ какъ Сталь и подобные ему іезуиты и софисты партіи безъ труда, то тамъ, то здѣсь, находили истинныя или мнимыя противорѣчія, то любой изъ параграфовъ легко перетолковывали по произвольной прихоти партіи.

Еще хуже въ нравственномъ смыслѣ была нравственная порча, проникшая въ судопроизводство и въ администрацію. Мѣста и повышенія по всѣмъ отраслямъ управленія зависѣли не отъ способности, честности и исполнительности назначаемыхъ лицъ, но отъ того, въ какой мѣрѣ лица, домогающіяся мѣста или награды, раздѣляютъ мнѣніе и взглядъ партіи, ея ненависть и месть къ демократамъ и либераламъ, ея отвращеніе отъ прямаго пониманія закона и точнаго исполненія его, ея ограниченный и фанатическій духъ ханжества и притворнаго христіанскаго одушевленія.

Вообще бюрократія и юнкерство (Junkerthum) дѣйствовали дружно, но все-таки бывали случаи, когда эти два разнохарактерные элемента реакціи относились враждебно другъ къ другу. Президентъ полиціи Гинкельде, съ неуклоннымъ безпристрастіемъ и строгостью, хозяйничалъ въ Берлинѣ; онъ съ неуклонною суровостью не принималъ въ соображеніе никакихъ отношеній, никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ; его полицейскіе преслѣдовали все, что походило на демократію, всякаго, кто былъ, подозрѣвался, или могъ быть демократомъ; но съ другой стороны для водворенія своего полицейскаго порядка, или для приведенія въ исполненіе своей непреклонной воли, онъ никого не щадилъ, не взирая на занимаемое мѣсто, или на то, къ какой партіи нарушитель полицейскаго порядка принадлежитъ; онъ казнилъ безъ пощады: за это и за его гордое и дерзкое обращеніе его не любили ни при дворѣ, ни въ господствующей партіи, а онъ, съ своей стороны, не хотѣлъ или не умѣлъ скрыть, что во главѣ правительства видитъ людей далеко не съ блестящими способностями. Онъ возбудилъ противъ себя недовольство партіи особенно тѣмъ, что нѣсколько разъ налагалъ запрещеніе даже на ихъ собственную «Крестовую газету», что, по мнѣнію партіи, могло быть допущено только относительно демократическихъ и либеральныхъ газетъ; когда же, наконецъ, по его приказанію, въ Берлинѣ закрытъ былъ дворянскій игорный клубъ, тогда прибѣгли къ средству противъ него, очень недалеко стоящему отъ простаго убійства. Одинъ изъ членовъ клуба, господинъ Роховъ-Плессовъ, отличный стрѣлокъ, вызвалъ префекта полиціи на дуэль; надобно замѣтить, что вмѣстѣ съ возстановленіемъ различныхъ устарѣлыхъ предразсудковъ, было возстановлено и это рыцарское учрежденіе, и вошло въ общее употребленіе; вызовъ, сдѣланный префекту полиціи, какъ утверждали въ Берлинѣ, повелъ бы за собою множество другихъ, еслибы ему удалось уцѣлѣть отъ перваго. Префектъ Гинкельде, какъ дворянинъ, не могъ отказаться отъ вызова и принялъ его; король зналъ о предстоящей дуэли, но и онъ былъ безсиленъ противъ тираніи сословныхъ обычаевъ и первенствующей фракціи. Вечеромъ 10 марта 1856 года домой къ семейству принесли безжизненное тѣло, на дуэли застрѣленнаго, префекта. На слѣдующій день президентъ палаты господъ, графъ Штольбергъ-Вернигероде увѣнчалъ дѣло тѣмъ, что въ рѣчи,

имъ произнесенной въ палатѣ по этому случаю, онъ нашелъ приличнымъ оплакивать участь бѣднаго «благороднаго Рохова», который по поводу этой дуэли подвергся аресту и сидитъ въ заключеніи. Ему однакожь не долго пришлось просидѣть подъ замкомъ: король, такъ рѣдко и такъ неохотно миловавшій политическихъ преступниковъ, освободилъ его послѣ непродолжительнаго заключенія въ крѣпости. Богословамъ господствующей партіи предстояла трудная задача найти, съ христіанской точки зрѣнія, оправданіе для дуэли: надобно замѣтить къ чести ихъ, что только очень немногіе и то самымъ шаткимъ образомъ нашли оправданіе для этого варварскаго обычая. Тѣло Гинкельде, при выраженіи всеобщаго сочувствія жителей Берлина, было торжественно предано землѣ; собрали значительную сумму денегъ для его семейства, оставшагося въ бѣдности; на сколько бы Гинкельде ни былъ виноватъ, какъ суровое и безжалостное орудіе реакціи, но на этотъ разъ онъ палъ жертвою, при исполненіи долга, наложеннаго на него закономъ и защищая его отъ произвола партіи.

Но это столкновеніе юнкерства съ чиновничествомъ—случай исключительный; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они дѣйствовали согласно и за одно произвольно нарушали законы, хитро обходили ихъ и болѣе всего единства выказывали, когда преслѣдовали лица изъ чувства мести. Карьера чиновника и очень часто его права зависѣли отъ произвольнаго толкованія того, что называли вѣрностью королю; вскорѣ дѣло дошло до того, что для чиновника было не безопасно, когда подлѣ него лежала «Крестовая газета», читать или держать въ рукахъ и пересматривать одну изъ газетъ оппозиціонной партіи, или такія, которыя по своему направленію не раздѣляли духа партіи и правительственныхъ цѣлей; за то, достаточно было быть членомъ Трейбунда, или сотрудникомъ одной изъ газетъ, раздѣляющихъ правительственные взгляды, для того, чтобы получить возможность предаваться полному произволу; эти люди могли позволять себѣ все, не опасаясь преслѣдованія; въ самомъ худшемъ случаѣ эти люди могли надѣяться на помилованіе или на богатое вознагражденіе; гдѣ правительство, какъ при занятіи городскихъ должностей, не имѣло права назначать, но могло только утверждать въ должности, тамъ, если кандидатъ былъ непріятенъ, утвержденія не давали до тѣхъ поръ, пока не назначали лица угоднаго правительству; такимъ образомъ, каждый законъ и каждое право гнули и искажали до тѣхъ поръ, пока оно не ломалось. Для произвола этого правительства, какъ бѣльмо на глазу, была независимость рыцарскаго сословія. Конституція оградила права и законы, охраняющіе независимость этого сословія, на которое можно смотрѣть какъ на источникъ величія и силы прусскаго государства; но министръ юстиціи Симонсъ былъ такой же опытный и горячій партизанъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Вестфаленъ и министръ духовныхъ дѣлъ — Раумеръ. Въ министерствѣ юстиціи позаботились, чтобы въ высшемъ судилищѣ, въ верховномъ трибуналѣ, вакантныя мѣста заняты были лицами, заявившими свою преданность господствующему направленію; въ этомъ смыслѣ послѣдовали назначенія, которыя показали, что даже здѣсь, въ этой высшей инстанціи, гдѣ совѣстливому безпристрастію слѣдовало бы стоять выше всего, право и законъ подчинялись политикѣ. Особенно сильнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства были государственные стряпчіе (Staatsanwalt), которымъ предоставлено было исключительное право преслѣдовать или не преслѣдовать преступленіе; они состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ министра юстиціи; они, по его указанію, могли начать процессъ, или оставить жалобу безъ вниманія, или могли заставить принести жалобу; это не простиралось на разбой и убійство, но въ другихъ, менѣе важныхъ, уголовныхъ дѣлахъ открывало очень обширное поприще дѣйствію. Противъ издателей либеральныхъ газетъ государственные стряпчіе постоянно были настороже; за то ихъ нечего было опасаться чиновникамъ, которые, по похвальному духу рвенія, превышали предоставленную имъ власть или нарушали свои обязанности: это не преслѣдовалось блюстителями закона, лишь бы ихъ упущенія были только въ видахъ господствующаго направленія. Невыразимое безстыдство показывали подчиненные плуты, съ помощью которыхъ партія вымещала свою злобу на нѣкоторыхъ предводителяхъ демократической партіи, или посредствомъ которыхъ пытались распространять ужасъ между чле-

нами противной партіи; на нихъ затѣвали обличенія, жалобы, подвергая ихъ слѣдствіямъ и процессамъ, какъ это было въ 1849—1857 года. Происки этихъ ищеекъ не уменьшились даже и тогда, когда процессъ, затѣянный въ прусскомъ національномъ собраніи въ 1849 году противъ вождя лѣвой стороны, Вальдека, вмѣсто того, чтобы доказать измѣну и революціонный духъ подсудимаго, обнаружилъ сѣть хитро-сплетенной лжи и обмана реакціи и ея рабовъ, при чемъ въ полной наготѣ выказалась разоблаченная ложь, подлогъ и всевозможное мошенничество. Недостатка въ матеріалахъ для обвиненія, послѣ такого смутнаго времени, какое слѣдовало за 1849 годомъ, не могло быть; между прочимъ не преминули поднять дѣло о штутгардтскомъ революціонномъ движеніи и о парламентѣ, давшемъ ему выраженіе; участниковъ обвиняли въ государственной измѣнѣ. Четверо изъ нихъ были приговорены къ смерти—но приговоръ остался неисполненъ потому, что обвиненные находились за предѣлами прусской власти; семерыхъ оправдали. Король постоянно былъ подъ страхомъ угрожающей ему лично опасности; пресса — орудіе партіи, послѣ покушенія на жизнь короля въ 1850 г. полуумнымъ Зефелоге, всѣми силами старалась поддержать въ немъ опасеніе заговора и страхъ, и постоянно натравливала сыщиковъ противъ невидимыхъ убійцъ. Когда же мало-по-малу государственныхъ измѣнниковъ больше не стало, демократическая партія не принимала никакого участія въ политической дѣятельности, сѣверо-германскіе жители постоянно и вездѣ, у себя дома, на улицахъ и въ гостинницахъ, слѣдили за собою и никогда ни одного вольнаго слова не произносили, совершенно противоположно тому, что дѣлалось въ южно-германскихъ земляхъ. Когда нельзя было выслѣдить ни тѣни волненія или заговора, или государственной измѣны, тогда, все съ цѣлью поддерживать въ королѣ его болѣзненное настроеніе — вездѣ видѣть измѣну — придумали наспѣло понадѣлать измѣнниковъ. Съ этой цѣлью въ 1853 году употребленъ былъ въ дѣло тотъ низкій и презрѣнный артиллерійскій поручикъ Генце, о которомъ мы уже говорили, чтобы сочинить и придумать государственное преступленіе. Этотъ негодяй втерся въ знакомство къ нѣкоторымъ изъ незначительныхъ членовъ демократической партіи; революціонными рѣчами и мыслями разгорячилъ и безъ того горячія ихъ головы, довелъ ихъ до того, что они начали дѣлать склады оружія, самъ пріталъ оружіе въ замѣтныхъ мѣстахъ, и когда все было достаточно подготовлено, сбросилъ съ себя маску и выступилъ, какъ обвинитель и свидѣтель. О дальнѣйшемъ предоставлено было позаботиться президенту полиціи Гинкельде: тотчасъ вывели гарнизонъ, заперли улицы, и аресты производились массами; оружіе находили безъ труда, потому что знали гдѣ его искать. Самъ Гинкельде написалъ подробный отчетъ о комплотѣ и лично представилъ его королю; процессъ начался; но слѣдственный судья, честный пруссакъ стараго времени, очень совѣстливый и знающій, вскорѣ замѣтилъ, что дѣло нечисто; онъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, найдется ли достаточная причина для возведенія обвиненія на подсудимыхъ и такъ-ли дѣло происходило, какъ о немъ донесено, но, главное, замѣтилъ, что по его мнѣнію, первый доказчикъ и свидѣтель—въ тоже время и главный виновникъ; этого неудобнаго судью поскорѣе удалили, назначивъ ему высшую и лучшую должность; слѣдствіе поручено было другому, болѣе сговорчивому судьѣ, и онъ вскорѣ собралъ всѣ показанія, необходимыя для того, чтобы перенести дѣло въ верховный государственный судъ. По имени одного изъ обвиненныхъ, доктора Ладендорфа, названъ и самый процессъ. Этотъ самый докторъ былъ присужденъ къ заключенію въ смирительный домъ; онъ описалъ свою жизнь и свои страданія въ домѣ; тамъ съ нимъ обращались по буквѣ закона, но съ злобною жестокостью, которая составляетъ одну изъ самыхъ отталкивающихъ особенностей этого правительства; вслѣдствіе безчеловѣчнаго обращенія, несчастный арестантъ лишился ума.

Король, по природѣ кроткій и человѣколюбивый, къ крайнему удивленію, подписалъ, наперекоръ своей природѣ, огромное количество смертныхъ приговоровъ, и все во вторую половину своего царствованія, когда онъ, погруженный въ воспоминанія о печальномъ времени, въ которое онъ игралъ такую несчастную роль, совсѣмъ измѣнился и, вопреки своей лучшей природѣ, допустилъ

столько казней; тогда какъ относительно настоящихъ преступниковъ, какъ напримѣръ одного Эмиля Линденберга, приговореннаго къ нѣсколькимъ наказаніямъ, по цѣлому ряду преступленій, но только изъ-за того, что его для своихъ цѣлей употребляла партія, ни одинъ изъ приговоровъ не былъ исполненъ. Нельзя перечесть всѣхъ несправедливостей, совершенныхъ во всѣхъ отрасляхъ управленія; историкъ можетъ только удивляться, какимъ образомъ народъ правдивый, образованный, съ высшими стремленіями, могъ подчиниться незначительной партіи, выдвинутой реакціей, послѣ неудавшагося революціоннаго движенія. Одна только новость положенія можетъ извинить, или въ нѣкоторой степени оправдать, дѣйствія партіи; подобно террористамъ французской революціи, нечаянно очутившись во главѣ правленія и чувствуя, подобно имъ, что необходимо крѣпкое и строгое правительство, она подумала, что твердое и тиранническое правленіе—одно и тоже.

Одного недоставало для дополненія печальной картины: недоставало, чтобы это жестокое и несправедливое правленіе партіи дѣйствовало во имя ученія Христа. Дѣйствительно, достойно удивленія, что въ теченіе девятнадцатаго столѣтія много разъ партіи реакціи, при своихъ дѣйствіяхъ, ограничивающихъ даже малѣйшее проявленіе свободы, ссылались на христіанство; во имя религіи любви, свободы и равенства налагали запрещеніе на возможность самостоятельно содѣйствовать общему благу и уничтожали неразрывно съ нимъ связанную свободу рѣчи, печати и устнаго сообщенія въ собраніяхъ одномыслящихъ людей. Не разъ замѣчали, что христіанское ученіе уживается со всякой формой правленія; божественный Учитель самъ говоритъ, чтобы отдавать римскому кесарю должное ему; между тѣмъ непреложная истина — что по сущности, по внутреннему, глубокому значенію своему, нѣтъ ученія, которое болѣе приближалось бы къ бѣдному, низшему классу народа и болѣе удалялось бы отъ деспотизма. Не говорится ли въ евангеліи, что тотъ, кто хочетъ быть первымъ между людьми, долженъ быть послѣднимъ изъ слугъ; что послѣдователи этого ученія «никого не должны называть господиномъ, никого отцомъ: потому что есть только одинъ Отецъ на небеси; никого учителемъ, потому что есть одинъ только учитель Іисусъ Христосъ.» Итакъ нѣтъ религіи по своему духу, по своимъ общественнымъ требованіямъ популярнѣе и болѣе демократичной, нежели христіанская; она никакой цѣны не придаетъ блесткамъ общественныхъ отличій, пестрымъ одеждамъ свѣтскихъ почестей и украшеній; ни въ одной религіи мы не находимъ такихъ разительныхъ примѣровъ свободы мысли и поступковъ, какъ въ первоначальныя времена славнаго и достойнаго удивленія распространенія христіанства; когда всѣ и богатые, и знатные пресмыкались передъ постыднымъ деспотизмомъ, она въ своемъ ученіи свято хранила зародышъ благородной, возвышенной и плодотворной свободы, какой никогда не бывало ни въ прославленныхъ Аѳинахъ, ни въ Римѣ. Всякому извѣстно, какимъ образомъ изъ этого либеральнаго ученія развилась церковь, подчинившая полъ-Европы своему деспотизму и доведшая его наконецъ до крайнихъ предѣловъ, и потомъ, какъ самая реформація мало измѣнила тяжелыя отношенія, вмѣсто одной господствующей церкви, наградивъ своихъ послѣдователей многими территоріальными церквами, въ нетерпимости и властолюбіи не уступающими первенствующей: все это было въ порядкѣ вещей и необходимо, но вовсе безъ всякой нужды. Между безчисленными патріотами Германіи, не нашлось ни одного истиннаго христіанина и патріота, ни одной истинно преданной отечеству и христіанству партіи, которая потребовала бы политической свободы во имя того, который за избавленіе человѣчества отдалъ свою жизнь на крестѣ. Глубокій и серьезный французскій мыслитель Токвиль, говоря о французской революціи, очень вѣрно сказалъ, что величайшее зло ея заключалось въ томъ, что народъ не только былъ антихристіанскаго направленія, но что онъ былъ вовсе безъ всякаго религіознаго направленія. Большое несчастіе для Германіи можно было предвидѣть въ томъ, что нѣмецкіе либералы слѣдовали примѣру французскихъ и въ образецъ себѣ брали Францію, а не дѣятелей, положившихъ основаніе свободы въ Сѣверной Америкѣ и Англіи; дерево свободы было посажено и тутъ и тамъ; но подъ тѣнью французскихъ деревьевъ свободы, посаженныхъ въ 1792 году, плясала и въ

изступленной радости кружилась толпа, опьянѣвшая отъ минутнаго успѣха, тогда какъ подъ тѣнью тѣхъ деревъ свободы спокойно и счастливо живутъ два великіе и могущественные народа. Въ Германіи, человѣкъ, подобный Карлу Фогту, могъ считаться либераломъ, но истинные либеральные люди, увлеченные имъ, могли отступиться отъ ученія Іисуса Христа изъ-за недостаточныхъ и ложныхъ внѣшностей, не постарались проникнуть въ самую глубину, ядро его ученія и промѣняли на ложныя мудрствованія. Неудивительно послѣ этого, что церковь съ своей стороны вооружилась не противъ злоупотребленій свободы, а противъ самой свободы, и видя вольнодумство и недостатокъ глубокаго пониманія святыхъ истинъ въ полчищахъ либераловъ и радикаловъ, искала спасенія въ историческихъ преданіяхъ и сообщеніяхъ, и добровольно приняла за истинный смыслъ христіанства то, что установила неподвижная іерархія, или раболѣпное, лѣнивое къ изысканіямъ, многорѣчивое и пустословное проповѣдничество пасторовъ. Достойно замѣчанія, что католическая церковь, по своему существу вовсе не либеральная и ограничивающая свободу своихъ послѣдователей, однакожь не захотѣла содѣйствовать реакціи и, не смотря на предложенія и на льстивыя рѣчи ново-прусской господствующей церкви, не присоединилась къ ней. Ея руководители были достаточно образованы и дальновидны, чтобы понять, какъ недолговѣчны придворныя богословія и господствующая территоріальная церковь. Католическая церковь не имѣла причины бояться революціи, она знала, какимъ образомъ употребить плоды ея въ свою пользу, и воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы совсѣмъ освободиться отъ правительственнаго надзора и впослѣдствіи, когда обстоятельства перемѣнятся, предписать ему свои условія и законы. Она не преминула устроиваться даже при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: она заботилась объ образованіи своего юношества и о подготовленіи дѣятелей для своихъ цѣлей; въ палатѣ депутатовъ у нея были свои ораторы, съ жаромъ защищавшіе ея интересы съ парламентской каѳедры; важность и значеніе этихъ рѣчей въ будущемъ она предвидѣла лучше, нежели слѣпые руководители партіи ново-лютеранской церкви, которую она превосходила во всѣхъ отношеніяхъ. У нея князья церкви привыкли повелѣвать, а члены составляли части одного организма, пріучившагося примѣнять свою традиціонную политику ко всѣмъ особенностямъ любой страны и эпохи, всегда выказывали твердость, благоразуміе и способность примѣняться къ внѣшнимъ свѣтскимъ формамъ и не брались за дѣло съ неловкостью, всегда характеризовавшею внѣшніе духовные чины евангелической церкви, которая все-таки была только плохою копіей своего римскаго оригинала. Но въ случаяхъ, когда прусское правительство становилось лицомъ къ лицу съ универсальнымъ, прочно и хорошо организованнымъ могуществомъ, оно выказывало храбрость только противъ безоружныхъ, а тутъ являлось слабымъ и трусливымъ; оно терпѣливо позволяло римской церкви захватывать одну уступку за другой, и понемногу потеряло свое право верховнаго надзора, во всѣхъ областяхъ соприкосновенія съ римскою церковью, и не протестовало даже противъ этого похищенія; до чего простиралась слабость правительства, между прочимъ, можно видѣть изъ того, что оно не рѣшилось *) позволить изобразить по плану Каульбаха, на одной изъ стѣнъ лѣстницы новаго музея въ Берлинѣ, сцену всемірно-историческую, какъ Лютеръ, на сеймѣ въ Вормсѣ, читаетъ свой символъ вѣры, и въ лютеранскомъ государствѣ показалось неловкимъ публично изобразить минуту, положившую основаніе господствующему вѣроисповѣданію,

Итакъ, въ то время, когда римская церковь шла своимъ особеннымъ путемъ, заботилась объ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ и добивалась полной независимости, преобладающая въ то время въ Пруссіи партія, къ своему величайшему вреду, старалась впутать евангелическую церковь въ свои планы. Подражая общему воззрѣнію католической церкви, лютеранская въ противоположность общинному понятію, изъ котораго вытекаетъ ученіе и самое явленіе Іисуса Христа и апостоловъ, поддерживала понятіе церкви въ тѣсномъ смыслѣ; подъ словомъ

*) Фридбергъ, Іоаннъ Баптистъ Вальдеръ, Лейпцигъ 1873 г.

церковь она не разумѣла, какъ учитъ лютеранская церковь, идеальнаго объединенія всѣхъ истинныхъ христіанъ, но принимала извѣстную историческую церковь съ ея чистымъ ученіемъ, съ ея догматами и формами, прусскую правительственную церковь, въ которой ей не нравился только союзъ съ реформатами, потому что это походило на терпимость и лишнее мягкосердіе; и къ тому же ей удобнѣе была лютеранская церковь съ своими консисторіями, верховными епископами и дальнѣйшею главою церкви. Фридрихъ Вильгельмъ лично очень интересовался церковными вопросами, разговаривалъ о нихъ, переписывался, писалъ статьи о вопросахъ, касающихся церковнаго устройства, не приходя однакожь никогда къ окончательнымъ выводамъ и никогда не предпринимая какого либо опредѣленнаго рѣшенія и особенно никогда не переходя отъ слова къ дѣлу. Партія съумѣла воспользоваться этою склонностью короля и вплела самое понятіе королевской власти и значенія въ свою догматику такъ, что изъ древней обычной формулы: «король—милостію Божіей» выстроила цѣлую систему метафизическаго понятія о значеніи прусскаго королевскаго сана. Эта формула служила выраженіемъ историческаго факта; а именно: что королевское достоинство въ Пруссіи не зависитъ отъ народнаго выбора и не опирается на статьяхъ договора, срослось съ народомъ и выросло съ нимъ, а не создано конституціей; партіи не хотѣлось видѣть въ немъ истинно божественнаго назначенія и указанія того, что это понятіе выросло и окрѣпло въ органической связи съ народомъ и служитъ символомъ твердаго и неизмѣннаго единства съ нимъ; что его нельзя, какъ во Франціи, каждыя десять лѣтъ дѣлать вопросомъ, требующимъ разрѣшенія, гдѣ королевское достоинство можетъ быть отмѣнено какою нибудь уличною революціей въ какіе нибудь два, три лѣтнихъ, или зимнихъ дня. Партія же выставляла, будто значеніе короля есть спеціальное назначеніе Божіе, и титулъ этотъ не есть скромное напоминаніе о великой общественной отвѣтственности передъ Богомъ, даровавшимъ смертному такое высокое назначеніе и если на то будетъ воля Его, то способнаго и отнять то, что далъ; но по ихъ мнѣнію титулъ этотъ служилъ только символомъ неограниченной власти, способной при первой надобности перешагнуть черезъ всѣ параграфы конституцій и всевозможныхъ законодательствъ; въ числѣ этихъ пунктовъ самый непріятный и несносный для партіи былъ тотъ, въ которомъ говорится, что личность короля священна и неприкосновенна. Это, замѣчали они, истинна священная, не требующая доказательствъ, она понятна; и такъ нѣтъ надобности утверждать ее параграфами конституціи.

Въ прежнія времена короли допускали евангелической церкви свое собственное управленіе и внутреннее устройство: конституція утвердила за ней, наравнѣ съ католической, самостоятельное устройство въ отношеніи внутреннихъ порядковъ и распоряженій; 29 іюня 1850 года, Фридрихъ Вильгельмъ даровалъ ей центральное управленіе, назвавъ его евангелическимъ верховнымъ церковнымъ совѣтомъ; ему была предоставлена обширная власть; онъ былъ обязанъ наблюдать за богослуженіемъ въ догматическомъ и литургическомъ отношеніи и имѣть надзоръ за преподаваніемъ закона Божія. Затѣмъ ему же предоставлена была дисциплина низшаго духовенства, церковныя испытанія въ вѣрѣ и т. д.; въ совѣтъ этотъ назначены были люди съ опробованнымъ строго-реактивнымъ направленіемъ. Церковная и политическая реакція заключили между собою союзъ; при назначеніи пасторовъ въ приходы, при назначеніи на должность професоровъ богословія обращали вниманіе на политическое направленіе, и наоборотъ, при назначеніи государственныхъ сановниковъ и даже не такихъ важныхъ лицъ на правительственныя должности, требовалось одобреніе церкви. Несмотря на вліяніе духовенства и на уваженіе ему оказываемое, новый церковный уставъ все-таки не состоялся, во первыхъ по причинѣ разногласицы въ церкви и ея распаденія; во вторыхъ по причинѣ холодности, съ какою народъ и болѣе образованные круги общества встрѣчали споры и разсужденія о богословскихъ вопросахъ; въ третьихъ, по нерѣшительности короля, хотя верховный церковный совѣтъ съ 1850 до 1857 года и заботился безпрестанно о составленіи церковныхъ законовъ. Можетъ быть этимъ занимались не довольно серьезно; для господствующей партіи существующій порядокъ былъ хорошъ, чего же больше? У нея былъ министръ, вполнѣ соотвѣт-

ствовавшій ея потребностямъ—министръ духовныхъ дѣлъ Раумеръ; правительство во всѣхъ случаяхъ готово было помогать духовенству: первенствующее духовенство могло предаваться своему фанатизму: оно могло, сколько душѣ угодно, полицейскимъ порядкомъ преслѣдовать общества диссидентовъ и мучить ихъ, а родителей диссидентовъ принуждать воспитывать своихъ дѣтей въ православіи, заставляя ихъ учиться закону Божію у пасторовъ, опробованныхъ верховнымъ духовнымъ совѣтомъ; заставляли даже крестить новорожденныхъ непремѣнно по уставамъ господствующей церкви; на жидовъ, масоновъ и невѣрующихъ можно было нападать печатно и публично съ каѳедры сколько угодно; господствующая церковь заимствовала отъ католической разные обычаи, такъ и манеру объявлять свою волю подчиненнымъ духовнымъ; такъ напримѣръ, одинъ суперъинтендентъ написалъ пастырское посланіе къ своимъ словеснымъ и духовнымъ сынамъ и учителямъ народа, предлагая имъ взвѣсить не причиняетъ ли масонскій орденъ какого либо соблазна въ приходахъ; но одна газета, «Народный листокъ для города и деревни» подъ редакціей профессора Лео въ Галле, который потѣшался надъ строгимъ отшельническимъ духомъ господствующаго духовенства, очень невинно въ отвѣтъ на запросъ верховнаго совѣта отвѣчала, что для общей безопасности лучше всего отставить всѣхъ пасторовъ и всѣхъ учителей отъ мѣста, какое они занимаютъ. Съ вышеупомянутыми требованіями объ руку шла агитація почитанія и освященія воскресныхъ дней. Если бы духовенство путемъ обученія и проповѣди достигло того, чтобы святили воскресные дни, оно было бы совершенно право, оно исполнило бы свой христіанскій и учительскій долгъ; но оно сыпало просьбами, призывало на помощь полицейскую власть, потому что его теорія возсозданія христіанскаго штата была черезчуръ шатка и постоянно во всѣ свои постановленія вмѣшивала правительственную и полицейскую власть. Они воевали противъ экстренныхъ поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ по воскреснымъ днямъ, противъ почты и почтальоновъ за доставленіе писемъ по воскресеньямъ, требовали, чтобы на фабрикахъ по воскресеньямъ вся машинная работа останавливалась; воскресныя школы для ремесленниковъ были для нея предметомъ ужаса, какъ будто духовная пища и духовное занятіе, послѣ недѣли, проведенной въ тяжкомъ трудѣ, въ черной физической работѣ, не есть отдыхъ, не возвышаетъ души, не приближаетъ ея къ Богу.

Что духовенство слѣдило за народной нравственностью и карало пороки, это, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ похвалы и благодарности; люди, подобные доктору Вихерну и другимъ, въ этомъ отношеніи принесли существенную, осязательную пользу; но очень жаль, что увѣщанія и проповѣди не имѣли такого же благотворнаго вліянія на высшіе слои общества, какое имѣли на нравственность низшаго; сколько бы проповѣдники ни гремѣли съ каѳедръ, но люди, по рожденію, по должностямъ и вліянію высоко поставленные, не прислушивались къ ихъ голосу, считали себя выше учительскаго тона проповѣдника и по прежнему предавались своимъ страстямъ и порокамъ, не подозрѣвая даже ихъ предосудительности; тамъ съ прежнимъ жаромъ ѣздили въ балеты, вызывали на дуэли, пировали по ночамъ и т. п. Въ одномъ случаѣ партія воинствующаго духовенства пыталась свое убѣжденіе навязать правительству и заставить его дѣйствовать такъ, какъ оно считало лучшимъ, а именно: по вопросу разводовъ и вторичныхъ браковъ разведенныхъ.

Конституція въ одномъ изъ своихъ параграфовъ давала обѣщаніе заняться законами на счетъ гражданскихъ браковъ; слѣдовательно, указывала на способъ, единственно удовлетворительный для того, чтобы разрѣшить вопросъ, такъ глубоко проникающій въ жизненныя и общественныя отношенія, и этотъ способъ рѣшенія вопроса, вѣроятно, самый вѣрный и болѣе всего соотвѣтствующій христіанскому вѣрованію. Съ точки зрѣнія лютеранина вопросъ этотъ очень не замысловатъ: бракъ можетъ состояться только вслѣдствіе соглашенія обѣихъ сторонъ, готовящихся вступить въ брачныя обязательства; государство торжественнымъ судебнымъ порядкомъ записываетъ это рѣшеніе, составляетъ надлежащій гражданскій актъ и гарантируетъ брачное сожительство, какъ ненарушимое гражданское право; такимъ образомъ соединенные, торжественно передъ одномыслящимъ религіознымъ обществомъ, къ которому принадлежатъ, объяв-

ляютъ, что на бракъ свой будутъ смотрѣть какъ на союзъ, освященный религіознымъ благословеніемъ, и что онъ будетъ для нихъ обязателенъ въ религіозномъ смыслѣ. До государственнаго строя касается только первое и второе дѣйствіе; но третье—религіозный обрядъ бракосочетанія можетъ и долженъ быть актомъ совершенно свободнымъ, свободнымъ со стороны супруговъ, свободнымъ со стороны религіознаго общества, къ которому супруги принадлежатъ, и церкви, которая самостоятельно утверждаетъ условія и при содѣйствіи и въ присутствіи которой договаривающіеся торжественно повторяютъ и принимаютъ увѣренія; церковь можетъ признать бракъ христіанскимъ и дать ему свое благословеніе, или, наоборотъ, не признать его такимъ и отказать въ благословеніи *). Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать и разсуждать въ смыслѣ этого постановленія, отдавать церкви то, что ей принадлежитъ, и не отнимать того, что есть достояніе государства, прирожденное право всякаго гражданскаго общества и только ему одному принадлежащее,—духовенство первенствующей церкви ратовало противъ гражданскаго брака, называя его безнравственнымъ и нехристіанскимъ; такъ какъ евангелическая церковь, при своемъ новѣйшемъ устройствѣ, привыкла во всѣхъ случаяхъ опираться на полицейскую помощь, всегда готовую дѣйствовать въ духѣ господствующей партіи, такъ и теперь ей хотѣлось, чтобы правительство для бракосочетаній загоняло прихожанъ въ церкви. Чувствуя свою силу, евангелическое духовенство начало примѣнять свое могущество на этомъ важномъ и обширномъ поприщѣ дѣятельности: оно начало, по своей совѣсти и по точному смыслу слова Божія, разбирать, можно ли допустить вѣнчаніе въ томъ или въ другомъ случаѣ; на первый случай оно суду своей совѣсти подвергло разведенныхъ супруговъ, которые хотѣли вступать въ новые браки; нѣкоторые пасторы отказывались вѣнчать и благословлять браки, когда имъ казалось, что причины, побудившія къ разводу, были не достаточны и не согласны съ точнымъ смысломъ слова Божія; но ни одному изъ этихъ пасторовъ не приходило въ голову, что есть иной способъ для разрѣшенія вопроса: а именно отказаться отъ своей священнической обязанности, если она несогласна съ требованіями совѣсти. Но духовенство почло гораздо радикальнѣе, организовать оппозицію противъ государственнаго закона. Само собою разумѣется, что эта оппозиція не встрѣтила тѣхъ препятствій, какія встрѣчали самыя легкія замѣчанія со стороны либеральной партіи: она подтвердила только общее желаніе, уже выражавшееся съ 1850 года о пересмотрѣ и измѣненіи законовъ о бракѣ, въ смыслѣ господствующей партіи. Но эти попытки не имѣли успѣха; второй проектъ, касательно развода, представленный правительствомъ въ 1857 году на обсужденіе народныхъ представителей: по этому проекту о разводѣ устранялись даже всѣ причины, оправдываемыя государственнымъ правомъ; на этотъ разъ даже палата ландрата отвергла проектъ большинствомъ 173 голосовъ противъ 143. Дѣло касательно вторичнаго брака разведенныхъ было рѣшено особымъ постановленіемъ короля, 8 іюня 1857 года, такъ: гдѣ гражданскіе разведенные супруги, при заключеніи новаго брака, потребуютъ церковнаго обряда вѣнчанія (замѣтимъ мимоходомъ, въ католическихъ, прирейнскихъ провинціяхъ только такого рода бракъ и существовалъ), тамъ приходской священникъ, или пасторъ, долженъ донести объ этомъ мѣстной консисторіи, а та съ своей стороны обязана о разрѣшеніи просить назначаемый королемъ верховный церковный совѣтъ; это можетъ служить доказательствомъ того, какъ смѣшалась и перепуталась свѣтская власть съ духовной и какъ та и другая соединялись въ лицѣ короля и подчинялись его минутному настроенію: «cujus regio, ejus religio».

Преобладающая партія пыталась распространить свое вліяніе и на школьный бытъ и устроить его по своему усмотрѣнію. Король по своему обширному

---

*) Такъ какъ свадьба и бракъ есть житейское дѣло, намъ, лицамъ духовнымъ, церковно-служителямъ нечего тутъ командовать, или устраивать, но лучше предоставить каждому городу и каждой странѣ въ этомъ дѣлѣ свои установившіеся обычаи и порядки. Все это и подобное я предоставляю свѣтской власти: пусть она распоряжается, какъ знаетъ, это до меня не касается. Но если отъ насъ требуютъ, чтобы мы благословили бракъ въ церкви, или внѣ ея и молились за новобрачныхъ, или вѣнчали ихъ, тогда мы обязаны это исполнить.

Лютеръ.

знанію и развитому уму казался созданнымъ для того, чтобы дать образованію и наукамъ новое движеніе въ Пруссіи, но, во второй половинѣ своего царствованія, предоставилъ славу быть двигателемъ мысли королю баварскому Максимиліану II. На богословскія каѳедры прусскихъ университетовъ, понятно, назначены были профессора съ новоевангелическимъ направленіемъ; съ такимъ направленіемъ былъ берлинскій профессоръ Генгстенбергъ, который на весь критическій періодъ развитія смотрѣлъ какъ на борьбу между послѣдователями Іеговы и Ваала; изъ нихъ, по его мнѣнію, послѣдніе брали верхъ; при такомъ настроеніи даже строго вѣрующіе, но склонные къ уніи и научно развитые богословы, профессора гальскаго университета—Юлій Мюллеръ и Толукъ подвергались опасности быть причисленными къ тѣмъ, которые гнули колѣна передъ Вааломъ. Направленіе это отозвалось и на профессорахъ другихъ каѳедръ, напримѣръ исторіи и даже медицины; поэтому величайшіе таланты этого времени: Гейзеръ, Дройзенъ, Вирховъ и др., находили почетный пріютъ внѣ предѣловъ Пруссіи. Не смотря на такое положеніе дѣлъ, король въ своемъ обществѣ старался удерживать Александра Гумбольдта и не переставалъ вести оживленную переписку съ Бунзеномъ, который находился въ горячемъ полемическомъ спорѣ съ Сталемъ: этотъ доказывалъ необходимость совершенно новаго взгляда на науку, но къ счастію наука шла своимъ путемъ и не обращала вниманія на его желанія. На гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ усилія партіи тоже не имѣли такого вліянія, какъ можно было ожидать, хотя духъ рабства, тяжкая матеріальная зависимость учителей и нужда, какую они испытывали, много содѣйствовали временнымъ требованіямъ партіи: къ счастію, въ учебныхъ заведеніяхъ изъ прежнихъ временъ еще жилъ духъ независимости и уваженія къ знанію, который спасъ учащееся юношество отъ подавляющаго мудрствованія новѣйшихъ богослововъ, и только махинація преподаванія закона Божія подчинилась новому направленію. Надобно замѣтить, что въ эту эпоху потемнѣнія было кое-что хорошаго: такъ, напримѣръ, пересмотръ учебныхъ руководствъ и разумная передѣлка ихъ, сокращеніе многихъ ненужныхъ и обременительныхъ частностей изъ учебнаго курса. Гораздо сильнѣе и опредѣленнѣе отозвалась дѣятельность партіи на народныхъ школахъ. Для нихъ 1 октября 1854 года изданы были извѣстныя школьныя постановленія (Schulregulative), касательно приготовленія учителей для элементарнаго преподаванія и организаціи элементарнаго преподаванія: эти постановленія клонились, чтобы упростить преподаваніе въ народныхъ школахъ и особенно ограничить кругъ ученія и подготовленія самихъ учителей, въ противоположность системѣ А. Дистервега, которому изъ каждаго народнаго школьнаго учителя хотѣлось сдѣлать маленькаго Гумбольдта; такое стремленіе было похвально и принесло вредъ только тѣмъ, что бездушные и односторонніе по своему направленію исполнители, своимъ преувеличеннымъ усердіемъ, превышали требованія правительства и искажали его цѣли. Хуже всего было безчувственное пренебреженіе, съ какимъ партія смотрѣла на матеріальныя нужды учителей, и унизительное положеніе, въ какомъ они находились.

Таково было положеніе прусскаго королевства подъ владычествомъ антиреволюціонной партіи. Это было управленіе партіи въ худшемъ смыслѣ слова, какого Пруссія еще никогда не испытывала. Она безпощадно и безъ всякаго соображенія злоупотребляла силами государства; но не смотря на всѣ свои старанія все-таки не достигла своей главной цѣли: не сломила парламентскаго духа, не остановила развитія конституціоннаго стремленія. Напротивъ, духъ времени бралъ свое; прогрессъ неудержимо совершался; даже противники его, сами того не замѣчая, принуждены были служить высшему, свободнѣйшему развитію государственной жизни. Сколько бы предводители ретроградной партіи ни бранили парламентскій строй, они подчинялись ему больше, чѣмъ хотѣли, или чѣмъ думали. Они не могли воспрепятствовать, чтобы интересъ всей націи не сосредоточивался на немъ; они противъ воли сами принуждены были прибѣгать къ тѣмъ же парламентскимъ орудіямъ, чтобы противодѣйствовать ему: къ прессѣ, къ праву составлять общества, производить выборы съ агитаціей, прибѣгать къ формамъ и рычагамъ, вовсе не соотвѣтствующимъ абсолютизму; всякое необдуманное предложеніе, высказанное на каѳедрѣ, всякая

неловкая рѣчь, сказанная однимъ изъ горячихъ сподвижниковъ господствующей партіи и опровергнутая или осмѣянная противниками, равнялась обидному пораженію; за то каждая удачно употребленная риторическая форма, каждое удачное нападеніе, или удачная защита одного изъ бойцовъ, рукоплесканія вызванныя у слушателей—награждали вмѣстѣ съ тѣмъ приверженцевъ партіи, и она не мало торжествовала, не смотря на то, что торжество носило на себѣ ненавистный парламентскій характеръ; между прочимъ единственный хорошій ораторъ ея Сталь имѣлъ блистательный успѣхъ, какъ напримѣръ, во время его большой рѣчи, произнесенной по случаю требуемаго правительствомъ кредита, когда поднялся восточный вопросъ — онъ развернулъ въ ней такое краснорѣчіе, давалъ такой неожиданный и ловкій оборотъ своимъ софизмамъ, что смутилъ и ослѣпилъ своихъ зоркихъ противниковъ, и рѣчь эта можетъ стать на ряду самыхъ блистательныхъ рѣчей, хотя и построенныхъ на софизмахъ.

Какъ бы то ни было, но пользы парламентской формы правленія отвергать нельзя; она здѣсь, какъ и вездѣ, принесла существенныя перемѣны: важные государственные вопросы и основанія какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, ежедневно обсуживались открыто и публично и съ различныхъ точекъ зрѣнія представителями различныхъ партій, такъ что все большая и большая часть народа интересовалась политическимъ движеніемъ, и постепенно онъ дошелъ до того, что пересталъ безсознательно проживать вѣкъ свой, не заботясь о томъ, что дѣлается внутри и внѣ государства, какъ автоматъ, допуская событіямъ совершаться своимъ чередомъ; онъ напротивъ, началъ внимательно присматриваться къ распоряженіямъ правительства, не довольствовался тѣмъ, какъ депутатъ-представитель защищаетъ права избирателей, самъ началъ обсуживать обстоятельства и, выражая свое мнѣніе, какъ бы самъ началъ дѣйствовать; этого существеннаго шага впередъ нельзя было ни остановить, ни измѣнить. Политическая способность обдумывать и взвѣшивать обстоятельства пробудилась, и, слѣдовательно, преобладаніе партіи, захватившей власть, должно было окончиться, потому что ни ея теорія, ни практика не выдерживали строгой оцѣнки. «Незначительная, но могущественная,» говорили объ ней; да, она была могущественна, потому что въ ея власти было ухо и рука короля, обстоятельство крайне важное при управленіи, по народному духу, чисто-монархическому; кромѣ того послѣ потрясеній и радикальныхъ излишествъ 1848 года, дворяне и чиновники, духовенство, крестьяне и среднее сословіе въ большихъ массахъ переходили на сторону перваго попавшагося министерства, лишь бы оно давало ручательство, что спокойствіе не будетъ нарушено. Въ числѣ этихъ массъ было много людей, съ тѣхъ поръ вовсе не обращавшихъ вниманія на политику; когда же неурядица радикализма принудила ихъ пристать къ какой либо партіи, они по своему монархическому инстинкту столпились вокругъ правительства, чтобы поддерживать тронъ, не заботясь о томъ, каково министерство, избранное королемъ, лишь бы оно содѣйствовало сопротивленію революціонному движенію. Даже такой человѣкъ, какъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, раздробившій впослѣдствіи старинное устройство Германіи и содѣйствовавшій уничтоженію партіи, не долго думая, всею силою своей непреклонной воли присоединился къ этой самой реактивной партіи, имѣя только одну цѣль—добиться какою бы то ни было цѣною искорененія революціоннаго движенія и обезопасить цѣлость и неприкосновенность прусской державы. Въ этомъ безсознательномъ стремленіи къ монархизму, въ этомъ здоровомъ предразсудкѣ народа,—какъ одинъ очень опытный человѣкъ его назвалъ,—правительство почерпнуло силу вынести пораженіе, претерпѣнное отъ Австріи; въ этомъ же началѣ и преобладающая партія находила поддержку, потому что свои стремленія прикрывала роялистическимъ энтузіазмомъ, противопоставляя его революціонному началу и чрезъ то пріобрѣтая законность, которая многимъ казалась честною и истинною. Но по мѣрѣ того, какъ преобладающая партія, слѣдуя своимъ корыстнымъ цѣлямъ, принуждала правительство къ мѣрамъ неправымъ, лучшія стремленія постепенно начали пробуждаться даже и въ консервативной партіи, и выработалось сознаніе, что революцію лучше и скорѣе всего побѣждать можно строгою справедливостью и точнымъ исполненіемъ законовъ, но не своеволіемъ и прихотью. Люди, подобные Бетману,

Гольльвегу, генералу Барделебену и другимъ, извѣстные своею незапятнанною честью и вѣрностью престолу, и пропитанные старо-прусскимъ духомъ, очень положительно и спокойно объявили, что довольно дѣлать контрреволюціи и реакціи, что они смотрятъ на конституцію, какъ на прочное и неизмѣнное начало, и готовы служить ей вѣрно, по присягѣ; однажды рѣшившись, какъ дѣйствовать, ихъ не могли смутить и сбить съ толку ни ядовитыя нападенія «Крестовой Газеты,» ни даже немилость короля, выраженная очень рѣзко, когда онъ, почти съ негодованіемъ, изгналъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ выдающихся такихъ личностей за то, что они дѣйствуютъ заодно съ революціей.

Не смотря на зло, причиненное Пруссіи этимъ правленіемъ своеволія и неуваженія къ праву и закону,—съ 1850—57 года, все-таки оно не могло поколебать твердыхъ и прочно положенныхъ основаній государственнаго быта. Этотъ трезвый, серьезный и трудолюбивый народъ неудержимо шелъ по вновь открывшемуся ему направленію, и недоставало только честной и прямой руководящей силы, чтобы пробудить къ дѣятельности всѣ здоровыя силы, въ немъ скрытыя, и поставить его на то мѣсто, какое по праву онъ долженъ занимать въ Германіи.

Эта минута наступила раньше, чѣмъ можно было ожидать. Несчастный король, выбитый бурями 1848 изъ направленія, предназначеннаго ему природой, захворалъ послѣ поѣздки въ Вѣну; потрясенный организмъ его не вынесъ нравственныхъ колебаній; но возвращеніи изъ Вѣны въ октябрѣ 1857 г. произошло то, что многіе врачи уже предугадывали: въ немъ открылись несомнѣнные признаки неизцѣлимой душевной болѣзни. Сохраняя приличіе и избѣгая всего, что могло бы оскорбить монархическое начало, ближайшій къ трону, Вильгельмъ, принцъ прусскій, вмѣсто больнаго брата началъ управлять государствомъ. На первое время сохранилъ онъ министерство, къ которому не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи; не смотря на то, съ перваго раза чувствовалось, что перемѣна неминуемо будетъ, что правленіе—въ рукахъ человѣка, хотя и воспитаннаго въ понятіяхъ традиціонно-монархическихъ и вовсе не склоннаго къ новѣйшимъ конституціоннымъ учрежденіямъ, но ни въ какомъ случаѣ не намѣреннаго допускать софистическихъ истолкованій и обходовъ однажды клятвенно утвержденнаго уложенія и предоставленныхъ имъ правъ; для того чтобы поддерживать направленіе, ложно набожное, и ханжествомъ прикрывать политическое своекорыстіе, онъ былъ слишкомъ прямъ, а для того, чтобы вести уклончивую, жалкую внѣшнюю политику, дѣла и отношенія германскаго союза, онъ былъ мужъ и солдатъ, непривыкшій къ кривымъ путямъ. Бракосочетаніе ближайшаго къ престолу наслѣдника съ англійскою принцессою Викторіей исполнило живѣйшей радостью народъ и пробудило въ немъ радостныя надежды и виды въ будущемъ; народъ радовался потому, что сочувствовалъ королевскому семейству и смотрѣлъ на него, какъ на родственное себѣ; кромѣ того бракъ этотъ и въ политическомъ отношеніи могъ принести выгоды и содѣйствовать лучшему окончанію различныхъ отношеній, тягостныхъ въ данную минуту. Отъ новаго правителя ожидали прямаго и точнаго исполненія законовъ; напряженное вниманіе народа было обращено на то, какъ онъ будетъ смотрѣть на конституцію: прямо ли, какъ она утверждена, и строго держаться ея постановленій, или нѣтъ; многіе спрашивали себя: найдется ли въ Пруссіи человѣкъ, довольно смѣлый, который, не смотря на законы, вздумаетъ при новомъ правленіи обходить, толковать и устранять ихъ, какъ въ предшествующее царствованіе.

При болѣзненномъ состояніи короля можно было съ достовѣрностью сказать, что онъ вовсе никогда не будетъ способенъ принимать участіе въ дѣлахъ. По законамъ страны, въ такомъ случаѣ, долженъ быть назначенъ регентъ. Напрасно могущественная при дворѣ партія напрягала всѣ свои силы, пускала въ ходъ весь механизмъ интригъ, чтобы избѣжать регентства и связать руки принцу. Онъ въ теченіе семи лѣтъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ партія работала надъ паденіемъ Пруссіи, зналъ всѣ злобныя козни ея противъ него, но рѣшился однимъ ударомъ уничтожить всѣ ея замыслы: королевскимъ манифестомъ отъ 7 октября 1858 года предлагалось принцу принять, какъ регенту, управленіе государствомъ; а 20 уже собрался сеймъ, чтобы признать необходимость регент-

ства. Тутъ только пришла пора вполнѣ измѣнить систему управленія: министерство было распущено, только два министра сохранили свои мѣста: Симонсъ и фонъ-деръ-Гейдтъ; назначеніе новыхъ министровъ было встрѣчено съ глубокимъ чувствомъ радости не одною Пруссіей, а всей Германіей: выборъ ихъ показывалъ, что у принца-регента есть одна только цѣль — заботиться объ интересахъ государства, а не одной какой либо партіи. Во главѣ министерства сталъ князь Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, единственный изъ мелкихъ владѣтельныхъ лицъ германскаго союза, въ 1849 году нашедшій гораздо выгоднѣе для себя и полезнѣе для своей земли промѣнять скуку бездѣйствія, сидѣвшую во всѣхъ углахъ и закоулкахъ его стариннаго замка, на дѣятельную и достойную жизнь почетнаго подданнаго, великаго по своему настоящему и будущему значенію государства; это былъ человѣкъ честный и добрый, по своему богатству и высокому сану вполнѣ независимый, съ очень простыми привычками, но не раздѣлявшій склонности своихъ предковъ къ изящнымъ искусствамъ и ничего не понимавшій въ нихъ. Остальные министры были также люди честные и преданные: фонъ-Ауэрсвальдъ былъ личнымъ другомъ регента, министромъ военнымъ назначенъ былъ фонъ-Бонинъ,—финансовъ фонъ-Патовъ,—духовныхъ дѣлъ фонъ-Бетманъ—Гольвегъ, Флотвель министромъ врутрѣннихъ дѣлъ, но его вскорѣ смѣнилъ графъ Шверинъ, человѣкъ съ опредѣленно-либеральнымъ направленіемъ, который впослѣдствіи, на ряду съ Финке, Патовымъ, Венцелемъ и другими вынесъ въ палатѣ депутатовъ тяжкую и упорную борьбу съ феодальнымъ и рабски-настроеннымъ большинствомъ. Новые дѣятели были все люди честно и откровенно преданные существующей конституціи, очень умѣренные въ своихъ взглядахъ, и какъ нарочно подобранные для исполненія тоже умѣренной программы, развитой регентомъ въ своей вступительной рѣчи, обращенной къ министрамъ 8-ноября: необходимъ, прогрессъ умѣренный и неторопливый; не допускать разрыва съ прошедшимъ, всѣми силами поддерживать унію, движеніе къ правамъ католической церкви, свободу въ изысканіяхъ науки; стараться пріобрѣтать нравственный перевѣсъ въ Германіи и во всѣхъ остальныхъ европейскихъ державахъ. Съ особенной теплотой говорилъ регентъ о ложномъ направленіи духа ханжества, прикрывавшаго политическія цѣли, и указывалъ на необходимость изгнать его; этими словами, падшая система поражена была въ самое чувствительное мѣсто; слѣдуя первому движенію досады, вожди ея готовы были стать въ ряды оппозиціи, или принять на себя мученическій вѣнецъ. Но въ этомъ неоказалось надобности: въ консервативномъ лагерѣ Германіи XIX столѣтія не скоро нашлись добровольные мученики; благородные дѣятели во главѣ правленія, даже съ своими противниками, поступали деликатно и щадили ихъ: только нѣсколько лицъ, занимавшихъ высокія должности и навлекшія на себя общую ненависть, какъ первый президентъ рейнскихъ провинцій, фонъ-Клейстъ-Ретцовъ, были уволены отъ службы. «Крестовая Газета» мало-по-малу успокоилась и ободрилась отъ перваго испуга, парализовавшаго ея рѣчь.

Партія ретроградовъ много потеряла; при новомъ регентѣ камарилья была немыслима. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV между тѣмъ съ королевой отправился въ Италію, но благодѣтельная обыкновенно перемѣна мѣста не принесла ему пользы; его прежде живой умъ, принимавшій участіе во всѣхъ дѣлахъ и во всѣхъ отрасляхъ знанія, оставался недѣятеленъ и затемненъ; физическія силы его постепенно угасали, на возможное выздоровленіе не могло быть надежды. Господствовавшая при немъ партія видѣла это, на равнѣ со всѣми, но не потеряла мужества и съумѣла устроиться на новой почвѣ. У нея было много приверженцевъ при дворѣ, въ администраціи, въ церкви и въ войскѣ; они видѣли, какъ новое министерство обходило всякую возможность пробудить въ народѣ неумѣстныя требованія и надежды, не допускало нетерпѣнія либераловъ; они знали, что регентъ, пріученный къ военной дисциплинѣ и воспитанный въ строго монархическихъ традиціяхъ, въ душѣ не сочувствовалъ конституціонному началу, постоянно взвѣшивалъ и оцѣнивалъ свои поступки, чтобы какъ нибудь не нарушить уваженія къ памяти о братѣ и не пошатнуть благоговѣнія къ монархическимъ началамъ; кромѣ того имъ было извѣстно, что есть одна точка, на

которой воззрѣнія принца-регента не сходились съ либералами, и рано или поздно неминуемо должно произойти столкновеніе, а именно: устройство войска.

Хотя паденіе партіи не было такое полное и окончательное, какъ этого желали, но все-таки повсюду и во всемъ чувствовалось, что самая дурная пора прожита. Новые выборы членовъ въ палату депутатовъ окончились; изъ ультрамонтановъ остался самый ничтожный остатокъ; прусское королевство оправилось, опять стало тѣмъ, чѣмъ должно было быть; наступило время ободриться и для остальной Германіи, можно было опять взяться за пріостановленную политическую работу и надѣяться, что она пойдетъ успѣшно. Къ счастію, въ Германіи именно въ это время произошло давно предвидѣнное столкновеніе между Австріей и Франціей, по послѣдствіямъ своимъ такое важное для Германіи: это былъ политическій вопросъ крайне затруднительный, поставившій искусство управленія регента и его министровъ на пробу.

С. ВОСТОКЪ.

Турція, Россія, Австрія.

I. Турція и Греція.

Парижскій миръ привелъ въ порядокъ отношенія Турціи и освободилъ Европу на время отъ опаснаго чудовища, которое въ политическомъ мірѣ называется восточнымъ вопросомъ. Мы знаемъ, что Россія не хотѣла дѣйствовать вопреки своимъ прямымъ выгодамъ и гарантировать неприкосновенность Турціи, и что Австрія, Франція и Англія въ 1856 году, апрѣля 15, приняли эту гарантію на себя и объявили, что будутъ смотрѣть, какъ на причину къ войнѣ, на каждое, даже самое легкое нарушеніе статей парижскаго мирнаго договора. Поэтому всѣ затрудненія, возникавшія при исполненіи мирныхъ статей договора, были рѣшаемы въ пользу Турціи: такъ, при назначеніи пограничной линіи въ Бессарабіи, по протоколу парижскому отъ 26 января 1857 года, города Болградъ и Тобакъ, равно бакъ и Змѣиный островъ, находящійся близъ устья Дуная, присужденъ былъ Турціи, а находящійся на немъ маякъ порученъ былъ надзору и заботамъ европейской дунайской комиссіи. Въ концѣ февраля 1857 года, долгое время послѣ возвращенія французскаго и англійскаго войска изъ крымскаго похода, и австрійскіе полки наконецъ выступили изъ Дунайскихъ княжествъ, которыя они занимали съ сентября 1854 года. Парижскій миръ утвердилъ за обоими княжествами независимую національную администрацію, а могущественная партія тутъ же начала заботиться о соединеніи обоихъ государствъ въ одно цѣлое. Каймакамъ, или намѣстникъ, назначенный въ Молдавію со стороны Порты, въ мартѣ 1857 года, Николай Богоридесъ, считался противникомъ этого стремленія, которое втайнѣ поддерживали Россія и Франція. Въ томъ же мѣсяцѣ молдаванское войско заняло область, уступленную Россіей, а въ декабрѣ того же года происходило точное опредѣленіе азіатской границы комиссіей, составленной изъ русскихъ, турецкихъ, англійскихъ и французскихъ представителей.

Итакъ, буря, поднявшаяся на Турцію и чуть не погубившая ее, улеглась, не причинивъ ей никакихъ территоріальныхъ потерь; Турція уцѣлѣла и даже выказала нѣкоторую энергію, отстаивая свое существованіе; но все-таки это не поправило ея положенія, и *больной* остался *больнымъ*, а дурнымъ признакомъ можно почесть то, что при первомъ ухудшеніи его состоянія, помощники—доктора налетали къ нему со всѣхъ концовъ Европы и не выпускали его изъ-подъ своего надзора, при первомъ самостоятельномъ жестѣ совѣщались—не дурной ли это признакъ, предвѣщающій ухудшеніе. Это протекторство особенно непріятно дало себя почувствовать Турціи, когда приводили въ окончательный порядокъ дѣла придунайскихъ княжествъ. Въ члены дивана, который по опредѣленію парижскаго мира долженъ былъ утвердить и обнародовать новую организацію княжествъ, въ Молдавіи были избраны противники соединенія; Франція

и Россія, сблизившіяся немедленно послѣ войны, напротивъ желали соединенія княжествъ въ одно; избранные противники этого направленія имъ не правились и они утверждали, что выборы произведены незаконно, что употребляли подкупы и другія недозволенныя средства; такъ какъ Порта полагала, что выборы и въ иныхъ государствахъ происходятъ не совсѣмъ честно, и такъ какъ она не хотѣла принимать строгихъ мѣръ противъ своего каймакама, а выборовъ не хотѣла уничтожить, то Франція, Россія, Пруссія и Сардинія посредствомъ тождественно составленныхъ нотъ, отъ 6 августа 1857 года, прервали дипломатическія сношенія съ Турціей; Австрія и Англія, особенно сдружившіяся по поводу восточнаго вопроса, и еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ дружба между Франціей и Россіей обнаружилась, очень неохотно и нерѣшительно послѣдовали за общимъ настроеніемъ, но также прервали сношенія съ Портою. Турецкое правительство, въ такой степени стѣсненное, послало своему намѣстнику повелѣніе отъ 23 августа, уничтожить выборы, или согласно съ требованіями европейскихъ комиссій въ Бухарестѣ, произвести въ двѣ недѣли новые выборы. Они были произведены, и во всѣхъ новыхъ членахъ было одно господствующее желаніе составить одно соединенное Румынское княжество; въ іюлѣ 1858 года, въ Парижѣ появилась брошюра «Наполеонъ III и румынскій вопросъ»; въ ней разбирался вопросъ о національностяхъ и о томъ, что національности должны соединяться въ государства, что это есть современное требованіе, вслѣдствіе котораго и румынское племя имѣетъ право соединиться въ одно національное государство; нѣсколько недѣль спустя, въ августѣ, поспѣлъ протоколъ, устанавливавшій новый порядокъ въ Молдавіи и Валахіи. Конвенція, заключенная державами, была только компромиссомъ, устанавливавшимъ отдѣльное управленіе въ каждомъ княжествѣ и соединявшимъ ихъ только въ извѣстныхъ отношеніяхъ; черезъ это, само собою разумѣется, вопросъ еще далеко не былъ разрѣшенъ, и только партія, желавшая румынскаго единенія, находила новую пищу для продолженія своей агитаціи.

Касательно внутреннихъ дѣлъ больной Турціи европейскія державы прописали ей генеральный рецептъ, составныя части котораго были довольно положительно и прочно установлены и уже опубликованы подъ извѣстнымъ названіемъ Гатти-Гумайюна, 26 января 1856 года. Этотъ замѣчательный актъ реформы завершилъ султаномъ дарованный, при началѣ его царствованія, Гатти-шерифъ-гюльхане; онъ обезпечивалъ личную независимость, имѣніе и честь всѣхъ подданныхъ безъ исключенія, отмѣнилъ свѣтскую зависимость духовенства различныхъ вѣроисповѣданій и постановилъ, чтобы свѣтскія дѣла всѣхъ племенъ райевъ рѣшались совѣтомъ, составленнымъ изъ членовъ, выбранныхъ изъ среды ихъ общинъ. Презрительныя наименованія, употреблявшіяся для христіанъ и иновѣрцевъ, даже въ официальномъ языкѣ различныхъ турецкихъ правительственныхъ мѣстъ, были строго запрещены; всякое предпочтеніе, оказываемое одной націи передъ другою относительно управленія и общихъ законовъ и правъ, отмѣнялось. Была объявлена общая, неограниченная свобода совѣсти; всѣ подданные султана безъ различія вѣроисповѣданія получали права на всевозможныя государственныя должности и доступъ во всѣ заведенія, существующія въ государствѣ и какія впередъ будутъ учреждены; предполагаемыхъ учебныхъ заведеній было больше настоящихъ. Кромѣ того было обѣщано приступить еще къ цѣлому ряду реформъ: обѣщана была хорошая полиція, улучшеніе податной системы, особенно распредѣленіе податей, назначались наказанія за взяточничество, назначеніе ежегоднаго бюджета; провести хотѣли новыя дороги, заняться постройкой каналовъ, дозволить христіанамъ поступать въ военную службу и обложить ихъ военною повинностію.

Такимъ образомъ, на мѣсто старо-турецкаго государства, основаннаго завоеваніемъ, на бумагѣ создано было новое государство, основанное на законахъ, составленныхъ по совершенно современнымъ требованіямъ, и если бы можно было освобождать и преобразовывать народы посредствомъ декретовъ, то лучшаго и желать нечего было бы. Но это постановленіе пробуждало неудовольствіе въ османахъ и не удовлетворяло христіанъ, которымъ ихъ настоящая организація лучше нравилась, потому что она была на самомъ дѣлѣ, тогда какъ та существовала

только на бумагѣ. Турція осталась тѣмъ, чѣмъ она была—въ неорганизованномъ элементарномъ состояніи; она въ недобрый часъ втѣснилась въ рядъ европейскихъ державъ, которыя, при всѣхъ своихъ особенностяхъ и противоположностяхъ въ отдѣльныхъ частяхъ, въ цѣломъ, однакожь, походили другъ на друга и основанія у нихъ были одинаковыя. Изъ всѣхъ 82,000 квадратныхъ миль, какія Турція занимала въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, въ Европѣ у нея было только 9,500; а изъ числа 36 милліоновъ жителей въ Европѣ только 15½ милліоновъ. Изъ нихъ по племенамъ 6,200,000 славянъ, 4 милліона румынъ, 1½ милліона албанцевъ, 1 милліонъ грековъ, кромѣ армянъ, цыганъ, жидовъ и татаръ; османовъ же только 2,100,000. Считая по вѣроисповѣданіямъ: 10 милліоновъ христіанъ греческаго и армянскаго вѣроисповѣданія, 640,000 римско-католическаго, 70,000 евреевъ, 214,000 язычниковъ-цыганъ и 4,500,000 магометанъ. Какъ бы ничтоженъ и бѣденъ ни былъ мусульманинъ, но онъ считалъ себя выше самаго знатнаго и богатаго христіанина и смотрѣлъ на него какъ на нечистаго раба; христіанинъ съ своей стороны смотрѣлъ на мусульманина, какъ на невѣрнаго варвара. И сами мусульмане, въ массѣ, были недовольны вмѣшательствомъ европейскихъ державъ и послѣднее только подтвердило въ нихъ понятіе, что всѣ европейскія державы, въ отношеніи поклонниковъ пророка, составляютъ одинъ языческій народъ. Турція осталась неизбѣжнымъ зломъ для Европы; хотя дѣла въ ней съ этихъ поръ, сравнительно, пошли лучше, нежели можно было ожидать, но это происходило вслѣдствіе возрастающихъ международныхъ сношеній и вслѣдствіе возрастающаго вліянія европейской культуры, которая проникала даже въ эту страну, несмотря на всѣ препятствія, ей поставляемыя: выраженіемъ этого прогресса было появленіе новаго закона реформы—гатти гумайюнъ—законъ хорошаго, еслибы онъ дѣйствительно служилъ основаніемъ и гарантіей постановленій согласныхъ съ народными обычаями.

Миръ съ Грецією не нарушался, вслѣдствіе строгаго урока, даннаго западными державами этому неспокойному, честолюбивому народу, который охотнѣе составлялъ интриги и забавлялся пустыми волненіями, чѣмъ работалъ. Народъ однакожь началъ мало-по-малу оправляться, по крайней мѣрѣ по отчету министра финансовъ Кумундуросъ, представленному королю Оттону, 16 декабря 1857 года, успѣхи по всѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства были блистательные. Число жителей дошло до 1,004,000, тогда какъ въ 1834 году ихъ насчитывалось не больше 612,000; жилыхъ домовъ 203,000, тогда какъ въ томъ году было ихъ всего 94,000; тутовыхъ деревьевъ разведено 1,500,000, тогда какъ ихъ было прежде всего 380,000, поземельныхъ налоговъ вмѣсто 4 дошло до 8 милліоновъ драхмъ. Двадцатипятилѣтнее царствованіе короля Оттона не прошло безслѣдно; правда, къ землепашеству охота въ народѣ не развилась, но за то, пользуясь своимъ географическимъ положеніемъ, онъ съ большимъ жаромъ предался торговлѣ и мореплаванію, что для него было гораздо полезнѣе, чѣмъ вмѣшиваться въ чужія дѣла и заниматься политикой.

2. Россія.

Несмотря на потери, понесенныя въ крымской кампаніи, слѣдствія ея для Россіи были очень благодѣтельны. На престолъ взошелъ Александръ II, императоръ, поставившій себѣ славу въ томъ, чтобы вести народъ свой путемъ прочнаго и истиннаго прогресса. Для такой благородной цѣли Россія представляла обширное поле, правда, еще мало обработанное, но способное принести богатую жатву. Передъ колоссальнымъ объемомъ Россіи, передъ ея обширными отношеніями, какъ внутренними, такъ и внѣшними, остальныя европейскія державы совсѣмъ теряются; неограниченное могущество одного человѣка безусловно исполняется на площади, почти въ 100,000 квадратныхъ миль въ Европѣ, 226,000 квадратныхъ миль въ Азіи, и въ то время еще 17,000 квадратныхъ миль въ Америкѣ; и на этомъ пространствѣ въ 340 или 350,000 квадратныхъ миль, въ то время жило около 70,000,000 жителей; изъ нихъ чисто русскихъ было больше 46 милліоновъ, составлявшихъ одно племя, безусловно преданное царю, смотрящее

на него съ благоговѣніемъ и покорное ему, какъ отцу; онъ дѣйствительно—глава своего народа, онъ одинъ крѣпкою рукою соединяетъ его въ одно тѣло, и не будь его, все распалось бы и разсыпалось на единицы. Во всѣхъ остальныхъ государствахъ Европы монархія есть учрежденіе, освященное, если она правильна, длиннымъ рядомъ преданій—то скрѣпляемыхъ, то ослабляемыхъ ходомъ историческихъ событій, существенно касающихся отношеній народа къ государю и обратно. Въ иныхъ случаяхъ, понятіе о монархіи основано на сознаніи пользы и необходимости этой формы правленія, или постоянно обуреваемой радикальными теоріями и идеологическими доктринами. Въ Россіи, напротивъ, монархическая форма правленія не учрежденіе, не теорія; она въ своей безусловной формѣ—простая, естественная необходимость, и вся масса народа съ этой точки зрѣнія смотритъ на государя и на монархію; вообразить себѣ Россію не монархіей чисто невозможно. Ни одно государство на землѣ, можетъ быть кромѣ Китая, не состоитъ изъ такой огромной массы одноплеменнаго народонаселенія какъ Россія; потому что всѣ остальныя племена ея, хотя и многочисленныя, сравнительно съ русскимъ ничтожны; а именно: поляковъ 6½ милліоновъ, финновъ 3, турецко-татарскихъ племенъ 2,400,000, латышей 2 милліона, евреевъ полтора милліона, кавказскихъ племенъ полтора милліона, нѣмцевъ 600,000, монгольскихъ племенъ 330,000; итакъ всѣхъ иноплеменныхъ около 18 милліоновъ, но они исчезаютъ въ 46 или болѣе массѣ одноплеменныхъ русскихъ, которыхъ связываютъ языкъ, обычаи, общественныя отношенія и религія. Если мы будемъ разсматривать статистическія данныя даже относительно религій, мы получимъ почти тѣ же самыя данныя: къ греко-россійскому православному вѣроисповѣданію принадлежатъ всѣ русскіе и кромѣ того, къ нимъ надобно причислить еще 2 милліона иноплеменныхъ, исповѣдующихъ ту же самую религію; затѣмъ 7 милліоновъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, 3 милліона лютеранъ, 500,000 реформатовъ, полтора милліона евреевъ, вдвое магометанъ, 600,000 язычниковъ. Подобное же отношеніе находимъ, разсматривая народъ по его занятіямъ и образу жизни: до 40 милліоновъ изъ 66 занимаются земледѣліемъ.

Неудача, понесенная въ крымскую войну, и сопряженныя съ нею потери принудили русскихъ ограничиться внутреннимъ устройствомъ государства, не заходя за свои предѣлы, чтобы вознаградить вынесенныя лишенія. Немаловажная услуга и слава царствующаго императора, заключается въ томъ, что онъ твердо и глубоко обдумалъ и понялъ свое назначеніе, что онъ рѣшился преобразовать свое огромное государство не посредствомъ идей, внесенныхъ въ него изъ западной Европы, но найти въ немъ самомъ оживотворяющія и оживляющія начала, способныя поставить его на высшую степень государственной жизни; государь съ неуклоннымъ терпѣніемъ и твердостію преслѣдовалъ эту идею, и пріобрѣлъ себѣ полное право занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи своего народа, составляющаго такую значительную часть человѣчества.

Александръ II родился 29 (17) апрѣля 1818 года; лишь только условія чести это допускали, онъ охотно протянулъ своимъ врагамъ руку для примиренія: этотъ миръ, по своему смыслу, заключалъ въ себѣ одно отреченіе отъ стремленій, перешедшихъ изъ предъидущихъ столѣтій — захватить Турцію и подчинить ее себѣ; отъ сего императоръ если не навсегда отказался, то по крайней мѣрѣ отодвинулъ его на неопредѣленное время, вмѣстѣ съ тѣмъ отказался еще отъ протекторства въ Германіи, на которое сами нѣмцы, изъ опасенія, какъ бы не произошло революціоннаго движенія, наложили на себя. Русскій императоръ, въ строгомъ смыслѣ слова, занялъ опять мѣсто, назначенное ему Богомъ и рожденіемъ.

Окончаніе крымской войны опять разрушило надежды польскихъ эмигрантовъ и ихъ соумышленниковъ въ отечествѣ. Еще въ маѣ 1856 года эмигранты подали адресъ парижскому конгрессу; они просили о возстановленіи Польши въ томъ видѣ, какъ ее поставилъ вѣнскій конгрессъ 1815 года. Мая 23 императоръ Александръ прибылъ въ Варшаву, гдѣ онъ, въ присутствіи предводителей дворянства и чиновниковъ, выразилъ свой взглядъ и намѣренія: «не предавайтесь мечтамъ и забудемъ прошедшее,» были слова его, и онъ пояснилъ ихъ всеобщей амнистіей (27 мая), но ею не воспользовались вожди республиканской партіи

эмигрантовъ. Для императора легче и удобнѣе было забыть прошедшее, чѣмъ для поляковъ. Для Польши, говорилъ императоръ, одно спасеніе заключается въ томъ, чтобы, подобно Финляндіи, примкнуть къ великому славянскому семейству, изъ котораго состоитъ Россія. Въ этомъ случаѣ, продолжалъ онъ, краснорѣчиво, съ чувствомъ и отъ полноты своей правдивой души, для него не будетъ существовать разницы между Польшей и Россіей, и онъ ихъ соединитъ въ одномъ чувствѣ любви. Манифестъ о всеобщей амнистіи заключалъ въ себѣ еще статью, по которой возвратившіеся послѣ трехлѣтняго срока, назначеннаго для испытанія, могли вступать въ государственную службу.

Касательно политическихъ отношеній европейскихъ державъ, императоръ показывалъ осторожность и сдержанность. Дружественныя отношенія съ Пруссіей сохранялись; съ Франціей очевидно старались сблизиться, и журнальные крикуны, и придворные шаркуны очень озабоченно сообщали, что во время торжественной коронаціи императора, въ Москвѣ, 26 августа (7 сент.) 1856 года, французскому посланнику, графу Морни, оказано было особенное вниманіе, и что на балу онъ открылъ танцы съ императрицей; кромѣ того великій князь Константинъ Николаевичъ пробылъ въ Парижѣ, въ 1857 году, отъ 5 до 16 мая, тогда какъ посѣщенія королевы англійской опредѣлилъ одинъ только день 31 мая. Сентября 25, того же года, императоры русскій и французскій съѣхались въ Штутгартѣ; это людямъ незанятымъ подало поводъ къ безконечнымъ толкамъ. Опасеній не разсѣяло даже и свиданіе императора Александра, на обратномъ пути въ Веймарѣ, съ Францемъ Іосифомъ, въ свитѣ котораго находился старый князь Меттернихъ; всѣмъ было ясно, что событія съ 1854—1856 годъ провели глубокую пропасть между Австріей и Россіей. Съ Англіей, по крайней мѣрѣ въ Азіи, на этомъ обширномъ поприщѣ, гдѣ эти двѣ державы стояли одна противъ другой, все оставалось по старому; при персидскихъ неурядицахъ интересы Англіи опять встрѣтились съ русскими, а въ декабрѣ 1856 года на Кавказѣ опять началась у русскихъ борьба съ Шамилемъ. Съ Японіей, въ томъ же году, 25 ноября, заключенъ былъ договоръ, по которому для русскихъ торговыхъ кораблей открыты были три японскія гавани, и Курильскіе острова, кромѣ одного, были признаны русскими; съ Китаемъ заключенъ былъ тоже договоръ, еще важнѣе этого, потому что Китай уступалъ Россіи весь лѣвый берегъ Амура; главнымъ городомъ приамурскаго края назначенъ былъ Николаевъ, основанный въ 1852 году.

Гораздо большее и знаменательнѣйшее значеніе для Россіи и для Европы имѣли преобразованія внутри государства, потому что каждый шагъ къ прогрессу въ такомъ колоссальномъ государствѣ, какъ Россія, имѣетъ живительное и возбуждающее вліяніе на прогрессивныя силы прочихъ европейскихъ владѣній. На царствующемъ императорѣ Александрѣ незамѣтно было того неподвижнаго, военнаго, жесткаго отпечатка, который характеризовалъ императора Николая; и въ важныхъ, и въ незначительныхъ предметахъ взглядъ его на вещи и отношенія свѣтлый. При самомъ началѣ его царствованія, отмѣненъ былъ налогъ на паспорты, взымавшійся съ больныхъ, которые для леченія отправлялись за границу, но съ тѣхъ, которые ѣхали для удовольствія, по прежнему за шестимѣсячный паспортъ брали по 250 р. Въ томъ же, 1856 году, императоръ Александръ на четыре года отмѣнилъ рекрутскій наборъ; уничтожилъ военныя поселенія; простилъ податную недоимку въ 24 милліона рублей, и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы прекратить или предовратить лихоимство чиновниковъ; начало новаго года принесло съ собою благодѣтельныя перемѣны и въ цензурномъ уставѣ. Политическимъ журналамъ предоставлены были значительныя вольности и между прочимъ пользоваться телеграфомъ и печатать полученныя извѣстія. Съ этихъ поръ русскія газеты получили большое значеніе въ органахъ политическихъ мнѣній западной Европы, которые привыкли ежедневными передовыми статьями своими давать общее направленіе общественному мнѣнію и преимущественно образу мыслей круга своихъ читателей.

Этому примѣру послѣдовали и русскія газеты. Но вѣчную, неотъемлемую славу царствованія Александра II составляетъ начатое имъ и твердо доведенное до конца великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія; это ве-

ликое преобразованіе, эта благодѣтельная человѣколюбивая мѣра совпадаетъ съ отчаянною борьбою въ Америкѣ за идею быть или не быть невольничеству.

Послѣ многихъ подготовительныхъ мѣръ, въ началѣ 1857 года, составлена была комиссія для обсужденія надлежащихъ средствъ, какія можно употребить для того, чтобы уничтожить крѣпостное состояніе крестьянъ; около половины мая, комиссія рѣшила предложенный ей вопросъ въ пользу эмансипаціи крестьянъ. Но измѣнить порядокъ, установившійся въ теченіе столѣтій, была не шутка; на этомъ порядкѣ опиралось все зданіе государственнаго и частнаго благосостоянія; по ревизіи 1857 года крѣпостныхъ оказалось 23,600,000 на общее число жителей Европейской Россіи, т. е. на 57 милліоновъ; по принципу не трудно было рѣшить справедливость этой мѣры, но невыразимо трудно было найти прямой путь, который безъ общихъ тяжкихъ потрясеній привелъ бы народъ и правительство къ цѣли; вопросъ грандіозный, трудный и, однажды затронутый, неотвратимый и требовавшій того, чтобы онъ доведенъ былъ до конца. Императоръ рѣшился на самую прямую и скорѣйшую мѣру: онъ поручилъ разрѣшить вопросъ дворянству, болѣе всего заинтересованному въ этомъ дѣлѣ,—выборъ благородный, направленный на благородство и безкорыстіе сословія, всегда готоваго всѣмъ жертвовать для пользы отечества и уже прежде неоднократно выражавшаго желаніе измѣнить угнетенное положеніе крестьянина: къ тому же и крѣпостное состояніе и крѣпостное право, какъ всегда въ ненормальныхъ общественныхъ положеніяхъ, имѣло свои дурныя стороны, какъ для владѣльцевъ, такъ и для крестьянъ. Далѣе, дворянству извѣстно было желаніе императора, точнѣе, его воля, чтобы вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ не только разрѣшенъ, но разрѣшенъ въ пользу притѣсненной и стѣсненной части его подданныхъ; поэтому и дворяне, не смотря на предстоящія имъ потери, нѣкоторые съ энтузіазмомъ, другіе, скрѣпя сердце, пошли по пути имъ указанному и начали работать надъ освобожденіемъ. Литовское дворянство первое послало адресъ въ Петербургъ; въ немъ въ первый разъ было заявлено предложеніе—отпустить крестьянъ съ поземельною собственностью; въ своемъ отвѣтѣ, императоръ выразилъ желаніе не только относительно литовскаго, но и всего дворянства вообще, чтобы оно хорошенько обдумало и взвѣсило положеніе крестьянъ относительно помѣщиковъ-дворянъ, точно опредѣлило бы ихъ отношенія и обязанности другъ къ другу, и постараться улучшить, установить и исправить ихъ. Петербургское, нижегородское и орловское дворянство тотчасъ заявили свое согласіе надѣлить крестьянъ землею; но старыя, коренныя русскія губерніи все еще медлили, молчали и выжидали; каждое радостное содѣйствіе, готовность предупредить требованія государя, со стороны правительства были встрѣчаемы съ величайшимъ удовольствіемъ, и оно ихъ поощряло; императоръ самъ, какъ землевладѣлецъ, подавалъ примѣръ своимъ подданнымъ, онъ, какъ помѣщикъ, употреблялъ свое вліяніе для того, чтобы подвинуть вопросъ къ желанному направленію. До половины 1858 года дворянство 33 губерній уже выразило готовность, исполняя намѣреніе императора, освободить крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія и освободить ихъ съ землею. Опредѣлить частности поручено было комитетамъ, которые предполагалось составлять также изъ дворянъ; но путеводною нитью въ этихъ совѣщаніяхъ долженъ былъ служить рескриптъ, данный императоромъ петербургскому дворянству 17 декабря 1857 года. Тутъ показанъ былъ долгій, осторожно опредѣленный и отмѣренный путь къ желанной цѣли: землевладѣлецъ-помѣщикъ сохранялъ свою поземельную собственность и свое имѣніе, крестьянамъ предоставлялась ихъ усадьба—домъ и огородная земля—имъ предоставлено было право постепенно выплатить за усадьбу извѣстную сумму, и такимъ образомъ пріобрѣтать ее въ полную, неотъемлемую собственность; кромѣ того крестьянамъ въ общинное владѣніе поступало достаточно земли, чтобы удовлетворить ихъ первыя жизненныя потребности и дать имъ возможность нести повинности и обязательства свои, относительно государства и землевладѣльца-помѣщика, которому за землю должны были платить оброкъ; деревенская полиція оставалась за помѣщикомъ, а ближайшее управленіе общинное.

Дѣло, предпринятое императоромъ, было громадное, въ высшей степени

трудное, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ со всѣхъ сторонъ ему содѣйствовали съ одинаковою готовностью. Но тутъ еще встрѣчались сомнѣнія и другія затрудненія; невольно приходилъ вопросъ: достаточно ли приготовлены крѣпостные крестьяне къ свободѣ? Не могло ли случиться, что и здѣсь повторится тоже самое, что было на островѣ Рюгенѣ, когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, тамъ уничтожили наслѣдственное подданство, похожее на крѣпостной бытъ и поземельныя обязательства: тамъ, непривычный къ независимости народъ встрѣтилъ ее восклицаніемъ: «мы не хотимъ свободы!» Можно было ожидать, что неподготовленная масса встрѣтитъ непрошенный даръ свободы подобными же словами, потому что крестьяне не могли оцѣнить предлагаемаго имъ блага. Явилось даже опасеніе, что русскій крестьянинъ, найдя возможность покинуть землю, къ которой былъ прикрѣпленъ въ теченіе столѣтій, воспользуется возможностью оставить ее, откажется отъ хлѣбопашества и возьмется за другія занятія, или за бродячую жизнь. Великая реформа освобожденія отъ крѣпостнаго состоянія была немыслима безъ множества другихъ, неразрывно съ ней связанныхъ нововведеній. Чувствовалась необходимость реформы во всѣхъ отрасляхъ государственной администраціи и хозяйства: надобно было провести удобные сухопутные и водяные пути сообщенія, надобно было усилить, и даже въ нѣкоторой степени развить городскую жизнь, находившуюся вовсе не въ правильномъ пропорціональномъ отношеніи къ деревенской; въ городахъ народонаселеніе не превышало 4½ милліоновъ, тогда какъ сельскаго въ одной Европейской Россіи насчитывалось до 45 милліоновъ. Требовалось усилить народное образованіе, и для этого заводить народныя школы и т. д. Но жребій былъ брошенъ, рѣшительный шагъ къ реформѣ сдѣланъ, оставалось идти дальше.

3. Австрія.

Могущество, твердость и увѣренность Россіи зависѣли отъ того, что масса ея народонаселенія однородна, что единодержавіе монархическаго начала въ ней врожденная народу, естественная, необходимая потребность его; поэтому, пользуясь внѣшнимъ спокойствіемъ и отказавшись отъ стремленія къ завоеваніямъ, реформы и усовершенствованія внутри государства могли совершаться тихо, безъ борьбы и потрясеній, по слову и по волѣ ея государя. Условія существованія для Австріи были совершенно другаго рода. Государство составлялось изъ множества земель и національностей, присоединенныхъ завоеваніями, брачными контрактами и всякими другими договорами; при такомъ конгломератѣ владѣній Австріи на ней лежала обязанность выполнить три разнообразныя требованія, которыхъ едва ли могло исполнить государство, составленное изъ однородныхъ и прочно соединенныхъ элементовъ. Историческое прошедшее возлагало на Австрію обязанность удовлетворить тремъ стремленіямъ: германской народности, итальянской и придунайской. Каждая изъ этихъ народностей заставляла Австрію входить въ столкновенія и въ сношенія съ сосѣдними государствами и народами; при внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи Австріи трудно было указать точку, гдѣ оканчивается ея внутренняя, и гдѣ начинается ея внѣшняя политика.

При первомъ взглядѣ на карту, Австрія представляется отлично округленнымъ владѣніемъ, въ 12,120 квадратныхъ миль, богатымъ по своимъ произведеніямъ во всѣхъ царствахъ природы, прорѣзанная почти во всю длину Дунаемъ съ обширнымъ бассейномъ его притоковъ. Но если наблюдатель, не довольствуясь географическимъ положеніемъ страны, вздумаетъ ближе вглядѣться въ особенности и отношенія ея жителей, то онъ вынесетъ не очень отрадное чувство. Изъ числа 38,388,000 жителей ея, по ревизіи 1853 года, было 15 милліоновъ славянъ, 8 милліоновъ романскаго племени, 8 милліоновъ нѣмцевъ, 5 милліоновъ маджаръ, цыганъ, евреевъ, цыклеровъ, армянъ и т. д. Меньше разнообразія мы находимъ въ ея жителяхъ, относительно ихъ раздѣленія по вѣроисповѣданіямъ; римско-католическаго вѣроисповѣданія значительно больше

всѣхъ другихъ, а именно: 26½ милліоновъ, за тѣмъ 3½ милліона греческаго или армянъ-уніатовъ, которые признаютъ авторитетъ римскаго папы, греческихъ неуніатовъ тоже 3 милліона; 3½ милліона протестантовъ гельветскаго или аугсбургскаго исповѣданія, 750,000 евреевъ, и 50 или 60,000 послѣдователей различныхъ религій, сектъ и ересей, частію терпимыхъ, частію—нѣтъ. Единство религіи въ прежнія времена составляло крѣпкую связь для этого множества разнохарактерныхъ племенъ; но, не смотря на нравственную силу, какую религіозныя убѣжденія имѣютъ и въ нынѣшнее время, они, сравнительно, утратили много могущества и уже не представляютъ зиждущаго государственнаго условія и не могутъ уже господствовать и управлять народами. Иная идея возросла и уже явилась въ полной своей силѣ, вызванная къ жизни и дѣятельности потрясеніями послѣдняго кризиса, поколебавшаго жизнь европейскихъ народовъ; это идея національностей. Въ Германіи, Италіи и Венгріи народы уже прониклись этою идеей, и поэтому враждебно смотрѣли на Австрію: подчиненіе ей было имъ ненавистно, и они возстали противъ нея.

Австріи удалось подавить стремленія этихъ національностей, но это ей далось нелегко: она должна была напрягать всѣ свои силы, не щадить ни огня, ни меча, но спокойствія все-таки не достигла; она должна была во всеоружіи неусыпно стоять на сторожѣ и въ каждое мгновеніе быть готовой къ борьбѣ. Когда революціи въ непокорныхъ частяхъ имперіи были затоптаны и задушены, правительство отмѣнило мартовскую конституцію 1849 года, которую одинъ изъ тѣхъ, которые подписывали ее, называлъ, когда ему уже нечего было притворяться, «кремзицкой фикціей»; полный абсолютизмъ былъ опять возстановленъ. Но времена настали иныя, воротить то, что было, во всѣхъ уже устарѣлыхъ и утраченныхъ формахъ стало невозможно; даже орудія прежняго абсолютизма устарѣли и расшатались. Потребность новизны, потребность какой бы то ни было реформы для Австріи не подлежала сомнѣнію; вскорѣ услужливые писатели въ Германіи и въ Австріи начали указывать молодому императору, къ какой цѣли онъ долженъ стремиться, ему и его совѣтникамъ совѣтовали работать надъ обновленіемъ, возрожденіемъ Австріи и даже предвозвѣщали скорое исполненіе своихъ желаній и надеждъ; было даже очень много простосердечныхъ и недальновидныхъ людей, которымъ уже казалось, что обновленіе въ полномъ ходу, и они начали громко восхвалять «прекрасно развивающееся и процвѣтающее придунайское государство.» Эти легковѣрные мечтатели громче всего превозносили перваго изъ императорскихъ совѣтниковъ, князя Феликса Шварценберга, какъ лучшаго и самаго мудраго изъ государственныхъ людей Австріи. Онъ хотя и не былъ государственнымъ человѣкомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, но доказалъ, какъ много можетъ сдѣлать человѣкъ съ твердой волей и смѣлостью, ничего не щадящей, когда онъ имѣетъ дѣло, посреди всеобщаго растлѣнія, съ недостойными противниками; скорая смерть, постигшая его, посреди его кажущихся успѣховъ, 5 марта 1852 года, избавила его отъ трудной необходимости созидать зданіе государственнаго единства для разноплеменной Австріи. Управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто его, передано было графу Буоль-Шауенштейну; новымъ президентомъ совѣта министровъ никого не назначали, потому что самъ императоръ считалъ себя способнымъ руководить ходомъ управленія, и самъ занялъ предсѣдательское мѣсто въ совѣтѣ министровъ. Изъ остальныхъ министровъ особеннаго вниманія заслуживаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ Александръ Бахъ, журналистъ и адвокатъ; въ 1848 году онъ, наравнѣ съ другими публицистами, призывалъ народъ къ оружію и совѣтовалъ ему строить баррикады; онъ тогда по крайней мѣрѣ считалъ своею обязанностію принять руководящею нитью «народную волю», которая «громко говоритъ голосомъ баррикадъ»; не много спустя, при перемѣнѣ обстоятельствъ, будучи благоразумнѣе другихъ, онъ услѣдилъ минуту и присоединился къ реакціи, и, какъ человѣкъ ловкій, безъ особенно щекотливой совѣсти, не поддаваясь сомнѣніямъ и строгимъ выводамъ ума, употреблялъ свое знаніе и свой талантъ на службу реакціи; министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ Левъ Тунъ, чешскій духовный, сдѣлавшійся въ скоромъ времени покорнымъ орудіемъ церковной реакціи, присоединившейся къ военной и бюрократической; министромъ торговли, а потомъ въ 1855 году

министромъ финансовъ—фонъ-Брукъ, прирейнскій уроженецъ, не дворянинъ; приверженцы и льстецы окружили его какимъ-то сіяніемъ геніальности, потому что онъ отлично умѣлъ скрывать передъ свѣтомъ истинное положеніе дѣлъ и по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ умѣлъ для плохихъ политическихъ цѣлей добывать хорошія деньги.

Исторія реакціи въ Австріи, въ теченіе времени, отъ 1850 до 1859 года, представляетъ въ своемъ родѣ интересную картину, служащую панданомъ для плохаго управленія въ Пруссіи. Послѣ громкихъ и пышныхъ словъ реактивной партіи, органомъ которой была «Аугсбургская газета» (Augsburger Allgemeine Zeitung), надобно было ожидать чего-то въ родѣ просвѣщеннаго деспотизма; а между тѣмъ государь, который долженъ былъ стать представителемъ этого правленія, не былъ ни просвѣщеннымъ, ни деспотомъ; если бы онъ даже и захотѣлъ быть деспотомъ, то долженъ бы былъ сначала создать для себя орудія деспотизма. Но ничего этого не было; строго опредѣленнаго плана не имѣло это правительство, составленное изъ пустыхъ кавалеровъ, ограниченныхъ фанатиковъ и жадныхъ до почестей и власти выскочекъ; тутъ во главѣ стояли люди, такіе же неспособные, какъ въ тогдашней Пруссіи. Вслѣдъ за военнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ, правленіемъ настало другое, похожее на меттерниховское, которое далѣе допустило то, чего и Меттернихъ не допускалъ, чтобы іезуиты и всякія другіе духовные ордена забрали силу и злоупотребляли ею; парламентская система здѣсь была совсѣмъ устранена, тогда какъ въ Пруссіи, при всѣхъ стѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ, все-таки поддерживала нѣкоторое движеніе въ политической жизни и понемногу развивала народъ, пріучая его вникать въ потребности своего отечества; такъ какъ съ уничтоженіемъ парламентскаго начала, въ Австріи уничтожена была возможность развиться ораторскому дарованію, поэтому при попыткѣ создать единство въ политикѣ и управленіи разнородныхъ ея частей пришлось прибѣгнуть къ помощи бюрократіи. Но она оставалась въ томъ видѣ, какъ была. Въ своихъ низшихъ и среднихъ инстанціяхъ, правительство плохо вознаграждало чиновниковъ, давая имъ недостаточное жалованье, и потому они сдѣлались корыстолюбивми и продажными; къ тому же отъ строгихъ законовъ, регламентовъ, предписаній, инструкцій они не могли шагу ступить, не допускалось свободнаго и самостоятельнаго размышленія при рѣшеніи дѣла, все время проходило въ безполезной и безплодной перепискѣ; протоколовъ и отношеній при самомъ ничтожномъ обстоятельствѣ писать приходилось массами. Съ 1849 года всѣ служащіе обязаны были носить мундиры, запрещалось носить бороды, допускались только усы и бакенбарды; эти дѣлопроизводители привыкли сами, и принуждены были обстоятельствами доносить высшему начальству о каждомъ дѣлѣ не такъ, какъ оно дѣйствительно было, но какъ въ Вѣнѣ хотѣлось смотрѣть на него. Какъ при современномъ настроеніи надобно было ожидать, вся дѣятельность бюрократіи обратилась на разныя стѣснительныя и запретительныя мѣры. Новый уголовный законъ, отъ 27 мая 1852 года, опредѣлялъ строгія наказанія за политическія преступленія, которыя по формѣ дѣлопроизводства и судебнаго разбора сравнены были съ обыкновенными уголовными преступленіями; параграфы, касавшіеся преслѣдованія за стараніе пробудить ненависть, или презрѣніе къ правительству и его органамъ, были до такой степени растяжимы, что каждая критика, даже каждое сказанное или печатное замѣчаніе могло быть подведено подъ параграфъ и заслужить наказаніе. Въ одно и тоже время, по новымъ постановленіямъ для печати, кромѣ предупрежденій на наполеоновскій манеръ, строгости еще увеличились: статьи не напечатанныя, но доставленныя въ типографію для напечатанія, уже подвергались преслѣдованію закона и наказанію. Но во все время абсолютизма, во всѣхъ областяхъ управленія ограничивались попытками, опытами и временными мѣрами. Въ организаціи административной 1853 года, во главѣ каждой коронной области поставленъ былъ штатгальтеръ, котораго прямая и почти исключительная обязанность состояла въ томъ, чтобы вести политическія дѣла; въ управленіи штатгальтеру помогало штатгальтерство, бюрократическій совѣтъ или коллегія; отъ него зависѣли внутреннія и торговыя сношенія края, и дѣла учебныя и образовательныя заведенія, благотворительныя и карательныя учрежденія; далѣе окружные и уѣздные управленія; общинное

управленіе оставалось въ хаотическомъ, неорганизованномъ состояніи, о самостоятельности не могло быть и рѣчи. Все, что было можно, нарядили въ мундиръ; Венгрія, у которой отняты были всѣ ея старинныя, конституціонныя права, раздѣлена была на пять правительственныхъ округовъ: Офенъ, Гросвардейнъ, Пресбургъ, Кашау, Эденбургъ, а эрцгерцогъ Альбрехтъ назначенъ былъ гражданскимъ и военнымъ генералъ-губернаторомъ, съ очень обширными правами; организація Венгріи, превращенной въ провинцію, послужила образцомъ для организаціи другихъ присоединенныхъ къ Австріи владѣній; ихъ учрежденія были просто скопированы съ венгерскихъ, безъ большихъ перемѣнъ.

Свою творческую дѣятельность Австрія обнаружила только относительно духовныхъ дѣлъ. Одновременно съ началомъ реакціи, правительство старалось привлечь на свою сторону римско-католическое духовенство, что было вовсе не трудно; орденъ іезуитовъ, который былъ изгнанъ въ 1848 году, вмѣстѣ съ многими другими католическими орденами, былъ возстановленъ и прежнія имѣнія имъ возвращены. Они не замедлили приняться за свое обычное дѣло: учреждали миссіонерскія общества, старались захватить народныя школы и высшія учебныя заведенія, пріобрѣтали вліяніе на народныя массы и не упускали случая преслѣдовать иновѣрныхъ. Австрійскіе епископы ревностно занялись тѣмъ, чтобы хотя бы въ области церковнаго устройства и управленія создать новую Австрію; дѣятельнѣе и неутомимѣе всѣхъ занимался прежній учитель и воспитатель императора, съ 1853 года князь и архіепископъ вѣнскій Іосифъ Отмаръ фонъ Раушеръ (род. 1797 года). Приверженность императорскаго дома къ католической церкви много содѣйствовала церковной революціи, направленной противъ остатковъ іосифинизма, котораго придерживался Францъ II и Меттернихъ; усилія клерикальной партіи окончились к о н к о р д а т о м ъ; ему предшествовали долгіе толки и совѣщанія, только 18 августа 1855 года, онъ былъ подписанъ архіепископомъ Раушеромъ и папскимъ нунціемъ Віале-Прела; 3 ноября папа въ собраніи кардиналовъ прочиталъ конкордатъ и утвердилъ его, а затѣмъ онъ былъ опубликованъ въ Австріи. Посредствомъ этого, ни съ чѣмъ несообразнаго документа, австрійская монархія подчинялась власти, которая была въ полномъ разладѣ со всѣмъ, что могло принести пользу въ будущемъ, и которая тамъ, гдѣ ее лучше всего понимали, т. е. въ Римѣ, могли держаться только помощью иностранныхъ штыковъ: а теперь эта, со всѣхъ сторонъ подточенная власть, объявила странную претензію въ чужомъ государствѣ ввести свой порядокъ вещей и полновластно распоряжаться въ области общественнаго и государственнаго быта. Въ 26 параграфахъ конкордата, можно сказать, австрійское правительство уступало главѣ и представителямъ римской церкви все, чего только могли желать властолюбіе и корыстолюбіе духовенства; ни одно демократическое законодательство не могло бы ограничить правительство въ такой мѣрѣ, какъ ограничивалъ его конкордатъ; по статьямъ его, императоръ австрійскій отдавалъ повелителю универсальнаго государства и его помощникамъ и орудіямъ, епископамъ и іезуитамъ, окончательное рѣшеніе счастія и несчастія своихъ подданныхъ—посредственно даже и протестантовъ. «Правительство обязывалось поддерживать римско-католическую церковь со всѣми ея правами и преимуществами, какими она, по волѣ Божіей и по постановленіямъ церковнаго права, пользовалась и во вѣки будетъ пользоваться»—стояло въ первомъ параграфѣ; далѣе уничтоженіе императорскаго плацета при утвержденіи и обнародованіи папскихъ и епископскихъ постановленій и повелѣній; сношенія епископовъ съ главою церкви и сношенія духовенства съ народомъ, касательно д ѣ л ъ д у х о в н ы х ъ, не подлежали правительственному контролю. Епископы, параграфъ 9, со всѣмъ предоставленнымъ имъ могуществомъ и независимо отъ правительства могли преслѣдовать книги, вредныя въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи и имѣли право употреблять всю свою силу, черезъ ближайшее духовенство, чтобы удержать вѣрныхъ послѣдователей римской церкви отъ чтенія подобныхъ сочиненій; правительство въ свою очередь обязывается в с я к и м и з а в и с я щ и м и о т ъ н е г о с р е д с т в а м и мѣшать распространенію подобныхъ сочиненій въ имперіи. Какъ по этой статьѣ на произволъ клерикальной партіи отдавалось доброе имя и собственность каждаго, такъ и ученіе и образованіе было ей всецѣло отдано: духо-

венству предоставлялось давать направленіе религіозному воспитанію юношества, не только по части закона Божія, но оно назначало и смѣняло учителей, особенно въ духовныхъ семинаріяхъ, и безъ особаго разрѣшенія епископа никто не имѣлъ права читать лекцій богословія и церковнаго права. Епископу предоставлялось право назначать церковное покаяніе и церковныя наказанія за нарушеніе церковныхъ постановленій; противъ этого и возразить нечего: если народъ могъ подчиняться такимъ правиламъ, то объ немъ нечего жалѣть, но къ этому еще прибавлялось, что правительство обязывается уважать такія церковныя рѣшенія и принимаетъ на себя, всѣми отъ него зависящими мѣрами содѣйствовать церкви, чтобы наложенныя ею епитеміи были исполнены. Мужскіе и женскіе монастыри епископамъ дозволяется учреждать по соглашенію съ правительствомъ. Сообщенія монастырей съ главою ихъ ордена въ Римѣ свободны отъ правительственнаго наблюденія и примасамъ дозволена свобода сколько угодно разъ въ году ревизовать монастыри. Управленіе церковными имѣніями, даже и такъ называемыми религіозными и учеными фондами, было предоставлено епископамъ; продажа или даже значительное обремененіе ихъ налогами зависѣло отъ согласія папы. По особенной благосклонности папа предоставилъ императору право раздавать мѣста духовнымъ, которые получали свое содержаніе отъ религіознаго или ученаго фонда, и право представлять къ повышенію такихъ духовныхъ, которыхъ епископъ аттестуетъ, какъ особенно достойныхъ награды; принимая въ соображеніе духъ времени, святѣйшій отецъ согласился, чтобы духовныя лица являлись передъ свѣтскимъ судомъ; все это и многое другое, что можно было вывести изъ неопредѣленныхъ и неясныхъ законоположеній и замѣчаній, правительство приняло съ благодарностью, какъ великую и благодѣтельную уступку со стороны куріи: «императоръ,» сказалъ Пій IX въ своемъ обращеніи къ кардиналамъ, отъ 3 ноября, «обратился къ намъ съ покорною и убѣдительною просьбою войти съ нимъ въ соглашеніе». Преніе по поводу этого трактата въ австрійскихъ газетахъ прекратилось «изъ соображеній, зависящихъ отъ современныхъ обстоятельствъ». Наемнымъ или добровольнымъ защитникамъ конкордата въ нѣмецкихъ газетахъ, во главѣ которыхъ стояла «Аугсбургская газета», на этотъ разъ не удалось выставить этой мѣры за начало преобразованія, какъ шагъ къ свободной религіозной общинѣ; хотя эти словоохотливые и ловкіе софисты съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣли каждое распоряженіе австрійскаго правительства выставлять съ лучшей стороны и стушевывать всѣ его дурныя, но тутъ даже имъ трудно было что-нибудь сдѣлать, потому что и прочія религіозныя общины могли бы и должны бы потребовать, чтобы и съ ними были заключены подобные же конкордаты; еще больше запутало и затемнило ихъ панегирики обстоятельство, что епископы и архіепископы, вѣрные римской традиціи, ни на минуту не задумывались воспользоваться выгодами этого условія, дававшаго столько имъ правъ, тогда какъ на правительство возлагалось только обязанность дѣйствовать въ смыслѣ клерикальной партіи. Какимъ образомъ епископы въ Италіи воспользовались конкордатомъ, мы уже видѣли. Архіепископъ миланскій издалъ приглашеніе книгопродавцамъ и типографщикамъ своей епархіи отъ 22 декабря этого благословеннаго года, чтобы они до напечатанія представляли всѣ рукописи въ духовную цензуру. 7 января 1856 года венеціанскій патріархъ послѣдовалъ этому примѣру, и какъ всякій даже поверхностный наблюдатель это могъ видѣть, тутъ началось особаго рода хозяйничанье, потому что всякое сочиненіе можно было истолковать такъ, что оно становилось непозволительнымъ въ смыслѣ религіозномъ, или церковномъ. Съ 1 января 1857 года обнародованъ былъ законъ о бракахъ, на основаніи конкордата, утвержденный императоромъ и приводимый съ этихъ поръ въ исполненіе; хотя этотъ законъ касался исключительно католиковъ, но такъ какъ сюда подходили и смѣшанные браки, то, слѣдовательно, онъ распространялся и на все государство, и счастіе сотни тысячъ семействъ подвергалось опасности, или должно было зависѣть отъ властолюбія, прихоти и произвола заносчиваго духовенства, а высшимъ сановникамъ его доставляло обильную денежную жатву, въ видѣ отпущеній, дозволеній и разрѣшеній. На основаніи соглашенія между епископами изданъ былъ законъ касательно изученія богословія даже мертвые должны были страдать отъ

этого усиливающагося и все охватывающаго могущества. Первымъ слѣдствіемъ конференцій австрійскихъ епископовъ, которыя происходили въ Вѣнѣ съ 6 апрѣля до 17 іюня 1856 года, съ цѣлью установить мѣры для успѣшнѣйшаго дѣйствія въ смыслѣ конкордата, было запрещеніе хоронить на католическихъ кладбищахъ протестантовъ и другихъ некатоликовъ. И такъ, въ этомъ католическомъ государствѣ дѣло дошло и до кладбищъ, оставалось во имя отца небеснаго, посылающаго солнечный свѣтъ и дождь на добрыхъ и злыхъ, распредѣлять то и другое по уставамъ церкви, или по благоусмотрѣнію ея служителей. Въ Тиролѣ духовенство волновало народъ при малѣйшемъ признакѣ того, что протестантъ выказываетъ желаніе пріобрѣсть недвижимую собственность.

Положеніе церкви въ Австріи со времени конкордата вполнѣ перемѣнилось, и она уже не могла болѣе приносить той пользы, какъ прежде. Въ прежнія времена аристократія и католическое духовенство составляли два элемента, дававшіе нѣкоторое единство пестрому составу государства. Первый изъ этихъ элементовъ, высшая аристократія, былъ уже не слишкомъ надеженъ, потому что въ Италіи, Венгріи, Галиціи, Богеміи она уже склонялась къ народной партіи и готова была слѣдовать за знаменемъ національныхъ, а не австрійскихъ интересовъ и потому не только не содѣйствовала единству государства, но, по большей части, была или враждебна къ нему, или только ненадежна, по недостатку преданности. Церковь перестала служить интересамъ государства и уже не составляла болѣе его связующаго начала, по той простой причинѣ, что ей уже не хотѣлось *служить* государству, а *повелѣвать* въ немъ, и потому она не обращала больше вниманія на интересы Австріи. Такъ что въ рукахъ правительства оставалась одна только сила, чтобы сдерживать распадающееся государство: сила эта была чисто физическая — *войско*, но она была лучше и надежнѣе возсозданной бюрократіи и нѣсколькихъ ни къ чему не ведущихъ законовъ. Было даже время, когда, вмѣстѣ съ поэтомъ, можно было сказать, что Австрія находится въ лагерѣ Радецкаго. Дѣйствительно, войско для Австріи представляло дѣятельный и вѣрный способъ единенія, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ смыслѣ. Исторія много разъ доказывала, какое могущество дружнаго единства таится въ искусственно созданной корпораціи военнаго сословія; въ немъ есть своего рода понятія объ обязанностяхъ сословія и свое военное національное чувство чести, которое очень часто бываетъ прочнѣе, нежели народное, и готово къ большимъ жертвамъ.

Но Австрія не съумѣла, подобно Пруссіи, сдѣлать войско большой школой для воспитанія и образованія народныхъ массъ и для того, чтобы развить въ немъ чувство политическаго пониманія и любви къ отечеству. Пруссія этого достигла, но австрійская администрація не имѣла того же зиждущаго начала, какъ она, да и не добивалась такихъ же результатовъ. Но потребность въ реформахъ и въ дѣятельности ощущалась и здѣсь, и тогдашнее правительство дѣлало попытки къ преобразованіямъ; можно видѣть, что дѣлалось много попытокъ потому, сколько разъ то или другое управленіе преобразовывалось; военномедицинскій уставъ въ теченіе времени отъ 1850 до 1860 перемѣнился четыре раза, военносудное управленіе три раза; артиллерійское и инженерное — три раза, а администрація вообще, по крайней мѣрѣ, была четыре раза реорганизована. Дѣятельность по военному вѣдомству была безконечная: «въ военныхъ канцеляріяхъ писали безпрерывно,» говоритъ одинъ знающій дѣло наблюдатель; «въ военныхъ мастерскихъ шли усиленныя работы, въ казармахъ все устраивали, пригоняли, измѣняли, приспособляли; на военныхъ площадяхъ и поляхъ двигались войска, маршировали и фронтомъ, и колоннами, и т. п.; ординарцы разъѣзжали то туда, то сюда, офицеры инспекторскаго корпуса метались во всѣ стороны, безъ мѣры и цѣли». Но и по этой части были важныя правительственныя упущенія и погрѣшности. Существовало правило, по которому можно было, безъ особаго экзамена, достигать офицерскихъ должностей, если на то давало право усердіе къ службѣ, или отличіе на войнѣ. Такимъ образомъ войско получало оттѣнокъ знаменитаго наполеоновскаго войска, гдѣ въ патронташѣ каждаго рядоваго солдата лежалъ маршальскій жезлъ, и поэтому въ новомъ австрійскомъ военномъ законѣ объ отличіяхъ видѣли проявленіе чисто-демократическаго уравненія правъ и либерализмъ; при

этомъ, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, новоавстрійскіе вольнодумцы указывали на кастовой духъ военнаго сословія въ Пруссіи, гдѣ проникнуть въ офицерское званіе такъ трудно и вмѣстѣ съ тѣмъ доступно всякому: въ самое смутное время, когда въ Пруссіи каждый законъ произвольно истолковывали и обходили, все таки для доступа въ званіе офицера былъ одинъ только путь — для всѣхъ одинаково трудный—требовалось изученіе военныхъ наукъ, общее образованіе и строгій, но справедливый экзаменъ, которому всѣ равно подвергались, какого бы званія ни былъ экзаменующійся, какой бы протекціей ни пользовался, какія бы заслуги, усердіе ни оказывалъ въ службѣ. Но въ Австріи, какъ мы говорили, было не то. Мы увидимъ много ли выиграло войско, гдѣ отъ офицеровъ не требовалось высшаго образованія, гдѣ можно было выслуживаться и двигаться только солдатскими, а не общечеловѣческими заслугами; до поры до времени австрійское войско уважалось и уважало само себя и гордилось побѣдами, одержанными Радецкимъ.

Еще менѣе утѣшительную картину представляло финансовое и статистическое положеніе Австріи. Хотя въ статистическомъ и сельскохозяйственномъ отношеніи произошла важная перемѣна, единственный и непосредственно благодѣтельный плодъ революціи: уничтоженіе такъ называемаго Роботъ, т. е. уничтоженіе остатковъ феодализма, освобожденіе отъ прикрѣпленія къ почвѣ. Это была мѣра благодѣтельная, всеобъемлющая, полная задатковъ благополучія въ будущемъ; это переходъ отъ системы обработыванія земли трудомъ понудительнымъ къ свободной земледѣльческой дѣятельности; это освобожденіе отъ крѣпостнаго состоянія въ западныхъ провинціяхъ было обнародовано въ 1853 и въ 1854 годахъ; въ Венгріи патентъ получилъ силу 2 мая 1853 года, въ Трансильваніи 21 іюня 1854 года, а къ 1858 году уже въ цѣлой австрійской имперіи. Но каждое нововведеніе подвергается множеству неустройствъ, недомолвокъ, требующихъ пополненія, измѣненія и объясненія, пока все не уладится и не принесетъ своихъ благодѣтельныхъ послѣдствій; такъ и здѣсь освобожденіе могло быть особенно плодотворно, еслибы цѣлый рядъ измѣненій другаго рода ему предшествовалъ и еслибы общее положеніе финансовъ находилось въ лучшемъ состояніи.

Можно съ достовѣрностью сказать, что финансовое управленіе ежегодно, въ теченіе 100 лѣтъ, оканчивало свои годичные отчеты дефицитомъ въ нѣсколько милліоновъ, а въ 1848 и 1852 году и безъ того плачевное состояніе министерства финансовъ дошло до отчаяннаго положенія; въ 1852 году приходъ равнялся 226, а расходъ 280 милліонамъ флор. Защитники абсолютизма представляли необходимость своей системы, между множествомъ столько же неосновательныхъ причинъ, между прочимъ и тѣмъ, что она необходима для поправленія бѣдственнаго финансоваго положенія Австріи, потому что такимъ образомъ она избѣгаетъ значительныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ представительнымъ правленіемъ: издержки на столовые и путевые расходы депутатовъ и т. д., ничтожная и пустая причина, годная для какого нибудь Лихтенштейна и Зигмарингена, но не для государства въ 38 милліоновъ и не для правительства, которое одною сотою тѣхъ издержекъ, какія добровольно несло изъ-за конкордата, могло бы покрыть издержки на всѣхъ депутатовъ всѣхъ европейскихъ правительствъ, вмѣстѣ взятыхъ, а не одной только Австріи. Постоянно возрастающій дефицитъ пытались покрыть самыми непроизводительными мѣрами: устанавливали новые налоги и пошлины и распространяли уже существующіе, особенно въ тѣ коронныя страны, которыя теперь превращены были въ провинціи; напримѣръ, монополія на табакъ введена была теперь и въ Венгрію; далѣе правительство попыталось извлекать пользу изъ естественныхъ богатствъ этихъ земель, до сихъ поръ остававшихся безъ употребленія: они или лежали нетронутыя въ рудникахъ, или подъ верхнимъ слоемъ земной коры, или пропадали на корню, какъ превосходнѣйшіе лѣса Галиціи, оттого только, что за недостаткомъ рабочихъ рукъ и путей сообщенія деревья гнили на корнѣ, или поваленныя бурей загромождали здоровый лѣсъ, портили его и дѣлали лѣсную почву болотною: теперь же правительство обратило вниманіе на эти естественныя богатства. Попытки соединить разрозненныя части государства и установить между ними правильныя отношенія, были сдѣ-

ланы: сѣть желѣзныхъ дорогъ раскидывалась, въ началѣ 1852 года ихъ уже было на 315 миль протяженія; новые проекты дѣлались и утверждались безпрестанно: Брукъ такъ же, какъ послѣдовавшій за нимъ министръ торговли Тоггенбургъ, понимали дѣло и дѣйствовали осмотрительно и дальновидно. Но и здѣсь, какъ вездѣ, многое дѣлалось для вида, а настоящія прочныя учрежденія были затемнены своекорыстными стремленіями, въ которыхъ и высшая аристократія принимала участіе наравнѣ со всѣми остальными сословіями; въ государствѣ, политика котораго плохая, финансы должны быть въ очень дурномъ состояніи. Въ 1855 году денежныя дѣла были такъ плохи, что правительство вынуждено было 174 мили государственныхъ желѣзныхъ дородъ отдать на 99 лѣтъ въ аренду французскому обществу и ему же продать на 30 милліоновъ земель въ Богеміи и въ Банатѣ.

Какъ плохо шло внутреннее управленіе государства, видно изъ сказаннаго нами, какъ мало пользы Австрія извлекала изъ того, что съ уничтоженіемъ палаты депутатовъ уничтожился и расходъ на депутатовъ, и не смотря на значительныя конфискаціи частныхъ имѣній въ Венгріи и въ Италіи доходы государства не улучшались; очень дорого стоила, между прочимъ, внѣшняя политика; она послѣ князя Шварценберга все еще выказывала свои заносчивыя претензіи и принимала высокомѣрный тонъ, но поддержать ихъ не могла. Необходимость быть непрестанно на сторожѣ съ трехъ различныхъ сторонъ, заставляла государство чрезмѣрно напрягать свои силы, мѣшала привести войско въ настоящій размѣръ, уменьшивъ его на столько, чтобы оно перестало быть обременительнымъ и не истощало безъ нужды государственныхъ силъ раньше того, какъ понадобится помощь его. Не смотря на такое незавидное внутреннее состояніе, претензіи Австріи на внѣшнія политическія отношенія европейскихъ и преимущественно германскихъ державъ были велики. Все еще австрійскіе государственные люди не оставляли обширнаго, ими затѣяннаго, плана ввести въ германскій союзъ Австрію все-цѣло, и сдѣлать это полуобанкрутившееся государство, еле-еле сохранившее свое существованіе въ бурный 1848 годъ, первенствующею законодательною державою не только въ Германіи, но и въ цѣлой Европѣ. Но до этой цѣли нельзя было добраться ни насиліемъ, ни хитростью. Мы уже видѣли, какъ безуспѣшно Австрія пыталась попасть, въ помощь нѣкоторымъ преданнымъ ей второстепеннымъ державамъ, въ германскій таможенный союзъ и какъ Пруссія ей противодѣйствовала и одержала верхъ, тогда какъ при политическихъ сношеніяхъ такъ недавно уступила ей первенство. Итакъ, о гордыхъ замыслахъ Австріи въ настоящее время не могло быть и рѣчи, и она должна была на время довольствоваться скромною задачей, оставшейся ей на долю со временъ Меттерниха, а именно, сообща съ Россіей и Пруссіей, направлять высшую полицію Европы. Мы видѣли, какъ она выполнила эту задачу относительно Кур-Гессена, Шлезвигъ-Гольштейна, Италіи и Турціи; правительство ея могло похвалиться, подобно Меттерниховскому, удачному столкновенію съ Швейцаріей, что, въ смыслѣ консервативнаго направленія, принадлежало къ хорошему тону.

Австрія считала своимъ правомъ жаловаться на недостаточный полицейскій надзоръ въ пограничномъ кантонѣ Тессинѣ, такъ какъ черезъ него постоянно пробирались эмигранты и бѣглецы изъ Италіи въ Швейцарію и находили тамъ пріютъ и покровительство. Австрійскій посланникъ въ Бернѣ подалъ союзному сейму длинный реэстръ жалобъ и претензій; союзный совѣтъ нарядилъ особую коммисію и отправилъ ее въ кантонъ Тессинъ, а потомъ отвѣчалъ, на основаніи полученнаго донесенія, довольно рѣзкимъ тономъ. Между тѣмъ, въ Миланѣ 6 февраля, произошло довольно безцѣльное возстаніе: напали на гауптвахту и нашумѣли въ улицахъ; вскорѣ послѣ того, 18 того же мѣсяца, въ Вѣнѣ сдѣлано было покушеніе на жизнь императора, произведеннос венгерскимъ кузнечнымъ подмастерьемъ Гонведъ-Либеный и которое чуть не удалось: вѣнскій мѣщанинъ Этерейхъ схватилъ убійцу за руку въ то время, когда онъ заносилъ кинжалъ для втораго удара. Удивительнаго тутъ ничего не было, пролитая въ Венгріи кровь породила мщеніе; 20 того же мѣсяца, убійцу повѣсили; но австрійская полиція этимъ не удовольствовалась; придумана была очень строгая и несправед-

ливая мѣра: изъ Ломбардіи изгнаны были всѣ находившіеся въ ней швейцарцы, которыхъ толпами гнали до самой границы, но это все были люди полезные: мастеровые, рабочіе, торговцы и промышленники. Нота, отъ апрѣля того же года, посланная въ союзный совѣтъ, извѣщала, что запрещеніе на возвращеніе швейцарцевъ въ Ломбардію тогда только будетъ снято, когда пограничные кантоны, Тессинскій и Граубинденскій, будутъ окончательно очищены отъ эмигрантовъ и перебѣжчиковъ, пребываніе же нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ исключеніе, можетъ быть дозволено послѣ согласія на то со стороны австрійскаго правительства. Швейцарія, какъ того ожидать слѣдовало, отказалась позволить иностранному государству вмѣшиваться въ ея внутреннія полицейскія постановленія, но вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ императорскій посланникъ былъ отозванъ изъ Берна. Къ счастію, Швейцарія въ одно и тоже время находилась въ натянутомъ положеніи съ Австріей, какъ мы только-что говорили, и съ Пруссіей изъ-за Невшателя. Одинъ только Фридрихъ Вильгельмъ IV могъ вѣрить въ возможность общаго военнаго движенія и, основываясь на своей честной благосклонности къ германскому союзному отношенію державъ, и самъ чувствовалъ преданность къ Австріи, какъ къ своей союзницѣ, и со стороны габсбургскаго дома ожидалъ благодарности; въ мартѣ 1855 года правильныя дипломатическія сношенія были возстановлены.

Австріи не трудно было удерживать свое значеніе въ германскомъ союзѣ, пока Фридрихъ Вильгельмъ былъ живъ. Господствующая въ Пруссіи партія не имѣла ни смысла для обще-германской политики, ни желанія ознакомиться съ ея стремленіями: она просто-на-просто аттестовала ее соглашеніемъ съ Австріей и дѣйствительно не ошибалась въ этомъ. Однакожъ, не смотря на происки партіи, самъ король, да и правительство глухо сознавали въ себѣ необходимость имѣть вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ Германіи и желаніе поставить Пруссію такъ, чтобы она имѣла вѣсъ и опредѣленное значеніе въ строѣ германскихъ союзныхъ державъ. По поводу шлезвигъ-голштинскаго и кургесенскаго вопроса было сдѣлано нѣсколько робкихъ и нерѣшительныхъ попытокъ со стороны прусскаго правительства, но онѣ были сдѣланы въ настоящемъ, надлежащемъ направленіи и этого было достаточно; къ концу своего царствованія король, какъ кажется, очень серьезно началъ помышлять, что уже настала пора положить конецъ своей уступчивости.

Прусскимъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ съ 1851 года былъ г. Бисмаркъ-Шенгаузенъ, до сихъ поръ замѣчательный только по своимъ дарованіямъ и энергіи, выказанной, какъ вождь партіи ультрароялистской на соединенномъ сеймѣ второй прусской палаты, въ эрфуртскомъ парламентѣ; онъ во время засѣданій дѣлалъ про себя наблюденія, плодъ которыхъ впослѣдствіи удивилъ и поразилъ совѣтъ. Австрійское правительство и его недальновидный представитель, графъ Рехбергъ, ничего не замѣтили; но Пруссіи не довѣряли, и недовѣріе это сообщилось большей части незначительныхъ и среднихъ, по величинѣ, государствъ Германіи, вся политика которыхъ носила на себѣ отпечатокъ этихъ опасеній. Опираясь на ихъ сочувствіе, Австрія, послѣ неудачнаго плана создать одно огромное, въ 70 милліоновъ жителей, германское государство, могла, однакожъ, хотя по наружности, сохранять первенствующее мѣсто въ германскомъ союзѣ и въ національныхъ вопросахъ, подобно шлезвигъ-голштейнскому, имѣть свой преобладающій голосъ. Не смотря на это, она въ дѣлахъ Германіи все-таки не принимала никакого дѣятельнаго участія; она спокойно и безучастно выслушивала резолюціи какого нибудь изъ среднихъ или меньшихъ государствъ союза, которыя, по временамъ, робко заявляли, что къ союзному управленію слѣдовало бы придать представителей отъ всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ союза; она предоставляла остальнымъ, преданнымъ ей, какъ тогда выражались, истинно-германскимъ государствамъ, на слова и желанія отвѣчать иными словами и желаніями. Но тогдашніе австрійскіе министры не подозрѣвали, чтобы въ народномъ сознаніи развивалось стремленіе къ единству и чтобы это стремленіе современемъ могло принести съ собою потери для Австріи: никто этого не предполагалъ и не опасался; пока Австрія чувствовала, что помощь Россіи возможна, у нея никакихъ опасеній не могло быть.

Но Австрія не принимала въ соображеніе, что въ ея восточныхъ провинціяхъ и въ низовьяхъ Дуная кроятся причины, которыя могутъ поставить ее въ непріязненныя и даже враждебныя отношенія къ Россіи. Партизаны австрійскіе радовались, что въ Венгріи окончательно вводились постановленія, которыя довершали медіатиризованіе этого, нѣкогда самостоятельнаго королевства. «Нѣтъ больше Венгріи!» съ восторгомъ восклицали приверженцы австрійскіе; люди съ болѣе глубокимъ политическимъ взглядомъ только удивлялись, какъ это Россія, къ собственному ущербу, помогала Австріи медіатизировать Венгрію. Да и сама Венгрія, казалось, примирилась съ своимъ положеніемъ и смотрѣла, какъ на неизбѣжную необходимость, огерманиться и окончательно отказаться отъ своихъ національныхъ правъ; такъ, по крайней мѣрѣ, толковали газеты и журналы, разсказывая о сочувственномъ восторгѣ, съ которымъ императора встрѣчали во время его перваго путешествія по новой провинціи, въ 1852 году. Для этого путешествія все было достаточно подготовлено въ Венгріи: чиновникамъ роздали мундиры, очень напоминавшіе національный костюмъ мадьяровъ, сыпали обѣщаніями, ни къ чему не обязывавшими, широкою рукою раздавали помилованія и т. п.; толпы низшихъ классовъ народа, какъ и вездѣ жаднаго до зрѣлищъ, сбѣгались со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на проѣздъ императора, но высшее дворянство—венгерскіе магнаты—оставались въ своихъ замкахъ, не принимая никакого участія въ овацiяхъ; публицисты умѣли воспользоваться даже и этимъ, и въ пышныхъ выраженіяхъ указывали на то, до какой степени народъ любитъ и преданъ новому правительству, и что дворянство сторонится его по причинамъ ему хорошо извѣстнымъ, и о которыхъ всякій мыслящій человѣкъ можетъ самъ догадаться. Совсѣмъ не то настроеніе выказалось, когда императоръ продолжилъ свое путешествіе въ Кроацію, народонаселеніе которой въ 1848 году, изъ врожденной ненависти къ мадьярамъ и ихъ высокомѣрію, дѣйствовало съ такою преданностію въ пользу Австріи, и въ награду за свое усердіе принуждено было подчиниться, наравнѣ съ усмиренною ими страною, стѣснительному и часто невыносимому управленію вѣнской бюрократіи: послѣ короткой попытки, императоръ принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія по странѣ, гдѣ не находилъ теплаго вѣрноподданическаго пріема.

Первую замѣтную перемѣну въ положеніи Австріи принесла восточная война. Еще въ сентябрѣ 1853 года, во время маневровъ въ Ольмюцѣ, русско-австрійскія отношенія и дружба были очень прочны, но въ концѣ того же года Австрія отдѣлила свои интересы отъ русскихъ. Князь Шварценбергъ не дожилъ до кризиса, приближеніе котораго видѣлъ; если правда, что онъ выразился такъ: «міръ удивится неблагодарности Австріи,» то очевидно, что онъ уже носилъ въ себѣ планъ антирусской политики: но его наслѣдники въ управленіи подали міру поводъ подивиться и другому чему, не одной только неблагодарности Австріи. Австрія не только своими происками удалила русскія войска изъ придунайскихъ княжествъ и замѣнила ихъ своими, но еще хуже, заключила 20 апрѣля 1854 года, прямо ко вреду Россіи, своей недавней спасительницѣ, наступательный и оборонительный союзъ съ Пруссіей, за которымъ 15 іюня послѣдовалъ договоръ съ Турціей, а 2 декабря формальный союзъ съ западными, враждебными Россіи, державами; по пятому пункту даже выговаривалось объявленіе войны Россіи; ожидали, что такое энергическое присоединеніе къ западнымъ державамъ, будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на войну и принудитъ Россію заключить скорый миръ, благодѣтельный для цѣлой Европы, для Австріи безспорно и для Россіи очень полезный. Но ничего этого не вышло; война уже разгорѣлась и потушить ее было не легко. Австрія предоставила западнымъ державамъ борьбу подъ Севастополемъ, не принимая въ ней участія; она и тутъ выказала свое двоедушіе: она бездѣйственно и безучастно смотрѣла, какъ ничтожная по своему значенію Сардинія, въ минуту величайшей опасности, примкнула къ западнымъ державамъ и тѣмъ заслужила благодарность, которую Австрія, по своей нерѣшительной и двоедушной политикѣ, утратила; Австрія дѣйствуетъ исключительно въ видахъ своей личной политики, толковали правительственныя газеты; но это были пустыя слова для оправданія политики, которой никто не понималъ, и менѣе всѣхъ хитрецы, выдумывавшіе ее. Мнимый, ни на чемъ неосновательный, успѣхъ

Австріи заключался въ томъ, что она выступила примирительницей въ ту минуту, когда самое главное было сдѣлано, когда Севастополь палъ, и когда всѣ только и думали о томъ, какъ бы примириться, и хотя первые переговоры о мирѣ шли въ Вѣнѣ, но миръ окончательно подписанъ и установленъ въ Парижѣ, сдѣлавшемся такимъ образомъ центромъ политическихъ отношеній Европы.

Нѣкоторые люди, ослѣпленные ложнымъ взглядомъ на вещи, утверждали, будто величайшее искусство Австріи состоитъ въ томъ, что ей удалось нанести сильный ударъ Россіи, ограничить ея распространяющееся на Европу могущественное вліяніе, не принеся никакой жертвы, не проливъ ни одной капли крови, не потративъ ни одного заряда; но кто эту своекорыстную политику выхвалялъ, тотъ жестоко ошибался, и ошибка эта вскорѣ обнаружилась. Въ жертвахъ недостатка не было: самое меньшее требованіе этой политики состояло въ томъ, что она, уклоняясь отъ рѣшительнаго содѣйствія западнымъ государствамъ, отъ своего требовала тяжкихъ расходовъ, обременявшихъ подданныхъ; денежныя жертвы были нисколько не легче тѣхъ, какія повела бы за собою кратковременная война; первый заемъ былъ сдѣланъ въ мартѣ 1850 года, въ 50 милліоновъ флориновъ; за нимъ немедленно послѣдовалъ второй знаменитый добровольный національный заемъ въ 500 милліоновъ, порядочная часть котораго была собрана тяжкимъ и разорительнымъ путемъ экзекуцій и притѣсненій; и вся эта громадная, собранная съ народа, сумма канула, какъ въ бездонную пропасть, и никто не могъ порядкомъ допытаться, куда и на что она была употреблена. Гораздо важнѣе была политическая потеря Австріи: послѣ войны она очутилась одна, всѣми покинутая. Политику Пруссіи можно было въ нѣкоторой степени оправдать: ея политика была политикой державы средней величины: всѣ ея желанія и надежды заключались въ томъ, чтобы безъ потери и безъ выгодъ выйти изъ трудныхъ обстоятельствъ и прожить опасное время, которое лично до нея ни въ какомъ отношеніи не касается. «Я буду надѣяться на Бога,» сказалъ Фридрихъ Вильгельмъ при открытіи засѣданій палатъ 29 ноября 1855 года, «что мнѣ удастся сохранить честь и могущество Пруссіи, не подвергая ея случайностямъ войны и не налагая на нее тяжкихъ жертвъ, какія требуетъ война.» Это вполнѣ удалось королю: тоже самое могущество и ту же долю чести, какою Пруссія пользовалась въ 1853 году, она неизмѣнно сохранила и въ 1856 г. Совсѣмъ не то было съ Австріей. Она навлекла на себя вполнѣ заслуженную смертельную ненависть русскихъ; старинный союзъ между Россіей, Австріей и Пруссіей былъ расторгнутъ, и, слѣдовательно, весь порядокъ вещей, существовавшій съ 1815 года опрокинуть; даже относительно государствъ германскаго союза Австрія утратила свое вліяніе первенствующей державы, и свое положеніе, какъ консервативной силы, хотя немного спустя, ненависть къ Пруссіи и опасенія ея вліянія, опять возвратили Австріи тѣхъ же самыхъ союзниковъ, которыхъ она утратила черезъ свое непростительное поведеніе въ отношеніи Россіи. Англія вполнѣ отвернулась отъ Австріи потому, что не могло быть иначе: государство свободное, протестантское, по большинству своего населенія, прямаго и честнаго по характеру, не могло сочувствовать политикѣ робкой и двусмысленной, именно такой, какова была австрійская; французскій императоръ не имѣлъ ни малѣйшей причины искать дружбы Австріи или дорожить ею, а напротивъ составлялъ уже планы, осуществленіе которыхъ клонилось прямо къ невыгодѣ Австріи.

Всѣми этими пожертвованіями тогдашніе государственные люди Австріи купили только однихъ союзниковъ—іезуитовъ; какъ это ни покажется невѣроятнымъ, но въ кружкахъ этихъ государственныхъ людей очень серьезно толковали о томъ, что черезъ конкордатъ австрійская имперія возвысится и займетъ первое мѣсто въ мірѣ, потому что станетъ во главѣ всѣхъ консервативныхъ и антиреволюціонныхъ силъ Европы. «Конкордатъ,» говорилось въ вѣнскихъ газетныхъ листкахъ того времени, «есть выраженіе образа мыслей императора, а если императоръ что нибудь сказалъ, маркграфы рано или поздно, волей или неволей, но должны повиноваться»; нѣкоторые изъ маркграфовъ—гессенскій, вюртембергскій, даже баденскій дѣйствительно завели переговоры съ Римомъ и готовы были идти по пути «указанному императоромъ»; въ Австріи заботились о томъ, чтобы собирать

великую жатву съ посѣяннаго; одно насиліе шло за другимъ, одна уступка за другою дѣлалась торжествующей церкви.

Но вдругъ, 1 января 1859 года, произошла неожиданная перемѣна, императоръ Наполеонъ сбросилъ маску; въ своей рѣчи къ барону Гюбнеру, безъ всякихъ околичностей, онъ указалъ на время и мѣсто, гдѣ должна была начаться великая борьба, которая началась сперва изъ-за положенія Австріи въ Италіи, борьба серьезная, въ которой оказалось, одни ли императоры и маркграфы распоряжаются судьбами народовъ.

Какъ бы то ни было, но одинъ изъ актовъ великой трагедіи, начавшейся съ 1815 года и предварительно окончившейся въ 1871 году, теперь начался: десятилѣтіе великой рѣшительной борьбы по сю и по ту сторону океана.

КОНЕЦЪ VII ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

стр.

Предисловіе къ новому нѣмецкому изданію. 1

КНИГА ПЕРВАЯ.

Отъ паденія Наполеона до іюльской революціи, 1815—1830 г.

Введеніе. 5

Первый отдѣлъ.

Реставрація, 1815–1820 19

A. Германскіе народы и государства.

1. Скандинавія. 21
2. Англія 22
3. Германія 26
   a. Общее состояніе . . . . . —
   b. Отдѣльныя германскія государства. 31
   c. Обѣ великія державы и побѣда реакціи 36

B. Романскія государства.

1. Франція 44
2. Испанія и Португалія. 52
3. Италія 59

C. Восточныя государства Европы.

Россія и Польша 67

Второй отдѣлъ.

Революція и реакція, 1820 — 1830.

A. Романскія государства.

1. Италія 73
2. Испанія. 78
3. Франція 82
4. Португалія 89

B. Востокъ.

стр.
1. Турція. Начало возстанія Греціи 92
2. Россія. Продолженіе греческой борьбы за независимость 103
3. Грецiя. Конецъ борьбы за независимость. 118

C. Германскія государства.

1. Скандинавія. 121
2. Англія 122
3. Германія 139

Третій отдѣлъ.

Іюльская революція.

1. Испанія. 157
2. Португалія 160
3. Франц я. 163
a. Послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII . . . . . —
b. Начало царствованія Карла X. 166
c. Іюльская революція. Окончаніе царствованія Карла X 187
d. Начало царствованія Людовика Филиппа. 196

КНИГА ВТОРАЯ.

Отъ іюльской революціи 1830 г. до февральской революціи 1858 г.

Первый отдѣлъ.

A. Германскія государства.

1. Нидерланды. 214
2. Германія 221
a. Союзный сеймъ и нѣкоторыя отдѣльныя государства . . . . . —
b. Австрія и Пруссія. 232
c. Духовная жизнь. Церковные раздоры 235
3. Англія 243
a. 1830—1832 . . . . . —
b. 1832—1837 251
c. Первые годы царствованія королевы Викторіи 257

B. Востокъ (18[illegible] – 1840).

1. Грецiя 262
2. Россія и Польша 266
3. Турція 275

C. Романскіе народы, 1830 — 1840.

1. Швейцарія 281
2. Италія 286
3. Испанія и Португалія 291
4. Франція. 298

Второй отдѣлъ.

Отъ начала царствованія Фридриха Вильгельма IV^го^ до февральской революціи.

A. Германскія государства.

1. Германія 330

стр.
a. Пруссія . . . 342
b. Австрія . . . 342
c. Прочія германскія государства и «великій день совѣта» . . . 346
d. Шлезвигъ-голштинскій вопросъ . . . 349
2. Швейцарія . . . 353
3. Англія . . . 356

B. Востокъ.

1. Турція . . . 365
2. Греція . . . 370
3. Россія . . . 371

C. Романскія государства.

1. Испанія . . . 375
2. Португалія . . . 377
3. Италія . . . —
4. Франція . . . 385

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Отъ начала февральской революціи въ 1848 г. до смерти Фридриха VII, короля Даніи. 1848—1863 г.

Первый отдѣлъ.

Введеніе . . . 409

A. Германскія государства.

1. Англія, Нидерланды, Скандинавія . . . 415
2. Германія . . . 417
a. Начало революціи; мартъ и апрѣль 1848 года . . . —
b. Германское національное собраніе 18 мая 1848 г.—18 іюня 1849 г. . . . 425
c. Возрожденіе союзнаго сейма . . . 445

B. Романскія государства.

1. Франція . . . 463
a. Революція до избранія Людовика-Наполеона президентомъ французской республики . . . —
b. Президентство Людовика-Наполеона Бонапарта . . . 474
c. Переворотъ 2 декабря 1851 года и возсозданіе имперіи . . . 484
2. Италія . . . 490
a. Отъ начала возстанія Милана, до битвы при Кустоцѣ и до перемирія . . . —
b. Ходъ событій до возобновленія военныхъ дѣйствій, отъ августа 1848 года до марта 1849 года . . . 501
c. Второй походъ и второе пораженіе. Реставраціи отъ марта 1849 года до лѣта 1852 года . . . 510
3. Пиринейскій полуостровъ.—Испанія и Португалія . . . 516

C. Востокъ.

1. Россія . . . 520
2. Турція и Греція . . . 523
3. Австрія . . . 527

Второй отдѣлъ.

Отъ начала второй имперіи до начала италіянской войны.

Отъ 1852 до 1859 года . . . 533
1. Крымская война 1853—1856 . . . 536
a. Несогласія между Россіей и Турціей, до вмѣшательства западныхъ державъ . . . —

стр.
b. Европейская война до паденія Севастополя 541
c. Парижскій миръ 548

Исторія отдѣльныхъ государствъ Европы (1850 - 1859 г.).

A. Западныя государства.

1. Франція. 553
2. Англія 568
3. Италія 578
4. Испанія, Португалія и Бельгія 567

B. Германія.

1. Нѣмецкая политика Австріи 596
2. Союзный сеймъ и отдѣльныя государства Германіи исключая Пруссіи 597
3. Пруссія. 607

C. Востокъ.

Турція, Россія, Австрія 634
1. Турція и Греція . . . . . —
2. Россія 636
3. Австрія. 640